Л. Н. Толстой
и
А. А. Толстая

Переписка
(1857 – 1903)

Л.Н. Толстой и А.А. Толстая Переписка (1857 – 1903)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Л. Н. Толстой и А. А. Толстая

Переписка

(1857 – 1903)

Издание подготовили
Н. И. АЗАРОВА, Л. В. ГЛАДКОВА,
О. А. ГОЛИНЕНКО, Б. М. ШУМОВА

МОСКВА НАУКА 2011

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
Т53

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского государственного научного фонда (РГНФ)
проект 10-04-16217д*

Ответственные редакторы
Л.Д. ГРОМОВА-ОПУЛЬСКАЯ, И.Г. ПТУШКИНА

Серия основана академиком *С.И. Вавиловым*

ISBN 978-5-02-037387-7

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В настоящем издании представлена переписка Л.Н. Толстого с его двоюродной теткой А.А. Толстой почти за пятьдесят лет. Предваряется она ее воспоминаниями. Так переписка была подготовлена для публикации самой Александрой Андреевной. Она считала, что напечатать эти письма будет возможно только после смерти обоих адресатов. Впервые Толстой прочитал свои письма к А.А. Толстой в 1906 г. Тогда их привез в Ясную Поляну П.А. Сергеенко. «Я читал в них, какой я был в молодости», — записал слова Толстого Д.П. Маковицкий в «Яснополянских записках». В марте 1910 г. Толстой снова перечитал свою переписку с А.А. Толстой, теперь вместе с ее воспоминаниями. На этот раз их привез Толстому М.А. Стахович. Толстой в разговорах с Д.П. Маковицким говорил, что письма эти «биографически очень интересны, потому что высказывают задушевные вещи»: «Эти биографические данные — самые замечательные. Это один из самых лучших материалов для биографии». О воспоминаниях Александры Андреевны Толстой отозвался так: «...очень трогательно ее предисловие. Она стоит за искупление, божественность Христа. Ругает меня. Но она религиозный человек. Притом она любит меня».

Переписка Л.Н. Толстого с А.А. Толстой и ее воспоминания вышли отдельным изданием в начале XX века: «Толстовский Музей. Том I. Переписка Л.Н. Толстого с гр. А.А. Толстой. 1857—1903. Издание Общества Толстовского Музея» (С.-Петербург, 1911).

В издании «Литературных памятников» воспоминания А.А. Толстой публикуются по тому экземпляру, который читал Толстой. В нем он отметил те места, которые не хотел видеть в печати, а также внес в него несколько поправок (об этом см. в примечаниях к «Моим воспоминаниям...»).

В настоящем издании переписка существенно дополнена по сравнению с изданием 1911 г. (см. вводную заметку к Примечаниям).

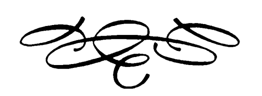
Издание подготовлено сотрудниками Государственного Музея Л.Н. Толстого: Натальей Ивановной Азаровой, Людмилой Викторов-

ной Гладковой, Ольгой Александровной Голиненко, Бертой Михайловной Шумовой. Указатель имен составлен Валентиной Степановной Бастрыкиной. Редактирование рукописи было начато при жизни члена-корреспондента РАН Лидии Дмитриевны Громовой-Опульской (1925—2003). Она очень поддерживала издание «Переписки» именно в серии «Литературные памятники», поскольку материалы, объединенные этим изданием, действительно являются выдающимся художественным памятником. До своей кончины Лидия Дмитриевна успела одобрить структуру издания, отредактировать статью Н.И. Азаровой, увидеть ее новый вариант и начала работу по редактированию комментария. И несмотря на то что завершалась работа над книгой, к сожалению, без участия Л.Д. Громовой-Опульской, Редколлегия сочла необходимым оставить ее имя как ответственного редактора издания. Это тем более справедливо, если иметь в виду, что Лидия Дмитриевна много сделала для серии, особенно в издании наследия Л.Н. Толстого. Она подготовила «Казаков» (1963), «Детство. Отрочество. Юность» (1979) и «Воскресение» (ответственный редактор, 1964). Заметной и важной вехой в серии стало также издание «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского (1970), подготовленное Л.Д. Громовой-Опульской совместно с Г.Ф. Коган.

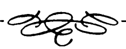
Редакционная коллегия серии «Литературные памятники» выражает исключительную благодарность Государственному Музею Л.Н. Толстого за предоставленную возможность издания памятника, включающего материалы, хранящиеся в фондах Музея.

И.Г. Птушкина

Л. Н. Толстой и А. А. Толстая

Переписка
(1857 – 1903)

Графиня А.А. Толстая

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ о Л.Н. ТОЛСТОМ

(С его письмами ко мне)

Воспоминания — это ковчег,
в котором мы храним былое
счастье и былое горе.

А.Т.

Оставляя письма Льва Николаевича Толстого и копии с них, с желанием, чтобы они были напечатаны после его и моей смерти, мне хотелось представить их в хронологическом порядке, что весьма важно для такой личности, как он.

Едва ли, однако, мне удалось достигнуть своей цели, хотя я и работала над этим в поте лица, — и это по самой простой причине: Лев Николаевич, как и многие из наших полуевропейских соотечественников, не имел и не имеет привычки помечать на своих письмах число месяца и год.

Восстановить по памяти ход переписки, начатой более 30 лет тому назад, было нелегко. Я беспрестанно путалась, ошибалась, и наконец решилась ограничиться цифрами и кое-какими примечаниями, для облегчения труда той личности, которой он будет поручен.

Не все письма, конечно, полученные мною, переписаны в моих тетрадях, да и из числа этих, вероятно, найдутся многие, не представляющие особенного интереса, хотя все могут служить материалом для биографа графа Льва Николаевича.

Если в них нет большого литературного достоинства, тем не менее глубокий мыслитель, человек с возвышенной душою и любящим сердцем уже проявляется в некоторых своих чертах.

Следя за ним с его молодости, я только теперь могу отчасти понять всю многосложность его исключительной природы, изменчивой и вместе с тем остающейся всегда верной самой себе. Переходы его внутренней жизни были неисчислимы, и едва ли Лев Николаевич сам мог бы дать себе в них ретроспективный отчет. Он, как зеркало, разбивался на куски, отражая, однако, в каждом обломке тот яркий луч света, который был ему дарован свыше. Увлечения, впечатления, воззрения сменялись в нем быстро, иногда до смешного, — но во всем и всегда преобладала

необыкновенная искренность. За каждый новый предмет он хватался со свойственною ему страстностью и даже с убеждением, что вот-вот он нашел наконец ту истину, которой жаждала его душа.

Литератор пробивался в нем довольно медленно и он долго не доверял своему великому таланту.

Я читала где-то, что Гёте считал себя призванным более к живописи, чем к поэзии, несмотря на то, что рисовал очень плохо.

Нечто подобное было и с Львом Николаевичем — до той поры, когда он наконец признал в себе писателя.

Нельзя не вздохнуть и не пожалеть, что он не остался на этой настоящей своей почве. Глубоки тайны души человеческой, до них не доберется и самый искусный психолог.

Не считая себя вправе произнести преждевременного приговора, скажу только, что Лев Николаевич был несравненно привлекательнее и увлекательнее, как скромный искатель правды, чем в роли проповедника и чуть не апостола нового учения. Бессомненно, он и теперь ищет правды, но не слишком ли рано он вступил на кафедру и, не успев уяснить себе своих собственных мыслей, дерзновенно отверг неоспоримые, святые истины?

Странное дело... Слава его разрослась именно с той стороны, которая, казалось, должна была умалить ее. Под этой внезапной громадной популярностью (недостигнутою им даже его гениальными творениями) скрывается тоже непостижимая тайна.

Насколько он принес людям вреда или пользы, ведает только один Господь. Если этот вопрос и разрешится со временем с бóльшею ясностью, то определять его теперь было бы преждевременно.

Лев Николаевич не сказал еще своего последнего слова, и покамест его судят вкривь и вкось, — кто с преувеличенным восторгом, кто с не менее преувеличенным порицанием, — его внутренняя работа совершается невидимо, и, по многим симптомам, можно заключить, что он уже не тот, каким он явился в первую эпоху своего мнимо-христианского учительства. Помоги ему Бог своим светом!

Друзья его — приближенные и, главное, поклонники — вероятно, записывают про себя всё, что им известно из подробностей его жизни.

Моя задача — единственно говорить про мои личные отношения к Льву Николаевичу, упирая на то, что самые ничтожные факты могут служить руководительною нитью для будущего его биографа.

Не помню, когда именно я встретилась с Львом Николаевичем в первый раз. Кажется, это было в Москве у нашего общего родственника, графа Федора Ивановича Толстого (по прозванию «Американца»)[1].

В детстве я не знавала Льва Николаевича, несмотря на довольно близкое родство. Мы жили постоянно в Царском Селе или Петербурге, а он в тульской деревне, прежде чего воспитывался в Казани и Москве.

Вижу его совершенно ясно уже по возвращении его из Севастополя (1855 г.) молодым артиллерийским офицером и помню, какое милое впечатление он произвел на всех нас. В то время он уже был известен публике («Детство» появилось в 1852 г.). Все восхищались этим прелестным творением, а мы даже немного гордились талантом нашего родственника, хотя еще не предчувствовали его будущей знаменитости.

Сам по себе он был прост, чрезвычайно скромен и так игрив, что присутствие его воодушевляло всех. Про самого себя он говорил весьма редко, но всматривался в каждое новое лицо с особенным вниманием и презабавно передавал потом свои впечатления, почти всегда несколько крайние (absolus). Прозвище *тонкокожего*, данное ему впоследствии его женой, как раз подходило к нему: так сильно действовал на него в выгодную или невыгодную сторону малейший, подмеченный им оттенок. Он угадывал людей своим артистическим чутьем, и его оценка часто оказывалась верною до изумления. Некрасивое его лицо, с умными, добрыми и выразительными глазами, заменяло, по своему выражению, то, чего ему недоставало в смысле изящества, но оно, можно сказать, было лучше красоты.

В первые два или три года нашего знакомства мы виделись с ним довольно часто, но более урывками. Дороги наши были слишком различны. Я была тогда уже при Дворе, а он появлялся в Петербурге только наездом.

Мы все его так полюбили, что всегда встречали его с живейшею радостью, но это еще не было между нами началом той дружбы, которая впоследствии связала нас на всю жизнь.

Она вполне развилась только в 1857 году, в Швейцарии, куда я отправилась с Великой Княгиней Марией Николаевной после коронации покойного Государя Александра Николаевича. Я состояла при Великой Княгине фрейлиной уже с 1846 года, а покойная сестра моя Елизавета Андреевна была наставницей младшей ее дочери Евгении Максимилиановны, ныне принцессы Ольденбургской. В Женеве мы прожили всю

зиму и в марте, к нашему великому удивлению, предстал пред нами Лев Толстой[2]. (Скажу кстати, что его появления и исчезновения всегда имели какой-то характер de coup de théâtre*.)

Не будучи в то время с ним в переписке, мы совершенно не знали, где он находится, и думали, что он в России.

— Я к вам прямо из Парижа, — объявил он. — Париж мне так опротивел, что я чуть с ума не сошел. Чего я там не насмотрелся... Во-первых, в maison garnie**, где я остановился, жили 36 ménages***, из коих 19 незаконных. Это ужасно меня возмутило. Затем, хотел испытать себя и отправился на казнь преступника через гильотину[3], после чего перестал спать и не знал, куда деваться. К счастью, узнал нечаянно, что вы в Женеве и бросился к вам опрометью, будучи уверен, что вы меня спасете.

Действительно, высказавши все, он скоро успокоился, и мы зажили с ним прекрасно; виделись ежедневно — гуляли по горам и вполне наслаждались жизнью. Погода стояла чудная, о природе и говорить нечего. Мы ею восхищались с увлечением жителей равнин, хотя Лев старался подчас умерить наши восторги, уверяя, что все это *дрянь* в сравнении с Кавказом. Но нам и этого было довольно.

К нашим экскурсиям присоединялись иногда кое-какие русские знакомые. Сестра моя, будучи во всех малых и великих случаях олицетворенной добротой, умела придавать нашим походам особенную прелесть, забирая с собой в громадном мешке все, что могло доставить удовольствие каждому из нас.

Однажды мы отправились на самую вершину Салева, откуда был очаровательный вид[4]. Остановившись в маленьком довольно красивом отеле, мы нашли в нем удобный приют для отдохновения, но решительно ничего, что могло удовлетворить проголодавшееся общество.

Мешок с провизией, разумеется, явился на сцену и, покамест сестра его раскладывала, мы все смотрели на него жадными глазами. Чего-чего в нем не было! И чай, и конфекты, фрукты, пирожки и различное печенье, даже вино и сельтерская вода...

Вижу, как теперь, восхищенное лицо Льва. Он радовался лакомствам, как маленький мальчик, и не переставал похваливать сестру: «Ай да бабушка Лиза!»... Но вдруг ему захотелось поддразнить ее. (К этому он был чрезвычайно склонен.)

---

* внезапности (*фр.*).
** меблированных комнатах, пансионе (*фр.*).
*** супружеских пар (*фр.*).

— Ну вот, бабушка Лиза, вы в своей щедрости притащили с собой целый воз и, однако, наверное, кое-что забыли. Пари держу, например, что у вас нет с собою карт.

Сестра, молча, опустила руку в карман и вынула из него две колоды карт. Восторгу Льва не было меры, хотя карты оказались вовсе ненужным элементом там, где не хватало глаз, чтобы смотреть на великолепное захождение солнца и на бесконечную перспективу гор...

Лев называл нас «бабушками» ради шутки, уверяя, что именование теток нам вовсе не пристало, особливо мне: «Вы для этого еще слишком молоды». (Paradoxe à la L. Tolstoy*.)

Скажу здесь мимоходом о настоящей степени нашего родства.

У деда моего было 23 человека детей от одной матери[5], и отец мой — младший из всех, так что некоторые из детей старших братьев и сестер моего отца были с ним однолетки. Отец Льва Николаевича, граф Николай Ильич, был родной племянник моего отца и сын старшего его брата графа Ильи Андреевича — того именно, который описан в «Войне и мире» под именем графа Ростова. Его мы не застали в живых, но Николая Ильича, нашего двоюродного брата, я помню весьма смутно, в своем детстве. Кажется, он тогда был уже женат.

Следовательно, Лев Николаевич приходился нам племянником и был только на несколько лет моложе нас.

Возвращаюсь к своему рассказу.

Лев пробыл с нами весь пост. В то время он далеко не был противником церкви и, видев всех нас говеющими, тоже собрался говеть, что, впрочем, не удалось. Самая ничтожная причина могла изменить его настроение, — и это меня очень огорчало.

После Пасхи он собрался в Веве, где у нас было довольно много общих знакомых. Великая Княгиня, по моей просьбе, отпустила и меня. Что за чудная поездка и опять какой ряд восхитительных, радостных дней!..

Входя на пароход, я заметила в руках у Льва весьма приличный sac de voyage, что меня немало удивило, потому, что он всегда был довольно неряшлив в своей наружной обстановке.

— Что это значит? — спрашиваю я с насмешкой. — Такая роскошь вовсе на вас не похожа.

— Как же, — отвечает он пресерьезно, — мне скоро минет 30 лет, и надобно установить лучшие порядки. Вы видите, вот этот мешок со

---

* Парадокс в стиле Льва Толстого (*фр.*).

всеми принадлежностями белья и проч. рассчитан на одну неделю; затем будет другой мешок на целый месяц и, наконец, третий — уже на всю жизнь...

Шутка шуткой, но в ней была и доля психологической правды. Он постоянно стремился начать жизнь сызнова и, откинув прошлое, как изношенное платье, облечься в чистую хламиду. С какою наивностью мы оба верили тогда в возможность сделаться со дня на день другим человеком — преобразиться совершенно, du tout au tout*, по мановению своего желания. Хотя это было даже несообразно с нашими уже не совсем юными годами, но мы поддавались самообману с полным убеждением, будучи душевно гораздо моложе наших лет. А между тем, какую надобно пройти борьбу, сколько испытать разочарований насчет самого себя, прежде чем увериться в своем бессилии и в невозможности побороть в себе самый ничтожный недостаток, не прибегая к высшей помощи.

Кто-то сказал (кажется, Сократ или Платон): «Одно я знаю, что ничего не знаю»[6]. Хочется прибавить: «И ничего *не могу*».

Льву было труднее дойти до этой истины. Он чувствовал в себе силу дарования, хотя в то время редко был доволен собою. Боюсь сказать, что под влиянием установившейся всемирной популярности, он и поныне работает над собой исключительно *своими* руками.

Несмотря на различие воспитания и положения, у нас была одна общая черта в характерах. Мы были оба страшные энтузиасты и аналитики, любили искренно добро, но не умели за него приняться правильно. Разбирали себя до тонкости, полагая, что это весьма похвально, а в сущности анализ только щекотал наше воображение и нисколько не действовал на улучшение жизни. Лев был уже тогда полон отрицаний, но больше по уму, чем по сердцу. Душа его была рождена столько же для веры, сколько для любви, и часто, сам того не сознавая, он это проявлял в различных случаях.

Разговоры наши клонились большею частью к религиозным темам, но едва ли мы друг друга понимали. Где мне было постигнуть в то время всю многообразность его исключительной природы! Смешно даже подумать о том, как я силилась переделать его на свой лад, а он чуть-чуть не открещивался от моих идеальных теорий и, кроме бесконечных споров, ничего из этого не выходило, хотя и не мешало нам сблизиться еще теснее.

---

* с ног до головы (*фр.*).

Но вот, мы плывем к Веве, в прелестное майское утро, по зеркальному Женевскому озеру... Остановились на берегу в Pension Perret, где нас кормили до крайности плохо. Лев уверял, что суп там готовился из полевых цветов: «Разве вы не узнаете лиловых колокольчиков, сорванных вами сегодня утром? Вы их бросили, а они ими воспользовались, и мы же будем за них платить...» За столом с нами сидели три долгозубые некрасивые англичанки и посматривали на нас как-то враждебно. Легко может статься, что наша неукротимая веселость оскорбляла их великобританскую важность. Впрочем, мы с ними не засиживались и тотчас после обеда отправились к нашим друзьям, жившим поблизости.

И какие это все были милые, приятные люди! Княгиня Мещерская, урожденная Карамзина, с мужем, дочерью и сестрою Е.Н. Карамзиной, моей задушевной приятельницей.

Затем, прелестная и уже немолодая чета Пущиных — Михаил Иванович и Мария Яковлевна, прозванных впоследствии Львом Николаевичем Филемоном и Бавкидою, и, наконец, в виде перца к соусу, милейший седовласый юноша с розовым лицом, Михаил Андреевич Рябинин, общий наш фаворит, очень умный, забавный, неистощимый на выдумки и рассказы.

В его присутствии смех не умолкал. Бедная княгиня Мещерская, слабая и больная, умоляла его пощадить ее; но, раз пустившись в свои неимоверные анекдоты, он уже не мог остановиться... Смех тогда превращался в крик, и случалось даже, что иные падали со стульев на пол, пока он ораторствовал и фантазировал.

Мой Лев не отставал от него и всех привлекал своей детской веселостью и оригинальными выходками.

Были тут и другие знакомые, гораздо менее близкие и не совсем интересные. Они стояли у нас на скорбном листе des intrus* и мы мастерски умели отделываться от них.

Раз утром все «*званые*» отправились пешком на Glyon; Glyon, как известно, самый высокий пункт местности над Веве.

Путь наш был усеян цветами в буквальном и переносном смысле. Пышная весна смотрела нам прямо в глаза и опьяняла нас. Сколько помню, мы все, без различия лет, были похожи на подкутивших школьников... Взобравшись на гору в поте лица, мы нашли общую гостиную

---

* незваных (*фр.*).

единственного тогда отеля битком набитою англичанами, американцами и всяким другим людом.

После чаю Лев, не обращая никакого внимания на многочисленную публику, бесцеремонно уселся за фортепиано и требовал от нас, чтобы мы начали петь.

Скажу, без скромности, что у меня был тогда прекрасный голос, и я много занималась музыкой. Случилось, что и М.Я. Пущина певала когда-то. Она вторила мне своим верным голоском, два Михаила подтягивали басом, а Лев управлял нами в виде капельмейстера.

Не знаю, насколько импровизированный концерт был удовлетворителен в строгом музыкальном смысле, но при открытых окнах и на широком пространстве все выходило хорошо, даже поэтично.

Мы пели «Боже, Царя храни», русские и цыганские песни — короче, всё, что приходило на ум Льву Николаевичу... Успех был блистательный. Иностранцы ринулись к нам с комплиментами, благодарностью, — каждый выражая ее на своем диалекте, — и умоляли нас продолжать еще. Мы были им явно с руки: во-первых, странствующие музыканты не требовали платы, а затем, рассеяли, может быть, их обыденную скуку.

На другой день то же самое повторилось в нашем пансионате. Orphée attendrissant les bêtes*. Грозные англичанки до того смягчились, что не знали, как изъявить нам свое благорасположение, подавали нам стулья, потчевали чаем, конфектами и т.д...

Когда мой отпуск кончился, я возвратилась в Женеву или, вернее сказать, в виллу Boccage, куда Великая Княгиня переселилась в начале весны. Лев остался в Веве, упрекая меня, что я не могу оторваться от *Трубы* (так он называл Двор вообще — не помню почему)[7].

Вот, именно в это время было положено начало нашей долголетней переписке: телеграммы, записки и письма летели через озеро ежедневно.

Весьма малое уцелело, конечно, из этого, но недавно попались мне, между прочим, стихи, присланные мне Львом из Веве.

Должна признаться, что я приветствовала с особенным удовольствием этот документ «давно минувших дней»[8], хотя стихи сами по себе не важны. Привожу их здесь *в виде* образчика нашего тогдашнего веселого настроения.

---

* Орфей, укрощающий зверей (*фр.*).

Третья́го дня получен
Ваш, бабушка, ответ, —
И с той поры мне скучен
Стал пансион Перрет.
Все мысли о Бокаже, —
И думаю себе:
Что с бабушкою даже
Готов я жить в Трубе.

Кроме переписки, Лев беспрестанно являлся из Веве в Женеву, но уже не один, а в сопровождении двух Михаилов. Фарсам их не было конца. Почтенный М.И. Пущин, добродушнейший из смертных, школьничал вместе с ними.

Одна приятельница наша, старая француженка, гостившая у нас, не могла надивиться на их turbulence*. «Ils arrivent toujours comme un ouragan, — говорила она. — Est-ce que vous avez vraiment besoin de tous les trois attelés à votre char?»**

Но тут дело было не в «поклонниках», а просто в шалостях.

Никогда не забуду, как они явились один раз в ту минуту, как я отправлялась именно с этой француженкой в Женеву на концерт бедного скрипача, которому я покровительствовала.

Они застали меня на пороге.

— Как же быть? — говорю я. — Мне необходимо ехать на концерт.

— Так что же, — мы поедем с вами; — куда вы, туда и мы.

Если бы я могла предвидеть то, что случилось, то, конечно, осталась бы дома. Эти три шалуна, из коих два уже седовласые, дурачились без удержу, стараясь рассмешить меня. Один вторил пискливой скрипке, другой — контрабасу, третий гудел, как труба, — все это как будто мне на ухо, — хотя непрошенные звуки доходили, вероятно, и до других соседних ушей.

Француженка была вне себя: «— Au nom du Ciel, ne riez pas, Alexandrine, et tâchez de les arrêter...»*** Куда! Они уже слишком расходились... Я сама была как на иголках; но чем серьезнее и внушительнее я на них смотрела, тем более они проказничали и трунили над артистами,

* буйность (*фр.*).

** «Они всегда являются, как ураган. Неужели вам нужно, чтобы они все трое были запряжены в вашу колесницу?» (*фр.*).

*** «— Ради Бога, не смейтесь, Alexandrine, и постарайтесь их остановить...» (*фр.*).

действительно чересчур плохими. Наконец, во избежание публичного скандала, я вынуждена была уехать прежде конца, забравши их всех с собою.

В июне мы предприняли длинное путешествие в Оберланд с детьми Великой Княгини. Первая станция для ночлега была назначена в Веве, в известном отеле Monnet.

Едва мы уселись за стол, как кельнер пришел мне объявить таинственным тоном, что *кто-то* дожидается меня внизу... Догадавшись, в чем дело, я быстро спустилась в залу, посреди которой стояли опять *они* — окутанные в длинные плащи, с перьями на фантастических шляпах. Ноты лежали на полу — по примеру странствующих музыкантов, а инструменты заменялись палками. При моем появлении раздалась невыразимая какофония — истинно un tapage infernal* или кошачий концерт. Голоса и палки действовали взапуски. Я чуть не умерла со смеху, а великокняжеские дети не могли утешиться, что не присутствовали при этом представлении.

После нескольких дней странствования по горам и по долам, мы наконец очутились в Люцерне, и тут нежданно-негаданно опять явился Лев, как будто вырос из земли. Он прибыл в Люцерн двумя днями ранее нас и уже успел пройти через целую драму, рассказ о которой появился после в печати, под заглавием «Записки князя Нехлюдова»[9]. Лев был страшно возбужден и пылал негодованием.

Вот что мы узнали от него и что случилось накануне. Какой-то бродячий музыкант играл очень долго под балконом Швейцергофа, на котором расположилось весьма порядочное общество. Все слушали артиста с удовольствием; но когда он поднял шляпу для получения награды, — никто не бросил ему ни единого су; факт, конечно, некрасивый, но которому Лев Николаевич придавал чуть ли не преступные размеры.

Чтобы отомстить расфранченной публике, он на ее глазах схватил музыканта под руку, посадил его с собою за стол и приказал подать ужин с шампанским. Едва ли публика, да и сам бедный музыкант, поняли всю иронию этого действия.

В этой черте проявился зараз писатель и человек.

Впечатления его были до того сильны, что они невольно прививались и к другим. Даже дети живо заинтересовались этим приключением

---

* адский шум (*фр.*).

и, полюбивши Льва Николаевича, умоляли нас пригласить его на наш пароход, чтобы вместе продолжать путешествие, что и совершилось к общему удовольствию. Они и до сих пор помнят, как он их забавлял и какое неимоверное количество вишень он мог поглощать.

Много у меня и других забавных воспоминаний о Льве, но всего не перескажешь. Разве еще прибавить «одно последнее сказание»[10], после которого я перейду на более серьезную почву.

Раз он пришел ко мне во Франкфурте в то время, как у меня были в гостях Принц Александр Гессенский с женой[11]. Я чуть не ахнула от ужаса, когда дверь отворилась и Лев предстал в более чем невероятном костюме. Ни прежде, ни после я не видала ничего подобного: он был похож не то на разбойника, не то на проигравшегося игрока. Видимо недовольный, что не застал меня одну, он повертелся немного и исчез.

— Qui est donc ce singulier personnage?* — спрашивают мои гости с удивлением.

— Mais c'est Léon Tolstoy**.

— Ah, mon Dieu, pourquoi ne l'avez-vous pas nommé! Après avoir lu ses admirables écrits nous mourrions d'envie de le voir***. — И упреки посыпались на меня, вместе с восторгом от его таланта.

При первом свидании я передала ему все сказанное лестное на его счет, но его внимание было обращено только на то, что *мне*, вероятно, было стыдно за него в этот день.

— Пожалуй, и так, — созналась я без всякого смущения; — ваше дикое облачение и грозный вид поразили бы хоть кого.

— Труба — все Труба, — ворчал он слегка обиженным тоном.

Так что за эту его выходку мне досталось со всех сторон.

По возвращении нашем в Россию, где мы пробыли безотлучно до 1859 года, Лев часто приезжал в Петербург и большую часть своего времени проводил у нас: то у моей матушки, то у сестры Елизаветы Андреевны, или у меня, на верху Мариинского дворца.

---

* — Кто этот странный персонаж? (*фр.*).

** — Да ведь это Лев Толстой (*фр.*).

*** — Ах, Господи, почему же вы не назвали его! Прочитав его восхитительные сочинения, мы буквально умираем от желания его увидеть! (*фр.*).

Вечером мы обыкновенно собирались у сестры, которая жила в нижнем этаже того же дворца. Лев близко сошелся с нашими друзьями, не дичился их и даже полюбил многих из них. Затем, когда мы оставались наедине, определял нам их характеры с изумительной верностью, как будто он жил с ними уже давно.

Между преподавателями княжеских детей был некто г. Св. Сестра, по доброте своей, ценила его довольно высоко. Сочувствие к его печальным домашним обстоятельствам играло тут главную роль: Св. был очень жалок и потому казался ей хорош.

Я не совсем разделяла ее взгляд, но мне тем любопытнее была его встреча со Львом. Разговор между ними завязался серьезно-философский, и я сейчас подметила, что Св., силясь блеснуть перед Львом, производил на него обратное действие.

По уходе Св., он обратился к сестре:

— Ах, бабушка Лиза, как это вы можете увлекаться вашим педагогом. Ведь это такой маленький, крошечный человечек, что его вовсе не видно.

Этот отзыв, конечно, не понравился моей сестре; но впоследствии оказалось, что Св. был не только маленький, но даже очень нехорошенький человечек.

Была ли во Льве проницательность писателя или чутье развитого ума — трудно решить, но подобные примеры повторялись очень часто.

Нельзя умолчать и еще об одной черте, ему свойственной.

Он страшно боялся быть неправдивым не только словом, но и *делом*, что, однако ж, иногда приводило к совершенно противоположному результату.

Так, например, приглашенный один раз к моей сестре на вечер, где должно было собраться довольно многочисленное общество, утром этого дня Лев написал мне, что быть к нам не может, — только что получив известие о смерти брата[12]. (Братьев своих он любил страстно.) Разумеется, я отвечала ему, что совершенно его понимаю. И что же? Вдруг он является на вечер, как ни в чем не бывало.

Это появление возволновало меня до негодования.

— Pourquoi êtes-vous venu, Léon?* — спрашиваю я его потихоньку.

* — Зачем вы пришли, Лев? (*фр.*).

— Pourquoi? Parce que ce que je vous ai écrit ce matin, n'était pas vrai. Vous voyez — je suis venu, donc je *le pouvais**.

Мало того, через несколько дней он мне признался, что ходил тогда же в театр.

— И вероятно, вам было *очень весело*, — говорю я еще с большим негодованием.

— Ну нет, не скажу. Когда я вернулся из театра, у меня был настоящий ад в душе. Будь тут пистолет, я бы непременно застрелился.

— A force de vouloir être vrai, vous ne faites que des carricatures de la vérité**, — говаривала я ему в подобных случаях, и он даже с этим соглашался, но не мог удержаться от экспериментов над самим собою.

— Хочу проверить себя до тонкости, — говорил он...

В эту зиму он приносил нам иногда кое-что из своих неизданных сочинений. Так, например, «Семейное счастие», «Три смерти» были впервые читаны у нас[13]. Читал он плохо, застенчиво, — и благодушно выслушивал всякое замечание. Скрывал ли он свое самолюбие, или его еще тогда не было, — кто может сказать?..

Всего вероятнее, что в то время он смотрел еще на себя, как на дилетанта-писателя, сам не ожидая, что из него выйдет.

Иначе, как мог бы он беспрестанно увлекаться совершенно посторонними предметами?..

Проекты рождались в его голове, как грибы. В каждый приезд он привозил новый план занятий и с жаром изъяснял свою радость, что наконец попал на настоящее дело.

То был поглощен пчеловодством, то облесением всей России, или чем-либо другим...[14] Школа держалась всего долее, но и она исчезла почти бесследно, как скоро он понял наконец свое истинное призвание.

Из писем Льва можно видеть, что наши личные отношения в продолжение многих лет оставались неизменными. При каждом свидании мы продолжали изучать друг друга «le bistouri à la main»*** — как выразился кто-то, но это делалось с любовью.

Наша чистая простая дружба торжественно опровергала общепринятое фальшивое мнение насчет невозможности *дружбы* между мужчиной

---

* — Зачем? Потому что то, что я вам написал сегодня утром, было неправдой. Вы видите, я пришел, следовательно, я *мог это сделать* (*фр.*).

** — При вашем излишнем старании быть правдивым, вы только искажаете правду (*фр.*).

*** «со скальпелем в руке» (*фр.*).

и женщиной. Мы стояли на какой-то особенной почве и, могу сказать совершенно правдиво, заботились главное о том, что может облагородить жизнь, — конечно, *каждый со своей* точки зрения.

Льву случалось упрекать меня в том, что я не впускаю его в тайник своего сердца и не поверяю ему того, что лично меня занимало; но это делалось с моей стороны без расчета или намерения. Его натура была настолько сильнее и интереснее моей, что невольно все внимание сосредоточивалось на нем, а я была лишь второстепенным лицом, donnant la réplique*. Как уже было сказано, религия была главным предметом наших разговоров.

Любя глубоко своего друга, я почти с болезненным нетерпением хотела видеть в нем полную ясную веру, и странно — мы разошлись с ним духовно именно в ту минуту, когда вера коснулась его сердца.

Но об этом после.

Со времени его женитьбы (1862 года) он почти безвыездно жил в деревне, и мы стали видаться гораздо реже, хотя и пользовались всяким случаем взглянуть друг на друга. Он ловил меня на железных дорогах, когда я ехала в Крым с царскою семьею, и даже решился однажды приехать ко мне в Ильинское, подмосковное имение покойной Императрицы. (Это было в 1866 году.)[15]

Вспоминаю, между прочим, как этот приезд взволновал мою воспитанницу Великую Княжну Марию Александровну и братьев ее, тогда еще маленьких Великих Князей Сергея и Павла Александровичей. Они страстно желали узреть знаменитого автора. Но будучи застенчивы, они не решались войти прямо в мою комнату и пускались на всякие хитрости, заглядывая в окна и двери, что очень забавляло и меня и Льва.

Помню еще, что в этот день он мне рассказывал про свою ссору с Тургеневым[16], которая едва не дошла до дуэли. Подробности этой ссоры исчезли из моей памяти (причина ее была самая пустая), но слов Льва Николаевича я не забыла.

— Могу вас уверить, — сказал он, покрасневши до ушей, — что моя роль в этой глупой истории была недурная. Я был решительно ни в чем не виноват и, несмотря на свою сознательную невиновность, я написал Тургеневу самое дружеское, примирительное письмо[17]; но он отвечал на него так грубо, что невольно пришлось прекратить с ним всякие сношения[18].

---

* подающим реплики (*фр.*).

Впоследствии все уладилось, и они продолжали видеться; но настоящей дружбы между ними быть никогда не могло. Они слишком расходились всем существом своим.

Не хочу предполагать, что в Тургеневе таилась возможная авторская зависть. Если это и было, то он все изгладил своими предсмертными строками к Льву Николаевичу. Нельзя их читать без умиления. Вот они:

«Буживаль. 27 июня 1883 г. (Письмо писано карандашом.)

Милый и дорогой Лев Николаевич! Долго вам не писал, ибо был и есмь, говоря прямо, на смертном одре. Выздороветь я не могу и думать об этом нечего. Пишу же я вам собственно, чтобы сказать, как я был рад быть вашим современником — и чтобы выразить вам мою последнюю искреннюю просьбу. Друг мой! вернитесь к литературной деятельности. Ведь этот дар ваш оттуда, откуда все другое. Ах, как я был бы счастлив, если бы мог подумать, что просьба моя так на вас подействует! Я же человек конченый — доктора даже не знают, как назвать мой недуг, névralgie stomacale goutteuse*. Ни ходить, ни есть, ни спать... Да что! скучно даже повторять все это!.. Друг мой, великий писатель русской земли! внемлите моей просьбе! Дайте мне знать, если вы получите эту бумажку, и позвольте еще раз крепко, крепко обнять вас, вашу жену, всех ваших... Не могу больше... Устал.

Тургенев»[19].

Не знаю, как для других, но для меня в каждом слове этой трогательной записки видно проявление нового и утешительного состояния души Тургенева.

Он был у меня за год до своей смерти, провел целое утро и между прочим, конечно, было говорено и об Льве Толстом. В то время уже начинали являться его так называемые богословские сочинения[20]. Тургенев относился к ним с полным негодованием и не мог утешиться, что он оставил литературу, «pour écrire de pareilles billevesées»**, как он выражался. — «И заметьте, — прибавил он, — что и слог его похож теперь на непроходимое болото», — с чем я не могла не согласиться. Нужно, однако, прибавить, что Тургенев, по складу своего ума, не мог понять глубину души Льва. Лев Николаевич мог ошибаться, но все-таки искал правды, страдал и мучился из-за правды; между тем как Тургенев

---

* желудочно-подагрическая невралгия (*фр.*).

** «чтобы писать такой вздор» (*фр.*).

совершенно успокоился на своих отрицательных взглядах и почти что щеголял ими.

В нем была обаятельная артистическая прелесть. Можно было заслушаться его, но в словах, как и в творениях его, чуялось мне всегда что-то поверхностное, и наше последнее свидание оставило во мне грустное впечатление. Говорили по-французски. Красивые фразы музыкой и потоком лились из его уст. Жаль, что я тогда их не записала, но помню, что я, наконец, его перебила.

— C'est extraordinaire, — сказала я, — voilà bien des années, que nous ne nous sommes vus (прежде мы часто видались) et je vous retrouve au même point — avec ce fond de sable mouvant, qui m'a toujours frappé dans vos œuvres quelque charmantes qu'elles soient. J'espérais, que le temps vous aurait mis sur un terrain plus solide*.

Он расхохотался моей откровенности.

— Et cependant j'ai fait de grands progrés. — возразил он. — Figurez-vous, je suis arrivé à aimer même la nature de préférance sur les toiles des artistes**.

Это слово, сказанное автором «Записок охотника», где все дышит любовью к природе, почти что взорвало меня.

— Croyez-vous par hasard faire une éloge de vous-même par cet aveu?*** — спросила я, и прибавила: — et puis que nous sommes sur le chapitre des choses étonnantes, expliquez-moi pourquoi il n'y a jamais d'enfants dans vos récits?****.

На этот раз он встрепенулся.

— Votre observation me frappe d'autant plus que vous êtes à peu près la première qui me la faites, mais elle est parfaitement juste — je n'aime pas les enfants*****.

Я только пожала плечами.

---

* — Удивительно, — сказала я, — вот сколько лет мы не видались... а вы стоите все на той же зыбкой почве, которая меня всегда поражала в ваших сочинениях, как они ни прелестны. Я надеялась, что со временем у вас будет почва более твердая под ногами (*фр.*).

** — И, однако, я во многом подвинулся... Вообразите, я теперь даже природу люблю больше на полотнах художников (*фр.*).

*** — Неужели вы этим хвастаетесь? (*фр.*).

**** — И так как мы говорим о вещах необыкновенных, растолкуйте мне теперь, почему дети никогда не являются в ваших рассказах? (*фр.*).

***** — Ваше замечание меня тем более поражает, что оно сделано мне почти в первый раз, но оно совершенно правильно: я не люблю детей (*фр.*).

Затем перешли на предметы более серьезные. Дарья Федоровна Тютчева, которая была третьим лицом нашей беседы, задирала Тургенева разными вопросами совершенно интимного свойства. Дошло дело до бессмертия души. Тургенев объявил категорически, что бесмертию он не верит.

— Vous venez de dire que vous avez eu beaucoup d'amis, — сказала Тютчева, — que faites-vous de ceux qui ne sont plus?*

— Ils vivent dans mon souvenir et cela me suffit**, — был его ответ.

Заговорили и об Евангелии. Тургенев отнесся к нему с каким-то неприятным пренебрежением, как к книге ему мало известной.

— Vous n'allez pas m'assurer pourtant que vous n'avez jamais lu l'Evangile?*** — спросила я.

— Oh non, il m'est arrivé de le lire — je dirai même que St-Luc et St-Mathieu sont assez intéressants — quant à St-Jean — cela ne vaut pas la peine d'en parler****.

— Hélas, — отвечала я с грустью. — Vous ne serez donc jamais que le plus aimable des païens!***** — Кажется, на этом мы расстались, чтобы никогда более не свидеться.

Бедный Тургенев! Твердо уповаю, что во время его восьмимесячной агонии, когда он одиноко проводил ночи в страшных страданиях, ему открылось многое — до той поры ему недоступное. Ведь Господу не нужно времени, чтобы просветить душу человеческую и преобразить ее.

Однако пора вернуться к моему главному герою.

В 1879 году Лев Николаевич приезжал в Петербург, чтобы собрать кое-какие сведения насчет декабристов, замышляя написать роман из этой эпохи[21].

— Я хочу доказать, — говорил он, — что в деле декабристов никто не был виноват — ни заговорщики, ни власти[22].

Для изучения местности он отправился в Петропавловскую крепость. Комендант (не помню теперь его имени) принял его очень лю-

---

* — Вы говорите, что у вас было много друзей... какое же ваше отношение к умершим? (*фр.*).

** — Они живы в моей памяти, и мне этого довольно (*фр.*).

*** — Неужели вы никогда не читали Евангелия? (*фр.*).

**** — Нет, мне случалось его читать. Я скажу даже, что Св. Лука и Св. Матфей довольно интересны, что же касается Св. Иоанна, то не стоит даже о нем и говорить (*фр.*).

***** — Увы!.. Вы останетесь навсегда только самым милым из язычников! (*фр.*).

безно, показывал, что можно было показать, но никак не мог понять, чего именно он добивается... Лев Николаевич пресмешно рассказывал нам эту беседу.

Всем известно, что он написал только несколько глав этого романа, — и на мой вопрос, отчего он не продолжал его, он отвечал:

— Потому что я нашел, что почти все декабристы были французы...[23] Действительно, в то время воспитание детей высшего круга было более западное; но этот исторический факт, которого, разумеется, нельзя было обойти, нисколько, по моему мнению, не должен был помешать написанию романа из столь интересной эпохи. Я была неутешна.

Кроме того он замышлял еще написать историю императора Павла[24], находя особенный интерес в его загадочной личности, но это осталось неисполненным.

Еще более следует пожалеть, что Лев Николаевич не выполнил другого своего литературного замысла, который возбуждал в нем, по- видимому, еще больший интерес, судя по его письмам ко мне. Так, в первом своем письме по этому поводу в 1878 году он писал мне: «У меня давно бродит в голове план сочинения, местом действия которого должен быть Оренбургский край, а время — Перовского. Теперь я привез из Москвы целую кучу матерьялов для этого. Все, что касается В.А. Перовского, мне ужасно интересно, и должен вам сказать, что это лицо, как историческое лицо и характер, мне очень симпатично. Что бы сказали вы и его родные? И дадите ли вы и его родные мне бумаги и письма с уверенностью, что никто, кроме меня, их читать не будет, что я их возвращу, не переписывая, и ничего из них не помещу. Но хотелось бы поглубже заглянуть ему в душу»...[25]

О том же Лев Николаевич писал моему покойному брату, Илье Андреевичу[26].

Я и мой брат тотчас же отвечали Льву Николаевичу и затем выслали ему все нужные материалы. На это, в следующем своем письме, он мне писал: «Перовского личность вы совершенно верно определили à grands traits, таким и я представляю его себе. И такая фигура — одна, наполняющая картину. Биография его была бы слишком резкая, но с другими, противоположными ему тонкими, мелкой работы, нежными характерами, как Жуковский, которого вы, кажется, хорошо знали, а главное с декабристами, — эта крупная фигура, составляющая оттенок к Николаю Павловичу, самой крупной фигуре, — выражает вполне то время.

Я теперь весь погружен в чтение из времени 20-х годов, — и не могу вам выразить то наслаждение, которое я испытываю, воображая себе это время»...[27]

В конце пятидесятых и в начале шестидесятых годов между Львом и мною шла оживленная переписка. При поступлении моем наставницей к Великой Княжне Марии Александровне (в 1865 году) она несколько ослабела по недостатку досугов с моей стороны, но все-таки еще продолжалась долго — до роковой минуты его мнимого христианского обращения.

Перечитывая теперь изредка письма Льва «допотопной» эпохи, не могу не наслаждаться свежестью, теплотой и юмором его посланий, — но вздох, глубокий вздох невольно вырывается из груди вслед за наслаждением. Как хорош он был, прежде чем достиг апогея славы, — как прост, как интересен даже в своих колебаниях! Он тогда еще оглядывался в жизни, не верил себе, осуждал себя часто — и, полагаю, даже не мечтал, что из него выйдет проповедник лжеучения, перед которым, как перед Ваалом, люди станут преклонять колена. Увы! Увы!..

Хотя почти все письма Льва следуют за моими «Воспоминаниями», но не могу утерпеть, чтобы не вставить хотя одно из них для украшения этих воспоминаний.

Письмо Льва Николаевича из Ясной Поляны
(Письмо, кажется, в 1858 или 1859 г.)
«Бабушка! Весна!

Отлично жить на свете хорошим людям, — даже и таким, как я, хорошо бывает. В природе, в воздухе, во всем — надежда, будущность и прелестная будущность...

Иногда ошибаешься и думаешь, что не одну природу ждет будущность, счастье, а и тебя тоже, — и хорошо бывает. Я теперь в таком состоянии и с свойственным мне эгоизмом тороплюсь писать вам о предметах только для меня интересных. Я очень хорошо знаю, когда обсужу здраво, что я — старая, померзлая, гнилая и еще под соусом сваренная картофелина, но весна так действует на меня, что застаю себя в полном разгаре мечтаний о том, что я растение, которое распустилось вот только теперь вместе с другими и станет просто, спокойно и радостно расти на свете Божием. По этому случаю, к этому времени идет такая внутренняя переборка, очищение и порядок, какой никто, не испытав-

ший этого чувства, не может себе представить. Все старое прочь, все условия света, всю лень, весь эгоизм, все неясные привязанности, все сомнения, даже раскаянья, — всё прочь! Дайте место необыкновенному цветку, который надувает почки и выростает вместе с весной.

Грустно вспомнить, сколько раз я тщетно делывал то же самое, как кухарка по субботам, а все радуюсь своему обману и иногда серьезно верю в новый цвет и жду его.

Вот уже неделя, как я в деревне один, и мне хорошо. Счеты за московское житье, за все сведены, и я квит со всеми, в приходе и в расходе ровно. Странное чувство я испытал, уезжая в деревню, в тех условиях жизни, в каких приехал.

Первое чувство было радостное сознание свободы, возможность сейчас же выскочить из коляски и пойти пешком в Астрахань, или повернуть лошадей и ехать в Париж, или остаться навсегда жить на первой станции.

Это чувство славное, и женщины не знают его. Но потом, чем ближе я подъезжал к деревне, тем мне все грустнее и грустнее становилось мое будущее одиночество. Так что, приехав в деревню, мне показалось, что я вдовец, что недавно жило тут целое мое семейство, которое я потерял.

И действительно, это семейство моего воображения жило там. И какое прелестное семейство! особенно мне жалко старшего сына... И жена была славная, хотя и странная женщина.

Вот, бабушка, научите, что делать с собой, когда воспоминания и мечты вместе составят такой идеал жизни, под который ничто не подходит. Все становится *не то*, и не радуешься и не благодаришь Бога за те блага, которые Он дал, а в душе вечное недовольство и грусть... "Бросить этот идеал", — скажете вы. — Нельзя. Этот идеал не выдумка, а самое дорогое, что есть для меня в жизни. Без него я жить не хочу! Помните "Мадону" Пушкина? Ваша Мадона висит у меня и радует, а последние стихи мучают. Иногда приходит в голову отслужить по всему панихиду, да тогда и других молитв в душе не будет. Прощайте, милая бабушка, не сердитесь на меня за этот вздор, а отвечайте умное и пропитанное добротой, христианской добротой, словечко.

Я давно хотел вам написать, что вам удобнее писать по-французски, а мне женская мысль понятнее по-французски»[28].

Говоря о различных фазисах настроения Льва Николаевича, я забыла упомянуть об одной странности, которой теперь едва можно поверить: был момент, и довольно продолжительный, когда он был строго православный. Что его натолкнуло на этот путь — не знаю; это совершилось вдали от нас, и я гораздо позже узнала, что он паломничал вместе с простыми странниками, посещал монастыри, был в Оптиной пустыни, где подолгу беседовал с великими тамошними старцами и отшельниками[29], и вернулся оттуда вполне убежденным в святости и истинности нашей Церкви. Мы этого не подозревали и, может быть, никогда бы не узнали, не случись следующего: в один из своих приездов в Петербург (кажется, в 1877 г.) Лев Николаевич явился к моей матушке, где в то время собралась вся наша семья; это случилось в Великом посту. Надо сказать, что, по давно принятому обычаю, мы всегда прежде постились в продолжение всего Великого поста; но в этот год, в виду наступившей глубокой старости и слабости здоровья нашей матери, доктор настоятельно требовал, чтобы она не постилась; она этим огорчалась и неохотно кушала скоромное, видя, как нам подавали постное. Хорошо или дурно, но, чтобы успокоить ее, мы решили, что все будем есть скоромное. Во время обеда я заметила, что Лев Николаевич морщился и явно был не в духе; по выходе из-за стола он тотчас подошел ко мне и спросил, почему мы не постимся. Я объяснила ему причину и прибавила:

— Est-ce que cela vous dérangerait par hasard?

— Certainement — был его ответ, — quand on appartient à une Eglise, le moins qu'on puisse faire c'est de suivre ses ordonnances*[30].

В 1878 году Лев Николаевич явился в Петербург, как всегда, неожиданно и, кажется, без всякой другой причины, кроме желания объясниться и высказать мне свой духовный переворот. Мы не виделись уже два года[31], и я не подозревала, что в нем за это время совершилось нечто необыкновенное. Он и в переписке не выдал себя, а только изредка намекал на что-то весьма неясно.

Едва мы успели поздороваться после такой долгой разлуки, как он стал мне развивать (должна сказать, довольно запутанно и туманно) все, что народилось в его душе... Я слушала его молча. Принял ли он

---

*— Разве это вам неприятно?

— Конечно... когда принадлежишь к Церкви, наименьшее, что можно сделать, это следовать ее уставам (*фр.*).

мое молчание за одобрение или хотел вызвать меня на восторженное сочувствие, но, вдруг прервав свою речь, он обратился ко мне со словами: — Je vois, que vous vous cristallisez déjà dans mon idée*. (Странно, не правда ли, что мы с ним всего чаще говорили по-французски?)

К сожалению, мне пришлось разочаровать его на этот счет, чего, конечно, он не ожидал.

— Vous vous trompez, mon cher, — отвечала я, — je me cristallise si peu dans votre idée, que je n'en ai pas encore saisi le sens**.

Он вскочил с своего места, как ужаленный: — «Как же вы этого не понимаете? Это так просто и может быть выражено в двух словах. Вот видите: в моей душе открылось окно, — в это окно я вижу Бога, и затем, мне *ничего, ничего более не нужно*». Повторяя это слово, он подчеркнул его и голосом и движением руки.

— Что значит *ничего*? — спрашиваю я с недоумением. — Разумеется, самое главное верить в Бога; но прежде, чем входить с вами в соглашение, я должна знать, *как* вы в Него веруете? Ведь вы, конечно, не забыли библейского изречения: «*и бесы веруют и трепещут*»?[32]

Сердце мое билось молотком, точно оно предчувствовало, что я сейчас услышу... Но, когда Лев стал мне доказывать не только бесполезность, но и вред, приносимый Церковью, и дошел, наконец, до того, что отрицал божественность Христа и спасение через Него, я готова была плакать и рыдать, но воздержалась pour ne rien perdre de mes moyens dans la dispute que je prévoyais***. Между нами, действительно, завязалась борьба, продолжавшаяся целое утро. Вечером она возобновилась, с тою только разницей, что к нам присоединились еще два свидетеля; они, не дав себе времени вникнуть в его ложное направление и подкупленные заранее прелестью его сочинений, держали его сторону, так что мне пришлось одной бороться против трех...

Лев был страшно возбужден моим отпором против того, что он считал последним словом истины, и на другой день рано утром я получила от него следующую записку: «Не сердитесь, что я уезжаю, не простясь с вами. Не могу. Я слишком взволнован вчерашним спором»...[33]

Ставя себя на его точку зрения, я понимаю, как ему было тяжело найти во мне противника и именно тогда, когда он ожидал, что я буду

* — Я вижу, что вы уже прониклись моей мыслью (*фр.*).

** — Вы ошибаетесь, мой дорогой, — отвечала я, — я так мало прониклась вашей идеей, что даже не понимаю ее (*фр.*).

*** чтобы не потерять самообладания в споре, который я предвидела (*фр.*).

вне себя от радости, выслушав его «исповедь»... Внезапный его отъезд меня очень огорчил: в предыдущую бессонную ночь я приготовила такие неотразимые аргументы, которые, по моему мнению, должны были убедить его, — и вот, все пропало...

Любезный читатель! полюбуйтесь моею наивностью, но полюбуйтесь и упорством, с которым я продолжала и после полемику со Львом Николаевичем, в твердой надежде, что вот-вот взгляды его изменятся и он придет на путь правды; мне казалось, что я имею дело с больным, которого надо кормить хорошей пищей, — и в своем заблуждении я, вероятно, принимала себя за искусного врача. Но письма мои только раздражали его...

Не понимаю, как могла я не видеть, что в каждой своей мысли он усаживался, как в крепости. Непонятное и страшно самонадеянное было с моей стороны ослепление... Но могу сказать, что все мои ошибки произошли от излишней ревности. Знаете ли, что значит любить близкую вам душу? *не человека, а душу его*?... это несравненно сильней всякой земной любви; а душа Льва Николаевича была мне невыразимо дорога. Она и теперь осталась мне дорога, но года и разочарование взяли свое: нет уже того пыла, того мучения, которые сопровождали тогда мои заботы о нем. Теперь я молюсь за него — с полным сознанием, что не мои усилия, а только Божие милосердие может рано или поздно привести моего друга на прямую дорогу.

Скажу мимоходом, что от нашей переписки того времени не осталось почти ничего: иные письма я уничтожила, — они меня слишком смущали, — другие я отдала Достоевскому. Вот как это случилось.

Я давно желала познакомиться с ним, и наконец мы сошлись, но — увы! — слишком поздно. Это было за две или за три недели до его смерти. С тех пор как я прочла «Преступление и наказание» (никакой роман никогда на меня так не действовал), он стоял для меня, как моралист, на необыкновенной вышине, несравненно выше других писателей, не исключая и Льва Толстого, — разумеется, не в отношении слога и художественности.

Я встретила Достоевского в первый раз на вечере у графини Комаровской[34]. С Львом Николаевичем он никогда не видался, но как писатель и человек Лев Николаевич его страшно интересовал. Первый его вопрос был о нем:

— Можете ли вы мне истолковать его новое направление? Я вижу в этом что-то особенное и мне еще непонятное...

Я призналась ему, что и для меня это еще загадочно, и обещала Достоевскому передать последние письма Льва Николаевича, с тем, однако ж, чтобы он пришел за ними сам. Он назначил мне день свидания, — и к этому дню я переписала для него эти письма, чтобы облегчить ему чтение неразборчивого почерка Льва Николаевича. При появлении Достоевского я извинилась перед ним, что никого более не пригласила, из эгоизма, — желая провести с ним вечер глаз на глаз[35]. Этот очаровательный и единственный вечер навсегда запечатлелся в моей памяти; я слушала Достоевского с благоговением: он говорил, как истинный христианин, о судьбах России и всего мира; глаза его горели, и я чувствовала в нем пророка... Когда вопрос коснулся Льва Николаевича, он просил меня прочитать обещанные письма громко. Странно сказать, но мне было почти обидно передавать ему, великому мыслителю, такую путаницу и разбросанность в мыслях.

Вижу еще теперь перед собой Достоевского, как он хватался за голову и отчаянным голосом повторял: — «Не то, не то!..» Он не сочувствовал ни единой мысли Льва Николаевича; несмотря на то, забрал все, что лежало писанное на столе: оригиналы и копии писем Льва. Из некоторых его слов я заключила, что в нем родилось желание оспаривать ложные мнения Льва Николаевича.

Я нисколько не жалею потерянных писем, но не могу утешиться, что намерение Достоевского осталось невыполненным: через пять дней после этого разговора Достоевского не стало...[36]

Лев Николаевич напечатал в каком-то журнале, что хотя он не был знаком с Достоевским, но, узнавши об его смерти, ему показалось, что он потерял самое дорогое...[37] Эта внезапная кончина поразила и меня. Я отправилась к нему на квартиру поклониться его праху. Он лежал в крошечной комнатке; малолетние сын и дочь стояли около него; вся обстановка совершенно бедная; но посетителей было множество, и все казались убитые горем; особенно много было молодежи. Я уже собиралась уходить, когда подошла ко мне дама, весьма скромно одетая, и спросила меня, — я ли графиня Толстая. На мой утвердительный ответ она прибавила:

— Я позволила себе подойти к вам, полагая, что вам приятно будет услышать, какое хорошее впечатление Фёдор Михайлович вынес с вечера, проведенного у вас; *это было его последнее удовольствие.*

Дама эта была его жена, А.Г. Д⟨остоев⟩ская.

Я потом часто спрашивала себя, удалось ли бы Достоевскому повлиять на Л.Н. Толстого? Думаю, едва ли. Один мой знакомый, некто г. Дмитриев, покойный попечитель здешнего учебного округа, очень умный, хотя слегка язвительный человек, сказал мне однажды, когда речь шла о Льве Николаевиче.

— Le malheur du comte Tolstoy c'est qu'il n'écoute et n'estime que sa propre pensée, aussi vous verrez qu'il fera éternellement fausse route*.

Это было, впрочем, до некоторой степени справедливо.

С другой стороны, Лев Николаевич часто увлекался мнениями людей, стоящих неизмеримо ниже его в нравственном отношении, но которые хоть чем-нибудь входили в его колею. Из многих примеров расскажу про один случай. В 1885 г. появился в Москве некто Сютаев, грубый мещанин, отступник от православной веры и автор какого-то еще нового учения, ради которого он считал себя чуть-чуть не пророком[38]. Не знаю, каким углом он подъехал к Льву Николаевичу, но Лев Николаевич, найдя в нем некоторое сходство с своими взглядами, пришел от него в восторг: возил его по великосветским салонам и возвеличил его до небес как пример истинного благочестия. Графиня Софья Андреевна своим здравым чутьем понимала отлично всю суету этих увлечений и с трудом переносила общество Сютаева и ему подобных проходимцев из самых низших сфер, которые все чаще и чаще начали появляться в их доме. Достаточно было быть оборванцем или отщепенцем, чтобы возбудить интерес в Льве Николаевиче; зато эполеты, аксельбанты, генеральский чин и всякий выдающийся пост внушали ему непреодолимое отвращение. Эти вспышки симпатий его к юродствующему люду продолжались, конечно, недолго, и вся эта ватага — ne vivait que l'espace d'un matin[39], но во время своей власти господствовала над Львом вполне[40]. Почти одновременно с Сютаевым появилась в одной из московских газет статья Льва Николаевича о переписи[41], с воззванием к молодежи, произведшая, почти без исключения, общий восторг. Вообще, слава его в обществе все более и более начинала разгораться (коньком его в это время было посещение бедных. Может быть, я ошибаюсь, но мне казалось, что его любовь к нищим была у него бессознательным протестом против богатых); речь шла всюду о нем и о Сютаеве; много слухов доходило и до меня, так что я решилась, наконец, сама посмотреть, что делается в

* — Несчастье графа Толстого в том, что он слушает и уважает только собственное мнение, вот почему, вы увидите, он всегда будет на ложном пути (*фр.*).

Москве в доме Толстых. Графиня Шувалова, тогда (в 1882 г.) жившая в Москве, пригласила меня к себе[42]. По приезде туда, я тотчас известила о том Льва Николаевича и на другой день, утром, он уже явился ко мне.

Несмотря на радость свидания, он явно был не в своей тарелке; догадался ли он, что цель моей поездки была не иная, как желание удостовериться в состоянии его духа, но с первого же шага я заметила в нем какую-то раздражительность.

Он сам завел речь о «Переписи» и спросил: — Знаете ли вы, что после появления моей статьи ко мне рекой льются адресы, благодарности и письма со всех сторон, даже из институтов?*

— Знаю, — отвечала я довольно холодно.

— А от вас ни полстрочки; отчего это?

— По очень простой причине; должна признаться, что ваша «Перепись» мне не особенно понравилась. Боюсь, что ваши слова, адресованные к молодежи, не сгорели бы без следа, как солома. Вы говорите «не давайте денег, а отдайте себя всецело»... Не требовать ли это слишком многого? ведь это последнее слово любви; оно не приобретается по одному мановению руки. Затем, мне не нравится еще ваше извращение Евангелия: Закхея вы вовсе не поняли[43]; — это чудесная личность: он победил все препятствия, чтобы увидеть Христа, — и когда увидел, то сердце его немедленно исполнилось величайшею благодатию: он стал готов на всякую жертву, чтобы искупить прошедшее, а вы сделали из него чуть-чуть не ростовщика...

Если мои замечания были ему неприятны, то он отмстил мне за них с избытком в то же самое утро. Вдруг, без всякого вызова с моей стороны, он осыпал меня, точно градом, своими невообразимыми взглядами на религию и на церковь, издеваясь вообще над всем, что нам дорого и свято... Мне казалось, что я слышу бред сумасшедшего. Не могу и не хочу передавать все, что было им тогда сказано; от его речей щеки мои пылали, но возражать ему я не сочла нужным. Вероятно, мое молчание раздражало его еще более; наконец, когда он сам утомился своим бешеным пароксизмом и взглянул на меня вопросительно, как будто вызывая на ответ, я сказала ему:

---

* Позднее он признался мне, что, писав свою статью, он ожидал, что к нему польются со всех сторон деньги в пользу бедных, а этого-то именно и не случилось. Напротив того, многие стали просить денег у него. (*Примеч. А.А. Толстой.*)

— Je n'ai rien à vous répondre, et vous dirai seulement que pendant que vous parliez, je vous voyais aux prises avec quelqu'un qui se tient en ce moment debout derrière votre chaise*.

Он живо обернулся: — Qui cela?** — почти вскрикнул он.

— Lucifer en personne, l'incarnation de l'orgueil***, — отвечала я.

Он вскочил с своего места, пораженный этим словом; затем старался успокоиться и сейчас же прибавил:

— Certainement je suis fier d'être le seul qui aie mis enfin la main sur la vérité****.

Господи! и это он называл *правдой*...

Вечером я отправилась к ним и нашла так недавно разъяренного Льва кротким ягненком. Кроме многочисленной семьи, были тут еще посторонние, и разговор был общий; но Лев направлял его, видимо, так, чтобы ничто неприятное не могло задеть меня; он смотрел на меня умильными глазами, как будто прося прощения, и весь вечер ухаживал за мной с тою обаятельной добротой, которая составляет отличительную черту его прекрасной натуры. Между прочим, помню, что он просил свою жену рассказать мне сон, виденный ею незадолго до его духовного переворота. Сон был следующий. Она видела себя стоящей у храма Спасителя, тогда еще неоконченного[44]; перед дверьми храма возвышался громадный крест, а на нем живой распятый Христос... Вдруг этот крест стал двигаться и, обошед три раза вокруг храма, остановился перед нею, С⟨офьей⟩ А⟨ндреевной⟩..... Спаситель взглянул на нее — и, подняв руку вверх, указал ей на золотой крест, который уже сиял на куполе храма.

Этот сон отозвался в моей душе, как луч надежды: если Лев Николаевич познает действительно когда-нибудь истину, подумала я, то он наверное признается с тою же искренностью и в своем заблуждении.

На другой день я встретила его у дома наших общих родственников; покамест обо мне докладывали, между нами завязался разговор. Я сидела в карете, а он стоял у дверец в невозможном полубарском, полумужицком костюме.

— Бабушка, вы не сердитесь, — спрашивает он, — что я вчера выстрелил в вас всеми своими пулями?

---

* — Мне нечего вам ответить и скажу вам только, что пока вы говорили, я видела вас во власти кого-то, стоящего еще и теперь за вашим стулом (*фр.*).

** —Кто же это? (*фр.*).

*** — Сам Люцифер, олицетворение гордости (*фр.*).

**** — Конечно, я горжусь тем, что только я один приблизился к правде (*фр.*).

— Нет, милый, это уж были не пули, а целые бомбы, — отвечаю я ему полушутя. — Но зато вы вчера вечером насмешили и даже тронули меня, ухаживая за мной, точно с баночкой мази и кисточкой, чтобы залечить все больные места.

— Тем-то вы и отличная бабушка, что вы все понимаете; только необходимо нам объясниться: est-ce vous qui êtes chrétienne ou moi? C'est à prendre ou à laisser!*

— Je ne me donne pas pour une bonne chrétienne, — отвечала я; — mais j'en ai les convictions; ce n'est pas moi qui ai crée un ordre de choses immuable et je ne crois pas que votre système en approche même de loin**.

В эту минуту нас позвали наверх.

Затем, в продолжение десяти дней, проведенных мною в Москве, буря уже не возобновлялась, хотя мы виделись ежедневно по два раза: утром он являлся ко мне, а вечер я проводила у них, и часто очень приятно. Один раз я застала графиню, ехавшую на вечер со старшей 18-тилетней дочерью; они были одеты очень просто, в высоких платьях, и отправлялись к родним на простую вечеринку. Казалось, не было никакой причины волноваться; между тем Лев Николаевич сдерживал себя с трудом, — я думаю, только ради меня. По отъезде их я спрашиваю у него:

— Que trouvez-vous donc à redire à ce que votre jeune fille voie un peu de monde? Avez-vous oublié que vous et moi, nous avons aimé le monde et que nous nous y sommes fort amusés?

— Certainement, aussi vous voyez, que j'ai cédé***, но мне только хотелось, чтобы они поняли, что это ужасная гадость.

Как видно, благодаря крайности своих взглядов на вещи, он стал вмешиваться во все подробности семейной жизни и портить ее; там, где прежде царили мир и согласие, водворялась борьба до озлобления, и едва ли даже не на каждом шагу. Думаю, что бедная Софи часто вспоминает свой сон и громадный крест, который предвещал ей столько слез...

После отъезда графини мы остались в гостиной вчетвером: кроме Льва и меня, присутствовали еще один из его сыновей, — 16-тилетний Илюша, и двоюродный брат графини, Константин Иславин, который

* Вы ли истинная христианка или я? На это надо ответить определенно! (*фр.*).

** — Я отнюдь не выдаю себя за хорошую христианку... но я имею свои убеждения; не я создала незыблемый порядок вещей, и я не думаю, что ваша система далеко от него ушла (*фр.*).

*** — Отчего вы против того, чтобы ваша молоденькая дочь бывала в обществе? Вы забыли, как мы с вами любили свет и очень там веселились?

— Конечно, поэтому, вы видите, я уступил (*фр.*).

стал приставать к Льву Николаевичу, чтобы он прочел мне что-нибудь из его еще ненапечатанных сочинений. Он долго отказывался, но, наконец, принес тетрадь и стал читать одно из своих философско-религиозных сочинений, и читал с видимым смущением: бледнел, краснел и спотыкался на каждом шагу, и хотя я не делала никаких замечаний, скоро прекратил чтение, понимая очень хорошо, как оно на меня действует.

— Vous voyez bien, que je ne devais pas lire en votre présence, — сказал он мне на другой день, — tout cela n'est pas fait pour vous et vous avez dû emporter des impressions détestables.

— Ce qui m'a surtout préoccupé, — отвечала я, — c'est que vous empoisonniez votre fils.

— Oh, mon Dieu, non! je vous assure que mes enfants ne font pas la moindre attention à ce que j'écris*.

Вскоре после отъезда моего из Москвы мне пришлось адресоваться к Вогюе за одним советом. Вогюе (Vicomte de Vogüé), как известно, писатель[45], член Французской академии, женат на русской и знаком с нашей литературой лучше многих русских. Будучи еще под влиянием только что слышанного и виденного в Москве и знавши его приверженность к нашему Л.Н. Толстому, я сообщила ему кое-что о Льве и Сютаеве, — и он отвечал:

«Je vous remercie beaucoup, de m'éclairer sur Sutaïef; je savais déjà et je déplore plus que personne, que ce grand, cet incomparable Tolstoy est actuellement paralysé par une sorte de folie mystique. J'ai la mince consolation d'avoir prévu depuis longtemps qu'il finirait fatalement par là; tout le développement de sa pensée était déjà en germe dans "Детство" и "Отрочество", et la psychologie de Левин dans "Анна Каренина" ne laissait guère de doutes sur l'évolution qui s'achevait dans cette âme»**.

* — Вы видите, я не должен был читать в вашем присутствии... все это не для вас, и вы, должно быть, вынесли ужасное впечатление.

— Что меня особенно встревожило, — отвечала я, — так это то, что вы отравляете вашего сына.

— Боже мой, нет! Уверяю вас, что мои дети не обращают ни малейшего внимания на то, что я пишу (*фр.*).

** «Очень благодарен вам за сведения о Сютаеве; я знал и как никто сожалел, что великий, несравненный Толстой точно парализован теперь каким-то мистическим безумием. Мне остается маленькое утешение, что я давно предвидел, что он неизбежно кончит этим; все развитие его мысли уже было в зародыше в "Детстве" и "Отрочестве", а психология Левина в "Анне Карениной" ясно определяет дальнейшую эволюцию его души» (*фр.*).

Несмотря на наступившее разногласие, мы со Львом продолжали изредка переписываться: я называла это *хромой* перепиской и находила в ней мало утешения.

Весной 1887 г. у него сильно заболела нога[46], которую он повредил, кажется, плугом; и он, думая, что умирает, написал ко мне прелестное письмо, с которого многие брали копии*, а меня оно глубоко тронуло, тем более что жизнь его тогда была действительно в опасности. Но, слава Богу, беда миновала, и летом этого же года, по настойчивым просьбам его и его жены, я вместе с Кузминским** отправилась в Ясную Поляну, где пробыла почти две недели[48]; это было для меня и счастливое и, отчасти, тяжелое время. Дочери Льва Николаевича приехали за мной в Тулу, и я не без некоторого смущения думала о близкой минуте свидания.

---

* «Как хорошо и добро вы сделали, что написали ко мне, милый друг.

Вы спрашиваете обо мне. Как ни странно это сказать — мне очень, очень хорошо. О ноге там говорят, что воспаление надкостницы, рожа и проч., но я знаю очень хорошо, что главное в том, что я *помираю* от ноги, как говорят мужики, то есть нахожусь в положении немного более близком к смерти, чем обыкновенно, и именно от ноги, которая указывает на себя болью.

И это положение, как и вы прекрасно говорите — чувствовать себя в руке Божией — очень хорошее и мне всегда желается в нем быть, а теперь не желается из него выходить.

В самом деле, очень большие и продолжительные телесные страдания и после них телесная смерть — это такое необходимое и общее всем условие жизни, что человеку, вышедшему из детства, странно забывать про это хоть на минуту. Тем более что память об этом, всегдашнее ожидание этого, не только не отравляет жизни, но придает ей твердость и ясность.

Если я смотрю на свою жизнь, как на свою собственность, данную мне для моего счастья, то никакие ухищрения и обманы не сделают того, чтобы я мог спокойно жить в виду смерти. Только тогда можно быть совершенно равнодушным к телесной смерти, когда жизнь представляется только обязанностью исполнения воли Отца. Тогда интерес жизни не в том — хорошо ли или дурно, а в том, хорошо ли исполняю то, что мне велено; а исполнять я могу до последнего издыхания, и до последнего издыхания могу быть спокоен и радостен. Не говорю, что я такой, — но желаю быть таким, и вам желаю этого — надеюсь, что вы не будете несогласны с такой постановкой вопроса. А чтобы вы не думали, что под исполнением воли я разумею что-нибудь особенное, я скажу, что воля Отца одна и всем известная — любовь ко всем людям и единение с ними от самых близких до самых далеких.

Не правда ли, вы согласны?

От всей души благодарю за доброе желание»[47].

** Кузминский, женатый на сестре графини, Софии Андреевны, известный прокурор. (*Примеч. А.А. Толстой.*)

Чтобы приветствовать меня, семья была в полном сборе, исключая хозяина, который еще не возвращался с полевой работы. Наконец, вот и он, — в белой, очень чистой холщевой блузе, перетянутой ремнем, и с длинной полуседой бородой... Завидевши его, я всплеснула руками: — «Господи! Отец Серафим!..» И в самом деле, он был поразительно похож на известное изображение Саровского старца, только помоложе, хотя за время нашей разлуки, он, конечно, несколько постарел. Мы обнялись дружелюбно, и меня поразила особенная кротость в его глазах.

Он оставался кроток во все время моего пребывания в Ясной Поляне, хотя прений между нами было немало. В первый же день я ему объявила, шутя, следующее:

— Savez-vous, mon cher ami, qu'il faut régler d'avance la mesure de nos droits réciproques quant à la parole. Vous qui êtes un écrivain et une célébrité, vous vous permettez comme de raison, non seulement d'exprimer, mais aussi d'imprimer vos professions de foi, et moi qui ne suis qu'une mortelle insignifiante, je veux cependant être libre de dire, au moins dans votre maison, tout ce que je pense.

— Certainement, vous en avez tous les droits et j'aime beaucoup d'ailleurs, qu'on ait des convictions indépendantes*.

Легко может быть, что я чересчур пользовалась этим правом и, не смущаясь признанным авторитетом Льва Николаевича, говорила все напрямик. В нем дорог мне был не знаменитый писатель, а человек и друг. Разговоры наши были бесконечны и, должна сказать, полны содержания: мы переходили, как по клавишам, от одного предмета до другого, несмотря на все диссонансы, существующие между нами. Каюсь, я часто раздражалась и не умела сохранить то благодетельное хладнокровие, которое необходимо в каждом состязании; он же оставался покоен, — что меня еще больше сердило.

— Ах, бабушка, — спрашивает он меня однажды, — когда же вы, наконец, состаритесь?..

— Никогда, — отвечала я ему резко, — годами и наружностью я давно немолода, но это не касается души. Вы сами видите, как только вы

---

* — Знаете ли, мой друг, что нам надо определить заранее меру наших обоюдных словесных прав. Вы — писатель и знаменитость, вы можете не только говорить, но и печатать о вашем образе мыслей, а я — простая смертная, я хочу, по крайней мере в вашем доме, свободно говорить все, что думаю.

— Без сомнения, вы имеете на то полное право, и я даже очень люблю, когда у людей есть независимые убеждения (*фр.*).

затронете неловко чувствительную струну, я сейчас же взвиваюсь на воздух, как ракета, а вы...

— А я спокоен, как убежденный человек.

— Pas du tout, vous êtes comme un lion repu, qui a déjà dévoré trois ou quatre brebis*.

На этот раз все окончилось смехом. Очень жалею, что я в то время не вела дневника и не могу передать буквально содержание наших споров.

Яснополянский дом, весьма ненарядный и даже некомфортабельный, мне, однако, очень понравился, может быть, потому, что во всех углах двигались милые лица и милые люди. Почти все дети Толстые чрезвычайно симпатичны своей простотой и отсутствием всякой жеманности; глубже вникнуть в них я, разумеется, не успела.

Мне пророчили, что я найду в яснополянском доме большой беспорядок; этого я не нашла; напротив, все было чисто и прилично, хотя не соблюдались педантично часы чая и обеда; все вставали довольно поздно, и я, придворная и городская жительница, одна была на ногах уже в восемь часов. Я успевала нагуляться, начитаться, написать свои письма и поиграть с своей крестницей Сашей[49], которая жила рядом со мной, — прежде чем мои хозяева воспрянут от сна.

Лев и его жена появлялись не ранее 11 часов, и мы втроем пили кофе в маленькой гостиной; в столовой же был накрыт чай для молодежи с 7 часов, а они, почти все, вставали так же поздно, как и их родители, и являлись один за другим, далеко не вместе, к бедному чаю, который успевал уже 20 раз заморозиться. Эта компания с каждой минутой все возрастала, — и тогда они начинали шмыгать мимо нас поодиночке или группами, и подчас эта беготня мне очень надоедала. «Точно страница из Достоевского, где все бегут и куда-то стремятся», — говорила я Льву, и это сравнение так ему понравилось, что он часто: повторял: «Опять вы бегаете тут, как герои Достоевского!»...

Я очень любила эти утренние часы. Лев, обновленный сном, был в отличном духе и необыкновенно мил: мы разговаривали совершенно покойно; он часто читал мне любимые его стихи Тютчева и некоторые Хомякова[50], которые он ценил особенно; и когда в каком-нибудь стихо-

---

* — О, нет, вы как сытый лев, съевший уже трех или четырех ягнят (*фр.*).

творении появлялось имя Христа, голос его дрожал и глаза наполнялись слезами... Это воспоминание и до сих пор меня утешает: он, сам того не сознавая, глубоко любит Спасителя, и, конечно, чувствует в нем *необыкновенного* человека; трудно понять противоречие его слов и его чувства...

Уходя на работу в свой кабинет, он мне обыкновенно оставлял все журналы, книги и письма, полученные накануне. Нельзя себе представить, какой ворох этого материала почта приносила ежедневно, не только из России, но и со всех стран Европы и даже из Америки, — и все это было пропитано фимиамом, фимиамом... Я часто удивлялась, как он не задохся от него, и даже ставила ему это в великую заслугу.

— Quelle effrayante nourriture pour votre orgueil, mon cher ami; je crains vraiment que vous ne deveniez un jour comme Nabuchodonosor avant sa conversion.

— Pourquoi voulez-vous, que j'en suis fier, —отвечал он — lorsque je vais dans le *grand monde* (так он называл мужицкие избы), ma gloire n'existe pas pour eux — donc, elle n'existe pas du tout*.

Какой парадокс, и однако, он в него верил.

Самые разнообразные просьбы сыпались на него со всех сторон: иные просили денег, иные советов и содействия в журналах, и мало ли еще какого вздора, которому он добродушно смеялся; между тем меня часто поражала его неразборчивая оценка писем и книг: стоило только ему найти в них свою излюбленную нотку, чтобы восхищаться самой непроходимой чепухой; я иногда заставляла его перечитывать то, что он хвалил, и он с улыбкой сознавался, что сказанное действительно глуповато.

В других случаях он оставался непоколебим. Так, один раз, уходя к себе после кофе, он просил меня прочитать «*прекрасные письма Черткова и его жены*»...

Сделаю отступление, чтобы объяснить читателю, кто были Чертковы. Владимир Григорьевич Чертков, бывший конногвардейский офицер, богатый красавец, идол дам большого и малого света, вел довольно разгульную жизнь; но вдруг он все оставил, и свет его уже больше не видал. Не знаю, кто и что произвело этот переворот. Скоро он стал соиздателем

---

* — Какая страшная пища для вашей гордости, мой друг; я, право, боюсь, чтобы вы не стали Навуходоносором до его обращения[51].

— Почему вы думаете, что я этим горжусь... В моем *большом свете*... слава моя не существует, стало быть, ее вовсе нет (*фр.*).

и редактором московской фирмы «Посредник»[52], издававшей книжки для народа; потом женился на очень простенькой девушке, впрочем, из хорошей семьи, отправился в деревню и зажил там по-мужицки, т.е. на равной ноге со своей прислугой. Случай сблизил его с Л.Н. Тодстым, но он сам говорил мне, что и прежде этого знакомства он был того же направления, как Лев Николаевич.

И вот, прочитав эти письма[53], я только могла пожать плечами; помню до сих пор их главное содержание: жена Черткова просила совета и жаловалась, что, несмотря на все их усилия установить равенство между ними и прислугой, обедая вместе с поваром, кучером и т.д., люди смотрят на них все-таки, как на бар. В этих просьбах о наставлении и сетованиях было столько деланного, неестественного, что мне, поистине, стало тошно. Простолюдины в этом отношении гораздо мудрее господ своих: они отлично понимают, что вся эта комедия ничего не уравнивает. Да и как же может быть иначе?!.. Одного примера достаточно: г-жа Черткова, приехавши в Москву беременная и больная, не могла подыскать для себя достаточно покойной и восьмирессорной кареты, чтобы доехать до деревни (никто, конечно, упрекать ее в этом не может), а простая баба в том же положении, не рассуждая много, отправилась бы в телеге, — вот вам и равенство!..

Достоевский, задолго перед тем, как вошло в моду это *опростение*, порицал его в своем «Дневнике Писателя»[54], говоря, что надо очень мало знать мужика, чтобы думать, что он поддастся на этот маскарад. Для этого у него слишком много мозгу в голове.

Письмо же В.Г. Черткова, которое возбудило во мне сильное негодование, начиналось так[55]: — «Сегодня утром я толковал мужику, что в первых словах Евангелия от Иоанна нет никакого смысла»... и т.д. (мне и этого было довольно).

В продолжение дня я не успела сообщить Льву свое впечатление: было много гостей, и он только мимоходом мог спросить, понравились ли мне письма Чертковых; мой отрицательный ответ его очень удивил. Затем я об этом забыла и уж вспомнила только вечером, когда все разъехались и мы остались в самом тесном кружке. К нам присоединился Бирюков, очень милый, кроткий молодой человек, последователь Льва Николаевича и помощник Черткова по изданию книжек «Посредника». Мы беседовали мирно; Павел Иванович Бирюков спросил, между прочим, читала ли я их вновь вышедшую брошюрку «Цветник»[56], сборник

стихов наших поэтов; как нарочно, эта книга попалась мне под руку незадолго до моего отъезда в Ясную Поляну.

— Да, — отвечала я, — читала, и выбор показался мне очень хорош; только я не поняла, отчего выпущены некоторые строфы из одного прелестного стихотворения Хомякова. Мне кажется, что из Хомякова не следует ничего выпускать.

— Вот видите, графиня, – отвечал Бирюков своим тихим голосом, — это оттого, что тут было упомянуто об искуплении, а Владимир Григорьевич *не любит искупления*...

Трудно себе представить, что со мной совершилось в эту минуту: ракета взвилась на воздух до тверди небесной, голос замер, и я вся дрожала:

— А! — воскликнула я наконец с самой горькой иронией и ударяя на каждое слово, — Владимир Григорьевич *не любит искупления*!.. (тут вспомнилось мне его письмо). Он также находит, что первые слова от Иоанна не имеют никакого смысла... это потому, что у него вот тут (я провела быстро рукой по лбу) пусто; но вы-то все, проповедующие учение Христа, что *вы* такое?!!..

Бирюкова я забыла и уже накинулась на Льва:

— По-моему, вы хуже всех сектантов, потому что почти все сектанты веруют в искупление, которое составляет надежду христиан...

Я была в таком возбуждении, что себя не помнила, и, вероятно, наговорила слишком много; все молчали... Наконец Лев Николаевич заметил весьма спокойным тоном:

— Vous conviendrez cependant, que si Dieu peut tout, il Lui est impossible de dire une absurdité, et les paroles de St-Jean n'ont effectivement aucun sens*.

Разумеется, это ужасное возражение не могло меня успокоить. После вызванной во мне бури я провела всю ночь без сна, и на другой день за кофеем, сказала, что, вероятно, мне следовало бы извиниться за мою горячность; но такой поступок сочла бы за фальшь, потому что не могу отречься ни от одного своего слова и не отвечаю, что, при вызове, не повторю того же самого. Затем я старалась избегать подобных столкновений, и мы опять зажили в духе мира и любви.

---

* — Вы, однако, согласитесь, что, хотя Господь и всемогущ, Он не может сказать нелепость; слова же Св. Иоанна не имеют никакого смысла (*фр.*).

После утреннего ухода Льва Николаевича я обыкновенно оставалась вдвоем с графиней Софьей Андреевной, которая, по прирожденному ей прямодушию, рассказывала мне много интересного из прошедшей и настоящей их жизни. Не считаю себя вправе передавать здесь эти интимные, откровенные разговоры, но они меня еще более убедили, что понимание Бога у Льва Николаевича было неправильное.

Первые годы, последующие за его духовным переворотом, были ужасны, и требовалась вся энергия Софьи Андреевны, чтобы вынести все эксцентричности новых систем Льва Николаевича. К счастью, их обоюдная любовь все преодолела, и все опять понемногу улеглось, хотя прежний союз во многом был нарушен.

Во время моего пребывания в Ясной Поляне Лев сильно занемог желчными припадками, что продолжалось два дня, за которыми последовала большая слабость. Мне было его очень жаль, но это имело для меня ту выгоду, что он не выходил из дому на полевые работы. К моему большому удовольствию, мне не случилось видеть никаких странных занятий — ни шитья сапог, ни кладки печей и ничего из того, что мне представлялось чисто как пустая игра. Оправившись, он был очень весел, шутил, садился за фортепиано и даже за карточный стол, когда случайно составлялась партия; играл он в карты очень плохо, но с большим увлечением.

Приезжих за это время прибавилось немало, как родственников, так и посторонних; приезжали даже и вовсе незнакомые люди, каждый со своей нуждой. Дверь была открыта для всех; бедный же люд — мужики и нищие — приходили прямо под окно его кабинета (rez-de-chaussée). С балкона бельэтажа я часто видела, как он разговаривал с ними и подавал им на бедность. Несмотря на то, что Лев Николаевич считал безнравственным помогать людям деньгами, их в доме раздавалось немало, — кроме мелких денег и грошей, которые клались на окно Льва Николаевича для подобных случаев. Кроме того, он очень часто приходил наверх, чтобы просить у жены прибавления. Графиня, с своей стороны, не отказывала приходящим, и в итоге этот расход был, вероятно, довольно значительный. Дети, знакомые со всеми деревенскими нуждами своих мужиков, также нередко являлись с требованиями о помощи и с восхищением получали желаемое.

Кстати о детях: чем более я их видела, тем более они мне приходились по сердцу: добрые, простые, веселые, хорошо одаренные, — нельзя было их не полюбить; особенно мне нравилась старшая дочь — Таня, с

которой я и в настоящее время нахожусь в переписке. Что касается до моей крестницы Саши, в то время ее можно было только предугадывать: она поразила меня своей миловидностью и умом, личико у нее красивое, хотя очень похожее на отца, который некрасив, а глаза глубокие, как звезды. Все дети очень привязаны к родителям, особенно обожают отца, но не все разделяют вполне его взгляды. Им хочется еще жить, а им вечно толкуют об отречении. Если бы Лев не отказался, отчасти, от своей воли, или, лучше сказать, от своей фантазии, то Ясная Поляна и самарское имение давно бы были проданы[57], сочинения его раздавались бы публике даром, а вся многочисленная его семья (всех было у него 15 человек детей, из них живы восемь) была бы осуждена на скитальческую жизнь и на заработки простых поденщиков.

В первые годы своей семейной жизни, как будет видно из писем Льва Николаевича, он очень заботился об образовании своих детей; но с новым направлением и это исчезло.

«Иди на улицу, мети снег, топи печки», и т.д. — вот что дети слышали от него ежедневно. К счастью, благоразумная и практическая воля графини, его жены, устранила несбыточные планы воспитания детей Львом Николаевичем, и все его дети продолжали и продолжают еще и теперь учиться, окруженные педагогами различных национальностей.

Но из всех этих столкновений вышло, однако ж, как мне показалось, нечто беспочвенное: никто не знает, на чем он стоит, во что он должен верить или не верить... Краеугольный камень уж слишком расшатался. Уповаю, что со временем рука Божия исправит и это, потому что зачатки во всех детях добрые, честные, умные и прямые.

Кажется, я уже говорила, что Софья Андр⟨еевна⟩, несмотря на свои хозяйские заботы, беспрестанно переписывала то, что Лев Николаевич готовил к печати; переделкам и поправкам его не было конца, и все вместе составляло громадный труд, вроде тех работ, которым в волшебных сказках злые волшебницы подвергали своих жертв. Будучи совершенно свободна, я предложила однажды Софи свои услуги для переписки, но она отклонила их, уверяя, что я не разберу тарабарской грамоты ее мужа; однако через несколько дней сам Лев, имея спешную работу для отсылки в Москву, просил меня и других помочь ему в этом деле[58]. Нас рассадили по парочкам на отдельных столах, каждую даму с кавалером; составилось шесть пар. Мне достался А.М. Кузминский, и мы сидели

отдельно в маленькой гостиной, другие же все в большой зале. Он диктовал, а я писала. Совсем неожиданно вдруг стали попадаться такие неуклюжие фразы, что я невольно вспомнила «непроходимые болота», как выразился раз о Толстом Тургенев, и не могла решиться ни переступить болота, ни передать печати в этом виде; хотя Кузминский и соглашался со мной, но считал невозможным — простым смертным поправлять Толстого. Я, однако ж, настояла на своем. В это время Лев, прохаживавшийся по комнатам от одного стола к другому, подошел и к нам.

— Savez-vous, mon cher, que je viens de corriger votre prose au grand scandale de votre beau-frère*, — сказала я.

— Et vous avez eu parfaitement raison, je ne tiens qu'à l'idée et ne fais aucune attention à mon style**, — ответил мне Лев Николаевич.

На другой день он предложил прочитать кое-что из переписанного нами; это было философское сочинение, под заглавием «Жизнь»; так как он адресовался ко мне, то я и отвечала:

— Буду очень рада услышать образчик вашей мудрости, но вряд ли я пойму что-нибудь: философия чужда мне наравне с санскритским языком.

— Если вы не поймете, то это будет, конечно, не ваша, а моя вина, но я надеюсь, что этого не будет, — отвечал Лев.

В семь часов мы все собрались около него; он был особенно весел и любезен.

— Какая же у меня дивная аудитория! — шутил он, окидывая нас взглядом. — Какие представители: Ал⟨ександр⟩ М⟨ихайлович⟩ Кузминский как прокурор, представитель юриспруденции, Николай Яковлевич Грот, сам профессор философии, и, наконец, — прибавил он, указывая на меня, — графиня, представительница религии (вот поистине незаслуженная честь).

Чтение продолжалось около двух часов. Я поняла гораздо более, чем ожидала; были места прекрасные, но сердце мое не дрожало и не горело. Мне казалось, что я то сижу в анатомическом кабинете, то, что я бегаю по кривым дорожкам в полуосвещенном лабиринте и все сбиваюсь, путаюсь и не могу вздохнуть свободно... Разумеется, об этом я не поведала никому, и если останавливала чтение каким-либо вопросом, то это было

* — Знаете, мой милый, я дерзнула исправлять вашу прозу к великому негодованию вашего зятя (*фр.*).

** — И вы хорошо сделали: я дорожу только мыслью и не обращаю ни малейшего внимания на стиль (*фр.*).

единственно для того, чтобы дать другим слушателям возможность сказать свое слово, так как замечала, что у Грота и других скопилось много возражений на языке, но он, как и другие, не дерзал перебивать учителя; впрочем, Лев был очень снисходителен к его мнениям, и вечер окончился прекрасно, загладив впечатление предыдущих бурь.

Скоро после этого настал день моего отъезда. Толстые проводили меня с тою же любовию, как и встретили, — и этим заканчивается повествование о моей первой поездке в Ясную Поляну.

На железной дороге я встретила давно мне знакомого князя Леонида Урусова, тульского вице-губернатора. За год перед тем он познакомился со Львом Николаевичем, часто виделся с ним и сделался самым фанатичным из его приверженцев. Будучи вполне верующим, он в то же время не понимал еще, какое страшное отступление от истины охватывало все более и более ум Льва Николаевича — т.е. отрицание божественности Христа.

Я всегда считала Урусова за прекрасного, образованного человека, но отнюдь не выдающегося ума. Подпавши под обаяние Льва Николаевича, он не позволял себе ни малейшего сомнения и анализа. На одной станции он подсел ко мне в вагон, и мы проговорили с ним чуть не до Петербурга. Он страшно горячился на мои возражения и, как я написала потом Льву Николаевичу: «Урусов, en défendant votre cause, avait l'air d'un mouton enragé»*.

Чтобы побороть то, что считал моими «предубеждениями», он мне обещал прислать «Евангелие» Льва Толстого, с убедительною просьбою сообщить ему свое впечатление. Прежде чем говорить об этом впечатлении в своих записках, я привожу здесь случайно сохранившуюся копию с письма моего к Урусову:

«Любезный князь, возвращаю вам ваш манускрипт, прочитанный мною с большим вниманием, но не без волнения. Мне невыразимо дорого чувствовать, что первый луч будящей благодати действительно коснулся души нежно любимого мною Льва Николаевича и что он (по его же словам), прежде неверующий ни в существование Бога, ни в загробную жизнь, глубоко поверил и в то, и в другое. Все те места, где он говорит от себя, без примеси Евангелия (к сожалению, их немного), меня очень тронули. От них веет теплом, добром и искренностью. Господь, начавший в нем работу перерождения, наверно завершит ее торжест-

---

* «...защищая вас, был похож на взбесившегося ягненка» (*фр.*).

венно и пополнит все недостатки. В этом я не сомневаюсь, а покамест я грущу и плачу (в буквальном смысле плачу), что тот луч, который с таким трудом пробился в его душу, Лев Николаевич принял за полнейший свет, и в гордости своей захотел освещать этим светом других, как пророк, провидевший всю истину. Он даже не дал этому лучу времени разгореться, раздробил его своим скептическим умом, и с усилием и натяжкой втиснул в узкую рамку своего личного одностороннего воззрения то, чего весь мир не может вместить.

Кажется, я не ошибаюсь, полагая, что та минута, когда слепота начинает спадать с наших глаз, есть самое важное в нашей жизни, и что сердце смиренное, сознавши свое недостоинство и всю опасность своего прежнего положения, примет этот дар коленопреклоненно, со страхом и благодарением; затем станет хранить в глубине души свет, озаривший ее, довольствуясь проводить его в жизнь делами и действовать благотворно на все окружающее. Всякий поймет тогда и без слов, что мы сделались новыми людьми. Всякий узнает нас по плодам нашим; плод же книги Льва Николаевича совершенно противоречит, как вы видите, моей простой и незамысловатой теории. Цель этой книги для меня также не ясна. И если он совершил такую громадную работу с тем, чтобы выяснить себе самому некоторые вопросы жизни, оно очень понятно. Многие, не будучи писателями, делают то же; но такие попытки, которые можно уподобить первым шагам ребенка, оставляют у себя и не выходят с ними на публичную проповедь. Враг человека, дух злобы, тот, которого Лев Николаевич не признает, не допустил его покамест сделать то добро, которое могло бы быть им сделано, а гордость подсказала ему, что он уже и теперь может сделаться учителем, *власть имеющим*.

Зная, что вы интересуетесь моим впечатлением и не будучи уверена, что я вас увижу, я хотела сообщить вам без всякой подробной критики, как можно короче, главные черты того, что я перечувствовала, читая эту книгу» и проч. и проч.

Бедный Урусов в то время уже был болен, и мне не хотелось его огорчать слишком резким отзывом; dans mon for intérieur* отголоски эти были гораздо сильнее, что я сейчас скажу, окончив об Урусове.

Последние два года он жил, можно сказать, дышал только гра⟨фом⟩ Толстым; умирая в Крыму от злой чахотки, он не переставал говорить

* в душе моей (*фр.*).

о нем и завещал своему малолетнему сыну, который один был при нем, хранить с любовью письма графа Льва Николаевича как самое дорогое сокровище, которое мог ему оставить[59].

Возвратясь домой, я понемногу ознакомилась с новыми сочинениями Льва Николаевича, которые, не будучи допущены к печати, переходили из рук в руки манускриптами[60]. Не берусь за оценку этих творений; во многих я нашла чудные страницы, но в общем они действовали на меня очень тягостно, в особенности именно его «Евангелие»[61]. Грубое отрицание и дерзкие извращения божественной книги приводили меня в невообразимое негодование. Случалось, что я прерывала свое чтение и бросала тетради на пол; если бы они принадлежали мне, они бы, конечно, не уцелели; мне казалось, что они переполнены кощунством.

В то время я жила в Царском Селе, в Лицее; напротив моих окон переделывали кое-что в фасаде дворца, и этим была занята масса рабочих; глядя на них, какой-то страх овладевал мною: вот и до этого бедного люда доберутся, может быть, ужасные бредни... Надо мной смеялись близкие мне лица, но я, чтобы успокоить мое сердце, раздавала этим рабочим десятки Евангелий, которые они принимали с величайшей благодарностью.

Однако время шло, и мой рыкающий Лев становился все более и более популярен. Теперь уже не одна Россия и не одна Европа, но и Америка подпали под его обаяние. Почти везде говорили и печатали о нем громко и восторженно. В сущности, мало кто понимал его за границей настоящим образом, а протесты являлись только от соотечественников, и всего чаще от духовных лиц[62]; но у нас было принято пренебрегать ими: — «Как дерзают эти маленькие умишки тягаться с гениальностью Льва Толстого!»... Правда, что между этими критическими статьями были весьма слабые и даже с примесью пошлых ругательств; но другие выражали прекрасно свое оскорбленное религиозное чувство, и случалось, что не только духовные, но и светские развитые люди защищались увлекательно от фальшивых теорий Льва Николаевича.

Должна сказать, что успех оппонентов был сомнительный, и толпа еще более продолжала стремиться к зараженному источнику. Я часто задумывалась над этой психологической загадкой: неужели в отрицании признанных истин лежит такая заманчивая сила, и не управляет ли ею начальник всякой лжи?..

Иногда мне случается слышать, что Лев Николаевич благотворно действует на нигилистов[63], и что многие из них оставляли свою пропаганду и отдавались ручному труду по совету Льва Николаевича. Впрочем, он не любил нигилистов, как это видно и из его писем, избегая их, и тогда только входил с ними в сношения, когда они подкрадывались к нему в овечьей шкурке. Это туманное утешение меня вовсе не удовлетворяло; я продолжала мучиться мыслью о внесенном им соблазне и страдала за массу молодежи, мужчин и женщин, которые силились идти по его следам.

Один из моих близких приятелей, Георгий Константинович Властов*, мнением которого я чрезвычайно дорожила, вовсе не одобрял моего уныния насчет Льва Николаевича

— Вы напрасно так смущаетесь, — говорил он, — Льва Николаевича я никогда не видал и не могу, разумеется, принять его учение; но он мне напоминает ветхозаветных пророков, которые, так же как он, сами не знали, что говорят, и только в далеком будущем оправдались их слова. Признайтесь, что и у Льва нет недостатка в прекрасных Божьих искрах. Уже и за то ему спасибо, что он возбудил много таких вопросов, которыми раньше в нашей литературе никто не занимался, как-то: его советы насчет чистоты брачной жизни, о почитании искусства и пр.; а сколько еще и других метких замечаний вы найдете почти в каждой его статье. Помните, например, какую чудную проповедь он сказал молодым людям в «Крейцеровой сонате» и какими сильными словами он разгромил разгульную жизнь нашей молодежи, за которую никто их не осуждал, потому что все эти неистовства, вроде разгула на Татьянин день[64], вошли в порядок вещей; между тем исход этого растления ужасен и отражается на многих поколениях.

Должна, однако, признаться, что никакие увещания не могли совершенно успокоить меня, и страх, беспрестанный страх, вроде idée fixe** не давал мне покоя. Мысль, что Лев, может быть, испортит все подрастающее поколение, болезненно наполняла мой ум и душу, и вскоре по возвращении моем из Ясной Поляны я решилась еще раз написать к нему спокойно и обдуманно.

---

* Властов Г.К. был сначала военным, но, увлекаемый наукой, переменил свою службу и теперь известен как автор многих научных и духовных произведений. (*Примеч. А.А. Толстой.*)

** навязчивая идея (*фр.*).

Хотя я никогда не хотела помещать *свои* письма к Льву Николаевичу в этих воспоминаниях, но это единственное письмо должно войти в их состав, ради последовавшего на него ответа.

Вот мое письмо к Льву Николаевичу[65]:

«......Je lis la biographie de Parker, que vous m'avez donnée, avec intérêt et tristesse, la même tristesse que j'ai ressentie après quelques unes de mes conversations avec vous — je dis: *quelques unes*, car chaque fois que la parole est sortie uniquement de votre cœur, le mien a répondu à votre émotion, et sans vous le dire, je me suis sentie profondément unie à vous.

C'est la partie anatomique (vous diriez philosophique) de votre religion qui m'inspirait, malgré moi, un malaise inexprimable, ou plutôt une grande souffrance comme si on m'arrachait le principe même de la vie.

Vous aimez Jésus Christ — vous Le servez (je l'ai constaté avec bonheur) et cependant nous ne pouvons nous entendre complètement parce que vous persistez à ne voir en Lui que le premier des moralistes, sans accepter Sa divine individualité toute entière. Ce n'est pas une accusation — c'est un regret immense! L'harmonie sur ce terrain me serait si chère, mais la voix qui m'exhorte à la vérité n'est pas la même que la vôtre.

Jésus me dit: "*croyez*" et vous me dites: "*raisonnez*". L'Evangile me dit: "*priez sans cesse, rendez grâce, frappez pour que la porte vous soit ouverte*", et vous: "La prière est du temps perdu, — agissez, dépouillez-vous, renoncez à tout pour vos frères".

Mais je ne puis ni agir, ni me dépouiller, ni *aimer* sans être unie à mon Sauveur par ce lien mystérieux, mais absolument *réel* qui dépasse tous les raisonnements ou plutôt qui n'a rien à faire avec la raison, parce qu'il est une révélation et une force en dehors de moi-même.

Le cri d'angoisse de St-Paul: "*Quand je veux le bien, je fais le mal*" — est bien le cri de toute humanité. Oui, je veux le bien et ma nature pécheresse s'y oppose à tous les moments de ma vie. Qui donc vaincra en moi cette dualité contraire, si ce n'est la grâce du St-Esprit que Jésus *m'ordonne* d'invoquer et qu'Il *promet* d'accorder à l'ardeur et à la persévérence de la prière.

Sans le secours de cette action intérieure, je suis, moi, parfaitement sûre de tomber dans un état d'impuissance absolue, tandis que vous semblez croire qu'on peut réaliser toute la morale du Christ par la seule force de sa volonté; au moins n'ai-je jamais rencontré dans aucun de vos écrits une indication d'un autre genre.

L'Evangile est un soleil de vie; vous en convenez vous-même, mais vous ajoutez aussitôt: "Prenez garde de confondre chacun de ses rayons dans une

même lumière — il faut graduer, mesurer leur importance, car il y en a d'inutiles, même d'absurdes". Et moi, qui me sens faible, misérable, perdue, je ne puis me passer d'aucun de ses rayons pour dissiper les ténèbres, dans lesquelles mon âme se replonge dès qu'elle n'est pas soutenue, vivifiée par la lumière complète, telle que je la rencontre à chaque page de l'Evangile.

Jésus en me disant: "*Suivez Ma parole*", me dit aussi: "*Croyez à Mes œuvres*". Et vous me dites: "Non, ne croyez qu'à Sa parole. Ses œuvres, Ses miracles, Son sacrifice ne sont pas nécessaires et Sa Rédemption n'a aucun sens. Il n'est venu que pour nous enseigner Sa nouvelle doctrine".

Eh bien, cette doctrine incomparable, divine, comment ferons-nous, je le répète, nous, tels que nous sommes, pour l'accomplir de point en point?

Qui comblera nos lacunes journalières, innombrables, comme les grains de sable? Qui effacera la masse des péchés commis *avant* que nous soyons arrivés à aimer cette doctrine? Notre cœur abandonné à lui-même est-il assez large pour contenir un repentir équivalent à nos chutes?

C'est à peine s'il se rend compte d'une parcelle du mal qui encombre sa vie.

J'admire les hardiesses d'un St-Paul dont le cœur régénéré brûle d'amour pour le Seigneur et qui prête une oreille humblement attentive à tout ce qui émane de Lui, pour entraîner Juifs et gentils dans cette unique voie de salut, mais je proteste contre l'audace, peut-être inconsciente, d'un Parker quelque belle et utile que soit sa vie, quelque haute son intelligence, lorsqu'il dissèque mon Sauveur et me jette à la face que Son agonie et Sa mort ne peuvent effacer mon péché! S'il parvenait à me convaincre de son criminel point de vue, il m'enlèverait d'un coup mes espérances immortelles et mettrait le désespoir dans un cœur dont l'unique appui est l'immense bienfait de la Rédemption.

Pour me bien comprendre, tâchez, mon cher Léon, de vous représenter la révolte que vous auriez ressentie, si l'on venait vous disputer votre croyance et vous dire que l'enseignement de Jésus est aussi faux qu'inutile.

Ainsi vous faites bien de propager les préceptes du Christ — vous ne sauriez le faire assez, mais au nom du Ciel ne touchez pas à des questions tout aussi essentielles, bien qu'elles n'entrent pas dans le cadre de vos convictions. Croyez-moi, elles peuvent marcher de pair. Des millions des Chrétiens l'ont prouvé à travers les siècles.

J'ai lu quelque part que les Chinois reprochent aux Européens de ne pas posséder suffisamment le sentiment *du respect* qui chez eux, disent-ils, est la base la plus solide de leur organisation sociale. Votre main pacifique ne vou-

drait certainement pas infliger des blessures à votre prochain et pourtant vous avez des paroles qui nous blessent et nous scandalisent péniblement nous autres petits. J'ai envie de vous citer à cette occasion un texte biblique que vous ignorez peut-être: "Ôte ta chaussure, car ce terrain est sacré!". N'est-il pas sacré aussi le terrain du cœur?

La loi d'amour est pour tous, n'est-ce pas?

Plus que beaucoup d'autres vous vous inclinez devant elle, avec la ferveur d'une âme convaincue, mais alors pourquoi morceler Celui qui l'a donnée?

Jésus qui savait qu'elle seule nous ouvre l'entrée de Son Royaume n'est-Il pas descendu parmi nous précisément pour nous aider à le conquérir?

En ôtant ce secours divin, vous lancez dans l'espace des voyageurs privés d'eau et de pain. Auront-ils la force de porter jusqu'au bout le fardeau des devoirs dont leurs épaules sont chargées, car le renoncement n'est pas une vertu facile ni naturelle. Ne viendra-t-il pas un moment, où déroutés par l'impossibilité de suivre Ses préscriptions dans le sens le plus littéral, ils s'embrouilleront dans leurs idées et retomberont plus bas, quelque soit leur bonne volonté?

La question de votre responsabilité à leur égard est un perpétuel gémissement dans mon cœur. Si je me trompe, si elle n'alarme pas votre conscience, rassurez-moi. Vous ne faites pas de propagande, dites-vous, vous écrivez pour résumer vous-même; mais vous savez bien que les masses vous écoutent, et c'est précisément parcequ'il y a une note chaleureuse dans vos convictions despotiques, que le danger en devient plus grand.

Il est possible que votre voix, même telle qu'elle est, ait fait rentrer sur un chemin meilleur plus d'un égaré, plus d'un ignorant, mais consolera-t-elle quelqu'un dans la souffrance?

Détaché, comme vous semblez l'être, des préoccupations matérielles, exigeant avant tout de chacun une activité visible et palpable (le travail manuel), je crains que vous ne teniez pas assez compte des souffrances humaines à formes si variées et si cruelles. Que donnerez-vous à ceux qui crient de douleur et qui ont besoin de toutes les manifestations de l'amour et de la puissance du Christ comme complément de Sa morale? Sera-ce un Evangile rétréci et dépouillé des richesses innombrables qu'il contient?

C'est peut-être là le défaut de la cuirasse des grands penseurs. Entraînés par les spéculations de leur esprit, ils s'en nourissent exclusivement et perdent de vue cette même humanité, pour laquelle ils travaillent.

Je crains aussi qu'ils n'oublient parfois de se prosterner devant le Maître de la vie pour être éclairés à leur tour. Se sentant forts et robustes d'intelli-

gence, ils doivent, sans nul doute, avoir plus de peine que les humbles à rompre en visière avec la raison pure et simple, pour admettre le côté surnaturel de la foi dont l'opération est pourtant si réelle.

Je ne me mêle ni de vous juger, ni de vous blâmer. Il ne s'agit pas entre nous de contreverse ou de conversion. Il est évident que chacun de nous maintiendra son opinion.

Ce que j'écris maintenant est comme une suite aux conversations intimes de l'*ami* Léon et de sa vieille Бабушка qui n'a jamais cessé de l'aimer, n'importe la divergence de leurs idées, car l'*homme* Léon l'intéressera toujours davantage que l'illustre *écrivain* et le fétiche de deux hémisphères. Mais comme cette soi-disante Бабушка est aussi obstinée que lui, elle ne cessera jamais de lui rappeler la parole suivante de l'Evangile:

"*Это делайте и того не оставляйте*".

Adieu, mon cher ami, tendons-nous la main et prions le Seigneur de ne pas laisser un coin obscur dans nos cœurs, afin qu'un jour nous puissions Le servir selon Sa volonté à Lui!

Alex. Tolstoy»*.

---

* «......Я читаю данную мне вами биографию Паркера[66] с интересом и грустию, с той же грустию, которую я испытывала после некоторых наших бесед; говорю *некоторых*, потому что, как только слова ваши исходили из сердца, мое сердце откликалось на них, и я чувствовала себя в полном единении с вами.

Анатомический разбор вашей религии (вы бы сказали "философский") возбуждал во мне невыразимо тягостное чувство и сильное страдание, как будто у меня вырывали жизнь до самого корня.

Вы любите Христа, вы хотите следовать за ним (в этом я убедилась с радостью), и, однако, мы не можем вполне понимать друг друга, потому что вы упорствуете видеть в Нем только величайшего Проповедника нравственных законов, не признавая Его божественности.

Это с моей стороны не обвинение, а выражение глубокой печали.

Согласие на этой почве было бы для меня неоцененно; но как же это сделать? Голос, призывающий меня к истине, слишком разнится с вашим учением.

Христос говорит мне: "*Верь, и будешь спасена*"[67]; а вы говорите: "*Разум дан для рассуждения — ему подчиняйтесь*".

Евангелие проповедует: "*Молитесь непрестанно, благодарите, стучите, и отворят вам*"[68]; а вы: "Молитва — потеря времени; делайте добро, раздавайте свое имущество, откажитесь от всего ради ближнего".

Но я бессильна делать добро, лишать себя имущества и даже *любить*, не будучи предварительно соединена с Спасителем той таинственной, но вполне *действительной* связью, которая выше всяких умствований, или, проще сказать, не имеет с ними ничего общего, так как это есть откровение и сила, независящая от нас. Сознание

Св. Павла: "*Добро, которое хочу, не делаю, а зло, которое не хочу — делаю*"[69], должно повторяться в душе всякого разумного существа.

Да, я хочу добра, а моя греховная природа противится этому желанию на каждом шагу моей жизни. Кто же поможет мне победить эту двойственность, кроме благодати Св. Духа, которую Христос *велит* призывать и которую *обещает* ниспослать всем, просящим ее горячо и неотступно.

Без этой помощи я впала бы несомненно в совершенное бессилие, между тем как вы считаете возможным выполнить учение Христово только силой собственной воли.

По крайней мере, эта мысль встречается во всех ваших сочинениях.

Евангелие есть солнце жизни; вы это сами сознаете, но тотчас прибавляете: "Остерегайтесь видеть в каждом из его лучей одинаковый свет: нужно распределять их по мере важности их значения; между ними есть бесполезные и даже нелепые". А я, сознающая себя слабой, ничтожной, потерянной, не могу отказаться ни от одного из этих лучей, чтобы разогнать мрак, в который беспрестанно погружается моя душа, как скоро не поддерживает, не оживляет ее полный свет, находящийся на каждой странице Евангелия.

Христос, сказавши: "*слушайте слова Мои*"[70], сказал тоже: "*верьте делам Моим*"[71], а вы говорите: "Нет, верьте только Его слову. Его дела, Его чудеса, Его жертва бесполезны, и Искупление не имеет никакого смысла. Он пришел только, чтобы преподать новое учение".

Как же нам, со всеми нашими недостатками, выполнить это божественное учение в его обширном смысле? Кто же загладит наши бесчисленные, ежедневные падения и ту массу грехов, совершенных нами *прежде*, чем мы дошли до сознания этого учения? Есть ли в нашем сердце довольно силы, чтобы возбудить в себе раскаяние, соответствующее нашему падению? Мы едва отдаем себе отчет в малейшей части того зла, которое переполняет нашу жизнь.

Я восхищаюсь Св. Павлом, обновленное сердце которого горит любовью к Спасителю. Он смиренно выслушивает все, что открывается ему свыше, и спешит увлекать за собою евреев и язычников на этот единственный путь спасения; но я восстаю против смелости, может быть бессознательной, какого-нибудь Паркера, как бы ни была полезна и прекрасна жизнь его и высок его ум, когда он начинает доказывать мне, что страдания и смерть Спасителя не могут искупить моего греха.

Если бы он убедил меня в этом, то сразу отнял бы у меня надежду на бессмертие и внес бы отчаяние в сердце, единственная опора которого — бесконечная благодать искупления.

Чтобы понять меня как следует, постарайтесь, мой друг, представить себе, как бы вы возмутились духом, если бы вам объявили, что учение Иисуса Христа ложно и бесполезно...

Вы проповедуете заповеди Христа и хорошо делаете; но, ради Бога, не дотрогивайтесь до тех истин, которые несогласны с вашими верованиями; они, тем не менее, величайшей важности для христианского мира, что и доказано массою людей в продолжение многих веков.

Я читала где-то, что китайцы упрекают европейцев в недостаточности чувства *уважения*, которое считается у них основой общественного строя.

Ваша любящая рука не захотела бы, конечно, никому причинять боли, а между тем у вас есть слова, глубоко оскорбляющие нас, ваших меньших братий, и невольно вспоминается мне библейское изречение: “Сними обувь твою: место, на котором ты стоишь, свято”[72].

Заповедь любви существует для всех — не правда ли?

Более многих вы преклоняетесь перед ней с горячностью убежденной души; зачем же умалять Того, кто даровал любовь?

Христос, знавший, что это единственный путь, ведущий в Его Царство, не сошел ли на землю именно для того, чтобы открыть нам вход в это Царство?

Отняв у людей эту божественную помощь, вы создадите путников, голодных и алчущих, лишенных пищи и воды. Хватит ли у них силы довести до конца тяготу обязанностей, лежащих на них?

Ведь самоотвержение — добродетель вовсе не легкая и не врожденная вообще человечеству.

Не наступит ли час, когда удрученные сознанием невозможности выполнить Евангельские предписания в их буквальном смысле, они запутаются в своих мыслях и падут еще ниже, чем прежде, как ни склонны были к добру?

Ваша ответственность перед ними устрашает мое сердце; если это не так, успокойте меня.

Вы говорите, что ваши слова не проповедь; что вы пишете единственно для того, чтобы уяснить самому себе разные вопросы; но ведь вам хорошо известно, что масса людей идет за вами, и чем вы деспотичнее в ваших убеждениях, тем опасность для них увеличивается.

Легко может быть, что ваш голос обратит на лучший путь заблудшего или неверующего, но утешит ли он страждущего?

Поглощенный одними умственными занятиями, вы, может быть, не отдаете себе достаточно отчета в разнообразных страданиях человечества.

Что дадите вы тем, которые изнемогают и которым необходимы все доказательства любви и власти Христа, чтобы укрепить веру в Его учение?

Вряд ли они удовольствуются вашим сокращенным Евангелием, у которого ваша фантазия отняла столько неизреченных сокровищ.

Недостаток великих мыслителей всех веков именно тот, что, увлекаясь теориями своего ума, они теряют из вида потребности человечества, для которого они в силах работать.

Боюсь также, что подчас они забывают преклоняться пред своим Учителем, дабы Он просветил их вполне.

Философам, сильным умом, разумеется, труднее принять на веру все сверхъестественные явления. Эта вера дается только детской простоте и смирению. Господь ясно изъявил свою мысль, призвав к Себе ребенка: “им, или подобным им, принадлежит Царство Небесное”[73].

Поймите, что я не сужу и не порицаю вас. Между нами речь идет ни об обращении, ни даже о соглашении. Каждый из нас, вероятно, не изменит своего внутреннего взгляда.

То, что я пишу теперь, не что иное, как продолжение сердечного разговора между *другом* Львом и его старой “бабушкой”. Она никогда не переставала его любить,

Ответ графа Льва Николаевича Толстого на предыдущее письмо[75]:

«Боюсь, что не успею вам написать длинно, милый друг, Alexandrine, но больше всего боюсь не оставить ваше хорошее, проникнутое любовью письмо без ответа. Упреки ваши, право, несправедливы, милый друг. Вы говорите: "не действуйте на других, потому что ваши убеждения могут быть ошибочны". Этот аргумент неправилен, а главное, может быть обращен против церковного учения, и с гораздо бо́льшим правом. Если люди считают ложным церковное учение, то каково им должно быть больно видеть ту страшную сеть ложной (по их мнению) пропаганды, в которую улавливаются простые и невинные люди и младенцы.

При различии мнений нельзя говорить о тех последствиях, которые производят ложные мнения; надо говорить о самых мнениях; а ложь всегда будет ложь и губительна.

В пользу свою скажу только, и очень прошу вас, в том духе любви, в котором вы писали мне, принять и взвесить эти слова: я ничего не утверждаю такого, чего бы вы не признавали, — и потому я имею радость знать, что вы вполне согласны со всем, чем я живу.

Вы же утверждаете многое такого, что я принять не могу, и потому вы имеете огорчение, что не только я, но и миллионы не признают того, что вы утверждаете. Кто же причиной несогласия? Вы несогласны с магометанами, потому что они признают многоженство и др., но они согласны с вами, что закон Христа есть истина. Кто же причиной несогласия?

Но это не то — главное мне хочется сказать вам вот что: если хочу делать добро и делаю одно дурное и не делаюсь хоть на волосок лучше, т.е. не начинаю делать немножечко поменьше дурного, то я непременно лгу, говоря, что хочу делать доброе. Если человек хочет точно не для людей, а для Бога, делать хорошее, то он всегда подвигается на путь добра. А это движение — приближение к Богу (как бы оно ни было мало, но

несмотря на разногласие их мыслей, — потому что Лев как *человек*, будет всегда иметь больше прав на ее привязанность, чем знаменитый *писатель* и идол двух полушарий. Но она упорна не менее, чем вы, и пока еще пользуется свободой выражать свои думы и мысли, не перестанет напоминать вам следующее Евангельское изречение: "*Это делайте — и того не оставляйте*"[74].

Прощайте, милый друг; протянем друг другу руку и будем просить Господа неотступно, чтобы Он не оставил во мраке ни единого уголка наших сердец, дабы нам жить истинно по Его воле.

А.Т.»

только бы оно было), и укрепляет на пути и дает надежду и радость, и сознание, что ты делаешь хоть чуть-чуть то, чего хочет Бог.

У китайского царя было написано на ванне: "обновляйся каждый день и час сначала и опять сначала".

"Толцыте и отверзется вам, просите духа и дастся вам", это самое и значит. Жизнь вся есть только двнжение по этому пути — приближение к Богу (в этом мы ведь согласны), и это движение радостно, во-первых, тем, что чем ближе к свету, тем лучше; во-вторых, тем, что при каждом новом шаге видишь, как мало ты сделал и как много еще этого радостного пути впереди. Но вы говорите: "мои грехи, мое несовершенство — слабость". Но ведь я иду не на окружной суд, а на суд Бога. Бог же есть любовь. Бога я не могу понимать иначе, как премудрым, всезнающим, и главное, не только не злопамятным, "каким даже я стараюсь не быть сам", но бесконечно милосердным. Так как же перед таким судьей бояться моих слабостей и грехов? Все Евангелие наполнено и прямыми и косвенными указаниями на прощение, на несуществование грехов перед Богом для человека, любящего Бога. Вы говорите, что Бог вперед сделал такое (не знаю, как сказать) распоряжение или выдумку, чтобы простить мне мои грехи — искупить их через Сына (не могу спокойно упоминать об этом кощунстве).

Простите, простите ради Христа!..

Не проще ли Богу, которому принадлежу весь я, из которого исшел, который знает, любит меня, который есть любовь и милосердие, — не проще ли Богу прямо простить мне мои грехи? И разве не ужасное кощунство, что Бог не может или не хочет простить мои грехи, когда я верю, что Он этого хочет и это сделает, и когда для меня невозможно поверить в то, что Он наказал, наказывает и накажет людей за то, что они не верят тому, что Он вперед простил их, искупив Сыном (не могу без ужаса повторять этих кощунственных слов: "накажет за то, что я не поверю в то, что Он неразумный и злой Бог"...).

Если бы самому алчному человеку сказали: хочешь получить наследство — признай, что твоя мать (про которую человек знает, что она святая) была в связи с богачом, — никто бы не мог согласиться признать и неправду, и оскорбление самому святому, что только есть для него и жизни.

Наговорил много лишнего, но хотел сказать только то: все мы живем, если живем по-человечески, стремясь к Богу, приближаясь через посредника Его, между Богом и людьми, И⟨исуса⟩ Христа. Выходя из самого скотского, развратного состояния и достигнув самой высо-

кой святости, мы одинаково чувствуем, что жизнь наша полна грехов. Но человек, начавши эту истинную жизнь, всегда знает и может проверить, оглядываясь назад, что он как ни медленно, но приближается к свету и узнает это направление, и в движении этого направления полагает жизнь. Грехи и слабости человека велики, и совершенство всегда бесконечно удалено от него; но он все-таки стремится к нему. И тут-то вера в благость Божию, в милосердие Его, в любовь ко мне укрепляет силы человека и показывает ему, что кажущееся невозможным своими силами избавление от грехов и достижение совершенного блаженства возможно с помощью Божией. Вы говорите, что помощь эта произошла 1880 лет тому назад, а я думаю, что Бог был всегда такой — и теперь и всегда оказывает помощь людям, и всегда милосерд и хочет их спасения, т.е. блага, и недалек от ищущих Его.

Я понимаю, как вам дорога та форма представления Бога, Его любви, с которой вы свыклись, но одного я не понимаю, почему вам надо, чтобы другие точно так же бы смотрели? Еще можно было бы понять, если бы это было что-нибудь новое, вновь открытое, а то это — давнишнее, давнишнее, всем, не только мне, очень знакомое представление и самое утешительное, как вы сами находите; так отчего же те люди, которые ищут Бога и знают учение Христа, не принимали бы Его? Я понимаю, что это учение может удовлетворить того, кто никогда не думал о Боге и о Христе, и я очень радуюсь за тех, которые принимают его; но почему думать, что люди, ищущие Бога, так, без причины отказываются от этого учения, дающего так много утешения?.. Очевидно, у них есть причины, которые не кажутся вам достаточными. Ну, да что же делать, вы уж их оставьте и простите и любите, какими они есть. Если же хотите согласиться с ними, то серьезно вникните в эти причины и разберите все дело сначала и допустите, что, может быть, и ваша вера ошибочна. Но вы не делаете этого — я знаю, вы не хотите и не можете. Вам и так хорошо. Идите по вашему пути. Все идут к одной цели и сойдутся в ней.

От всей души люблю и обнимаю вас.

Лев Толстой».

Более десяти лет прошло с тех пор, как я написала последние строки моих «Воспоминаний» о Льве Николаевиче...

По-настоящему, я могла бы ограничиться уже мною написанным, в виде предисловия к его письмам, тем более что разбираться с моею уста-

ревшей памятью в дальнем прошедшем не совсем удобно; но заманчивая фигура Льва Николаевича так интересует всех, что по просьбе близких людей, которым я читала мои рассказы о Льве, я решилась прибавить к ним еще кое-что из моих личных впечатлений на его счет.

Впрочем, по всей вероятности, это будет весьма краткая история, потому что в этот промежуток времени мы встречались с Львом Николаевичем редко, и большею частию мимоходом, за исключением моей вторичной поездки в Ясную Поляну, о которой скажу позднее. Бывшая же горячая наша корреспонденция отчасти прекратилась, и мы стали больше перекликаться, чем переписываться друг с другом, и то в особенных только случаях. Но дружеские отношения наши все-таки никогда не прерывались и поддерживались через его жену и детей; к тому же, я продолжала следить за ним шаг за шагом, хотя издалека.

В этот десятилетний период Лев Николаевич Толстой не только не уступил никому своего места в литературе, но стал на мирской сцене с возрастающим ореолом. Появление каждого из его сочинений вызывало восторженное любопытство во всех слоях русского общества, а равно и заграницей.

Трудно себе представить, что произошло, например, когда явились «Крейцерова соната» и «Власть тьмы»[76].

Еще недопущенные к печати, эти произведения переписывались уже сотнями и тысячами экземпляров, переходили из рук в руки, переводились на всех языках и читались везде с неимоверною страстностью. Казалось подчас, что публика, забыв все свои личные заботы, жила только литературой графа Толстого... Самые важные политические события редко завладевали всеми с такой силой и полнотой.

Мне эти два творения не безусловно нравились, и, как говаривал Ив⟨ан⟩ Серг⟨еевич⟩ Аксаков про Достоевского: «Que de perles dans ce fumier!»*, можно приложить и тут, особенно к «Власти тьмы». Но в людях есть, очевидно, какое-то пристрастие ко всему безмерному и ужасающему.

«Смерть Ивана Ильича», например, которую я ставлю гораздо выше, была оценена гораздо меньше. Впрочем, я не смотрю на себя как на безошибочного критика, но мне кажется, что там, где слишком страдает эстетическое чувство, автор не может быть оправдан совершенно.

---

* «Сколько жемчужин в этом навозе!» (*фр.*).

Упомянутые два сочинения появились в самые последние годы царствования покойного Государя Александра Александровича, который чрезвычайно любил заочно Льва Николаевича и редко доверял, когда ему подавали не совсем одобрительные статьи, приписываемые Льву Николаевичу.

— Нет, — говаривал Государь, — *мой* Толстой этого не напишет.

Он часто расспрашивал меня про него и, по скромности своей, даже советовался со мной, когда речь шла о цензурном суде сочинений Толстого. Так было и с «Крейцеровой сонатой», — то есть о том: можно или нет допустить ее к печати? Я позволила себе высказать свое мнение в утвердительном смысле и представила Государю, что вся Россия уже читала и читает ее с жадностью, следовательно, разрешение только может понизить диапазон публики, которая великая охотница до запрещенного плода. В этот же день мы разговорились о необыкновенной популярности Толстого, и я сказала с полным убеждением, что у нас в России только два человека истинно популярны: граф Лев Толстой и отец Иоанн Кронштадтский.

Государь очень смеялся этому сопоставлению, — но согласился, что оно верно, несмотря на совершенное различие двух этих типов, у которых было только одно общее: и к тому, и к другому люди всех сословий прибегали за советом. Немало иностранцев приезжали сюда с этою целью, и часто случалось, что они являлись ко мне, воображая себе, по моей фамилии, что найдут во мне покровительницу их доступу к Льву Николаевичу.

Обыкновенно я говорила им, что помощь моя совершенно лишняя, так как Лев Николаевич принимает у себя всех без исключения.

Между прочим, приехали ко мне однажды два американца, один — богослов и настоятель какой-то сектантской общины, а другой —профессор философии[77], оба, как я узнала после, известные в своей стране по своим литературным талантам. Я нашла в них очень приличных и приятных людей и, разумеется, приняла их весьма любезно, поила чаем, кормила сладкими пирожками, и когда сердца их, видимо, распустились в гостеприимной атмосфере моего *салона*, я стала их расспрашивать о цели их путешествия. Они рассказали мне, что переплыли через океан единственно для того, чтобы переговорить с графом об очень важном деле.

— Вам, конечно, известно, — прибавил богослов, красивый и еще весьма молодой человек, — что у нас в Америке чрезвычайно много сект

и нет и тени господствующей религии. И вот, я задался мыслью хоть часть этих разнородных сект привести, так сказать, под одну кровлю, то есть к единству взглядов и верований. Но это весьма нелегкое дело, и я должен сказать откровенно, что мы решительно не знаем, как за него приняться.

Может быть, я согрешила против законов учтивости, но при этом торжественном объявлении я не могла удержаться от смеха.

— Как! — воскликнула я, — может ли быть, что вы по этой только причине совершили такое громадное путешествие? Мне вас, право, ужасно жаль. Знаете ли вы, что граф Толстой враг всякой Церкви, начиная со своей, и не только не сочувствует никакой религиозной обрядности, но считает всякую форму богопочитания пагубною. Вряд ли вы найдете в нем практического и полезного руководителя. Я даже заранее предугадываю отчасти, что именно он вам скажет на вашу просьбу, но, конечно, не то, что вы ожидаете.

Бедные американцы немного оторопели; однако, кажется, это не помешало им отправиться в Москву, на суд Соломона; не знаю только, чем кончился этот суд и какой храм воздвигнулся вследствие их разговоров со всемирным патриархом. Моих американцев я больше не видала; они, вероятно, как волхвы, вернулись иным путем.

«Когда солнце блещет слишком ярко — тучи недалеко». Эта не всем известная поговорка оправдалась как раз над нашим героем. И в его истории настали тоже *смутные времена*. С одной стороны, поклонение и курение фимиамом шло своим чередом, а с другой явились вражда и зависть.

По-моему, нет ничего гаже и печальнее для человеческого общества, как журнальная война. В Москве вдруг зашевелилось целое полчище этих подпольных крыс, которые силились, во что бы то ни стало, очернить Льва Николаевича не только в настоящем, но и в прошедшем, выбрасывая на свет из своей грязной дыры давно забытые литературные грехи, то есть то, что всякий автор и всякий поэт позволяет себе тайком в своей молодости, en guise d'air de bravoure*.

Затем, самое худшее разразилось единственно от неосторожности Льва Николаевича, который, пренебрегая всяким мнением вообще, тем паче цензурным, допустил одного английского журналиста унести с собой, конечно не для печати, определенную статью, совершенно антипра-

* в виде хвастовства (*фр.*).

вительственную; но этот истинный сын de la perfide Albion* немедленно отпечатал ее в своей газете[78], уверяя, что граф дал ему на то разрешение.

Можно себе представить, с каким демонским злорадством московские крысы ухватились за эту статью, перепечатав ее в своих «Ведомостях», с своими комментариями и придавая мыслям автора совершенно другой и, разумеется, худший смысл.

Не берусь описывать, какой сумбур последовал во всей Европе из-за этой статьи и сколько было придумано наказаний бедному Льву Николаевичу.

Сибирь, крепость, изгнание, чуть ли не виселицу предсказывали ему московские журналисты...

Иностранные газеты тоже переполнились подробностями этого инцидента, в продолжение двух-трех месяцев я беспрестанно получала отовсюду, не исключая Америки, письма с просьбою уведомить их, к чему именно приговорен всем известный писатель?

Заехавши раз к графу Дмитрию Андреевичу Толстому, тогдашнему министру внутренних дел, я застала его в большом раздумье.

— Право, не знаю, на что решиться, — сказал он мне. — Прочтите вот эти доносы на Льва Николаевича Толстого. Первые, присланные мне, я положил под сукно, но не могу же я скрывать от Государя всю эту историю.

— Разумеется, нет, — отвечала я, — но Государь очень любит Льва, — et peut-être que cela adoucira ses impressions**.

Оказалось, что Государь превзошел все наши ожидания; мудрость его разрешила вопрос совершенно иным образом.

Прослушав донесение министра о случившемся и о сильном возбуждении публики, Государь отвечал следующее:

— Прошу Льва Толстого не трогать; я нисколько не намерен сделать из него мученика и обратить на себя негодование всей России. Если он виноват, тем хуже для него.

Дмитрий Андреевич вернулся из Гатчины вполне счастливый, так как, в случае каких-нибудь строгостей, и на него, конечно, пало бы много нареканий.

---

*туманного Альбиона (*фр.*).

**и, быть может, это смягчит его впечатления (*фр.*).

С какою радостью я стала писать во все концы Европы и за океан, что граф Лев Толстой преспокойно живет у себя в Ясной Поляне и что великодушный наш Царь не обидел его даже упреком.

С Толстыми, когда мы свиделись, я никогда не упоминала об этом эпизоде, находя в нем много противоречий и слишком мало ясности.

Не помню, прежде или после этого события, жена Льва Николаевича приезжала в Петербург с решительным намерением добиться свидания с Императором, чтобы просить его защиты против Московской цензуры[79], которая придиралась вкривь и вкось, чтобы лишь причинять Толстому и его семье различные несправедливые придирки и убытки.

Государь принял графиню Софью Андреевну весьма любезно, представил ее Императрице, долго беседовал с ней и дал свое согласие на все ее желания. К сожалению, это милостивое расположение исчезло через несколько времени — отчасти по неосмотрительности Толстых, отчасти от злых и неверных наветов. Дело в том, между прочим, что Государь разрешил печатание «Крейцеровой сонаты» только в Сборнике сочинений Толстого, но отнюдь не отдельной книжкой, — и вдруг, неизвестно по чьей вине (конечно, помимо воли графини Софьи Андреевны Толстой), «Соната» стала продаваться отдельной брошюркой[80]. Разумеется, недремлющие враги немедленно донесли об этом Государю, и когда я взялась защищать Толстых (без их ведома), то было уже слишком поздно. Разгневанный Государь не дал мне окончить приготовленное объяснение и разразился насчет Толстых весьма жесткими словами.

Впрочем, он никогда и после не мстил им за это; я же ужасно огорчилась, что обоюдное доброе впечатление было испорчено *навсегда*.

Отличительная черта характера Государя Александра III была неумолимая ненависть ко лжи и обману. Сам он был правдив, comme un diamant sans paille*.

Перехожу теперь к 1891 году. Весною, в июне, ехавши из Орловской губернии, где я провела целый месяц у своих родственниц княжен Вадбольских, я опять попала в Ясную Поляну[81]. Перемен в ней я не нашла никаких, только маленькие дети сделались большими и к дому была пристроена галерея, вся в стеклах, где общество собиралось после обеда, когда солнце не пекло и начинало уже уходить. На этот раз я ехала в

* как алмаз без пятна (*фр.*).

Ясную Поляну с полною решимостью не позволять себе никаких вспышек и пребывать в мирном духе. По-видимому, мне удалось исполнить свое намерение, и по психологическому выводу, вероятно, оттого именно я и могла говорить с Львом еще откровеннее.

— Знаете ли, бабушка, — призналась мне его жена, — вы ведь единственный человек, который, не стесняясь и не скрывая никакой правды, может беседовать с ним; все другие его боятся и раболепствуют перед его величием.

Тут она преуморительно представила мне некоторых дам, которые разговаривали с ним чуть не коленопреклоненно, с поднятыми руками и подобострастным взором.

Первый день моего приезда был очень жаркий; утренний кофе пили в саду — под звук крылатых музыкантов; все было зелено, красиво и в высшей степени гармонично; к сожалению, утомленная ночной поездкой, я должна была стремиться на покой; вместо того Лев овладел мною и продержал меня в саду более двух часов.

В это время он писал сочинение о мире и об абсолютном уничтожении войны[82]. Вероятно, ему хотелось или проверить себя, или испытать, какое действие произведет на меня его новая догматика; он был весь поглощен этой задачей и говорил красноречиво. Много было высказано тут отдельно хороших и здравых мыслей, но все вместе представляло такой букет фантастических, романических и ультраидиллических утопий, что разве только экзальтированные обожательницы Льва могли увлекаться ими. Я слушала его молча. Только раза два мне пришлось отвечать несколькими словами на его вопросительный взгляд.

— Oui, c'est très beau sur papier. Quel dommage seulement, que ce soit irréalisable*.

Но он меня не слушал и продолжал свою ораторию, а я подумала про себя (может быть, ошибочно), что жаль было потратить столько времени и труда на предмет неисполнимый.

Дело в том, что милый Лев, перекроив уже христианство на свой лад, мечтает теперь поправить кое-что и в сотворении мира. Мне кажется, что он забыл или не верит, что с падением человека вся природа изменилась и озлобилась. Беседа тигра с ягненком сделалась покамест несбыточной. Это еще впереди; а теперь лев или тигр преспокойно пожирают ягненка, барана или овцу и все, что попадает им под лапу.

* — Да, это прекрасно на бумаге. Жаль только, что недостижимо (*фр.*).

Птицы заклевывают и поедают других птиц, а человек — увы! — убивает человека.

Этого пока никакой моралист не исправит; а я осталась при своей вере в Евангелие, которое ясно говорит, что войны не прекратятся до скончания веков.

Софья Андреевна сообщила мне после, что на вопрос ее, о чем он разговаривал со мной так долго, он отвечал: — «Я обращал Alexandrine к своим мыслям насчет войны».

Мы очень смеялись этой его претензии. Во всяком случае, он обращал уже давно обращенную, только на другой лад.

С первого же дня моего приезда я заметила, что когда я начинала разговаривать с Львом, все прочие понемногу удалялись, но дети, особливо старшие, были всегда рады, когда я их призывала к участию в разговоре; как все молодые, пытливые умы, им, вероятно, хотелось знать, схожусь ли я в мнениях с их отцом, и я часто слышала эту фразу: «Бабушка, скажите, как вы думаете о том или другом?» Раз одна из дочерей в присутствии отца спросила, что я думаю о вегетарианстве?

— Да ровно ничего, моя милая, потому что это такой безразличный вопрос, что я на нем никогда серьезно не останавливалась. Он может сделаться важным только тогда, когда люди вообразят себе, что этим они служат Богу, — и в таком случае полагаю, что они ошибаются; впрочем, этот вопрос давно разрешен Апостолом Павлом, когда в его посланиях речь идет о посте[83]; а в моих глазах это достаточный авторитет.

Лев выслушал всю эту тираду молча; но вечером, за чайным столом, когда я протянула руку, чтобы достать тартинку с ветчиной, он воскликнул с громкой иронией: «Поздравляю — изволите кушать труп».

Была ли то шутка или месть, но бедный мой бутерброд так мне сразу опротивел, что я до него уже не дотрагивалась.

Вегетарианство в доме Толстых играет важную роль и чрезвычайно усложняет заботы бедной хозяйки; кроме того, оно разделяет семью на два лагеря. Презабавно было иногда слышать, как Софья Андреевна торжественно объявляла за столом, что она своих детей не допускает до вегетарианства. *Своими* детьми она называла тех, которые не переступили еще 12 лет.

Она всегда страдает за своего мужа, которому эта пища, составленная из хлеба, картофеля, капусты, грибов и проч., очень вредна при его хронической болезни печени.

Молва ходит, что во время его желчных припадков графиня искусно примешивает бульон во все его блюда, и Лев Николаевич этого не замечает или не хочет заметить, как то случается, говорят, и с некоторыми монахами.

Наблюдая за ним во время обеда, я всегда находила, что он кушает как проголодавшийся человек, слишком скоро и слишком жадно.

К большому моему удовольствию, наши разговоры не ограничились прениями о войне. В этот раз довольно оригинальны были наши обоюдные отношения. У нас обоих мысли были сосредоточены на одном предмете, но взгляд на него рознился во всем и, может быть, именно потому мы невольно и беспрестанно возвращались к нему. Главные мотивы Льва, или, лучше сказать, его отрицания (а у него они стояли на первом плане), были ясно запечатлены в моей памяти, но когда я об них упоминала, то часто случалось, что он не только опровергал, но и отказывался от им же сказанного.

— Comment donc, mon cher ami, ce que je vous cite a été dit, écrit et imprimé par vous.

— C'est possible, mais il y a de cela un siècle*.

А в сущности, это было сказано вовсе незадолго. Изменчивость его мыслей сравнить нельзя ни с чем, и, по-моему, служит ему извинением, — хотя на иных пунктах он останавливается — увы! — с отчаянным упорством.

То, что многие, и я в том числе, считаем за великое благо, — то есть общение чувств в самых основных истинах, — ему вообще не нужно; и он как будто боится стать на одну линию с простыми смертными, может быть, и не отдавая себе в этом отчета; в других же случаях он жадно хватается за часто мнимую симпатию к своим доктринам.

В одном из наших tête-à-tête** он спрашивает меня, знаю ли я проповеди американского пастора NN (фамилию его я забыла). Я сказала, что нет. — «Ну, так прочтите, пожалуйста, мою переписку с ним; она была напечатана отдельно[84], и, странное дело! хотя мы друг друга никогда не видали, но во всех наших суждениях о жизни, религии, обязанностях человека мы так сходны, как будто всегда жили вместе; я считаю

* — Как же, мой друг, то, что я говорю вам, было сказано, написано и напечатано вами.
— Возможно, но это было уже век тому назад (*фр.*).

** разговоров с глазу на глаз (*фр.*).

его вполне своим другом. Ему было бы теперь 80 лет; к сожалению, он умер в прошедшем году».

Книжку американца я унесла вечером с собою, имея дурную привычку читать по ночам. Она начиналась письмами Льва и сокращенным изложением его известных теорий.

Не останавливаясь долго на том, что знала наизусть, я спешила ознакомиться с престарелым пастором. Каково же было мое не удивление, а изумление! Пастор писал все то, что вы, и я, и всякий православный и неправославный человек, незараженный теориями Толстого, тысячу раз думал и говорил.

«My dear brother» (любезный брат), так начиналось первое письмо, в кротком тоне всех reverend* вообще. — Я счастлив, что с вами познакомился, и желал бы быть с вами в полном единении — but... (но...)» — затем следовал тонкий и, можно сказать, неумолимый разбор всех аксиом Льва Николаевича, который напомнил мне Евангельскую страницу, где Господь дает Своим ученикам закон, противоположный закону Моисея: «Моисей вам сказал и то, и то, а Я вам говорю...» и проч.

Dear brother возражал в духе своего Божественного Учителя, но не уступал ни на шаг, и когда дело дошло до того изречения, которому Лев Николаевич дал такое неправильное толкование и которое составляет, так сказать, le clou des théories tolstoïennes** — «*не противься злу*», то американец-христианин возвысил голос и обнаружил смело всю фальшь этого взгляда и неприменимость к жизни.

— «Если разбойник или сумасшедший войдет в ваш дом, вы не только отдадите ваше имущество, но и вашу жену и дочь, а я, my dear brother, постараюсь связать его покрепче и отправить подальше, не видя ни малейшей истинной любви в вашей непонятной снисходительности»... Все остальное раскритиковано было в том же смысле. Ясно, что благоразумный и сведущий американец нашел ответ на все тексты, изуродованные графом.

Читая эту книгу, я чуть не прыгала в постели от удовольствия, — и сильным махом отмечала карандашом все места, поразившие меня своей правдой. На другой день я вошла в кабинет Льва с этой книгой в руках и с физиономией, на которой, вероятно,— легко было прочитать мое невинное злорадство.

---

* преподобных (*англ.*).
** гвоздь толстовских теорий (*фр.*).

— Auriez-vous déjà lu le livre?* — спрашивает меня Лев.

— Mais oui, j'ai passé une charmante nuit à cette lecture. Savez-vous, mon cher ami, que votre défunt Américain est un bijou.

— Comment c'est vous, qui le dites?

— Certainement je l'atteste, je le répète et suis prête à le signer, s'il en était besoin. Quel dommage, qu'il soit mort et que nous ne pouvons plus nous rencontrer. J'ai en idée que nous serions aussi fort bien entendus, lui et moi**.

Затем, не желая показать слишком явно мое торжество, я положила книгу на ближайший стол.

Лев не возражал ничего, — но как скоро я отвернулась, я видела в зеркало, как он схватил книгу и искал в ней все, отмеченное моим карандашом. Разумеется, гордость или самолюбие не позволили ему признаться в своей ошибке; а всего страннее, как *мог* он так ошибиться?..

Милый, но нелогичный человек наш дорогой Лев, и сколько в нем еще осталось того, что французы называют pur enfantillage***. Действительно, не чистое ли ребячество или игра шитье скверных сапог, неумелое складывание обрушившейся печки, таскание дров и проч, и проч.; а он все это исполнял *всерьез*, как священную обязанность.

Достоевский, в уме которого было несомненно нечто пророческое, или, вернее сказать, ясновидящее, задолго провидел и порицал манию *опрощения*, то есть гораздо прежде, чем Лев Николаевич проделал все свои странности.

В одной статье «Дневника писателя» Достоевский говорит[85], между прочим, что русский мужик слишком умен, чтобы любоваться своим барином, когда тот, облекшись в зипун и лапти, прикидывается мужиком. Настоящий мужик очень хорошо понимает, что этот маскарад не что иное, как комедия, нисколько не возвышающая барина в глазах простолюдина.

* — Разве вы уже прочли эту книгу? (*фр.*).

** — Да, я провела прекрасную ночь за ее чтением. Знаете ли, мой дорогой друг, что ваш покойный американец просто прелесть.

— Как? Это вы говорите?

— Разумеется, я это подтверждаю, я повторяю и готова это даже письменно удостоверить, если бы на то была надобность. Жаль очень, что он уже умер и что мы не можем встретиться. Я уверена, что мы поняли бы друг друга (*фр.*).

*** чистое ребячество (*фр.*).

Все это припомнилось мне вот почему. В этот или на другой день мы опять очутились вдвоем в кабинете Льва. Он был невесел и сам завязал разговор на следующую тему (вероятно, его что-нибудь сперва раздразнило...).

— Вот вы всегда говорите, что я дышу и живу только фимиамом, а сколько людей меня порицают, и совершенно справедливо, за то, что жизнь моя несогласна с моими теориями.

— Мне кажется, — отвечала я, — что вас всего больше осуждают именно за ваши неисполнимые теории; чтобы исполнить их буквально, вам надо начать с того, чтобы *исчезнуть* — не правда ли? А у вас семья, и вы не имеете никакого права ни покинуть ее, ни навязывать ей ваши стремления и убеждения. Вы жили до поздних лет весело и приятно, — вот и им хочется также пожить, не чувствуя в себе ни малейшего призвания к нищенству и полевым работам или житью в избе. — Лев слушал молча, и тучи проходили по его лицу. Наконец, вздохнув глубоко, он сказал: — Вы видите, я так и делаю, — но мне тяжело...

Разговор наш затянулся довольно долго и в новой форме. Этот раз казалось, что Лев вызывает меня на откровенность; но, видя его в удрученном расположении духа, мне не хотелось смущать его, так что я высказала только самую малую долю того, что у меня накопилось на душе.

Однако оставалось самое важное, и я решилась заключить этим нашу беседу.

— Encore un mot, mon cher Léon, au lieu de regretter le fantastique, l'impossible, je dirai même l'inutile, avez-vous jamais pensé sérieusement à votre responsabilité vis-à-vis de vos enfants? Il me font tous l'effet d'errer dans le vague. Que leur donnerez-vous en place des croyances que vous leur avez probablement ôtées, car ils vous aiment trop pour ne pas chercher à vous suivre*.

Я никогда не придавала много власти своим словам, но этот раз я почувствовала, что стрела попала в цель и задела что-то больное или давно заснувшее.

---

* Еще одно слово, дорогой Лев; вместо того, чтобы оплакивать фантастическое, невозможное и даже бесполезное, подумали ли вы когда-нибудь серьезно об ответственности перед вашими детьми? Все они производят на меня впечатление блуждающих в тумане. Что вы дадите им взамен верований, возможно отнятых у них вами, ведь они вас слишком любят, чтобы не стараться идти по вашим следам (*фр.*).

Вся физиономия Льва изменилась и омрачилась. Я поспешила выйти из комнаты. Он мне прежде как-то признался, что примирился с молитвой и сам ежедневно молится. Хочу верить, что в этот вечер он с особенным жаром прибегал к помощи Божией.

За чаем я старалась его рассеять, подшучивала над какими-то вновь поднесенными ему хвалебными песнями и заставила его сознаться, что пропорция между его порицателями и обожателями та же самая, что между слоном и комаром. Для довершения я даже подпустила ему маленький комплимент:

— Depuis que je vois ce que je vois, je suis vraiment fort étonnée, mon cher ami, de ce que vous ayez conservé un certain équilibre dans votre esprit, car j'avoue franchement que si j'avais été l'objet de la millionième partie des ovations et des adorations qui vous entourent, mon cerveau eût culbuté sur-le-champ*.

При этом случае я вспомнила про себя прелестное слово Тургенева:

— Tolstoy, — a-t-il dit un jour, — est comme un éléphant, qu' on aurait laissé courir dans un parterre qui écraserait à chaque pas les plus belles fleurs du monde sans s'en douter**.

Как я уже сказала, после обеда мы обыкновенно собирались в стеклянной галерее, где Репин и Гинцбург лепили бюст Льва Николаевича, каждый с своей стороны[86].

Чтобы сократить скуку сеансов, дети обыкновенно читали отцу что-нибудь вслух, но от излишней скромности отказались читать при мне, уверяя, что читают недостаточно хорошо. Я охотно взялась за это дело, тем более что чувствовала себя в веселом расположении духа, и просила Льва указать мне, какую именно книгу он желает слышать. На счастье или на беду, он выбрал ту, которая была всего способнее вызвать mes esprits moqueurs***. Присланная недавно из Парижа[87], dédiée au Maître****, она отличалась плоским поклонением и напыщенными афоризмами, пустыми, как медь звенящая. Не знаю, что со мною случилось в этот день,

* — С тех пор как я вижу то, что передо мной, я право очень удивляюсь, милый друг, что вы еще сохранили равновесие в уме. Признаюсь откровенно, если бы мне досталась хоть миллионная часть тех оваций и обожаний, которыми вас окружают, моя голова немедленно бы вскружилась (*фр.*).

** — Толстой, — сказал он однажды, — похож на слона, выпущенного в цветник, который, сам того не сознавая, перемял бы там лучшие цветы (*фр.*).

*** мою наклонность к насмешке (*фр.*).

**** посвященная Учителю (*фр.*).

но почти на каждое слово незнакомого мне автора у меня сыпались сатиры и едкий юмористический ответ. Дети хохотали, художники смеялись и, наконец, *сам* изволил потешаться, что безмерно польстило моему самолюбию.

После чаю Лев, в свою очередь, читал нам вслух норвежские повести в русском переводе[88], которыми он очень восхищался, и читал прекрасно, хотя слегка конфузился, когда попадались опасные, т.е. не совсем приличные места.

Один из этих приятных вечеров был прерван приездом тульского предводителя дворянства Раевского; это была пора наступающего в 1891 году голода; глубоко погруженный в мысли об этой напасти, Раевский не мог говорить ни о чем другом, и это раздражало Льва, не знаю почему; он противоречил каждому слову Раевского и бормотал про себя, что все это ужасный вздор и что если бы и настал голод, то нужно только покориться воле Божией, и проч., и проч.

Раевский, не слушая его, продолжал сообщать графине все свои опасения, а Лев не переставал вить à la sourdine* свою канитель, что производило на слушателей самое странное действие.

На другой день я спросила у Льва, дал ли он себе отчет в грустном комизме этой сцены? «C'était absolument comme un vaudeville, où pour faire rire le public, chacun chante sa partie sans faire attention à celle de son voisin»**.

Разумеется, он настаивал на своем мнении насчет голода; но чрез несколько недель, когда эта страшная беда окончательно разразилась над Россией, Лев Николаевич бросился в этот омут без оглядки и действовал не только умно и умело, но с полнейшим самоотвержением[89]. А это дело было нелегкое, и только из писем его дочери я узнала, с какими препятствиями ему пришлось бороться.

Нашлись люди, которые, во время его великих трудов для облегчения голодающего люда, выдавали его за антихриста и старались возбудить против него простой народ... Все взрослые дети Льва Николаевича работали вместе с ним и с Раевским, с которым Лев Николаевич уже не расставался. Когда, наконец, бедный Раевский, изнуренный походами по мужицким избам во всякую непогоду, схватил тиф и пал, как могучий дуб (он был ростом великан), Лев Николаевич написал мне почти

---

* под сурдинку (*фр.*).

** «Это был настоящий водевиль, в котором для забавы публики каждый поет свою партию, не обращая внимания на соседа» (*фр.*).

отчаянное письмо, говоря, что в Раевском он потерял лучшего друга, что он умер на его руках и что никакая смерть не действовала на него так сильно[90].

Несмотря на свое горе, Лев продолжал неутомимо свой тяжелый подвиг. Много, конечно, помогали ему деньги, которые сыпались к нему со всех сторон. За границей, особенно в Америке, никому так не доверяли, как ему, и мнение это он оправдал безупречно, употребляя громадные суммы, присланные ему, самым практическим образом; кроме того, он завел в системе помощи голодающим до тех пор неизвестные порядки, которыми все голодные бедняки не могли нахвалиться. Его указаниям подражают и теперь, в 1899 году, когда беда снова коснулась некоторых из наших губерний.

Могу себе представить, какой истинной, а не словесной только любовью горело его сердце в это незабвенное, страшное время 1891 года!..

Пребывание мое в Ясной Поляне было неожиданно прервано депешей, которая вызывала меня в Петербург[91]. Я покинула эту милую семью с большой тоской и не надеясь уже видеть их опять в полном составе и на том же месте.

С тех пор я видела Льва только два раза. Раз, при проезде моем через Москву в Воронеж к Принцессе Ольденбургской[92], на станции железной дороги, куда он приехал с дочерью Таней и был так радушен и мил, что оставил мне самое прекрасное впечатление. Я шутила над ним, что он так нарядно одет; на нем была действительно отличная шуба и не менее хорошая меховая шапка, — вероятно, плоды заботливости его доброй жены; сам бы он этого не придумал. Во время моего завтрака Лев сидел возле меня, а какой-то подозрительный господин вертелся около него и беспрестанно заговаривал с ним. На мой вопрос: «Кто это такой?» Лев отвечал:

— C'est quelqu'un[93] qui veut prouver au public qu'il est avec moi dans des relations très intimes et ne vous étonnez pas, que je lui réponde d'une manière aussi sèche*.

Когда пришло время садиться в вагон, Лев подал мне руку и спросил: «не стыдно ли мне будет показываться с ним».

---

* — Это человек, который хочет доказать публике, что он со мной в самых близких отношениях, поэтому не удивляйтесь, что я отвечаю ему так сухо (*фр.*).

— По-английски подобные вопросы называются fishing for compliment*, — сказала я, — и вы, голубчик, наверно сами знаете, что много есть дам, которые желали бы быть на моем месте в эту минуту.

Мои любезности были так редки, что он и этим остался доволен.

Второе и, покамест, последнее мое свидание с ним состоялось здесь, в Петербурге, куда он приехал в 1897 году для прощания с его друзьями, Чертковыми[94].

Лев с женою пробыли здесь в Петербурге дня два или три. Я с ними постоянно виделась и все шло прекрасно, исключая последнего вечера, проведенного у Ек⟨атерины⟩ Н⟨иколаевны⟩ Шостак, где Лев Николаевич, без всякого к тому повода, стал доказывать, что каждый разумный человек может *спасать* себя сам и что собственно ему для этого «*никого* не нужно». Понять было нетрудно, кого он подразумевал под словом *никого*, — и сердце мое содрогнулось и заныло, как бывало.

На досуге бессонной ночи я опять много передумала; зная, что Лев придет ко мне на другое утро для прощания, я спрашивала себя: надо или нет подымать этот вопрос?.. Легко может статься, что это будет наше последнее свидание, думала я, и в таком случае не буду ли я себя упрекать, если побоюсь сказать свое мнение еще раз? Но, как только Лев пришел ко мне и я намекнула на вчерашний разговор, он вскочил с места, лицо его передернулось гневом, и вся напускная кротость исчезла.

— Позвольте мне вам сказать, что я все это знаю в миллион раз лучше вас; я изучил все эти вопросы не слегка и своим верованиям пожертвовал жизнь, счастье и все вообще (sic), а вы думаете, что можете меня чему-нибудь научить, и проч. и проч.

Речь его была гораздо длиннее и вся дышала гордою самоуверенностью; но я даю здесь только то, что навсегда врезалось с болью в мое сердце и в мою память.

Страшно выговорить: ему не нужно Того, кто Един спасает! и как понять всю двойственность, все противоречие этой необыкновенной загадочной натуры?!..

С одной стороны, любовь к правде, любовь к людям, любовь к Богу и даже к тому Учителю, все величие которого он не хочет или не может признать...

С другой стороны, гордость, тьма, неверие, пропасть...

---

* вызывающими на комплимент (*англ.*).

Не сам ли злой дух — древний змий — положил в сердце его отрицание, чтобы уничтожить по возможности богатые дары Господни?

Отрицание проявилось у Льва Николаевича очень рано; это уже видно из его первоначальных сочинений; можно предположить даже, что оно развивалось в нем параллельно с его лучшими дарованиями, и вот со ступеньки на ступеньки, d'étape en étape*, он дошел, наконец, до величайшего и страшнейшего отрицания в мире — до отрицания божественности Христа.

Не знаю, какое впечатление он вынес из нашего последнего свидания и было ли у него *хорошо* на совести?

А я даже не помню, как мы простились, и с тех пор мы больше не видались. Дай нам Бог прийти когда-нибудь здесь или там к полному соглашению!

Верую всей душой — верую со слезами умиления и благодарности, — что Спаситель, жертва любви которого сокрыта теперь от глаз бедного Льва Николаевича, рано или поздно проникнет в глубь его сердца и озарит его своим светом.

Два года прошло с тех пор. 28 августа прошедшего 1898 года Льву Николаевичу минуло 70 лет; я послала ему поздравительную депешу[95]. Софья Андреевна ответила на нее письмом, которое я нахожу уместным привести здесь, и тем закончить покамест мою эпопею. Что будет дальше, одному Богу известно.

Выдержка из письма графини Софьи Андреевны[96]:

«Левочка особенно обрадовался вашей депеше и очень дурно сделал, что не отозвался на нее.

День его рождения мы провели очень семейно и совсем неофициально. Собрались все дети с супругами и детьми — приехали некоторые друзья, чужих было немного и в числе их очень приятные люди — как Ухтомский, Волконский и т.д.

Обедало нас человек сорок; ни речей, ни шампанского, ничего не было. Было много интересных разговоров, ходили гулять после обеда, вечером было немного пения и музыки. Все были веселы, добродушны, дружны и умиленны. Ни блеска, ни шума, ни оваций — ничего не было. 70-летний старец был в атмосфере любви и добрых пожеланий, чему мы все были очень рады.

---

* мало-помалу (*фр.*).

А в Петербурге, в правительственных сферах чего-то испугались. Редакторам всех газет разослали циркуляры, чтобы *не смели* ничего печатать по поводу юбилея литературной деятельности Льва Толстого. Они там, в министерстве, не знали даже, что 50-летие литературной деятельности будет только в 1902 году 6-го сентября, — то есть день, когда впервые было напечатано “Детство” в “Современнике”, а что 28 августа 1898 года Льву Толстому минуло 70 лет и что этим особенно пугаться нечего, и пугать людей, что если будут праздновать, то случится какая-то большая беда для кого-то... Все это меня очень огорчило и даже оскорбило», и проч. и проч.

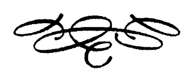
За выдержкой этого письма следовало, — не правда ли? — поставить, по крайней мере, сотню знаков восклицания...

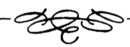
Мне неизвестно, из каких именно сфер вылетели эти приказания и опасения, но кажется, что про них можно, не стесняясь, сказать: «*У страха глаза велики*» и прибавить не так громко: «*И уши длинны*»...

Графиня А.А. Толстая

Марта 1899 года.

Зимний Дворец.

1857

1. Л.Н. ТОЛСТОЙ и М.И. ПУЩИН – А.А. и Е.А. ТОЛСТЫМ

21 апреля (3 мая) 1857. Кларан

Здравствуйте, милые бабушки! Я сгрустился без известий об вас. Как вы поживаете, в трубе?[1] Я несчастный человек – у меня уж 6-й день вырос на глазу ячмень исполинского размера и мучает меня так, что я лишился всех чувств, плохо вижу, плохо слышу, плохо нюхаю, и даже очень еще поглупел. Как мне это не было трудно. Но должно быть вследствие последнего обстоятельства, чувствую себя в отличном расположении и очень думаю о вас, и алкаю вас видеть. Позовите меня к себе в гости на соловьев или приезжайте сюда с трубочистами[2]. Прощайте, от души жму вам руку. Сделайте от меня какую-нибудь аванию* ТРУБЕ.

Ваш гр. Л. Толстой

⟨*Рукой М.И. Пущина:*⟩

Совсем не то Вам говорит граф: мы все очень довольны его страданиями, страданиями потешными и забавными: для своего ячменя он три раза посылал за доктором, и, конечно, не прочь бы от того, чтобы к нему приехала моя сестра по Дивееву[3], или сестра сестры[4] avec la tante Baba**[5].

⟨*Рукой Л.Н. Толстого:*⟩

И баба, и нана, и кака, и тата, и саса, и папа и все гласные. Пущины, несмотря на помрачение всех моих чувств, призрели меня сироту и кормят апельсинами и добрыми словами. Между прочим, оказалось в моем пансионе 3 англичанки[6], молодые, румяные и с усами, и бойкие ужасно. Мы с Рябининым[7] два раза посыпали их персидским порошком; но не действует. Еще новость: Кетерер, оказывается, – не содержатель пансиона, а Константин Павлович[8]. Он представил документы, и теперь дело разбирается в Лозане. Предварите А⟨лександру⟩ Ф⟨едоровну⟩. Написал бы еще, но некогда: бегу в суд, где разбирается дело.

---

* неприятность (*фр.* avanie).
** с тетушкой Баба (*фр.*).

⟨*Рукой М.И. Пущина:*⟩

Не дал мне кончить начатого граф и взял перо, чтобы позабавить Вас, милые графини. Я, как более сурьезный человек, желаю только знать, есть ли для нас надежда Вас видеть в наших местах с княжнами. Мы думаем еще недели три здесь пробыть. Michel Рябинин 21 числа едет с Мещерскими[9] в Париж, князь едет туда несколько дней раньше pour préparer les voies*, несколько дней после них и мы отправляемся в Vichy. Очень мне жаль, ежели более Вас не увижу до Петербурга. — Брат мой Иван Иванович просит отпуска заграницу[10] и ежели его отпустят, то мы с ним, вероятно, съедемся в Карлсбаде, чтобы вместе возвратиться домой. Вчера на несколько часов заезжал Тотлебен[11] из Lion, опять ускакал в Париж и уже сюда более не приедет; я с ним опять встречусь в Кисингене. Поручаю себя дружбе Вашей и всегда сохраняю к вам чувства Дивеевского брата.

М. Пу⟨щин⟩

⟨*Рукой Л.Н. Толстого:*⟩

Кетерер, или вернее К⟨онстантин⟩ П⟨авлович⟩, говорит, что ежели А⟨лександра⟩ Ф⟨едоровна⟩ не сдастся на капитуляцию в продолжение первой четверти месяца, он возьмет ее приступом, и В.[12], и все, и вся погибнут!!! Это очень серьезно. Он требовал моего участия, я отказался по родству с вами. Мих⟨аил⟩ Ив⟨анович⟩ тоже — по болезни жены; но Тотлебен, которого он выписал, должен открыть траншею.

2. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. и Е.А. ТОЛСТЫМ

1 (13) мая 1857. Кларан

Виноват, милые бабушки, что не простился с вами. Беда связаться с молодыми людьми! Мы сделали с М⟨ихаилом⟩ И⟨вановичем⟩ восхитительную прогулку вчера и нынче[1]. Мы шли до позднего вечера этими душистыми, задумчивыми савойскими дорогами[2]. Два мальчугана несли наши практические мешки, и всю дорогу, распевая, лепетали нам про разные предания и привидения в замках и т.п. А мы себе молчали, нюхали, слушали, и дышали. Природа больше всего дает это высшее наслаждение жизни, забвение своей несносной персоны. Не слышишь, как живешь, нет ни прошедшего, ни будущего, только одно настоящее, как

* чтобы подготовить почву (*фр.*).

клубок [медленно] плавно разматывается и исчезает. Уж совсем темно мы пришли в Amphion[3] и думали, что придется ночевать в какой-нибудь вонючей харчевне, и вдруг открываем на самом берегу озера, в полумраке, прелестный сад и величественный дом, а вместе живописный, грациозный — прелесть! У крыльца нас встретили в темноте 3 огромные белые тернёва[4] и одна служанка. Что за вид ночью при сумрачном небе, сквозь щелки которого кое-где вырывается свет месяца, над озером, с террасы — чудо! Мы с М⟨ихаилом⟩ И⟨вановичем⟩ поужинали, выпили, помузицировали и решили, что мы просто счастливые люди. Поезжайте туда, когда только будет возможность, и дайте нам rendez-vous* туда — непременно.

Ваш Калам[5], бабушка Лиза, показался мне ограниченный человек и даже с некоторою тупизною; но чрезвычайно почтенный и талант громадный, который я не умел ценить прежде. Поэзии во всех его вещах бездна и поэзии гармонической. Вообще, или у него ума мало отпущено на талант, или талант задавил ум, — он себя определить не может. Но этих людей только и можно любить. От этого-то и вы его любите. Прощайте, милые бабушки, от души жму ваши руки, напишите словечко.

Ваш гр. Л. Толстой

$\frac{1}{13}$ мая.

3. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

5 (17) июля 1857. Люцерн

Надеюсь, милая бабушка, что вы и не ожидали меня по нынешней погоде[1]. Я полагаю, что вы устали и ляжете спать теперь, как я это сделал, придя с Риги[2]; поэтому нейду к вам[3]. Поедете ли вы нынче кругом озера?[4] Вообще ожидаю ваших приказаний.

Ваш гр. Л. Толстой

17 июля.

Нет ли известий о моем псе?[5]

---

* свидание (*фр.*).

4. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

16 (28) июля 1857. Баден-Баден

Милая бабушка!

Странное и смешное дело, о котором я вам пишу. Ну, да что выйдет, то выйдет. Попутала меня нелегкая поехать в Baden, а в Бадене рулетка, и я проиграл всё до копейки. Но это бы ничего, потому что я распорядился, чтобы мне прислали, и на прожиток достал; но дорогой я сошелся с французом[1], который тоже проигрался, и которому я давал денег, и который потом мне дал, отыгравшись. И я так и остался ему должен до Парижа 200 фр⟨анков⟩, но он пишет, что в Женеве ему нужны будут. Не можете ли вы мне дать взаймы недели на две. Ежели да, то положите в Женеве, poste restante* на имя Monsieur Pegot-Ogier 200 фр⟨анков⟩[2]. Ежели вы уезжаете, не даст ли мне батюшка[3], а я пунктуально вышлю через 2 недели. — Ну уж там, как хотите, браните меня, только не переставайте любить меня так, как я сотой доли того не стою.

Когда буду в нормальном положении, напишу подробно, а теперь стыдно таким людям, как вы, даже мысленно в глаза смотреть.

Прощайте и простите.

Адрес: Baden-Baden, Hôtel Hollande.

Обеим бабушкам[4] робко жму руки.

Ваш гр. Л. Толстой

23 июля.

Заметьте: 28[5].

Ежели можно, ответьте по телеграфу, franco**.

5. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

Конец июля 1857 ⟨?⟩

Voici, mon cher Léon, les cartes de Baden pour votre tante et puis encore une petite brochure (dans *mon* genre) qui fera peut-être plaisir à l'une de vos dames — car pour vous je n'aurais certainement jamais l'audace de vous en proposer la lecture. Cela est fait pour des gens à la fois moins spirituels et *plus*

---

* до востребования (*фр.*).

** без оплаты издержек (*фр.*).

spirituels que vous. Je vous pris de comprendre cette figure de rhétorique. J'aime ce petit livre pour sa grande simplicité et encore parce qu'il m'a été toujours d'un grand secours pour les affaires de propagande. —

Adieu, mon cher Léon, je vous tiendrai dans ma mémoire pendant tout le courant de cette semaine. Puissiez-vous être inondé de lumière. Il y a en vous tant de portes ouvertes pour la faire passer, mais soyez honnête et ne fermez pas les yeux pour ne pas la voir.

Je vous serre affectueusement la main.

Votre vieille tante

A. T.

⟨*Перевод:*⟩

Вот, милый Лев, баденские открытки для вашей тетушки и затем еще брошюрка (в *моем* вкусе)[1], она, может быть, доставит удовольствие кому-нибудь из ваших дам. Что касается до вас, то у меня не хватило бы храбрости предложить ее вам для чтения. Она написана для людей менее умных и в то же время *более умных*, чем вы. Прошу вас правильно понять эту риторическую фигуру. Я люблю эту книжечку за ее великую простоту, к тому же она всегда служит мне подспорьем в деле пропаганды.

Прощайте, милый Лев, я всю эту неделю буду думать о вас. Если бы вы могли обратиться к свету. Внутри вас есть столько открытых дверей, будьте только честны и не закрывайте глаза, чтобы не видеть этот свет.

Дружески жму вашу руку.

Ваша старая тетка

А. Т.

6. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

19 (31) июля 1857. Женева

Genève. 31/19 juillet

Je vous expédie un télégramme en même temps que cette lettre; en voici encore une autre que je vous avais envoyée quand vous étiez encore à Genève et qui m'est revenue du Café du Nord. Je n'y comprends rien. —

Soyez tranquille au sujet de votre dette et ne vous donnez nulle peine pour me rembourser dans un temps voulu. — Je puis parfaitement attendre tant

que vous voudrez; vous me payerez en Russie — ce n'est pas *cela* qui peut me déranger. —

Je n'éprouve pas le moindre désir de vous gronder, mon cher garçon, mais je mentirais en disant que je ne suis pas affligée de votre faiblesse. Je vous croyais mieux ancré et plus énergique. — Enfin cela viendra un jour, espérons-le. En attendant je voudrais vous dire un mot rafraîchissant — mais je suis moi-même comme un poisson hors de l'eau. Les départs mettent mes nerfs en convulsion. Dans les premiers jours d'août, nous serons à Ostende; écrivez-moi quelques lignes — je voudrais vous savoir hors du marais de Baden et réconcilié avec vous-même. Je n'ai jamais eu la prétention de vous croire parfait — aussi n'ai-je aucune raison pour vous aimer moins lorsque par hasard j'apprends une de vos erreurs. —

J'ai emporté un délicieux souvenir de notre entrevue à Lucerne, et vous auriez beaucoup à faire avant de réussir à me le gâter.

Notre voyage dans les montagnes s'est terminé fort heureusement. La vue de la mer de glace m'a causé une émotion profonde — je ne m'explique pas trop pourquoi. —

Ainsi, à revoir peut-être, cher ami. Que Dieu vous garde de tout mal — qu'Il nous en garde tous. La roulette n'est qu'une espèce du genre. — Je vous serre tendrement la main, ma sœur en fait autant.

Votre vieille grand-maman

⟨*Перевод:*⟩

Женева. 31/19 июля

Одновременно с этим письмом я посылаю вам телеграмму, а затем еще другое письмо[1], которое я вам послала, когда вы были еще в Женеве, и которое мне переслали из Café du Nord. Я ничего не понимаю. —

Не волнуйтесь относительно вашего долга[2] и не спешите возвращать его мне к назначенному вами сроку. — Я могу ждать сколько угодно — вы отдадите мне его в России — отнюдь не *это* может меня расстроить. —

Я вовсе не желаю бранить вас, дорогой мой мальчик, но я солгала бы, говоря, что не огорчена вашей бесхарактерностью. Я считала вас более твердым и энергичным. — Словом, будем надеяться, что это со временем придет. А пока мне хотелось бы сказать вам что-нибудь ободряющее, но я сама, точно рыба, вынутая из воды. Отъезды расстраивают мои нервы. В первых числах августа мы будем в Остенде — напишите мне несколько строк — мне хотелось бы знать, что вы покинули Баденское болото[3] и примирились сами с собой. Я никогда и не думала

считать вас совершенством, потому у меня нет основания любить вас меньше оттого, что случайно узнала одну из ваших ошибок. —

Я сохранила прелестное воспоминание о нашем свидании в Люцерне[4], и вам много нужно сделать, прежде чем вы преуспеете мне его испортить.

Наше путешествие по горам окончилось очень счастливо. Вид ледника в Альпах глубоко взволновал меня, — я даже не знаю почему. —

Итак, быть может, до скорого свидания, милый друг. Храни вас Господь от всякого зла, как и всех нас. Рулетка не что иное, как одно из проявлений зла. — Сестра и я сердечно жмем вашу руку.

Ваша старая Бабушка

7. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

18 августа 1857. Ясная Поляна

Ясная Поляна
18 августа

Драгоценная бабушка!

На счастье пускаю это письмо в Остенд, хотя и боюсь, что оно вас не застанет; но теперь, сидя один в деревне и невольно перебирая свои воспоминания, вижу, что изо всей моей заграничной жизни воспоминание о вас для меня самое милое, дорогое и серьезное, и мне душой хочется писать вам — живее и ближе воображать вас. Написав это, я долго сидел и думал, не потому, чтоб не знал, что писать, — напротив, слишком много хочется вам сказать такого, что не понравится вашей скромности. Вы сами говорите, что в деревне все чувства разростаются в громадные размеры, и моя дружба к вам здесь разрослась в такую неукладистую дружбищу, что ежели говорить про нее, вы, пожалуй, скажете опять, что я вечно живу на парадоксах. Ну, да что говорить об этом — вы тем-то и чудесная бабушка, что вы этого не хотите знать; а в *милой* Алекс⟨андре⟩ Александровне[1] видите гениальный ум и ученость, а во мне доброту и разные хорошие качества. И что удивительно, что эта непонятная скромность находится где же? в *трубе*![2] Право, это гораздо удивительнее, чем ежели бы соленый огурец вырос на кусте розана.

В Дрездене я к радости и удивленью моему встретил милейшего Филимона в седом парике и Бавкиду, вышедшую из Смольного, и с ними

доехал до Петербурга[3]. Разумеется, не раз мы с этими милыми друзьями побранили вас, и М⟨ихаил⟩ И⟨ванович⟩, поковыривая ноготь об ноготь, с недоумением говорил: да, удивительная... и вдруг под седыми бровями, в круглых честных глазах оказывалось что-то вроде слезинок. В Дрездене еще совершенно неожиданно встретил к⟨няжну⟩ Львову[4]. Я был в наиудобнейшем настроении духа для того, чтобы влюбиться: проигрался, был недоволен собой, совершенно празден (по моей теории любовь состоит в желании забыться, и поэтому так же, как сон, чаще находит на человека, когда недоволен собой или несчастлив).

К⟨няжна⟩ Львова красивая, умная, честная и милая натура, я изо всех сил желал влюбиться, виделся с ней много, и никакого! Что это, ради Бога? Что я за урод такой? Видно, у меня недостает чего-то. И вот чего, мне кажется: хоть крошечной порции fatuité*. Мне кажется, что большая часть влюбляющихся людей сходятся вот как: видятся часто, оба кокетничают и, наконец, убеждаются, что влюбили в себя респективно один другого; а потом уж в благодарность за воображаемую любовь сами начинают любить. Но как же мне, всегда внимательно наблюдающему за женщиной, с которой я схожусь, ту меру отвращения, которое я ей вселяю своей персоной, как же мне поддаться на этот милый обман. А впрочем, Бог с ним совсем, с этим десертом, пора перестать заботиться о сладиньких кушаньях, когда седина в голову. Благодарю Бога и за то, что он мне дал существенное, т.е. способность любить, хоть это по-вашему, может быть, и парадоксы, но я так решил себе. В Петербурге меня задержали целую неделю и здоровье и литературные дела[5], несмотря на то я не был у К⟨атерины⟩ Н⟨иколаевны⟩[6], потому что забыл совсем. В России скверно, скверно, скверно. В Петербурге, в Москве все что-то кричат, негодуют, ожидают чего-то, а в глуши тоже происходит патриархальное варварство, воровство и беззаконие. Поверите ли, что, приехав в Россию, я долго боролся с чувством отвращения к родине, и теперь только начинаю привыкать ко всем ужасам, которые составляют вечную обстановку нашей жизни. Я знаю, что вы не одобрите этого, но что ж делать — большой друг Платон, но еще больший друг правда[7], говорит пословица. Ежели бы вы видели, как я в одну неделю, как барыня на улице палкой била свою девку, как становой велел мне сказать, чтобы я прислал ему воз сена, иначе он не даст законного билета моему человеку, как в моих глазах чиновник избил до

---

* самоуверенности (*фр.*).

полусмерти 70-тилетнего больного старика за то, что чиновник зацепил за него. Как мой бурмистр, желая услужить мне, наказал загулявшего садовника тем, что, кроме побой, послал его босого по жневью стеречь стадо, и радовался, что у садовника все ноги были в ранах, — вот, ежели бы это все видели и пропасть другого, тогда бы вы поверили мне, что в России жизнь постоянный вечный труд и борьба с своими чувствами[8]. Благо, что есть спасенье — мир моральный, мир искусств, поэзии и привязанностей. Здесь никто, ни становой, ни бурмистр мне не мешают, сижу один, ветер воет, грязь, холод, а я скверно, тупыми пальцами разыгрываю andante Бетховена[9] и проливаю слезы умиленья, или читаю «Илиаду»[10], или сам выдумываю людей, женщин, живу с ними, мараю бумагу, или думаю, как теперь, о людях, которых люблю. Вы и не думаете того, а я теперь вижу вас гораздо яснее и лучше, чем какой-нибудь принц Вурстемберской[11], который уставил на вас свои лошадиные буркулы. Сестра[12] здоровее и веселее, чем была прежде. Ежели начать писать о ней, то письмо не кончится. От души целую ваши и бабушки Лизы руки, славному Ребиндеру желаю успеху[13], твердости духа и дружески жму руку.

Деньги пошлю в Петербург или как велите[14]. Адрес мой: в Тулу. Напишите словечко[15], ведь я, без шуток, изо всех сил обрадуюсь вашему письму.

8. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

29, 31 августа (10, 12 сентября) 1857. Остенде

Ostende, 29 août v⟨ieux⟩ style

Le voilà donc passé, ce terrible 28 août, et j'espère, mon cher Léon, que vous êtes encore au nombre des vivants. Hier et aujourd'hui ma pensée a couru vers vous plus souvent que d'habitude et, à ma grande honte, je dois avouer qu'il se mêlait à ce souvenir je ne sais quelle crainte superstitieuse. C'est vous que je rends responsable de cette petitesse et aussi la séparation qui entoure de fantômes effrayants ceux que nous aimons. Tout cela réuni me fait ardemment désirer une lettre de vous. Je l'attends comme si j'avais affaire à un être rationnel, régulier et capable de se souvenir de ses bonnes intentions. J'attends aussi par vous des nouvelles sur votre sœur qui m'intéresse beaucoup et à laquelle j'ai souvent pensé depuis nos conversations à son sujet. Votre

présence par là est une idée consolante — je sais tout ce qu'il y a d'éléments en vous pour rafraîchir le cœur, peut-être même à votre insu. — Sans le savoir, vous êtes pétri d'atômes crochus ou, pour dire la chose plus simplement, vous êtes *bon* d'une manière peu ordinaire et c'est pour cela qu'il est difficile de ne pas se sentir heureux près de vous. Je crois que je vous l'ai dit bien des fois — mais à mesure qu'on recule des objets, on les juge mieux encore. — Je ne puis pas vous dire tout ce qu'il y a eu de joie pour moi dans nos rencontres souvent inattendues et combien ce souvenir m'a quelquefois remontée depuis lors. — Ce que *j'aime* dans l'existence a disparu avec la Suisse et a été remplacé pas cette vie agitée pour supporter laquelle il faut une nature plus forte et plus calme que la mienne. Мало своей трубы! Мы рыскали и заезжали во все чужие трубы в Баварии, Бельгии и Голландии. Везде чернее и скучнее, чем в своей трубе, к которой я уже так привыкла, что и не считаю ее за трубу. Depuis Francfort, je n'ai vu que Rois, et Reines, et Princes, et courtisans et tout le fatras démoralisant de la représentation. N'est-ce pas que vous avez pitié de votre pauvre Бабушка, которая все в лес смотрела! —

Ostende est une affreuse fourmillière où la voix de la mer est étouffée par les clameurs d'une foule odieusement élégante qui se presse sur la plage du soir au matin et se jette pêle-mêle dans l'eau, sans distinction d'âge ni de sexe. Rien ne m'y a été sympathique et je m'en vais la quitter sans regret. Cependant, je vous y ai souhaité, et cette fois-ci, par hasard, nullement par égoïsme, mais en voyant sur les malades la prodigieuse efficacité de cette eau et de cet air salé.

31 août. Ma lettre en était restée là, faute de temps, et à l'instant je reçois la vôtre, mon cher excellent Léon. Je vous saute au cou mentalement — voilà de ces coups de sympathie que j'adore comme si j'étais une институтка. Le proverbe: сердце сердцу весть подает se réalise sur nous. Merci, merci pour toutes les bonnes choses que vous me dites — je les accepte avec joie, non point parce qu'elles me reviennent de droit, mais parce que je sais que vous les avez réellement *crues* et senties, et encore parce qu'il y a de bonnes opinions qui *obligent*, qui sont comme des ressorts qui vous poussent en avant. Souvenez-vous ce que je vous ai dit sur le lac de Lucerne. Jamais je ne vous ai vu sans souhaiter d'être meilleure et l'idée de votre amitié (quoique un peu aveugle) produit le même effet sur moi. Ce que vous dites de l'amour a un certain côté de vérité, mais pourrait s'appliquer mieux encore à ce qu'on appelle des *amourettes*, car l'amour vrai n'a souvent pas besoin de réciprocité pour exister et durer. Je pourrais appuyer cet axiome d'un exemple, sans toutefois désirer que vous suiviez cet exemple. Que Dieu vous en garde —

c'est une école qui ne convient pas à tout le monde, quoiqu'on y apprenne *beaucoup* de choses. Par un singulier hasard, j'ai pensé souvent ce temps-ci à la famille Lwoff dont maman et ma sœur Sophie ont fait la connaissance à Moscou et dont elles ont été charmées. Je me suis dit que vous devriez prendre une femme de là. — Cela doit être une éducation qui n'a point été énervée par le luxe. Du reste, je ne vous en parle qu'en passant, car je suis persuadée que de toutes les questions de notre vie, le mariage est une de celles dont la Providence s'est particulièrement réservée le soin et qu'elle arrange pour le mieux si nous ne gâtons pas nous-mêmes nos affaires par des calculs de vanité, d'argent ou d'ambition. Alors, on obtient ce qu'on a cherché et pas autre chose. — Tant que vous dépendrez le moins du monde de mon influence de vieille tante, je ne vous permettrai jamais, mon cher Léon, de rester vieux célibataire, et je vous prie de ne bâtir aucuns plans là-dessus. — Nous en reparlerons d'ailleurs plus d'une fois, et j'espère vous prouver que vous, avec votre nature tendre (ne riez pas du mot — il ne signifie pas la même chose que romanesque), vous ne deviendrez jamais rien de complètement bon en restant vieux garçon. Or, je me fais une joie de suivre vos progrès et de vous voir monter de degré en degré dans l'œuvre du perfectionnement *tel que je l'entends*. Vous accomplirez les théories que j'ai dû me contenter de rêver — car, toute fausse modestie à part, il ne m'a été donné ni assez de persévérance, ni assez de grandeur et de simplicité d'âme pour les mener à bien. Ne croyez pas que je vous le dise comme une jolie chose ou pour faire du style. Il y a, au contraire, quelque chose d'aigu qui m'a traversé le cœur pendant que j'écrivais ces derniers mots. Oui, rien n'a encore été fait et la vie est déjà écoulée plus qu'à moitié.

Mon cher Léon, en lisant votre lettre et les dégoûts qui ont assailli votre âme à votre retour dans la patrie, j'ai été surtout effrayée d'une chose relativement à vous. Je crains que ce dégoût ne vous empêche de mettre la main à l'œuvre sur tout ce qui dépend de vous. La musique, la lecture, la littérature sont des refuges égoïstes dans lesquels vous n'abritez que votre propre individualité. L'état des choses est détestable en général, j'en conviens, et qui pourrait disputer là-dessus? Mais autour de nous — près de nous — il *faut* qu'il se fasse des réformes bienfaisantes, autrement nous devenons les complices et de celui qui vole, et de celui qui assomme, et de celui qui vit dans un complet oubli de Dieu et de l'éternité. Les difficultés sont énormes, je le sais — les résultats seront peut-être si minimes que vous aurez de la peine à les apercevoir vous-même après vous être tué au travail — mais c'est égal, je vous conjure de travailler; si les voyages, les réflexions, les *tourments* de la pensée, la prière

du cœur, ne vous conduisaient pas à ce résultat de vouloir vous vouer au bien des autres activement et pratiquement, tout ce qu'il y a de riche dans votre nature s'appauvrirait infailliblement et vous tomberiez dans la foule de ces discuteurs et frondeurs stériles dont notre pauvre pays surabonde, helas! — При этой мысли моя душа просто становится на дыбы и громко протестует. Repondez-moi là-dessus, dites-moi vos projets.

Et maintenant, adieu en attendant — nous serons en Russie vers la fin de septembre. Maman y sera aussi à cette époque; ce serait bon de vous apercevoir dans le courant de l'hiver — mais seulement, sans préjudice pour vos travaux. Ma sœur et Rebinder vous envoient mille et mille amitiés — ce dernier a été bien touché de votre souvenir — il vous aime aussi. Depuis que je m'occupe moins de son éducation, cela va infiniment mieux. A propos d'éducation — depuis l'histoire de votre chanteur de Lucerne, Eugénie ne voit *jamais* un joueur d'orgue ou autres gens de la même espèce sans leur faire l'aumône. N'est-ce pas instructif pour nous autres? J'ai ici à Ostende, pour fiche de consolation, M-me Maltzeff avec laquelle nous causons à l'infini. Elle est bien plus que moi вселенская жена. Comme j'ai été contente de votre rencontre avec les amis de Vevey. Adieu donc, cher Léon, je vous embrasse de tout mon cœur ainsi que votre sœur que je voudrais tant connaître. Parlez-moi d'elle une fois très en long, et que devient votre beau-frère. Si vous êtes choqué que je vous écrive en français, dites-le-moi, — c'est une mauvaise habitude que je tâcherai de perdre. Quant à l'argent, envoyez ou apportez-le quand vous voudrez — rien ne presse.

Ecrivez maintenant a P⟨éters⟩bourg, au Palais Marie.

⟨*Перевод*:⟩

Остенде, 29 августа ст⟨арого⟩ стиля

Наконец-то оно прошло, это ужасное 28 августа[1], и я надеюсь, милый Лев, что вы еще живы. Вчера и сегодня моя мысль обращалась к вам чаще обыкновенного, и к своему большому стыду должна сознаться, что к этому воспоминанию примешивался какой-то суеверный страх. В этом малодушии я виню вас, а также отдаление, окутывающее тех, кого мы любим, страшными призраками. Все это, вместе взятое, заставляет меня горячо желать вашего письма. Я жду его, полагая, что имею дело с существом разумным, аккуратным и способным помнить свои добрые намерения. Жду от вас также вестей о вашей сестре[2], она меня очень интересует, и я часто думаю о ней после наших с вами разговоров. То, что вы сейчас находитесь при ней, для меня очень утешительно:

я знаю, как вы умеете оживлять сердце, наверное сами того не сознавая. — Знаете ли вы, что вы созданы из сцепляющихся атомов или, проще говоря, вы необыкновенно *добры*, и потому, находясь вблизи вас, трудно не чувствовать себя счастливым. Кажется, я вам это не раз говорила, но по мере того, как удаляешься от предметов, видишь их еще лучше. — Я не могу вам передать, сколько было для меня радостного в наших часто неожиданных встречах и как воспоминания о них ободряют меня. — Все, что я *люблю* в жизни, исчезло вместе с Швейцарией и сменилось этим беспокойным существованием, и чтобы переносить его, нужна более крепкая и спокойная натура, чем моя. *Мало своей трубы! Мы рыскали и заезжали во все чужие трубы[3] в Баварии, Бельгии и Голландии. Везде чернее и скучнее, чем в своей трубе, к которой я уже так привыкла, что и не считаю ее за трубу*. Начиная с Франкфурта, я видела только Королей, Королев, Принцев, придворных и всю развращающую пустоту парадов. Не правда ли, вам жаль вашу бедную *Бабушку, которая все в лес смотрела!* —

Остенде — ужасный муравейник, в котором шум моря заглушается гулом до противности нарядной толпы, которая с утра до вечера толчется на пляже и без различия пола и возраста беспорядочно бросается в воду. Мне тут все не нравится, и я покину Остенде без всякого сожаления. Между тем мне хотелось бы, чтобы вы были здесь, и на этот раз против обыкновения не из эгоистического чувства, а видя на больных действие целебной силы этой воды и морского воздуха.

31 августа. Мое письмо осталось не отправленным за недостатком времени, а сейчас я получила ваше[4], мой милый, бесценный Лев. Мысленно бросаюсь вам на шею — я обожаю такие проявления симпатии, точно *институтка*. Мы подтвердили поговорку: *«Сердце сердцу весть подает»*. Спасибо, спасибо за все то хорошее, что вы мне говорите, — я принимаю ваши слова с радостью, не потому что я их заслужила, а потому что знаю, вы в самом деле так *думаете* и чувствуете. А потом, хорошее мнение *обязывает* нас и служит как бы пружиной, двигающей нас вперед. Вспомните, что я вам говорила на Люцернском озере. Когда я вижу вас, мне всегда хочется стать лучше, и мысль о вашей дружбе (правда, немножко слепой) производит на меня то же действие. Ваши слова о любви, может быть, отчасти и верны, но они скорее применимы к так называемым *увлечениям*, ибо настоящая любовь живет и развивается, часто не требуя взаимности. Я могла бы подтвердить эту истину примером, не желая, однако, чтобы вы ему следовали. Храни вас Господь

от этого — такая школа годится не для всех, хотя научиться там можно *многому*. По странной случайности я все это время часто вспоминала семейство Львовых[5], с которым мамá и сестра Соня[6] познакомились в Москве и были им очарованы. Я сказала себе, что вы должны взять себе жену оттуда. Вот где роскошь не имела расслабляющего влияния на воспитание. Впрочем, я это говорю так, между прочим, потому что уверена, что среди всех вопросов нашей жизни Провидение главным образом взяло на себя заботу о женитьбе. Оно устраивает все как можно лучше, если только мы сами себе не портим честолюбивыми и денежными расчетами. А тогда мы получаем только то, чего добивались. — До тех пор, пока вы хоть немножко находитесь под влиянием вашей старой тетки, я никогда не позволю вам, милый Лев, остаться старым холостяком и прошу вас не строить относительно этого никаких планов. — Впрочем, мы поговорим об этом еще не один раз, и я надеюсь доказать вам, что из вас, с вашей нежной натурой (не смейтесь, это не значит романтичной), никогда ничего хорошего не выйдет, если вы останетесь старым холостяком. Итак, я с радостью слежу за вашими успехами, видя, как вы постепенно поднимаетесь все выше и выше в деле совершенствования, *каким я его понимаю*. Вы примените на деле те теории, об исполнении которых я только мечтала, так как, откинув ложный стыд, я должна сказать, что мне не было достаточно дано ни настойчивости, ни сил, ни душевной простоты, чтобы провести их до конца. Не подумайте, что я говорю это из любви к красивым фразам или к высокому стилю; напротив, у меня больно сжалось сердце, когда я писала эти слова. Да, ничего еще не сделано, а жизнь уже наполовину пройдена.

Читая в вашем письме, милый Лев, о том отвращении, которое овладело вашей душой по возвращении на родину[7], больше всего я испугалась за вас вот в каком отношении. Я боюсь, чтобы это отвращение не помешало вам деятельно взяться за все то, что находится в вашей власти. Ведь музыка, чтение, литература — все это не более чем себялюбивое убежище для своей собственной личности. Положение вещей вообще отвратительно, согласна, да и кто бы стал с этим спорить? Но *необходимо* вокруг себя, рядом с собой проводить улучшения, иначе мы становимся сообщниками и вора, и убийцы, и того, кто живет в полном забвении Бога и вечности. Трудности велики — я это знаю, а результаты будут, быть может, так малы, что вы сами едва заметите их, надсаживаясь над работой; но все равно, я заклинаю вас работать, ибо если ни путешествия, ни размышления, ни *муки* мысли, ни молитвы из

глубины сердца не приведут вас в конце концов к желанию деятельно посвятить себя общему благу, то все ваши природные богатства иссякнут и вы опуститесь до толпы всех бесплодных болтунов и фрондеров, которыми — увы! — так изобилует наша бедная страна. *При этой мысли моя душа просто становится на дыбы и громко протестует*. Ответьте мне на это и поделитесь своими планами[8].

А теперь пока до свидания — мы будем в России в конце сентября. Мама́ тоже приедет к этому времени; как было бы хорошо повидаться с вами этой зимой[9], но, конечно, без ущерба для ваших работ. Сестра[10] и Ребиндер кланяются вам, последний был очень тронут тем, что вы его вспомнили, так как он вас тоже любит. С тех пор как я стала меньше заниматься его воспитанием, дело пошло гораздо лучше. Кстати о воспитании: после вашей истории с люцернским певцом[11] Евгения[12] не может видеть *ни одного* шарманщика или странствующего музыканта, чтобы не подать ему милостыни. Разве это не поучительно? Здесь в Остенде, на мое утешение, живет Мальцева, с которой мы ведем бесконечные разговоры. Она гораздо больше *вселенская жена*, чем я. Как я была рада вашей встрече с вевейскими друзьями![13] Прощайте же, милый Лев, обнимаю от всего сердца вас и вашу сестру, мне так хотелось бы с ней познакомиться[14]. Напишите мне побольше о ней и о том, что сталось с вашим зятем[15]. Если вам неприятно, что я пишу по-французски[16], скажите — это скверная привычка, и я постараюсь от нее отделаться. Что касается денег, то пришлите или привезите их, когда хотите: это не к спеху.

Пишите теперь в П⟨етер⟩бург, в Мариинский дворец.

9. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

7 октября 1857. Петербург

Первое приветствие по приезде в Петербург было от вас, милый внук и друг, то есть я нашла на своем столе повестку о деньгах, и, право, не из алчности, а в надежде получить и письмо, я послала немедля на почту, но увы вместо письма, только короткая записочка[1] и то без числа, что для меня vu les circonstances* составляло важную разницу. Вы, между тем, должны были получить мою эпистолу из Остенда, и

---

* ввиду обстоятельств (*фр.*).

я жду на нее ответа[2]. Вспомните, что я еще не имела известий от вас после 28-го августа. Сами забили мне гвоздь в голову, так извольте же его и вытаскивать. Вот уже и мы почти две недели на родине, и я еще не прихожу в себя от быстрого перехода и от необходимости укладывать себя в старый футляр. Мне кажется, что я потолстела, что футляр уже не приходится по моей форме — узко, неловко, и какие-то винты входят в бока и напоминают мне об утраченном просторе. Петербург явился мне во мгле — только никак не могу распознать, действительно ли он так мрачен или внутренний взгляд отуманился. День проходит в тяжелой борьбе, — с чем? сама не знаю, а чувствую, что обращаюсь в элементе*, мне более совершенно не свойственном. Время раздроблено, раскрошено на множество мелких обязанностей, сует, скучных и пустых свиданий — ничего цельного, дельного и правильного; и на всё это льет грязный дождь из свинцового неба. Уж не он ли причиною моей хандры? Отчасти, может быть, но более жалуюсь на светский муравейник, который захватил меня разом. Я в нем барахтаюсь с невыразимою тоскою и усталостью. Мысль о совершенном уединении, или лучше сказать об отшельничестве, более чем когда-нибудь шевелится в душе моей, и если я ей не предаюсь совершенно, то это потому только, что не доверяю самой себе, но настоящий ход вещей просто обламывает мне руки, то есть les bras m'en tombent**, когда, подводя итог дня, я спрашиваю себя со страхом, может ли это беспрестанное кружение назваться *жизнью* — жизнью разумного существа, готовящего себя к вечности. До сих пор что спасало меня от полного сознания этой пустоты и траты времени, это собственное участие в муравейной жизни. Будучи членом деятельным всех этих сует и *себялюбивых* увлечений, я не замечала так сильно, как теперь, всё их ничтожество. Но для меня все эти обманы изломаны на куски — и слава Богу! Только трудно разом войти в другую колею. Знаю, очень знаю, где искать помощи и вразумления, а силы нет подняться на ноги. Нет ли, кроме великих и верных средств, к которым мы вообще прибегаем только en extrêmes***, еще кое-каких механических способов справляться с ежедневными пошлостями. Скажите, научите, любезный внук — обдумайте и составьте для вашей бабушки хорошенький и изворотливый план, — убежище, где бы она могла спасаться от совершенного уныния. Вы должны теперь видеть в ней не вселенскую

---

* в среде (от *фр.* élément).
** руки опускаются (*фр.*).
*** в крайности (*фр.*).

жену, проповедующую в торжественной одежде неоспоримые истины, а существо съёженное, разбитое и требующее помощи. Вы бабушку еще не видали в таком виде — хотела бы вам прислать фотографию, да совестно показывать себя в подобном расплохе. Теперь вопрос — зачем все это было написано и адресовано к вам? А так — без всякого преумышления и намерения — просто вылилось само собою из несколько переполненной чаши — к тому же вы можете быть чудесный поверенный в моей profession de foi* — именно потому, что отделены от *нашего* мира и обстоятельствами, и чувствами и дадите совет с детской простотой, не увлекаясь, как другие, par le courant des choses**. — Вижу отсюда, как милый Лев, распустив своё гриво, дремлет под мою эпистолею или рычит с неудовольствием: что это Бабушка, с ума сошла? и что это за Иеремиин плач?[3] О, Лев — практический Лев, неужели вы незнакомы со всеми неровностями женского нрава, но уж если связались со мною дружбою неподдельною, то покоритесь и тому, что я проведу вас через все закоулки нашего лабиринта. Вы станете думать обо мне хуже? Тем лучше! В дружбе то-то и отлично, что не нужно являться всегда в парадной форме. Одного не хочу и не позволяю: не записывайте меня никогда в число des femmes incomprises***. Оне мне ненавистны. Всё остальное предоставляю вашему сиятельному и светлому обсуждению. —

На днях зашел разговор об вас — кто-то сказал, что вы, вероятно, со временем сделаетесь вторым изданием Искандера[4]. Ох, как это меня задело заживо — хотя я и не поверила этому гадкому слову и даже не могла вполне оценить всю неблагонамеренность этого сравнения, потому что читала только отрывками то, что во Франкфурте продается возами[5]. Но и в этих немногих страницах, прочтенных мною, я нашла дух столь противный всякому христианскому началу, что душа просто возмущалась от негодования. Правда, высказанная там, никогда не принесет ни малейшей пользы. Она зарыта в ядовитой желчи, она говорится не из любви, а из ненависти к отечеству. Как же смеют уподоблять этого Тигра моему добронравному Льву. Докажите им, милый друг, что *ваша* цель и пряма, и свята, и чиста, а мне скажите успокоительное слово насчет Искандера. Надеюсь, что вы ему не сочувствуете[6].

Теперь прощайте, заболталась, точно как будто мы сидим в Бокаже[7] и ничто не тревожит нас. О, tempi passati!**** — Если Бог приведет вас в

* исповедании веры (*фр.*).
** ходом вещей (*фр.*).
*** непонятных женщин (*фр.*).
**** О, былые времена! (*ит.*).

Петербург, то я введу вас в свой, не трубный, а семейный круг; кроме тех, которых вы уже знаете, вы найдете в нем удивительное четырехлетнее существо[8], которое примиряет со всякими скорбями. Я очень надеялась на приезд матушки[9], чтобы *отделаться от себя*, но покамест присутствие их здесь рвет меня еще более на клочки. Я вижу их только урывками, потому что приятельница ваша Алек⟨сандра⟩ Александровна порхает еще в Париже[10], а я несу на своих плечах все трубные тяжести. Надеюсь, что в продолжение зимы всё это устроится несколько лучше и что мир водворится опять в душе. Худо без него.

Прощайте же окончательно, милый Лев — протяните мне свою лапу — вот так, и скажите: «Бабушка, вы мне надоели, но я все-таки вас люблю». —

Посылаю вам портрет Филимона[11], comme correctif de la lettre*. Жду их сюда в конце октября, а вас когда?[12]

7 октября
1857 г.

Excusez les pâtés — ils sont contre mes principes, mais je suis trop paresseuse pour recopier ma lettre**.

Ребиндер написал к вам письмо[13], но не знаю, послал ли его — говорит, что это может показаться вам странным — каков педант? —

10. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

18 или 19 октября 1857. Москва

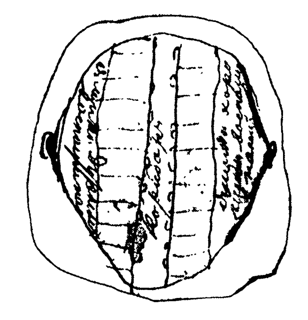
Милая бабушка!

Лень, постыдная лень сделала то, что на последнее ваше письмо[1] вы не получили ответа в то время, когда вы его писали. Опять бы была симпатия. Я всё жил в деревне, и с утра до вечера был занят навозом, лошадьми, мужиками, и занятия, хоть нехорошо, но шли. Деятельностью своей обязан немного и вам. Вы писали, что не любите пустых болтунов и боитесь за внука[2], и я стал бояться, и старался получить право похвастаться перед вами. При этом должен сказать, что письмо ваше из Остенда произвело на меня не только радость, но гордость. Что вот, мол, хоть меня и считает и староста и тетушка пустяшным малым, а ко

* чтобы украсить письмо (*фр.*).
** Извините за кляксы — это не в моих правилах, но я слишком ленива, чтобы переписать письмо (*фр.*).

мне вот какой человек письмо пишет, да еще дружеское, да еще умное, милое и поучительное. В то самое число, когда вы писали из Петербурга[3], я ездил по хозяйству. День был счастливый, всё шло хорошо, кстати, все мужики сделались вдруг необыкновенно умные и добрые, и я, возвращаясь верхом домой (славный был, яркий, холодный осенний вечер), испытал чувство радости в том, что Лев Николаевич жив и дышит, и чувство благодарности к кому-то, что он позволил дышать Л⟨ьву⟩ Н⟨иколаевичу⟩. Это очень приятное чувство, которое я редко испытываю и которое вы, я думаю, знаете. Все хорошие мысли и воспоминания вдруг полезли в голову и загородили весь коридор, так что ящики с неприятными мыслями и воспоминаниями уж не могли выдвигаться. Голова ведь устроена вот как: à vol d'oiseau* череп:

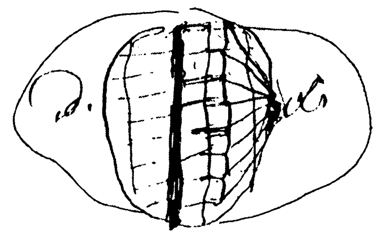
Пружина дурного расположения духа

Пружина хорошего расположения духа.

Все ящики выдвигаются в коридор.

Ящики могут выдвигаться по несколько с каждой стороны, оставляя проход в коридоре. Когда же, посредством хорошей погоды, лести, пищеваренья и т.п., пожата правая пружина, то все ящики сразу выскакивают, и весь коридор занимается ящиками правой стороны, вот так:

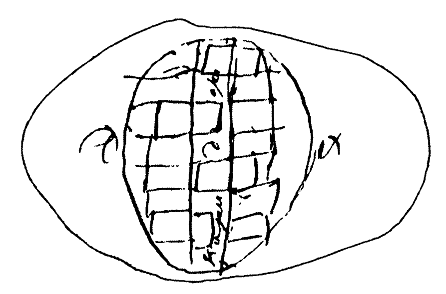
и наоборот, когда дождик, дурной желудок, правда, пожмут** левую, тоже коридор весь загораживается.

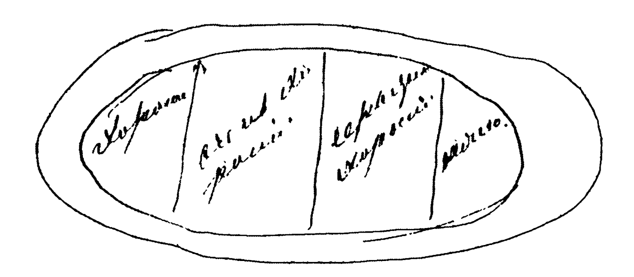
*с птичьего полета (*фр.*).

***Далее зачеркнуто*: другую.

А вот рисунок нормального положения, когда выдвигаются то те, то другие:

Кроме того, надо знать, что каждый ящик имеет пропасть подразделений. Подразделения зависят от человека. У одного делятся на придворные и не придворные; у другого — на красивые и не красивые; у третьего — на умные и глупые, и т.д. и т.д. У меня разделяются на воспоминания о хороших, очень хороших и серьезно хороших людях и людях ничего. В разрезе и большом масштабе вот так:

Итак, едучи верхом, пружина хорошего расположения пожалась, и ящики выскочили все. В том числе и ваш ящик. Потом стали убираться понемногу, а ваш ящик, Бог знает по какому праву, выскочил весь, стал поперек в коридоре и загородил всю дорогу. Так что весьма долго я им одним занимался, и все ехал и мысленно писал вам предлинное письмо. Но, приехав домой, в коридор надо было пропустить новые штуки, именно вопрос о том, как рассудить подравшегося мужика с женой, вопрос о покупке лесу и т.п., и эти вопросы самым грубым манером полезли напролом в коридор. Ежели бы я не успел запрятать в свое место ваш ящик, они бы сломали его. Одним словом, в этот же день я начал писать вам письмо, но уж не писалось, и я так и бросил его.

На ваше письмо я не отвечал тотчас же, потому что сам думал скоро быть в Петербурге, и теперь думаю, но всё откладывается, и уж мне становится совестно. Сестре нужно было ехать в Москву, и я поехал с ней[4]. За границу она зимой не должна ехать, в Петербург — тоже; поэтому и я остаюсь в России эту зиму, но в Петербург приеду очень скоро[5]. Много и много хочется поговорить с вами. Вы спрашиваете у меня совета успокоительного, а я к вам приеду за этим, и оба мы не найдем, что ищем. Вечная тревога, труд, борьба, лишения — это необходимые условия, из которых не должен сметь думать выйти хоть на секунду ни один человек. Только честная тревога, борьба и труд, основанные на любви, есть то, что называют счастьем. Да что счастье — глупое слово; не счастье, а *хорошо*; а бесчестная тревога, основанная на любви к себе — это несчастье. Вот вам в самой сжатой форме перемена во взгляде на жизнь, происшедшая во мне в последнее время. Мне смешно вспомнить, как я думывал и как вы, кажется, думаете[6], что можно себе устроить счастливый и честный мирок, в котором спокойно, без ошибок, без раскаянья, без путаницы жить себе потихоньку и делать не торопясь, аккуратно всё только хорошее. Смешно! *Нельзя*, бабушка. Всё равно, как *нельзя*, не двигаясь, не делая моциона, быть здоровым. Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишаться[7]. А спокойствие — душевная подлость. От этого-то дурная сторона нашей души и желает спокойствия, не предчувствуя, что достижение его сопряжено с потерей всего, что есть в нас прекрасного, не человеческого, *а оттуда*.

Вот вам и проповедь, бабушка. Да нет, это я написал очень не шутя. И чем больше думаю, тем больше вижу, что это так.

Прощайте, от души жму вашу руку и всех ваших, которых надеюсь увидеть дня через два. Скажите Катерине Николаевне[8], что В. Иславин женится на Кирьяковой какой-то.

4. Л.Н. Толстой и А.А. Толстая

1858

11. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

24 марта 1858. Москва

Христос Воскрес! милый друг, бабушка! Хотя я и не говел, и хотя я с Петербурга всё болен[1], мне так что-то хорошо на душе, что не могу не поговорить с вами. Когда у меня в душе беспорядок, я при вас и заочно стыжусь вас, когда же, как теперь, не слишком дурно, чувствую в себе храбрость смотреть вам прямо в лицо и спешу воспользоваться этим. Мы сейчас с тетинькой[2] говорили о вас. Она мне рассказала ваши слова Машиньке о ее муже[3]. Эти слова тронули глубоко и М⟨ашиньку⟩, и тетиньку, и меня. Мы даже разнюнились с тетинькой, вспоминая их. Откуда у вас берется эта теплота сердечная, которая другим дает счастье и поднимает их выше? Какой вы счастливый человек, что может⟨е⟩ так легко и свободно давать другим счастие. Затем и пишу вам, что мне завидно и хочется подышать немножко вашим воздухом. Как ни смотришь на себя — всё мечтательный эгоист, который и *не может* быть ничем другим. Где ее взять — любви и самопожертвования, когда нет в душе ничего, кроме себялюбия и гордости. Как ни подделывайся под самоотвержение, всё та же холодность и расчет на дне. И выходит еще хуже, чем ежели бы дал полный простор всем своим гадким стремленьям. Вот и теперь пишу вам о себе и готов писать сто листов, как будто это может быть интересно кому-нибудь. Ежели бы мне кто-нибудь написал то об себе, что я пишу вам, мне бы стало гадко, а вам, я знаю, будет жалко, что вот как глуп человек. Ах! плохо жить нашему брату — *младшим*. Не можем мы ни любить, ни быть любимы, а так кружимся, как будто дело делаем, то притворяемся, что любим, то притворяемся, что нас любить можно, — и всё неправда. Мы только на то и годимся, чтобы, глядя на нас, больше бы ценили вас — *старших*. Но всё ничего, ежели вы, *старшие*, будете помогать немного, — жить можно. Не могу сыскать «Сна»[4], чтобы прислать вам. Другую же вещицу отдал переписывать и пришлю[5] на днях. Пожалуйста, не покупайте Андерсена, пришлю вам[6] его и еще божественную книгу[7] (dans mon genre*), которой, надеюсь, вы останетесь довольны. Ежели вам лень, то не отвечайте мне теперь,

* в моем вкусе (*фр.*).

Христосъ Воскресе! милый
другъ, бабушка! Хотя я и не
говѣлъ и хотя я съ Петер-
-бурга все боленъ, мнѣ такъ
что-то хорошо на душѣ, что
не могу не поговорить съ ва-
-ми. — Когда у меня въ душѣ
безпорядокъ, я при васъ и заоч-
-но отвертываюсь васъ, когда же какъ
теперь — не ~~[illegible]~~ дурно-
чувствую въ себѣ храбро
смотрѣть вамъ прямо въ
лицо и ищу воспользоваться
этимъ. Мы сейчасъ съ те-
-тинькой говорили о васъ.
Она мнѣ разсказала ваши
слова Машенькѣ, о ея мужѣ.
Эти слова тронули глубоко
и М. и тетиньку и меня.
Мы даже разговорились съ
тетинькой вспоминая васъ.
Откуда у васъ берется эта
теплота сердечная, которая
другимъ даетъ счастье и под-

Письмо Л.Н. Толстого к А.А. Толстой от 24 марта 1858 г. Автограф, л. 1 (ОР ГМТ)

я воображу себе ответ (и всегда отличный), но, пожалуйста, о дальнейших ваших планах известите[8]. Я бы ужасно желал видеть вас до отъезда нашего за границу[9]. А теперь в Петербурге я как-то не воспользовался и сотой долью того бальзама, которым вы меня всегда угащиваете. Затем прощайте, очень кланяйтесь всем вашим и жалейте, *презирайте* меня, но, пожалуйста, никогда не махайте на меня рукой. Моя амбиция состоит в том, чтобы всю жизнь быть исправляемым и обращаемым вами[10], но никогда не исправленным и обращенным.

12. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

30 марта 1858. Петербург

Воистинно воскрес!

Милый и дорогой внук. Как приятно и неожиданно было для меня явление вашего письма. Я радовалась и улыбалась ему целый день, чувствуя, как оно шевелилось в моем кармане — радовалась, что вы меня любите и особливо, что вспоминаете меня в светлые и хорошие минуты вашей жизни. Стало быть, есть что-нибудь полезное и прочное в нашей дружбе. Только смутилась, и уже не в первый раз, преувеличением вашего хорошего мнения на мой счет. Как же это, милый внук, вы, который с первого раза и — увы! —так верно отгадали не только характер, но даже обстановку жизни неизвестной вам m-me Vavila[1], как же это вы так слепы насчет вашей бабушки, которую, однако ж, вы знаете гораздо больше. Положим, что и есть во мне теплота сердца, но что тут удивительного? Я сама была столько балована, любима и согрета в свою жизнь! А если запас калорифера не истощился, это потому, что я не тратила его (как следовало бы) на *всех*, а берегла für Wenige*.

Впрочем, в любви настоящей, то есть не своекорыстной и не односторонней, всегда повторяется Евангельское чудо о пяти хлебах — чем более раздаешь — тем более остается. Говорю не про себя, а как общий axiome.

Что касается до письма вашего, то у меня, разумеется, на каждое слово есть миллион возражений. Письмо короткое, но парадоксально задорливое. Жаль, что мало у меня времени для подробного анализа или анатомической лекции. Мы ведь на это с вами большие мастера. Не могу, однако ж, пропустить без замечания параллель, который вы

* для немногих (*нем.*).

Во истину воскресе!

Милый и дорогой внукъ.
Какъ приятно и неожиданно
было для меня явленіе вашего
письма. Я радовалась и улы-
балась ему целый день, чувствуя
какъ оно шевелилось въ моемъ
кармане — радовалась что
вы меня любите и счастлива
что вспоминаете меня въ
лучшія и хорошія минуты
вашей жизни. Стало быть
есть что нибудь полезное и
прочное въ нашей дружбе.
Только смутилась, и даже
въ первый разъ, преувеличеніемъ
вашего хорошаго мненія на
мой счетъ. Какъ [illegible]
внукъ, въ которомъ я перваго
раза и [illegible] такъ верно от-
гадали не только характеръ
но даже обстановку жизни
неизвестная вамъ m-lle Varila

Письмо А.А. Толстой к Л.Н. Толстому от 30 марта 1858 г.
Автограф, л. 1 (ОР ГМТ)

делаете между собою и мною. Тут дело не в комплиментах — знаю, что вы искренни — и я тоже, по крайней мере, с вами. Поверьте мне, главная разница между нами не в мыслях и чувствах (et je m'en flatte)*, а в летах и, может быть, в обстоятельствах. Вы еще *бежите*, а я уже остановилась — вы смотрите за счастием вперед, а я назад. Я прежде вас истерла *все* ступеньки мечтательного эгоизма и убедилась наконец, что скучно, глупо и даже гадко любить себя слишком много, и потому теперь беспощадно свёртываю все головки и несбыточным желаниям, и — увы! — часто еще возникающему себялюбию. То, что вы называете громким словом самоотвержения, не что иное, как опытность сердца. Она придет и к вам со многими другими светлыми откровениями. — Надобно всего прежде полюбить правду — *вечную* правду. Тогда только достанется вам счастие любить и быть любимым истинно, без обмана с вашей и с другой стороны. Я так убеждена, что все это сбудется с вами в свое время, что не нахожу никакой надобности обращать вас — тем более что я нынче наложила на себя запрещение и отнюдь не хочу пускаться более в проповеди. Это дело увлекательное, но скользкое и даже опасное для души — потому что мы невольно обманываем других своими теориями. Вот хоть вы, например, — вы верно воображаете, что я строго следую своим христианским убеждениям, а я еще и не начинала проводить их в действие. Покамест это еще мертвый капитал и редко от него получаются кое-какие проценты. Мне и самой нечем жить — где же тут еще помогать другим? А глядя на свою бедность — могу ли презирать вас, если вы и действительно не богаты? Люблю вас, внук, от всей души, так как вы есть — не скажу, что не желала бы в вас никаких изменений, — это была бы ложь — да я никак и не понимаю, чтобы жизнь могла сделаться *стоячею* водой. Это-то беспрестанное, часто безотчетное движение вверх — вперед меня более всего утверждает в бессмертии нашем. Стоило ли бы столько трудиться, бороться, рваться, чтобы потом лечь бессмысленно под надгробный камень и спать непробудным сном. Милый внук, неужели вы можете на это согласиться, а согласясь, покориться такой участи. Где же ваша Логика? как говорил покойный граф Федор Иванович[2]. —

Но я, кажется, опять впадаю в нравоучительную колею. Сами виноваты, сами напрашиваетесь на мораль — хотя и предлагаете мне судьбу Данаид[3] — то есть вечно подавать советы, которым вы заранее реши-

---

* и я льщу себя (*фр.*).

лись не следовать, принимая их, однако ж, с радостью. Как же не сказать, что вы олицетворенный парадокс?

Благодарю вас за обещанные книги и рукопись; надеюсь, что и «Сон» где-нибудь найдется[4].

Насчет наших будущих намерений — вот что решено покамест. В половине мая переезжаем на дачу, близ Петергофа. Туда легко добраться и по железной дороге и на пароходе; я очень желаю показать вам свою летнюю трубу, и по приезде вашем в Петербург[5] мы это всё устроим. В августе месяце великая княгиня[6] отправляется в Рим *без* — меня, и, может быть, сестра с своей воспитанницей[7] также останется в России. Это было бы отлично, и в таком случае я не буду жалеть и об Италии. — На это предстоящее мне свободное время я имею пропасть различных планов, но нечего говорить про них заранее.

Прощайте, Лев, поклонитесь от меня сердечно тетушке вашей и Машиньке[8]. Поблагодарите их за хорошее, дружеское расположение ко мне. Оно достается мне даром, но я ценю его много. Все наши вам кланяются. Паша[9] вспоминает с улыбкой о диком звере и говорит, что он *теперь* ей очень нравится. Вы, говорят, с ней порядочно кокетничали и, наконец, достигли своей цели. Eh bien, que ce soit un encouragement pour l'avenir — en grand*.

Посылаю это письмо наудачу — то есть забыла ваш адрес — кажется на Пятницкой[10], — но неуверена. Откликнитесь.

До свидания. А. Толстая

30-го марта
1858-го года

Скажите, когда намерены ехать в деревню[11].

13. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

14 апреля 1858. Ясная Поляна

Бабушка! Весна!

Отлично жить на свете хорошим людям; даже и таким, как я, хорошо бывает. В природе, в воздухе, во всем надежда, будущность и прелестная будущность. —

*Что ж, пусть это будет поощрением на будущее — в большом (*фр.*).

Иногда ошибешься и думаешь, что не одну природу ждет будущность счастья, а и тебя тоже; и хорошо бывает. Я теперь в таком состоянии и с свойственным мне эгоизмом тороплюсь писать вам о предметах только для меня интересных. — Я очень хорошо знаю, когда обсужу здраво, что я — старая, промерзлая, гнилая и еще под соусом сваренная картофелина, но весна так действует на меня, что иногда застаю себя в полном разгаре мечтаний о том, что я растение, которое распустится вот только теперь, вместе с другими, и станет просто, спокойно и радостно рости на свете Божьем. По этому случаю к этому времени идет такая внутренняя переборка, очищение и порядок, какой никто, не испытавший этого чувства, не может себе представить. Все старое прочь, все условия света, всю лень, весь эгоизм, все пороки, все запутанные, неясные привязанности, все сожаленья, даже раскаянье, — всё прочь! Дайте место необыкновенному цветку, который надувает почки и выростет вместе с весной! — Грустно вспомнить, сколько раз я тщетно делывал то же самое, как кухарка по субботам, а все радуюсь своему обману и иногда серьезно верю в новый цвет и жду его.

Вот уж с неделю, как я в деревне[1] один, и мне хорошо. Счеты за московское житье, за всё, сведены, и я квит со всеми, в приходе и в расходе ровно. —

Странное чувство я испытал, уезжая в деревню, в тех же условиях жизни, в каких и приехал. Первое чувство было радостное сознание свободы, возможность сейчас же вылезть из коляски и пойти пешком в Астрахань, или повернуть лошадей и ехать в Париж, или остаться навсегда жить на первой станции. Это чувство славное, и женщины не знают его. Но потом, чем ближе я подъезжал к деревне, тем мне все грустнее и грустнее становилось мое будущее одиночество. Так что, приехав в деревню, мне показалось, что я вдовец, что недавно жило тут целое мое семейство, которое я потерял. И действительно, это семейство моего воображения жило там. И какое прелестное семейство, особенно жалко мне старшего сына! И жена была славная, хотя и странная женщина. Вот, бабушка, научите, что делать с собой, когда воспоминания и мечты вместе составят такой идеал жизни, под который ничто не подходит, всё становится *не то*, и не радуешься и не благодаришь Бога за те блага, которые Он дал, а в душе вечное недовольство и грусть. Бросить этот идеал — скажете вы. Нельзя. Этот идеал не выдумка, а самое дорогое, что есть для меня в жизни[2]. Без него я и жить не хочу. Помните вы «Мадону» Пушкина? Ваша Мадона висит у меня[3] и радует, а последние

стихи мучают[4]. Иногда приходит в голову отслужить по всему панафиду, да тогда уж и других молитв в душе не останется. Прощайте, милая бабушка, не сердитесь на меня за этот вздор[5], а ответьте умное и пропитанное добротой и христианской мудростью словечко.

Я давно хотел написать вам, что вам удобнее писать по-французски, а мне женская мысль понятнее по-французски[6].

14. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

18 апреля 1858. Петербург

18 avril 1858

Ce n'est pas ma bonne volonté, mais ma santé qui vous a fait défaut, mon cher Léon, autrement ma réponse ne se serait pas fait attendre si longtemps. Je n'ai eu que trois ou quatre accès de fièvre, mais si soudains et si violents que je m'en suis relevée comme d'une maladie et me sens encore toute faible et hébêtée. C'est ce moment que je choisis pour vous dire mon opinion sur votre bluette, afin que vous puissiez la mettre sur le compte de ma maladie si elle venait à vous déplaire.

D'abord il faut vous dire, que je n'ai décidément pas voulu me laisser surprendre et aveugler par mon cœur en lisant votre manuscrit, qui par moments m'a ému jusqu'aux larmes. J'ai rengainé mouchoir de poche et sensiblerie et j'ai tâché de vous juger en me mettant de côté et à la place des indifférents qui vous liraient. Or, de ce point de vue, il est impossible d'être content. Ce n'est positivement qu'une ébauche, un canevas charmant que vous n'avez point développé et qui laissera au lecteur plus de regret que de satisfaction. — Ceux qui vous ne connaissent pas — qui ne vous ont pas entendu parler, ni raconter l'anecdote de l'извозчик dont vous avez été témoin, ne comprendront pas votre but. J'aime assez qu'on ne fasse pas d'oppositions trop fortes (c'est en général une preuve de bon goût), mais ici le parallèle est trop faiblement indiqué. Je ne sais pas si je l'aurais saisi moi-même si nos conversations avec vous ne m'avaient donné pour ainsi dire le mot de l'énigme. J'y ai trouvé personnellement beaucoup de charme, parce que j'ai complété votre idée par les miennes — parce que cette idée touche à une corde sympathique et riche en réflexions, mais ce sont nos affaires de famille et le public ne les prendrait point en considération, je suppose. —

Que la jeune femme élégante qui meurt entourée des adorations et des adulations de sa famille, ne comprend pas où elle va et se cramponne

instinctivement à la vie, tout en s'imaginant qu'elle est résignée à la mort *cela* est d'une vérité fort délicate et à mon avis ne demande point d'explications. Mais le secret du calme stoïque du pauvre извозчик aurait certainement dû être indiqué ne fût-ce que par un mot. — Autrement il a l'air de finir comme une brûte — sorti du néant et retombant dans le néant. Or cette simplicité touchante, avec laquelle les pauvres gens envisagent la mort, n'est certainement pas le résultat d'une indifférence stupide. Leur calme c'est la foi toute nue — упование — хотя, может быть, и безотчетное — но все-таки упование — c'est peut-être aussi la fatigue après tant de labeurs — enfin on peut supposer et sousentendre là-dessous mille choses admirables, auxquelles je regrette que vous n'ayez pas touché. Enfin voilà en raccourci ma manière de penser et je crois que tous ceux qui liraient cette petite esquisse demanderaient nécessairement ce qu'elle doit prouver. C'est bien loin d'être une horreur comme vous le dites — au contraire, il y a des passages ravissants. Описание весны просто хватает за сердце — je me suis sentie rêveuse comme en Suisse au moment où la nature se réveillait — тоска томительная, но сладкая. La dernière page et en général toute la dernière scène de la coupe de l'arbre est délicieusement poétique! Si vous m'en croyez et si votre paresse ne s'y oppose pas — revoyez, arrangez et complétez cette petite chose, qui fera d'autant plus de plaisir aux lecteurs esthétiques qu'on ne leur sert plus actuellement que des plats de la plus vulgaire espèce.

Il ⟨faut⟩ vous avouer que vous n'avez pas eu la moindre coquetterie en envoyant votre manuscrit tel quel. A quel copiste l'avez-vous donc livré? C'est plein de fautes et par-dessus le marché illisible. Надобно читать по складам. Tout de même je vous remercie et à mon tour je vous demande de me dire si vous croyez que j'ai mal jugé votre œuvre. — Dites-moi encore quand vous partez pour la campagne et si vous avez reçu ma lettre précédente. Ayant oublié votre adresse je les envoie un peu au hasard.

A revoir, mon cher Léon, je vous serre cordialement la main et me rappelle au bon souvenir des chers vôtres.

Hier j'ai entrevu l'objet de votre flamme fictive et fugitive. — Elle est bien gentille.

⟨*Перевод:*⟩

18 апреля 1858

Мне изменила не добрая воля, а здоровье, милый Лев, иначе мой ответ не заставил бы себя ждать так долго. У меня было всего три или четыре приступа лихорадки, но настолько внезапные и сокрушитель-

ные, что я поднялась после них словно после тяжелой болезни и все еще чувствую себя совсем ослабевшей и отупевшей. И я выбрала этот самый момент, чтобы высказать мое мнение о вашем рассказе, с тем чтобы вы могли отнести его на счет моей болезни, если оно вам не понравится.

Сначала следует сказать, что я решительно не позволила, чтобы мое сердце захватило меня врасплох и ослепило, когда я читала вашу рукопись[1], порою волновавшую меня до слез. Я отложила в сторону носовой платок и излишнюю чувствительность и постаралась судить вас, поставив себя на место тех равнодушных людей, которые будут вас читать. Итак, с этой точки зрения невозможно остаться довольной. Это положительно не что иное, как набросок, прелестная канва, которую вы, однако, не разработали, и она оставит у читателей скорее сожаление, нежели удовлетворение. — Те, кто не знает вас, кто не слышал вашей живой речи, вашего рассказа об этой истории с *извозчиком*, свидетелем которой вы были сами, — те не поймут вашей цели. Я не люблю очень резких противопоставлений (их отсутствие всегда доказывает хороший вкус), но в данном случае параллель проведена слишком слабо. Не знаю, сумела бы я схватить ее сама, если бы наши с вами разговоры не дали мне, так сказать, ключ к разгадке. Что касается до меня лично, то я нашла в рассказе много прелести, поскольку дополнила ваши мысли своими, ибо эти мысли затрагивают во мне самую чувствительную струну, вызывающую множество размышлений, но ведь это наши семейные дела, и публика, по-моему, их вовсе не поймет.

Если молодая элегантная женщина, которая умирает окруженная обожанием и угождением близких, не понимает, куда она уходит, и инстинктивно цепляется за жизнь, воображая, что покорилась смерти, то *это* очень верно и тонко и, на мой взгляд, не нуждается в пояснениях. Но секрет стоического спокойствия бедного *извозчика* должен быть, конечно, объяснен не только намеком. — Иначе его кончина подобна концу животного — из небытия вышел, в небытие возвращается. Ведь та трогательная простота, с какой бедные люди смотрят на приближение смерти, конечно же, не следствие тупого равнодушия. Их спокойствие есть чистая вера — *упование — хотя, может быть, и безотчетное — но все-таки упование*. Быть может, сюда примешивается утомление от тяжелых трудов — в конечном счете, можно было бы предполагать и подразумевать под этим множество замечательных вещей, но вы их, к моему сожалению, не коснулись. Вот вам вкратце мой образ мыслей[2], и я думаю, что все те, кто будет читать этот небольшой набросок, по

необходимости задумаются, что же он должен доказать. И это вовсе не гадость, как вы о нем говорите, — напротив, в нем есть восхитительные места. *Описание весны просто хватает за сердце* — я почувствовала в себе мечтательность, как бывало в Швейцарии в ту пору, когда пробуждается природа, — *тоска томительная, но сладкая*. Последняя страница и в особенности вся последняя сцена рубки дерева в высшей степени поэтична! Ежели вы мне доверяете и ваша лень вам не помешает, — пересмотрите, переделайте и дополните эту вещицу, и она доставит еще больше удовольствия эстетическому читателю, тем более что теперь его угощают пищей самого грубого свойства.

Я должна заметить, что вы не имели ни малейшего кокетства, присылая вашу рукопись в таком виде. Какому же переписчику вы ее отдавали? В ней полно ошибок и сверх того она неразборчива[3]. *Надобно читать по складам*. И все же я вам благодарна и, в свою очередь, прошу вас сказать мне, верно ли, на ваш взгляд, я судила о вашем сочинении. Скажите мне также, когда вы отправляетесь в деревню[4] и получили ли вы мое последнее письмо[5]. Я забыла ваш адрес и посылаю свои письма наудачу.

До свидания, милый Лев, сердечно жму вашу руку, напомните обо мне своим дорогим близким.

Вчера я встретила предмет вашей придуманной и быстротечной страсти[6]. — Она очень мила.

15. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

21 апреля 1858. Петербург

21 avril 1858

En voyant venir le printemps cette année-ci, j'avais imposé silence à mon cœur — je ne voulais plus de ce tumulte poignant et douloureux qui se réveille dans l'âme avec la restauration de la nature — j'étais presque contente de l'existence de ville qui rend toutes les saisons uniformes — bref je voulais *ignorer* le printemps et voilà que votre lettre réveille comme en sursaut tous les génies assoupis de la jeunesse et de l'exaltation. Все жизненные элементы вдруг стали на дыбы. Si je pouvais arriver jusqu'à vous par télégraphe, je me serais sentie capable de vous donner la main pour courir à travers champs — pour gambader comme une chèvre ou comme un polisson. — Dois-je vous remercier ou vous gronder de m'avoir donné ce choc électro-sympathique si fou et si peu adapté à mon âge? Car pour moi la réaction est bien autrement

douloureuse que pour vous. Ce qu'on perd par l'imagination, se retrouve dans l'imagination, mais ce qu'on a perdu *réellement*, ce que la vie ne peut plus rendre — voilà ce qui est cruel et on le ressent d'une manière plus intense encore dès qu'on essaie de *revivre*.

Mais c'est égal — le printemps peut exister dans mon âme comme dans la vôtre — je l'aimerai actuellement comme la figure d'un autre printemps, de celui où nous serons éternellement jeunes, et où il y aura plénitude de vie et d'amour — compréhension de toutes choses, sans aspirations stériles et sans l'angoisse des vœux irréalisées.

Mon cher Léon, je vous l'ai déjà dit mille fois et je le répète encore, il y a positivement des échos entre nous — non seulement vous ne risquez jamais de m'ennuyer en me communiquant vos impressions, mais j'y trouve une jouissance toute personnelle. Я себя перечитываю в вас — все мне так понятно, jusqu'à cette lessive que vous faites dans votre cœur. Comment pourrait-on exister en vérité sans ce renouvellement périodique? Lavez — frottez — nettoyez, vous-vous salirez de nouveau, cela est sûr, mais au moins la poussière ne sera pas si épaisse que le premier rayon de soleil ne puisse y pénétrer. Et point de découragements surtout — toutes ces dissonances de chutes et de rechutes mènent à une harmonie admirable — покамест пробираемся по тропинкам — спотыкаемся и падаем, а наконец выедем на большую дорогу, где будет и меньше толчков и меньше грязи. Certes, ce n'est pas moi qui vous dirai de briser votre idéal. Au contraire tenez le constamment devant vous pour ne pas vous abaisser un jour jusqu'à aimer une vulgarité désespérante. Cet idéal est comme la traduction de ce qu'il y a de meilleur en nous-mêmes, ce sont des éléments de beauté morale dont nous ne savons souvent faire aucun usage quoiqu'ils soient *en nous* et auxquels nous donnons une forme complète en dehors de nous pour avoir le droit de nous agenouiller devant elle. — Bien plus — je crois fermement qu'ils existent ces êtres que nous avons rêvés; souvent il ne nous est pas donné de les rencontrer de manière à nous les approprier — mais c'est toujours une consolation de penser qu'ils existent et pour moi je les aime comme si je les conaissais. — Seulement prenez garde de demander à votre idéal une perfection déjà toute faite. Si vous-vous laissez aller à cette exigence absurde la moindre ombre au tableau vous paraîtrait un malheur et vous rendrait aveugle et injuste. Pourvu qu'on tende à la perfection — c'est tout ce qu'il faut et quelque difficile que je serais pour la femme de votre choix je ne lui en demanderai pas davantage. Oh mon cher garçon, comme je serais heureuse si je vous voyais un jour donner la main à un être qui tout doucement et tranquillement vous mènerait

à la vérité, à cet autre idéal qui ne comporte ni faiblesses, ni imperfections et dont la grandeur merveilleuse remplirait toute votre âme. Croyez-moi, le fond de cette joie que vous éprouvez quelquefois n'est que la révélation momentanée et partielle de l'amour divin. Vous adorez son œuvre, mais son image est encore comme voilée pour vous. Quand je dis pour *vous*, elle l'est également pour moi — je ne l'aperçois qu'à de rares intervalles, mais alors je suis heureuse et forte. Je ne sens plus le besoin de m'apitoyer sur moi-même, je m'assieds tranquillement à l'ombre de cette protection — tous les événements de ma vie semblent procéder dans un ordre admirable — je ne les appelle point — je ne les presse point — je me repose dans une attente pleine de sécurité. И в эти минуты толпятся вокруг меня милые живые и милые мертвые, и для всех них есть радостные невыразимые надежды!

J'ai reçu votre lettre hier soir et quelques heures auparavant j'en ai expédié une pour vous à Moscou — il est probable qu'elle sera perdue, mais je ne la regrette pas — elle ne contenait rien d'intéressant — ce n'était que l'expression très imparfaite de mon jugement très imparfait aussi probablement sur votre petite œuvre. — Je suis sûre d'ailleurs que vous sentez vous-même qu'elle est très peu achevée. — Il faudrait la retravailler.

On m'a dit hier que Tourguéneff allait arriver ici. Peut-être que cela vous fera venir plus tôt. Si je le rencontre, je vous promets par considération pour vous, de le *revoir* avec d'autres yeux — то есть не увидеть, а пересмотреть. — Plus que cela, si nous sommes tous en vie l'année prochaine je voudrais vous réunir chez moi et comprendre par quelles affinités vous tenez l'un à l'autre, et aussi examiner les rouages qui font marcher cette nature à la fois si intelligente et si *bornée*. Ne vous fâchez pas.

Et là-dessus adieu pour aujourd'hui, continuez à m'écrire, non pas une feuille, mais trois, mais quatre, mais cent и без всяких оговорок. Si mes notions vous semblent quelquefois obscures qu'est-ce qui vous empêche de les contredire? Nous-nous expliquerons. — Je suis fort aise que vous ne vouliez plus de lettres russes — au fond je ne sais trop pourquoi je vous écrivais dans le dialect maternel que je possède bien moins encore que le français — mais vous me parliez russe et je répondais de même. D'ailleurs il ne s'agit pas de littérature ni d'orthographe entre nous, ni de calligraphie non plus comme vous le voyez. Si je ne pouvais pas vous écrire en robe de chambre — je n'écrirais pas du tout.

Que Dieu soit avec vous, mon cher Léon. —

P. S. Si je pouvais consentir à ce que vous soyez une pomme de terre vous seriez dans tous les cas pour moi une pomme de terre *exotique* et que les naturalistes en pensent ce qu'ils veulent.

⟨*Перевод*:⟩

21 апреля 1858

Встречая в нынешнем году весну, я заставила свое сердце молчать; мне не хотелось переживать острого и болезненного волнения, которое вызывает в нас воскресение природы, и я почти радовалась городской жизни, при которой все времена года одинаковы. Словом, я решилась умышленно *не замечать* весны, и вот ваше письмо[1], разбудившее внезапно всех усыпленных духов юности и восторгов. *Все жизненные элементы вдруг стали на дыбы*. Ежели бы я могла перелететь к вам по телеграфу, я чувствую, что была бы способна об руку с вами носиться по полям и резвиться, как коза или как шалун. — Благодарить ли мне или упрекнуть вас за этот электросимпатический удар, такой безумный и так мало подходящий к моему возрасту? Ведь эта реакция для меня гораздо болезненнее, чем для вас. Что теряешь воображением, то вновь обретаешь в воображении, но то, что потеряно *в действительности* и чего жизнь не может возвратить — вот что жестоко и что сознаешь с особой силой, когда пробуешь *опять зажить*.

Но все равно, весна может быть в моей душе, как и в вашей, и теперь я ее люблю, как прообраз той весны, когда вечно юные, мы вкусим полноту жизни и любви и все постигнем там, где не будет ни бесплодных стремлений, ни тоски по несбывшимся желаниям.

Дорогой мой Лев, я говорила вам уже тысячу раз и повторяю опять, что между нами положительно существуют созвучия и что вы не только не наскучите мне, делясь своими впечатлениями, но я просто ими наслаждаюсь. *Я себя перечитываю в вас — все мне так понятно* вплоть до этой стирки, которую вы производите в вашем сердце. Поистине нельзя существовать без этого периодического обновления. Мойте, трите, очищайте — вы запачкаетесь вновь, конечно, но по крайней мере слой пыли не будет настолько густ, чтобы первый луч солнца не мог проникнуть сквозь него. И, главное, не отчаивайтесь, все диссонансы падений и взлетов ведут к полной гармонии — *покамест пробираемся по тропинкам — спотыкаемся и падаем, а наконец выедем на большую дорогу, где будет и меньше толчков и меньше грязи*. Конечно, я не стану вам советовать разбивать ваш идеал. Напротив, имейте его постоянно перед

глазами, чтобы не унизиться, полюбив когда-нибудь отчаянную вульгарность. Идеал этот — как бы воплощение лучшего, что есть в нас самих, это основа той нравственной красоты, с которой мы иногда сами не знаем, что делать, хотя она и *в нас*, и которую мы облекаем во внешний образ, чтобы иметь право преклонить перед ней колени. — Более того, я твердо верю, что они существуют, эти предметы наших мечтаний; я их люблю, точно я их знаю. — Но берегитесь, не требуйте от вашего идеала полного совершенства. Ежели вы дозволите себе эту бессмысленную требовательность, малейшее пятно на картине вам представится несчастьем и вы станете слепым и несправедливым. Только бы было стремление к совершенству — это главное; и как бы требовательна я ни была к той, которую вы выберете себе в жены, я удовлетворюсь этим. Как бы я была счастлива, дорогой мой мальчик, ежели бы вы подали руку той, которая тихо и мягко повлекла бы вас к истине, к тому идеалу, который не допускает ни слабостей, ни несовершенств, и душа ваша исполнилась бы его чудесным величием. Верьте мне, в основании той радости, которую вы иногда испытываете, лежит откровение Божественной любви. Вы преклоняетесь перед ее созданием, но образ ее еще скрыт от вас. Говоря — от *вас* — я точно так же говорю и о себе, лишь изредка она открывается мне, и тогда я чувствую себя счастливой и твердой. Я перестаю жалеть себя и покорно становлюсь под ее защиту — все события моей жизни протекают в стройном порядке, я не зову их и не тороплю, а с доверием тихо жду. *И в эти минуты толпятся вокруг меня милые живые и милые мертвые, и для всех них есть радостные невыразимые надежды!*

Ваше письмо я получила вчера вечером, несколько часов спустя после того, как отправила вам письмо в Москву[2]. Вероятно, оно затеряется, о чем и нечего жалеть, так как интересного в нем не было ничего. — Это было всего лишь несовершенное выражение моего, наверное, столь же несовершенного суждения о вашей вещице. — Впрочем, я уверена, что вы сами чувствуете, что она далека от завершения. Надо над ней еще поработать.

Слышала вчера, что Тургенев приезжает сюда. Может быть, это побудит вас ускорить ваш приезд[3]. Ежели я с ним встречусь[4], обещаю из уважения к вам *увидеть* его иными глазами — *то есть не увидеть, а пересмотреть*. — И более того, ежели в будущем году мы все будем живы, мне хотелось бы соединить вас обоих у себя и понять, какая именно связь вас соединяет, и разглядеть те пружины, которые управляют этой личностью, умной и в то же время *ограниченной*. Не сердитесь на меня.

Прощайте на сегодня; продолжайте мне писать не по одному листу, а по три, по четыре, по сто, *и без всяких оговорок*. Если суждения мои вам кажутся порой неясными, никто не мешает вам их оспоривать. Мы столкуемся. — Радуюсь, что вы не ждете от меня писем по-русски[5]. Сказать правду, я сама не знаю, почему я вам писала на родном языке, которым владею еще хуже, чем французским. Но вы обращались ко мне по-русски, и я отвечала вам так же. Впрочем, между нами дело не в литературе, не в орфографии и не в каллиграфии, как вы сами видите. И ежели я не могла бы писать вам, так сказать, в халате, я не писала бы вовсе.

Господь с вами, мой милый Лев. —

P.S. Коли я могла бы согласиться с вами, что вы картофелина, для меня, по крайней мере, вы картофелина *экзотическая*[6], а господа натуралисты пусть думают, как хотят.

16. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

1 мая 1858. Ясная Поляна

Здравствуйте, дорогая бабушка. Благодарю вас за письма, которые я оба получил[1], и поздравляю с весной. Только, пожалуйста, вы не грустите и не напускайте на себя таких мыслей, какие попадаются в одном из ваших писем[2]. Вам с весной хорошо; у вас в душе всегда весна, так и дышит от вас весною; а вы как будто о чем-то жалеете, чем-то недовольны. Вы, пожалуйста, или ничего мне не говорите об том, что вам грустно, или говорите всё. Ведь я, без всяких шуток, в хорошие минуты (когда не слишком гадок) считаю себя искренним другом вашим, и на этом основании счастлив и горд, когда вы заговорите со мной, как с ровней, которому не всё помогать надо, а который и сам для вас на что-нибудь годится; хоть на то, чтобы молча, с радостью и покорным вниманием слушать. Как ваше здоровье теперь? И где вы? Неужели в городе? Пришла весна[3], как ни вертелась, а пришла. Вочью, чудеса совершаются. Каждый день новое чудо. Был сухой сук — вдруг в листьях. Бог знает, откуда-то снизу, из-под земли лезут зеленые штуки — желтые, синие. Какие-то животные, как угорелые, из куста в куст летают и зачем-то свистят изо всех сил, и как отлично. Даже в эту минуту под самым окном два соловья валяют. Я делаю с ними опыты, и можете представить, что мне удается призывать их под окно сикстами на фортепьяно. Я не-

чаянно открыл это. На днях я, по своему обычаю, тапотировал сонаты Гайдна[4], и там сиксты. Вдруг слышу на дворе и в тетинькиной комнате (у нее кинарейка) свист, писк, трели под мои сиксты. Я перестал, и они перестали. Я начал, и они начали (два соловья и кинарейка). Я часа три провел за этим занятием, а балкон открыт, ночь теплая, лягушки свое дело делают, караульщик свое — отлично! Уж вы меня простите, ежели письмо это будет диковато. Я должен признаться, угорел немножко от весны и в одиночестве. Желаю вам того же от души. Бывают минуты счастия сильнее этих; но нет полнее, гармоничнее этого счастья.

И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан.

Тютчева «Весна», которую я всегда забываю зимой и весной невольно твержу от строчки до строчки[5].

Вчера я ездил в лес, который я купил и рублю, и там на березах распустились листья и соловьи живут, и знать не хотят, что они теперь не казенные, а мои, и что их срубят. Срубят, — а они опять вырастут, и знать никого не хотят. Не знаю, как передать это чувство, — совестно становится за свое человеческое достоинство и за произвол, которым так кичимся, — произвол проводить воображаемые черты и не иметь права изменить ни одной песчинки ни в чем — даже в себе самом. На все законы, которых не понимаешь, а чувствуешь везде эту узду, — везде — Он. Совершенно к этому идет мое несогласие с вашим мнением о моей штуке[6]. Напрасно вы смотрите на нее с христианской точки зрения. Моя мысль была: три существа умерли — барыня, мужик и дерево. Барыня жалка и гадка, потому что лгала всю жизнь и лжет перед смертью. Христианство, как она его понимает, не решает для нее вопроса жизни и смерти. Зачем умирать, когда хочется жить? В обещания будущие христианства она верит воображением и умом, а всё существо ее становится на дыбы, и другого успокоенья (кроме ложно-християнского) нету, — а место занято. Она гадка и жалка. Мужик умирает спокойно, именно потому что он не християнин. Его религия другая, хотя он по обычаю и исполнял христианские обряды; его религия — природа, с которой он жил. Он сам рубил деревья, сеял рожь и косил ее, убивал баранов, и рожались у него бараны, и дети рожались, и старики умирали, и он знает твердо этот закон, от которого он никогда не отворачи-

вался, как барыня, и прямо, просто смотрел ему в глаза. Une brute*, вы говорите, да чем же дурно une brute? Une brute есть счастье и красота, гармония со всем миром, а не такой разлад, как у барыни. Дерево умирает спокойно, честно и красиво. Красиво — потому что не лжет, не ломается, не боится, не жалеет. Вот моя мысль, с которой вы, разумеется, не согласны; но которую оспоривать нельзя, — это есть и в моей душе, и в вашей. Что выражена эта мысль скверно, в этом я с вами согласен. Иначе бы вы с вашим тонким чувством поняли бы, и я бы не писал этого объяснения, которое еще, боюсь, рассердит вас и заставит махнуть на меня рукой. Не махайте рукой, бабушка. Во мне есть, и в сильной степени, християнское чувство; но и это есть, и это мне дорого очень. Это чувство правды и красоты, а то чувство личное, любви, спокойствия. Как это соединяется, не знаю — и не могу растолковать; но сидят кошка с собакой в одном чулане, — эта положительно. Прощайте, милая бабушка, пожалуйста, напишите мне про себя. Разумеется, всем вашим от меня очень кланяйтесь, и не рассказывайте им, что я такой безбожник. Вы — другое дело — мне кажется, что вы всё поймете, на всё у вас есть струнка, которая отзовется. Ну, что будет, то будет, ожидаю от вас громящее или, что еще хуже, кротко соболезнующее письмо[7]. Нет, лучше рассердитесь. Машиньку и тетиньку и всех жду на днях[8].

Прощайте, милая бабушка, от души жму вам руку.

Ваш гр. Л. Толстой

1 мая.

17. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

9 мая 1858. Петербург

9 mai 1858. P⟨éters⟩bourg

Mon cher Léon, ceci n'est pas une réponse à votre bonne et intéressante lettre — j'y répondrai plus tard, quand je serai établie à la campagne et que je serai entourée de calme et de verdure. Aujourd'hui je ne vous écris qu'un mot pour vous avertir que maman a l'intention de passer chez vous en se rendant à Loubianky. — Elle craignait de vous déranger en s'arrêtant chez vous avec une suite assez nombreuse, mais comme ce ne sera que pour quelques heures

* Животное (*фр.*).

et que l'idée de vous voir tous lui sourit beaucoup, j'ai tranché la question en répondant de vous et du plaisir que vous auriez à les voir. Ai-je eu tort? Je ne le pense pas. Que ne suis-je de la partie! — J'ai quelquefois un véritable Heimweh après vous — et ce temps-ci surtout. Je sens qu'une bonne longue conversation avec vous me remettrait mille fois plus que toutes les lectures et les réflexions que je fais à moi toute seule. Vous avez une vitalité bienfaisante qui a toujours réagi sur moi d'une façon bien déterminée. Loin de moi l'idée de vous traiter jamais en inférieur — et quand je *nous* pèse sur *mes* balances, il est certain que ce n'est pas moi qui l'emporte. Que vous êtes mon ami et un véritable ami, je le sens et je vous en remercie *in petto* bien plus souvent que vous ne le pensez. — Du reste je ne veux pas me laisser aller à causer aujourd'hui, je viens de passer par quelques séparations qui m'ont démoralisée, et demain je dois dire adieu à tous les miens pour des mois entiers. Vous comprenez que cela ne se passe pas impunément. Меня сегодня и весна не утешила бы. — Toute ma труба est depuis 8 jours déjà à la campagne. Je vais les rejoindre demain. Maman passera par Ясная Поляна le 18 ou le 19 de ce mois selon toutes les probabilités. Soyez bon pour eux comme vous l'avez toujours été pour moi.

Ma petite Pacha se réjouit de vous voir et je lui donne des commissions pour vous. —

Adieu, mon cher garçon, — embrassez pour moi tous les vôtres. Que Dieu soit avec vous.

A.

⟨*Перевод:*⟩

9 мая 1858. П⟨етер⟩бург

Дорогой мой Лев, это не ответ на ваше доброе и интересное письмо[1] — его вы получите позднее[2], когда я перееду на дачу и буду окружена зеленью и покоем. Сейчас же я пишу вам всего несколько слов, чтобы предупредить вас, что мама́ собирается заехать к вам по дороге в Лубянки[3]. — Она боялась обеспокоить вас, приехав к вам со всей своей довольно многочисленной свитой, — но так как это будет не более как на несколько часов, и мысль повидать вас всех ей очень улыбается, то я разрешила ее сомнение, поручившись за вас и за то удовольствие, которое доставит вам ее приезд[4]. Была я неправа? — Не думаю. Почему и я не могу приехать с ними! — Временами на меня нападает настоящий Heimweh* по отношению к вам, в настоящее время особенно.

---

*тоска по родине (*нем.*).

Я чувствую, что один настоящий долгий разговор с вами поддержал бы меня в тысячу раз больше, чем все мои одинокие чтения и размышления. В вас есть какая-то благотворная жизненность, которая всегда действует на меня вполне определенно. Я далека от мысли когда-либо поставить себя выше вас; наоборот, когда я кладу *нас* обоих на *мои* весы, не может быть сомнения в том, что перевешиваю не я. Что вы мне друг, и действительно друг, я чувствую это и в *душе* благодарю вас за это гораздо чаще, чем вы думаете. — Впрочем, я не хочу слишком распространяться сегодня, я только что перенесла несколько расставаний, которые лишили меня бодрости, а завтра предстоит еще разлука со всеми близкими на долгие месяцы. Вы понимаете, что это даром не дается. *Меня сегодня и весна не утешила бы*. Вся моя *труба* уже целую неделю на даче. Завтра я еду к ним[5]. По всей вероятности, мама́ проедет через *Ясную Поляну* 18 или 19 этого месяца. Будьте добры к ним так, как вы бываете добры ко мне.

Маленькая Паша радуется свиданию с вами; я даю ей к вам поручения. —

Прощайте, милый мой мальчик, поцелуйте от меня всех своих. Да хранит вас Бог.

А.

18. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

4 июня 1858. Сергиевское

J'ai remarqué plus d'une fois que la meilleure manière pour recevoir une lettre de vous était de me mettre à vous écrire. Souvent la mienne est encore là, sous ma plume, que la vôtre est déjà arrivée. C'est un peu votre procédé à l'égard des rossignols — вызов! Peut-être aussi un brin de magnétisime ou d'entente harmonique, car j'ai en idée que nous sommes souvent à la même clef, quoique nous ayons l'air de chanter sur des tons différents.

J'attendais un mot de vous après la visite de maman à Ясные Поляны. Les quelques heures que les miens ont passées chez vous, ont été remplies pour eux de tant de bien-être, d'une satisfaction si complète et si sincère, que j'espère bien qu'il vous en est revenu quelque chose à vous aussi. Quant à moi, en lisant les lettres de mes sœurs, je faisais la roue, je me pavanais intérieurement et je me sentais gonflée comme feu la grenouille: tout juste comme s'il y avait de *mon* mérite dans votre accueil et dans le plaisir qu'elles

y ont trouvé. La conclusion finale est celle-ci: j'aime qu'on aime les gens que j'aime. — Merci, mon cher garçon, je voudrais avoir mon tour pour vous faire ma visite et pour juger de vous — *chez vous*.

Voilà bientôt trois semaines que je suis à la campagne. Durant les premiers 15 jours le temps était à peu près toujours au froid et à la pluie, et, croiriez-vous, que j'étais presque heureuse d'être *obligée* de m'enfermer dans les quatre murs de ma petite chambre. J'étais si lasse qu'il me fallait un calme stupide pour me restaurer. Je ne voulais d'aucune jouissance, d'aucune sensation, pas même de celle que donne la nature — c'eût été encore de la fatigue. Comme de raison, je n'ai pas voulu vous écrire à cette époque, je ne me souciais pas d'arriver comme une chouette dans votre paradis. Maintenant je suis, si vous le voulez, dans le cadre voulu. Autour de moi un épanouissement complet de végétation, de soleil et de fleurs, la mer, les rossignols, le coucou, — rien n'y manque! — Je voudrais vous placer dans ce milieu comme à ma fenêtre du Bocage et puis me taire, ou bien parler, mais ne pas écrire. Nous nous entendons mieux en causant. —

Vous me reprochez dans votre dernière lettre de regretter *quelque chose*, et de vous faire des demi-confidences. Le fait est que je ne songeais à vous en faire d'aucune espèce, — mais je disais simplement ce que je sentais, et il me semblait qu'après avoir suivi ma vie dans le courant de cette année, vous en saviez assez pour comprendre que je ne pouvais plus redevenir ce *que j'étais*.

Ce n'est pas pour vous dire que je suis horriblement malheureuse et que je n'ai plus de *quoi vivre* — Dieu me garde d'une pensée aussi ingrate, — mais il y a quelque chose de si contraire à la nature humaine dans les séparations finales — dans celles de la mort, — qu'il faut du temps, je vous assure, pour se remettre sur pied. Ce ne sont pas les premiers moments qui sont les plus douloureux, car il y a dans le malheur, comme dans les grands bonheurs, une fièvre d'enthousiasme qui nous trompe sur notre état réel. Mais plus tard, quand la réaction arrive et qu'on ne se retrouve plus dans aucune de ses sensations d'autrefois — il survient dans l'âme un étonnement et comme une protestation continuelle qui fatiguent beaucoup. Ce n'est pas la première fois que je fais une expérience de ce genre, mais quand j'étais plus jeune, j'avais plus d'élasticité morale, et maintenant je suis un peu brisée, je l'avoue. Je ne dispute pas — j'approuve au contraire, et peut-être que je n'eusse rien changé au programme de ce qui vient de se passer s'il avait dépendu de moi de le faire, mais la *santé* ne m'est pas encore revenue. —

Ainsi donc, mon cher Léon, permettez-moi de souffrir de temps en temps comme une simple mortelle; ne vous fâchez pas et ne cherchez pas à y voir de décousu ou des anomalies extraordinaires. — Je ne puis pas toujours tourner vers vous mon visage du côté que vous l'aimez. Il n'y a que les héroïnes de roman qui sont fidèles à elles-mêmes d'un bout à l'autre — les femmes ordinaires ne sont que faiblesse et contradiction jusque dans leurs meilleurs élans — si vous vous mettiez à faire des déductions ou à chercher un ensemble d'harmonie, vous tomberiez dans une grande erreur. — Quant à vous raconter, surtout par écrit, *toutes* les préoccupations de mon âme et les pourquoi, des humeurs sombres qui m'attaquent quelquefois, ce serait vous condamner, mon pauvre Léon, au métier de souffre-douleur. Je suis sûre que vous avez assez de dévouement dans le caractère pour accepter ce rôle, mais au bout du compte, nous n'en retirerions, ni vous, ni moi, aucune utilité. La vie est trop courte pour la passer à se plaindre, et je crois que j'en ai trop dit déjà sur ce sujet. Вот при свидании — другое дело. В живом разговоре отворяются ящики, которых невозможно выдвинуть для переписки. Не правда ли? — Pour terminer cette petite explication, j'ai envie de vous citer une phrase des lettres de miss Brontё, qui résume en deux mots tous les volumes que j'aurais pu écrire pour vous donner une idée juste de ce que je suis et pour vous imposer l'opinion que je veux que vous ayez de moi: «Do not mistake me — do not think I am good; *I only wish to be so*!» — C'est de cette vérité si simple que nous ferons la pierre fondamentale de notre relation, si vous l'acceptez en toute sincérité et avec la ferme résolution de n'y faire aucun embellissement. Il y a un abîme entre le vouloir du bien et la pratique du bien, et je ne puis vous dire combien je suis quelquefois gênée, humiliée et irritée en voyant que mes théories passent pour des vertus réelles. Cela peut me donner des rages, car je ne veux rien devoir à la duplicité et que de cette manière je fais un escamotage d'affections qui un jour se lèveront contre moi pour m'accuser d'hypocrisie.

Léon, comprenez-vous ce que je veux dire? Il est possible que j'en parle aujourd'hui à propos de bottes, mais cette idée qui du reste me cauchemarise souvent, s'est soulevée tout à coup en moi avec une telle violence, que je me suis sentie dans une vraie colère contre tous ceux qui croient niaisement à ma soi-disante perfection. Quelle horreur! Si jamais vous vous mettez de ce nombre, je vous battrai d'abord, et je vous mépriserai ensuite. Tenez-vous pour averti, ou plutôt, rassurez-moi. — Et, à cette occasion, rassurez-moi aussi sur le compte de votre nouvelle («Albert», je crois) qui devait déjà paraître au mois d'avril et qui n'arrive pas jusqu'à présent. Je ne sais

pas même au juste dans quelle revue il faut la chercher, aussi nous jetons-nous sur toutes indifféremment pour vous y trouver, et c'est moi qu'on rend responsable de vos délais, absolument comme si ie vous tenais dans ma poche. La *ober-ramoneuse* me l'a reproché sérieusement. — Je vous recommande dans le dernier № de la «Русская беседа» deux chapitres d'un roman commencé par le defunt Jean Kiréeffsky. Si vous ne le connaissez pas déjà, il vous fera, j'espère, le même plaisir qu'à moi — plus que du plaisir — du bien et une de ces jouissances sérieuses qu'on trouve rarement dans notre littérature moderne. Rien d'artificiel, de malsain; en lisant ce fragment, on est comme enveloppé d'une atmosphère de pureté et de noblesse — душе становится хорошо; il y a peut-être quelques discussions métaphysiques qui peuvent sembler trop longues quand l'esprit n'est pas tourné à la chose, mais elles m'ont paru intéressantes dans leur genre. — Je me suis rappelée à cette occasion, que c'était ce même Kiréeffsky qui vous a donné le conseil de ne jamais laisser passer un jour sans lire l'Evangile. Je suis sûre maintenant qu'il l'a fait en connaissance de cause et comme un homme qui en avait approfondi les secrets admirables d'une manière *vivante*. —

J'espère que vous n'avez pas renoncé à cette habitude dont les résultats bénis sont incalculables si on les atteint avec simplicité.

Je garde votre dernière lettre, mon cher Léon, pour l'analyser un jour avec vous dans un moment de loisir: il y a là quelques phrases que mon intelligence n'a pas tout à fait saisies, quoique j'avais bien envie de comprendre votre idée à fond. — Quant à votre profession de foi religieuse, elle ne m'a nullement épouvantée и не для чего рукой махать на внука. — Я знаю чтó знаю. Il y a longtemps que je me suis fait sous ce raport à votre sujet une opinion que je maintiendrai toujours. — Et partant de ce point de départ, je suis tranquille, quoique vous fassiez et disiez. La semence est levée et Dieu l'a mise dans une trop bonne terre pour qu'elle puisse être étouffée. — Tout ce qui obstrue le passage à la *vraie* vérité, sera écarté un jour — je n'y vois pour ma part que le travail pour ainsi dire mécanique de votre âme. C'est le vaisseau qui se construit et qui n'est pas encore lancé à flot. Quand je le verrai voguer majestueusement, du fond de la mare où je barbotte je m'écrierai: «Saint Léon, priez pour nous!» —

Et sur ce, adieu, mon cher ami, — je vous serre la main, surtout si cette main prend la plume pour m'écrire. Je ne veux pas relire ma lettre qui doit être horriblement égoïste, mais — tu l'as voulu, Georges Dandin! Mais, si je n'aime pas à vous parler de moi — j'aime que vous me parliez de vous-même, — faites le toujours без оговорок. Dans deux ou trois jours nous attendons les petits Princes avec Rebinder, et puis, je viens de recevoir une

lettre de notre prêtre de Genève qui m'annonce qu'il espère obtenir bientôt un congé de trois mois. Ce sera bien agréable de le revoir. Rappelez-moi au souvenir des chers vôtres et dites-moi toujours un mot sur la santé de Marie. Que Dieu soit avec vous! Comme j'aimerais que vous fassiez une visite à Loubianky.

A.

4 juin 1858. Serghieffskoe.

⟨*Перевод*:⟩

Не раз я замечала, что лучший способ получить от вас письмо, это самой сесть писать вам. Часто мое письмо у меня еще здесь под пером, а ваше уже приходит[1]. Это отчасти ваш прием с соловьями — *вызов*! А может быть, это частица магнетизма или созвучие душ, так как мне думается, что мы часто поем в одном и том же ключе, хотя кажется, что мы поем в разных тонах.

После посещения мама́ *Ясной Поляны* я ждала от вас весточки[2]. Те несколько часов, которые наши провели у вас, были для них полны чувством такого удовольствия, такого полного и искреннего удовлетворения, что, я надеюсь, и вы не остались равнодушны. Что касается меня, то, читая письма сестер[3], я была ужасно горда и чувствовала, что надуваюсь, как блаженной памяти лягушка[4]: будто в вашем приеме и в той радости, которую они вынесли из этого посещения, была *моя* заслуга. Конечный вывод из этого: я люблю, чтоб любили тех, кого я люблю. — Спасибо вам, мой дорогой мальчик. Надеюсь, что наступит и мой черед навестить вас и увидеть таким, каким вы бываете *у себя дома*[5].

Вот скоро три недели, как я на даче. Первые две недели было почти все время холодно, шли дожди, и, представьте себе, я была почти счастлива, *вынужденная* сидеть взаперти, в четырех стенах своей маленькой комнатки. Я была так слаба, что мне необходим был полный покой, чтобы прийти в себя. Мне не хотелось никаких наслаждений, никаких впечатлений, даже тех, которые даются нам природой; для меня и это было бы утомительно. Вот почему я не писала вам это время: мне не хотелось являться совой в ваш рай. Теперь, пожалуй, я вошла в норму. Вокруг меня благодать — деревья, солнце, море, цветы, соловьи, кукушки, ни в чем нет недостатка. Мне хотелось бы перенести вас в эту обстановку, чтобы вы были здесь, как у моего окна в Бокаже[6], и хотелось бы молчать или, пожалуй, говорить, но не писать. Беседуя, мы лучше понимаем друг друга. —

В вашем последнем письме[7] вы упрекаете меня, что я *о чем-то* сожалею и делаю вам только полупризнания. Дело в том, что я и не собиралась делать вам какие бы то ни было признания, а просто говорила, что чувствовала. Мне кажется, что, проследив мою жизнь в течение этого года, вы достаточно меня знаете, чтобы понять, что я не могу снова сделаться такой, *какой я была раньше*.

Я не хочу этим сказать, что я ужасно несчастна и что мне *не для чего жить*, — сохрани меня Бог от такой неблагодарной мысли; но есть что-то такое противное человеческой природе в минуте последнего расставания — смерти, что, уверяю вас, нужно время, чтобы прийти в себя. Первые моменты не самые тяжелые, так как в несчастии, точно так же как при больших радостях, мы ощущаем какую-то лихорадочную исступленность, которая вводит нас в заблуждение относительно нашего действительного состояния. Но позже, когда наступает реакция и когда никак не можешь обрести своего прежнего самочувствия, в душе вдруг наступает какое-то недоумение и как бы беспрерывный протест, которые утомляют ужасно. Я испытываю подобное состояние не в первый раз, но когда я была моложе, у меня было больше нравственной гибкости, а теперь, сознаюсь, я чувствую себя разбитой. Я не протестую — напротив, я подчиняюсь, и очень возможно, что, если б это зависело от меня, я ничего не изменила бы в ходе событий; но *здоровье* еще не вернулось ко мне[8]. —

Итак, милый мой Лев, разрешите мне страдать время от времени, как самой простой смертной, — не сердитесь и не старайтесь найти в этом распущенность или какие-нибудь сверхъестественные аномалии. — Я не могу являться вам постоянно в том виде, в каком вы меня любите. Только героини романов остаются верными себе с начала до конца, обыкновенные же женщины, даже в своих лучших порывах, — слабы и противоречивы. Если вы начнете делать выводы и искать полной гармонии, вы сделаете большую ошибку. — А если б я принялась вам рассказывать, особенно в письме, *все* свои душевные заботы и причины нападающего на меня временами мрачного настроения, это было бы все равно, что приговорить вас к роли козла отпущения, мой бедный Лев. Я уверена, что вы достаточно самоотвержены, чтобы взять на себя эту роль, но в конечном счете ни вы, ни я не извлекли бы из этого ровно никакой пользы. Жизнь слишком коротка, чтобы проводить ее в жалобах, а я думаю, что я уже достаточно поговорила на эту тему *Вот при

свидании — другое дело. В живом разговоре отворяются ящики, которые невозможно выдвинуть для переписки[9]. Не правда ли?* – Чтобы закончить это маленькое объяснение, мне хочется привести вам одну фразу из письма г-жи Бронте[10]; в двух словах она резюмирует все томы, которые я могла бы написать, чтобы дать вам верное представление обо мне и внушить вам такое мнение, какое мне бы хотелось, чтобы вы обо мне имели: «Do not mistake me — do not think I am good; *I only wish to be so!*»* Вот эту-то простую истину мы будем считать краеугольным камнем наших отношений, — если вы только, с полной искренностью и твердым намерением не приукрашивать, примете ее, как она есть. Между желанием добра и его исполнением — целая пропасть, и я не могу вам передать, до чего мне иногда неловко, обидно и досадно , что мои теории приписываются мне как действительно существующие добродетели. Это приводит меня в бешенство, так как я не терплю лукавства, а таким путем я как бы ворую любовь тех, кто окружает меня, и в один прекрасный день меня могут обвинить в лицемерии.

Вы понимаете, Лев, что̀ я хочу этим сказать? Очень может быть, что сегодня я говорю об этом ни к селу, ни к городу, — но эта мысль, сидящая, как кошмар, в моей голове, поднялась во мне вдруг с такой силой, что я почувствовала настоящую злобу ко всем тем, кто глупо верит в мое так называемое совершенство. Какой ужас! Если вы примкнете к их числу, я сначала вас побью, а затем буду вас презирать. Намотайте это себе на ус или, лучше, разуверьте меня в этом. — Кстати, успокойте меня относительно вашего нового рассказа (кажется, «Альберт»), который должен был появиться в апреле и о котором до сих пор ничего не слышно. Я даже не знаю, в каком журнале его искать[11]; поэтому в поисках мы набрасываемся на все журналы без разбора. Меня считают почему-то ответственной в вашем промедлении, точно вы зависите от меня; *обер-трубочистка*[12] серьезно упрекала меня за это. — Советую вам обратить внимание в последнем номере *«Русской беседы»* на две главы романа, начатого покойным Иваном Киреевским[13]. Если вы его еще не читали, я надеюсь, он доставит вам такое же удовольствие, как и мне, даже больше, чем удовольствие, одно из тех глубоких наслаждений, которые редко доставляет нам наша современная литература. Ничего ис-

---

* «Не заблуждайтесь относительно меня — не думайте, что я добра, *я только хочу быть доброй*» (*англ.*).

кусственного, нездорового. Читая этот отрывок, чувствуешь себя как бы окутаннной дымкой чистоты и благородства; *душе становится хорошо*; может быть, там есть несколько метафизических рассуждений, которые могут показаться слишком длинными, если мысли не направлены в эту сторону, но мне они показались в своем роде интересными. — По этому поводу я вспомнила, что этот самый Киреевский посоветовал вам не пропускать дня, не читая Евангелия[14]. Теперь я уверена, что он говорил это по опыту, как человек, *жизнью* изведавший его чудные тайны. —

Надеюсь, вы не изменили этой привычке, благословенные результаты которой неисчислимы, если их достигаешь в душевной простоте. —

Я сохраняю ваше последнее письмо, дорогой Лев, чтобы в минуту досуга проанализировать его вместе с вами, — там есть несколько фраз, которые мой разум не совсем усвоил, хотя мне ужасно хотелось уяснить себе вашу мысль. — Что касается ваших религиозных убеждений, то они меня ничуть не ужаснули *и не для чего рукой махать на внука. Я знаю, что̀ знаю*. Я давно уже составила себе в этом отношении на ваш счет мнение, и останусь ему всегда верна. Исходя из этой точки зрения, я спокойна, что̀ бы вы ни делали, что̀ бы ни говорили. Семена взошли, и Бог посеял их на слишком благодарную почву, чтоб они могли заглохнуть. — Все, что̀ заграждает путь к *настоящей* правде, в один прекрасный день будет устранено, и лично я смотрю на это как на механическую, так сказать, работу вашей души. Это строящийся корабль, который еще не спущен на воду. Когда со дна лужи, в которой я барахтаюсь, я увижу его величаво плывущим, я воскликну: «Святой Лев, моли Бога о нас!» —

А затем прощайте, дорогой мой друг, — жму вашу руку, особенно если эта рука возьмется за перо, чтобы написать мне. Я не хочу перечитывать письма, оно должно быть ужасно эгоистично, но «ты этого хотел, Жорж Данден!»[15] Если я не люблю говорить вам о себе, то я люблю, чтобы рассказывали мне о себе вы, — делайте это всегда *без оговорок*. На этих днях мы ждем маленьких князей, с Ребиндером[16]. Затем я получила письмо от нашего женевского священника[17], в котором он пишет, что надеется вскоре получить трехмесячный отпуск; мне будет очень приятно снова повидаться с ним. Напомните обо мне всем вашим милым близким и пишите мне всегда хотя бы немного о здоровье Мари. Храни вас Бог. Как бы мне хотелось, чтобы вы съездили в Лубянки[18].

А.

4 июня 1858. Сергиевское.

19. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

23 ⟨?⟩ августа 1858. Ясная Поляна

Милая бабушка!

Всё, что я могу сказать в свое оправданье, это то, что я — скотина, мерзкая скотина, животное! как говорят у вас при дворе. Правда, что целое лето я с утра до вечера пахал, сеял, косил и т.д., но это не резон, чтобы не писать, кому же? бабушке, за строчку которой я готов отдать все убранные моими трудами скирды и т.п. Как это случилось? Бог знает. Нет, без шуток, я стал грубое животное в это лето, я ел, спал, работал; но думать, любоваться чужой душой, презирать себя, желать чего-то я совсем было разучился. Теперь с осенью это возвращается. Впрочем, напрасно я прикидываюсь таким развязным; в душе я очень, очень боюсь, не рассердил ли я вас своим молчанием, еще хуже не сделал ли, может, вы и не заметили его. Это письмо я пишу робким шепотом: «Бабушка! а, бабушка!». И что как у вас продолжает быть строгое лицо. Про себя говорить не достоин, про вас не смею, — буду писать про ваших, про которых еще не писал вам[1]. Я чуть было не уехал с ними, и потом как мне часто хотелось в их Горелки[2]. Как-то так славно пахнет от них толстовско-барыковско-твердородственным, приятным *духом*[3]. Теперь сестра Маша живет у меня, и она и тетинька льстят себя надеждой скоро насладиться этим запахом. Но опять я резвлюсь, а в душе трушу, и не могу усвоить себе ровного тона. Бабушка! только напишите одно слово: прощаю; тогда я совсем поправлюсь. Тетинька и сестра очень, очень вам кланяются..., а я нерешительно выставляю руку; но так мало, что ежели ваша не двинется, я краснею и притворяюсь, что хотел отогнать муху. — Читали ли вы и Труба вообще (видите — труба Т большое) переписку Станкевича[4]. Ежели нет, ради Бога, прочтите. Никогда никакая книга не производила на меня такого впечатления. Никогда никого я так не любил, как этого человека, которого никогда не видал. Что за чистота, что за нежность! что за любовь, которыми он весь проникнут, и такой человек мучался всю жизнь и умер в мученьях[5]; а мы с Вавилом[6] пользуемся прекрасным здоровьем и очень довольны собой. После этого и рассуждай, что хорошо, что дурно. Ах, бабушка, плохо жить на свете, когда убедился, что одна возможность счастия есть добро, а добрым быть нет силы. Бедный Кутлер[7], тоже какой бы мог быть прекрасный человек.

20. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

24 августа 1858. Сергиевское

24 août. Sergh⟨ieffskoe⟩

Il est vraiment impossible de vivre dans un monde plus renversé que le nôtre, mon cher Léon — et en regardant les autres planètes je me berce de l'espoir que les choses y vont plus régulièrement que chez nous — autrement le firmament eut été bouleversé et nous aurions vu des milles d'étoiles s'abattre sur notre tête dans un désordre peu agréable pour ceux de nous, qui se promèneraient sans parapluie. Tout ceci mène à vous dire que toutes les lois sociales — jadis les plus solides — sont actuellement minées par la base et vous vous en doutez bien d'ailleurs. Vous tenez votre lumignon comme les autres — détruisant et renversant tout, sans rien construire de nouveau et de meilleur. —

C'est en général une manie du siècle de tout ôter — sans rien mettre à la place, et la morale de ma fable est celle-ci: où est-elle l'époque où les petits enfants venaient payer l'hommage et respect à leur grands-parents et se croyaient obligés de se présenter à eux de temps en temps soit in propria persona, soit sous la forme d'une lettre? Je le répète: tout est renversé — maintenant ce sont les grandes-tantes qui mettent leurs lunettes et griffonent à grande peine une épître pour savoir si leurs petits-neveux existent. Plus que cela — après avoir accompli cette œuvre humiliante elles pensent pouvoir croiser leurs bras et attendre une réponse. Attendez sous l'orme, — leur dit-on, et voilà que fatiguées et inquiètes d'un silence irrévérencieux — ces pauvres bêtes de grandes-tantes reprennent encore une fois la plume et se remettent à crier dans le désert, absolument comme si elles pouvaient encore espérer quelque chose de cette race moderne et ingrate.

Que faites-vous — où êtes-vous? Où faut-il adresser ma lettre? A Toula — en Amérique — à Rome ou en Algérie?

Si je pouvais savoir au juste où vous vous trouvez, je crois que j'aurai suivi la loi renversée jusqu'au bout et que je me serais abaissée au point de vous congratuler sur le 28 août qui approche.

J'espère, mon cher garçon, que vous n'êtes pas sur le point de vous envoler vers le ciel, car entre nous, je crois que vous avez encore bien de choses à faire sur la terre, ne fût-ce qu'à vous repentir de votre inqualifiable conduite vis-à-vis de moi. — Sauf à manquer mon but, je veux essayer de vous punir en ne vous disant absolument rien de moi-même cette fois-ci — sinon que jusqu'au 5 septembre vous me trouverez à Serghieffka près de Pétersbourg et après

cette date à Zarskoïe Selo au palais Alexandre. Je vous ai attendu à travers tout l'été — vos projets de voyage sont-ils changés? —

Je voudrais savoir surtout si la santé de Marie s'est un peu remise. Si vous n'êtes pas sur le point d'arriver ici, répondez-moi absolument. Право, гадко. —

Une grande partie de notre société s'est envolée vers les climats chauds. La Grande-Duchesse avec tous ses fils, Strog⟨anoff⟩ et Alexandrine W⟨oïeikoff⟩. Mais les deux Princesses et leurs gouvernantes respectives sont restées et moi je suis attachée à elles en qualité de товарищ министра. N'allez pas croire que c'est une sinécure. Nous coulons des jours paisibles. En général j'ai eu un été vraiment béni, и счастие по возможности возвратилось, но в другом и лучшем виде. Mais voilà que je manque à ma promesse. Adieu, mon cher Léon, à propos — j'ai enfin aperçu «Albert», je me suis jetée dessus — j'ai eu du plaisir à vous y retrouver, mais encore une fois le public lecteur ne peut se contenter de nos impressions pour ainsi dire de famille et le public est désappointé — je le comprends. Что это за клочки? Donnez-nous donc enfin quelque chose de suivi, de complet. Et puis vous devenez terriblement photographe au lieu de rester peintre et artiste.

Comme je suis aise d'avoir des choses désagréables à vous dire. Et sur ce je vous quitte, je tombe de sommeil, demain je n'aurai pas le temps d'écrire. Vous aussi vous dormez à mon égard.

Rappelez-moi au souvenir des chers vôtres.

A.

Mon adresse est toujours la même — Palais Marie.

⟨*Перевод*:⟩

24 августа. Серг⟨иевское⟩

Поистине невозможно жить в мире более беспорядочном, чем наш, милый Лев, — и глядя на другие планеты, я лелею себя надеждой, что там дела идут более упорядоченно, чем у нас, в противном случае небесная твердь была бы поколеблена, и мы бы увидали, как тысячи звезд падают на наши головы в беспорядке, малоприятном для нас, прогуливающихся без зонтика.

Все это к тому, чтобы сказать вам, что все социальные законы, некогда наиболее твердо установленные, в настоящее время разрушены до основания, в чем вы, впрочем, очень сомневаетесь. Вы держите свой

светильник, как и другие, разрушая и опрокидывая все, без того чтобы созидать нечто новое и лучшее. —

Вообще это какая-то мания века — все отвергать, не ставя ничего взамен, и мораль моей басни такова: где те добрые времена, когда внуки платили почтительностью и уважением дедам и полагали себя обязанными представать перед ними время от времени или in propria persona*, или в форме письма? Я повторяю: все переворотилось, и вот теперь старые бабушки надевают свои очки и выводят каракулями с большим трудом послание, чтобы узнать, точно ли их внуки еще существуют. Более того, исполнив этот смиренный труд, они полагают, что могут сидеть сложа руки и ждать ответа. После дождичка в четверг! — говорят им. И вот утомленные и обеспокоенные непочтительным молчанием бедные глупые бабушки в который раз берутся за перо и вопиют в пустыне, будто могут еще что-то исправить в этой неблагодарной современной породе.

Что вы делаете — где вы? Куда мне адресовать письмо? В Тулу — в Америку — в Рим или в Алжир?

Если бы я могла знать наверняка, где вы находитесь, я полагаю, что могла бы проследовать до конца по закону ниспровержения и опуститься до того, чтобы поздравить вас по случаю приближающегося 28 августа[1].

Я надеюсь, мой дорогой мальчик, что вы не готовитесь вот-вот отлететь к небесам, ибо, между нами, я верю, что у вас есть еще много дел на земле, и как бы вам не пришлось раскаяться в вашем безобразном поведении по отношению ко мне. — Если цель моя и не будет достигнута, я все же хочу попробовать наказать вас и не скажу на сей раз ни слова о себе, разве только что до 5 сентября вы можете найти нас в Сергиевке, а после этой даты в Царском Селе, в Александринском дворце. Я ждала встречи с вами все лето[2], что же, ваши планы путешествия переменились?[3] —

Я в особенности хотела бы знать, как здоровье Мари[4], стало ли ей получше? Если вы не собираетесь приехать сюда, напишите мне непременно. *Право, гадко*. —

Большая часть нашего общества отлетела в теплые страны. Великая княгиня со всеми своими сыновьями[5], Строг⟨ановым⟩[6] и Александрин В⟨оейковой⟩. Но обе Великие княжны[7] с гувернантками остались, и я приставлена к ним в качестве *товарища министра*. Не подумайте, что

---

* собственной персоной (*лат.*).

это синекура. Мы живем безмятежно. Вообще я провела поистине благословенное лето, *и счастие по возможности возвратилось, но в другом и лучшем виде*. Ну вот видите, я не выполняю своего обещания. Прощайте, милый Лев. Я наконец разыскала «Альберта»[8] и набросилась на него, мне было приятно узнавать вас в рассказе, но повторяю, читающая публика не может удовлетвориться моими, так сказать, родственными впечатлениями, и публика разочарована — я ее понимаю. *Что это за клочки?* Должны же вы наконец создать что-то связное, целостное. И потом: вы становитесь ужасно фотографичным, вместо того чтобы оставаться художником и артистом.

Как я довольна, что могу сказать вам неприятные вещи. На этом прощаюсь, я совсем засыпаю, а завтра у меня уже не будет времени писать. Вы ведь тоже спите по отношению ко мне.

Кланяйтесь от меня вашим родным.

А.

Мой адрес все тот же: Мариинский дворец.

21. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

10 сентября 1858. Сергиевское

10 septembre 1858

Nos deux lettres se sont croisées et pendant que je lisais la vôtre, probablement que vous lisiez la mienne. Ce qui veut dire que nos deux appels l'un vers l'autre se sont peut-être poussés à la même heure et à la même minute, et que nous avons causé à travers la distance comme si nous avions été aux deux bouts d'un télégraphe. Savez-vous que cette opération sympathique s'est répétée tant de fois entre nous, que j'ai envie d'en faire désormais une loi permanente et immuable, de trouver ses raisons *d'être* — d'en tirer des conclusions positives, logiques et psychologiques et en lui donnant un corps l'empêcher peut-être de s'évanouir comme un fantôme. — Ou plutôt non — laissons les choses comme elles sont, si nous arrivions, moi d'un côté avec ma sonde, vous de l'autre côté avec votre scalpel, loin de *fixer* notre bonne sympathie, nous finirions, je le crains, par l'éffaroucher. — Votre amité pour moi me paraît d'autant plus douce que je ne pourrais jamais me l'expliquer mathématiquement et elle me fait l'effet d'un beau jour de printemps survenant dans l'automne avancé. — Ainsi le souvenir de la Бабушка était enterré dans les foins, mais c'est égal, vous-vous accusez si sincèrement vous-même que je

n'ai plus la moindre envie de vous gronder; les injures que vous-vous prodiguez sentent il est vrai l'étable et l'écurie, mais c'est égal encore — il y a là-dedans de *l'odeur locale* et j'en ai d'ailleurs assez de la rose et du *muguet*. — Savez-vous ce que vous devriez faire encore pour vous remettre tout à fait dans mes grâces. Vos travaux agricoles sont terminés, vous êtes libre — allez faire une visite aux amis de Loubianky — maman y reste encore jusqu'à la fin de septembre ou commencement d'octobre. Vous reviendriez avec elle jusqu'à Ясные Поляны où elle s'arrêtera pour sûr. — Vous leur feriez un immense plaisir et moi je vous en serai toujours reconnaissante. Allons sécouer votre crinière, Léon des forêts, et partez de votre pied léger — vous verrez que vous ne vous en repentirez pas. Ils sont tous par là si simples et si bons — vous êtes digne de les comprendre et de les apprécier. — Вавила n'y est plus avec son épouse — de manière que vous n'y trouverez que des éléments agréables. — Et moi j'en jouirais d'ici comme si j'y étais. — Bittu, bittu, bittu! — Le livre de Станкевич est entre mes mains — je n'ai fait que commencer sa biographie, mais je crains de ne pas trouver le même plaisir que vous dans cet amour pour la philosophie allemande dont j'ai vu la caricature dans mes cousines Beyer — reflet du cercle littéraire dans lequel elles se sont trouvées à Moscou et dont Stankevitch était l'âme. — Они мне его заранее испортили, et je ne sais si je pourrai me défaire de cette impression. Enfin nous verrons. Les Hegel et les Shlegel sont pour moi les types du genre *creux* et vous savez que votre Бабушка tout en faisant un grand cas de l'esthétique, aime à se nourrir de choses solides et *vraies*. Du reste si le cœur de Stankevitch est aussi aimant que vous le dites — il aura bien su trouver la vérité, car le cœur qui sent ne peut se contenter de poésie nuageuse ni d'une morale purement esthétique. Nous en reparlerons quand j'aurai terminé le livre.

Quel été j'ai passé, mon cher garçon. Le bon Dieu a mis sur mon chemin un vrai trésor — une femme de 76 ans chez laquelle je passais tout mon temps laissant de côté autant que possible la Труба et tout ce qu'elle contient. Jamais je n'ai rencontré une personnification aussi admirable du christianisme pratique — jamais je n'ai vu d'une manière plus palpable les bénédictions et les récompenses qui y sont attachées — ni compris aussi profondément la nullité de nos meilleurs élans, lorsqu'ils ne procèdent pas et ne retournent pas à la *seule* source qui peut les sanctifier et leur prêter une force vraiment surhumaine.

Все, что я давно издалека чувствовала и предчувствовала, вдруг для меня олицетворилось в этой простой, но удивительной женщине. La simplicité d'un enfant, la profondeur d'un sage et la charité d'une sainte —

voilà ce qu'elle réunit en elle. Aussi quel rayonnement que sa vieillesse — ce n'est qu'un amour, que joie, que clarté. Les doutes — les ténèbres, elle ne les comprend même pas, elle aime et tout lui est expliqué! Si je ne suis pas sortie meilleure de cette atmosphère bénie que j'ai respiré avec avidité c'est qu'il y a trop à refaire dans ma nature viciée de mille manières — et pourtant j'ai compris sous cette influence bien des choses qui autrefois étaient comme voilées pour moi et j'y ai gagné au moins l'horreur de mes maillures et de tous les mensonges dont notre vie est remplie.

Je crois *enfin* que le Seigneur *peut* changer le cœur le plus endurci par l'égoïsme et la vanité et j'attends avec espérance et soumission qu'Il retourne le mien de fond en comble pour y mettre *Son* amour à la place de tout ce qu'il contient de pernicieux et d'inutil. Потому что у нас самих истинно *нет* силы, чтоб быть добрыми, как вы мне писали — но Он, видя это сильное — *единственное* желание, не может нам отказать в нем. —

Si l'espérance seule d'arriver un jour à cette grâce peut nous rendre si heureux, que sera-ce au moment où cette vie nouvelle s'emparera de tout notre être. Et Il la donnera, j'en suis *certaine* à présent, et à moi et à tous ceux en qui Il met cette soif de bonheur qui ne peut être satisfaite que d'une *seule* manière. А наше дело молиться об получении одного желанного и *необходимого*. Que nous tomberons et retomberons encore mille fois, cela est inévitable, pourvu qu'on sente malgré ses chutes, qu'on se tient encore à Lui et qu'on n'est pas entièrement séparé de Lui.

Quelle singulière chose que je vous ai parlé de tout cela, je n'en avais nullement l'intention en commençant ma lettre — c'est vraiment un coin du cœur trop intime, mais puisque vous y voilà entré, fermez la porte sur vous et que cela reste entre nous.

Demain nous quittons la campagne pour nous transporter dans une autre, то есть из Сергиевки в Царское, то есть еще из малой Трубы в большую Трубу. Впрочем, везде может быть хорошо, если...

La G⟨rande⟩-D⟨uche⟩sse est en ce moment à Genève, Alex⟨andrine⟩ V⟨oïeiko⟩ff nous écrit de là des lettres ravies qui m'impatientent et je crois que c'est un vilain sentiment de jalousie qui produit cet effet-là. Зачем *она* смотрит на *мои* горы, на *мое* озеро и на *моих* друзей? — Voilà comme je suis. Le prêtre de Genève a été ici pendant quelques jours, beaucoup parlé de vous, *beaucoup* de plaisir à le revoir et toutes les mauvaises impressions disparues comme la fumée.

Adieu, mon cher garçon, écrivez-moi de temps en temps — vous ne dites pas un mot du voyage à l'étranger. N'est-ce pas une preuve que la chère Marie

va mieux. Dieu le veuille. Embrassez-là pour moi et mes tendres respects à votre excellente tante. Je vous tends mes deux pattes.

⟨*Перевод:*⟩

10 сентября 1858

Наши письма повстречались в пути, и в то время как я читала ваше[1], вы, вероятно, читали мое[2]; это значит, что наши призывы друг к другу, может быть, вырвались в один и тот же час и одну и ту же минуту, и мы говорили через разделяющее нас пространство, как если бы мы были на двух противоположных концах телеграфного провода. Знаете ли вы, что это симпатическое действие время от времени повторяется между нами, и у меня возникло желание вывести постоянный и неизменный закон, обосновать его *необходимость* и извлекать из него положительные выгоды — логические и психологические, тем самым давая ему плоть, чтобы он не исчез однажды как призрак. — Или лучше нет: оставим все как есть; иначе, если мы возьмемся, с одной стороны, я с моим зондом, а с другой стороны, вы с вашим скальпелем, то вместо того чтобы *закрепить* нашу добрую симпатию, боюсь, мы кончим тем, что ее вспугнем. — Ваша дружба тем более мне дорога, что я никогда не могла ее себе объяснить математически, и она производит на меня действие прекрасного весеннего дня, неожиданно явившегося среди наступившей осени. — Итак, память о *Бабушке* похоронена в стоге сена, но это все равно — вы обвиняете себя столь чистосердечно, что у меня не осталось ни малейшего желания бранить вас; в брани, которой вы себя осыпаете, по-настоящему чувствуются хлев и конюшня, но и это все равно — в этом есть свой *особый запах*, впрочем, я в нем ощущаю аромат розы и *ландыша*. — Знаете, что вы должны сделать еще, чтобы окончательно вернуть мое расположение. Ваши сельскохозяйственные работы закончены, вы свободны, навестите друзей в Лубянках — мама̀ пробудет там до конца сентября или начала октября. На обратном пути вы проводите ее до *Ясной Поляны*, где она, конечно, задержится[3]. — Вы доставите ей огромное удовольствие, а я буду вам вечно признательна. Встряхните же вашей гривой, Лев из лесных дебрей, и выступите вашей легкой поступью — увидите, вы не пожалеете. Они все там такие простые и добрые — вы способны их понять и оценить. *Вавилы* с его супругой там уже нет[4] — так что у вас будет только приятное окружение. А я радовалась бы этому, как если бы сама была с вами. — Биттю, биттю, биттю! — Книга *Станкевича* у меня в руках, я только начала читать

его биографию, но боюсь, что не найду того же удовольствия, какое вы нашли[5], в этой любви к немецкой философии, карикатурное выражение которой я вижу в своих кузинах Беэр[6] — отражении того литературного кружка, в котором они вращаются в Москве и душою которого был Станкевич[7]. *Они мне его заранее испортили*, и я не знаю, смогу ли я от этого впечатления отделаться. Словом, увидим. Гегели и Шлегели[8] представляют для меня образец *бессодержательного* жанра, а вы знаете, что ваша *Бабушка*, придавая огромное значение эстетике, любит потчевать себя тем, что основательно и *истинно*. Впрочем, если сердце Станкевича было таким любящим, как вы об этом говорите, он, видимо, сумел отыскать истину, потому что сердце, умеющее чувствовать, не может довольствоваться ни туманной поэзией, ни моралью чисто эстетического толка. Но поговорим об этом, когда я закончу чтение.

Какое лето я провела, мой милый мальчик. Милосердный Господь послал мне на моем пути настоящее сокровище — женщину 76 лет[9], у которой я проводила все свое время, оставляя в стороне, насколько это возможно, *Трубу* и все, что в ней содержится. Никогда не встречала я такого восхитительного воплощения практического христианства, никогда не видела наиболее наглядного выражения благословения и воздаяния за него, не понимала так ясно всю ничтожность наших лучших порывов, если они не возвращаются в тот *единственный* источник, откуда они берут начало и который может их освятить и придать им силу поистине сверхчеловеческую.

Все, что я давно издалека чувствовала и предчувствовала, вдруг для меня олицетворилось в этой простой, но удивительной женщине. Простодушие ребенка и милосердие святой, вот что соединилось в ней. И какое сияние в ее старости — это только любовь, только радость, только свет. Ей неведомы сомнения и помрачения души, она любит, и этим все для нее объясняется. Если бы я могла выйти лучшей из этой благословенной атмосферы, которую я вдыхала с жадностью, но для этого надо многое переделать в моей натуре, испорченной на тысячу ладов, — и однако под этим влиянием я поняла многое, что раньше было как бы скрыто от меня, и я, по крайней мере, получила благодаря этому отвращение к моим порокам и ко всей той лжи, которой полна наша жизнь.

Я верю *теперь*, что Господь *может* изменить сердце, даже самое зачерствелое в тщеславии и эгоизме, и я ожидаю с надеждой и смирением, что Он перевернет во мне всё сверху донизу, для того чтобы утвердить там, в моем сердце, *Свою* любовь вместо всего того, что там громоздится зловредного и ненужного. *Потому что у нас самих истин-

но *нет* силы, чтоб быть добрыми, как вы мне писали, — но Он, видя это сильное — *единственное* желание, не может нам отказать в нем*. —

Если одна надежда достичь этого благодеяния может сделать нас счастливыми, пусть это будет тот самый момент, когда новая жизнь овладеет всем нашим существом. И Он ее даст, в этом я теперь *уверена*, и мне, и всем тем, в чьи души Он вкладывает эту жажду счастья, которая может быть удовлетворена только *единственным* способом. *А наше дело молиться об получении одного желанного и *необходимого**. И пусть мы будем снова и снова падать еще тысячу раз, это неизбежно, если мы чувствуем, несмотря на эти падения, что все приближаемся к Нему и не отдаляемся от Него всецело.

Странно, что я говорю вам все это, хотя не имела ни малейшего намерения, принимаясь за письмо, — это в самом деле очень сокровенный уголок души, и поскольку вы туда вошли, закройте за собою дверь и пусть это останется между нами.

Завтра мы покидаем одну деревню, чтобы переехать в другую — *то есть из Сергиевки в Царское, то есть еще из малой Трубы в большую Трубу. Впрочем, везде может быть хорошо, если...*

Великая княгиня[10] теперь в Женеве — Алекс⟨андрин⟩ В⟨оейко⟩ва пишет оттуда восторженные письма, которые выводят меня из терпения, я понимаю, что причиною тому отвратительное чувство ревности. *Зачем *она* смотрит на *мои* горы, на *мое* озеро и на *моих* друзей?* — Вот какова я. Священник из Женевы пробыл здесь несколько дней — много говорил о вас[11] — *большое* удовольствие от встречи с ним — и все тяжелые впечатления исчезли как дым.

Прощайте, мой милый мальчик, пишите мне время от времени, вы не говорите ни слова о вашей поездке за границу[12]. Значит ли это, что милая Мари чувствует себя лучше? Дай-то Бог. Обнимите ее за меня. Мое почтение вашей бесценной тетушке. Протягиваю вам обе мои лапы.

22. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

26 декабря 1858. Лубянки

Cher Léon, je serai probablement à Moscou le 8 ou 9 janvier. Tâchez d'être à l'affût et de venir me voir, je n'y passerai de nouveau que quelques heures. Vous savez probablement le résultat de mon voyage. — Malgré tout mon cœur n'est rempli que de reconnaîssance et de bénédictions.

Vous avez raison, je suis une *старшая*, c'est-à-dire recevant toujours bien au-delà de ce que je mérite.

Informez-vous de nouveau si les Troubetzkoy sont à Moscou ou si on les y attend pour l'époque où j'y serai.

Actuellement je reste pour 15 jours à la campagne chez ma tante Wadbolsky. J'ai besoin de repos moral et physique et nulle part je ne serais dans des meilleures conditions pour le trouver. Embrassez bien pour moi votre sœur et présentez mes respects à votre tante. Je tâcherai de les revoir de nouveau si je puis. À revoir, cher Léon. Je vous serre la main.

Alexandrine

26 décembre
Loubianky.

⟨*Перевод:*⟩

Дорогой Лев, я буду, вероятно, в Москве 8 или 9 января. Постарайтесь быть наготове и приехать повидать меня[1], я пробуду здесь, как и прежде, всего несколько часов. Вы знаете, по-видимому, результат моей поездки[2]. — Несмотря ни на что, мое сердце исполнено лишь признательности и благословения.

Вы правы, я **старшая**, иначе говоря, получающая за то поделом сполна.

Справьтесь еще раз в Москве ли Трубецкие[3], или не ожидают ли их к тому времени, когда я там буду.

В настоящее время я остаюсь на 2 недели в деревне у моей тетки Вадбольской. Я нуждаюсь в отдыхе моральном и физическом и нигде не найду для этого условий лучше. Обнимите за меня вашу сестру и передайте мое почтение вашей тетушке. Я постараюсь повидать их снова, если смогу[4]. До свидания, дорогой Лев. Жму вашу руку.

Александрин

26 декабря
Лубянки.

1859

23. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

18 февраля 1859. Петербург

18-го февраля 1859 г.
П⟨етер⟩бург

Милый внук — неужели вы более никогда не откликнетесь — ни словом, ни делом, ни появлением? А у меня по вас настоящий mal du pays*. Говорят, вы занимаетесь — пишете[1], — жаль отрывать вас от работы, а хотелось бы взглянуть на вас и *в вас*. Я знаю, что вы в Москве[2], но *где вы*? в моральном отношении — это для меня всего любопытнее и я нередко над этим задумывалась. Боюсь ваших воздушно-идеально-нелепых истин, боюсь вашей гордости, которая часто порывалась создать или пересоздать давно созданное и устроенное, боюсь даже вашей любви к правде, которая по чрезмерной своей запутанности и ухищренности часто удаляла вас и от правды, и от естественности. Есть ли какие перемены к лучшему — и можете ли что-нибудь сказать о настоящем вашем настроении? Вполне уверена, что вы мне отвечать не будете[3], и заранее *не* сержусь. Ce serait peine perdue et toujours renouvellée. L'état de culpabilité est votre état normal. J'y suis habituée et je ne m'irrite plus**, — только приезжайте сюда[4], если это возможно — я вас о том прошу — и вы это нам почти обещали через Лизу Карамзину[5], в то время как, вырвавшись из-под лапы медведя[6], вы верно почувствовали всю цену жизни и любви друзей. Знаете ли, что моя чуткая душа дала себя знать и при этом событии: именно в ту эпоху вы мне беспрестанно являлись во сне в полуживом и полумертвом виде. Я тогда же сказала о том Тургеневу, не знавши еще ваших похождений. Кстати, я несколько сблизилась с Тур⟨геневым⟩[7] частью ради вас, частью из любопытства, а главное потому, что прочла его последнюю повесть[8] и увидела изменившегося человека, которого полюбила, поверивши ему на слово. Если ошиблась — тем хуже для него — но мне кажется, что кто-то или что-то решительно коснулось его души. Сухость, пустота исчезли, природа оживилась,

* ностальгия (*фр.*).

** Это было бы трудом лишним и постоянно возобновляемым. Состояние виновности — ваше нормальное состояние. Я к нему привыкла и больше им не раздражаюсь (*фр.*).

одним словом, хоть солнца еще не видно, а лучи уже греют и освещают. Вы знаете, как это для меня дорого. — Я с ним про это еще не говорила, но предубеждения мои растаяли, как воск. Прочие мои замечания на его счет я сделаю вам de vive voix* — мы много говорили про вас — он вас хорошо понимает и, кажется, любит[9], но верно меньше, чем ваша бабушка. Поклонитесь от меня вашим — как-то здоровье Marie? Брат мой гостит теперь у нас, но недели через две опять отправится в Оренб⟨ург⟩ и ему очень бы хотелось вас видеть[10]. Прощайте, добрый Лев, que j'aime quand même. J'ai oublié que vous m'aviez défendu de vous écrire en russe, — c'est qu'il y a si longtemps que notre correspondance est rompue. Je vous serre la main**.

24. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

10 марта 1859. Петербург

Я сейчас приехал[1], милая бабушка, и, разумеется, главная цель моего приезда — вы[2]. Я пробуду 3 дня. Приказывайте, как и когда можно вас видеть?[3] Что я виноват перед вами[4], об этом речи нет — виноват.

Ваш гр. Л. Толстой

⟨*На обороте второго листа:*⟩

Ее сиятельству графине Александре Андреевне Толстой.

25. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

21 марта 1859. Петербург

Décidément vous étiez meilleur quand vous n'aviez que 29 ans. J'ai porté hier toute la journée une impression à la fois lourde et étonnée dans laquelle j'ai fini par reconnaître une ancienne connaissance. La scène de Vevey et du lac *orageux* de Genève venait de se reproduire, mais dans des proportions plus grandes. — Vous avez fait des progrès et moi je suis sottement restée au même point, c'est-à-dire, ne comprenant pas aujourd'hui plus qu'alors comment sont faits les gens qui... mais non, trêve d'analyse, elle me mènerait trop loin et je

* на словах (*фр.*).

** которого я все-таки люблю. Я забыла, что вы запретили мне писать вам по-русски[11], но ведь наша переписка уже так давно оборвалась. Жму вашу руку (*фр.*).

suis fatiguée. C'est Boris chéri qui est venu m'apprendre votre départ; je n'ai rien dit, et cependant, il s'est cru obligé (par excès de bon cœur) de vous défendre contre sa propre conviction; je l'ai laissé faire sachant ce qu'il en pensait, dans le fait. Lui a d'autres mesures pour l'amitié et m-me Maltzeff aussi. Ce sont des géants. Elle n'a dit que ces deux mots à votre sujet: «*c'est mal*», mais avec une petite mine sérieuse derrière laquelle il y avait un monde de réflexions très sérieuses aussi. La traduction m'en était facile. — Je ne connais pas votre adresse de Moscou, je ne sais si vous y resterez longtemps, mais je vous écris aujourd'hui à la campagne, parce que si je ne vous écrivais pas, il se mettrait peut-être entre nous un принц Гессен-Дармштадтский. Ce n'est pas la même chose qu'en ménage sans doute, mais en amitié aussi les petites indispositions peuvent devenir des maladies sérieuses — не надобно запускать малейшего насморка. — J'ai en idée que c'est Tourguénieff qui est notre prince de Hesse. Autrefois, je n'avais contre lui que de petites dents de lait qui ne mordaient pas et qui sont tombées d'elles-mêmes sans douleur dès que j'ai eu des impressions tant soit peu favorables. A présent, en revanche, j'ai contre lui toutes les grosses dents de ma sagesse ou plutôt de ma sagacité, — or celle-là me dit que c'est lui qui vous a enlevé d'ici, malgré *tout*. A vous seul, même à l'aide de vos trente ans, vous n'auriez pas été capable d'une action aussi sèche. Vous sachant parti, j'ai eu la sensation d'une personne qu'on aurait fait lever de table à la moitié du dîner — не доела и не допила. Также это чувство похоже на весенний мороз — уподоблений можно найти пропасть, но не в том дело. — Ce qui m'a fait de la peine, c'est l'idée que vous ne me retrouverez plus et que je ne me retrouverai plus moi-même dans la phase ou j'étais ce dernier temps — une des phases si rares, même dans la jeunesse, où le cœur est ouvert, heureux, par conséquent accessible à tout et disposé à une sincérité sans bornes. — Vous y avez perdu aussi une excellente occasion de faire des études approfondies sur cet animal compliqué qu'on appelle la femme. — J'étais presque disposée à faire un testament en votre faveur et à vous livrer les clefs de tous les abîmes. — Il n'y a que les vieilles femmes comme moi, qui puissent le faire en toute sincérité, et même parmi les vieilles il n'y en a pas beaucoup, je suis sûre, qui consentent à une pareille confession, car tout n'est pas ruisseau limpide, tout n'est pas myrtes et roses dans ces petits abîmes-là. — Enfin! Tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes.

Je suis allée le soir à ce concert où vous deviez être aussi et dont je vous envoie l'affiche avec un petit sentiment de malice et de rancune, je dois l'avouer. — Là, vous avez perdu bien autre chose encore que le testament de ma jeunesse. — Je n'ai eu des facultés de jouissance que pour la symphonie de Mendelsohn, mais aussi elle a été complète, avec d'autres paroles, il

est vrai, que celles que j'ai eues l'autre soir pour la sonate à Kreutzer, mais j'aime presque mieux ces dernières — elles étaient plus détachées de la vie. — Moquez-vous, moquez-vous bien! Et maintenant, adieu, o, неблагодарный Лев! Tout notre monde vous salue et vous aime malgré votre désertion désobligeante. Je hurle avec eux bon gré, mal gré. A propos (je crois que c'est à propos), la G⟨rande⟩-D⟨uche⟩sse Hélène ouvrait déjà la gueule pour vous dévorer lorsque vous êtes disparu. Elle a été très mortifiée en apprenant que vous n'y étiez plus — elle a, je ne sais pourquoi, des préventions qui vous sont très favorables, et l'exploitation est son talent dominant. J'avoue que je regrette fort de n'avoir pas eu le spectacle de votre amitié. — Présentez mes respects à votre chère tante, embrassez pour moi Marie — et dites-moi si elles ont approuvé *votre énergie*. Mariez-vous, mon cher Léon, et cela sans tarder, покамест эгоизм на вас еще не обсох. — Ayant peu dépensé d'abnégation, vous avez beaucoup à donner — à moins que ce'ne soit comme pour l'aumône — celui qui donne s'enrichit. Merci pour votre visite; quand je parviens à la détacher de votre départ abrupt, je suis vivement et sincèrement reconnaissante.

⟨*Перевод:*⟩

Положительно вы были много лучше, когда вам было только 29 лет[1]. Целый день вчера я не могла отделаться от тяжелого и вместе с тем странного впечатления, которое в сущности мне было знакомо и раньше. Повторилась сцена, бывшая в Веве и на *бурном* Женевском озере, только в больших размерах[2]. — Вы сделали успехи, а я глупейшим образом осталась на той же точке, одним словом, не понимая, как и тогда, как сотворены люди, которые... но нет, довольно анализа, он заведет меня слишком далеко, а я устала. О вашем отъезде я узнала от милейшего Бориса[3], на это ничего не сказала; однако он вразрез собственным убеждениям (от избытка доброты) считал своей обязанностью защищать вас. Я не возражала ему, зная, что он об этом думает на самом деле. У него другое мерило дружбы, точно так же как и у г-жи Мальцевой[4]. Это гиганты. Она сказала про вас только два слова: «*это нехорошо*»; но сказала это с очень серьезным видом, за которым скрывался целый мир не менее серьезных мыслей. Смысл их был мне ясен. — Я не знаю вашего московского адреса[5], не знаю, долго ли вы там пробудете, но пишу вам сегодня в деревню, потому что если я не напишу, то между нами, пожалуй, встанет *принц Гессен-Дармштадтский*. Это, конечно, не так серьезно, как в семейной жизни; но в дружбе маленькие недомогания могут перейти в

серьезную болезнь[6] — *не надобно запускать малейшего насморка*. — Мне сдается, что наш принц Гессенский — Тургенев[7]. Когда-то у меня были против него молочные зубы, которыми не укусишь и которые при первых благоприятных впечатлениях выпали сами совсем без боли. Зато теперь против него мои зубы мудрости или, вернее, прозорливости; она подсказывает мне, что это именно он увез вас отсюда, несмотря *ни на что*. Вы сами по себе, даже при помощи ваших тридцати годов, не были бы способны на такой бессердечный поступок. Когда я узнала о вашем отъезде, у меня было чувство, как у человека, которого заставили встать из-за стола посредине обеда — *не доела и не допила. Также это чувство похоже на весенний мороз — уподоблений можно найти пропасть — но не в том дело*. — Что меня особенно огорчило, это мысль, что ни вы меня не увидите, ни я сама себя не почувствую такой, какой я была последнее время — один из тех редких, даже в молодые годы, периодов, когда на душе ясно, радостно, следовательно, она очень восприимчива и способна на безграничную искренность. —А вы упустили прекрасный случай сделать обстоятельные исследования над сложным существом, именуемым женщиной. — Я почти приготовилась составить завещание в вашу пользу и вручить вам ключи от всех бездн. — Только подобные мне старые женщины могут делать это вполне искренно, но даже и среди старух найдется, я уверена, немного таких, которые согласятся на подобную исповедь, так как не всё чистые ручейки, не всё мирты и розы в этих маленьких безднах. — Ну, что ж! Всё к лучшему в этом лучшем из миров.

Вечером я была в концерте, в котором должны были быть и вы, и посылаю вам афишу[8] — должна сознаться — не без задней мысли и не без желания отомстить. Да, вы потеряли еще многое помимо завещания моей молодости. — Я была способна восхищаться только симфонией Мендельсона[9], но зато всецело, немного иначе, правда, чем Крейцеровой ⟨сонатой⟩[10] на днях, но я почти предпочитаю эти последние впечатления, потому что они более отвлеченны. — Смейтесь, смейтесь на здоровье! А теперь, прощайте, *о, неблагодарный Лев!* Все наши вам кланяются и любят вас, несмотря на ваше неучтивое бегство. Я принуждена волей-неволей негодовать вместе с ними. Кстати (я думаю, что это кстати), Великая Княгиня Елена Павловна[11] открыла было уже пасть, чтобы поглотить вас, как вдруг вы исчезли. Она была очень огорчена, узнав, что вас больше нет, — не знаю почему, но она очень благосклонно к вам относится, а уменье извлекать пользу из людей — ее главный

талант. Признаюсь, я очень жалею, что не была свидетельницей вашей дружбы. — Передайте мое почтение вашей милой тетушке, поцелуйте за меня Мари и скажите мне, одобрили ли они *вашу энергию*[12]. Женитесь, дорогой мой Лев, и поскорее, *покамест эгоизм на вас еще не обсох*. — Пока вы не растратили самоотвержения, вы сможете дать еще очень много, если только это не будет в виде подаяния, ведь дающий обогащается. Спасибо вам за ваше посещение; когда мне удается отделить его от вашего внезапного отъезда, я испытываю к вам искреннюю и глубокую благодарность.

26. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Конец марта 1859. Москва

Не сердитесь на меня, милая бабушка, за то, что я с 30-тилетней твердостью уехал в тот день, когда хотел[1]. Мне так хорошо было, так всё еще лучше становилось, что ежели бы я не уехал, то не было резона когда-нибудь уехать. Что делать? У каждого в жизни своя дорожка. Сойдешься с хорошим человеком на перекрестке, постоишь, поговоришь, пройдешься вместе несколько шагов, и опять валяй каждый по своей дорожке, а то опоздаешь. Что делать, что жизнь так глупо устроена?

А сходиться с вами, вы знаете, мне не только весело, но хорошо, здорово, так, как вам с старушками, но аппетитнее. Несмотря на то что у меня на совести было что-то, как в тот день, когда вы в бурю одни уезжали в Bocage[2], мне ужасно хорошо и весело было на душе. Точно я сделал какое-нибудь доброе дело, а я только побыл с вами. И даже до сих пор немножко остается на мне этой добродетели, которую я получил от вас, а вы получили от старушек (по крайней мере, вы так думаете). И теперь я пишу, чтоб поддержать в себе это настроенье, которое, увы! чуть чувствуется.

Брата и сестру я один день не застал здесь[3], и чувствовал бы себя одиноким, ежели бы не работа, которой я отдаюсь часов до 8 в сутки. *Анна* переделывает свои записки[4], и я надеюсь, что ее бабушка будет ими больше довольна, чем в первом, безобразном виде[5]. А какое у нас было сиянье? Вы так и не рассказали мне. Пожалуйста, расскажите; я несколько раз бранил себя, зачем не узнал от вас. Пожалуйста, расскажите. Остальное время слушаю музыку, где есть хорошая, и ищу хороших людей, и особенно женщин, — и всё нету. К⟨атерина⟩ Тютчева была бы хорошая, ежели бы не скверная пыль и какая-то сухость и неаппетит-

ность в уме и чувстве[6], которую она переняла, верно, от ваших старушек. Иногда я езжу к ним и примериваю свое 30-тилетнее спокойствие к тому самому, что тревожило меня прежде, и радуюсь своим успехам. Защитите меня перед вашими, что не заехал проститься, и ущипните от меня первую девочку в мире[7] в левую щеку так, чтобы и издалека ласка дикого льва была чувствительна, и прощайте. Теперь уж я не пропущу недели, чтоб не писать вам.

Адрес мой[8]: На Б. Дмитровке, в доме Смолиной, № 10.

27. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

31 марта 1859. Петербург

31 mars 1859

Je vous ai écrit le lendemain même de votre départ — n'ayant pas votre adresse de Moscou et ne prévoyant pas qui pourrait me la donner, j'ai fini par expédier ma lettre à la campagne deux heures avant d'avoir reçu la vôtre. Si vous la recevez un jour, vous saurez *pourquoi* j'ai écrit. — Merci d'avoir pensé à m'écrire aussi. Ce qui est drôle, c'est que le souvenir de Vevey est également revenu à ma mémoire. Je n'ai pas été *fâchée* contre vous, car décidément il paraît que j'ai perdu la faculté de me mettre en colère; état de décadence, direz-vous peut-être — c'est possible! Mais je dois avouer, qu'en ces occasions il se passe en moi quelque chose de bien pire que la colère, quelque chose, qui ressemble à une petite mort. Je ne puis trouver d'autre mot pour exprimer ce sentiment, dont j'ai moi-même une peur atroce. Quelquefois ces petites morts n'ont pas de résurrection — si nous étions ensemble, je vous en aurai cité des exemples — к счастью, на этот раз это было не так — или лучше сказать, я скорее очнулась и стала тотчас противудействовать.

Votre affectueuse lettre a donné le dernier coup de main au rétablissement de l'équilibre. Il n'est rien resté dans le cœur que la vieille amitié et je me suis persuadée, qu'il y a entre nous des fibres trop correspondantes pour qu'il soit possible avec la meilleure volonté du monde de nous séparer moralement. Вечно будут отголоски, quoique vous fassiez. Quant à votre promesse de m'écrire toutes les semaines elle m'a fait sourire, comme lorsque j'entends un enfant promettre d'être éternellement sage au momemt où il vient de commettre quelque grosse incongruité. — Mais la sincérité de la promesse est touchante et j'en ai été touchée sans croire toutefois à sa réalisation. A propos d'enfants. — Pacha a coupé hier un trou au beau milieu d'une robe

de soie toute neuve de Sophie Wadbolsky; quand on lui a demandé pourquoi elle l'avait fait — elle a repondu: «Потому что я люблю смятение». Et lorsqu'on s'est mis à la gronder en lui demandant si elle ne recommencerait plus, elle a dit à travers ses larmes, qu'elle *ne savait pas*. —

Ce mot m'a beaucoup plu quoiqu'il ait paru une énormité à quelques personnes de la maison qui n'y ont vu qu'une absence de repentir. Ce n'est que lorsque Lise a expliqué à la petite d'une manière rationnelle et en commençant presque par l'époque du déluge, de quels travaux et difficultés était souvent précédé l'achat d'une robe et qu'elle y a mêlé très pittoresquement la condition des pauvres paysans qui travaillent pour nous — ce n'est disje qu'après cet exposé vraiment parfait, que la petite a montré une grande contrition et lorsque Sophie W. est entrée dans la chambre elle lui a dit de l'air du monde le plus humble: «Я думаю, тетя Софи, что дырочку совсем не будет видно». — Ne trouvez-vous pas que qu'il y a des choses très philosophiques dans cet épisode enfantin?

J'ai été hier à ce concert qui vous avait rendu si vertueux et qui a été répété à la demande de l'Impératrice. «Symphonie pastorale», «Songe d'une nuit d'été» etc. etc. Votre souvenir a constamment voltigé entre les violons et les flûtes, mais j'ai été malade et la jouissance a été douloureuse, c'était trop pour mes nerfs ébranlés. — Mais je vous assure que je n'éxagère rien en disant que j'ai *respiré* l'air du printemps et *senti* le parfum des champs en écoutant la pastorale, и были в зале не лампы, а солнце, а всё вместе как-то больно, тоскливо и почти нестройно отзывалось у меня в душе. Explique qui peut! — Vous voulez, mon cher ami, connaître la cause de mon rayonnement et si je ne vous la dit pas, ce n'est certes point par un sentiment de rancune mesquine, dont vous ne pouvez même me croire capable. Mais le moment est passé et je doute qu'il revienne jamais. Vous qui êtes musicien, vous devez savoir qu'il est des mélodies qu'on ne peut ni jouer, ni chanter, uniquement parce qu'on est requis de le faire. Il faut une disposition générale et particulière pour les amener et si on le faisait de sangfroid, sans entraînement, il n'y aurait que des notes fausses. — D'ailleurs ma confidence, comme lambeau isolé, n'aurait aucun sens. Je vous disais dans ma première lettre quelle folle idée m'avait passé par la tête — celle de vous introduire dans tout un long passé, pour vous faire connaître la femme dans ses mille aspects contradictoires. Ne sachant pas écrire moi-même, j'ai voulu vous fournir des matériaux assez curieux — enfin nous retrouverons peut-être tout cela un jour. — Maintenant je me prépare à faire bientôt mes dévotions et j'ai trop à faire intérieurement pour me rejeter dans la vie extérieure, dont le souvenir seul soulèverait

un monde d'exaltation. Je ne suis pas encore assez forte pour les aborder impuniement. Dites donc — c'est très bien que vous travaillez et que vous-vous occupez de votre Anna, mais ce serait bien dommage si cela vous empêchait de penser à des choses plus sérieuses et si vous négligiez de faire aussi vos dévotions. Faites le pour l'amour de votre chère âme errante — plus tard vous le ferez pour l'amour de Celui qui n'est qu'amour. Vous le comprendrez un jour marqué *par Lui* pour votre réveil. — Répondez-moi là-dessus, c'est-à-dire le ferez-vous où non?

Adieu, mon cher Léon, je vous remercie mille fois encore pour votre apparition — depuis que je me suis entièrement calmée au sujet de votre départ intempestif, j'apprécie plus vivement encore le procédé amical qui vous a amené ici. — Savez-vous que vous avez été un peu comme César — vous avez conquis deux cœurs d'un tour de main. M-me Maltzeff et Boris vous aiment sérieusement et quand ils parlent de vous, je me frotte moralement les mains. J'aime qu'on aime ceux que j'aime. Comme je jouissais, comme j'étais heureuse en vous voyant tous les trois réunis dans mon salon — le fluide sympathique coulait avec abondence et ce n'est que dans une atmosphère pareille qu'on peut réellement *vivre*. Je me dis toujours que si vous l'avez senti comme moi, vous ne seriez pas parti. —

Quant à C⟨athérine⟩ Tutcheff et au triomphe de votre orgueil, il me paraît tout bonnement pitoyable — prenez garde, vous en serez un jour vertement puni — puni par une passion frénétique qui vous saisira à quarante ans et à quarante vous-vous croirez très jeune, je vous le prédis. —

Si vous rencontrez Issakoff tâchez de faire sa connaîssance, je crois qu'il vous plaira. N'écoutez pas les commérages — jugez le par vous-même. Je lui ai transmis tout ce qui m'a été dit de désagréable à son sujet — il m'a répondu point par point et sachant combien il est sincère avec moi, j'ai été satisfaite de sa justification, mais affligée de la malveillance qui peut dénaturer ainsi les intentions les plus pures. Enfin! Das ist immer die alte Geschichte.

Le Кузнечик est ravissant, mais je suis désolée de ne l'avoir pas lu avec vous. Si Tourguéneff est avec vous, dites-lui mille choses de ma part — c'est une réparation que je lui fais pour les sentiments désagréables que j'ai eu contre lui, mais il est inutile que vous lui donnez cette explication. —

Pourrez-vous déchiffrer ce grimoir? Писала на всем скаку. Que Dieu soit avec vous!

Ваша комиссия к Паше была исполнена словом, а не делом — разумеется. Она отвечала, что и без того помнит.

⟨*Перевод:*⟩

31 марта 1859

Я написала вам на другой день после вашего отъезда[1]. Не имея вашего московского адреса и не зная, кто бы мог мне его сообщить, я направила свое письмо в деревню за два часа до получения вашего[2]. Ежели оно дойдет до вас когда-нибудь, вы узнаете, *почему* я его написала. — Благодарю вас, что вам тоже захотелось мне написать. Странно, но воспоминание о Vevey представилось и мне[3]. Я не *рассердилась* на вас потому, что, кажется, я решительно потеряла способность сердиться; это признак упадка, наверное, скажете вы — возможно! Но должна сознаться, что в подобных случаях со мной происходит то, что хуже гнева, то, что похоже на маленькую смерть. Не подберу иного слова, чтобы выразить это состояние, которого я боюсь ужасно. Эти маленькие смерти иногда не сопровождаются воскресением. Я подтвердила бы это вам несколькими примерами, если бы мы были вместе — *к счастью, на этот раз это было не так — или лучше сказать, я скорее очнулась и стала тотчас противудействовать*.

Ваше ласковое письмо помогло мне окончательно восстановить равновесие. В сердце моем не осталось ничего, кроме старой дружбы, и я убедилась что между нами столько гармонирующих струн, что при самом большом желании нравственного разрыва между нами никогда не произойдет. Что бы вы ни делали, *вечно будут отголоски*. Что касается вашего обещания писать мне каждую неделю, я улыбнулась ему, как улыбаешься ребенку, который в минуту крупной провинности обещает впредь быть всегда умницей. — Но искренность обещания трогательна, и я ею растрогана, не веря, однако ж, в его исполнение. По поводу детей: вчера Паша прорезала дыру на самом видном месте совершенно нового шелкового платья Софи Вадбольской. Когда у нее спросили, зачем она это сделала, она ответила: *«Потому что я люблю смятение»*. Ее побранили и спросили: ты больше этого не сделаешь? — на что она ответила сквозь слезы: *не знаю*. —

Мне ее ответ понравился, но наших он возмутил, как доказательство, что в вине своей она не раскаялась. Тогда Лиза принялась благоразумно разъяснять девочке, начав чуть ли не с потопа, с какими заботами и трудами часто сопряжена покупка нового платья, к этому она картинно приплела бедственное состояние крестьян, трудящихся на нас, и после этого действительно прекрасного разъяснения девочка выказала горячее раскаяние и, подойдя к вошедшей Софи В⟨адбольской⟩, сказала ей с самым смиренным видом: *«Я думаю, тетя Софи, что дырочку совсем

не будет видно»*. — Вы не находите, что есть кое-что философское в этом детском эпизоде?

Я была вчера на том самом концерте, который оказал на вас такое благотворное воздействие, он был повторен по желанию императрицы[4]: «Пасторальная симфония», «Сон в летнюю ночь»[5] и пр. и пр. Воспоминание о вас постоянно мелькало среди скрипок и флейт, но я была нездорова и наслаждение отзывалось болью, это было слишком для моих расшатанных нервов. — Но, уверяю вас, что я не преувеличиваю, говоря, что я точно *вдыхала*, весенний воздух и *чувствовала* запах полей, слушая эту пастораль, *и были в зале не лампы, а солнце, а всё вместе как-то больно, тоскливо и почти нестройно отзывалось у меня в душе*. Пусть объяснит это, кто сумеет! — Вы хотите узнать, мой милый друг, причину моего сияния, если я вам на это не отвечу, то, конечно, не из-за мелочной злопамятности, на которую вы даже не можете считать меня способной. Но миг прошел, и сомневаюсь, что он когда-нибудь возвратится. Как музыкант вы должны знать, что есть мелодии, которые не споешь и не сыграешь по требованию. Чтобы выводить их, нужно особое расположение, а в исполнении хладнокровном, без увлечения, каждая нота звучала бы фальшиво. — К тому же такая обрывочная откровенность не имела бы смысла. Я говорила вам в своем первом письме[6], что в голову мне пришла безумная идея посвятить вас во всю свою прошедшую жизнь, чтобы вы могли познать женщину во всех ее противоречащих друг другу аспектах. Не будучи способна писать сама, я хотела бы доставить вам материал довольно любопытный — быть может, в один прекрасный день мы к этому еще вернемся. — Теперь же я собираюсь скоро говеть, и мне предстоит слишком много внутренней работы, чтобы отвлекаться жизнью внешней, одно воспоминание о которой вызывает столько волнения. Я недостаточно крепка, чтобы прикасаться к этому безнаказанно. Послушайте — это прекрасно, что вы работаете и что вы заняты вашей Анной[7], но было бы очень жаль, если бы это мешало вам думать о более серьезных вещах, а также если бы вы из-за этого пренебрегли говением. Сделайте это из любви к своей мятущейся душе — потом вы будете делать это из любви к Тому, Кто весь — Любовь. Вы постигнете это в день, *Им* предназначенный для вашего пробуждения. Ответьте мне на это, т.е. сделаете вы это или нет?

Прощайте, мой дорогой Лев, тысячу раз благодарю вас за ваше появление. С тех пор как я совершенно успокоилась по поводу вашего внезапного отъезда, я оценила еще раз, и более живо, дружественный

порыв, который привел вас сюда. — Знаете ли вы, что вы были отчасти Цезарем — вы покорили сразу два сердца одним мановением руки. Мальцева и Борис[8] вас очень полюбили, и когда они говорят о вас, я в душе потираю руки. Люблю, чтобы любили тех, кого я люблю. Как я радовалась, как я была счастлива, видя вас всех троих в моей гостиной — симпатический ток изливался в изобилии, и только в подобной атмосфере можно действительно *жить*. Я постоянно себе повторяю, что, если бы вы чувствовали, как я, вы не уехали бы.

Что касается К⟨атерины⟩ Тютчевой[9] и торжества вашего тщеславия, мне оно представляется просто жалким. Берегитесь, когда-нибудь вы за это можете быть строго наказаны — наказаны неистовой страстью, которая овладеет вами в сорок лет, и в сорок лет вы почувствуете себя юным, я вам это предсказываю.

Ежели вы встретитесь с Исаковым[10], постарайтесь с ним познакомиться. Уверена, что он вам понравится. Не доверяйте сплетням, а судите сами. Я передала ему все, что слышала невыгодного на его счет. Пункт за пунктом он ответил на все, и, зная его искренность по отношению ко мне, я была удовлетворена его оправданиями и огорчена злонамеренностью, которая могла так извратить самые чистые побуждения. Ну, да das ist immer die alte Geschichte*.

Кузнечик очарователен. Жаль, что не прочла его с вами[11]. Ежели Тургенев с вами, передайте ему тысячу любезностей от меня[12]. Я в долгу у него за недобрые чувства, которые питала к нему раньше, хотя передавать ему это объяснение нет нужды. —

Разберете ли вы мою пачкотню? *Писала на всем скаку.* Господь с вами.

Ваша комиссия к Паше была исполнена словом, а не делом[13] — разумеется. Она отвечала, что и без того помнит.

28. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

5 апреля 1859. Москва

5 апреля

Работу кончил[1], милая покровительница моей души, и начинаю говеть, и буду стараться говеть[2] так, чтобы не стыдно было перед собой, перед прежними моими требованиями и перед вашими. Нынче и по-

* это вечная старая история (*нем.*).

года такая, что в небе видно Бога, ежели присмотреться немного, и в себе слышно Его. Когда вы причащаетесь? Я желал бы поздравить вас. Христос с вами, дай Бог что⟨бы⟩ не разрушался в вас никогда тот мир, который теперь в вашей душе. Благодарствуйте за ваше письмо, я после отвечу на него[3]. Хорошо ли, дурно ли, но я с Andacht* читаю и буду читать ваши письма.

Л. Толстой

29. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

15 апреля 1859. Москва

Христос воскресе! милая бабушка.

Я пишу не столько потому, что недельный срок подходит, не столько потому, что хочется писать, а на совести есть ложь, в которой надо признаться. Во вторник, когда я вам писал[1], я расчувствовался просто от того, что погода была хороша, а мне показалось, что мне хочется говеть и что я чуть-чуть не такой святой, как ваша старушка[2]. Оказалось же, что один говеть и говеть хорошо я был не в состояньи. Вот, научите меня. Я могу есть постное, хоть всю жизнь, могу молиться у себя в комнате, хоть целый день, могу читать Евангелие и на время думать, что всё это очень важно; но в церковь ходить и стоять слушать непонятые и непонятные молитвы, и смотреть на попа и на весь этот разнообразный народ кругом, это мне *решительно невозможно*. И от этого вот второй год уж осекается мое говенье[3]. — В четверг я уехал в деревню, встретил с своими праздник и весну, перецеловался с мужиками (у них бороды пахнут удивительно хорошо весной), попил березового сока, перепачкал все надетые для праздника платья детям (няня ужасно меня разбранила)[4], набрали цветов желтеньких и лиловых, и вернулся назад в Москву[5], — зачем? не знаю. Как будто забыл что-то, а не знаю что? В вас-то и у вас-то, я думаю, как хорошо! Вы, разумеется, отговели; с этим-то, главное, вас поздравляю. Какой, я думаю, праздник в вас и около вас! Хоть немножко мне уделите этого сиянья. Дайте позавидовать. Завидовать хорошему есть одно мое хорошее качество. Кланяйтесь очень всем вашим. Паша — мудрец, великий мудрец! Что она прорезала платье, это ничего. Платье заростет, а ежели бы она солгала,

* благоговением (*нем.*).

она бы сделала больно всем вам и себя бы испортила, а теперь вы ею занимаетесь. Даже и тетя ее, которой она прорезала платье, наверно простила ее[6]. Вы, слегка шутя, пишете, что Б⟨орис⟩ А⟨лексеевич⟩ и m-me Мальцова хорошо расположены ко мне[7], а я этому просто рад, потому что они мне очень симпатичны. Пожмите от меня изо всех сил руку Б⟨орису⟩ А⟨лексеевичу⟩ так крепко, чтоба только не больно, и Мальцовой тоже морально пожмите так, чтобы только не больно. Часто бывает, что простодушный Вавило от души желает пожать руку (морально) и пожмет так, что раздавит там что-нибудь; кольцо или пальцы очень тонки и нежны. Я этого самого долго боялся с вами, но теперь уже привык к мысли, что неотесанный Вавило[8] может с вами и перед вами выделывать свои дикие эволюции, не сделав вам больно. Впрочем, и вы крепки и здоровы. — Вы пишете, что ежели бы я так, как вы, понял удовольствие быть вечером в Лизиной комнате за селянкой и т.д., то не уехал, бы; а я говорю, что ежели бы вы поняли, как я, это удовольствие, то тотчас же, не дожидаясь поезда, пешком ушли бы в Москву или в Тройцу[9]. Это — Капуа[10], вредная для нашего брата работника. Только изредка, когда учитель очень доволен, можно задавать себе такие рекреации. Вы, может быть, так сказали, а для меня эти 10 дней останутся, как Clarens, дорогими воспоминаниями на всю жизнь[11]. Для меня это отдых, утоление жажды, и именно тем-то и приятный, что ничего не случается, ничего не ожидается, не жалеется, а хорошо, со всех сторон хорошо. Для вас это должно быть так же странно, как для рыбы, которая, сидя в реке, услыхала бы, что человек, запыленный, обожженный, измученный, радуется тому, что он сел в эту реку, и не знает всех рыбьих неприятностей, и сидит только до тех пор, пока освежится, не дожидая того, чтобы ему стало холодно. Что вы делали во вторник, я вас видел во сне так, что по моей манере объяснений вы должны были быть нездоровы. Надеюсь, что это вздор. Письмо ваше, в деревню, я получил[12]. Я вас не прошу исполнить того, что вам захотелось, это не просится, а дается; но не могу не сказать, что надеюсь и жду. Хотя я вас знаю очень хорошо и коротко, — вы знаете как? по моей теории любви, но тем более мне хотелось бы знать, как эта лучшая женщина во всем мире делала глупости — самые лучшие во всем мире. Уж там, как вы не рассказывайте, а по-моему они выйдут самые лучшие. — Только не для изученья мне это радостно будет, а для наслажденья. — Это всё еще впереди. —

Исакова я встретил раз у Сушковых, но не познакомился, не получив еще вашего письма[13]; но я слышал его: он —

положительно и продолжает в университете вести себя дурно. Спросите, пожалуйста, у Бор⟨иса⟩ Алекс⟨еевича⟩, что писарь Петров?[14] Что с ним сделали? — Тургенева я не видал и потому не мог передать ему вашу тонко выраженную просьбу[15] прощенья перед исповедью; но надеюсь, что он помилует вас, да и я ретроспективно даю вам разрешение. Ваше мщение не удалось. Когда я получил афишу[16] и ваше описанье впечатлений концерта, уже была весна, и музыки не нужно. Какая прелесть в деревне! И зачем я вернулся, я решительно не знаю, но все-таки иду сейчас искать того, что забыл здесь. — Прощайте, от всей души жму вашу руку, не боясь сделать больно.

Ваш гр. Л. Толстой

15 апреля
Москва.

30. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

17 апреля 1859. Петербург

Христос воскресе!

Cher ami Léon. Depuis le jour de Pâques je n'ai pas eu une seule minute pour vous écrire — et maintenant encore ce ne seront que quelques mots en courant. Et vous trouveront-ils à Moscou?

J'ai reçu votre petit billet mercredi passé, la veille de ma Communion. Si vous savez quel *bien-être* j'ai ressenti en le lisant et cette impression je la porte encore dans mon cœur*. В немногих словах выразилось все настроение вашей души, и я им была довольна, *очень* довольна. Dieu veuille que cela se soit maintenu jusqu'au bout et alors les nouvelles lumières n'auront

* Милый друг Лев. С самого Светлого Воскресенья у меня нет ни минуты, чтобы вам написать — и теперь это будет всего лишь несколько беглых строк. Найдут ли они вас в Москве?

Я получила ваше письмо в прошлую среду, накануне моего Причастия. Если бы вы знали, какую *отраду* чувствовала я, читая его[1], и до сих пор я храню в сердце это впечатление (*фр.*).

pas manqué. Dès qu'on ne résiste pas au Seigneur — Il entre pour consoler et pour soutenir. Toute cette procédure de l' âme m'est bien connue*, но как тонко и деликатно надобно обращаться с внутренними голосами. Малейшее невнимание — и вот они замолкли, а как скучно, как пустынно не слыхать их боле. Сохрани нас Бог жить самим собою и верить только себе. —

Есть между моими знакомыми много людей, которые, по *моим* понятиям, разумеют истинные вещи лучше вас, и, однако ж, я менее ожидаю от них, чем от вас. — Вы родились для *наилучшего* — но запутались, заблудились — стали бегать по проселочным дорожкам и moitié** из упрямства, moitié от неумения не хотите выбраться на большую дорогу. — Но и это придет в свое время, лишь бы вы сколько-нибудь смирились своим умом и перестали бы считать ненужным то, что еще не прояснилось в ваших понятиях. — Дело спасения труднее обработки земли, а и землю надобно обрабатывать, чтобы сделать ее плодородной. В этом-то вся и наука — желать истину и искать ее совестливо во всех открытых для нас источниках — а не требовать необыкновенных откровений. Mais nous voulons toujours des cailles toutes rôties. —

Adieu, mon cher Léon, je vous serre la main et vous écrirai quand je saurai oú vous êtes.

17 avril***.

31. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

21 апреля 1859. Петербург

Ma dernière petite lettre venait de partir quand je reçus la vôtre, mais quelle différence d'impressions! Vous pouvez me croire: ce fut une douleur — une douleur aigüe avec larmes et confusion d'idées. — Je n'avais pas le temps d'écrire, mais après m'être un peu calmée, je vous parlais longtemps, longtemps, et il me semblait que c'était persuasif. Ce qui est clair pour moi, c'est que vous avez fait une perte irréparable et je ne puis m'en consoler. Si Dieu

---

* Дай Бог, чтобы оно сохранилось до конца, и тогда вас не минуют новые прозрения. Как только перестанешь противиться Господу, Он приходит, чтобы утешить и ободрить. Эта душевная процедура мне хорошо знакома (*фр.*).

** отчасти (*фр.*).

*** Но мы всегда хотим поймать уже зажаренную перепелку. Прощайте, милый Лев! Жму вашу руку, я напишу вам[2], когда буду знать, где вы находитесь. 17 апреля (*фр.*).

vous prête vie, je sais bien que vous pourrez faire vos dévotions une autre fois, mais tout de même, cette occasion perdue de retremper votre âme à la source de vie est un *grand malheur*. Si vous aviez un peu de foi réelle dans la *force* du Sacrement, vous n'auriez pas renoncé avec tant de légèreté à faire vos dévotions — uniquement parce que la mise en scène (обстановка) ne vous convenait pas. Que d'orgueil, d'ignorance et d'incurie dans ce sentiment que vous croyez probablement respectable ou respectueux! Il me semble parfois que vous réunissez en vous seul toutes les idolâtries du monde païen — adorant Dieu dans un rayon de soleil, dans un aspect de la nature, dans une des innombrables manifestations de Sa grandeur — mais ne comprenant pas qu'il faut remonter au *foyer* de vie pour s'éclairer et se purifier. — Что значит *хорошо* говеть и кто из нас может хорошо говеть? C'est parce que nous sommes sales, dégoûtants, faibles et froids — abimés par le péché, que nous devons aller à Celui qui veut nous guérir, nous laver et nous approprier à Lui. Et vous attendez, pour vous unir à Lui, que vous soyez *content* de vous-même, ou tout au moins dans une de ces dispositions exaltées ou vous-vous imaginez être quelque chose. Aberration, matérialisme tout pur, jusque dans ce sentiment de dévotion où l'on veut avant tout une jouissance personnelle et sensible. Что нам рассуждать? *Он* зовет — пойдемте. Нужды нет, что мы в лохмотьях. Лишь бы было в сердце: «*Милостив буди мне грешному!*» — остальное все Он даст и всему научит. —

Il faut être véritablement bien aveugle et bien desseché par l'esprit d'orgueil pour ne trouver que matière à dégoût ou à critique en entrant dans une Eglise où tout le monde prie — qu'importe si le prêtre vous déplaît ou si le service ne s'effectue pas de la manière solennelle ou poétique qui seule, à votre avis, pourrait vous exciter à la ferveur! — Je conviens que la négligence des desservants gâte souvent l'*extérieur* du culte, — mais il n'en reste pas moins beau dans son essence pour ceux qui le connaissent et qui s'y rendent en toute simplicité de cœur. Vous ne comprenez pas les prières, dites-vous, et pourquoi ne les comprenez-vous pas? Qui vous empêche d'étudier à fond tous les règlements de l'Eglise, et la raison, et le sens de chaque chose? — Cela mérite bien la peine qu'on y travaille, fût-ce aux dépens des travaux des champs et des travaux littéraires. — L'ignorance volontaire n'est pas une justification. Mais vous voulez des enthousiasmes, des ravissements gratuits, des élans subits qui vous portent au bien sans déranger votre paresse et sans aucun effort de volonté de votre part. Ces moments, quand ils viennent, ne sont pour la plupart que de dangereuses illusions qui nous endorment. — Croyez-moi, elles nous sont le plus souvent inspirées par l'esprit du mal qui lutte en nous

contre l'Esprit de Dieu et qui veut empêcher notre salut. Он-то вам и загородил дорогу к Причастию, опасаясь целебной его силы, а вы, не видя и не зная его, поддались ему, как ребенок. Мне страшно и грустно за вас, и тяжело, что нет у меня слов для передачи всех моих убеждений на этот счет. — Je n'ai rien à vous dire sur moi-même; ce que nous cherchons est si différent, je vous assure, que je ne veux plus rien que le sentiment de ma misère et de ma culpabilité — et quand Dieu me le donne, ne fût-ce qu'une minute, et que je puis me sentir brisée de repentir — je L'en remercie comme de la plus grande grâce qu'Il puisse m'accorder. — Этою только благодатною скорбью и создается наш внутренний мир. Я еще его не имею, но чувствую, что он может прийти. Pendant les longues années où j'ai travaillé à mon perfectionnement avec orgueil, impatience et découragement, je n'ai pas fait un pas — parce que je ne comprenais pas qu'un brin de *vraie* humilité nous enseigne plus de choses que toutes nos soi-disantes sublimes pensées et aspirations vers Dieu. — Je n'ai rien, je ne puis rien, mais Tu peux tout me donner! Quelle douceur dans cette dépendance et quelle liberté aussi. — Jamais je ne croirai que vous êtes de bonne foi quand vous prétendez qu'on peut parfaitement vivre sans chercher Dieu et sans croire à une vie future. Vous dites vous-même que vous aviez autrefois ces convictions. — Trouvez-vous réellement que vous avez gagné depuis que vous vivez de vos propres forces et de vos jouissances isolées? Quoique vous disiez de la beauté du printemps et des barbes parfumées de vos paysans, je suis parfaitement sûre que le jour de Pâques n'a pas été pous vous sans mélange d'amertume — уж это наверно, et c'est ce même sentiment inquiet qui vous a amené à Moscou, pour ainsi dire, à votre insu. — И это еще лучше, если оно так. C'est impossible d'enfreindre tout à fait impunément les lois de la conscience. — Puisse la vôtre crier de toutes ses forces et vous rendre aussi malheureux que possible. Je ne puis former pour vous de vœu plus charitable, ni même de plus aimant. —

Ах как вы мне сделали больно! Даже и Вавиле не удавалось поднять во мне такой внутренний крик. Лучше бы было, кажется, не писать и предоставить все Богу, поручая вас Ему беспрерывно. Но я, право, никак не могла молчать, хотя и *совершенно* уверена, что и пишу, и кричу в пустыню, несмотря на всю вашу дружбу ко мне. Но о чем же говорить, когда душа полна *одним* предметом?

La seule chose *nécessaire* est aussi la seule chose *intéressante*, me disait dernièrement un de mes amis (un homme du monde revenu de bien loin dans le bercail), et c'est si vrai — du moins pour moi: il y a une masse de choses, de conversations, qui me plaisaient il y a peu de temps encore et qui me de-

viennent de plus en plus impossibles; — enfin, il ne s'agit pas de cela. — Si vous saviez comme j'ai souffert en vous écrivant cette lettre. Une fourmillière d'idées et de sentiments dans la tête, et le cœur à peu près comme une digue rompue, et les mots qui vous échappent et ont l'air de fondre sous la plume au moment où vous voulez donner un corps à votre pensée. Ах какое наказание! Видно, еще не надо с вами про такие вещи говорить. Прочитав первую страницу вашего письма, я уже не могла наслаждаться другими, не радовалась вашей дружбе к нам, не смеялась над вашими заблуждениями насчет лучших глупостей в мире — короче, все мне показалось натянуто, тяжело, ненатурально. — Напишите поскорее еще, чтобы изгладить это впечатление.

Boris et m-me Maltzeff vous disent mille tendresses — et excepté cela, Boris vous fait dire que dès le lendemain de votre départ, il s'est mis en quête de Petroff, mais ayant appris qu'il venait de trouver un protecteur beaucoup plus influent que lui — il s'est modestement retiré, pensant qu'il ne pouvait que gâter les choses en s'en mêlant. Il m'a dit le nom du protecteur qui m'échappe en ce moment. Je vous le dirai plus tard. —

Adieu, mon cher Léon, en voilà de petites feuilles sans fin. Comme c'est femme! direz-vous, et vous aurez raison. —

Je vous serre la main affectueusement, mais ne cherchez pas la physionomie gaie que vous êtes habitué à voir. Il y a deux rides entre les yeux qui ne veulent pas s'en aller; ce n'est pas de la colère toutefois.

Lise vous dit bien des amitiés; je n'ai montré votre lettre à personne, pas même à elle. Мне еще бы было больнее. — Adieu. Dechirez mes lettres, je vous prie. —

Vous avez beau dire qu'Iss⟨akoff⟩ est bête et se conduit mal — je maintiens une bonne opinion sur lui, il y a trop longtemps que je le connais pour changer d'avis.

T.

21 avril.

⟨Перевод:⟩

Я только что отправила свое последнее письмо, когда получила ваше[1], но какая разница впечатлений! Вы можете мне поверить, что это было страдание — острое страдание, сопровождаемое слезами и полной путаницей в мыслях. — У меня не было времени писать вам, но, успокоившись немного, я стала долго, долго говорить с вами, и, мне кажется,

это было убедительно. Что для меня ясно, это то, что вы понесли невознаградимую утрату[2], и я не могу утешиться. Если Господь продлит вашу жизнь, я прекрасно знаю, что вы сможете говеть в другой раз, но все-таки этот упущенный вами случай приобщить свою душу к источнику жизни — *большое несчастье*. Если бы вы действительно верили в *силу* Святых Таинств, вы бы с такой легкостью не отказались от говенья — исключительно только потому, что вам не подходила *обстановка.* Сколько гордости, непонимания и небрежности в этом чувстве, считаемом, вероятно, вами благоговейным и достойным уважения! Временами мне кажется, что вы совмещаете в себе одном все идолопоклонство язычников — обожая Бога в каждом луче солнца, в каждом проявлении природы, в каждом из бесчисленных доказательств Его величия, но не понимая, что нужно возвыситься к *источнику* жизни, чтобы просветиться и очиститься. — *Что значит *хорошо* говеть и кто из нас может хорошо говеть?* Мы грязны, отвратительны, слабы, равнодушны и погрязли в грехах, поэтому мы должны обратиться к Тому, Кто хочет излечить нас, нас очистить и приблизить к Себе; вы же, чтобы приобщиться к Нему, ждете момента, в который вы были бы *довольны* собой, или, по крайней мере, одного из тех состояний экзальтации, когда вам кажется, что вы из себя что-то представляете. Это заблуждение, чистой воды материализм, доходящий до того, что в говенье прежде всего вы ищете индивидуального и осязательного наслаждения. *Что нам рассуждать? *Он* зовет — пойдемте. Нужды нет, что мы в лохмотьях. Лишь бы было в сердце: — *Милостив буди мне грешному!* — остальное всё Он даст и всему научит.* —

Надо быть действительно человеком ослепленным и иссушенным духом гордыни, чтобы, входя в церковь, где молится столько народу, не находить в себе ничего кроме отвращения и критического ко всему отношения. — Не все ли равно, что священник вам не нравится или что богослужение совершается недостаточно величественно и поэтично, что единственно по-вашему мнению могло бы вызвать в вас молитвенное настроение! — Я согласна, что небрежность священнослужителей часто вредит *внешней* стороне богослужения, — но от этого оно в сущности своей не менее прекрасно для тех, кто его знает и кто идет на него в простоте сердечной. Вы говорите, что не понимаете молитв, а почему они вам непонятны? Кто мешает вам основательно изучить все церковное богослужение и вникнуть в смысл и сущность всего? — Оно заслуживает того, чтобы быть изученным, хотя бы даже в ущерб полевым

и литературным работам. — Добровольное невежество не есть оправдание. Вы же требуете энтузиазма, беспричинных экстазов, внезапных восторгов, вы хотите, чтобы они вели вас к добру, не беспокоя вас и без малейшего усилия воли с вашей стороны. Когда эти моменты приходят, они бывают большей частью опасными заблуждениями, усыпляющими нас. — Поверьте мне, они чаще всего внушаются нам духом зла, борющимся в нас с Духом Божиим и желающим помешать нашему спасению. *Он-то вам и загородил дорогу к Причастию, опасаясь целебной его силы, а вы, не видя и не зная его, поддались ему, как ребенок. Мне страшно и грустно за вас, и тяжело, что нет у меня слов для передачи всех моих убеждений на этот счет.* — Мне нечего сказать вам о себе; то, что мы ищем, так различно, уверяю вас, я ничего большего не желаю, как сознания своего ничтожества и своей виновности — и, когда Бог мне его посылает, хотя на одну минуту, и я чувствую себя сокрушенной раскаянием, — я благодарю Его, как за самую великую милость, которую он может мне даровать. — *Этою только благодатною скорбью и создается наш внутренний мир. Я еще его не имею, но чувствую, что он может прийти.* В течение долгих лет, когда я с гордостью, нетерпением и унынием работала над самоусовершенствованием, я не подвинулась вперед ни на шаг, так как не понимала, что одна пылинка *настоящего* смирения научает нас гораздо большему, чем все наши так называемые возвышенные мысли и стремления к Богу. — У меня ничего нет, я ничего не могу сделать, но Ты все можешь мне дать! Какая сладость и в то же время свобода в этой зависимости! — Никогда не поверю, чтобы вы были вполне чистосердечны, утверждая, что свободно можно прожить, не ища Бога и не веря в будущую жизнь. Вы сами говорите, что у вас когда-то были такие убеждения. — Действительно ли вы находите, что выиграли с тех пор, как стали жить собственными силами и одинокими радостями? Что бы вы ни говорили о красоте весны и о пахучих бородах ваших крестьян, я уверена, что первый день Пасхи прошел для вас не без примеси горечи — *уж это наверно*, и это же беспокойное чувство привело вас, так сказать, без вашего ведома в Москву[3]. — *И это еще лучше, если оно так.* Преступать законы совести совершенно безнаказанно — невозможно. — Пусть ваша совесть начнет изо всей силы кричать и сделает вас как можно несчастнее. Я не могу хотеть для вас ничего лучшего, — любя вас и жалея. —

*Ах как вы мне сделали больно! Даже и Вавиле[4] не удавалось поднять во мне такой внутренний крик. Лучше бы было, кажется, не писать

и предоставить все Богу, поручая вас Ему беспрерывно. Но я, право, никак не могла молчать, хотя и *совершенно* уверена, что и пишу, и кричу в пустыню, несмотря на всю вашу дружбу ко мне. Но о чем же говорить, когда душа полна *одним* предметом?*

Единственно *необходимая* вещь есть в то же время самая *интересная*, сказал мне недавно один из моих друзей (светский человек, обратившийся в лоно церкви) — и это так верно, по крайней мере для меня: есть масса вещей, разговоров, которые еще недавно меня интересовали, а теперь становятся все больше и больше невыносимыми — однако не в том дело. — Если б вы знали, как мне было тяжело в то время, как я писала вам это письмо. Целый рой мыслей и чувств в голове и в сердце словно прорванная плотина, и слова ускользают и как бы тают под пером в то время, как хочешь выразить свою мысль. *Ах какое наказание! Видно, еще не надо с вами про такие вещи говорить. Прочитав первую страницу вашего письма, я уже не могла наслаждаться другими, не радовалась вашей дружбе к нам, не смеялась над вашими заблуждениями насчет лучших глупостей в мире — короче, все мне показалось натянуто, тяжело, ненатурально. — Напишите поскорее еще, чтобы изгладить это впечатление.*

Борис и Мальцева просят передать вам тысячу нежных слов, и помимо этого, Борис сообщает вам, что на следующий же день после вашего отъезда он принялся разыскивать Петрова[5], но узнав, что тот нашел себе покровителя, несравненно более влиятельного, чем Борис, — он скромно ретировался, боясь, что, вмешавшись в это дело, он только повредит ему. Он назвал мне имя покровителя, но я никак не могу его сейчас вспомнить. Я вам напишу его после. —

До свидания, дорогой мой Лев; вот сколько листков я исписала. Как это по-женски! скажете вы, и вы будете правы. —

Нежно жму вашу руку, но не ищите того веселого выражения лица, которое вы привыкли видеть. Две морщинки меж бровей никак не разглаживаются, только они во всяком случае не от гнева.

Лиза просит передать вам сердечный привет; я никому, даже ей, не показывала вашего письма. *Мне еще бы было больнее.* — Прощайте. Пожалуйста, рвите мои письма[6]. —

Вы напрасно говорите, что Ис⟨аков⟩ глуп и плохо ведет себя[7] — я продолжаю быть о нем хорошего мнения, я слишком давно его знаю, чтобы теперь изменять свой взгляд на него.

21 апреля.

Т.

32. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

24 или 25 апреля – 3 мая 1859. Ясная Поляна

Батюшки мои! Как вы меня. Ей-Богу, не могу опомниться! Но без шуток, милая бабушка, я скверный, негодный и сделал вам больно; но надо ли уж так жестоко наказывать. — Все, что вы говорите, и правда и неправда[1]. Убеждения человека, не те, которые он рассказывает, а те, которые из всей жизни выжиты им, трудно понять другому, и вы не знаете моих. И ежели бы знали, то нападали бы не так. — Попробую, однако, сделать мою profession de foi*. Ребенком я верил горячо, сантиментально и необдуманно, потом, лет 14, стал думать о жизни вообще и наткнулся на религию, которая не подходила под мои теории, и, разумеется, счел за заслугу разрушить ее. Без нее мне было очень покойно жить лет 10. Все открывалось передо мной ясно, логично, подразделялось, и религии не было места. Потом пришло время, что все стало открыто, тайн в жизни больше не было, но сама жизнь начала терять свой смысл. В это же время я был одинок и несчастлив, живя на Кавказе[2]. Я стал думать так, как только раз в жизни люди имеют силу думать. У меня есть мои записки того времени[3], и теперь, перечитывая их, я не мог понять, чтобы человек мог дойти до такой степени умственной экзальтации, до которой я дошел тогда. Это было и мучительное, и хорошее время. Никогда, ни прежде, ни после, я не доходил до такой высоты мысли, не заглядывал *туда*, как в это время, продолжавшееся 2 года. И все, что я нашел тогда, навсегда останется моим убеждением. Я не могу иначе. Из 2 лет умственной работы я нашел простую старую вещь, но которую я знаю так, как никто не знает, я нашел, что есть бессмертие, что есть любовь и что жить надо для другого, для того, чтобы быть счастливым вечно. Эти открытия удивили меня сходством с христианской религией, и я вместо того, чтобы открывать сам, стал искать их в Евангелии, но нашел мало. Я не нашел ни Бога, ни Искупителя, ни *таинств*, ничего; а искал всеми, всеми, всеми силами души, и плакал, и мучался, и ничего не желал, кроме истины. Ради Бога, не думайте, чтобы вы могли чуть-чуть понять из моих слов всю силу и сосредоточенность тогдашнего моего исканья. Это одна из тех тайн души, которые есть у каждого из нас; но могу сказать, что редко я встречал в людях такую страсть к истине, какая была

---

* исповедание веры (*фр.*).

в то время во мне. Так и остался с своей религией, и мне хорошо было жить с ней. Надо сказать еще.

3 мая. Это было написано тотчас после получения вашего письма. Я остановился, потому что убедился, что все это болтовня, которая не даст вам понятия о сотой доле того, что есть, и нечего продолжать. А так как я дал себе слово никогда не переделывать вам писем, посылаю вам и это. Дело в том, что я люблю, уважаю религию, считаю, что без нее человек не может быть ни хорош, ни счастлив, что я желал бы иметь ее больше всего на свете, что я чувствую, как без нее мое сердце сохнет с каждым годом, что я надеюсь еще и в короткие минуты как будто верю, но не имею религии и не верю. — Кроме того, жизнь у меня делает религию, а не религия жизнь. Когда я живу хорошо, я ближе к ней, мне кажется вот-вот совсем готов войти в этот счастливый мир, а когда живу дурно, мне кажется, что и не нужно ее. — Теперь, в деревне, я так гадок себе, такую сухость я чувствую в сердце, что страшно и гадко, и слышней необходимость. Бог даст, придет. Вы смеетесь над природой и соловьями. Она для меня проводник религии. У каждой души свой путь, и путь неизвестный, и только чувствуемый в глубине ее. Может быть, что я и вас люблю затем только. — Ах, милый друг, бабушка. Пишите мне почаще. Мне так гадко, грустно теперь в деревне. Такой холод и сухость в душе, что страшно. Жить незачем. Вчера мне пришли эти мысли с такой силой. Как я стал спрашивать себя хорошенько: кому я делаю добро? кого люблю? — Никого! И грусти даже, и слез над самим собой нет. И раскаянье холодное. Так, рассужденья. Один труд остается. А что труд? Пустяки, копаешься, хлопочешь, а сердце суживается, сохнет, мрет. Я пишу вам это не для того, чтобы вы мне сказали, что это? что делать, утешили бы. Этого ничего нельзя. Пишу просто оттого, что люблю вас и что вы меня поймете; откроете окошечко в сердце, впустите туда весь этот внуковский вздор, и опять запрете окошечко, — и all right*! *Пожалуйста, не отвечайте даже про это*. Главное, что я лгать не могу перед собой. Есть больная сестра, старая тетка, мужики, которым можно быть полезным, с которыми можно нежничать, но сердце молчит, а *нарочно* делать добро — стыдно. Тем более что я испытал счастье (как ни редко) делать, не зная, нечаянно, от сердца. Сохнет, дервенеет, сжимается, и ничего не могу сделать. Вам надо не сердиться на нашего брата, не бранить, а жалеть и ласкать. Вам хорошо. У вас всегда есть, где обогреться

---

* все в порядке (*англ.*).

душе, а у нас сохнет, чувствуешь, ужасаешься и нет remèd'a*. Прощайте, кланяйтесь вашим и не забывайте меня. Что за глупости ваши Дворы и всякий вздор, мешавший вам писать мне. Кажется, внук, который любит вас, посерьезнее всех труб[4] в мире. —

Сестра и тетка вас любят и помнят. — Еще горе у меня. Моя Анна, как я приехал в деревню и перечел ее, оказалась такая постыдная гадость, что я не могу опомниться от сраму, и, кажется, больше никогда писать не буду. А она уж напечатана[5]. И в этом не утешайте меня. Я знаю, что я знаю. Еще горе: хозяйство мое идет отвратительно, а я персеверирую[6], и, кажется, скоро совсем разорюсь. И сверх того еще рожь пропала нынешний год. Вот теперь мне хочется смеяться и подпрыгивать. И только оттого, что за 5 минут мне хотелось плакать и что я пишу вам.—

Л. Толстой

3 мая.

У нас погода первый день прекрасная.

33. Л.Н.ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

11 мая 1859. Ясная Поляна

А я все-таки пишу вам[1], милый друг бабушка. Неотвеченное письмо делает странное, неприятное впечатление, особенно для меня, человека мнительного; точно строгой и серьезный взгляд в ответ на чувствительность. Нечего и писать, кроме про себя, а про себя почти нечего.

Сердце, кажется, высохло, и я примирился с мыслью носить костяшку в левой стороне, и ничего. В деревне хорошо, тепло, ясно. Изо всех сил ем, сплю, ничего не делаю, и стараюсь задушить червяка, который там, где-то все хочет бунтовать. Пора успокоиться. Расскажу вам, между прочим, мои новые привязанности в Москве. Это мать и сын Подчаские[2]. Вы их мало знаете; но что это за прелесть — старуха! И сын хороший; тонкой вкус, анализирующий, изящный ум, большое недовольство собой и нежная детская привязанность. С ней я обещался идти к Троице[3] и нарочно для того приеду в Москву. Какая крупная, изящная и нежная натура, и вместе гордая и довольная собой, потому что

* лекарства (*фр.*).

не может найти, чем быть недовольна. Славная. Прощайте. Напишите словечко. Тетинька и сестра вас целуют. Это ничего? Особенно тетинька вас любит. Она всегда знает, где хорошо, и знает не по тем приметам, по которым я, а не ошибается.

Ваш Л. Толстой

11 мая.

34. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

10–16 мая 1859. Петербург – Сергиевское

10 mai. P⟨éters⟩b⟨ou⟩rg

Je ne sais pas, mon cher Léon, pourquoi vous me défendez de répondre à votre lettre et pourquoi vous la trouvez si absurde. Quiconque ne vous connaîtrait pas et surtout quiconque ne se connaîtrait pas soi-même, pourrait peut-être n'y voir qu'un chaos indéchiffrable, mais pour moi, je vous assure, que je vois de l'ordre dans le désordre même. La vie de l'âme de chaque être pensant est aussi faite — c'est-à-dire composée de mille phases singulièrement tranchées et contradictoires entre elles. Ces degrés de l'échelle morale — il *faut* les traverser — cette cruelle gymnastique est indispensable à notre éducation. Grâce au Ciel, votre dernier mot n'est pas encore dit — et quoique vous-vous imaginez que vous ne débouquez plus, croyez-moi, vous trouvererez encore des *mondes* et vous rirez un jour de votre mesquine erreur où l'amour-propre joue un rôle plus grand que je ne le voudrais. Из мира сомнений и колебаний вырабатывается истина — не правда ли? Так будет и с вами. Слава Богу, что вы любите истину — это чувство спасет вас — и за него-то именно я люблю вас. Еще люблю вас за то, что вы недовольны собою. — Дай Боже почаще таких минут — нужды нет, что не имеете слез — эти минуты уже сами собою составляют душевный внутренний плач. Душа по природе своей не любит мрака и тоскует по свету, когда свет от нее удаляется, хотя, большею частью, мы сами тому причиною. —

Мне бы хотелось (ах, как бы хотелось) отвечать на каждый пункт вашего письма, но вы этого не желаете и, я боюсь, опять меня не поймете. Как же это вы в моем последнем письме ничего не нашли, ничего, кроме брани. Не помню, *что* и какими словами я вам писала, но знаю, что писала с больным, то есть любящим, сердцем не для наказания и

даже не для убеждения вашего, а просто от избытка своего волнения. Вы должны знать, что я ласкать не мастерица, особливо в известной принятой форме — je suis caressante à la manière des ours, но для людей *смышленых*, конечно, мои ласки имеют не враждебное значение.

14-го мая. Вот и я засела на первом листе своего письма. Трубная тревога перебивает и уничтожает все мои мысли. С приезда нашей милой Великой Обер-Трубы даже и призрак бывшей свободы исчез совершенно. Я не ворчу — но мне грустно. Действительно, жизнь как будто создана не для подобной тревоги, а сколько еще суматохи впереди. Дня через два переезжаем на дачу, а 10 июня отправляемся за границу, сначала в Спа, а потом в Англию на осень. К зиме вернемся в Россию. Вот предположения, что выйдет из них, неизвестно. Продолжайте писать ко мне *каждую* неделю, адресуя письма в здешний дворец. —

16 mai. Serghieffka. D'après les lambeaux de cette vieille lettre vous verrez au moins que je n'ai pas cessé de *vouloir* vous écrire. Mais j'ai pensé à vous plus souvent encore, quelquefois avec douleur, mais je puis le dire *jamais* avec découragement. Je *sens* que vous sortirez un jour de ce dédale d'obscurités et de fausses routes où vous-vous débattez en tâchant de vous persuader que vous n'avez pas besoin *d'autre chose*. Dieu vous transplantera sur un sol moins aride où votre cœur reprendra toute sa tendresse et sa fraîcheur primitives et remplira enfin sa destination. Ce qui rend votre culpabilité et votre responsabilité si grandes — c'est que vous étiez créé pour le bien et pour le vrai amour. Il y a des cœurs qui naîssent biscuits de mer — que peut-on leur demander? Mais vous! Ce qui m'a frappé dans votre dernière lettre c'est qu'à chaque ligne vous renversez vos propres théories et que malgré vous, pour ainsi dire, mais par cette puissance entraînante de la vérité, vous-vous moquez du côté de la bonne cause tout en prétendant n'y pas croire. Votre profession de foi m'avidement touchée, il y a deux choses seulement que je ne comprendrais jamais. «Dix ans de bonheur sans Dieu et l'Evangile n'offrent ni consolations ni lumières à mon âme *avide* de la vérité». Правда сказать, я этому не совершенно и верю, хотя убеждена, что вы хотели сказать правду. J'ai là-dessus des in-folios dans la tête, mais je veux m'abstenir de la discussion — вы опять скажете, что я хочу надеть детскую курточку на взрослого человека или что деспотизм мой громаднее Монблана. Но неужели вы в самом деле считаете себя за взрослого человека? — А мне вы милы потому именно, что вы еще невежа ребенок, но начинаете чувствовать, что учиться надобно. Впрочем, кто из нас не ребенок в деле мудрости и спасения, и слава Богу, что оно так — от глупых детей меньше

требуется. Знаете ли, что в это последнее время я часто, когда говорила: «Отче наш», останавливалась на словах: *«да приидет Царствие Твое»* и думала об вас и говорила себе: «Как хорошо, как удивительно хорошо будет в этом сердце, когда водворится в нем Царствие Божие — сколько света и теплоты, и душевного мира прольется из него на всех окружающих», и слезы невольно навертывались на глазах при одной этой надежде. Да тут больше, чем надежда, но полная, совершенная уверенность — я *знаю*, что это будет и, может быть, я еще это увижу. —

Вчера мы переехали на дачу, а сегодня в ночь мне что-то вздумалось слегка заболеть. Должна была лежать в кровати и лежа писала к вам. — Дверь отворилась и подают письмо от вас. — Что же, забыты вы, о неблагодарный Лев? Как я рада, что вы сошлись с милой, добродушной, симпатичной Подчаской — напротив того, я очень хорошо ее знаю и люблю, и почитаю сердечно. В ней доброта, какой-то особенный дар, заменяющий все — оттого она мне до сих пор кажется молода и хороша, а ваше прилагательное старуха m'a choqué. Сына ее видала еще ребенком, а к отцу также чувствую некоторую симпатию по дружеской его связи с покойным гр⟨афом⟩ Перовским. Впрочем, знаю его очень мало. Когда пойдете в Троицу, постарайтесь говеть хоть один или два дня — возвратите потерянное, и поверьте мне — тогда только замрет ваш неугомонный червяк прочным образом. Помолитесь также и за меня — я далеко не имею того душевного мира, в котором вы думаете, что я живу. Во мне борьба не с истиною (я в ней так убеждена!), а с своею слабостью и увлечением — вредным его источником, увлечением, которое сама презираю, но от которого отделаться не могу. — Сегодня, не будучи в силах идти к обедне, прочла взамен «Размышления о Божественной литургии» Гоголя и была совершенно восхищена и опять-таки думала об вас и об тех из своих друзей, которым смысл обедни так кажется непонятен. Читали ли вы эту книгу — имеете ли ее? Если нет, дайте я вам пришлю ее — сколько бы я хотела прислать вам еще книг из тех, которые действуют сильно на меня, mais ce sera, direz-vous, de nouveau l'histoire de la jaquette d'enfant ou plutôt de la camisole de force et vous ne la mettez pas volontairement. A propos de livres, savez-vous que votre ci-devant Anna fait fumer — on s'arrache le «Вестник» et on grille d'impatience d'avoir la seconde partie. La G⟨rande⟩-D⟨uche⟩sse en revenant l'autre jour de Zarskoe m'a dit qu'on lui en a parlé de tous côtés avec ravissement, un de ces jours nous allons le lire avec elle, mais en attendant je l'ai lu pour moi-même et je ne puis dire avec quelle jouissance. Je l'ai trouvée imprévu du tout au tout — votre docilité vous a porté bonheur et c'est vraiment mon pe-

tit bijou de sentiment et de naturel. J'avoue que je n'attends pas autant de la 2-ème partie. — Je vous prie de ne pas prendre tout cela comme des consolations — vous savez bien que je n'ai aucune considération pour les amours-propres, mais ce qui est vrai est vrai. —

Nous voilà aussi transportées après les *horreurs* de la ville dans un milieu de verdure et de rossignols — comme c'est reposant! Comment osez-vous dire que je méprise la nature et les rossignols? — Que Dieu m'en préserve! Je n'aurais pas voulu retrancher une seule note à cette admirable harmonie. Si vous saviez comme elle agit sur moi précisément parce qu'elle me fait remonter à *la Source*. Cette année-ci maman ne traversera pas vos contrées — elle va passer l'été à 200 verstes d'ici chez des parents à nous, les Tomiloff qui ont une ravissante campagne sur les bords du Volhoff. И самая лучшая девочка в мире также туда отправляется, и завтра придется с нею прощаться, может быть, надолго, ce qui est un peu dur. Il n'est pas tout à fait clair que nous revenions en Russie pour l'hiver. —

Dépêchez-vous de m'écrire pour que je reçoive encore une lettre avant mon départ et puis continuez à écrire toujours — si vous saviez comme je suis gourmande pour vos lettres. J'espère que les miennes ne sont que pour vous — предавайте их воде, огню или четвертованию. — Благодарите тетиньку и Машиньку за их память — как бы мне хотелось со всеми вами пожить когда-нибудь в тишине — читать и толковать вместе. —

Прощайте, внук, не забудьте еще написать насчет ваших дел — не хочу верить тому, что вы говорите о разорении, — это было бы непростительно. Dormez, mangez, mais secouez-vous, ne vivez pas avec les *manches suspendues* — c'est coupable.

En voilà ma grimoire — il fallait vraiment un accès de fièvre pour salir tout le papier. Tu l'as voulu, Georges Dandin.

На днях явились сюда Филемон и Бавкида. Филемона еще не видала, он в Москве, а Бавкида пополнела и похорошела. Много говорили про вас.

⟨*Перевод:*⟩

10 мая. П⟨етер⟩б⟨ург⟩

Не знаю, дорогой Лев, почему вы не хотите, чтобы я ответила на ваше письмо[1] и почему вы находите его таким нелепым. Любой другой, кто не знает вас, а тем более себя самого, увидел бы в нем, наверное, необъяснимый хаос, но для меня, уверяю вас, виден порядок даже в самом отсутствии его. Духовная жизнь каждого мыслящего сущест-

ва так уж устроена, она состоит из тысячи фаз, обособленных и противоречивых. Это ступеньки моральной лестницы — и *нужно* по ним пройти — эта жестокая гимнастика необходима для нашего воспитания. Слава Богу, ваше последнее слово еще не сказано, и хотя вы воображаете, что больше не выберетесь из тупика, поверьте, вы еще обретете *мир* и однажды посмеетесь над своим мелким заблуждением, где самолюбие, как мне кажется, играет слишком большую роль. *Из мира сомнений и колебаний вырабатывается истина — не правда ли? Так будет и с вами. Слава Богу, что вы любите истину — это чувство спасет вас — и за него-то именно я люблю вас. Еще люблю вас за то, что вы недовольны собою. — Дай Боже почаще таких минут — нужды нет, что не имеете слез — эти минуты уже сами собою составляют душевный внутренний плач. Душа по природе своей не любит мрака и тоскует по свету, когда свет от нее удаляется, хотя, большею частью, мы сами тому причиною. —

Мне бы хотелось (ах, как бы хотелось) отвечать на каждый пункт вашего письма, но вы этого не желаете и, я боюсь, опять меня не поймете. Как же это вы в моем последнем письме[2] ничего не нашли, ничего, кроме брани? Не помню, *что* и какими словами я вам писала, но знаю, что писала с больным, то есть любящим, сердцем не для наказания и даже не для убеждения вашего, а просто от избытка своего волнения. Вы должны знать, что я ласкать не мастерица, особливо в известной принятой форме* — я ласкаю по-медвежьи, *но для людей *смышленых*, конечно, мои ласки имеют не враждебное значение.

14-го мая. Вот и я засела на первом листе своего письма. Трубная тревога перебивает и уничтожает все мои мысли. С приезда нашей милой Великой Обер-Трубы[3] даже и призрак бывшей свободы исчез совершенно. Я не ворчу — но мне грустно. Действительно, жизнь как будто создана не для подобной тревоги, а сколько еще суматохи впереди. Дня через два переезжаем на дачу, а 10 июня отправляемся за границу, сначала в Спа[4], а потом в Англию на осень. К зиме вернемся в Россию. Вот предположения, что выйдет из них, неизвестно. Продолжайте писать ко мне *каждую* неделю, адресуя письма в здешний дворец.* —

16 мая. Сергиевка. По обрывкам этого старого письма вы, по крайней мере, увидите, что мне всегда *хочется* писать вам. А думаю я о вас еще чаще, иногда с болью, но *никогда*, уверяю вас, с унынием. Я *чувствую*, что вы когда-нибудь выберетесь из этого лабиринта неясностей

и ложных путей, в котором вы кружите, стараясь себя уверить, что вам *ничего другого* и не нужно. Господь перенесет вас на более благодатную почву, где ваше сердце обретет изначальные нежность и свежесть и выполнит, наконец, свое назначение. Вашу вину и ответственность увеличивает то, что вы созданы для добра и истинной любви. Есть сердца, которые от рождения просто пена морская, что с них взять? но вы! Что меня поразило в вашем последнем письме, так это то, что в каждой строке вы опровергаете свои собственные теории, и вопреки себе, если можно так выразиться, но вследствие увлекающей силы истины, вы со стороны смеетесь над добродетелью, делая вид, что не верите в нее. Я горячо разделяю ваше исповедание веры, но есть две вещи, которых я никогда не пойму. «Десять лет счастья без Бога и Евангелия не принесли ни утешения, ни просветления душе, *жаждущей* истины». *Правда сказать, я этому не совершенно и верю, хотя убеждена, что вы хотели сказать правду.* У меня на этот счет целые тома в голове, но я воздержусь от спора — *вы опять скажете, что я хочу надеть детскую курточку на взрослого человека или что деспотизм мой громаднее Монблана. Но неужели вы в самом деле считаете себя за взрослого человека? — А мне вы милы потому именно, что вы еще невежа ребенок, но начинаете чувствовать, что учиться надобно. Впрочем, кто из нас не ребенок в деле мудрости и спасения, и слава Богу, что оно так — от глупых детей меньше требуется. Знаете ли, что в это последнее время я часто, когда говорила: «Отче наш», останавливалась на словах: «*да приидет Царствие Твое*» и думала об вас и говорила себе: «Как хорошо, как удивительно хорошо будет в этом сердце, когда водворится в нем Царствие Божие — сколько света и теплоты, и душевного мира прольется из него на всех окружающих», и слезы невольно навертывались на глазах при одной этой надежде. Да тут больше, чем надежда, но полная, совершенная уверенность — я *знаю*, что это будет и, может быть, я еще это увижу. —

Вчера мы переехали на дачу, а сегодня в ночь мне что-то вздумалось слегка заболеть. Должна была лежать в кровати и лежа писала к вам. — Дверь отворилась и подают письмо от вас[5]. — Что же, забыты вы, о неблагодарный Лев? Как я рада, что вы сошлись с милой, добродушной, симпатичной Подчаской[6] — напротив того, я очень хорошо ее знаю и люблю, и почитаю сердечно. В ней доброта, какой-то особенный дар, заменяющий все — оттого она мне до сих пор кажется молода и

хороша, а ваше прилагательное старуха m'a choqué*. Сына ее[7] видала еще ребенком, а к отцу[8] также чувствую некоторую симпатию по дружеской его связи с покойным гр⟨афом⟩ Перовским[9]. Впрочем, знаю его очень мало. Когда пойдете в Троицу[10], постарайтесь говеть хоть один или два дня — возвратите потерянное, и поверьте мне — тогда только замрет ваш неугомонный червяк прочным образом. Помолитесь также и за меня — я далеко не имею того душевного мира, в котором вы думаете, что я живу. Во мне борьба не с истиною (я в ней так убеждена!), а с своею слабостью и увлечением — вредным его источником, увлечением, которое сама презираю, но от которого отделаться не могу. — Сегодня, не будучи в силах идти к обедне, прочла взамен «Размышления о Божественной литургии» Гоголя[11] и была совершенно восхищена и опять-таки думала об вас и об тех из своих друзей, которым смысл обедни так кажется непонятен. Читали ли вы эту книгу — имеете ли ее? Если нет, дайте я вам пришлю ее — сколько бы я хотела прислать вам еще книг из тех, которые действуют сильно на меня,* но это снова будет, скажете вы, история с детской курточкой или, скорее, смирительной рубашкой, а вы ее добровольно не наденете. Что касается книг, знаете ли вы, что ваша Анна наделала шуму — *«Вестник»* вырывают друг у друга и сгорают от нетерпения, ожидая 2-ю часть[12]. В⟨еликая⟩ к⟨няги⟩ня[13], возвращаясь вчера из Царского, говорила мне, что слышала о ней столько восторженных отзывов, на днях будем читать ее вместе с ней, а пока я прочла ее сама с огромным наслаждением. Я нашла ее совершенно неожиданной — ваше послушание принесло вам удачу, и то действительно шедевр по своему чувству и правдивости изображения. Признаюсь, что я не жду того же от 2-й части. — Я прошу вас не принимать это как утешение — вы знаете, что я не придаю никакого значения самолюбию, но что правда, то правда. —

Мы тоже уехали от городского *кошмара* в окружение зелени и соловьев — это так успокаивает! Как вы посмели сказать, что я смеюсь над природой и соловьями? — Храни меня Господь от этого! Мне бы не упустить ни единой ноты из этой дивной гармонии. Если бы вы знали, как она действует на меня именно потому, что заставляет обращаться к *Источнику*. В этом году мамá не будет в ваших краях[14], она проведет лето в 200 верстах отсюда у наших родственников Томиловых, у которых прекрасная деревня на берегу Волхова[15]. *И самая лучшая девочка

---

* меня покоробило (*фр.*).

в мире[16] также туда отправляется, и завтра придется с нею прощаться, может быть, надолго*, что немного тяжело. Не совсем пока ясно, вернемся ли мы к зиме в Россию. —

Поторопитесь написать мне, чтобы я успела получить письмо до отъезда[17], и потом пишите чаще — если бы вы знали, какое лакомство для меня ваши письма. Надеюсь, что мои читаете только вы — *предавайте их воде, огню или четвертованию. — Благодарите тетиньку и Машиньку за их память — как бы мне хотелось со всеми вами пожить когда-нибудь в тишине — читать и толковать вместе. —

Прощайте, внук, не забудьте еще написать насчет ваших дел — не хочу верить тому, что вы говорите о разорении[18], — это было бы непростительно*. Спите, ешьте, но встряхнитесь, не живите *спустя рукава* — это непростительно.

Вот вам моя тарабарщина — поистине нужен был приступ лихорадки, чтобы испачкать всю бумагу. Ты этого хотел, Жорж Данден[19].

На днях явились сюда Филемон и Бавкида[20]. Филемона еще не видала, он в Москве, а Бавкида пополнела и похорошела. Много говорили про вас.

35. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

16 мая 1859. Ясная Поляна

А я все-таки пишу вам. Но пишу неспокоен[1]. Не провинился ли я? Или, что гораздо хуже, нет ли у вас горя какого? Не больны ли кто из ваших или вы сами? Пожалуйста, напишите, что все обстоит благополучно, и я успокоюсь и не стану надоедать вам. Уж не уехали ли вы за границу[2], не написав мне строчки? Это было бы дурно. Тогда бы я был сразу квит с вами за все мои грехи. А как бы мне теперь нужно, радостно бы было получить письмецо от вас, так грустно, сухо, холодно. Весна, а плохо жить на свете — в первый раз со мной случается[3]. Я вас вызываю возможностью сделать доброе дело. Прощайте. Жму вашу добрую руку и все-таки жду письма[4].

Ваш Л. Толстой

16 мая.

36. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

21 мая 1859. Сергиевское

Милый, добрый Лев — жаль мне, что вы беспокоились напрасно, а между тем я рада, что вы беспокоились, мне так тепло от вашей дружбы, но я даю столько же, и вряд ли вам удастся уловить меня. Je comprends si bien les susceptibiltés de l'amitié que j'ai toujours cherché, autant que possible, à éviter ces petites souffrances à mes amis.

Maintenant vous avez dû recevoir ma longue lettre. Vous n'y trouverez rien que ma grande et réelle affection pour vous — c'est quelque chose, je le sais bien, et ce qui me fait plaisir à moi, c'est que je sens que mon affection est d'une bonne qualité maternelle, profonde, sérieuse et le moins personnelle possible. Je ne suis pas comme cela pour tout le monde et voilà pourquoi je trouve que vous avez raison de m'aimer. Это единственная уважительная причина. Les autres raisons (les vôtres) me semblent plus ou moins mensongères et je n'aime pas à ⟨me⟩ tromper quoique je le fasse souvent presque à mon insu. —

Vous voyez, mon cher ami, que j'ai eu raison, il vient un moment où la nature *seule* ne peut pas remplir votre âme, et quoique vous désirez c'est un bon moment, c'est celui où l'on cherche Dieu *en esprit et en vérité*. Je mets mille fois plus de prix à votre misère et sècheresse actuelles qu'à tous vos enthousiasmes.

La variabilité de votre humeur et la dépendance où vous étiez de chaque rayon de soleil est la meilleure preuve que vous ne viviez que de la vie extérieure et que le *foyer* était désert. Je suis comme vous, beaucoup plus que vous ne le pensez. Mais je crois que je cherche d'une manière plus continue et plus consciencieuse — j'ai aussi le bonheur d'être mieux secourue que vous. Avec quelle joie j'ai retrouvé ma bonne vieille старушка dans sa poétique maisonnette au bord de la mer cachée dans les arbres — j'y vais de nouveau tous les jours — rien ne c'est émoussé — le cœur me bat quand je m'en approche et la chère respectable figure de ma vieille amie rayonne de joie quand j'arrive. Quelle plénitude dans cette relation, jamais une minute de fatigue ni d'ennui et pourquoi? Répondez vous-même à cette question. J'ai vu arriver dans cette chambre bénie des gens du monde véritablement desséchés par la vie et sortir de là émus, pénétrés, raffraichis, rêvant avec délices à une autre existence — y croyant enfin. Encore une fois je vous le demande pourquoi? Il n'y a là ni sagesse humaine, ni science, ni esprit extraordinaire, ni controverses religieuses — il n'y a que l'amour pour le Sauveur et de là une tendresse

dévorante pour l'humanité entière et pour chaque être en particulier. Право, право, этого словами передать невозможно — но сколько глубоких жизненных тайн открылось у меня в душе под этим влиянием. — Et comme vous auriez subi cette influence, si je pouvais vous jeter dans ce milieu. —

Je ne voulais vous dire qu'un demi-mot et voilà que je bavarde de nouveau avec vous au lieu de payer des dettes épistolaires criantes qui pèsent sur ma conscience. — La campagne est délicieuse, mais je languis après mes amis et mes soirées de P⟨éters⟩bourg. M-me Maltzeff et Boris valaient bien les rossignols et cependant les rossignols cette année-ci sont merveilleux. Il y en a un entre autres tout près de ma fenêtre qui est incroyable — un contralto exercé avec des mélodies tellement variées que je tombe en extase. D'où vient-il et quel cœur d'oiseau pourrait lui résister, puisqu'il fait battre celui d'une vieille femme. Adieu, mon cher, cher Léon, que le Seigneur soit avec vous!

21 mai.
Serghieffka.

⟨*Перевод:*⟩

Милый, добрый Лев — жаль мне, что вы беспокоились напрасно, а между тем я рада, что вы беспокоились, мне так тепло от вашей дружбы, но я даю столько же, и вряд ли вам удастся уловить меня. Я слишком понимаю чувствительность дружбы, а потому стремлюсь всегда, насколько это возможно, не доставлять моим друзьям этих маленьких неприятностей.

Теперь вы, должно быть, уже получили мое пространное письмо[1]. Вы не найдете в нем ничего, кроме моей большой и искренней привязанности к вам, — это тоже немало, поверьте; к тому же мне особенно приятно сознавать, что моя привязанность имеет добрые материнские свойства — она глубока, серьезна и менее всего эгоистична. Я не могу быть такой для всех, поэтому я нахожу, что у вас есть причина меня любить. *Это единственная уважительная причина*. Другие причины (ваши) кажутся мне отчасти ложными, а я не люблю обманываться, хотя со мной это часто случается, почти безотчетно. —

Видите, милый друг, я права: наступают минуты, когда *одна* лишь природа не может более наполнять вашу душу, и что бы вы ни говорили, это прекрасные минуты, когда ищешь Бога в *духе и в истине*. Я в тысячу раз более ценю ваши нынешний холод и сухость, чем все ваши восторги.

Изменчивость настроения и зависимость от каждого солнечного луча есть лучшее доказательство, что вы жили только внешней жизнью и что *нутро* ваше было пусто. Я похожа на вас, даже больше, чем вы думаете. Но мне кажется, что я ищу более последовательно и добросовестно, и поэтому мне дается большая помощь, чем вам. Как рада я была встретиться вновь с моей доброй *старушкой*[2] в ее поэтическом домике на берегу моря, утопающем в зелени деревьев. Я снова прихожу туда всякий день — как и прежде, мое сердце бьется, когда я к нему приближаюсь, и милое благообразное лицо моей старенькой приятельницы сияет от радости при моем появлении. Какая полнота чувств в этих отношениях — ни малейшей усталости, ни скуки — и почему? Ответьте сами на этот вопрос. Я видела, как в это благословенное жилище приходили светские люди, поистине высушенные жизнью, и выходили оттуда взволнованными, освеженными, мечтающими с отрадой о другом существовании, обретя наконец веру в него. Еще раз спрашиваю вас: почему? Здесь вы не найдете ни особой человеческой мудрости, ни учености, ни выдающегося ума, ни религиозных споров — одна лишь любовь к Спасителю и через нее всепоглощающая нежность ко всему человечеству и к каждому отдельному существу. *Право, право, этого словами передать невозможно — но сколько глубоких жизненных тайн открылось у меня в душе под этим влиянием*.— И если бы вы могли испытать это влияние, если бы я могла окунуть вас в эту среду. —

Я хотела сказать вам всего полслова и вот снова болтаю с вами, вместо того чтобы освободиться от вопиющих эпистолярных долгов, висящих на моей совести. — В деревне восхитительно, но я скучаю по моим петербургским друзьям и вечерам. Мальцева и Борис[3] вполне заменяли мне соловьев, хотя и соловьи в этом году великолепны. Есть среди прочих один, совсем возле моего окна — просто невероятное, совершенное контральто, заливается такими разнообразными трелями, что я прихожу в полный восторг. Откуда он взялся и разве может устоять перед ним сердце птицы, если он заставил биться сердце старой женщины? Прощайте, милый, милый Лев — Господь с вами.

21 мая.
Сергиевка.

37. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

12 июня 1859. Ясная Поляна

Как я рад и благодарен был за ваше письмо[1], милый друг бабушка, а недели две не писал именно от того, что был рад, и скверный эгоист успокоился. Чего же еще надо? — Еще и то, что я знаю, вы теперь так далеко, это мне немного грустно. Знаете, какое чувство возбуждают во мне ваши письма (некоторые, как последнее, в которых вы обращаете меня), как будто я ребенок больной и неумеющий говорить, и я болен, у меня болит грудь, вы меня жалеете, любите, хотите помочь, и примачиваете бальзамом и гладите мне голову. Я вам благодарен, мне хочется плакать и цаловать ваши руки за вашу любовь и ласку и участье; но у меня не тут болит, и сказать я не умею и не могу вам.

Я все живу в деревне, в Троицу не пошел[2] от дел, которые, как ни противны мне, совсем овладели мной. Вы приняли слишком au pied de lettre* то, что я разоряюсь[3]. Я не могу разориться, потому что один, и умею (с гордостью говорю) сам заработать свой хлеб. Я забавляюсь или, скорей, стараюсь отуманиться, забыться в занятиях делами, хлебопашеством, которое, хотя я и люблю, и не умею, — не довольно сух, чтобы вести выгодно. Ежели бы вы были в России, я бы вам прислал «Scenes of clerical life» Elliot'a; но теперь только прошу прочесть, особенно «Jenet's repentance»[4]. Счастливы люди, которые, как англичане, с молоком всасывают християнское ученье, и в такой высокой, очищенной форме, как Евангелический протестантизм. — Вот и нравственная и религиозная книга, но которая мне очень понравилась и сделала сильное впечатление, — *сильное* — солгал; ничто уж на меня не производит сильного впечатленья — засох. — Ежели вам свободно и нескучно, напишите мне[5] о себе, где вы? Как устроились, какие новые и сильные впечатления, вы способны и всегда будете способны их чувствовать, только это не от того, от чего вы думаете, а от того, что вам Бог дал такую натуру, которой я, по крайней ⟨мере⟩, не встречал другой. — Прощайте, добрая, милая помощница и просветительница, пожалуйста, еще и еще погладьте меня по голове, потрите бальзамом, хоть не тут болит, но очень хорошо мне от этого. —

Л. Толстой

---

* буквально (*фр.*).

12 июня. — Дни убавляются с нынешнего дня. А для меня без пользы и без счастья уж сколько убавилось дней, и всё еще и еще убавляются, а всё кажется, что на что-то можно бы их употребить.

38. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

4 (16) июля 1859. Спа

Спа. 4/16 июля 1859

Il y a vraiment de bien bonnes conditions attachées à une amitié réelle. On se fait mutuellement plaisir sans trop savoir pourquoi et comment. Vous dites que mes lettres vous font du bien et les vôtres donc! Ce sont de vrais bonbons pour mon cœur — bonbons parfois amers et peu digestes, mais je les aime tels quels. La dernière du 12 juin est venue me trouver ici — je l'attendais depuis longtemps. Tant que durera mon absence, je vous supplie de ne pas vous départir de la magnifique exactitude que vous avez déployée ces quelques derniers mois. Dès que je mets le pied hors de Russie le besoin d'avoir des lettres de par là devient comme une soif maladive et quoique vous ne me permettiez pas d'être triste et que vous-vous imaginez que je vis dans un état de béatitude et de contentement non interrompu tirant jouissance de tout, je suis fâchée d'avoir à vous dire que c'est pour l'heure juste le contraire. Трудно, тяжело мне было расставаться с друзьями, и до сих пор на мне как будто что-то лежит, чего я стряхнуть не могу. Вижу перед собой новое проявление Божиих прелестей, но вижу только глазами, а душа как будто не открыта к прежним наслаждениям. Не могу выразить иначе, во мне точно *внутренний туман*. А Спа — место отличное — большая простота в природе — долина — небольшие, но живописные горы, покрытые сверху донизу деревьями и прорезанные чудными дорожками — а внизу во все направления бесконечные липовые аллеи, которые тенью своею заграждают солнце, а запахом наполняют воздух. — Гуляя по ним, мне часто приходит в голову, что как бы хорошо взять под руку самого лучшего человека в мире и идти с *ним* или с *нею* по этим аллеям долго, долго — пожалуй, хоть до вечности. Нужды нет, что в гору и подчас трудно — то и хорошо, что трудно — рядом друг, а впереди цель, и какая цель. Устанешь, уморишься — а тут ветерок повеет, а вечером месяц светит так нежно. Такая прогулка еще возможна для вас, милый друг, — и при таких данных сердце заглохнуть не может — это неправда, и я настаиваю на этом с свойственным мне деспотизмом. Бог так все отлично

устроил, что для души (qui doit être la partie prédominante de notre être) еще более пищи, чем для тела. Голодает только тот, кто *хочет* голодать ou qui mange des choses indigestes après lequels il est malade. — Как вы ни говорите, что у вас болит тут, а не там, но я остаюсь при своей мысли, как старый и опытный воробей. Да вы и не судья своей немощи — редко больной может сказать причину своей болезни. — Si cela vous fâche — qu'y puis-je faire et pourquoi alors ne me dites-vous pas le mal qui vous fait souffrir? Y a-t-il une chose au monde que vous ne puissiez me dire avec une entière confiance. — Je comprendrais tout, même si vous ne l'indiquez que légèrement. Oui, vous avez raison, j'ai précisément pour vous le sentiment qu'on éprouve pour un enfant malade — c'est une grande tendresse, mêlée d'une grande pitié — et d'autant plus grande que j'ai passé moi-même par cette maladie — je sais ce qu'elle comporte d'angoisses, d'abattements, de fiévreuses illusions qui changent d'aspect à toutes minutes et qui laissent une fatigue mortelle. А все *дело* в том, что мы не *хотим* лечиться или лечимся недобросовестно — abandonnant la médecine au moment où elle aurait pu achever notre guérison. Voilà comme je fais moi-même et c'est à cela uniquement que j'attribue toutes mes défaillances. On peut se consoler de ne pas être heureux — mais on ne *peut pas* se résigner à être mauvais. Ceci est un fait et j'espère que cette fois-ci au moins vous serez de mon avis. —

Figurez-vous que «Janet's repentance» a été la dernière chose que j'ai lue avant de quitter la Russie et pendant que je lisais cette ravissante histoire vous étiez tellement présent à ma mémoire que ne pouvant vous envoyer le livre qui ne m'appartenait pas — j'ai voulu au moins vous copier quelques passages, mais le temps m'a manqué. Je croyais même vous l'avoir dit dans une de mes lettres. Voyez, mon cher ami, comme vous êtes rempli de contradictions, si vous enviez tellement ceux qui ont sucé la religion avec le lait de leur nourrice. Vous convenez donc que la chose est bonne par elle-même, indispensable. Mais par bonheur et par une grâce toute spéciale de l'amour de Dieu pour le pêcheur, on peut se rattraper à tout âge, et combler toutes les lacunes de l'éducation première, si par malheur elle n'a pas été dirigée dans ce sens. Oui, les Anglais et en général les protestants ont là-dessus un grand avantage sur nous — mais cela tient à tout l'arrangement de leur existence et non à la *bonté* de leur religion. Ils n'ont rien *de plus* que nous (beaucoup de choses de moins au contraire), mais ils font un meilleur usage de ce qu'ils possèdent. Comme mon cœur s'est serré à cette phrase de votre lettre sur le protestantisme, comme j'ai soupiré en pensant combien elle est méconnue, notre chère, admirable orthodoxie. Du reste, vous ne la *méconnaissez* pas, mais simplement vous ne la connaissez pas du tout et cependant vous permet-

tez de faire les comparaisons à son désavantage. Est-ce juste? C'est encore le jugement de l'enfant malade. —

Les Russes qui envient l'organisation des autres confessions me font l'effet de gens qui iraient prendre des sacs de cuivre dans la poche du voisin tandis qu'ils possèdent eux-mêmes des coffres remplis d'or dont ils ignorent l'existence ou dont ils ne veulent pas faire usage.

Впрочем, не будем про это говорить. А я здесь плачу по Церкви — хожу то в англиканскую, то в католическую, но в одной мне холодно, а в другой минутами даже неприятно. —

Недели через две или три мы отправляемся в Англию. Пишите мне туда прямо par P⟨éters⟩bourg en Angleterre — Devonshire, Torquay — n'oubliez pas d'ajouter à mon nom: d-lle d'honneur de S. A. S. M-me la G. D-sse *Marie de Russie*. Ne vous laissez pas décourager par la longueur de l'adresse. De cette manière vous pourrez m'écrire jusqu'au mois de septembre ou même d'octobre, et d'ailleurs je prendrai mes mesures pour que mes lettres me suivent. La paix étant conclue il n'est pas probable que nous rentrions en Russie pour l'hiver. Dans tous les cas je vous tiendrai au courant, mais vous, je vous en prie, ne faites pas le paresseux — vous ne sauriez assez me parler de vous-même.

Adieu, mon cher garçon, embrassez pour moi tous les vôtres — comme je voudrais que vous alliez à Loubianky. Там много хорошего. — Que Dieu veille sur vous — je vous recommande souvent à Lui.

⟨*Перевод:*⟩

Спа. 4/16 июля 1859

В самом деле, настоящей дружбе все идет на благо. Друзья доставляют друг другу радость, даже не задумываясь, как и почему это получается. Вы говорите, что мои письма нужны вам. Ну, а ваши — настоящие конфетки для моего сердца, конфетки иногда горькие и неудобоваримые, но я люблю их такими, каковы они есть. Последнее ваше письмо от 12 июня нашло меня здесь — как долго я его ждала[1]. Поскольку мне предстоит долго оставаться заграницей, я умоляю вас не выходить из вашей великолепной пунктуальности, которой вы отличались в последние месяцы. С тех пор как я шагнула за пределы России, потребность иметь оттуда письма стала подобна болезненной жажде, и хотя вы не позволяете мне быть грустной и воображаете, будто я живу в состоянии блаженства и довольства, непрерывного наслаждения всем и вся, я должна с досадой признаться, что это далеко не так.

*Трудно, тяжело мне было расставаться с друзьями, и до сих пор на мне как будто что-то лежит, чего я стряхнуть не могу. Вижу перед собой новое проявление Божиих прелестей, но вижу только глазами, а душа как будто не открыта к прежним наслаждениям. Не могу выразить иначе, во мне точно *внутренний туман*. А Спа — место отличное[2] — большая простота в природе — долина — небольшие, но живописные горы, покрытые сверху донизу деревьями и прорезанные чудными дорожками — а внизу во все направления бесконечные липовые аллеи, которые тенью своею заграждают солнце, а запахом наполняют воздух. — Гуляя по ним, мне часто приходит в голову, что как бы хорошо взять под руку самого лучшего человека в мире и идти с *ним* или с *нею* по этим аллеям долго, долго — пожалуй, хоть до вечности. Нужды нет, что в гору и подчас трудно — то и хорошо, что трудно — рядом друг, а впереди цель, и какая цель. Устанешь, уморишься — а тут ветерок повеет, а вечером месяц светит так нежно. Такая прогулка еще возможна для вас, милый друг, — и при таких данных сердце заглохнуть не может — это неправда, и я настаиваю на этом с свойственным мне деспотизмом. Бог так все отлично устроил, что для души* (которая должна быть преобладающей частью нашего существа) *еще более пищи, чем для тела. Голодает только тот, кто *хочет* голодать* или кто ест неудобоваримую пищу, после которой делается больным. — *Как вы ни говорите, что у вас болит тут, а не там, но я остаюсь при своей мысли, как старый и опытный воробей. Да вы и не судья своей немощи — редко больной может сказать причину своей болезни*. — Если это вас сердит, что же я могу тут поделать и почему вы сами не называете недуг, от которого страдаете? В целом мире нет такой вещи, которую вы не могли бы мне сказать с полным доверием. — Я пойму тотчас, если вы хоть слегка намекнете. Да, вы правы, я испытываю к вам такое же чувство, какое испытывают к больному ребенку — это большая нежность, смешанная с большой жалостью — тем более что я сама прошла через эту болезнь. Я знаю, какую она приносит тоску, изнеможение, лихорадочные видения, меняющиеся каждую минуту и оставляющие после себя смертельную усталость. *А все *дело* в том, что мы не *хотим* лечиться или лечимся недобросовестно*, забывая о медицине в тот момент, когда она могла закончить наше исцеление. Я сама такова, и это единственное, за счет чего я отношу все мои недомогания. Можно смириться с тем, что ты несчастлив, но *нельзя* смириться с тем, что ты дурен. Это факт, и я надеюсь, что хотя бы в этом вы согласитесь со мной. —

Представьте себе, что последняя книга, которую я прочла перед отъездом из России, была «Janet's repentance»[3]. В то время когда я читала эту восхитительную историю, вы неотступно присутствовали в моей памяти, и, не имея возможности прислать вам книгу, которая не мне принадлежит, я хотела, по крайней мере, переписать для вас несколько отрывков, но у меня не было времени. Мне кажется даже, что вам это обещала в одном из моих писем[4]. Ах, милый друг, как вы полны противоречий, если так завидуете тем, кто впитал религию с молоком матери. Вы полагаете, что это хорошо само по себе и безусловно необходимо. Но к счастью и по особой Божией милости и любви к грешникам, возможно наверстать упущенное в любом возрасте и восполнить пробелы первоначального воспитания, если оно, к несчастью, не было верно направлено в этом смысле. Да, англичане, как и все протестанты, имеют тут по сравнению с нами большое преимущество, но это касается всего традиционного уклада их жизни, а не является *преимуществом* их религии. Они не имеют *более того*, что мы имеем (в большинстве случаев, напротив, менее того), но они распоряжаются наилучшим образом тем, чем обладают. Как мое сердце сжалось от этой фразы по поводу протестантизма в вашем письме — как я вздыхала, думая о том, насколько еще остается непонятым наше замечательное православие. Впрочем, вы не просто *не понимаете* его, а совсем не знаете и, однако, позволяете себе делать сравнения не в его пользу. Справедливо ли это? Это опять суждения больного ребенка. —

Русские, которые завидуют организации чужих религий, производят на меня впечатление людей, готовых вытащить медный грош из кармана соседа, в то время как сами обладают сундуком, полным золота, не подозревая о его существовании или не желая употребить его в дело.

*Впрочем, не будем про это говорить. А я здесь плачу по Церкви — хожу то в англиканскую, то в католическую, но в одной мне холодно, а в другой минутами даже неприятно. —

Недели через две или три мы отправляемся в Англию. Пишите мне туда прямо* — через П⟨етер⟩бург в Англию — Девоншир, Торки — не забудьте добавить к моему имени: ф⟨рейли⟩не Е⟨е⟩ И⟨мператорского⟩ В⟨ысочества⟩ В⟨еликой⟩ к⟨нягини⟩ *Марии Российской*. Пусть вас не обескураживает такой длинный адрес. Туда вы можете мне писать до сентября и даже до октября, а потом я позабочусь, чтобы мои письма доставлялись ко мне. Поскольку мир заключен[5], мы вряд ли вернемся на зиму в Россию[6]. Во всяком случае, я буду держать вас в курсе сво-

их перемещений, но и вы, прошу вас, не будьте ленивцем, пишите мне больше о себе.

Прощайте, мой милый мальчик, обнимите за меня всех ваших. Как бы мне хотелось, чтобы вы побывали в Лубянках. *Там много хорошего*. Храни вас Господь, я часто поручаю вас Его милости.

⟨*На конверте:*⟩

Russie, par St-Pétersbourg à
Toula.
Его Сиятельству
Графу Льву Николаевичу
Толстому.
В Тулу.
Оттуда в Ясную Поляну.

39. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

12 октября 1859. Ясная Поляна

Я узнал о вашем горе[1], любезный друг Alexandrine, не от Кат⟨ерины⟩ Ник⟨олаевны⟩[2], а от постороннего, равнодушного человека, и мне страшно за вас стало, когда я услыхал это. Это было на охоте, адреса вашего не было, не верилось, что правда, да и некогда было. Третьего дня, возвращаясь к себе, я думал опять о вас, хотел писать, и тут нашел письмо К⟨атерины⟩ Н⟨иколаевны⟩. Понимаете, как это всё кстати вышло. Ездил я последнее время на охоте с одним г-ном Борисовым, женатым на сестре Фета[3], о которых я вам говорил, кажется. Борисов — одно из самых милых, нежных, любящих и симпатических и вместе почему-то возбуждающих сострадание существ, которых я когда-либо встречал в жизни. Маленький, с добрыми глазами, робкой улыбкой и нерешительными движениями, но, несмотря на то, человек твердый и непоколебимой в деле справедливости и честности. Отец его был злодей, повешенный своими мужиками, мать кроткая, загнанная женщина[4]. Он рос у Новосильцева[5], П⟨етра⟩ П⟨етровича⟩, и там вел жизнь загнанного воспитанника. С детства он еще влюбился в соседку, хорошенькую, одних лет девочку, сестру Фета, и не переставал ее любить никогда. Он делал предложенье, ему отказали, он уехал служить на Кавказ, и везде, где ни был, его любили и уважали, но он ничем не радовался, только думал о том, что авось когда-нибудь его примут. Через 10 лет он вернулся, ее

отец умер[6], он опять сделал предложенье, но теперь она отказала, она любила другого[7]. Он в тот же день выстрелил себе в голову, но пистолет осекся, и его спасли и уговорили жить и надеяться. Он опять уехал служить во время войны. Везде жил честно, в строгом смысле, что так редко при кадетском воспитаньи, везде был храбр и скромен. Он религиозный человек. Опять через 3 года он попробовал, и опять ему отказали. Но с девушкой в это время случилось несчастье, она сходила с ума и вылечилась, и доктора сказали, что ежели она не выйдет замуж, сумашествие может возвратиться. Бог знает, просьбы ли родных, несчастная любовь или постоянство Б⟨орисова⟩, но она согласилась неохотно, холодно[8]. Б⟨орисов⟩ верил в себя и женился. Через год у них родился славный ребенок[9]. Я два года их видел, и это единственное счастливое супружество, которое я видел в жизни. Она оценила, полюбила его, и он в первый раз в жизни в 35 лет расцвел. Улыбка не сходила у него с лица, ему всем хотелось рассказать про свое счастье: первая жена, первый ребенок в мире были его. Это было наслажденье смотреть на него и, на минуту увидав его, вы бы сказали: вот счастливый человек. И это был тот самый Б⟨орисов⟩, который два года тому назад был мил и жалок, жалок. Он охотник. Мы условились с ним осень ездить вместе[10]. Жена его и ребенок с братом Фетом поехали в Москву. В первый раз они разлучались на месяц. Надо было видеть эти заботы, эту любовь до последней мелочи, это самодовольство, что он может перенести разлуку. Мы ездили с ним две недели, и на охоте я его полюбил и стал уважать и восхищаться им еще больше. 3 октября мы ⟨в⟩ самом веселом духе пришли в деревню Тургенева с охотой. — Он был весел, мил, выпил немного и советовал мне жениться, уверяя, что только тогда — есть счастье, жизнь, и что он не может быть счастливее. Мы легли спать в 2-х комнатах рядом. Когда все затихло, я не мог спать от разных приятных мыслей о нем. Ко мне пришел на цыпочках Тургенев с письмом от Фета[11], которое он только что получил и в котором Фет пишет, чтобы отыскать Б⟨орисова⟩ и объявить ему, что его жена с приезда в Москву в самом ужасном сумашествии и безнадежном, как говорят доктора. На другой день Борис⟨ов⟩ пришел ко мне, переваливаясь на своих коротеньких ногах, с улыбочкой, потирая руки и уговаривая скорей седлать, что погода хороша и отличное поле будет. И я должен был сделать ему эту ужасную операцию — и сделал ее, и до сих пор мороз по коже, как вспомню эту минуту. Разумеется, он ускакал тотчас же; но я знаю, что положение ее ужасно; она, как большая часть сумашедших женщин, чем

они чище и нравственнее, тем в сумашествии цинично-безнравственнее, наглее. Ужасно! И Фет пишет, что теперь нет надежды. —

Да, мой друг, ваше — горе и это — горе, и с таким злым, изысканным горем велит Бог жить людям. Вот все, что могу сказать вам о вашем горе, которому, вы знаете, что я сочувствую всей душой. Особенно мне жаль вашу бедную маминьку. В ваши года еще вы сами для себя интересны, еще есть для вас счастливые заблуждения, еще сверстники и сверстницы ваши вам любезны, а в ее года любят в последний раз и любят не взрослых, готовых, оконченных, а любят надежду, задатки чего-то, что должно пережить нас самих. Она любила так вас — дочерей, когда вы были очень молоды, но теперь, я уверен, что Пашу она любила больше всех вас. Мне кажется так. Что вы делаете? Как отозвалось на вас это несчастье? Кто там ваши друзья? Вы полюбили Ростовцева[12]. Я очень рад этому. Он славный. В нем есть что-то такое, к чему боишься подходить грубо. Что-то благородное и тонкое, нежное. Я в сношениях с ним всегда чувствовал это приятное уважение и осторожность. — Об себе сказать не могу ничего хорошего. Гордость, лень и скептицизм продолжают владеть мною. Но я продолжаю бороться, все еще надеюсь быть лучше, чем есть. Как бы хотелось побыть, поговорить с вами. Послушать, как вы говорите о своем горе, помолчать, глядя на вас, и порадоваться на себя, что я еще не совсем негодный человек, коли вы меня любите. Прощайте. Христос с вами. —

Л. Толстой

40. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

1 (13) декабря 1859. Ницца

Nice. 1/13 décembre 1859

Je venais d'arriver à Paris quand j'ai reçu votre lettre, mon cher Léon. Il ne fallait pas songer à y répondre alors — j'ai vécu pendant un mois dans un vrai tourbillon — je dirais dans un horrible tourbillon qui à quelques exceptions pris ne m'a laissé que des souvenirs de cauchemar. Au lieu d'être distraite j'ai senti mon cœur encore plus désolé et abattu et je ne retrouvais rien de ce qui calme et attendrit d'une manière bienfaisante*. — Не было росы

* Ницца. 1/13 декабря 1859.
Я едва приехала в Париж, как получила ваше письмо, мой милый Лев. Нельзя было и думать об ответе в то время: в продолжение месяца я жила в настоящем кругово-

на сердце. — Зато теперь в Ницце плачу досыта и радуюсь, что опять могу плакать и сколько-нибудь молиться. Ах, как сильно перевернул меня рассказ ваш о Борисове[1]. Это чужое, незнакомое горе отозвалось, как будто свое. Пожалуйста, напишите мне продолжение. Я всё надеюсь, что болезнь жены пройдет — у него в прошедшем такой задаток горя — неужели горем и окончится? Дай Боже, чтобы и ребенок его остался жив[2], и да подкрепит Бог это любящее и горячее сердце. Странное дело — знаешь сам, сколько есть в несчастии спасительного и очищающего, а между тем душа возмущается и *скорбит смертельно* и за себя и за других. — Quelle terrible disproportion entre ce qui nous attache à la terre et nos vagues tendances vers le Ciel. C'est là-dedans peut-être qu'on pourrait trouver l'explication des épouvantables tortures de notre cœur quand Dieu lui demande un sacrifice! et quelle doit être notre misère pour nécessiter de *pareilles* opérations!*

Слава Богу, никто из нас не усумнился, потеряв самое драгоценное — воля Его была ужасна для нас, слабых — убитых горем — но она все-таки свята и невыразимо прекрасна. *Знаю, верю — люблю* — всё это есть в сердце — но отзывается еще в нем каким-то отдаленным и как будто невнятным звуком. Пока не переступишь на *тот* берег с живительною, всевоскрешающею верою, — томлению и тоске нет конца. Но эту веру может дать Он один — и тогда только не будет разъединения нашей воли с Его волей — а это-то и причина наших страданий. Покамест стараюсь держаться крепко за одно главное утешение. *Она* спасена — *она* блаженна и никогда не узнает ни горя, ни зла. — Но и это часто исчезает из виду, и жизнь тяготит крепко — всё как будто потухло — c'est le mot**. Вы правы насчет маминьки, и мы все сначала думали только об ней, но Софиньку, может быть, еще жальче. По всем вероятностям, ей придется жить долее, а *доживать* так долго очень трудно. — Если будете в П⟨етер⟩бурге, ходите к ним — вы и без слов можете их утешить[3] своим

роте, который, только за несколькими исключениями, оставил во мне впечатление кошмара. Вместо того чтобы отвлечься, я почувствовала в сердце еще больше горя и тоски и не находила ничего, что бы его тронуло и успокоило и благотворно на него подействовало (*фр.*).

* Какое ужасное несоответствие между тем, что привязывает нас к земле, и нашим смутным стремлением к небу. В этом, может быть, находится объяснение жестоких терзаний нашего сердца, когда Бог просит у него жертвы! и каково должно быть наше ничтожество, если необходимы *такие* испытания! (*фр.*)

** это к слову (*фр.*).

истинным сочувствием. Когда я думаю о Петербурге, то вижу перед собою только мрак и темноту, а всего мрачнее в этом бедном доме, куда они должны были возвратиться без *нее*. Как хотелось нам перетащить их в Ниццу — здесь небо такое сияющее, такое радостное. Я им любуюсь не как земным явлением, но как истолкованием или, лучше сказать, предчувствием другого, светлого мира. Это трудно передать словами, но в большой скорби вся природа принимает другой смысл. —

Кажется, я писала вам в последний раз из Спа[4]. С тех пор мы пробыли три месяца в Англии, и большею частью в Торки, в Девоншире. Удивительный уголок на берегу моря. Так было хорошо — тихо и уединенно, почти никаких знакомых, но друзья — Мальцева и Новицкая, урожденная гр⟨афиня⟩ Адлерберг — чудное существо, с которым я давно была дружна; ее присутствие было для меня настоящим спасением — несколько лет тому назад она испытала то же самое несчастие[5]; мы совершенно понимали друг друга, но душа ее, высокая и чистая, далеко опередила меня на пути самоотвержения, и мне сладко было любоваться ею и надеяться, что, может быть, когда-нибудь и меня Господь доведет до подобного смирения и упования.

В Париже и Compiègne пробыли всего месяц, а в Ницце останем⟨ся⟩, кажется, всю зиму. Здесь также довольно смирно, но не то, что в Англии, да и друзей моих уж нет со мной. Мальцева уехала в Россию, а Новицкая осталась в Париже, где живет уже три года для своего здоровья. Когда-то и вы, милый друг, замышляли приехать на зиму в Италию вместе с Marie[6]. Отрадно было бы с вами повидаться, но что помышлять о невозможном, да и слава Богу, если здоровье Marie этого уже более не требует. Напишите мне про нее и про всех вас — и про себя побольше. Есть ли какие новые планы и занятия? Вы, милый друг, не дурной, но весьма ленивый и непоследовательный человек. Это-то вас и тревожит, потому что вы обмануть себя не можете и чувствуете глубоко, что призваны к чему-нибудь иному. Но приступить к делу истинным образом не хотите — не так ли?

Впрочем, может быть, это так и должно быть. — Процесс усовершенствования в каждом человеке совершается различно. — Поскитавшись — поискав того и другого и не удовлетворившись ничем, вы, вероятно, наконец и дойдете до правды. Доброе и бессознательно христианское ваше сердце прибьет вас к пристани. В этом я не сомневаюсь. — Ростовцев мне много напоминал вас[7] — сначала я, кажется, за то его и полюбила, почти те же качества и те же недостатки.

Только здоровье его плохо — зиму он проведет в Париже. Прощайте, милый друг, пишите прямо в Ниццу — Nice — Villa Bermond.

Поклонитесь от меня доброй тетушке и милой Marie. Que Dieu vous garde tous. Ma sœur va bien et s'occupe plus que jamais de son devoir qui grâce à Dieu remplit sa vie*. —

A.

1860

41. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

17 (29) октября 1860. Гиер

17/29 октября

Я вас потерял из виду, любезный друг Alexandrine, потому что уехал за границу с сестрой, и главное, за братом Николаем[1], который осенью заболел и вот скоро месяц, что умер[2]. А никогда мне так нужно вас не было, как это время. Два месяца я час за часом следил за его погасанием, и он умер буквально на моих руках. Мало того, что это один из лучших людей, которых я встречал в жизни, что он был брат, что с ним связаны лучшие воспоминания моей жизни, это был лучший мой друг. Тут разговаривать нечего; вы, может быть, это знаете, но не так, как я; не то, что половина жизни оторвана, но вся энергия жизни с ним похоронена. Незачем жить, коли он умер, и умер мучительно, так что же тебе будет — еще хуже. Вам хорошо, ваши мертвые живут там, вы свидитесь с ними (хотя мне всегда кажется, что искренно нельзя этому верить — было бы слишком хорошо), а мои мертвые исчезли, как сгоревшее дерево. Вот уж месяц я стараюсь работать, опять писать, что я было бросил, но самому смешно. В Россию ехать незачем. Тут я живу, тут могу и жить. Кстати, сестра здесь с детьми[3]. Я вам пишу не для того, чтобы вы утешали меня. Пожалуйста, не пишите мне ничего обо мне. Пожалуйста, ничего не пишите. Пишите о себе[4], о России, о делах наших, о вашей матушке, сестре, княжнах[5].

---

* Да хранит вас всех Бог. Моя сестра здорова и больше чем когда-либо занята своими обязанностями[8], которые, слава Богу, наполняют всю ее жизнь (*фр.*).

Я говорил сестре, как в горе узнаются друзья, не так, как это думают, что они помогают, но потому что в горе только воспоминанья о лучших людях всплывают наружу. Не было дня, чтобы я не вспоминал про вас, и что бы я дал, чтобы последние дни на секундочку увидать вас.

Прощайте. Тетушка мне пишет, что получила ваше письмо, но не посылает его ко мне[6]. — Адрес мой: France, Hyères, maison Sénéquier.

Л. Толстой

42. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

31 октября 1860. Петербург

В конце августа, незадолго перед окончательным отъездом моим из Англии в Россию, я узнала случайно, что вы за границей и будто собираетесь на зиму в Торки[1]. Больших сведений собрать я не могла, но, узнавши о болезни вашего брата[2], я тотчас почувствовала, что вы приговорены к великому несчастью, и мною тогда овладело сильное, почти болезненное желание съехаться где-нибудь с вами. Вы знаете, человек не всегда бывает одинаков, — но в эту минуту во мне пробудилась какая-то необыкновенная сила воли, я почувствовала такую полную, сосредоточенную любовь к вам и к почти незнакомому брату, что твердо была уверена, что этого запаса станет и для вас и для него. Я не знала тогда, что сестра с вами[3], и мне хотелось заменить ее. Бог этого не позволил и вместо сближения мы всё отдалялись друг от друга. Но не духом — духом я томилась за вас и была к вам невыразимо близка. Вот и теперь мне точно кажется, что вы стоите передо мной, что я беру вас за руку, крепко прижимаю ее к сердцу и прямо смотрю вам в глаза, и что вы вполне понимаете, *что́* именно я хочу вам сказать. Как может прийти мне мысль утешить вас? Я сама разбита вдребезги, но не требуйте от меня невозможного, моя душа полна вами и налагать на себя какое-то искусственное молчание на этот счет было бы неестественно и совершенно противно моему характеру. Если б Бог позволил нам свидеться, — неужели бы мы стали говорить с вами о политике и погоде? Неужели для того желали вы видеть меня? Конечно, нет. Сердце ваше вызывало меня потому только, что вы совершенно уверены, что вы можете броситься ко мне со всем вашим горем и тяжким недоумением. Милый, милый друг, будемте просто горевать вместе и признаваться друг другу, что сильно, глубоко поразил нас Бог и что трудно нам совладать

с собою. Но вдали и вблизи скажу всё то же. Не верьте самому себе. И *мои* и *ваши* все живы и отдадутся нам в свое время. У Бога мертвых нет, кроме живущих без упования, — но и для тех придет час милосердия. Не верьте и тому, что мучительная, последняя борьба есть наказание — нет, это только приуготовительное очищение — самая малая частица того Креста, который Спаситель нёс за нас и к которому, вопреки нашей воле, хочет приобщить нас для того, чтобы мы, не заслужившие ничего, могли иметь место в *Его* Царствии. Милый наш брат Николай видит всё это теперь спасенными глазами и радуется неизреченным истинам, которые вы отвергаете по неведению своему. Вы правы, милый друг, в этом смысле наша участь весьма различна, — признаться вам, я и постичь не могу горя без упования и без надежды воскресения. Это страшная темнота, в которой я бы погибла. Если бы вы знали, сколько я молюсь и мучаюсь за вас с получения вашего письма, какою ценою готова была бы я купить возможность вложить в ваше сердце те утешительные глубокие убеждения, которые не я одна, но весь мир признал за самые лучезарные истины. Но вы отворачиваетесь от них, вы как будто боитесь, чтобы упомянули об них, а ваша потеря ничто иное как вестник Господний, протянутая рука Спасителя, призыв Его милосердия. Неужели и этот случай будет потерян для души вашей? Боже мой, где же помеха? Неужели в гордости и в упорном самомнении? Вы верите в Бога Создателя, — но можно ли так чуждаться Бога Искупителя? И я Его не знаю и не умею любить, как следует, — но всею душой *желаю* любить Его, и в этом одном желании есть уж целый светлый мир утешения. Это доступно всякому. Все это время я жила, так сказать, лицом к лицу смерти. Мы потеряли добрую нашу императрицу Александру Федоровну[4]. Для тех, которые знали ее, это душевная потеря. Ее кроткая и детская душа перешла в вечность с совершенным сознанием и спокойствием. За несколько часов до смерти она простилась не только с детьми, но со всеми нами домашними, со всей прислугой, не исключая последней поломойки, и каждому сказала нежное прощальное слово. После смерти нам доставалось стоять долгие часы у ее гроба и днем и ночью. В это время читалось над нею Евангелие и до сих пор так продолжается, потому что похороны будут только через пять дней. Не могу пересказать вам, как поразительно было для меня чтение Евангелия в эти часы бдения при теле импер⟨атрицы⟩. Каждое слово как-то особенно выступало вперед, — озарялось и упадало в сердце, как нечто живительное, воскресающее и полное неизреченных и положительных обещаний.

Вся душа погружалась в будущее с такою уверенностью, что для скорби не оставалось и места. В тот день, как я получила ваше письмо, мне опять пришлось стоять у гроба и в этот раз мне казалось, что я стою уж не одна, а с вами, держу вас за руку, и что слово вечной правды еще ясней сияет для меня и переходит в вас всею силою моего желания. Боже мой, будет ли это когда-нибудь, придет ли та минута, где и вы всей грудью с любовью прижметесь к кресту, который теперь только давит вас? Я знаю, что вы, бывало, читали Евангелие — обещайтесь мне, что вы и теперь непременно будете читать его каждый день, — если возможно, громко, вместе с сестрой. Не знаю ее мыслей на этот счет, но думаю, что она от этого не откажется, — пусть и дети знают, чтó вы читаете. Кстати о них: покамест вы будете мертвы, ничто не оживится вокруг вас, и дети не узнают *жизни*, а на вас лежит отчасти ответственность их моральной будущности. Вот прямое, святое дело, данное вам Богом; принявшись за него, как следует, и душа воскреснет, и энергия возвратится. Простите, милый, дорогой мне друг, хотела сказать — не сердитесь, что письмо мое совершенно противно тому, чтó вы хотели, но можно ли сердиться, когда человек вас любит, а, кажется, я только теперь поняла, сколько вас люблю. Буду вам еще писать скоро и расскажу обо всем. Теперь, истинно, не в состоянии. Все мысли стоят на одной точке. Маминька и сестра здоровы. Обнимаю и благословляю вас с чувством матери. Обнимите за меня и Машиньку. Хотелось бы знать все подробности вашей жизни в эти последние месяцы, но не смею их просить.

Ваша всей душой

А. Толстая

31 октября.
П⟨етер⟩б⟨у⟩рг.

43. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

25 ноября (6 декабря) 1860. Гиер

Не помню, любезный друг Alexandrine, отвечал ли я вам или нет на ваше письмо[1], во всяком случае пишу теперь еще раз. В Hyères был престольный праздник и процессия, кажется, 25 ноября. Я пошел смотреть, и с равнодушной, но сосущей тоской смотрел на толпу и на статую, которую носили, и так гадко было их суеверие и комедия, и завидно

было, что оно им весело-приятно. Тут же в толпе попался мне комисьонер и дал ваше письмо; я стал его читать на ходу, но потом тяжело стало, зашел в дровяной сарай, сел на бревна, прочел его и ревел целый час, зачем и об чем, сам не знаю. Что я думал и чувствовал, не знаю; письмо ваше убедило меня в одном, что я вас очень люблю, и, когда я пошел за процессией, мне стало весело на душе от того, что и у меня было свое суеверие. Убедить человека может только жизнь, а не убежденья и, главное, несчастья. Я вам расскажу еще когда-нибудь смерть брата и его последние минуты, и вы поймете, что сильнее этого ничто уже не может подействовать на душу. А все-таки единственное убежденье, которое я вынес из этого, то, что лучше его я не сумею прожить и еще менее умереть; а ему было тяжело страшно и жить и умирать. И больше ничего не знаю.

Это письмо, дописанное до сих пор, долго лежало, я пишу в другом расположеньи духа, но не отрекаюсь от сказанного. — Однако желанье ваше читать Евангелие я исполню. У меня теперь нет его, но ваша хорошая знакомая Ольга Дундукова[2] обещала мне дать его. Она милая женщина, особенно потому для меня, что напоминает вас и любит.

Что сказать про себя? Вы знаете, верно, мое занятие школами с прошлого года[3]. Совершенно искренно могу сказать, что это теперь один интерес, который привязывает меня к жизни. К несчастью, я нынешнюю зиму не могу им заниматься на деле и на месте, а только работаю для будущего. Я простудился здесь осенью и вот три месяца не перестаю кашлять, так что не советуют зимой уезжать с юга. А как-то скучно и совестно жить здесь в каком-то вечном празднике, как живут путешественники. Или видишь каких-то порхающих бабочек или умирающих, безнадежно приговоренных людей, мимо которых прежде проходил равнодушно, но которые все мне теперь близки, точно родные, имеющие права на меня. — На этой неделе я еду в Ниццу и, может быть, в Италию на несколько дней[4], но едва ли выдержу один долго. Как-то странно кажется ехать куда-нибудь для своего удовольствия. — Прощайте; ежели захотите написать мне, то адресуйте всё в Hyères. Весной надеюсь вас увидеть. Только будете ли вы в Петербурге?[5] — Очень, очень кланяйтесь всем вашим.

Л. Толстой

6 декабря.

1861

44. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

18 апреля 1861. Петербург

Comment allez-vouz, mon cher Léon, et vous verrai-je aujourd'hui? Votre mal de dents m'a tourmenté hier toute la journée — je vous sentais malade.

Si vous êtes mieux aujourd'hui, venez chez moi à 12 précises — je ne sortirais avec la G⟨rande⟩-D⟨uche⟩sse qu'à 1½.

Ou bien si cela n'est pas faisable, attendez-moi chez Lise vers 3 heures — je rentrerais et nous pourrons vous voir — hélàs — un instant. Et moi qui avait tant à vous dire. Si cela est possible, venez à midi. Может быть, потом и не удастся нам поговорить.

A revoir.

Mardi.

⟨*Перевод:*⟩

Как поживаете, милый Лев, и увижу ли я вас сегодня? Ваша зубная боль мучала меня вчера весь день — я чувствовала, как вам больно[1]. Если сегодня вам лучше, приходите ко мне ровно в 12, я должна выезжать с в⟨еликой⟩ к⟨нягиней⟩[2] не раньше 1½. Или, если это невозможно, ждите меня у Лизы[3] к 3 часам — я вернусь и мы можем увидеться, к сожалению, всего на минуту. А мне так много надо вам сказать. Если сможете, приходите к полудню. *Может быть, потом и не удастся нам поговорить.*

До свидания.

Вторник.

45. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

18 апреля 1861. Петербург

Какой-то злой дух преследует меня и лишает тех коротких часов, которые бы я мог провести с вами. Не только зубы, но голова и лихорадка совсем свалили меня вчера, и нынче, боюсь, не выпустят меня. Я еще не знаю, буду ли в состоянии нынче приехать к вам, потому не ждите меня[1]. Ежели я выеду, то приеду к вам и буду сидеть целый день, пользуясь теми минутами, которые вам можно будет дать мне.

Л. Толстой

46. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. и Е.А. ТОЛСТЫМ

23 апреля 1861. Москва

Христос Воскресе! Милые бабушки. Хорошо ли вы встретили праздник, вы, и Пр⟨асковья⟩ Вас⟨ильевна⟩, и С⟨офья⟩ А⟨ндреевна⟩[1], перед которыми заступитесь за меня? Теперь это прошло, и две мечты занимают меня относительно вас. Первая то, что Пр⟨асковья⟩ Вас⟨ильевна⟩ заедет в Ясную, ехавши к Вадбольским[2]; вторая, что вы поедете в Глубокое, и я приеду к вам и поеду с вами[3]. Пожалуйста, сделайте, чтобы это сбылось. Я торопился ужасно, уезжая, и Василий мне много помог[4], но случилась еще следующая путаница: когда я заплатил счет, мне показалось мало денег, и я послал его к Волконским[5] за деньгами, которые он привез или нет — не знаю, ибо больше его не видал. Ежели он привез деньги, то велите ему отвезти их назад[6]. По той же причине я не рискнул заезжать к отвлеченной m-me Ауербах[7] и встретил вчера праздник на рауте, в церкви Вдовьего дома[8]. — Не только я, но, я уверен, никто в этом заведении не испытал и искры религиозного чувства, и вовсе не затем ехал туда, а как раут тоже стеснительно, потому что в середине приятного разговора вдруг выходит священник и притворяется, что что-то служит. — Платок посылаю по почте, целую ваши руки и до свиданья, милые бабушки.

Скобликов, профессор химии петерб⟨ургского⟩ университета, желает быть переведен на юг, или хоть в Москву цензором[9]. *Семейство и чахотка.* Адрес в Москву: на Театральной площади, дом Челышева, отделение 3-е.

Л. Толстой

23 апреля.

Может быть, что я пробуду всю Святую[10].

47. А. А. ТОЛСТАЯ – Л. Н. ТОЛСТОМУ

25 апреля 1861. Петербург

25 avril 1861

Votre lettre que je viens de recevoir m'a démoralisée encore d'avantage au sujet de votre départ — car je vois à quel point il était inutile et n'a fait du bien à personne à moins que... mais ceci vous l'indiquez trop faiblement dans votre lettre et moi je n'ai pas envie de faire le moindre effort pour vous deviner.

Jeune comme vous l'êtes vous courez déjà dans l'avenir, mon cher ami, et vieille que je suis je regrette des heures perdues qui pour moi ne se retrouveront peut-être plus. — Je ne puis vous dire quelle plénitude il y a eu pour moi dans la joie de vous retrouver et de vous retrouver transformé. Vous n'en avez laissé paraître que la moindre partie, je le sais, mais ceci, je l'ai deviné et senti profondément dans chaque parole. Сердце так широко отворилось, чтобы принять эти впечатления, и вот вас опять не стало, и все недосказанное, не выговоренное как будто клубком свернулось во мне и душило и душит меня еще до сих пор, хотя и не даю себе простора.

Le soir après avoir pris congé de vous je suis remontée chez moi et suis restée longtemps assise sans me coucher. Il me semblait que j'étais de nouveau au bord de la mer, que la marée descendait et que je la recevais avec angoisse comme si elle devait emporter petit à petit tous ceux que j'aime. Ce sentiment que j'avais éprouvé tant de fois sans aucune raison apparente, mais sourdement et vaguement prit tout à coup un caractère si positif, si désolé qu'il me fut même impossible de le combattre. Я вся как будто потонула в грусти — все, что обрывалось в моей жизни, вдруг нахлынуло на меня разом, и все мне показалось в каком-то неутешном виде. Le fait de votre départ n'avait été qu'un prétexte sans doute, mais je me demande pourquoi il avait rouvert des sources si amères. Quand on regarde en arrière, quel cortège de départs — d'adieux et de séparations. Un à un on les a supporté — on les supportera encore, mais quand il arrive des moments où on les embrasse tous d'un même coup d'œil, le cœur tombe vraiment en défaillance, comme si tout devait s'arrêter à cette vie. Pourquoi je vous confesse cette heure de faiblesse je n'en sais rien. Vous ne pourrez même la comprendre que dans quelques années quand vous serez *fatigué* comme moi. Je n'ai plus de l'élasticité pour former des projets comme vous, mon cher Léon. Je crains les chimères avant tout — ce sont bien là des mensonges qu'on se fait à soi-même: fruchtloser Genuß pourrait s'appliquer aux chimères, bien plus encore qu'à la musique. — Je ne sais qu'une chose ou plutôt je la sens — nous ne nous retrouverons plus dans nos mêmes conditions. Vous savez comme j'ai toujours désiré votre mariage, je le souhaite encore et plus que jamais — je suis fermement convaincue que vous êtes un des ceux auquel l'existence de vieux célibataire ne peut convenir d'aucune façon, mais il y a certainement dans ce vœu si chaud et si sincère une dose d'abnégation. M-me Maltzeff prétend que ses amis ou ses amies qui se marient sont pour elle des gens morts — elle les pleure comme tels. C'est une exagération peut-être et pourtant il se cache là-dessus une grande vérité. Autrefois quand j'étais plus jeune, je choisissais

mes amis de préférance et par instinct parmi les gens mariés — probablement pour éviter l'épée du Damoclès. Cela m'a entraîné à beaucoup de mal, je dois l'avouer, et cela pourrait fermer un long chapitre dans l'histoire de mon passé que j'ai failli vous raconter un jour — mais tout en m'étant débarassée de l'immense égoïsme d'autrefois — je suis encore susceptible de ce sentiment de regret personnel quand il s'agit de mes amis — hommes ou femmes c'est la même chose. Je ne les donne pas — je les cède. Je ne suis pas fâchée de vous avouer ces petites horreurs pour que vous soyez bien persuadé que les ailes d'ange n'ont pas même encore commencé à pousser. Tout cela ne m'empêche pas cependant d'attendre avec impatience ce que notre *secrétaire* aura décidé et de souhaiter in petto qu'il prenne enfin une résolution définitive. Croyez à mon instinct de mère, Moscou vous conviendra beaucoup mieux que Londres ou Hyères.

Communiquez-moi franchement vos impressions là-dessus — ma bénédiction est déjà suspendue sur votre tête et certes je vous la donnerai avec joie dussé-je vous perdre en effet, ce qui ne sera pas du reste si votre secrétaire est du même avis que moi. А все-таки мне хотелось побыть с вами перед метаморфозой.

Je suis fâchée que la fête ne vous ait donné que des impressions si déplorables. Sous ce rapport j'ai été bien plus heureuse que vous — et tout en écoutant la messe de minuit au beau milieu de toutes les pompes de la cour j'ai senti cette joie énorme indépendante des sirconstances extérieures et que le jour de la Résurrection peut seul donner. J'avais auprès de moi Anna Tutcheff à laquelle il est si bon de s'associer dans des moments pareils. Elle regrette beaucoup de ne vous avoir pas vu. Votre argent ou plutôt de Volkonski lui a été immédiatement rapporté par Василий qui était exaspéré qu'on lui fait manquer le chemin de fer. Je voyais le moment où il emmenait un cachet à votre cousin. Comme c'est bête à vous de n'avoir pas envoyé plutôt chez nous — comme c'est bête à moi de ne vous avoir pas proposé de l'argent après y avoir pensé dans la journée. Je l'ai complètement oublié au moment de votre départ et je me le suis bien reprochée.

Dans quelques jours j'espère vous envoyer les cartes que vous désirez avoir — en attendant en voici une pour compléter la collection que vous possédez déjà. Adieu, mon cher Léon. Христос воскресе! — Saluez pour moi Kitty Tutcheff si vous la voyez encore et vos bonnes tantes quand vous les verrez. Personne ici ne vous en veut pas, même moi, que vous avez affligée sans le vouloir sans doute. J'ai bien envie de ne pas vous envoyer cette lettre, mais je n'aurai pas le temps de vous écrire une autre.

⟨*Перевод:*⟩

25 апреля 1861

Ваше письмо, которое я только что получила[1] и из которого я узнала о вашем отъезде, расстроило меня еще больше — потому что я вижу, как он бесполезен и никому не принесет ничего хорошего, разве что... но об этом вы только намекаете в письме, а у меня нет ни малейшего желания угадывать.

Вы молоды и стремитесь в будущее, дорогой друг, а я уже стара, и мне осталось лишь сожалеть об утраченном времени, которое для меня уже, наверное, никогда не вернется. — Трудно выразить, с какой радостью я узнаю вас вновь и узнаю изменившимся. Конечно, вы это только слегка дали понять, но я это угадала и глубоко почувствовала в каждом слове. *Сердце так широко отворилось, чтобы принять эти впечатления, и вот вас опять не стало, и все недосказанное, не выговоренное как будто клубком свернулось во мне и душило и душит меня еще до сих пор, хотя и не даю себе простора*.

Вечером, простившись с вами, я поднялась к себе и долго не ложилась спать. Мне казалось, что я вновь на берегу моря во время отлива и что я жду его с ужасом, будто он хочет унести одного за другим всех, кого я люблю. Это чувство, которое я столько раз испытывала без видимых причин, внезапно тайно и властно приняло такой рассудочный, такой унылый характер, что было невозможно даже бороться с этим чувством. *Я вся как будто потонула в грусти — все, что обрывалось в моей жизни, вдруг нахлынуло на меня разом, и все мне показалось в каком-то неутешном виде*. Ваш отъезд был, конечно, только предлогом, но я спрашиваю себя, почему такие горькие причины скрыты им. Когда оборачиваешься назад, какая вереница уходов — прощаний и разлук. Переносишь их один за другим и еще перенесешь, но иногда бывает, что обнимешь их всех взглядом, и сердце обрывается, будто все остановилось в этой жизни. Почему я признаюсь вам в этой минуте слабости, не знаю. Вы сможете это понять лишь через несколько лет, когда *устанете* так же, как и я. У меня нет уже гибкости, чтобы строить планы, как вы, дорогой Лев. Больше всего я боюсь несбыточных мечтаний — зачем лгать самой себе: fruchtloser Genuβ* относится к мечтаниям еще более, чем к музыке. — Я знаю только одно, вернее, я это чувствую, — мы не найдем уже друг друга прежними. Вы знаете, как я всегда желала вашей женитьбы, я этого хочу и теперь, даже больше, чем когда-либо — я

---

* бесплодное наслаждение (*нем.*).

совершенно твердо убеждена, что вы из тех, кому положение старого холостяка не подходит никоим образом — но, конечно, в этом желании, горячем и искреннем, огромная доля самоотречения. Мальцева считает, что ее друзья или подруги, которые женятся или выходят замуж, умерли для нее, — она их оплакивает как умерших. Может быть, она преувеличивает, но в этом есть большая доля правды. Когда-то, когда я была моложе, я выбирала друзей преимущественно и инстинктивно среди людей семейных — возможно, чтобы избежать дамоклова меча. Это доставляло мне немало горестей, должна признаться, и этим могла бы закончиться длинная глава в истории моего прошлого, которую я вам когда-то хотела поведать; но освободившись от прежнего безграничного эгоизма, я до сих пор подвержена чувству какого-то личного сожаления, когда дело касается моих друзей, независимо, мужчины это или женщины. Я их не отдаю, я их уступаю. Мне нисколько не досадно признаваться в этих недостатках, чтобы вы не воображали, будто у меня скоро вырастут ангельские крылья. Все это, однако, не мешает мне ждать с нетерпением, что решит наш *секретарь*, и надеяться в душе, что он примет наконец окончательное решение. Верьте моему материнскому инстинкту, в Москве вам будет лучше, чем в Лондоне или Гиере.

Честно напишите мне, что вы думаете на этот счет. Я жажду благословить вас и сделаю это с радостью, даже если я вас действительно потеряю, хотя это было бы не так, впрочем, если бы ваш секретарь был того же мнения, что и я. *А все-таки мне хотелось побыть с вами перед метаморфозой[2].*

Досадно, что праздник принес вам лишь неприятные впечатления[3]. В этом отношении мне посчастливилось более, чем вам, — и слушая полуночную службу во всем дворцовом великолепии, я почувствовала безграничную радость, независящую от внешних условий и которую может доставить лишь день Воскресения. Рядом со мной была Анна Тютчева, с которой так чудесно общаться в подобные минуты. Она очень сожалеет, что не видала вас[4]. Ваши деньги, вернее деньги Волконского, были ему тотчас же переданы *Василием[5]*, который очень расстроился, что ему пришлось опоздать к поезду. Я видела, как он передал вашему кузену[6] пакет. Как это глупо с вашей стороны не прислать в первую очередь к нам, а с моей стороны — не предложить вам денег, хотя днем я об этом думала. Я совсем забыла об этом во время вашего отъезда, и очень упрекала себя за это.

Через несколько дней я надеюсь отправить вам карточки, которые вам очень хотелось иметь, а пока посылаю одну, чтобы пополнить вашу коллекцию. Прощайте, дорогой Лев. *Христос Воскресе!* Привет от меня Кити Тютчевой[7], если вы еще видитесь, и вашим добрым тетушкам[8], когда увидите их. Никто здесь на вас не сердится, даже я, хотя вы меня огорчили, не желая того, конечно. Мне очень не хочется посылать вам это письмо, но нет времени писать другое.

48. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

8 мая 1861. Петербург

Je ne sais rien de ce qui vous arrive, mon cher Léon, pas même si vous avez reçu la lettre que je vous ai adressée à Moscou. Tant mieux si elle s'est perdue — je l'ai écrite sous une impression agacée et sans savoir précisément ce que j'y ai dit; j'en ai un souvenir nauséabond. —

Je vous suppose actuellement à la campagne, mais si je pouvais croire que vous êtes encore à Moscou, combien je vous aurais prié de m'y attendre. Je serai vendredi soir, 12 mai, à Moscou (avec la G⟨rande⟩-D⟨uchesse⟩). Samedi nous allons à Троица d'où nous revenons dimanche, et mardi nous retournons à P⟨éters⟩bourg. Ajuourd'hui-même, à tout hasard, je vous écrirai quelques mots à Moscou, mais probablemetn en pure perte, à moins que vous n'y soyez retenu par vos affaires de cœur, ce que je voudrais de toute manière. Pourquoi ne m'écrivez-vous pas? — Je crains que vous ne soyez malade. Comment avez-vous revu tous les vôtres et où en êtes-vous de vos occupations de maître d'école? J'ai tant à faire jusqu'à mon départ que j'ai de la difficulté à griffonner ces quelques lignes sans interruption. A revoir quand il plaira à Dieu. Voici les deux figures que vous désiriez avoir. L'une d'elles surtout fait tant de bien à regarder. — Vous savez si je l'aime, et je l'aime parceque'elle n'exprime jamais que la vérité, comme la vôtre, mon cher garçon. Que Dieu soit avec dans tous vos travaux et entreprises.

Votre vieille amie A.T.

8 mai
1861.

⟨*Перевод:*⟩

Я ничего не знаю относительно вас, мой дорогой Лев, даже то, получили ли вы мое письмо[1], адресованное вам в Москву. Если оно пропало — тем лучше: я писала его в очень раздраженном состоянии, не

сознавая, что именно я там наговорила; у меня осталось от него очень противное воспоминание.

Я думаю, что в настоящее время вы в деревне, но если б я могла предполагать, что вы еще в Москве, как бы я вас просила дождаться меня там. Я буду в пятницу, 12-го мая вечером в Москве[2] (с Вел⟨икой⟩ кн⟨ягиней⟩[3]). В субботу мы едем к *Троице*, откуда вернемся в воскресенье, а во вторник возвращаемся в Петерб⟨ург⟩. Сегодня же, на всякий случай, напишу вам несколько слов в Москву[4], но это будет, вероятно, напрасно, разве только вас задержат ваши сердечные дела, чего бы мне ужасно хотелось. Отчего вы мне не напишете? Я боюсь, не заболели ли вы? Как вы нашли всех своих и как идут ваши занятия школьного учителя?[5] У меня столько дела перед отъездом, что мне трудно нацарапать вам эти несколько строчек без того, чтобы меня не прерывали. До скорого свидания[6], если только это будет угодно Богу. Вот вам обе карточки[7], которые вам хотелось иметь. На одну из них особенно приятно глядеть. Вы знаете, как я ее люблю, а люблю я ее потому, что лицо, изображенное на ней, олицетворение правды, как и ваше, дорогой мой мальчик. Да поможет вам Бог во всех ваших делах и начинаниях.

Ваш старый друг
А.Т.

8 мая
1861.

49. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

8 мая 1861. Петербург

Je viens de vous écrire à la campagne, mais si par hasard vous êtes encore à Moscou, attendez-moi là. J'arriverai vendredi prochain le 12 avec la cour. Cherchez-moi au Николаевский дворец.

А. Т.

8 mai
1861.

⟨Перевод:⟩

Я только что написала вам в деревню[1], но если вы случайно еще в Москве, подождите меня там[2]. Я приеду в эту пятницу 12-го со двором. Увидеть меня можно в *Николаевском дворце*.

А. Т.

8 мая
1861.

50. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

14 мая 1861. Ясная Поляна

14 мая. Ясная Поляна

Я ужасно виноват перед вами, любезный друг Alexandrine, за то, что не отвечал вам давно и на такое славное, славное письмо[1]. В Москве я был болен, а здесь, в деревне, я был так счастлив и так занят, что только теперь начинаю опоминаться. — Счастлив я был от того, что напуганный несчастьем[2], я с трепетом подъезжал к дому, — мне все казалось, что меня еще ждет какое-нибудь горе. И вышло напротив: и тетки, и брат[3] здоровы, особенно брат — он даже поправился. И все меня любят, и мои друзья Тульской гимназии, и мои школьники, и даже мои мужики так хорошо притворились, что обрадовались, что я было поверил. Не говоря уж об этой толпе воспоминаний, которые, как и всегда, обхватили меня при возвращении. Занят же я был, во-первых, делами, во-вторых, школой[4], которую надо было с самого начала поставить на новую, лучшую ногу, в 3-х, меня назначили мировым посредником, и я не почел себя вправе отказаться[5]. Так что теперь я после годовой свободы, не без удовольствия, чувствую на себе: 1) хозяйственный, 2) школьный, 3) журнальный и 4) посреднический хомуты[6], которые, не знаю хорошо или дурно, но усердно и упорно я намерен тянуть, насколько хватит жизни и силы. Так что надевать пятый хомут — брачный, я надеюсь, и не почувствую необходимость. Москву я в этом отношении проехал благополучно. Прекрасная девушка К.[7] — слишком оранжерейное растение, слишком воспитана на «безобязательном наслаждении», чтобы не только разделять, но и сочувствовать моим трудам. Она привыкла печь моральные конфетки, а я вожусь с землей, с навозом. Ей это грубо и чуждо, как для меня чужды и ничтожны стали моральные конфетки. — А за что вы хотите, чтоб когда-нибудь я для вас стал отрезанный ломоть — это я не знаю. Во-первых, внутренний секретарь мой, кажется, засох или разучился говорить, не имея практики, а во-вторых, потому что мне трудно себе представить приятную жизнь без сознания, что есть вон там в гадком Петербурге, в еще более гадком дворце, существо, которое верно меня любит, которое я люблю, и мне веселей идти, как легче идти через перекладинку, когда знаешь, что есть рука, за которую можно ухватиться. Одно, я бы желал более чувствовать, что моя протянутая рука вам так же нужна, как мне ваша. Для этого мне больше и больше и нужно знать вас. И я все узнаю и все хорошо и еще лучше. И наде-

юсь, будет так до тех пор, пока мы не превратимся в азот и кислород, как говорят умные люди. — Прощайте, целую вашу руку и Лиз⟨аветы⟩ Андреевны.

Я очень обрадовал тетеньку обещанием вашей матушки заехать к нам. Попросите ее от всех нас, чтобы она нас не огорчила, проехавши мимо[8]. Не знаете ли что про мой журнал и нельзя ли попросить через гр. Блудову поторопить?[9] Борису Алексеевичу пожмите руку за меня. Я не могу себе представить вас и не видеть его славное лицо. Не забудьте карточку его. Что ваше заведение?[10] Моя школа идет отлично и, ежели вам интересно, я вам напишу в следующем письме подробно. А главное, что наша поездка в Лубянки?[11] Теперь мне чем позже летом, тем лучше.

Письмо это было написано, когда я получил ваши два из Москвы[12]. Грустно, что я не дождался вас в Москве — но, видно, до Лубянок. Карточки обе прелесть[13], и я вчера не мог нарадоваться на них.

До свидания.

51. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

17 мая 1861. Петербург

17 mai 1861
P⟨éters⟩b⟨ou⟩rg

Je me prends de sérieuses inquiétudes sur votre compte, mon cher Léon, et quoique vous ne m'ayez pas habituée à de longues et fréquentes lettres — votre mutisme actuel a quelque chose qui m'angoisse. Je vous en prie tirez moi au plus vite de cette incertitude, pourvu que vous ne soyez pas malade. Je vous permets tout le reste — négligence, paresse, mariage, oubli etc. etc.

A propos de mariage sachez une nouvelle qui m'enchante — Rebinder se marie avec une demoiselle Kotchoubey et c'est moi qui le marie, так-таки просто своей рукой, et cette fois-ci, je dois le dire, sans le moindre effort de générosité. Quel démenti à ma profession de foi de l'autre jour. Laissez-moi faire la même chose pour vous, dû-t-il m'en coûter un peu plus de peine. Pour ce qui est de Rebinder, la chose a marché comme sur des roulettes, и он внезапно был взят за вихор, хотя и нет на нем вихра. —

Notre départ pour Moscou a été remis indéfinitivement et nous n'y serons pas avant 15 jours à cause d'une indisposition de la petite de la G⟨rande⟩ D⟨uche⟩sse. Puisque je ne dois pas vous trouver à Moscou, tous les retards

me sont parfaitement indifférents, mais je veux avoir de vos nouvelles — j'en veux, j'en veux! —

J'ai travaillé tout ce temps-ci comme un manœuvre et comme un cheval de course à la fois, et les Madeleines dévorent mon cœur et mes pensées plus que jamais. De grâce, ne cherchez pas à éteindre cette flamme. Savez-vous que j'ai travaillé aussi pour votre Скобликов — mais le changement de ministère a arrêté cette affaire. Je compte la reprendre dès qu'il y aura une étude fixe.

Léon, je vous embrasse — écrivez.

⟨*Перевод:*⟩

17 мая 1861. П⟨етер⟩б⟨у⟩рг

Я всерьез беспокоюсь за вас, дорогой Лев, и хотя вы меня никогда не баловали длинными и частыми письмами, ваше теперешнее молчание меня пугает[1]. Прошу вас, скорее избавьте меня от этой неизвестности, лишь бы только вы не заболели. Остальное все позволяю: небрежность, лень, женитьбу, забвение и т.д. и т.д.

По поводу женитьбы сообщаю новость, от которой я в восторге: Ребиндер женится на девице Кочубей[2], и это я их поженила, *так-таки просто своей рукой*, и на этот раз, должна признаться, без малейшего усилия казаться щедрой. Какое опровержение моих прежних убеждений. Позвольте мне и для вас сделать то же самое, хотя это бы мне стоило бóльших трудов. Что касается Ребиндера, все пошло как по маслу, *и он внезапно был взят за вихор, хотя и нет на нем вихра*. —

Наш отъезд в Москву перенесен на неопределенное время[3], и мы будем там не раньше, чем через 15 дней из-за недомогания маленькой в⟨еликой⟩ кн⟨яжны⟩[4]. Поскольку я не застану вас в Москве, все эти задержки мне в высшей степени безразличны, но я хочу знать, что у вас нового — очень хочу, очень хочу! —

Все это время я работала как чернорабочий и как беговая лошадь, а Магдалины раздирают мое сердце и мысли как никогда[5]. Пожалуйста, не пытайтесь погасить этот огонь. Знаете, я старалась что-то делать и для вашего *Скобликова*, но смена кабинета приостановила это дело[6]. Я рассчитываю вновь за него взяться, как только будет постоянная канцелярия.

Целую вас, Лев, — пишите.

52. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

5 июня 1861. Сергиевское

Serghieffskoe. 5 juin 1861

J'ai reçu votre lettre, mon cher Léon, l'avant-veille de mon départ pour la campagne. Je me suis immédiatement occupée de vos commissions — mais il m'a été répondu que tout était déjà fait, les livres expédiés et l'autorisation au sujet du journal accordée. J'espère que c'est vrai et que vous êtes tranquille — sinon employez-moi de nouveau. Pour Скобликов il faut décidément attendre un nouveau régime. Pour le moment toutes les affaires de ce ministère sont comme suspendues. — Je crois, mon cher ami, pouvoir vous annoncer la visite de maman pour le 15 ou le 20 de ce mois. Du reste vous en serez encore averti par elle. — Je viens de passer une 10-ne de jours avec maman et ma sœur chez des parents à nous à une vraie campagne sur les bords du Волхов — campagne que je connais et que j'aime depuis mon enfance et qui maintenant a pour nous l'attrait de la tombe de Pacha qui repose près d'un couvent qui est porte à porte avec le jardin des Tomiloff chez lesquels nous étions. De sorte qu'à toute heure je pouvais y aller et j'en ai profité avec une espèce d'avidité tout en sentant que chaque jour il fallait renouveller le sacrifice. — A dix verstes de là de l'autre côté de la rivière il y a une autre tombe qui m'est bien chère aussi — c'est celle de Nicolas Philosophoff. Vous ne connaissez, je crois, ni cet homme admirable, ni le genre de nos relations avec lui. De toutes les personnes qui m'ont aimé c'est lui qui m'a certainement aimé le plus et que j'ai regretté avec le plus d'égoïsme sachant bien que de pareilles affections ne se répètent pas dans la vie. — En général c'est inouï comme Dieu m'a toujours frappé dans ce que j'avais de plus sensible, mais il paraît que ma nature est dure à briser, car me voilà encore et si vivante. Tirez-en la conclusion que vous voulez. Pour moi je m'y perds ou plutôt je crains d'approfondir cette question. Si c'est de l'insensibilité je me mépriserais jusqu'au découragement, si c'est un fond d'espérance qui me fait revivre — ce serait trop beau. Parlons plutôt de vous — c'est bien plus intéressant. Je suis fâchée de n'avoir pu vous répondre sous l'impression de bien-être, je dirai même de joie que m'a causée votre dernière messive. Du reste cette impression est encore là chaque fois que ma pensée se tourne vers vous. Vous me faites l'effet d'un ressuscité et je demande à Dieu de vous conserver l'énergie et l'activité qui vous animent en ce moment. J'ai la ferme conviction que le travail persévérant avec un but dévoué donne la santé à l'âme et lui ouvre des horizons plus larges que ce

regard mystique et intérieur avec lequel vous et moi, mon cher Léon, nous avions l'habitude de nous analyser. —

Décidément pour ma part cela ne m'a mené à rien de bon et j'en suis si lasse que parfois je voudrais oublier que j'existe, seulement pour ne pas me *regarder passer*. Voilà pourquoi les choses un peu rudes me paraîssent maintenant plus désirables — non pas que je les aime — j'en suis loin encore, mais je me persuade de plus en plus qu'il y a quelque d'empoisonné, de démoralisant attaché à tout ce qui est trop facile dans la vie. Избалованная душа как будто изнурилась и тянется на свежий воздух, а свежий воздух не что иное, как усиленная работа для других sous le regard de Dieu. Mais comme tout cet effort, quand l'énergie n'a pas été exercée d'une manière suivie. Que d'avantages vous avez sur moi sous ce rapport et comme les compliments ne peuvent avoir cours entre nous — je dirai sous *tous les rapports*! Грех вам будет не убежать вперед на необозримое расстояние, et je vous promets que non seulement je ne serai pas envieuse, mais que je vous regarderai courir avec un bonheur immense, si je ne puis avancer moi-même que clopin-clopant, du moins je ne m'endormirai pas tout à fait en vous voyant agir comme faire se doit.

Et après cela vous pouvez me demander, mauvais garçon, si j'ai vraiment besoin de la main que vous me tendez. Comment êtes-vous aussi peu physionomiste pour ne pas deviner que je la saisis et m'y cramponne de toutes mes forces — non point parce que je suis privée d'amitié, но потому что дружба дружбе рознь et qu'il y a pour moi quelque chose de si vivfiant dans la vôtre. C'est le mot. — Et à mon tour il y a quelque chose de si vrai, de si robuste dans l'affection que je vous donne et quelle grosse part. Vous pouvez être satisfait. Aussi c'est un vrai besoin pour moi d'être invitée à votre vie et plus vous m'en direz sur tous vos travaux, plus vous me rendez contente. Et ne croyez pas à ce que je vous ai dit l'autre jour — je ne vous ôterai rien que vous-vous mariez ou non. Quand on arrive à un certain point dans l'amitié il est impossible de rouler. Le baromètre reste au beau fixe et je sens maintenant que ce sera ainsi entre nous pour toujours.

Qu'importe nos défauts mutuels? — Je vous aime avec les vôtres — tâchez de vous pénétrer des miens et continuez à m'aimer malgré eux et peut-être à cause d'eux.

Bonsoir, mon cher Léon — je vous serre la main avec tendresse — il faut que je me couche. Demain matin je pars pour Moscou d'où nous reviendrons le 9 ou le 10 avec la famille Impériale. A revoir cet été — je n'ose compter sur la course à Глубокое, mais c'est égal, je vous verrai quand vous passerez par

chez nous pour y aller. Mes respects à vos tantes. Comme je suis fâchée de ne pas connaître votre frère Serge. — Ecrivez-moi — cela me rajeunit et me raffraichit. Que le Seigneur soit avec vous.

Hier nous avons célébré la noce de Rebinder — quelques bienveillants ont prétendu que j'ai fait un sacrifice sublime. Le croyez-vous aussi?

⟨*Перевод:*⟩

Сергиевское. 5 июня 1861

Получила ваше письмо, дорогой Лев, за два дня до отъезда в деревню. Я тотчас же занялась вашими поручениями, но мне стало известно, что все уже сделано: книги отправлены и разрешение на журнал дано[1]. Надеюсь, что это действительно так, и вы спокойны, если нет, воспользуйтесь моими услугами вновь. *Скобликову* следует ждать решительно нового режима[2]. В настоящее время дела этого министерства находятся в неопределенности. — Думаю, дорогой друг, что смогу вам сообщить о визите мама́ числа 15 или 20 этого месяца[3]. Впрочем, она еще предупредит вас. — Я недавно провела 10 дней с мама́ и сестрой у родственников в настоящей деревне на берегу *Волхова* — деревне, которую я знаю и люблю с детства и куда нас влечет теперь еще потому, что могила Паши находится там, у монастыря, прямо напротив сада Томиловых[4], у которых мы остановились. Поэтому я в любое время могла туда пойти и пользовалась этим с большой охотой, чувствуя, что мой долг там бывать каждый день. — В десяти верстах оттуда, по ту сторону реки, есть другая могила, тоже очень дорогая мне, могила Николая Философова[5]. Вы, наверное, не знаете этого замечательного человека и отношений, что нас связывали. Среди всех, кто любил меня, он был единственный, кто действительно меня любил больше всех, но в скорби моей о нем было много эгоизма, потому что я знала, что такая любовь не дается дважды. — В общем, невероятно, как больно всегда задевал Господь самое ранимое во мне, но, наверное, меня трудно сломить, и я снова здесь, и даже очень живая. Делайте отсюда вывод, какой захотите, я же не могу, вернее, боюсь углубляться в этот вопрос. Если это бесчувственность, то я бы расстроилась и презирала себя, если же надежда заставляет меня ожить, то это было бы слишком хорошо. Но поговорим лучше о вас, это будет гораздо интереснее. Мне досадно, что я не сумела ответить вам под впечатлением удовольствия, я бы сказала даже радости, которую мне доставило ваше последнее письмо. Впрочем, это чувство со мной всякий раз, когда я о вас думаю. Вы производите впечатление воскресшего, и я

прошу Бога, чтобы он сохранил вашу энергию и живость, которые вами движут сейчас. Я твердо убеждена, что упорный труд, преследующий достойную цель, оздоравливает душу и открывает ей более широкие горизонты, чем этот мистический взгляд, устремленный внутрь себя, с помощью которого мы с вами, дорогой Лев, привыкли анализировать себя. —

Что касается меня, это решительно не привело ни к чему хорошему и так утомило меня, что иногда мне хотелось забыть о своем существовании, только бы не видеть, как *уходят силы*. Вот почему меня теперь больше привлекают трудности — не потому, что я их люблю, я далека пока от этого, но я все больше убеждаюсь, что есть нечто соблазнительное, развращающе-привлекательное к тому, что в жизни легко. *Избалованная душа как будто изнурилась и тянется на свежий воздух, а свежий воздух не что иное, как усиленная работа для других* под оком Господа. Но сколько нужно усилий, если энергичность не вырабатывалась последовательно. Как вы превосходите меня в этом отношении и — это не комплимент — я бы сказала, *во всех отношениях*! *Грех вам будет не убежать вперед на необозримое расстояние*, и я обещаю, что не только не буду завидовать вам, но и буду следить за вашим бегом с огромным счастьем, раз уже сама я могу продвигаться вперед еле-еле, по крайней мере, я не усну окончательно, видя, что вы поступаете как следует.

И после этого вы, негодный внук, можете спрашивать, действительно ли мне нужна протянутая вами рука. Какой же вы плохой физиономист, если не догадываетесь, что я ухватилась и цепляюсь за нее изо всех сил, — вовсе не потому, что лишена друзей, *но потому что дружба дружбе рознь*, а в вашей есть для меня нечто живительное. Это к слову. — Что касается меня, в моем чувстве к вам столько истинного, сильного! Вы можете быть довольны. Мне действительно необходимо быть посвященной в вашу жизнь, и чем больше вы рассказываете о всех ваших занятиях, тем больше я рада. И не верьте тому, что я говорила вам в прошлый раз — я не лишу вас ничего, женитесь вы или нет. Когда доходишь в дружбе до определенного момента, то отступать уже невозможно. Барометр прочно устанавливается на «хорошо», и я знаю теперь, что так между нами будет вечно.

Что значат наши обоюдные недостатки? — Я вас люблю со всеми вашими, постарайтесь понять мои и продолжайте любить меня, несмотря на них, а, может, и благодаря им.

Доброй ночи, дорогой Лев, нежно жму вашу руку — мне пора ложиться. Завтра утром я уезжаю в Москву, откуда вернусь 9 или 10 с императорской семьей. До встречи этим летом — не рассчитываю на поездку в *Глубокое*, но все равно, я вас увижу, когда вы заедете к нам[6] по дороге туда. Кланяйтесь от меня тетушкам[7]. Как жаль, что я незнакома с вашим братом Сергеем[8]. — Пишите — это освежает и обновляет меня. Храни вас Господь.

Вчера мы праздновали свадьбу Ребиндера[9]. Некоторые доброжелатели считают, что я принесла величайшую жертву. Вы тоже так думаете?

53. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

1 июля 1861. Сергиевское

1 juillet 1861

Mon cher Léon, correspondre avec vous c'est absolument comme si on jouait à la balle en la jetant dans une botte de foin. Je veux bien croire que vous êtes occupé et même un peu harassé, mais dans mon genre je le suis aussi — seulement je n'ai pas la faculté d'*endormir* mon cœur à l'endroit de ceux que j'aime, à telles enseignes que tout en vous méprisant profondément je reviens à la charge, sauf à vous donner le droit de me mépriser à votre tour за такую сердечную неугомонность. Du reste je pense que je ne vous aurais pas écrit si je n'avais pas une bonne raison pour le faire. Je tiens à vous dire que les projets de maman sont changés pour cette année-ci. Mon frère ayant annoncé son arrivée ici pour le mois de juillet, maman n'a pas voulu s'éloigner de nos parages pour être plus à la portée de le voir, car il ne sera ici que pour peu de temps, ayant l'intention d'aller à l'étranger. Donc n'attendez pas maman, si vous l'attendiez encore et si elle ne vous a pas écrit elle-même. Mais vous, quand viendrez vous ici?

J'apprends que la pauvre Marie Dondoukoff a été très malade et que par-dessus le marché elle a eu le chagrin d'une révolte parmi ses paysans. Ce serait bien le moment d'aller la consoler. Seulement je ne vous promets pas du tout le bonheur de ma compagnie. 'A mesure que la Russie se libère, moi je deviens de plus en plus esclave. Si je ne fais rien qui vaille, toujours est-il que je ne vais jamais où je voudrais aller et c'est un bon exercice pour la patience, surtout quand on a une disposition à aimer sa petite volonté. —

J'ai eu dernièrement de vos nouvelles par une lettre d'Anatole à sa mère. Profitez, je vous prie, de l'enthousiasme qu'il professe à votre égard pour lui

faire tout le bien possible. C'est un bon garçon, très capable, mais attaqué de l'esprit du siècle plus que personne et d'une outrecuidance funeste. Seulement de grâce ne lui mettez pas les idées religieuses encore plus à l'envers. Ce qui est bon pour vous, ou plutôt ce qui n'est pas bon même pour vous qui avez déjà vécu, sera detestable pour lui qui commence à vivre. —

Je vous écris par une chaleur brûlante qui me rend nerveuse des pieds à la tête. C'est une manière de vous prouver l'héroïsme de mon amitié; je ne demande pas de pareils sacrifices — mais quand la soirée est fraîche, que la fenêtre de votre chambre est ouverte et que l'air des champs — ce divin air de campagne qui peut me faire pleurer, — vous saisit et vous enveloppe tout entier, pourquoi ne prendriez-vous pas une plume pour m'écrire? Est-ce que ma balle tombera encore une fois dans une botte de foin?

Adieu, botte de foin, je vous embrasse.

T.

⟨*Перевод:*⟩

1 июля 1861

Дорогой Лев! Переписываться с вами все равно, что играть в мячик, бросая его в копну сена. Я допускаю, что вы очень заняты и даже утомлены, но ведь и я тоже в своем роде занята — только я не обладаю способностью *усыплять* свое сердце в отношении тех, кого я люблю, доказательством этому служит то, что хотя я и глубоко презираю вас, я все-таки возобновлю попытку, не боясь, что дам вам право презирать меня в свою очередь *за такую сердечную неугомонность*. Впрочем, я, пожалуй, и не стала бы вам писать, если б у меня не было причины. Мне надо вам сказать, что планы мамá на этот год изменились[1]. Брат известил нас, что приедет сюда на июль месяц, и мамá не хочет уезжать отсюда, чтобы иметь возможность его повидать, так как, собираясь ехать за границу, он пробудет здесь очень недолго. Итак, не ждите мамá, если вы ее вообще еще ждете и если она вам сама об этом не написала. А вы когда приедете сюда?[2]

Я недавно узнала, что бедная Мари Дондукова[3] была очень больна и, кроме того, среди ее крестьян был бунт. Сейчас было бы очень кстати поехать ее навестить, только удовольствия иметь меня в своем обществе я вам не обещаю. По мере того как Россия освобождается, я становлюсь все больше и больше рабой. Если я и не делаю ничего путного, все же никогда не попадаю туда, куда хочется. Это хорошее испытание терпения, особенно для того, кто склонен немножко дорожить своей волей. —

Я получила недавно известия о вас, благодаря письму Анатоля к его матери[4]. Воспользуйтесь, пожалуйста, его восхищением вами и окажите ему возможно большую пользу. Это добрый малый, очень способный, но более чем кто-либо зараженный духом времени и пагубной самоуверенностью. Только Бога ради не будоражьте еще больше его религиозных воззрений. То, что хорошо для вас, или вернее, то, что нехорошо даже для вас, уже знающего жизнь, для него, еще только начинающего жить, будет губительно. —

Я пишу вам в страшную жару, которая меня ужасно расстраивает; вот вам доказательство героизма моей дружбы к вам. Я не прошу у вас подобных жертв — но в прохладный вечер, когда окно в вашей комнате открыто и вас охватит воздух полей — этот дивный деревенский воздух, который вызывает у меня слезы, — почему бы не взяться вам за перо и не написать мне? Неужели мой мячик еще раз попадет в копну?

До свидания, копна[5], целую вас.

Т.

54. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Начало августа 1861. Ясная Поляна

Ослица Валаама[1] и копна[2] заговорили. Нет, вы не сердитесь на меня — никогда не сердитесь. Разве не все равно, что я всякий раз, как получаю от вас строчку, томы ответов записываю в своем сердце? Это вы должны знать. Да и зачем вам от меня письма? У вас есть Мальцева, у вас есть Перовский, у вас Вяземская — всё у вас есть. Зачем вам мою каплю в вашем море. Вот я, так другое дело. Я приеду из участка, после толкования крестьянам о том, что не только в кровь не надо друг друга бить, но не надобно и просто драться, — или о том, что помещикам не следует уже насильно выдавать замуж девиц и т.п., — и получу ваше письмо. Впрочем, не должен и я жаловаться. Есть и у меня поэтическое, прелестное дело, от которого нельзя оторваться — это школа. Вырвавшись из канцелярии и от мужиков, преследующих меня со всех крылец дома, я иду в школу, но так как она переделывается, то классы рядом в саду под яблонями, куда можно пройти только нагнувшись, так все заросло. И там сидит учитель, а кругом школьники, покусывая травки и пощелкивая в липовые и кленовые листья. Учитель учит по моим советам, но все-таки не совсем хорошо, что и дети чувствуют.

Они меня больше любят. И мы начинаем беседовать часа 3—4, и никому не скучно. Нельзя рассказать, что это за дети — надо их видеть. Из нашего милого сословия детей я ничего подобного не видал. Подумайте только, что в ⟨продолжение⟩ двух лет, при совершенном отсутствии дисциплины ни один и ни одна не была наказана. Никогда лени, грубости, глупой шутки, неприличного слова. Дом школы теперь почти отделан[3]. Три большие комнаты — одна розовая, две голубые заняты школой. В самой комнате, кроме того, музей. По полкам, кругом стен разложены камни, бабочки, скелеты, травы, цветы, физические инструменты и т.д. По воскресениям музей открывается для всех, и немец из Иены[4] (который вышел славный юноша) — делает эксперименты. Раз в неделю класс ботаники, и мы все ходим в лес за цветами, травами и грибами. Пения четыре класса в неделю. Рисования шесть (опять немец), и очень хорошо. Землемерство идет так хорошо, что мальчиков уже приглашают мужики. Учителей всех, кроме меня, три[5]. И еще священник два раза в неделю[6]. А вы всё думаете, что я безбожник. И я еще учу священника, как учить. Мы вот как учим: Петров день — мы рассказываем историю Петра и Павла и всю службу. Потом умер Феофан на деревне[7] — мы рассказываем, что такое соборование и т.д. И так, без видимой связи, проходим все таинства, литургию и все ново- и ветхозаветные праздники. Классы положены с 8-ми до 12-ти часов и с 3-х до 6-ти, но всегда идут до двух, потому что нельзя выгнать детей из школы — просят еще. Вечером же часто больше половины останется ночевать в саду, в шалаше. За обедом и ужином и после ужина мы — учителя — совещаемся. По субботам же читаем друг другу наши заметки и приготовляем к будущей неделе[8].

Журнал я думаю начать в сентябре[9]. Посредничество интересно и увлекательно, но нехорошо то, что все дворянство возненавидело меня всеми силами души и суют мне des bâtons dans les roues* со всех сторон.

Прощайте, дорогой друг, — пишите, пишите мне, а я всегда буду неаккуратен.

Л. Толстой

---

* палки в колеса (*фр.*).

55. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

22 августа 1861. Сергиевское

Ne m'écrivez pas, ne me répondez pas quand je vous parle, oubliez même un peu que j'existe, vous en êtes bien le maître, mais sachez que cela ne sera jamais de mon consentement — jamais vous ne me trouverez prête à un sacrifice volontaire sur ce point-là. —

Quand nous serons devenus des êtres immatériels, peut-être qu'un regard lointain à travers les espaces nous suffira pour nous entendre et satisfera à toutes les exigences du cœur; mais tant que je suis en chair et en os, je veux pouvoir serrer la main de l'ami quand il est là et à défaut de cette main et de la parole vivante il me faut de temps en temps une lettre. Vous n'avez pas assez de loisir pour l'écrire, vous avez mieux à faire — je le comprends — mais au moins n'ayez pas la vilaine mauvaise foi de dire que je n'ai pas besoin de vos lettres. «Vous avez, — dites vous, — m-me Maltzeff, la p⟨rince⟩sse Wiasemsky et Peroffsky — qu'avez-vous besoin de moi?» — Fi, que c'est laid! Oui, je les ai tous et d'autres encore — leur amitié fait ma joie — c'est mon concert. Chacun joue sa note dans ce concert, je les connais et les entend toutes; malheur à moi si l'une d'elles venait à se taire — il me semblerait que toute l'harmonie serait détruite.

N'avez-vous pas dans votre jardin des tilleuls, des chênes et des bouleaux — je suppose que vous les aimez tous pour les différents genres de jouissances qu'ils vous donnent. Essayez d'en abattre quelques uns — vous verrez comme le jardin vous paraîtra dégarni.

Si vous pouviez voir avec des yeux plus lucides non seulement le plaisir, mais le *bien* que me font vos lettres — vous mettriez une corde au cou et vous me demanderiez pardon à genoux de ne pas vouloir me faire ce bien, uniquement parce que je ne suis ni un écolier, ni un paysan, ni un propriétaire de votre district. Mes amis sont pour la plupart tous un peu vieux et un peu fatigués comme votre Бабушка et c'est encore elle qui est obligée de temps en temps de lever l'étendard de révolte contre le découragement, sauf à rester ensuite elle-même étendue sur le carreau avec son étendard, tandis que vous, mon cher ami, vous me ranimez avec l'élément jeune et vivant qui respire dans chacune de vos paroles. Ваша здоровая, работящая душа имеет в себе что-то воскресающее и возбуждающее к труду. Je ne puis dire comme j'aime vos travaux, votre école, votre allemand (haut sauterne) et vous comme centre de ce milieu. J'y pense dans mes heures de tristesse et la joie me revient, et je suis non seulement tranquille sur votre compte, mais

heureuse. Je sais que là où il existe un tel principe d'amour, la vie morale ne peut s'éteindre. Je sais aussi que vous n'avez jamais été un incrédule, mais souvent un entêté et un orgueilleux. Vos enfants vous laveront de tout cela. Je m'en vais m'abonner à votre journal qui me tiendra lieu jusqu'à un certain point des lettres que vous me refusez. —

Quand à moi, si je me mettais à vous raconter tout ce qui se meut dans ma tête au sujet de ma communauté, je sais que je vous mettrais en fuite. N'importe — à chacun son labeur. Mes *грибы* me sont chères et je les aime, je puis dire avec douleur — n'est-ce pas la plus forte expression de la tendresse? Mais j'ai une soif de solitude que je ne puis vous exprimer — il me semble que ce n'est que dans une réclusion complète que j'aurais pu mûrir toutes les idées qui me travaillent, et ma vie présente est un voyage en chemin de fer! —

Pour en revenir à vous, je suis horriblement dérangée à la pensée que vous n'êtes pas aimé comme посредник. Je suis sûre que c'est la grande différence du point de vue qui vous sépare de la plupart des propriétaires, mais n'y a-t-il pas aussi de votre faute? L'esprit de conciliation est une grande sagesse et très humanitaire aussi. Dites-moi si je me trompe en vous supposant dans une attitude constamment militante vis-à-vis de vos égaux — tandis que vous êtes prêt à servir les autres à genoux? Là aussi l'amour du prochain, *sans égard aux castes*, pourrait arranger bien des choses.

Adieu, mon cher Léon, je vous embrasse pour votre fête; je n'oublie jamais le 28 août depuis vos formidables 30 ans. Si vous n'étiez pas jeune comme vous l'êtes, vous le seriez toujours pour moi et avec vous je me sens jeune aussi. Que Dieu vous donne à tous ce qui ne vieillit jamais et ne meurt jamais. Comme je remercie Dieu de vous connaître et de vous aimer.

Votre vieille amie A. T.

22 août.

⟨*Перевод*:⟩

Не пишите мне, не отвечайте мне, когда я с вами говорю, забудьте даже о моем существовании, вы вольны это сделать, но знайте, что этого никогда не будет с моего согласия, никогда вы не увидите меня готовой к такой добровольной жертве.

Когда мы сделаемся бесплотными существами, быть может, одного взгляда, устремленного через пространство, будет достаточно, чтоб услыхать друг друга и удовлетворить всем требованиям сердца, но пока я плоть и кости, я хочу иметь возможность пожать руку своему другу, когда он здесь, со мной, а за неимением этой руки и живого слова, мне

нужно время от времени получать письма. Вам некогда писать мне, у вас есть более важные дела — я это понимаю — но не будьте, по крайней мере, недобросовестным, говоря, что ваши письма мне не нужны. «У вас, — говорите вы, — Мальцева, кн⟨ягиня⟩ Вяземская и Перовский, зачем же вам я?[1]» — Фи, как это гадко! Да, они все около меня и еще много других; их дружба дает мне радость — это мой концерт. Каждый в нем поет свой голос, я знаю и слышу их всех: горе мне, если один из них замолкнет, тогда мне будет казаться, что вся гармония нарушена.

У вас в саду есть липы, дубы и березы — я думаю, вы их всех любите за разнообразные радости, которые они вам доставляют. Попробуйте срубить некоторые из них — вы увидите, каким опустевшим вам покажется сад.

Если б вы могли ясно видеть не только удовольствие, но *добро*, которое мне приносят ваши письма, — вы с веревкой на шее пришли бы ко мне и на коленях просили бы у меня прощения, что не хотели оказать мне это добро, потому только, что я не школьник, не крестьянин, не помещик вашего уезда. Почти все мои друзья немолоды и утомлены, как и ваша *Бабушка*, и она же еще время от времени принуждена поднимать знамя революции против упадка духа, готовая пасть со своим знаменем; вы же, дорогой мой друг, вы одушевляете меня чувством молодости и жизни, которым дышит каждое ваше слово. *Ваша здоровая, работящая душа имеет в себе что-то воскресающее и возбуждающее к труду*. Я не могу вам передать, до чего я люблю ваши работы, вашу школу, вашего немца[2] (как посредника) и вас, как центр всего этого. Я думаю о вас в минуты грусти и ко мне возвращается радость, и я не только спокойна, но *счастлива* за вас. Я знаю, что там, где существует такой принцип любви, нравственная жизнь не может угаснуть. Я знаю также, что вы часто были упрямы и горды, но что неверующим вы никогда не были. Во всяком случае ваши дети смоют с вас эти недостатки. А пока что, я подпишусь на ваш журнал[3]: он отчасти заменит мне ваши письма, в которых вы мне отказываете. —

Что касается меня, то если б я принялась рассказывать вам все, что бродит у меня в голове относительно моей общины, — я вас обратила бы в бегство. Нужды нет — у каждого свое дело. Мои *грибы* дороги мне[4], я их люблю с болью в сердце — и разве это не самое сильное проявление нежности? Я не могу вам передать, до чего я жажду сейчас уединения; мне кажется, что все волнующие меня мысли могли бы созреть только в

полнейшем одиночестве, а моя настоящая жизнь есть сплошное путешествие по железным дорогам. —

Вернемся к вам. Меня ужасно беспокоит мысль, что вас не любят как *посредника*[5]. Я уверена, что вас отдаляет от большинства помещиков громадная разница во взглядах. Но нет ли тут и вашей вины? Дух примирения — великая и полная человеколюбия мудрость. Скажите, ошибаюсь ли я, обвиняя вас в том, что вы принимаете воинственную позу относительно равных вам, между тем как перед другими вы готовы стоять чуть ли не на коленях? И тут любовь к ближнему, *без различия сословий*, могла бы уладить многое.

Прощайте, дорогой Лев, целую вас и поздравляю с днем вашего рождения; я никогда не забываю 28 августа с тех пор, как вам стукнули ваши страшные 30 лет. Если б вы даже не были так молоды, для меня вы всегда были бы молодым; с вами и я себя тоже чувствую молодой. Да ниспошлет вам Господь то, что никогда не старится и никогда не умирает. Как я благодарю Бога за то, что знаю и люблю вас.

Ваш старый друг А. Т.

22 августа.

1862

56. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

10 февраля 1862. Москва

Здравствуйте, дорогой друг. Я все жив и все люблю вас. Я давно не писал вам[1] вот отчего. Я провел дурное, тяжелое лето. Я кашлял и думал — был уверен, — что скоро умру. Я доживал, но не жил[2]. В *октябре* я был в Москве[3] и ожил, принялся за работу[4], неестественно усиленную, и до нового года находился в этом состоянии. На днях вышел 1-й № моего журнала[5], я сделал дурной поступок[6] и почти влюбился[7] — все это вместе заставило меня опомниться и привело в почти нормальное состояние. И я пишу к вам, и хочется вас слышать, видеть и думать. Я был на волоске уехать в Петербург, но не удалось, и нынче еду назад в деревню[8]. Дела у меня пропасть и по посредничеству[9], и по школе[10], и по журналу[11], и по роману, который я обещал напечатать в нынешнем

году в «Русском вестнике»[12]. — Мне помешали; я еще напишу вам из деревни[13]. Попробуйте прочесть «Ясную Поляну» и скажите ваше мнение[14].

Целую ваши руки, Лиз⟨аветы⟩ Анд⟨реевны⟩ и всем, кого вы любите.

Л. Толстой

10 февраля.

57. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

13 февраля 1862. Петербург

13 février 1862. P⟨éters⟩b⟨ou⟩rg

Ne vous imaginez pas que vous ayez pris l'initiative en m'écrivant, mon cher ami, je vous ai écrit *tant* de fois (mentalement) — et même je crois qu'il y a eu des commencements de lettres restés dans mon buvard et surtout il y a eu des appels de cœur bien fréquents. Воззвания сердца и мысли, но для выражения недоставало время et de cette manière vous avez perdu des volumes de conversations intimes. C'est inouï quelle masse de choses je sens le besoin de vous rapporter à vous tout en ne manquant pas d'amis comme vous le savez. En apprenant par Kitty Tutcheff que vous étiez à Moscou j'ai espéré vous voir — je l'ai désiré surtout, mais si vivement que cela me faisait mal de vouloir une chose avec tant d'instance, moi qui n'admets plus les excès. Est-ce de nouveau Kitty T⟨utcheff⟩ ou une autre qui s'est emparée de votre tête? Je dis la tête, parce que tant que vous verrez une mauvaise action dans l'attrait que vous inspire une femme, vous ne l'aimez certainement pas de cœur. — Comme j'aimerai vous voir fixé là-dessus et comme je suis sûre qu'en aimant profondément sans caprice, ni égoïsme, ni exigences poétiques (si abominablement dures dans le fonds) vous-vous releveriez dans votre propre estime et comme qui dirait, vous nageriez en pleine eau, au lieu de vivre par soubresauts ainsi que vous le faites, mon cher ami, ne vous en déplaise. Serait-il possible que vous ayez cette difformité morale de ne pas pouvoir *aimer* longtemps ni sérieusement. A force de vous anatomiser vous ferez de votre cœur une éponge sèche. J'en ai si peur — d'autant plus que la Providence a mis les mines de Pérou dans ce cœur en le créant, mais par orgueil ou par absence de simplicité vous ne savez pas faire valoir ces trésors et un jour il sera trop tard. Si j'avais du temps et du talent ce serait moi qui écrivais une histoire dont vous seriez le héros fatal — mais ce roman n'aurait certainement pas de succès. — En attendant j'attends le vôtre avec

grande impatience et demain j'envoie chercher le premier № de Ясные Поляны, sur lequel je vous dirai mon opinion très franche. Savez-vous que je serais très contente si vous-vous bornez à être littérateur et maître d'école. Laissez le посредничество qui vous fait tant d'ennemis et vous prend tous vos loisirs. Faites comme Alexis Tolstoy qui a déchiré ses aiguillettes et qui a renoncé à toute influence politique et gouvernementale pour rester poète et écrivain tout court. Je suis sûre que le посредничество vous a volé un tas de choses ravissantes. Я на этот грабеж не согласна, mais vous êtes comme ces monarques qui aimaient à faire des serrures et de la cire à cacheter et qui s'imaginaient que c'était là leur vraie vocation.

Mais je reviens à mon thème — pourquoi n'êtes-vous pas venu ici? Comme la vie sociale est singulièrement organisée — je suis sûre que même vous, vous croiriez faire un acte de déraison en entreprenant quelque chose par un simple motif d'affection sans aucun Nebeninteresse d'affaires ou de spéculation et pourtant *l'amitié oblige*, ne l'oubliez pas. Je crois vous l'avoir dit bien de fois, je vous le répète encore. Votre visite ici en ce moment eut été un *acte de bienfaisance*. J'étais si particulièrement fatiguée — si disposée à crier *au secours*. — Душа точно переломилась от излишнего напряжения. — Cet automne en faisant le programme probable de mon hiver — je m'étais résignée à l'avance à mener une existance diamétralement opposée à mes inclinations, mais la campagne a été plus rude encore que je ne m'y attendais. Figurez-vous moi telle que vous me connaissez à peu près rentrant forcément dans le tourbillon du monde le plus exagéré et essayez de comprendre comme tout y a sonné faux pour moi. Jamais époux divorcés n'ont été plus malheureux de se retrouver ensemble, plus aucune compatibilité d'humeur plus rien en commun et pourtant il faut se revoir tous les jours et se parer pour faire semblant d'être content. А для нарядов и для притворства я так устарела. Je me faisais l'effet d'un de ces chevaux autrefois de luxe — maintenant devenu une водовозка, mais que les jours de fête on habille un de ses anciens harnais pour faire croire que la haridelle peut encore être fringante. Ce sont des malheurs de jocrisse, direz-vous, peut-être, mais je vous assure qu'ils abattent parfois profondément. В этой бессмысленной череде удовольствий — надобно было находить время, чтобы серьезно заняться Общиной, в которой в моральном отношении я не хотела оставить камня на камне — надобно было усильно бороться с глубокомысленными убеждениями принца Ольденбургского или ожидать полного разрушения всех моих планов и отказаться от любимого дела. — Vaincre ou mourir. Бог помог — j'ai vaincu. Mais c'est maintenant que le grand travail commence et pour ce

travail je n'ai pas une minute de loisir. Entre le monde et le *couvent* qui me déchiraient par moitié il fallait encore trouver du temps pour mon devoir de cœur sacré que je n'ai plus, hélàs, depuis huit jours. Il fallait soigner ma pauvre tante Baricoff qui se mourait depuis des mois et qui a fini la semaine dernière. — Как трогательно было это приближение смерти, как трогательно ее терпение при страшнейших страданиях — какой великолепный конец, полный сознания и любви, и как хотелось всецело предаться ухаживанию за ней — а между тем ежедневный ход вещей двоился и троился, и все полезное, святое, доброе должно было уступать место пустому, вредному и ни к чему не ведущему. Вот что истинно надорвало мою душу. И в настоящую минуту, когда она еще вся переполнена глубокими впечатлениями смерти и, так сказать, осязательным чувством вечности — меня опять влекут на житейскую ярмарку. Je ne puis vous dire à quel point ces contrastes me bouleversent. Je sens que vous auriez trouvé un mot conciliant à me dire pour me tirer de cet état d'exaspération presque nerveuse. Voilà pourquoi je ne me console pas que vous n'ayez pas eu l'inspiration charitable de venir me voir. Sans parler de mille autres raisons qui m'auraient rendu votre présence si précieuse. Tout de même je vous remercie *beaucoup* pour le petit mot que je viens de recevoir de vous — cela a été un petit morceau de sucre dans l'absynthe que j'ai avalé tout ce temps. Il serait bon d'en recevoir encore — si je vous savais triste, je vous assommerai de ma sympathie. Ecrivez, ne fût-ce que pour vous magner de ma lettre jérémiaque. Anna Tutcheff prétend toujours que j'ai 25 printemps au cours de l'hiver à force de vitalité — oui, mais elle ne m'a pas vu ce temps-ci où je ressemble à un automne pluvieux. — Cependant les amis peuvent me faire refleurir. Essayez et que le Seigneur soit avec vous.

⟨*Перевод*:⟩

13 февраля 1862. П⟨етер⟩б⟨ур⟩г

Не воображайте, дорогой друг, что вы взяли инициативу, написав мне[1], я (мысленно) *столько* раз писала вам, и мне кажется, в моем бюваре сохранились листки начатых писем, часто это были воззвания сердца. *Воззвания сердца и мысли, но для выражения недоставало время*, и таким образом, вы потеряли тома интимных бесед. Поразительно, сколько всего мне нужно вам рассказать, хотя, как вы знаете, в друзьях у меня нет недостатка. Я узнала от Кити Тютчевой, что вы были в Москве[2], и надеялась вас увидеть — я этого особенно желала, но так горячо, что столь сильное желание заставляло меня страдать, меня, не

принимающую больше крайностей. Это снова Кити Т⟨ютчева⟩ или другая завладели вашим умом? Я говорю умом, потому что пока вы видите плохое в этом влечении, которое вам внушает женщина, конечно, сердцем вы ее не любите. — Как бы я хотела, чтобы это с вами случилось, и я уверена, что, полюбив глубоко — без капризов, эгоизма, поэтических требований (они, по существу, ужасно трудны), вы подниметесь в собственных глазах и, кто знает, может быть, обретете цельность, вместо того чтобы метаться, как вы это делаете, дорогой друг, не в обиду будь сказано. Возможно ли, что вы нравственный урод, который не может *любить* серьезно и надолго. Пытаясь себя анатомировать, вы превращаете свое сердце в высушенную губку. Я этого так боюсь, тем более что Провидение, создавая ваше сердце, вложило в него золотые россыпи, но из гордости или из-за отсутствия простоты вы не умеете ценить эти сокровища, и однажды будет поздно. Если бы у меня было время и талант, я бы сочинила историю, роковым героем которой были бы вы, — но, конечно, этот роман не имел бы успеха. — А пока я жду ваш с огромным нетерпением и завтра пошлю за первым номером *«Ясной Поляны»*, обещаю совершенно искренне высказать свое мнение о нем[3]. Знаете, я была бы очень рада, если бы вы ограничились занятиями литератора и школьного учителя. Оставьте *посредничество*, которое вам приобретает столько врагов и забирает весь ваш досуг[4]. Сделайте, как Алексей Толстой, который разорвал свои аксельбанты и отказался от всякой политической и правительственной деятельности, чтобы остаться просто поэтом и писателем[5]. Я уверена, что *посредничество* лишило вас множества чудесных вещей. *Я на этот грабеж не согласна*, но вы как те монархи, что любят делать зáмки и сургуч и воображают, будто в этом их призвание.

Возвращаюсь к моей теме: почему вы не приехали сюда? Поскольку общественная жизнь строится весьма своеобразно, я уверена, что даже вы сочтете неразумным предпринимать что-либо, руководствуясь лишь эмоциями, не учитывая Nebeninteresse* дел и расчета, и однако *дружба обязывает*, не забывайте. Кажется, я вам говорила это много раз, повторяю и сейчас. Ваш приезд сюда сейчас был бы *благодеянием*. Я страшно устала и готова звать на помощь. — *Душа точно переломилась от излишнего напряжения*. — Этой осенью, думая о планах на зиму, я заранее решительно воспротивилась вести существование, со-

---

* частный, личный интерес (*нем.*).

вершенно противоположное моим наклонностям, но в деревне оказалось еще тяжелее, чем я предполагала. Представьте меня — такую, как вы меня знаете, с трудом, поневоле входящую в чрезмерный круговорот светской жизни, и попытайтесь понять, как фальшиво все звучало для меня. Даже разведенные супруги, которым приходится быть вместе, не могут быть более несчастливы; никакой совместимости настроений, ничего общего — и, однако, нужно видеться каждый день и наряжаться, чтобы притворяться довольными. *А для нарядов и для притворства я так устарела*. Я сама представляю себя когда-то роскошным рысаком, ставшим теперь *водовозкой*, но на которого в праздничные дни надевают прежнюю упряжь, чтобы дать понять, что кляча еще может казаться резвой. Может быть, вы скажете, что это несчастья глупцов, но уверяю, иногда и они глубоко удручают. *В этой бессмысленной череде удовольствий — надобно было находить время, чтобы серьезно заняться Общиной, в которой в моральном отношении я не хотела оставить камня на камне — надобно было усильно бороться с глубокомысленными убеждениями принца Ольденбургского или ожидать полного разрушения всех моих планов и отказаться от любимого дела*[6]. — Победить или умереть. *Бог помог* — я победила, но потом началась огромная работа, и из-за нее у меня не было и минуты отдыха. Между светом и *монастырем*, которые разрывали меня пополам, нужно было еще найти время для святого долга сердца, но увы, для этого не было времени вот уже неделю. Нужно было заботиться о тетушке Барыковой, которая умирала долгие месяцы и скончалась на той неделе[7]. — *Как трогательно было это приближение смерти, как трогательно ее терпение при страшнейших страданиях — какой великолепный конец, полный сознания и любви, и как хотелось всецело предаться ухаживанию за ней — а между тем ежедневный ход вещей двоился и троился, и все полезное, святое, доброе должно было уступать место пустому, вредному и ни к чему не ведущему. Вот что истинно надорвало мою душу. И в настоящую минуту, когда она еще вся переполнена глубокими впечатлениями смерти и, так сказать, осязательным чувством вечности — меня опять влекут на житейскую ярмарку*. Не могу выразить, до какой степени потрясают меня эти контрасты. Я знаю, что вы найдете для меня примиряющее слово, чтобы вывести меня из этого почти болезненного состояния отчаяния. Вот почему я не утешилась вашим благим намерением увидеться со мной. Не говоря о тысяче других причин, из-за которых ваше присутствие было бы для меня таким важным. Все же я вам *очень* благодарна за записку, которую я получила от вас[8], — она стала единственной ложкой меда в

горькой микстуре, которую я пила все это время. Было бы хорошо получить еще одну — если бы я знала, что вам плохо, я бы вас замучила своим сочувствием. Пишите, — неужели мое жалобное письмо не заставит вас поторопиться. Анна Тютчева считает, что я за одну зиму переживаю 25 весен, благодаря моей жизненной силе, — это так, но она не видела меня это время, когда я стала походить на дождливую осень. — Однако друзья могут заставить меня расцвести. Попытайтесь и да будет с вами Господь.

58. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

23 февраля 1862. Ясная Поляна

Благодарствуйте за ваше письмо[1] — писать мне некогда, а пожалуйста, сделайте одно: достаньте *записки из Мертвого дома* и прочтите их[2]. *Это нужно.*

Целую ваши руки — прощайте.

Л. Толстой

23 февраля.

59. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

31 марта 1862. Петербург

31 mars 1862
P⟨éters⟩b⟨ou⟩rg

Mon cher Léon, si j'avais pu vous écrire le jour même où j'ai lu le premier № de votre journal, je crois que vous auriez été satisfait de l'analyse critique très détaillée que j'avais l'intention de vous faire, mais le temps m'ayant manqué comme toujours et mille impressions ayant passé par-dessus, je ne suis plus capable de retrouver mes observations — d'autant plus qu'aujourd'hui encore je vous écris en courant. D'ailleurs je vous dirai que je ne suis pas un juge très compétent pour vos œuvres. — Quand l'auteur est un ami, on a beau faire, il est presque impossible de rester tout à fait impartial. J'ai dévoré la petite brochure d'un trait et je ne puis vous dire quelle jouissance j'ai eu à vous retrouver dans chaque parole — à compléter par ce que je connais de vous — les choses qui ne sont qu'indiquées — à vous deviner enfin et à comprendre tout le travail intérieur qui a présidé à vos occupations. — Vos indécisions

même et par ci par là votre décousu (pardonnez-moi l'expression) ont eu *pour moi* un intérêt tout particulier — mais tout cela n'est pas un jugement et pour l'avoir vous devez vous adresser à d'autres et je suppose que cela ne vous a pas manqué de la part de vos confrères. Je vous ai entendu blâmer par les uns — louer par les autres, но мне все казалось, что я одна *понимала* вас вполне, хотя этого и недостаточно для сухого разбора. Cependant n'allez pas croire que je n'aie pas la moindre lucidité réelle quand il s'agit de vous. — J'ai plus d'une fois soupiré en pensant, quel bien plus énorme vous auriez pu effectuer si vous étiez vous-même assis sur des bases plus solides. При такой любви к ближнему да еще правильное основание и подчинение своих бродящих мыслей одной совершенной истине, ах сколько могло бы выйти хорошего и сколько бы труд ваш осмыслился и упростился. —

Les hésitations — les tâtonnements, *la fausse humanité* auraient disparus comme par miracle. En étant dans le vrai, vous n'auriez jamais craint par exemple d'infliger une punition au voleur et au menteur. Tout ce passage m'a un peu grincé sur les oreilles. *Châtiez votre fils tant qu'il est jeune*, — a dit Solomon, et ce principe a traversé les siècles sans rien perdre de sa force — et il semble porter en lui-même la santé morale. Châtier n'est pas abrutir ou persécuter — vous aurez beau dire l'homme n'est pas un arbre — il a besoin d'être garanti contre lui-même; de quel droit (en vous chargeant de lui) le laisseriez-vous aller à la dérive de ses passions sans y mettre une ligne quelconque. Punissez-le sans colère, ni sarcasme, mais faites-le sans hésitation, car l'impunité engraisse le vice et la responsabilité en retombera sur vous. Que l'enfant voie votre douleur en le punissant et croyez-moi il y a tant de justice naturelle dans son cœur qu'il vous en remerciera un jour. — Un châtiment judicieux donne de la force à l'homme, loin de le dégrader — Dieu le prouve bien — dès qu'on s'endort, Il vous secoue et vous réveille. La liberté est une belle chose, mais comme l'a dit quelqu'un elle devient un chien enragé dès qu'on n'y met point de bornes. —

Vos promenades avec les enfants, leur confiance en vous et tout ce côté patriarcal de votre école m'ont émue et enchantée à cause du principe d'amour dont il découle et qui ne périra point et portera son fruit quelques soient les erreurs que vous commetrez, mais, je le répète, vous ferez de *grandes choses* quand vos élans religieux ne seront plus seulement des aspirations poétiques, mais deviendront le fond et le mobile de toutes vos actions — не блёстки, а жизнь. Comme il faut prier pour arriver à cela, comme il faut être pur soi-même pour diriger les autres et ne pas faire fausse route. — C'est ce que je me dis tous les jours à moi-même en pensant au troupeau qui m'est confié. —

Encore un mot sur votre école: il est certain que vous apporterez beaucoup d'utilité rien qu'en dégoûtant les gens sensés des méthodes routenières et abrutissantes auxquelles on s'est tenu jusqu'à présent, mais gardez-vous des exagérations — c'est ce que j'ai toujours craint pour vous. — J'ai lu d'après votre désir la première partie des «Записки из мертвого дома» — c'est d'un intérêt énorme et je voudrais savoir si je ne me suis pas trompée en supposant que vous m'avez conseillé cette lecture uniquement pour que je puisse faire une comparaison équitable entre mes souffrances et celles de tant d'autres mille fois plus grandes. — C'est au moins la morale que j'en ai retiré — гадко, нечестно думать и печалиться об своих личных неудобствах. Dernièrement j'ai été visiter l'hôpital des чернорабочих et je vous assure que ceci vaut la lecture de Достоевский. J'espère que je m'en souviendrai longtemps. — Quelle misère et quelle lâcheté que nos lamentations. Pour le moment j'en suis bien dégoûtée, mais qui me répond que je n'y reviendrai plus. —

Mon cher Léon, quel dommage que vous n'ayez jamais le temps de m'écrire — vous ne m'avez pas répondu au посредничество. Avez-vous toujours l'intention de vous y maintenir — je voudrais tant le savoir.

Dites-moi aussi où est votre sœur et comment elle va. J'ai vu dernièrement une personne qui vous connaît et vous aime — c'est Catherine Gagarin — une bien jolie femme, mais qui ne m'a point inspiré une grande sympathie malgré la pitié qu'on devrait ressentir pour elle en la voyant rivée à un pareil mari. J'en ai jamais rien vu de plus agaçant. —

Adieu pour aujourd'hui, mon cher ami, quand donc vous reverrai-je? Nous resterons ici jusqu'au moi de juin, c'est à dire jusqu'à la moitié de juin, après quoi on se prépare d'aller aux bains de mer à Libau en Courlande et peut-être en automne une course de quelques semaines à l'étranger. —

Que Dieu vous garde et vous inspire pour le bien de tous. J'attends votre roman avec impatience — celui de Tourguéneff a produit ici une grande sensation, tout en provoquant des jugements bien divers. — Pour ma part j'en ai été satisfaite, c'est admirablement fait et à mon avis dans un bon esprit.

Tous les miens vous disent mille choses, ils vont bien et se proposent en été d'aller à Loubianky. Dans ce cas ils vous verront, je l'espère. — Boris vous salue et vous aime et moi je l'adore toujours pour son cœur d'enfant. Mais je viens de me séparer de mes deux amies Mme Maltseff et la P⟨rince⟩sse Wiasemsky — очень было тяжело.

⟨*Перевод*:⟩

31 марта 1862
Петерб⟨у⟩рг

Дорогой Лев, если бы я смогла написать вам в тот же день, когда прочитала первый номер вашего журнала[1], вы бы остались довольны подробным критическим анализом, который я намеревалась сделать, но как всегда из-за нехватки времени тысячи впечатлений прошли впустую, я не в силах вспомнить мои соображения, тем более что сегодня я пишу вам второпях. Впрочем, скажу вам, я не совсем компетентный судья для ваших произведений. — Когда автор тебе друг, почти невозможно оставаться до конца беспристрастным. Я проглотила брошюрку одним духом и не могу выразить, какое удовлетворение я испытала, узнавая вас в каждом слове, дополняя это тем, что знаю о вас, — угадывая вас, наконец, и понимая ту внутреннюю работу, которая руководила вашими занятиями. — И даже ваша нерешительность и то там, то здесь бессвязность слога (простите за выражение) представляли *для меня* совершенно особый интерес — но это не суждение, а чтобы иметь таковое, вам следует обратиться к другим, и я полагаю, ваши коллеги достаточно их высказывают. Я слышала, как вас одни бранят, другие хвалят[2] — *но мне все казалось, что я одна *понимала* вас вполне, хотя этого и недостаточно для сухого разбора*. Однако не думайте, что я не могу хотя бы немного трезво судить о вас. — Я не раз вздыхала, думая, сколько добра вы могли бы сделать, если бы держались на более прочных основаниях.* При такой любви к ближнему да еще правильное основание и подчинение своих бродящих мыслей одной совершенной истине, ах сколько могло бы выйти хорошего и сколько бы труд ваш осмыслился и упростился*. —

Колебания, робость, *ложная гуманность* исчезли бы словно чудом. Пребывая в истине, вы не будете никогда бояться наказать вора или лгуна. Весь этот отрывок немного мне режет уши[3]. *Наказывайте своего сына, пока он молод*, — сказал Соломон[4], — и этот принцип пережил века, не теряя силы, и, кажется, в самом себе несет здоровую мораль. Наказать — это не значит мучить или подвергать гонениям. И не говорите, что человек — не дерево, — он должен быть защищен от самого себя; по какому праву вы (взяв ответственность за него) оставляете его на произвол страстей, не дав какого-то направления. Накажите его без гнева и сарказма, но сделайте это без колебаний, потому что безнаказан-

ность порождает порок, а ответственность за это упадет на вас. Пусть ребенок видит, что вам больно его наказывать, и поверьте, в его сердце столько природной справедливости, что он потом вам будет благодарен за это. Справедливое наказание придает человеку силы, нисколько не унижая его. Господь хорошо подтверждает это: когда вы засыпаете, Он встряхивает вас и будит. Свобода — хорошая штука, но, как сказал один человек, она становится бешеной собакой, если ее не ограничить[5]. —

Меня взволновали и восхитили ваши прогулки с детьми[6], их доверие к вам и вся эта патриархальная сторона вашей школы, проистекающая из принципа любви, который не погибнет и принесет свои плоды, какие бы ошибки вы не допускали, но, повторяю, вы совершите *великое*, если ваши религиозные порывы не останутся лишь поэтическими стремлениями, но станут основой и двигателем всех ваших поступков — *не блёстки, а жизнь*. Как нужно молиться, чтобы достичь этого, насколько нужно быть чистым самому, чтобы руководить другими и не вступить на ложный путь. Это я повторяю самой себе каждый день, думая о вверенном мне стаде[7].

Еще немного о вашей школе: конечно, вы принесете пользу, не иначе как восстановив здравомыслящих людей против рутинных, притупляющих методов, которых держались до сих пор, но опасайтесь преувеличений, это то, что меня всегда пугало в вас. — По вашему желанию я прочитала первую часть *«Записок из мертвого дома»*[8] — это страшно интересно, и я хотела бы знать, не ошиблась ли я, предположив, что вы посоветовали это чтение единственно для того, чтобы я сравнила мои собственные страдания с страданиями других, которые в тысячу раз сильнее моих. — По крайней мере, я извлекла оттуда эту мораль — *гадко, нечестно думать и печалиться об своих личных неудобствах*. Недавно я была в больнице для *чернорабочих*, и, уверяю вас, это зрелище стоит *Достоевского*. Надеюсь, оно запомнится надолго. — Как ничтожны и малодушны наши сетования. Сейчас я чувствую к ним отвращение, но кто скажет, не вернусь ли я к ним опять. —

Дорогой Лев, как жаль, что у вас вечно нет времени написать мне — вы не ответили по поводу *посредничества*. Я очень хотела бы знать, собираетесь ли вы продолжать в нем участвовать[9].

Скажите мне также, где ваша сестра[10] и как она себя чувствует. Я недавно видела особу, которая вас знает и любит, — это Катерина Гагарина[11], очень хорошенькая женщина, но мне она не внушила большой симпатии, несмотря на ту жалость, которую испытываешь, видя ее привязанной к такому мужу. Я не видела ничего более раздражающего. —

На сегодня прощайте, дорогой друг, когда же я вас увижу?[12] Мы здесь пробудем до июня, точнее, до середины июня, после чего готовимся ехать на морские купания в Либаву в Курляндию, а осенью, наверное, предстоит поездка на несколько недель за границу. —

Храни и вдохнови вас Господь на благо всем. Я с нетерпением жду появления вашего романа[13]. У нас большую сенсацию произвел роман Тургенева[14], он вызвал самые разные суждения. — Мне он понравился; прекрасно и, по-моему, умно написан.

Все мои вам много хотели бы сказать, у них все хорошо и летом они собираются ехать в Лубянки. И тогда они с вами увидятся[15], надеюсь. Борис вас любит и передает вам привет, а я обожаю его за его сердце ребенка. Я только что рассталась с двумя подругами: г-жей Мальцевой и княгиней Вяземской — *очень было тяжело*.

60. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

14 июня 1862. Сергиевское

14 juin 1862. Serghieffs⟨koe⟩

Mon cher Léon, je viens d'apprendre avec *angoisse* que vous êtes parti pour Samara, afin de prendre du кумыс. Seriez-vous malade? Un monde d'inquiétudes s'est reveillé en moi — j'adresse ces quelques mots à tout hasard à Samara sans savoir si vous les recevrez jamais; mais si cela est ainsi, de grâce répondez-moi sur-le-champ, ne fût-ce que deux lignes. Pour que vous quittiez vos travaux à cette époque de l'année il faut que vous soyez bien souffrant. Je vous le répète, j'ai besoin d'être tranquillisée. C'est maman qui m'écrit cette nouvelle qu'elle a appris en passant par Moscou pour aller à Loubianky. Je crois que c'est votre tante Юшков qui le lui a dit et elle est très blessée de ce que vous ayez passé par Moscou sans la voir, et moi qui suis votre бабушка, je suis affligée aussi que vous ne songiez jamais à me dire ce qu'il en advient de vous. —

Pour punition je ne vous enverrai pas la longue lettre que je vous avais écrite il y a quelques jours en entendant chanter les rossignols, et je la déchire immédiatement. En voilà une punition, mais je n'ai pas d'autres moyens en mon pouvoir. C'est d'autant plus vilain à vous de me négliger que je vous suis constamment fidèle et souvent préoccupée de vous. J'ai encore eu d'autres inquiétudes sur votre compte, mais celles-là je ne puis vous les dire par écrit. Maintenant je n'ai besoin que d'une chose — savoir comment vous-vous

portez, — après cela viendront les autres exigences. Si Dieu nous prête vie, il faudra se revoir cet automne — coûte que coûte. Dans quelques jours je pars pour Libau avec les Princesses, mais tout de même adressez votre lettre au Palais et écrivez immédiatement, je vous le demande au nom de notre longue amitié. J'espère que vous rencontrerez à Samara Paul Kuttler qui vient de partir, malheureusement aussi par cause de santé. Dieu veuille que cela vous fasse du bien à tous les deux. J'ai vu des effets merveilleux du кумыс, mais il faut bien prendre garde d'en abuser. Embrassez Paul pour moi — il pourra vous donner de nos nouvelles à tous: nous avons eu de nouveau un grand malheur dans la famille — la mort du cher Alexandre Wadbolsky. Невыразимо тяжело расставаться со своими милыми, хотя и веришь, что это не навсегда. — Adieu, Léon, — il me semble que je ne vous ai pas assez dit à quel point je suis inquiète sur votre compte. Le retard de votre journal m'avait déjà donné à penser. Je vous serre tendrement la main et vous recommande à Dieu.

А. Т.

⟨*Перевод*:⟩

14 июня 1862. Сергиевс⟨кое⟩

Дорогой мой Лев, я только что к своей большой *тревоге* узнала, что вы уехали в Самару на *кумыс*[1]. Неужели вы больны? Я ужасно беспокоюсь за вас. Шлю вам на всякий случай несколько строк в Самару[2], не знаю, получите ли вы их; если да, то, Бога ради,ответьте мне немедленно, хотя бы в двух строках. Если вы бросили свои дела в такое время года, значит вам очень плохо. Повторяю, вы должны меня успокоить. Это известие сообщила мне мама́, она узнала об этом в Москве, проездом в Лубянки; ей сообщила, кажется, ваша тетушка *Юшкова.* Она очень обижена, что, проезжая через Москву, вы не навестили ее[3], а я очень огорчена тем, что, хотя и прихожусь вам *бабушкой,* никогда не получаю известий о том, что с вами происходит. В наказание я не пошлю вам длинного письма, которое написала вам несколько дней назад под пение соловьев, а немедленно же разорву его. Хоть это и не Бог весть какое наказание, но в моем распоряжении нет других средств. Пренебрегать мной тем непростительнее, что я со своей стороны остаюсь вам неизменно верной и очень часто забочусь о вас. Я беспокоилась за вас и по другим причинам, но о них я не могу говорить в письме[4]. Теперь мне необходимо пока только знать, как вы себя чувствуете, а после этого я предъявлю вам и другие требования. Если Господь сохранит нас в жи-

вых, нам во что бы то ни стало надо повидаться этой осенью[5]. Через несколько дней я уезжаю с княжнами[6] в Либаву, но письма адресуйте все-таки во дворец и пишите немедленно, — прошу вас об этом во имя нашей долголетней дружбы. Надеюсь, вы встретитесь в Самаре с Павлом Кутлером, который, бедняга, поехал туда тоже лечиться. Дай Бог вам обоим там поправиться. Я видела удивительные случаи действия *кумыса,* но только не надо злоупотреблять им. Поцелуйте за меня Павла — он расскажет вам о всех нас. В нашей семье снова большое горе — умер наш дорогой Александр Вадбольский. *Невыразимо тяжело расставаться со своими милыми, хотя и веришь, что это не навсегда*. — Прощайте, Лев, мне кажется, что я не сумела вам передать, до какой степени я обеспокоена за вас. Запоздавший выпуск вашего журнала[7] внушил уже мне некоторые опасения. Нежно жму вашу руку. Да сохранит вас Бог.

А. Т.

61. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

22 или 23 июля 1862. Москва

Я получил ваше письмо[1], дорогой друг, перед отъездом из Самары и решил отвечать из Москвы. Благодарствуйте за вашу любовь, я совсем не так болен, даже совсем не болен. А бедный Кутлер![2] Я видел его, и мне кажется, что он уж мертвый. Говорят, однако, что ему лучше. Какие это опасения вы имели на мой счет?[3] Это меня интриговало все время и только теперь, получив известия из Ясной Поляны, я все понял. Хороши ваши друзья! Ведь все Потаповы, Долгорукие и Аракчеевы и равелины[4] — это всё ваши друзья... Мне пишут из Ясной: 1-го июля приехали 3 тройки с жандармами[5], не велели никому выходить[6]; должно быть, и тетиньке, и стали обыскивать[7]. — Что они искали — до сих пор неизвестно. Какой-то из ваших друзей, грязный полковник, перечитал все мои письма и дневники, которые я только перед смертью думал поручить тому другу, кот⟨орый⟩ будет мне тогда ближе всех, перечитал две переписки, за тайну кот⟨орых⟩ я бы отдал все на свете, — и уехал, объявив, что он *подозрительного* ничего не нашел. Счастье мое и этого вашего друга, что меня тут не было, я бы его убил. Мило! славно! Вот как делает себе друзей правительство. Ежели вы меня помните с моей политической стороны, то вы знаете, что всегда и особенно со времени моей любви к школе, я был совершенно равнодушен к правительству и

еще более равнодушен к теперешним либералам, кот⟨орых⟩ я презираю от души. Теперь я не могу сказать этого, я имею злобу и отвращение, почти ненависть к тому милому правительству, кот⟨орое⟩ обыскивает у меня литографские и типографские станки для перепечатывания прокламаций Герцена, кот⟨орые⟩ я презираю, кот⟨орые⟩ я не имею терпения дочесть от скуки. Это факт — у меня раз лежали неделю все эти прелести, прокламации и «Колокол», и я так и отдал, не прочтя. Мне это скучно, я все это знаю и презираю[8] не для фразы, а от всей души.

И вдруг меня обыскивают с студентами, все равно, ежели бы вас стали обыскивать в убитом ребенке. Право, это не так еще оскорбительно. Ежели они знают и заботятся о моем существовании, то им бы можно узнать лучше. Милые ваши друзья! Я еще не видал тетиньки, но воображаю ее[9]. — Как-то я писал вам о том, что нельзя искать тихого убежища в жизни, а надо трудиться, работать, страдать[10]. Это все можно, но ежели бы можно было уйти куда-нибудь от этих разбойников с вымытыми душистым мылом щеками и руками, кот⟨орые⟩ приветливо улыбаются. Я, право, уйду, коли еще поживу долго, в монастырь, не Богу молиться — это не нужно, по-моему, а не видать всю мерзость житейского разврата — напыщенного, самодовольного и в эполетах и кринолинах. — Тьфу! — Как вы, отличный человек, живете в Петербурге. Этого я никогда не пойму, или у вас уж катаракты на глазах, что вы не видите ничего.

Л. Толстой

62. Л.Н.ТОЛСТОЙ – А.А.ТОЛСТОЙ

7 августа 1862. Ясная Поляна

Я вам писал из Москвы[1]; я знал все только по письму; теперь, чем дольше я в Ясной, тем больней и больней становится мне нанесенное оскорбление и невыносимее становится вся испорченная жизнь. Я пишу это письмо обдуманно, стараясь ничего не забыть и ничего не прибавить, с тем, чтобы вы показали его разным разбойникам Потаповым и Долгоруким, кот⟨орые⟩ умышленно сеют ненависть против правительства и роняют Государя во мнении его подданных. Дела этого оставить я никак не хочу и *не могу*. Вся моя деятельность, в кот⟨орой⟩ я нашел счастье и успокоенье, испорчена. Тетинька больна так, что не встанет, народ смотрит на меня уж не как на честного человека, мнение,

к⟨отор⟩ое я заслуживал годами, а как на преступника, поджигателя или делателя фальшивой монеты, к⟨отор⟩ый только по плутоватости увернулся. «Что, брат, попался! будет тебе толковать нам об честности, справедливости — самого чуть не заковали». О помещиках, что и говорить, это стон восторга[2]. — Напишите мне, пожалуйста, поскорее, посоветовавшись с Перовским или А. Толстым, или с кем хотите, как мне написать и как передать письмо Государю[3]. Выхода мне нет другого, как получить такое же гласное удовлетворение, как и оскорбление (поправить дело уже невозможно), или экспатриироваться, на что я твердо решился. К Герцену я не поеду[4]. Герцен сам по себе, я сам по себе. Я и прятаться не стану, я громко объявлю, что продаю именья, чтобы уехать из России, где нельзя знать минутой вперед, что меня, и сестру, и жену, и мать не скуют и не высекут, — и уеду. —

Но вот в чем дело и смешно, и гадко, и зло берет. — Вы знаете, что такое была для меня школа, с тех пор как я открыл ее. Это была вся моя жизнь, это был мой монастырь, церковь, в которую я спасался и спасся от всех тревог, сомнений и искушений жизни. Я оторвался от нее для больного брата[5] и, еще более усталый и ищущий труда и любви, вернулся домой и неожиданно получил назначение в Посредники. У меня был журнал[6], была школа, я не посмел отказаться перед своей совестью и ввиду того ужасного, грубого и жестокого дворянства, к⟨отор⟩ое обещалось меня съесть, ежели я пойду в Посредники. Вопли против моего посредничества дошли и до вас[7], но я просил два раза суда, и оба раза суд объявил, что я не только прав, но что и судить не в чем[8]; но не только перед их судом, перед своей совестью я знаю, особенно последнее время, что я смягчал, слишком смягчал закон в пользу дворян. В этот же год начались школы в участке. Я выписал студентов и, кроме всех других занятий, возился с ними. Все из 12, кроме одного, оказались отличными людьми[9]; я был так счастлив, что все согласились со мной, подчинились, не столько моему влиянию, сколько влиянию среды и деятельности. Каждый приезжал с рукописью Герцена в чемодане и революционными мыслями в голове и *каждый*, без исключения, через неделю сжигал свои рукописи, выбрасывал из головы революционные мысли и учил крестьянских детей священной истории, молитвам , и раздавал Евангелия читать на дом. Это факты, все 11 человек делали это без исключения и не по предписанию, а по убеждению. Я голову даю на отсечение, что во всей России в 1862 году не найдется такого 12-го студента. —

Все это шло год — посредничество, школа, журнал, студенты и их школы, кроме домашних и семейных дел. И все это шло не только хорошо, но отлично. Я часто удивлялся себе, своему счастью и благодарил Бога за то, что нашлось мне дело тихое, неслышное и поглощающее меня всего. К весне я ослабел, доктор велел мне ехать на кумыс. Я вышел в отставку[10] и только желал удержать силы на продолжение дела школ и их отраженья — журнала. — Студенты все время ⟨моего⟩ отсутствия вели себя так же хорошо, как и при мне, на рабочую пору они закрыли школы и жили в Ясной с тетинькой. Сестра приехала из-за границы, чтобы повидаться с нами и поместилась в моем кабинете[11]. Меня ждали с дня на день. 6-го июля с колокольчиками и вооруженными жандармами подскакали три тройки к Ясенскому дому. Судьи и властелины мои, от кот⟨орых⟩ зависела моя судьба и судьба 75-летней тетиньки и сестры и 10 молодых людей, состояли из какого-то жандармского полковника Дурново, Крапивенского исправника, станового и *частного пристава* Кобеляцкого, выгнанного из какой-то службы за то, что он был бит по лицу, и занимающего в Туле должность губернаторского Меркурия. Этот самый Господин прочел все те письма, к⟨отор⟩ые читал только я и та, к⟨отор⟩ая их писала[12], и мой дневник, к⟨отор⟩ый никто не читал. — Они подъехали и тотчас же арестовали всех студентов. Тетинька выскочила мне навстречу — она думала, что это я, и с ней сделалась та болезнь, от к⟨отор⟩ой она и теперь страдает. Студентов обыскали везде и ничего не нашли. Ежели бы могло быть что-нибудь забавно, то забавно то, что студенты тут же, в глазах жандармов, прятали в крапиву и жгли те невинные бумаги, кот⟨орые⟩ им казались опасны. Всё кажется опасным, когда вас наказывают без суда и без возможности оправдания. Так что ежели бы и было что-нибудь опасного, вредного, то все бы могло быть спрятано и уничтожено. Так что вся поездка в наших глазах не имеет другой цели, кроме оскорбления и показания того, что Дамоклесов меч[13] произвола, насилия и несправедливости всегда висит над каждым. Частный пристав и жандарм не преминули дать почувствовать это всем в доме: они делали поучения, угрожали тем, что возьмут, требовали себе есть и лошадям корму без платы. Вооруженные жандармы ходили, кричали, ругались под окнами сестры, как в завоеванном крае. Студентам не позволяли перейти из одного дома в другой, чтоб пить чай и обедать. Ходили в подвалы, в ватерклозет, в фотографию, в кладовые, в школы, в физический кабинет, требовали все ключи, хотели ломать, и не показали никакой бумаги, на основании которой это делалось. Всего

этого мало — пошли в мой кабинет, который был в то время спальней сестры, и перерыли все; частный пристав прочел все, что мне писано и что я писал с 16 лет. Не знаю, в какой степени он нашел все это интересным, но он *позволил* сестре выйти в гостиную и *позволил* ей лечь спать, когда пришел вечер, и то только после того, как его об этом попросили. — Тут тоже происходили те же глупые, возмутительные сцены. Они читали и откладывали подозрительные письма и бумаги, а сестра и тетинька, вне себя от испуга, старались прятать самые невинные бумаги[14]. Частному приставу показалось подозрительным письмо *старого* князя Дундукова-Корсакова[15], и секретарь мой утащил это письмо из фуражки, куда оно было отложено. Разумеется, и тут ничего не найдено. Я уверен, что подозрительнее всего показалось то, что нет ничего запрещенного. Я твердо уверен, что ни один петербургский дворец в 1/100 долю не оказался бы так невинен при обыске, как невинна оказалась Ясная Поляна. Мало этого, они поехали в другую мою Чернскую деревню; почитали бумаги покойного брата[16], к⟨отор⟩ые я, как святыню, беру в руки, и уехали, *совершенно* успокоив нас, что подозрительного ничего не нашли, и прочитав всем поученья и потребовав себе обедать.

Я часто говорю себе, какое огромное счастье, что меня не было. Ежели бы я был, то, верно бы, уже судился, как убийца.

Теперь представьте себе слухи, которые стали ходить после этого по уезду и губернии между мужиками и дворянами. Тетинька с этого дня стала хворать все хуже и хуже. Когда я приехал, она расплакалась и упала, она почти не может стоять теперь. Слухи были такие положительные, что я в крепости или бежал за границу, что люди, знавшие меня, знавшие, что я презираю всякие тайные дела, заговоры, бегства и т.п., начинали верить. —

Теперь уехали, позволили нам ходить из дома в дом, однако у студентов отобрали билеты и не выдают, но жизнь наша, и в особенности моя с тетинькой, совсем испорчена. Школы не будет, народ посмеивается, дворяне торжествуют, а мы волей-неволей, при каждом колокольчике думаем, что едут вести куда-нибудь. У меня в комнате заряжены пистолеты, и я жду минуты, когда все это разрешится чем-нибудь. Г-н жандарм постарался успокоить нас, что ежели что спрятано, то мы должны знать, что завтра, может быть, он опять явится нашим судьей и властелином вместе с частным приставом. Одно — ежели это делается без ведома Государя, то надобно воевать и из последних сил биться против такого порядка вещей. Так жить невозможно. Ежели же все это так

должно быть и Государю представлено, что без этого нельзя, то надо уйти туда, где можно знать, что, ежели я не преступник, я могу прямо носить голову, или стараться разуверить Государя, что без этого невозможно.

Простите, пожалуйста, может быть, я компрометирую вас этими письмами, но я надеюсь, что ваша дружба сильнее таких соображений и что вы, во всяком случае, скажете мне прямо ваше мнение обо всем этом и совет. Ежели вы со мной несогласны, может быть, я убежусь вашими доводами, а то, по крайней мере, оставлю вас в покое.

Прощайте, жму вашу руку и кланяюсь всем вашим, к⟨отор⟩ые, признаюсь, мне все представляются в каком-то нехорошем свете, мне кажется, вы все виноваты.

Л. Толстой

7 августа.
Ясн⟨ая⟩ Пол⟨яна⟩.

63. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

18 августа 1862. Либава

Libau. 18 août 1862

Votre première lettre m'avait déjà bouleversée, mon cher Léon, mais celle d'hier m'a fait verser des larmes amères, et j'éprouve une angoisse dont il me serait difficile de vous donner la mesure. —

Nous avons lu et relu votre lettre ensemble, Lise, Boris et moi — nous nous sommes concertés longtemps sur ce qu'il y a à faire, et toutes nos conclusions sont restées peu consolantes. Boris dit qu'il faut *tenter* d'obtenir une réparation, mais il n'espère pas que nous arrivions à ce résultat. Le gouvernement ne comprendra pas votre exigence, parce qu'il a fait à votre égard ce qu'il a fait à l'égard de milliers de personnes. D'ici, il nous serait difficile de vous donner un bon conseil et je ne vous écris que pour ne pas vous laisser longtemps en suspension dans la disposition d'esprit où vous êtes; mais dans quelques jours, nous serons rentrés à Pétersbourg et de là je tâcherai de vous écrire ce que j'aurai fait et à quoi nous nous serons arrêtés. Cependant Boris pense qu'il n'y a pas de temps à perdre et vous engage d'écrire immédiatement à l'Emp⟨ereur⟩ — de nous envoyer cette lettre ouverte, предоставляя нам право распоряжаться этим письмом по нашему усмотрению. Boris regrette extrêmement qu'il y ait quelques expressions trop crues dans votre lettre, car autrement on aurait pu presque la montrer en original à l'Emp⟨ereur⟩.

Dans tous les cas, je m'en vais la copier et après en avoir retranché quelques paroles, je la montrerai a Dol⟨goroukoff⟩ sans lui cacher certainement toute la profondeur de mon indignation et de mon dégoût. Mais je doute qu'il se décide, lui, à porter des plaintes contre lui-même. — Je n'hésiterais pas à remettre votre lettre à l'Emp⟨ereur⟩ moi-même, — mais je ne le ferais que dans le cas où je ne risquerais pas de gâter l'affaire, car l'opinion personnelle d'une femme, d'une parente, aura, je le crains, bien peu d'influence; il faut qu'elle soit soutenue par un plus fort, d'autant plus que je sais que, grâce à la malheureuse chanson, on a gardé une mauvaise impression sur votre compte, et c'est peut-être à elle que vous devez toute cette abominable injustice. Boris et Alexis vous soutiendront sans aucun doute, mais excepté eux, ne pourrez-vous pas me nommer encore quelqu'un à Pétersbourg qui vous connaisse beaucoup et soit de ces parages. Du reste, ceci на всякий случай, pour avoir plus d'une corde à son arc. Je prie Dieu de m'inspirer chaque mouvement qui peut vous tirer de cette impasse et que la vérité de vos paroles puisse convaincre les autres comme elle nous a convaincu ici. Qu'y a-t-il d'étonnant que moi j'aie pleuré en lisant ces atroces détails qui ont bouleversé votre existence. Mais si vous aviez vu la colère de Boris et les grosses larmes qu'il avait de la peine à retenir, vous auriez compris que même dans ce cercle qui vous inspire tant de dégoût, il y a des cœurs que l'injustice et l'arbitraire révoltent profondément.

Et maintenant, que vous me croyez ou non, je vous dirai que ma conviction la plus profonde c'est que non seulement l'Empereur, mais même D⟨olgoroukoff⟩ ignore parfaitement le mode de procéder de leurs délégués. Ce dernier n'en est pas moins inexcusable, si toutefois on ne peut admettre l'excessive difficulté des temps où la trahison est partout, ainsi que le complot et le débordement democratique. De là cette défiance, cette investigation générale et partout cette injustice, — laissez-moi dire involontaire, — qui retombe souvent sur les gens innocents et honnêtes. — Comprenez-moi bien: ce n'est pas une défense en faveur de l'arbitraire, mais je vous expose ce qui est, pour que vous ne pensiez pas que c'est une mesure spécialement dirigée contre vous, — non, seulement vous avez eu le malheur de tomber innocemment dans la masse des suspects qui remplissent la Russie. Ce n'est pas une consolation, il est vrai, car personne ne vous rendra ce qu'on vous a enlevé, pour ainsi dire, d'un coup de main, en bonheur et en quiétude, mais je le répète, l'état des choses actuelles rend cette offense moins significative. —

D'un autre côté, ils sont *inexcusables* de leur ignorance et de leur brutalité — je n'ai point de paroles pour qualifier cette action-là. Le sang me bouillonnait dans les veines pendant que je les voyais fouiller dans votre sanctuaire. Seulement, ce qui est sûr, c'est que ces êtres-là n'auront gardé ni impression ni souvenir de cette lecture. Il leur faut une nourriture plus salée. Больно, ужасно больно мне за вас, — но как довольно благодарить Бога за то, что вас там не было. Vous auriez commis une action que tous les honnêtes gens auraient compris et excusé, mais que vous ne vous seriez jamais pardonné dès que votre colère serait tombée.

Mon cher Léon, an nom de tout ce que vous avez eu de sacré dans la vie, je vous supplie de ne pas vous laisser aller à un parti extrême, quoi qu'il arrive, surtout avant que le calme ne soit revenu complètement, et dans ce calme il y aura, j'en suis sûre, un autre ordre de choses qui surgira dans votre âme. N'écoutez aucun conseil de l'orgueil, de l'amour-propre blessé et même de l'honneur attaqué. Pesez ces choses devant ce même Dieu qui vous a donné des jours de paix et de bonheur. Ne donnez pas gain de cause à ces êtres méprisables qui triomphent pour le moment de ce qu'ils appellent votre défaite. En restant tranquillement là où vous êtes, en continuant vos travaux, vous les ferez enrager bien plus. N'avez-vous pas assez d'estime de vous-même pour être convaincu que tout peut se regagner, et même avec usure. Je ne veux pas que vous quittiez Я⟨сную⟩ П⟨оляну⟩. Nulle part, vous ne pourrez être aussi heureux et, ce qui plus est, aussi utile. Ne sacrifiez pas cette réalité-là à votre colère, si juste qu'elle soit. Et, s'il est possible, *pardonnez*. Personne ne le comprendra peut-être en ce moment, mais on le reconnaîtra un jour à des fruits bénis. Теперь вы истинно стоите на распутьи. Надобно выбирать между людьми и Богом, между ненавистью, которая губит себя и других, и любовью и прощением, которые живут вечно. Не преступайте этот закон даже в виду ваших личных терзаний и неудобств. Это может быть самая решительная минута в вашей жизни. Надобно ее обдумать поглубже, сколько возможно беспристрастно и со всех сторон, а их много, и в пылу, впрочем, самой понятной раздражительности, легко может ускользнуть самый прямой аргумент. — Rien, dans le fait, n'est plus impitoyable qu'un homme injustement maltraité et qui se sent fort de son innocence. Humainement parlant, on n'a rien à lui reprocher, et c'est bien là *votre* position, mais il y a quelque chose de mille fois plus grand que cette innocence, et vous le comprendrez dès que vous descendrez scrupuleusement dans votre conscience. Chose singulière, — nous ne craignons pas de commettre mille iniquités et injustices envers le Seigneur, — et la première,

qui nous frappe, nous paraît une chose monstrueuse et impossible à supporter. Je l'ai éprouvé bien des fois personnellement. — Au nom du Ciel, ne prenez pas cela pour de la morale importune et hors de propos. J'ai le cœur déchiré, je suis malade de votre chagrin, mais votre mal est si grand, votre position si douloureuse que les petits remèdes me dégoûteraient et je ne saurais en parler. — Votre pauvre tante, elle me fait une affreuse peine, — ce ne serait pas le moment de la quitter, et votre sœur aussi. L'idée de craindre d'être compromise par vos lettres ne m'est jamais venue et je m'étonne que vous l'ayez eue. Je suis ce que je suis — громко, открыто — et je ne comprendrai même jamais les *considérations*.

J'attends votre réponse avec impatience et je vous bénis de loin avec la tendresse d'une mère. Que Dieu vous inspire.

⟨*Перевод*:⟩

Либава. 18 августа 1862

Уже ваше первое письмо взволновало меня, дорогой Лев, а вчерашнее заставило меня плакать[1] горькими слезами, и я чувствую такую беспредельную тоску, о которой мне трудно вам рассказать. —

Мы читали и перечитывали ваше письмо, — Лиза, Борис и я, мы долго соображали, что делать, и все наши решения мало утешительны. Борис говорил, что надо *попытаться* добиться удовлетворения, но он не надеется, что нам удастся достигнуть этого результата. Правительство не поймет вашего требования, потому что по отношению к вам оно поступило точно так же, как по отношению к тысяче других. Отсюда нам трудно дать вам какой бы то ни было полезный совет, и пишу я вам только для того, чтобы не оставлять вас долго в том настроении, в котором вы сейчас находитесь; но через несколько дней мы вернемся в Петербург, и оттуда я вам напишу[2], что я предприняла и на чем мы остановились. Вместе с тем Борис думает, что не нужно терять времени и предлагает вам немедленно написать Государю[3] и прислать нам это письмо незапечатанным, *предоставляя нам право распоряжаться этим письмом по нашему усмотрению*. Борис ужасно сожалеет, что в вашем письме есть несколько слишком резких выражений, — так как иначе его можно было бы показать в подлиннике Государю. Во всяком случае я его перепишу и, выпустив несколько выражений, покажу его Дол⟨горукову⟩, не скрывая при этом, конечно, всей силы моего негодования и отвращения. Но я сомневаюсь, чтоб он решился пожаловаться на самого себя[4]. — Я не задумаюсь лично передать письмо Государю, но я сделаю

это только в том случае, если оно не будет связано с риском испортить дело, так как частное мнение женщины, особенно родственницы, вряд ли может иметь какое-либо значение. Надо, чтобы оно было поддержано кем-либо более значительным, особенно потому, что, насколько мне известно, мнение о вас осталось плохое, благодаря той несчастной песенке[5], и очень может быть, что как раз ей вы обязаны всей этой гнусной несправедливостью. Борис и Алексей вас, конечно, поддержат, но не могли бы вы, кроме них, назвать еще кого-нибудь в Петербурге, кто бы вас хорошо знал и был бы того же круга. Впрочем, это *на всякий случай*, чтобы иметь больше средств к достижению цели. Молю Бога, чтоб он научил меня, как выручить вас из этого безвыходного положения, и чтобы искренность ваших слов могла убедить других точно так же, как она убедила нас. Что удивительного в том, что я плакала, читая эти ужасные подробности, перевернувшие вверх дном всю вашу жизнь? Но если бы вы видели гнев Бориса и крупные слезы, которые он не мог сдержать, вы поняли бы, что даже в этом кругу, внушающем вам такое отвращение, есть сердца, которых несправедливость и произвол глубоко возмущают.

А затем, хотите верьте — хотите нет, но мое самое искреннее убеждение то, что не только Государь, но даже Д⟨олгоруков⟩ понятия не имеют об образе действий их слуг[6]. Это не является оправданием последнего, если только не принять во внимание чрезвычайно тяжелые времена, когда везде предательство, заговоры и чрезмерный демократизм. Отсюда эта подозрительность, повальные обыски и всюду эта несправедливость — скажу — невольная, которая часто падает на людей невинных и честных. — Поймите меня: я не защищаю произвола, но я обращаю ваше внимание на то, что есть, чтобы вы не подумали, что эта мера направлена исключительно на вас. Нет, вы, к несчастью, незаслуженно попали в общую массу подозрительных людей, наводняющих Россию. Это, конечно, не утешение, так как никто не вернет вам того, что у вас отняли, так сказать, одним взмахом руки, в смысле спокойствия и счастья, но повторяю, настоящее положение вещей делает эту обиду менее чувствительной. —

С другой стороны, им *нет оправдания* в их невежестве и наглости, — у меня нет другого выражения, чтобы определить этот поступок. Кровь клокочет у меня в жилах, когда я представляю их себе роющимися в вашем святилище. Только одно можно сказать с уверенностью, что эти люди не сохранят ни впечатления, ни воспоминания о том, что

читали. Им нужна более острая пища. *Больно, ужасно больно мне за вас, — но как довольно благодарить Бога за то, что вас там не было*. Вы совершили бы поступок, который все порядочные люди поняли бы и простили, но который вы сами себе никогда не простили бы, как только прошел бы ваш гнев[7].

Лев, дорогой мой, во имя всего, что у вас было святого в жизни, умоляю вас не принимать никаких крайних мер, что бы ни случилось, особенно до тех пор, пока вы не успокоитесь совершенно; в этом спокойствии, я уверена, вы обретете иной взгляд на вещи. Не слушайте никаких советов, подсказанных вам гордостью, оскорбленным самолюбием и даже задетой честью. Взвесьте все это перед тем самым Богом, который посылал вам дни покоя и счастья. Не давайте одержать верх этим презренным людям, торжествующим теперь то, что они называют вашим поражением. Оставаясь спокойно там, где вы находитесь, и продолжая ваши работы, вы взбесите их несравненно больше. Неужели у вас нет настолько уважения к самому себе, чтобы быть уверенным, что все можно приобрести снова и даже с лихвою. Я не хочу, чтобы вы уезжали из *Я⟨сной⟩ П⟨оляны⟩*. Нигде вы не будете так счастливы и, что еще важнее, так полезны. Не приносите в жертву вашему гневу, как бы ни был он справедлив, того, что у вас теперь есть. И если возможно — *простите*. Теперь этого не поймут, быть может, но когда-нибудь впоследствии оценят по благим плодам. *Теперь вы истинно стоите на распутьи. Надобно выбирать между людьми и Богом, между ненавистью, которая губит себя и других, и любовью и прощением, которые живут вечно. Не преступайте этот закон даже в виду ваших личных терзаний и неудобств. Это может быть самая решительная минута в вашей жизни. Надобно ее обдумать поглубже, сколько возможно беспристрастно и со всех сторон, а их много, и в пылу, впрочем, самой понятной раздражительности, легко может ускользнуть самый прямой аргумент*. — В сущности, нет ничего более безжалостного, как несправедливо обиженный человек, твердо сознающий свою невинность. Говоря по человечеству, его не в чем упрекать, и в этом *ваше* преимущество, но есть нечто в тысячу раз более великое, чем эта невинность, и вы это поймете, как только внимательно посмотрите в свою совесть. Удивительное дело — мы не боимся делать тысячу несправедливостей и беззаконий по отношению к Богу, а первая обрушившаяся на нас несправедливость кажется нам чудовищным фактом, который немыслимо перенести. Я сама испытала это неоднократно. Бога ради, не сочтите это за назойливое и несвоевремен-

ное нравоучение. У меня сердце разрывается на части, меня удручает ваше горе, но ваше бедствие настолько велико, ваше положение так мучительно, что обычные лекарства мне противны и не хотелось бы о них говорить. Вашу бедную тетушку мне ужасно жаль; теперь не время ее покидать, точно так же, как и вашу сестру. Мысль о том, что ваши письма могут меня скомпрометировать, никогда не приходила мне в голову и меня удивляет, что она могла вам прийти. Я то, что я есмь, — *громко, открыто,* и никогда не пойму даже *осторожности*.

Нетерпеливо жду вашего ответа[8] и благословляю вас с материнской нежностью. Да направит вас Бог.

64. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

7 сентября 1862. Москва

Милый друг Alexandrine.

Какой я счастливый человек, что у меня есть такие друзья, как вы! Ваше письмо так обрадовало и утешило меня! А на меня все несчастья в последнее время: жандармы, цензура такая на мой журнал, что завтра только я выпускаю июнь и без моей статьи, которая послана зачем-то в Петербург[1], и 3-е главное несчастье или счастье, как хотите, судите. Я, старый, беззубый дурак, влюбился[2]. Да. Я написал это слово и не знаю, правду ли я сказал и так ли я сказал. Не следовало бы этого писать, но вам мне хочется объяснить, почему я ко всему тому, что со мной было, не то, что равнодушен, — но далек от всего, — как будто с тех пор прошло уже много, много времени. Не следовало же вам писать, потому что, должно быть, на днях я так или иначе выйду из того запутанного, тяжелого и вместе с тем счастливого положенья, в котором я нахожусь. Вы сами знаете, что это бывает всегда не так, как пишется и рассказывается, всегда так сложно, запутанно, так много такого, чего рассказать нельзя. Когда-нибудь с радостью или с грустью воспоминанья расскажу вам все. Одного боишься, как бы не быть виноватым перед собою. И правил никаких нет и быть не может, а есть одно чувство; и его-то и боишься. —

Письмо я подал здесь Государю через флигель-адъют⟨анта⟩, кажется, Шереметева[3]. Я просил позаботиться о участи этого письма Крыжановского[4]. Я нахожусь в положении человека, котор⟨ому⟩ наступили на ногу и который не может выгнать от себя впечатления умышленного оскорбления — и непременно хочет узнать, нарочно ли это сделали

или нет, и желает или удовлетворенья, или только чтобы ему сказали: pardon. Я в себе теперь уж замечаю все скверные инстинкты, к⟨отор⟩ые мне так противны бывали в других. Цензура испортит мне статью, на почте пропадет письмо, мужики придут жаловаться, что у них отрезали землю, я не так, как прежде, стараюсь, чтоб ⟨статью⟩ пропускали, чтоб письма не пропадали, чтоб мужикам возвратить землю, а думаю: ну так и есть, разве может быть у нас что бы нибудь другое, черт с ними, надо бежать из такого государства, надо все бросить и т.п. Все это глупо, гадко, есть признак слабости и ничтожества, и я это знаю, и теперь больше, чем когда-нибудь, хочу любовно и, главное, спокойно смотреть на все и на всех. Я хотел написать только две строчки в ответ на ваше письмо; а напишу все, когда буду на берегу — на том или на этом. Прощайте, милый, дорогой друг, дай Бог вам того спокойствия, которое я теперь так ясно и всей душой для себя ищу и желаю.

7 сентября. Л. Толстой

Отличному Борису Алексеевичу пожмите от меня руку и благодарите за участие, к⟨отор⟩ое он во мне принимает[5].

65. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

19 или 20 сентября 1862. Москва

Помните ли, любезный, дорогой друг Alexandrine, вы мне говорили: когда-то вы так же ⟨напишете⟩, как Вл⟨адимир⟩ Иславин[1] писал Кат⟨ерине⟩ Ник⟨олаевне⟩[2], что вы любите и женитесь. Теперь я пишу. В воскресенье, 23 сентября, я женюсь на Софье Берс[3] — дочери моего друга детства Любочки Исленьевой[4]. Для того чтобы дать вам понятие о том, что она такое, надо бы было писать томы; я счастлив, как не был с тех пор, как родился. — Разумеется, она вас уже знает и любит. Как я буду счастлив еще, когда привезу ее к вам[5] и с замиранием сердца, хотя и с уверенностью, буду наблюдать за впечатлением, которое она произведет на вас. — Пишите мне, пожалуйста, в Ясную. О письме и жандармах[6] я только желаю одного, чтобы меня забыли все, кроме близких друзей. Целую ваши руки.

Ваш Л. Толстой

66. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

21 сентября 1862. Царское Село

Mon cher Léon, ce petit mot est pour vous dire que les projets de Lise sont changés et qu'elle ne va plus à Loubianky — au moins pas encore de sitôt. Ainsi ne l'attendez pas, vous savez que moi, j'attends de vos nouvelles avec fièvre. Что-то у вас делается?

Je relis souvent votre dernière lettre comme si elle pouvait m'apprendre quelque chose de nouveau. Je vous embrasse en toute hâte et je vous écrirais *après*. Que Dieu vous inspire et vous aide.

A.

21 sep⟨tembre⟩ 1862.

⟨*Перевод*:⟩

Дорогой Лев, в этой записочке хочу сообщить, что у Лизы изменились планы, и она уже не поедет в Лубянки, по крайней мере в ближайшее время. Так что не ждите ее. Вы знаете, что я с нетерпением жду от вас новостей. *Что-то у вас делается?*

Я часто перечитываю ваше последнее письмо[1], будто хочу в нем найти что-то новое. Обнимаю вас, очень спешу, напишу вам *после*[2]. Помоги и направи вас Господь.

А.

21 сен⟨тября⟩ 1862.

67. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

23 сентября 1862. Царское Село

Mon cher excellent Léon. J'ai reçu hier votre *heureuse* lettre. Comme je vous remercie de m'avoir prévenue du jour de votre noce. Je l'ai littéralement passé avec vous, dès le premier moment de mon réveil — проснулась с радостным чувством вашего счастья и праздновала втихомолку по-своему — глубоко и серьезно, и знаю, что и в вашей душе было *глубоко*. Que Dieu soit mille fois béni pour notre joie à tous, et que vous en soyez digne toujours! C'est justement une des sœurs Bers que j'ai désirée et espérée pour vous en apprenant que vous aviez l'intention de vous marier. Je ne savais pas laquelle, ne les connaissant pas individuellement, mais d'après le bien qu'on m'en avait dit, je savais que chacune d'elles serait un bon choix. — Catherine

Shostack se réjouit énormément de ce que vous soyez devenu son neveu, et moi, d'avoir acquis une внучка charmante. Je ne vous demande pas de lettres en ce moment, mais vous m'écrirez un jour avec plus de détails, — ce qui serait encore mieux, c'est de venir vous-même avec votre femme; si cela se faisait, je le prendrais réellement comme une gâterie du sort, tant je suis impatiente de la voir et de l'aimer *de près*.

Je ne sais pourquoi je me suis représentée que votre noce s'est faite le matin. Durant le service divin, je vous ai tenus tous les deux dans mon cœur avec prière et bénédictions. Lise se joint à moi pour vous embrasser et vous féliciter. — Voilà donc notre enfant prodigue fixé à tout jamais. Радуюсь, радуюсь, радуюсь.

Votre vieille et fidèle amie A. Tolstoy

23 sep⟨tembre⟩ 1862.
Z⟨arskoe⟩ Sélo.

P.S. Félicitez de ma part votre bonne tante et Marie — j'imagine comme elles ont été contentes. — Nos deux jeunes princesses que nous avons élevées à aimer tous nos amis, se sont énormément réjouies de votre mariage et m'ont priée à plusieures reprises de ne pas oublier de vous dire de leur part qu'elles vous félicitent et que vous êtes un de leurs bons souvenirs. — Vraiment j'ai été touchée de la part affectueuse qu'elles ont prise à notre joie.

А все-таки Труба, direz-vous!

⟨*Перевод*:⟩

Дорогой мой, бесценный Лев. Вчера я получила ваше *счастливое* письмо[1]. Как я вам благодарна за то, что вы сообщили мне о дне вашей свадьбы! Я буквально-таки провела его с вами с самой минуты моего пробуждения — *проснулась с радостным чувством вашего счастья и праздновала втихомолку по-своему — глубоко и серьезно, и знаю, что и в вашей душе было *глубоко**. Да будет тысячу раз благословен Бог за нашу общую радость, и будьте вы ее всегда достойны! Узнав о вашем намерении жениться, я мечтала для вас именно об одной из сестер Берс. Я не знала, которой желать, так как незнакома с ними лично, но, судя по тому, что мне о них говорили, знала, что каждая из них будет достойна вашего выбора. Катерина Шостак страшно радуется, что вы сделались ее племянником[2], а я тому, что приобрела очаровательную *внучку.* Я не требую сейчас от вас писем, но со временем вы мне напишете более подробно[3], — а что было бы еще лучше — это приехать самому с вашей

женой[4]; если б это случилось, я сочла бы это величайшим баловством судьбы, так мне хочется увидать и полюбить ее *вблизи*.

Не знаю, почему, но мне казалось, что ваше венчание было утром[5]. В течение всей божественной службы вы оба были у меня в сердце вместе с молитвой и благословениями. Лиза присоединяется ко мне, чтобы поцеловать и поздравить вас. Вот наконец наш блудный сын утвердился на вечные времена. *Радуюсь, радуюсь, радуюсь*.

Ваш старый и верный друг А. Толстая

23 сен⟨тября⟩ 1862.
Ц⟨арское⟩ Село.

P.S. Поздравьте за меня вашу милую тетушку и Мари — воображаю, как они счастливы![6] — Наши обе молоденькие княжны[7], которых мы воспитали так, что они любят всех наших друзей, ужасно обрадовались вашей женитьбе и неоднократно просили меня передать вам их поздравления и сказать, что они сохранили о вас наилучшее воспоминание. Правда, я была тронута их сердечным участием в нашей радости.

А все-таки Труба[8], скажете вы!

⟨*На конверте*:⟩

Его сиятельству
графу Льву Николаевичу
Толстому.
В Тулу.

68. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

28 сентября 1862. Ясная Поляна

Любезный дорогой друг и бабушка!

Пишу из деревни, пишу и слышу наверху голос *жены*, которая говорит с братом[1] и которую я люблю больше всего на свете. Я дожил до 34 лет и не знал, что можно так любить и быть так счастливым. Когда буду спокойнее, напишу вам длинное письмо — не то, что спокойнее — я теперь спокоен и ясен, как никогда не бывал в жизни, но когда буду привычнее. Теперь у меня постоянно чувство, как будто я украл незаслуженное, незаконное, не мне назначенное счастье. Вот она идет, я ее слышу и так хорошо. Благодарю вас за последнее письмо[2]. И за что меня любят такие хорошие люди, как вы, и что всего удивительнее, как

такое существо, как моя жена. Здоровье тетиньки все нехорошо[3]. С того испуга у ней сделалась женская болезнь, и она с трудом может ходить и стоять. Теперь радость как будто подняла и подкрепила ее. Как жаль, что Лиза не будет у нас[4], мы уже так было замечтали, и жена начала даже бояться. Ведь вы придворные. Она не понимает еще и описать нельзя, что такое *вы*. Прощайте, целую ваши руки.

Л. Толстой

28 сентября.

69. Л.Н. ТОЛСТОЙ и С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

5 октября 1862 г. Ясная Поляна

⟨*Рукой С.А. Толстой:*⟩

Votre aimable lettre, ma nouvelle chère tante, a été une grande et agréable surprise pour moi. Je n'ai pas encore mérité tant de bonté de votre part, et je sais que c'est à Léon que je dois le bonheur d'avoir une si bonne et aimable parente. Léon m'a tant parlé de vous que je suis déjà habituée à vous aimer et apprécier l'affection que vous avez pour mon mari. Je vous connais déjà un peu d'après les lettres que vous lui avez écrites et qu'il m'a montré, et d'après votre portrait que je lui ai enlevé. Je ferai tout mon possible de le rendre heureux et je sais que c'est le seul moyen de gagner votre cœur. Quant à moi, je n'ai jamais douté un instant de mon bonheur. Je connais Léon dès mon enfance et je l'ai toujours aimé de tout mon cœur.

J'espère que nous irons bientôt à Pétersbourg, ma chère tante, et alors j'aurai enfin le bonheur de faire votre connaissance. Et si vous êtes un jour à Moscou, maman sera bien heureuse de vous voir chez elle, j'en suis persuadée, car elle aussi vous connaît un peu d'après les récits de Léon. Je vous prie, ma tante, de présenter mes respects à madame la comtesse votre mère et à mes deux autres tantes.

Je me dis, ma chère tante, votre respectueuse nièce

C. Sophie Tolstoy

Ce 5 octobre 1862*.

---

* Ваше милое письмо[1], моя дорогая новая тетушка, было для меня приятной неожиданностью. Я еще не могла заслужить вашего расположения и знаю, что вы так добры и милы ко мне только благодаря Льву. Он мне столько говорил о вас, что я уже привыкла вас любить и ценить вашу любовь к моему мужу. Я уже вас знаю немного по вашим письмам к нему, которые он мне показал, и также по вашему порт-

⟨*Рукой Л.Н. Толстого:*⟩

Мне досадно за это письмо к вам от Сони[5], дорогой друг Alexandrine, я чувствую, что ваши прямые отношения будут совсем другие — а между прочим, должно быть, так надо. Вы понимаете, что я про нее теперь не могу говорить правды — я сам себя боюсь и боюсь недоверия других. Одно — сразу она поражает тем, что она — честный человек, именно *честный* и именно *человек*. Вот вы ее увидите, Бог даст.

Какое прелестное, дорогое мне ваше письмо[6], как оно приходится в тон того счастливого положения, в котором я живу теперь два месяца. Куда это идет? — не знаю, только с каждым днем мне спокойнее и лучше. Я было уже устал делать счеты с собою, начинать новые жизни (помните), было примирился с своей гадостью, стал себя считать, хоть не положительно, но сравнительно хорошим, теперь же я отрекся от своего прошедшего, как никогда не отрекался, чувствую всю свою мерзость всякую секунду, примериваясь к ней, к Соне, «но *строк печальных не смываю*»[7]. — Вот 2 недели и я как будто чувствую себя чистым еще и всякую секунду дрожу за себя: вот-вот спотыкнешься. Так страшно ответственно жить вдвоем. — Я вам это все пишу от того, что я вас всей душой люблю. Это святая правда. Ужасно страшно мне жить теперь, так чувствуешь жизнь, чувствуешь, что всякая секунда жизни в правду, а не такая, как прежде была — так покаместа. —

Главный вопрос, интересующий вас во мне, увы, еще не тронут, но я чувствую себя мягким, восприимчивым на все. Пишите мне[8], пожалуйста, по-старому. Прощайте. —

Она читает это письмо и ничего не понимает и не хочет понимать, и не нужно ей понимать, то самое, до чего наш брат доходит целым трудовым болезненным кругом сомнений, страданий, для этих счастливых иначе не может быть.

рету, который я у него похитила. Я сделаю все возможное, чтобы он был счастлив, и знаю, что только этим могу заслужить вашу любовь. В моем же счастье я никогда не сомневалась. Я знаю Льва с детства и всегда любила его всем сердцем.

Надеюсь, что мы скоро поедем в Петербург и тогда наконец я буду иметь счастье познакомиться с вами[2]. А если когда-нибудь вам случится быть в Москве, мамá[3] будет очень рада повидаться с вами: ведь она также знакома с вами по рассказам Льва. Прошу вас передать мое почтение вашей матушке и двум другим моим тетушкам[4]. Ваша почтительная племянница гр. Софья Толстая 5 октября 1862 г. (*фр.*).

⟨*Рукой С.А. Толстой:*⟩

Я не могу, милая тетенька, оставить все это так. Он ошибается, я всё понимаю, все решительно, что до него касается, а письмо его так мрачно оттого, что у него болит голова и он не в духе.

⟨*Рукой Л.Н. Толстого:*⟩

Ну вот видите!

70. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ и С.А. ТОЛСТОЙ

10 ноября 1862. Царское Село

Mes chers amis Léon et Sophie, je ne vous ai pas encore remercié pour vos lettres dont j'ai véritablement *joui* de chacune dans son genre et j'avais si envie d'y répondre de suite, mais vous autres privilégiés de la campagne et de la solitude, vous ne pouvez pas même comprendre ce que c'est que d'être paralysé dans tous ses élans faute de loisir. — Enfin pour moi c'est toujours la même chanson — et aujourd'hui encore au lieu de bavarder avec vous de plénitude de cœur, je dois me borner à griffoner quelques lignes pour accompagner les cartes ci-jointes que je vous envoie en signe de gratitude pour votre amitié сознательная и несознательная et aussi par coquetterie vis-à-vis de Sophie pour qu'elle n'ait pas devant ses yeux la vilaine carte que j'avais donnée à Léon. Je trouve celles-ci meilleures. Que chacun de vous en prenne une et je vous dirai ensuite laquelle je destine dans ma pensée à Léon et laquelle à Sophie. Je suis sûre que Léon choisira juste. En reponse à votre dispute conjugale épistolaire je vous dirai, ma chère Sophie, qu'il faut vous résigner à ne pas comprendre quelquefois le langage de nous autres *vieux*. Ce serait même bien regrettable s'il vous était tout à fait intelligible. Les brusques enjambées sont comme des maladies violentes: elles vieillissent avant le temps. Qu'il vous suffise d'être aimée, d'être heureuse, de donner le bonheur et d'en remercier Dieu. C'est la voie qu'Il a ouverte pour vous — marchez y joyeusement, et entraînez Léon à la suivre avec vous en toute simplicité et confiance sans se creuser l'esprit s'il mérite ou non son bonheur. Si nous nous voyons un jour, nous en parlerons avec plus de détails. Maman et ma sœur ont passé votre porte avec la ferme résolution d'entrer chez vous, mais malheureusement elles ont été arrêtées à une station et n'auraient pu arriver à Ясная Поляна qu'à minuit passé. Comme de raison elles ont dû

y renoncer pour ne pas tomber chez vous à une heure si indue, mais elles le regrettent beaucoup.

Je vous écris au moment de quitter Zarskoe Sélo où nous sommes restées jusqu'à ce moment, et pour être fidèle à mon rôle de Juif Errant, je pars après-demain pour Varsovie avec ma jeune Princesse qui veut faire une visite à son oncle et sa tante. Nous n'y passerons qu'une quinzaine de jours. A mon retour, j'espère avoir une lettre de Léon et qu'elle soit toute remplie de vous deux. Plus que jamais son житье-бытье m'intéresse. Adieu, mes chers enfants, je vous embrasse de tout mon cœur. Que Dieu soit avec vous.

Votre vieille tante A. Tolstoy

10 nov⟨embre⟩ 1862. Z⟨arskoe⟩ Sélo.

⟨*Перевод*:⟩

Дорогие мои друзья, Лев и Софи, я еще не поблагодарила вас за ваши письма[1], которыми я буквально-таки *наслаждалась*, каждым в своем роде, и мне так хотелось немедленно ответить вам, но вы, избалованные деревней и уединением, не можете даже понять, что значит быть связанной недостатком времени во всех своих стремлениях. Одним словом, для меня всегда одна и та же песня, и сегодня опять, вместо того чтобы поболтать с вами по душе, я должна удовольствоваться тем, что нацарапаю всего несколько слов в придачу к карточкам, которые я вам посылаю в знак благодарности за вашу дружбу *сознательную и несознательную*, а также из чувства кокетства по отношению к Софи, чтобы у нее перед глазами не была та ужасная карточка, которую я дала когда-то Льву. Я нахожу, что эти удачнее. Пусть каждый из вас возьмет себе по одной, а потом я скажу, какую я мысленно предназначала Льву и какую Софи. Я уверена, что Лев выберет правильно. В ответ на ваш супружеский спор в письме, я вам скажу, дорогая Софи, что нужно примириться с тем, что вам не всегда будет понятен наш язык, язык *стариков*; было бы даже очень прискорбно, если б он был вам совсем понятен. Резкие скачки, как тяжелые болезни, преждевременно старят. Довольствуйтесь тем, чтоб быть любимой, счастливой, давать счастье и благодарить за него Бога. Он указал вам этот путь — идите по нему с радостью и увлекайте с собой Льва, пусть он идет с вами доверчиво и просто, не ломая себе головы над тем, заслуживает ли он свое счастье или нет. Если мы когда-нибудь увидимся[2], то поговорим об этом более подробно. Маменька и сестра твердо решили заехать к вам, но их задержали, к сожалению, на одной станции, и они приехали бы в *Ясную

Поляну* только после полуночи. Поэтому они и отказались от этой мысли, чтобы не попасть к вам в такой неурочный час, но ужасно сожалеют об этом.

Пишу вам перед самым отъездом из Царского Села, где мы оставались до сих пор, и чтоб остаться верной своей роли Вечного Жида[3], послезавтра я уезжаю в Варшаву с моей молодой княжной[4], которая хочет навестить своих дядю и тетку[5]. Мы пробудем там не больше двух недель. По возвращении я надеюсь получить письмо от Льва[6], полное вами обоими. Его *житье-бытье* интересует меня теперь больше, чем когда-либо. Прощайте, дорогие мои дети, целую вас от всего сердца. Да сохранит вас Господь.

Ваша старая тетка А. Толстая

10 ноя⟨бря⟩ 1862. Ц⟨арское⟩ Село.

1863

71. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

1 мая 1863. Сергиевское

1-er mai 1863

Mon cher Léon, vous êtes absolument comme les romans qui d'ordinaire s'arrêtent au chapitre du mariage — c'est-à-dire au moment où la vie devient le plus intéressante, parce qu'on est appelé à mettre en œuvre tous les matériaux préparés jusque là. Tout l'hiver s'est passé sans m'apporter un seul mot de vous. Je n'en ai pas été *offensée*, mais *très sensible* à ce complet oubli de votre part.

Après avoir partagé toutes les bourrasques de votre existence il me semblait que j'avais le droit d'avoir quelques nouvelles du port où vous êtes arrivé. J'espérais bien que vous êtes heureux, complètement heureux, mais quand on connaît l'homme en général et vous en particulier, il reste toujours un fond d'appréhension si ce n'est d'inquiétude, qui a besoin d'être rassuré. Comment ne l'avez-vous point compris? Quant à moi, si je n'ai pas écrit, ce n'est certes pas par susceptibilité, mais les campagnes de l'hiver qui sont d'habitude fort rudes pour moi, ont été cette année plus difficiles que jamais. — J'ai marié ma jeune fille, je m'en suis séparée; cela se dit en deux

mots, mais pendant que les choses marchaient j'ai vécu dix existences, je me suis dit bien des fois que cela valait bien la peine de ne pas se marier pour éprouver toutes les douleurs et les préoccupations de la maternité. Cependant je n'aurais pas voulu que ce fût autrement. Le public était dans le ravissement du Prince de Bade et de ce mariage. J'ai jugé les choses plus profondément et à ma manière — les thèses générales ne me suffisaient pas, et sans être mécontente, je n'étais jamais dans une sécurité complète. Celle-ci ne pourra venir que dans quelques années; mais j'ai dû convenir qu'il y a des chances, et en attendant Maroussia est heureuse. Après son départ je me suis sentie un instant complètement désorientée et avec le sentiment d'un soldat qui aurait déserté son drapeau. Ma liberté comparative me pesait plus qu'elle ne me réjouissait. Mais dès que je suis parvenue à surmonter cet état nerveux — je me suis jetée en plein dans l'œuvre que vous savez et à laquelle je n'avais pu donner jusque là que la moitié de mes soins — partagée comme je l'étais entre deux devoirs. Je veux parler de ma maison des sœurs de charité et de mes Madeleines. Ces dernières surtout ont dévoré tout mon temps et une grande partie de mes pensées, parce que je puis enfin effectuer la réorganisation que je méditais pour elles depuis deux ans. Je sais que vous n'avez aucune sympathie pour cette malheureuse cause et vous n'êtes pas le seul qui m'ayez conseillé de l'abandonner, — mais quelque chose dans mon cœur me disait de ne pas écouter les avis des autres ni même ma propre *raison*. J'ai donc persévéré à travers mille difficultés et finalement j'ai eu des évidences si grandes de l'intervention de Dieu dans cette affaire, que j'ai repris courage et vais bientôt poser la première pierre du nouvel édifice. — Si nous nous revoyons un jour, je vous forcerai à écouter tout le plan de cette campagne contre le vice. Il me semble que les bases en sont si humanitaires et si libérales qu'elles pourront avoir votre approbation.

Depuis trois jours nous sommes à la campagne et c'est ce qui me donne la possibilité de causer enfin avec vous et de chercher à réveiller votre conscience et peut-être même votre amitié. — Jamais je ne pourrai voir arriver le printemps sans penser à vous et à un autre printemps où nous avons tant joui ensemble. Странно, как иные впечатления *врезываются* в сердце. — Arrivée ici et pour ainsi dire forcément arrachée à mon activité fiévreuse — je me suis fait d'abord l'effet d'une horloge subitement arrêtée et je me sentais disposée à grogner plutôt qu'à me réjouir, mais sans m'en rendre compte j'avais trop besoin de solitude, de silence et de la nature pour ne pas tomber immédiatement sous cette triple influence si bénie — si uniquement *réelle*. Здесь я также свожу свои счеты и подвожу итоги. Ce n'est pas sans doute

à la satisfaction de mon amour-propre et de ma conscience, mais au moins je suis dans le *vrai*.

Cet hiver pour me consoler de ne rien savoir de vous — j'ai lu vos deux nouvelles qui ont été jugées si différemment par le public. *Mes* amis Boris et autres en ont été ravis, d'autres les ont blamées dans *leur fond*, surtout les «Казаки», pour certaines crudités qui excluent, dit-on, le sentiment de l'esthétique; pour moi, comme toujours, quand il s'agit de vos œuvres, j'ai dû m'avouer juge incompétent, car je ne puis séparer *l'ami* de l'auteur et j'ai tant de plaisir à retrouver le premier avec toutes ses excentricités, fût-ce même avec ses extravagances morales, qu'il me devient impossible de faire une analyse purement littéraire. Le sujet de «Поликушка» est trop déchirant et au fond je ne comprends pas quelle déduction il en faut tirer, car je veux y voir autre chose encore qu'une simple peinture de mœurs. — En résumé je me suis dit (en soupirant un peu) que ce qui manque à vos tableaux — c'est le soleil, car toutes vos clartés émanent de vous-même. Pendant qu'on lit on est satisfait — c'est une photographie morale très judicieuse, très détaillée et remplie de vérité, mais quand on a fini la lecture on se sent affamé de quelque chose de plus large et d'un diapason plus élevé. Ваш мир как будто еще *досками заколочен*, comme disait quelqu'un. Enfin cela viendra peut-être un jour? J'ai gardé pour la fin la question la plus intéressante. Parlez-moi de Sophie et dites-moi quand vous attendez l'interruption de votre tête-à-tête conjugal? — Parlez-moi d'elle comme vous avez un jour promis de le faire et dites-moi si vous la rendez heureuse. Je l'embrasse de tout mon cœur ainsi que vous, cher Léon. — Mon frère a quitté son service d'Orenbourg et demeurera avec maman quant à présent, mais tous les miens, Lise y compris, ont l'intention d'aller à Loubianki à la moitié de mai et il est bien possible qu'on s'arrête une minute à Ясная Поляна.

Je vois quelquefois Nicolas Ростовцев qui me demande toujours de vos nouvelles avec le plus vif intérêt, mais vous savez si j'ai été à même de lui en donner. Adieu.

Avez-vous reçu mes cartes que je vous ai envoyées au mois de nov⟨embre⟩ encore? Répondez à cela.

⟨*Перевод*:⟩

1 мая 1863

Дорогой мой Лев, вы напоминаете мне романы, которые кончаются обыкновенно свадьбою, то есть как раз в ту минуту, когда жизнь становится наиболее интересной, потому что приходится употреблять в дело

весь ранее собранный материал. За всю зиму я не получила от вас ни строчки[1]. Я не была *обижена*, но *очень чувствовала* ваше полное забвение.

Пережив вместе все бури вашего существования, я считала себя вправе получить весточку из достигнутой вами пристани. Я твердо надеялась, что вы счастливы, вполне счастливы, но когда близко знаешь человека, а особенно вас, то трудно отделаться от чувства некоторого опасения или даже беспокойства, и оно должно быть рассеянно. Как могли вы не понять этого? Что касается меня, то я не писала вам, конечно, не потому, что была на вас обижена, но зимние заботы для меня обыкновенно такие тяжелые, в этом году были еще труднее. — Я выдала замуж свою девочку[2], я рассталась с ней; передается это в двух словах, но пока дело длилось, я пережила десять жизней, и не один раз повторяла себе, что незачем оставаться незамужней, если все-таки приходится переживать все заботы и огорчения материнства. А между тем я не хотела бы изменить этого. Все были в восторге от герцога Баденского и от этого брака, я же взглянула на дело глубже и по-своему — общепринятый взгляд не удовлетворил меня, и не то, чтоб я была недовольна, но во мне не было чувства спокойной уверенности. Оно может прийти только через несколько лет, но я должна сознаться, что налицо много данных, а пока что Маруся счастлива. Первое время после ее отъезда я была точно выбита из колеи и у меня было такое чувство, как у солдата, оставившего свое знамя. Моя относительная свобода скорее тяготила, чем радовала меня. Но как только мне удалось преодолеть это нервное состояние, я с головой ушла в дело, известное вам, которому до сих пор я могла отдавать только часть своих забот, вынужденная делиться между двумя обязанностями. Я говорю о доме сестер милосердия и о своих Магдалинах[3]. Они-то и поглотили все мое время и бóльшую часть моих мыслей, так как теперь я могу наконец привести в исполнение то преобразование, которое я обдумываю для них вот уже два года. Я знаю, что вы не симпатизируете этому злосчастному делу, да и не вы один советуете мне бросить его, но какой-то внутренний голос не позволяет мне поддаться чужому мнению и даже доводам собственного *рассудка*. И вот, преодолев множество препятствий, я увидела наконец такую несомненность участия Бога в этом деле, что воспрянула духом, и теперь скоро будет заложен первый камень нового здания. — Если мы с вами когда-нибудь встретимся, я заставлю вас выслушать весь план нашего похода против порока. Мне кажется, что

основания его так гуманны и прекрасны, что должны заслужить ваше одобрение.

Вот уже три дня, как мы на даче, и это дает мне наконец возможность побеседовать с вами и постараться пробудить в вас совесть, а, может быть, и прежнюю дружбу. — Наступление весны для меня неразрывно связано с воспоминаниями о вас и о той весне, которую мы так чудесно провели вместе[4]. *Странно, как иные впечатления *врезываются* в сердце*. — Приехавши сюда, поневоле оторванная от своей лихорадочной деятельности, я сначала почувствовала себя как внезапно остановившиеся часы, и мне скорее хотелось ворчать, чем радоваться на судьбу, но оказалось, что, не отдавая себе в этом отчета, я слишком нуждалась в одиночестве, тишине и общении с природой, чтобы не поддаться немедленно благословенному, единственному *истинному* очарованию этих трех сил. *Здесь я также свожу свои счеты и подвожу итоги*. Они, конечно, не удовлетворяют ни мою совесть, ни мое самолюбие, но по крайней мере я вижу себя в *настоящем свете*.

Этой зимой, чтобы вознаградить себя за неизвестность, в которой я находилась по отношению к вам, я прочла обе ваши повести, общественное мнение о которых было так разноречиво[5]. Борис[6] и другие *мои* друзья были в восторге, остальные же их осуждали *по существу*, особенно *«Казаков»*, за некоторую грубость, исключающую, по их мнению, чувство эстетики. Что касается меня, то, как и всегда, когда дело касается ваших произведений, я должна была признать себя некомпетентным судьей, так как я не умею отделить *друга* от автора; я всегда рада бываю встретить первого, со всеми его особенностями, а иногда и странностями в области морали, что становлюсь неспособной на исключительно литературную критику. Содержание *«Поликушки»* слишком тяжелое, и я, собственно, не понимаю, какое нужно вывести из него заключение, потому что я хочу видеть в нем что-либо большее, чем простое описание нравов. — В заключение я сказала себе (с легким вздохом), что вашим картинам не хватает солнца, так как все они освещены исключительно вашим собственным светом. Пока читаешь — чувствуешь себя удовлетворенной этой точной фотографией нравов, такой подробной и полной жизненной правды, но по окончании чувствуется жажда чего-то более широкого, более возвышенного. *Ваш мир как будто еще *досками заколочен**, как говорил кто-то. Может быть, это придет со временем? Самый интересный вопрос я приберегла к концу. Расскажите мне о Софи

и скажите, когда вы ожидаете нарушения вашего супружеского уединения?[7]

Расскажите мне о ней, как вы когда-то обещали это сделать, и скажите мне, сделали ли вы ее счастливой? От всей души целую ее и вас, дорогой Лев. Брат бросил службу в Оренбурге[8] и пока будет жить с маменькой, но все мои, в том числе и Лиза, собираются ехать в Лубянки в половине мая, и возможно, что по дороге они заедут ненадолго в *Ясную Поляну*[9].

Я видаюсь иногда с Николаем *Ростовцевым*; он всегда с большим интересом расспрашивает о вас, но судите сами, могла ли я ему что-нибудь сообщить[10]. Прощайте.

Получили ли вы мои карточки, посланные еще в ноябре месяце? Ответьте мне на это[11].

72. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

25 июля 1863. Сергиевское

Mon cher Léon, depuis le retour de Lise je veux vous écrire tous les jours pour que vous sachiez à quel point je jouis de votre *nouveau* bonheur et aussi pour vous dire de ne pas torturer votre conscience à l'endroit de votre mutisme vis-à-vis de moi. Maintenant que j'ai de vos nouvelles vivantes, détaillées, je puis attendre. Даже лучше не так много хорошего вдруг. — Lise *sait voir* les choses que j'aime et raconter de manière à satisfaire mon cœur. C'est comme si j'avais été chez vous, et pourtant, j'ai plus soif encore de connaître votre femme, votre enfant et votre home, et par-dessus tout, de vous revoir, mon cher Léon, car vous êtes l'ancien dans mes affections. Je pense avec tristesse que je n'ai guère de chance de vous rencontrer de sitôt. Dans quinze ou 20 jours on m'emmène de nouveau à l'étranger. Les bruits de paix ont délié nos ailes et nous volerons directement vers Genève et même nous établirons notre vie dans ce même Bocage d'heureuse mémoire. J'ai un regret immense à quitter la Russie, et mes chers travaux à peine ébauchées, et ma sœur qui reste; ce serait même presque un remords s'il y avait dans cette décision la moindre dose de *ma* volonté; mais je ne fais qu'obéir, et le bon côté de la chose c'est que je verrai Maroussia, après laquelle je languis. Je veux m'assurer de mes propres yeux si un Prince allemand peut rendre une femme russe heureuse. *J'espère* que oui, mais je ne le comprends pas. — Embrassez pour moi votre femme et votre enfant que j'ai le droit de bénir en

ma qualité d'aïeule. N'allez pas croire que vous enseignerez quelque chose à ce petit bonhomme — c'est lui, au contraire, qui vous apprendra une masse de choses que vous ignorez ou ne savez qu'à demi. — Прощайте, милый, милый друг. Бог да хранит ваше доброе и честное счастье. Обнимаю вас от души и люблю. Скучно оставлять неоцененную Россию, которую также люблю крепко.

Вся ваша А. Т.

Mille respects à votre tante.

25 juillet 1863.

⟨*Перевод:*⟩

Дорогой Лев, с самого приезда Лизы[1] я каждый день собираюсь написать вам, чтоб сказать, до чего я рада вашему *новому* счастью, а также, чтобы вы не мучились вашим молчанием по отношению ко мне. Теперь, когда я получила о вас подробные, живые вести, я могу ждать. *Даже лучше не так много хорошего вдруг*. — Лиза *умеет видеть* то, что я люблю, и рассказать это так, что я остаюсь вполне удовлетворенной. У меня такое чувство, как будто я сама побывала у вас, а между тем мне еще сильнее хочется увидеть вашу жену, вашего малютку[2] и ваш home*, а больше всего повидать *вас*, мой дорогой Лев, так как вы моя самая давняя привязанность. Я с грустью думаю о том, что это случится не скоро[3]. Через две или три недели меня снова везут за границу. Слухи о мире[4] развязали нам крылья, и мы полетим прямо в Женеву, где устроимся в той же блаженной памяти вилле Бокаж[5]. Мне ужасно тяжело покидать Россию, дорогую мне только-то начатую работу и остающуюся сестру; у меня было бы даже угрызение совести, если б в этом решении была капля *моей* воли, но я только покоряюсь, и приятная сторона этого путешествия та, что я увижу Марусю[6], о которой я так стосковалась. Мне хочется своими глазами увидеть, может ли немецкий принц[7] сделать счастливой русскую женщину. Я *надеюсь*, что да, хотя мне это непонятно. Поцелуйте за меня вашу жену и малютку, которого я благословляю на правах бабушки. Не воображайте, что вы чему-нибудь научите этого мальчугана, напротив — он научит вас целой массе вещей, которых вы еще не знаете или знаете наполовину. — *Прощайте, милый,

* дом (*англ.*).

милый друг. Бог да хранит ваше доброе и честное счастье. Обнимаю вас от души и люблю. Скучно оставлять неоцененную Россию, которую также люблю крепко.

Вся ваша А.Т.*

Засвидетельствуйте вашей тетушке мое почтение.

25 июля 1863.

73. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 17 и 31 октября 1863. Ясная Поляна

Любезный друг Alexandrine. У меня лежит начатое на 4-х страницах письмо к вам, но я его не пошлю[1]. Я так потерял вас из вида и так виноват перед вами, что я вас боюсь. Но угроза потерять в вас друга слишком страшна для меня. — Вы узнаете мой почерк и мою подпись; но кто я теперь и что я, вы, верно, спросите себя. Я муж и отец, довольный вполне своим положением и привыкнувший к нему так, что для того, чтобы почувствовать свое счастье, мне надо подумать о том, что бы было без него. Я не копаюсь в своем положении (grübeln* оставлено) и в своих чувствах и только чувствую, а не думаю о своих семейных отношениях. Это состояние дает мне ужасно много умственного простора. Я никогда не чувствовал свои умственные и даже все нравственные силы столько свободными и столько способны⟨ми⟩ к работе. И работа эта есть у меня. Работа эта — роман из времени 1810 и 20-х годов[2], который занимает меня вполне с осени. Доказывает ли это слабость характера или силу — я иногда думаю и то и другое — но я должен признаться, что взгляд мой на жизнь, на *народ* и на *общество* теперь совсем другой, чем тот — к⟨отор⟩ый у меня был в последний раз, как мы с вами виделись. Их можно жалеть, но любить, мне трудно понять, как я мог так сильно. Все-таки я рад, что прошел через эту школу, эта последняя моя любовница меня очень формировала. — Детей и педагогику я люблю, но мне трудно понять себя таким, каким я был год тому назад. Дети ходят ко мне по вечерам и приносят с собой для меня воспоминания о том учителе, к⟨отор⟩ый был во мне и которого уже не будет[3]. Я теперь писатель *всеми* силами своей души, и пишу и обдумываю, как я еще

* умствовать (*нем.*).

никогда не писал и ⟨не⟩ обдум⟨ывал⟩. Я счастливый и спокойный муж и отец, не имеющий ни перед кем тайны и никакого желания, кроме того, чтоб все шло по-прежнему. — Вас я люблю меньше, чем прежде, но все-таки достаточно для того, чтобы вы не оставляли меня, все-таки больше всех людей (а как их много было), с которыми я встречался в жизни. — За одно я всегда упрекал вас, и теперь этот упрек у меня в душе, и я довольно ясно чувствую и мыслю, чтоб высказать его. В наших отношениях вы всегда отдавали мне только *общую* (вы меня поймете) сторону своего ума и сердца, вы никогда не говорили мне о подробностях вашей жизни, о простых, ощутительных, частных случаях вашей жизни. Я теперь пишу вам о себе, а о вас я не знаю, что спросить, что думать, чего желать. Я не знаю даже, что в вашей жизни ближе, дороже всего для вас, кроме общей любви к доброму и изящному в добре, что ваша главная черта. — Мне бы хотелось, чтобы ввели меня не в sanctuaire*, а в будничные интересы вашей жизни. Я боюсь, что вы меня не поймете. Я глупо выражаюсь. Я слаб характером, легко подчиняюсь влиянию людей, которых люблю, и потому подчинялся и подчиняюсь вашему. Как только я вхожу в сношения с вами, я надеваю белые перчатки и фрак (право, нравственный фрак); после вечера у вас, я *помню*, у меня всегда бывал arrière-goût** чего-то тонкого, свежего, душистого, но хотелось более существенного. Не за что было ухватиться. Это, может быть, так надо, и это хорошо было, но мне бы хотелось другого. Помните, раз вы хотели написать мне роман[4]. Мне кажется, тогда мы вошли бы в эти более существенные отношения. Неужели это навсегда потеряно? — Я написал совсем не то, что хотел, но было бы опасно оставить и это письмо, не посылая. — Тогда бы уж я не решился писать еще. Где вы? что вы? Какие ваши планы? Наши планы следующие: зимой, ежели здоровье Сережи (Сережа, это значит добрая, милая улыбка с светлыми глазками; больше ничего в нем нет) позволит, мы поедем на две недели в Москву[5]. Лето в деревне, а на будущую зиму поедем жить куда-нибудь в город[6]. Прощайте. Как институтки просят, и я прошу никому не показывать и разорвать это письмо.

Соня вас очень любит (это истина) и все сбиралась вам писать[7]. Не знаю, что она напишет, но желал бы знать.

---

* святая святых (*фр.*).
** осадок (*фр.*).

1864

74. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

5 (17) марта 1864. Флоренция

Mon cher excellent Léon. Je crains que mon long silence ne vous ait fait croire que j'ai été mécontente de votre seconde lettre aussi. Tout au contraire, elle m'a fait du bien parce que je crois à chacune de vos paroles et que votre première épître n'a fait que me confirmer dans ma conviction que vous êtes le plus original des êtres et que si vous mentez quelquefois, c'est uniquement à force de vouloir être vrai. Mais vous comprenez que je ne pouvais pas me désister de votre amitié sans livrer un petit combat, et maintenant que je suis réintegrée dans mes droits, je me déclare satisfaite et vous promets de ne pas exiger plus qu'il ne me revient. Je ne m'attends ni à des lettres fréquentes, ni même à un constant et comprends parfaitement la différence de nos situations. Je puis être plus à vous que vous à moi, — но мне только надобно было знать, что при свидании, если Бог его пошлет, будет опять все то же. — Je jouis même de votre absorption dans votre femme et votre enfant. C'est comme cela que je comprends la vie conjugale — quelque chose de fort, de douloureux même parfois, mais qui remplit tous les recoins de l'âme.

Malheureusement, je ne puis remplir votre désir au sujet des mémoires ou des lettres écrites par quelqu'un dans l'année 12. Si j'étais à Pétersbourg, cela eût été fort difficile à trouver, mais ici, il ne faut pas y songer. J'attends votre histoire with trepidation. On m'écrit que Tourguénieff va aussi faire paraître quelque chose — je suis affamée d'une litterature désintéressée et purement esthétique. Ne pourriez-vous envoyer à Lise vos premières épreuves qu'elle me transmettrait par une occasion quelconque? Il s'en présente si souvent.

J'ai dernièrement beaucoup parlé de vous avec le prince Droutzkoy, le mari de Lydie ex-Zakreffsky ex-Nesselrode. Il a l'air d'un brave garçon et sa position morale n'est pas riante — il meurt d'envie de retourner dans son pays, et la Russie lui est quasi fermée à tout jamais. Je les ai rencontrés tous les deux dans une maison tierce — ma position *officielle* ne me permettant ni d'aller chez eux, ni de les recevoir chez moi; d'ailleurs, je n'ai jamais été liée avec Lydie et j'ai voulu les voir uniquement pour mettre fin à une masse de commérages qu'on faisait ici et qui humiliaient la pauvre Lydie. Comme ce n'est nullement mon affaire de la *punir* pour les excentricités de sa destinée,

je suis allée au-devant et cette réparation, pour ainsi dire, publi, qui a été immédiatement colportée par toute la ville, a remis les choses à leur place. — Quelle singulière ville que cette Florence — c'est l'agglomération de toutes les positions les plus irrégulières et le refuge de tous les transfuges — Бакунин y compris. J'ai eu quelques détails très véridiques sur sa vie intime — ce n'est pas gentil. Heureusement que nous n'avons rien à faire avec tout ce monde et du haut de notre montagne nous n'admirons que les splendeurs de la nature. Le printemps est venu, merveilleux, magique, et je suis littéralement noyée dans les sensations que me donne cette nature qui chante, qui fleurit, qui rayonne d'une lumière que nous ne voyons jamais chez nous. J'épie le progrès de chaque arbre avec des palpitations de cœur, je cours après les violettes, je me sens ivre quelquefois, et j'ai vingt ans! Non, a 20 ans je n'aimais pas tout cela comme je l'aime à présent. Je ne savais ni regarder, ni jouir. Quel bonheur dans cette contemplation tout en dehors de nous-mêmes — il semble que ce vaste amour qui a presidé à la création de tant de merveilles, vous enveloppe toute entière et que ⟨vous⟩ ne pouvez plus ni rien craindre, ni rien regretter. Jetez-vous seulement dans ce torrent, et il vous portera jusqu'au bout, jusqu'à ce port où tout sera plus beau encore et infini! Ah, mon cher ami, que Dieu est bon, que Dieu est bon! C'est un cri qui s'échappe continuellement de mon cœur. Pourquoi ne vous le dirai-je pas: aimez-Le, aimons-Le — Lui seul est la *Vérité*. Comme on se sent guéri dès qu'on s'approche de Lui et quelle réalité dans l'espoir qu'on met en Lui!

N'est-ce pas un miracle que cette résurrection de notre propre cœur souvent si fatigué, si désolé et qui, malgré tout, peut encore se sentir si heureux sans aucune raison apparente.

Adieu, mon cher Léon, — j'entends sonner 2 h⟨eures⟩ après minuit et si je me laissais aller, je pourrais parler longtemps encore. Душа как-то особенно полна. — Je vous embrasse tendrement ainsi que Sophie et votre petit Serge. Que le Seigneur vous bénisse tous les trois et puissiez-vous être tous à Lui. Ecrivez-moi cependant de temps en temps.

Votre vieille amie A. Tolstoy

5 mars
1864. Florence.

⟨*Перевод*:⟩

Мой дорогой, славный Лев! Я боюсь, что мое долгое молчание заставило вас подумать, что я была недовольна и вашим вторым письмом[1]. Наоборот, оно доставило мне удовольствие, потому что я верю каждому

вашему слову, а ваше первое послание[2] подтвердило только мое убеждение, что вы самое оригинальное из существ, и если вы и говорите иногда неправду, то это исключительно из желания быть правдивым. Но вы понимаете, что я не могла отказаться от вашей дружбы без борьбы, а теперь, когда я снова восстановлена в своих правах, я объявляю себя удовлетворенной и обещаю вам не требовать больше положенного. Я не жду ни частых писем, ни даже правильной переписки и прекрасно понимаю разницу наших положений. Вы мне ближе, чем я вам, — *но мне только надобно было знать, что при свидании[3], если Бог его пошлет, будет опять все то же*. — Меня радует даже то, что вы всецело поглощены вашей женой и ребенком. Я именно так и понимаю супружескую жизнь — как нечто сильное, временами мучительное, но заполняющее все стороны души.

К сожалению, я не могу исполнить вашей просьбы относительно мемуаров и писем, написанных кем-нибудь в 12 году[4]. Если б я была в Петербурге, это было бы очень трудно, но возможно, а тут и думать нечего. Я ожидаю вашей повести[5] with trepidation*. Мне пишут, что должна также появиться новая вещь Тургенева[6] — я стосковалась по изящной, не тенденциозной литературе. Не могли ли бы вы переслать Лизе ваши корректурные листы?[7] Она мне их передаст при случае, а представляются случаи часто.

Недавно я много говорила о вас с князем Друцким, мужем Лидии экс-Закревской, экс-Нессельроде[8]. Он, кажется, славный малый, и его нравственное состояние не из веселых — ему смертельно хочется вернуться на родину, а въезд в Россию ему чуть ли не навсегда закрыт. Я встретила их обоих на нейтральной почве — мое *официальное* положение не позволяет мне ни пойти к ним, ни принять их у себя; впрочем, я никогда не была особенно близка с Лидией. Мне хотелось увидать их только для того, чтобы положить конец целому ряду сплетен, циркулирующих тут и оскорбляющих бедную Лидию. Так как это совсем не мое дело *карать* ее за нескладную ее судьбу, то я и сделала открыто первый шаг к этому примирению. Весть о нем немедленно разнеслась по всему городу и восстановила порядок вещей. — Какой странный город эта Флоренция: тут скопление людей самого разнообразного общественного положения и убежище всех эмигрантов, включая сюда и *Бакунина*. Я узнала несколько достоверных подробностей из его ин-

* с волнением (*англ.*).

тимной жизни — они очень некрасивы[9]. К счастью, у нас нет ничего общего со всеми этими людьми, и с вершины нашей горы мы наслаждаемся только великолепием природы. Наступила чудная, волшебная весна, и я буквально погрузилась вся в ощущения, которые дает мне здешняя природа — поющая, цветущая и блещущая такими красками, каких мы никогда не видим у нас. С биением сердца я слежу за ростом каждого деревца, собираю фиалки, чувствую себя временами опьяненной и как будто мне снова двадцать лет! Нет, в двадцать лет я не любила всего этого так, как люблю теперь. Я не умела ни созерцать, ни наслаждаться. Какое счастье в этом созерцании вне нас самих — кажется, что та всеобъемлющая любовь, царившая при создании стольких чудес, окутывает вас со всех сторон и вам нечего бояться и не о чем сожалеть. Бросьтесь только в этот поток, и он понесет вас к той пристани, где всё будет еще более прекрасно и бесконечно! Ах, дорогой мой друг, как Бог милосерд, как Бог милосерд! Вот крик, который постоянно несется из глубины моей души. Почему мне вам не сказать — любите Его, давайте любить — Он один есть *Истина*. Каким исцеленным чувствуешь себя от приближения к Нему и как велика сила надежды, возлагаемой на Него!

Разве это не чудо — возрождение нашего сердца, часто такого утомленного и сокрушенного и, несмотря на это, могущего чувствовать себя еще таким счастливым без всякой видимой на то причины?

Прощайте, милый мой Лев, — я слышу, как бьет два часа ночи, а если я не заберу себя в руки, я, пожалуй, буду говорить еще долго. *Душа как-то особенно полна*. — Нежно целую вас, Софи и маленького Сережу. Да сохранит вас Господь всех троих и да будете вы в Нем.
Пишите мне[10] все-таки время от времени.

Ваш старый друг А.Толстая

5 марта
1864. Флоренция.

1865

75. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 18 и 23 января 1865. Ясная Поляна

Любезный друг Alexandrine. Много воды утекло с тех пор, как мы не видались и не переписывались с вами[1] — для меня очень хорошей и счастливой воды, в которой я и теперь плаваю — а мне все так же, как и прежде, нужно знать, что вы иногда вспоминаете обо мне и любите меня, как и я вас. Уж не сердитесь ли вы на меня? Вся охота писать пропадает при этой мысли. А мысль эта приходит мне потому, что вы сказали старику Исленьеву, что я писал вам, будто я перестал вас любить[2]. Зачем вы это сказали? И этому старику. Я его не люблю. Что делают все ваши, что делаете вы? Такие ли же вы, как в старину в Швейцарии[3], когда, помните, мы по случаю хорошей погоды всех так любили и находили такими добрыми, начиная от Строганова[4] до Кетерера[5]. У меня и теперь бывает иногда хорошая погода в Швейцарии, в Ясной Поляне, в детской и в кабинете, бывает ли у вас? Помните, я как-то раз вам писал, что люди ошибаются, ожидая какого-то такого счастия[6], при котором нет ни трудов, ни обманов, ни горя, а все идет ровно и счастливо. Я тогда ошибался. Такое счастье есть, и я в нем живу 3-й год. И с каждым днем оно делается ровнее и глубже. И матерьялы, из которых построено это счастье, самые некрасивые — дети, которые (виноват) мараются и кричат, жена, которая кормит одного, водит другого и всякую минуту упрекает меня, что я не вижу, что они оба на краю гроба, и бумага и чернила, посредством ⟨которых⟩ я описывал события и чувства людей, к⟨отор⟩ых никогда не было. На днях выйдет 1-я половина 1-й части романа «1805»[7]. Скажите мне свое чистосердечное мнение. Я бы хотел, чтобы вы полюбили моих этих детей. Там есть славные люди. Я их очень люблю. Нынешнюю зиму мы особенно хорошо проживаем. Еще летом приехала сестра с своими двумя девочками[8], одной 15, другой 13 лет. Они у нас гостят большую часть времени. Что за прелесть девочки в этом возрасте — и хорошие и хорошеньки⟨е⟩. Как наши. — Мальчики нужны, от них ждут дела, и от этого они противны, а девочки (к⟨отор⟩ых кормить, как мужик сказал, за окно деньги кидать)[9] никуда не нужны, особенно до 15 лет. От этого-то они всё поэзия. Я от этого и

люблю, кажется, мою dimpled* Таничку[10]. Впрочем, я хвалю племянниц не оттого, что у меня швейцарская хорошая погода, а оттого, что они прелестны: что за любовь к маленьким детям, что за интерес ко всему хорошему. Их дневники[11] — chef d'œuvre. От моих еще нет толку. Сережа только начал ходить один, и только теперь вся та игра жизни, которая до сих пор еще была не видна для моих грубых мужских глаз, начинает мне быть понятна и интересна. Что ваше дело Магдалин?[12] Я страшно переменился с тех пор, как женился, и многое из того, что я не признавал, стало мне понятно и наоборот. Прощай⟨те⟩.

Хотел написать и забыл: на днях получили известие о смерти Валерьяна[13], мужа сестры. Умер где-то один в Липецке. Ужасно жалко. Нет ничего хуже в смерти, как то, что когда человек умер, нельзя уж поправить того, что сделал дурного или не сделал хорошего в отношении его. Говорят: живи так, чтоб быть готовым всегда умереть. Я бы сказал: живи так, чтобы всякий мог умереть, и ты бы не раскаялся.

76. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

29 января 1865. Петербург

29-го января
1865 г.

Нет, я и не думала сердиться на вас, милый друг Léon. Напротив того, моя душа просто стосковалась по вас, и я это время как-то особенно все мечтала, что напишу вам и, *может быть*, получу ответ. Но от мечты до исполнения для меня очень далеко. Я завалена работой, корреспонденциями и нахожусь по особенным обстоятельствам более, чем когда-нибудь, в тисках *жизни* и света. — Вот только почему не писала. Зато какая была радость получить от вас не *вызванное* письмо![1] Мысленно обнимаю вас за него с нежною, нежною благодарностью. Я в отношении к вам и при морозе все та же, как была в Женеве[2], когда пели соловьи и когда в воздухе чувствовалась тысяча радостей. Где могла, собирала про вас известия, узнала с радостью, что у вас родилась дочь[3], и с грустью, что вы ужасно страдали от повреждения руки[4]. Но что значат известия, данные другими, в сравнении с письмом, а что значит письмо в сравнении с свиданием? Не могу не вздохнуть глубо-

* с ямочками на щеках (*англ.*).

ко, вспомнив о долгих годах нашей разлуки. — На вашем месте я знаю, что бы я сделала. Собралась бы вдруг и приехала бы на несколько дней порадовать старую Бабушку. — Если бы вы знали, как мне хочется вас видеть, вас слышать и с вами говорить. Разве возможно в письме рассказать все, что накопилось в душе в такое долгое время, и все многосложные события, которые действовали на нее в том или другом смысле. — Пожалуй, есть и эгоизм в моем желании, — зачем отрывать вас от вашего счастья, — но вы возвратитесь к нему так скоро, а для меня была бы такая сердечная отрада увидать вас хоть на минуту[5]. Вы могли бы остановиться у моего брата, который был бы так счастлив принять вас у себя. Маменька живет почти рядом с ним, стало быть, не была бы для вас петербургская трактирная жизнь, но семейный круг с полнейшею свободой. — Как все это живо сложилось в моей голове и как мне оно кажется возможным!

Je vous en prie, mon cher ami, ruminez ce projet; peut-être que vous ne le trouverez pas si ridicule; j'espère qu'il ne me perdra pas dans l'esprit de Sophie comme une exigence extravagante. Comme c'est bon de vous entendre dire que vous êtes heureux — c'est de la musique, mais je voudrais l'entendre plus longtemps et de plus près. — Embrassez pour moi tous les êtres chers qui constituent votre bonheur et qui sont encore, hélas! — des inconnus pour moi. — C'est égal, je ne les aime pas moins. — J'espère que j'aimerai aussi votre enfant littéraire que j'attends avec impatience.

Les miens occupent aussi beaucoup mon cœur — imaginez-vous que mon nouveau petit établissement ne contient plus que des Madeleines *enfants* — ou plutôt de pauvres petites innocentes victimes d'une monstruosité dont je n'avais pas une idée quand j'ai continué à m'occuper de l'éducation des grandes Madeleines. Je suis sûre que vous sympathiserez avec cette nouvelle famille que je ne puis jamais voir sans une émotion profonde. Quand vous viendrez (voyez la présomption), je vous raconterai, comment je suis arrivée là. — Sur moi-même je ne puis vous dire que ceci en attendant. Je me fais souvent l'effet d'un petit caniche attelé à une lourde berline ou bien d'un cerf traqué par une meute. Je suis presque toujours haletante et presque toujours mécontente — c'est-à-dire de moi-même. Le programme de mon existence est trop compliqué et je ne parviens jamais à le remplir comme je le voudrais. Cependant je suis heureuse et trouve tout bon en général. Après 15 mois de repos il est juste que je travaille. — Comme j'ai bien compris ce que vous dites au sujet de votre beau-frère — j'ai été cet hiver à peu près dans le même cas. Alex⟨andre⟩ W⟨oeiko⟩ff est tombée très gravement malade de violents crachements de

sang. J'ai cru un moment qu'elle allait m'échapper et je ne puis vous dire de quels remords j'ai été saisie. On ne commande pas ses sympathies, il est vrai, mais on doit commander à sa charité, et j'ai horriblement souffert d'en avoir si souvent manqué à son égard. Dieu merci, la voilà tout à fait bien, mais la leçon a été forte et j'espère que je ne l'oublierai jamais. Adieu, mon cher, cher Léon. Je vous serre la main avec la plus vive affection. Voyons, faites un effort et venez me voir. Ce sera si beau de votre part.

A.

Pardonnez moi d'avoir parlé de vous à Mr Is⟨lenieff⟩. Je croyais que vous l'aimiez et d'ailleurs ce n'était qu'une plaisanterie*.

---

* Прошу вас, милый друг, обдумайте этот план, и может быть, он не покажется вам таким смешным. Надеюсь, что из-за него я не упаду во мнении Софи и что она не укорит меня в сумасбродной требовательности. Как отрадно слышать от вас, что вы счастливы; такие слова точно музыка. Но хотелось бы слышать ее подольше и вблизи. — Перецелуйте от меня всех ваших милых близких, которые составляют ваше счастье и которых, увы! — я еще не знаю. — Да это и неважно, я и без того люблю их. — Надеюсь тоже полюбить ваше литературное дитя[6], которое ожидаю с нетерпением.

Мои питомицы сильно занимают мое сердце[7] — представьте себе, что мой новый маленький приют содержит только *детей* — Магдалин, вернее, несчастных маленьких невинных жертв чудовищности, о которой я не имела понятия в то время, когда начала заниматься воспитанием взрослых Магдалин. Уверена в сочувствии вашем к этой новой семье, которую я не могу видеть без глубокого волнения. Когда вы приедете (заметьте мою самоуверенность), я расскажу вам, как пришла к этому. — О себе могу пока сказать лишь следующее: сама на себя часто произвожу впечатление собачонки, запряженной в тяжелую колымагу, или оленя, за которым гонится стая гончих. Почти всегда не успеваю переводить дух и всегда недовольна собой. Программа моего существования слишком сложна и мне не удается ее осуществить так, как я бы хотела. Невзирая на все это, я счастлива и нахожу, что все благо. После 15-месячного отдыха пора было браться за дело. — Как хорошо я понимаю все, что вы говорите относительно вашего зятя[8]; нынешней зимою я была приблизительно в таком же положении. Алек⟨сандра⟩ В⟨оейко⟩ва тяжело заболела сильным кровохарканьем. Я думала одно время, что наступает конец, и вы представить себе не можете, какое раскаяние меня охватило. Ежели человек не волен в своих симпатиях, он обязан проявлять свою волю в милосердии, и я тяжело страдала при сознании всего того, чего я не исполнила по отношению к ней. Теперь она поправилась, слава Богу, но урок был жесток, и я надеюсь, что он никогда не изгладится из моей памяти. Прощайте, мой милый, милый Лев. С горячей привязанностью жму вашу руку. Постарайтесь и приезжайте ко мне — это будет прекрасно с вашей стороны.

A.

Простите, что я говорила о вас Ис⟨леньеву⟩[9]. Я думала, что вы его любите, да к тому же и сказано все было в шутку (*фр.*).

Прибавляю еще строчку — я сейчас видела брата, он просто в восторге при мысли, что вы можете приехать к нему; говорит, что есть место даже для жены и для детей. На это и надеяться не смею, потому что оно, действительно, труднее, — mais un homme tout seul, c'est si facile.

Adresse de mon frère*: В Моховой, в доме графа Ламсдорф[10].

77. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

13 или 14 апреля 1865. Ясная Поляна

Неотправленное

Как ни долго оставил я ваше славное, сильно обрадовавшее меня письмо без ответа, я все-таки отвечаю[1]. И знаете ли, почему я так долго не писал вам? Из ложного стыда. Мне очень интересно было знать ваше мнение о начале моего романа[2], и мне казалось, что ежели вы молчите, то, значит, вам не понравилось; а ежели я напишу вам, то как будто напрашиваюсь на из милости сказанное одобрение. И полагал, что (как кто-то сказал), что напечатанное сочинение есть письмо ко всем друзьям, и потому письмо за вами. Но это все вздор, а жалко то, что я опять два месяца ничего о вас не знаю. — Когда вы писали ваше приглашение мне приехать, вы в душе знали, что это невозможно. Оно так и вышло, но все-таки я был рад. Кроме того, что я был очень занят, что дети малы, и всякий переезд страшен, мы перед весной все переболели, начиная с меня и кончая грудной Таней[3]. Теперь мы не только ожили, но задумали большую поездку заграницу в конце мая[4]. Увидимся ли мы с вами? Будете ли вы в Петербурге или на даче около этого времени? Как бы было досадно, ежели бы мы как-нибудь разъехались. Где будет Прасковья Васильевна и ваши сестры и брат? —

Хотя я не читал еще сам в газетах, но все говорят, что Наследник умер[5]. Ежели это правда, то я воображаю, как это несчастие больно отразилось на вас, тогда как на меня, столь далекого от придворного политического мира, это известие очень тяжело подействовало. —

---

* но для одного мужчины это дело легкое. Адрес моего брата (*фр.*).

78. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

5 июля 1865. Никольское-Вяземское

5 июля. *Никольское*

Я узнал от Арсеньевой, что вы в Петербурге[1], живы и здоровы и очень заняты, и пишу вам, надеясь отослать это письмо. Вы меня упрекаете в том, что не пишу, а ежели я дослужусь до биографии[2], то после моей смерти в бумагах моих найдут больше писем вам, чем у вас. Я в апреле или в мае написал вам длинное письмо и не послал. Не послал потому, что в то время было получено известие о смерти Наследника[3], и я думал, что вам не до меня. Я знаю, что вы чувствуете с ними вместе[4], как член семейства. — Еще не послал потому, что в том письме я говорил, что скоро увижу вас. Мы имели намеренье ехать на лето за границу[5]. Теперь мы раздумали и из Ясной Поляны уехали еще в большую глушь, в село Никольское Чернского уезда[6]. Адрес: в *Чернь*. Еще я не послал вам письмо оттого, что ждал от вас ответа на мое большое письмо, напечатанное в «Русском вестнике»[7]. А мне очень хотелось и хочется получить на него ответ именно от вас[8]. Я все ждал; но теперь думаю — на то письмо вы считаете, что не стоит того отвечать; все-таки надо не терять вас из вида. — Как мы оба, должно быть, переменились с тех пор, как не видались, как много, я думаю, с тех пор мы выросли большие.Подумаю о том, что прежде для вас ваше заведение было немножко игрушка, нравственная роскошь (я помню, как вы там говели); теперь, говорят, вы всей душой отдались этому делу[9]. Ваше последнее письмо только заинтересовало меня, и я очень желал бы знать подробнее, в чем состоит ваше заведенье, какие трудности и какие радости? Напишите мне[10], коли вы считаете меня достойным. А я достоин уже потому, что теперь я стал гораздо менее требователен на формы добра и, не говоря о том, что касается вас, принимаю участие во всем, что делается не для рубля, не для чина и не для мамона. Я забыл благодарить вас еще за ваше славное последнее письмо, благодарить вас и вашего брата[11]. Мы с Соней тронулись оба этим письмом и посмеялись. Подняться с места с двумя детьми не столько трудно, сколько страшно. Все кажется, поедешь — и тут и случится несчастье, и весь век упрек. Только когда обживешься семьей, почувствуешь всю истину пословицы: le mieux est l'ennemi du bien*. А как переменяешься от женатой жизни, я никогда бы не пове-

* лучшее — враг хорошего (*фр.*).

рил. Я чувствую себя яблоней, которая росла с сучками от земли и во все стороны, которую теперь жизнь подрезала, подстригла, подвязала и подперла, чтобы она другим не мешала и сама бы укоренялась и росла в один ствол. Так я и росту; не знаю, будет ли плод и хорош ли, или вовсе засохну, но знаю, что росту правильно. Что делают все ваши — настоящая бабушка, т.е. Прасковья Васильевна. Как ее здоровье и есть ли надежда увидать ее проездом, как бывало. Мы от станции Богуслова в 7 верстах и можем поместить лучше, чем в Ясном. Из того Сониного живота, к⟨отор⟩ый она благословила, уезжая от нас, тому назад два года вышел мальчик, к к⟨отор⟩ому с каждым днем у меня растет новое для меня неожиданное, спокойное и гордое чувство любви[12]. Очень хорошее чувство. Соня мне рассказывала, что, уезжая, она перекрестила ее и ее живот, и это ее очень тронуло. Девочка наша хороша[13] всем: и избытком здоровья (мать кормит), и живостью, но к ней еще нет во мне никакого чувства. Вот ежели бы нынешнее лето ваши были у Вадбольских, отсюда я бы наконец исполнил мое давнишнее желание съездить к ним[14]. Еще я вам не писал оттого, что с весны я был нездоров[15], и у нас было семейное горе[16]; не в ближайшей степени семейное, но близкое и тяжелое. Вместе с нездоровьем и холодной мрачной весной (на нас, деревенских, это сильно действует) я провел тяжелый месяц. Теперь я оживаю и потому спешу с вами сообщиться. Соня целует вас. Прощайте. Пишите в Чернь[17].

79. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

18 июля 1865. Сергиевское

18 июля 1865 г.

Милый друг Léon! Вы бы уж лучше не признавались, что писали ко мне много раз и что эти письма до меня не доходили[1]. Это мне просто *больно*. Вы знаете, как я дорожу каждой строчкой вашей — и вдруг все это добро, мне принадлежащее, пропадает даром по каким-то вашим, вовсе неверным умозаключениям. Я даже не могу предположить такого расположения духа, где ваше письмо или ваше появление могло бы быть для меня *не кстати*. Les atomes crochus sont trop évidents entre nos deux natures — elles ne peuvent jamais se gêner — au moins je m'imagine que c'est

ainsi*. Я с своей стороны всегда готова высказывать перед вами свои радости и печали, но словесно. А писать так, как бы хотелось, то есть передать *всю себя*, трудно, невозможно после долгой разлуки. Разлука не пропасть, а стена или гора, которая с каждым днем становится выше, и переступить ее нет сил — ни времени. Весною я ездила в Митаву к одному другу моего детства и знаете ли почему? Мною овладело невыразимое отвращение к долгой и всегда страшно неполной переписке. Я успокоилась тогда только, как проболтала с нею две недели, а к вам, увы! — мне добраться труднее. — Знаете ли что? Поезжайте за границу лучше зимою — может быть, и я там буду, вероятно, в Южной Франции, а не то постараемся повидаться в Петербурге; верю, что с детьми трудно двигаться, но Софи, верно, подарит вас мне хоть на недельку[2]. — Ведь не так же крепко вросли вы в семейную почву, хотя вы мне очень нравитесь в виде яблони[3]. Себя я могу уподобить кусту, с которого каждый прохожий срывает, что ему угодно. Принадлежу всем и никому, и подчас мне кажется, что вот-вот на кусте уже не останется ни листа; глядишь, а он опять цветет и опять его обрывают, как случится. Странно, я прежде себя никогда не готовила к этому, однако ж оно вышло так. Пусть будет так! Жизнь, действительно, ввела в мое сердце много нового, но такими разнообразными, многосложными и неуловимыми путями, что, право, трудно добраться до источников столь великих перемен. У вас дело иное, и я этому радуюсь. Все в рамке, так сказать, под одной кровлей, стройно, едино, не разбросано, не разорвано на клочки. Вот почему вам легче ко мне писать. Мне кажется наверное, что я писала к вам после чтения «1805-го года»[4]. — С тех пор прошло слишком много времени, и *какого* времени, чтобы была возможность представить вам критический анализ, но знаю, что общее впечатление было хорошее, за исключением некоторых повторений и слишком мелких подробностей, qui alourdissent la chose. La masse de personnages ne se confond pas dans l'esprit — ils s'y classent tous — c'est comme si on entrait dans un salon ou vous connaissez tout le monde. Dans la seconde partie j'ai été charmée par le caractère de la jeune fille (Marie) qui commence à poindre. Mais quelle affreuse déception que votre querelle avec Katkoff qui vous coupe l'herbe sous les pas. Comme

---

*Совершенно очевидно, что между нашими натурами существуют сцепляющие атомы, и мы не можем друг друга стеснять; так мне кажется по крайней мере (*фр.*).

c'est maladroit de votre part comme auteur. Je vous prie, rassurez-moi et dites que cela paraîtra dans quelque autre revue. Mais quand?* —

Благодарю вас за все, что вы говорите доброго о маменьке. Она, слава Богу, здорова, и с меньшой сестрой[7] проводит лето у Томиловой около Ладоги. Мы же с сестрой[8] и княжной Евг⟨енией⟩ Мак⟨симилиановной⟩ живем на Сергиевке, близ Петергофа. В⟨еликая⟩ княг⟨иня⟩[9] за границей. Если бы не грусть в сердце, чудное бы было житье — тихо, свободно, дружно! Я жалею каждый проходящий день, чувствую, что подобное время уже никогда не вернется. К тому же на днях великая радость: у Марии Мак⟨симилиановны⟩ родился первый ребенок — дочь[10]. *Теперь* вы поймете, какая это радость, хотя для нас только и рикошетная, но любить тех или других все-таки великое счастье. — Смерть Наследника[11] была для нас страшное, *свое*, горе. Оно долго не забудется. Но, кажется, после родных всех больше страдал и страдает мой бедный Борис[12]. Вы понимаете, *что* досталось на его удел. Жаль мне его ужасно, и между тем я борюсь с ним всеми силами, чтобы удержать его sur ce lit d'épines. La noblesse, la droiture, le complet désintéressement ne se retrouvent pas souvent â ce degré dans nos parages. Ce serait un crime que d'éloigner d'ici de pareils éléments. —

Je crois que je ne vous parlerai pas aujourd'hui de mes petites Madeleines — je suis sous ce rapport dans une impasse difficile en ce moment. C'est une pluie de croix qui me tombent sur la tête. Je sais que tout cela est nécessaire pour la solidité d'un pareil édifice, mais comme je ne suis pas moi-même bâtie sur le roc, j'ai des heures de grande défaillance et de découragement. Je vous raconterai tout cela quand nous nous verrons. — Je voudrais que mon amour pour cette cause croisse avec les difficultés, mais Dieu seul peut me donner ce sentiment qui surmonterait toute chose.

Adieu, mon cher, cher Léon, je vous embrasse tous tendrement. Comme votre petite fille se vengera un jour de votre prétendue indifférence pour elle. Au nom du Ciel ne gâtez pas vos enfants — n'imaginez pas des méthodes

---

* которые загромождают рассказ. Масса персонажей не путаются в голове, а укладываются в ней, точно входишь в гостиную, где все тебе знакомы. Во второй части я была очарована характером молодой девушки (Марьи), который только еще намечается. Но какое ужасное разочарование — ваша ссора с Катковым, который лишает нас того, что было почти в руках[5]. Как автор вы поступили опрометчиво. Успокойте меня, пожалуйста, и скажите, что продолжение появится в другом журнале. Но когда?[6] (*фр.*)

extraordinaires pour les élever et veillez à ce qu'ils soient *véritablement* chrétiens.

J'espère qu'il n'y a rien de sérieux dans la maladie dont vous me parlez:* как бы мне хотелось узнать про вас все — хорошее и дурное, mais voyez vous les affreuses lettres qui ne font qu'indiquer sans jamais rien dire au complet. Je vous réponds le jour même ou je reçois votre lettre — ainsi malgré mon horreur pour l'écriture** — остановка не за мной. — Il y a quelques semaines nous avons eu le chagrin de perdre mon oncle Barikoff, Nicolas est mort aussi cet hiver — ainsi de toute cette famille il ne reste plus qu'Eugène qui a deux garçons à l'heure qu'il est. Adieu encore. Ma sœur vous dit mille amitiés ainsi qu'à Sophie. Elle est plus heureuse que moi — elle la connaît***.

A.

18 июля
1865. Сергиевка.

---

* на этом колючем ложе. Благородство, прямота и полное бескорыстие не часто встречаются в таких размерах в нашем обществе. Удалить подобный элемент было бы преступлением.

Думаю не рассказывать вам сегодня о моих маленьких Магдалинах[13] — в эту минуту я нахожусь в затруднительном положении. Испытания дождем сыплются на мою голову. Я сознаю, что все это необходимо для прочности подобного здания, но так как сама я не каменная, на меня находит подчас уныние и чувство бессилия. Все это расскажу вам при свидании. — Хотелось бы, чтобы любовь моя к этому делу росла от набегающих затруднений, но один Бог может мне даровать то чувство, которое преодолевает все преграды.

Прощайте, мой милый, милый Лев, обнимаю вас всех нежно. Как же ваша дочь отомстит вам в будущем за ваше мнимое равнодушие к ней теперь[14]. Ради Бога, не портите ваших детей, не придумывайте необыкновенных методов для их воспитания, старайтесь только, чтобы из них вышли *истинные* христиане.

Надеюсь, что нет ничего угрожающего в болезни, о которой вы упомянули (*фр.*).

** в том-то и горе с этими письмами — они только намекают, а не высказывают до конца. Отвечаю вам в самый день получения письма, стало быть, невзирая на мое отвращение к писанию (*фр.*).

*** Несколько недель тому назад мы пережили горе — кончину дядюшки Барыкова; Николай умер[15] тоже нынешнй зимой, и изо всей семьи остался один Евгений[16], у которого два сына. Еще раз прощайте. Сестра шлет вам и Софи дружеский поклон. Она счастливее меня — она ее знает[17] (*фр.*).

80. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

14 сентября 1865. Никольское-Вяземское

Простите меня, добрый друг, что, так долго не писал вам, пишу вам деловое и просительское письмо.

Помогите нам, пожалуйста. Я вам писал, что Валерьан Толстой умер[1]. Но чего я не писал вам, это то, что задолго и до своей смерти он имел связь с одной мещанкой (не помню ее фам⟨илии⟩) и оставил свое именье детям[2], растерзанное долгами, и всё в пользу этой женщины, и очень незаконно, как говорят люди сведущие. — Сестре советовали начинать процесс. Я посоветовал ей обратиться к Перфильеву[3]. Мы это и сделали, но Перфильев ответил мне, что дело это может решиться ведомством жандармов, но что он не может его начать, а должно обратиться письмом к кн⟨язю⟩ Н.А. Долгорукову[4]. И он даже присоветовал мне обратиться через вас (я бы сам не догадался!). —

Вот в чем дело: Валериан оставил всего состояния тысяч на 50 и за два дня до своей смерти выдал этой женщине, на имя 3-го лица, заемное письмо в 18000[5]. Сверх этого еще прежде выдан им той же женщине вексель в 3000 и отдан ей дом в Раненбурге, и отдана ей по расписке, выданной тоже ⟨за⟩ два дня до смерти, вся движимость, бывшая при нем и оцененная ниже стоимости в 6000. Мы — т.е. сестра не желала бы оспаривать ни 3000, ни дома, ни движимости, к⟨отор⟩ой было более, чем на 15000, но заемное письмо, данное за два дня до смерти в 18000, слишком расстроивает дела детей и путает все дела по опеке и слишком очевидно вынуждено у умирающего человека, находившегося во власти этой женщины, чтобы мы не употребили все, что в нашей власти, чтобы опровергнуть этот вексель. Чтобы, неосторожно поступив, не получить отказа, к⟨отор⟩ый испортит все дело, будьте такая, как всегда, sondez le terrain* и напишите, можно ли надеяться на успех и должно ли следовать совету Перфильева и писать кн⟨язю⟩ Долгорукому?[6] —

Позвольте мне ничего не говорить о моей уверенности в вашей дружбе и о том, как мне совестно и т.д. — все это давно сказано между нами. —

Я продолжаю быть доволен своей судьбой — женой, детьми (когда-то я покажу вам их?)[7] и недоволен собой и своей деятельностью. Из вашего последнего письма мне кажется, что вам просто не понрави-

---

* прощупайте почву (*фр.*).

лось мое последнее писанье[8]. Пожалуйста, напишите мне откровенно[9]. Мне это очень важно. Мне самому оно начинает очень не нравиться.

Прощайте, напомните обо мне всем тем, кто меня любит. Зимой надеюсь с вами увидеться, ежели вы будете в Петербурге[10].

Как мне будет радостно и странно! —

Л. Толстой

14 сентября.
Никольское.

Пишите в Тулу.
Валерьян жил в Раненбурге в собственном доме, а умер в Липецке.

81. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

14 ноября 1865. Ясная Поляна

Очень благодарю вас, любезный друг, за ваше последнее письмо[1] и разговор с Долгоруким. — Я послал ваше письмо и брульон письма Долгорукому к Машиньке[2]. Мне кажется, что дело может быть выиграно[3]. Люди, в руках которых векселя, очень робки, чувствуя себя виноватыми. Они сдадутся перед первым угрозительным увещанием. А Машинька очень жалка с своим неумением вести дела и с запутанными долгами имениями. Вам будет на душе еще приятное доброе дело. —

Ваше последнее письмо писано второпях. — Я и не имею никакого права ожидать другого; но все-таки мне страшно, что вы чем-нибудь недовольны мной. — Бог даст, нынешней зимой я побуду, поговорю и послушаю вас долго вечером за ширмами в комнате Лизы и утром в вашем верху[4], — с котор⟨ым⟩ у меня навсегда соединяется одно из самых дорогих воспоминаний — что-то такое — энергия, 107 ступенек, много впереди, дружба и 107 ступенек. Так я говорю, — повидавшись с вами, я знаю, что я надолго запасусь освеженным доверием, исключающим страх быть ненужным другим, который бывает у меня с большинством людей — и даже с вами. Это, должно быть, от того, что мне мало нужно людей. Пишите мне побольше о себе, а то вы всегда мне казались немного непонятной — чуждой, а теперь, я боюсь, это будет еще больше и испортит наше свиданье, от которого я жду много радостного. Вы обо мне не можете сказать того же. Я думаю, я и всегда был понятен, а теперь еще более, теперь, как я вошел в ту колею семейной жизни, кото-

рая, несмотря на какую бы то ни было гордость и потребность самобытности, ведет по одной битой дороге умеренности, долга и нравственного спокойствия. И прекрасно делает! — Никогда я так сильно не чувствовал всего себя, свою душу, как теперь, когда порывы и страсти знают свой предел. Я теперь уже знаю, что у меня есть душа, и бессмертная (по крайней мере, часто я думаю знать это), и знаю, что есть Бог. Вы интересовались моим внутренним воспитанием, и потому я вам говорю это. Я вам признаюсь, что прежде, и уже давно, я не верил и в это. Последнее время чаще и чаще во всем вижу доказательство и подтверждения этого. И рад этому. — Я не христианин и очень еще далек от этого; но опыт научил меня не верить в непогрешительность своих суждений, и все может быть! Вы на это мне ничего не пишите и не говорите. Всё знание приходит людям путем неразумным. Я Сережу учу говорить Таня[5]; он не может, а говорит *губка*, что гораздо труднее. Почему вы говорите, что я поссорился с Катковым[6]. Я и не думал. Во-первых, потому что не было причины, а во-вторых, потому что между мной и им столько же общего, сколько между вами и вашим водовозом. Я и не сочувствую тому, что запрещают полякам говорить по-польски и не сержусь на них за это, и не обвиняю Муравьевых и Черкасских[7], а мне совершенно все равно, кто бы ни душил поляков[8] или ни взял Шлезвиг-Голшт⟨ейн⟩[9] или произнес речь в собрании земск⟨их⟩ учреждений. — И мясники бьют быков, к⟨отор⟩ых мы едим, и я не обязан обвинять их или сочувствовать. Романа моего написана только 3-я часть, к⟨отор⟩ую я не буду печатать до тех пор, пока не напишу еще 6 частей, и тогда — лет через пять — издам все отдельным сочинением[10]. Островский — писатель, к⟨отор⟩ого я очень люблю, мне сказал раз очень умную вещь. Я написал два года тому назад комедию (к⟨отор⟩ую не напечатал)[11] и спрашивал у Островского, как бы успеть поставить комедию на Моск⟨овском⟩ театре до поста. Он говорит: «Куда торопиться, поставь лучше на будущий год». Я говорю: «Нет, мне бы хотелось теперь, потому что комедия очень современна и к будущему году не будет иметь того успеха».

— «*Ты боишься, что скоро очень поумнеют?*» —

Так я этого не боюсь в отношении своего романа. А работать, не имея в виду хлопающей или свистящей публики (через 5 лет будешь ли жив сам, будет ли жива та публика?), гораздо приятнее и работа достойнее (dignité). Теперь поздняя осень, охота, отвлекающая меня, кончилась, и я много пишу и много вперед обдумываю будущих работ, к⟨отор⟩ым, вероятно, никогда не придется осуществиться, и все это с

верой в себя и убеждением, что я делаю дело. А в этом главное. Много у нас — писателей есть тяжелых сторон труда, но зато есть эта, верно, вам неизвестная, volupté* мысли — читать что-нибудь, понимать одной стороной ума, а другой — думать и в самых общих чертах представлять себе целые поэмы, романы, теории философии. Я все много думаю о воспитании, жду с нетерпением времени, когда начну учить своих детей, собираюсь тогда открыть новую школу[12] и собираюсь написать résumé всего того, что я знаю о воспитании и чего никто не знает, или с чем никто не согласен. —

Видите, с какой трогательной наивностью я пишу вам с удовольствием о себе. Это или эгоизм, или доверие, или и то и другое. Берите с меня пример. Вы скажете: что я хочу знать о вас? То, что я бы хотел знать о себе, и то, что я сейчас написал, т.е. все мои задушевные мысли, планы — внутренняя работа.

Я пишу это письмо у тетиньки на столе. Вы бы были тронуты, ежели бы видели, с какою любовной охотой она дала мне письменные матерьялы для того, чтобы писать вам. Она вас очень, особенно любит. Она любит всех ваших, но вас особенно. Какое чудесное существо, но к⟨отор⟩ое, я сколько раз с вами ни говорил про нее, я знаю, что я вам не растолковал. Нечего рассказывать, а надо знать эту простую и прекрасную душу, как я, 35 лет. Она была так больна нынче летом, что мы думали — кончено. Теперь ей лучше; но мы поняли, как она дорога нам. — Мы хотели ехать в Москву до праздников[13] но теперь выходит, что поедем после. Это всегда так с нами выходит, когда мы сбираемся ехать куда-нибудь. Где мы, там и хорошо. Только, чтобы это всегда так было! Итак, мы поедем все-таки для того, чтобы Соня увидала своих и показала им внучат. Я понимаю, какая это должна быть гордая радость. И оттуда, оставив детей у родных, на несколько дней приедем в П⟨етер⟩б⟨у⟩рг[14], где я и буду иметь честь не без некоторого трепета и гордости представить вам свою жену. Ежели бы я не был нынче в духе полной искренности (иногда (даже всегда) желаешь быть искренним, но не можешь), я бы сказал вам, что она вас любит, но теперь скажу, что она готова любить вас, но находится в отношении вас в некотором недоумении, очень заинтересована, как она сама говорит, как никогда никакой женщиной, и, вместе с тем, я уверен, имеет в душе чувство, к⟨отор⟩ое Ларошфуко заметил бы только[15], чувство немного враждебное, какое мы имеем всегда к людям, к⟨отор⟩ых мы не знаем и к⟨отор⟩ых все —

---

* наслаждение (*фр.*).

начиная с мужа, чрезмерно хвалят. — Смотреть же глазами мужа она не может, так как хорошая жена смотрит на все глазами мужа, исключая на женщин. —

Что делают и где все ваши?

Прощайте, до свиданья. Всё у вас ли страшный швейцар[16], к⟨отор⟩ого я испугал в 12 часов ночи?

14 ноября.

Где Алексей Толстой?[17] Кланяйтесь ему от меня, коли он в П⟨етер⟩б⟨ур⟩ге.

82. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

23 ноября 1865. Царское Село

Милый друг Léon, благодарю от души за милое, приятное, полное сумбура письмо[1]. C'est comme cela que je les aime*. Сколько вы ни говорите о своей перемене, но ваше старое *я* отовсюду выглядывает, а оно-то мне и дорого — ах, как дорого! В нем все наше дружеское прошедшее и, пожалуй, будьте *improved***, сколько хотите, но мне подавайте прежнего человека! Теперь вы уже, вероятно, знаете об перемене в моей судьбе. Анна Тютчева выходит замуж за Аксакова[2] (это европейская новость, которая разлетелась во все стороны), а я — да, *я* — поступаю на ее место[3], поверите ли этому? Надеюсь, что эта перемена нисколько не остановит ваш приезд сюда, конечно, я буду поглощена своим делом, но вечера мои свободные, более чем прежде застрахованные от казенных требований на службу, — они будут принадлежать вам и жене вашей. Приезжайте непременно[4] — более чем когда-нибудь желаю вас; то, что вы хотели сделать из дружбы, теперь к тому же обратится и в доброе дело (Acte de charité***). Я вам это растолкую — все расскажу, что захотите узнать, и, главное, всю страшную внутреннюю борьбу, через которую я прошла в эти последние месяцы, прежде чем решилась взяться за такое дело. На бумаге это просто невозможно рассказать, а оно будет вас интересовать даже в психологическом отношении. Я поступлю окончательно только в январе, а покамест здесь в Царском Селе в тиши учусь и приучаюсь. Учусь, главное, забыть *себя* всецело, запрятать как

---

* Таким я их и люблю (*фр.*).
** совершеннее (*англ.*).
*** Благодеяние (*фр.*).

можно дальше все, что составляло *личную* жизнь, отбросить ее вместе с пахитосом, которого курить уже *не буду*. Смейтесь, но эта безделица — немалая вещь. Впрочем, вы не смеетесь — я вижу это отсюда. Напишите мне одобрительное слово — оно мне нужно[5]. Помолитесь за меня — это мне еще нужнее. Я, как нищие, навязываю себя всем добрым людям. Скажите вашей дорогой тетиньке, что ей в особенности поручаю себя. Как я глубоко тронута ее хорошим расположением ко мне, — но чем же я его заслужила? Ведь это, право, совестно! А бедная Софи, как вы ее напугали мною. Вам это не стыдно? — Если она действительно имеет ко мне то враждебное чувство, о котором вы упоминаете, то никто его лучше не поймет, как я сама[6]. J'ai horreur de ces paragons qu'on vous jette à la tête à tout propos et je suis vraiment désolée que vous m'ayez fait un si mauvais parti auprès de votre femme. Elle est vraiment bien bonne si elle veut encore faire ma connaissance — à sa place j'aurais montré les dents*. Вы можете ей сказать для ее успокоения, что какие бы ни были совершенства в старой женщине (а в этом случае они более чем сомнительны), все-таки эта женщина не что иное, как погасшая свеча, никому более не вредная, а я (по крайней мере, по наружному виду) вполне *старая* женщина. С своей стороны радуюсь ее знакомству, как милому явлению, и уверена, что мы сойдемся с нею очень скоро. Ваше счастье подготовило ей место в моем сердце. —

Все мои, исключая Лизы[7], в Петербурге, и будут вам так рады, только брат мой сокрушается, что должен был переменить квартиру и что настоящая его квартира ne peut plus vous ouvrir ses bras hospitaliers**. Это и мне ужасно грустно, и я все буду бояться, что вы измените свой план. Увы, мы должны будем встретиться на новом terrain***[8], который и мне покамест мало известен. Как мне жаль всего прежнего — даже моих 86 ступенек (107 — страшная клевета!), даже великого швейцара, который без всяких превратностей судеб все стоит на своем месте.

Итак, обстановка новая, но хозяйка все та же, и в сердце мебель не переставлена.

---

* Я терпеть не могу тех paragons (совершенств — *англ.*), на которые вам указывают при всяком случае, и очень огорчена, что вы меня представили в таком свете вашей жене. Она очень добра, если еще желает со мной познакомиться: будь я на ее месте, я бы оскалила зубы (*фр.*).

** не может открыть вам своих гостеприимных объятий (*фр.*).

*** месте (*фр.*).

До свидания, милые друзья, до свидания, мой старый друг, не смущайте меня своими опасениями: я их не пойму, — я стала еще проще, чем была, и только издалека загадкою для вас. — Ce sont des fruits indigestes mûris par la séparation — ainsi vous voyez qu'il faut se revoir*.

Ваша А.Т.

23-го ноября 1865.

Si l'affaire de Marie prend une tournure où vous avez besoin de moi, avertissez-moi**.

83. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

26 или 27 ноября 1865. Ясная Поляна

Сейчас получил ваше милое, доброе, ясное письмо и говорил себе: отвечу завтра, но не могу удержаться — не дают мне покоя все те мысли, кот⟨орые⟩ пришли по случаю этого письма, и пишу сейчас же. Третьего дня я был в Туле, видел М. Лонгинова[1] и он, между прочими новостями, равнодушно сказал мне о замужестве Тютчевой и вашем назначении[2]. Хотя он вас не знает, кажется, вам будет интересно знать, в каких выражениях он сказал мне это. «Анна Тютчева так надоела им всем, что они рады были отвязаться от нее, а лучше Толстой они не могли, т.е. нельзя найти на ее место». Новость эта меня ужасно поразила. Для меня это был выстрел из двуствольного ружья. Во-первых, брак (не брак, а это надо назвать как-нибудь иначе, надо приискать или придумать слово), пока — брак А. Тютчевой с Аксаковым поразил меня, как одно из самых странных психологических явлений. Я думаю, что ежели от них родится плод мужеского рода, то это будет тропарь или Кондак[3], а ежели женского рода, то российская мысль, а может быть, родится существо среднего рода — воззвание или т.п. — Как их будут венчать? И где? В скиту? в Грановитой палате или в Софийском соборе в Царьграде. Прежде венчания они должны будут трижды надеть мурмолку[4] и, протянув руки на сочинения Хомякова, при всех депутатах от славянских земель произнести клятву на славянском языке. Нет, без шуток,

---

* Эти неудобоваримые плоды взращены разлукой — поэтому, видите, нам необходимо встретиться (*фр.*).

** Ежели дело Мари примет оборот, при котором я вам понадоблюсь, предупредите меня[9] (*фр.*).

что-то неприятное, противуестественное и жалкое представляется для меня в этом сочетании. Я люблю Аксакова. Его порок и несчастие — гордость, гордость (как и всегда), основанная на отрешении от жизни, на умственных спекуляциях. Но он еще был живой человек. Я помню, прошлого года, он пришел ко мне[5] и неожиданно застал нас за чайным столом с моими belles sœurs*[6]. Он покраснел. Я очень был рад этому. Человек, который краснеет, может любить, а человек, который может любить, — все может. После этого я разговорился с ним с глазу на глаз. Он жаловался на сознание тщеты и пустоты своего газетного труда[7]. Я ему сказал: женитесь. Не в обиду вам будь сказано, я опытом убедился, что человек неженатый до конца дней мальчишка. Новый свет открывается женатому. Вот он и женился. Теперь я готов бежать за ним и кричать: я не то, совсем не то говорил. Для счастья и для нравственности жизни нужна плоть и кровь. Ум хорошо, а два лучше, говорит пословица; а я говорю: одна душа в кринолине нехорошо, а две души, одна в кринолине, а другая в панталонах, еще хуже. Посмотрите, что какая-нибудь страшная нравственная monstruosité** — выйдет из этого брака[8]. Я знаю, что вы рассердитесь на меня за то, что я так говорю о вашей предшественнице, которую вы теперь стараетесь любить еще больше, чем прежде; но я не мог. С тех пор как я узнал эту новость, я каждый день по нескольку раз думаю об этом — не браке — а слиянии двух — не душ — а направлений, и я не могу успокоиться и говорить с вами о вас, пока не выскажу всего. Простите, ежели я вас огорчил.

Соня удивилась тому, что вы так боитесь того, что вам предстоит, но я и не ждал иначе. Страшно — я это очень понимаю. Я воспитывал своих яснополянских мальчиков смело. Я знал, что, каков бы я ни был, — наверное мое влияние для них будет лучше того, какому бы они могли подчиниться без меня; но здесь я понимаю, что Государыня[9] могла и желала иметь наилучшую воспитательницу, чуть не во всем свете. И вдруг эта самая лучшая воспитательница — я, Александра Анд⟨реевна⟩ Толстая. Я понимаю, что это страшно. Но вам бояться нечего, сколько я вас знаю и сколько ни стараюсь смотреть на вас самым непристрастным взглядом. И вот отчего, как мне кажется. Что вы умная, образованная и добрая женщина, это знают другие; я знаю то, что, кроме всего этого, вы, противно вашей предшественнице, не одна душа в cage***, а в вас плоть и кровь, — в вас были, есть и будут людские страсти. Приготавливать-

* свояченицами (*фр.*).
** уродство (*фр.*).
*** кринолине (*фр.*).

ся, рассуждать, обдумывать вы будете и молиться будете, а действовать будете только по инстинкту и без колебания, без выбора, а потому, что вы не в состоянии будете поступить иначе. А такое человеческое страстное влияние полезно воспитательно действует на человеческих детей, а разумное, логическое влияние действует вредно. Это мое убеждение не придуманное, а выжитое. В воспитании всегда, везде, у всех была и есть одна ошибка: хотят воспитывать разумом, одним разумом, как будто у ребенка только и есть один разум. И воспитывают один разум, а все остальное, т.е. все главное, идет, как оно хочет. — Обдумают систему воспитания разумом опять, и по ней хотят вести все, не соображая того, что воспитатели сами люди и беспрестанно отступают от разума. В школах учителя сидят на кафедрах и *не могут* ошибаться. Воспитатели тоже становятся перед воспитанниками на кафедру и стараются быть непогрешимыми. Но детей не обманешь, они умнее нас. Мы им хотим доказать, что мы разумны, а они этим вовсе не интересуются, а хотят знать, честны ли мы, правдивы ли, добры ли, сострадательны, есть ли у нас совесть, и к несчастию, за нашим стараньем выказаться только непогрешимо-разумными, видят, что другого ничего нет.

Сделать ошибку перед ребенком, увлечься, сделать глупость, человеческую глупость, даже дурной поступок и покраснеть перед ребенком и сознаться, гораздо воспитательнее действует, чем 100 раз заставить покраснеть перед собой ребенка и быть непогрешимым. Ребенок знает, что мы тверже, опытнее его и всегда сумеем удержать перед ним эту ореолу непогрешимости, но он знает, что для этого мало нужно, и он не ценит этой ловкости, а ценит краску стыда, к⟨отор⟩ая выступила против моей воли на лицо и говорит ему про все самое тайное, хорошее в моей душе. Я помню, как передо мной покраснел раз Карл Иванович[10]. Ежели бы в самом деле могла быть душа или, скорее, разум в кринолине, тогда бы все было прекрасно; но, к несчастью, в душе этой было настолько земного лимона (limon*), что она пошла за Аксакова. И дети смотрят на воспитателя не как на разум, а как на человека. Воспитатель есть первый ближайший человек, над которым они делают свои наблюдения и выводы, которые они потом прикладывают ко всему человечеству. И чем больше этот человек одарен человеческими страстями, тем богаче и плодотворнее эти наблюдения. И вы такой человек. В вас есть общая нам толстовская дикость. Недаром Фед⟨ор⟩ Иван⟨ович⟩ татуиро-

* Здесь: теста (*фр.*).

вался[11]. Я жду того, что вас будет любить ваша воспитанница[12] так же, как любят вас ваши друзья, и тогда все будет хорошо. У женщин есть одно только нравственное орудие вместо всего нашего мужского арсенала — это любовь. И этим только орудием успешно ведется женское воспитание. Будет оно у вас, то вы не будете ни учиться, ни думать, ни приготавливаться, — не будет, так вы откажетесь. —

Вы охотница до моего сумбура; вот вам целые четыре страницы. Тетинька и Соня целуют вас, я вас ужасно люблю и желаю вам счастья и успеха. Не желаю даже, я вперед радуюсь за ваше счастье в сознаньи делымаевого[13] дела, — одного из лучших в жизни — которому вы отдались все.

Прощайте. До свиданья, Бог даст.

84. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

15 или 16 декабря 1865. Ясная Поляна

Пишу вам несколько слов, милый друг, о деле Marie[1]. Вы так добры, что еще раз сами напомнили о том[2].

Она получила ответ от 17-го ноября за № 2227 от 3-то Отделения. — Ответ весьма краткий, в котором, по поручению к⟨няз⟩я Долгорукова, ее уведомляют, чтобы она *обращалась к судебным местам*.

Соображая этот ответ, подписанный каким-то Лисевичем, а не к⟨нязем⟩ Долгоруким[3], и ваше письмо, в к⟨отор⟩ом вы пишете, что к⟨нязь⟩ Д⟨олгоруков⟩ обещал вам попытаться, я уверен, что или письмо сестры вовсе не было прочитано к⟨нязем⟩ Д⟨олгоруковым⟩, или он забыл про вашу просьбу и про свое обещание. Только поэтому я пишу вам и прошу, ежели это так (и вы так же думаете), то напомните еще раз князю Долгорукову. Впрочем, этот ответ, как и все за №-ом бумаги, так глупо дерзок, что в наказание за этот ответ можно и быть importun*. Точно без него не знают, что имеют право обращаться в присутственные места. Ежели бы та самая мещанка Гольцова[4], на которую просят, написала жалобу к⟨нязю⟩ Д⟨олгорукову⟩, то меньше этого нельзя бы было и ей ответить. Я все это говорю потому, что наверное к⟨нязь⟩ Долгоруков не знал, что это письмо было то, о к⟨отор⟩ом вы его просили[5].

Что вы? Что ваше новое дело?

Дай Бог вам успеха.

---

* назойливым (*фр.*).

85. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

20 декабря 1865. Петербург

Милый друг Léon, зачем же вы не прислали мне письма Marie к Д⟨олгорукову⟩? Я, кажется, даже и просила вас о том[1] или подразумевала, что вы это сделаете. Д⟨олгорукова⟩ я не видала с получения вашего письма, что было вчера; разумеется, он, по всей вероятности, забыл мою просьбу и забудет ее опять, если при этом не будет никакой бумаги. Пришлите мне немедленно или записку (подробную), или повторение письма Marie к Д⟨олгорукову⟩[2]. Попробуем. Я также вам пишу в двух словах, mais ce ne veut pas des représailles* — время решительно нет.

А. Тют⟨чева⟩ говеет теперь с своим женихом[3], и я все справляю одна. Как можно было сердиться на ваше письмо — я смеялась от души[4]. Понимаю ваше впечатление, вы выразили его лучше других, но многие, даже большинство чувствовало на этот счет так же. Верьте или не верьте, но тут много хорошего, почтенного, высокого и обещающего счастье. — Жаль, что некогда распространяться.

Меня испугали известием, что вы уже в Москве и сюда не будете[5], а вы, как нарочно, не говорите ни полслова о своих намерениях. Пожалуйста, успокойте меня.

Cher Léon, je vous en prie, venez encore cet hiver. A revoir — je vais bien, j'aime ce que je dois aimer et je tâche d'aimer moins tout ce qui pourrait m'entraîner hors de mon cercle d'activité actuelle**.

А.

20 д⟨екабря⟩
1865.

---

* но это не в отместку (*фр.*).

** Милый Лев, прошу вас, приезжайте еще нынешней зимой. До свиданья — я здорова, люблю то, что должна любить, и стараюсь любить меньше все, что могло бы увлечь меня из круга моей настоящей деятельности (*фр.*).

1866

86. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

4 февраля 1866. Москва

Я уже две недели в Москве, в 20 часах от вас, любезный друг Alexandrine, и пробуду еще две недели[1] и не буду вас видеть. Нечего говорить, как это мне грустно. Возможность есть; но столько маленьких причин, по которым бы было неблагоразумно ехать. — Деньги, время, которое все занято[2], нежеланье оставить, хотя и на несколько дней, беременную жену с детьми одну, и все вместе делает то, что не должно и потому нельзя. Может быть, и к лучшему. Я боюсь, что вы теперь слишком заняты новым для вас делом[3], чтобы не избегать всяких посторонних интересов. — Не пишите мне много, а скажите, хорошо ли вам, спокойны ли вы душою.

Я приехал в Москву со всем семейством, главное для того, чтобы жена могла показать своих детей своим родным, главное своей матери. Это главная цель. А я воспользовался этим случаем, чтобы оживить в себе воспоминание о свете и о людях, к⟨отор⟩ое становилось во мне слишком отвлеченным. Вы, я думаю, не понимаете этого чувства и испытывали обратное чувство, т.е. уезжали от света для того, чтобы оживить в себе воспоминание о себе. Для душевного спокойствия нужно и то и другое. В уединении делаешься слишком строг, в свете слишком tolérant*. А мне нужно уметь более или менее верно судить людей, потому что я их стараюсь описывать. —

Вообще, ежели бы не упрек и досада, что, уехав из деревни, я все-таки не вижу вас, я бы был очень доволен своей поездкой; и затем главное и пишу вам — чтоб сказать: ах, как прискорбно и досадно. — Tout vient à point à celui qui sait attendre**. Эта пословица с годами сделалась у меня максимой, и я уверен и жду, что свиданье с вами, которое для меня будет серьезная радость, придет à point***, т.е. тогда, как, может быть, нам обоим будет это нужно. *Покаместа* прощайте, дай Бог вам успеха и спокойствия в вашем деле.

---

* терпимым (*фр.*).
** Дождется тот, кто умеет ждать (*фр.*).
*** вовремя (*фр.*).

Настасья Сергеевна Перфильева просила меня написать вам, что есть г-н Бестужев, родственник их родственника *Ешевского*, который давал уроки у детей в⟨еликой⟩ княгини и которого Лизавета Андревна знает и любит, и что хорошо бы было, ежели бы он мог получить уроки у вас[4].

Ежели вы ответите мне скоро, то адресуйте в Москву на Большой Дмитровке, в доме Хлудова[5]. Я пробуду до 28[6].

1867

87. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

31 марта 1867. Ясная Поляна

Я не больше, как с неделю тому назад, любезный друг Alexandrine, узнал из газет о вашем, — и искренно скажу, о нашем горе[1]. Меньше, чем кто-нибудь, я умею сказать что-нибудь в таких случаях, но больше, чем кто-нибудь, я чувствую необходимость сказать что-нибудь, хоть только то, что я тоже любил ее. Да и кто не любил ее? Мне невозможно себе представить такого человека. Тетинька моя[2] была так же, как и я, очень огорчена этой вашей потерей и просит меня передать вам и всем вашим ее уверения в своем сочувствии. Никому так не должно быть ужасно тяжело, как Праск⟨овье⟩ Вас⟨ильевне⟩, и мне ее всей душой, ужасно жалко. — Я получил это известие в Москве, в то самое время, как приехал туда для того, чтобы отдать последний долг Дьяковой, молодой женщине, жене моего лучшего друга, которая умерла на днях[3].

Бывает время, когда забудешь про *нее* — про смерть, а бывает так, как нынешний год, что сидишь с своими дорогими, притаившись; боишься про своих напомнить и с ужасом слышишь, что она ⟨то⟩ там, то здесь бестолково и жестоко подрезывает иногда самых лучших и нужных.

Мне иногда очень грустно, что подолгу не имею от вас известий, и иногда боюсь забыть вас. Но когда я узнал о вашем несчастьи, мне вас было так же жалко, как ежели бы вы при мне плакали. —

Здоровы ли вы? Где все ваши? Напишите мне несколько слов[4]. — Тетинька и Соня целуют вас. Мы живем всё по-старому. У нас трое детей[5]; и у меня моя работа[6], которая поглощает все мое время.

Не увидим ли мы ваших проездом к Вадбольским?[7] Это было бы очень радостно для всех нас.

Прощайте, целую вашу руку.

Л. Толстой

31 марта.

88. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

18 апреля 1867. Петербург

Mon cher Léon, je vous remercie pour votre affectueuse lettre. Quand j'ai pu penser, j'ai pensé à vous aussi et j'ai été *sûre* que notre douleur ne tomberait pas dans un cœur indifférent.

Maman est telle que nous l'avons toujours vue dans le malheur. Edifiante de douceur, de silence et d'humilité. Si elle se tient debout, c'est qu'elle est bien réellement debout *devant Dieu*. La source de cette force généreuse ne peut venir que de là. Son corps même n'a pas trop fléchi sous le coup. Cependant elle a beaucoup maigri et changé, mais elle dit ne souffrir de rien. Vous la verrez peut-être cet été à son passage pour Loubianki, si ce projet se réalise. Elle vous remercie ainsi que votre bonne tante pour le tendre intérêt que vous lui témoignez. Je crois que personne ne peut la regarder sans pitié et vénération, mais il n'y a que nous, ses enfants, qui, connaissant la force de sa tendresse pour nous, — pouvons aussi apprécier la mesure et le mérite de sa résignation. Eh bien moi, mon cher ami, j'ai été vaincue, submergée par ma douleur. Je ne me faisais même aucune idée d'une *pareille* douleur et il m'a fallu six semaines de luttes et d'agonie pour arriver à l'état où je suis, c'est-à-dire à *consentir* d'être déchirée par moitié et à sentir là bien *véritablement* que je n'ai jamais aimé Dieu autant que je l'aime depuis qu'il m'a ôté ce que j'avais de plus cher au monde. Ces mystères de l'âme, les explique qui voudra, mais je sais que cela *est* ainsi et que tout ce travail intérieur se fait par Lui seul. C'est le sculpteur travaillant dans le marbre.

Il y a bien peu de personnes auxquelles j'aurais dit ce que je viens d'écrire, mais je n'ai jamais cessé de vous aimer et je vous traite en conséquence. — Il ne s'agit plus d'être heureuse — ceci est bien, bien fini à tout jamais, mais il faut que je modère mon impatience de m'*en aller*. Peut-être que vous ne saviez pas assez ce que Lise était pour moi — ce que nous étions l'une pour l'autre — liées de toutes les manières par mille raisons, et le temps, l'âge resserrant ce lien toujours plus fort. Réunies ou séparées, nous étions constam-

ment le point de mire l'une de l'autre — tous nos intérêts en commun — et certaines que chaque événement — joie ou chagrin — réagirait également sur chacune de nous. — Tous ces fils invisibles étaient autant de câbles qui attachaient à la vie — tout cela est brisé pour ici-bas. — C'est un silence, une immobilité soudaine effrayante. Ce serait *impossible* à supporter — mais je vous jure que Dieu parle dans ce silence. On voit, on touche pour ainsi dire ce monde invisible qui semblait si éloigné, et on comprend que la véritable *réalité* est là. Но об этом трудно говорить. Трудно и с горем обжиться и сделать его неразлучным своим спутником. On est comme arrêté à chaque pas, repoussé à chaque pas — et faut-il que je vous confesse mon égoïsme — il me semble que personne n'a tant perdu avec elle que moi et Eugénie et que nous sommes véritablement les deux orphelines. —

Adieu, mon cher ami. Dieu sait s'il me sera donné de vous rencontrer dans la vie — mais je ne crois pas que je vous oublie. Que Dieu vous garde votre bonheur — mais souvenez-vous toujours que ce n'est qu'un dépôt. Je vous embrasse ainsi que votre femme. Bien des respects à votre chère tante — j'espère qu'elle prie pour nous.

A.

18 avril 1867.

⟨*Перевод:*⟩

Дорогой Лев, благодарю вас за ваше сердечное письмо. Как только я стала в состоянии думать, я думала о вас и была *уверена*, что наше горе[1] найдет отклик в вашей душе.

Маменька такая же, какой мы привыкли ее видеть в минуты горя: кроткая, тихая, полная смирения. Что дает ей силы устоять перед горем — это то, что она действительно стоит *перед лицом Бога*. Источник этой несокрушимой силы может исходить только свыше. Даже и физически она не особенно сломилась под этим ударом. Правда, она сильно осунулась и похудела, но уверяет, что чувствует себя здоровой. Быть может, вы увидите ее этим летом[2], когда она поедет в Лубянки, если только вообще этот план осуществится. Она благодарит вас и вашу милую тетушку за то нежное участие, которое вы нам выказали. Я думаю, что нет человека, который мог бы отнестись к ней без жалости и уважения, но всю высоту и цену ее смирения можем понять только мы, ее дети, зная всю силу ее нежности к нам. Я же, мой друг, была разбита и подавлена горем. Я никогда не могла себе представить *такого* страдания, и прошло шесть недель борьбы и мучительной тоски прежде,

чем я дошла до моего теперешнего состояния, то есть до *сознательного* согласия быть разорванной надвое и все же истинно чувствовать, что я никогда еще не любила Бога так глубоко, как люблю Его с тех пор, как Он отнял у меня то, что было для меня дороже всего на свете. Пусть кто хочет объясняет эти тайны души; что касается меня, то я только знаю, что это *действительно так* и что вся эта внутренняя работа исключительно дело Его рук. Это Ваятель, высекающий из мрамора.

Очень немногим я сказала бы то, что говорю теперь вам, но я никогда не переставала вас любить и потому так к вам и отношусь. — Теперь не может быть вопроса о том, чтобы быть счастливой; это кончено бесповоротно и навсегда; но надо стараться обуздать свое нетерпение *уйти отсюда*. Быть может, вы даже недостаточно ясно представляли себе, чем была для меня Лиза, чем мы были друг для друга, какое бесконечное количество нитей связывало нас обеих и как с годами эти нити крепли. Были ли мы вместе или вдали друг от друга — наши интересы оставались нераздельны, мы постоянно делились всем, уверенные, что всякое событие, радостное ли, горестное ли, одинаково отзовется на обеих. — И все эти невидимые нити были канатами, привязывавшими нас к жизни, и вот теперь все порвано. — Настало молчание — внезапная, страшная неподвижность. Это было бы *невозможно* вынести, но клянусь вам, что в этом молчании слышится голос Бога. Видишь, почти прикасаешься к этому невидимому миру, который казался таким отдаленным, и понимаешь, что настоящая *действительность* — там. *Но об этом трудно говорить. Трудно и с горем обжиться и сделать его неразлучным своим спутником*. У меня такое чувство, будто меня на каждом шагу останавливают, тянут обратно; я должна покаяться вам в своем эгоизме: мне кажется, что никто не потерял в ней столько, сколько мы с Евгенией[3], и мы обе действительно осиротели. —

Прощайте, дорогой друг. Одному Богу известно, дано ли нам будет встретиться в этой жизни, но я не думаю, чтоб я могла забыть вас. Да сохранит Бог ваше счастье, но помните всегда, что оно дано вам только на хранение. Обнимаю вас и вашу жену. Почтительный привет вашей милой тетушке — надеюсь, она молится за нас.

А.

18 апреля 1867.

1868

89. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

13 февраля 1868. Петербург

Mon cher Léon, tout ce temps-ci j'ai vécu avec votre livre — avec vous par conséquent; je vous ai dit, écrit des volumes en réponse. — Heureusement pour vous je n'ai pas eu le temps de mettre toutes ces paroles sur papier — du reste il n'y en aurait pas eu de désagreables. Le désir de vous voir après tant d'années est devenu presque maladif. Je voulais vous l'écrire vous croyant à la campagne, lorsqu'on m'a dit que vous êtes à Moscou pour deux mois. Je ne puis pas — je ne *veux* pas croire que vous me refusiez de venir me voir ne fût-ce que pour deux jours. Je n'ai rien à vous offrir d'agréable que ma joie de vous revoir — et encore peut-être serez-vous séduit par l'idée de faire plaisir à une personne pour laquelle vous aviez jadis de l'amitié et qui a beaucoup souffert comme vous savez.

A la manière dont je désire vous voir — je sens que je suis bien fidèle dans mes affections. Ceci a positivement échappé au naufrage — et j'en remercie Dieu. —

Répondez-moi un mot pour me dire que vous viendrez — je n'en accepte pas d'autre — je prie Sophie de vous envoyer. Bonne comme on la dit, je suis sûre qu'elle ne voudra pas me faire de chagrin.

Mon frère vous propose de vous arrêter chez lui. Моховая, maison Knoop, 18. —

A revoir, cher Léon, j'y compte pour sûr. — On lit ici votre roman avec effervescence, et l'enthousiasme est général. — Embrassez pour moi votre chère femme. Si j'étais libre je serais allée moi-même à Moscou pour vous voir tous, mais puisque je suis à la chaîne, ne me la faites pas plus lourde.

Alexandrine

13 février
1868.

Depuis le commencement de la seconde semaine je vous attends. —

⟨*Перевод:*⟩

Все это время я жила вашей книгой[1], дорогой Лев, а следовательно и вами; я говорила, писала вам целые томы в ответ. — К счастью для

вас у меня не было времени изложить все мои мысли на бумаге — впрочем, неприятных мыслей для вас там не было. Желание видеть вас после стольких лет разлуки[2] сделалось почти болезненным. Собиралась написать вам об этом, думая, что вы в деревне, когда вдруг узнаю, что вы приехали на два месяца в Москву[3]. Не могу — не *хочу* думать, что вы откажете мне в просьбе приехать ко мне хотя бы на два дня. У меня нет ничего приятного предложить вам, разве только мою радость увидеть вас снова; может быть, вас прельстит также мысль сделать удовольствие человеку, с которым вы когда-то были дружны и который, как вы знаете, много перестрадал.

Судя по тому, как мне хочется вас видеть, я чувствую, что я очень верна в своих привязанностях. Слава Богу, моя любовь к вам избегла крушения. —

Ответьте мне несколько слов и скажите, что вы приедете[4], — других я не принимаю. Я очень прошу Софи прислать вас. Говорят, она очень добрая, и, я уверена, не захочет огорчить меня. Брат предлагает вам остановиться у него: Моховая, дом Кноопа, 18. —

До свидания, дорогой Лев, очень надеюсь, что оно состоится. — Тут все поголовно читают ваш роман с волнением и восхищением. — Поцелуйте за меня вашу милую жену. Если б я была свободна, то сама отправилась в Москву, чтобы вас всех повидать, но я окована цепями, не отягчайте же их еще больше.

Александрина

13 февраля
1868.

Жду вас в начале второй недели[5]. —

90. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

16 апреля 1868. Москва

Любезный друг Alexandrine. Цель моего письма просьба. Я уверен, что вы сделаете что можете для меня и для того, чтобы сделать добро. Вот в чем дело. Брат мой Сергей женился[1] на женщине, которая была матерью его трех детей. В начале нынешнего года он подал просьбу Государю об усыновлении этих детей. По письму, которое он получил на днях от своего адвоката, дело его подвигается плохо (дело зависит от какого-то Долгорукова — секретаря кого-то[2]) и имеет мало надежды

на успех. Детей законных у него нет, и, кажется, нет надежды иметь. От успеха или неуспеха его дела зависит, кроме счастия детей, спокойствие и прочность его семейной жизни. Если вы можете сказать, кому нужно, нужное слово[3], вы сделаете добро ему — его семье, и мне большое добро, которое я запишу у себя в сердце на большой счет, который записан там на ваше имя.

Мне все кажется, что, несмотря на то что мы *годами* не знаем ничего друг про друга, мы остались с вами теми же друзьями, которыми были прежде. Если вы мне напишете[4], то напишите, что это так. —

Как вы живете? Какие ваши интересы — не внешние, а внутренние, задушевные? Я не знаю и не могу узнать, пока не увижусь с вами; и Бог знает, придется ли когда-нибудь, потому что Петербург мне кажется дальше, чем город на луне; а для вас так же далека наша глушь. —

Про себя могу сказать, что я спокоен и счастлив, как только можно, и внешними условиями жизни, и своим трудом, и, главное, семьей. —

Прощайте, вперед благодарю вас за то, что вы захотите сделать для меня. Напомните обо мне вашим. Я каждое лето надеюсь на проезд ваших к Вадбольским[5]. Рука не ходит писать вам: так странно далеким и вместе близким я чувствую себя вам.

Л. Толстой

16 апреля.

1869

91. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

10 ⟨?⟩ мая 1869. Ясная Поляна

Я тоже слышал про пропадающие письма из Петербурга и потому спешу уведомить вас, что я только нынче получил вашу записочку и бумагу[1], за которые очень, очень благодарю вас. Но за письмо ваше первое[2] — наверно, хорошее письмо, которое мне доставило бы такую радость, я готов задушить того, кто виною того, что оно не дошло ко мне. Я не сомневался в том, что вы сделаете, что можете, но беспокоился и удивлялся. Я очень занят в эту минуту, и потому не пишу больше. Целую вашу руку. Бог даст, до свидания[3].

Ваш Л. Толстой

92. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

16 мая 1869. Петербург

Милый друг Léon, ваша последня записочка подняла во мне целую бурю негодования, следствием которого завязалась между мною и почтовым директором самая ярая переписка. Я знаю, что это ни к чему не поведет и что письмо, несмотря на его обещания, все-таки не отыщется[1], aber ich mußte mir Luft machen*. И вообразите — не знаю почему (но, конечно, зная неаккуратность почты), я именно беспокоилась об этом письме, которое, правду сказать, было не письмо, а целая брошюрка — два или три мелко исписанных листа. Я отправила его на третий или четвертый день Пасхи, 25го или 26го апреля. Писала его ночью под особенным впечатлением былых воспоминаний, возбужденных вашими родными и давно невиденными каракульками[2]. Одно из тех писем, которое нельзя написать два раза, потому что это было задушевный разговор за несколько лет молчания и отчуждения. Если его сыщут, то вы поймете, отчего мне так досадно и за себя, и даже за вас. Я помню всё, что писала, и однако ж ничего не могу повторить. Cette lacune ne peut être remplie que par un revoir**. Кроме многого, многого я писала вам, что буду в Москве, вероятно, в конце или половине июня, и никогда не прощу вам, если вы не приедете меня повидать[3].

В письмо была вложена карточка моей в⟨еликой⟩ княжны[4] (может быть, именно она и погубила его), но, говоря об своей настоящей жизни, я не могла не показать вам то, *что* ее теперь наполняет совершенно. Велите поискать в Туле на почте, а здесь наверное употребят все усилия, чтобы сыскать мою несчастную эпистолею. При совершенном недостатке времени и при разрыве со всеми прежними моими корреспондентами — написать такую длинную штуку может считаться для меня настоящим подвигом. Но это было сделано с такою истинною любовью и удовольствием — и оттого мне еще больнее, что оно не достигло своего назначения. Но довольно — это начинает походить на Иеремиин плач. Обнимаю нежно вас и всех ваших и люблю вас по-прежнему, без тени перемены. —

А. Толстая

16го мая
1869.

---

* но я сделала это себе в облегчение (*нем.*).

** Этот пробел может заполниться только свиданием (*фр.*).

1872

93. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

12 января 1872. Москва

Любезный друг Alexandrine. Меня просили, чтоб я просил вас, и я не мог отказать, вы же делайте с моей просьбой, что хотите. Я рад случаю писать вам. Просьба от моего приятеля, прекрасного человека и известного знатока и собирателя русской старины Безсонова[1]. *В Москве составилось общество любителей русского народного пения* (я один из членов учредителей)[2]. *Устав общества представлен к министру внутр⟨енних⟩ дел, у него прошел и переслан к министру двора, и там задержался; а очень желают разрешения ко времени Политехнической выставки в Москве*[3], *чтобы успеть дать ряд исполнений народных в честь Петра I.* —

Я все мечтал, что в тот или другой проезд ваш вы мне свиснете; и готовил в воображении целый ряд разговоров с вами; но, видно, еще не нужно — не поспели эти ягоды. А писать нечего — внешняя жизнь моя все та же, т.е. по изречению les peuples heureux n'ont pas d'histoire*. У меня всё так же хорошо дома, детей пятеро[4], и работы столько, что всегда нет времени. Пишу я эти последние года азбуку и теперь печатаю[5]. Рассказать, что такое для меня этот труд многих лет — азбука, очень трудно. Нынешней зимой надеюсь прислать вам, и тогда вы, по дружбе ко мне, может быть, прочтете. Гордые мечты мои об этой азбуке вот какие: по этой азбуке только будут учиться два поколения русских *всех* детей от царских до мужицких и первые впечатления поэтические получат из нее, и что, написав эту Азбуку, мне можно будет спокойно умереть.

Прощайте, целую вашу руку, не забывайте меня и не упускайте случаев повидаться нам с вами. Сестра, за которую я радовался, что вы ее полюбили, в Нице[6], а дочь ее Варя, моя любимица, выходит замуж за Нагорного[7], и я в первый раз испытал чувство *жестокого отца*, какие бывают в комедиях. Хотя в молодом человеке нет ничего дурного, я бы убил его, если б он мне подвернулся на охоте. И я своей мрачностью расстроил их ребяческое, так называемое, счастие; а не могу иначе.

---

* у счастливых народов нет истории (*фр.*).

Избави Бог дожить до невесты дочери. Это чувство жертвоприношения, заклания на алтаре какого-то страшного и цинического божества. — Я пишу это письмо от Перфильевых, у которых я останавливаюсь в Москве[8], и они посылают вам свой душевный привет.

Ваш Л. Толстой

12 января.

94. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

20 февраля 1872. Ясная Поляна

Когда я вам написал письмо[1], любезный друг Alexandrine, и долго не получал ответа, я ни минуты не сомневался в том, что какая-нибудь причина мешает вам писать, но когда я получил ваше письмо[2], я вдруг понял, что на вашем месте я бы не стал писать. И мне стало совестно, в особенности от того, что вы были больны. Я могу по годам не переписываться с людьми, которых я люблю; но только бы знать, что эти люди хоть не счастливы, но не несчастливы — не больны. А думать, что я ничего не знаю, а близкий мне человек страдает физически или нравственно, очень неприятно; и потому я с нынешнего дня исправился и начинаю, если вы хотите, правильную переписку. Не пугайтесь — если я получу от вас в год три письма — это довольно. Одно нехорошо, это то, что — не знаю, как вы с другими друзьями, — но со мной вы не ровны — в том смысле, что общий наш интерес всегда составлял — большая часть меня, и маленькая часть ваша, т.е. что вы всегда больше интересуетесь мною, чем позволяете мне интересоваться вами. А это мне неловко. Я эгоист в своей умственной деятельности, т.е. что мои мысли, мне кажется, всегда должны быть интересны для всех, и я готов навязывать их всем, но свою персону я считаю за очень малое и для самого себя, не только ни для кого другого, неинтересною. —

Что ваше здоровье? Об этом непременно напишите мне; а если вы прибавите к этому коротенький хоть bulletin о вашем нравственном, душевном состоянии, то это будет мне сюрприз, подарок. Когда я был молод и смотрел на таких седых беззубых стариков, как я, как твердо я был уверен, что если есть интересная душевная жизнь, движение, то ее надо искать в молодых, а что эти старики засохли, как мощи, и снутри и снаружи, и всё такие же; а теперь вижу, что дальше вперед, то больше — круче ступени, — так и обрываешься под них, не ожидая. Это я к тому говорю, что хоть краткий bulletin о вашем душевном состоянии мне

интересен. Моя жизнь все та же, т.е. лучше не могу желать. Немножко есть умных и больших радостей, ровно сколько в силах испытывать, и толстый фон *глупых радостей*, как то: Учить грамоте крестьянских детей[3], выезжать лошадь молодую, любоваться на вновь пристроенную большую комнату[4], рассчитывать будущие доходы с новокупленного имения[5], хорошо переделанная басня Эзопа[6], отбарабаненная в 4 руки симфония с племянницею, хорошие телята — все телки и т.п. Большие же радости это семья, *страшно* благополучная, все дети живы, здоровы, и, почти уверен, умны и неиспорчены, и занятия. Прошлого года это был греческий язык[7], нынешний год — это была азбука до сих пор, и теперь я начинаю новый, большой труд[8], в котором будет кое-что из того, что я говорил вам; но всё другое, чего я никогда и не думал. Я теперь вообще чувствую себя отдохнувшим от прежнего труда и освободившимся совсем от влияния на самого себя своего сочинения[9] и, главное, освобожденным от гордости, от похвал. Я берусь за работу с радостью, робостью и сомнениями, как и в первый раз.

В Москву на выставку[10] не только не думаю ехать, но вчера я вернулся из Москвы, где я заболел, с таким отвращением ко всей этой праздности, роскоши, к нечестно приобретенным и мужчинами и женщинами средствам, к этому разврату, проникшему во все слои общества, к этой нетвердости общественных правил, что решился никогда не ездить в Москву[11]. Со страхом думаю о будущем, когда вырастут дочери[12]. —

Целую вашу руку. Соня благодарит за память и целует вас.

Ваш старый и верный друг

Л. Толстой

Если вы видите ваших, передайте им мой душевный привет. Я ничего не знаю про них, напишите про них словечко.

95. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 6 и 8 ⟨?⟩ апреля 1872. Ясная Поляна

Любезный друг!

Вы посмеялись над моим исправлением и теперь верно подумали: так и есть, если обещался писать часто, то года через два напишет[1]. А вы сами виноваты — велели мне адресовать в Петербург, а я знаю, что вы в Крыму, и это отбивает охоту писать. Приехать в Орел я не мог.

Но мне очень хотелось вас видеть. Я от души сочувствовал вашему горю, нездоровью Императрицы, и именно по этому случаю хотел особенно вас видеть. Я хотел внушить вам, что у нас в России есть необычайное средство против общего и неопределенного упадка сил — кумыс; но не в Петерб⟨урге⟩, не в Крыму, а в Самарских степях. Я испытал его на себе, видел удивительные примеры и верю только в кумыс. — Разумеется, вы мне не поверите. Ваши доктора всё уже решили и всё знают, но мне хотелось сказать это вам и я сказал. — Впрочем, это и не нужно — я слышал, что здоровье Императрицы[2] совсем поправилось. Я говорю — слышал, потому что 3 года не читал и теперь не читаю ни одной газеты. —

Я живу хорошо, только старость начинает чувствоваться — хвораю часто и тороплюсь работать. Работы все больше и больше впереди. Если бы мне 20 лет тому назад сказали: придумай себе работу на 23 года, я бы все силы ума употребил и не придумал бы работы на три года. А теперь скажите мне, что я буду жить в 10 лицах по 100 лет, и мы все не успеем всего переделать, что *необходимо*. Азбука моя печатается с одного конца, а с другого все пишется и прибавляется[3]. Эта азбука одна может дать работы на 100 лет. Для нее нужно знание греческой, индийской, арабской литератур, нужны все естествен⟨ные⟩ науки, астрономия, физика, и работа над языком ужасная. — Надо, чтоб все было красиво, коротко, просто и, главное, ясно. Как франц⟨уз⟩ какой-то сказал: «La clarté est la politesse de ceux qui veulent enseigner, s'adressant au piblic»*. — И что хуже всего, что за этот труд меня будут бранить, и вы — первая. В вашей среде вы наверно найдете мой язык vulgaire**. А я не могу пренебречь мнением и вашей среды, потому что я пишу для всех. Образец того языка, каким я пишу, вы увидите, если захотите, в двух журналах, «Заре» и «Беседе», куда я, против воли, должен был дать две историйки из Азбуки[4]. Если вы их прочтете, напишите свое мнение[5].

Ваш Л. Толстой

* Ясность — это вежливость желающего учить в отношении к слушателям (*фр.*).
** вульгарным (*фр.*).

96. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

18 сентября 1872. Ясная Поляна

18 сентября

Любезный друг Alexandtine. Вы одна из тех людей, которые всем существом своим говорят своим друзьям: «I will share with thee thy sorrows, and thou thy joys with me»*; и я вот, всегда рассказывающий вам о своем счастии, теперь ищу вашего сочувствия в моем горе. Нежданно, негаданно на меня обрушилось событие, изменившее всю мою жизнь.

Молодой бык в Ясной Поляне убил пастуха, и я под следствием, под арестом — не могу выходить из дома (все это по произволу мальчика, называемого суд⟨ебным⟩ следователем)[1], и на днях должен обвиняться и защищаться в суде перед кем? Страшно подумать, страшно вспомнить о всех мерзостях, которые мне делали, делают и будут делать.

С седой бородой, 6-ю детьми, с сознанием полезной и трудовой жизни, с твердой уверенностью, что я не могу быть виновным, с презрением, которого я не могу не иметь к судам новым, сколько я их видел, с одним желанием, чтобы меня оставили в покое, как я всех оставляю в покое, невыносимо жить в России, с страхом, что каждый мальчик, кот⟨орому⟩лицо мое не понравится, может заставить меня сидеть на лавке перед судом, а потом в остроге; но перестану злиться. Всю эту историю вы прочтете в печати[2]. Я умру от злости, если не изолью ее, и пусть меня судят за то еще, что я высказал правду. Расскажу, что я намерен делать и чего я прошу у вас.

Если я не умру от злости и тоски в остроге, куда они, вероятно, посадят меня (я убедился, что они ненавидят меня), я решился переехать в Англию навсегда или до того времени, пока свобода и достоинство каждого человека не будет у нас обеспечено. Жена смотрит на это с удовольствием — она любит английское, для детей это будет полезно, средств у меня достанет (я наберу, продав все, тысяч 200); сам я, как ни противна мне европейская жизнь, надеюсь, что там я перестану злиться и буду в состоянии те немногие года жизни, кот⟨орые⟩ остаются, провести спокойно, работая над тем, что мне еще нужно написать. План наш состоит в том, чтобы поселиться сначала около Лондона, а потом выбрать красивое и здоровое местечко около моря, где бы были хорошие школы, и купить дом и земли. Для того, чтоб жизнь в Англии

---

* Я разделяю с тобой твои горести, а ты раздели со мной мои радости (*англ.*).

была приятна, нужны знакомства с хорошими аристократическими семействами. В этом-то вы можете помочь мне и об этом я прошу вас. Пожалуйста, сделайте это для меня. Если у вас нет таких знакомых, вы, верно, сделаете это через ваших друзей. Два, три письма, кот⟨орые⟩ бы открыли нам двери хорошего английского круга. Это необходимо для детей, кот⟨орым⟩ придется там вырости. Когда мы едем, я еще ничего не могу сказать, потому что меня могут промучать, сколько им угодно. Вы не можете себе представить, что это такое. Говорят, что законы дают sécurité*. У нас напротив. Я устроил свою жизнь с наибольшей sécurité. Я довольствуюсь малым, ничего не ищу, не желаю, кроме спокойствия, я любим, уважаем народом, воры и те меня обходят, и я имею полную sécurité, но только не от законов. Тяжелее для меня всего — это злость моя. Я так люблю любить, а теперь не могу не злиться. Я читаю и Отче наш и 37 псалом, и на минуту особенно Отче наш успокоивает меня, и потом я опять киплю и ничего делать, думать не могу — бросил работу, как глупое желание отмстить, тогда как мстить некому. Только теперь, когда я стал приготавливаться к отъезду и твердо решил, я стал спокойнее и надеюсь скоро опять найти самого себя. Прощайте, целую вашу руку.

97. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

19 сентября 1872. Ясная Поляна

19 сентября

Спешу писать вам, милый друг, о новом обороте, которое приняло мое дело совершенно неожиданно и от которого планы мои изменились. Простите меня, если я вас встревожил; но я не виноват: я измучался в этот месяц, как никогда в жизни, и с мужским эгоизмом хотел, чтобы все хоть немного помучались со мною. Мне уже легче стало, когда я высказал вам и когда решил уехать. Нынче — сейчас — я получил письмо от председателя суда[1] — он пишет, что все мерзости, которые мне делали, была ошибка и что меня оставят в покое. Если это так, то я никуда не уеду и только прошу вас простить меня, если я вас встревожил. Но в оправданье мое, должен рассказать вам всю историю. Бык, в то время, как я в Самаре, убивает человека — пастуха. Я, когда и дома, по меся-

* безопасность (*фр.*).

цам не вижу приказчика и не занимаюсь хозяйством. Приезжает какой-то юноша, говорит, что он следователь, спрашивает меня, законных ли я родителей сын и т.п. и объявляет мне, что я обвиняюсь в действии противузаконном, от которого произошла смерть, и требует, чтобы я подписал бумагу, что я не буду выезжать из Ясной Поляны до окончания дела[2]. Я спрашиваю: подписывать или не подписывать? Мне говорит прокурор[3], что, если я не подпишу, меня посадят в острог. Я подписываю и справляюсь, скоро ли может кончиться дело? Мне говорят: по закону товар⟨ищ⟩ прокурора в неделю срока должен кончить дело, т.е. прекратить или составить обвинение. А я знаю, у меня в деревне мужик дожидается 4-й год этой недели. И знаю, что может протянуться год, два, сколько им угодно. Проходит 3 недели; я, утешая себя мыслью, что для меня, хоть не в неделю, а в 3 недели сделают заключение, справляюсь. Что же? Не только не сделано заключенье, но дело еще не получено за 15 верст. Справляюсь, от кого зависит сделать обвинение или прекратить. От одного тов⟨арища⟩ прокурора, большей частью мальчика, лет 20. — Если тов⟨арищ⟩ прок⟨урора⟩ такой же, как следователь, то, кончено, я в остроге на 4 месяца. Какая же надежда спасения? Суд. На беду в это самое время я присяжным и должен ехать в суд. Вопрос: ехать ли мне или не ехать? У кого спросить? Спрашиваю у председателя суда[4]. Он мне пишет, что я прав буду, не ездя.

Я пишу бумагу в суд, что я не могу ехать, потому что под следствием[5]. На суде тов⟨арищ⟩ прокурора публично заявляет, что я не могу быть присяжным, потому что я обвиняюсь в преступлении по ст. 1466, т.е. в убийстве (вы понимаете, как это приятно). Суд накладывает на меня штраф в 225 р. и требует, чтоб я явился, иначе я предаюсь суду.

Нечего делать; я с письмом председ⟨ателя⟩ суда, в котором сказано, что я юридически прав, не ездя на суд, приезжаю и доставляю удовольствие этим господам забавляться мною. —

Стало быть, вот он суд, который будет меня судить. При этом не забудьте, что в деле о быке, которое теперь взвалили на моего управляющего[6] из fausse honte*, нет возможности обвинять кого бы то ни было; а меня, живущего в Самаре и никогда не занимающегося хозяйством, можно было обвинять столько же, сколько вас. При этом не забудьте, что я никого тульских не знаю и знать не хочу, никому ни в чем не

---

* ложного стыда (*фр.*).

мешаю, одного молю у Бога и у людей — спокойствия, занят с утра до вечера работой, требующей всего внимания — последней отделкой моей печатающейся книги[7]. Я часто был в сомнении, в самом деле, не сделал ли я какого преступления, или не сошел ли с ума. Злишься и чувствуешь унижение злости, и еще больше злишься. И теперь мне пишет, что следователь ошибся, а товарищ прокурора не успел, а суд тоже мог иначе взглянуть, и что все прекрасно, что во всем могут быть маленькие несовершенства. Маленько⟨е⟩ несовершенство то, что я месяц целый (и теперь еще) нахожусь под арестом, что, по какому-то счастию, тов⟨арищ⟩ прок⟨урора⟩ догадался, что меня обвинять нельзя, а то бы я был судим, т.е. они бы вполне повеселились. Да и теперь я еще ничего не знаю официально. Может быть, еще им вздумается. Я потому только говорю, что я изменил свое намерение уехать, что вероятнее, что суда не будет. Я же с самого начала дела решил с собою, что если будет суд, я уеду. И когда я вам писал, было очевидно, что суд будет. Эти маленькие несовершенства моего месяца под арестом и 3-х лет в остроге моего мужика похожи на то, как если бы услужливый командир, желая делать пользу жителям, приставлял бы часовых для безопасности хозяев; но часовые, по свойственному человеку несовершенству, убивали бы всех хозяев, которых они приставлены караулить.

Так вот моя история. Хотя ничто еще не кончено и подписка не снята[8], и гадостей могут сделать много, по письму председ⟨ателя⟩ я вижу, что теперь меня хотят оставить в покое, и жалею, что написал вам, и теперь должен был писать все эти объяснения. —

Нынче же случилось то, что утишило мою досаду еще до получения письма. Утром жена разболелась сильнейшей лихорадкой и болью в груди, угрожающей грудницей (она кормит), и я вдруг почувствовал, что не имеет человек права располагать своей жизнью и семьей особенно. И так мелка мне показалась и моя досада и оскорбленье, что я усумнился, поеду ли я? Теперь ей получше, я надеюсь, что обойдется без грудницы. Сестра Маша на днях уехала от нас, и каждый день с нежностью говорила о вас и упрекала себя за то, что не писала вам, а я упрекаю себя за то, что писал. Прошу простить и целую вашу руку.

Л. Толстой

98. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

20 или 21 сентября 1872. Ясная Поляна

Любезный друг Alexandrine!

Вы пишете: «Si j'ai dit quelque chose qui vous irrite...»* Все ваше письмо[1] произвело на меня это действие, и я благодарю Бога за то, что я получил его тогда, когда я уже кое-как успокоился.

Понять рассудком положение другого человека нельзя, и этого я не ждал; но понять сердцем можно; и этого я ждал и ошибся. Я нашел и нахожу, что если попал в муравьиную кочку, то следует уйти для того, чтобы перестать визжать и биться; а вы не находите и говорите, что нужно мужаться, не быть эгоистом и быть христианином. Мужаться можно там, где есть враг, где есть опасность, а там, где борьба лжи и притворства, по-моему надо покоряться. Для того чтобы не быть эгоистом и быть полезным другим, надо прежде всего перестать страдать и биться, надо прежде всего выскочить из муравьиной кочки. Для того чтобы по-христиански принять все, что послано Богом, надо прежде всего чувствовать себя самим собою, а в то время как вас обсыпают и жалят муравьи, нельзя ни о чем другом думать, как об избавлении. Принять же, как посланное свыше испытание, зуд, производимый во всем вашем существе насекомыми, облепившими вас, — невозможно. Все дело в том, не как ум, а как сердце посмотрит на человека (ребенка или старика), который бьется в муравьиной кочке. Многим это покажется смешно, другим глупо, некоторым жалко и оскорбительно. Я понимаю, что многих людей, возвышенно утонченных, можно высечь, и они только оглянутся, не видал ли кто-нибудь, и сделаются еще приятнее, чем прежде, и их не жалко; и понимаю, тоже для других людей, приносящих все в жертву соблюдению своего достоинства, для которых малейшее унижение есть физическое страдание, и этих жалко. Все дело в том, что вы не поняли, что та злоба, которую я испытывал и от которой страдал, была не произведение моей воли, а такое же несомненное последствие того, что я испытал, как опухоль и боль после укуса пчелы. Одно, что вы мне не говорите, но что я говорю себе, это то, что зачем я написал вам. Когда я вспомню, что я написал вам с задней мыслью (теперь для меня ясной) о том, что вы разгласите то, что со мной случилось, в той среде, в которой вы живете, я краснею от стыда, особенно когда вспомню ваш ответ.

---

* Если я сказала что-нибудь такое, что вас раздражило... (*фр.*).

Очень жалею о том, что потревожил вас, и наверно вперед не буду. А более, чем когда-нибудь, остаюсь при своем мнении, что лучшее, что может сделать человек, уважающий себя, это уехать от того безобразного моря самоуверенной пошлости, развратной праздности и лжи, лжи, лжи, которая со всех сторон затопляет тот крошечный островок честной и трудовой жизни, кот⟨орый⟩ себе устроил. И уехать в Англию, потому что только там свобода личности обеспечена — обеспечена для всякой уродливости и для независимой и тихой жизни.

Прощайте, целую вашу руку и прошу простить меня за тревогу.

99. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

3 октября 1872 г. Ливадия

3 octobre 1872

Avant-hier il s'est passé un cataclisme à Livadia. Un énorme rocher a été précipité dans la mer. Ce rocher c'est moi qui le portait sur mes épaules et c'est votre lettre qui m'en a débarassé. Comme je vous remercie de m'avoir écrit de suite, mon cher Léon, pour me calmer — et la première fois vous avez eu très raison aussi de m'écrire. Je n'aime pas que mes amis s'affligent ou se réjouissent sans moi — je veux une part de tout. Voilà pourquoi je suis vraiment blessée du silence de Marie — elle sait que ce n'est pas *par politesse* que je me suis intéressée à tout ce qui a rapport à elle et à ses enfants, elle a dû voir que mon cœur était en jeu et subitement sans raisons elle me plante au milieu d'une infinité de circonstances soulevées comme si je pouvais d'un moment à l'autre me désintéresser de ce à quoi j'avais pris une part si vive. Si je savais où elle est, je lui aurais dit tout cela moi-même, mais j'ai eu beau vous demander son adresse, vous ne m'avez jamais donné de réponse. Maintenant pour revenir à vous, n'oubliez pas qu'il y a encore un nuage gris qui flotte sur toute cette incroyable affaire et qu'il me faut être finalement rassurée là-dessus, ainsi que sur la santé de votre femme, mais je suis sûre que vous ne m'écrirez plus dès que vous serez devenu normal. Quel dommage qu'il faille toujours des circonstances extraordinaires pour vous pousser à regarder de mon côté. Mon sermon qui arrivera trop tard vous ennuiera beaucoup, je le prévois, mais c'est égal — je ne suis pas fâchée d'avoir dit ce que j'ai dit et même je ne trouve pas que nous soyons quittes. Pour séparation finale j'exige que vous veniez me voir à Toula si je m'y arrête à mon retour ce que je vous ferai savoir en temps et lieu. Quand je vous disais que toute cette

histoire n'était qu'une épreuve de la Providence, les sacrifices d'Abraham se répètent maintenant comme jadis, mais seulement les Abraham de nos jours perdent immédiatement la tête, parce que la foi est absente. Cependant je suis sûre que vous avez beaucoup réfléchi après coup et j'en vois même des indices dans votre lettre. Бог хочет свое, а мы свое, и этим-то нарушается вся гармония и образуется разлад в нашей жизни. Мы на все смотрим из ямы и удивляемся, что ландшафт не хорош, а стоит только войти на гору, чтобы увидеть совсем иное.

Je ne sais pas si je vous ai déjà écrit que j'ai lu le «Кавказский пленник» et que ce n'est qu'alors que j'ai compris la signification du mot Азбука, ou au moins que j'ai cru le comprendre. Ce style si particulier vous l'avez l'adopté n'est-ce pas pour qu'il soit à la portée de tous et je suppose que cela ira en progressant. Il y a des personnes qui ont trouvé que ces phrases si courtes avaient quelque chose d'affecté. Je ne suis pas de cet avis et quelqu'un des nôtres ici qui a le goût très littéraire a été comme moi sous le charme de cette histoire qui peut intéresser un enfant de 7 ans autant qu'un homme de quarante. Et sur le tout plane je ne sais quel parfum de poésie qui doit aussi répandre à des cordes qui sont dans les natures non-civilisées aussi bien que dans celles qui sont plus développées. Je ne suis pas parvenue à mettre la main sur l'autre essai et si vous en avez un exemplaire vous seriez bien gentil de me l'envoyer fût-ce le корректурный листок. J'attends la suite de ce travail avec impatience. Adieu, mon cher ami, je vous serre la main affectueusement — à présent vous êtes un пай-внук.

Comme je voudrais avoir un jour la caractéristique de tous vos enfants par ordre chronologique faite par vous.

Mille amitiés à votre femme.

⟨*Перевод:*⟩

3 октября 1872

Позавчера в Ливадии произошло стихийное бедствие. Огромная скала упала в море. Это камень упал с моих плеч, а освободило меня от него ваше письмо. Как я благодарна вам, дорогой Лев, что вы сразу же написали, чтобы успокоить меня — и в первый раз у вас нашлось достаточно причин, чтобы написать мне[1]. Я не люблю, когда мои друзья скорбят или радуются без меня — я хочу делить с ними все. Вот поэтому меня очень обидело молчание Машеньки, она ведь знает, что я не *из вежливости* интересуюсь всем, что касается ее самой и детей, она должна была видеть, что это идет от сердца[2]; и вдруг, без всяких

причин, она бросает меня в гуще сложившихся обстоятельств, как если бы время от времени я переставала интересоваться тем, что меня так волновало всегда. Если бы я знала, где она сейчас, я бы сказала все это ей сама, я просила у вас ее адрес, но безрезультатно — вы ни разу не ответили мне[3]. Что касается вас, не забывайте, это невероятное дело по-прежнему окутано серым туманом, и вы должны наконец успокоить меня на этот счет; напишите также, как здоровье вашей жены[4], но я уверена, что вы не напишете мне, после того как у вас все уладится[5]. Как жаль, что всегда должно произойти что-то необычное, чтобы вы вспомнили обо мне. Мое нравоучение придет с опозданием и, я предвижу, будет вам неприятно, но все равно я не жалею, что написала то, что написала, и даже не считаю, что теперь мы квиты. Для полного разрыва я требую, чтобы вы приехали ко мне в Тулу, где я остановлюсь на обратном пути[6]; о времени и месте я дам вам знать. Я говорила вам, что вся эта история лишь испытание, посланное Провидением — Авраамовы жертвоприношения[7] повторяются и сегодня, как когда-то, но Авраамы наших дней тут же теряют голову, потому что не имеют веры. Однако я уверена, что вы многое обдумали после случившегося, и я даже вижу намеки на это в вашем письме.* Бог хочет свое, а мы свое, и этим-то нарушается вся гармония и образуется разлад в нашей жизни. Мы на все смотрим из ямы и удивляемся, что ландшафт не хорош, а стоит только войти на гору, чтобы увидеть совсем иное.*

Я не помню, писала ли я вам, что читала *«Кавказский пленник»* и что только тогда поняла значение слова *Азбука*[8], или по крайней мере, мне показалось, что поняла. Не правда ли, вы приняли этот особый стиль, чтобы он был доступен пониманию всех, и я думаю, вы будете его развивать. Некоторые находят эти короткие фразы несколько деланными. Я не разделяю их мнения, и многие наши здесь, обладающие тонким литературным вкусом, находятся, как и я, под обаянием этой истории, которая интересна всем от 7 лет до сорока. И на всем какой-то аромат поэзии, который должен действовать на чувства, присущие одинаково и неразвитым натурам, и очень образованным. Я еще не принималась за другую часть, и если у вас есть экземпляр, будьте так любезны, пришлите мне его, пусть это будет даже *корректурный листок*. Я с нетерпением жду продолжения этой работы. Прощайте, дорогой друг, нежно жму вашу руку — теперь вы *пай-внук*.

Как бы мне хотелось, чтобы вы как-нибудь прислали мне составленные вами в хронологическом порядке характеристики ваших детей[9].

Большой привет вашей жене.

100. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

26 ⟨?⟩ октября 1872. Ясная Поляна

Любезный друг Alexandrine!

Когда я писал (в особенности когда посылал) мое последнее письмо[1], я чувствовал, что я что-то делаю нехорошее, а когда получил ваш ответ[2], мне удивительно стало, как я мог послать это письмо. От всей души прошу вас простить меня за то, что огорчил.

Хотел писать вам длинно, но перед отъездом в Москву[3] написал целую кучу деловых писем и чувствую, что не напишу того, что хотелось вам написать. До другого раза. Это посылаю, чтоб облегчить немного свою совесть. Целую вашу руку.

Ваш Л. Толстой

Вы спрашивали о деле быка[4]. Оно кончилось тем, что следователь *ошибся*, обвинив меня. И обвинив меня, *ошибся* другой раз тем, что взял с меня подписку о невыезде. И те, кот⟨орые⟩ наложили на меня штраф, тоже ошиблись. И в том, что дело это было начато, тоже *ошибка*, потому что они после меня, чтоб доказать, что было какое-то дело, начали обвинять моего управляющего; но так очевидно, что виноватого никого нет, что и обвинения против управляющего не может быть. Немножко в оправдание себя скажу вам еще то, что в последнее время, кончив свою Азбуку, я начал писать ту большую ⟨работу⟩ (я не люблю называть романом)[5], о кот⟨орой⟩ я давно мечтаю. А когда начинает находить эта дурь, как прекрасно называл Пушкин[6], делаешься особенно ощутителен на грубость жизни. Представьте себе человека, в совершенной тишине и темноте прислушивающегося к шорохам и вглядывающего⟨ся⟩ в просветы мрака, которому вдруг под носом пустят вонючие бенгальские огни и сыграют на фальшивых трубах марш. Очень мучительно. Теперь я опять в тишине и темноте слушаю и гляжу, и если бы я мог описать сотую долю того, что я слышу и вижу. Это большое наслаждение. Вот я и расписался. Вы мне дали тему письму, на которую мне хочется писать. Дети мои. Вот они кто такие[7]. Старший[8] белокурый – не дурен. Есть что-то слабое и терпеливое в выражении и очень кроткое. Когда он смеется, он не заражает, но когда он плачет, я с трудом удерживаюсь, чтобы не плакать. Все говорят, что он похож на моего старшего брата[9]. Я боюсь верить. Это слишком бы было хорошо. Главная черта брата была не эгоизм и не самоотвержен⟨ие⟩, а строгая середина. Он не жертвовал

собой никому, но никогда никому не только не повредил, но не помешал. Он и радовался и страдал в себе одном. Сережа умен — математический ум и чуток к искусству, учится прекрасно, ловок прыгать, гимнастика; но gauche* и рассеян. Самобытного в нем мало. Он зависит от физического. Когда он здоров и нездоров, это два различные мальчика. —

Илья, 3-й[10]. Никогда не был болен. Ширококост, бел, румян, сияющ. Учится дурно. Всегда думает о том, о чем ему не велят думать. Игры выдумывает сам. Аккуратен, бережлив; «мое» для него очень важно. Горяч и violent**, сейчас драться; но и нежен, и чувствителен очень. Чувствен — любит поесть и полежать покойно. Когда он ест желе смородинное и гречневую кашу, у него губы щекотит. Самобытен во всем. И когда плачет, то вместе злится и неприятен, а когда смеется, то и все смеются. — Все непозволенное имеет для него прелесть, и он сразу узнает. Еще крошкой он подслушал, что беременная жена чувствовала движенье ребенка. Долго его любимая игра была то, чтоб подложить себе что-нибудь круглое под курточку и гладить напряженной рукой и шептать, улыбаясь: «это бебичка». Он гладил также все бугры в изломанной пружинной мебели, приговаривая: «бебичка». Недавно, когда я писал истории в Азбуку, он выдумал свою: «Один мальчик спросил: “Бог ходит ли...?” Бог наказал его, и мальчик всю жизнь ходил.....»

Если я умру, старший, куда бы ни попал, выйдет славным человеком, почти наверно в заведении будет первым учеником, Илья погибнет, если у него не будет строгого и *любимого* им руководителя. —

Летом мы ездили купаться. Сережа верхом, а Илью я сажал себе за седло.

Выхожу утром, оба ждут. Илья в шляпе, с простыней, аккуратно, сияет, Сережа откуда-то прибежал, запыхавшись, без шляпы. «Найди шляпу, а то я не возьму». Сережа бежит туда, сюда. Нет шляпы. «Нечего делать, без шляпы я не возьму тебя. Тебе урок, у тебя всегда все потеряно». Он готов плакать. Я уезжаю с Ильей и жду, будет ли от него выражено сожаление. Никакого. Он сияет и рассуждает об лошади. Жена застает Сережу в слезах. Ищет шляпу — нет. Она догадывается, что ее брат, кот⟨орый⟩ пошел рано утром ловить рыбу, надел Сережину шляпу. Она пишет мне записку, что Сережа, вероятно, не виноват в пропаже шляпы, и присылает его ко мне в картузе.(Она угадала.) Слышу

---

* стеснителен (*фр.*).
** порывист (*фр.*).

по мосту купальни стремительные шаги, Сережа вбегает. (Дорогой он потерял записку.) И начинает рыдать. Тут и Илья тоже, и я немножко.

Таня — 8 лет[11]. Все говорят, что она похожа на Соню, и я верю этому, хотя это также хорошо; но верю потому, что это очевидно. Если бы она была Адамова старшая дочь и не было бы детей меньше ее, она бы была несчастная девочка. Лучшее удовольствие ее возиться с маленькими. Очевидно, что она находит физическое наслаждение в том, чтобы держать, трогать маленькое тело. Ее мечта теперь сознательная — иметь детей. На днях мы ездили с ней в Тулу снимать ее портрет. Она стала просить меня купить Сереже ножик; тому другое, тому третье. И она знает все, что доставит кому наибольшее наслаждение. Ей я ничего не покупал, и она ни на минуту не подумала о себе. Мы едем домой. «Таня, спишь?», «Нет». «О чем ты думаешь?» — «Я думаю, как мы приедем, я спрошу у мама́, был ли Леля хорош, и как я ему дам и тому дам, и как Сережа притворится, что он не рад, а будет очень рад». Она не очень умна. Она не любит работать умом, но механизм головы хороший. Она будет женщина прекрасная, если Бог даст мужа. И вот, готов дать премию огромную тому, кто из нее сделает *новую женщину*.

4-й Лев[12]. Хорошенький, ловкий, памятливый, грациозный. Всякое платье на нем сидит, как по нем сшито. Всё, что другие делают, то и он, и всё очень ловко и хорошо. Еще хорошенько *не пони⟨маю⟩*.

5-я Маша, 2 года, та, с которой Соня была при смерти[13]. Слабый, болезненный ребенок. Как молоко, белое тело, курчавые белые волосики, большие, странные, голубые глаза, странные по глубокому, серьезному выражению. Очень умна и некрасива. Эта будет одна из загадок. Будет страдать, будет искать, ничего не найдет; но будет вечно искать самое недоступное.

6-й Петр великан[14]. Огромный прелестный беби, в чепце, вывертывает локти, куда-то стремится. И жена приходит в восторженное волнение и торопливость, когда его держит; но я ничего не понимаю. Знаю, что физический запас есть большой. А есть ли еще то, для чего нужен запас — не знаю. От этого я не люблю детей до 2, 3 лет — не понимаю. Говорил ли я вам про странное замечание?

Есть два сорта мужчин — охотники и неохотники. Неохотники любят маленьких детей, — беби — могут брать в руки; охотники имеют чувство страха, гадливости и жалости к беби. Я не знаю исключения этому правилу. Поверьте своих знакомых. —

101. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

7 или 8 декабря 1872. Ясная Поляна

Любезный друг Alexandrine.

Почему вам кажется, что пробежавший между нами бык оставил какой-то след?[1] Я никакого не чувствую, как и писал, кроме раскаяния. И поверите ли, что поминаю ваши слова теперь и чувствую, что все это нужно было мне для моего смирения. —

Ваше последнее милое письмо[2] мне было очень приятно, и я тогда же сел отвечать, но что-то помешало, и вот прошло 3 недели. Как жаль, что не удалось видеть вас в Туле[3]. Я не только приехал, но пешком бы пришел, так мне хочется вас видеть. —

Я вчера приехал из Москвы[4], куда ездил крестить сестры Маши внучка — маленького Оболенского[5]. Сестра — я очень рад за нее — измучалась родами, болезнью Лизы[6] (теперь ей лучше), заботами и совсем забыла про себя и стала такая хорошая, какая она всегда была.

Жена вам кланяется. Дети ждут погоды, чтоб ехать снимать портреты. Мы живем по-старому зимой — в работе с утра до вечера. Зима наша рабочая пора, как говорит жена.

Ваш друг Л. Толстой

102. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

14 декабря 1872. Ясная Поляна

14 декабря

Любезный друг Alexandrine.

Как это ни неприятно мне, я должен писать вам с просьбой. — Вот как это случилось. У меня есть сосед А.Н. Бибиков[1] — единственный сосед, с которым у нас 20 лет ведутся ненарушимо дружелюбные сношения, и он очень добрый человек. Он знал, что усыновление детей брата сделалось через вас[2]. Сам он и еще два брата его незаконные дети Бибикова[3]. Меньшой же брат из них — законный[4], потому что отец их женился на матери. Они до сих пор были довольны своей судьбой, но лет 5 назад все женились, и у них сыновья, и мой сосед, старший, взялся хлопотать через А.П. Бобринского[5] и для этого ездил в Петербург. Ему там сказали, что именно вы много делаете добра в этом роде (это его

слова), и просил меня, чтобы я написал вам. Я имел слабость обещать. Если это indiscret*, простите меня, а если нет, то вы очень меня обрадуете.

Целую вашу руку.

Ваш всей душой Л. Толстой

Прошение его давно подано и находится, кажется, у Долгорукова[6].

1873

103. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Конец января — начало февраля 1873. Ясная Поляна

Очень, очень благодарю, дорогой друг Alexandrine, за письмо ваше и за ходатайство о Бибикове[1]. Он был у меня, когда я получил ваше письмо, и вы бы порадовались, увидав покрасневшее от волнения и радости его доброе седое лицо, когда я сообщил ему то, что до него касалось.

Верно, я написал не то, что хотел, если вышло так глупо и смешно. А я хотел сказать серьезное и приятное вам, то, что ему сказали в Петербурге, что вы, именно вы, делаете много добра своим влиянием. Когда он мне сказал это, я был рад и хотелось вам сказать.

Письмо ваше о том, что вы читаете «Войну и мир»[2] (хотелось бы притвориться, но не стану), было мне очень приятно, в особенности потому, что я теперь почти что пишу[3]. И суждения ваших слушательниц я бы дорого дал, чтоб послушать. И вовсе не смеялся над тем суждением, которое вы мне передали, но очень радостно задумался над ним. О если б в том, что мне Бог даст написать, только этих недостатков бы не было. Этих-то я, наверное, избегну; но не думайте, чтоб я неискренно говорил — мне «Война и мир» теперь отвратительна вся[4]. Мне на днях пришлось заглянуть в нее для решения вопроса о том, исправить ли для нового издания[5], и не могу вам выразить чувство раскаянья, стыда, которое я испытал, перелядывая многие места! Чувство вроде того, которое испытывает человек, видя следы оргии, в которой он участвовал. Одно утешает меня, что я увлекался этой оргией от всей души и думал, что кроме этого нет ничего.

---

*нескромно (*фр.*).

Азбуку мою, пожалуй, не смотрите. Вы не учили маленьких детей, вы далеко стоите от народа и ничего не увидите в ней. Я же положил на нее труда и любви больше, чем на все, что я делал, и знаю, что это одно дело моей жизни важное. Ее оценят лет через 10 те дети, которые по ней выучатся.

Я слышал уже про болезнь Тютчева[6], и вы не поверите, как это меня трогает. Я встречался с ним раз 10 в жизни[7]; но я его люблю и считаю одним из тех несчастных людей, которые неизмеримо выше толпы, среди которой живут, и потому всегда одиноки. Как он примет смерть, которая во всяком случае близка ему?[8]

Если ему лучше, передайте ему через кого-нибудь мою любовь[9]. Целую вашу руку. Не думаю, чтобы судьба привела меня в Петербург, хотя знаю, какая бы это была для меня радость. Передайте мою искреннюю дружбу вашим.

104. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

1 марта 1873. Ясная Поляна

Любезный друг Alexandrine!

Очень вам благодарен за последнее письмо[1] с выпиской от к⟨нязя⟩ Долгорукова. *Мой* Бибиков был совершенно счастлив. Одно только меня огорчило, это то,что невольно вы мне показали тоном своего письма que j'ai été indiscret*. Что делать!

Пишу только с тем, чтоб благодарить вас и доказать, что я тверд в своем намерении писать вам не так редко, как прежде. — Пожалуйста, и вы напишите коротенькое словечко[2], чтоб я знал, что и где вы. —

Мы живем по-старому и нынче весною сбираемся в большое путешествие в Самару[3]. Во всей семье только об этом и речи. В Самарской степи у меня построен домик и заведено маленькое хозяйство, и там мы проведем, если Бог даст, лето. Работа моя идет дурно[4]. — Жизнь так хороша, легка и коротка, а изображение ее всегда выходит так уродливо, тяжело и длинно.

Прощайте, целую вашу руку и прошу не забывать.

Л. Толстой

1 марта.

---

*что я был нескромен (*фр.*).

105. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ
11 (23) мая 1873. Сорренто

Sorrento. 11 mai 1873

Mon cher, excellent Léon,

c'est, je crois, la première fois de ma vie qu'il m'arrive de ne pas répondre immédiatement à une parole de vous et certes je n'y ai pas mis d'intention.

J'ai reçu votre petit mot bientôt après mon arrivée à Sorrento où nous ne restions pas une minute en place et plus tard ce sont impossibilités morales qui m'ont empêché de le faire. Vous savez qu'il y a des époques de la vie où il faut faire toi-même ton propre médecin et même ta propre bonne – чтобы внутренний ребенок не слишком раскричался. J'avais trop à dire et je sentais instinctivement qu'il fallait se taire et ne parler qu'à Celui qui permet, qu'on Lui dise tout, n'importe comment, pourvu qu'on s'adresse à Lui. Lui seul aussi pouvait remettre un peu de paix dans un cœur aussi malade. Ah, mon cher ami, comme nous nous connaîssons mal dans le fait, après nous être imaginé avoir scruté et *sondé* toutes les profondeurs et les misères de notre âme. Il vient un jour une circonstance qui nous révèle tout un nouveau moyen de sensations dont nous ne nous doutions pas, parce que le ressort n'en avait pas été touché, et alors commence un travail si dur, si fatigant que les bras vous en tombent. Как будто строгаешь тупым ножом и ничего не выходит, а силы уходят. – Вот так и я строгала долго-долго – всё хотелось что-то составить порядочное и всё выходили только щепки, покамест не призвала с криком и воплем настоящего Мастера. Он меня успокоил, научил, но усталость еще не прошла, и я вижу из этого, что работа еще не окончена, и я еще не совершенно поняла, как за нее приниматься.

Ma lettre stupidement énigmatique vous paraîtra en partie un peu plus claire quand je vous dirai qu'il s'agit du sort de mon enfant. Ceci est le fond et la principale cause de ma souffrance, mais tout cela est encore entortillé d'un million d'angoisses que je vous aurais probablement raconté si nous étions ensemble, mais qui ne se laissait point écrire. Vous me comprenez beaucoup mieux un jour quand il sera question de marier votre fille et que cela vous fera l'effet d'une conjuration affreuse au lieu d'un bonheur. Je ne le dis qu'à vous – rien n'est complètement décidé encore, mais je sais que cela sera et bientôt. C'est à travers de perpétuels tourments que j'ai vu cette belle Italie que j'aime tant et qui m'a parue à présent seulement ironique. – Das Gleichgewicht war nicht da, et tout n'est beau que par l'harmonie. Pardonnez-moi cette lettre égoïste. Je vous l'écris d'abord parce que je vous aime beaucoup

et ensuite pour vous dire que j'ai trouvé maintenant en lisant «Война и мир» (que vous n'avez pas encore achevé) des paroles qui m'ont fait plus de bien que des sermons. И я этими словами и мыслями теперь часто живу и обновляюсь. Comment pouvez-vous croire, mon cher ami, que vous puissiez jamais me demander quoique ce soit некстати un être maladroit à mon égard. C'est tout bonnement impossible et il me paraît que ce sont mes plaisanteries qui vous l'ont fait croire. Si c'est à recommencer — recommencez encore. —

Adieu, mon cher ami. Si vous m'écrivez adressez au Palais d'hiver. Je vous serre la main. Mille amitiés à tous les vôtres. Marie m'a-t-elle complètement mise de côté?

⟨*Перевод*:⟩

Сорренто. 11 мая 1873

Дорогой, бесценный Лев,

кажется впервые в жизни я не смогла ответить вам тотчас же и, конечно, без умысла.

Я получила ваше письмецо тотчас после приезда в Сорренто, где мы ни минуты не сидели на месте, и потом, моральная невозможность не позволила мне этого сделать. Вы знаете, что бывает в жизни время, когда ты сам должен стать и своим врачом, и своей нянькой, *чтобы внутренний ребенок не слишком раскричался*. Мне слишком много хотелось сказать, а инстинктивно я чувствовала, что надо молчать и обращаться лишь к Тому, кто позволяет только Ему высказать всё, неважно как, лишь бы обращаться к Нему. Он один мог внести хоть немного покоя в мое больное сердце. Ах, милый друг, как плохо мы знаем себя на деле, воображая, что мы постигли и *изучили* все глубины и беды своей души. И вот однажды возникает обстоятельство, обнаруживающее совершенно новый способ ощущения, о котором мы прежде не подозревали, потому что эта пружина в нас не была затронута, и тогда начинается труд, настолько тяжелый и утомительный, что у вас опускаются руки. *Как будто строгаешь тупым ножом и ничего не выходит, а силы уходят. — Вот так и я строгала долго-долго — всё хотелось что-то составить порядочное и всё выходили только щепки, покамест не призвала с криком и воплем настоящего Мастера. Он меня успокоил, научил, но усталость еще не прошла, и я вижу из этого, что работа еще не окончена, и я еще не совершенно поняла, как за нее приниматься*.

Мое письмо, дурацки загадочное, вам покажется отчасти немного яснее, если я скажу, что речь идет о судьбе моего ребенка[1]. В нем-то вся суть и главная причина моих страданий, но все это еще усугубляется бесчисленными тревогами, о которых я вам, может быть, расскажу, когда мы встретимся, но о которых совершенно невозможно написать. Вы поймете меня гораздо лучше, когда перед вами однажды встанет вопрос о замужестве вашей дочери и вы увидите, что это не счастье, а ужасный заговор[2]. Я об этом говорю только вам — еще совершенно ничего не решено, но я знаю, что это произойдет, и очень скоро[3]. Вот сквозь эти бесконечные мучения я видела прекрасную Италию, которую я так люблю, но на этот раз она словно насмехалась надо мной. — Das Gleichgewicht war nicht da*, и все прекрасно лишь своей гармонией. Простите меня за это эгоистичное письмо. Я его написала прежде всего потому, что очень люблю вас и, потом, чтобы сказать вам, что, читая теперь *«Войну и мир»* (которую вы еще не закончили)[4], я нашла слова, которые помогли мне больше, чем проповеди. *И я этими словами и мыслями теперь часто живу и обновляюсь*. Как вы могли подумать, дорогой друг, что вам нельзя больше обращаться ко мне с просьбами[5], хотя бы *некстати* речь шла о существе, недостойном внимания, на мой взгляд. Это совсем не так, наверное, мои шутки заставили вас так думать. Если понадобится впредь — пишите. —

Прощайте, дорогой друг. Если вы мне напишете, адресуйте в Зимний дворец. Жму вашу руку. Большой привет всем вашим. Машенька совсем забыла меня?[6]

106. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

30 июля 1873. Самарская губ., хутор на Тананыке

Посылаю вам длинную копию с письма моего в газеты о самарском голоде и приписку жены[1]. Иногда мне приходит в голову, что среди совсем других — в другой сфере — интересов и очень близких вашему сердцу, вы, получив мой пакет, скажете в душе: «Ах, что *они* не оставят меня в покое!», но, прочтя все и не подумав, а почувствовав, вы, как добрая лошадь, вляжете в хомут и только скажете: «Ну, куда везти? сколько вас там? Я готова». Тогда-то на эту вашу готовность я так отвечаю вам, любезный и дорогой друг Alexandrine:

---

* Не было душевного равновесия (*нем.*).

Я написал в газеты, с свойственным мне неумением писать статьи, очень холодное, неуклюжее письмо и от страха полемики представил дело менее страшным, чем оно есть, и написал кое-кому своим друзьям[2], чтобы подвинуть дело, но боюсь, что оно не пойдет или пойдет туго, и прибегаю к вам. Если вы захотите и можете заинтересовать сильных и добрых мира сего, которые, к счастию, одни и те же, то дело пойдет[3], и тогда и моя и ваша радость в успехе будут такими ничтожными песчинками в том огромном добре, которое сделается для тысяч людей, что мы об нем и не подумаем. Я не люблю писать жалостливо, но я 45 лет живу на свете и ничего подобного не видал и не думал, чтобы могло быть. Когда же живо представишь себе, что будет зимою, то волос дыбом становится. Сейчас — уже письмо написано было — мы узнали, что заболел холериной молодой мужик — жнец. Есть нечего, кроме дурного черного хлеба, и если бы это не было около нас, то очень может быть, что этот человек бы умер от недостатка хорошей пищи для ослабевшего желудка. Особенно поразительно и жалко для того, кто умеет понимать эту терпеливость и скромность страдания русского человека — спокойствие, покорность. Нет хорошей пищи, так и нечего жаловаться. Умрет — воля Божия. Точно — не овцы, но добрые, сильные волы выпахивают свою борозду. Упадут — их оттащут, другие потянут.

Едва ли вы меня поймете и, вероятно, вам оскорбительно покажется это сравнение. Вы всегда жили в таком мире, где есть уродства, безобразия физические и нравственные, страдания, преимущественно духовные; но где нет места просто лишению физическому. Ваши магдалины[4] очень жалки, я знаю; но жалость к ним, как и ко всем страданиям души, более умственная, сердечная, если хотите; но людей простых, хороших, здоровых физически и нравственно, когда они страдают от лишений, жалко всем существом — совестно и больно быть человеком, глядя на их страдания. Так вот, в ваши руки это важное и близкое нашему сердцу дело. — Вперед благодарю вас за все, что вы сделаете. —

Благодарю вас за последнее письмо. Сочувствую всей душой вашим волнениям[5] и желаю вам счастья.

Ваш истинный и старый друг

Л. Толстой

30 июля.

1874

107. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

6 марта 1874. Ясная Поляна

Любезный друг! Если я и так давно не писал вам, и не приехал в Москву, чтобы повидаться с вами[1], то все-таки я также, еще более искренно, чем всегда, по своему чувству называю вас дорогим и любезным другом. Дня не проходило, чтобы это последнее столь важное и тяжелое для вас время[2] я не думал и мы с женой не говорили про вас. Я не стану в письме говорить вам про ваши чувства, какими я их предполагаю, но я уверен, что верно угадываю их, иначе бы я не любил вас; но все-таки я бы дорого дал, чтобы услыхать от вас подтверждение в том, что я не ошибаюсь, и понять новые оттенки, кот⟨орые⟩, может быть, ускользнули от меня. Давно уж, очень давно, я собирался писать вам только затем, чтобы вы знали, что не *горе* (не знаю как назвать), тяжелое пережитое и переживаемое вами время жизни отозвалось в моей душе, несмотря на то что мы так редко видимся и пишем. Ваше положение мне представляется так: есть машина — очень хорошая, полезная и т.д., но машина, с которой обращаются все и всегда посредством длинных стальных ручек так, чтобы не повредить себе пальцы; но к этой машине нужны еще такие работники, кот⟨орые⟩ бы действовали около нее и руками, и вы взялись быть таким работником и, разумеется, вы, как вас Бог создал, стали ворочаться в машине не руками, а сердцем, и вам размозжило сердце, или кусочек его. И я знаю, что это так, и мне всей душой жалко вас; если бы я сомневался, что моя дружба к вам изменилась, я бы уверился в ней по тому, как мне больно за вас. Если вам приятно это, напишите мне, если нет, ничего не пишите. Я вчера вернулся из Москвы и говорил о вас с К. Тютчевой[3], которая мне всегда особенно мила за то, что она вас понимает и любит.

Я не приехал в Москву особенно потому, что, перед вашим приездом, только что был там[4], а вы не можете себе представить, как мне все тяжелее и тяжелее уезжать из дома, т.е. выбрасывать из жизни те дни, к⟨оторые⟩ я вне дома; и тем тяжелее, чем меньше их остается. — У нас нынешний год было горе. Мы потеряли меньшего сына[5], 6-го. Теперь 5, и ждем около Святой[6]. Из всех близких потерь, которые мы могли понести, эта была сама легкая, — мизинец, но все-таки больно, для жены

особенно. На меня смерть никогда не действует очень больно (я испытал это на потере любимого брата)[7]. Если потерей любимого существа сам не приближаешься к своей смерти, не разочаровываешься в жизни, не перестаешь ее любить и ждать от нее хорошего, то эти потери должны быть невыносимы; но если подаешься на это приближенье к своему концу, то не больно, а только важно, значительно и прекрасно. Так на меня, да и на всех, я думаю, действует смерть. Маленький пример. Хороня Петю, я в первый раз озаботился о том, где меня положить[8]. — И на Соню, кроме той особенной почти физический материнскей боли, это подействовало так же, несмотря на ее молодость. Мы живет по-старому, заняты так, что всегда недостает времени. Дети и их воспитание все больше и больше забирают нас, и идет хорошо. Я стараюсь и не могу не гордиться своими детьми. Кроме того, я пишу, и начал печатать роман[9], который мне нравится; но едва ли понравится другим, потому что слишком прост.

Видите, какие подробности я пишу вам о себе; напишите, пожалуйста, о себе, о своей жизни и о своих хороших больших радостях и горестях и глупых маленьких радостях н горестях. Что делают ваши? Ваша матушка и сестра? — Где? и здоровье Пр⟨асковьи⟩ Вас⟨ильевны⟩ как?

Какую прелестную представительницу русских женщин вы выбрали — Кн⟨яжну⟩ Вяземскую[10], и какой жалкий экземпляр русских мужчин — Калошин[11]. Как я вспомню про него между англ⟨ийскими⟩, олимпийски самодовольными именно своей тугой односторонней глупостью лордами, мне совестно, и я краснею. Он именно тот несуществующий русский человек, вертлявый (умом), без цели, от слабости подделывающийся под европейскую внешность, без правил, убеждений, без характера, тот самый несуществующий русский человек, каким в своем презрении иностранцы представляют себе русских. —

Я боюсь, что наделал вам неприятностей голодом самарским[12]. Всегда, смолоду, и чем старие, тем больше, ценю одно качество отрицательное выше всего — простоту. Надо наше уродство, чтобы понять только ту путаницу, которая происходит, по какому же случаю? по тому, что голодным людям не голодные, а роскошествующие люди хотят дать кусок хлеба. Хочешь дать — дай, не хочешь — пройди мимо. Казалось бы, чего еще. Нет, оказывается, что если ты дашь, то ты этим покажешь, что ты враг кого-то и желаешь кого-то огорчить или убедить, а не дашь, то ты этим...

Боже мой! Что это? Я только приехал из Москвы, и хотя я избегаю слушать все рассказы о *делающих*, невольно я приезжаю с таким запасом презрения и отвращения, что долго не могу успокоиться. Особенно с подрастающими детьми, так хочется с ними одинаково серьезно смотреть на жизнь, и так это трудно, когда дело коснется людских дел.

Прощайте, целую вашу руку. Ваш старый и верный друг

Л. Толстой

108. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

16 марта 1874. Петербург

16 mars 1874

Mon cher, excellent Léon. Votre lettre m'a beaucoup touchée. J'y ai trouvé une corde vraie et correspondante à ce que j'éprouve. Vous avez compris de loin ce que peu de personnes comprennent de près. Je n'aime pas à me plaindre ni à me lamenter sur moi-même. J'ai eu huit ans de bonheur avec ma petite et c'est beaucoup. —

Maintenant j'ai le sentiment d'avoir passé par la catastrophe de Pompéi. La vie s'est tout à coup arrêtée et je me sens ensevelie sous les décombres. Comment je ferai pour en sortir un jour, je n'en sais rien encore. Dieu y pourvoira — cela ne m'intéresse plus. Toute cette année (une des plus cruelles de ma vie) a été comme une longue maladie, terminée par l'agonie de la séparation. Je suis encore épuisée, sans énergie pour l'action et je dois sans cesse lutter contre un profond dégoût de toute chose. Voilà en gros ma disposition actuelle. Il y a beaucoup d'égoïsme là-dessus, je le sais, mais comme j'ai horreur de l'égoïsme en théorie, je crois que je ferai mon possible pour ne pas me laisser envahir par cet ennemi. A travers toute cette époque de crise j'ai vu et senti la main qui me conduisait — cette main semblait vouloir me briser en morceaux et puis elle me relevait et me reconstruisait doucement sans presque la participation de ma volonté. Ce sont des expériences intérieures qu'on ne peut payer trop cher et qui vous poussent du côté où *vous devez aller* — non plus d'une manière vague et entortillée d'exaltation soi-disante religieuse, mais en *réalité* et en *vérité*. Tout de même j'ai *beaucoup* souffert. On a honte de parler de soi quand on a sous les yeux un père et une mère qui viennent de faire le sacrifice de leur fille unique, mais voilà la reflexion peut-être injuste que je fais quelquefois: у них много детей и много занятий, а у

меня был *один* ребенок и *одно* дело. То и другое я любила всем данным мне запасом любви, и вдруг все исчезает в одно мгновение — навсегда.

Je n'aurai jamais cru que la liberté pouvait être si dure. Mais ce n'est pas mon principal souci. Le centre de tout dans mon cœur c'est encore ma G⟨rande⟩-D⟨uche⟩sse. Pour le moment je sais qu'elle est satisfaite, heureuse même, car elle a eu la chance de se marier par affection. La famille Anglaise et toute l'Angleterre jubile en la recevant et on la porte aux nues. Le public peut s'en extasier et y trouver quelque chose de complet et de parfaitement heureux, mais moi, j'ai vu les choses de trop prés pour m'extasier et je regarde bien au-delà quand il s'agit du bonheur de mon enfant. Si elle le garde, c'est que tout son Palladium est en elle-même — dans sa droiture, dans sa simplicité, dans son absence de vanité. Je ne compte que là-dessus. *Tout* le reste m'inspire peu de confiance et encore moins de sympathie. Cette *grande* Angleterre vue de prés (au moins dans les représentants que nous avons vus) est si différente de ce qu'on s'imagine. Elle est si mesquine, si tortueuse et n'a d'aspiration que pour les choses matérielles. Je ne veux pas généraliser les choses et y inclure toute Angleterre, je ne parle que du milieu, dans lequel on va cuire ma G⟨rande⟩-D⟨uche⟩sse, et celui-ci, je le répète, n'a point mes sympathies, à commencer par le mari que je trouve (entre nous) peu de chose. Vous n'avez pas besoin de le répéter, mais c'est malheureusement ainsi. Rien de large, rien de chaud. Et puis c'est un genre si différent de nôtre! Parmi les personnes de la suite je me suis presque liée avec quelques unes. — Eh bien, malgré une grande franchise réciproque on ne pouvait se comprendre que jusqu'à un certain point et quoique vous puissiez en penser, vous que je soupçonne d'avoir un teinte d'anglomanie, ce n'est pas en leur faveur. Un jour si nous nous voyons je vous mettrai sous les yeux des choses convaincantes. — Короче, остается, как и всегда, всё предать Богу. Je pourrai leur pardonner s'ils ne rendent pas ma petite heureuse, mais jamais s'ils me la gâtent et la rabaissent à leur propre niveau et voilà ce qui fait le cauchemar de mes heures de solitude dés que la prière n'est pas là pour me soutenir.

Vous touchez à votre propre chagrin si doucement, mon cher Léon, que je ne me sens presque pas le droit de vous en parler — cependant je sais et je sens que cela a été une forte douleur pour tous les deux. Ce qui reste ne console généralement pas de ce qui a été pris, au moins pas le premier temps, mais si vous saviez comme j'aime votre point de vue sur la mort — хотя и тут есть две стороны. Смерть-*разлука* — страшное мучение, но смерть-*будущее* — действительно успокоительно, хотя всего важнее в мире. Если вы на этом твердом камне воспитываете своих детей, то есть что они будут знать и верить крепко, что настоящее их назначение не здесь, а

здесь только подготовка, то все будет хорошо и верно. Иначе выходят все те нелепости и гадости людские, которые вас до сих пор так смущают и не могут не смущать, хотя и тут опять-таки две стороны.

L'indignation de l'honnête contre le malhonnête n'est bonne qu'en tout qu'elle n'est pas stérile et que nous y puisons un préservatif pour nos propres actions à nous. C'est la seule chose, à mon avis, qui produit même l'équilibre social sans parler de la valeur qui en résulte pour chacun de nous individuellement.

Pour ce qui est de Samara, savez-vous que c'est vous qui avez le premier allumé le feu et moi je l'ai attisé ici de toutes mes forces — ne trouvant d'abord que de l'incrédulité, il est vrai, qu'une accusation d'exagération et cependant l'éveil a été donné et on n'a pas tout à fait dormi sur les deux oreilles. J'ignore trop le fond des choses pour dire si les mesures qu'on a prises étaient bonnes, mais au moins on a immensément *donné*.

Avec quelle impatience j'attends l'apparition de votre livre, mon cher ami. Je sais d'avance qu'il sera de *mon* goût.

Votre description du pauvre Kalochin ne m'a point fait plaisir, je l'avoue, parce qu'elle tombait un peu d'accord avec ma propre opinion. Certes ce n'était pas mon choix et je m'y suis longtemps opposée, c'est ce qu'on appelle en Anglais *a slowcoach* et je crains énormément qu'il ne se mette sous le talon du prince Alfred, mais il a aussi quelques bonnes qualités — il n'est pas personnel, il est dévoué par nature, et j'ai cherché à le styler de mon mieux. Il faudra voir comment les choses marcheront. Там надобно было зубастого человека et celui-là est fait en mie de pain.

Je bavarde comme une pie quand je m'y mets, il est temps de finir. Merci, encore merci pour votre réelle amitié. Continuez à m'écrire de temps à autre. Jamais je ne me consolerai de ne vous avoir pas vu à Moscou et vous me croirez quand je vous dirai que j'ai constamment le besoin de vous voir. Je m'étonne moi-même de conserver de sentiment dans toute sa fraîcheur, tandis que tant d'autres se sont émoussés. Les miens — parents — vont bien, Dieu merci. Maman a été un peu souffrante cet hiver, mais cela n'a pas duré et pour son âge elle est extraordinaire. A présent je les vois beaucoup, mais j'ai trop longtemps vécu hors de la famille et avec des intérêts différents pour m'y fondre entièrement et pour m'en suffire. Cela reviendra peut-être petit à petit, но в настоящую минуту я еще какая-то разорванная — entre deux rivages et sans la moindre envie de noyer ni d'aborder, ou plutôt je suis entre la Tamise et la Néva et beaucoup plus à Londres qu'à Pétersbourg. Mes *petites* joies ce sont les journaux anglais, ma chambre est encombrée du «Times», «Daily Telegraph», «Graphic» et d'autres et j'y cherche toujours

ce nom qui m'est plus cher que tous les autres noms. — Le mot *dépareillée* me peint toute entière. Pardon de vous tant parler de moi. Tu l'as voulu, Georges Dandin!

Embrassez pour moi votre chère femme et dites lui combien je suis touchée de sa sympathie. Je le lui rends bien et pris que vous m'informiez quand viendra le grand événement.

Je vous souhaite une fille. Je vous serre la main bien tendrement, cher ami.

A.

⟨*Перевод*:⟩

16 марта 1874

Милый, бесценный Лев.

Ваше письмо[1] меня очень тронуло. Я в нем почуяла верную струну, соответствующую тому, что я испытываю. Вы издалека поняли то, что совсем немногие понимают, будучи рядом. Я не люблю жаловаться и плакаться о себе. Восемь лет я была счастлива рядом с моей малышкой[2], и это много. —

Теперь у меня такое чувство, будто я попала в гибнущую Помпею. Жизнь внезапно остановилась, и я чувствую, что погребена под развалинами. Как и когда я оттуда выберусь, пока не знаю. Бог позаботится, а сама я больше не хлопочу. Весь этот год (один из самых ужасных в моей жизни) был как долгая болезнь, закончившаяся агонией разлуки. Я ощущаю себя разбитой, неспособной действовать, и приходится постоянно бороться со своим глубоким отвращением ко всему. Таково в общих чертах мое теперешнее положение. Знаю, в этом много эгоизма, но поскольку я всегда боюсь эгоизма, то надеюсь, что сделаю все возможное, чтобы этот враг не победил меня. Все это кризисное время я видела и ощущала руку, которая меня направляла, — казалось, эта рука хочет разбить меня на части, и потом она же поднимала меня и обновляла, осторожно, почти без участия моей воли. Эти внутренние испытания дорогого стоят, они толкают нас туда, куда *мы должны идти*, причем не с помощью смутной и неопределенной, так называемой религиозной, экзальтации, но *реально* и *истинно*. И все же я *очень* страдала. Стыдно говорить о себе, когда перед тобой отец и мать, только что пожертвовавшие единственной дочерью[3], но вот мысль, может быть, несправедливая, которая иногда приходит ко мне: *у них много детей и много занятий, а у меня был *один* ребенок и *одно* дело. То и другое я любила

всем данным мне запасом любви, и вдруг все исчезает в одно мгновение — навсегда*.

Я бы никогда не подумала, что свобода может быть такой тяжкой. Но это не главная моя печаль. Все в моем сердце сосредоточено на В⟨еликой⟩ кн⟨яжне⟩. Сейчас она, я знаю, удовлетворена, даже счастлива, ведь ей удалось выйти замуж по любви[4]. Королевская семья и вся Англия встречают ее с ликованием и превозносят до небес. Посторонние могут восхищаться и находить в этом полноту и совершенство счастья. Но я-то, я видела все слишком близко, чтобы восхищаться, и я смотрю гораздо дальше, когда речь идет о счастье моего ребенка. Если она сохранит свое счастье, то только благодаря тому, что залог его в ней самой, в ее честности, простоте, отсутствии тщеславия. Я полагаюсь только на это. *Все* остальное внушает мне мало доверия и еще меньше симпатии. *Великая* Англия вблизи видится совсем иначе, чем вначале представляешь ее себе (по крайней мере, по тем ее представителям, которых мы знаем). Она так мелочна, так неискренна и все ее стремления сводятся только к материальным. Я не хочу обобщать и говорить так обо всей Англии, но таков круг, в котором будет вращаться моя Великая княжна, и он, повторяю, совершенно не внушает мне симпатии, начиная с мужа[5], которого я нахожу (между нами) ничтожеством. Не стоит этого распространять, но, к несчастью, это так. Ни широты, ни пыла! Впрочем, эти люди очень отличаются от нас. Я почти подружилась с несколькими особами из свиты. — Но несмотря на полную взаимную откровенность, мы понимали друг друга только до известного предела, и, что бы вы ни подумали об этом, — а мне кажется, что вы немного англоман, — это было не в их пользу. Если мы когда-нибудь увидимся, я вам все расскажу, и вы убедитесь сами. — *Короче, остается, как и всегда, всё предать Богу*. Я бы простила им, если они не сделают мою малышку счастливой, никогда не прощу, если они низведут ее до своего уровня — этот кошмар преследует меня в часы одиночества, пока наконец молитва не укрепит меня.

Вы касаетесь вашего собственного переживания так осторожно, мой милый Лев, что я почти не вправе говорить о нем, однако я знаю и чувствую, что вам обоим было очень больно[6]. То, что остается, не уменьшает в общем-то боль потери, по крайней мере первое время, но если бы вы знали, как я ценю ваш взгляд на смерть — *хотя и тут есть две стороны. Смерть-*разлука* — страшное мучение, но смерть-*будущее* — действительно успокоительно, хотя всего важнее в мире. Если вы на этом твердом камне воспитываете своих детей, то есть что они будут

знать и верить крепко, что настоящее их назначение не здесь, а здесь только подготовка, то все будет хорошо и верно. Иначе выходят все те нелепости и гадости людские, которые вас до сих пор так смущают и не могут не смущать, хотя и тут опять-таки две стороны*.

Возмущение честности против бесчестия хорошо только тогда, когда оно не остается бесплодным и когда, благодаря ему, мы можем руководить собственными поступками. Это единственное, на мой взгляд, что дает равновесие обществу, не говоря уже о природе, из которой следует наша индивидуальность.

Что касается Самары, вы первый зажгли огонь, а я всеми силами поддерживаю его здесь, правда, вначале я встретила лишь недоверие и обвинение в преувеличении, но, однако, тревога поднята и нельзя больше оставаться спокойными[7]. Я слишком мало понимаю существо дела, чтобы утверждать, что принятые меры хороши, но, по крайней мере, они многое *дали*.

С каким нетерпением я жду появления вашей книги[8], милый друг. Я заранее знаю, что она будет в *моем* вкусе.

Ваше описание бедного Калошина мне совершенно не доставило удовольствия, уверяю вас, потому что оно отчасти совпадает с моим мнением[9]. Конечно, это был не мой выбор, и я долго этому противилась, это то, что по-английски называют a slowcoach*, и я страшно боюсь, что он попадет под влияние принца Альфреда[10]. Но у него есть и хорошие черты: он не эгоистичный, преданный по природе, и я старалась его школить как могла. Посмотрим, что будет дальше. *Там надобно было зубастого человека*, а этот сделан из хлебного мякиша.

Я болтаю как сорока, а пора кончать. Еще раз спасибо, спасибо за вашу истинную дружбу. Пишите мне иногда. Я никогда не утешусь, что не повидала вас в Москве, поверьте, мне постоянно хочется вас видеть, я сама удивляюсь, что это чувство не тускнеет, тогда как многие другие уже притупились. Мои родные все благополучны, слава Богу. Мама̀ немного болела зимой, но недолго, и для своих лет она прекрасно выглядит. Сейчас я вижу их часто, но слишком долго жила другими интересами вдали от дома, чтобы соединиться с ними и довольствоваться только этим. Это, может быть, придет понемногу, *но в настоящую минуту я еще какая-то разорванная* между двумя берегами, и нет ни малейшего желания ни плыть, ни причаливать или, скорее, я нахожусь

---

* медлительный человек (*англ.*).

между Темзой и Невой, причем ближе к Лондону, чем к Петербургу. Мои *маленькие* радости составляет чтение английских газет. Комната моя завалена газетами — «Times», «Daily Telegraph», «Graphic» и другими, и я всегда ищу в них имя, что мне дороже всех других имен. Слово *обездоленная* характеризует меня полностью. Простите, что я столько наговорила о себе. «Ты этого хотел, Жорж Данден!»[11]

Поцелуйте за меня вашу милую жену и передайте ей, как я тронута ее дружбой. Я отвечаю ей тем же и прошу, чтобы вы сообщили мне, когда произойдет великое событие. Я желаю вам девочку[12]. Нежно жму вашу руку, милый друг.

А.

109. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

23 июня 1874. Ясная Поляна

Если я тотчас же не отвечал вам на ваше длинное, доброе, тронувшее меня письмо, то не от того, чтобы я не думал беспрестанно о вас. Теперь пишу и задираю вас, только для того, чтобы продолжать чувствовать близость с вами. Вчера я похоронил тетушку Татьяну Александровну[1]. Вы не знали ее, но ваша maman знала, и от меня вы про нее много слышали. Она умерла почти старостью, т.е. угасала понемногу и уже года три тому назад перестала для нас существовать, так что (дурное или хорошее это было чувство, я не знаю), но я избегал ее и не мог без мучительного чувства видеть ее; но теперь, когда она умерла (она умирала медленно, тяжело — точно роды), все мое чувство к ней вернулось еще с большей силой. Она была чудесное существо. Вчера, когда мы несли ее через деревню, нас у каждого двора останавливали. Мужик или баба подходили к попу, давали деньги и просили отслужить литию, и прощались с ней. И я знал, что каждая остановка — это было воспоминание о многих добрых делах, ею сделанных. Она 50 лет жила тут и не только зла, но неприятного не сделала никому. А боялась смерти. Не говорила, что боится, но я видел, что боялась. Что это значит? Я думаю, что это смирение. Я с ней жил всю свою жизнь. И мне жутко без нее. У нас всё хорошо в семье. Вы предсказывали мне девочку, но родился мальчик[2], точно такой же, как тот, которого мы потеряли, и хотя его зовут Николаем, мы невольно зовем его Петей, как прежнего[3]. Я нахожусь в своем летнем расположении духа, т.е. не занят поэзией и перестал пе-

чатать свой роман и хочу бросить его, так он мне не нравится; а занят практическими делами, а именно педагогией: устраиваю школы, пишу проэкты и борюсь с Петербургской педагогией вашего protégé Дм⟨итрия⟩ Андр⟨еевича⟩[4], который делает ужасные глупости в самой важной отрасли своего управления, в народном образовании[5]. — Целую вашу руку, любезный, дорогой друг; когда-нибудь напишите мне так же, как я вам, все, что вам близко к сердцу. Все отзовется верно, без одной фальшивой ноты.

Ваш Л. Толстой

23 июня.

110. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

27 июля 1874. Ясная Поляна

27 июля

Пишу вам другое письмо, любезный друг Alexanrine, не получив ответа на первое[1]. Дай Бог, чтобы это произошло только от столь мне знакомого: «некогда», т.е. чтобы вы были здоровы и не несчастливы и продолжали иметь ко мне старую дружбу. Пишу в этот раз с просьбой, касающейся моих детей. Они растут и растут, никого не спрашиваясь и не дожидаясь. Переезжать в город, т.е. испортить всю свою жизнь и их тоже, под предлогом их воспитания, я не хочу до последней возможности; поэтому для меня вопрос о помощнике и помощнице для воспитания — гувернеры, гувернантки, — вопрос, в последнее время поглотивший меня всего. Был у меня немец-дядька[2] и англичанка-нянька[3], но старшие дети переросли их, и мы ищем гувернера и гувернантку. — Мне пришло в голову попросить вас[4] (вспомнив ваши связи в Швейцарии, да и в Англии, я думаю), нет ли у вас кого-нибудь в виду, нет ли у вас путей, через которые можно войти в сношения с такими людьми. Пожалуйста, если вам странно покажется, что я к вам обращаюсь с этим делом, посмейтесь и напишите словечко, только чтобы сказать, что вы не сердитесь. Но если точно у вас есть такие связи, то помогите. Мои желания вот что: хорошая нравственность, сколь возможно высокое душевное настроение, без педантизма и фарисейства. И лучше всего муж с женою, бездетные или с ребенком от 6 до 11 лет. Остальных условий никаких. Национальность все равно: немец, француз, англичанин, русский — только бы европеец и христианин. Жалованье — все, что я могу

дать, т.е. от 1000 р. двум до 2000. Знания — все равно — чем больше, тем лучше, особенно языки, но если они не знают ничего, кроме своих языков правильно, я и тем доволен. Я могу — как я делаю до сих пор — учить сам математике и древним языкам. — Возраст — тоже все равно, от 20 — до 70 лет.

Мне кажется, что у вас есть или были связи в Швейцарии, в самом гнезде педагогов, и в Англии, если есть, помогите, пожалуйста. Это теперь дело для меня такой огромной важности, что я только об одном думаю. Если бы нужно было, я бы поехал в Швейцарию или куда нужно, чтобы увидать тех, которые подходили бы к моим требованиям, но только бы знать, что есть зачем ехать.

Мальчику старшему 11 лет[5], девочке 10[6]. И с рождения их и до нынешнего года все шло равномерно, по одному теченью; но нынешний год мы вдруг почувствовали совсем новые требования, и все дело воспитанья вдруг изменилось — как будто поднялось на новую ступень. Особенно девочка показала это. Они раньше развиваются. — Сколько я над ними передумал и перечувствовал, и столько усилий — для чего? Для того, чтобы в лучшем случае вышли не очень дурные и глупые люди. — Странно все устроено на свете. И как говорит мой приятель Фет: чем больше живу на свете, тем больше ничего не понимаю. Целую вашу руку и прошу на меня не сердиться, что я вам надоедаю. А главное, напишите о себе, что вы и как вы?

Л. Толстой

111. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

6 августа 1874. Царское Село

6го августа
1874. Ц⟨арское⟩ С⟨ело⟩

Милый друг Léon я только вчера вечером возвратилась из заграницы, где пробыла более двух месяцев. Там я получила ваше первое письмо[1] и не отвечала (кажется, в первый раз в своей жизни) по случаю разъездов и страшной жары. Второе, от 27-го июля, ожидало меня здесь[2]. Не только рада, но счастлива буду помочь вам хоть в чем-нибудь, тем паче в вопросе о детях[3]. В Швейцарии есть у меня *один* человек, к которому могу адресоваться с полной уверенностью, что он совестливо укажет нам человека достойного, если подобный окажется.

В Англии также есть *одна* англичанка, которая не менее совестливая, но, к сожалению, она только очень недавно вернулась в свое отечество и жила более в Италии и России, потому я и не знаю, образовались ли у нее уже такие связи, чтобы она могла рекомендовать кого-нибудь en connaissance de cause*. Вопрос или, лучше сказать, желание ваше иметь чету, мне кажется, очень затрудняет дело. Во всяком случае эту чету не надобно искать в Англии. По складу их привычек это почти невозможно, и не лучше ли будет для детей две различные национальности. Напишите мне поскорее, которая из двух вам приглянее, а я сейчас же напишу и в Англию и в Швейцарию, как только получу ваш ответ[4]. Ваше милое письмо о смерти тетушки[5] меня очень тронуло — и даже затронуло — именно в это время я очень беспокоилась об маменьке, которая занемогла после моего отъезда за границу, в ту самую минуту, когда она отправлялась на железную дорогу чтобы ехать в Лубянки. Болезнь, или лучше сказать indisposition**, продолжалась недолго, но все планы изменились, и маменька теперь в Царском Селе, где я ее застала здоровой, но довольно изменившейся. Скоро ей минет 79 лет, и над этой цифрой невольно призадумаешься.

112. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

15 августа 1874. Ясная Поляна

15 августа

Очень вам благодарен, дорогой друг Alexandrine, за вашу готовность помочь мне в деле гувернантки[1]. Швейцарское мне более нравится, и потому, если вы всё хотите мне сделать доброе дело, то напишите, пожалуйста, в Швейцарию. Повторяю свои требования и условия. И гувернера и гувернантку мне нужно. Или того, или другую. Не говоря о том, чтобы был хороший человек — для гувернантки желательно хорошее знание французского языка, для гувернера более желательно знание классических языков. Жалованье от 500 до 1000 каждому. —

Очень рад, нет, точно, именно рад был узнать про вас и узнать хорошее: то, что вы провели хорошие два месяца с В⟨еликой⟩ к⟨няжной⟩[2] и что вам всё так же радостно и есть за что любить ее.

* с знанием дела (*фр.*).
** недомоганием (*фр.*).

Я на днях приехал из Самары, куда я ездил смотреть хозяйство в моем купленном там имении[3]. Вы можете быть совершенно спокойны совестью в том участии, которое вы принимали в помощи тамошнему народу[4]. Бедствие было бы ужасное, если бы тогда так дружно не помогли тамошнему народу. И я видел и узнал, что хотя и не без греха прошло это дело раздачи, все-таки помощь была действительная и в большей части случаев умная. —

Со мной же в этом деле случилось одно из тех, несколько раз повторявшихся в моей жизни странных, прямых вмешательств в мою жизнь чьей-то таинственной руки. Я три года тому назад купил там землю[5] — сделал очень большой посев и два первые года понес очень большой по моим средствам убыток — тысяч 20. В прошлом году, вы писали мне[6], да и все мне говорят, что я поднял все это дело о голоде и был видимой причиной помощи, которая была дана. Нынешний год урожай огромный во всей Самарской губернии, и во всей Самарской губернии, сколько я знаю, одно место, которое обошли дожди, — это мое именье; и у меня большой посев и большой опять убыток. Я приехал туда и не верил своим глазам, и чувствовал себя обиженным и безвинно поставленным в угол. Но потом опомнился и понял, что это хорошо и лестно. Я вам пишу это, потому что уверен, что вы или поймете это так же, как я, или, если это гордость и дерзость, то извините меня. Прощайте, целую ваши руки.

Ваш Л. Толстой

113. Л.Н.ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 29 и 31 октября 1874. Ясная Поляна

Очень вам благодарен, дорогой друг, за ваше письмо к г-ну Перо[1] и за присылку его ко мне. Я пишу ему с этой почтой[2], благодарю, прибавляю разные подробности и вообще вхожу в прямые сношения. Я так долго не отвечал ни вам, ни ему, потому что, чем больше живу, тем больше чувствую, что верчусь, как белка в колесе, и времени все меньше и меньше. Столько хлопот, забот, дел, занятий, которые требуются от вас. Вы, верно, то же чувствуете и без семьи.

Роман мой, действительно, начат печатанием; но вот уж месяца 4 стоит, и я не имею времени продолжать исправлять[3]. Кроме воспитания, ученья детей, которыми я сам занят (и с жалостью думаю, когда передам в руки наемников), кроме работы (я пишу — вы удивитесь —

Л.Н. Толстой. 1856 г.
Санкт-Петербург.
Фотография С.Л. Левицкого

А.А. Толстая. 1850-е годы.
Флоренция.
Фотография Ф. Алинари

Веве на озере Леман. С цветной литографии 1-й четверти XIX в.

Вид Монтрё. Конец 1860-х годов (?). Фотография Ф. Шарно

Вокзал в Женеве. Конец 1860-х годов. Фотография Гарсена

Люцерн и гора Пилат. Конец 1860-х годов. Фотография Ф. Шарно

Л.Н. Толстой. 1861 г.
Брюссель.
Фотография И. Жерюзе

А.А. Толстая. Конец 1850-х годов.
Санкт-Петербург.
Фотография И.И. Робильяра

М.И. Пущин. 1860-е годы.
Париж.
Фотография фирмы «Данги и К°»

М.Я. Пущина. 1860-е годы.
Париж.
Фотография Ж. Капеля

П.В. Толстая. 1861 г.
Санкт-Петербург.
Фотография К.П. Штарка

А.А. Толстая. 1861 г.
Санкт-Петербург.
Фотография К.П. Штарка

И.А. Толстой.
Начало 1860-х годов.
Санкт-Петербург.
Фотография К.И. Бергамаско

Е.А. Толстая. 1861 г.
Санкт-Петербург.
Фотография К.П. Штарка

Л.Н. и Н.Н. Толстые. 1851 г. Москва. Дагерротип К.П. Мазера

М.Н. Толстая. 1861 г. (?).
Алжир.
Фотография фирмы
«Алари и Гейзер»

Дети М.Н. Толстой:
Варя (слева), Николенька и Лиза.
Алжир.
Фотография 1861 г. (?)

С.А. Берс — невеста.
1862 г. Москва.
Фотография М.Б. Тулинова

Л.Н. Толстой — жених.
1862 г. Москва.
Фотография М.Б. Тулинова

С.А. Толстая.
Фотография 1863 г.

С.Н. Толстой. 1864 г. (?)
Веве. Фотография Ф. Рандеггера
(F. Randegger)

Дети Л.Н. и С.А. Толстых:
Сережа (слева), Лева, Таня
и Илюша. 1872 г. Тула.
Фотография Ф.И. Ходасевича

Маша, дочь Л.Н. и С.А. Толстых.
1874–1875 гг. (?). Тула.
Фотография Ф.И. Ходасевича

Саша, младшая дочь
Л.Н. и С.А. Толстых. 1887 г. Москва.
Фотография фирмы «Шерер, Набгольц и К°»

П.И. Юшкова (рожд. Толстая).
Начало 1870-х годов. Тула.
Фотография Ф.И. Ходасевича

С.А. Толстая. Тула.
Фотография 1879 г. (?)

Вел. кнж. Мария Александровна, воспитанница А.А. Толстой. Конец 1860-х годов. Санкт-Петербург. Фотография К.И. Бергамаско

А.А. Толстая. 1865—1867 гг. Санкт-Петербург. Фотография К.И. Бергамаско

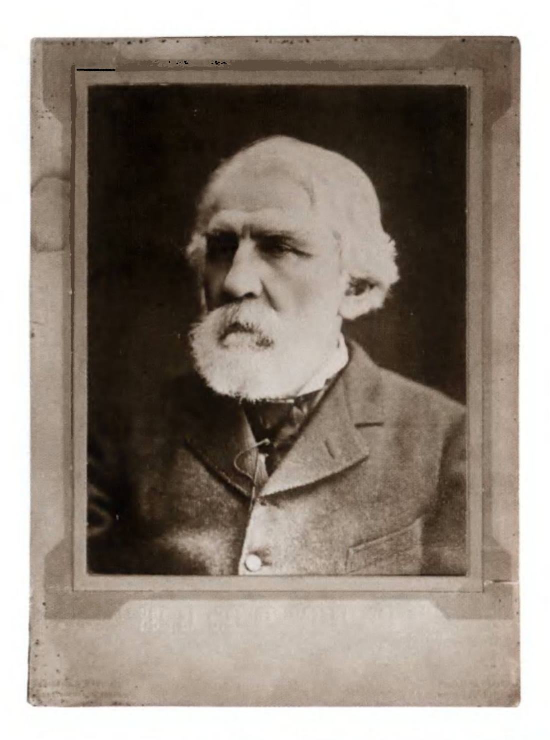
В.А. Перовский. Фотография с дагерротипа 1850-х годов (до 1857 г.)

Л.Н. Толстой. 1878 г. (?)
Москва.
Фотография М.М. Панова

Общий вид усадьбы
Ясная Поляна. 1897 г.
Фотография С.А. Толстой

И.С. Тургенев. 1879 г.
Санкт-Петербург.
Фотография К.А. Шапиро

Дом Л.Н. Толстого
в Ясной Поляне. 1892 г.
Фотография
С.С. Абамелека-Лазарева

Л.Н. Толстой с семьей и гостями в зале яснополянского дома. 1887 г.
Слева направо: Л.Н. Толстой, М.А. Стахович, Татьяна Толстая,
М.А. Кузминская, Мария Толстая, Сергей Толстой, С.А. Толстая.
На ширме — Миша и Андрюша Толстые.
Фотография М.А. Стаховича

Т.А. Кузминская. 1898 г.
Ясная Поляна.
Фотография С.А. Толстой

Л.Н. Толстой в кругу семьи.
1892 г. Ясная Поляна.
Слева направо:
Миша, Л.Н. Толстой, Ванечка,
Лев, Саша, Андрей, Татьяна,
С.А. Толстая, Мария.
Фотография фирмы
«Шерер, Набгольц и К°»

А.Л. Толстая. 1903 г.
Ясная Поляна.
Фотография С.А. Толстой

Т.Л. Толстая. 1899 г.
Москва.
Фотография В.Г. Чеховского

И.И. Раевский. Фотография конца 1880-х годов

Л.Н. Толстой и В.Г. Чертков. 1897 г. Санкт-Петербург. Фотография В.И. Кривоша

Л.Н. Толстой с дочерьми Татьяной (слева) и Марией в московском доме в Хамовниках. 1895 г. Фотография С.А. Толстой

А.А. Толстая и дочь Александра II, Мария Александровна, герцогиня Эдинбургская. 1901 г. Кобург. Фотография Э. Уленхута (E. Uhlenhuth)

С.А. Толстая у портрета умершего сына Ванечки. 1895 г. Ясная Поляна. Фотография С.А. Толстой

Л.Н. Толстой во время болезни в Гаспре. 1902 г. Фотография С.А. Толстой

М.Н. Толстая в Шамордине.
1890-е годы.
Любительская фотография.
Фрагмент парного (?) портрета

Л.Н. и С.А. Толстые
в верхнем кабинете писателя.
1902 г. Ясная Поляна.
Фотография фирмы
«Шерер, Набгольц и К°»

Л.Н. Толстой в день своего 75-летия. 1903 г.
Ясная Поляна.
Фотография Ф.Т. Протасевича

грамматику)[4], кроме школьного дела, которым я занимаюсь и в своей школе и в уезде, и борьбы с чиновничеством, денежные дела (покупка земли, которая необходима), кроме всего этого семейные невзгоды. То жена была больна лихорадкой, при кормлении измучившей ее и ребенка, то теперь на днях — старшая дочь при мне бегала по паркету, раскатываясь, и упала навзничь и сломала ключицу[5]. Но мы нынче только стали думать и заботиться о переломе. Удар головой был так силен, что мы и доктор боялись за жизнь и рассудок. — Правда, осень всегда бывает для меня тяжелым временем. Надеюсь, что когда засыпет нас снегами, я приду опять в то счастливое состояние спокойного, трудового *роста* жизни, которое я так люблю. —

Что вы делаете? Как и чем наполнилась та пустота жизни, которую оставила разлука с В⟨еликой⟩ к⟨нягиней⟩[6]. Верно, уж наполнилась. *Природа не допускает пустоты*, но вопрос, чем? мелочью наполнилось ли то большее место вашего сердца, или большим же? Или вы бережете его таким, какое оно было. Очень, очень желал бы видеть вас; и как-то надеюсь, что скоро придется мне быть в Петербурге[7]. И всякий раз, когда думаю об этом, первая, главная, побуждающая причина это вы. Надеюсь, что вы верите этому. Пожалуйста, верьте.

Ваш всей душой гр. Л. Толстой

114. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

4 декабря 1874. Петербург

Mon cher excellent ami, au moment où j'allais *enfin* vous écrire, après avoir été empêchée de le faire, parce que dans mon genre je suis un écureuil comme vous, je me suis *cognée* contre m-r Голохвастов que j'ai trouvé charmant, uniquement parce qu'il vous aime et qu'il m'a parlé de vous et de tous les vôtres avec ces détails que j'aime et que les lettres contiennent si rarement. Il m'a aussi tranquillisée sur votre petite et ne m'a pas ôté l'espérance de vous voir. Mon cher ami, si vous saviez comme je couve cette idée depuis que vous m'en avez laissé entrevoir la possibilité et si vous n'êtes pas sûr de réaliser cette demi-promesse, vous avez presque eu tort de m'en parler*.

---

* Мой милый, славный друг, в то время как я собиралась *наконец* написать вам, после многих помех (ведь мы с вами крутимся, как белки в колесе) я *наткнулась* на господина *Голохвастова*[1], которого нахожу очаровательным единственно потому,

Я слишком вцепилась в эту надежду и очень, очень мне будет тяжело от нее отстать. Жизнь так сокращается, и так много цветов и листьев от нее отпало, что все, что можно еще назвать *своим*, настоящим, возвысилось ценою. Я точно так же верю в вашу дружбу, как в свою к вам, и подчас мне болезненно хочется поговорить с вами. — Пишешь, и выходит не то — да и как можно писавши передать целый внутренний мир, все, что слагалось и разлагалось тысячу раз, и все бесчисленные нитки, которыми двигалась и еще теперь двигается жизнь. — Конечно, природа не терпит пустоты, а для моей личной природы пустота немыслима. Я бы сошла с ума. Но вот как я смотрю теперь на свою жизнь. Пора труда, радостного, исполненного наслаждения, для меня кончилась; настает другая — неприветливая pour l'homme naturel*, где во всех подробностях надобно себя уничтожить и брать на плечи все, что представляется, не брыкаться, не отвиливать — а просто себе делать каждую минуту самое скучное — даже иногда и не самое полезное, но вынужденное обстоятельствами и приносящее некоторое общее удовлетворение. Все это я вам растолкую на словах. А покамест только скажу, что решившись не метаться и не выдумывать ничего *своего*, у меня в душе стало как-то мирно и довольно спокойно. Я теперь понимаю не умом, а сердцем (d'une manière vivante)**, что есть огромное богатство в самом ничтожном отречении. — Все, что я давала своей дорогой В⟨еликой⟩ к⟨няжне⟩, осталось *ее* целиком[4], но иначе. Это трудно растолковать. Очень еще много живу *ею*, но про себя, втихомолку; переработка была страшная — подчас казалось, что никогда не найду точку опоры и не помирюсь ни с разлукой, ни с жизнью в сером тумане после яркого солнечного неба, но это все вздор — эгоистический вздор. Надобно и жить и работать. И вот я опять беру на себя весь груз моих давно покинутых прежних занятий по моим заведениям[5] — беру их без малейшего увлечения и даже с некоторым отвращением, не чувствуя в себе ни тени на то способности, но только оттого, что некому за это дело приняться. Сама не знаю, что

что он вас любит и говорил о вас и о ваших с теми подробностями, которые мне так милы и которые так редко встречаются в письмах. Он успокоил меня насчет вашей дочки[2] и не отнял надежды увидеть вас. Если бы вы знали, милый друг, как я лелею эту мысль, с тех пор как вы намекнули на возможность ее осуществления![3] Но если вы не уверены, что исполните ваше полуобещание, напрасно вы и говорили о нем (*фр.*).

* для природы человека (*фр.*).

** очень глубоко (*фр.*).

из этого выйдет, — а кажется, что я должна была это сделать.— Прощайте, милый друг, заболталась. До свидания, *надеюсь*. Je le désire aussi pour votre livre que j'attends avec impatience. Ce serait désolant s'il restait aussi inachevé comme tant d'autres de vos œuvres, dans lesquelles il y a eu, je suis sûre, des trésors. Je prie votre chère femme de vous pousser à terminer ce roman. J'ai eu tant de plaisir à entendre les Голохвастов parler de Sophie. Quand donc la connaîtrai-je? Il faut absolument que je tombe un jour comme une tuile à Ясные Поляны. En attendant mon frère vous supplie de vous arrêter chez lui, si vous venez à Pétersbourg. Il n'est pas grandement logé, mais vous tâcherez de vous contenter d'un petit coin, et lui sera si heureux, ainsi que nous tous. Il demeure tout près de maman et c'est là que moi aussi je passe presque tout mon temps. Vous aurez même un ералаш le soir et nous nous disputerons. Ne détruisez pas ce beau rêve et au contraire écrivez-moi bien vite que vous veniez. Mille tendresses pour vous et les vôtres.

A.

4 d⟨écembre⟩ 1874.*

115. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 15 и 30 декабря 1874. Ясная Поляна

Получив ваше последнее милое письмо[1], которое я ждал, я тотчас же ответил вам, но написал в письме глупость, что так часто со мной бывает, и должен был разорвать письмо. Радуюсь всей душой, что вы беретесь за оставленное дело[2], и как оно ни чуждо мне, все-таки сочувствую, как и всегда сочувствовал вашему отношению к нему. Вы говорите, что мы, как белка в колесе. Разумеется. Но этого не надо говорить и думать.

---

* Желаю этого тоже и для вашей книги[6], которую ожидаю с нетерпеньем. Было бы прискорбно, если бы она осталась неоконченною, как и многие ваши произведения, среди которых, я убеждена, были сокровища. Прошу вашу милую жену побудить вас окончить этот роман. Мне было приятно слышать все, что *Голохвастовы* говорили о Софи. Когда же я с ней познакомлюсь?[7] Когда-нибудь, как снег на голову, я явлюсь в *Ясные Поляны*[8]. А пока мой брат вас умоляет остановиться у него, если вы приедете в Петербург[9]. У него не очень просторно, но вы постараетесь удовлетвориться уголком, а он и мы вместе с ним будем очень счастливы. Он живет рядом с маменькой, и я тоже провожу там почти целые дни. Будет даже и *ералаш*[10] по вечерам, и мы будем спорить. Не разрушайте этой прекрасной мечты, а наоборот, напишите мне поскорее, что вы приезжаете. Нежный привет вам и всем вашим. А. 4 д⟨екабря⟩ 1874 (*фр.*).

Я по крайней мере, что бы я ни делал, всегда убеждаюсь, что du haut de ces pyramides 40 siècles me contemplent* и что весь мир погибнет, если я остановлюсь. Правда, там сидит бесенок, который подмигивает и говорит, что все это толчение воды, но я ему не даю, и вы не давайте ходу. Впрочем, как только дело коснется живой души человеческой и можно полюбить тех, для кого трудишься, то уже бесенку не убедить нас, что любовь — пустяки. Я теперь весь из отвлеченной педагогии перескочил в практическое, с одной стороны, и в самое отвлеченное, с другой стороны, дело школ в нашем уезде. И полюбил опять, как 14 лет тому назад, эти тысячи ребятишек, с которыми я имею дело. Я у всех спрашиваю, зачем мы хотим дать образование народу, и есть 5 ответов. Скажите при случае ваш ответ. А мой вот какой. Я не рассуждаю; но когда я вхожу в школу и вижу эту толпу оборванных, грязных, худых детей с их светлыми глазами и так часто ангельскими выражениями, на меня находит тревога, ужас, вроде того, который испытывал бы при виде тонущих людей. Ах, батюшки, как бы вытащить, и кого прежде, кого после вытащить. И тонет тут самое дорогое, именно то духовное, которое так очевидно бросается в глаза в детях. Я хочу образования для народа только для того, чтобы спасти тех тонущих там Пушкиных, Остроградских, Филаретов[4], Ломоносовых. А они кишат в каждой школе. И дело у меня идет хорошо, очень хорошо. Я вижу, что делаю дело, и двигаюсь вперед гораздо быстрее, чем я ожидал. Желаю от всей души, чтобы и ваше дело также спорилось, как мое это последнее время. В Петербург мне очень хочется, и вы знаете, что видеть вас для меня большая заманка; но теперь я больше занят еще, чем прежде, особенно потому, что в хорошем духе работать. Роман свой я обещал напечатать в «Русском вестнике»[5], но никак не могу оторваться до сих пор от живых людей, чтобы заняться воображаемыми.

Ваш Л. Толстой

Перро очень мил; и я надеюсь, что он мне устроит. Я чрезвычайно благодарен вам и ему. Что он за человек? И чем можно отблагодарить его?[6]

---

* сорок веков смотрят на меня с вершин этих пирамид[3] (*фр.*).

1876

116. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

1 ⟨?⟩ марта 1876. Ясная Поляна

Уже более года я не имею от вас никаких известий[1], дорогая Александра Андреевна, и мне это тяжело, неприятно и грустно. Я помню, что писал вам, ждал ответа[2]; потом просто ждал письма, потом досадовал, беспокоился, забывал и опять вспоминал. Я остановился на том, что у вас какое-нибудь горе и что вам не до меня; но недавно я узнал, что у вас всё по-старому (дай Бог, чтобы это известие было справедливо), и пишу вам, чтобы узнать от вас, что с вами ничего дурного не случилось и что вы ни за что не сердитесь на меня и не писали только потому, что не приходило в голову. Пожалуйста, напишите мне словечко[3] про себя и про всех ваших близких.

Моя жизнь идет по-старому, только с новыми потерями. Я писал вам о смерти тетушки Ергольской[4]; с тех пор я похоронил трех детей меньших[5] и родную тетку Юшкову[6], которая последнее время жила у нас. Иногда, и сейчас, окончивши письмо, мне приходит в голову, что вы за что-нибудь недовольны мной. Пожалуйста, если это так, напишите мне по совести.

Ваш Л. Толстой

117. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

6 марта 1876. Петербург

6-го марта
1876 г.

Милый, дорогой Léon, ваше письмо меня обрадовало и огорчило ужасно. Я и не подозревала вашего сложного горя, об котором вы упоминаете так просто и так грустно, и мне сделалось еще грустнее при мысли, что я по своей вине как будто отделилась от вас и именно в *такое* время. — За что мне на вас сердиться? Я сердилась только на себя и накануне получения вашего письма, лежа в кровати с модной простудной лихорадкой, я в сотый раз бранила себя за свое молчание и тянулась к вам всей душой, не подозревая, что вы идете ко мне навстречу. —

Отчего я не писала? Трудно даже и сказать, потому что отнюдь не потеряла привычку беседовать с вами, а нынешний год, читая вас, разумеется, еще чаще была с вами в сообщении, да и в стольких случаях моей личной жизни переносилась к вам, на вашу редкую *правдивую* почву, но года берут свое. — «*Стара стала — глупа стала*», — как говорили башкирцы про своего г⟨енерал⟩-губернатора Эссена[1], — а колесо вертится так же скоро, как прежде, не принимая в соображение, что силы уже не те, и что за ним не поспеешь. На меня находит иногда то самое (как я предполагаю) чувство, какое должно было быть у наших пленных в 12-м году, когда их гнали в Париж. «Что бы ни было, что бы ни вышло, а я сяду и отдохну». —

Как ни борись против мозаичности и разорванности городской жизни, ничего не поделаешь. Все, что похоже на план или систематичность, разрушается немедленно, и подчас вся душа возмущается против этого всеобщего как будто заговора и посягательства на вашу свободу, — но подумаешь, и успокоишься опять на время devant l'inévitable*. Если не что иное, то вырабатывается по крайней мере терпение, — за это я могу поручиться. — Еще помеха, хотя к счастью временная, это глаза. Этот год я часто ими страдала и все свои корреспонденции, ко⟨торые⟩ обыкновенно ведутся ночью, должна была класть в сторону. Летом я была в продолжение двух месяцев совершенно счастлива присутствием моей дорогой воспитанницы с ее неимоверно хорошо откормленным baby[2], как будто подготовленным на любую выставку. Затем всю осень вполне отдалась семейству или, лучше сказать, маминьке, которая за этот год очень, очень состарилась, то есть ослабела ногами и сгорбилась. Глаза также изменили отчасти — она сама уже не может ни читать, ни работать, но душевные и духовные способности все еще при ней, слава Богу. Она с большим наслаждением слушает, что я ей читаю, интересуется всем и по вечерам с удовольствием играет в ералаш. Эта семейная партия довольно курьезна и типична, и я так часто думаю про вас, когда вдруг заводятся споры и каждый отстаивает свой талант, между тем как все играют больше, чем дурно, и 80-летняя маминька между ними может считаться докою. Если бы вы знали, какая она трогательная своим смирением и кротостью. Благая старость — благой души и жизни. По-своему она, слава Богу, очень хорошо провела эту зиму, но сестра часто хворала, а брат зато моложе нас всех. Сенаторствует по утрам[3],

---

* перед неизбежностью (*фр.*).

а вечером светский человек и притом добрейший семьянин и истинно *примерный* сын. —

С ноября месяца до 9-го февраля, день кончины В⟨еликой⟩ К⟨нягини⟩ Марии Николаевны[4], я была всецело погружена в ее болезнь, и по этому случаю опять очутилась на старом пепелище, почти в том самом кругу — со всеми теми детьми, которые столько лет составляли самый главный интерес жизни сестры и моей[5]. Но сколько перемен, и чего-чего я тут не перестрадала и не перечувствовала! Часто не верилось глазам, глядя на мою бедную В⟨еликую⟩ княгиню, страшно изменившуюся болезнью; но зато много было и отрадных проявлений в этой чудной душе, которая как будто стряхнула с себя всю житейскую пыль и с полнейшею верою и смирением приняла свое страдание и шла навстречу смерти без страха — *потому что в любви страха нет*. Она беспрестанно за всё благодарила Бога и всех ее окружающих и последнее ее слово было: «Remercions Dieu pour tout»*. Его рука влекла ее явно к Себе, и можно сказать, что она тихо заснула на Его руках. Сколько — сколько тут было возвышенного и поучительного, и пересказать нельзя. — Вот вам, милый друг, вкратце картина этого года. Последний акт для меня невыразимо радостен. Это приезд из Англии моей воспитанницы теперь уже с *двумя* детьми. Муж ее[6] идет в море, и она у нас пробудет, может быть, месяцев пять. Сегодня я остановлюсь на этом, — после лихорадки я так еще слаба, что пишу с трудом, но как скоро оправлюсь, буду продолжать. Нельзя же нам не поговорить о вашей «Анне»[7], — mais aujourd'hui cela m'entraînerait trop loin** — а я хочу, чтобы вы как можно скорее перестали сомневаться во мне и величать меня *Алек⟨сандрой⟩ Андреевной*. Уж куда как нехорошо. Обнимите за меня вашу добрую жену. Как мне ее и вас невыразимо жалко. Знаю, *что́* подобные малютки уносят с собой. Если возможно, скажите, когда и почему это так случилось[8]. Маменька очень пожалела о смерти вашей тетушки, с которой когда-то была дружна, — но она теперь как-то иначе смотрит на отходящих, то есть спокойнее.

Отвечайте хоть словечко и скажите, что еще любите меня.

---

* «Возблагодарим Бога за всё» (*фр.*).

** но сегодня меня это увлекло бы слишком далеко (*фр.*).

118. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 8 и 12 марта 1876. Ясная Поляна

Очень радостно мне было письмо ваше, любезный друг; этого-то мне и было нужно. Я знаю про вас, знаю, что наши отношения те же, и знаю про ваших. Вы не поверите, как с годами во мне сильно стало родственное кровное чувство и как мне, кроме нашей дружбы, дороги все ваши Андреичи[1] и как мне радостно было узнать про Прасковью Васильевну[2]. Как бы я дорожил участием в ее партии ералаша, который я ужасно люблю. —

Дети мои умерли вот как: После 5 и теперь живых[3] (помилуй Бог), 6-й был крупный мальчик, которого жена очень любила, Петя[4]. Году он заболел с вечера, а к утру, только что жена ушла от него, меня позвали, он умер — круп. Другой за ним, прелестный ребенок (нескольких месяцев уже видна была чудесная, милая натура), тоже году заболел водянкой в голове. И до сих пор больно, очень больно вспоминать эту ужасную неделю его умирания[5]. Нынешней зимой жена была при смерти больна. Начало было коклюш. А она беременна. Она была при смерти и преждевременно родила дочь[6], которая прожила несколько часов и о которой уже гораздо пожалели, когда мать была вне опасности. Не успела жена встать (не было 6-ти недель), свежая, бодрая старушка, тетушка Пел⟨агея⟩ Ильин⟨ишна⟩ Юшкова, только что в этом году переехавшая из монастыря жить к нам, слегла и в страшных мучениях скончалась[7]. Странно сказать, но эта смерть старухи 80-ти лет подействовала на меня так, как никакая смерть не действовала. Мне ее жалко потерять, жалко это последнее воспоминание о прошедшем поколении моего отца, матери, жалко было ее страданий, но в этой смерти было другое, чего не могу вам описать и расскажу когда-нибудь. Но часу не проходит, чтобы я не думал о ней. Хорошо вам верующим, а нам труднее.

По письму вашему я вижу, что вам хорошо, и очень радуюсь за вас. Радуюсь и за то, что воспитанница ваша в Петербурге и что вы в своем обычном сердечно энергическом духе, но более всего того тому, что ваша матушка с вами и что старость ее хорошая. Цените это больше всего. Поцелуйте у нее за меня руку и сделайте так, чтобы она с удовольствием вспомнила обо мне. Моя Анна надоела мне, как горькая редька[8].

Я с нею вожусь, как с воспитанницей, которая оказалась дурного характера. Но не говорите мне про нее дурного или, если хотите, то с ménagement*, она все-таки усыновлена.

Ваш Л. Толстой

119. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

16 марта 1876. Петербург

16-го марта
1876

Милый друг Léon, вчера получила от вас маленькое письмецо, но не знаю почему, мне сдается, что оно писано не ко мне, хотя все сказанное в нем могло бы адресоваться и ко мне. Только оно больше похоже на продолжение разговора, которого явно я с вами не имела, например, насчет молитвы, а главное, вы посылаете поклон какой-то неизвестной мне княгине. Боюсь ужасно, что вы перепутали конверты и что ответ на мое последнее письмо отправился к кому-нибудь другому[1]. Если не так, успокойте меня. — В этом вашем немного загадочном письме меня тяжело поразило то, что вы говорите о своем здоровье, — но я надеюсь, что это только временный припадок, — от которого, мне кажется, усиленный моцион и чрезвычайная умеренность в пище освободят вас весьма скоро. Зато как радостно забилось мое сердце, прочитав, как сильно ваша душа жаждет веры[2]. Эта жажда уже есть Божий дар, Его начатое дело, а Он на своем пути не останавливается и довершает начатое не по-нашему. Вы ожидаете или желаете чуда, и оно будет! Эти внутренние чудеса совершаются беспрестанно в людях, живущих душой, и составляют самые *положительные* факты их жизни. Сколько, сколько я могла бы вам рассказать по этому поводу! Вы жаждете *веры*, я жажду *любви*, и сколько ни холодно мое сердце, я вполне *уверена*, что она мне будет дана, потому что Спаситель обманывать нас не может. Чтение Евангелия *теперь* сделалось для меня совсем иное, как бывало. Я восхищалась им всегда и верила в него безусловно, но теперь, только после долгой борьбы, оно сделалось для меня истинным потоком, восстановляющим все жизненные, духовные силы и влекущим в вечность. Как хорошо вы сказали в «Анне Карениной», что мысль о смерти освещает жизнь[3]. Это слово человека глубоко верующего — и я в вашей вере давно не сомне-

* осторожностью (*фр.*).

ваюсь; хотя и можно, и должно желать бо́льшего. Поверите ли, я просто молодею, помышляя о смерти, а на всякой другой почве все как будто хилеет и не возобновляется. Главная прелесть смерти не успокоение, не отдых, — а *полное* соединение с *Ним* и через Него со всеми. —

С какою радостью, с каким увлечением, могу сказать, я вчера молилась за вас и буду продолжать молиться. Это сближает меня с вами даже больше свидания, а о свидании я все-таки мечтаю.

Львовы мне говорили, что вы на весну приезжаете в Москву в их дом[4]. Так ли это? Отвечайте мне хоть одним словом и скажите, получили вы мое покаянное письмо[5]. —

Христос с вами, обнимаю вас всех нежно и люблю.

А. Т.

120. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 20 и 23 марта 1876. Ясная Поляна

Увы! это правда, что я перепутал письма[1]. К вам приехало письмо к Урусову, а ваше, вероятно, к нему. Я нынче пишу ему, прося его, если это так, вложить в конверт и надписать вам[2]; и вас с тысячами извинений прошу сделать то же: *Троицо-Сергиевский Посад, князю Сергию Семеновичу Урусову. Село Спасское.* — Это мой севастопольский друг, с которым мы очень хорошо любим друг друга[3]. —

Странно, что то письмо, в котором я пишу ему о желании веры, попало вам. Предшествующий наш разговор был такой: Он был у меня и я ему читал свое философское сочинение[4]. Там я говорю о вере и между прочим о том, что ничто так не отвращало и не отталкивало меня от религии, как когда меня старались обращать, объясняя мне религию. Чем больше объясняли, тем мне становилось темнее. Это, видимо, поразило его, и он мне написал прекрасное письмо[5], в котором говорит, что Бог его этим наказывает за его гордость и что он никогда больше ничего возражать и объяснять мне не станет; но все-таки просит меня, чтобы я писал ему о своем душевном состоянии. И я писал ему[6], в особенности после свидания с Бобринским[7], Алексей Павл⟨овичем⟩, который очень поразил меня искренностью и жаром своей веры. И никто никогда лучше мне не говорил о вере, чем Бобринский. Он неопровержим, потому что ничего не доказывает, а говорит, что он только верит, и чувствуешь, что он счастливее тех, которые не имеют его веры, и чувствуешь, глав-

ное, что этого счастья его веры нельзя приобрести усилием мысли, а надо получить его чудом. И этого-то я желаю и об этом писал Урусову[8], и очень рад, что вы прочли.

Вы знаете Редстока?[9] Какое он произвел на вас впечатление?

Я очень благодарен вам за то, что вы за меня молитесь. Хотя я не могу верить в действительность молитвы, я рад, потому что это доказывает вашу привязанность ко мне и потому что, хотя я не верю, я не могу сказать, чтобы это наверное было бесполезно. А может быть, и правда. Во всяком случае, я знаю, что чем больше я буду думать, тем меньше могу верить, и что если приду к этому, то чудом. Поэтому, пожалуйста, не убеждайте меня. Что я думаю беспрестанно о вопросах, значении жизни и смерти, и думаю, как только можно думать серьезно — это несомненно. Что я желаю всеми силами души получить разрешение мучающим меня вопросам и не нахожу их в философии, это тоже несомненно; но чтобы я мог поверить, мне кажется невозможно.

Читали ли вы жизнь Паскаля[10] — Blaise Pascal — его Pensées? Какая чудесная книга и его жизнь. Я не знаю лучше Жития. —

Целую вашу руку.

Ваш Л. Толстой

Я в том письме не написал, что целую руку, и потому Урусов так же, как и вы, мог быть в сомнении, к нему ли письмо.

121. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

28 марта 1876. Петербург

28 марта
1876 г.

Письмо к Урусову было немедленно отослано мною. Желаю, чтобы и он был также аккуратен[1] и не лишил бы меня моего добра. В другом отношении я готова подражать ему и, пожалуй, дать хоть подписку, что никогда не буду говорить с вами про религию, хоть мне кажется немного странно и даже вовсе ненатурально умалчивать именно о том, что и вас и меня интересует более всего на свете, и что к заходу дня составляет всю сущность жизни. — Не знаю, что я к вам писала, милый друг — я своих писем никогда не помню — но наверное знаю, что я не имела ни малейшего намерения вас *убеждать*, а вероятно поделилась тем, что всегда наполняет мою душу и в разных видах занимает мой ум. Лет

10-ть или 15-ть тому назад я воображала, что убеждения мои совершенно установились и что остается только идти по найденной дороге, — а вышло иначе. С тех пор открылось так много нового и, проникая в духовный мир все глубже и глубже и все *тише* и *тише*, я убедилась, что на этом необозримом поле я еще не сделала ни шагу, потому что по ошибке или самомнению вошла не в *ту дверь*. Помните, как я, бывало, охотно и прытко вступала в религиозную полемику, но теперь уже не то. *Печать молчания лежит на устах моих*! Читаю много — но говорю мало и исключительно или с теми людьми, от которых могу научиться чему-нибудь, или с теми, состояние души которых мне особенно близко. Вы могли попасть и в тот, и в другой разряд, и вот почему я, вероятно, увлеклась, писавши к вам, но *менстрововать*[2] отнюдь не хотела. Простите великодушно, если я вам подействовала на нервы, и обещайте, что и мне, как Урусову, вы будете говорить о своем душевном настроении. Вообразите, я даже не понимаю, *во что* вы собственно не верите, потому что так много веры проглядывает во всем, что вы пишете.

Радстока я очень хорошо знаю, вот уже три года, и очень люблю[3] за необыкновенную его цельность и любовь. Он совершенно предан одному делу и идет своей дорогой, по сторонам не оглядываясь. К нему почти можно бы было приложить слова Ап. Павла: «Я ничего не хочу знать кроме Христа Распятого»[4]. Я говорю *почти*, потому что мудростью и глубоким умом он далеко отстал не только от Св. Павла, но и многих не столь высоких учителей Церкви. Он милый — добрейший сектант — сам не понимающий многого и наивно не подозревающий, как во многом он удаляется даже от Евангельской истины. Природу человеческую он вовсе не знает, и даже не обращает на нее внимания, потому что по его системе каждый человек может в одну секунду развязаться со своими страстями и дурными наклонностями только по одному желанию идти за Спасителем — а где они, эти быстрые и полные обращения — много ли их примеров, исключаю Ап. Павла, избранного орудия Христа. Он часто рассказывает такого рода случаи: I met with a french gentleman. He was a complete unbeliever. I spoke with him in the garden, we prayed together and he went away a christian*. Что дальше с ним было, он не знает — но борьбы не предполагает — *всё* было сделано in about an hour of time**. — Вот его слабая сторона. Затем преданность его Христу —

---

* Я встретился с одним французом. Он был совершенно неверующий. Я поговорил с ним в саду, мы помолились вместе, и от меня он пошел уже христианином (*англ.*).

** приблизительно в течение часа (*англ.*).

теплота и искренность неизмеримая. Он здесь прозвучал как колокол, и разбудил многих, никогда не помышлявших прежде о Христе и спасении, но из других сделал совершенных карикатур духовных — что впрочем не его вина. Его здесь и слишком возвышали, и слишком бранили. Я почти никогда не ездила слушать его публичных проповедей, но любила с ним разговаривать наедине или с немногими близкими, греясь его теплотой и избегая всяких догматических вопросов. Думаю, что я из немногих, судивших его беспристрастно. Бобринский его ученик[5]. Я недавно читала его profession de foi* в длинном письме к Жемчужникову[6], и также любовалась и радовалась его искренностью и горячностью. Дай Бог ему удержаться на этом пути, а путь опасный, ежели хоть сколько-нибудь отступишь от смирения. В этом-то и опасность, потому что эти господа немедленно становятся учителями. Вы, вероятно, будете другого мнения, но всего не выпишешь, а в другой раз скажу, может быть, вредную сторону этих взаимных обращений, в которые вкрадывается столько самообольщения.

Друга своего Паскаля я вам рекомендовала по крайней мере лет 20-ть тому назад[7]. Но вы, разумеется, тогда не обратили на это внимания, и я рада, что вы теперь напали на него. Он неисчерпаем. Кроме Св. Писания это одна из моих *трех* книг, к которым я часто возвращаюсь. C'est encore bien autre chose que Radstock et compagnie**. В Паскале вы можете найти разрешение многих вопросов, если почти не всех. — Но кто его теперь читает? — Сегодня опять некогда говорить об «Анне Карениной», но умоляю вас, дайте нам поскорее продолжение и конец[8]. Вы не можете представить, как *все* заинтересованы этим романом. Когда-нибудь расскажу. Здесь прошел слух, что Анна убьется на рельсах железной дороги[9]. Этому я не хочу верить. C'est un pur commérage***. Вы не способны на такую пошлость. — Прощайте, милый друг. Я действую с вами по пословице: прикажи дураку Богу молиться etc. etc.

И теперь вдобавок вспомнила, что вы не любите, чтобы я к вам писала по-русски, вероятно, потому, что я не умею писать по-русски, но что делать — уж так вышло. Христос с вами. Не забывайте меня любить.

Напишите об своем здоровье.

---

* исповедание веры (*фр.*).
** Это совсем иное, чем Редсток и компания (*фр.*).
*** Это сущая сплетня (*фр.*).

122. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 15 и 17 апреля 1876. Ясная Поляна

Недаром я написал вам[1], дорогой друг Alexandrine, и вызвал вас на переписку, — и ошибка моя еще помогла мне — такие хорошие я от вас получил письма[2] — особенно последнее.

Я и не думал упрекать вас за то, что вы меня убеждаете или обращаете; я только написал вам — задирая вас — не убеждайте меня[3], потому что в этих убеждениях я часто нахожу фальшь; а по последнему письму вашему я вижу, что вы эту фальшь чувствуете и знаете лучше меня. Предостережение мое было излишнее; в этом я виноват. Но, признаюсь, я написал это, чтобы (как я сказал) затронуть вас за живое по вопросу мне очень, очень важному теперь и по которому я всегда от вас ждал себе помощи. — Как прекрасно вы мне описали Радстока[4]. Не видав оригинала, чувствуешь, что портрет похож до смешного. Я рад тому, что вы знаете Паскаля[5]. Я думал, что он уже так забыт, что его можно открыть. Теперь я, к несчастью, ничем не могу себе позволить заниматься, кроме окончания романа; но с весной чувствую, что необходимая серьезность для занятия таким пустым делом оставляет меня. И боюсь, что не кончу его раньше будущей зимы[6]. Летом же буду заниматься теми философскими и религиозными работами, кот⟨орые⟩ у меня начаты не для печатания, но для себя[7]. —

Мне тоже очень радостно было ваше мнение о том (если я так его понял), что обращения не бывают, или, редко, — мгновенные, а что нужно пройти через труд и мучения. Мне это радостно думать, потому что я много и мучался и трудился, и в глубине души знаю, что этот труд и мучения есть самое лучшее из того, что я делаю на свете. И эта деятельность должна получить награду, — если не успокоение веры, то сознание этого труда уже есть награда. А теория благодати, нисходящей на человека в Английском клубе или на собрании акционеров, мне всегда казалась не только глупа, но безнравственна.

Вы говорите, что не знаете, во что я верую. Странно и страшно сказать: ни во что из того, чему учит нас религия; а вместе с тем, я не только ненавижу и презираю неверие, но не вижу никакой возможности жить без веры, и еще меньше возможности умереть. И я строю себе понемножку свои верования; но они все, хотя и тверды, но очень неопределенны и неутешительны. Когда ум спрашивает, они отвечают хорошо; но когда сердце болит и просит ответа, то нет поддержки и утешения.

Я с своими требованиями ума и ответами, даваемыми христианской религией, нахожусь в положении двух рук, которые стремились бы сложиться, но упираются пальцами. Я желаю, и чем больше стараюсь, тем хуже; а вместе с тем знаю, что это можно, что одно сделано для другого. Хотел ничего не говорить, а невольно опять увлекся, о себе. Пожалуйста, следуйте моему примеру, т.е. говорите о себе, а не обо мне. На днях ехал в Москву[8] и в вагоне к утру узнал ваших кузин Вадбольских, Эспера и Проспера и милую бедную княгиню[9], которая едет лечить глаза.

Целую вашу руку.

Ваш Л. Толстой

1877

123. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

10 или 11 января 1877. Ясная Поляна

Вы мне не отвечали на мое последнее, уже давнишнее письмо[1], милый друг, но это не мешает мне писать вам, как будто переписка наша не прекращалась. В последнем письме моем я вам сделал мою profession de foi*[2]. Может быть, она вас скандализировала, вероятно, она огорчила вас; но, наверное, она не изменила наши отношения. И не правда ли, что я хорошо делаю, обращаясь к вам по-старому? Тем более, что я пишу вам о близком мне, душевном деле, в котором вы, наверно, примете участие.

Жена едет в Петербург[3], чтобы повидаться с матерью, которую она не видала три года. Я остаюсь здесь с детьми. Если бы не это, я с женой был ⟨бы⟩ у вас. Теперь же она будет одна и все расскажет вам за меня и за себя. Одно, чего она не расскажет вам так, как бы я хотел, это о моей все возрастающей и возрастающей тревоге о ее здоровье со времени смерти наших последних детей[4]. Она обещала мне быть у Боткина[5]; но кроме тех советов, которые он даст ей, я ничего не узнаю. Если вы увидите его, спросите у него, пожалуйста, и напишите мне прямо все, что̀ он скажет. Если вы не захотите написать мне *всего*, что̀ он скажет, то напишите: «я не хочу передавать *того*, что̀ сказал Боткин», но если уже

---

* исповедание веры (*фр.*).

будете писать, напишите *все*[6]. Мне так живо представляется радостная мысль, что вы увидитесь с женой, и так ясно, что она вам расскажет про нас все, что может вас интересовать, и гораздо лучше, чем я не только написал, но и рассказал ⟨бы⟩. Целую вашу руку.

Искренно любящий вас Л. Толстой

Если вы исполните мою просьбу и сведения о ее болезни таковы, что больная не должна знать, ради Бога напишите мне по следующему адресу: ....

124. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

13 января 1877. Петербург

13 января
1877

Милый друг Léon, поверите ли, или не поверите, но я встала сегодня с полной решимостью к вам написать, что, впрочем, задумывала по меньшей мере сотню раз — и вдруг ваше письмо![1] Мне сделалось так весело, а прочитавши письмо, так грустно. Чувствую, какая тяжелая тревога в вашей душе, и, конечно, буду писать вам и говорить всю правду. Во всяком случае правда самое лучшее. Завтра пошлю узнать, приехала ли Sophie, и немедленно отправлюсь к ней[2]. Больше, чем когда-нибудь, желаю ее видеть, но как странно, что первое наше свидание будет без вас. Я с этим еще не мирюсь. Боткина постараюсь увидеть 18-го[3]. Если письмо мое после этого числа замедлит, то не беспокойтесь. Боткин часто неуловим. Он мне наверное скажет всю правду, а я передам ее вам[4] и буду невыразимо счастлива, если удастся вас успокоить. —

Мое молчание решительно не означало ничего, кроме обыкновенных препятствий. Сколько писем написано было мысленно в ответ на то, что вы называете ваше profession de foi*, которая меня еще более сблизила с вами, но день проходил за днем, писать не удавалось, нить оборвалась, и я опять дожидала толчка. Осенью, ехавши в Крым, мне представилась возможность, то есть мнимая возможность вас видеть, и я очертя голову телеграфировала вам с какой-то станции, чтобы дать вам rendez-vous** в Туле или Курске, не рассчитывая на препятствие расстояний. Не знаю,

---

* исповедание веры (*фр.*).
** свидание (*фр.*).

получили ли вы эту депешу[5]. Надеюсь , что нет. А если получили, то, вероятно, сочли меня за сумасшедшую. После я и сама себя так обсудила, но в эту минуту мне так сильно, так болезненно хотелось вас видеть, что я чисто-начисто, как глупый ребенок, увлеклась своим желанием. Из Ливадии хотела вам написать оправдание, но, приехавши туда, тотчас сильно занемогла, и опять вышло намерение без действия. Впрочем, подобными штуками переполнена жизнь. C'est toujours ce certain pavé de bonnes intentions avortées qui se retrouve partout*. Из Крыму я приехала в Лубянки и прожила там три недели, об которых могла бы написать три книги, хотя все дни были похожи один на другой, но для психологического описания этой редкой семьи надобно ни более ни менее, как какого-нибудь Льва Николаевича Толстого. С тех пор в этой семье стало одним меньше. Умер один из сыновей тетушки Вадбольской, Вася, бывший артиллерийский полковник[6]. Он был болен умственною болезнью, и катастрофа смерти была сравнительно слабее, чем все, что предшествовало ей. Странное и тут было явление. По мере упадка ума, сердце его проявлялось яснее и горячее. Все затаенное внутри души выходило как будто наружу, и он воздавал неизмеримою любовью за всю любовь, которая его окружала. — Да, милый друг, что ни говори, как ни размышляй, но только *это* переживает нас и уходит с нами в Царство любви. — Дай Бог нам туда попасть этим путем, да правду сказать — другого и нет , и Призывающий нас об этом только и гласит. —

С нетерпением жду свидания с вашей женой и всякого рода известий об вас. Наконец — наконец появилась опять ваша Анна![7] Et comme par un coup de baguette magique tous les grognements, toutes les indignations d'une trop longue attente se sont tues immédiatement**. Все утонули в упоении этих последних глав, а мне, как и всегда, кажется, когда я читаю вас, что я одна *вполне* понимаю и наслаждаюсь вашими сочинениями, хотя подчас и задевает меня что-то против шерсти, и я, разумеется, не могу прокричать аминь на все безусловно. — Но дело не во мне и в моих впечатлениях. Не знаю, в какой мере вы чувствительны к мнению публики, но у меня громадное самолюбие для вас или за вас, и оно может упиваться до опьянения всеобщим восхищением.Что французы назы-

* Это все та же широкая дорога, вымощенная неосуществленными добрыми намерениями (*фр.*).

** И как по мановению волшебной палочки, весь ропот негодования на долгое ожидание смолк тотчас же (*фр.*).

вают faire époque*, вполне относится к вашим творениям. Всякая глава «Анны Карениной» подымала все общество на дыбы[8], и не было конца толкам, восторгам, и пересудам, и спорам, как будто дело шло о вопросе, каждому лично близком. Друзья Тургенева вопиют, зачем он выпустил свою «Новь»[9] в ту самую минуту, когда появилась опять «А⟨нна⟩ Кар⟨енина⟩». Намедни был у меня Черкасский[10]. Я против него защищала «Новь» (первую половину), которая, хотя не *Новь*, но остроумно и артистически написана. «Oui, je conviens, — говорит Черкасский, — il y a du talent, mais Tolstoy a du genie». «Et du cœur»**, — прибавила я, чего в Тургеневе я редко находила. Он пишет одной головой[11], а в вас, милый друг, то и прелестно, что везде сердце выплывает, как будто нехотя. Свидание Сережи с матерью, Сережин разговор со швейцаром никто бы не написал, кроме вас. Прощайте, милый друг, через несколько дней буду писать еще. Все мои, слава Богу, здоровы. Маминька слаба только ногами.

125. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

18 января 1877. Петербург

18 ян⟨варя⟩ 1877

Не знаю, кто из нас добежит до вас скорее — Sophie или мое письмо. Слава, слава Богу, что в ее состоянии нет ничего дурного. Теперь вы это знаете через нее, но и я вам напишу свое слово после того, как увижу Боткина[1]. Одно мне кажется странно, нелогично — это кратковременность пребывания Sophie, несмотря на желание Боткина удержать ее здесь и полечить под своими глазами[2]. Но всё сотворилось на парàх. Пар примчал и умчал ее с быстротою молнии. С тою же быстротою я познакомилась с нею и полюбила ее — но затем локомотив останавливается full stop***, — я полюбила *навсегда* и уверена, что она это почувствовала. — Вот как она мне показалась. Во-первых, давно знакомая и наружностью *точно* такая, как она мне виделась издалека. Потом симпатична с головы до ног — проста, умна, искренна и сердечна. Могла бы много чего прибавить — но сегодня пишу тоже на парах.

* составить эпоху (*фр.*).
** Да я согласен... у него есть талант, но у Толстого — гениальность». «И сердце» (*фр.*).
*** полной остановкой (*англ.*).

Она оставила мне впечатление невыразимо теплое, и я вся переполнена ею и вами[3]. Но зато жажда вас видеть и говорить с вами сделалась еще сильней и почти мучительной. Как хорошо, что я теперь люблю Sophie уж не par procuration, а par conviction*. Это мне так отрадно и в ней что-то такое родное. Я ей поручила сказать вам, сколько она мне понравилась, но, кажется, она была не совсем расположена передать это поручение. В ее голосе я нашла что-то ваше, то есть некоторые ваши интонации, и это было мне тоже так приятно. В эту минуту входит ко мне посланный от Боткина с извинением, что он не может сегодня прийти ко мне сам, но будет послезавтра, а покамест велит мне сказать, чтобы я успокоила вас совершенно — что в состоянии графини нет *решительно* ничего, ничего дурного, и все боли только нервные. Серг⟨ей⟩ Пет⟨рович⟩ просит вас повторить графу, что нет и тени опасности или чего-либо серьезного. На этом хорошем слове я прощусь сегодня с вами, милый, дорогой Léon. Как я счастлива и благодарна Богу, что вышло так.

126. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

24 января 1877. Ясная Поляна

Если у вас есть грехи, дорогой друг Alexandrine, то они, вероятно, вам простятся за то добро, которое вы мне сделали вашими двумя последними письмами. Попробую отвечать на то из них, что особенно радостно меня поразило. Соня не опасна, и вы ее искренно полюбили; искренность я слышу в вашем тоне, слышу, что вам не нужно было искать слов, и не могу вам передать, как это меня радует. Она приехала тоже в восхищении от вас. И я это очень понимаю; хотя я и писатель, вы так трудны для описания, что, сколько я ни старался, я не мог объяснить ей вас. Но она теперь поняла совсем. Другое, очень приятное, это то, что вы пишете о последнем отрывке моего романа[1]. Я не могу сказать, чтобы я был нечувствителен к похвалам, но с оговорками. Первая похвала, как была ваша, когда я еще сам не знаю, порядочно или очень плохо то, что я написал, я очень радуюсь похвале и не упрекаю себя; но когда меня много хвалят, я начинаю умиляться сам над собою и делаюсь сам себе противен. Хожу по лесу один и все сам себя хвалю. До этого я еще слава Богу не дошел, но могу. Третье и, главное, приятное в ваших

---

* по доверию... по убеждению (*фр.*).

письмах, это то, что вы говорите, что моя profession de foi* не только не отдалила вас от меня, но приблизила[2]. — Это мне радостно. Последнее время в моих разговорах и переписке с вами, с Урусовым, с Бобринским о религии[3] я почувствовал, что я играю роль противной, холодной кокетки, которая, хорошо зная, что она никогда не уступит, — не отнимает надежды. И я решился вперед этого не делать и быть вполне искренним и называть вещи по имени.

Тут же в этом письме вы пишете, говоря про покойного Вадбольского[4], что он отдался вполне любви, и что этим только мы переживем себя, и это, т.е. наша любовь и все дела любви, никогда не умрут. Это я подписываю обеими руками и в это верю всей душой.

Соня хотела написать вам о том, что было с нами вчера[5]. Вот случай, где вдруг узнаешь всю ту силу и глубину любви, которая живет в нас, и почувствовав это, нельзя не верить в Бога и в то, что он есть любовь.

Тысячу раз благодарю вас за вашу дружбу ко мне, за ваше чувство к Соне и за то, как вы ее приняли. Целую ваши руки.

Ваш Л. Толстой

Соня мне так рассказала про ваших, что мне ужасно захотелось побывать там, поговорить про старину с вашей maman за картами. Поцелуйте, пожалуйста, за меня у нее руку и напомните обо мне дружески Sophie и Илье Андреевичу[6].

127. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ и С.А. ТОЛСТОЙ

27 января 1877. Петербург

Милые друзья, Léon и Sophie, благодарю вас за дорогие письма[1], а вместе с вами благодарю Господа за спасение Сережи[2]. Читая письмо Sophie, я просто не дышала, но зато потом каким счастьем и благодарностью переполнилось сердце. Плакала и чувствовала так ясно, что рука Спасителя притягивает вас к себе все ближе и ближе. Бедные мои, как вы настрадались в эти несколько часов. Страшно подумать. Пожалуйста, напишите мне еще поскорее хоть две строчки и скажите, как Сережа себя чувствует. Также и Sophie ничего об себе не говорит, и это опущение надобно поправить. Знайте, что я олицетворенное беспокойство и что все *ваше* тоже и *мое*. —

---

* исповедание веры (*фр.*).

Сегодня утром, наконец, Боткин был у меня и подтвердил всё уже прежде сказанное и самое утешительное[3]: «Я редко встречал такие надежные и крепкие легкие, и скажите им, чтобы они продолжали жить нормально филологическим образом. Они поймут, что это значит. А главное не мудрствовать лукаво». Вот его слова, и странно, что это изречение мне часто приходило на ум, когда я думала об вас, милый Léon. Лукавства в вас нет — но мудрствование часто доходит до величайших размеров. — То же было и во мне — но, кажется, исчезло, стерлось внутренним опытом. Жизнь сложна и трудна — но то, что облегчает ее и дает ей настоящую цену, гораздо проще, чем мы думаем, si nous prenons les choses par le bon côté*. Мы часто запираем себя в какой-то ящик и бьемся в нем отчаянно и бессильно, и забываем, что за стенками этого ящика простор, свобода и солнце. Я с своей стороны так устала смотреть в себя (оно и составляет темный карцер), что избегаю и боюсь этого, как огня, зная, что из этого беспрестанного приглядывания ничего не выходит хорошего, а всеми силами души стараюсь смотреть в даль и на свет. Не то важно, что мы даем, а то, что нам дают и *кто* дает и *что* дает!

Ваше сравнение себя самого насчет религии с холодной кокеткой мне вовсе не нравится[4]. Это ничто иное, как один из миллионных парадоксов, которыми мы загораживаем себе дорогу к прямой правде. Гораздо проще сказать, что вы ищете правду — но еще ее не схватили. А в этом искании есть первый зародыш той благодати, которая *вас* ищет и которой вы покамест почти бессознательно противитесь. Почему? — трудно сказать, но во время моего разговора с Sophie об вас у меня всё вертелось на уме одно слово на ваш счет. Это слово: *fausse honte***. Когда оно переходит в чувство — в весь наш состав, то становится нашим злейшим врагом. Скольких, — скольких я видела, которые разбивались об него, пока милосердие Божие не уничтожало его, как прах. Если я ошибаюсь, и это не относится к вам, то скажите, и я вам поверю, но мне бы так хотелось toucher du doigt le véritable obstacle***.

Пишу вам вместе, потому что *отныне* и *вовеки* вы нераздельны в моем сердце. Благодарю вас обоих еще раз за все доброе и теплое, сказанное мне. Я это заслуживаю только в отношении к вам — потому что люблю вас настоящим образом. Об остальном говорить и опровергать нечего. Однако я задумалась немного на том, что вы находите трудным

---

* если мы будем обращать внимание только на хорошую сторону (*фр.*).

** ложный стыд (*фр.*).

*** потрогать пальцем настоящее препятствие (*фр.*).

меня узнать и описать[5]. Это нехороший знак. То есть касательно моего характера. Les bonnes natures se définissent et se livrent facilement*. — Впрочем, я точно до невероятности сложна и за это всегда себя ненавидела, но теперь я этим мало занимаюсь. Одного желаю — выскочить из себя и не догонять себя, как я это делала прежде. — Бог поможет, видя, как это желание искренно. —

Прощайте, милые друзья, обнимаю вас нежно и жду письма. Передам своим все, что вы мне говорите для них, и знаю заранее, что это будет принято с любовью. — Да хранит вас Бог.

А. Т.

Как я рада, что книги нравятся детям[6]. Буду и вперед посылать, что попадется хорошего. —

27 янв⟨аря⟩
1877.

Извините, что так гадко мараю.

128. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 5 и 9 февраля 1877. Ясная Поляна

Необходимо отвечать вам на три пункта, дорогой друг Alexandrine. Первое, благодарить вас — и верьте, что я словами не могу выразить, как я благодарен вам — за ваши заботы о Соне и переданные вами слова Боткина[1]. Я и Боткина полюбил за это. Он славный должен быть человек.

Второе, сказать вам, что страх наш о Сереже прошел[2]: он бегает учится, только боюсь, потерял крови больше, чем следовало, от пиявок.

Третье то, что вы меня обижаете, предполагая во мне fausse honte** в вопросах религии[3]. Я как-то писал Урусову[4] от всей души и повторю это вам: для меня вопрос религии такой же вопрос, как для утопающего вопрос о том, за что ему ухватиться, чтобы спастись от неминуемой гибели, которую он чувствует всем существом своим. И религия уже года два для меня представляется этой возможностью спасения. Поэтому fausse honte места быть не может. А дело в том, что как только я

* Хорошие натуры определяются и становятся понятными легко (*фр.*).
** ложный стыд (*фр.*).

ухвачусь за эту доску, я тону с нею вместе. И еще кое-как je surnage*, пока я не берусь за эту доску. Если вы спросите меня, что мешает мне, я не скажу вам, потому что боялся бы поколебать вашу веру. А я знаю, что это высшее благо. — Я знаю, что вы улыбнетесь тому, чтобы могли мои сомненья поколебать вас; но тут дело не в том, кто лучше рассуждает, а в том, чтобы не потонуть, и потому я не стану вам говорить; а буду радоваться на вас и на всех, кто плывут в той лодочке, которая не несет меня. У меня есть приятель, ученый Страхов[5], и один из лучших людей, которых я знаю. Мы с ним очень похожи друг на друга нашими религиозными взглядами; мы оба убеждены, что философия ничего не дает, что без религии жить нельзя, а верить не можем. И нынешний год летом мы собираемся с ним в Оптину пустынь[6]. Там я монахам расскажу все причины, по которым не могу верить[7]. —

Целую вашу руку. Соня кланяется.

Ваш Л. Толстой

129. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

12 февраля 1877. Петербург

12 февраля
1877

Милый друг Léon, я уже начинала кряхтеть от беспокойства, когда получила ваше письмо. Слава Богу и спасибо вам. Очень бы мне хотелось также знать, как действуют на Sophie лекарства Боткина, но она и вы люди работящие и частых писем я требовать не смею. Сама же пользуюсь редким для меня бенефисом сидеть дома по поводу незначительного нездоровья, чтобы отвечать на ваше письмо. Все эти дни я, лежа, сидя и ходя по своим комнатам, много беседовала с вами, но не пугайтесь. Я не стану навязывать на вас весь рой моих мыслей тем более что на главном пункте я вам никогда не приходилась по душе, но все-таки я скажу *свое* слово, хоть подметила и в последнем вашем письме какую-то раздраженную струнку[1], что, впрочем, нисколько не испортило доброе впечатление, сделанное им с *одной стороны*. Если бы вы знали, как вы нравитесь мне в виде погибающего — en naufragé**. Что может быть

---

* выплываю (*фр.*).
** утопающего (*фр.*).

лучше? Да и кто из нас *сидит* уже в этой лодке? Слово fausse honte* вас обидело потому, вероятно, что я дурно объяснилась. Dans mom idée je ne l'ai nullement appliquée à l'importance que vouz attachez à la religion, mais à un *seul* acte que je considère comme le principe de la lumière intérieure, *sans lequel* il ne peut y avoir ni vie, ni lumière, *ni vérité*. Vous comprendrez de quoi je veux parler**. — А вы меня глубоко огорчили вот чем: возможно ли откладывать на шесть месяцев то, что может быть сделано сейчас?[2] Это такая школьническая уловка, и вам самому неведомое такое сатанинское ухищрение, что простейший человек понял бы это сразу. Но то-то и дело, что вы не просты и даже не совсем искренны. Апостолы-рыбаки были нисколько не умнее и не лучше вас, когда Спаситель их призвал. Они не знали ни куда, ни зачем идут и во что и в кого будут веровать, но голос Его увлек их, и они пошли без отлагательства и без рассуждений. И вас влечет *тот же самый* голос, но вы пятитесь и кобенитесь, как капризный ребенок, или, что гораздо хуже, как гордец, который воображает, что он сам собою распоряжается своей судьбой. Если явилась жажда к правде, беги и бери ее скорей. Иначе где же искренность в высказанных вами убеждениях. Где же честность и логика? — Поеду летом! Господи, да кто вам сказал, что вы проживете до лета, а если и проживете, останетесь ли в том же расположении? Когда Sophie занемогла, вы не ждали шести месяцев, чтобы послать ее к Боткину. «Помоги-де нам — у нас идет плохо». А тут дело и важнее и хуже.

Чувствую, как вы будете сердиться за это письмо — но не могу — не могу молчать. Во мне что-то как будто горит. Слова путаются, но мысль ясна как день. Не от монахов я жду вашего спасения — но бремя, но темноту ваших сомнений нужно сложить *необходимо*, без отлагательства. —

Милый друг, понимаете ли вы, как ваша душа мне дорога? Обнимаю вас и Sophie. — Да научит вас Бог.

Всем сердцем ваша.

А. Т.

---

* ложный стыд (*фр.*).

** В мыслях я относила его вовсе не к важности, которую вы приписываете религии, но только *одному* акту, который считаю принципом жизни и внутреннего света и *без которого* не может быть ни жизни, ни света, *ни истины*. Вы поймете, о чем я говорю (*фр.*).

130. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ и С.А. ТОЛСТОЙ

После 26 марта 1877. Петербург

Христос Воскресе!

Милые друзья Léon и Sophie. Обнимаю вас крепко и радостно. —

Праздник торжества над смертью и *верного* нашего спасения с каждым годом приводит меня все в больший восторг. Что бы ни было на душе — *эта* радость остается нетронутая, и так и хочется поделиться ею со всеми близкими и даже не близкими людьми. Что-то вы поделываете? Как здоровье Sophie, Льва, Сережи[1] и других? Я часто делаю вам мысленно докторский визит и ощупываю пульс у каждого из вас. А затем знакомлюсь с вашей прошлой жизнью, читая «Анну Каренину»[2]. Многие осуждают автора за то, что он описывает им явно самим испытанное[3], а для меня именно это и привлекательно, — во-первых, потому что я вас люблю и дополняю этим чтением пробелы для меня мало известной вашей семейной жизни; а во-вторых, потому что правда лучше вымысла и, переданная пером моего почтенного внука, она впускает меня во все закоулки его души. Уповаю, что ваш тесный мирок и поныне сохранил всю свою прелесть, а, пожалуй, при некоторых условиях может еще сделаться лучше и возвышеннее. — У нас в семье, слава Богу, все состоит благополучно, но зато в большой семье русской как становится неумолимо грозно[4]. Как будто заливает волной, и громче шума волны — говор людской на все лады, не ободряющий, а утомляющий до невероятности. Я прячусь от него внутрь себя или ухожу выше себя, где веет другим воздухом и где мысль на просторе, — но, главное, чувствую неиспытанную доселе потребность молчать. C'est le sentiment qui me domine sans que je puisse me l'expliquer nettement*. А все-таки Васиньку Веселовского не следовало высылать так бесцеремонно[5]. Милый друг Léon, как бы мне хотелось перебрать с вами тысячу подробностей вашей книги со всякими замечаниями — но где же на это достать время? В сыроежку, перевязанную травинкой[6], я просто влюбилась. И сколько таких славных штук, — извините за выражение.

Простите, милые, откликнитесь, когда можно будет. Еще раз обнимаю вас всех in corpore**. Как я люблю *прости* и *помоги* при рождении первого ребенка[7]. Вот где сердце говорило *правду*!

Ваша А. Т.

---

* Это чувство меня поглощает, но объяснить себе его определенно я не могу (*фр.*).

** в полном составе (*лат.*).

131. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Конец марта 1877. Ясная Поляна

Не сердитесь на меня, дорогой друг Alexandrine, что долго не писал вам в ответ на ваше последнее письмо[1], которое не только не рассердило меня, как вы предполагаете, но тронуло. Я вижу и знаю, что вы для меня желаете лучшего на свете, того самого, чего я сам желаю всеми силами души. Извините меня тоже за то, что это письмо будет только два слова. Я все это последнее время нездоров — приливы к голове, мешающие мне работать. Теперь мне лучше. Жена здорова и дети. Целую вашу руку.

Ваш Л. Толстой

132. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 15 и 20 апреля 1877. Ясная Поляна

Благодарю вас, дорогой друг Alexandrine, что вы помните и любите нас. Я ужасно занят и пользуюсь первым свободным (и то несвободным) днем, чтобы написать вам несколько слов[1]. Боюсь писать о том, о чем хотел, потому что это далеко завлекло бы меня. Я хотел писать вам, возражая на замечания, которые вы мельком сделали на мое писанье[2]. Они меня обидели, и я хотел доказать, что я всегда прав, что бы я ни написал. Но хорошо, что я тогда не отвечал вам. Я именно это бы стал доказывать. В ту минуту, как мы пишем, мы бываем очень щекотливы. Теперь же я не пишу. Все отослано и стоит только поправить. Напротив, пожалуйста, делайте мне замечания, и побольше и построже. Мне слишком хвалят, или я не слышу, как меня бранят. А вашими замечаниями я дорожу. Вы говорите: *В. Весловского* не надо высылать[3]. А если во время обедни придет к вам в церковь англичанин в шляпе и будет смотреть образа, вы, верно, найдете очень справедливым, что камер-лакеи выведут его. —

Как мало занимало меня сербское сумашествие и как я был равнодушен к нему, так много занимает меня теперь настоящая война и сильно трогает меня[4]. —

Жена хотела писать вам[5], не знаю, успеет ли с этой почтой. Она опять стала хворать. Дети здоровы.

Передайте наш душевный привет вашим. Целую вашу руку.

Ваш Л. Толстой

133. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ и С.А. ТОЛСТОЙ

22–24 мая 1877. Царское Село

Царское Село
22-го мая
1877 г.

Милые друзья Sophie и Léon, посылаю вам свою запоздалую благодарность за ваши последние письма. Особенно благодарю *вас*, душка Sophie. Вы знали, чем меня порадовать, и *действительно* порадовали. Одно нехорошо — это ваше личное поведение. Я мысленно беспрестанно пичкаю вас молоком, теплым воздухом, спокойствием и хорошим beeftea*. Все это приправлено таким горячим желанием, чтобы здоровье ваше поправилось, что мне кажется, оно и не может быть иначе. Дай-то Бог! Ваше милое письмо во всех отношениях было мне по сердцу. Я так люблю вашу искренность. Она первая бросилась мне в глаза при нашем свидании, а теперь я еще яснее вижу, сколько она вам присуща. Касательно Васиньки Весловского я от души смеялась, что мое полушуточное и вскользь сделанное замечание могло произвести сумбур и неудовольствие[1]. Ой, ой, ой, господа литераторы, как вы действительно тонкокожи! Но если толковать об этом серьезно, то я не отступаю от своего мнения. При свидании я бы его поддержала по пунктам, особливо после ваших слов, chère Sophie**, что Левин для сохранения семейного счастья готов бы даже убить человека[2]. Да это так и случается сплошь да рядом, но насколько подобные выходки упрочивают счастье — это еще вопрос. В моем уме Левин и Kitty принадлежат к другой категории людей. Вот почему изгнание Васиньки мне показалось грубым,негостеприимным и нелогичным, то есть не имеющим raison d'être***. Васинька был вовсе не опасен для Kitty, и Левин не мог этого не сознавать. Несправедливую и безумную ревность Левина можно допустить, понять и извинить, но отнюдь не выставлять акт изгнания в виде аксиомы или исполнения долга или какого-то *права*. Тут мы совершенно расходимся. — Этими мелкими средствами ничего не спасешь. Довольно я нагляделась на разные ménages**** и, как наблюдательница, могла бы представить целую массу курьезных замечаний. Положим, что я сужу об этом как слепой об крас-

---

* крепким бульоном (*англ.*).
** дорогая Софи (*фр.*).
*** основания (*фр.*).
**** супружеские пары (*фр.*).

ке — но неужели в самом деле надобно быть непременно действующим лицом, чтобы понять вполне все оттенки? Может быть и так. — Как мне хочется часто с вами поговорить и даже поспорить. На днях видела кого-то, кто мне говорил о пребывании Léon в Москве[3] и о том, как он критикует все, что делается теперь по случаю войны[4]. Напрасно — очень напрасно. А мне общество никогда не казалось так мило, как теперь. Все работают так тихо, смиренно и без всякой суеты. Слияние всех классов образовалось без всякой натяжки. Все пропитаны таким единодушным духом, что никому в голову не приходит гордиться или превозноситься своими личными действиями или пожертвованиями.

24-го. Письмо мое было прервано именно той работой, которую вы презираете, милый Léon. А затем вчера вечером мы прочли у Императрицы[5] апрельскую книжку «Русского вест⟨ника⟩», то есть передпоследнюю часть «Анны Карениной»[6], — и все любовались и удивлялись, как вы отлично и верно схватили тип тех последователей и обожательниц Радстока[7], которые, не поняв сущности его и без того неполного учения, исковеркали и себя и религию до невозможности. Но появление ясновидца Archer возбудило всеобщий хохот[8], — потому что я всю эту зиму была жертвою этого сумасшедшего, который, познакомившись со мною в Крыму, когда еще был относительно здоров, преследовал меня несколько месяцев сряду невозможными письмами. Жаль, что некогда все это рассказывать. Прощайте, милые друзья, сейчас жду к себе маминьку, которая переезжает на лето в Царское с сестрой и братом[9]. — Обнимаю вас от души, не забывайте меня.

А. Т.

134. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

31 декабря 1877. Петербург

31-го декабря
1877
П⟨етер⟩б⟨ур⟩г

Милый друг Léon, вы совсем меня позабыли, а у нас было много такого, что мешало писать.

Последнее — это болезнь маминьки, которая захватила нас, как вихрь, и потом исчезла почти с такой же быстротой, то есть исчезла опасность, которая казалась неминуемой. — Все это было так быстро,

так страшно и так *хорошо*, что не берусь рассказывать пером, а когда-нибудь расскажу при свидании, если Бог приведет к этому. Брат говорил мне, что вы почти обещали побывать в Петербурге[1] нынешней зимой. Я все-таки не надеюсь на приезд, quoique ce serait le moment ou jamais*. Ваше родственное сердце порадовалось бы, глядя на выздоровление маминьки. Более месяца прошло уже с тех пор, как она занемогла, и мы с счастьем следим за ежедневными успехами ее выздоровления. Несмотря на ее 82 года, мне кажется, что она бодрее, чем была прежде болезни. Свежесть ее головы и всех *духовных* сил поразительна. Сначала она немного противилась возвращению к жизни, но теперь наслаждается нами, ее старыми детьми, как будто малыми младенцами. Как бы она обрадовалась вам! Никакое чувство в ней не погасло, а вас она всегда особенно любила. —

Я сама была очень больна более трех месяцев, начавши хворать еще в августе. В октябре мне стало чуть-чуть лучше, и я даже могла довезти мою Великую княгиню до Парижа[2], откуда она отправилась в Мальту к мужу[3]. В ненавистном мне Париже пробыла 10 дней, сама не знаю почему, просто par inertie et ineptie**. Болезнь всё еще гнездилась во мне и развернулась вполне в Бадене, где я пробыла целый месяц в надежде поправиться. Видя, что дело идет худо, я вернулась домой — но здесь мне еще сделалось хуже, и я так страдала, что совершенно собралась умирать, тем более что ни доктора, ни я решительно не понимали, что такое во мне — а я уже обратилась в сухую мумию. Страх за маминьку вдруг так перевернул меня, что я после страшного припадка внезапно выздоровела или почти выздоровела. — Много в это время было передумано, и маминька, и я, и все мы обогатились новыми и неотразимыми доказательствами милосердия Божия. —

Вот вам про нас — теперь дело за вами. Напишите, как всё у вас состоит, — как действовала осень и действует зима на здоровье Sophie, которую обнимаю нежно. Что дети? Все ли здоровы и вы сами? Страшный 77-й год заканчивается для России несколько получше[4], но что будет далее? —

Дай Бог и вам всего лучшего, хотя без борьбы не обходится ни в больших, ни в малых кружках. Да хранит вас Господь.

Ваша А. Т.

---

* хотя это было бы самое время (*фр.*).

** по инертности и глупости (*фр.*).

1878

135. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А. А. ТОЛСТОЙ

3 января 1878. Ясная Поляна

Получил от вас письмо, дорогой друг, в то самое время, как мне уже становилось тяжело наше разъединение и я сам собирался писать вам. В этот промежуток молчания и вы и я — мы одинаково пережили тяжелое время, и для обоих оно кончилось хорошо. От души радуюсь, что тетушка Прасковья Васильевна хорошо перенесла свою болезнь. Понимаю и чувствую ваше положение во время этой болезни. Даже и в том, что вы были больны, есть сходство со мной. Я всю эту осень и вот до вчерашнего дня чувствовал себя больным и падающим телом и духом, и тоже не мог бы сказать (у докторов я и не спрашиваю), что со мной было, — но я был болен. Надеюсь, что теперь это прошло. Тревоги же и страхи мои были за жену. Она была беременна и, не говоря о ее и моем страхе, очень естественном после потери 3-х детей[1], она действительно особенно тяжело носила и последнее время не могла ходить. Кончилось же, благодарю Бога, тем, что 6-го декабря у нас родился славный мальчик[2], которого назвали Андреем, и до сих пор и он и она так хороши, как только можно желать. И старшие дети так много мне доставляют радости, что те заботы о воспитании и страхи о дурных наклонностях и болезнях незаметны. Даже теперь сменяю гувернера[3], влюбившегося в англичанку и, кроме того, измучавшего нас своим несносным характером. Детей моих я желал бы вам показать, — не то, чтобы они были очень хороши, а мне не стыдно было бы, и хотелось бы знать ваше мнение. Я воспользуюсь всяким случаем, который приведет меня в Петербург[4], и вы, надеюсь, при случае заедете к нам[5]. Не умею сказать вам это ясно, но надеюсь, что вы, испытывая что-нибудь подобное, поймете меня с намека. Я чем дольше живу, тем меньше позволяю себе предпринимать что-нибудь и тем больше покоряюсь тем толчкам, которые руководят нами в жизни. —

Соня просит передать вам, что она чувствует себя виноватой, что не написала вам, и все время хотела это сделать, но то болезнь, то ребенок.

Поздравляю вас[6] за себя и за нее и целую вашу руку. — Буду очень счастлив, если судьба приведет меня в Петербург. Целую руку у вашей матушки и душевный привет графу Илье и Sophie, которую, к моей

большой радости, моя Соня ужасно полюбила. Вот сейчас вспомнил, что ваше письмо ко мне, кроме того внутреннего, сердечного смысла, который оно имеет для меня, есть, может быть, и один из тех толчков, про которые я сейчас говорил. У меня давно бродит в голове план сочинения[7], местом действия которого должен быть Оренбургский край, а время — Перовского[8]. Теперь я привез из Москвы целую кучу матерьялов для этого[9]. Я сам не знаю, возможно ли описывать В.А. Пер⟨овского⟩ и, если бы и было возможно, стал ли бы я описывать его, но все, что касается его, мне ужасно интересно, и должен вам сказать, что это лицо как историческое лицо и характер мне очень симпатично. Что бы сказали вы и его родные? Не дадите ли вы и его родные мне бумаг, писем?[10] с уверенностью, что никто, кроме меня, их читать не будет, что я их возвращу, не переписывая, и ничего из них не помещу. Но хотелось бы поглубже заглянуть ему в душу.

136. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

12 января 1878. Петербург

12-го января
1878

Милый друг, поздравляю вас и Sophie с новым членом семейства и вполне убеждена, что из всех ваших детей выйдут хорошие люди. Как я рада, что у вас все опять пошло на лад. Только еще беспокоюсь за вас. Канунное ваше выздоровление не кажется мне удовлетворительным, и я прошу вас успокоить меня на этот счет. У нас, слава Богу, также все идет хорошо. Маминька становится бодрее, и я с каждым днем все более и более возвращаюсь к своему прежнему состоянию.

Никто лучше меня не может понять того, что вы говорите об *толчках*[1]. Вот уж много лет, что я действую по этому принципу, хотя тут и есть маленькая опасность впасть в фатализм, а если еще замешается хоть крупинка лени, то, разумеется, легко соскочить с рельсов и ошибиться в правильности наших действий. От этого я почти всегда спасаюсь молитвой, — и сколько, сколько раз мне было доказано, что это средство не обманывает. До сих пор я никогда не верила настоящим образом в ваш приезд сюда, но после получения вашего последнего письма, вообразите себе, я вполне убеждена, что вы приедете, и даже скоро. И действую en conséquence*. Готовлю все, что имею писанного мате-

*сообразно с этим (*фр.*).

риала, и поставила на ноги ленивого Бориса[2], чтобы и он сыскал — все, что осталось после брата. К сожалению, это немного. Покойный граф имел привычку все сжигать — но словесный матерьял даст вам полную возможность взглянуть в эту душу и эту натуру, в которой все было à *grands traits**, качества и недостатки. Брат мой может вам сообщить многое[3] об его служебной деятельности, а за остальным приезжайте ко мне и не опасайтесь, что я буду пристрастна в своем отчете. Правда все-таки дороже всего. — Помню, что я уже много рассказывала вам про графа во время òно, но это так давно, и тогда мой внутренний взгляд был еще не тот, что теперь. Многое выясняется с годами и становится рельефнее. Все мое семейство, маминька en tête**, ужасно обрадовались, когда я им подала надежду вас увидеть. Не обманите ни их, ни меня. Брат вас просит прямо въехать к нему[4], Моховая 18. Помещение не роскошное, но вы за этим не погонитесь. А я уже заранее запираю свои двери всем intrus*** и просиживаю с вами все предобеденные часы, затем отправляемся вместе обедать к маминьке, и так далее. — Мне кажется, что мы не переговорим никогда всего, что хочется и нужно сказать. Если возможно, не откладывайте, милый друг, этот момент так удобен и жизнь коротка, а дружба все-таки чего-нибудь да стоит. Рассчитываю на дорогую Sophie[5], которая обещала мне *прислать* вас сюда. Покамест обнимаю ее и вас. До *верного* свидания.

137. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

27 ⟨?⟩ января 1878. Ясная Поляна

Ваше сомнение, дорогой друг, насчет моего накануне выздоровления было, к сожалению, слишком справедливо[1]: я продолжаю хворать и недавно — дня четыре — встал с постели; и от этого только так долго не отвечал вам и вашему брату[2]. Очень, очень вам благодарен за ваше обещанье дать мне сведения о Перовском. Ваше обещанье было бы для меня большой заманкой для петербургской поездки, если бы кроме этого у меня не было сильнейшего желания побывать в П⟨етер⟩б⟨ур⟩ге. Желанье это уже дошло до maximum, теперь нужен толчок... А толчка этого нет, даже скорее толчки обратные, в виде моего нездоровья...

---

* крупным (*фр.*).
** во главе (*фр.*).
*** непрошенным (*фр.*).

Буду ждать. Перовского личность вы совершенно верно определяете — à grands traits*, — таким и я представляю себе; и такая фигура — одна наполняющая картину; биография его — была бы груба, но с другими противуположными ему, тонкими, мелкой работы, нежными характерами, как Жуковский даже, кот⟨орого⟩ вы, кажется, хорошо знали[3], и с другими, а, главное, с *Декабристами*[4] — эта крупная фигура, составляющая тень (оттенок) к Ник⟨олаю⟩ Павл⟨овичу⟩[5] — самой крупной и à grands traits фигуре, выражает вполне *то время*. — Я теперь весь погружен в чтение из времен 20-х годов и не могу вам выразить то наслажденье, которое я испытываю, воображая себе это время. Странно и приятно думать, что то время, кот⟨орое⟩ я помню, 30-е года — уж история. Так и видишь, что колебание фигур на этой картине прекращается и все устанавливается в торжественном покое истины и красоты... Я испытываю чувство повара (плохого), который пришел на богатый рынок и, оглядывая все эти к его услугам предлагаемые овощи, мяса, рыбы, мечтает о том, какой бы он сделал обед!.. Так и я мечтаю, хотя и знаю, как часто приходилось мечтать прекрасно, а потом портить обеды или ничего не делать. Уж как пережаришь рябчиков, потом ничем не поправишь. И готовить трудно и страшно... А обмывать провизию, раскладывать — ужасно весело! —

Молюсь Богу, чтобы он мне позволил сделать хоть приблизительно то, что я хочу[6]. Дело это для меня так важно, что, как вы ни способны понимать все, вы не можете представить, до какой степени это важно. Так важно, как важна для вас ваша вера. И еще важнее, мне бы хотелось сказать. Но важнее ничего не может быть. И оно то самое и есть.

Целую руки у вашей матушки и дружески жму вашу руку.

Ваш Л. Толстой

138. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

3 февраля 1878. Петербург

Не раз я уже замечала, что сердце мое вещун. Вот и теперь я наверное *знала*, что вы больны, милый друг Léon. К сожалению, вы не пишите, чем именно больны — подробности вашего недуга, может быть, и успокоили бы меня. Буду ждать еще известий — mais quoique vous

* большого размаха (*фр.*).

cherchiez à me décourager*, — моя вера в ваш приезд вовсе не поколебалась, — опять-таки мне *видится* этот приезд. А покамест я собрала и собираю еще для вас разные чудесные крохи, и когда вы их проглотите, то увидите, что эта единичная фигура гр⟨афа⟩ Пер⟨овского⟩, которой очертание представляется вам издалека несколько грубою, совершенно преобразится в ваших глазах, и вы взглянете на нее совершенно иначе. Сколько в ней оттенков невыразимой деликатности, нежности и даже поэтичности, это вы все поймете при нашем свидании. Я вам истинно благодарна за то, что вы меня вызвали на этот пересмотр. Сначала меня это очень волновало по многим причинам — и кроме всего другого я чувствовала, что теперь буду *судить* то, что прежде только *любила*, хотя и никогда не имела способности любить с закрытыми глазами. Чем дороже нам человек, тем яснее, кажется, поражают нас его недостатки, все равно как больной. Близок он нам — мы приглядываемся к малейшим проявлениям, а если не близок, то мы довольствуемся сведениями об его общем состоянии. Не так ли?

Еще я боялась потерять quelque chose de la poudre d'or qui reste sur nos souvenirs**, но вышло иначе. Чем больше я читала, тем успокоительнее и утешительнее становилось мое чувство. Я *знаю* теперь, что то, что я любила, была *правда* — и напрасно я говорю об этой привязанности, как о нечто прошедшем; 20-ть лет разлуки[1] ничего не изменили, а близость свидания окрашивает это чувство новым и ярким светом. Конечно, я не могу совершенно понять, почему вы смотрите на это новое сочинение sous un point de vue si grave***, но мне кажется, что я до некоторой степени все-таки угадываю вашу мысль. Мне представляется, что ваша преобразившаяся душа хочет высказаться в той или другой рамке. Если не так, скажите, и я буду жалеть, что ошиблась. А отчего вы выбрали именно эту эпоху, мне разумеется, неясно, но очень нравится. —

У нас, слава Богу, все благополучно. От всей души желаю вам того же. — Будь я сколько-нибудь свободна, я тотчас бы поехала к вам со всеми моими письмами и тетрадями, не выжидая никакого толчка, кроме толчка дружбы и желания вас видеть. Но оставлять теперь маминьку, даже на неделю, просто невозможно. —

---

* но хотя вы стараетесь меня обезнадежить (*фр.*).

** тот золотой налет, которым отмечены наши воспоминания (*фр.*).

*** так строго (*фр.*).

Об Жуковском я вам также представлю множество прелестных и в печати не бывших вещей. Вот еще толчок, и право не откладывайте, если есть хоть тень возможности. Обнимаю вас всех и говорю — до свидания.

3 февр⟨аля⟩ 1878 г. Т.

139. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 12 и 20 февраля 1878. Ясная Поляна

Я виноват перед вами, дорогой друг, за то, что долго не отвечал на участливое письмо ваше. Я был нездоров почти всю половину зимы простудами разного рода, повторявшимися одна за другой, и оттого общим упадком сил — физической и духовной слабостью. Теперь уже недели две мне лучше, и я был в Москве[1] и не простудился. Совестно и ужасно неприятно говорить про себя, но вы того хотели.

В Петербург я все собираюсь и, если Бог даст, приеду на первой или второй неделе. И чем больше эта поездка реализируется, тем мне радостней становится; но все заманки ваши, как ни важны они мне, не весят ничего в сравнении с тем общим удовольствием, которое я себе обещаю. — Самое лучшее будет — играть в карты с тетушкой Прасковьей Васильевной, если меня допустят. У меня в семье все, слава Богу, очень хорошо. От всей души желаю вам того же, и до свиданья. Целую вашу руку.

Ваш Л. Толстой

140. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

10 марта 1878 г. Петербург

Я вспомнил, что нынче лекция Соловьева[1] — и лекция, как мне говорили, самая важная, и я еду на нее[2]. Мне кажется, что вы хотели послушать его. Не поедете ли вы. Это происходит в здании Соляного Городка[3]. Записку эту передаст мой меньшой шурин[4]. Если вам нужно что ответить, ответьте на словах.

Л. Толстой

141. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

14 марта 1878. Петербург

Voulez-vous savoir ce que vous avez laissé après vous, mon cher Léon?

1

???

Autant et plus de questions encore que je voulais vous adresser et qui sont restées les pieds en l'air. –

2

La sensation d'une personne qui aurait très soif et à laquelle on offrait de l'eau dans une cuillère à thé – ou bien affamée comme un caniche et voyant qu'on lui retire l'assiette au moment où elle allait attaquer un bon morceau. –

3

Une métempsycose qui s'opère sur un être qui vit encore. L'âme de furet de Barténieff a positivement remplacé la mienne. Je ne vois plus les gens qu'à travers le désir de leur arracher une information quelconque qui puisse vous intéresser. –

4

Les remords d'une conscience délicate qui s'aperçoit trop tard qu'elle a parlé modes, promenades et babioles à une personne prise des douleurs de l'enfantement. La femme en couches représentée en cette occasion par un romancier.

5

La bonne, la profonde conviction que l'amitié est sujette à l'accroissement comme la foi et comme elle aussi ne peut pas mourir dès qu'elle est assise sur un certain terrain, où il vient des plantes de mille especes, mais qui toutes sont arrosées de la *même* source et réchauffées par le *même* soleil.

6

L'etonnement de trouver quelque part au fond du sac des objets qui n'y étaient pas et que vous y avez mis. – La sensation d'un pauvre enrichi. –

7

Une vive reconnaissance à Dieu pour ces quelques journées rapides qui s'allongent et se prolongent par tous les mécanismes du cœur et de la pensée.

8

Et enfin the last but not the least — tous les miens vous aiment et vous avez fait du bien à chacun. Boris Peroffsky est comme Calipso — inconsolable de votre départ. —

Total: affection, affection et encore affection — voilà ce que vous avez laissé après vous.

Sur ce je vous embrasse, mon cher Léon, vous, votre femme et vos enfants. Si les ailes me poussent un jour, je vous arriverai sous la forme d'un vieux papillon fauve. J'espère que vous me reconnaîtrez. Convenez pourtant que je suis une бодрая старушка, malgré tous les ravages du temps que vous avez constatés. —

Je compte que vous m'écrirez pour me dire, comment vous avez trouvé tous les vôtres, mais moi je ne le ferai que si je parviens à réunir quelques matériaux pour vous. Il faut vous laisser tranquille, n'est-ce pas?

Adieu encore, mon cher ami, et merci mille fois.

Votre vieille бабушка
А. Тол⟨стая⟩

14 mars
1878.

⟨*Перевод*:⟩

Хотите знать, чтó вы оставили после себя, дорогой мой Лев?

1

???
Вот столько, если не больше, вопросов я собиралась вам задать, но все они так и повисли в воздухе. —

2

Ощущение человека, мучимого жаждой, которому предложили воды в чайной ложке, или же голодного, как собака, у которого отнимают тарелку в тот момент, когда он собирается приняться за лучший кусок. —

3

Метемпсихоз[1], происходящий в еще живом существе. Душа проныры Бартенева[2] положительно переселилась в меня. Я смотрю на людей только сквозь призму желания выведать у них какое-либо сведение, могущее вас заинтересовать. —

4

Угрызения чуткой совести у человека, который немножко поздно заметил, что он говорил о моде, о прогулках и о разных пустяках с женщиной, охваченной предродовыми муками. Родильницей в данном случае был некий романист.

5

Хорошее, глубокое убеждение, что дружба, как вера, способна расти и, так же как она, не может умереть, когда она попала на почву, на которой растут тысячи растений, разнообразных, но орошенных *одним и тем же* источником и согреваемых лучами *одного и того же* солнца.

6

Изумление при находке где-то на дне мешка предметов, которых там раньше не было и которые вы туда положили. — Ощущение внезапно разбогатевшего бедняка. —

7

Горячая благодарность Богу за эти несколько мимолетных дней[3], которые живут и будут жить и в сердце, и в мыслях.

8

И наконец — the last, but not the least*, — все мои вас любят, с каждым из них вы были добры. Борис Перовский, как Калипсо[4], неутешен после вашего отъезда. —

Итог: любовь, любовь и еще любовь, — вот что вы оставили после себя.

Затем, целую вас, милый мой Лев, вашу жену и детей. Если в один прекрасный день у меня вырастут крылья, то я явлюсь к вам под видом старого бурого мотылька. Надеюсь, вы меня узнаете. Согласитесь все-

---

* последнее, но не менее важное (*англ.*).

таки, что я еще *бодрая старушка*, несмотря на все опустошения, нанесенные временем, которые и вы заметили. —

Надеюсь, вы мне напишете и расскажете, как вы застали ваших. Что касается меня, то я вам напишу только тогда, когда соберу для вас кое-какой материал. Пора вас оставить в покое, не так ли?

Еще раз прощайте, дорогой мой друг, и тысячу раз спасибо.

Ваша старая *бабушка*
А. Тол⟨стая⟩

14 марта
1878 г.

142. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

14 ⟨?⟩ марта 1878. Ясная Поляна

Прочел письма к вам и посылаю их[1], понимая, как вы ими должны дорожить. Я нашел в них больше того, что я искал. Многие, особенно из Крыма[2], прелестны и чрезвычайно трогательны. Дома нашел все благополучно и привез самое приятное воспоминание о проведенных с вами днях — теплое, твердое и спокойное. Желаю, чтобы и я вам оставил такое же впечатление[3].

То, о чем я просил вас узнать — разведать, еще больше чем прежде представляется мне необходимым теперь, когда я весь погрузился в тот мир, в котором я живу. *Надобно, чтоб не было виноватых*[4].

Искренно любящий вас друг

Л. Толстой

143. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

31 марта 1878. Петербург

31 mars
1878

Ne m'en voulez pas, cher Léon, si je ne puis vous fournir encore les renseignements que vous souhaitez. C'est beaucoup plus difficile à obtenir que je ne le croyais — la mort ayant balayé à peu près tous les personnages de cette époque. Le vieux Adlerberg est malheureusement d'une discrétion féroce, — son fils également. Reste Souvoroff qui, certes, n'est pas atteint

de la même vertu désagréable, mais outre qu'il n'était qu'un gamin dans ce temps-là, il est si sourd que je ne puis l'interroger sur des sujets aussi délicats aux soirées Impériales où je le rencontre. Cependant il a promis de venir chez moi un de ces jours et si je parviens à en tirer quelque chose, je vous le servirai tout chaud. Quelqu'un m'a dit dernièrement que c'est le Prince Чернышев, alors aide-de-camp général de l'Emp⟨ereur⟩ qui a insisté le plus sur la nécessité de l'exécution, mais je vous le donne sous toute réserve et ne voudrais pas souiller gratuitement une mémoire quelconque. D'ailleurs, ce que vous cherchez, ce sont les innocents et non les coupables. Dans le fait, je suis sûre qu'il n'y a eu que des coupables involontaires ou des sots, ce qui revient au même. Avec votre sentiment d'équité, il vous sera facile de vous placer sur le terrain de l'époque. Les *nuances* ont alors échappé à tout le monde, et il a fallu des années pour les apprécier.

Je ne puis vous rendre le plaisir que m'a fait votre portrait, cher ami. Il est excellent quoique un peu farouche. Je l'ai placé sur cette même table devant laquelle nous avons tant causé, et me suis fabriqué ainsi une innocente petite illusion. — Как будто портрет досказывает все, что было прервано вашим отъездом, и как будто я сама понимаю теперь, après coup, гораздо яснее все, что вы говорили. En général, j'aimerais fort à faire un petit voyage non pas *autour*, mais en *dedans* votre tête, et si la chose était faisable, je vous préviens que j'aurais creusé et fouillé comme un minéralogue dans tous les recoins, descendant ensuite sur la pointe des pieds dans la région du cœur, car c'est là que sont les *diamants*. Je vous remercie aussi pour le renvoi de mes chères lettres qui sont pour moi des êtres vivants. Au soin avec lequel elles étaient enveloppées et cousues, j'ai cru reconnaître la main de ma chère Sophie, et je l'embrasse tendrement pour la peine qu'elle a prise. Quand aurai-je les cartes des enfants et de leur mère? Toute cette collection m'est indispensable. —

La politique est noire comme l'encre de l'excellent Aksakoff, et je sens continuellement dans mes côtes l'épée à deux tranchants. Quelquefois il me semble que nous sommes tous submergés, et je ne sais pas si vous saisirez bien tout ce qu'il y a de difficile dans cette lutte intérieure qui est presque comme celle de la conscience. Mais... «*Dieu voit dans la nuit noire la fourmi noire sur la pierre noire*». C'est un verset du Coran qui pourrait, par sa signification, se trouver tout aussi bien dans la Bible. Oui, qu'il nous suffise de savoir qu'Il voit tout et que c'est Lui qui décide de tout.

Je vous dois un petit épisode. Dernièrement, je déjeunais chez l'Emp⟨ereur⟩ à côté de notre petit Bismarck et, malicieusement, j'ai voulu sonder son opinion

sur vous. Mais à peine eus-je prononcé votre nom, qu'il est parti au galop le plus enthousiaste, voltigeant de gauche et de droite avec les détails de vos perfections, et tant qu'il faisait votre éloge à tour de bras — à coups d'épée, de fusil et de canon, c'était très bien portant son cachet individuel; mais voyant que je l'écoutais avec intérêt et attention, mon homme a pris le mors aux dents et s'est lancé dans une apothéose psychologique, arrivé au sommet de laquelle il a commencé à barbotter et s'est embourbé si profondément dans ses propres paroles, tout en mâchant une bonne côtelette dont il ne voulait rien perdre, que je n'ai plus aperçu que le bout de ses oreilles, de ses deux *grandes* oreilles. Quel dommage que je ne sache pas vous le rendre littéralement, mais le moyen!

Ce n'était plus qu'un son confus
De sons et de paroles brisées.

Mais voilà que moi aussi, je prends le mors aux dents, comme l'ami Bistrom. Au lieu de quelques lignes — трах! et voilà une épître d'un mètre de longueur. Mais ne vous effrayez pas, cela n'arrivera plus. Je compte, au contraire, vous traiter avec tous les égards dûs à une femme en couches. J'ai si envie que votre nouvel enfant littéraire n'ait pas besoin de plus de neuf mois pour venir au monde. Seulement, comment ferons-nous? Je me cabre contre l'idée d'une séparation dans la séparation, et cela deviendra ainsi si notre correspondance s'interrompt, de ma part par délicatesse et égoïsme, de la vôtre — faute de temps. Enfin, faites comme vous l'entendez, mais ne perdez pas de vue que je vous aime beaucoup et que je tiens à être aimée aussi, не по достоинству, а так, по фантазии сердца. Это вернее. Tout va bien chez nous, Dieu merci. Гончаров est inconsolable et outré contre moi de ne vous avoir pas vu. Il veut vous écrire. En général, tout le monde s'en prend à moi comme si j'étais votre cornac. Je vous serre la main.

Бабушка

⟨*Перевод:*⟩

31 марта
1878

Не сердитесь на меня, дорогой Лев, что до сих пор не могла доставить нужные вам сведения. Достать их гораздо труднее, чем я думала, так как смерть смела почти всех действующих лиц этой эпохи. Старик Адлерберг[1], к сожалению, жестоко осторожен; сын его[2] точно так же. Остается Суворов[3], который, конечно, не обладает этой неприятной добродетелью, но помимо того, что в те времена он был мальчишкой, он

так глух, что я не могу расспрашивать его о таком щекотливом вопросе на вечерах у Государя, где мы с ним встречаемся. Однако он обещал прийти ко мне на этих днях, и то, что мне удастся узнать, я передам вам прямо с пылу. Кто-то мне недавно говорил, что князь *Чернышев*, — в то время генерал-адъютант императора, более всех настаивал на необходимости казни[4], но я сообщаю вам это, не ручаясь за достоверность, и мне не хотелось бы понапрасну чернить чью бы то ни было память. К тому же, вы ведь отыскиваете не виновных, а невинных. Я уверена, что на самом деле были только невольные виновники или глупцы, что в сущности одно и то же. С вашим чувством справедливости вам будет легко ориентироваться в этой эпохе. *Оттенки* ускользнули тогда от всех, и нужны были целые годы, чтобы оценить их по достоинству.

Я не могу вам выразить, как мне было приятно получить ваш портрет[5], дорогой друг. Он великолепен, хотя вы на нем немножко свирепы. Я поставила его на тот самый стол, за которым мы столько раз беседовали, и таким образом создала себе невинную маленькую иллюзию. — *Как будто портрет досказывает все, что было прервано вашим отъездом, и как будто я сама понимаю теперь* задним числом *гораздо яснее все, что вы говорили*. Вообще мне очень бы хотелось совершить небольшое путешествие не *вокруг*, но *внутрь* вашей головы, и, если бы это было осуществимо, предупреждаю вас, я стала бы, как минеролог, исследовать и обыскивать все уголки, затем спустилась бы на цыпочках в область сердца, так как *алмазы-то* именно там. Я вам очень благодарна за присылку моих дорогих писем[6], которые для меня то же, что живые существа. По заботливости, с которой они были завернуты и зашиты, я вижу, что это было сделано руками моей дорогой Sophie, нежно целую ее за этот труд. Когда я получу карточки детей и их матери? Вся эта коллекция мне необходима. —

Политика черна, как чернила милейшего Аксакова, и я постоянно чувствую в груди обоюдуострый меч. Временами мне кажется, что мы все погибли, и я не знаю, почувствуете ли вы всю тяжесть этой внутренней борьбы, которая подобна угрызению совести. Но... «*Бог видит черной ночью черного муравья на черном камне*»[7]. Это стих из Корана, но по своему значению он легко мог бы быть в Библии. Да, нам достаточно знать, что Он видит все и все решает.

Я должна рассказать вам интересный случай. На днях я была на завтраке у Государя и сидела рядом с нашим маленьким Бисмарком[8]. Мне захотелось осторожно выведать его мнение о вас. Но не успела я произ-

нести ваше имя, как он словно с места сорвался и понесся в безудержном галопе, вольтижируя вправо и влево подробностями ваших совершенств и как горохом засыпая нас восторженными похвалами вам. На всем, конечно, был его личный отпечаток — это само собою разумеется, но видя, что я слушаю с большим интересом и вниманием, собеседник мой закусил удила и ударился в психологический апофеоз, достигнув вершины которого, зарапортовался и окончательно запутался в словах, одновременно жуя вкусную котлетку, которой все-таки не хотел забыть, так что я видела только кончики его ушей, его двух *громадных* ушей. Жаль, что я не могу передать вам это дословно, но что поделать!

Все это стало смутным отголоском
Разбитых звуков или слов.

Кажется, и я закусила удила по примеру нашего друга Бистрома. Вместо нескольких строчек — *трах!* и вот целое аршинное послание. Но не пугайтесь; этого больше не будет. Я думаю, наоборот, окружить вас всеми заботами, необходимыми женщине на сносях. Мне так бы хотелось, чтобы вашему новому литературному детищу не потребовалось более девяти месяцев для появления на свете. Только как это сделать? Я восстаю против мысли о двойной разлуке, а она неминуемо произойдет, если наша переписка прекратится, из-за эгоизма и деликатности с моей стороны, и за недостатком времени с вашей. Словом, поступайте так, как найдете нужным, но не забывайте, что я вас очень люблю и мне хочется быть тоже любимой *не по достоинству, а так, по фантазии сердца. Это вернее*. У нас, слава Богу, все благополучно. *Гончаров* неутешен и сердится на меня, что не видал вас. Он собирается вам писать[9]. Одним словом, все пеняют на меня, как будто я ваш вожак. Жму вашу руку.

Бабушка

144. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

6 апреля 1878. Ясная Поляна

6 апреля

Какое славное письмо вы мне написали, дорогой друг Alexandrine, такое веселое, шипучее. Мне не нужно спрашивать про вас: вы, верно, здоровы и горя у вас нет. Пожалуйста, под предлогом того, что я очень

занят, не лишайте меня большого удовольствия получать ваши письма; во-первых, я ничем не занят[1], а во-вторых, такое осторожное обращение со мной меня ужасает обязанностями, кот⟨орые⟩ это на меня накладывает и главное — глазит. Я и вообще думаю, что из моих начинаний ничего не выйдет. Мне недостает той энергии заблуждения, которая нужна для всякого земного дела, или толчка свыше. У брата Сергея был старик лакей, которому он предложил летом пойти купаться в его купальню. «Нет, сударь, благодарю покорно, я уж откупался». Так и я, мне кажется, уж «отписался».

Я в унылом духе и на это несколько причин: первое и главное — Соня и ребенок нездоровы[2] и вот уже 2-ю неделю все хуже и хуже. Ребенок тает, она мучается, ребенку еще хуже. Нынче берем женщину с ребенком, чтобы испытать другое молоко; и если не поправятся, она поедет в Москву.

Другое вот что: у нас в Туле губернатор Ушаков, легкомысленный, но очень добрый человек, и у него жена, мать 4-х детей, прекрасная женщина, державшая мужа и всю семью. Я их знал немного и очень ценил ее. Третьего дня я был с детьми в Туле делать портреты и платья. Уезжая, я узнал, что лошадь разбила Ушакову и она очень ушиблась. Дома во время обеда мы узнали, что Ушакова убита насмерть. Нынче ее хоронят. Как ни давно известно это, т.е. то, что мы под Богом ходим, это всегда ново и удивительно.

Третье, это ваши петербург⟨ские⟩ дела[3]. Вы пишете, что la politique est noire, comme l'encre de l'excellent Akssakoff*, а по мне elle est rouge, comme le sang du vilain Trepoff**. Мне издалека и стоящему вне борьбы ясно, что озлобление друг на друга двух крайних партий дошло до зверства. Для *Майделя*[4] и др. все эти Боголюбовы[5] и Засулич такая дрянь, что он не видит в них людей и не может жалеть их; для Засулич же Трепов и др. — злые животные, которых можно и должно убивать, как собак. И это уже не возмущение, а это борьба. Все те, которые оправдали убийцу и сочувствовали оправданию, очень хорошо знают, что для их собственной безопасности нельзя и не надо оправдывать убийство, но для них вопрос был не в том, кто прав, а кто победит. Все это, мне кажется, предвещает много несчастий и много греха. А в том и другом лагере люди и люди хорошие. Неужели не может быть таких условий, в которых бы они перестали бы быть зверями и стали бы опять людьми.

---

* политика черна, как чернила милейшего Аксакова (*фр.*).
** она красна, как кровь отвратительного Трепова (*фр.*).

Дай Бог, чтобы я ошибался, но мне кажется, что все вопросы восточные и все славяне и Константинополи[6] пустяки в сравнении с этим. И с тех пор как я прочел про этот суд и про всю эту кутерьму, она не выходит у меня из головы[7]. —

Кончаю просьбой. Вы говорили, что у вас депо гувернанток. Нам нужно хорошо образованную, разумеется, знающую по-французски, англичанку. Жалованья до 1000 рублей. Кроме главных нравственных качеств, желательно как можно меньше прихотливости насчет вещественного комфорта, так как мы им не богаты. Целую вашу руку. Поцелуйте за меня руку тетушки и поклон вашим.

145. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

10–12 апреля 1878. Петербург

10 апреля 1878

Знаете ли вы декабриста Свистунова, который до сих пор жил в Москве, а теперь, говорят, переехал в Тверь? В Твери же находится Матвей Ив⟨анович⟩ Мур⟨авьев⟩-Апостол. Мне говорили об этих людях как об хороших для вас источниках, но, по всей вероятности, вы уже их исчерпали[1], и я делаю вам этот вопрос на всякий случай.

Из достоверного источника:

Перед судом декабристов Государь призывал к себе многих из них в свой кабинет глаз на глаз и спрашивал их, что именно послужило поводом к заговору. Они отвечали, что первоначально не было и мысли сделать переворот и что цель их собраний и общества состояла в том, чтобы делать отпор всем злоупотреблениям и посвятить себя на защиту бессильных и страждущих, но, видя и испытав всю неисполнимость этой задачи при заведенных порядках или беспорядках, мало-помалу они пришли к убеждению, что надобно все перевернуть. Говорят, что Государь был так поражен той частью их исповеди, где касались защиты угнетенных, что именно тогда родилась у него мысль создать корпорацию наблюдателей-жандармов, обязанность которых должна была состоять в том, чтобы открывать правду и восстановлять правосудие. Он тотчас же написал собственноручно устав для жандармов, который и поныне хранится в III-м отделении. Говорят, что, несмотря на утопическую и слишком идеальную сторону этого устава, это chef d'œuvre чувства и благородства. В то время самые лучшие люди рвались поступить в эту корпорацию, и в продолжение двух или трех лет много было сделано добра. Кажется,

скоро будет напечатано донесение одного из тогдашних деятелей, а именно отца всех Жемчужниковых, который был честнейший человек. Увы, что же это за закон нашей природы, что ничто хорошее не может держаться долго! А вы еще не хотите верить существованию нашего врага дьявола. Все это его дело, которому так страшно помогает наша слабость и неправда. —

Сейчас подают мне ваше письмо[2], милый друг, и сердце сильно защемило, прочитав о ваших новых скорбях. Буду беспрерывно беспокоиться, пока вы опять не напишете. — Пожалуйста, не поленитесь — беспокойство мое не фраза, а очень тяжелое чувство. Non, mon cher Léon, je ne suis pas gaie du tout, du tout. Il n'y a pas un atome de gaité dans l'air et je ne crois pas qu'il y ait ici un seul cœur qui ne soit désolé. Si je vous ai écrit quelques bêtises ce n'était pas plus que la flamme d'une allumette. Чиркнула и потухло! Au contraire, je me sens sous l'impression de sentiments si douloureusement nouveaux qu'il me paraît avoir quelquefois la vision d'une colonne noire qui s'avance toujours plus près et plus près. Vous avez bien raison au sujet de cette lutte de deux partis extrêmes — mais comment la conjurer? Le malheur est que ni les bien pensants, ni les fanatiques ne sont appuyés sur aucune base réelle. Ces derniers veulent tout arracher par violence et les autres s'imaginent pouvoir reconstruire un édifice avec leurs propres petits talents et leurs propres petites combinaisons. On creuse, on fouille et on se démène et rien n'aboutit, parce que la pierre angulaire a été mise de côté et la source de la vérité obstruée. Parmi nos grands administrateurs il n'y en a peut-être pas deux auxquels on pourrait parler au nom de la vérité éternelle et de notre responsabilité à tous vis-à-vis de cette vérité. Ils en riraient, non pas méchamment, mais naïvement, sans se douter qu'en puisant à *cette* source ils auraient trouvé et force, et inspiration, et lumière*. Много есть людей умных

* Нет, мой милый Лев, я вовсе, вовсе не весела. В воздухе нет и атома веселья, и я думаю, что не сыщешь ни одного сердца, которое не было бы полно горя. Если я написала вам какую-нибудь шутку, то это было как зажженная спичка — *чиркнула и потухло!* Наоборот, я нахожусь под впечатлением таких горестных и непривычных чувств, что, как видение, мне представляется высокая черная колонна, все ближе надвигающаяся на нас. Вы правы насчет борьбы двух крайних партий, но как ее предотвратить? Несчастье состоит в том, что ни здравомыслящие, ни фанатики не опираются на настоящее основание. Эти последние хотят все вырвать насильем, другие надеются перестроить здание только с помощью своих собственных маленьких дарований и собственных мелких соображений. Копаются, шарят, бросаются из стороны в сторону и не приходят ни к чему, потому что краеугольный камень отложен в сторону и источник правды засорен. Среди наших великих администра-

и остроумных, но мудрых, конечно, нет, потому что мудрость от Бога для тех только, кто ее ищут и желают. — Je passe des nuits d'insomnie à réfléchir à tout ce qui se passe et je n'en sors que par la prière, qui ne me semble plus ma prière personnelle, mais celle de tous — *avec tous*. — Il me semble encore que dans ce moment, plus que jamais, chaque individu isolé doit veiller avec une attention toute particulière sur la pureté de sa vie et de ses intentions et sur chaque mouvement, pour ainsi dire, afin de ne pas grossir la quantité du mal répandu sur notre pauvre globe et duquel nous sommes, sans aucun doute, tous solidaires. Quelquefois je pense avec consolation que l'équilibre se rétablit peut-être dans des coins ignorés où des prières ignorées, mais puissantes et désinteressées s'élèvent pour le genre humain en général et pour notre Russie en particulier. Je pense alors à notre Пимен et à d'autres élus du même genre qui empêcheront la balance d'aller seulement du côté de l'injustice et du mensonge, et ces idées-là sont les seules consolantes qui se présentent à mon âme.

12 avril. J'achève ma lettre deux jours après l'avoir commencée. J'ai été tiraillée de tous les côtés. Cependant j'ai eu le temps d'aller à mon dépôt de gouvernantes et voilà ce que j'ai appris. Il y a quinze jours encore vous auriez pu avoir ce que vous désirez, c'est-à-dire une anglaise parlant bien le français, ce qui est d'ailleurs as rare as the blue bird of happiness. Pour l'heure cet oiseau est placé, mais s'il ne survient aucun changement, vous pourrez l'avoir en automne. Jusque là je tâcherai de faire sa connaissance et vous dirai mes impressions. Son caractère est, dit-on, parfait; elle a 24 ans. Outre le français et l'anglais elle parle aussi l'allemand. Dites, si vous pouvez attendre jusqu'en automne. Adieu, mon cher ami, j'attendrai votre lettre avec impatience. Maman vous embrasse; elle est *très* faible sans être pourtant malade*.

торов не найдешь и двух, с которыми можно было бы говорить, опираясь на правду вечную и на общую нашу ответственность перед ней. Они рассмеялись бы, если не злобно, то, во всяком случае, наивно, не подозревая, что только черпая из *этого* источника, они приобрели бы и силу, и вдохновение, и свет (*фр.*).

* Я провожу бессонные ночи, обдумывая то, что происходит, и выход нахожу только в молитве, которая мне представляется не личной моей — но молитвой общей всех *за всех*. Мне кажется, что именно теперь каждая отдельная личность обязана следить с особым вниманьем за чистотой своей жизни, своих помыслов и каждого своего движения, для того чтобы не умножить собою количества зла, рассеянного на нашем земном шаре, с которым мы, вне сомненья, солидарны. Иногда мне кажется, что равновесие восстановляется, может быть, в неведомых углах, откуда неведомые другим, но горячие и бескорыстные молитвы возносятся за все человечество и за нашу Россию в особенности. Тогда я вспоминаю нашего *Пимена*[3] и ему подобных

146. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

17 или 18 апреля 1878. Ясная Поляна

Все лучше написать несколько слов, чем ничего, и поэтому вы извините меня. Свистунова, Муравьева я знаю[1]. Знаю и план адской мостовой, жандармов[2], и очень благодарю вас за ваши заботы обо мне.

Здоровье жены и маленького получше, но еще не совсем хорошо.

За англичанку очень благодарю, но если бы можно было более подробные о ней сведенья. А ждать мы до осени можем, особенно, если стоит того.

Поздравляю вас и ваших с праздниками и целую вашу руку. —

Искренно любящий вас

Л. Толстой

147. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

4 июля 1878. Царское Село

Милый друг Léon, опять мы с вами разошлись, и мне это чрезвычайно тяжело. Моему молчанию причин целый легион. Из более крупных уномяну следующие: продолжительная и опасная болезнь Императрицы (которая и меня совершенно сломила), поездка моя на границу за В⟨еликой⟩ княгиней Мар⟨ией⟩ Ал⟨ександровной⟩, приехавшей сюда, узнав о нездоровье матери, затем мое собственное нездоровье, питье Карлсбадских вод, утомительное и исключающее всякого рода заня-

---

избранных, которые помогут чаше весов не клониться в сторону несправедливости и лжи, и лишь в этих мыслях нахожу душевное утешение.

12-го апреля. Кончаю письмо мое двумя днями позже. Меня трепали в разные стороны, но, невзирая на это, мне удалось попасть в убежище гувернанток; там я узнала следующее: две недели тому назад вы могли получить то, чего желаете, т.е. англичанку, хорошо говорящую по-французски: впрочем, это — as rare as the blue bird of happiness ⟨редкость, подобная синей птице счастья — *англ.*⟩. Теперь же птица эта уже на месте, но если перемены не произойдет, она освободится к осени. А до тех пор я постараюсь познакомиться с ней и сообщу вам о своем впечатлении. Говорят, что у нее прекрасный характер, что ей 24 года и что, кроме французского и английского, она владеет также немецким языком. Можете ли ждать до осени? Прощайте, мой милый друг; буду ждать вашего письма с нетерпением. Маменька вас целует. Она *очень* слаба, хотя и не больна (*фр.*).

тия и т.д. Всего не перепишешь, да и не к чему. А у вас что, милый друг? Здоровы ли вы все — поправилась ли Sophie и где вы проводите лето? — Все поджидала, что вы мне напишите словечко — mais vous êtes comme l'écho — vous ne repondez que lors qu'on vous parle*. — Моя семья в Царском Селе, где нахожусь и я, все, слава Богу, здоровы. Маминька по-прежнему слаба, но ничем не страдает. —

Еще хотела вам *сказать*, что дело с гувернанткой, к сожалению, не состоялось. Она вдруг изменила свое намерение и уехала куда-то. Я искала другую, и та ускользнула у меня, побежденная великолепными предложениями, сделанными ей одним семейством. К тому же мой *депо* гувернанток страшно заболел, и у меня руки совершенно связаны для новых поисков. Если что представится хорошее, я вам напишу, а вы повторите мне ваши требования и условия. Скажите мне также, продолжаете ли вы писать свой роман[1] и довольны ли вы собой. Вообразите, что по совершенно неожиданным обстоятельствам я все это время возилась с нигилистками, затем с крепостью и Литовским замком[2] и проч. и, что всего страннее для меня самой, я была одушевлена к ним какой-то особенной любовью, особливо к одной из них. Чудная личность, несмотря на свои заблуждения. А что всего лучше, мне удалось до некоторой степени помочь им[3]. Как я была счастлива, и сказать не могу. — Простите, милый, дорогой Léon. Пожалуйста, напишите хоть два слова.

Ваша душой А. Т.

4-го июля
1878.

148. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

19 июля 1878. Царское Село

Mon cher Léon, avant d'avoir reçu votre réponse à ma dernière lettre d'il y a quelques jours je vous écris encore pour vous dire que la jeune personne Anglaise dont je vous ai parlé en premier lieu est libre et disposée à entrer chez vous en automne. Elle n'a même jamais changé d'avis, mais il y a eu des mésententes grâce à la maladie de Miss Lundy qui me l'avait recommandée. (C'est la personne au dépôt.) Depuis lors j'ai entendu son éloge par une famille Пущин où elle est restée deux ou trois ans et qui s'en sépare avec le plus grand regret, uniquement parce que le chef de famille est mort et que

* но вы, как эхо, отзываетесь только, когда вам говорят (*фр.*).

les moyens pécuniers ont diminué. Je vous envois une petite lettre de la dite Anglaise qui s'appelle Matilda Tarquharson (nom écossais). Ce billet est si *hearty* — il m'a donné bonne opinion d'elle et puis vous y trouverez son adresse actuelle et peut-être que vous voudrez lui écrire directement et sans retard.

Ce qui me semble bien aussi c'est qu'elle a déjà passé plusieurs années dans une famille russe qui n'est pas riche. Enfin vous ferez ce que vous voudrez — vous répondez vite soit à elle, soit à moi. Elle voudrait déjà être fixée sur son avenir. —

Chez nous tout le monde va bien. Mille amitiés à vous tous.

Alexandra

19 juillet
1878.

⟨*Перевод*:⟩

Дорогой Лев, не дожидаясь ответа на мое последнее письмо, написанное несколько дней назад[1], пишу снова, чтобы сообщить, что молодая англичанка, о которой я вам писала в том письме, свободна и готова приехать к вам осенью. Не в ее привычках передумывать, но все недоразумения из-за болезни мисс Лонди, которая мне рекомендовала ее (эта особа из депо). Я после этого слышала похвалы в ее адрес от семьи *Пущиных*, где она провела 2 или 3 года; они расстались с ней с великим сожалением и единственно потому, что глава семьи умер, и денежных средств стало меньше. Я посылаю Вам записку от этой англичанки — ее имя Матильда Таркарсон[2] (шотландское имя). Эта записка так *hearty**, она помогла мне составить хорошее впечатление о ней и, к тому же, в ней вы найдете ее нынешний адрес и, может быть, тотчас же напишете прямо ей.

Мне особенно нравится, что она уже несколько лет жила в небогатой русской семье. Вы, конечно, поступайте, как найдете нужным, но напишите скорее ей или мне[3]. Ей хотелось бы быть уверенной в своем будущем. —

У нас все хорошо. Большой привет всем вам.

Александра

19 июля
1878.

---

* сердечна (*англ.*).

149. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А. А. ТОЛСТОЙ

8 или 9 августа 1878. Ясная Поляна

Я кажусь вам очень виноват, но виноват немного. Мы со всей семьей были в Самарской деревне[1], и письма ваши[2] не дошли туда. Я нашел их здесь и очень вам благодарен и еще больше жена. Она еще не опомнилась от дороги. Опомнившись же, напишет сама к miss NN[3], чтобы спросить ее об условиях и в особенности о ее знаниях.

Мы съездили благополучно, что всегда, с моим большим семейством, я принимаю за особенную милость Божью.

Жена ездила преимущественно для того, чтобы поить меня кумысом; я восставал против этого, но покорился и чувствую себя очень бодрым, особенно духовно. Но писать не пишу и не желаю[4]. Едете вы в Крым?[5] Неужели мы не увидимся дорогой?

Целую вашу руку. Поцелуйте за меня руку вашей матушки.

Ваш Л. Толстой

150. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

22 августа 1878. Царское Село

22 августа
1878

Милый друг Léon, я так и думала, что вы в отсутствии, и очень, очень радуюсь, что у вас все обстоит благополучно. Ваше здоровье меня часть беспокоило. После последнего письма моего я имела длинное свидание с молодой англичанкой, об которой к вам писала. Я продержала ее целое утро, pour tâter le terrain*. Она мне чрезвычайно понравилась и, выслушав рассказ об ее молодой и трудовой жизни, я ее просто полюбила, а я ее испытывала с напряженной чуткостью и, кажется, подметила бы, если бы было что-нибудь подметить. Но она проста, откровенна, сердечна. Вот мое личное впечатление об ее нравственной стороне. По-французски говорит хорошо, даже без акцента, но, вероятно, не без ошибок. Мне совестно было экзаменовать ее по-немецки; но она мне сказала, что, проживши несколько лет в Германии, говорит на этом языке совершенно свободно. — Учить детей *всем* наукам она не берется, но

---

*чтобы прощупать почву (*фр.*).

заниматься с ними языками согласна. Насчет музыки также не выдает себя за профессора, хотя и занималась с детьми музыкой в самом элементарном виде — но, кажется, была бы весьма счастлива, если бы ее избавили от этой обязанности. Она, видимо, устала. В последнем доме, где она жила и к которому она все-таки очень привязана, из нее сделали a maid of all work*. Не было часов отдыха, не было даже отдельной комнаты. Любя их, она подчинилась обстоятельствам, но выбилась из сил. Она сказала мне, что так привыкла к русскому быту, что теперь ей было бы почти невыносимо вернуться к английским обычаям. Короче, мне сдается, что она не из тех, с которыми делают письменные контракты, но, обращаясь с нею дружески и деликатно, она сама собою сделается членом вашего семейства и будет готова на все. — Ей 22 года, а наружность приятная и очень здоровая. Я хотела вам все это сказать потому, что из переписки вы только узнаете ее кондиции, mais pas son individualité**. —

На этот раз ничего более. Я очень расстроена смертью очень любимой родственницы, m-me Schwarz, урожденной Томиловой[1], и еще более огорчена болезнью бедного Евгения Барыкова, который вряд ли встанет с постели и оставляет сумашедшую жену и невзрослых детей без всякого средства к жизни. — Нежно кланяюсь всем вам.

А. Т.

28-го сего месяца ваше рождение. Дай Бог вам *возрождаться* все больше и больше. Видите, что у меня в сердце хорошая память.

151. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

5 ⟨?⟩ сентября 1878. Тула ⟨?⟩

Я все не пишу вам писем, дорогой друг Alexandrine, и мне это и больно и совестно, особенно потому, что вы так добры и милы к нам. Насчет англичанки мы еще не совсем решили, хотя жена писала ей и получила ответ[1]. Одно, что́ мы имеем против нее, это ее молодость.

Мы все теперь здоровы, но на днях очень перепугались за детей. Вдруг свалились трое старших, и мальчик старший был даже опасен — было воспаление плевры. Теперь все поправились, и мы начинаем освобождаться от беспокойств и гостей и приступаем к правильной трудовой зимней жизни. —

---

* работницу на весь дом (*англ.*).
** но не ее характер (*фр.*).

Как странно мне было и радостно то, что вы пишете о том интересе, который в вас возбудили узники[2]. Большое счастье, которое, сколько я знаю, и вы имеете, — не принадлежать к партии и свободно жалеть и любить и тех и других. Мне ужасно больно думать, что я, бывши в Петербурге, избегал Мезенцова за его место. И как он мне трогателен и мил теперь, т.е. память о нем[3].

Поцелуйте, пожалуйста, за меня руку у дорогой тетушки; я целую вашу и жму руки милой Софье и графу И⟨лье⟩ А⟨ндреевичу⟩.

Бог даст, буду спокоен и в духе, напишу вам, как следует.

Ваш Л. Толстой

152. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Октябрь 1878. Ясная Поляна

Очень рад был получить ваше письмо, милый друг Alexandrine, и рад был даже тому, что вы проехали ночью[1]. Кроме путаницы и неловкости для меня из этого свиданья ничего бы не вышло. Если нужно нам свидеться, то мы непременно свидимся и именно как и когда нужно. Я нисколько не жалею теперь о вашем пропавшем письме. Верно, оно было бы не нужно или вредно. Нечаянно так не попадают письма, писанные в четыре года раз, в вагон, который сгорает один из миллионов. А если не свидимся, то значит этого и не нужно. У меня после нашего свиданья осталось очень приятное и серьезное впечатление. Tout chemin mène à Rome*. И мы с вами едем разными дорогами. Но дороги перекрещиваются иногда. И вот мы встретились на перекрестке. Однако и вы, и я уже далеко уехали. «Уж близко к цели», — говорим мы друг другу. — Ну, прощайте, добрый путь. Может быть, опять сойдутся дороги, а не сойдутся, мы уж видим, что доедем туда, куда ведут все дороги. Я всегда летом много и серьезно думаю; но никогда так, как нынешнее лето. И так как и мысленные дороги все ведут туда же, если думают люди серьезно, то я и думаю больше всего о смерти; и toujours avec un nouveau plaisir**. Без шуток. Это вот какое чувство: бывало в первой молодости думаешь — я верхом ездить, плавать, воевать не хуже другого, а может быть, и лучше другого могу; и это составляет любимый предмет мысли. Теперь я начинаю чувствовать, что я не только плавать и гимнастику де-

---

* Все дороги ведут в Рим (*фр.*).

** всякий раз все с большей радостью (*фр.*).

лать, но и самую трудную штуку в жизни — нырнуть туда сумею сделать не хуже другого, а может быть, и лучше, так как плохой солдат не хочет быть генер⟨алом⟩... И это мне доставляет особенного рода строгое и тихое наслаждение. Я на все в мире теперь смотрю с этой точки зрения. И так все на свете затихло, все такие спокойные, добрые и смирные. Я на все так смотрю, и от этого и вам (и разговоры наши последние были о том же) пишу об этом. Вчера я был на охоте и измученный осьмичасовой ходьбой по болоту, пришел на квартиру к дьякону. Хозяин, 70-лет⟨ний⟩ старик, рассказывал мне, как убрались с поля, как овса много, как медиста пчела; а сам старый, слабый, с пучком вылезшим седым на затылке и с старческим горбом под нанковой рясой. — «Вам сколько лет?» — «Да 72-й». — «Что ж, еще годков 15 проживете». — «Да, батюшка до 90 годов жил». — «А умирать не хочется?» — «Грехов много, да и от суеты мирской не скоро отлепишься». — Мы помолчали. И какая суета держит его? — думал я. На крылечке — мы сидели перед крыльцом — стояла на лавке девочка двух лет. Дьякон подошел к ней. Весь сморщился от нежной улыбки и стал ей шептать что-то: «Поцелуй дедуську».

Вот эта-то настоящая суета мирская, и от нее надо отлепиться. И отлепиться так, чтобы не насильно разорвать эти связи, а живой бабочкой вылететь из своей куколки. Вот это-то, я чувствую, делается со мной, и этого же вам желаю. —

Прощайте до нового перекрестка.

Ваш Л. Толстой

1879

153. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 25 и 28 января 1879. Ясная Поляна

Живы ли, здоровы ли вы и все ваши, дорогой друг?

Мы с своей стороны живы, но здоровы не совсем, и только последнее время, а то всё болели: то дети, то я.

У меня к вам просьба: нет ли биографии, хотя самой краткой, Льва Ал⟨ексеевича⟩ Перовского. Мне нужно знать, где он служил и находился с 16-го по 33-й год. А главное, мне бы очень нужно было знать,

когда и *как* и *где* он женился на Кат⟨ерине⟩ Вас⟨ильевне⟩ Уваровой (вдове Дмитр⟨ия⟩ Петр⟨овича⟩ Уварова), рожденной княжны Горчаковой. Я знаю, что она очень дурно жила с ним и умерла в 33-м году, но всякие подробности о его женитьбе и сношениях с нею были бы для меня драгоценны[1]. — Я хотел писать прямо Борису Алексеевичу, но не знаю его адреса, не знаю, граф он или нет, и как мне ни совестно писать вам с просьбой, все-таки рад, что это заставляет меня писать вам. Будьте, как всегда, милая, добрая, всепрощающая и сделайте это, пожалуйста. Да за одно уже и еще просьбу. — Существует в Петерб⟨урге⟩ подлинное дело Декабристов[2], при нем существуют биографии с портретами, как мне говорили, всех Декабристов[3]. К этому делу был допущен один только Богданович — историк[4]. Есть ли надежда, чтобы меня допустили к этому делу?[5] И если есть, то кого и как просить об этом? Ну, что будет, то будет! Если вы не скажете: однако, такого бессовестного эгоиста как Л⟨ев⟩ Т⟨олстой⟩, я редко встречала, это будет очень счастливо.

Благодарю вас очень за ваши хлопоты об англичанке; она не пошла к нам и, кажется, мы сами виноваты, навалив на нее слишком много обязанностей.

Поцелуйте, пожалуйста, особенно нежно и почтительно за меня руку у тетушки Прасковьи Васильевны. О себе, пожалуйста, напишите, лучше ли ваше здоровье, чем прошлого года, и душою спокойнее ли вы. Несмотря на свой эгоизм, я люблю вас искренно. —

Целую руку Софи и обнимаю графа Илью Андреича.

Ваш Л. Толстой

Бумаги В. Перовского я перешлю вам с следующею почтою.

154. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

3 февраля 1879. Петербург

Милый друг Léon, очень жалею, что не отвечала вам тотчас по получении вашего письма, но мне не хотелось явиться к вам с пустыми руками, а теперь после долгого ожидания я все-таки являюсь с пустыми руками. Граф Борис Алекс⟨еевич⟩ был в то время в отсутствии в Голландии. Я ждала его возвращения, надеясь получить от него кое-какие сведения, но оказывается, что он вовсе ничего не знает обстоятельного. Между ним и Львом Алекс⟨еевичем⟩ была громадная разница в летах[1],

но это еще не помеха, а главная беда то, что у Бориса предурная память и спрашивать у него об годах решительно тщетно, а другого никого нет, кто бы мог помочь. Или вымерли, или не живут здесь. Подчаский единственный человек, который мог бы многое сказать про Льва Алек⟨сеевича⟩. Вы, вероятно, его знаете[2]. В настоящее время он живет в Твери. —

Что касается Декабристов, вот ответ, полученный мною от Дрентельна: «Допущение гр⟨афа⟩ Л.Н. Толстого в Архив 3-го Отделения представляется совершенно невозможным». —

Жаль мне очень, что со всех сторон фиаско, но пусть это вас не обескураживает в будущем. В другой раз, может быть, и посчастливится. Я так была рада вашему письму, хотя оно и не совсем удовлетворительно и меня ваше здоровье щемит за сердце. Миллион раз собиралась к вам писать, но молчала, потому что духом была неспокойна. Всю эту зиму маминька слабела и слабела, а в настоящую минуту не знаем, что и думать. Вот уже неделя, что она или погружена в глубокий сон, или беспрерывно бредит. Доктора говорят, что они не могут отвечать ни за 24 часа, но что очень может быть, что она еще опять подымется. Этому мне как-то не верится и очень тяжело на сердце. Через несколько времени напишу опять. Что Бог даст. Я здорова. — Прощайте, милые друзья. Да хранит вас Господь. —

Мне очень было жаль, что вы отвергли мою англичанку, которой не нахвалятся люди, у которых она живет, но, вероятно, все к лучшему. Есть ли у вас кто-нибудь для детей? Еще раз прощайте.

А. Т.

3 фев⟨раля⟩ 1879.

155. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

10 февраля 1879. Петербург

Милый друг Léon, вы верно поняли, что, писавши к вам в последний раз, я уже предчувствовала, что время разлуки с дорогой маминькой быстро приближается. Она скончалась 7-го февраля[1] в половине шестого пополудни, тихо, мирно, свято, как и была вся ее жизнь. Господь посылает нам в этой скорби неизреченные утешения и глубокие наставления. Завтра будут ее похороны. Помолитесь за нее и за нас. Обнимаю вас

и Софи. Правда ли, что вы, может быть, приедете сюда[2]. Это было бы для нас всех, особенно в эту минуту, более чем радость.

А. Т.

10-го февр⟨аля⟩.

156. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

12 или 13 февраля 1879. Ясная Поляна

Как вы добры, милый друг, что вспомнили обо мне в такое время. Вы не ошиблись в искренней моей любви к покойнице. Я настолько стар и чувствую себя близким к смерти, что мне не кажется, чтобы умирающие люди отдалялись от меня — напротив. И, молясь за умерших, всегда думаю: я помню вас и люблю; помните меня и любите оттуда, куда я скоро приду. Вы, верно, то же чувствуете, особенно теперь, к душе вашей прекрасной доброй матери. Дай Бог вам утешения в приближении к ней, а не в забвении и рассеянии, которых, я знаю, вы и не ищете. Если вам не больно, то напишите мне о ее последних минутах и о своем душевном состоянии. Прощайте, мой друг, поцелуйте за меня Софью и Илью и передайте им мою любовь и сочувствие.

Как устроит свою жизнь милая Софья. Ей неловко, должно быть, и очень больно без ее любовного труда.

Ваш Л. Толстой

157. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

28 февраля 1879. Петербург

28 февраля
1879 г.

Милый друг Léon, благодарю вас за ваше письмо — в нем вкратце все сказано и все понятно. Взгляд наш в этом случае совершенно одинаков. Новая жизнь около меня еще не установилась, и неизбежная суета городской обстановки и многочисленных отношений теснила меня и помешала мне написать вам раньше — но правду сказать, это давление, хотя и сочувственное, действовало на меня только поверхностно. Внутренняя жизнь говорила *громче*, а что тут происходило, нельзя пересказать словами, да и, может быть, и не следует об этом говорить,

потому что это как будто таинство, которое совершается в нашей душе независимо от нас. Душа стоит безмолвно пред Господом, а Он по своему невообразимому милосердию вливает в нее то, что до сих пор смутно предчувствовалось, но чего еще *не имелось*. —

Да, я испытала много со смерти маминьки, и вижу в этом всю силу ее молитв и ее благословения. А смерть ее была так тиха, так стройна и, могу сказать, так нежно подготовлена самим Богом. С осени уже силы ее видимо слабели, но ум и душа еще бодрствовали и она почти по-прежнему принимала участие во всем, и, главное, во всех, с тою любовью и подчас излишнею заботливостью, которая была отличительною чертой ее характера. Я с ней много читала и со мной она высказывалась вполне. Из всех этих разговоров, что для меня осталось всего поразительнее, это ее глубокое смирение — не приобретенное размышлением или опытом, а просто ей прирожденное. В начале января стали появляться все чаще и чаще те галлюцинации, об которых я вам, кажется, писала[1]. Ей казалось иногда, что комната наполнена чужими людьми, не страшными, но незнакомыми, и ей это очень надоедало. Доктор сказал ей, что это явление нередкое и происходит от анемии в голове. Сначала она вполне верила этому объяснению и часто описывала мне то, что видит, подсмеиваясь сама над этими непрошенными гостями — но после она мне призналась, что считает все это за действительность, и тут не помогали никакие убеждения и мы даже перестали ее убеждать. Во всем остальном она была совершенно нормальна (lucide*), помня и понимая все, обедала всегда с нами и только по слабости должна была отдыхать перед обедом, чего прежде не делала. —

25 января мы все, как обыкновенно, были около нее. В этот день кто-то пригласил Софиньку в театр, и когда за нею заехали, она пришла проститься с маменькой. Она, поцеловав ее, вдруг говорит: «Je suis très contente que tu vas au théâtre, mais je voudrais pourtant vous bénir tous avant, parce que vous êtes maintenant tous ensemble»**, включая в это число В⟨асилия⟩ Ст⟨епановича⟩ Барыкова, который хотя часто, но не всякий день приходил к нам. Мне это показалось в эту минуту так несвоевременно, ничем не мотивировано, что я даже позволила себе сказать «Chère maman, mais pourquoi donc en ce moment»***. Софинька меня остановила: «Оставь, пусть будет, как маменька хочет». Мы все пошли

---

* с ясными мыслями (*фр.*).

** Я очень рада, что ты едешь в театр, но мне бы хотелось прежде благословить вас всех, потому что вы теперь все тут вместе (*фр.*).

*** Милая маменька, почему же именно теперь? (*фр.*).

в другую комнату. Маминька спросила, чтобы ей подали тот образ, который мы подарили ей прошлого года после ее болезни, и она с величайшим спокойствием и любовью благословила нас всех поочередно, а затем вернулась опять в гостиную и *требовала*, чтобы Софинька ехала в театр, чего, разумеется, ей больше не хотелось. И вообразите, помешай я этому в то время, по всей вероятности, cette occasion ne se serait plus retrouvée*. На другой день она чувствовала себя еще слабей и в половине дня сказала, что она хочет исповедоваться и на другой день причаститься. Так как это повторялось очень часто, почти каждые две недели или десять дней, то я не всегда присутствовала при этом, но в этот день меня как будто что-то толкнуло и я отправилась к ним. Все совершилось, как следует. Она, как всегда, приняла Св⟨ятые⟩ Дары с полнейшею любовью и умилением. Затем довольно долго сидела с нами в гостиной и не жаловалась ни на какие видения. Когда пришел час ее отдохновения, я ей еще немного почитала и она мне сказала: «Je suis tranquille, j'ai accompli tout ce que je tenais à faire. Maintenant, comme Dieu veut. Je ne souffre de rien, je n'ai aucune maladie. Mais je crois que ma vie tire à sa fin»**. Я думаю теперь, вспоминая многое еще сказанное, что предчувствие об приближении смерти было в ней гораздо сильнее и яснее, чем она его высказала. Все ее распоряжения были уже давно сделаны. Она коснулась их уже слегка, но вошла в некоторые подробности на счет своих похорон — между прочим сказала: «*Je ne voudrais* aucun luxe à mon enterrement et si on vous blâme pour cela, eh bien, ce n'est rien, vous le supporterez»***.

В воскресенье, 27-го января[2], она в последний раз провела еще день с нами в гостиной, а в ночь сделался страшный бред, который с промежутками продолжался почти три дня. Это было очень тяжело. Она беспрестанно хотела выходить из постели и говорила громко и беспрерывно. Затем впала в глубокий и, по словам докторов, совершенно нормальный сон, что нас очень обнадежило, так как это было повторение прошлогодней болезни. Несмотря на этот сон и на то, что она уже редко отворяла глаза, она всегда нас узнавала, и всякий раз благословляла. Бред

* такой случай уже не представился бы (*фр.*).

** Я спокойна, я исполнила все,что хотела. Теперь — как Богу угодно. Я ничем не страдаю, болезни у меня никакой нет. Но думается мне,что жизнь моя подходит к концу (*фр.*).

*** *Я не желаю* никакой роскоши на моих похоронах, а ежели вас за это будут осуждать, ну, что ж, — перетерпите (*фр.*).

совсем прекратился и слова, которые она еще говорила в полудремоте, были ничто иное, как молитвы, а всего чаще эти слова: «Благословение Божие на них», или «Помяни и помилуй меня». Крест жадно целовала, когда ей его подносили. Так это продолжалось до пятого февраля. Лицо вовсе не изменялось, но пульс вдруг совершенно упал и надежда исчезла, хотя доктора думали, что жизнь продлится долее. В среду между 4-х и 5-ти часов я возле ее постели прочла отходную, и Софинька по какому-то внушению послала еще за священником, чтобы и он прочитал отходную. Когда началась молитва, мы все были в комнате, и Софинька и я стояли на коленях у самой постели, не спуская глаз с маминьки. Во время чтения она подняла голову — чего уже никогда не делала, едва слышный вздох, и все было кончено. Благодарю Бога, что он дозволил нам присутствовать при самой этой минуте! Как это часто случается с усопшими, она вдруг помолодела и прежняя, нами всеми забытая красота возвратилась и поразила нас. Что происходило в ее душе в этом soi-disant* сне, одному Богу известно — но явно, что не было ни страха, ни страдания. В последние дни мне так живо чувствовалось, что она уже принадлежит иному миру. Бывало она очень боялась смерти, но с прошлогодней болезни этот страх совершенно исчез, и все совершилось по ее желанию при смерти и после. Мы похоронили ее в Сергиевской Пустыни, почти возле папеньки[3]. Софинька пожелала остаться там все сорок дней и избрала, конечно, лучшую часть. Ей нужно было отдохнуть и телом и душой — все тяжести лежали на ней, и я столько же удивлялась ее неутомимости, как полному забвению самой себя. Я несколько раз ездила к ней в монастырь и почти завидовала ей. Там так мирно, светло и *близко*! Но невозможно было оставить брата одного, тем более что он это время часто хворает и очень грустит по маминьке, которую любил беспредельно. Лучшего сына трудно себе вообразить. Разумеется, он и сестра будут жить вместе. У Софиньки двое сыновей (сыновья покойного Евгения Барыкова[4]), и это занятие наполнит ее жизнь. —

Вот, милый друг, много подробностей, а несказанного еще больше. Дай Бог, вам оставить вашим детям то, что оставила нам наша мать. В наших воспоминаниях об ней нет ни одной темной точки. Она нам никогда не проповедовала, и вдруг вся ее жизнь стала перед глазами, как живая проповедь, которая ежеминутно как будто подсказывает, как следует действовать и относиться к другим. Еще раз выходит, что пример

* так называемом (*фр.*).

сильнее всяких, даже самых лучших слов. Прощайте, не взыщите за маранье и, может быть, бессвязность письма, написала все, что могла, потому что верила, что это вас будет интересовать. Напишите про себя — про здоровье и также про будущее сочинение. Многие говорили мне, что начало скоро появится[5]. Правда ли это? Читали ли вы первую часть романа Достоевского[6] и что об нем думаете. Обнимаю вас и Sophie. Не забывайте, что письма ваши для меня большое утешение. Христос с вами. Как я счастлива, что вы теперь верующий[7], и тем самым еще более *свой* и родной.

Ваша А. Т.

158. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

2 или 3 марта 1879. Ясная Поляна

Сейчас отправляю в Тулу и не хочу пропустить почту, не написавши вам словечко, милый друг, главное, не сказав вам, как я сердцем благодарен вам за ваше длинное письмо с описанием последних дней и минут тетушки. Ничто мне так ясно не доказало искренность вашей ко мне, совсем незаслуженной мною, дружбы. Слава Богу, что конец ее был так хорош. — Я ее теперь очень часто как живую вижу перед собой, с особенным, ей одной свойственным выражением этих прекрасных глаз, строгость и детская ласка.

Дай Бог вам спокойствия душевного. — У нас все хорошо. Я ничего не пишу, хотя и много тружусь[1].

Что значит: *возьми крест свой* и иди за мною?[2] Если у вас есть *короткое и ясное* объяснение, то напишите мне, как вы это понимаете. И очень ли важные эти слова? И какой ваш крест, как вы понимаете?

Целую ваши руки.

Ваш Л. Толстой

159. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

9 марта 1879. Петербург

Милый друг Léon, ваш вопрос насчет креста меня удивил. Из всех евангельских слов, этот мне кажется один из самых удобопонятных, хотя, как и все другие, имеет множество значений. Хорошего, автор-

ского определения у меня теперь нет под рукой. Моя собственная мысль следующая: Вся жизнь — крест. При самых лучших условиях он всегда стоит поперек нашей дороги, в том или другом виде. — «*Возьми свой крест и иди за Мной*»[1]. Значит, во-первых, необходимое подражание примеру Спасителя в этом Его действии, как и во всех прочих. *Неси за Мной* перевожу так: без Меня ты его не снесешь. — Важно ли это слово? Ничего не может быть важнее. Оно заключает в себе *всё*. Все наше терпение и всю нашу любовь к ближнему при столкновении с людьми. Крест наш будильник — он же доказательство бессмертия. Душа чует и признает в нем свое спасение. Вот почему при всяком испытании мы еще крепче держимся за Его Крест. Какой *мой* крест? Скажу наотрез: *борьба с грехом*. Всякое горе, истекающее из внешних обстоятельств, несчастий и т.д., не зависящее от нашей воли, имеет свои фазисы — начало — продолжение и конец или облегчение. Только грех не перестает никогда. Уляжется один — восстает другой и часто самый неожиданный. Нести *себя*, по-моему, несравненно труднее, чем все остальное, а нести себя *без* Него для меня просто было бы невозможно, особливо с тех пор как я поняла всю солидарность наших грехов. Я теперь вполне уверена, что каждый мой грех нарушает общий порядок и отзывается вредно где-нибудь и на ком-нибудь. Еще удивил меня ваш вопрос вот почему. Когда-то в молодости мне захотелось избрать *один* текст особенным руководителем моей жизни и, открывши Евангелие наугад — мне попалось именно это слово, которое во всех важных случаях моей жизни повторялось для меня или в Церкви, или другим образом, как напоминание и обновление. Оно сделалось для меня как будто ближе других слов.

В свою очередь попрошу вас сказать мне ваши мысли, когда вы додумаетесь об этом вопросе.

Кстати о кресте — к настоящему нашему горю прибавилось еще другое — болезнь брата. Он страдает одышкой, бессонницей, кашлем. Страшно похудел, и в душе моей целая буря беспокойства. Напишу после, что будет. По всем вероятностям его пошлют заграницу и Софья поедет с ним. Помолитесь за нас. —

Обнимаю вас и Sophie. Как бы хотелось вас видеть.

А. Т.

9 марта
1879.

160. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

25 ⟨?⟩ марта 1879. Ясная Поляна

Я не отвечал вам долго, дорогой друг, оттого, что был эти дни в Москве[1] и измучился, как всегда, от городской, *ужасной* для меня, суеты.

Я не так понимаю, как вы, слово крест, который мы несем. Если Богу угодно будет то, что я задумываю, вы прочтете; на словах тоже к слову сказать можно, но писать нельзя. Скажу только, что *Возьми Крест свой и иди за Мной* — это одно нераздельное слово. *Возьми Крест свой*, отдельно не имеет, по-моему, смыслу, потому что крест брать и не брать не в нашей воле, он лежит на нас; только не надо нести ничего лишнего, все то, что не крест; и нести крест надо не куда-нибудь, а за Христом, т.е. исполняя его закон любви к Богу и ближнему. Ваш крест — двор, мой — работа мысли — скверная, горделивая, полная соблазнов. Но — будет. У меня две просьбы к вам, т.е. через вас к Государю и Императрице. Не бойтесь; надеюсь, что просьбы так легки, что вам не придется мне отказать. Просьба к Императрице даже такова, что я уверен, что она будет благодарна вам. — Просьба через нее к Государю за трех стариков, раскольничьих архиереев (одному 90 лет, двум около 60, четвертый умер в заточении), которые 23 года сидят в заточении в Суздальском монастыре. Имена их: Конон, Геннадий, Аркадий.

Когда я узнал про них[2], я не хотел верить, как и вы, верно, не поверите, что четыре старика сидят за свои религиозные убеждения в тяжелом заключении 23 года. Вы знаете лучше меня, можно или нет просить за них и освободить их[3]. А как бы хорошо было освободить их в эти дни[4]. Мне кажется, что нашей доброй Императрице так идет ходатайство за таких людей.

Другая моя просьба в том, чтобы мне были открыты архивы секретных дел времен Петра I, Анны Иоанн⟨овны⟩, Елизаветы. Я был в Москве преимущественно для работы по архивам[5] (теперь уже не декабристы, а 18-й век — начало его — интересуют меня[6]), и мне сказали, что без высочайшего разрешения мне не откроют архивов секретных, а в них всё меня интересующее, самозванцы, разбойники, раскольники. Как получить это разрешение?[7] Если вам не скучно, не трудно, не неудобно, то помогите мне, научите меня; если же хоть немножко почему-

нибудь неприятно, пожалуйста ничего не делайте и простите меня за мою indiscrétion*.

Как здоровье милого, доброго Ильи Андреевича, передайте ему, пожалуйста, мою любовь. Что делает Софья? Как она переносит свою потерю, как вы живете и чувствуете? Ваши письма всегда мне радостны. Чем старше, тем сильнее чувствуешь старую дружбу. Дай Бог вам всего лучшего. Целую вашу руку. У нас, слава Богу, все благополучно. Соня благодарит вас за любовь и платит тем же.

Ваш Л. Толстой

161. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

4 апреля 1879. Петербург

Христос воскресе!

Милый друг Léon. Обнимаю вас всех нежно и отвечаю наскоро. Голова не совсем в порядке. Через неделю, если Бог позволит, уезжаю с братом в Швейцарию. Он очень, очень нехорош. Что́ в душе и в сердце, нечего толковать. Предаюсь совершенно воле Божией и пускаюсь в путь, как бросаются в воду. Софинька приедет к нам позже. Теперь у нее здесь очень много дела. Если все сверх ожидания пойдет хорошо, думаю возвратиться в Россию через два ме́сяца, а они едут на пять. Теперь ответ на ваши комиссии. Вы и я в известных случаях, как невинные младенцы. Получив ваше письмо, я возмечтала, что сейчас, сейчас освобожу ваших раскольников[1]. Но вышло иначе. Государь никогда ничего не решает без предварительных исследований, и надобно было адресоваться к министрам. Я сейчас же отправилась к Дмитрию Толстому (обер-прокурор Синода), и, хотя все раскольники принадлежат к Министерству внутренних дел, он тут же при мне написал и отправил запрос об ваших protégés и обещал мне скорый ответ. Затем научил — кого просить в Мин⟨истерстве⟩ в⟨нутренних⟩ д⟨ел⟩. Надеюсь, что все это сделается прежде моего отъезда. Д. Толстой сказал мне притом, что вообще их сажают *не* за религиозные убеждения, а за совращение православных в раскол. Во всяком случае мне кажется пора их простить. Что касается до архива, то Гирс обещал мне это сделать[2]. «Seulement priez le comte de m'écrire une lettre où il me le demande. J'ai besoin d'avoir un document en

* нескромность (фр.)

mains pour obtenir cette permission qui ne peut pas être refusée au comte»*. Пожалуйста, сделайте это как можно скорей и пришлите письмо ко мне. Если захотите, лучше написать к самому канцлеру князю Горчакову, то это все равно, только не забудьте, что он Светлость. Адрес же Гирса следующий: Его прев⟨осходительству⟩ Николаю Карловичу барону Гирс. Он помощник Горчакова, отличный человек и всегда готовый оказать услугу всем, тем паче вам, которого очень почитает.

Неужели «Декабристы» канули в воду?[3] Не могу утешиться и не хочу еще терять надежды. Прощайте, милый друг.

Жаль, что нет времени писать, а то хотелось бы сказать еще многое в ответ на ваши мысли о кресте. Думаю, что мы разнимся только в форме, но что Двор составляет мой крест, совершенно фальшиво. Не забудьте, что я *люблю* меня окружающих и принадлежу *им* всем сердцем. Как живо чувствовала я это в эти страшные дни, где чуть-чуть не совершилось новое злодейство[4]. Но при этом вера еще укрепилась, il me semble que j'ai *vu* la Providence**.

Христос с вами. Говели ли вы, наслаждались ли чудной пасхальной службой? Для меня это было истинно *небесное* утешение.

Ваша А. Т.

4-го апреля.

162. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

14 ⟨?⟩ апреля 1879. *Ясная Поляна*

Я не мог отвечать вам тотчас же, дорогой друг, и теперь боюсь, что письмо уже вас не застанет. Если письмо это найдет вас уже в Швейцарии, передайте, пожалуйста, мою искреннюю любовь графу Илье и пожелания, чтобы он поскорее оправился. Видно горе потери сразило его; но я верю в его чудесное, сильное сложение. Дай Бог и вам радость видеть его поправление и вернуться успокоенной в Петербург.

Тысячу раз благодарю вас за исполнение комиссий, как вы называете, за вашу прекрасную, легкую и потому особенно милую доброту, как

---

* «Только попросите графа написать мне письмо, в котором бы он меня об этом просил. Мне нужно иметь в руках документ,чтобы получить это позволение, в котором не могут отказать графу» (*фр.*).

** мне кажется, что я *видела* Провидение (*фр.*).

я называю. — Боясь, что письмо не застанет вас, я написал прямо Гирсу, а не вкладываю письмо в ваше, как вы приказывали. — Я пишу ему самое краткое, официально-почтительное письмо с просьбой исходатайствования разрешения пользоваться архивами[1]. Урусов, вернувшись из Пет⟨ербург⟩а, рассказывал нам про вас и порадовал, сказав, что вы всё пугаете нас своим приездом. — Я верить не хочу, чтобы вы когда-нибудь не испугали нас этой радостью взаправду. Разумеется, когда я узнал о ваших сердечных заботах, я уже не мечтаю об этом скоро.

У| нас всё слава Богу. Жена просит всё продолжать ее любить и я тоже.

Истинно любящий вас
Л. Толстой

163. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

23 апреля (5 мая) 1879. Кларан

Clarens. Villa Richelieu
5-го мая 1879

Последнее письмо ваше, милый друг Léon, получила уже в Швейцарии и даже в том самом Clarens, куда, сто лет тому назад, мы ездили вместе с вами[1] en partie fine*, жили в плохом пансионе, ели суп из лиловых цветов, а после обеда пели русские песни под носом, сначала изумленных, а потом восхищенных, великобританских старых дев, где лазили в Glyon вместе с Лизой Карамзиной, Рябининым и добрыми Пущиными, дурачились, веселясь, и были молоды и счастливы. Слава Богу — вы и теперь счастливы, да и я не жалуюсь на жизнь, хотя это время пришлось перетерпеть многое. Мы совершили путешествие очень счастливо, но здоровье брата изменчиво, как вид Женевского озера и, разумеется, отражается на моем расположении духа таким же образом, но, благодаря Богу, ему все-таки не хуже, а в последние эти дни даже немного лучше, несмотря на частую дурную погоду, которую я, кажется, не знавала в Швейцарии во время óно. Выпадают и чудные дни, и тогда я с набожностью, с внутренним коленопреклонением смотрю на все меня окружающее: на белых гигантов, опрокинутых в голубом озере, на благоухающую молодую растительность и на блестящую — вечно новую

---

* веселиться (*фр.*).

игру облаков. Для всего этого я, к счастью, не устарела, хотя наслаждаюсь уже иным образом. Людей интересных здесь покамест почти нет — зато *любопытных* достаточно, если так можно назвать русских выкидышей, которым здесь имя: легион. Встречая их на улице и не зная из них ни одного, нельзя усумниться, *кто они такие*. Все имеют между собою нечто схожее, как сумашедшие, сколько ни различны их физиономии. Это меня не удивляет — общее, одинаковое настроение должно непременно отражаться и на лице. Не могу сказать, чтоб я смотрела на них с нежностью, но и без озлобления. Все эти, весьма непривлекательные единицы, слились в моем уме представлением какой-то тяжелой болезни или, лучше сказать, тяжелых родов. Ждешь и не знаешь, что из этого выйдет. Конечно, трудно вообразить, чтобы злоба и безверие родили что-либо хорошее, но, может быть, в силу закона противоречия они подействуют когда-нибудь благотворно на сонных и полуверующих и восстановят хоть тень давно всеми затерянного *идеала*. Право, мне иногда кажется, что вы да я, nous sommes les derniers Mohicans de l'idéalisme*. Извините, Ваше Высокописательство, что я осмеливаюсь делать подобное горделивое сближение между вами и собой, но известно, что не все те лишь поэты, которые владеют пером. Есть и немые поэты, которые ничего не оставят, но многое могут унести с собой. Например, будь я не совершенно бездарная, я бы чудно воспела вечность. Трудно поверить, до какой степени я живу в ней, как в футляре, и как все через это принимает для меня символический вид, от которого уже не могу отрешиться. И в этот мир я убегаю не от одного горя или душевных тревог, а просто от плоскодонности жизни. Тут нет ни малейшей экзальтации. Процесс этот совершился медленно, покойно, мне самой незаметно — но ныне составляет самую утешительную опору души моей при всяком случае, а случаев к подобному бегству достаточно. Поверяю вам это почти как тайну.

Пожалуйста, милый друг, напишите мне *сюда*. Это будет двойное доброе дело — кусок хлеба голодным. Скажите мне непременно, действительно ли вы совершенно оставили ваших «Декабристов»[2]. В таком случае я буду неутешна. Что за дело, что они не русские, а французы или западники[3]. Разве это тоже не исторический и характерный факт той эпохи? Признаюсь вам со стыдом, что Петр Великий интересует меня гораздо меньше. Не смею сказать, что этот сюжет уже избит — потому что вы, конечно, сделаете из него что-нибудь новое, но я ни-

---

* мы последние могикане идеализма (фр.).

когда не долезала до этого величия по женской своей глупости, и меня останавливали на полудороге все возмутительные факты этого времени, с которыми не могу примириться. Ум сознает, но душа отворачивается. Смейтесь надо мной сколько угодно — я не могу притворяться.

Дней через десять мы ожидаем сюда сестру Софиньку, которая покамест еще оставалась в России для окончания многих дел.

Прощайте, милый друг, брат и я шлем вам нежный поклон. Поцелуйте за меня Sophie и дай Бог вам всем всего хорошего.

А. Т.

164. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

5 июня 1879. Ясная Поляна

Повинную голову и т.д. —

Я очень виноват перед вами, дорогой друг, что не отвечал вовремя. Тогда, не помню уж, что одно за другим помешало мне с неделю ответить вам, а потом уж было поздно. Теперь же пишу, чтоб облегчить себя от сознания вины и побеседовать с вами. Пишу в Россию, Петерб⟨ург⟩. Полагаю, что так вернее дойдет до вас, где бы вы ни были. Помешало мне тогда тотчас же отвечать вам, сколько я помню, более всего, прекрасная весна и такое же расположение духа. То самое состояние духа, в каком и вы находились, по вашему письму. А вы — добрая душа — в таком настроении пишете хорошие, радостные для ваших друзей письма, а я молчу и распускаю это настроение в себя. Нынче было восхитительное лето, и у нас все благополучно, и я ничего не пишу, а только думаю писать, и потому мне было и есть очень хорошо.

Надеюсь, что Илье Андреев⟨ичу⟩ лучше. Мне так кажется по вашему письму и по тону его приписки. Дай Бог. Очень благодарен за его приписку[1]. Сведения эти для меня очень важны, но хотелось бы знать их источник. Еще, не знает ли он или вы чего-нибудь о наших предках Толстых, чего я не знаю. Мне помнит⟨ся⟩, граф И⟨лья⟩ А⟨ндреевич⟩ собирал сведения. Если есть что написанное, не пришлет ли он мне. Самый темный для меня эпизод из жизни наших предков, это изгнание в Соловецком, где и умерли Петр и Иван[2]. Что жена Ивана? (Прасков⟨ья⟩ Иван⟨овна⟩, урожд. Троекурова)[3]. Когда и куда они вернулись? — Если Бог даст, я нынешнее лето хочу съездить в Соловки[4]. Там надеюсь узнать что-нибудь. Трогательно и важно то, что Иван не захотел вернуться,

когда ему было возвращено это право. Вы говорите: время Петра не интересно, жестоко. Какое бы оно ни было, в нем начало всего. Распутывая моток, я невольно дошел до Петрова времени, в нем конец. —

Будьте здоровы и спокойны духом и продолжайте любить меня, а я недавно, поверяя себя в этом, заметил, что за 20, 30 лет мое сердечное отношение к людям ни на волос не изменилось. Там, где было сердечное отношение, оно осталось точно таким, каким было в первое время сближения. Я уверен, что и у всех людей сердечных это так. Там, где отношения только внешние — общественные, умственные, там могут быть перевороты, а тут и не может быть.

Целую ваши руки. Жена просит не забывать.

Ваш Л. Толстой

5 июня.

165. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

11 августа 1879. Царское Село

Милый друг Léon, вы, вероятно, уже знаете из газет, что дорогого брата нашего уже нет на свете. Он скончался в Clarens 21 июля, страшно страдал до конца и по милости Божией был терпелив до конца. Накануне своей смерти он приобщался Св⟨ятых⟩ Тайн, и мы приобщались с ним вместе, затем соборовался в полной памяти, хотя уже находили на него тени другого мира. Кротость его была изумительная. Тогда она еще более терзала душу — теперь это светлое воспоминание, поддерживающее надежду в его блаженной жизни. Еще раз *наша* жизнь изломалась на куски. Особенно все будущее бедной Софиньки, для которой эта потеря еще чувствительнее, чем для меня. Что мы с ней перестрадали, видит один Бог, но по милосердию Его нет ни вопросов, ни сомнений на душе. В эти четыре месяца внутреннее воспитание много подвинулось. Из смутных иногда теорий вышли живые образы. Этого передать словами нельзя. Но когда своя воля исчезает, взамен ее дается неизреченное и верное. Сердце тоскует и плачет, но вся душа проникнута благодарностью и любовью. —

Пожалейте нас, но и поблагодарите Бога вместе с нами за все Его милости. Мы вернулись из Швейцарии 5-го августа, а 7-го, в день рождения брата, мы похоронили его близ наших милых[1]. Покамест остаюсь я в Царском Селе, а бедная Софинька в Сергиевской Пустыни при мо-

гилах. Планов никаких еще не делаем. Устали и душой и телом. Хотя временное уединение необходимо. Не знаю, где вы. Письмо ваше получила давно[2] тому назад и еще читала его Илиньке. Но он уже тогда не был в силах отвечать на ваши вопросы. Прощайте, милый друг. Уведомьте о себе. Чем теснее становится круг, тем дороже. Да хранит вас всех Господь.

11-го августа 1879. А. Т.

166. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 13 и 15 августа 1879. Ясная Поляна

Простите, милый друг, что не пишу вам теперь длинно. У меня полон дом народа, репетиции для театра[1]. И более чуждым всему этому человека трудно себе представить. Не могу оставить без выражения сердечного отклика ваше грустное письмо. Всей душой скорблю за вас и за Софью милую. Поминаю на молитве и вашу мать и Илью. Много есть более близких, кот⟨орых⟩ не поминаю, а их поминаю. Только и хотел сказать, что и люблю, и жалею вас и желаю вам добра душевного, только душевного. У нас всё по-старому. Я счастлив женой и не несчастлив детьми. Целую ваши руки и Софье.

Ваш Л. Толстой

1880

167. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

23 января 1880. Петербург

От вас я пошел в театр. Ужасный воздух, ужасная музыка, ужасная публика так подействовали на меня, что я вернулся больной. И не спал половину ночи. Волнение разговоров с вами — главная причина[1]. Я не приду к вам и уеду нынче[2]. Пожалуйста, простите меня, если я вас оскорбил, но если я сделал вам больно, то за это я не прошу прощенья. Нельзя не чувствовать боль, когда начинаешь чувствовать, что

надо оторваться от лжи привычной и покойной. Я знаю, что требую от вас почти невозможного — признания того прямого смысла учения, который отрицает всю ту среду, в которой вы прожили жизнь и положили все свое сердце, но не могу говорить с вами не *во всю*, как с другими, мне кажется, что у вас есть истинная любовь к Богу, к добру и что не можете не понять, где Он.

За мою раздражительность, грубость, низменность простите и прощайте, старый милый друг, до следующего письма и свиданья, если даст Бог.

Ваш Л. Толстой

168. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

23 января 1880. Петербург

Ваше внезапное исчезновение возмутило, оскорбило и огорчило меня до глубины души. В этом поступке есть столько жесткого, не дружеского — не хочется сказать, мстительного. Подобные выходки и в молодости неприятны, но в наши года не протянуть руки при прощании, когда каждая разлука может быть последняя, просто непростительно, и *это* мне трудно вам простить. Остальное ваше дело. Если бы вы не наткнулись на меня именно в такой момент, когда у меня нервы страшно расстроены, вероятно, я бы отнеслась гораздо спокойнее ко всему невероятному, невообразимому, сказанному вами, может быть, лучше поняла бы вас, — но сегодня об этом не время говорить. Мы ждем нашу дорогую больную[1] и этого волнения достаточно, не говоря о том, что в сердце моем еще бушует против вас, а писать под влиянием тревожного чувства не годится; разные булавки и колючки так и просятся под перо. Обнимите за меня Sophie. Сомневаюсь, чтобы она похвалила ваш предательский отъезд et ce procédé inqualifiable*.

Поручение ваше будет исполнено[2].

А.Т.

23го января
1880.

---

* и этот невозможный поступок (*фр.*).

169. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

29 января 1880. Петербург

Простите меня, милый друг. Каюсь и винюсь в том, что взлетела на воздух, как мешок с порохом. Одно могу сказать в свое оправдание. Я защищала и отстаивала не *себя*, а те верования, которые *никто*, кроме Бога, не в силе вырвать из моего сердца. Вероятно, мы бы договорились до чего-нибудь хорошего, если бы наш общий враг не внушил вам бежать опрометью с поля сражения. По крайней мере ему не удастся поссорить нас. За это я отвечаю — и при сем показываю ему язык. Ce n'est pas élégant, mais c'est ce qu'il mérite*. Радуюсь, благодарю Бога за окно, которое открылось для вас (вспомните, сколько я мучилась в былые времена вашего неверия), и как желаю, чтобы из этого окна свет и теплота и любовь всё более и более изливались на вас! Для меня же каждое слово Св⟨ященного⟩ Писания окно, через которое я вижу Его правду, Его мудрость, Его невыразимое милосердие. Чего вы от меня требуете, я право не понимаю. Какая может быть ложь, какое внутреннее успокоение, когда смотришь на себя при *этом* свете. Борьба, напротив того, все делается настойчивее. То, что казалось вчера еще незначущим в отношении к греху, становится сегодня отвратительным, невозможным, и совесть не может ни заснуть, ни обмануть себя. До *конца жизни* буду верить в то, чему верю теперь — не по привычке, как вы думаете, а по глубокому изучению и присвоению тех истин, которые одна после другой выяснялись и продолжают выясняться в душе моей постепенно с помощью Божиею. Верю в непреложную историческую и символическую правду всего Писания с первой главы Книги Бытия до последней строки Откровения и не смущаюсь, когда что-либо недоступно уму моему, потому что знаю, что в свое время и это откроется и что развитие моих понятий беспрестанно останавливается моими нравственными падениями и только в чистой душе Господь может действовать беспрепятственно. На слова ваши *мне этого не нужно* отвечаю: а мне *всё нужно*. Из этого священного здания нельзя выкинуть ни одного камня, не нарушая гармонии целого. Но *выше*, более всего дорожу лицом Спасителя, Спасителя всего мира и *личного* моего Спасителя, без искупительной смерти Которого *немыслимо* спасение. Верю, что только сообщением с Ним посредством молитвы и Причащения Его тела и Его крови могу очищаться от грехов, а силою Св⟨ятого⟩ Духа укрепляться на пути к Его вечному Царству. *Буквально* верю в каждое из Его

---

* Это неблагововоспитанно, но ему это поделом (*фр.*).

чудес, чудеса любви Его и самоотвержения, перед которыми разум может остановиться, но которые таинственно, но глубоко понятны сердцу и производят в нем то обновление и выздоровление, которое совершалось в больных, прикасающихся ко Христу.

Закон любви для всех, но дар любви не всем дается в одинаковой мере. Достигнуть высшей степени любви, той любви, которая себя уже не знает, вот вся задача жизни. Знаю, что путь один. Да, он весь содержится в Нагорной проповеди. Я в этом так же глубоко убеждена, как и вы, и благодарите Бога, если эта любовь разлита в вас щедрою рукой и если она уже сделалась руководителем вашей жизни. Моя душа только еще к ней стремится, и я часто унывала и унываю, сознавая, как мало я прилагаю к жизни слова Спасителя, но ободряющий голос Его возобновляет мои силы и после каждого падения я крепче хватаюсь за Его руку. Он поколебал мое каменное сердце — *Он* и довершит Свое дело. Церковь же для меня сосуд, хранящий Таинства, которые для меня так дороги и необходимы. Я не умею ни говорить, ни писать, но, как умела, сказала вам весьма вкратце свою profession de foi*. Мне кажется, она так проста, что и дворник и мужик могли бы понять ее. А попробуйте им сказать, что Крещение, Преображение и Воскресение Господа ничто иное, как выдумка, и они не поймут вас или глубоко огорчатся. Я так уверена, что в вашем сердце нет кощунства, что не могу и не хочу видеть его в ваших отрицаниях, но я так же, как и вы, не могу говорить с вами не *вовсю*, и, признаюсь, страшно мне было видеть, как вы дерзновенной рукой вычеркивали из Евангелия всё то, что не сходилось с *настоящим* складом вашего ума и ваших воззрений. Чудилось мне тут что-то недоброе, не от правды исходящее. Или я вас вовсе не поняла, или точно, как я уже вам сказала, на вас сидит еще ваша философская куртка, от которой вы не можете отделаться. Боюсь я того, что вы теперь пишете[1], боюсь за вас и за тех, которых вы можете увлечь своим умом, искренностью и неправильностью своих взглядов. Не сердитесь на меня, но успокойте меня. Это мне *необходимо*. — Христос с вами, да поможет Он нам всем любить *Его* правду. Еще одно слово. Мне кажется, вы вдаетесь в то уже известное учение, которое отрицает Бога-человека, но признает человека-бога. Опять-таки успокойте меня.

А. Т.

29го января
1880.

---

* исповедание веры (*фр.*).

170. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

2 или 3 февраля 1880. Ясная Поляна

Два дня, как я получил ваше письмо, дорогой друг, и несколько раз обдумывал, лежа в постели, мой ответ вам; а теперь сам не знаю, как его напишу.

Главное то, что ваше исповедание веры есть исповедание веры нашей Церкви. Я его знаю и не разделяю. Но не имею ни одного слова сказать против тех, которые верят так. Особенно, когда вы прибавляете о том, что сущность учения в Нагорной проповеди. Не только не отрицаю этого учения, но, если бы мне сказали: что̀ я хочу, чтоб дети мои были неверующими, каким я был, или *верили* бы тому, чему учит Церковь? я бы, не задумываясь, выбрал бы *веру* по Церкви. Я знаю, н⟨а⟩п⟨ример⟩, весь народ, который *верит* не только тому, чему учит Церковь, но примешивает еще к тому бездну суеверий; и я себя (убежденный, что я верю истинно) не разделяю от бабы, верящей Пятнице[1], и утверждаю, что мы с этой бабой совершенно равно (ни больше, ни меньше) знаем истину. Это происходит от того, что мы с бабой одинаково всеми силами души любим истину и стремимся постигнуть ее и *верим*. Я подчеркиваю *верим* потому, что можно верить только в то, чего понять мы не можем, но чего и опровергнуть мы не можем. Но верить в то, что̀ мне представляется ложью — нельзя. И мало того, уверять себя, что я верю в то, во что я не могу верить, во что мне не нужно верить, для того чтоб понять свою душу и Бога, и отношение моей души к Богу, уверять себя в этом есть действие самое противное истинной вере. Это есть кощунство и есть служение князю мира. Первое условие веры есть любовь к свету, к истине, к Богу и сердце чистое без лжи. Все это я говорю к тому, что бабу, верющую в Пятницу, я понимаю, и признаю в ней истинную веру, потому что знаю, что несообразность понятия пятницы, как Бога, для нее не существует, и она смотрит во все свои глаза и больше видеть не может. Она смотрит туда, куда надо, ищет Бога, и Бог найдет ее. И между ею и мною нет перед Богом никакой разницы, потому что мое понятие о Боге, которое кажется мне таким высоким, в сравнении с истинным Богом также мелко, уродливо, как и понятие бабы о пятнице. Но если я стану обращаться к Богу через пятницу, богородицу, верить в воскресение и тому подобное, то я буду кощунствовать и лгать и буду делать это для каких-нибудь земных целей, а веры тут никакой не будет и не может быть. —

И как я чувствую себя в полном согласии с искренно верующими из народа, так точно я чувствую себя в согласии и с верой по церкви и с вами, если вера искренна, и вы смотрите на Бога во все глаза, не сквозь очки и не прищуриваясь. А смотрите ли вы во все глаза, или нет, мешают ли вам очки, надетые на вас, или нет, я не могу знать. Мужчина с вашим образованием не может, это я думаю, но про женщин не знаю. И потому я на себя удивляюсь и упрекаю себя, зачем я говорил все, что говорил вам. —

Может быть, что я говорил, потому что люблю вас и боюсь, что вы нетвердо стоите и что, когда вам нужно (а нам нужно всегда), вы не найдете и не находите опоры там, где надеетесь найти, но это я говорю «может быть»; вероятнее, что я болтал из тщеславия и болтовней моей оскорбил, огорчил вас; за это прошу меня простить. Если это так, чего я и желаю, то мне вас учить нечему, вы все знаете. Если я и пытался говорить вам что-нибудь, то смысл моих слов только тот: «посмотрите, крепок ли тот лед, по которому вы ходите; не попробовать ли вам пробить его? Если проломится, то лучше идти материком. А держит вас, и прекрасно, мы сойдемся все в одно же».

Но и вам уже учить меня нечему. Я пробил до материка все то, что̀ оказалось хрупким, и уже ничего не боюсь, потому что сил у меня нет разбить то, на чем я стою; стало быть, оно настоящее. Прощайте, не сетуйте на меня и постарайтесь смотреть так же, как я смотрю на вас, и желайте мне того, чего я желаю себе, вам и всем людям — идти не назад (уж я не стану на мною самим разбитый ледок и не покачусь легко и весело по нем), а вперед, не к определению словами моего отношения к Богу через *искупление* и т.п., а идти вперед жизнью, каждым днем, часом, исполняя открытую мне волю Божию. А это очень трудно, даже невозможно, если сказать себе, что это невозможно, и не только возможно, но должно и легко становится, если не застилать себе глаза, а, не спуская их, смотреть на Бога. —

Я только чуть-чуть со вчерашнего дня стал это делать, и то вся жизнь моя стала другая и все, что я знал прежде, все перевернулось и все, стоявшее прежде вверх ногами, стало вверх головами.

Истинно любящий вас

Л. Толстой

Насчет того, верю ли я в человека-Бога или Бога-человека, я ничего не умею вам сказать и, если бы и умел, не сказал бы. Об этом расскажут

сожженные на кострах и сжигавшие. «Не мы ли призывали тебя, называя Господом». Не знаю вас, идите прочь, творящие беззаконие.

Написав письмо, я подумал, что вы можете упрекнуть меня — сказать — «я сказала, во что́ я верю, а он не сказал». Сказать свою веру нельзя. Вы сказали только потому, что повторяли то, что говорит Церковь. А этого-то и не нужно, не должно, нельзя, грех делать. Как сказать то, чем я живу. Я все-таки скажу — не то, во что я верю, а то, какое для меня значение имеет Христос и его учение. Это кажется то, о чем вы спрашиваете.

Я живу и мы все живем, как скоты, и так же издохнем. Для того, чтобы спастись от этого ужасного положения, нам дано Христом спасение. —

Кто такой Христос? Бог или человек? — Он то, что он говорит. Он говорит, что он сын Божий, он говорит, что он сын человеческий, он говорит: *Я то, что говорю вам. Я путь и истина*[2]. Вот он это самое, что он говорит о себе. А как только хотели все это свести в одно и сказали: он Бог, 2-е лицо троицы, то вышло кощунство, ложь и глупость. Если бы он это был, он бы сумел сказать. Он дал нам спасенье. Чем? Тем, что научил нас дать нашей жизни такой смысл, который не уничтожается смертью. Научил он нас этому всем учением, жизнью и смертью. Чтобы спастись, надо следовать этому учению. Учение вы знаете. Оно не в одной нагорной проповеди, а во всем Евангелии. Для меня главный смысл учения тот, что, чтобы спастись, надо каждый час и день своей жизни помнить о Боге, о душе, и потому любовь к ближнему ставить выше скотской жизни. Фокуса для этого никакого не нужно, а это также просто, как то, что надо ковать, чтобы быть кузнецом. —

И потому-то это Божеская истина, что она так проста, что проще ее ничего быть не может, и вместе с тем так важна и велика и для блага каждого человека и всех людей вместе, что больше ее ничего быть не может.

171. А.А. ТОЛСТАЯ — Л. Н. ТОЛСТОМУ

23 февраля 1880. Петербург

Милый друг Léon, в третий раз принимаюсь к вам писать. Все странное и ужасное, совершавшееся около меня[1], отвлекало меня от вас не мыслями (напротив), а действием. Просто не было возможности взяться за перо. Очень благодарю вас за последнее письмо. Чувствую, что

оно было дружеское жертвоприношение, хотя писано с некоторою раздражительностью. Не знаю, до какой степени я вас теперь лучше поняла. Совершенно сродниться с вашим взглядом мне невозможно, потому что он не сходится с самою сутью Евангелия, но вы можете мне много помогать тою стороною вашего сердца, в которой я вижу клад. Спорить с вами и *учить* вас я не сбираюсь, но мне представляется, что в наши лета и с нашим направлением к *главному* у нас и не может быть других разговоров — то есть если вы согласитесь не принимать за *мораль* простое выражение моих мыслей. Я на ваш счет спокойна. Начатое Божие дело в вашей душе непременно довершится. Теперь поднято только одно покрывало — вы верите и желаете добра от всей души. — Затем будут подниматься один за другим новые покрывала и так до конца жизни, потому что на этой почве остановиться нельзя, а надобно идти от силы к силе и от света к свету. Иначе попятишься назад. Как хорошо я поняла это ваше чувство: встать утром и решиться все делать хорошо, не теряя из виду ни Бога, ни своей души. Это мне напомнило многое — весь процесс намерений — падений и восстаний, который столько лет приводил меня в отчаяние, потому что я чувствовала всю бесплодность самых искренних и добрых желаний, до тех пор, пока я поняла, что я все хотела сделать одна, *сама собою*. Тут и узел всей внутренней работы. Не помню, как и когда именно он для меня развязался — но помню, что слова ап⟨остола⟩ Павла мне много помогли: «Добра, которого хочу, не делаю, а зло, которого не хочу, делаю. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием, но в членах моих вижу другой закон, который воюет против закона ума моего» и т.д. Не поленитесь прочитать всю главу 7-ю Послания к Римл⟨янам⟩[2]. Тогда мне стало ясно, что только в соединении с Христом, разумеется, посредством молитвы и Причащения, является сила, превышающая нашу природную и *без Него* непобедимую немощь. Это уже не церковное и не вычитанное, а опыт сердца, которое наконец нашло точку опоры. Падения, конечно, повторяются, но они уже не совершаются *легко*, а становятся ненавистны и невыносимы для души. Примирения же ищу опять в том же Источнике — и в смиренном чувстве своей полной несостоятельности.

Положим, что можно спастись и без Христа — мы веруем и идем вперед, не забывая Бога и Его заповедей — а прошедшее — а эти долгие годы, где мы жили в безверии и вне всяких Его законов? Кто же их покроет, чем оправдаемся?

Пожалуйста, не подумайте, что я хочу чем-либо хвастаться (хвалюсь только Им), но в последнее время, которое, впрочем, и теперь еще продолжается, было много случаев проверить себя и посмотреть: стоишь ли ты на хрупком льду или, как вы говорите, на материке. Мы без всяких метафор живем на бастионе. И однако, хотя душа и возмущалась, но мир внутренний не был нарушен, и только от того, что связь с Христом была по милосердию Его еще ощутительнее и успокоительнее.

Вероятно, вы сколько-нибудь подумали и помолились за нас. Не станем разъединяться ничем. Вы мне так близки, так близки по сердцу, что и сказать не могу. Не сетуйте на меня, если вам скучно читать мои письма. Вы большая птица, а я маленький комар, — но и комар поет по-своему. —

Обнимаю вас и Sophie. Христос да хранит и наставляет всех вас.

А. Т.

23 февр⟨аля⟩
1880.

172. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ и Л.Н. ТОЛСТОМУ

29 апреля 1880. Петербург

Христос воскресе,

Милые друзья Sophie и Léon. Обнимаю вас сердечно и прошу вас, душка Sophie, написать мне[1] хоть несколько слов и сказать мне, здоровы ли все. Léon, вероятно, слишком занят, чтобы вспомнить обо мне, а у меня характер, склонный к беспокойству, и я сейчас боюсь за всех, кого люблю.

Я сама здорова. Сестра уехала к Вадбольским в Лубянки. —

Полагаюсь на вас и еще раз обнимаю вас.

А. Толстая

29 апреля
1880.

173. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

29 декабря 1880. Петербург

Год кончается и итоги сводятся. Неужели ничего не остается в сумме вашей прежней дружбы ко мне, милый друг Léon? Неужели разногласие наших воззрений совершенно вас оттолкнуло от меня?

Надеюсь, что вам живется хорошо, и если так, дай Бог вам продолжения и всего лучшего во всех отношениях.

Для меня год был тяжелый — горе в многоразличных видах — удар за ударом[1]. Знаю, что все так *должно* быть, и что эта окончательная переработка имеет свою цель. Последний этап всегда труднее других — но часто ноги подкашиваются, и не знаешь, как дойдешь. —

Пожалуйста, откликнетесь хотя одним словом. Скажите, что вы все здоровы и благополучны. Этого с меня будет. А покамест обнимаю вас и милую Sophie, которую, к моему великому стыду, еще не благодарила за ее милое письмо[2], которое в то время меня много утешило. Но тому уже так давно. Да хранит вас Бог.

А. Т.

29 д⟨екабря⟩
1880.

1881

174. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 1 и 15 января 1881. Ясная Поляна

Очень вам благодарен за весточку. Я все сбирался написать, а вы написали. Зачем разногласие? Не в одного Бога веруем, но под одним Богом ходим. —

Очень жаль, что вы всё грустите. — Дай Бог вам такого душевного состояния, в котором бы как можно легче переносилось всякое горе. Горе и радость в нас. Впрочем, я не имею права судить. Я с внешней стороны так счастлив, как только могут быть люди. Мои все здоровы и не дурны. Я очень занят[1].

Целую вашу руку.

Л. Толстой

175. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

17 января 1881. Петербург

Получила ваше маленькое и для будущей переписки неободрительное письмо. Без особенной причины не стала бы писать. Но вот что случилось и что я *должна* вам сказать.

Я эту зиму очень сошлась с Достоевским, которого давно любила заочно. Он с своей стороны любит вас — много расспрашивал меня, много слышал об вашем настоящем направлении и, наконец, спросил меня, нет ли у меня чего-либо писанного, где бы он мог лучше ознакомиться с этим направлением — которое его чрезвычайно интересует. Я вспомнила ваше прошлогоднее письмо и дала ему это письмо[1].

Вот в чем каюсь и для чего теперь пишу. Если это вам будет неприятно, то прошу прощения. Но не думаю, чтобы вы посмотрели на это, как на breatch of confidence* — тем более, что вы, как я слышу, делаете ваше profession de foi** печатно[2], да и вообще наши религиозные убеждения не могут и не должны быть тайной. Отвечайте мне да или нет, чтобы успокоить мою совесть.

Рада, что вы все здоровы и счастливы. Да хранит вас Бог.

А. Т.

17го января
1881.

1882

176. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н ТОЛСТОМУ

30 января 1882. Петербург

Милый друг Léon, с тех пор как я узнала, что вы проводите зиму в Москве[1], меня преследовало сильное желание видеть вас, Sophie и хотя немножко познакомиться с вашими детьми. Я совершенно способна приехать для этого на несколько дней в Москву, но предварительно желала бы знать, будет ли это вам по сердцу и еще — застану ли вас

* злоупотребление доверием (*англ.*)
** исповедание веры (*фр.*).

в Москве на второй или третьей неделе В⟨еликого⟩ поста. Ранее я собраться не могу, потому что больна сильной простудой. Что ваш ответ будет откровенен, — я в этом не сомневаюсь, и нисколько не обижусь, если вы мне скажете, что теперь не расположены меня видеть. Тогда и делу конец. —

В случае моего приезда в Москву я остановлюсь у одной моей приятельницы на Никитской. Надеюсь, что это не слишком далеко от вас. Мы можем видеться и у вас, и у меня без всякой помехи и не торопясь, как это всегда бывало в ваши короткие наезды в П⟨етер⟩б⟨у⟩рг. Не скрою, что ваша последняя записка[2] показалась мне замороженною. Может быть, только показалась, и не подействовала на меня *вглубь*, где все осталось неизменно. Теория ваша насчет смерти близких справедлива, но трудно доказать сердцу, которое болит, что оно *не* болит. —

Ваша теплая речь[3], надеюсь, подействовала на многих, как будильник, и поэтому уже хороша. Впрочем, если Бог даст, мы обо всем этом переговорим на словах. Если у вас есть лишний экземляр «Чем люди живут» — пожалуйста, пришлите мне его[4]. Этот рассказ прямо входит в душу и вместе с тем так поэтичен.

Итак, может быть, до свидания[5]. Да хранит вас Бог. Обнимаю вас и Sophie.

А. Т.

30-го янв⟨аря⟩
1882.

177. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

9 или 10 февраля 1882. Москва

Дорогая... Ужасно мне неловко писать обращение. Ради Бога не думайте, что отсутствие его имеет какое-нибудь значение. Самое естественное мне обращение было бы сестра Александра; но это кажется дико и претенциозно. Письмо ваше я получил на отъезде в деревню, куда я ехал отдохнуть от разбитых нервов[1], и просил Соню ответить вам, а ее засуетили на маслянице, и она не успела. Я вчера вернулся все с такими же расшатанными нервами и пишу вам. Не может быть вопроса о том, что я буду очень рад видеться с вами[2] — очень рад. Но ради Христа не обращайте меня и не жалейте меня, именно ради Христа. Христос это

любовь и согласие; а уж я слишком узнал, что те самые, кот⟨орые⟩ профессируют любовь к Христу, те и нарушают это согласие во имя его. —

Ваш Л. Толстой

178. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

25 февраля 1882. Петербург

...осталось для меня без душевной пользы. *Как* разработается маленькое семечко, унесенное мною, один Бог ведает, но во всяком случае, я чувствую, что *ничто* не могло поколебать моей дружбы к вам, ни твердого упования на будущее. Licht sucht Licht*, сказал Lavater, и сердце, проникнутое, хотя одним лучом солнца правды, конечно, осветится со временем вполне. —

Прощайте, милый друг — постарайтесь любить меня по-прежнему и никогда не говорите и не думайте, что мы служим не одному Богу. Христос *один*, и вы и я любим Его. Это главное. Обнимаю вас и всех ваших — в том числе и Marie. Софинька вам кланяется и ужасно бранила меня, что я не привезла ваш манускрипт[1], — но я разве в этом виновата.

Сердечно ваша.

А. Толстая

25го февр⟨аля⟩.

От вас, разумеется, писем не ожидаю[2], как бывало, но, может быть, милая Sophie напишет[3] мне когда-нибудь.

179. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

3 марта 1882. Ясная Поляна
Неотправленное

Ради здравого смысла поймите следующее и уже, обращаясь ко мне и думая обо мне, — имейте его в виду. Я раз 20 повторял это изустно и письменно в Москве, но тщетно. Попробую последний раз. Вот это рассуждение: Общего между мною и вами быть не может, потому что ту святодуховскую веру, кот⟨орую⟩ вы исповедуете, я исповедовал от всей

* Свет тянется к свету (*нем.*).

души и изучал всеми силами своими ума и убедился, что это не вера, а мерзкий обман, выдуманный для погибели людей. Убедившись в этом, я написал книгу[1], обличающую обманщиков. Стало быть, вот какое мое отношение к вам. À tort ou à raison*, но я считаю вашу веру произведением дьявола, придуманным для того, чтобы лишать человечества спасения, данного Христом. И книга моя, и я сам есмь обличение обманщиков, тех лжепророков, к⟨оторые⟩ придут в овечьей шкуре и кот⟨орых⟩ мы узнаем по плодам. — Стало быть, согласия между обличителем и обличаемым не может быть. Выхода для обвиняемых только два — оправдаться и доказать, что все мои обвинения несправедливы. (Этого нельзя сделать почерком пера. Для этого нужно изучение предмета, нужна свобода слова и, главное, сознание своей правоты. — А этого-то нет.) Обличаемые спрятались за цензуру и штыки и кричат: Г⟨оспо⟩ди помилуй — и вы с ними — или признаться в своей вине и отречься от лжи и зла. — Но говорить, как вы говорите и они: «право, ей Богу, мы не виноваты. Да побойся Бога, право, мы веруем в Христа» и т.п. — это то самое, что́ всегда говорят виноватые. —

Надо оправдаться в насилиях всякого рода, в казнях, в убийствах, в скопище людей, собранных для человекоубийства и называемых в насмешку над Богом — христолюбивым воинством, во всех ужасах, творившихся и теперь творимых с благословенья вашей веры, или покаяться.

И я знаю, что обманщики не станут ни оправдываться, ни раскаются. Раскаяться им и вам не охота, пот⟨ому⟩ что тогда нельзя служить мамону и уверять себя, что служишь Богу.

Обманщики сделают, что всегда делали, будут молчать; но когда нельзя уже будет молчать, они убьют меня. — Я этого жду. И вы очень содействуете этому, за что я вам и благодарен.

Нельзя служить Богу и Мамону. И если свет твой тьма, какова же тьма?

⟨*На конверте:*⟩

Петербург. Зимний дворец.
Ее сиятельству
графине Александре Андреевне
Толстой.

---

* Справедливо или нет (*фр.*).

180. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

4 марта 1882. Ясная Поляна
Неотправленное

Вчера в деревне, куда я уехал очнуться от ужасной московской жизни[1], я получил ваше письмо[2] и последние слова ваши о Христе взорвали меня и я написал вам резкое письмо и свез его сам на почту; но тотчас же послал за ним и взял его назад. Но все-таки чувствую необходимость высказать вам хоть отчасти мое чувство. Не говорите, пожалуйста, о Христе и особенно мне. Вообще не говорите о Христе, чтобы избежать того ridicule*, который так распространен между придворными дамами — богословствовать и умиляться Христом и проповедовать, и обращать. Разве не комично то, что придворная дама — вы, Блудова, Тютчевы чувствуют себя призванными проповедовать православие[3]. Я понимаю, что всякая женщина может желать спасения; но тогда, если она православная, то первое, что она делает, удаляется от двора — света, ходит к заутреням, постится и спасается, как умеет. Но отчего придворное положение сделалось дипломом на богословие — это верх комизма. Мне же не говорите о Христе, потому что Христос один, так же, как Бог-отец был один, но И⟨исус⟩ Х⟨ристос⟩ говорил евреям, что мы с вами не одного отца дети — ваш Бог-отец — дьявол, т.е. ложь[4]. Такая же разница между моим и вашим Христом. Я ведь в отношении православия — вашей веры, нахожусь не в положении заблуждающегося или отклоняющегося, я нахожусь в положении обличителя. Я обличаю православие в отклонении, во лжи сознательной и бессознательной, и потому со мной больше делать нечего, как или с презрением отвернуться от меня, как от безумца, или понять хорошенько то, в чем я обвиняю православие, и признаться в своих преступлениях, или опровергнуть все мои обличения. Нет середины: или презирать, или оправдываться. А чтобы оправдываться, надо прежде всего понять. А для того, чтобы понять, надо прежде всего большую искренность (чем не отличается придворный быт); во-вторых, надо много труда, внимания и времени (тоже не часто встречаемые при дворе); в-третьих, надо смирение, а в вас я вижу гордость, не имеющую пределов — что вы думаете, то святой дух думает. —И потому мне нечего слушать о вашем Христе, я все это не только слышал, но изучал до малейших подробностей. — Вам и вашим надо

* смешное (*фр.*).

перестать прятаться за насилие и принуждение, а выступить защитниками своей веры, обличаемой во лжи, и смешать меня с грязью. — Но этого они не сделают (и вы не делаете). А они будут молчать, пока можно, а когда нельзя уже будет, они убьют меня. И вы, говоря мне о вашем Христе, содействуете этому. Между мной и вами столь же мало общего, сколько было между Христом и Фарисеями. — И я могу погибнуть физически, но дело Христа не погибнет, и я не отступлюсь от него, потому что в этом только моя жизнь — сказать то, что я понял заблуждения⟨ми⟩ и страданиями целой жизни. Простите и вдумайтесь в то, что я пишу.

Ваш Л. Толстой

⟨*На конверте*:⟩

Петербург. Зимний дворец.
Графине Александре Андреевне
Толстой.

1884

181. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А .ТОЛСТОЙ

17 апреля 1884. Москва

Милый друг Александра Андреевна, давно собирался написать вам, чтобы разорвать эту фантастическую преграду, выросшую (или, может быть, построенную нами самими). Дело в том, что преграда эта фантастическая, и мы такие же, как всегда, и потому отношения наши такие же, как всегда. Я так это и чувствую, начав писать вам, — так мне это просто, и легко, и приятно. Так я несколько раз хотел писать, но не было толчка. А теперь явился этот толчок. Толчок этот, я хотел сказать, просьба, но это не просьба, а дело мое столько же или еще меньше, чем ваше. — Я здесь столкнулся с старухой Армфельд, был у нее, расспрашивал про ее дочь[1], смотрел на ее горе, и она рассказала мне, что она просилась жить подле своей дочери на Каре, но ей отказали (она подавала прошенье Государю), и что она хочет просить об этом Государыню. Я одобрил этот план; мне кажется, что если бы затронуть Императрицу, мог бы быть успех. И вот она прислала мне черновую просьбу. Когда я увидал всю эту ложь, все эти *священные особы* и т.п., мне стало грустно,

и я почувствовал, что не могу тут участвовать, но потом стало стыдно, и потом мне посоветовали обратиться к Евгении Максимилиан⟨овне⟩. Эта мысль меня обрадовала. Впечатление, оставшееся у меня об Е⟨вгении⟩ М⟨аксимилиановне⟩, такое хорошее, милое, простое и человеческое, и все, что я слышал и слышу о ней, все так подтверждает это впечатление, что мы решили просить ее, чтобы она передала Импер⟨атрице⟩. А чтобы просить ее, надо просить вас. Так вот мое дело: если бы (что бы было величайшее счастье) можно бы было просить Е⟨вгению⟩ М⟨аксимилиановну⟩, чтобы она просила И⟨мператриц⟩у так просто, без прошения, то просьба матери следующая: Если возможно, перевести ее дочь в какую-нибудь более близкую каторжную тюрьму, если же этого нельзя, то позволить матери приехать туда и жить около тюрьмы. — Если же это нельзя без прошения, то напишите мне, как и что̀ делать.

Надеюсь, что вы испытаете не неприятное чувство при получении этого письма и что вам не неприятно будет помочь матери очень жалкой, и не неприятно будет возобновление общения со мной. Только, пожалуйста, *не обращайте* меня в христианскую веру. Я думаю, у вас много друзей необращенных или оглашенных, причислите меня к ним по-старому. Целую вашу руку.

Л. Толстой

182. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

19 апреля 1884. Петербург

19 апреля
1884 г.

Милый друг Léon, не хотела верить своим глазам, узнавши на пакете ваши дорогие, давно не виденные каракульки. Конечно, вперед догадалась, что под ними скрывается какой-либо толчок — но это нисколько не испортило моей радости. Так запахло стариной и молодостью. Само собою разумеется, что мы можем с вами разойтись только мыслями, а не сердцем. Всей душой и всеми силами желаю помочь бедной матери — я уже видала подобных ей и знаю, *что это такое*. Мысль уже полученного ею отказа меня смущает, но не останавливает. Буду стучаться во все двери, только надобно действовать обдуманно, — видеть кое-кого и наводить справки. Поэтому не торопите меня, а покамест пусть бедная Армфельд пришлет мне две просьбы: одну — на имя Имп⟨ератрицы⟩, другую — на имя Государя. Смысл, разумеется, один и тот же с

изменением лиц, и редакция, пожалуй, останется та же самая, несмотря на смущающие вас выражения. Дело не в принятых формах, которые, впрочем, можно употреблять или опускать à volonté*. Ваше мнение насчет Евг⟨ении⟩ Мак⟨симилиановны⟩ совершенно справедливо, — но, во-первых, она уехала в деревню, а во-вторых, она не годится именно в этом случае по разным комбинациям. Буду извещать вас об ходе дела — покамест я в потемках и не знаю, входит ли оно в разряд возможного или невозможного.

И я также, милый друг, часто порывалась войти с вами в разговор — многое было даже написано и разорвано — но Himmel**, что за дикая мысль вошла в вашу умную, но неразумную голову. Чтоб я стала вас обращать во что бы то ни было *теперь*, tel que vous êtes et telle que je suis?*** — Извините, но это чистейший вздор — и для моего рассудка даже обидный вздор. Станете вы слушать мой писк из-под лавки с высоты вашей кафедры. Да, я часто не пишу, а *кричу* за вас перед кем следует, — но это другое дело. *Он* понимает все побуждения души и знает, чего я за вас прошу и чего опасаюсь, а вы покамест с этим согласиться *не можете*. Стало быть, толчок должен прийти свыше и отнюдь не от какого-либо человеческого слова. Речь идет не об Православии, а единственно об искажении *истины*. Страшно подумать, что вы можете соблазнить *одного из малых сих*. Вот моя заноза на ваш счет, и она болит и колет меня беспрестанно. Утихает только, когда является горячая, слезная молитва, в которой я передаю вас Его любви и Его свету. Что вы хотите? Как я ни верчусь, но *ваше здание* все представляется мне в виде Вавилонской башни с основою людской, адской гордости.

Если не так — тем лучше и тысячу раз слава Господу! — Может быть, я выразилась резко, потому что пишу наскоро и некогда обдумывать, — но и опасение и даже негодование мое не та же ли любовь, а моя к вам и верна и крепка. Обнимаю вас, милую Sophie, детей и внуков. Всех люблю нежно.

А. Т.

Просьбы пусть будут удобочтимы и чисто написаны. Удерживаю у себя копию[1] — она может мне быть нужна.

---

* как угодно (*фр.*).
** небо (*нем.*).
*** такого, каков вы есть, и такая, какова я сама (*фр.*).

183. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Конец апреля 1884. Москва

Милый друг!

Письмо ваше совершенно излечило мою царапинку раздражения. Но еще хочется сделать одно замечание и не для себя, а для вас, чтобы дать вам правильный ключ ко мне, чтоб вам было легче думать обо мне без горечи; а я вижу, что это стоит вам ужасного труда.

Вы говорите, что я учительствую. Милый друг, это ужасная неправда. Я считаю, что нет человека убежденного, верующего, менее склонного к учительству и менее учительствующего, чем я. Пожалуйста, вникните в то, что я скажу, и не горячитесь, а проверьте. Я верю (вера моя дурная — это все равно). У меня есть семья, дети, друзья, к несчастью есть еще публика русская, которая интересуется моими взглядами на жизнь. — Скажите, пожалуйста, что мне делать? Не высказывать своих взглядов, пока они не установились, пока я не знаю твердо, что я так верю и умру в своей вере и за свою веру? Я точно так и делал. Теперь же, когда я верю всеми силами души в то, что я считаю истиной, что мне делать, когда у меня спрашивают, во что я верю? Скрывать свою веру? Скрывать потому, что моя вера несогласна с царствующей верой? потому что мне неприятно, тяжело и опасно выказывать ее? Ясно, что я обязан сказать, во что я верю, чтобы не было никаких quiproquo* и чтобы не могли люди употреблять мой авторитет (к⟨оторый⟩ вы признаете) на то, что⟨бы⟩ поддерживать то, во что я не верю. Я это самое и сделал. Теперь вы говорите, что я учительствую. Это несправедливо. Весь смысл моих писаний тот, что я высказываю *свою*, свою личную веру и не только не говорю, что помимо моей веры нет спасения, но признаю, что всякая вера хороша, если она искренна, и непременно соединяет нас в делах любви. Я говорю только то, чему я верю и чему не верю, и почему не верю. — Я часто удивляюсь раздражению, к⟨оторое⟩ вызывает мое исповедание веры. Почему протестантизм, унитарьянство, магометанство не вызывают такого раздражения?

Я бы очень рад был, если бы вы были бы одной веры со мной; но если вы другой веры, то я очень понимаю, как сделалось то, что вы другой веры, и ваше различие со мной не может раздражать меня. Раздражение же против меня особенно жестоко. Вы вникните немножко в мою

---

* недоразумений (*фр.*).

жизнь. Все прежние радости моей жизни, я всех их лишился. Всякие утехи жизни — богатства, почестей, славы, всего этого у меня нет. Друзья мои, семейные даже, отворачиваются от меня. Одни — либералы и естетики* считают меня сумашедшим или слабоумным вроде Гоголя; другие — революционеры, радикалы считают меня мистиком, болтуном, правительственные люди считают меня зловредным революционером, православные считают меня диаволом. — Признаюсь, что это тяжело мне, не потому, что обидно, а тяжело то, что нарушается то, что составляет главную цель и счастье моей жизни — любовное общение с людьми: оно труднее, когда всякий налетает на тебя с злобой и упреком. И потому, пожалуйста, смотрите на меня как на доброго магометанина, тогда все будет прекрасно. —

Мальцов, флигель-адъютант, расположен помочь делу Армфельд[1]. Не нужен ли он вам. Обнимаю вас.

Л. Толстой

184. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А. А. ТОЛСТОЙ

2 ⟨?⟩ мая 1884. Москва

Милый друг Alexandrine. Посылаю прошения[1]. Мне кажется, что они соответствуют вполне цели. — Еще спешу поправить ошибку: отказа на прошение Государю не было. Прошение было подано 13 мая 83 года, и ответа не было никакого. — Отказ был один от ген⟨ерал⟩-губерн⟨атора⟩ восточной Сибири на прошение, поданное ему еще 9-го марта 82 года, и другой от министра вн⟨утренних⟩ ⟨дел⟩ Толстого на прошение, поданное ему от 20 июня 83 года. А на прошение Государю ответа не было. Так вот как обстоит дело.

Ужасно благодарю и люблю вас за участие, которое вы приняли в этом деле, и с волнением жду ответа.

Ваш Л. Толстой

---

* Так в автографе. — *Ред.*

185. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

5 мая 1884. Петербург

5 мая
1884

Милый друг Léon, я узнала от Кузминских, что вы скоро уезжаете в деревню[1], и мне не хочется оставлять вас в недоумении насчет дела Армфельд. Все, решительно *все* было сделано, чтобы пустить его в ход, — но ответа еще нет. Жду его с день на день с трепетом, но и с надеждой. То есть il faut s'entendre*. Из разговоров моих avec les experts** ясно видно, что перевести бедную Ар⟨мфельд⟩ из Кары в ближайшую полосу отнюдь покамест не согласятся. Но позволение матери поселиться близ дочери, вероятно, дадут[2]. Entre nous***, мне очень хотелось, чтобы при этом ей дали что-либо на дорогу. Если дадут мало — мы с вами дополним, не правда ли? Каждый, что может. Если все это не удастся *теперь*, то, как скоро Рихтер, а с ним и Мальцев поступят в Комиссию прошений, мы возобновим попытку. Мальцев прекрасный человек — работает за других даже через силу. Нужно ли передавать все мною сказанное г-же Армф⟨ельд⟩? Думаю, что нет.

Вчера получила ваше кроткое, дорогое письмо. Оно оставило у меня на душе теплое, нежное чувство, и я за него тем более благодарна, что мне действительно трудно примириться с вашими взглядами, несмотря на всю любовь, которую чувствую в вашем сердце. Дочитываю последние страницы вашей последней книги[3]. Вот это-то печатание меня и смущает. Слово, как в воду брошенный камень, делает бесчисленные круги, и куда, куда они разойдутся! Если Бог позволит нам еще свидеться[4], может быть, поговорим обо всем, — но письменно не умею и не хочу. А покамест меня сегодня очень успокоила 14 гл⟨ава⟩ к Римлянам[5]. —

Пусть будет так — я вас не сужу — вы действуете по своему пониманию и вы правы, но *faire sans dire*****, по-моему, было бы еще лучше, — даже для вас самих. Страшно опасно глядеть на себя как на мученика. Дорогой мой долготерпец, люблю вас от всей души. Обнимаю вас всех.

А. Т.

---

* вот в чем дело (*фр.*).
** с знатоками (*фр.*).
*** Между нами (*фр.*).
**** делать без слов (*фр.*).

186. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

7 мая 1884. Москва

С каким хорошим, приятным чувством я прочел ваше письмо, и вдруг под конец опять мне стало больно. Удивительная вещь! несмотря на все ваше желанье быть доброй и особенно ко мне, против вашей воли прорывается непрестанная ненависть. —

Я не говорю о том, что все письмо мое имеет целью объяснить, почему мне неизбежно до́лжно было выразить свое исповедание; вы мне говорите, что почему-то лучше делать, а не говорить. Но я не говорю об этом. При этом я говорю, что личных побудительных причин печатать у меня не может быть, что мое писанье не только отталкивает от меня и вызывает презрение всякого рода людей, но и охлаждает, отвращает от меня семью и друзей, и я с болью сердца говорю это вам. И что ж, вам это забавно, вы иронически называете меня страстотерпцем. — Нет, это истинно жалко таить в себе источник ненависти к людям, и даже не в силах быть удержать выражения его. — Истинно жалею вас. Ужасно жить и умереть, нося в себе эту причину ненависти к людям. И от всей души желаю вам освободиться от нее.

Ваш Л. Толстой

187. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

16 мая 1884. Ясная Поляна

Разумеется, я преувеличил[1] с тем, чтобы отомстить вам, и прошу у вас за то прощенья. Надеюсь, что теперь я уже никогда кроме приятного и доброго не буду вам говорить и о вас думать. Желал бы очень того же с вашей стороны.

Мы переехали в деревню[2]. Как хорошо одиночество после городского шума!

Очень грустно будет, если Армфельд не позволят жить с дочерью[3]. Она уже начала надеяться. Хочется сказать и скажу: в каком же мире мы живем, если об том, чтобы мать могла жить с несчастной дочерью — несчастной, потому что ее держат на каторге люди же нашего мира, — если об этом нужно просить, умолять, хитрить и хлопотать?

Если есть еще миссионеры, есть люди, любящие своих братьев (не тех, кот⟨орые⟩ на каторге, а тех, кот⟨орые⟩ держат их там), то вот кого

надо обращать с утра и до вечера: Государя, министров, комендантов и др. Обращайте их, вы живете среди них, внушайте им, что если от их воли зависит облегчить участь несчастных и они не делают этого, то они нехристи и очень несчастны.

Прощайте, милый друг, так не будем обижать друг друга и будем друзьями.

Л. Толстой

188. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

28 мая 1884. Ясная Поляна

Милый друг!

Надеюсь, что вы получили мое повинное письмо[1] и приняли его с тем же чувством, с к⟨аким⟩ я писал его. — Вчера получил письмо от Армфельд[2]. Посылаю его вам. Оно лучше меня вызовет в вас те же чувства, как и во мне. — Боже мой! Как ужасно жалки люди, кот⟨орые⟩ могут делать такие грехи. И как помочь им? Вы ведь согласны, что нельзя знать это и быть спокойным. Когда я был молод и не знал, я негодовал и осуждал, теперь я ищу понять, чего это требует от меня, что я должен делать? А я должен что-то делать. Я думаю, что я должен, сколько мне Бог дал силы, стараться смягчить сердца тех людей, помочь им быть лучше и счастливее. И я делаю и буду делать это до смерти. Если я делаю это с гордостью для себя, то, разумеется, я виноват. И вас, и всех прошу научить меня, поправить или показать, что я неправ.

Прощайте, мой друг, будем любя доживать наш век и помогать друг другу прожить его по-божьи. Обнимаю вас.

Л. Толстой

189. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

31 мая 1884. Петербург

31 мая
1884

Милый друг Léon, на три последние ваши письма я вовсе не откликнулась[1], что не в моих правилах. Дело в том, что я была очень нездорова — и что к прочим недугам присоединилась страшная боль в

указательном пальце правой руки — именно в самом необходимом. — Вероятно, он в чем-нибудь очень провинился — может быть, и писанное к вам было принято в расчет. Короче, я совершенно измучилась, и хотя теперь немного легче, я держу карандаш между первым и четвертым пальцем. Об пере и помышлять еще не могу. Я как раз похожа и теперь на вывеску — где указательный палец торчит в ту или другую сторону для объяснения путей. К сожалению, мой палец не годен даже для этого, но очень был годен для испытания моего терпения. Чего-чего не передумалось в 10 бессонных ночей. Не возвращаю вам письма Арм⟨фельд⟩ — не хочу еще совершенно терять надежды[2] и рано или поздно возвращусь к этому задушевному вопросу, хотя не совсем разделяю ваших взглядов. Вы слишком гнете в одну сторону — вполне извиняя одних, и не ставя себя на почву других в наше смутное, тяжелое время. Сердце болит за всех — mais la charité même doit être équitable et dans une lutte corps à corps ce sont naturellement souvent les plus innocents qui reçoivent les coups les plus rudes*. *Кто виноват?* еще не разрешен вопрос — или, лучше сказать, все виноваты, не исключая и нас с вами. Правды нет на земле. Надобно непременно помогать где только можно — но без негодования, в том возвышенном духе, с которым Спаситель сказал: Прости им — не ведают бо, что творят[3]. Les trois quarts de l'humanité sont dans ce cas. Je vous remercie pour vos chères lettres — toutes m'ont touchée — toutes m'ont donné un désir irrésistible de vous voir — de causer avec vous — mais je ne puis le faire en écrivant même si ma main était bien portante**. Мы стоим в главных пунктах на противуположных полюсах — это мне очень тяжело, — но сердце рвется к вам более, чем когда-нибудь. Разъединяются только мысли, и ваше направление к *добру* действует на меня очень благотворно. Недавно Алек⟨сандр⟩ Мих⟨айлович⟩ Кузминский напомнил мне как-то об Паскале. Я, бывало, знала его почти наизусть — но вот уж довольно долго не читала, а теперь опять взялась за него[4] и, должна сознаться, после вашей книги[5] это для меня успокоительное наслаждение, хотя я с ним не во всем согласна — но фундамент верований один и тот же — это главное. Возможное спасение *только* через жертву и Воскресение Христа. Сами спастись не можем, потому что своими силами

---

* но и самое милосердие должно быть справедливо, а в тесной схватке часто, конечно, невинные получают самые тяжкие удары (*фр.*).

** Три четверти рода человеческого именно в этом положении. Благодарю вас за ваши милые письма — все меня тронули и после каждого неудержимо хотелось видеть вас, говорить с вами. Но письменно я не могу этого исполнить, даже будь моя рука здорова (*фр.*).

не можем исполнить то, что сами считаем ⟨за⟩ самое лучшее и святое. Если не разберете моих каракулей, не беда. Разберите только, как нежно я вас люблю. Обнимаю вас и всех ваших.

190. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

6 июня 1884. Ясная Поляна
Неотправленное

Получил ваше письмо карандашом, милый друг, и очень пожалел о вашей боли. — Странно, что письма ваши всегда возбуждают во мне желание возражения. Я считаю это хорошим признаком — именно, что я *серьезно* отношусь к вашим мыслям. Возражение, кот⟨орое⟩ мне теперь хочется вам сделать, следующее: Собственно это не возражение, а выражение желания мира, согласия и любви в ответ на ваше (простите, пожалуйста) желание спора и несогласия. Вы пишете, что мое, будто бы, желание добра вам сочувственно, но несогласны со мной, что человек может делать добро своими силами. Заметьте, я ничего подобного никогда не говорил. Так с чем же вы несогласны? Если разбирать, какою силою человек делает добро, то само собою разумеется, что всякий мыслящий человек скажет, что человек делает это той силою божескою, кот⟨орая⟩есть в нем и кот⟨орую⟩ вызвал в нем, дал ему Христос. Мужики говорят: это по-божески сделано. Или — в тебе Бога нет. Все доброе в человеке от Бога и от Христа. — Положим вы скажете: это так, да не так. Вы не признаете искупления. Милый друг, и искупление признаю, и все, что хотите, признаю, только бы люди любили добро, т.е. Бога, и делали бы добро, т.е.божеские дела. И это я не фразу говорю. Истинно признаю и искупление, и воскресение, и причастие, разумеется, придавая им такой смысл, кот⟨орый⟩ бы не оскорблял моего, Богом же данного разума, — то самое, что делаете и вы, и все верующие, и прошу только снисхождения к особенностям моего понимания, прошу, чтоб не ставили слишком les points sur les i* и, главное, допускаю и уважаю, и понимаю всякое другое толкование всех этих таинственных предметов; но выговариваю одно — любить Бога и ближнего и делать дела Божьи, т.е. добро ближнему, и делать его точно, по-настоящему, не на словах, а на деле. — И при этом прошу, чтобы, делая это добро, не говорить вся-

* точки над i (*фр.*).

кий раз, что это делает во мне Бог, — не говорить это для того, что это уже раз решенный вопрос, в котором все согласны, и что приговаривать это при каждом деле очень неудобно и затруднительно. Вроде того, как затруднительно бы было приговаривать при каждом движении, что это не я протягиваю руку и сжимаю, а такой-то нерв передает такому-то мускулу, и мускул сокращается и т.д. Ведь это было бы неудобно, да и некогда. Также неудобно приговаривать при каждом поступке, что это делает Бог. Это уже решено: дурное делаю я. Доброе делает во мне Бог, Христос. Но для удобства речи мы все-таки будем говорить: он протянул руку и он сделал дурное или доброе. Дело в том, чтобы делать доброе и знать, что доброе и что злое, т.е. что божеское и что небожеское. Так вот, видите ли, спорить нам не о чем, а рассуждать о том, что божеское и что небожеское, необходимо нужно для того, чтобы знать, когда я с ним и когда врозь. Самое страшное то, чтобы вообразить себе, что я с Ним, когда я врозь. И еще страшнее быть очень довольным, когда я с Ним, и вообразить, что я от этого сделался очень хорош, тогда как я только, только был не отвратителен, а обрадовавшись своему совершенству, сделался отвратителен.

Так видите, я всегда согласен с вами; вы только хотите не соглашаться со мной в каких-то тонкостях; в том же, что те люди, кот⟨орые⟩ мучают других людей, не знают Христа, и что им надо помогать, в этом вы бы и хотели, но не можете не согласиться со мной.

Желаю вам хорошего. Крепко жму вашу руку.

Ваш Л. Т.

191. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

7 или 8 ⟨?⟩ июня 1884. Ясная Поляна

Очень вам благодарен, милый друг, за участие и знаю (чувствую это по тону письма), что вы сделаете все возможное[1] и сделаете от сердца. Очень люблю вас за это. Но заметьте, я, по своей дурной, ложной, соблазнительной вере, я — хотя и гораздо менее добрый по сердцу человек, чем вы, но я, по своей дурной, дьявольской вере, ничего кроме доброго и любовного к вам не чувствую и не говорю; а вы, по своей хорошей вере, несмотря на вашу истинную доброту, на любовь ко мне, на мои мольбы не обращать меня (т.е. учтиво выражаясь, не говорить мне неприятностей), вы не можете воздержаться от того, чтобы не сказать тотчас же

самого больного и оскорбительного, что только можно сказать человеку, именно, что то, что есть его святыня, — есть адская гордость. —

Я вашу веру люблю и уважаю, я не люблю только зло, — и вы тоже должны бы были не любить.

Жду с нетерпением ваших указаний[2] и очень благодарю и люблю вас; но ради всего святого для вас поймите, что и для других есть святое.

Ваш Л. Толстой

192. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

8 или 9 ⟨?⟩ июня 1884. Ясная Поляна

Вчера написал вам письмо, милый друг, и, вспоминая его, боюсь, что в нем есть то, что огорчит вас. Забудьте это и простите меня. Очень, очень благодарю вас и люблю за все, что вы делали для Армфельд. Я живо себе представил ваши труды и ваше разочарованье[1], и мне стало совестно, что я этому причиной и не выразил вам своего участия. Благодарю вас от всей души. Пожалуйста, забудьте то, что могло огорчить вас.

Ваш Л. Т.

193. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

16 декабря 1884. Петербург

...и подымает дух. Иронический тон вступления, разумеется, меня несколько покоробил — тем более, что я близко знала людей, раздающих чужие деньги, — все они при этом отдали и жизнь свою с любовью и самоотвержением — но и в вступлении много правды[1]. Из Собрания писем Тургенева единственное, которое мне понравилось и даже глубоко тронуло, это последнее, писанное к вам[2]. — В этих немногих строках нашла всё, что отсутствует в остальном. Как бы хотелось прочитать ваш ответ[3].

С нетерпением жду приезда Sophie и Танички[4] — а покамест обнимаю и люблю вас всех.

Общая бабушка

16$^{\underline{го}}$ д⟨екабря⟩ 1884.

1885

194. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

19 ⟨?⟩ января 1885. Москва

Простите, ради Христа, дорогой друг, что так долго не писал вам на то радостное известие, кот⟨орое⟩ вы передали о г-же Армфельд[1]. Верно, у вас на сердце хорошо от этого дела. Мать счастлива и благодарна вам[2] до умиления. Она говорит, что не смеет писать вам. — Вы мне радостное пишете, а я — грустное. Вчера узнал от Захарьина, доктора, что Урусов Леонид неизлечимо болен[3]. Он не знает этого, но родные его должны бы знать. Я писал и его жене[4]. Мы все так давно — с рожденья приговорены к смерти Богом, а, когда нам это скажет доктор, это точно что-то новое. Я Сереже, сыну, велел просить за меня у вас прощенья и сказать, как я люблю вас, а он ничего не сказал[5]. Так я говорю, что я все тот же вообще и к вам в особенности, т.е. считаю вас близким и дорогим мне человеком. — До свиданья. Может быть, увидимся до смерти. А если увидимся, то я буду лучше, чем последний раз[6].

Л. Толстой

195. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

21 января 1885. Петербург

21го января
1885

Милый друг Léon, ваша теплая страничка меня очень, очень тронула. Я так рада, что и в моем сердце ничто не изменилось к вам, а если и изменилось, то к лучшему, то есть еще более горячему. Вот почему всякий отголосок мне так дорог. Дай Бог нам еще увидеться в жизни. Я рассчитываю почти на неправдоподобное, но оно-то иногда и является неожиданно, а покамест с жадностью пользуюсь каждым случаем слышать про вас. Добрая Елиз⟨авета⟩ Ив⟨ановна⟩ Черткова мне много рассказывала про ваше свидание[1] — она вас сердечно полюбила, но кое-что из ее слов я не совсем поняла. Вы можете с *ними* быть в согласии, но едва ли в соглашении[2]. Не знаю, правильно ли я выражаюсь, но вы поймете, что я хочу сказать.

Об бедном Леониде мы давно все скорбим. М-me Мальцева разливается плачет, но она так плоха здоровьем, что ей немыслимо пере-

движение. Не знаю, что сделает жена. Для нее препятствие — дети и всегдашнее безденежье. Однако ж надеюсь для нее, что она все-таки приедет. Вы совершенно правы — нет ничего удивительнее, как наше всегда повторяющееся удивление при смерти нам близких. Из этого видно так ясно, что мы в *начале* не были обречены на смерть. Неужели никто из вас не решится сказать Урусову, *что́* его ожидает. Я бы это сделала непременно — как и всех прошу не оставлять меня в заблуждении, когда придет мой конец. Ce serait pour moi la plus grande cruauté de la part de ceux qui m'aiment*. Многие же думают иначе.

Сережа сделал на меня очень хорошее впечатление, хотя я видела его мало и мало с ним говорила. Мне сказали, что он застенчив, и мне не хотелось бередить это чувство на первых порах. К тому же между им и мною стоит великая пропасть лет, да и я под старость становлюсь застенчива.

Видно, не придется опять видеть здесь Sophie и Таничку. Очень, очень мне это прискорбно, но что делать? Обнимите их всех за меня и вас тоже сердечно обнимаю, милый друг. Не смею делать предположений, но всё одним глазом заглядываю на Ясную Поляну. Да хранит вас Бог.

Бабушка

Нравится ли вам статья Vogüé об Достоевском[3]. Я люблю этого автора за его задушевность к России и за изящную тонкость его ума. — Вовсе не похож на француза по духу.

Сказал ли вам Сережа (буде сказано вам не в укор), что я подарила себе на новый год полное собрание ваших сочинений[4] и перечитываю с невыразимым наслаждением. Что за прелесть — и... простите меня — что за жалость.

196. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Начало августа 1885. Ясная Поляна

Я слышал от Л.И. Чертковой, что вы были больны, и тогда же хотел писать вам и все откладывал. Хотя мы и воображали, что мы сердились друг на друга, я знаю, что мы не перестанем любить друг друга, и чувствую это за себя. Напишите про себя. Что вы? Лучше ли вам? —

---

* Это было бы более всего бесчеловечно по отношению ко мне со стороны тех, кто меня любит (*фр.*).

Про себя могу сказать только, что с каждым часом чувствую себя спокойнее и счастливее. Дай Бог, чтобы также было с вами. Так напишите же.

Любящий вас брат
Л. Толстой

197. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

19 августа 1885. Петербург

19 авг⟨уста⟩ 1885
Елагин

Любезный друг Léon, напишите словечко об здоровье Sophie; с отъезда Александра Михайловича я ничего про нее не знаю; здорова ли также моя крестница, которой вот уже минул год[1]; вообще желаю знать, как вам живется. Я же медленно воскресаю[2], и всех вас люблю по-прежнему.

А. Толстая

198. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ и С.А. ТОЛСТОЙ

28 ноября (10 декабря) 1885. Баден-Баден

10 дек⟨абря⟩ 1885 г.
Баден-Баден. Schillerstraße, 6

Простите мой вызов, дорогой друг Léon. Не могу усмирить неугомонного червячка, который пошевеливается в моем сердце и представляет собой мое беспокойство насчет тех, кого люблю. Как же мне не хватиться за перо, даже увечными пальцами, и не спросить: здоровы ли вы все? В России доходили до меня хоть изредка кое-какие отголоски, здесь же, разумеется, ничего не знаю про вас, и мне это тяжело. Откликнитесь, милый друг, — вы или Sophie[1] — не заставляйте меня аукать, как в лесу, понапрасну. Если бы вы знали, как я дорожу теми немногими еще оставшимися милыми.

Вот скоро два месяца, как я перенеслась в Баден и радуюсь выбору своего местопребывания. Тихая деревенская жизнь без всяких светских усложнений и с двумя-тремя симпатичными старыми друзьями. Just what

I wanted*. Здоровье мое уже много окрепло с переменою воздуха. Гуляю ежедневно пешком, сколько силы позволяют, и наслаждаюсь чудной Баденской рамкой, которая, как красавица в шестнадцать лет, во всех нарядах хороша. Наслаждаюсь и возвращенной мне жизнью и люблю ее более, чем прежде, только иначе. Мне действительно кажется, что я теперь счастливее, чем была даже в молодости, где много живешь обманом. Болезнь и близость смерти прошли не тщетно. То и другое было нужно, чтобы осветить темные углы, которых не умеешь видеть в здоровом состоянии. Вся несостоятельность моя, все кривизны моей души были указаны мне ясно, и смерть мне показалась гораздо страшнее, чем я предполагала. Узнать эту истину было необходимо. Неизмеримая благодарность, которая теперь горит в моем сердце, именно и составляет мое счастье. Кажется, я писала вам весной[2], что перечитывала ваши письма. В них, между прочим, часто повторялся упрек, что я мало пишу об себе. Теперь вы этого не скажете, хотя я не выразила и сотой доли того, что было перечувствовано за эти последние месяцы.

Кстати, о ваших письмах. В то время, когда вы собирались писать «Декабристов», вы искали всюду матерьялов для своей книги. Что бы я дала тогда, чтобы найти то, что нашлось теперь? По словам Жуковского, в бумагах его отца есть много интересного именно об этой эпохе и, разумеется, он отдал бы вам все с радостью — но, увы! оно уже вам не нужно. Жуковский junior страстный поклонник вашего творчества. Он милейший человек, артист, и я люблю его, как сына. Мы часто с ним говорим про вас. Приходится мне слышать иногда и отзывы иностранцев, которые с жадностью читают не совсем удовлетворительные переводы и сознают, что ни в какой литературе нет ничего подобного. Мы это с вами знаем, но все-таки je me rengorge dans ces occasions comme si j'avais contribué à produire ces chefs d'œuvre**. Я с собою привезла последние ваши народные рассказы[3], и мои друзья-русофилы не нарадуются ими. Как бы мне хотелось их еще более порадовать, и вот в эту минуту мне приходит чудесная мысль, но для исполнения этого желания адресуюсь к Sophie.

Душка Sophie, пожалуйста, пришлите мне под бандеролью тот журнал или вырезки из журнала, где находятся несколько глав из

---

* Именно то,что мне было нужно (*англ.*).

** я задираю голову в этих случаях, точно я содействовала созданию этих образцов искусства (*фр.*)

«Декабристов»[4]. Этим вы доставите мне огромное удовольствие. Побалуйте меня. —

Обнимаю вас, милые друзья, от всей души. Что моя дорогая крестница? Часто думаю об ней с большой нежностью. В Бадене я думаю пробыть всю зиму, а затем, что Бог пошлет.

Любящая вас старая, увечная бабушка.

1886

199. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

2 ⟨?⟩ сентября 1886. *Ясная Поляна*

Вы меня очень обрадовали, дорогая и милая Александра Андреевна, вашим письмом. Мне все хотелось писать вам и знать о вас, и я на словах все передавал тем, кот⟨орые⟩ могли вас видеть — именно Кузминским. — Как хорошо и до́бро вы сделали, что написали мне. —

Вы спрашиваете обо мне. Как ни странно это сказать, мне очень, очень хорошо. О ноге[1] там говорят, что воспаление накостницы и рожа и т.п., но я знаю очень хорошо, что главное в том, что я «помираю от ноги», как говорят мужики, т.е. нахожусь в положении немного более близком к смерти, чем обыкновенно, и именно от ноги, к⟨оторая⟩ указывает на себя болью. И это положение, как и вы прекрасно говорите, — чувствовать себя в руке Божией — очень хорошее, и мне и всегда желается в нем быть и теперь не желается из него выходить.

В самом деле, очень большие и продолжительные телесные страдания и после них телесная смерть, это такое необходимое и вечное, и общее всем условие жизни, что человеку, вышедшему из детства, странно забывать про это хоть на минуту. Тем более что память об этом, всегдашнее ожидание этого не только не отравляет жизни (если она есть), но только придает ей твердость и ясность. Если я смотрю на свою жизнь как на свою собственность, данную мне для моего счастья, то никакие ухищрения и обманы не сделают того, чтобы я мог покойно жить в виду смерти. Только тогда можно быть совершенно равнодушным к телесной смерти, когда жизнь представляется только обязанностью — исполнения воли Отца. Тогда интерес жизни не в том, хорошо ли или дурно мне,

а в том, хорошо ли я исполняю то, что мне велено; а исполнять я могу до последнего издыхания и до последнего издыхания быть спокоен и радостен. Не говорю, что я такой, — желаю быть таким и вам желаю этого. И надеюсь, что вы не будете несогласны с такой постановкой вопроса. А чтобы вы не думали, что под исполнением воли я разумею что-нибудь особенное, я скажу, что воля Отца одна и всем известна — любовь ко всем людям и единение с ними, начиная от самых близких до самых далеких. Не правда ли, вы согласны. От всей души целую вас и благодарю за доброе письмо.

200. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

6 сентября 1886. Царское Село

6 сен⟨тября⟩ 1886 г.
Царское Село. Лицей.

Мне иногда представляется, что я так далеко-далеко от ваших мыслей, милый друг Léon, что вид моего чистописания (не забудьте, пишу четырьмя пальцами) не только может вам показаться странным, но даже немного неприятным. Впрочем, это *мимолетное видение*, на котором я не останавливаюсь серьезно. Теперь пишу единственно, чтобы сказать вам свою радость, свою громадную благодарность Богу за улучшение вашего здоровья.

Долго я питалась одними крохами известий, доходящих до меня изредка. Наконец, по милости доброго Вл⟨адимира⟩ Алек⟨сандровича⟩ Иславина я узнала и подробности и последовательность вашей болезни и содрогнулась при мысли ваших жестоких страданий. Тут есть много общего с моим accident*, и слушая В⟨ладимира⟩ Алек⟨сандровича⟩, мне казалось, что переживаю вновь тяжелое время. Если бы вы знали, как меня тянет к вам, как бы мне хотелось именно теперь подсесть к вашей постели и поговорить с вами. И даже не говорить, а просто посмотреть друг на друга и увериться, что только наши лица устарели, а на дне лежит целиком вся прежняя дружба. За себя я отвечаю и говорю истинную теплую правду.

Узнав, что опасность миновалась, я готова была прыгать от счастья. Ради Христа, которого вы любите, не портите своего состояния преж-

* несчастьем (*фр.*).

девременными неосторожностями. Вот единственный случай, где я могу вам служить примером. Во время своей болезни я подчинялась беспрекословно всему, что от меня требовали — не из подобострастия больного к своему доктору, а чисто по чувству *долга* vis-à-vis de mon entourage*.

А неправда ли? есть и хорошие минуты, когда страдаешь. Между прочим, мне было особенно усладительно чувствовать себя маленькой-премаленькой, беспомощной, ничтожной и знать, что меня держит рука, которая *всё* держит. —

Вернувшись из-за границы в июле месяце, я застала свою Софиньку с весьма надорванным здоровьем, что гораздо труднее перенести, чем свое собственное нездоровье. Теперь ей сравнительно лучше, и я хотела увезти ее на зиму в Крым, но она от этого решительно отказалась, не желая оставить своего племянника Барыкова (сына Евгения), который доканчивает последний курс в Морском училище. При сестре находятся вот уж два месяца две из сестер Вадбольских. Весною умер их старший и любимый брат Петруша — горе невыразимое, но они такие славные, что несмотря на горе, сохранили способность всем хорошим наслаждаться. С ними я провожу бо́льшую часть своего времени. По вечерам читаем и теперь перечитываем вашу «Анну»[1] с новым восхищением. Сестры вас очень любят и беспрестанно вспоминают все подробности ваших немногих встреч с ними[2]. Часто я удивляюсь их памяти, которая не завалена, как моя память, миллионами событий и столкновений с разным людом. — Главное, конечно, не забыто, но сколько потеряно, даже очень интересного! —

Само собою разумеется, я не ожидаю от вас ответа, милый друг, — даже не прошу милую Sophie мне написать. Знаю, что она, бедненькая, также была сильно больна, что в свое время меня очень беспокоило. Но когда все ваши разъедутся и я опять останусь в потемках на ваш счет, попрошу Таничку мне хоть изредка писать несколько строчек. Ублажать старых — самое женское, молодое дело. —

К сожалению, моя крестная дочка[3] слишком мала, а то я бы на нее возложила эту работу. Обнимаю их и всех вас нежно.

А. Толстая

P.S. Ваш «Иван Ильич»[4] chef d'œuvre**. Странно, что всякий истолковывает конец по-своему, и я тоже, хотя не в согласии с многими другими. На меня это произвело потрясающее впечатление.

---

* по отношению к окружающим (*фр.*).

** шедевр (*фр.*)

201. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

19 сентября 1886. Царское Село

Только два слова, милый неоцененный друг. Не могу не откликнуться на ваше дорогое, неожиданное письмо. И радостно и жутко и, главное, умилительно.

На все ваши слова об смерти говорю: аминь, истинно.

Всё вами перечувствованное вошло глубоко в мою душу, и кто может с этим не согласиться? Благодарите Бога, что Он дал вам великий дар любви. Любовь — это Он сам и выше ничего и Он не может дать.

Обнимаю вас нежно и горячо молюсь о вашем здоровье. Вы нужны еще и здесь.

Да будет во всем Его воля, благая и верная.

А. Т.

19 сент⟨ября⟩
1886. Ц⟨арское⟩ Село.

1887

202. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Около 20 января 1887. Москва

Милый, дорогой друг Александра Андреевна, получил ваш привет от М.Я. Пущиной[1] и кроме того знал, что вы — несчастная — слушаете мое ужасное сочинение[2]. Право, это не слова: я истинно считаю это сочинение вовсе незаслуживающим тех разговоров, ко⟨торые⟩ о ней идут в вашем обществе[3]. Надеюсь, что она (пьеса) будет полезна для тех, для «большого света»[4], для которого я писал ее, но вам она совсем не нужна. Я рад только был тому, что вы помните меня. — Авось увидимся еще. Ваша крестница[5] очень мила. М⟨арию⟩ Як⟨овлевну⟩ я был очень рад видеть. Теперь просьба. У меня сидит А.В. Армфельд, которая едет в Петербург хлопотать о дочери[6]. Помогите ей, что можете. А меня простите и любите, как и я вас.

Лев Толстой

203. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

26 января 1887. Петербург

26го января
1887 г.

Вы очень хорошо сделали, милый друг Léon, что направили ко мне M-me Армфельдт. Ей необходимо было посторонний coup d'épaule*. Она так надоела мирским властям, что они не могут без содрогания говорить об ней. К тому же она оставила весьма нехорошую память о своем пребывании на Каре, где вмешивалась в дела ее не касающиеся, так что встретила здесь везде des visages de bois**.

Мне же удалось наткнуться в этих же сферах на человека вполне *человечного*. Он понял, что личность мадам Арм⟨фельдт⟩ одно, а дело ее другое, и я *надеюсь*, что желание ее насчет дочери исполнится[1]. С этим я ее и отпустила.

Между нами, она и мне несимпатична.

Ваша драма, об которой вы относитесь с таким небрежением, продолжает волновать наше общество одобрительно, и в этом я вижу признак некоторого остатка нравственного здоровья в этом обществе. *Услаждаться* этим чтением на первых порах невозможно. Разбор чисто артистический является позже. Стало быть, оно действует прямо на совесть и полезно всем, и в том числе и мне. Нужды нет, что никто из нас не совершил тех ужасных преступлений, об которых идет речь, но каждый к ним причастен более или менее. И вот именно это угрызение совести вы передали с такой правдой, что я ее перечувствовала во всех оттенках и содрогнулась. Впечатление других, может быть, явилось с другой стороны — из почвы богатой легко черпать, — этого я не знаю и могу только говорить о себе; — ваша драма ходит за мною по пятам, хоть я не берусь разбирать ее, как она того заслуживает. Это не по моим силишкам. Роль старика-отца (чудная роль!) была читана, по-моему, Стаховичем не с той рельефностью, которую я бы желала. Тут не должно пропадать ни единого слова. Остальное он читал отлично — особенно Никиту. Вы, вероятно, уже знаете, что я по этому случаю сошлась с вашим кристалловидным другом Чертковым[2]. Очень, очень он мне понравился. Крепко, болезненно желаю вас видеть и могу, увы, рассчитывать только на непредвиденное. Господь нас часто даже балует и из Его руки все выпадает вовремя. —

---

* поддержка (*фр.*).
** каменные лица (*фр.*).

Покамест прощайте, дорогой мой. Пожалуйста, не пишите мне Алек⟨сандра⟩ *Андреевна*. Это как-то сухо, неприязненно и мне неприятно. И еще постарайтесь исполнить мою невинную просьбу, переданную вашей милой жене через M-me Armfeldt[3].

Бог даст, до свидания. А. Т.

204. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Конец февраля 1887. Москва

Правда, что очень бы хотелось повидаться с вами[1], милый друг Alexandrine, и если это нам на пользу, то оно и будет. Я живу хорошо тем только, что все понемножку радостнее.

Как мне странно вспомнить теперь, что я мог с вами спорить, даже горячиться. Что же делать? Было время, что я и из пушки стрелял, но и то, и другое безвозвратно прошло. Целую вашу руку.

Л. Толстой

205. Л.Н. ТОЛСТОЙ — А.А. ТОЛСТОЙ

Конец февраля 1887. Москва

Только что писал вам бескорыстное письмо, милый друг, и вот приходится опять просить. Помогите этому хорошему и несчастному человеку[1]. Чертков и Стахович передадут подробности.

Целую вашу руку и, как всегда, только немного больше, потому что сам немного получше, люблю вас.

Лев Толстой

206. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ и С.А. ТОЛСТОЙ

8 августа 1887. Царское Село

8 авг⟨уста⟩ 1887 г.
Ц⟨арское⟩ Село

Дорогие друзья Léon и Sophie, благодарю вас от души за вашу дружбу. Она меня согрела с ног до головы. Вижу, что никакое *истинное* чувство не изменяется, а, напротив, влечет за собой новые привязанности.

Это мне доказала милая Sophie, которая как будто перескочила через прошедшее, где ее не было, — догнала нашу многолетнюю дружбу со Львом и приняла меня в свое сердце на том же положении, что меня глубоко трогает. Мне жилось у вас невыразимо привольно[1]. С каждым днем я врастала более и более в яснополянскую почву и, не давая себе отчета о времени, точно собиралась водвориться там надолго, и вдруг — в одно вовсе не прекрасное утро совершился какой-то неприятный фокус. Меня схватили, усадили в коляску, умчали и примчали с быстротой молнии в мое прежнее жилище. — Как это случилось? — не знаю, явно без моего согласия. —

Милое видение исчезло из глаз, но не из души, и в ней-то поется словами старинного романса: «*Я вижу вас во сне и наяву*»[2]. — Право, без всяких риторических фигур, я даже во сне продолжаю разговаривать с вами. Сколько недосказанного! Сколько новых вопросов, истекающих из тронутых нами! Я ими пропитана до болезненности — до неудовлетворенной жажды, и покамест несомненно стою ближе к вам, чем к окружающей меня обстановке. Пожалуй, и на этом можно создать целую систему о бессмертии души. Душа везде вне *пространства и времени*. Vous voyez, mon cher Léon, que je n'oublie pas les expressions savantes de votre opuscule. C'est maintenant que je le couve de loin et repasse dans mon esprit cet étrange amalgame de vérité et de ténèbres. Comme Достоевский, lorsqu'il a lu chez moi votre profession de foi, j'ai envie de m'écrier*: не то, не то!

Чтобы победить нашу греховную природу, нам нужно нечто лучшее, высшее, чем *Разум*, разыгрывающий роль героя в вашем новом творении[5], и это *высшее, лучшее* уже давно горит в вашем сердце, но вы точно боитесь дать ему более простора. —

Я уверена, что даже материалисты встрепенулись бы при более живом слове, сказанном *вами*. А разум им свой брат или свой камердинер — man of all work**, всегда готовый на всякие посылки.

Видите, какая я неугомонная, нет-нет, и опять возвращаюсь к тому же. Между тем собиралась только сказать два слова благодарности и любви. Целый ворох писем ожидал меня здесь, а за неимением умной Танички должна на все отбиваться сама. Пожалуйста, кто-нибудь из

---

*Видите, мой милый Лев, что я не забыла ученых выражений вашего маленького сочинения[3]. Теперь издали я сижу над ним и мысленно перебираю это странное соединение правды и тьмы. Как *Достоевский,* когда он читал у меня вашу исповедь[4], я готова воскликнуть (*фр.*).

** работник на всякое дело (*англ.*).

вас (думаю, что это будет неутомимая Sophie) напишите мне поскорее[6]. Для меня все, что делается в Ясной Поляне, и дорого и любопытно. Кто приехал? Кто уехал, кто замел мои следы? Как здоровье большого и маленького Льва? Успокоилась ли невралгическая боль Sophie? Вернулись ли Сережа и Таничка[7], и обратилось ли у них, как у нас, затмение солнца в полнейший пуф. Предвидя эту мистификацию по сгущенным облакам, я даже не пошевелилась на своей кровати, между тем как многие любознатели простояли часа три на дожде без всякого вознаграждения.

Примирилась ли милая Татьяна Андреевна с превратностями жизни и вспоминает ли благодушно мою непрошенную мораль. Кланяйтесь ей сердечно, также всем детям, и моему любезному куму, которому я обязана моей поездкой в Ясную Поляну[8] и которого благодарю за всю оказанную мне доброту. Вчера видела Julie Иславину. Они все и я тоже очень беспокоились о здоровье Mr Villot[9], хотя ему теперь немного лучше. Влад⟨имира⟩ Алек⟨сандровича⟩ увижу сегодня. Сашины слезы при моем отъезде меня тревожили, я их вовсе не приняла на свой счет, и мне показалось, что она не совсем здорова. Успокойте меня и постарайтесь, чтобы она меня не совсем забыла. И вы тоже не забывайте меня, дорогие друзья, и простите, если моя неукротимая откровенность кого-либо из вас неприятно зацепила. Es war nicht so gemeint*. Обнимаю вас всех от мала до велика. Беспрестанно думаю о здоровье дорогого Льва и боюсь его гигиенических нарушений. Мое путешествие совершилось благополучно, и я с наслаждением передаю Софиньке мои впечатления, которым она внимает с тем же чувством.

Еще раз благодарю.

Старая бабушка
А. Т.

«Puissance des ténèbres»** отправлена была тотчас по моем приезде[10].

---

* Этого я совсем не хотела (*нем.*).
** «Власть тьмы» (*фр.*).

207. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

21 августа 1887. Царское Село

21 août 1887. Z⟨arskoe⟩ Sélo

Mon cher Léon, demain je mets à la poste deux volumes de Talmage (le prédicateur américain) qu'Hélène Schouvaloff vous offre avec plaisir et empressement.

Je regrette de ne l'avoir pas trouvé en original, d'autant plus que le traducteur l'a tronqué évidemment au gré de sa fantaisie. Du reste je ne pense pas que Talmage vous plaise. C'est un chrétien biblique et un *revivaliste* pur sang.

Moi-même, à la longue, je ne suis pas tout à fait enthousiasmée de son éloquence, bien qu'elle soit d'un caractère peu banal. Il faut le lire à très petites doses. Il abuse un peu de la forme des assimilations, mais si sa diction est bonne, cette parole à coups de massue doit réagir en effet sur les consciences endormies. En tous cas il est mû sans seul doute par un mouvement énergique et sérieusement sincère.

Je lis la biographie de Parker avec intérêt et tristesse — la même tristesse que j'ai ressentie après *quelques unes* de mes conversations avec vous; je dis quelques unes, car chaque fois que la parole est sortie uniquement de votre cœur, le mien a repondu à votre émotion, et sans vous le dire, je me suis sentie profondément unie à vous.

C'est la partie anatomique (vous diriez philosophique) de votre religion qui m'inspirait, malgré moi, un malaise inexprimable ou plutôt une grande souffrance comme si on m'arrachait le principe même de la vie.

Vous aimez J⟨ésus⟩ Christ – vous Le servez (je l'ai constaté avec bonheur) et cependant nous ne pouvons nous entendre complètement parce que vous persistez à ne voir en Lui que le premier des moralistes, sans accepter Sa divine individualité toute entière. Ce n'est pas une accusation – c'est un regret immense! L'harmonie sur ce terrain me serait si chère, mais la voix qui m'exhorte à la vérité n'est pas la même que la vôtre.

Jésus me dit: «*croyez*» et vous me dites: «raisonnez». L'Evangile me dit: «*priez sans cesse*, *rendez grâce*, *frappez pour que la porte vous soit ouverte*», et vous: «La prière est du temps perdu, — agissez, dépouillez-vous, renoncez à tout pour vos frères».

Mais je ne puis ni agir, ni me dépouiller, ni *aimer* sans être unie à mon Sauveur par ce lien mystérieux, mais absolument *réel* qui dépasse tous les

raisonnements ou plutôt qui n'a rien à faire avec le raisonnement, parce qu'il est une révélation et une force en dehors de moi-même.

Le cri d'angoisse de St Paul: «Quand je veux le bien, je fais le mal» — est bien le cri de tout être pensant. Oui, je veux le bien et ma nature pécheresse s'y oppose à tous les moments de ma vie. Qui donc vaincra en moi cette dualité contraire, si ce n'est la grâce du St Esprit que Jésus *m'ordonne* d'invoquer et qu'Il *promet* d'accorder à l'ardeur et à la persévérence de la prière.

Sans le secours de cette action intérieure, je suis, moi, parfaitement sûre de tomber dans un état d'impuissance absolue, tandis que vous semblez croire qu'on peut réaliser toute la morale du Christ de soi-même, par la seule force de sa volonté; au moins n'ai-je jamais rencontré dans aucun de vos écrits une indication d'un autre genre. —

L'Evangile est un soleil de vie — vous en convenez, mais vous ajoutez aussitôt: «Prenez garde cependant de confondre chacun de ses rayons dans une même lumière — il faut les graduer, mesurer leur importance — il y en a d'inutiles, même d'absurdes».

Et moi, qui me sens faible, misérable, perdue, je ne puis me passer d'aucun de ses rayons pour dissiper les ténèbres, dans lesquelles mon âme se replonge sans cesse dès qu'elle n'est pas soutenue, vivifiée par la lumière complète, telle que je la rencontre à chaque page de l'Evangile.

Jésus en me disant: «*Suivez ma parole*», me dit aussi: «*Croyez* à *mes œuvres*» (St Jean X.38), et vous me dites: «Non, ne croyez qu'à Sa parole. — Ses œuvres, Ses miracles, même Son sacrifice ne sont pas nécessaires et la Rédemption n'a point de sens. Il n'est venu que pour nous enseigner une nouvelle doctrine». —

Eh bien, cette doctrine incomparable — divine, comment ferons-nous, je le répète, nous, tels que nous sommes, pour l'accomplir de point en point? Qui comblera nos lacunes journalières, innombrables, comme des grains de sable, qui effacera la masse des péchés commis *avant* que nous soyons arrivés à aimer cette doctrine. Notre cœur abandonné à lui-même est-il assez large pour contenir un repentir équivalent à nos chutes? C'est à peine s'il se rend compte d'une parcelle du mal qui encombre sa vie. —

J'admire les hardiesses d'un St Paul dont le cœur régénéré brûle d'amour pour le Seigneur et qui prête une oreille humblement attentive à tout ce qui émane de Lui pour entraîner Juifs et gentils dans cette unique voie de salut, mais je proteste contre l'audace (peut-être inconsciente) d'un Parker quelque belle et utile que soit sa vie, quelque haute son intelligence, lorsqu'il *dissèque*

mon Sauveur et me jette à la face que Son agonie et Sa mort ne peuvent effacer mon péché.

S'il pouvait me convaincre, il m'enlèverait d'un coup mes espérances immortelles et mettrait le désespoir dans un cœur dont l'unique point d'appui est l'immense bienfait de la Rédemption. —

Pour me bien comprendre, tâchez, mon cher Léon, de vous représenter la révolte que vous auriez ressentie, si l'on venait vous dire que l'enseignement de Jésus est aussi faux qu'inutile.

Propagez les préceptes du Christ — vous ne sauriez le faire assez, mais ne touchez pas, je vous en supplie, à des croyances tout aussi essentielles, bien qu'elles n'entrent pas dans le cadre de vos convictions. Croyez-moi, elles *peuvent* marcher de paire; des millions des chrétiens l'ont prouvé à travers les siècles.

J'ai lu quelque part que les Chinois reprochent aux Européens de ne pas posséder suffisamment le sentiment du *respect* qui chez eux, disent-ils, est la base la plus sérieuse de leur organisation sociale.

Votre main si pacifique ne voudrait certainement pas infliger des blessures et il y a des paroles qui en font et qui nous scandalisent péniblement nous autres petits. — J'ai envie de vous dire avec un texte de la Bible: *«ôtez votre chaussure — c'est un terrain sacré»*. — Ceci est une parenthèse. La loi d'amour est pour tout le monde, n'est-ce pas? Plus que beaucoup d'autres vous vous inclinez devant elle avec la ferveur d'une âme convaincue, mais alors pourquoi morceler Celui qui l'a donnée? Jésus qui savait qu'elle seule nous ouvre l'entrée de Son Royaume n'est-Il pas descendu parmi nous précisément pour nous aider à l'accomplir?

En ôtant ce secours divin à vos adeptes, vous lancez dans l'espace des voyageurs privés d'eau et de pain. Auront-ils la force de porter jusqu'au bout le fardeau des devoirs dont leurs épaules sont chargées, car le renoncement n'est pas une vertu facile ni naturelle. Ne viendra-t-il pas un moment, où déroutés par l'impossibilité de suivre ces préscriptions dans le sens le plus littéral, ils s'embrouilleront dans leurs idées et retombent plus bas, quelque soit leur bonne volonté. —

La question de votre responsabilité à leur égard est un perpétuel gémissement dans mon cœur. Si je me trompe, si elle n'alarme pas votre conscience, rassurez-moi.

Vous ne faites pas de la propagande, dites-vous, vous écrivez pour vous résumer vous-même, — mais non! Vous savez que les masses vous écoutent,

et c'est justement parcequ'il y a une note éminemment sincère et chaleureuse dans vos convictions que le danger en devient plus grand à certains égards.

Votre voix, même telle qu'elle est, fera rentrer, je n'en doute pas, plus d'un égaré, plus d'un ignorant dans une voie meilleure, mais consolera-t-elle quelqu'un dans la souffrance?

Détaché, comme vous l'êtes, des aspirations au bien-être terrestre, préoccupé avant tout de *l'action*, je crains que vous ne teniez assez compte de la souffrance humaine — à mille formes — les unes plus cruelles que les autres. Que donnerez-vous à ceux-là qui crient de douleur et qui ont besoin de *toutes* les manifestations de l'amour du Christ pour eux comme complément de Sa morale? Sera-ce un Evangile rétréci, dépouillé de richesses qu'il contient?

C'est peut-être là le défaut de la cuirasse des grands penseurs humanitaires. Entraînés par les spéculations de leur esprit, ils s'en nourissent exclusivement et perdent de vue cette même humanité, pour laquelle ils travaillent. Je crains aussi qu'ils n'oublient parfois de se prosterner devant le Maître de la vie pour être éclairés à leur tour.

Vous sentant forts et robustes d'intelligence, vous devez vous autres philosophes éprouver, j'en conviens, bien de la difficulté à rompre en visière avec la raison pure et simple, pour admettre le côté surnaturel de la foi dont l'opération est si sensible à des organisations plus simples et moins compliquées.

Je ne me mêle ni de vous juger, ni de vous blâmer. Il ne s'agit pas entre nous de contreverse ou de conversion. Chacun évidemment maintiendra son idée. Ce que ma plume griffonne non sans émotion, je l'avoue, est la continuation d'une conversation intime entre l'*ami* Léon et la vieille Бабушка qui l'aime avec plus de tendresse que jamais, n'importe la divergence des points de vue. —

Certes, ce n'est pas les mains vides qu'elle est sortie de Ясная Поляна. Vous l'avez prêchée *sans paroles* infiniment mieux que par vos théories subtiles. Il est possible qu'elle soit trop bête pour vous comprendre jusqu'au fond, mais pas assez pour ne pas reconnaître que votre marche *personnelle* est ascendante.

La douceur qui semble être devenue la propriété de votre caractère est une preuve incontestable de cet avancement, et comme la douceur manque singulièrement à la Бабушка elle en fera son profit, ainsi que bien d'autres choses encore.

L'homme Léon l'intéresse infiniment plus que l'illustre écrivain et le fétiche de deux hémisphères. —

Si vous la trouvez outrecuidante dans ses propos, vous pouvez lui fermer la bouche d'un mot ou par le silence, mais tant qu'elle aura la permission de parler, elle vous rappelera sans cesse cette parole de l'Evangile: «*Это делайте и того не оставляйте*».

Adieu, mon cher ami, tendez moi votre bonne main, comme je vous tends la mienne, et prions Dieu tous les deux de ne pas laisser un seul coin obscur dans nos cœurs, afin que nous puissions Le servir selon Sa volonté. Je vous embrasse.

Alex.

Sophie напишу скоро, сегодня была под каким-то облаком — не могла ни о чем ином думать.

⟨*Перевод:*⟩

21 августа 1887. Ц⟨арское⟩ Село

Дорогой Лев, завтра я отправлю по почте два тома Talmage (проповедника-американца), которые вам с готовностью и радостью передает Елена Шувалова.

К сожалению, я не нашла этой книги в оригинале, а переводчик, очевидно, изрядно нафантазировал[1]. К тому же, я не думаю, что Talmage вам понравится. Это библейский христианин и чистой воды *ревивалист*[2].

В конце концов, я сама не в восторге от его красноречия, хотя оно и не так уж банально. Его нужно читать маленькими порциями. Он лишь немного злоупотребляет сравнениями, но поскольку слог хорош, мощное слово должно будить совесть. Во всяком случае, им несомненно руководило энергичное и искренне серьезное душевное движение.

Я читаю биографию Паркера[3] с интересом и грустью, с тою же грустью, которую я испытывала после *некоторых* наших бесед, говорю некоторых, потому что, как только слова ваши исходили единственно из сердца, мое сердце откликалось на них, и не говоря вслух, я чувствовала себя в полном единении с вами.

Анатомический разбор (вы бы сказали философский) вашей религии возбуждал во мне невольно невыразимо тягостное чувство, скорее даже сильное страдание, как будто у меня насильно отнимали главный принцип жизни.

Вы любите И⟨исуса⟩ Христа — вы служите Ему (в этом я убедилась с радостью), и однако мы не можем вполне понимать друг друга, потому что вы упорно видите в Нем только первого проповедника нравственных законов, не признавая Его божественности. Это не обвинение, а

выражение глубокой печали! Согласие на этой почве было бы для меня неоцененно, но голос, призывающий меня к истине, слишком разнится с вашим учением.

Иисус говорит мне: «*верь*», а вы говорите: «рассуждайте». Евангелие проповедует: «*молитесь непрестанно, благодарите, стучите и отворят вам*»[4], а вы: «Молитва — потеря времени; делайте добро, раздавайте свое имущество, откажитесь от всего ради ближнего».

Но я бессильна делать добро, лишать себя имущества и даже *любить*, не будучи соединена со Спасителем той таинственной, но вполне *действительной* связью, которая выше всяких рассуждений, или, проще сказать, не имеет с ними ничего общего, так как это есть откровение и сила, не зависящая от меня.

Мучительный крик святого Павла: «Добра, которого хочу, не делаю, а делаю зло, которого не хочу»[5], должно повторяться в душе всякого мыслящего существа. Да, я хочу добра, а моя греховная природа противится этому желанию на каждом шагу моей жизни. Кто же поможет мне победить эту двойственность, кроме благодати Св⟨ятого⟩ Духа, которую Иисус мне *велит* призывать и которую *обещает* ниспослать всем, просящим ее горячо и неотступно.

Без помощи этой внутренней работы я впала бы, несомненно, в совершенное бессилие, между тем как вы считаете возможным выполнить учение Христово только силой собственной воли. По крайней мере, эта мысль встречается во всех ваших сочинениях. —

Евангелие есть солнце жизни — вы это сознаете, но тотчас прибавляете: «Остерегайтесь, однако, видеть в каждом из его лучей одинаковый свет: нужно разделять их по мере важности их значения — между ними есть бесполезные и даже нелепые».

А я, сознающая себя слабой, ничтожной, потерянной, не могу отказаться ни от одного из этих лучей, чтобы разогнать мрак, в который беспрестанно погружается моя душа, как скоро не поддерживает, не оживляет ее полный свет, находящийся на каждой странице Евангелия.

Иисус, сказавши: «*Слушайте слова Мои*»[6], сказал тоже: «*Верьте делам моим*» (св. Иоанн X.38), а вы говорите: «Нет, верьте только Его слову. Его дела, Его чудеса, даже Его жертвы бесполезны, и Искупление не имеет никакого смысла. Он пришел только чтобы преподать новое учение». —

Но как же нам, повторяю — нам, с нашими недостатками, точно выполнить это несравненное божественное учение? Кто же загладит наши

бесчисленные как песчинки ежедневные падения и ту массу грехов, совершенных нами *прежде*, чем мы дошли до сознания этого учения? Есть ли в нашем сердце, предоставленном самому себе, довольно силы, чтобы возбудить в себе раскаяние, соответствующее нашему падению? Мы едва отдаем себе отчет в малейшей части того зла, которое переполняет нашу жизнь.

Я восхищаюсь смелостью св⟨ятого⟩ Павла, обновленное сердце которого горит любовью к Спасителю. Он смиренно выслушивает все, что открывается ему свыше, и спешит увлекать за собою евреев и язычников на этот единственный путь спасения. Но я восстаю против смелости, может быть бессознательной, какого-нибудь Паркера, как бы ни была полезна и прекрасна жизнь его и высок его ум, когда он *препарирует* моего Спасителя и бросает мне в лицо, что Его страдания и смерть не могут искупить моего греха.

Если бы он убедил меня в этом, то сразу отнял бы у меня надежду на бессмертие и внес бы отчаяние в сердце, единственная опора которого в бесконечной благодати Искупления. —

Чтобы понять меня, как следует, постарайтесь, мой милый Лев, представить себе, как бы вы возмутились духом, если бы вам объявили, что учение Иисуса ложно и бесполезно.

Вы проповедуете заповеди Христа и хорошо делаете, но не дотрагивайтесь, умоляю вас, до тех истин, не менее важных, хотя и не согласных с вашими верованиями. Поверьте, они *могут* идти рука об руку, — миллионы христиан доказали это на протяжении многих веков.

Я читала где-то, что китайцы упрекают европейцев в недостаточности чувства *уважения*, которое у них считается самой серьезной основой их общественного строя.

Ваша любящая рука не захотела бы, конечно, никому причинять боли, а между тем, у вас есть слова, глубоко оскорбляющие нас, малых мира сего. Мне хочется привести библейское изречение: «*сними обувь твою: место, на котором ты стоишь, свято*»[7]. — Вы отступаете от него. Заповедь любви существует для всех — не правда ли? Более многих вы преклоняетесь перед ней с горячностью убежденной души, зачем же отделять ее от Того, кто даровал любовь? Иисус, знавший, что это единственный путь, ведущий в Его Царство, не сошел ли Он на землю именно для того, чтобы помочь нам туда войти?

Отняв у ваших последователей эту божественную помощь, вы создадите путников, голодных и алчущих, лишенных пищи и воды. Хватит

ли у них силы донести до конца тяготу обязанностей, лежащих на них? Ведь самоотвержение — добродетель вовсе не легкая и не врожденная вообще человечеству. Не наступит ли час, когда удрученные сознанием невозможности выполнить эти предписания в их буквальном смысле, они запутаются в своих мыслях и падут еще ниже, чем прежде, как ни склонны были к добру? —

Ваша ответственность перед ними постоянно тревожит мое сердце; если это не так, если она не волнует вашу совесть, успокойте меня.

Вы говорите, что ваши слова — не проповедь, что вы пишете, чтобы уяснить самому себе разные вопросы[8]: но ведь вам известно, что массы вас слушают и чем больше искренности и пыла в ваших убеждениях, тем более они опасны в некотором отношении.

Легко может быть, что ваш голос обратит на лучший путь заблудшего или неверующего, но утешит ли он страждущего?

Отказавшийся от стремлений к земным благам, поглощенный одними *умственными занятиями*, вы, может быть, не отдаете себе достаточного отчета в страданиях человечества, самых разнообразных и жестоких. Что дадите вы тем, которые изнемогают от боли и которым необходимы *все* доказательства любви Христа к ним, чтобы укрепить веру в Его учение? Вряд ли они удовольствуются вашим сокращенным Евангелием, у которого ваша фантазия отняла столько неизреченных сокровищ.

В этом, видимо, недостаток и всех великих мыслителей человечества. Увлекаясь теориями своего ума, они питаются исключительно ими и теряют из вида потребности того самого человечества, для которого они работают. Боюсь также, что подчас они забывают преклоняться перед своим Учителем, дабы Он просветил их вполне.

Вам, философам, сильным умом, разумеется, труднее отвергнуть чистый и трезвый разум, чтобы принять на веру все сверхъестественные явления. Эта вера дается только детской простоте и смирению.

Я не сужу и не порицаю вас. Между нами не может быть речи ни о пререканиях, ни об обращении. Каждый из нас, вероятно, не изменит своего внутреннего взгляда. Эти мои каракули, написанные не без волнения, уверяю вас, не что иное, как продолжение сердечного разговора между *другом* Львом и его старой *бабушкой*, которая его любит еще нежнее, чем когда-либо, несмотря на разногласие их взглядов. —

Разумеется, она вернулась из *Ясной Поляны* не с пустыми руками. Вы убедили ее *без единого слова* гораздо лучше, чем все ваши хитроумные теории. Может быть, она слишком глупа, чтобы понять вас вполне,

но не настолько, чтобы не признать превосходство вашего *внутреннего* развития.

Кротость, теперь присущая вам, — неоспоримое доказательство этого духовного роста, а поскольку *бабушке* особенно недостает кротости, она извлечет урок из этого и многого другого.

Лев, как *человек*, будет всегда иметь больше прав на ее привязанность, чем знаменитый писатель и идол двух полушарий. —

Если вы сочтете дерзкими эти слова, вы можете заставить ее замолчать одним словом или своим молчанием, но пока она еще пользуется свободой выражать свои мысли, она не перестанет напоминать вам следующее евангельское изречение: *«*Это делайте и того не оставляйте*»*[9].

Прощайте, милый друг, протянем друг другу руку и будем просить Господа неотступно, чтобы Он не оставил во мраке ни единого уголка наших сердец, дабы нам жить истинно по Его воле. Обнимаю вас.

Алекс⟨андра⟩

Sophie *напишу скоро[10] — сегодня была под каким-то облаком — не могла ни о чем ином думать*.

⟨*На конверте*:⟩
Его сиятельству
графу Льву Николаевичу
Толстому.
Тульской губернии.
Станция *Козлово-Засека*.
Имение Ясная Поляна.

208. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Около 15 сентября 1887. *Ясная Поляна*

Боюсь, что не успею вам написать длинно, милый друг Alexandrine, но больше всего боюсь — не оставить ваше хорошее, проникнутое любовью письмо без ответа. Упреки ваши, право, несправедливы, милый друг. Вы говорите — не действуйте на других, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ ваши убеждения могут быть ошибочны и вредны. Этот аргумент не правилен, а главное, может быть обращен против церковного учения, и с гораздо большим правом: если люди считают ложным церковное учение, то каково им должно быть больно видеть ту страшную сеть ложной (по их мне-

нию) пропаганды, в кот⟨орую⟩ улавливаются простые, невинные люди и младенцы. При различии мнений нельзя говорить о тех последствиях, к⟨оторые⟩ производят ложные мнения; надо говорить о самых мнениях, а ложь всегда будет ложь и губительна. В пользу свою скажу только, и очень прошу вас, в том духе любви, в к⟨отором⟩ вы писали мне, принять и взвесить эти слова: Я ничего не утверждаю такого, чего бы вы не признавали, и потому я имею радость знать, что вы вполне согласны со мной во всем, чем я живу. Вы же утверждаете многое такого, чего я не могу признать, и потому вы имеете огорчение знать, что не только я, но и миллионы людей не признают того, что вы утверждаете. Кто же причиной несогласия? Вы несогласны с магометанами, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ они признают многоженство и др., но они согласны с вами, что закон Христа есть истина. Кто же причиной несогласия? Но это не то — главное, мне хочется сказать вам вот что: «Хочу делать доброе и делаю дурное». Если точно я в своей жизни всегда делаю одно дурное и не делаюсь хоть на волосок лучше, т.е. не начинаю делать немножечко поменьше дурного, то я непременно лгу, говоря, что *хочу делать доброе*. Если человек хочет точно не для людей, а для Бога, делать хорошее, то он всегда подвигается на пути добра. А это-то движение — приближение к Богу (как бы оно ни было мало, но только бы оно было) и укрепляет на пути, и дает надежду, и радость, и сознание того, что ты делаешь хоть чуть-чуть то, чего хочет Бог. У китайского царя было написано на ванне: обновляйся каждый день (час) сначала и опять сначала. Толцыте, и отверзится, просите духа, и дастся вам[1] — это самое и значит. Жизнь вся есть только движение по этому пути — приближение к Богу (в этом ведь согласны). И это движение радостно, во-первых, тем, что чем ближе к свету, тем лучше, во-вторых, тем, что при всяком новом шаге видишь, как мало ты сделал и как много еще этого радостного пути впереди. Но вы говорите: мои грехи, мое несовершенство, слабость? Но ведь я иду не на Окружной суд, а на суд Бога. Бог же есть любовь. Бога я не могу понимать иначе, как премудрым, всезнающим, и, главное, не только не злопамятным (каким я даже стараюсь не быть), но бесконечно милосердным. Так как же мне перед таким судьей бояться моих слабостей, грехов? Все Евангелие наполнено и прямыми, и приточными указаниями на прощение, на несуществование грехов перед Богом для человека, любящего Его. — Вы говорите, что Бог вперед сделал такое — не знаю как сказать — распоряжение или выдумку, чтобы простить мне грехи — искупить их через Сына (не могу спокойно упоминать об этом кощунстве. Простите, простите ради Христа). Не проще ли Богу, к⟨оторому⟩

принадлежу весь я, из к⟨оторого⟩ я изшел, к⟨оторый⟩ знает, любит меня, Богу, к⟨оторый⟩ есть любовь и милосердие, — не проще ли Богу прямо простить мне мои грехи. И разве не ужасное кощунство сказать, что Бог не может или не хочет простить мои грехи, когда я верю, что Он этого хочет и это сделает, и когда для меня ⟨невозможно⟩ поверить в то, что Он наказал, наказывает и накажет людей за то, что они не верят тому, что Он вперед простил их, искупив сыном (не могу без ужаса повторять этих кощунственных слов), — накажет за то, что я не поверю в то, что он неразумный и злой Бог. Если бы самому алчному человеку сказали: хочешь получить наследство, признай, что твоя мать (про которую человек знает, что она святая женщина) была в связи с богачом, никто бы не мог согласиться признать и неправду, и оскорбление самому святому, что только есть для него.

Наговорил много лишнего, но хотел сказать только то: все мы живем, если живем по-человечески, стремясь к Богу, приближаясь через Посредника Его между Богом и человеками И⟨исуса⟩ Христа. Выходя из самого скотского, развратного состояния и достигнув самой высокой святости, мы одинаково чувствуем, что жизнь наша полна грехов. Но человек, начавши эту истинную жизнь, всегда знает и может поверить, оглядываясь назад, что он, как ни медленно, но приближается к свету, и узнает это направление, и в движении в этом направлении полагает жизнь. Грехи, слабости человека велики, и совершенство всегда бесконечно удалено от него; но он все-таки стремится к нему. И тут-то вера в благость Божию, в милосердие Его и любовь ко мне укрепляет силы человека и показывает ему, что кажущееся невозможным своими силами избавление от грехов и достижение совершенства, блаженства возможно с помощью Бога. Вы говорите, что помощь эта произошла 1880 лет тому назад, а я думаю, что Бог, какой был всегда, такой и теперь, и всегда оказывает помощь людям, и всегда милосерд и хочет их спасения, т.е. блага, и недалек от ищущих Его. —

Я понимаю, как вам дорога та форма представления Бога и Его любви, с к⟨оторой⟩ вы свыклись, но одного я не понимаю, почему вам хочется, чтобы другие точно также бы смотрели. Еще это можно было бы понять, если бы это было что-нибудь новое, вновь открытое, а то это — давнишнее, давнишнее, всем, не только мне, очень знакомое представление и самое утешительное, как вы сами находите: так отчего же бы те люди, к⟨оторые⟩ищут Бога и знают учение Христа, не принимали бы его? Я понимаю, что это учение может удовлетворить того, кто никогда не думал о Боге и Христе, и я очень радуюсь за тех, к⟨оторые⟩ прини-

мают его; но почему думать, что люди, ищущие Бога, так без причины отказываются от этого учения, дающего так много утешения. Очевидно, у них есть причины, к⟨оторые⟩ не кажутся вам достаточными. Ну, да что же делать, вы уж их оставьте и простите, и любите, какими они есть. Если же хотите согласиться с ними, то серьезно вникните в эти причины и разберите все дело сначала, допустив, что, может быть, и ваша вера ошибочна. Но вы не делаете этого, я знаю, вы не хотите и не можете. Вам и так хорошо. Идите по вашему пути. Все, идущие к одной цели, сойдутся в ней. От всей души люблю и целую вас.

Л.Т.

209. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Около 20 сентября 1887. Ясная Поляна

Милый друг Alexandrine! Спешу написать не столько для того, чтобы благодарить вас за ваши милые подарки — я ужасно люблю подарки, — сколько затем, чтобы просить вашего прощенья за последнее письмо[1]. Я, верно, был в дурном духе: можно было высказать то же, не оскорбив убеждений любимого человека, а я боюсь, что сделал это. Пожалуйста, простите. Целую вашу руку и Sophie.

Ваш Л. Толстой

210. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

22 сентября 1887. Царское Село

22 с⟨ентября⟩ 1887
Ц⟨арское⟩ Село

Милый друг Léon, вы боитесь, что вы меня огорчили, а я боюсь, чтобы вы не приняли мое молчание за bouderie*. Bouderie была бы тут не у места. Само собой разумеется, что первое письмо ваше[1] не могло меня особенно порадовать (исключая вашей любви), но кто же его вызвал, как не я сама?

А на меня нашел в то время какой-то стих — *психологический момент*, как выражаются нынче. Сознавая вполне бесполезность моих

* обиду (*фр.*).

слов, я не *могла* не написать их. Они преследовали меня. Паркер и вы слились как-то в одно. Неполность, неоконченность добра в том и другом при таких высоких дарованиях меня невыразимо смущала. Мне казалось, что я уступлю au respect humain*, не сказав, что́ у меня шевелилось на душе — хотя разум и подсказывал мне, что я не могу входить в состязание с вами, тем более, что я заранее была обезоружена вашим непризнаванием *всего* Евангелия, служащего мне единственною точкою опоры.

Вы защищаете *свое* и делаете это логично — мои же воззрения не *мои*. Это то, что было, есть и всегда будет.

Вы явно понимаете меня лучше, чем я вас, — для меня есть нечто туманное в ваших мыслях — я не то что не хочу, но не могу проникнуть в них вполне. Как будто целый мир света остался в стороне. Впрочем, говорю об этом, *кажется*, в последний раз. — Я рада, что вы поняли, что безграничная моя любовь к вам была единственным моим побуждением. Она сильна и полна надежды. Никто не знает заранее, что́ Господь может возбудить в искреннем, любящем Его сердце. —

Еще рада (в другом роде), что вам пришлись по вкусу мои невинные папироски, и в награду посылаю вам un petit renfort**. Курите на здоровье и вспоминайте вашего старого друга

Бабушку

211. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Начало ноября 1887. Москва

Пишу вам, милый и дорогой друг Alexandrine, с Пав⟨лом⟩Иван⟨овичем⟩ Бирюковым, которо⟨го⟩ вы знаете, о том же несчастном Попове[1]. Он 2-й год сидит в одиночном заключении, *2-й год в одиночном заключении:* т.е. в таком положении, из кот⟨орого⟩ только самый сильный и редкий человек выходит без умственного душевного повреждения, — и сидит, по всем вероятиям, по недоразумению. У П⟨авла⟩ И⟨вановича⟩ есть его трогательное письмо ко мне. Простите, что я все пишу это вам. Я пишу это не для вас: я знаю, что вашему сердцу для того, чтобы жалеть, любить и служить другим, не нужно никаких стимулов, но, может быть, на других можно подействовать? — Помогите, как можете[2]. —

Какое славное письмо вы мне написали — последнее[3]. Как радостно чувствовать себя в тех ничем не затемняемых любовных отношениях, в

---

* уважению к человеку (*фр.*).
** маленькое подкрепление (*фр.*).

к⟨оторых⟩ я со времени нашего свидания чувствую себя к вам. Тысячу раз благодарю вас за него (и за письмо, и больше за свиданье). Еще большее спасибо вам за письмо к Таничке[4]. Вы ей добро сделали. Мы все здоровы и от большого до малого согласно очень любим вас. Братски целую вас.

Л.Т.

212. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

19 ноября 1887. Петербург

19 ноября
1887 г.

Милый друг, Léon, не отвечала вам до сих пор потому, что нечего было сказать насчет интересующего нас дела[1].

Елена Шувалова и я работали в две силы и только теперь получили ответ, увы! весьма неудовлетворительный. «Обвиняется в сообщничестве с социалистами, в распространении запрещенных изданий и ссылается на три года в Вологодскую губернию».

Cependant nous ne sommes pas tenues pour battues*, и добрый граф Шувалов обещал нам еще похлопотать, но вряд ли удастся смягчить наказание[2]. Впрочем, это только мое убеждение. Дай-то Бог, чтобы оно было ошибочное. Мне очень было приятно увидеть доброго Павла Ивановича. От него так и пахло Ясной Поляной[3]. Благодарю Таничку за ее последнее письмо[4] и очень извиняюсь, что оно осталось без ответа. Это не в моих правилах, но жизнь идет такими пестрыми и усложненными порядками, что решительно не успеваешь suffir à tout**. Елена Шувалова будет вам отвечать[5] после попытки своего мужа. Она вас нежно любит, и я вас всех люблю и крепко обнимаю.

А. Толстая

⟨*На конверте:*⟩
Его сиятельству
графу Льву Николаевичу
Толстому.
Москва.
В Долго-Хамовническом
переулке.
Собственный дом.

---

*Однако мы не сдались (*фр.*).
** справиться со всем (*фр.*).

1888

213. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

26 марта 1888. Москва

Хотя мне никто и не мешает писать вам без всякого случая, милый друг, я все-таки обрадовался случаю написать вам и благодарить за ваши, такие хорошие, добрые письма к Тане и Соне[1] (все получили), кот⟨орые⟩ я, каюсь, с большим удовольствием принимаю немного на свой счет. Мы всё еще ожидаем[2], и я буду помнить ваше доброе участие и извещу вас. Как ваше здоровье? Что вы делаете? Чем больше живете? Что милая Sophie? и ее воспитанники? Я живу прекрасно и могу смело рекомендовать всем следующий и единственный рецепт для этого: *готовиться умереть*. Чем более готов умереть, тем лучше жить, тем легче и расстаться с жизнью, и оставаться в ней.

Письмо это передаст вам Emile Pagès, professeur de philosophie*, переводчик, несмотря на то, что он ни слова не знает по-русски, части моей книжки «Что же нам делать?»[3]. Ему переводил русский mot à mot**, а он излагал. Он очень милый, молодой, но серьезный и образованный человек. Впрочем, je suis payé pour le trouver tel***: он большой сторонник моих взглядов. – Я его рекомендовал в Петерб⟨урге⟩ людям специальным[4] (и плохо знающим по-франц⟨узски⟩), но думаю, что ему желательно бы и общий взгляд, и придворный, может быть. Он очень деликатный и скромный молодой человек, и если вы примете его и поговорите с ним 1/4 часа, то и за то и я и он, мы будем благодарны, если же случится возможность помочь ему в чем-нибудь, как путешественнику, то вы, верно, вы не откажете.

Очень любящий вас
Л. Толстой

---

* Эмиль Пажес, профессор философии (*фр.*).
** слово в слово (*фр.*).
*** я подкуплен, чтобы быть о нем такого мнения (*фр.*).

214. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

28 марта 1888. Петербург

28 марта 1888

Вчера вечером в полночный час получила ваше письмо, дорогой Лев, и при оном карточку г⟨осподина⟩ Эмиля Пажес с надписью, вызывающей меня на свидание.

Сегодня утром написала ему, назначая rendez-vous* на завтра, а сейчас получила прилагаемый ответ[1]. Что сей сон означает? Хотя я готовилась оказать ему, ради вас, всякую честь и привет, но неожиданный его отъезд не погружает меня, признаюсь, в бездну отчаяния. Сама судьба догадалась, что Бабушке не совладать с профессором философии — да еще французом.

Иное дело философ Лев — он же и закадычный друг и с ним можно спорить и царапаться.

Все-таки Emile Pagès оказал мне услугу, и я мысленно благодарю его за ваше милое письмо. Страх как люблю получать весточку от вас. Разумеется, что не пишу к вам лично, par pure discrétion**, да еще потому, что мои вопросы требуют вообще безотлагательных ответов, а на них я не совсем надеюсь.

Вот насчет смерти мы сошлись с вами, comme deux cœurs*** — то есть я так же живу мыслью о смерти и так же нахожу, что она нисколько не портит жизни. Напротив, подымает дух и освящает жизнь. Но мне бы очень хотелось узнать, в чем именно состоит ваш рецепт *приготовления* к смерти.

Отложите на полчаса ваше сапожное ремесло и напишите мне. Это войдет в разряд ваших добрых дел, и может мне послужить на пользу.

Софинька очень была тронута вашей памятью и вполне ее заслуживает. В ней, как и почти во всех нас, очень развит дух критики, но для вас эта камера затворяется и никаких осуждений из нее не выходят. Бедная сестра все хуже и хуже видит. Я жду операции ее катаракта с лихорадочным нетерпением, а она переносит свою страшную немощь чрезвычайно кротко. Что касается до ее детей[2], то я невольно и довольно часто вспоминаю стих Грибоедова: «О Боже мой, какая мука быть

---

* свидание (*фр.*).
** только из деликатности (*фр.*).
*** как два сердца (*фр.*).

взрослой дочери отцом!»[3]. Это можно применить и к племянникам — mais Sophie les couvre de son affection et de ses illusions*.

Старейшая же Бабушка не может вам представить теперь ничего *цельного* в своей жизни. Тратит себя на множество мелочей, в которых волею или неволей (больше неволей) должна видеть свой насущный хлеб, ибо не сама создает эти мелочи. В минуты досуга много читает и много пишет, приводя в порядок уже оконченное *нечто*[4], к чему и названия не придумаешь. —

Не слишком смейтесь надо мной. Я вполне сознаю, что в мои года и без таланта просто глупо заниматься подобной работой — и однако она принесла мне пользу, давая мне возможность сосредоточивать свои мысли, но, главное, я увлеклась вызыванием милых, дорогих теней, с которыми опять пожила *всей душой*.

Читать же это *нечто* будут не особы обоего пола, а исключительно женщины, и то самые наиближайшие. И когда они это прочтут, то я им, вероятно, скажу: Простите — никогда не буду!

Какая прелесть ваш большой портрет Репина — да это не портрет, а вы сами — я не могла от него оторваться — c'est le joyau de l'Exposition**. Одно мне кажется утрировано — это краснота колорита лица. Пахарь также хорош, как ensemble***, но зачем же он вас так обезобразил? Эта картинка (олография) висит уже у меня в кабинете[5].—

Прощайте, милейший друг. Обнимаю вас и всех ваших и твердо надеюсь на ваше слово для известного извещения.

Да хранит вас Господь в мире и правде.

Ваш друг и бабушка

А.Т.

⟨*На конверте:*⟩

Его сиятельству
графу Льву Николаевичу
Толстому.
Москва.
В Долго-Хамовническом переулке.
Собственный Дом.

---

* но Софья оделяет их своей любовью и своими иллюзиями (*фр.*).
** это жемчужина выставки (*фр.*).
*** целое (*фр.*).

215. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Апрель 1888. Москва

Письмо вам это передаст или сначала перешлет Лизанька Оболенская — племянница, дочь Машеньки, нынче зимой схоронившая мужа и оставшаяся без матерьяльных средств с 7-ю детьми. Она едет в Петербург, чтоб устроить помещение одной из дочерей в институт. Помогите ей[1]. Она очень милая и *хорошая* женщина, и дети ее прелестные. Так вот, милый друг, опять я к вам просителем. Благодарю вас за последнее письмо. Нынче написал бы больше, да в эту минуту не здоровится. У нас все, от матери до Ивана[2], включая вашу милую крестницу, здоровы и благополучны.

Очень любящий вас

Л. Толстой

Дай Бог, Sophie спокойно, т.е. не полагая в ней блага жизни, перенести операцию[3] и с одинаковой благодарностью Богу принять результаты ее, какие бы они ни были.

1889

216. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

24 апреля 1889. Воронеж

24го апреля
1889

Милый друг Léon, все сбиралась и не успевала написать вам словечко, чтобы еще раз поблагодарить вас за ваше милое появление на железке[1]. Это был прелюбезный сон. Мне кажется, что я и сама говорила с вами как во сне — вовсе не то, что хотела — но все равно. Главное, я почувствовала, что мы остались друг к другу *близки* и унесла из этого свидания самое радостное впечатление. Даже не боюсь, как ваш знакомый, попасть с вами *в ад*.

Здесь[2] я очутилась в совершенно для меня новой обстановке и не могу ею нарадоваться. Полагаю, что и вам она бы понравилась, хотя

ваши размеры не соблюдены вполне, чего мне кажется и нельзя требовать от всех. — Жизнь патриархальная, отношения больших к малым самые простые, ничего натянутого, деланного и господствующая нота: *не для себя*, а *для других* — звучит бессознательно во всех действиях.

Доктор, школьный учитель, сестры милосердия, хозяева и tutti quanti* как будто все в одном духе. Разумеется, тон подает хозяйка, и тихость ее обращения к делу — любовь к нему — создают около нее самую естественную и утешительную атмосферу. Из-за тридевять земель приходят в Рамонь массы людей и получают здесь *не деньги* (это дается только в крайних случаях) — но кормление, лечение и успокоение. Забота об них постоянная, но не суетливая, хотя Евгения Мак⟨симилиановна⟩ входит лично во все подробности и знает по имени почти всех своих и чужих. —

Первый вопрос молодого Ольденбурского был: «не встречала ли я *кого-нибудь* в Москве?» Я тотчас догадалась, об ком идет речь, потому что он всегда говорит про вас comme un amoureux de son amoureuse**. Затем завязался спор между матерью и сыном.

— Вот видишь, Петя, я говорила тебе — поезжай к графу и скажи, что мать прислала тебя, чтобы ему поклониться, а ты из глупой застенчивости и лишил себя этой радости.

— Да, может быть, граф и не принял бы меня, — отвечает краснеющий юноша, обращаясь ко мне.

— Почему же нет? — говорю я. — Граф принимает всех — вероятно, принял бы и вас.

Но он вряд ли решится на этот подвиг[3] quoique ce soit le point culminant de ses désirs***. —

Странно, что этот мальчик, принц и полунемец, как будто рожден для русской деревенской жизни и чувствует себя вполне счастливым только здесь, и мысль родителей именно та, чтобы готовить его к этой деятельности и продолжать начатое ими, конечно, для блага края. —

Вот как я с вами заболталась под впечатлением того, что вижу. —

Не знаю еще, когда уеду и можно ли мне будет остановиться в Москве. Во всяком случае рано или поздно до свидания[4].

---

* и все остальные (*фр.*).

** как влюбленный о своей возлюбленной (*фр.*).

*** хотя это было бы верхом его желаний (*фр.*).

У меня всегда в расчете l'imprévu*. Обнимаю вас, милый друг, и еще раз спасибо вам за вашу верную любовь. — Sophie, Таничку и всех тоже нежно лобызаю.

Бабушка

P.S. Евг⟨ения⟩ Мак⟨симиллиановна⟩ желает, чтобы я особенно поклонилась вам от нее. Она плачется, что нет для крестьянских детей удобопонятных рассказов, и, зная вашу опытность, просит вас сказать, что именно вы считаете наилучшим. Все новейшие издания у нее есть, и все превышают понимание детей.

⟨*На конверте:*⟩
Его сиятельству
графу Льву Николаевичу
Толстому.
В Москву.
Долго-Хамовнический
переулок. Собственный
дом.

217. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Первая половина июня 1889. Ясная Поляна

Тронуло меня, милый, дорогой друг, наше свиданье в Москве[1], тронуло ваше письмо, тронул ваш заезд к нам[2] и, наконец, карандаш, к⟨оторый⟩ мне сейчас передала Kate! Это уже переполнило чашу моей нежности к вам, и вот пишу этим разовым листком — карандашом. Пишу, хотя писать нечего, кроме сообщения о нашем матерьяльном положении. Нечего, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ духовное общение — разговор — не затеялось. Так вот затейте.

Я хотел вам писать из деревни, когда б⟨ыл⟩ один. Хотел писать о Бирюкове, к⟨оторый⟩, как вы, верно, знаете, хочет жениться на Маше. Они любят друг друга и так хорошо, как я желал бы, чтобы любили друг друга все женящиеся люди, т.е. они оба любят добро, одинаково понимают его и одинаково хотят жить не для себя, а для Бога. Не скажу, чтобы меня *радовал* этот брак предполагающийся. Ce n'est pas le mot**.

* непредвиденное (*фр.*).
** Это не то слово (*фр.*).

Я нахожу, что это хорошо, что тут дурного ничего нет, но *радости*, восторга, как это бывает, не испытываю. Напротив, скорее опасения, но опасения только физические, за то, что Маша слаба и молода. К сожалению, жена смотрит на это враждебно и с раздражением, от к⟨оторого⟩ страдают и другие, но больше всего она сама. Я надеюсь, что это пройдет. Насчет же брака думаю, что если это дело Божье, то он совершится, а если нет, то тем лучше, что он не совершится[3].

Про себя скажу, что я нынешний год хотел посвятить тому, чтобы написать все то, что у меня в голове и сердце. Иногда кажется, что мне хотелось написать п⟨отому⟩, ч⟨то⟩ думается, что я очень скоро умру. Я не противлюсь этой мысли, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ она во всяком случае очень выгодна. Прекрасная пословица: *живи до веку и до вечера*. Но до сих пор ничего еще не написал. Все вожусь с писаньем об искусстве и значении его, к⟨оторое⟩ представляется мне очень важным и к⟨оторое⟩все более и более разрастается[4]. И эта работа стоит на дороге другим, просящимся наружу; но есть внутренняя полиция, к⟨оторая⟩ знает очень определенно, кому первому надо проходить, и ни за что не пропустит без очереди. — Вообще же про себя скажу, что я очень, очень счастлив, очень благодарен Богу за его милости ко мне и с каждым годом и часом делаюсь счастливее. Мое желание писать все только от того и происходит, что хочется передать другим людям то, что нам всем дано и чего я так долго не знал и что делает всех нас счастливыми. «И научитесь от Меня, что иго мое благо»[5]. Вот это-то, как я научился, хотелось бы передать. Целую вас, любя.

Л. Толстой

Напишите о себе, о своих душевных интересах. Целую Софи.

Представьте себе, что карандаш такой же, как тот, к⟨оторый⟩ вы мне дали, мне прислала через нашу английск⟨ую⟩ гуверн⟨антку⟩ M⟨iss⟩ Kate племянница, я же вообразил себе, что это вы[6]. И как это хорошо и как я благодарен этой ошибке: она показывает вам, как мало нужно было, чтобы потребность моя общения с вами стала неудержимой.

218. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

18 или 19 июня 1889. Ясная Поляна

80-летняя старуха Дмоховская[1] (русская, бывшая замужем за поляком — моя хорошая знакомая, очень добрая, религиозная женщина), сын которой за участие в социалистической пропаганде был сослан в

Сибирь, где и умер[2], эта Дмоховская просит теперь государя через государыню о помиловании ее зятя[3], мужа ее дочери, сосланного два года тому назад тоже в Сибирь. Фамилия ее зятя *Тихоцкий* и, сколько я знаю, дело, по которому он сослан, очень незначительное. Если можете попросить тех, от кого может зависеть исполнение ее просьбы, попросите, пожалуйста.

Карандаши ваши привели меня в умиление и восхищение[4]. Мы живем спокойны и радостны в той мере, в которой этого заслуживаем. От А.М. Куз⟨минского⟩ слышал про вас и радуюсь, что вы бодры и, вероятно, очень рады видеть свою воспитанницу[5]. Целую вашу руку. Любящий вас Л.Т.

Каково! Два письма за вами. Как мне ни радостно такое выгодное мое положение, письмо ваше будет еще большей радостью. Передайте мою любовь Sophie.

219. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

21 июня 1889. Петергоф

21 июня
1889 г.
Петергоф
Кавалерский Дом
№ 4

Милый друг Léon, вы, может быть, не знаете, что недели две тому назад была у меня девица Дмохов⟨ская⟩ и что ходатайство об Тихоцком уже сделано мною, а что выйдет из этого, неизвестно[1]. Je ne suis pas une puissance*, как многие это воображают.

Действительно странно, что я перед вами в долгу, чуть ли не случилось это в первый раз, и тем страннее, что при получении вашего первого письма я была одушевлена желанием отвечать вам séance tenante**. Но вышло иначе. Время было бестолково-тревожное, и к тому я в городе просто распадалась от жары, а теперь, пожалуй, поздно высказывать то, что я думала о предполагаемом браке Маши. — Скажу только, что я лично давно утратила способность радоваться чьей бы то ни было свадьбе. Это наивная общепринятая привычка ничем не оправдывается.

* Я не так всемогуща (*фр.*).
** тотчас же (*фр.*).

Сегодня ликуют — завтра плачут и как-то легко смотрят на бесповоротный, громадный шаг.

Понимаю и вас и Sophie. Вы с своей точки зрения находите, что их взаимная любовь достаточная гарантия. *Она*, как заботливая мать, предвидит и матерьяльное будущее, от которого не отвертишься, как бы не были скромны претензии на насущный хлеб. Вы сделались аскетом уже в зрелых годах, а у молодых куда как больше потребностей, особливо если явится большая семья.

К тому же (не сердитесь на меня), что значит любовь 18-ти летней девочки, пока еще ничего не видевшей и не могущей делать сравнений?

Мне представляется, что тут и психологический расчет не верен. Стало быть, по-моему, лучше подождать и *очень* подождать, а затем повторю ваши же слова: «Как Богу угодно!» Толчки с Его стороны всегда бывают, когда делу нужно совершиться.

Вы дружески радуетесь моей бодрости, а я про нее могу только сказать, что она часто зависит от обстоятельств и что сердечное настроение, если оно хорошо, укрепляет даже мои старые члены. Свидание с дорогими людьми, например, с вами или с моей бывшей воспитанницей[2], действует на меня гальванически. Откуда берутся тогда силы и даже задор ума. Мимолетно я опять молода, и это очень приятно, но и старость свою я люблю всей душой. Она так полна прошедшим и ожиданием будущего — того, про которое Flaubert так отлично сказал: «une certitude sans preuves»*.

Душа давно приняла вполне то, что ей выпало на долю даже горького, и теперь живет *другим*. Из этого равновесия и выходит счастье. Дай Бог, только дойти до конца, не слишком спотыкаясь и не обижая никого.

Я послала вам карандаши с мыслью, что вы изложите ими все письменные проекты, стоящие на очереди. Хотя смерть к нам всем близка, я надеюсь, что мы с вами еще поживем — только не теряйте время. Наш брат бездарный исчезнет бесследно, но вы другое дело. Вы *обязаны* сказать свое последнее слово, и мне чуется, что это слово будет хорошо. Как бы мне хотелось усесться на кончик карандаша и подслушать то, что будет изливаться из вашего сердца, в котором живет теперь Господь.

Свету, еще свету! — вот чего прошу ежедневно и для вас и для себя.

---

* «уверенность без доказательств» (*фр.*).

В настоящее время я поселилась в Петергофе, чтобы пользоваться присутствием Марьи Александ⟨ровны⟩, из которой вышла удивительно хорошая женщина. Отнюдь не приписываю это своему влиянию — но обработке жизни и природному в ней отсутствию эгоизма. Такая чистая и прямая душа. Un Nathaniel en jupe*. —

Софинька моя отправилась к Вадбольским и, слава Богу, совершила свое путешествие благополучно. — При ее немощи это предприятие меня очень страшило.

Прощайте, милый друг, если вздумаете когда-нибудь опять написать, знайте, что это для меня всегда огромная радость.

Обнимаю вас и всех ваших от души. Сердечный поклон Кузминским.

Бабушка

Извините пачканье.

⟨*На конверте:*⟩

Его сиятельству
графу Льву Николаевичу
Толстому.
Тульской губернии.
Станция *Козлово-Засека*.
Имение Ясная Поляна.

1891

220. Т.Л. ТОЛСТАЯ и Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

20 января 1891. Ясная Поляна

⟨*Рукой Т.Л. Толстой:*⟩

Милая Бабушка, я прочла книгу, которую вы мне прислали, с большой пользой для себя[1]. Теперь я дала ее читать Вере Толстой. Вот жалко, что вы не знаете Веру и что она вас не знает, — она удивительно хорошая девушка. Они, так же как и мы, живут в деревне, дядя Сережа занят своим хозяйством, и девочки учат ребят, много читают и

---

* Нафанаил в юбке (*фр.*).

заняты тем, чтобы самим делаться лучше и чтобы всем вокруг них было хорошо.

На днях Саша наконец отправила вам свое письмо. Она сначала долго сочиняла его, потом Андрюша поправлял ей его и, наконец, она его переписала и послала. Она сильно кашляла эти дни, так что даже когда она спала, ее лицо было все в слезах от беспрестанного кашля. Сегодня ей лучше, может быть, оттого, что сегодня вдруг переменилась погода, 1 1/2° мороза, чего с самого начала зимы не было, все было около 20° и доходило до 29.

Папа́ хочет приписать вам, поэтому я останавливаюсь, чтобы ему оставить место и чтобы крепко вас поцеловать и пожелать всего хорошего. Крепко любящая и уважающая вас

Таня

20 янв⟨аря⟩ 1891.

⟨*Рукой Л.Н. Толстого:*⟩

Я еще в том письме хотел приписать вам, дорогой друг, но Т⟨аня⟩ скоро отослала[2], не сказав; хочется вам поживее напомнить о себе и вызвать от вас письмо. Всякий раз с особенно приятным чувством вижу ваш почерк (какое определенно приятное или неприятное впечатление почерка) и, внимательно вникая, прочитываю то, что им написано. Drummond'а проповедь я знаю[3] и очень люблю. Но все это ничто в сравнении с словами Посл⟨ания⟩ Иоанна[4] IV, 16, 12, III, 18, 17, IV, 20, III, 14, 15, IV, 7, 8. Я их часто читаю наизусть в этом порядке и иногда понимаю и чувствую; и тогда всё легко. Главное стих 15[5]. Это я опытом узнал, да и всякий, я думаю, что если есть один человек, к⟨оторого⟩ не любишь, то все равно, что весь мир ненавидишь: в душе ад. — Как вы живете? Хорошо ли вам? Дай Бог, чтобы было хорошо. Да и, верно, хорошо, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ вы добрая. Я живу тихо и плохо. Мало полезен людям и чувствую, как слабеют силы, так что нет надежды поправиться. Но тут утешенье[6]. Мф, XI, 28—30. Только бы быть кротким и смиренным. Целую вас.

Л.Т.

221. А. А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

11 февраля 1891. Петербург

11 февр⟨аля⟩ 1891

Милый дорогой друг, жаль, что вы не слыхали моего радостного восклицания при виде ваших милых каракуль, и когда я прочла, что и моя рукопись не сделалась для вас чуждой, я еще более повеселела. Не поверите, как мне нужен был этот видимый знак вашей дружбы. Часто представлялось, что мой прежний Лев порос такою густою листвой, что мне до него не добраться. Как хорошо, что вышло иначе und daß der Kern des Baumes ist derselbe geblieben*. На каждое слово вашей приписки (которую par paranthèse** разбирала в поте лица) отозвался в сердце радостный аминь. Кузминский привез нам утешительное известие, что вы бодры и телом и духом. Где же тут место для уныния и *плохости*. Разве вы еще не привыкли к нашей общей человеческой немощи? Как ни чисты наши намерения, мы все-таки подвигаемся, хромая на обе ноги.

Разумеется, любовь (высшее благо) нельзя схватить своими руками один раз навсегда, но, когда ищешь ее при самом источнике любви — Христе, — сердце постепенно расширяется.

Вы, наверно, это знаете прекрасно. Нить оборвалась, завяжешь ее опять — а Он всегда стоит у порога и протягивает руку искренно желающим любить Его и в Нем всех людей. В конце своей приписки вы сказали умилительное слово: «Лишь бы быть кротким и смиренным».

Смирение, милый друг, целый океан, но и одной капли из него достаточно для самообличения. Без смирения и любить трудно. Падшая натура так склонна величаться, но как скоро узнаешь себя *поглубже*, то на всех людей смотришь уже снизу вверх — все становятся лучше тебя, и мне особенно жалко тех, в которых нахожу сходство с собою.

Еще мне кажется, что не нужно особенных мето́д и усилий, чтобы приносить пользу людям. Если у нас внутри все в порядке, благотворное влияние разливается вокруг нас само собой без нашего ведома. Действует ли оно на малый круг или на массу людей — все равно. Этим Господь Сам распорядится, но доброе семя наверно не пропадет. Вот и тут на-

---

* и что сердцевина дерева осталась прежней (*нем.*).
** между прочим (*фр.*).

добно смирение, чтобы не задаваться слишком многим. Мне вчера рассказывала одна дама, которая провела прошедшее лето в Тверской губернии в деревне, где жила со своими детьми в простой, но чистой избе (за которую, между прочим, платила 10 рублей за все лето), что в хозяине этой избы она нашла удивительного человека и до сих пор вспоминает с глубокой любовью своего милого Антона, 82-х летнего мужика.

— Как же проводил он день и чем особенно отличается? — спросила я.

— Встанет рано утром, пойдет к заутрене, потом к обедне, вернется, напьется чаю, отдохнет и принимается за чтение Евангелия и Псалмов. Затем, не будучи в силах много работать, беседует с детьми. Дети так и льнут к нему, да и большие тоже, он имеет какую-то привлекательную силу, все его любят и почитают, а отличительная его черта это та, что он во все продолжение своей долгой жизни никогда не сказал ни одного дурного или бранного слова. Это известно во всем околотке.

Да и на мою дамочку, весьма небогатую, но по-светски хорошо воспитанную, он, видимо, сильно подействовал своей христианской простотой, разумеется, сам ее не сознавая. Каждому свой дар, и дай Бог и нам в своем роде нечто подобное.

Вы спрашиваете, как мне живется? Одно могу сказать: слава, слава Богу за все! День уходит за днем, иной светлый, спокойный, другой потемнее, с препятствиями. Il faut jouer des coudes et sauter par-dessus des cerceaux pour le traverser*, но на каждом из этих дней лежит печать, несомненно, совершенной Его воли, так что жаловаться и хныкать становится отвратительным — почти невозможным. Я даже теперь не слишком смущаюсь своей негодностью, а только благодарю, чувствуя себя несравненно мирнее прежнего. И вы и я, мы были слишком долго des *âmes tourmentées***. Пора из этого выбраться. А новый мир тем дороже, что он не *от нас*, а приходит извне и потихоньку вселяется в самый тайник души. —

Для меня лично совершенно ясно, что я его ощущаю только с тех пор, как я убедилась, что без соединения с Христом я решительно *не могу* сделать ни шагу вперед. Чувство этой зависимости от Него — невыразимое счастье.

Я вполне согласна с вами, что никакая книга не может сравниться с Евангельскими словами, но для моей слабости нужен подчас и по-

---

* Нужно приложить усилия и перешагнуть через трудности, чтобы его пережить (*фр.*).

** страдающие души (*фр.*).

сторонний луч, а revising element* даже для того, чтобы остановить мое внимание на том, что иногда ускользает от него. Вот почему я читаю и Drummond'а и многих других. На днях пришлю вам или Таничке (кто захочет) новую проповедь Drummond'а[1] тем более, что она писана именно на тот текст, который вы приводите в своей приписке: *Приидите ко Мне*[2] и т.д.

Как бы хотелось поговорить с вами именно теперь, и мне сдается, что это вышло бы лучше, чем при последнем свидании. В эти три года столько произошло перемен в моей и, вероятно, в вашей душе.

Прощайте милый, дорогой друг, обнимаю вас и всех ваших с полной любовью.

Таничке и Саше буду отвечать отдельно[3], когда будет время.

Ваша всем сердцем

А.Т.

⟨*На конверте:*⟩

Его сиятельству
графу Льву Николаевичу
Толстому.
Тульской губернии.
Станция *Козлово-Засека.*
Село Ясная Поляна.

222. Т.Л. ТОЛСТАЯ и Л.Н. ТОЛСТОЙ – А. А. ТОЛСТОЙ

7 июня 1891. Ясная Поляна

⟨*Рукой Т.Л. Толстой:*⟩

Дорогая Бабушка.

За несколько дней до получения вашего письма[1] я написала Вам и адресовала в Петербург[2], не зная Вашего теперешнего адреса. В тот день, когда Вы проезжали, папá, Саша и я выезжали Вас повидать, но опоздали на поезд, так как вышло новое расписание, которого мы не знали и по которому Вы проехали раньше, чем бывало прежде[3].

Поезд, о котором Вы пишете, — курьерский — приходит в Ясенки в половину второго дня[4]. Это от нас в 7-ми верстах, и если Вы нам зара-

---

* возбуждающее средство (*англ.*).

нее телеграфируете на Козловку-Засеку, то нам будет большое удовольствие приехать за Вами — дорога чудесная — почти все время шоссе.

Самовар Вам сегодня закажет папá. Он сегодня ушел в Тулу и исполнит Ваше поручение.

Мне жаль, что Вы увидите Сашу в очень невыгодное для нее время. Она и ее англичанка, которой 18 лет[5], за лето совершенно одичали. Они целый день наружу и наслаждаются природой изо всех сил; от людей они так отвыкли, что я боюсь, что они скоро разучатся говорить и будут объясняться знаками. Все-таки я надеюсь, что Вы ее хоть черненькой полюбите, она этим не очень избалована.

Крепко целую Вас и с радостью жду.

Таня

⟨*Рукой Л.Н. Толстого:*⟩

Как только я узнал, что вы проезжаете, я тотчас же собрался в Тулу с тем, чтобы с вами проехать до Ясенков. Я так радовался этому и, представьте, опоздал в Туле на 5 минут, а Таня опоздала в Ясенках. Если Бог даст, увидимся теперь. Дай Бог только, чтобы вы были здоровы и не раздумали заехать к нам[6]. У нас всё благополучно. Обо многом хочется беседовать с вами и не только не спорить, но ни в чем не расходиться, как не должны и не могут расходиться люди серьезные, старые, готовящиеся к смерти, да еще любящие друг друга.

Л.Т.

223. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ и С.А. ТОЛСТОЙ

10 июля 1891. Петербург

10 июля 1891
Петербург

Милые друзья, спешу вам сказать, что здоровье сестры, слава Богу, хорошо. Не будь еще слабости, то на нее можно бы было смотреть как на вполне излеченную. Я с нею свиделась только вчера. В первый же день приезда я сама едва держалась на ногах и должна была отлежаться, прежде чем ехать в Царское. Софинька ужасно была рада меня видеть, но не подозревает, что меня выписали, чего бы никогда не простила.

Если бы не ваш глупый телеграфист, от какого страшного беспокойства я была бы избавлена, потому что Ольга Перовская вслед за первой

депешей послала мне другую (досрочную и успокоительную), на которую получила прилагаемый ответ[1]. Что это означает? Не могу понять, и не худо бы было спросить о том господина Висьеля.

Телеграмма на имя Льва[2] была уже третья и послана на всякий случай en désespoir de cause*.

Говорю об этом только в виде предостережения для вас в возможном будущем случае. But all is well what ends well**. Я дышу свободно и благодарю Бога за счастливый исход моей душевной тревоги. А вас, мои дорогие, благодарю всех от стара до мала за оказанную мне дружбу[3]. Хорошо было покупаться в этой теплой атмосфере, и я серьезно помышляю вознаградить себя при первой возможности за недожитые у вас дни. Впрочем, не жалею, что вернулась. — Софиньке я теперь нужна и завтра окончательно перебираюсь в Царское.

По милости милой Sophie, которая что-то весьма хитро подсказала начальнику станции, меня и в Москве приняли с почестями, а главное, дали отличный вагон. Мне кажется, что я недостаточно благодарила ее за все ее хлопоты. Посылаю дорогому Льву героя его будущей легенды[4].Он так хорошо ее рассказал, что я заранее предвкушаю наслаждение, которое ожидает нас, если он осуществит свое намерение.

Немедля возвращу тоже ему «Nell Horn»[5]. Зачем он мне ее дал? Что за книга. Не будь она печатана, то годилась бы как раз в № 100 какого-нибудь отеля, да и слог его похож на яснополянскую эпидемию un dévoyement de l'estomac***. В первый раз в жизни встречаю автора, который подделывается под перевод, точно нельзя описать английские нравы по-французски, не переплетая двух языков. Удивляюсь главное, что Mr Rosny осмелился поднести *вам* son œuvre indigeste dont le but échappe à mon intelligence médiocre — mais il est évident que l'amour-propre d'un français ne recule devant rien****. —

Кстати о французах, здесь делаются неимоверные приготовления к принятию их эскадры[6], что меня бесит. Совсем, по-моему, не время. Жара здесь невыносимая, и, несмотря на большие комнаты, я пишу с трудом. Перо прилипает к руке. В Царском гораздо свежее.

---

* без всякой надежды (*фр.*).

** Но все хорошо, что хорошо кончается (*англ.*).

*** слабительное для желудка (*фр.*).

**** свое неудобоваримое произведение, которое своим замыслом поразило мой слабый рассудок, вот уж действительно, самолюбие француза не знает преград (*фр.*).

Обнимаю вас всех тысячу раз и мысленно еще сижу с вами то на балконе, то в большой зале, и везде было мне так приятно.

Прошу передать мой поклон любезным артистам[7], которым желаю окончательного успеха. —

Самый сердечный привет милому семейству Кузминских. Скажите Алек⟨сандру⟩ Михайловичу, что я застала Ек⟨атерину⟩ Ник⟨олаевну⟩ в полном здравии[8]. Вчера она ездила в Петергоф с своим Институтом.

И она и сестра моя очень расспрашивали про всех вас et moi je ne me fais pas tirer l'oreille pour parler*. Надеюсь, что Маша совершенно поправилась. Девочек, мальчиков и младенцев целую от души.

Да хранит вас всех Господь. Извините, что так мараю.

Бабушка

⟨*На конверте:*⟩

Его сиятельству
графу Льву Николаевичу
Толстому.
Тульской губернии.
Станции *Козлово-Засека.*
Ясная Поляна.

224. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

16 июля 1891. Ясная Поляна

Напишу хоть несколько слов, дорогой друг Alexandrine, в благодарность за ваше письмо, карточку Федора — прелестную, — и за ваше посещенье[1] и вашу дружбу.

Сейчас отвозят Репина, к⟨оторый⟩ кончил бюст[2], благодаря вашему совету, — прекрасно, кажется. Он очень всем нам был приятен. — Наши все здоровы и шлют вам свою любовь. Очень благодарен за карточку. Она очень поощряет к работе. Если бы Бог велел, хотелось бы попробовать написать[3]. Как хорошо, что Sophie здорова теперь. Передайте ей мою любовь. Телеграмма первая не дошла, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ ее послали не в Козловку, а в Козлов. Надо писать, какая дорога и Козловка-Засека. У нас теперь дети Гельбиг, и она сама завтра приезжает. Гостей очень много[4]. Но я утра свои выговариваю и понемногу работаю[5]. —

---

* и я говорила, не заставляя себя упрашивать (*фр.*).

Так не будем спорить, а будем любить друг друга, какие мы есть. Мне этот уговор особенно выгоден. Целую вас. Любящий вас

Л.Т.

225. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

25 августа 1891. Царское Село

Милый человек, помните ли вы 1857-й год[1], нашу встречу и сближение под швейцарским небом? Вы сказали мне тогда, что вам скоро минет 30-ть лет. С тех пор я никогда не забывала 28-е августа и молча или письменно радовалась вашему рождению.

Не понимаю, отчего люди так часто (особливо не молодые) относятся к дню своего появления на свет с пренебрежением и даже иногда со злобою, как будто их чем-то обидели. — Надеюсь, что в вас это не так и что, ставши на новую ступеньку, вы любите смотреть и назад и вперед. Этот обзор меня всегда глубоко умиляет. Назади столько незаслуженного счастья, столько прощенных ошибок и дурных дел, а впереди необозримое поле надежд. Как же не умилиться?

Вот ты была всю жизнь такая маленькая, негодная, даже зловредная, но за то, что ты это сознала и повинилась, тебе обещано самое великое. Как же не радоваться и не благодарить?

От души поздравляю вас, милый друг, с этим новым годом. — Пусть он будет богат работаю, любовью и верою, всё в больших размерах. Пусть вам будет дано разливать добро на близких и на далеких. — Какое громадное преимущество над нашим братом нулем. Часто мечтаю о новом свидании с вами, как будто еще не до всего договорились; когда читаю, беспрестанно отношусь к вам с тем или другим вопросом. Читали ли вы когда-нибудь по-немецки разговоры Гёте с Экерманом?[2] Эта книга увлекает меня совсем особым образом. Мне весело следить за блестящими искрами, которые проникают в темные углы моего слабого умишка и освещают его, как бальную залу. Настоящей пищи для души, конечно, тут не много, но общий диапазон удивительно благороден и высок. — Хотелось даже выписать вам кое-что из этих разговоров, да подумала, что *вы* не *я* и что́ для меня ново — вам уже давно известно. Читаете ли вы вслух по вечерам? Как бы я подсела к длинному столу и как бы я наслаждалась! Это одно из моих лучших яснополянских воспо-

минаний. Если хотите меня утешить, пришлите мне книгу *Rod*, которую я не дочла — именно статью об вас[3]. Я возвращу ее в сохранности.

Рекомендую вам (если не знаете) две статьи в марте и мае «Русского вестника» *Помощь ближнему*, писанные каким-то Ярош[4]. Имя его слышу в первый раз. Думаю, что и вы найдете у него много хорошего. Об себе говорить нечего — живу здесь не в пример уединеннее, чем вы в деревне, и люблю это уединение, несмотря на печальные заботы о больных, но и они служат к переработке души. Третьего дня похоронила еще одного старого друга — Лизу Карамзину. Скорбь об ней возвышенная, потому что она так чисто и любовно совершила свой земной путь. Прощайте, милый друг, обнимаю вас крепко.

А. Толстая

25-го авг⟨уста⟩ 1891.

⟨*На конверте:*⟩
Его сиятельству
графу Льву Николаевичу
Толстому.
Тульской губернии, на
станцию *Козлово-Засека*.
Ясная Поляна.

226. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 29 и 31 августа 1891. Ясная Поляна

Благодарствуйте, дорогой друг, за ваше поздравленье, вашу память обо мне. Мне всегда это очень приятно и особенно от таких любимых людей, как от вас. И какие хорошие ваши пожелания. Кабы сбылась из них хоть малейшая часть! Стремлюсь именно к тому, чего вы ⟨для⟩ меня желаете: быть хоть сколько-нибудь любовно полезным людям. Акермана разговоры не читал[1] и на днях только вспоминал о них. Гёте-то я очень не люблю[2]. Не люблю его самоуверенное язычество. Благодарю вас очень и за карандаши (имею к ним слабость), и за карты, и за книги. Посылаю их вам. О Damiens очень мало, но все-таки рад был прочесть. Но Гордон не понравился мне[3] — не читалось дальше. Не могу примириться с христианским генералом. Это нечто вроде сухой воды.

Как вы живете? Грустно, что Карамзина умерла. Я знал ее мало, но к ней у меня осталось очень хорошее чувство. У нас была очень, очень

милая сватьба[4], как няня Маши прекрасно определила ее: *легкая* сватьба. Как лучше стали, нравственнее молодые люди! Я не нарадуюсь. Вы пишете: печальные заботы о *больных*. Кто это? Софья Андреевна? Поцелуйте ее от меня, если она позволяет, и пожелайте ей от меня того же, что вы мне желали, любви и веры, которые, я думаю, у ней есть. — Прощайте пока, любите меня по-прежнему; а я всегда с любовью думаю о вас. За самовар я не так виноват[5], как вы думаете. Я старался, но была особенная неудача.

Л. Толстой

227. Л.Н. ТОЛСТОЙ и Т.Л. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

29 ноября 1891. Тула

Дорогой друг Alexandrine. Ради Бога простите за то, что пишу второпях и только о деле:

Я сейчас написал письмо Кауфману[1], Председ⟨ателю⟩ Общ⟨ества⟩ Красн⟨ого⟩ Креста, прося его о бесплатном провозе лошадей крестьянских из голодных мест в места, богатые кормом. Пожалуйста, если можно, попросите его через кого-нибудь исполнить мою просьбу, очень нужную и никому не могущую повредить. Только бы он обратил внимание на это дело, он, говорят, человек хороший и умный, и он наверно исполнит ее. Я теперь еду в Москву на неделю[2]. У меня большое горе умер мой друг[3], один из лучших людей, кот⟨орых⟩ я знал, умер на моих руках, в неделю, от инфлуенцы. Мы с ним вместе работали и полюбили друг друга больше, чем прежде.

Мы здоровы и бодры с детьми и едем к Соне успокоить ее и повидать. Она, бедная, измучилась. Я пишу из Тулы. Напишу из Москвы боле прилично. А пока целую вас и прошу — прощать и любить меня.

Лев Толстой

⟨*Рукой Т.Л. Толстой:*⟩

29 ноября 91 г.
Тула

Папá забыл написать вам, дорогая Бабушка, кто этот друг, которого он потерял. Это Ив⟨ан⟩ Ив⟨анович⟩ Раевский, у которого мы жили весь последний месяц и которого мы все сильно полюбили. Папá очень измучился за это время, и я постараюсь подольше оставить его в Москве.

Мы с Машей можем пока одни вести дело наших столовых, так разумно начатых папа́ и Ив⟨аном⟩ Ив⟨анови⟩чем.

Часто хотелось мне написать вам о нашей деятельности, но она занимала так много времени, что я просто не успевала.

Крепко целую и люблю вас.

Таня

228. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

5 декабря 1891. Петербург

Милый друг, хотя я заранее была уверена, что моя поддержка вовсе не нужна, но сейчас же написала к Кауфману, мне почти незнакомому, и так счастлива, увидев из его ответа, что желание ваше может исполниться.[1] —

Об вашем горе я узнала раньше получения вашего письма и поняла инстинктивно, что́ это был за громовой удар для семьи доброго Раевского и для вас всех, его сотрудников и друзей.

Право, мне так сделалось тяжело на сердце, что казалось, что и я потеряла кого-то близкого. Но Господь застал его за делом милосердия, и я верю глубоко, что Сама Любовь приняла его в свое Царство любви. Дай Бог нам всем такой конец.

Все время следила за вами и радовалась вашей хорошей деятельности, но отдохнуть вам надо, а успокоить бедную Sophie — также хорошее дело. Хотя г-н Михневич уверяет, что ваше здоровье отлично, но нам близким известно другое, и я часто озабочена на ваш счет. Берегите себя — это прямая ваша обязанность, вполне согласная с христианским чувством. Мне все кажется, что настоящее бедствие может привести в конце концов к хорошим нравственным результатам, то есть к сближению понимающих и *не*понимающих, не говоря и о многом другом. По странному совпадению я получила ваше последнее письмо в ту самую минуту, когда мне принесли ваш портрет от переплетчика, тот самый, который мне прислал Репин, а я до сих пор по неведению его адреса даже не могла благодарить его. Прошу Таню прислать мне этот адрес[2], если он ей известен. По приписке ее в вашем письме я вижу, что Таня не получила еще ни моего письма, ни моей посылки, отправленной уже более трех недель в Сызранский уезд по указанию Татьяны Андреевны[3]. Как ни мала эта капля в море — жаль будет, если она пропадет. Обнимаю вас всех, милые друзья, и люблю неизменно. Да благословит

Господь все ваши труды, и свет Его да преумножится во всех ваших добрых сердцах.

Старая Бабушка

5-е дек⟨абря⟩ 1891.

⟨*На конверте:*⟩
Его сиятельству графу Льву Николаевичу
Толстому.
Москва.
Долго-Хамовнический
переулок, в собственном
доме.

229. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А.ТОЛСТОЙ

8 декабря 1891. Москва

Благодарю вас очень, дорогой друг, за последнее письмо ваше: не столько за ваше ходатайство у Кауфмана*, сколько за те сердечные, добрые слова, кот⟨орые⟩ вы мне в нем говорите о смерти Раевского. Я начал читать вслух Соне и не мог от слез. Так верно вы сердцем поняли мое чувство и выразили его. Утешительно то, что мы с ним провели месяц, к⟨оторый⟩, наверно, и в моей и его жизни будет один из самых счастливых — не счастливых веселых, а счастливых значительных и удовлетворяющих. —

Милая Таня, моя свояченица, вам сказала Бог знает что, если вы послали вещи в Сызранский уезд. Мы живем в Данковск⟨ом⟩ уезде, и посылают нам в станц⟨ию⟩ Чернаву, Скопинского уезда[2]. Поэтому вещей мы не получили еще. Я думаю, что это дело поправимое. Надо написать на почту в Сызрань (Симбир⟨ской⟩ губ.). Очень жаль, что случилась эта ошибка и ваше доброе желание до сих пор не принесло своих плодов. Завтра, 9-го, мы уезжаем[3]. Соня очень тревожна, но отпускает меня, и мы с ней дружны и любовны, как давно не были. Мне ее очень жаль, и я постараюсь поскорее вернуться, чтобы успокоить ее. Дело наше идет так хорошо[4], как я не мечтал, и все дальше и дальше затягивает. Бедствие велико, но радостно видеть, что и сочувствие велико. Я это теперь увидал в Москве, не по московск⟨им⟩ жителям, но по тем

* Кауфман ответил не хорошо: нужны были не деньги, а общее распоряжение о бесплатном провозе лошадей[1] (*Примеч. Л.Н. Толстого*).

жителям губ⟨ернии⟩, кот⟨орые⟩ имеют связи с Москвою. Страшно подумать, что бы было, если бы вдруг прекратилась деятельность общества. Говорят, что в Петерб⟨урге⟩ не верят серьезности положения. Это грех. Я встретил у Раевского моряка Протопо⟨по⟩ва[5], с к⟨оторым⟩ мы вместе были 35 лет тому назад на Язоновск⟨ом⟩ редуте в Севастополе. Он очень милый чел⟨овек⟩, теперь председат⟨ель⟩ управы, хлопочет, покупает хлеб. Он очень верно сказал мне, что испытывает чувство, подобное тому, к⟨оторое⟩ б⟨ыло⟩ в Севастополе. «Спокоен, т.е. перестаешь быть беспокоен, только тогда, когда что-нибудь делаешь для борьбы с бедой». Будет ли успех, — не знаешь, а надо работать, иначе нельзя жить. Отчего не сделают перепись всему хлебу в России? —

Простите, не забывайте меня. Очень люблю вас.

Л. Толстой

Адрес Репина: Калинкина площадь 3/5.

1893

230. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ и С.А. ТОЛСТОЙ

Не позднее 20 августа 1893. Петербург

Милые Sophie и Лев, примите благосклонно моего молодого приятеля г-на Саломон[1]. Он милый человек — новичок в Москве и очень желает быть вам представлен. Я очень дружна с его матерью[2] и для нее знакомство ее сына с вашим домом будет великой радостью. Он очень хорошо воспитанный и серьезный юноша. Вообразите, на днях уезжаю в Крым для свидания с сестрой, но в Москве, увы, не остановлюсь.

⟨*На конверте:*⟩
Ее сиятельству
графине Софье Андреевне.

1894

231. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

13 февраля 1894. Ливадия. Крым

Милый друг Лев, ваш английский корреспондент или корреспондентка напомнили мне своим адресом: à mon fils à Paris auprès d'un tas de neige*. Конечно, знаменитого писателя можно найти везде, но не все почтамтские чиновники умеют читать по-французски и, вероятно, они были обмануты неизвестным словом *Jald*, которому и я тщетно старалась придать подходящее по звуку значение. Всего более оно похоже на Ялту и таким образом письмо попало в мои руки вместо ваших. Возвращаю его с особенным удовольствием, потому что английские и американские письма мне страшно надоели, а кстати скажу кое-что и об нас, если вы еще нами интересуетесь. Бедная, безногая Софинька, слава Богу, настолько поправилась, что мы уже помышляем на будущей неделе отправиться в Петербург, если Бог позволит. Чтó было перенесено в продолжение четырех месяцев нельзя выразить словами, да и не нужно. За видимую помощь Свыше мы будем вечно благодарны.

Надеюсь, что ваша Sophie получила мое письмо[1]. Когда я его диктовала, то я была, конечно, ближе к смерти, чем к жизни, но и эта болезнь миновалась. — Теперь мы некоторым образом в положении сидящих у моря и ждущих погоды, а домой нам очень пора.

С тех пор как все стали поправляться, мы много читаем и ничего не пропускаем, где речь идет об вас, только так бы хотелось знать, что правда и что неправда. Обнимаю вас всех с любовью и прошу Sophie написать мне о здоровье Левы[2] и где он теперь находится.

Прощайте, милый друг, и Господь да хранит вас.

Старая бабушка

13 фев⟨раля⟩ 1894.
Ливадия. Крым.

⟨*На конверте:*⟩
Его сиятельству
графу Льву Николаевичу
Толстому.
В Москву.
Долго-Хамовнический переулок,
собственный дом.

---

* моему сыну в Париж, у сугроба (*фр.*).

232. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

28 февраля 1894. Москва

Простите меня, пожалуйста, совсем простите, дорогой, старый друг Alexandrine, что не писал вам[1]. Спасибо англичанину или англичанке, кот⟨орых⟩ письмо попало к вам и вызвало ваше письмо, а ваше письмо вызвало мое раскаяние и радостное воспоминание о моей дружбе к вам. — Смягчающие мою вину обстоятельства те, что мне много хочется сделать до смерти, и я уже начинаю теряться, как человек, кот⟨орый⟩ знает, что он всего не захватит и не донесет, и не знает, что выбрать, потому что много очень и личных, и письменных сношений с людьми, и потом я становлюсь слаб и стар. — Я только по этому вашему письму понял положение Sophie и узнал про вашу болезнь. Неужели вы опять проедете так, что нельзя будет вас увидать?[2] Теперь уж, вероятно, последний раз. Я бы выехал к вам навстречу, чтобы проехать с вами сколько-нибудь. У нас всё по-старому, не скажу, чтобы по-хорошему. Чем дольше живу и чем ближе к смерти, тем несомненнее для меня неправда нашей богатой жизни, и не могу не страдать от этого. Но живем дружно. Еще горе большое для жены — это болезнь самого близкого мне по духу сына Левы. Он теперь в Париже. Таня поехала туда к нему[3] и, вероятно, скоро привезет его. Болезнь изнурительная, желудочная, называют ее нейрастенией. Я говорю, что Соня больше страдает о сыне, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩, странно сказать, я не боюсь его потерять физически, как никогда не боюсь ни за кого, кого люблю, а боюсь потерять духовно, как я терял и теряю беспрестанно столь многих. Духовно же он со мной, и я ли, он ли раньше умрет, я знаю, что мы вместе и вместе там, где нет смерти.

Целую вас, если позволяете, и Sophie и радуюсь мысли увидать вас.

Очень и давно любящий вас Л. Толстой

28 февр⟨аля⟩ 1894.

233. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

15 марта 1894. Петербург

15 марта
1894
Петербург

Милый друг Léon, ваше доброе дружеское письмо прогулялось в Ялту и обратно. Мы уже здесь с 26-го февраля, и я не могу утешиться, что не видала вас в Москве, тем более что мы простояли там в вагоне около двух часов, но это было непредвиденно, иначе я рискнула бы вас вызвать и для себя и для бедной Софиньки, которая вас так любит, а мне так дорого все, что может ей доставить наслаждение. Ее положение невероятно печальное. Без глаз и без ног! Вы знаете, что я никогда не спорю с Богом, и вера моя еще выросла и укрепилась после нашего страшного испытания, но сердце болит.

Дай Боже, чтобы *ваше* горе прошло мимо. По любви моей ко всем вам оно и мне близко. Мне невыразимо жаль бедную Sophie и вас. Вы, мой дорогой, только скептик на словах, а в глубине души у вас толстовское нежное чувство, способное на большое страдание. Я довольно часто имею известия об Леве и Тане через m-me Salomon[1], которая видит их почти ежедневно. Сына ее вы знаете[2], а она сама чудная женщина, и я рада, что они так хорошо сошлись.

Пожалуйста, не мучьте себя раскаянием, когда не отвечаете на мои редкие письма — разве я не знаю, что ваше время переполнено через край? Мне и в голову не приходит сердиться на вас, но видеть вас и поговорить с вами очень хочется. Вот и теперь, будь я еще в том воинственном духе, с которым я, бывало, бросалась в неравную борьбу с вами, я бы вас закидала вопросами, находя, что вы недовольно ясно выражаете свои мысли, но это впереди, потому что я отнюдь не хочу терять надежды встретиться хоть еще раз с вами. Une idée!* как говорят французы. Почему бы вам вдруг не встрепенуться и не приехать сюда денька на два повидаться со старыми, больными и родственными друзьями. Мне это представляется так просто и естественно, а вам, вероятно, покажется неудобоисполнимым, как будто вы задумали ехать на выставку в Чикаго. Мне часто приходит на ум, что люди вообще запутываются в своих мыслях и теряют способность различать, что́ есть *истинно* доб-

* Немного, капельку! (*фр.*).

рое дело или менее доброе и полезное. Вам это предложение, наверное, покажется смешным, а я готова плакать, что оно не исполнится. Впрочем, как Богу угодно. Я не буду сетовать на вас — у каждого свой взгляд на вещи. Вот, кажется, насчет смерти мы в одном духе[3]. Я также живу с нею неразлучно, и она не только утешает, но украшает мою жизнь. К мысли об неизвестной будущности я не прилагаю ничего *своего*, никаких догадок или представлений, но знаю, что нас ожидает океан милосердия, и этого достаточно для душевного мира. То же самое милосердие сотрет с нас всю нашу земную пыль и осветит переход в Его Царство. Как же не радоваться?

Обнимаю вас, мой друг, и Sophie и детей.

Бабушка

⟨*На конверте:*⟩
Его сиятельству
графу Льву Николаевичу
Толстому.
В Москву.
В Долго-Хамовнический
переулок.
Собственный дом.

234. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

17 марта 1894. Москва

Благодарствуйте за ваше хорошее письмо, милый друг. Ах, как жалко, что я не знал, когда вы проезжали, и не мог повидать дорогую Sophie и поговорить с ней, вероятно, последний раз.

Вас я все еще надеюсь видеть. Вы так подвижны и все мне представляетесь молодою. Простите, пожалуйста, за Гальперина-Каминского[1], кот⟨орый⟩, как он мне пишет, был у вас, прося моих писем[2]. Вы, разумеется, не дали их ему и имели неприятность ему отказать[3]. Он так долго пилил меня тупой пилой, что я в минуту отчаяния на вопрос его: с кем у меня была переписка, сказал про вас. Пожалуйста, простите меня. Разумеется, письма эти никак не могут ⟨быть⟩ интересны публике. Верно, вы напишете мне об этом. Пускай же письма наши встретятся. Целую вас и милую Sophie, если вы позволяете. Ездить я себе не позволяю для удовольствия. Если бы нужно было, тогда другое дело. Наши завтра

приезжают[4]. Они теперь в Петербурге. Лева всё то же. Главное, тревожен. Но хорош духом — добр, любящ. И это радует меня. Все наши с крестницей целуют вашу руку.

Верно любящий вас друг
Л. Толстой

235. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

19 марта 1894. Петербург

19 марта
1894

Сначала я не хотела его вовсе принимать, не зная совершенно, *ктó он*, хотя и встречала имя его в газетах, но он окутался вашим именем, и я не только его впустила к себе, но и дала ему, после сильной борьбы, те письма ваши, которые были у меня переписаны, полагая, что вы прислали его ко мне именно для этого, тем более, что, по его словам, то же самое было сделано и с другими вашими друзьями[1]. Ваше предостережение пришло, увы! слишком поздно. Если это вам неприятно, то я отнюдь не могу себя винить. Как могла я отказать, когда предполагала, что это совершается по вашему желанию? — А мне так не хотелось давать ему эти дорогие письма, хотя между нами не было никогда никакой тайны. Если бы вы мне написали с ним хоть две строчки, этого бы не случилось, и вы бы избавили меня от большой неприятности. Он обещал мне, что ни одна строчка не будет напечатана без вашего и моего согласия[2], но кто его знает и будет ли он способен написать вашу весьма трудную биографию?[3] Завтра он опять явится ко мне, и я не знаю, как я его приму, чувствуя себя в нервном раздражении. Он обошел меня вполне всеми своими рассказами, но требовать письма назад мне кажется неудобно. Теперь вы должны меня утешать. В прошедший четверг Кузминские мне сказали, что в этот день утром Таня и Лева проехали через Петербург[4]. Узнай я это раньше, непременно поехала бы повидать их на железную дорогу. Я совсем не ожидала, что они возвратятся так скоро. Да укрепит вас всех Господь и больных и здоровых. —

Обнимаю вас нежно, милый друг, и верю, что вам теперь не до отлучки, но данную причину не понимаю и не принимаю. Речь шла не об *вашем* удовольствии, но о сердечной радости бедной Софиньки. Зная строгость ваших правил насчет денег, я чуть-чуть вам намедни не напи-

сала, что беру все издержки на себя, но не посмела этого высказать, но теперь, простите, я невольно подумала que rien n'est impitoyable que les principes qu'on s'est créé soi-même. Ils semblent exclure tout élan et toute bonté*, а вы природно так добры.

И еще раз обнимаю со всеми милыми домочадцами.

А.Т.

⟨*На конверте:*⟩

Его сиятельству
графу Льву Николаевичу
Толстому.
В Москву.
Долго-Хамовнический
переулок. Собственный
дом.

236. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

24 мая 1894. Петербург

Козловка. Графу Льву Николаевичу Толстому.

Доктора находят, мне лучше[1], едва дышу, температура нормальная. Благодарю за участие. — Александра Толстая

237. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

4 сентября 1894. Ясная Поляна

Получил вашу телеграмму[1], дорогой друг Alexandrine, и был не так, как всегда, а больше, чем всегда, тронут вашим упорством помнить и любить меня, несмотря на свои горести и болезни и на мою нестоющесть этого. Если у вас будет свободное время и вы будете расположены, напишите мне[2], пожалуйста, о себе поподробнее: каково ваше физическое состояние теперь. Душевное состояние ваше, я уверен, что хорошо, и что вы сумели обратить болезнь и страдание ее себе на душевную пользу. Напишите, пожалуйста, и о Sophie, передайте ей мою любовь и благо-

---

*нет ничего беспощадней, чем принципы, которые сам себе создаешь. Они, кажется, исключают всякое стремление и всякое благо (*фр.*).

дарность за ее всегдашнее расположение ко мне, напишите, пожалуйста, о ней, как она живет, что делает, как переносит свое положение. Приведет ли Бог увидаться с ней на этом свете? А очень бы хотелось. Что там мы не увидимся, ce n'est pas le mot*, но будем сообщены, в этом я, чем ближе к смерти, тем утвердительнее, яснее уверен. А когда вы поедете на юг? И куда? И как бы сделать, чтобы увидаться? Наша жизнь, как и всякая жизнь, медленно изменяется. Исключительного только то, что Лева болен какой-то изнурительной желудочной болезнью и лечится, что меня огорчает, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ это делает для него более трудным перенесение болезни. Остальные все растут и стареются и изменяются. Саша, ваша крестница, очень хорошая, простая, кроткая и на все доброе податливая девочка. Дурного, тяжелого в семье до сих пор ничего нет, и, слава Богу, есть взаимная любовь, кот⟨орая⟩ с годами все более и более сближает всех.

Я занят теперь работой, которая, боюсь, неприятна вам, но которую я чувствую себя обязанным делать; это изложение в самой короткой и всем понятной форме своего религиозного исповедания веры[3]. Как скоро кончу это, так хочется приняться за, или, скорее, употребить остающийся досуг на художественные работы[4], которые давно влекут к себе. Не знаю только, есть ли на это еще силы. Прощайте пока, целую вашу руку и еще и еще раз благодарю вас за вашу доброту ко мне.

Соня просит передать вам свою любовь, и я знаю, совершенно искреннюю и нежную, дети тоже.

Лев Толстой

4 сентяб⟨ря⟩ 1894.

238. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

6 (18) декабря 1894. Ментона

France, Menton — *6 декабря 1894*

Hôtel Alexandra

Милый друг Léon. Много времени прошло с тех пор, как я получила ваше письмо, хотя оно уже не застало меня в России. Против своего обыкновения я замедлила ответом вот почему: во-первых, была еще очень слаба, затем наступило тяжелое время[1], и я, не будучи уверена в

---

* это, собственно, не то слово (*фр.*).

вашем сочувствии к моему великому горю, предпочла вовсе умолчать об нем. Насколько это опасение было справедливо или несправедливо, вы одни можете знать. Очень благодарю вас, голубчик, за ваши дружеские строки. Я их сообщила сейчас же сестре, и она хотела сама вам написать[2], но не знаю, удалось ли ей исполнить свое желание, так как процедура диктовки не всегда удобна, особливо когда пишешь не деловое, а сердечное письмо. — Весною, когда меня перевезли в Ц⟨арское⟩ Село, еще едва живую, Софинька поселилась рядом со мной. Думаю, что моя болезнь подействовала на нее хорошо — в том смысле, что отвлекла ее от ее личного тяжелого положения. Понемногу она стала к нему привыкать и переносить его с большим благодушием и смирением. Как я ускользнула от смерти, просто непостижимо. C'était contre toutes les règles du probable et du possible*. Теперь считаю себя как будто в отпуску; вероятно, ненадолго, но это не мешает мне наслаждаться Ментоной. Здесь очень хорошо. Солнце не прячется, как у нас, на целые месяцы, но каждое утро встает с великолепным блеском и с тою же любовью к людям и к земле. Земля же, в знак благодарности, кадит ему всеми своими благоуханиями, а люди радуются, глядя на обмен таких неисчерпаемых богатств. Помню, вы как-то раз (уже очень давно) писали мне из Ниццы, что этот вечный праздник начинает вам надоедать[3]. До этого я еще не дошла и, проводя почти целые дни в виду моря, неба и тропической зелени, всякий день более влюбляюсь в природу. Она мне заменяет отчасти людей и как будто вливает здоровье в мои жилы. Les sensations d'une convalescente sont si fines qu'on peut à peine les exprimer et j'aurais pu vous raconter beaucoup de choses sur les résultats que la maladie a produit sur moi, mais c'est fatiguant de parler de soi-même à travers d'une si grande distance**. Об вас я уже здесь имела известия через Саломона. Он с матерью приезжал сюда для свидания со мною. Такие милые люди! С нею я подружилась в Женеве именно в то время, когда и вы были там, то есть 37 лет тому назад! Каково! Итак, милый друг, вы опять принялись за ваше profession de foi[4]. Если оно похоже на первое, то, разумеется, я буду отмахиваться и открещиваться от него. Du reste j'ai lu bien d'autres choses de vous cet automne à Paris en poussant des soupirs si homériques, qu'ils auraient pu éteindre plus d'une bougie allumée. (J'ai connu une dame qui soupirait ainsi.) Hélas nous ne pouvons donc jamais être

* Это было вопреки всем законам вероятного и возможного (*фр.*).

** Ощущения выздоравливающих так обостряются, что их трудно выразить, и я могла бы вам много рассказать о том, что сделала со мною болезнь, но говорить о себе на огромном расстоянии утомительно (*фр.*).

à l'*unisson* avec vous à moins que ce ne soit dans un monde d'où le doute et la parole seront bannis*. Обнимаю вас всех крепко. Сашу мою лишний раз. Дай Бог, чтобы из нее вышло нечто совсем хорошее. Пишу на удачу в Москву. Как мне жаль, что Таня от меня совершенно отказалась. Пусть, однако, кто-нибудь мне напишет. Что Лева? Всех больше надеюсь на милую Sophie. До свидания.

Бабушка

P.S. Посылаю вам образчик здешней журналистики и прошу вас истолковать мне, что значит быть вашим ex[5]. Этот вопрос я тоже сделала редактору ментонской газетки через третье лицо. Он очень извинялся передо мною, но всё-таки я не знаю, что он *хотел* сказать?

⟨*На конверте:*⟩

Russie Moscou.
Его сиятельству
графу Льву Николаевичу
Толстому.
В Долго-Хамовническом
переулке, в собственном
доме.

1895

239. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

4 января 1895. Никольское-Горушки

4 января ⟨1895⟩

Очень благодарен вам за ваше письмо, любезный друг Александра Андреевна. Я знал про ваше горе[1]. По старой привычке называю горем — смерть любимых людей, но горя тут нет. Это такое же горе, как то, что один прежде вошел в хорошее место или прежде вышел из скуч-

* Между прочим, читала я и многие другие ваши вещи этой осенью в Париже, испуская такие гомерические вздохи, что они могли бы погасить не одну зажженную свечу. (Я знала одну даму, которая вздыхала подобным образом.) Увы, мы же с вами никогда не сможем быть в *единомыслии* — разве что это случится в другом мире, откуда сомнения и слова будут изгнаны (*фр.*).

ного места, или даже прежде вышел из приятного места, а другой после. Горя тут быть не может, потому что и то место, из которого выходишь, и то, куда идешь, для всех одинакия. И все одинаково из одного пойдем в другое. Горя не может быть в том, что один позже, другой раньше прошел в дверь. Обращать на это вниманье есть ребячество. — А то, что мы называем горе, есть то, что нам больно вспоминать, что мы все пойдем туда же. Надеюсь, что вам это не очень больно, и знаю, что вы любите это помнить, и потому надеюсь, что ваше горе будет вам на пользу. Не могу досадовать на то, чтобы вы не понимали меня, потому что вы всегда понимали и понимаете, и не могу быть к вам равнодушен, потому что люблю вас.

Ваш Л.Т.

У нас все живы и здоровы. Дети то, что называется, веселятся, т.е. соблазняются. Я, как могу, стараюсь противодействовать соблазнам, но я один, а за соблазны — все.

240. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ и С.А. ТОЛСТОЙ

20 марта (1 апреля) 1895. Ментона

France. Menton — 20 марта
Hôtel Alexandra — 1895

Милые дорогие друзья Léon и Sophie, мне ужасно вас жаль. Я не писала к вам потому, что у меня болели глаза, но думала беспрестанно об вас с сердечной тоской, узнавши, что милого вашего Вани не стало[1]. Говорят, что не следует сокрушаться о смерти маленьких детей; в сущности это справедливо, но что ни делай, а сердце горюет по них страшно. Я до сих пор не забыла, что́ мы перестрадали, потеряв нашу Пашу[2]. Ей было тоже шесть лет, как Ване, но какое место она уже занимала в нашей жизни, и вам не легче от того, что у вас есть другие дети. Да освятит Господь ваши сердца этим испытанием и приблизит их к себе. А наши малютки наверно радостны.

«Not lost, but gone before»*.

---

*Они для нас не потеряны, но ушли раньше (*англ.*).

Милая Sophie, пожалуйста, напишите мне несколько слов про всех вас. Я здесь остаюсь еще по крайней мере полтора месяца и вернусь в Россию, вероятно, только в конце мая.

Напишите, как все было, и что дорогой Léon. Мне помнится, что он особенно любил Ваню. Поправляется ли здоровье Лёвы?[3] Мое удивительно укрепилось под влиянием здешнего климата. Обнимаю вас всех крепко и нежно.

А.Т.

⟨*На конверте:*⟩

Russie. Moscou.
Ее сиятельству
графине Софье Андреевне
Толстой.
В Москву.
В Долго-Хамовнический
переулок. Собственный дом.

241. Л.Н. ТОЛСТОЙ и С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

29, 31 марта 1895. Москва

⟨*Рукой С.А. Толстой:*⟩

Сердечно уважаемая и милая бабушка, много раз вспоминали мы в нашем горе[1] о вас, как о любящем сердце, всегда открытом на сочувствие и любовь, и письмо ваше нас обрадовало, как будто мы и ждали его от вас все время. Горе, постигшее нас, гораздо больше, чем можно было себе представить. Как ни беспредельна была наша любовь к Ваничке, — но мы сами не сознавали ясно, какое огромное место занял в жизни всей нашей семьи этот 7-ми летний нежный, любящий мальчик. Он только месяца не дожил до 7 лет. Умер он от злокачественной скарлатины в двое суток. Осложнение скарлатины составило еще сильное кишечно-желудочное расстройство. Страданий больших не было, так как сильный жар в 42 градуса лишил сознания.

⟨*Рукой Л.Н. Толстого:*⟩

Соня третьего дня начала писать это письмо — не кончила и вчера заболела инфлуенцией и нынче все еще нездорова и попросила меня до-

писать. А я очень рад этому, милый, дорогой старый друг. — Телесная болезнь Сони, кажется, не опасна и не тяжела; но душевная боль ее очень тяжела, хотя мне думается, не только не опасна, но благотворна и радостна, как роды, как рождение к духовной жизни. Горе ее огромно. Она от всего, что было для нее тяжелого, неразъясненного, смутно тревожащего ее в жизни, спасалась в этой любви, любви страстной и взаимной к действительно особенно духовно, любовно одаренному мальчику. (Он был один из тех детей, ко⟨торых⟩ Бог посылает преждевременно в мир, еще не готовый для них, один из передовых, как ласточки, прилетающие слишком рано и замерзающие.) И вдруг он взят был у нее; и в жизни мирской, несмотря на ее материнство, у нее как будто ничего не осталось. И она невольно приведена к необходимости подняться в другой, духовный мир, в кот⟨ором⟩ она не жила до сих пор. И удивительно, как ее материнство сохранило ее чистой и способной к воспринятию духовных истин. Она поражает меня своей духовной чистотой — смирением, особенно. Она еще ищет, но так искренне, всем сердцем, что я уверен, что найдет. Хорошо в ней то, что она покорна воле Бога и только просит Его научить ее, как ей жить без существа, в к⟨оторое⟩ вложена была вся сила любви. И до сих пор еще не знает как. Мне потеря эта больна, но я далеко не чувствую ее так, как Соня, во 1-х п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ у меня была и есть другая жизнь, духовная, во 2-х п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ я из-за ее горя не вижу своего лишения и пот⟨ому⟩ что вижу, что что-то великое совершается в ее душе, и жаль мне ее, и волнует меня ее состояние. Вообще могу сказать, что мне хорошо.

Последние эти дни Соня говела с детьми и Сашей, кот⟨орая⟩умилительно серьезно молится, говеет и читает Евангелие. Она, бедная, очень больно была поражена этой смертью. Но думаю — хорошо. Нынче она причащалась, а Соня не могла, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ заболела. Вчера она исповедовалась у очень умного священника Валентина (друг, наставник Машеньки, сестры), кот⟨орый⟩ сказал хорошо Соне, что матери, теряющие детей, всегда в первое время обращаются к Богу, но потом опять возвращаются к мирским заботам и опять удаляются от Бога, и предостерегал ее от этого. И, кажется, с ней не случится этого.

Как я рад, что здоровье ваше поправилось или поправляется. Может быть, еще приведет Бог увидаться. Очень желаю этого. Сколько раз прежде я себя спрашивал, как спрашивают многие: для чего дети умирают? и никогда не находил ответа. В последнее же время, вовсе не думая о детях, а о своей и вообще человеческой жизни, я пришел к убеждению, что единственная задача жизни всякого человека — в том только, чтобы

увеличить в себе любовь и, увеличивая в себе любовь, заражать этим других, увеличивая и в них любовь. И когда теперь сама жизнь поставила мне вопрос: зачем жил и умер этот мальчик, не дожив и десятой доли обычной человеческой жизни? Ответ общий для всех людей, к которому я пришел, вовсе не думая о детях, не только пришелся к этой смерти, но самым тем, что случилось со всеми нами, подтвердил справедливость этого ответа. Он жил для того, чтобы увеличить в себе любовь, вырасти в любви, так как это нужно было Тому, кто его послал, и для того, чтобы заразить нас всех, окружающих его, этой же любовью, для того, чтобы, уходя из жизни к Тому, кто есть любовь, оставить всю выросшую в нем любовь в нас, сплотить нас ею. — Никогда мы все не были так близки друг к другу, как теперь, и никогда ни в Соне, ни в себе я не чувствовал такой потребности любви и такого отвращения ко всякому разъединению и злу. Никогда я Соню так не любил, как теперь. И от этого мне хорошо.

Прощайте, милый, дорогой друг, простите, что все пишу о себе и своих. Напишите нам словечко и о себе. Соня, я и все дети целуем вас.

Л. Толстой

31 марта 1895.

242. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Конец мая 1895. Никольское-Горушки

Дорогой друг Alexandrine.

Не удалось мне увидать Sophie до ее смерти[1], и я очень жалею об этом, хотя уверен, что не только не разлучил⟨ся⟩ с нею, но соединюсь истинно и навсегда, как и со всеми, кого любил и кто меня любили.

Я ничего не знаю об ее кончине кроме того, что было в газетах[2]. Если вам не трудно, напишите мне про нее. Всей душой сочувствую вашему горю и знаю, что, как ни близки мы все к нашему пределу, разлука здесь не может быть неболезненна, особенно вам, так горячо любившей ее. Как всегда, умирающие близкие люди как будто нам отдают тот запас любви, кот⟨орый⟩ они набрали в жизни, и мы чувствуем прилив ее. Я думаю, что вы испытали это, и в сильной мере, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ у Sophie было ее много. И много она страдала. Давно хотелось написать вам, но мы переживали очень напряженное время: смерть Ван⟨ички⟩, болезнь Сони и очень опасная (теперь физически она здорова), и ее

горе, которое она несет очень тяжело, все это сделало то, что до сих пор не написал. — Если можете, напишите мне два слова. Я не знаю, где вы, и адресую в Петербург. Потеря близких дорогих людей для людей нерелигиозных есть непереносимое страдание и удаление от Бога, для людей же религиозных это приближение к Богу, и в этом есть что-то торжественное, умиляющее и обнадеживающее. Я уверен, что вы испытываете это. И помогай вам Бог все больше и больше приближаться к Нему. Насколько я приближаюсь к Нему, настолько сближаюсь — и уже без разлуки — со всеми теми, кого люблю. Простите, что говорю вам эти vérités de M-r de la Palisse[3].

Но я думал и чувствовал это, когда писал.

Целую вас.

Л. Толстой

243. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ и С.А. ТОЛСТОЙ

7 июня 1895. Царское Село

7 июня 1895 г.
Царское Село

Милый друг Léon, число не будучи помечено в последнем письме вашем, я не знаю, когда именно вы его писали. Оно съездило во Флоренцию, где я пробыла весь май месяц, и только сейчас дошло до меня. Я же сама вернулась в Россию только три дня тому назад с почти исцеленным телом, но с весьма еще скорбной душой. Софинька занимала такое большое место в моей жизни, особливо с тех пор, как она была лишена и зрения и движения. Elle était devenue le point central*. Все мысли были заняты ею, и всё относилось к ней. Я совсем не поняла, что страшная операция, которую она перенесла, должна была потрясти всю ее нервную систему, и жила на этот счет в полнейшем заблуждении. Не знаю, насколько и она заблуждалась, потому что она почти никогда не говорила об смерти. Она ее боялась, и ей хотелось еще жить, несмотря на все свои недуги. —

Не смею называть несчастьем то, что прекратило ее страдания и дало ей несомненное блаженство. Теперь я почти могу проследить нить, по которой вел ее Господь, готовя ее к самому благодатному концу.

---

*Она стала центром всего (*фр.*).

Он как будто подчеркнул в малейших подробностях Свое милосердие и Свою любовь к ее душе. (Об этом не могу помышлять без слез невыразимой благодарности.) При первом появлении болезни страх смерти исчез у Софиньки. Она с большим и нежданным спокойствием спросила у докторов, отвечают ли они ей, что она доживет до утра — «Иначе, — прибавила она, — я сейчас же пошлю за священником, несмотря на поздний час». (Было 12 ч⟨асов⟩ ночи.) Доктора в то время не видели даже опасности. Утром она причастилась Св⟨ятых⟩ Тайн и в продолжение двух дней, кроме сильной слабости, не ощущала особенной боли. Хотя она по-прежнему не говорила прямо об смерти, но явно действовала под влиянием этого ожидания. Благодарила всех окружающих с нежностью и любовью. (Какое у нее было горячее сердце.) Вспомнила одну личность, к которой была не совсем хорошо расположена, призвала ее к себе, просила у нее прощения и крепко ее обнимала. «Хочу быть со всеми в мире», — повторяла она.

Болезнь ее продолжалась меньше недели, и ей настолько было лучше, qu'on la considérait comme une convalescente*.

Она скончалась в Великую Пятницу, выслушав накануне чтение 12-ти Евангелий, сидя на креслах. С четверга на пятницу ей опять сделалось хуже, и ночь прошла в больших, почти нестерпимых страданиях. Она не переставала молиться то своими словами, то повторяя известные и утешительные молитвы, между прочим, из Канона Андрея Критского: «*Душа моя, душа моя, что спиши. Конец приближается*»[1] etc. «Трогательно было слышать, — писала ко мне одна из сестер милосердия, — как графиня предавалась воле Божией и громко молила Спасителя о помощи: "*Ты, столько пострадавший за нас, научи меня терпению — без Тебя я не в силах перенести таких страданий*"» и проч. ... Утром, в шесть часов, она продиктовала письмо к доктору, прося его прийти пораньше, но письмо было еще в доме, когда она вдруг вытянулась и голова ее упала на плечо сестры милосердия. Всё было кончено. —

Я узнала в одно время об ее болезни и об ее смерти, а письма, продиктованные ею, продолжали приходить в Ментону, когда ее уже не было. Она не упоминала ни разу о своем нездоровье, чтобы не тревожить меня, но писала с особенной нежностью. Я поняла (après coup**),что она прощалась со мной. Последняя ее фраза была следующая:

* что ее считали выздоравливающей (*фр.*).
** задним числом (*фр.*).

«Прошу у Господа милости для тебя и для себя, так как наше счастье зависит друг от друга».

Что мне сказать вам об себе? Ужасно тяжело то, что меня не было при последних минутах дорогой моей сестры, но в мои года нет долгой разлуки. Утешаюсь обещаниями Господа и надеждой близкого соединения с Ним и со всеми дорогими. Всё с каждым днем становится вернее. Душечка Sophie, умоляю вас, не скорбите безмерно о вашем милом Ваничке. Придет время, когда вы за эти самые слезы будете благодарить Бога, а покамест отворим наши сердца нараспашку, чтобы вместе с горем вошел в них *свет*. Все наши скорби не имеют другой цели, и этот свет не проходящий, *а вечное сияние*. Благодарю вас, голубчик Лев, за ваши оба письма[2]. На первое я не успела откликнуться, но как мне в нем было все понятно и симпатично. Теплая струя сама собой перешла в мое сердце, и так хотелось вас видеть и с вами поплакать. Как вы не храбритесь, а я вижу и ваше горе. — Обнимаю вас всех и Сашу. Когда-нибудь напишу еще. Теперь еще очень устала. Силы уже не те. Господь да хранит вас Своею любовью.

Бабушка

⟨*На конверте:*⟩

Его сиятельству
графу Льву Николаевичу
Толстому.
Тульской губернии.
Станция *Козлово-Засека.*
Ясная Поляна.

1896

244. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

28 августа 1896. Царское Село

Туль⟨ская⟩ губ. Станция Козловка-Засека. Графу Льву Толстому.

Многия лета старому другу. Благодарю Софи за дорогое письмо[1]. — Бабушка

1897

245. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ и С.А. ТОЛСТОЙ

8 февраля 1897. Петербург

Милые Léon и Sophie – Ек⟨атерина⟩ Ник⟨олаевна⟩ Шостак очень просит, чтобы мы собрались завтра вечером у нее[1] и не позже восьми часов. Хотя не охотно, но я ей уступила[2] и сама приеду к ней. До свидания.

А.Т.

Воскресенье.
8-го февр⟨аля⟩.

⟨*На конверте*:⟩

Ее сиятельству
графине Софье Андреевне
Толстой.

246. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

25 апреля 1897. Петербург

Простите меня, милый друг Léon. Я почувствовала свою вину, как только что отправила письмо[1], и мучилась мыслью, что оскорбила вас. Не хочу оправдывать себя, но желала бы, чтобы вы могли взглянуть на самое дно моего сердца. Es war nicht so böse gemeint*. – Гадкое слово, которое вырвалось из-под моего пера, было только итог давно накипевших страхов. Оно относилось единственно к вашему учительству словесному и печатному, отнюдь не к вашим личным чувствам. Никогда не сомневалась, что ваше сердце несравненно лучше моего, и защищала не себя, а то, что мы также считаем самым дорогим и священным и что вы так жестоко порицали. Мне очень легко и просто сознаться перед вами, *как на исповеди*, что *нет* на свете человека, которого бы я считала ниже себя. В этом виновата я, а не религия, и вред моей внутренней несостоятельности касается только меня. Ваше же влияние в ту или другую сторону может быть громадное. Тут вся разница в ответственности. Неужели вы и это сочтете за урок?

---

* Я не думала так плохо (*нем.*).

Жаль, если нам нельзя будет говорить о самом важном и для вас и для меня, тем более, что *день наш склоняется к вечеру* и время проходит быстро. —

Еще раз от всей души прошу у вас прощения. Письма получила — сведения собираются. К счастью, нашла человека очень мне полезного[2], а когда всё будет подготовлено, брошусь с крутизны в море, и кто знает? Может быть, и выплыву. Не могу даже выразить, как я этого желаю. —

Христос с вами, милый друг. Я и недобра и нехороша, но все-таки любите меня.

А.Т.

25-го апреля.

247. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

10 мая 1897. Ясная Поляна

Недоставленное

Дорогой друг Александра Андреевна,

Я был вынужден написать это письмо Государю[1]. Прочтя его, Вы увидите о чем. Я прошу Олсуфьева передать его[2]. В случае, если Олсуфьеву нельзя или его нет в Петерб⟨урге⟩, умоляю Вас сделать это. Надеюсь, что письмо это не будет неприятно Государю. Я взвешивал его (письмо) со всех сторон и не мог написать иначе. Думаю, что письмо не будет неприятно, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ чувство, руководившее мною, было самое доброе к нему. Простите, что больше не пишу, и за все мои недостатки, и не оставляйте меня своей дружбой. Если и вам нельзя передать письмо, то опустите его в ящик. Пусть оно идет обычным порядком, при котором самые письма, кажется, не доходят, а доходят только экстракты из них.

Братски целую вас.

Любящий вас.

Податель письма один из пострадавших[3].

1898

248. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

28 августа 1898. Царское Село

Тульская губ. Ст⟨анция⟩ Козлова-Засека. Графу Льву Толстому.

Давно забытая бабушка является на юбилейное торжество[1] с самыми теплыми пожеланиями.

1899

249. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

24 июля 1899. Царское Село

Гигиенический совет Кузьмы Пруткова людям, не умеющим беречь свое здоровье и позволяющим себе верховую езду и купанье, вопреки всякого благоразумия. Премудрый Кузьма гласит так: «Если у тебя есть фонтан, заткни его. Надобно отдохнуть и фонтану»[1].

Бабушкин гнев несколько смягчился известием, что внук ее болен[2] и страдает. La бабушка n'est pas si bête qu'elle en a l'air et comprend que la colique bilieuse est une mauvaise conseillère pour la littérature — mais que dira le public qui ignore ces attaques?!!*

24 июля 1899.

Милых Sophie и Ольгу благодарю за письма[3].

⟨*На конверте:*⟩
Его сиятельству
графу Льву Николаевичу
Толстому.
Тульской губернии.
Станция Козлово-Засека.
Ясная Поляна.

---

* Бабушка* не так самонадеянна как это кажется, и понимает, что желчная колика плохой советчик в литературе, но как быть публике, которая не знает об этих припадках?!! (*фр.*).

1900

250. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

28 августа 1900. Царское Село

Тульская губ. Ст⟨анция⟩ Козловка-Засека. Ясная Поляна. Графу Льву Николаевичу Толстому.

Поздравляю и желаю, чтобы прекрасный дар жизни сохранился Вам еще много лет. —Бабушка

1901

251. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

8 июля 1901. Ясная Поляна

8 июля 1901

Благодарю вас, милый друг Alexandrine, за вашу любовь, которую чувствую из вашего беспокойства о моей болезни[1].

Мне было очень хорошо, радостно и спокойно и во время болезни и теперь, во время выздоровления, в особенности от той мало заслуженной любви, которая меня окружает. Целую вас с братской любовью. Я поправляюсь, хотя еще лежу.

Л.Т.

252. А.А.ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

13 июля 1901. Царское Село

Сердечное спасибо за ваше доброе письмецо. Оно меня вдвойне порадовало как знак дружбы и признак вашего наступившего выздоровления. Поправляйтесь, милый друг, и в благодарность за окружающую вас любовь отрекитесь навсегда от ваших юношеских забав. Бросьте верховую лошадку, купанье в холодной воде и даже велосипед, если таковой стоит в вашей программе. Ведь и без них много хорошего в старости. Живите, пожалуйста, живите как можно долее. Пусть и ваша болезнь

будет «не к смерти, а к славе Божией»[1]. «Старое прошло — теперь все новое»[2].

Мне померещилось, что вы как будто удивились моей тревоге об вас. Если так, то напрасно. Моя многолетняя дружба при всех видоизменениях не утратила ни своей цельности, ни силы, и знаете ли почему? Потому что вы из тех немногих, которых мне удалось любить без всякого эгоизма, а отсутствие этого элемента удивительно как охраняет наши чувства от житейской моли.

Обнимаю вас и Sophie. Надеюсь, что и она оправляется от страшного испуга[3]. Всем детям вашим нежный привет. Сашу очень благодарю за письмо[4], когда-нибудь напишу ей сама, а покамест пусть она извещает меня почаще об вашем здоровье.

Смотрите же — берегите себя свято, иначе вам не уйти от моей клюки и, что того хуже, от моей морали.

Храни вас Господь

А.Т.

13 июля
1901.

⟨*На конверте:*⟩
Его сиятельству
графу Льву Николаевичу
Толстому.
Тульской губернии.
Станция Козлово-Засека.
Ясная Поляна.

1902

253. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

28 августа 1902. Новый Петергоф

Тульская губ. Ст⟨анция⟩ Козловка-Засека. Ясная Поляна. Графу Льву Толстому.

В день особенно памятный[1] шлю Вам все, что глубоко желает Вам мое сердце. — Бабушка

1903

254. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

21 января 1903. Петербург

⟨*Под диктовку А. А. Толстой:*⟩

Mon cher Léon,

J'ai été fort étonnée d'apprendre que vous écrivez la biographie de l'Emp⟨ereur⟩ Nicolas, mais du moment que cette fantaisie vous est venue, je désire naturellement vous être un peu utile. Un an avant la mort de Schilder qui, comme vous savez, écrivait aussi la biographie de l'Emp⟨ereur⟩, je lui ai communiqué quelques détails sur sa vie intime. Je ne sais pas, s'il les a utilisés, n'ayant point achevé son œuvre. Dans tous les cas je ne suis plus en mesure de les répéter, mais en revanche j'ai découvert dans un de mes vieux cahiers quelque chose qui vaut mieux que mes souvenirs personnels. Ce sont des fragments des mémoires du Cte Kisseleff qui n'ont pas été imprimés, l'Emp⟨ereur⟩ Alexandre II trouvant inutile de les livrer au public.

Головин qui a été autrefois ministre de l'instruction publique et auquel on avait confié la rédaction de ces mémoires m'a apporté ces découpures que j'ai fait recopier pour vous. Ce n'est pas grand-chose, il est vrai, mais avec votre flair d'auteur vous pourrez peut-être trouver des indices plus claires sur le caractère de ce souverain. Pour ma part, qui l'ai vu de si près, je puis ajouter que c'était une nature exceptionnellement loyale, généreuse et hélas, peut-être trop confiante. Cette âme honnête ne pouvait pas soupçonner facilement les fourberies dont il était entouré, et c'est peut-être ce qui a fait le plus de tort à son reigne. On peut répondre avec assurence que si l'Empereur avait reçu une éducation tant soit peu supportable, il serait devenu une grande figure morale, comme il l'était au physique. Mais pour le comprendre, il fallait le saisir sur vif.

Je possède encore un récit de Mandt sur les derniers moments de l'Empereur. Si vous croyez que cela peut vous intéresser, je vous l'enverrai également.

Dieu sait, si nous nous reverrons encore dans cette vie. Je deviens très vieille et très infirme et vous aussi vous n'êtes plus Hercules de jadis qui pouvait voyager à volonté. ⟨*Далее рукой А. А. Толстой:*⟩ Mais ceci n'est rien — c'est seulement la figure du monde qui s'en va pour nous.

Demain nous serons ailleurs, où rien ne passe. Puissions-nous nous revoir un jour dans le Royaume de Jésus Christ, notre Dieu Sauveur.

Je vous embrasse tendrement

A. Tolstoy

J'écrirai à Sophie un de ces jours.

⟨*Приложение:*⟩

Копия.

Отрывки из записки графа Киселева
о Государе Николае Павловиче
(Tiré de ses mémoires)
Réminiscences qui n'ont pas été imprimées

L'Empereur Nicolas, dans ses entretiens intimes, revenait souvent sur son peu de savoir.

«Comment voulez-vous qu'il en soit autrement? — disait-il. — Notre principal menin à moi et à mon frère Michel n'était pas un homme instruit, capable de diriger nos études ou nous en inspirer du moins le goût, mais par contre il était grognon et parfois violent. Pour chaque vétille d'enfant il se mettait dans des colères inimaginables. Il nous prodiguait des injures de toutes sortes, qui souvent se terminaient par des pincements de bras, qui n'avaient rien d'agréables. Sous ce rapport j'étais plus soigné que Michel, dont le caractère plus facile et plus enjoué lui plaisait davantage».

L'Empereur, en discutant telle ou telle question, disait souvent: «je ne le sais pas, et d'où voulez-vous que je le sache, avec la pauvre instruction qui m'est échue en partage? A 18 ans je suis entré au service et dès lors adieu les études! J'aime passionément l'état militaire et je m'y suis consacré corps et âme. Depuis que je suis à mon poste actuel (au lieu de dire — depuis que je règne et gouverne), — je lis très peu. Le temps me manque, mais j'en trouve pourtant pour lire Thiers. Le sujet qu'il traite maintenant et la manière dont il le traite, me le font préférer à tous les ouvrages sérieux, qui me sont envoyés. J'en attends toujours la livraison avec une fiévreuse impatience. Dans les intervalles je me donne le plaisir de lire Paul de Kock et puis le «Journal des Débats» que je lis depuis 40 ans. Si je sais quelque chose, c'est en causant avec des hommes d'esprit et de savoir. C'est la meilleure et la plus utile instruction que l'on puisse se donner. Elle est assurément préférable aux livres, si on a la chance de pouvoir se la donner, — je le crois du moins».

A la nouvelle du coup d'Etat du 2 décembre, l'Empereur entra quelques minutes avant le dîner chez l'Impératrice, tenant un paquet à la main et s'écriant: «Bravo, Louis Napoléon!» — et raconta les évènements de Paris d'après une communication de Berlin. «Il a compris son époque et il a agi en conséquence. Bravo! je lui tendrai les deux mains pour tirer l'Europe, la société toute entière de l'état de décomposition dans laquelle elle se trouve depuis les fourberies de la dernière époque».

(Ce mot remplaçait celui de règne que l'Empereur cherchait à éviter, en parlant de celui de Louis Philippe).

L'Empereur me conta un jour que déjà fiancé à la fille du Roi de Prusse, il se trouva à Paris avant d'aller à Londres (je crois en 1816) et passa toute une journée à Neuilly.

«J'ai été tellement impressionné de cette vie de famille, — ajouta-t-il, — que naguère je rêvais pour moi, sans pouvoir m'en rendre compte que je demandais au Duc d'Orléans l'autorisation de venir le surlendemain prendre congé de lui et des siens. Il m'y autorisa et je passais encore un jour, heureux, je puis dire, car il me confirma dans les premières impressions que j'avais rapportées de Neuilly et que dès lors je me suis promis d'imiter pour l'arrangement de ma vie intérieure. Ce que je vous dit, ma femme le sait et vous le confirmera. Louis Philippe me paraissait alors le type de l'homme honnête, sage et heureux... je le considérais, avec la chaleur de mon âge, comme un modèle de la vie, à laquelle je me préparais. Mais lorsqu'il escamota d'un tour de jongleur la couronne de son neveu et Roi, dont il était le tuteur et le protecteur naturel — oh! dès ce moment mes relations avec cet homme ne pouvaient plus rester les mêmes. J'ordonnais à Nesselrode de maintenir scrupuleusement tous les engagements que nous avions contractés vis-à-vis de la France et lorsque Pahlen nommé ambassadeur, vint prendre congé et me demanda ce qu'il devait dire au Roi de ma part? — "Rien, — lui répondis-je, — vous avez vos instructions diplomatiques — cela suffit"».

L'Empereur Nicolas, par un excès de franchise, mesurait peu son langage. Un jour à un dîner de famille de quatre couverts, dont j'étais le seul étranger, Sa Majesté se prit à déverser sur Louis Philippe un blâme très accentué. Je me permis de le prévenir en langue russe que le maître d'hôtel qui servait à table était français.

«Eh bien!» — dit l'Empereur.

«Mais ces indiscrétions, Sire...»

Il ne me laissa pas achever et répondit que «ces sortes d'indiscrétions étaient la meilleure punition des mauvaises actions — que d'ailleurs si on l'espionnait, on en aurait pour son argent».

L'Empereur se complaisait à dire que sans le principe d'autorité il n'y avait pas de salut pour la société, que c'était parfaire au devoir que de rechercher à gagner la popularité par la faiblesse, que les peuples doivent être gouvernés et non adulés, que l'amour doit s'acquérir par la justice, qu'un Roi qui courtise la foule finit toujours par inspirer l'indifférence et plus tard le mépris.

Il ne tarissait pas sur ce thème. Après le 2 décembre l'Emp⟨ereur⟩ Nicolas disait que Louis Napoléon en rétablissant l'autorité dans le gouvernement rendait un immense service à la France et à l'Europe. «Nous devons lui en tenir compte».

Plus tard le chiffre III fit une certaine impression sur lui. Il devint moins prodigue d'éloges. «Il faudra voir, — disait-il, — où tout cela nous mènera».

Il était très préoccupé de la réponse à faire à Louis N⟨apoléon⟩ sur son avènement au trône.

«Si du moins, — disait-il, — on avait quelque temps pour apprécier la situation; le suffrage presque unanime de la France est d'un grand poids dans l'état où la France se trouve aujourd'hui, mais encore faut-il se persuader que ce vote résistera aux partis qui vont intriguer contre lui. Je désire qu'il se maintienne, mais cela ne suffit pas. Il faut en être persuadé. Notre titre Impérial n'a été reconnu par la France qu'après 40 ans et pourtant les relations entre les deux Etats n'ont cessé d'être bonnes. Je n'en demande pas tant bien s'en faut, mais assez pour me convaincre qu'une nouvelle révolution ne viendra pas à l'aide du suffrage universel renverser celle qui l'a précédée. Je ne combats pas l'élection d'une manière absolue, mais j'en signale les inconvénients. Notre lignée est aussi un produit

de l'élection nationale, parfaitement conforme à celle d'Angleterre. Cette élection d'un Romanoff, dont la mère était la sœur du dernier descendant du Rürick, a sauvé la Russie des déchirements intérieurs, dont elle subissait déjà les malheurs. L'élection d'un enfant fut bénie par la Providence. C'est une exception, les agnats ayant manqué, le principe sacré de la légitimité héréditaire, n'ayant point été méconnu. Et tenez, j'en ai tellement la conviction gravée dans mon cœur, que tant que mon frère Constantin vivait, malgré sa renonciation au trône, je ne me suis cru, que son lieutenant et je n'ai point passé un seul acte important, sans en déférer préalablement à son appréciation. Cela me gênait souvent, mais je ne m'en suis jamais départi durant sa vie, et je crois avoir bien fait, car les lois de la Providence dominent les actions humaines, quelque légales que celles-ci puissent nous paraître. Les actes notariés sont du ressort des tribunaux — formules respectables, convenues et acceptées par les parties interessées, mais la conscience humaine vient de plus haut: elle doit les dominer».

L'Emp⟨ereur⟩ Nicolas profitait de toute occasion pour dénigrer le gouvernement constitutionnel. Il le flétrissait de toutes les manières.

«C'est une forme de gouvernement absurde, — disait-il, — inventée pour et par les fripons et les intrigants».

Là-dessus il comptait les épreuves par lesquelles il avait passé à Varsovie lors de la première ouverture du Parlement.

«Croiriez-vous, — disait-il, — qu'un Ministre d'ailleurs recommandable sous plus d'un rapport est venu me demander les moyens nécessaires pour gagner des voix, afin de créer une majorité sans laquelle on serait à la merci de l'opposition. Il demanda des places, des décorations, de l'argent et puis des promesses éventuelles pour ceux qui ne trouveraient pas à se placer sur les listes qui portaient déjà plus de 60 noms. Cela m'a indigné! Je ne croyais pas que la dignité d'un Souverain puisse être méconnue et rabaissée jusqu'à ce point. Je dis au Ministre qu'il recevrait ma réponse plus tard. Je ne pouvais pas continuer le travail, tant je me sentais ému par cette première confidence constitutionnelle. Dès le lendemain, j'en parlais à Novosiltzeff et comme je le voyais soutenir par nécessité la thèse de Mostovsky, je l'engageais à s'entendre avec mon frère Constantin pour terminer cette pitoyable affaire, dont je voulais me tenir totalement à l'écart. Il en fut ainsi et je m'en applaudis, en conservant néanmoins le souvenir de ces indignes manœuvres par lesquelles on trompait les peuples et déshonorait les Souverains.

Je comprends le gouvernement monarchique et le gouvernement républicain, mais je ne comprends pas le gouvernement constitutionnel. C'est une jonglerie incessante, il faut être escamoteur pour s'en charger. Comme homme privé, si j'avais à choisir un domicile, j'aurais préféré une république pour moi et ma famille, car je crois que c'est la forme gouvernementale qui offre encore le plus des garanties et de sécurité. Mais cette forme ne convient pas à tous les pays; elle serait inapplicable aux uns et dangereuse pour les autres. Il faut donc s'en tenir à ce que le temps a consacré. L'on ne sait pas combien la tâche d'un Souverain est lourde, combien aussi elle est ingrate, mais il faut la supporter lorsque Dieu l'a voulu ainsi».

Un jour il me disait que s'il avait le droit de se choisir une condition, cela ne serait certainement pas celle qu'il occupait aujourd'hui, «mais avant tout je suis chrétien, — disait-il, — et j'obéis aux décrets de la Providence; je suis une sentinelle qui a sa consigne à remplir et je fais de mon mieux».

De tels propos qui revenaient souvent ne permettaient pas de donner la moindre créance aux bruits d'abdication qui se répondaient parfois. L'Emp⟨ereur⟩ Nicolas était trop religieux pour manquer à un devoir que, selon lui, lui était imposé par Dieu.

En parlant de la Turquie, l'Empereur disait que politiquement parlant il ne pouvait désirer un meilleur voisin, mais que malheureusement cet État était en voie de crouler, grâce à sa détestable administration qui devait accélérer sa chute d'ailleurs inévitable. «L'élément chrétien le déborde et par les persécutions dont il est l'objet de la part des musulmans fanatiques — il se retrempe et leur devient de jour en jour plus menaçant, plus dangereux. Si le caractère du Sultan était d'une trempe plus forte, il se ferait chrétien et la masse de la nation l'aurait suivi. C'est la seule bonne issue qui lui reste».

Une autre fois, en parlant de la Turquie européenne, il s'exprima ainsi:

«Tôt ou tard le cataclysme arrivera et l'on ne saura que faire. Les jalousies, les défiances surviendront également et on fera verser des torrents de sang, en se disputant les dépouiller. En 1844, étant en Angleterre, j'en ai parlé à mon vieil ami Wellington et à Lord Aberdeen, alors Ministre. "Il faudrait nous entendre, — leur disais-je — pour détourner une guerre générale, et pour vous prouver combien je suis loin de vouloir en profiter directement, je mets pour première condition, que les Puissances qui voudraient prendre part à cet arrangement éventuel, renonceraient en même temps à toutes prétentions sur le territoire Turc"».

Une autre fois, revenant sur le même sujet, il disait encore:

«Si les musulmans abandonnent la Turquie européenne, la meilleure combinaison serait la création de deux ou trois principautés avec Constantinople comme ville libre».

Il repoussait péremptoirement le rétablissement d'un Empire Grec et tout autant l'annexion de Constantinople à la Russie.

«Nous avons des rêveurs qui caressent cette idée, — disait-il. — Moi, je la crois incompatible avec l'avenir de la Russie, aussi bien qu'une Confédération Slave».

L'Empereur développait là-dessus ses idées avec une lucidité qui témoignait sa parfaite conviction.

Pendant la guerre de Crimée l'Empereur disait: «J'ai été cruellement puni pour ma trop grande confiance envers mon jeune voisin (l'Emp⟨ereur⟩ d'Autriche). Dès ma première entrevue j'ai senti pour lui une tendresse qui ne différait en rien de celle que je porte à mes enfants. C'était un cinquième fils que mon cœur adoptait avec une confiance indéfinissable. Dans le plus fort de mon aveuglement deux hommes ont cherché à me désillusionner sur son compte. J'en ai été indigné et j'ai eu l'injustice de mal reconnaître leurs bonnes intentions à mon égard. Je le confesse aujourd'hui et leur demande pardon de mon aveuglement».

⟨*На конверте:*⟩

Заказное.
Его сиятельству
графу Льву Николаевичу
Толстому.
Тульская губ.
ст. Козлово-Засека,
с⟨ело⟩ Ясная Поляна.

⟨*Перевод:*⟩

⟨*Под диктовку А.А. Толстой:*⟩

Мой дорогой Лев. С удивлением узнала я, что вы пишете биографию имп⟨ератора⟩ Николая[1], но если уж вам пришла такая фантазия, мне, конечно, хочется быть сколько-нибудь вам полезной. За год до смерти Шильдера, который, как вы знаете, также писал биографию Государя[2], я сообщила ему несколько подробностей из его частной жизни[3]. Не знаю, воспользовался ли он ими — он ведь не окончил своего труда[4]. Во всяком случае повторить их я не в состоянии; зато я нашла в одной из своих старых тетрадей нечто более ценное, чем мои личные воспоминания. Это отрывки из записок г⟨рафа⟩ Киселева[5], не напечатанных в свое время, потому что имп⟨ератор⟩ Александр II не нашел нужным их обнародовать.

Головин, бывший министром народного просвещения, которому была поручена редакция записок, принес мне эти выпущенные места, а я теперь велела списать их для вас. Правда, это мелочи, но вашим писательским чутьем вы, может быть, найдете в них уяснение некоторых черт характера Государя. Я наблюдала его в жизни и вблизи, и от себя могу сказать вам в дополнение, что это был человек в высшей степени благородный, великодушный и, увы! — может быть, слишком доверчивый. Трудно было его честной душе подозревать и догадываться об интригах и мелких обманах, среди которых он жил; может быть, в этом и заключается большей частью причина ошибок его царствования. С уверенностью можно сказать, что если б он получил сколько-нибудь сносное воспитание и образование, он мог бы стать таким же великаном в нравственном отношении, каким он был в физическом. Но чтобы понимать его, надо было внимательно следить за каждым его шагом.

У меня есть кроме этого еще рассказ Мандта[6] о последних минутах импе⟨ратора⟩. Если это может вас заинтересовать, то пришлю вам также.

Бог знает, увидимся ли мы с вами в этой жизни. Я очень постарела, стала очень хворая, да и вы уж не прежний Геркулес, который мог разъезжать сколько угодно. ⟨*Далее рукой А.А. Толстой:*⟩ Но это ничего — ведь это только облик здешнего мира отходит от нас. Завтра будем там, где ничто не изменяется. Если б нам свидеться в Царстве Иисуса Христа, нашего Господа Спасителя!

Нежно обнимаю вас.

А. Толстая

На днях напишу Софи[7].

⟨*Приложение:*⟩

Копия.

Отрывки из записки графа Киселева
о Государе Николае Павловиче
(Изъяты из его воспоминаний)
Отрывки, не публиковавшиеся ранее

Император Николай Павлович в интимных беседах часто говорил о своей недостаточной образованности.

«А как могло быть иначе, — говорил он. — Наш с братом Михаилом главный наставник был не слишком просвещенным человеком и не отличался способностью не то что руководить нашим ученьем, но хотя бы привить нам вкус к нему; напротив, он был ворчлив, а порою жесток. Любая детская шалость приводила его в невообразимую ярость, он нас бранил на все лады, часто сопровождая свою брань щипками, что, разумеется, было весьма неприятно. Мне доставалось сильнее, чем Михаилу, чей легкий и веселый характер больше нравился наставнику».

Государь Император при обсуждении того или иного вопроса часто говорил: «Я этого не знаю, да и откуда мне знать с моим убогим образованием? В 18 лет я поступил на службу и с тех пор — прощай, ученье! Я страстно люблю военную службу и предан ей душой и телом. С тех пор как я нахожусь на нынешнем посту (вместо того чтобы сказать — с тех пор как я царствую и правлю), я очень мало читаю. У меня нет времени, но я все же нахожу его, чтобы почитать Тьера. Выбранный им ныне сюжет и то, как он его преподносит, заставляют меня предпочесть его всем серьезным трудам, которые мне присылают. Я всегда с нетерпением ожидаю следующего тома. В промежутках тешу себя чтением Поля де Кока и “Journal des Débats”, я читаю его уже 40 лет. Если я и знаю что-то, то обязан этому беседам с умными и знающими людьми. Вот самое лучшее и необходимое просвещение, какое только можно вообразить. Если есть такая возможность, то оно положительно предпочтительнее, нежели чтение книг, — по крайней мере, я так думаю».

При известии о государственном перевороте 2 декабря Государь зашел на несколько минут перед обедом к Государыне с пакетом в руке и воскликнул: «Браво, Людовик Наполеон!» — и рассказал о событиях в Париже по сообщению, полученному из Берлина. «Он понял свое время и действовал в соответствии с ним. Браво! Я протянул бы ему обе руки, чтобы вытянуть Европу — и все общество в целом — из той ямы, в какой она оказалась вследствие коварства».

(Это слово заменяло у него слово «царствование», коего Государь старался избегать, говоря о Людовике Филиппе.)

Однажды Государь рассказал мне, что, будучи женихом дочери Прусского короля, он проездом в Лондон оказался в Париже (по-моему, в 1816 году) и провел целый день в Нейи.

«Я получил столь сильное впечатление от его семейной жизни, — сказал он, — о коей еще недавно я сам мечтал, не отдавая себе в том отчета, что попросил герцога Орлеанского позволения приехать через день проститься с ним и его семьей. Он дал

согласие, и я провел еще один день, можно сказать, наслаждаясь счастьем, поскольку мои первые впечатления от Нейи подтвердились; и с тех пор я решил в своей семейной жизни придерживаться усвоенных мною правил. То, что я вам рассказываю, моей жене известно и она может подтвердить. Людовик Филипп показался мне тогда человеком благородным, мудрым и счастливым. Со всей горячностью молодости я увидел в нем образец той жизни, к коей я себя готовил. Но с той минуты, как он ловким трюком стянул корону со своего племянника Короля, чьим опекуном и покровителем по родству он являлся, — о! с той минуты мое отношение к этому человеку не могло не перемениться. Я приказал Нессельроде строго придерживаться всех наших обязательств по отношению к Франции, и когда Пален, назначенный послом, прибыл проститься и спросил меня, что передать Королю от моего имени, я ответил: "Ничего. У вас есть дипломатические предписания, достаточно будет их"».

Император Николай Павлович в порыве откровенности мог наговорить лишнего. Однажды во время семейного обеда, накрытого на четыре персоны — я был единственным посторонним, — Его Величество принялся резко порицать Людовика Филиппа. Я позволил себе предупредить его по-русски, что дворецкий, прислуживавший за столом, француз.

«Ну и что?» — возразил Государь.

«Но такие неосторожные высказывания, Ваше Величество...»

Он не дал мне закончить, заметив, что «такие высказывания — лучшее наказание за дурные поступки; впрочем, если за нами шпионят, пусть получают за свои деньги!»

Государь любил повторять, что без принципа власти нет общественного блага, что это значит исполнять долг, а не пытаться завоевать популярность слабодушием, что народами следует управлять, а не заискивать перед ними, что любовь должна приобретаться благодаря справедливости, что Царь, угодничающий перед толпой, в конце концов неизбежно вызывает безразличие, а потом и презрение.

Он был неистощим на эту тему. После переворота 2 декабря Имп⟨ератор⟩ Николай Павлович сказал, что Людовик Наполеон, вернув правительству власть, сослужил неоценимую службу Франции и всей Европе. «Нам следует отдать ему должное».

Позднее на него произвела некоторое впечатление цифра III. Он стал сдержаннее в своих похвалах. «Посмотрим, — говорил он, — куда это приведет».

Он был очень озабочен посланием Людовику Н⟨аполеону⟩ в связи с его восшествием на престол.

«Если бы, по крайней мере, — говорил он, — было хоть немного времени, чтобы оценить ситуацию; почти единодушное одобрение французов много значит при нынешнем состоянии Франции, но надо еще посмотреть, как это мнение устоит перед интригами различных партий. Я бы желал, чтобы оно утвердилось, но моего желания недостаточно — надо обладать уверенностью. Наш императорский титул Франция признала только спустя 40 лет, однако отношения между двумя странами оставались неизменно добрососедскими. Я вовсе не настаиваю на таком сроке, но хотелось бы иметь уверенность, что новая революция с помощью всеобщих выборов не опрокинет достижения прежней. Я не отрицаю полностью выборной системы, но лишь указываю на ее недостатки. Наше наследственное правление тоже результат народного выбора, точно так же, как и в Англии. Выбор, павший на Романова, чья мать при-

ходилась сестрой последнему Рюриковичу, спас страдавшую от внутренних распрей Россию. Провидение благословило выбор, павший на ребенка. Это исключение, когда за отсутствием наследников по мужской линии священный принцип наследственного права на престол не остался в небрежении. И представьте, я впитал этот принцип так глубоко, что, пока мой брат Константин был жив, я, несмотря на его отказ от трона, всегда считал себя всего лишь его лейтенантом и не предпринял ни одного важного поступка, предварительно не обсудив с ним. Часто это меня стесняло, но я во всю свою жизнь ни разу не отступил от сего правила и, думаю, правильно делал, поскольку законы Провидения выше человеческих поступков, какими бы правильными последние ни выглядели в наших глазах. В ведении судов находятся официальные документы — почтенные выражения, согласованные и принятые заинтересованными сторонами, но человеческая совесть дается свыше, и она должна иметь преобладающее значение».

Имп⟨ератор⟩ Николай Павлович при всяком удобном случае бранил конституционное правление и поносил его на все лады.

«Это абсурдная форма правления, — говорил он, — придуманная мошенниками и интриганами для таких же, как они».

В доказательство он приводил то, через какие испытания ему пришлось пройти в Варшаве после первого открытия Парламента.

«Поверите ли, — говорил он, — один министр, между прочим, весьма уважаемый, явился ко мне просить средства для привлечения голосов, чтобы получить большинство, без коего можно было попасть в зависимость от оппозиции. Он просил должности, награды, деньги и обещания тем, кто не станет вносить свое имя в списки, в коих уже значилось более 60 имен. Я был возмущен! Не думаю, что Монарх может унизить себя и опуститься до такой степени. Я сказал министру, что дам ответ позднее. Я не мог дальше работать, так взволновало меня это первое же конституционное признание. На следующий день я рассказал все Новосильцову и увидев, что он вынужденно поддерживает предложение Мостовского, посоветовал ему обратиться к моему брату Константину, чтобы покончить с этим неприятным делом, от которого я хотел полностью отстраниться. Он так и сделал, и я остался доволен собой, хотя и запомнил эти неблаговидные маневры, коими обманывают народы и бесчестят монархов.

Я понимаю, что такое монархическое и республиканское правление, но я не могу взять в толк, что такое конституционное правление: это непрерывное жонглирование, для осуществления коего нужен фокусник. Как частный человек, ежели бы я выбирал, при каком правлении жить, я бы выбрал для себя и своей семьи республику; на мой взгляд, такая форма правления лучше всего обеспечивает гарантии и безопасность. Но она подходит не для всякой страны; она применима для одних и опасна для других. Так что лучше придерживаться того, что выверено временем. Никто не может вообразить, как тяжелы обязанности Монарха, какой это неблагодарный труд, но надо выполнять его, раз на то воля Божья».

Однажды он мне сказал, что если бы он мог выбирать, то не выбрал бы своего нынешнего положения; «но я прежде всего христианин, — добавил он, — и подчиняюсь велениям Промысла; я часовой, получивший приказ, и стараюсь выполнять его как могу».

Такие высказывания, хотя и довольно частые, не давали ни малейшего повода к слухам об отречении, возникавшим порою. Импе⟨ратор⟩ Николай Павлович был слишком верующим человеком, чтобы пытаться уклониться от исполнения долга, внушенного ему, как он сам сознавал, самим Господом.

В разговоре о Турции Государь сказал как-то, что как политик не может и желать лучшего соседа, но к несчастью, эта страна на пути к гибели из-за отвратительного управления, которое только ускоряет неизбежное падение. «Страну переполняет христианское чувство, а нападки со стороны мусульман только закаляют его, и оно день ото дня становится для них все более опасным и угрожающим. Будь у султана характер потверже, он бы перешел в христианство и народ в большинстве своем последовал бы за ним. Другого ему ничего не остается».

В другой раз в разговоре о европейской Турции он выразился так:

«Рано или поздно, но катастрофа неминуема, и тогда они не будут знать, что делать. Вспыхнут зависть и недоверие, и в погоне за добычей прольются реки крови. В 1844 году в Англии я говорил об этом моему старому другу Веллингтону и тогдашнему министру лорду Абердину. "Надо объединяться, — говорил я им, — чтобы избежать мировой войны. И в доказательство того, что я не жду для себя особой выгоды, я в качестве первого условия выдвигаю следующее: державы, кои пожелают вступить в такой союз, должны отказаться от любых притязаний на территорию Турции"».

В другой раз, возвращаясь к этой теме, он добавил:

«Если мусульмане покинут европейскую Турцию, лучшее устройство для нее — создание двух-трех княжеств с центром в Константинополе, имеющем статус свободного города».

Он решительно отвергал идеи как создания Греческой империи, так и присоединения Константинополя к России.

«У нас есть мечтатели, лелеющие эту мысль, — говорил он, — но я полагаю ее несовместимой с будущим России. Константинополь приведет Россию в упадок, точно так же, как и славянская конфедерация.

Государь развивал свои мысли об этом предмете с ясностью, свидетельствующей о глубокой убежденности.

Во время Крымской войны Государь сказал:

«Я жестоко наказан за излишнюю доверчивость по отношению к нашему молодому соседу (австрийскому имп⟨ератору⟩). С первого свидания я почувствовал к нему такую же нежность, как к собственным детям. Мое сердце приняло его с бесконечным доверием, как пятого сына. Два человека пытались избавить меня от столь сильного заблуждения. Я был возмущен и несправедливо отнесся к их добрым намерениям. Ныне я признаю это и прошу у них прощения за мое ослепление».

255. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

26 января 1903. Ясная Поляна

⟨*Под диктовку Л.Н. Толстого, рукой М.Л. Оболенской:*⟩

Ясная Поляна
26 янв⟨аря⟩1903

Дорогой друг Alexandrine, чем старше я становлюсь, тем мне с все бо̀льшей и бо̀льшей нежностью хочется обращаться к вам. Ваше последнее милое письмо с сведениями о Николае Павловиче особенно растрогало меня. Я лежу больной и слабый[1], как видите, и не пишу своей рукой, а пишет дочь Маша и, находяся в полном обладании ума и чувств, особенно склонен к умилению. Все это перифразы для того, чтобы сказать, что я очень и очень люблю вас.

Я пишу не биографию Николая, но несколько сцен из его жизни мне нужны в моей повести «Хаджи-Мурат»[2]. А так как я люблю писать только то, что я хорошо понимаю, ayant, так сказать, les coudées franches*, то мне надо совершенно, насколько могу, овладеть ключом к его характеру. Вот для этого-то я собираю, читаю все, что относится до его жизни и характера. То, что вы прислали, мне очень драгоценно, но еще бы было нужнее то, что вы отдали Шильдеру. Я надеюсь достать это у Шубинского, получившего бумаги Шильдера[3]. Мне нужно именно подробности обыденной жизни, то что называется la petite histoire**: история его интриг, завязывавшихся в маскараде, его отношение к Нелидовой[4] и отношение к нему его жены. Записки Манта, если вам не трудно, тоже, пожалуйста, пришлите[5].

Не осудите меня, милый друг, что, стоя, действительно стоя одной ногой в гробу, я занимаюсь такими пустяками. Пустяки эти заполняют мое свободное время и дают отдых от тех настоящих серьезных мыслей, которыми переполнена моя душа.

Да, вероятно, мы уже больше в этом мире не увидимся; так Богу угодно, стало быть, это хорошо. Не думаю тоже, чтобы мы увидались там так, как мы разумеем свидание, но думаю и вполне уверен, что и в той жизни все то доброе, любовное и хорошее, которое вы дали мне в этой жизни, останется со мною, может быть, такие же крохи от меня останутся и у вас. Вообще, приближаясь к неизбежному и хоро-

* со свободными руками (*фр.*).
** история частной жизни (*фр.*).

шему пределу, я чувствую, что чем определеннее мои представления о том, что будет там, тем я менее верю в них, и, напротив, чем неопределеннее, — тем вера в то, что жизнь не кончается здесь, а начинается новая и лучшая там, сильнее и тверже. Так что все сводится к вере в благость Божью — все, что у Него и от Него, все то благо. Что как я от Него исшел, родившись, так к Нему иду, умирая, и что, кроме хорошего, от этого ничего быть не может. «В руки Твои предаю дух мой»[6].

Прощайте, милый, милый друг, братски нежно целую вас и благодарю за вашу любовь.

Лев Толстой

256. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

31 января 1903 г. Петербург

⟨*Под диктовку А.А. Толстой:*⟩

В свою очередь нежно благодарю вас, милый друг Léon, за ваше дорогое письмо, которое представилось мне как résumé нашей долголетней дружбы. Знаю и верю, что все хорошее, истинное не может пропасть. Пришлю вам *после* все, что найду у себя касательно Николая Павловича. Теперь скажу только, что вряд ли вы найдете в бумагах Шильдера то, что вы ожидаете. Ведь я передала ему только в разговоре свои впечатления и воспоминания, и это никогда не было записано ни мною, ни, вероятно, им. Помню, что я говорила ему особенно о прямоте характера Государя. Я думаю, что он не солгал ни единый раз в своей жизни, и это наследственно он передал некоторым из своих потомков, между прочим и моей бывшей воспитаннице Марии Александровне и брату ее, покойному Государю Александру III. Для них ложь была просто невозможна. On ne pouvait pas même leur en faire un mérite*. Часто любовалась я еще другой чертою его характера, а именно готовность⟨ю⟩ его извиниться и просить прощение, когда он сознавал себя виновным перед кем-нибудь. Il faisait même souvent ses mea culpa publiquement, nullement pour en rehausser le prix (il ne pensait pas même au public), mais ne pouvait pas supporter le boulversement de sa conscience, quand il avait été injuste dans sa colère. Tout le monde connaît sa disposition à l'emportement. Il m'est arrivé

* Нельзя даже было ставить им это в заслугу (*фр.*).

même m'apercevoir. —

А теперь скажу по русски — Прощайте милый другъ и до свиданія. Я нисколько не хочу терять эту надежду. Господь велитъ въ своемъ милосердіи и или вамъ и мнѣ отворить дверь въ то жилище гдѣ нѣтъ ни болѣзни ни печали и гдѣ обитаетъ одна правда для всѣхъ что мы увидимся и болѣе порадуемся что нѣтъ между нами никакихъ разногласій. Это моя горячая надежда — безпрестанная молитва

Вашъ старый другъ

А. Т.

31 Января
1903 г.

Окончание письма А.А. Толстой к Л.Н. Толстому от 31 января 1903 г. Автограф, л. 4 (ОР ГМТ)

de le voir ainsi, et j'ai presque honte d'avouer que je ne le regrette pas. C'était si beau, si on ose le dire. Un beau spectacle — Jupiter lançant ses foudres, effrayant, mais grandiose. Tandis que les hommes qui se fâchent paraissent en général si mesquins. Je n'ai jamais entendu dire que les bals masqués étaient suivis d'intrigues. L'Empereur y allait pour se délasser et s'amuser, et le lendemain il en racontait les détails en riant à l'Impératrice, quelquefois en ma présence. Quant à sa liaison avec Mlle Nelidow, on pourrait dire bien des choses à l'oreille sur la cause qui l'a amenée, mais vous me comprendrez à demi-mot. L'Impératrice avait vieilli avant l'âge — les médecins etc. etc.... Là-dessus on a bâti mille fables, et tous les enfants du c-te Kleinmichel qui ressemblaient comme deux gouttes d'eau à leur père véritable ont tous passés pour les enfants de l'Empereur. Or Mlle Nelidow n'a jamais quitté la cour pour une demi-heure, ce que nous pouvons tous affirmer. En tous cas ce n'était pas une affection d'amour, car l'Empereur adorait exclusivement sa femme. Je puis parler sciemment du lien qui existait entre le couple impérial, car je l'ai vu de près, sans parler de ce que j'ai entendu dire par ma tante Barykoff qui avait été la première demoiselle d'honneur de l'Impératrice. Ils se sont aimé d'un bout de la vie à l'autre. En mourant, l'Empereur a remercié l'Impératrice pour le bonheur dont avait joi avec elle, en appuyant fortement qu'elle avait été la seule, l'unique et la plus grande affection de sa vie. Ça ce voyait d'ailleurs à tout moment. La moindre indisposition de l'Impératrice mettait l'Empereur hors de lui. Il ne supportait pas une séparation avec elle, au point que lorsqu'elle était obligée d'aller à l'étranger pour sa santé et que ses affaires le retenaient ici, il ne voulait plus habiter le palais et demeurait dans une petite ferme, chez sa fille la Grande-D⟨uch⟩esse Marie et saisissait un prétexte quelconque pour aller la rejoindre aussitôt, tout en détestant de quitter son pays. Il fallait voir les soins, les attentions dont il la comblait, pour être sûr que personne ne pouvait la remplacer pour lui. Un jour, quelque temps après la mort de l'Empereur, je me suis permis de demander à l'Impératrice, si l'Empereur avait connu une certaine circonstance dont il était question alors. Elle m'a répondu que non, puisqu'elle l'ignorait aussi. Or, a-t-elle ajouté, l'Empereur qui ne savait jamais cacher ses sentiments, le lui aurait certainement dit, car il n'avait absolument pas une pensée qu'il lui fut cachée. Ainsi l'Impératrice savait parfaitement sa relation avec Mlle Nelidow, mais il paraît que cela ne la troublait pas. Etant bonne comme un ange et ne voulant faire souffrir personne, elle lui proposa à ses derniers moments de faire venire Mlle Nelidow pour prendre congé d'elle. Il n'y consentit pas, en disant: «Non, ce n'est pas le moment, mais vous serez tous bons pour elle,

parce qu'elle aurait pu faire du mal et n'en a jamais fait». Des quatre souverains que j'ai connus, L'Emp⟨ereur⟩ Nicolas était le seul qui parlait franchement de politique, naturellement dans un cercle intime. On peut même dire qu'il dépassait quelquefois la discrétion voulue. Un jour en ma présence l'Impératrice lui fit un signe qu'il allait trop loin. Et voilà la réponse qu'il lui fit: «Laisse-moi, ma chère, je te prie, ici nous sommes en famille, это все свои». Il ne s'est pas douté peut-être ce que ce mot *свои* imposait d'obligations à ses auditeurs, car je n'ai jamais répété, même dans ma famille, ce que j'ai entendu.

J'ajouterai encore à ça qu'il était adorable de tendresse non seulement pour les enfants, mais encore pour ses petits enfants. Entre autre il ne manquait jamais un jour de venir assister au diner des enfants de la Grande-Duchesse Marie. Il fallait voir alors, combien cette figure imposante imposait peu à ses mioches qui grimpaient sur lui comme sur un simple mortel, et je vois encore sa figure radieuse à cette occasion. Les fautes de son règne sont trop connus pour que j'en parle, mais vous vouliez des détails intimes — et les voilà. Je vous ai même parlé avec plus de franchise et plus au long qu'à Schilder, et tous ces souvenirs me revenaient à la fois pendant que je dictais. Malheureusement je n'ai pas encore pris l'habitude de dicter, mais vous saurez retrouver ce qu'il vous faut, dans ce chaos peu littéraire. J'ai même passé de russe au français sans même m'apercevoir*.

---

* Он каялся в своей вине, иногда даже и при свидетелях, вовсе не для того, чтобы придать ценности своему извинению, — нет, он даже и не думал о присутствующих — а просто потому, что не мог вынести мучений совести, как только чувствовал, что был несправедлив в гневе. Все знают, как он бывал вспыльчив. Мне случилось видеть его в такие минуты и — стыдно признаться — право, я об этом не жалею. Это было так прекрасно, если можно так выразиться. Чудное зрелище: Юпитер, мечущий молнии, страшный, но величественный. А ведь когда люди сердятся, они почти всегда так жалки, мелочны. Я никогда не слышала, чтобы маскарады вели за собой какие-нибудь приключения. Государь бывал на них для отдыха и для забавы и на следующее утро, смеясь, подробно рассказывал о них императрице, иногда и при мне. Что касается его отношений к Нелидовой, то многое можно бы рассказать на ушко по поводу причины, вызвавшей их, но вы поймете меня и с полуслова: императрица преждевременно состарилась — доктора и т.д., и т.д. На этом основании и создалось множество басен: все дети графа Клейнмихеля, похожие как две капли воды на своего настоящего отца, выдавались за детей Государя. Нелидова никогда не покидала дворца даже и на полчаса, это все мы можем подтвердить. Во всяком случае, чувства любви не было в их отношениях: Государь нежно любил одну свою жену. Я могу смело говорить о согласии царственной четы, потому что я сама видела вблизи их жизнь, а кроме того, и слышала много от моей тетки Барыковой, которая

А теперь скажу по-русски. Прощайте, милый друг, и *до свидания*. Я нисколько не хочу терять эту надежду. Господь велик в своем милосердии, и если вам и мне отворят дверь в то жилище, где нет ни болезни,

---

была первой фрейлиной государыни. Они любили друг друга с начала жизни до конца. Перед смертью Государь благодарил императрицу за счастье, которое она дала ему, и повторял, что в жизни его она была единственной, сильнейшей его любовью. Да это и видно было ежеминутно. При малейшем нездоровье императрицы Государь был вне себя. Разлука с нею была невыносима ему до такой степени, что, когда она для здоровья должна была уезжать за границу, а он ради дел принужден был оставаться здесь, он не хотел и жить во дворце и переселялся на маленькую дачу к своей дочери великой княгине Марии Николаевне. Он хватался за малейший предлог, чтобы ехать к жене; а между тем он терпеть не мог уезжать из России. Кто видел его постоянные о ней заботы, его внимание к ней, тот не усумнится, что никто не мог ему ее заменить. Однажды, несколько времени после его смерти, я позволила себе спросить Государыню, знал ли Государь одно обстоятельство, о котором шла тогда речь. Она ответила, что нет, потому что и ей тогда оно не было известно. Государь, прибавила она, никогда не умел скрывать своих чувств и, конечно, сказал бы ей; у него не было решительно ни одной мысли, которую он бы скрыл от нее. Так, императрица отлично знала его отношения к Нелидовой, но, по-видимому, это ее не беспокоило. Она была ангельски добра, никогда никому не желала сделать больно и в последние минуты Государя предложила ему послать за Нелидовой, чтобы он мог проститься с нею. Он отказался, сказав: «Нет, теперь не время, а вы все будьте добры к ней, ведь она имела возможность делать много зла — и никогда не делала». Из четырех государей, которых я знала[1], один Николай Павлович свободно говорил о политике, разумеется, в кругу близких. Иногда даже, можно сказать, он переходил обычные границы осторожности. Раз при мне императрица дала ему понять, что он зашел слишком далеко, — и вот что он ответил ей: «Ничего, моя милая, мы тут в своей семье, ведь *это все свои*». Он и не думал, может быть, что это слово **свои** налагало на нас обязанности: я никогда даже в своей семье не пересказывала того, что там слышала.

Ко всему этому я еще прибавлю, что он был умилительно нежен не только со своими собственными детьми, но и с внуками. Между прочим, он всегда, не пропуская ни одного дня, присутствовал за обедом детей великой княгини Марии Николаевны. Надо было видеть, как мало почтения внушала его величественная фигура этим малышам: они карабкались на него, как на простого смертного, и я до сих пор живо представляю себе его сияющее при этом лицо.

Ошибки его царствования слишком хорошо известны, чтоб мне говорить о них, да и вам нужны были от меня только кое-какие мелочи из его домашней жизни — и вот они. Вам я рассказала и откровеннее и пространнее, чем Шильдеру: все эти воспоминания сразу нахлынули на меня, когда я диктовала. К сожалению, у меня еще нет привычки диктовать. Впрочем, вы сумеете и в этом хаосе, мало похожем на литературную речь, отыскать то, что вам нужно. Я даже и не заметила, как перешла с русского на французский язык (*фр.*).

ни печали и где обитает *одна* правда для всех, то мы увидимся и порадуемся, что нет более между нами никаких разногласий. Это моя горячая, слезная, беспрестанная молитва.

Ваш старый друг

А.Т.

31 января
1903 г.

⟨*На конверте*:⟩
Заказное.
Его сиятельству
графу Льву Николаевичу
Толстому.
Тульская губ., ст⟨анция⟩ Козлова-Засека
С⟨ело⟩. Ясная Поляна.

257. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А.ТОЛСТОЙ

9 февраля 1903. Ясная Поляна

Спасибо вам, дорогой друг, за ваш ответ на мое письмо. Вы сердцем почувствовали, своим отзывчивым сердцем, искренность и нежность моего чувства к вам, и так и откликнулись. И это очень радостно.

Письмо это вам передаст моя Саша[1]. Она очень хорошая или скорее желающая серьезно быть хорошей. Ее смущает, немножко и меня тоже, при ее свидании с вами ее неправославие. Не судите ни ее, ни меня строго за это. Я умышленно не влиял на нее, но невольно она *по внешности* подчинилась мне. Но, как вы знаете, в ее года еще религия не составляет необходимости. А ей много впереди. И когда наступит настоящая религиозная потребность, она изберет то, что ей нужно.

Впрочем, мне совестно писать вам это, как будто я не знаю вашего чуткого сердца.

Прощайте, милый друг, братски целую вас.

Л. Толстой

9 февраля 1903.

Спасибо вамъ, дорогой другъ
за вашъ отвѣтъ на мое
письмо. Вы сердцемъ по-
чувствовали, самымъ отзыв-
чивымъ сердцемъ, искреннiй
и [illegible] моего чувства
къ вамъ и тѣмъ, к отклик-
нулись. И это очень
радостно. Я
Письмо это вамъ пере-
дастъ моя Саша. Она
очень искренняя, [illegible]
[illegible] желающая сердечно
быть хорошей. [illegible]
[illegible] и [illegible]
[illegible] ея свиданiи съ
людьми ея неправославными,
не судите ни ее, ни
меня строго за это. Я
[illegible] мое влiянiе

Письмо Л.Н. Толстого к А.А. Толстой от 9 февраля 1903 г.
Автограф, л. 1 (ОР ГМТ)

на нее, но неминуемо она
по вечным законам подчинит-
ся им. Но такая вы знаю
[illegible]
не составит ли необходимым
и единого вперёди. И
когда все это настоящее
религиозная потребность
вся [illegible] то что ей
нужно.
Впрочем много высказано
писал вам это, [illegible]
[illegible] я не знаю вашего
чуткого сердца.
Прощайте милый друг
бабушка, целую вас.
Л. Толстой
9 февраля 1903 г.

Письмо Л.Н. Толстого к А.А. Толстой от 9 февраля 1903 г.
Автограф, л. 1об. (ОР ГМТ)

258. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

10 февраля 1903. Петербург

Вот вам и Мандт[1]. Еще пришлю вам вещь[2], по-моему, интереснее этой реляции. Все это задерживается от того, что не могу писать сама.

А. Т.

⟨Приложение:⟩

Die Nacht von 17–18 Februar 1855

Zwischen 11–12 Uhr hatte der Hochselige Kaiser seine Communion bis zur Zeit ferschoben, das er wieder ausser dem Bett sein werde. Er selbst dachte daher an eine dringende Lebensgefahr nicht; dem Arzte war Sie bios ni noch kleine Zeichen im rechten untern Lungentheile angedeutet, ohne jedoch um die benannte Stunde, noch alle und jede Hoffhung auszuschliessen.

Es waren die nöthigen ärztlichen Anordnungen gemacht und ich legte mich, einiger Ruhe wegen, angekleidet aufs Bett. Herr Dr. Carel sollte im Krankenzimmer bleiben bis ich ihn um 3 Uhr Morgens ablösen würde; so war es abgemacht und eingerichtet. Um ½ Uhr stand ich auf und erhieb, im Begriff an meinen traurigen Posten gehe, folgendes Billet mit Bleifeder geschrieben:

«Je vous en supplie, ne laissez pas aller les choses à mesure que le danger augmentera. Obtenez, insistez sur la Communion; vous ne savez pas à quel point on y tient chez nous et quel affreux effet cela peut faire. Vous êtes étranger, tout retombera sur vous. Voilà une preuve de la reconnaissance que je vous ai pour vos soins de l'année passée. C'est d'une amie de vous que cela vient.

A. Bloudoff»

Im Vorzimmer angekommen, kam mir die Frau Grossfürstin Marie entgegen (Sie hatte die Stunden auf dem Sofa in seinem Zimmer verbracht) und sagte: «er scheint ein klein wenig besser zu gehen, den ich habe lange kein Geräusch gehört».

Ich fand den Dr Carel an seinem Platze und den hohen Kranken, gegen 12 Uhr, ausscheinend wenig verändert. Die Haut war etwas weniger heiss. Die Respiration um ein geringer hörbarer, als um Mitternacht. Nach einigen Fragen und Antworten, die sich auf das Athmen und die Brust bezogen, wobei aber besonders gewichtauf die Rechte Lunge gelegt wurde, ganz in der Art, wie es in den Zeitungenbeschrieben worden, zog sich Dr Carel zurück um seinerseits einige Stunden die nöthige Ruhe zu suchen.

Es war genau 3 Uhr 10 Minuten; ich war mit den kleinen Schlafkabinet, wenig erleuchtet, kühl. Ein eissiger Nordwind heulte hörbar herum. Ich kämpfte mit der Schwierigkeit den Zweck auf die mildeste und schonenste Art bei einem Kranken herbeizuführen, der sich zwar sehe leidend, aber keinenswegs ohne bestimmte Hoffnung glaubte.

Da ich am gestrigen Abende, nach der letzten Untersuchung alle Hoffnung ebenfalls noch nicht aufgegeben hatte, so begann ich mit einer Sorgsamen Prüfung der ganzen Brust

mittelst des Stetoscops; — der Kaiser gab sich willig dazu hin, wie seit mehreren Tagen überhaupt zu Alten was die Wissenschaft erachtete.

Im rechten, untern Lungenlaggen begegnete ich einem Geräusche, welches für mich so geworden ist, wie ein eigenthümlicher Ton der Stimme es «bei Kawernen in den Lungen», seit vielen Jahren geworden. Ton und Geräusch kann ich schwer beschreiben, beide aber dringen vor meinem Ohr, *nicht* zum Urtheil *herauf*, sondern gleichsam in alle Gefühls nerwen hinein. Beide machen auf mich einen ähnlichen Eindruck, wie ihn etwa ein Misstonwürde. — Beide Ton und Geräusch haben mir, aber auch jeden Zweifel genommen und ermuthigen mich zu — bestimmten Ausspruchen. Nach einer reiflichen Neberlegung, so wie mein eigner Zustand Sie gestaltete, leitete ich mit Sr Majestät die nachfolgende Unterhaltung ein. Ich muss hier besonders hervorheben, das die Wahren? jenes eigenen Geräusches in der rechten unteren Lunge mich die bereits «begonnenne» Lähmung in dem wichtigen Organe hatte erkennen lassen; mithin war in mir der letzte Hoffnungschimmer geschwunden. Erst empfand ich das wie eine Art von *Schwindel;* die Gegestände schienen sich zu drehen. Nur der Ernst des Augenblicks, glaube ich, hat vermacht das Gleichgewicht zu erhalten.

«Auf meinem Wege hierher begegnete ich einem braven Mann, der mich ersucht hat, Eurer Majestät seinen ehrfurchtsvollen Gruss und Wunsch zur Genesung zu Füssen zu legen».

«Wer ist das?» — der kranke Kaiser sprach durchweg mit lauter, klarer Stimme, im vollkommendesten Besitze aller geistigen Facültäten.

«Es ist Herr von Bajanoff, mit dem ich fast befreundet bin».

Der milderen Einleitung wegen hatte ich mir diese Abweisung von der Wahrheit erlaubt, mit der Vorbehaltung den Geistlichen davon bei der ersten Gelegenheit zu unterrichten.

Ich wusste aus dem Munde Sr Kais⟨er⟩ Hohnis des Grossfürsten Thronfolgers, der selbst die Nacht in den unteren Gemächern, dem kranken Vater so nahe als möglich verbringen wollte, das der Priester nicht fern sei. Was ich von meinem persönlichen Verhältniss zu Herrn Bajanoff gesagt, ist vollkommen in Wahrheit begründet.

«Ich wusste nicht, das Sie mit Bajanoff bekannt sind. Er ist ein braver und auch ein guter Mann». Darauf— Stillschweigen und absichlich oder nicht war auf den eigentlichen gegenstand nicht weiter eingegangen worden.

«Ich machte die Bekanntschaft Bajanoff's, fuhr ich etwa nach 5 Minuten fort, in einer sehr ernsten Zeit für uns alle — am Krankenbette der hohseligen Grossfürstin Alexandra. Wir erinnerten uns gestern dieser Zeit bei der Kaiserin und aus der Wendung des Gesprächer konnte ich leicht abnehmen das es die hohe Frau höhst glücklich machen würde, mit Bajanoff an Jhrem Bette für die verstorbene Tochter zu beten und den Himmel für Sie um baldige Genesung zu bitten».

Am Ausdrucke des Auges erkannte ich — sogleich, das nun die ganze Bedeutung erkannt und auch gewürdigt war. Dies Auge ruhte voll, gross glänzend und unbeweglich auf meinem Gesichte und der Mund sprach die einfachen Worte, bei etwas aufgerichtetem mir mehr zugewendeten.

«Sagen Sie mir: muss ich derm Sterben?» — der Accent lag auf dem Letzten Worte. Diese Worte klangen in der einsammen Nachtstunde fast wie Schickfalsfrage. Sie bewegte sich durch die Atmospharn, Sie sprach aus dem merkwürdigen, grossen Auge, Sie dröhete metallisch hell, abgerundet im Ohre. Drei mal trat mir die einfachste Antwort auf die einfache Frage bis in den Mund, und dreimal empfand ich wie eine Schnur um den Hals gezogen, das Wort erstarb, ohne einen verstädlichen Laut. Das Auge des Kranken Kaiser

ruhte unverwandt auf meinem Gesichte. — Da gelang es mir endlich mit einer letzten Austreugung zu antworten: «Ja, Eu⟨re⟩ Majestät!!!»

Fast unmittelbar fragte der Kaiser:

«Was haben Sie mit dem Instrumente gefunden? Kawernen?»

«Nein, begonnenne Lähnung».

Nicht eine Miene hatte sich im Gesichte des kranken Kaiser verändert, kein Muskel hatte gezuckt, kein einziger Pulsschlag hatte sich verändert! doch fühlte ich das ein tiefer und ernster Eindruck gegeben und empfangen worden; es war als ob der mächtige Geist nicht diesem Eindruck sich loszulässen suchte von den kleinen Sorgen und Mühen der winzigen Welt.

Man sah deutlich, das dies in dem ganzen Krankheitsverlaufe, in diesem fast heiligen Momente zum ersten Male geschah. Das Auge des Kaisers richtete vsich nach der Zimmerdecke aufwärts und blieb mindestens fünf Minuten lang siemend an derselben hasten. Darauf sah er mich plötzlich an und fragte: «Wie haben Sie den Muth gehabt, mir eine solche Meinung so bestimmt auszusprechen?»

«Ich habe dazu folgende Gründe gehabt, Eu⟨re⟩ Majestät. Erstens und hauptsächlich erfülle ich ein Versprechen. Sie wissen, das Sie mir vor etwa 1 ½ Jahren einmal sagten: “Ich verlange, das Sie mir die Wahrheit sagen, wenn sich die Gelegenheit in einem gegebenen Falle darbieten sollte”. Dieser Fall, Eu⟨re⟩ Majestät, ist leider eingetreten: Ich erfülle zweitens eine traurigePflicht gegen den Monarchen. Sie haben noch viele Stunden zu leben, Sie haben Ihr vollkommenes Bewustsein und wissen, das keine Hoffhung mehr bleibt. Diese Stunden, Eu⟨re⟩ Majestät, gewiss anders benutzen, als wenn Sie die Gewissheit um die es sich handelt nicht hätte, wenigstens denke ich es mir so... Endlich aber habe ich Eu⟨re⟩ Majestät die Wahrheit gesagt, weil ich Sie liebe und weil ich weiss, das Sie dieselbe ertragen können!»

Der kranke Kaiser hörte diese Darstellung, die ich ihm halb über sein Bett gebeugt, fast ununterbrochen gegeben hatte, mit Ruhe an und erwiederte nichts. Sein Auge nahm indessen einen eigenen Ausdruck von Milde an und sah mich lange, unverwendt an. Ich erwiederte erst seinenBlick, dann aber traten mir Thränen in die Augen und rollten langsam nieder.

Da reichte mir der Kaiser seine rechte Hand und sagte die einfachen, aber ewig unvergesslichen Worte:

«Ich danke Ihnen».

Auf dem «danke» lag ein merkbarer Accent. Er wendete sich darauf auf die andere Seite gegen den Kamin hin und blieb ruhig liegen. Nach 6—8 Minuten rief er mich bei meinem Namen und sagte:

«Ruhen Sie mir meinen ältesten Sohn».

Ich besorgte die willkommene Botschaft vom Vorzimmer aus und ordnete an mir einen Wink zu geben, wenn Sr Kais⟨erische⟩ Hoheit angenommen sein würden.

An das Bett des kranken Kaiser zurück gekehrt, sagte er mit gewöhnlichen Ton in der Stimme.

«Vergessen Sie nicht meine übrigen Kinder zu benachrichtigen, meinem Sohn Konstantin. Nur schonen Sie die Kaiserin».

«Ihre Tochter, die Frau Grossfürstin Marie hat, wie ich gesehen habe, die Nacht auf dem Ledersopha im Vorzimmer verbracht und ist in diesem Augenblick hier».

Bald war der Grossfürst Thronfolger zur Stelle, — die Kaiserin auf seinem Befehl benachrichtigt, der Geistliche angekommen und durch mich von dem Einleitungsvorgange

unterrichtet. Die heilige Communion hatte statt gefimden und von diesem Augenblicke an 4 ½ Uhr bis zum Tode, 12 Uhr 20 Minuten, hat der sterbende Vater mit geringen momentanen Unterbrechungen, Seinem ältesten Sohn auf den Knienn neben seinem Bette gesehen um Hand in Hand gelegt, den letzten Erdenskampf so milde, wie es das Naturgesatz erlaubt an sich vorbeigleiten zu lassen.

Der hohe Sterbende hatte damit aufgefangen die Pflichte des Christen zu erfüllen, dannfolgten die des Vaters, des Kaisers, des Freundes und endlich selbst die der väterlichen Hausherrn, den er hat Abschied genommen von allen seinen Dienern und jedem mit einem Abschiedsworte beglückt.

Ein solcher Tod, eine so fast übermenschlichausgedehnte Erfüllung der Pflichten ist nur dann möglich, wenn Kranker und Artzt jede auch die geringste Hoffnung darüber ausgesprochen und verstanden haben.

Ich glaube hier noch zwei Fragen niederschreiben zu müssen, die der sterbende Monarch im Laufe des Vormittags an mich gethan (um 9 und 11 Uhr), und die einen Beweis — dafür geben, mit welcher bewundereswerthen Seelen ruhe und ungebrohenen Mann und Willens Kraft Er dem Tode ins Antlitz geschaut!

Die erste diesen Fragen war: «Werde ich mein Bewustsein verlieren, oder werde ich ersticken?»

Von allen Krankheits'symptomen war dem Kaiser keins so zuwider, als Bewustlosigkeit, das wusste ich, denn er hatte es mir oft genug gesagt.

Ich fühlte mithim das ganze Gewicht dieser Frage, im ruhigsten Stimmenton gehalten; ein plötzliches Schluchzen hinderte mich in dem Momente an der Antwort und ich musste mich abwenden. Nur später konnte ich antworten:

«Ich hoffe weder Eins noch das Andere. Alles wird sanft werden und milde».

«Wenn werden Sie mir den Abschied geben?»

Der Grossfürst Thronfolger war so gütig mir die Frage zu wiederholen, da ich Sie erst nicht recht verstanden hatte:

«Ich meine, — fügte der Kaiser hinzu, — wann das enden wird?»

Nie, solange ich Artzt bin, habe ich einen nur entfernt ähnlichen Tod gesehen; ja ich wurde es für unmöglich gehalten haben, das selbst das Bewustsein streng erfüllten Pflichten in Verbindung mit einem starken und kräftigen Willen im Stande wären die verhängnisvollen Augenblicke in der geschilderten Art sei dominiren, in welcher der Geist sich von seiner Erdenhülle losliegt, um noch abgelegter Rechenschaft in den Frieden und das Glück der Ewigkeit einzugehen; ich würde das, wiederholle ich, für unmöglich gehalten haben, wenn ich nicht das Unglück gehabt es erleben und — sehen zu müssen.

Dr Mandt

⟨*На конверте:*⟩

Заказное.

Тульской губ. ст⟨анция⟩ Козлово-Засека.

Именье Ясная Поляна.

Его сиятельству графу Льву Николаевичу.

⟨Перевод:⟩

Ночь с 17 на 18 февраля 1855 года

Между 11—12 часами блаженной памяти Император отложил приобщение Святых Тайн до того времени, когда будет в состоянии встать с постели. Из этого видно, что сам он не думал, чтоб его жизни угрожала неминуемая опасность, а врач усматривал пока еще слабые признаки такой опасности в нижней части правого легкого, впрочем, еще не теряя, в этом часу ночи, всякой надежды на выздоровление.

Сделав все нужные медицинские предписания, я, не раздеваясь, лег отдохнуть на постель. Доктор Карель должен был оставаться в комнате больного, пока я не приду заменить его в 3 часа утра; так было условлено и так постоянно делалось. В 2 ½ часа я встал, и в ту минуту, как я хотел отправиться на мой печальный пост, мне подали следующую, наскоро написанную карандашом записку:

«Умоляю вас, не теряйте времени ввиду усиливающейся опасности. Настаивайте непременно на приобщении Святых Тайн. Вы не знаете, какую придают у нас этому важность и какое ужасное впечатление произвело бы на всех неисполнение этого долга. Вы иностранец, и вся ответственность падет на вас. Вот доказательство моей признательности за ваши прошлогодние заботы. Говорю вам это как друг.

А. Блудова».

Войдя в прихожую, я повстречался с Великой княгиней Марией Николаевной (она провела эти часы на софе в своей комнате). Она сказала, обращаясь ко мне: «У вас, должно быть, все идет к лучшему, так как я давно не слыхала никакого шума».

Я нашел д-ра Кареля на своем посту, а положение высокого больного показалось мне почти не изменившимся с 12 часов ночи. Жар в теле немного слабее, дыхание было несколько менее слышимо, нежели в полночь. После нескольких вопросов и ответов касательно дыхания и груди (причем особенное внимание было обращено на правое легкое, совершенно согласно с тем, как оглашено в газетах) д-р Карель ушел для того, чтобы воспользоваться в течение нескольких часов необходимым отдыхом.

Было 3 часа 10 минут, когда я остался наедине с больным Государем в его маленькой неприютной спальне, дурно освещенной и прохладной. Со всех сторон слышалось завывание холодного северного ветра. Я недоумевал и затруднялся, как объяснить самым мягким и щадящим образом мою цель больному, который хотя и очень страдал, но вовсе не считал своего положения безнадежным.

Так как накануне того дня вечером, после последнего медицинского осмотра, еще не вовсе утрачена была надежда на выздоровление, то я начал с тщательного исследования всей груди при помощи слухового рожка. Император охотно этому подчинился точно так, как с некоторого времени он вообще подчинялся всему, чего требовала медицинская наука.

В нижней части правого легкого я услышал шум, который сделался для меня таким же зловещим, каким я в течение уже нескольких лет считал тот особый звук голоса, который происходит от образовавшихся в легких каверн. Я не в состоянии описать ни этого звука, ни этого шума; но и тот и другой, доходя до моего слуха, не подчинялись моему умственному анализу, а как будто проникали во всю мою внутренность и действовали на все мои чувственные нервы. Они произвели на меня та-

кое же впечатление, какое производит фальшивая нота на слух опытного музыканта. Но этот звук и этот шум уничтожили все мои сомнения и дали мне смелость приступить к решительному объяснению. По зрелом размышлении о том, что делать в моем положении, я вступил в следующий разговор с Его Величеством. Здесь я должен обратить внимание на то, что замеченный мною особый шум в нижней части правого легкого свидетельствовал о начале паралича в этом важном органе и что вместе с тем для меня угас последний луч надежды. В первую минуту я почувствовал что-то похожее на головокружение; мне показалось, что все предметы стали вертеться перед моими глазами. Но полагаю, что сознание важности данной минуты помогло мне сохранить равновесие способностей.

«Идучи сюда, я встретился с одним почтенным человеком, который просил меня положить к стопам Вашего Величества изъявления его преданности и пожелания выздороветь».

«Кто такой?» — больной Император все время говорил громким и ясным голосом, с полным обладанием всеми умственными способностями.

«Это Бажанов, с которым я почти что дружен».

Стараясь приступить к делу как можно мягче, я позволил себе это уклонение от истины, решив, что при первом удобном случае поставлю в известность об этом священника. Я узнал из уст Его Высочества Государя Наследника, который сам пожелал провести эту ночь как можно ближе к больному, что названная духовная особа находилась поблизости. А то, что я сказал о моих личных отношениях к Бажанову, вполне согласно с истиной.

«Я не знал, что вы знакомы с Бажановым. Это честный и вместе с тем добрый человек». Затем — молчание, и с намерением или случайно Государь не поддержал этого разговора.

«Я познакомился с г-ном Бажановым, — продолжал я спустя минут пять, — в очень тяжелое для всех нас время, у смертного одра в Бозе почившей Великой княжны Александры Николаевны. Вчера мы вспоминали об этом времени у Государыни, и из оборота, который был дан разговору, мне было нетрудно понять, что Ее Величеству было бы очень приятно, если бы она могла вместе с г-ном Бажановым помолиться подле вашей постели об умершей дочери и вознести к Небу мольбы о вашем скором выздоровлении».

По выражению глаз Государя я тотчас заметил, что он понял значение моих слов и даже одобрил их. Он остановил на мне взгляд своих больших, блестящих глаз и произнес следующие простые слова, немного приподняв и поворотив ко мне голову:

«Скажите, должен ли я умереть?» — ударение было сделано на последнем слове. Эти слова в глухой ночной час прозвучали как голос судьбы. Они точно держались на воздухе, точно читались в устремленных на меня поразительных больших глазах, точно металлом звенели в моих ушах. Три раза готов был вырваться из моих уст самый простой ответ, какой можно дать на такой простой вопрос, и три раза мое горло перехватывало, словно веревкой, слова беззвучно замирали на устах. Глаза больного Государя не отрывались от моего лица. Наконец я сделал последнее усилие и вымолвил: «Да, Ваше Величество!!!»

Почти немедленно вслед за тем Государь спросил:

«Что вы нашли вашим инструментом? Каверны?»

«Нет, начало паралича».

В лице больного не изменилась ни одна черта, не дрогнул ни один мускул, и пульс продолжал биться по-прежнему! Тем не менее я чувствовал, что мои слова произвели глубокое впечатление: под этим впечатлением мощный дух императора точно старался высвободиться из-под мелочных забот и огорчений здешнего ничтожного мира.

Было ясно, что в течение всей болезни это случилось в первый раз — в этот почти священный миг. Взгляд Государя устремился вверх на потолок и минут пять оставался неподвижным. Затем он внезапно взглянул на меня и спросил: «Как достало у вас духу высказать мне это так решительно?»

«Меня побудили к этому, Ваше Величество, следующие причины. Прежде всего и главным образом я исполняю данное мною обещание. Помните, года полтора тому назад вы мне однажды сказали: "Я требую, чтобы вы мне сказали правду, если бы настала минута в подобном случае". К сожалению, Ваше Величество, такая минута настала. Во-вторых, я исполняю долг перед Монархом. Вы еще можете располагать несколькими часами жизни, вы находитесь в полном сознании и знаете, что нет никакой надежды. Эти часы, Ваше Величество, конечно, употребите иначе, чем как употребили бы их, если бы не знали положительно, что вас ожидает; по крайней мере, мне так кажется. Наконец, я высказал Вашему Величеству правду, потому что я люблю вас и знаю, что вы в состоянии выслушать ее».

Больной Император спокойно внимал этим словам, которые я произнес почти без перерыва, слегка нагнувшись над его постелью. Он ничего не отвечал, но его глаза приняли кроткое выражение и долго оставались устремленными на меня. Сначала я выдерживал его взгляд, но потом у меня выступили слезы и стали медленно катиться по лицу.

Тогда Государь протянул ко мне правую руку и произнес простые, навеки незабвенные слова:

«Благодарю вас».

Слово «благодарю» было произнесено с особым ударением. После того Государь перевернулся на другую сторону, лицом к камину, и затих. Минут через 6 или 8 он позвал меня по имени и сказал:

«Позовите ко мне моего старшего сына».

Я с готовностью исполнил это поручение, не уходя далее прихожей, и распорядился, чтобы меня известили, как только прибудет Его Императорское Высочество.

Когда я возвратился к постели больного Государя, он сказал, обращаясь ко мне, таким голосом, в котором не было заметно никакой перемены:

«Не позабудьте известить остальных моих детей и моего сына Константина. Только пощадите Императрицу».

«Ваша дочь, Великая княгиня Мария Николаевна, провела ночь, как я сам видел, на кожаном диване в передней комнате и находится здесь в настоящую минуту».

Вскоре прибыл Его Высочество Наследник; по его приказанию известили обо всем Государыню; прибыл и духовник, которому я сообщил о моей попытке подготовить Императора к приобщению Святых Тайн. С той минуты, как был исполнен этот долг (в половине пятого), и до смерти (в 12.20) умирающий отец, за исключением нескольких минутных перерывов, видел своего старшего сына, стоявшего на коленях у его постели, и держал свою руку в его руке, чтобы облегчить эту последнюю земную борьбу настолько, насколько это позволяют законы природы.

Высокий больной начал исполнять обязанности христианина; затем следовало исполнение долга отца, Императора и, наконец, даже милостивого хозяина дома, так как он простился со всеми своими слугами и каждого из них осчастливил прощальным словом.

Такая смерть и такое почти превышающее человеческие силы всестороннее исполнение своего долга возможны только тогда, когда и больной, и его врач отказались от всякой надежды на выздоровление и когда эта печальная истина была высказана врачом и признана больным с одинаковой решимостью.

Я считаю моим долгом записать здесь еще два вопроса, с которыми умирающий Монарх обратился ко мне утром того дня (между 9 и 11 часами) и которые служат доказательством того, с каким удивительным душевным спокойствием, с каким непоколебимым мужеством и силою воли он смотрел в лицо смерти.

Первый из этих вопросов был следующий: «Потеряю ли я сознание или не задохнусь ли я?»

Из всех болезненных симптомов ни один не был так противен Государю, как потеря сознания; я знал это, потому что он не раз мне об этом говорил.

Я понимал всю важность этого вопроса, который был сделан самым спокойным голосом; но внезапное рыдание помешало мне тотчас отвечать, и я был вынужден отвернуться. Только через какое-то время я был в состоянии отвечать:

«Я надеюсь, что не случится ни того, ни другого. Все пойдет тихо и спокойно».

«Когда вы меня отпустите?»

Его Высочество был так добр, что повторил мне вопрос, которого я сначала не расслышал.

«Я хочу сказать, — присовокупил Государь, — когда все это кончится?»

С тех пор, как я стал заниматься медицинской практикой, я никогда еще не видел ничего сколько-нибудь похожего на такую смерть; я даже не считал возможным, чтобы сознание в точности исполненного долга, соединенное с непоколебимою твердостью воли, могло до такой степени господствовать над той роковой минутой, когда душа освобождается от своей земной оболочки, чтобы отойти к вечному покою и счастью; повторяю, я считал бы это невозможным, если бы я не имел несчастия дожить до того, чтобы все это увидеть.

Д-р Мандт

259. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

12 февраля 1903. Петербург

Вот вам, милый друг, 4-ая песнь на одну и ту же тему[1]. Вы, может, вспомните при сем нелюбезную пословицу: прикажи дураку и пр. и пр., но мне кажется, что это *последнее слово* почти необходимо для полного понимания этого характера.

Во всяком случае, оно должно вас интересовать психологически. Прощайте, укрепляйтесь и духом и телом. Да поможет вам Господь.

А. Т.

⟨Приложение:⟩

Derniers moments de l'Empereur Nicolas
(par un témoin qui a inscri chaque parole et chaque détail
sur-le-champs)

Le premier symptôme de la maladie de l'Emp⟨ereur⟩ ne fut considéré que comme un refroidissement. Cependant comme le mal faisait des progrès rapides les médecins commencèrent à craindre une paralysie de poumons. A huit heures et demi du soir l'Impèratrice avait engagé l'Empereur à recevoir la communion, mais il avait répondu qu'il attendrait à communier quand il serait debout. L'Impératr⟨ice⟩ n'avait pas osé insister de crainte de l'agiter. Elle lui avait lu le «Отче наш» et quand elle avait dit «Да будет воля Твоя», il avait répété par deux fois: «Всегда, всегда». Mais quelques heures plus tard dans la nuit il reçut le prêtre et fit sa confession ayant dit à voix haute et ferme la prière de la Communion, il avait reçu le Sacrement avec un profond recueillement. Il avait ordonné de faire réunir toute la famille Impériale. On avait appelé les G⟨randes⟩-Duchesses qui reposaient habillées sur leurs lits et jusqu'aux petits enfants de l'Empereur. Il bénit chacun de ses enfants, puis il leur dit: «Je vous répète ce que je vous ai si souvent recommandé durant ma vie: restez unis». En bénissant la Césarevna, il lui recommanda d'un long regard l'Impératrice, comme s'il l'a confié plus particulièrement à ses soins et à son amour. Après qu'il eût béni tous les enfants, l'Empereur témoigna le désir de rester seul pour se recueillir à cette heure suprême. La famille se retira dans une chambre attenante. Le Césarévitch, l'Impératrice et le docteur Mandt restèrent seuls près du mourant. L'Empereur engagea l'Impératrice à aller prendre quelque repos. Elle lui dit: «Oh, laisse-moi ici, je voudrais m'en aller avec toi, — il serait si doux de partir ensemble». L'Emp⟨ereur⟩ lui répondit: «Ne pêche pas, tu dois te conserver pour la famille, c'est toi qui seras le centre dorénavant. Va, je te ferai appeler quand l'heure sera venue». L'Impératrice passa dans une chambre attenante et s'étendit sur une couchette. Vers 5 heures du matin arriva la G⟨rande⟩-D⟨uch⟩esse Hélène, qu'on était allé réveiller. Quand elle s'approcha de l'Empereur, il lui passa la main sur le visage avec un geste de caresse et lui dit sur un ton de badinage qu'il avait avec elle: «Bonjour, Mme Michel». Sa présence d'esprit et son courage n'abandonnèrent pas l'Emp⟨ereur⟩ devant la mort jusqu'au dernier soupir. Il pensa à tout et à tous, — il prit congé d'Orloff, d'Adlerberg, de Dolgorouky; il fit venir les grenadiers du palais pour leur faire ses adieux, il chargea le Césarévitch de remercier les ministres, la garde, les défenseurs de Sévastopole et de leur dire qu'après sa mort il prierait pour eux. Il fit dire à l'armée qu'il avait toujours tâché travailler pour son bien, que s'il n'avait pas toujours réussi, c'était faute de savoir et de pouvoir, mais non par défaut de bonne volonté. Il fit venir aussi Mme Rorbeck, la Kammerfrau de l'Impératrice qui l'avait soignée dans sa dernière maladie à Gatchina, — il l'a remercia de son dévouement à l'Impératrice et lui dit: «Grüßen Sie mir noch mein lieber, lieber Peterhoff».

Vers le matin arriva Menchikoff fils, en courrier de Sévastopole. L'Empereur refusa de prendre connaissance des dépêches et les fit remettre à l'Héritier en disant: «Les choses d'ici-bas ne me regardent plus».

A 5 heures du matin l'Empereur dicta encore lui-même des dépêches télégraphiques pour Moscou, Varsovie et Berlin, pour prendre congé et dire qu'il se mourait, car on ignorait même dans ces villes que l'Emp⟨ereur⟩ fût gravement malade. Dès le matin aussi l'Emp⟨ereur⟩ avait envoyé l'ordre que tous les régiments fussent prêts à prêter serment dés qu'il aurait expiré.

Le jour commença enfin à poindre. Dans le vestibule on allait, on venait. Les gens qui sortaient de la chambre du malade disaient que le râle avait commencé. C'était le râle qui accompagne la paralysie. L'Empereur souffrait beaucoup alors et demandait à Mandt, si cela devait durer longtemps. «Si c'est là le commencement de la fin, — dit-il, — c'est bien douloureux. Je ne pensais pas que cela fit tant de mal de mourir». Il demanda à Mandt, en entendant le râle: «Wird diese infame Musik noch lange dauern?» A huit h⟨eures⟩ Bajanoff (le confesseur) retourna dans la chambre de l'agonisant pour lire la отходная. L'Emp⟨ereur⟩ suivait les prières avec attention, en se signant de la croix. Quand Bajanoff le bénit avec la croix, il dit: «Je crois que je n'ai jamais fait volontairement de mal». Il fit signe à Bajanoff de bénir aussi l'Impératrice et le G⟨rand⟩-Duc Héritier. Jusqu'à la fin ce furent ses deux plus chères pensées. Après la Communion il avait dit: «Господи, прими меня с миром» et à Bajanoff, montrant l'Impératrice: «Поручаю ее вам!» Jusqu'au dernier soupir il tint les mains de l'Impératrice et celles de l'Héritier entre ses mains et déjà la parole était glacée sur ses lèvres, que son regard leur parlait encore. Une de ses dernières paroles à l'Impératrice a été celle-ci: «Tu as toujours été mon ange gardien, depuis la dernière fois que je t'ai aperçue, jusqu'à cette dernière heure».

La fermeté de l'Impératrice ne se démentit pas jusqu'au moment suprême, où elle-même ferma les yeux de l'Empereur. A 10 h⟨eures⟩ l'Empereur avait perdu la voix; jusque là il avait parlé d'une voix haute et ferme.

Vingt minutes avant sa mort, toute la famille Impériale était rentrée dans la chambre du mourant et s'était groupée autour du lit. La Césarevna se mit à genoux. L'Empereur à ce moment suprême se rappela que cela faisait du mal à la G⟨rande⟩-Duchesse d'être à genoux, et il fit signe au Grand-Duc de la relever, tant jusqu'à la fin son cœur fut plein de sollicitude pour les siens. Il tenait toujours la main de l'Impératrice et celle de l'Héritier. Une de ses dernières paroles fût au G⟨rand⟩-Duc, en l'accompagnant du geste de tenir énérgiquement quelque chose entre ses mains: «*Держи всё, держи всё!*» Cependant le râle montait et l'étouffait. La bouche s'ouvrit, les yeux se rentrèrent, la tête retomba... On crut que c'était fini, mais les yeux se rouvrirent, il y eut comme un regard vers le ciel, un sourire sur le visage et il n'était plus!..

Tout était fini!.. il y eut un grand silence interrompu par des sanglots. Les portes s'ouvrirent et on alla saluer le corps de l'Empereur. Il était là, dans cette chambre modeste du rez-de-chaussée, sur son étroit lit de camp qui donnait des deux côtés accès à son chevet. La tête était posée sur un coussin de maroquin vert, son manteau de soldat était jeté sur lui. Aucun faste, aucun confort même n'indiquait que sur cette couche funèbre reposait le Souverain du plus vaste Empire de la terre; on eût dit, un soldat atteint par la mort au milieu des privations du bivouac. Mais son admirable figure à laquelle la pâleur de la mort donnait un aspect de marbre ciselé, était plus belle encore, dans la mort, qu'elle ne l'avait été dans la vie. L'expression de douloureuse préoccupation qu'on lui avait vu dans les derniers mois de son existence, était effacée pour faire place à une auguste et majestueuse sérénité. Son visage rayonnait d'une paix intérieure et de cette solennele et mystérieuse

expression de la mort qui semble venir de si loin, de si loin et qui a l'air de dire: «Je vois et je comprends!..» La Césarevna a dit à la Csse Baranoff: «Il faut apprendre de l'Empereur à mourir et de l'Impératrice à supporter de pareils coups».

Le soir il y eut une панихида. L'Empereur encore sur son lit de camp, mais revêtu de son uniforme. La rigidité de la mort recouvrait déjà ses traits, toujours beaux encore, mais n'ayant déjà plus l'expression transfigurée qui suit les premiers moments du trépas.

⟨*На конверте:*⟩

Заказное. Тульской губ. ст⟨анция⟩ Козлово-Засека.
Именье Ясная Поляна.
Его сиятельству графу Льву Николаевичу
Толстому.

⟨*Перевод:*⟩

Последние минуты Императора Николая Павловича
(написанные свидетелем, который тотчас же записывал каждое слово
и каждую деталь)[2]

Первый симптом болезни Имп⟨ератора⟩ был расценен всего лишь как переохлаждение: однако, поскольку болезнь быстро развивалась, доктора стали опасаться застоя в легких. В 8.30 вечера Государыня предложила Имп⟨ератору⟩ причаститься, но он ответил, что подождет с причастием, пока не встанет на ноги.

Государыня не осмелилась настаивать из боязни взволновать его. Она прочитала ему *«Отче наш»*, и, когда она произнесла *«Да будет воля Твоя»*, он дважды повторил: *«Всегда, всегда»*. Но через несколько часов, ночью, он принял священника и исповедовался, произнеся громким, уверенным голосом молитву причастия, в глубокой задумчивости он воспринял Таинство. Он приказал собрать всю царскую семью. Позвали В⟨еликих⟩ княгинь, отдыхавших в постелях не раздеваясь, и всех вплоть до внуков Гос⟨ударя⟩. Он благословил каждого из своих детей, затем сказал им: «Я повторю то, что часто говорил вам в течение моей жизни: будьте дружны». Благословляя Цесаревну, он долгим взглядом показал ей на Государыню, как бы особенно поручая ее заботам и любви. После того как он благословил всех детей, Гос⟨ударь⟩ выразил желание остаться одному, сосредоточиться в этот последний час. Семья удалилась в смежную комнату. Подле умирающего остались только Цесаревич, Государыня и доктор Мандт. Имп⟨ератор⟩ попросил Имп⟨ератрицу⟩ удалиться, чтобы она немного отдохнула. Она ответила ему: «Ах, оставь меня здесь, я хочу уйти с тобой — было бы так хорошо уйти вместе». Гос⟨ударь⟩ возразил: «Не греши, ты должна сохранить себя для семьи, впредь ты будешь ее центром. Иди, я велю позвать тебя, когда придет время». Императрица прошла в смежную комнату и прилегла на диван. К 5 часам утра пришла В⟨еликая⟩ кн⟨ягин⟩я Елена Павловна, которую разбудили. Когда она приблизилась к Государю, он провел по ее лицу ласкающим жестом и шутливым тоном, принятым у него с ней, сказал: «Здравствуйте, м-м Мишель». Присутствие духа и мужество не покидали Гос⟨ударя⟩ перед смертью

до последнего дыхания. Он думал обо всем и обо всех. Он простился с Орловым, Адлербергом, Долгоруковым, он пригласил дворцовых гренадеров, чтобы проститься с ними, он поручил Цесаревичу поблагодарить от его лица министров, гвардию, защитников Севастополя и передать им, что после смерти он будет молиться за них. Он велел передать армии, что он старался трудиться для ее блага, и если не всегда это удавалось, то только из-за отсутствия знания и умения, а не доброй воли. Он пригласил также м-ль Рорбек, камеристку Государ⟨ыни⟩, ухаживавшую за ней во время ее последней болезни в Гатчине, — он поблагодарил ее за преданность Императрице и сказал: «Grüßen Sie mir noch mein lieber, lieber Peterhoff» ⟨«Кланяйтесь от меня моему любимому, любимому Петергофу». — *нем.*⟩.

К утру прибыл Меншиков-сын, курьер из Севастополя. Император отказался ознакомиться с депешами и велел их передать Наследнику, сказав: «Земные дела меня больше не касаются».

В 5 часов утра Император еще сам продиктовал телеграммы в Москву, Варшаву и Берлин, чтобы попрощаться и сообщить, что он умирает, т.к. в этих городах даже не знали, что Имп⟨ератор⟩ тяжело болен. С утра также Император издал приказ, чтобы все полки были готовы к присяге, как только он умрет.

Наконец начало светать. В переднюю входили, уходили. Люди, выходившие из комнаты больного, говорили, что начались хрипы. Это были хрипы, сопровождающие паралич. Государь очень страдал и спрашивал Мандта, долго ли это продлится. «Если это начало конца, — сказал он, — это очень мучительно, я не думал, что так тяжело умирать». Он спросил у Мандта, имея в виду хрипы: «Wird diese infame Musik noch lange dauern?» ⟨«Долго ли будет тянуться эта волынка?» — *нем.*⟩. В 8 часов Бажанов (духовник) вернулся в комнату умирающего и стал читать *отходную*. Имп⟨ератор⟩ внимательно слушал молитвы, осеняя себя крестом. Когда Бажанов благословил его крестом, он сказал: «Мне кажется, я никогда не делал зла намеренно». Он дал знак Бажанову благословить также Императрицу и В⟨еликого⟩ князя Наследника. До самого конца это были самые дорогие ему две мысли. После причастия он сказал: *«Господи, приими меня с миром»*, и Бажанову, указав на Императрицу: *«Поручаю ее вам!»* До последнего вздоха он держал в своих руках руки Государыни и Наследника, и, когда уже слова застывали на устах, его взгляд все еще говорил с ними. Одни из последних его слов, обращенных к Государыне, были следующие: «Ты всегда была моим ангелом-хранителем, с первого дня, как я увидал тебя и до этого последнего часа».

Стойкость Императрицы не изменяла ей до смертного часа, даже когда она закрыла глаза Императору. В 10 ч⟨асов⟩ Император потерял голос, до того времени он говорил громко и четко.

За 20 минут до смерти вся императорская семья вошла в комнату умирающего и встала вокруг кровати. Цесаревна опустилась на колени. Император в этот последний миг вспомнил, что В⟨еликой⟩ княгине тяжело стоять на коленях и дал знак Великому князю поднять ее — так до самого конца его сердце было полно участия к ближним. Он все держал руку Императрицы и Наследника. Одно из последних его обращений было к В⟨еликому⟩ князю, сопровождаемое жестом, как будто он что-то энергично зажал в руках: *«*Держи всё, держи всё!*»* Однако хрипы поднимались и душили его. Рот приоткрылся, глаза закатились, голова запрокинулась... Все поду-

мали, что это конец, но глаза приоткрылись, взгляд их был словно обращен небу, на лице появилась улыбка, и его не стало!..

Все было кончено!.. Установилась тишина, прерываемая лишь рыданиями. Двери были открыты, и стали входить прощаться с телом Императора. Он был там, в этой скромной комнате 1-го этажа, на узкой походной кровати, которая позволяла подойти к его изголовью с двух сторон. Голова покоилась на подушке из зеленого сафьяна. Его солдатская шинель была наброшена на него. Никакой роскоши, никакого даже комфорта, которые бы свидетельствовали, что на этом смертном одре покоится Государь обширнейшей на земле Империи, а можно сказать, солдат, застигнутый смертью среди лишений бивуака. Но его дивное лицо, которому смертельная бледность придала вид высеченного из мрамора, стало еще прекраснее в смерти, чем в жизни. Выражение мучительного беспокойства, которое у него видели в последние месяцы жизни, стерлось, чтобы уступить место торжественной и величественной безмятежности. Его лицо светилось внутренним покоем и тем торжественным и таинственным выражением смерти, которое, кажется, приходит из такого далека-далека и будто бы говорит: «Я вижу и понимаю!..» Цесаревна сказала графине Барановой: «Нужно учиться у Государя умирать, а у Государыни переносить подобные удары».

Вечером состоялась *панихида*. Император был все еще на походной кровати, но одетый в мундир. Неподвижность смерти уже легла на его черты, все еще прекрасные, но уже не имевшие того преображенного выражения, появившегося в первые минуты кончины.

260. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

14 февраля 1903. Петербург

⟨*Под диктовку А.А. Толстой:*⟩

Письмо ваше, привезенное мне Сашей, я прочла после ее ухода от меня и не собиралась на него отвечать; но после подумала, что вы мое молчание можете истолковать неправильно: православие у меня стоит не на первом плане; если бы Саша, изучив разумно и последовательно другие вероисповедания, избрала бы для себя католичество или протестантство, сохраняя притом веру в Божественность Христа, я, любя свою Церковь, вероятно бы, огорчилась этим переходом, но отнюдь не стала бы бояться за нее: Христос для всех один. Саше, разумеется, я не сказала ни слова про ее новое направление, считая ее вовсе не виноватой: она — tranchons le mot* — жертва вашего заблуждения. Мне и вас не хотелось бы ни упрекать, ни осуждать, но я смотрю вперед и ужасаюсь!

---

* скажем прямо (*фр.*).

Точно так же как вы не умышленно (и я верю, что вы сделали это не умышленно) отвратили ее от родной Церкви, также верно вы привьете к ней ваш взгляд на Христа, на которого она, может быть, теперь смотрит не как на Спасителя Мира, а как на прекрасного профессора-моралиста. Напрасно вы думаете, что она со временем сама пробьет себе путь к религии; нет, она пойдет по вашим стопам; это неизбежно, потому что оно так просто и естественно. Бросив несознательно это злое семя в ее сердце, считая его добрым, вы, вероятно, не рассчитали, что она, вышедши замуж, передаст его своим детям, и так пойдет из поколенья в поколенье, отнимая у всех самое святое и единственно необходимое и в жизни и в смерти. Вот, милый друг, перед чем содрогается моя душа. Стоя так близко к концу, настоящая правда мне является все яснее и яснее. Боже мой, как могло это случиться, что вы, такой добрый и хороший человек, могли подпасть под проклятие, которое внесло мрак в вашу душу, стремящуюся всегда к добру. Конечно, при неисчерпаемом милосердии Божием одна слеза покаяния может изменить весь этот ужасный процесс; подумайте об этом со смирением и без раздражительности. Бывало, я находила в ваших письмах выписки из посланий Ап⟨остола⟩ Иоанна[1]; перечтите их теперь со спокойным духом: вы увидите, что в них идет речь не об одной любви к ближнему, но и об источнике этой любви, которая может исходить только из Божества. Ради Бога, не смотрите на мои слова как на полемику или нравоучение: это мои последние слова перед вечной разлукой, они написаны со слезами и вытекают из моей горячей, неизменной любви к вам.

⟨*Рукой А.А.Толстой:*⟩

Ваш истинный друг.
А. Т.

14 ф⟨евраля⟩
1903.

P.S. Вчера я начала писать к вам своей рукой, но я еще так слаба, что мне сделалось дурно, mais j'ai choisi pour ma dictée une petite personne à peine grammaticale qui ne sait absolument rien de quoi il s'agit*.

⟨*На конверте:*⟩
Его сиятельству
графу Льву Николаевичу
Толстому.
Тульской губернии.
Ст⟨анция⟩ Козлово-Засека,
им⟨ение⟩ Ясная Поляна.

261. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

21 февраля 1903. Ясная Поляна

Тоже, дорогой друг Alexandrine, не хотел отвечать на ваше письмо и тоже и мысли нет о том, чтобы полемизировать. Но хочется поговорить о том, что различие религиозных убеждений не может и не должно не только мешать любовному единению людей, но не может и не должно вызывать в людях желания обратить любимого человека в свою веру. Я пишу об этом п⟨отому⟩, ч⟨то⟩ недавно живо понял это, понял то, что у каждого искренного религиозного человека, — каким я считаю вас и себя, — должна быть своя, соответствующая его уму, знаниям, прошедшему и, главное, сердцу, своя вера, из кот⟨орой⟩ он выйти не может, и что желать мне, чтобы вы верили так, как я, или вам, чтобы я верил так, как вы, все равно, что желать, чтобы я говорил, что мне жарко, когда меня знобит, или что мне холодно, когда чувствую, что горю в жару. Истина эта давно всем известна, и я только недавно сердцем почувствовал ее, понял, как вера человека (опять если она искренна) не может уменьшить его достоинств и моей любви к нему. И с тех пор я перестал желать сообщать свою веру другим и почувствовал, что люблю людей совершенно независимо от их веры и нападаю только на неискренних, на

* но я нашла для диктовки особу, которая едва владеет грамотой и совершенно не понимает, о чем идет речь (*фр.*).

лицемеров, к⟨оторые⟩ проповедуют то, во что не верят, на тех, к⟨отор⟩ых одних осуждал Христос. Ведь стоит только подумать о тех миллионах, миллиардах людей — индусов, китайцев и др., к⟨оторые⟩ поколениями живут и умирают, не слыхав даже о том, что составляет предмет моей веры. Неужели они мне не братья, одного отца-Бога дети, оттого, что совсем иначе веруют, чем я, и мне надо разубеждать их в их вере и убеждать в своей? Нет, я думаю, что нам надо прежде всего любить друг друга, стараться как можно теснее сблизиться. Чем больше мы будем любить друг друга, тем более мы почувствуем себя едиными в своих сердцах и тем незначительнее покажутся нам несогласия наших умов и слов.

Вы, верно, давно это знаете, я же только недавно всем существом понял это, и мне стало очень хорошо и легко от этого. Вот это только я хотел вам сказать.

Получил и третью записку вашу о смерти Н⟨иколая⟩ П⟨авловича⟩[1]. Очень благодарен вам. Много там очень важного.

Прощайте, братски нежно целую вас и вашу руку без пальца.

Лев Толстой

21 февр⟨аля⟩ 1903.

262. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

28 августа 1903. Царское Село.

Козлова-Засека графу Льву Николаевичу Толстому.

Поздравляю, будьте здоровы телом и милосердны духом, прошу Софи написать мне[1] о всех вас. — Бабушка

263. Л.Н. ТОЛСТОЙ — А.А. ТОЛСТОЙ

22 декабря 1903. Ясная Поляна

Милый, добрый, старый друг Alexandrine,
Таня Кузминская написала мне[1], спасибо ей, о вас, о вашей болезни, что вы очень слабы и, по нашим человеческим суждениям, как будто близки к смерти. Я тоже был совсем близок, а вот еще не умер и иногда жалею об этом — так хорошо мне было умирать — удастся ли так другой раз? — а иногда рад, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ думаю, что наша старческая жизнь

не только не бесполезная, как думают часто, а, напротив, самая значительная по тому влиянию, к⟨оторое⟩ могут оказывать на других старые люди. Вы, с вашим горячим религиозным чувством и золотым сердцем, вероятно, испытали и испытываете то просветление, которое дает болезнь, и не только вероятно, но наверное теперь и еще больше, чем прежде, разливаете вокруг себя доброту и любовь. Пишу это письмо только затем, чтобы сказать вам, как часто я в моих отношениях с вами чувствовал эту вашу доброту и любовь и, чувствуя ее, сам становился лучше. — Еще хочется мне сказать вам, что вы напрасно думаете — если думаете — что мы с вами разъединены верою[2]. Вера моя и ваша и всех добрых людей (простите за нескромность, что причисляю себя к ним) одна и та же: вера в Бога-Отца, пославшего нас в мир, чтобы делать Его волю. Воля же Его в том, чтобы мы любили друг друга и поступали с другими, как хотим, чтобы они поступали с нами. То же, что я плохо исполнял Его волю и теперь еще плохо исполняю ее, не пугает меня, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ я знаю, что Бог есть любовь и Он знает, что я старался, особенно последнее время, исполнять Его волю и не из страха наказания, а п⟨отому⟩, ч⟨то⟩мне всегда тем лучше было жить, чем больше я делал Его волю. И я уверен, что вы точно так же верите. Если же я не верю некоторым частностям, в к⟨оторые⟩ вы верите, то я думаю, что в виду самого важного, что соединяет нас, это не важно и не может разъединить нас.

Помню, когда я был очень близок к смерти, и мысль отказывалась работать, и я старался выразить мое отношение к предстоящему переходу из этой жизни в другую, я находил только одну мысль, чувство, одно обращение к Богу: я говорил себе: *От Тебя исшел и к Тебе иду*[3]. И это выражало все, что я чувствовал, и успокаивало, радовало меня. Я уверен, что вы то же чувствуете; и это чувство опять соединяет нас.

Если вам прочтут это мое письмо, скажите, чтобы мне написали два слова о том, как вы себя чувствуете и хорошо ли вам.

Прощайте пока, милый друг, верьте моей искренней любви к вам и благодарности за все то доброе, что вы мне дали во время нашей полувековой дружбы.

Лев Толстой

22 дек⟨абря⟩.

264. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

29 декабря 1903. Петербург

⟨*Рукой А.Г. Зенкович:*⟩

Милый, так давно любимый Лев, ваше нежное, дружеское письмо было мне тем более отрадно, что я почувствовала в нем ту самую, самую искреннюю нотку, которая всегда звучала между нами в дни нашей молодости. Мне тоже были приятны ваши ободрительные слова, в которых мы сошлись на мысли, что и в глубокой старости можно быть полезным другим. По этой и другим причинам я была рада, что смерть отошла от меня.

Напрасно вы говорите так много хорошего о моей доброте, я ее не признаю: я была слишком себялюбива, чтобы быть христиански доброй. Только тогда, когда я по милости Божией стала сознавать свое ничтожество и всю свою неспособность действовать хорошо сама по себе, сердце мое смягчилось, и я поняла всю неправильность моей прошлой жизни; но Господь, видя мое раскаяние, милостиво протянул мне руку помощи.

Не касаясь вас ни единой мыслью осуждения, прибавлю, что, если бы я, проникнутая с детства истинностью каждого Евангельского слова, по каким-либо побуждениям, даже дружески миролюбивым, могла вам ответить: «Верю тому, что мы, как вы говорите, идем к вечности одним путем», — то сочла бы себя страшной изменницей перед своим Спасителем. Часто слыша голос Отца, говорящего: «Сей есть Сын мой возлюбленный, Его слушайте!»[1]. Разумеется, с годами пришло и мне, как вам, желание исполнить хоть самую малую частицу приказаний Отца; затем звучал голос Сына: «Я есмь путь и истина, и жизнь»[2].

Я в самое знойное время моей тяжелой болезни молилась за вас, а теперь в эту минуту в неудержимом порыве сердца молю Его, чтобы Он благословил вас благословением своего Св⟨ятого⟩ Духа.

До этого места графиня писала письмо карандашом сама с большими перерывами два дня, но по слабости так неясно, что разобрать было невозможно без ее помощи. Теперь она отдохнула и сказала мне: «У меня столько было мыслей, что я задыхалась от них», а затем продиктовала следующее: «Еще раз благодарю вас за любовь, обнимаю вас, Софи и всю семью; благословляю свою крестницу. Если бы вы могли видеть мои утренние упражнения, то, вероятно, и молодое поколение и даже деды много бы смеялись, что ветхозаветную бабушку учат ходить как малого

ребенка, а мы торжествуем при каждом успехе. Здоровье мое, хотя медленно, но видимо поправляется[3].

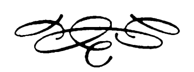
Да хранит вас всех Господь.

А. Т.

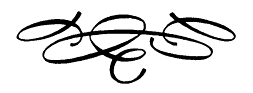
29-е декабря
1903 г.

⟨*На конверте:*⟩

Заказное.
Его сиятельству
графу Льву Николаевичу
Толстому.
Тульск⟨ая⟩ губ⟨ерния⟩, ст⟨анция⟩ Козлово-Засека.
Именье Ясная Поляна.
От гр⟨афини⟩ Толстой.
Петербург. Зимний дворец.

Дополнения

ПЕРЕПИСКА А.А. ТОЛСТОЙ
с С.А. ТОЛСТОЙ, Т.Л. ТОЛСТОЙ, О.К. ТОЛСТОЙ

1862

1. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

23 сентября 1862. Петербург

Ma chère Sophie, laissez-moi vous dire aussi à quel point vous êtes la bienvenue dans notre famille et comme nous vous remercions pour le bonheur de Léon. J'espère qu'à son tour il vous rendra heureuse. Je n'ai jamais voulu lui laisser voir tout ce que je soupçonnais de bon en lui, mais sans le lui dire je l'ai toujours tendrement aimé, précisément pour ses qualités de cœur inappréciables. A vous je puis bien le confier et d'ailleurs j'espère que vous vous en appercevrez vous-même de plus en plus. Je ne puis vous dire, comme il m'a semblé facile de vous adopter et de vous aimer même de loin, or je crois à la vérité de ces impressions involontaires et j'éprouve une extrême sécurité pour l'avenir de Léon.

Si vous venez ici un jour, ce que je souhaite vivement, vous trouverez des Бабушки qui sont restées jeunes dans toutes leurs affections. J'espère que cela vous encouragera à les aimer de votre côté avec confiance. Ma sœur Lise vous dit mille amitiés — elle se réjouit avec moi de ce que vous nous appartenez. Il en sera de même de maman et de ma sœur cadette quand elles apprendront le mariage de Léon.

Si je suis un jour à Moscou, je demanderai à votre mère la permission d'aller la voir. En attendant je vous prie de nous recommander à elle, ainsi qu'à tous les autres membres de votre famille. Du reste, c'est l'affaire de Léon, et c'est lui que j'en charge. Je vous embrasse de tout mon cœur, ma chère nouvelle petite nièce. Que le Seigneur garde votre bonheur à tous deux.

Votre bien dévouée G⟨rande-⟩tante

Alex. Tolstoy

23 sep⟨tembre⟩
1862.

⟨*Перевод*⟩:

Дорогая Софи, позвольте мне также и вам сказать, что вы будете желанной гостьей в нашей семье[1] и что мы благодарны вам за счастье Льва. Надеюсь, что и он, в свою очередь, сделает вас счастливой. Я никогда не хотела, чтобы он видел то, что я считаю хорошим в нем, но, не говоря ему об этом, я всегда его нежно любила именно за бесценные качества его души. Вам я могу это доверить, впрочем, надеюсь, что вы сами все больше будете их замечать. Не могу выразить, как мне показалось легко принять вас и любить даже издали, а ведь я верю в истинность невольных впечатлений и испытываю величайшую уверенность за будущее Льва.

Если вы когда-нибудь приедете сюда, чего я горячо желаю, вы найдете здесь *Бабушек*, молодых в своих привязанностях. Надеюсь, что это побудит и вас их любить, доверяя им. Моя сестра Лиза передает вам тысячу приветов. Она присоединяется ко мне в том, что вы теперь наша. То же скажут и мама́, и моя младшая сестра[2], когда узнают о женитьбе Льва.

Если я буду в Москве, я попрошу у вашей матери позволения повидаться с ней. А пока я прошу представить нас ей и остальным членам вашей семьи. Впрочем, это дело Льва, и я ему поручаю это. Обнимаю вас от всего сердца, моя милая новая маленькая племянница. Да хранит Господь ваше счастье.

Ваша преданнейшая Бабушка

Алекс. Толстая

23 сен⟨тября⟩
1862.

1873

2. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

28 июля 1873. Самарский хутор

Самарский хутор

Chère comtesse, Léon m'a prié de copier pour vous l'article qu'il a écrit et qu'il envoie dans une des gazettes, je remplie avec plaisir sa demande, car chez nous deux l'idée du bien est toujours inséparable avec le souvenir de vous. Sans vous connaître personnellement, il y a longtemps que j'ai appris à vous aimer et à vous respecter. Peut-être un jour quand je serai un peu plus

libre des devoirs que j'ai constamment à remplir dans ma famille nombreuse, aurai-je enfin le bonheur de faire votre connaissance.

Ce qui a poussé Léon à écrire cet article est un spectacle terrible à voir et que nous avons constamment devant nous. Les pauvres femmes surtout, pour lesquelles je sens plus que pour les hommes, avec leurs enfants, font pitié à voir. Elles souffrent moins du besoin qu'elles éprouvent elles-mêmes, que du chagrin de voir dépérir leurs enfants du manque de nourriture qu'elles ne peuvent leur donner.

A quelques verstes de chez nous une jeune femme, dont le mari était parti pour chercher de l'ouvrage, est restée seule avec deux enfants. N'ayant pas de pain elle est allée mendier, mais n'ayant pu rassembler assez pour se nourrir et ses enfants, elle est tombée malade et est morte de faim et de désespoir. Toute cette misère nous entoure, et comme nous n'avons pas la possibilité de secourir la masse, il faut bien s'adresser à la charité publique et à des personnes comme vous qui sont toujours prêtes à faire le bien et à aider les autres à le faire.

Il y a longtemps que nous n'avons eu de vos nouvelles, peut-être y a-t-il une lettre à Ясная. C'est toujours une fête d'avoir une lettre de vous, et j'y prends ordinairement part. Veuillez croire, chère Comtesse, aux sentiments les plus respectueux de votre très dévouée

C⟨omte⟩sse Sophie Tolstoy

Ce 28 juillet
1873.

⟨*Перевод*⟩:

Самарский хутор

Дорогая графиня, Левочка просил меня переписать для вас статью, которую он написал и посылает в одну из газет[1], и я с радостью выполняю его просьбу, так как у нас обоих мысль о добре всегда неразрывно связана с воспоминанием о вас. Не будучи знакома с вами лично, я давно прониклась любовью и уважением к вам. Возможно, когда-нибудь, когда я буду менее обременена обязанностями, налагаемыми на меня моей многочисленной семьей, я наконец буду иметь удовольствие с вами познакомиться[2].

То, что побудило Левочку написать эту статью, это наводящая ужас картина нищеты, которую мы постоянно видим перед собой. Особую жалость вызывают бедные женщины с детьми, которым я сочувствую

больше, чем мужчинам. Они страдают не столько от собственной нужды, сколько от горя, что они не имеют возможности накормить своих детей, погибающих от голода.

В нескольких верстах от нас молодая женщина, муж которой ушел на заработки, осталась одна с двумя детьми. Не имея хлеба, она пошла просить милостыню, но, не сумев собрать достаточно, чтобы прокормить себя и своих детей, она заболела и умерла от голода и отчаяния. Вся эта нищета у нас перед глазами, но мы не имеем возможности помочь всем и вынуждены обратиться к общественной благотворительности и к таким людям, как вы, готовым всегда делать добро и помогать другим в этом.

Мы уже давно не имеем от вас известий[3]. Возможно, что в *Ясной* есть что-нибудь от вас. Ваши письма всегда праздник, в том числе и для меня. Примите, дорогая графиня, выражение самых искренних чувств от преданной вам

гр. Софьи Толстой

28 июля
1873.

1877

3. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

25 апреля 1877. Ясная Поляна

Многоуважаемая и дорогая графиня, мы оба оправдываемся перед вами, что не пишем к вам — отсутствием времени. И это правда; давно мы не были так заняты оба, как этот последний месяц[1]. Но мне очень хотелось к вам писать и главное сказать вам, о чем Léon, конечно, вам не писал[2], что наконец на Страстной неделе он говел, и говел спокойно, хорошо, без волнений и без страха сомнений, который бывал прежде. Потом он ездил в церковь и теперь продолжает быть все в том же расположении духа. С борьбой, с страшным нравственным трудом он достигает того, что другим дается легко — то есть он делается религиозен. Но ему в жизни ничего не давалось легко; этим нравственным, внутренним трудом выработал он и характер свой, и воззрение на мир, и даже талант.

Все это пишу вам, потому что мне казалось тогда в Петербурге, что неверие Léon вы очень принимали к сердцу и горячо желали его обраще-

ния. А я молча живу около него и слежу за его обращением и радуюсь ему.

Ваши отзывы о романе Léon[3] его взволновали. Весь принцип его романа — семья и семья. Ради этого он не делает никаких уступок. Если для спокойствия *семьи* нужно выгнать Васеньку Весловского[4] или даже убить кого-нибудь — он ни перед чем не остановится. Сама я отчасти того же мнения, как публика. То есть я нахожу, что он слишком описывает личную жизнь. Зачем отворять двери своего собственного мирка для всех? Меня его роман или слишком волнует, как высказанная словами жизнь со всеми внутренними подробностями, или иногда совсем не трогает, как повторение чего-то знакомого.

У нас все по-старому: тихая, уединенная, полная забот и даже немного эгоистичная жизнь. Но если уединение и труд есть эгоизм, то и монахи эгоисты. А я этого не думаю. Léon теперь здоров, дети тоже; про себя не могу этого сказать. Я добросовестно исполнила *все* советы Боткина и мне было лучше, но теперь опять чувствую, как иду под гору и, кажется, скорее, чем прежде.

Когда увидите Прасковью Васильевну, передайте ей от меня самое искреннее мое почтение и любовь. Кроме матери моей, никто из моих собственных родных не принял меня так родственно и ласково, как она. Прошу вас также поклониться от меня вашей сестре[5].

Всей душой ваша

С. Толстая

25 апреля.

1882

4. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

12 июля 1882. Ясная Поляна

12 июля

Многоуважаемая графиня Александра Андреевна, не знаю, что вы подумали про нас, что на ваше милое, дружеское письмо[1] ни Левочка, ни я не отвечали вам. Но не для того пишу вам теперь, чтоб оправдываться, а для того, что с тех пор не прошло ни одного дня, чтоб я не подумала о вас и о том, как мы виноваты перед вами; как грубо, бессердечно отнес-

лись к вашей доброте, вашему участию и родственному отношению ко всей нашей семье. Тогда же, по получении вашего письма, я хотела вам написать, но Левочка, уезжая в Ясную[2], сказал мне, что непременно сам вам ответит. И действительно он написал вам два или три письма, но все разорвал. Я это узнала по его возвращении, и мне показалось уж поздно. А теперь прошло три месяца — и я решилась-таки написать вам, попросить вашего прощенья и сказать вам, что воспоминание о вашем пребывании в Москве[3] мне всегда так отрадно, так дорого! Несмотря на несогласие в мнениях, вы так кротко, терпеливо выслушивали резкие слова моего мужа, столько вы говорили сочувственного мне, что после отъезда вашего мне вдруг стало грустно, пусто и я поняла, как вы мне стали дороги. Теперь я поняла это еще больше, потому что все чаще и чаще думала о вас и решилась просить вас известить нас о себе и не отнимать от нас той кроткой и старой дружбы, которой не достоин стал Левочка.

Мы все по приезде нашем в Ясную перехворали и перепугали болезнями друг друга. Теперь всё, слава Богу, благополучно. Расположение духа и мыслей Левочки теперь гораздо лучше; я не теряю надежды, что он когда-нибудь будет опять таким, каким мы его больше любили, и что деятельность его направится на прежнее художество.

Если вы не сердитесь на нас, многоуважаемая графиня, вы напишете, здоровы ли вы и где проводите лето и хорошо ли вам. А внуки все целуют ваши ручки и помнят вас.

С. Толстая

5. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

19 июля 1882. Царское Село

19го июля 1882
Царское Село
Во Дворце

Милая, дорогая Sophie, мне бы хотелось обнять вас крепко и нежно за ваше ласковое и сердечное письмо. Я уверена, что вы и сами не предполагали, *сколько* оно меня обрадует. Что же делать? Старые люди, как я, страх как упрямы в своих привязанностях. Я только что бралась за перо, чтобы написать Леониду Урусову и узнать от него про вас. Кто-то мне сказал, что Левочка был болен, и беспокойство меня немедленно

обуяло. Не думайте, чтобы я сердилась на Левочку за его молчание. Уезжая из Москвы, я это предвидела, или лучше сказать, ясно видела, что он не хочет продолжать нашу бывалую переписку, которая за эти последние годы уже и без того почти прервалась. Левочке, при его теперешнем настроении, она кажется лишнею. Пусть будет так. Но отчего, написавши мне три письма, он их разорвал? Этого я, в своей простоте, понять не могу. Дело наших различных воззрений совершенно выяснилось, и мы оба поняли, что ни он меня, ни я его притягивать к своему образу мыслей не можем. Затем все-таки осталась старая, долгая дружба, которую хоть изредка следует подкармливать — иначе последует полный разрыв или отчуждение. Левочка, утратив свою простоту и естественность, не понимает, что порадовать старого друга двумя строчками нисколько не меньше (в виде добра), как дать нищему две копейки. Но любовь его стала теперь на ходули, и с этой высоты все мелочи жизни кажутся ему бесполезными. Опять пусть будет так, но я продолжаю его любить и нисколько не считаю его недостойным моей любви, только часто горюю об том зле, которое он мог причинять другим, *соблазнивши* их, и всегда радуюсь, когда слышу от людей, читавших его книгу[1], что она им не по сердцу и не убедила их. В моих воспоминаниях о прежнем Левочке осталась, как-то живее других, одна черта его, за которую я ухватилась как за ключ, отворяющий потаенный ящик. Он всегда жил только *своими* впечатлениями, *своими* мыслями, не допуская никакого влияния со стороны и не придавая убеждениям других никакой ценности. В то время мне это очень нравилось, как чувство независимости, которым я всегда дорожила, не понимая тогда, что жить нравственным особняком дело опасное, особливо для тех, которые по дарованиям своим должны чувствовать себя выше других. Мы все друг другу нужны, и нет человека, от которого мы бы не могли принять чего-либо хорошего, даже от тех, кого принято называть пустыми людьми.

Может быть, я ошибаюсь, но мне представляется подчас, что именно с этой точки исключительного верования в свои доводы Левочка и дошел шаг за шагом до того, что стал отвергать и ломать уже не людские мнения, но и Слово Божие, когда оно поперечно его убеждениям. Он искал Бога, но без смирения, и нашел только *себя*, то есть какой-то новый, уродливый кодекс, им выдуманный, и которым он дорожит и *гордится* именно потому, что он выработал его сам. Все это было сделано с свойственною ему искренностью (не сомневаюсь), но без мудрости и без простоты, и оставило на нем отпечаток того беспокойства,

раздражения и нравственной суетности, которые меня так поразили при свидании с вами в Москве. Я не нашла в нем ни тени духовного и душевного мира или большей терпимости, тесно и математически связанной с настоящей любовью и правдой. Вот почему я почувствовала с первого же раза, что это не истина. Истина сама по себе так увлекательна, что сердце ее принимает невольно, прежде чем явится рассуждение, но тут не было ничего подобного. В буйстве Левочкиных слов, в его диком негодовании и осуждении всего того, что не подходит под его систему, я не могла найти ничего схожего с кротостью Христа, во имя Которого он пишет и проповедует. Вы, душка Sophie, как женщина поймете еще одно мое чувство. Мне было больно, обидно, что я не вынесла из Москвы почти ни одного отрадного луча, между тем как вспоминая мой почти единственный длинный разговор с Достоевским за неделю до его смерти[2], у меня до сих пор расширяется сердце и возвышается дух. Достоевский, как и Левочка, горел любовью к людям, но как-то шире, без рамки, без матерьяльных подробностей и всех тех мелочей, которые у Левочки стоят на первом плане; а когда Достоевский говорил про Христа, то чувствовалось то настоящее братство, которое соединяет нас всех в одном Спасителе. Нельзя забыть выражение его лица, ни слов его, и мне сделалось тогда так понятно то громадное влияние, которое он имел на всех без различия, даже и на тех, которые не могли понять его вполне. Он ни у кого ничего не отнимал — но дух его правды оживлял всех. — Вот об этом я мечтаю для нашего Левочки, когда он перестанет сидеть на своей Вавилонской башне. И с его-то сердцем, как это будет хорошо, утешительно! Слава Богу, что он теперь спокойнее. Обнимите его за меня, прочитайте или не прочитайте ему мое письмо, это все равно — оно ни для него и ни для кого неинтересно, но написалось само собой, как это всегда со мной бывает. Знаю, что у вас дела много, но, пожалуйста, иногда пишите мне хоть несколько строк и не величайте меня графиней. Я для всех вас ничто иное, как Бабушка.

Мое здоровье хорошо. Живу здесь в совершенном уединении, которое мне по душе. Сестра уехала в Орл⟨овскую⟩ губ. к Вадбольским. Внуков всех обнимаю, а вас, милая Sophie, еще и еще благодарю.

Бабушка

Поклонитесь от меня к⟨нязю⟩ Урусову.

6. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

26 декабря 1882. Петербург

Во-первых, обнимаю вас всех и всем от души желаю самого лучшего. Затем обращаюсь отдельно к вам, милая Sophie, и уверена, что вы не откажетесь откликнуться на мою просьбу. Несколько месяцев тому назад одна известная мне M-lle Stein писала к нашему Льву[1], прося его разрешения напечатать сделанный ею немецкий перевод его повести «Три смерти». Разумеется, ответа она никогда не получила. Между тем для этой бедной девушки очень важно, чтобы труд ее не пропал. Пожалуйста, отвечайте мне на этот вопрос как можно скорей и скажите словечко про себя и своих. Правда ли, что вы собираетесь приехать в Петербург с Таничкой[2]. Как бы я порадовалась этому. Мы с сестрой[3], слава Богу, живы, но не могу сказать, что здоровы. Целую зиму хворали. Холод и года одолевают. Впрочем, ничего особенного худого. Я выписала из Москвы целую коллекцию новых изданий «Чем люди живы»[4] для раздачи знакомым. Картинки очень хороши, но формат большого издания ужасно неудобен и сделан с привычною русским небрежностью. Например, в одной и той же книге два экземпляра картинки с богачом, а третьей вовсе нет — что очень неприятно.

Простите, душка Sophie, еще раз обнимаю вас и люблю, как всегда.

Преданная вам А. Толстая

26 д⟨екабря⟩ 1882.

7. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

29 декабря 1882. Москва

29 декабря
1882

Многоуважаемая графиня Александра Андреевна.

Спешу исполнить просьбу вашу и сообщить вам, что Левочка совершенно согласен на то, чтоб переводили на немецкий язык его «Три смерти». Я читала в «Revue des deux Mondes» перевод этой же повести на французский язык[1] и нашла, что переведена отлично. На мой вопрос, может ли M-lle Stein перевести «Три смерти», он с обычным ему пре-

небрежением к своим произведениям ответил мне, что все M-lles Stein, Klein и Штольц могут переводить хоть восемь смертей, и что ему до этого дела нет.

Очень сожалею, что вы всё хворали, надеюсь, что вы встретите Новый год вполне хорошо. Позвольте мне пожелать вам и графине Софье Андреевне всего лучшего и поздравить вас с наступающим Новым годом. Очень счастлива бы я была побывать в Петербурге и увидать столько дорогих мне родных и друзей; но я еще кормлю ребенка[2], которого оставить не могу, и кроме того, обязанности мои в семье и в доме так сложны и велики, что некому их передать.

Как хотелось бы мне побеседовать с вами; столько теплоты, участия и мудрости в ваших речах; и мне приезд ваш в прошлом году[3] памятен до сих пор. Надеюсь, что Бог приведет опять увидаться с вами скоро. Дети мои целуют ваши ручки; они все вас очень помнят. Они все хворали довольно долго, но теперь у нас все счастливо и благополучно, за что благодарю Бога. Левочка вам очень кланяется; он кротче, чем был в прошлом году, но не много веселее и не много счастливее, что меня очень огорчает. К тому же он постарел и здоровье его стало хуже. Надеюсь, что вы на него не сердитесь и любите его, а за то, что меня немного полюбили, я всегда так благодарна и счастлива.

С. Толстая

1883

8. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

1 июня 1883. Ясная Поляна

Многоуважаемая и милая графиня Александра Андреевна, мне сестра Таня не велела писать вам, называя вас *графиней*, но я не могу называть вас, как вы приказываете: «*бабушкой*»; гораздо естественней уже было бы звать вас «сестрой», так как вы чувствами, душой, головой — всем так молоды и никогда не состареетесь, и не будете *бабушкой*. Но не все ли равно, как называть — дорого, как любить и как уважать. А в этом отношении, заглянув в мое сердце, вы остались бы мной довольны.

Письмо ваше уже не застало Левочку[1]. Он на месяц уехал в степи свои самарские пить кумыс и, может быть, немного похозяйничать[2]. Статью он вашу[3] тоже не успел прочесть, так как вещи сестры не были

еще получены из Петербурга[4]. Я одна прочла с удовольствием прелестно изложенную, глубоко прочувствованную, справедливую статью вашу и пожалела, что она скоро кончилась и так коротка. В последней странице слышен голос сердца и оттого она так трогает.

Сестра вас сердечно благодарит за память и ей дорого ваше расположение, а я радуюсь, что вы ее полюбили, так как эта сестра — мой лучший друг в мире.

Я знала, что вы в Москве[5], милая графиня, но не звала вас, потому что Левочка уехал, а без него вам было бы, вероятно, скучно; хоть нам всем ваше посещение было бы радостным событием. У меня в доме теперь маленькое горе: у меньших 3-х мальчиков[6] и у сестры Тани — коклюш. Очень больно, главное, видеть страдания самого маленького, 1 ½ годового. Дай Бог, чтоб все обошлось благополучно.

Ради Бога не говорите никогда о *прерванных* сношениях[7]: это не должно быть. Я так привыкла, еще не зная вас, любить и ценить любимую Левочкой, лучшего друга его — Alexandrine, что не хочу думать, что теперь, когда и мне досталась на долю маленькая часть вашего расположения, — что эта дружеская связь — прервалась. Она наверное где-нибудь глубоко сидит и останется в сердце.

Искренно уважающая и любящая вас

Sophie

1 июня.

1884

9. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

20 июня 1884. Ясная Поляна

20 июня

Многоуважаемая и милая тетушка Александра Андреевна.

Пишу к вам из постели, третий день только как у меня родилась дочь.

Мы все решили назвать ее Александрой, конечно из уважения и любви к вам; на вас чтоб и похожа была, дай Бог. Но у меня до вас просьба, не позволите ли вы записать вас крестной матерью и считать вас восприемницей этой девочки[1]. Отцом крестным будет тогда Кузминский, а подержит у купели моя дочь Таня.

Простите меня, милая тетушка, за мою просьбу, за мое письмо нескладное и дурно написанное, я так еще слаба, откажите, если вам почему-нибудь неприятно, но, пожалуйста, ответьте телеграммой: *Московско-Курская дорога, станция Козловка Засека, графу Толстому.*

Левочка не пишет к вам сам о крестинах потому, что взгляд его на крещение особенный, а наши крестины его не интересуют. Он с утра до ночи теперь косит с мужиками, и я его почти не вижу.

Сестра моя и ее муж вам просили передать их почтительный поклон[2] и приветствие.

Искренно любящая и уважающая вас

гр. С. Толстая

10. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

28 июня 1884. Петербург

28 июня 1884

Милая, дорогая Sophie, письмецо ваше меня очень, очень тронуло, но мне до слез сделалось жалко при мысли, что вы писали его с усилием, слабой вашей рукой. Неужели никто около вас не мог писать под вашу диктовку. Надеюсь, что вы получили мою депешу. Очень мне хотелось изъявить в ней, что принимаю ваше предложение только под условием, чтобы ваша малютка отнюдь ни в чем не была похожа на меня, но побоялась насмешить телеграфистов этим *искренним* желанием.

Вот уже много лет, как я вообще отказывалась быть крестной матерью, потому что смотрю на это дело не слегка, а как на великую ответственность, но на этот раз помимо моих убеждений мне вдруг сделалось так тепло и приятно на сердце, что я согласилась без всяких колебаний и даже почувствовала тотчас самое нежное влечение к моей крестнице. По всей вероятности, мы мало будем знать друг друга. Мне придется уходить из жизни в то время, как она начнет сознавать ее, но это не мешает другим, хотя не видимым, но близким отношениям. —

Благодарю вас, душка моя, за вашу добрую мысль и за любовь ко мне. Сердце мое откликается на нее вполне.

Кума, назначенного вами, я тоже принимаю с удовольствием, и мне представляется, что старая кума должна непременно властвовать над молодым кумом. В каком виде это может осуществиться, я еще не знаю, но отнюдь не упущу случая изъявить свои права. Дружеский поклон ему

и милой Тат⟨ьяне⟩ Анд⟨реевне⟩. Вас всех обнимаю, в том числе и усердного косаря, с тем, однако ж, чтобы он меня не подкашивал.

Прощайте, моя дорогая, берегите себя и благословите за меня мою крохотную соимянницу. Да хранит вас Бог.

Преданная вам

А. Т.

11. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

11 июля 1884. Ясная Поляна

Многоуважаемая и дорогая тетушка Александра Андреевна.

Очень, очень благодарю вас за согласие быть крестной матерью моей маленькой дочери; и так глубоко и сердечно тронуло меня ваше милое, доброе письмо.

До сих пор не писала вам по многим причинам: здоровье мое поправляется медленно, а душа никогда неспокойна. Никогда еще Левочка не был в таком *крайнем* настроении, и никогда еще не было *так* трудно найти точку, на которой мы могли бы, делая взаимные уступки, сойтись. А разлад, без всякой причины, кроме выдуманных и отвлеченных, особенно после 22-летнего согласия — очень тяжел[1].

Видно, я в чем-нибудь очень грешна перед Богом, что приходится это переживать. Простите меня, что я вам все это пишу; очень часто хочется у кого-нибудь совета спросить. Смешно то, что когда он кому-нибудь пишет, то тоже жалуется. А где несчастье? Ведь оно только выдумано и совсем неосязаемо.

Как бы я счастлива была, дорогая тетушка Александра Андреевна, если б могла видеть вас, представить вам крестницу, послушать ваши добрые, умные речи и принять вас у себя. Но не смею звать вас, во-первых, потому что непривычная наша шумная жизнь среди толпы детей, гувернанток и разных жителей была бы вам тяжела. Крайняя простота наших нравов вас бы поражала, а главное Левочка, который считал все-таки своей обязанностью меня охранять — теперь дома жить не будет. Он едет в свое Чернское имение, потом хочет идти пешком в Киев[2], что возьмет больше месяца времени; а без него весь интерес нашей семьи пропадает не только для вас, которая любит его, но и для всех его друзей и, главное, для семьи.

Конечно, для меня видеть вас было бы такой большой радостью, о которой я и подумать не смела; и может быть, когда мы все будем в сборе, вы решитесь на все неудобства и трудности путешествия и жизни в Ясной Поляне и подарите нам несколько дней[3].

Сестра моя просила меня передать вам ее почтительный поклон, и вся семья моя благодарит вас за память. Всей душой искренно преданная вам

С. Толстая

11 июля
1884.

12. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

27 июля 1884. Ясная Поляна

Я так была и сконфужена и тронута, многоуважаемая и милая тетушка Александра Андреевна, вашим хорошеньким подарком, что и слов не нахожу выразить вам свою благодарность. Сейчас же надела я эту брошку[1] и не расстаюсь больше с ней. Но письмецо ваше меня огорчило. Точно вы совсем раздумали побывать у нас; а это ужасно грустно бы было. Левочка же, который меня уверял, что он едет всюду, и который два раза совсем уже уложился — не поехал до сих пор никуда. Его задержало сначала нездоровье, потом приезд Ге[2], потом приезд моей матери[3], которую мы ждем сегодня. После ее отъезда он, вероятно, поедет странствовать[4]; а пока, благодаря Бога, он в гораздо лучшем и более спокойном настроении, чем был тогда, когда я вам о нем писала.

Может быть, в середине или конце августа, когда мы будем все вместе, вам можно будет пожертвовать нам несколько дней и обрадовать всю семью нашу вашим приездом[5]. Часто с сестрой мы говорим о вас, и обе мы одинаково чувствуем к вам такое уважение и симпатию. Только она счастливее меня; ей приходится с вами и видеться, и беседовать, а на мою долю достался только один луч надежды увидать вас — это ваше обещание приехать к нам; не отнимайте же у меня этой радости.

Передайте, пожалуйста, наш общий привет графине Софье Андреевне. Где она и как поживает, здорова ли, счастлива ли? Мы о ней давно ничего не знаем. Левочка вам очень кланяется и в душе он все тот же по

отношению и к вам и ко всем, кого любил, но его часто огорчает, что мы все не идем по его стопам.

Душой преданная вам

С. Толстая

27 июля.

13. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

23 сентября 1884. Царское Село

23 сен⟨тября⟩ 1884
Ц⟨арское⟩ Село
В здании Лицея

Милая, дорогая Sophie, давно об вас ничего не знаю, а между тем, кроме обыкновенного желания не разъединяться с вами на слишком долгое время, у меня есть теперь новый предмет любви в вашем доме, и мне очень хочется знать, как вскармливается маленькая Саша, на которую смотрю как *отчасти* принадлежащую и мне.

Напишите мне словечко об ней и об вас всех. Где Левочка и ходил ли он путешествовать? Сегодня день вашей свадьбы (22 года!). Моя старая память не сохранила бы, вероятно, этого числа, но у меня есть книга, которую читаю всякий день и на полях которой записаны все события, близкие моему сердцу. Если доживу и если Бог позволит, приеду к вам праздновать вашу серебряную свадьбу, но надеюсь увидеть вас и прежде. Нынешний год мне было немыслимо уезжать из Петербурга по многим причинам. Я даже отказалась от поездки заграницу, не находя, что здоровье — важнейшее из всех дел. Впрочем, про себя могу сказать, что курилка еще жив. С конца лета поселилась в Цар⟨ском⟩ Селе и теперь сестра тоже живет со мною[1]. Мы обе вас всех нежно обнимаем. Скажите Левочке, что я в настоящую минуту немного погружена в чтение Влад⟨имира⟩ Соловьева — «Речи о Достоев⟨ском⟩», «Основы религиозной жизни»[2] и т.д. Вероятно, все это ему известно. По слабости ума кое-что иногда и не понимаю, но то, что мне доступно, доставляет мне великое наслаждение и назидание. Прощайте, душка моя. Надеюсь, что вы все здоровы. Если Кузминские еще у вас, кланяюсь им сердечно.

Старая Бабушка

14. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

3 октября 1884. Ясная Поляна

Ясная Поляна

Многоуважаемая тетушка Александра Андреевна.

Очень радостно мне всегда ваше сердечное желание — *не разъединяться* с нами, как вы сами выразились. Это и мое самое заветное желание, и теперь, кроме ваших писем, я всегда знала о вас от моей сестры, что было очень приятно.

На все ваши вопросы спешу ответить: Левочка никуда не ходил и не ездил все лето, хотя собирался и до сих пор собирается всюду. Мы тихо и уединенно продолжаем жить в Ясной Поляне, Левочка занимается своим ненапечатанным большим сочинением[1], и увы! эта работа бесконечна. Мальчики старшие: один в университете, двое в частной классической гимназии[2], в Москве, в своем доме и с пожилой прекрасной француженкой[3], которая у нас уже два года. Мы собираемся в Москву в конце этого месяца, если все будут здоровы.

Маленькая Саша очень мила: здоровая, полная девочка с голубыми глазами и очень добрым выражением лица. Она так тиха, что ее в доме и не слыхать. Кормилица у нее прекрасная, гораздо добрее и лучше меня. Кузминские уехали 18-го сентября. — Вот и весь отчет о нашем семейном положении.

Сочинения Соловьева Левочка читал и не одобряет. Последнее его произведение — «Религиозные основы жизни»[4], он находит, что это Катехизис, но плохой, и что нет ничего самобытного, оригинального. — Совершенно случайно эта книга попалась и мне теперь в руки; я ее тоже читаю с удовольствием; нахожу, например, что объяснение молитвы Господней очень хорошо; недостаток же, мне кажется, в этой книге тот, что в ней большая несоразмерность в тоне. То он парит очень высоко, то вдруг низменно и как бы злобно говорит о социалистах. Всякое религиозное или философское сочинение должно, по-моему, быть таково, чтобы читатель чувствовал только *мысль* во всей ее силе и цельности, ни разу не чувствуя *личности*. Посмотрю, чем кончится эта книга, я еще на половине.

Передайте наш общий привет графине Софье Андреевне. Левочка и дети целуют ваши ручки.

Искренно любящая и уважающая вас

гр. С. Толстая

3 октября
1884.

1887

15. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

26 января 1887. Петербург

Милая, дорогая Sophie, пишу вам наскоро с великой просьбою, — прилагая при сем книгу (birthday Book)* и письмо княжны Черногорской[1], из которого вы узнаете, в чем дело. Постарайтесь уломать нашего Льва, чтобы он написал там несколько слов, а вы прибавьте к этому его карточку. Мне бы так хотелось утешить это молодое сердце, которое, возвратившись из России в Черногорию, очень скучает по своей второй родине. Она необыкновенно умна и развита.

Обнимаю вас и спешу ужасно. M-me Armfeldt сидит у меня[2].

Книгу отошлите мне при случае, спешить нечего. Льву напишу отдельно[3].

Обнимаю свою крестницу — жажду видеть ее и всех вас.

А. Т.

26 янв⟨аря⟩
1887.

16. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

11 августа 1887. Ясная Поляна

11 августа
1887

Милая и многоуважаемая Александра Андреевна.

С первого же дня, как вы уехали[1], мне страшно захотелось написать вам и не прерывать с вами тех дорогих сердечных отношений, которыми я жила все последнее время. Но так меня заняли все это время разные заботы и так я дурно себя чувствовала, что не могла писать, и вот вы меня предупредили и порадовали нас вашим милым, чудесным письмом[2], таким же добрым, ясным и полным содержания, как и вы вся сама. Как совестно было читать, что вы нас за что-то благодарите, когда вы сами внесли в семью нашу столько теплоты и радости! Когда на

* Книга для записей дней рождения (*англ.*).

другое утро я вошла в комнату рядом с спальней и увидала кресло, на котором вы с таким терпением ждали нас утром, мне защемило что-то в сердце увидать его пустым, и я сама удивилась, что так быстро, безотчетно привязалась к вам, не спрашивая себя, будете ли вы меня любить, и против привычки своей не пугаясь новой affection*, которая даст новые страданья, так как все, что теперь будет касаться вас, меня будет мучить бесконечно больше, чем прежде. Теперь простите мне за этот крик сердца, так неожиданно вырвавшийся у меня.

Здоровье Левочки гораздо лучше, но бороться приходится страшно и с пищей и, главное, с работой. Вчера я ушла за грибами, а он тихонько от меня уехал пахать. Я ждала, ждала его до 8 ч⟨асов⟩ вечера, он не обедал, я страшно беспокоилась, где он и что с ним, вдруг является с пахоты! Очень было досадно и за то, что не бережет себя, и за то, что меня измучил.

Теперь к нам приехал художник Репин и сегодня начал писать Левочкин портрет масляными красками[3]. Я этому очень рада, потому что Репин портретист прекрасный. Таню, как художницу[4], очень интересует работа Репина. Она вернулась сегодня утром и очень много рассказывала об астрономах, приготовлениях и неудавшемся затмении[5]. Мы тоже встали рано, посмотрели на тучи, на дождь, и огорченные, опять легли. Сережа тоже вернулся, но уехал сегодня на какую-то ревизию по службе в Крест⟨ьянском⟩ банке[6]. Погода очень ясная, как нарочно, сейчас установилась после вашего отъезда; грибов столько стало повсюду, что все яснополянское население пропадает в лесах. Восторгу Саши по этому случаю конца нет. Она долго плакала и просилась к вам, когда вы уехали, и теперь всякий день говорит, что она скоро с няней поедет к вам. Только этим и утешили ее. Лева (сын) тоже здоров и два дня пропадает на охоте. Гостей у нас, кроме Репина, да еще Сухотина, заезжавшего на один день, никого пока не было, чему я была рада, потому что никто не мог бы утешить нас после вашего отъезда, и лучше быть en famille** и вспоминать вас, как мы и делали, чем проводить время с чуждыми посетителями.

Левочка ушел опять косить овес чей-то и обещал скоро вернуться, но я пошлю письмо без него, и, вероятно, он напишет вам в другой раз. Сестра моя и Александр Михайлович благодарят вас за память и сохранили о посещении вашем самое приятное воспоминание. Сестра с удовольствием вспоминает и ваши речи к ней о покорности судьбе, и весе-

* привязанности (*фр.*).

** в семейном кругу (*фр.*).

лые вечера с винтом и разговорами. Не могу себе представить, милая, дорогая Александра Андреевна, что мы долго вас не увидим. Коли б не мое положение, которое меня надолго усадит на место[7], я бы, кажется, непременно поехала в Петербург, чтоб видеть вас. Но в душе я твердо надеюсь, что если вы будете здоровы, то вы опять приедете в Ясную Поляну, как настоящая Бабушка, которая не должна бросать своих детей и внучат, а вносить в свою родную семью то чудесное влияние, которое, как свет, разлилось на всю семью нашу в ваше посещение.

Все мои, теперь уже не по учтивости, а с горячим сердцем, кто целует ваши ручки, кто кланяется сердечно, кто велит сказать разные нежности и почтения; я спросила, что написать Бабушке, и приветствия посыпались от всех горячо. С нежностью и уважением обнимаю и я вас.

Sophie

Наш искренний привет сестре вашей графине Софье Андреевне.

17. Т.Л. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

19 сентября 1887. Ясная Поляна

Многоуважаемая и милая моя Бабушка, большое спасибо вам за косынку. Она очень красива и теперь совершенно по погоде. В комнатах холодно, а топить еще рано. Я сейчас сижу в ней и издали благодарю вас.

Бедная мама́ всё ужасно страдает невралгией, — вот уже две недели не переставая она мучается, и я удивляюсь и завидую ее терпению, которое выражается в том, что она не ропщет и покорно переносит свой недуг. Зато папа́ совершенно здоров и сравнительно бережется. Александра Львовна часто вспоминает о вас и на днях ей пришлось испытать разочарование. К мама́ приехала баронесса Менгден[1], а Саша, увидав ее в передней сверху, приняла ее за вас и стала визжать и на весь дом кричать, что ее мама крестная приехала. Она была ужасно сконфужена и огорчена, когда открылась ее ошибка. Она меня огорчает часто тем, что она кривляется, но вместе с тем я себя утешаю тем, что это часто происходит от застенчивости, робости и оттого, что часто ее оскорбляет всякая грубость — няни[2], например (хотя она добрая и честная женщина), и она — инстинктивно, чтобы скрыть это чувство, — кривляется. Как вы думаете, Бабушка? Я не забыла вашего совета мне побольше быть с ней, но часто мне некогда, — по моей же вине, потому что я-таки поздно

встаю; и потом я тоже думаю — права ли я думать, что мое общество для нее полезнее, чем нянино, которая прожила 50 лет и знает столько и практических и мудрых вещей? Только внешность у нее грубая. Вы мне две трудные задачи задали, Бабушка. Вторая — это вести переписку папа́, я пробовала и это делать, и тут я должна была убедиться в своем неумении. Большая часть писем, которые папа́ поручал мне писать, были английские и французские, и тут я увидала, что в языках, которыми я думала, что совершенно владею, я оказалась очень слаба, и что надо ими серьезно заняться. Когда кончаешь свое школьное воспитание, то кажется, что больше учиться нечему, — и только потом жизнь показывает, как мало знаешь и как можно много еще узнать. Я теперь в таком положении и думаю, что если у меня теперь хватит энергии приняться учиться самой, то это учение будет плодотворным и серьезнее прежнего.

Это нехорошо, что я вам все про себя пишу, но мама́ и папа́ написали вам о себе[3], и потом я вас так полюбила и все, что вас касается, меня так интересует, что я не могу поверить, чтобы это было без маленькой взаимности.

Я так рада, что узнала вас, я так люблю всех родных папа́ и их так мало, что у меня огромная доза привязанности, которую я запасла для вас.

Позвольте крепко вас поцеловать. Крепко любящая и глубоко уважающая вас

Таня

Ясная Поляна.
19-е сентября 1887.

18. А.А. ТОЛСТАЯ – Т.Л. ТОЛСТОЙ

14 октября 1887. Царское Село

Милая моя Таничка, твою старую Бабушку так затормошили, что, несмотря на ее *ежедневное* желание написать к тебе, все не удавалось.

Ты не можешь себе представить, как меня порадовало в твоем письме слово любви. Но знай, что почин симпатии был во мне с самой первой нашей встречи в Москве[1]. Если я ее не высказывала — это потому только, что скромность старости равняется с скромностью самой первой молодости — как-то неудобно навязывать себя пережившую тем, кто только начинает жить. Но теперь ты мне развязала руки и я с жи-

востью равнолетки отношусь к тебе — представляя себе вот какую картину. Нынешней зимой вдруг дверь моей комнаты отворяется и входит Таничка. Затем длинная бесконечная беседа — и главным предметом этой беседы — Саша.

Мне все кажется, что вы не обращаете на нее должного внимания — а она недюжинный ребенок. У нее в голове и глазах сидит целый отец Лев Николаевич. Конечно, я не могла изучить и понять ее вполне — но при наших утренних свиданиях она никогда не кривлялась и разговаривала гораздо выше своих лет. Не могу согласиться, чтобы пятидесятилетняя мудрость няни превышала понимание 23-х летней Танички. Это отговорка той лени, в которой ты сама каешься, а лень в этом случае чистый *грех*. То же самое скажу и про переписку *за* папа́. Что за нужда, что ты еще не вполне овладела языками. Устроив эту переписку в виде организации, ты именно над ней и будешь подвигаться вперед. Конечно, надобно понуждать себя, подшпоривать — но в этом и состоит гимнастика жизни, начиная с малого и доходя до самого высокого.

Вообрази, читая твое письмо — мне твое положение представилось в самом завидном образе, и я готова была жалеть о своей утраченной молодости, что со мной редко случается. Все у тебя есть — голова, сердце, 23-и года и окружающая тебя атмосфера. Как тут не работать? Я и теперь старая-престарая готова учиться. Главное, мне кажется, каждую вещь надобно доводить до последнего совершенства — чтобы не жалеть после.

Ответственность за Сашу прямо ляжет на тебя — где же папа́ и мама́ при их занятиях заниматься ею — а няня, будь она и предобрая женщина, ей не годится. Кое-что и я успела подсмотреть. Вот тебе и Бабушка с целым ворохом нравоучений. Но я не боюсь ни за себя, ни за тебя. Мы друг друга поняли — это решенное дело. Теперь вереница вопросов. Может быть, ты и найдешь время отвечать на них в том сжатом виде, как я постараюсь их сделать.

Во-первых: как теперь здоровье мама́?

Что пишет папа́?

Удался ли портрет Репина и твоя копия?[2]

Читал ли папа́ Talmage?[3]

Понравилось ли ему то, что Самарин написал об Хомякове?[4]

Когда вы уезжаете в Москву?

Читала ли ты Funcke?[5] Это я особенно рекомендую вам, молодым, — исключая его жалких слабосильных стихов.

Вот, кажется, и все. Кузминских мне еще не удалось видеть, потому что я до сих пор живу в Царском — но теперь скоро перееду в город. У нас уже снег.

Заметь, насколько хватает папироски папа́, и напиши, чтобы я выслала еще. Обнимаю папа́, мама́, тетю Marie[6], если она с вами, Машу, Сашу мою собственную, всех мальчиков больших и малых и мою дорогую Таничку.

Да хранит вас Бог под своим верным покровом.

Любящая тебя

Бабушка

14 окт⟨ября⟩ 1887 г.

⟨*На конверте:*⟩

Ее сиятельству
Татьяне Львовне
Графине Толстой.
Тульская губерния
Станция Козлово-Засека
Ясная Поляна.

19. Т.Л. ТОЛСТАЯ — А.А. ТОЛСТОЙ

22 октября 1887. Ясная Поляна

Многоуважаемая и милая Бабушка, спасибо за ваше чудесное письмо[1], которое меня очень порадовало. Я очень счастлива, что вы тоже полюбили меня и нас, и только остается жалеть, что мы столько времени потеряли, не видаясь, хотя любовь и уважение, которое всегда мои родители испытывали к вам, мы, дети, за глаза разделяли.

Ваши наставления так мне полезны, потому что они во мне укрепляют то, что я смутно чувствую, что я должна делать, и подтверждают это. Не думайте, Бабушка, чтобы я когда-нибудь роптала или была недовольна своей жизнью. Я, напротив, каждый день благодарю за нее Бога и вполне сознаю свое счастье и наслаждаюсь им насколько возможно. Если я когда-нибудь уныла и недовольна, то это только потому, что я чувствую, что я мало употребляю себя, свои силы на то, чтобы

быть нужной другим, что плохо исполняю свои обязанности, которые у всякого человека есть, а у меня так ясно начертаны.

Мы живем теперь в Ясной Поляне втроем: папá, Маша Кузминская и я, мамá уехала с малышами три дня тому назад, а мы здесь остались еще на неделю, чтобы избавить папá от суеты устройства в Москве. Маша сестра поехала с мамá, чтобы ей помогать, а я осталась здесь и переписываю новую вещь папá[2]. Начало ее — это разговор в вагоне о браке и любви, — не знаю, что дальше будет. Живется нам очень хорошо, много беседуем с папá и, если бы не жаль мамá, — охотно бы прожили зиму.

Бабушка, вот ответы на ваши вопросы:

Мамá невралгия почти покинула, иногда дает себя чувствовать, когда она выходит.

Портрет папá вышел замечательно хорош. Репин его увез к себе в Петербург, но и нам оставил один портрет, менее хороший[3]. Репинский портрет будет на передвижной выставке[4] — вы, вероятно, его увидите.

Папá находит, что то, что пишет Самарин о Хомякове[5], очень хорошо и интересно, — он, впрочем, вам, кажется, писал об этом.

Funcke я не читала, потому что очень плохо знаю по-немецки, но попробую, — это мне будет вдвойне полезно.

Папирос у папá еще пропасть, он говорит, что каждый день вас поминает. Да и каждый, кажется, вас поминает; мы читали недавно Гоголя, и при появлении каждого нового лица отыскивали его в книге, которую вы подарили мне: «Гоголевские типы»[6]. Они очень хороши и смешны, немножко разве карикатурны, но и Гоголь немножко таков.

Неужели у вас снег? У нас еще ни снежинки не упало. Как ваш нехороший, мучительный кашель?

Бабушка, если вам когда-нибудь не хочется или некогда писать мне, не думайте, что я буду ожидать от вас писем (всякое письмо для меня будет радостной неожиданностью), чтобы писать вам, — а как только я почувствую потребность общения с вами или буду иметь что-нибудь сообщить вам, я это сделаю независимо от того, буду или не буду я от вас иметь письма.

Любящая вас внучка

Таня

22-ое октября 1887.
Ясная Поляна.

1888

20. А.А. ТОЛСТАЯ – Т.Л. ТОЛСТОЙ

15 марта 1888. Петербург

Милая Таничка.

Пользуюсь внезапным отъездом гр⟨афини⟩ Шуваловой[1], чтобы переслать маленькие папироски для папа́ и, кстати, вязаное платьице для Саши. Может быть, оно ей пригодится в ненастную погоду.

Но, главное, пишу тебе для того, чтобы *убедительно* тебя просить написать мне тотчас, когда мама́ совершит свое великое дело[2]. Это уже должно быть близко и меня очень озабочивает. Если хочешь быть совершенно мила, то напиши еще и про всю семью — про папа́ — Сашу, Ильюшину свадьбу[3] — и вообще о своих впечатлениях. Все мне дорого, что касается вас.

В начале зимы я познакомилась с американкой miss Hapgood, с которой ты была в переписке[4]. Мы с ней очень сошлись — и это истая русофилка и, по-моему, с большим талантом переводчицы.

Вчера мы провели утро за «Севастополем» папа́. Она читала мне по-английски, а я следовала за ней по оригиналу и была поражена верностью и даже эстетичностью ее перевода[5]. Думаю, что и папа́ был бы им доволен. —

Пишу тебе наскоро, чтобы еще застать гр⟨афиню⟩ Шувалову.

Обними за меня всех. Не можешь себе представить, как бы мне хотелось видеть вас и тебя.

Бабушка

15 марта
1888.

⟨*На конверте:*⟩

Ее сиятельству
графине Татьяне Львовне
Толстой в Долго-Хамовническом
переулке. В доме
графа Л.Н. Толстого.

21. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

17 марта 1888. Москва

17 марта
1888 г.

Спешу поблагодарить вас, многоуважаемая и дорогая Александра Андреевна, за хорошенький подарок вашей крестнице. Платьице ей как раз впору, она очень была счастлива и горда и все смеялась, всем показывала и говорила то: *Бабушка* крестная прислала, то *мама* крестная. Жаль, что с платьицем не было никакой весточки о милой Бабушке, так давно ничего о вас не слышно. Я сама виновата, что не писала. Но я очень плоха в этом году, и много было волнений с Илюшей, который наконец добился своего[1], и счастливы так наши молодые, как только возможно. Теперь с часу на час жду кого-нибудь, чтоб Илюшино место в доме не осталось пустым и, признаюсь, стала нетерпеливо переносить свое положение. — Левочка, муж, последнее время тоже начал хворать: его боли желудочные стали повторяться чаще, и я почти решила (если Бог даст жизни) везти его летом на кумыс, в Самарскую губернию[2]. Кумыс всякий раз безошибочно оживлял его и восстановлял надолго его здоровье. Он очень благодарит за папиросы, но ими воспользоваться не может. Он уже около месяца не курит, бросил совсем и радуется этому.

Но зато он, кроме сапог, теперь ровно ничего не работает. Да право, и руки отнимаются. Эта безвредная, чисто философская статья «О жизни», над которой мы с ним работали летом, уже 2 месяца находится в Петербурге, в духовной цензуре[3], и нам даже не делают честь дать какой-нибудь ответ, как будто Львы Толстые находятся на всяком перекрестке и ими не стоит заниматься. — Я перевела эту статью всю на франц⟨узский⟩ язык, дала поправить французам и буду ее печатать в Париже[4]. Там и драму нашу оценили[5] и играли, и шумели о ней очень. — По примеру вашему, я еще работала много, переписывая все письма Льва Никол⟨аевича⟩, которые он мне когда-либо писал. Было очень приятно пережить все 25 лет в воспоминаниях. Сегодня я кончила; вышло две толстые, переплетенные книги[6]. Кому-нибудь пригодятся, и детям интересно будет.

Девочки мои, Левочка и все мы кланяемся, целуем ручки, любим и поминаем милую *Бабушку*, как вы сами себя называете, и надеемся пожить с вами опять той приятной, радостной жизнью, как прошедшее лето. Сердечно уважающая и любящая вас

Sophie

22. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

20 марта 1888. Петербург

20 марта
1888

Милый друг Sophie, очень была обрадована и удивлена вашим добрым письмом и еще более была удивлена, что мое письмо, адресованное Таничке и порученное гр⟨афине⟩ Шуваловой, вместе с посылочкой не дошло до вас[1]. Хотя оно не содержало ничего интересного для вас, я жалею, что оно пропало — потому что в нем я именно просила Таничку известить меня тотчас, когда совершится ваше великое дело, об котором беспрестанно думаю.

Здоровье дорогого Льва меня также очень беспокоит. Хвала ему, что он перестал курить, но между тем это меня немного страшит. Знаю по опыту, как эта перемена действует на нервы, и поэтому я до сих пор не достигла до подобного геройства. Очень жалею, что не имею никаких сношений с духовной цензурой, чтобы высказать ей все, что я про нее думаю. —

Если вы знаете, где живет гр⟨афиня⟩ Шувалова, можно бы послать к ней за моим письмом.

Пишу к вам сегодня à la vapeur*, но не могу умолчать, как я любуюсь вашей энергией, душка Sophie.

Столько письменных работ в *вашем* положении! Это почти невероятно. Не смею сказать того же Левочке, если он только работает над сапогами. Это известие меня просто захватило за сердце. Обнимаю вас всех.

Бабушка

⟨*На конверте:*⟩

Ее сиятельству
Графине Софье Андреевне
Толстой.
В Москву,
Долго-Хамовнический переулок. В собственном доме.

---

* наспех (*фр.*).

23. Т.Л. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

3 апреля 1888 г. Москва

Милая Бабушка.

Пожалуйста, простите, что я вам до сих пор не писала — мы очень засуетились с нашим новым братом[1]. Ему сегодня минет три дня и сегодня вечером его будут крестить — дядя Саша Берс[2] и Вера Шидловская[3]. Имени до сих пор ему не придумали, большинство голосов за Дмитрия, вероятно, так и будет.

Мама́ себя чувствует хорошо, слава Богу никаких необыкновенных страданий не испытывает и к удовольствию папа́ — сама кормит. Мальчик очень аккуратный и большой. Нас по очереди водят его смотреть. Саша в восторге от него и оставляет ему половинки яблок и апельсин, которые она получает. Она перешла на попечение Маши и мое, и хотя иногда с ней трудно и становишься в тупик, размышляя о способе ее подчинить себе, зато всякое хорошее проявление в ее душе и головке бесконечно радует.

Мама́ вас велела очень целовать и благодарить за поздравление. Она писала вам, что не получила от вас весточки[4], потому что я сообщала всем о вашем письме за обедом, за которым мама́ не было, — она лежала, и я потому забыла ей рассказать, что получила от вас письмо. Когда я ей об этом сообщила, она уже написала вам.

Сейчас меня оторвали от письма, чтобы идти на крестины, и мальчика совершенно неожиданно назвали Иваном.

Очень хочется с вами поговорить, я много умнее была бы, если бы чаще с вами беседовала, но у папа́ гости, надо идти к ним чай им наливать, а откладывать письмо больше не хочется.

Позвольте крепко вас обнять и попросить вас всегда верить в мое уважение и глубокую преданность.

3-е марта* 1888.

Таня

Через несколько дней напишу вам опять о здоровье мама́. Я вас очень, очень люблю и хотела бы вам выразить это.

---

* *Ошибка Т.Л. Толстой. Надо:* 3-е апреля (*Примеч. ред.*).

24. А.А. ТОЛСТАЯ – Т.Л. ТОЛСТОЙ

11 июня 1888. Царское Село

Милая Таничка, сколько времени прошло с тех пор, как твоя негодная Бабушка собирается писать к тебе! Не осуждай ее слишком строго. У: нее за это время было много забот и огорчения, но все-таки она крепко держала в своей памяти твое последнее милое письмо. Знаешь, Таничка, что я часто тоскую о том, что не могу говорить с тобою глаз на глаз — что было бы так легко в Ясной Поляне, если бы я знала тебя в то время — хотя уже и тогда у меня шевелилась на сердце мысль, что именно тебе следует заняться Сашей.

Узнав, что при ней теперь англичанка[1], я нисколько не считаю тебя освобожденной от этой обязанности. Англичанка будет с нею гулять — учить ее, но твой глаз должен непременно следить и за воспитательницей и за ребенком. —

Взгляни на это как на священный долг — и тогда сердце твое подскажет тебе многое. Никакие советы не помогут, если ты не всмотришься сначала в себя и не осудишь себя без пощады. Ты очень верно угадала, что пример — самое лучшее средство действовать на других[2].

Это мне напомнило мою В⟨еликую⟩ княжну, когда я только поступила к ней[3]. Хотя ей было не более одиннадцати лет, она страстно любила маленьких детей и уже тогда ее мысли были заняты своими будущими детьми. Раз во время прогулки она спросила у меня, каким образом всего лучше воспитывать детей. Ответ мой был готов — но я его не высказала, чтоб дать ей возможность добраться до него самой.

«Réfléchissez, — lui ai-je dis, — peut-être que vous trouverez cela vous-même»*.

Она очень призадумалась и через несколько минут, взглянув на меня, вопросительно сказала: «Est-ce que c'est par mon exemple?» — «Oui, — ai-je répondu, — par votre exemple et par la prière»**.

То же скажу и тебе, милая Таничка. Как бы ни были искренни и хороши наши намерения — без помощи Свыше ничего не поделаешь.

Затем идет ряд бесконечных соображений и ежеминутных наблюдений. Их перечислить и высказать немыслимо — тем более что не для всех детей одна метода. Каждый ребенок по своему характеру требует особого направления — но каждый ребенок должен непременно знать,

---

* «Подумайте, — сказала я ей, — может быть, вы сами догадаетесь» (*фр.*).
** «Своим примером?» — «Да, — ответила я, — своим примером и молитвой» (*фр.*).

Кому он служит и для *Кого* работает над собою. В этом вся сила. И это одинаково для больших и для малых. Только *Одним Именем* мы живем и умираем. Если душа им не преисполнится — то вечно будем блуждать в темноте и никогда не одолеем свои природные наклонности.

Другим языком я с тобою говорить не могу — ce qui n'est pas *cela* sont des coups d'épée dans l'eau*. Это мое глубокое убеждение.

Как понравился вам мой милейший Stead?[4] Впрочем, мой личный взгляд на него так установился, что трудно его изменить, если даже мы не сойдемся мнением.

По-моему, это богатая голова и чистое детское сердце — редкое сочетание, которое действовало на меня очень сильно.

Он не проповедует, как, например, добрый Радсток, но у него иногда вырываются из сердца такие слова, которых не забудешь.

Если бы ты знала, как я завидую всем едущим в Ясную Поляну, чувствуя, что второе посещение мне было бы еще дороже первого[5].

Теперь я вас всех лучше знаю и приехала бы *домой*. Обними за меня папá и мамá. Как-то их здоровье? Всех вас, дорогих детей, также нежно целую. Напиши мне непременно, как тебе нравится Сашина англичанка и вообще, чем более подробностей об Саше и других, тем лучше.

Прощай, дорогая Таничка, пожалуйста, не перерывай нашу переписку, даже если я не сейчас отвечаю.

Христос да хранит вас всех.

Любящая тебя

Бабушка

11 июня

1888. Ц⟨арское⟩ Село. Дворец. Здание Лицея.

P. S. Неожиданная к тебе просьба.

Пожалуйста, когда представится случай в Тулу, закажи еще такой же самовар, как я уже три раза там покупала. Я бы тебя избавила от этой скуки — но не знаю ни адреса, ни имени мастера.

Самовар стоил 25 руб., с пересылкой 27.

Это не для меня, а для одной приятельницы, и ты меня этим очень одолжишь.

Пусть они отправят самовар по следующему адресу: Ее превосходительству Екатерине Константиновне Булгаковой. В Царское Село — в Китайскую деревню. Очень было бы желательно получить самовар не позже половины июля. Извини, если это тебе будет очень скучно.

---

* все, кроме *этого*, — только удар шпаги по воде (*фр.*).

Поклонись от меня Кузминским.

Сестра моя, которая живет теперь со мной, шлет вам много нежностей.

⟨*На конверте:*⟩
Ее сиятельству
графине Татьяне Львовне
Толстой.
Тульской губернии
станция Козлово-Засека.
В имение Ясная Поляна.

25. А.А. ТОЛСТАЯ – Т.Л. ТОЛСТОЙ

6 ноября 1888. Петербург

6-ое ноября
1888. П⟨етер⟩б⟨у⟩рг

Милая Таничка,

во-первых, про дела. Деньги за самовар[1] были отправлены мастеру Гольтякову еще в июле месяце г-жей Булгаковой. Мама́ должна вытребовать от него не принадлежащую ему двойную плату, а Булгакова с своей стороны напишет ему, чтобы все привести в ясность. Во всяком случае, напиши, чем дело кончилось.

В то время как шла эта самоварная процедура, меня в России уже не было. Я провела три месяца за границей у моей В⟨еликой⟩ княгини, наслаждаясь ею и ее славными детьми[2]. Это был настоящий карнавал для моей старости. Я там вполне чувствовала себя матерью и бабушкой. Весь ход их жизни — простой, естественный и симпатичный — действовал на меня благотворно, то есть вызывая глубокую благодарность к Богу. Это была и сердечная, и *духовная* радость.

Дети сами по себе хорошие, ведены отлично. Всё дышит счастием и непринужденностью. Местность Кобурга чрезвычайно красивая, и мы проводили время более в лесах и горах, чем в городе. По отъезде В⟨еликой⟩ княгини в Мальту я еще кое-где путешествовала — пожила в Бадене и вернулась сюда, не зная еще ничего про страшную катастрофу[3]. Нигилисты тут, к счастию, ни при чем — хотя я недавно прочла в

иностранных газетах que quelques uns d'entre eux revendiquent ce droit*. Стало быть, и подобное событие может вызвать хвастовство.

У нас же все уразумели с удивительным единодушием, и поднятием смиренного духа, что тут явлена была единственно воля Божия.

Благодарю тебя, дорогая Таничка, что ты вспомнила обо мне. Я так дорожу этим и все мечтаю, что и ты завернешь к нам. Сережу я видела один раз у Е.Н. Шостак[4] и даже играла с ним в винт.

Он очень симпатичен, и я с особенным удовольствием смотрела на него — находя в нем много сходства с отцом. Во время игры, покамест выкрикивали около меня: «три в пиках и пять в червах» — я совершенно ушла в прошедшее — думала об своей молодости и вспоминала наши дружеские, веселые отношения с папа́, когда он еще не был знаменитостью, а просто самым милым, сердечным человеком. Обними его за меня. Желалось бы опять побывать у вас, но необходимо *ждать* толчка — иначе не выйдет ничего хорошего. Очень рада, что Сашина англичанка удалась[5] — но ты не говоришь, занимаешься ли и ты сестрой. Вообще хотелось бы знать, в чем собственно проходит *твое* время. Чем больше будешь мне писать про себя, тем лучше. — Обнимаю вас всех и от души желаю, чтобы маленький Ваня поправился. Надеюсь, что письмо это застанет вас еще в деревне. Да хранит вас Бог.

Бабушка

⟨*На конверте:*⟩

Ее сиятельству
Графине Татьяне Львовне
Толстой
Тульской губернии
Станция Козлово-Засека,
Ясная Поляна.

* что некоторые из них оспаривают право на нее (*фр.*).

1889

26. Т.Л. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

15 марта 1889. Москва

15-ое марта 1889

Многоуважаемая и дорогая Бабушка.

Вы, верно, думаете, что Павел Иванович[1] съел все конфекты и носит Сашино платьице, но это не так: мы с удовольствием поели весь шоколад, и Саша уже неоднократно обновляла свое платьице, и причина нашей невежливости та, что все сразу никак не могут написать вам письма, все ждут друг друга, переписывают, придумывают и особенно Андрюша и Миша никак не одолеют своих писем. Я наконец решила не ждать их и самостоятельно поблагодарить вас за вашу доброту к нам. Вы ужасно балуете нас — все ужасно рады были иметь по *своей* коробке конфект и с гордостью угощали ими. Платье на Саше очень хорошо, и она в нем очень мила, — чуть-чуть было коротко, Miss Kate его выпустила.

Последнее время Саша очень мила и стала меньше кривляться, может быть потому, что теперь она настолько понимает, что может заниматься разными вещами — она уже знает английскую азбуку и любит читать и писать. Впрочем, чтение ее состоит в том, что она называет буквы, а складывать не умеет. Потом она шьет по канве, раскрашивает картинки, нанизывает бисер и т.д. Я начала писать ее портрет, но она так дурно сидит, что я бросила. Я после четырех лет, как бросила живопись, опять принялась за нее и очень много занимаюсь. Я себе сказала, что до осени буду учиться и если не сделаю успехов, то брошу навсегда, а если сделаю, то съезжу в Париж поучиться и в Италию посмотреть старых мастеров. Папа́ на днях написал несколько прекрасных слов об искусстве, это, верно, будет напечатано в «Русском богатстве»[2].

Все очень благодарят вас, я же крепко вас обнимаю и целую.

Таня

27. А.А. ТОЛСТАЯ – Т.Л. ТОЛСТОЙ

25 марта 1889. Петербург

25-ое марта
1889 г.

Милая Таничка.

Очень тебе благодарна за письмо. Одно прошу тебя — никогда не терять из виду, что я вечно беспокоюсь об здоровье папа́, а ты об нем не говоришь ни слова — и еще умоляю тебя, спаси детей от мученья писать ко мне благодарственные письма. В итоге они возненавидят меня и даже шоколад, который придется им так солон. It was not so intended*. Твои артистические тенденции мне также не очень нравятся. Попробовала — не удалось — бросила! Настоящий русский характер. Пан или пропал! Буду Рафаэлем или... ничем. Читала ли ты когда-нибудь Записки или, лучше сказать, Дневник девицы Башкирцевой?[1] Прочти. Это может быть для тебя нравоучительно — хотя она была чистая психопатка, чего в тебе не предполагаю — но излишнее самолюбие вредно для искусства. Потеть, трудиться — добиваться, кажется, вернее.

Впрочем, я в этом не судья.

На днях явятся к папа́ два американца[2], приехавшие из-за моря из-за океана единственно, чтобы с ним переговорить не из пустого любопытства, но для получения его совета в одном для них весьма важном деле. Один Reverend D-r Wilberforce, другой Rev-d D-r Curril — очень милые симпатичные люди. Я уверяла их, что им вовсе не нужно моей протекции, чтобы быть принятыми графом, но они все-таки пожелали, чтобы я его предварила сколько-нибудь на их счет. Они же мне были присланы одной очень почтенной личностью. По милости папа́, я думаю, что в конце концов вся Америка к нам переедет.

Прощай, душа моя, у меня страшный грипп, и я пишу под звук оркестра кашля, насморка и чиханья. Эта музыка одуряет меня, и я даже с осторожностью обнимаю тебя и всех милых твоих. Как бы не пристала

* Он того не стоит (*англ.*).

моя немощь. Как здоровье мама́ и маленького Вани? Радуюсь, что Саша en voie de progrès*. Не теряй ее из виду. Еще раз прощай.

Бабушка

⟨*На конверте:*⟩

Ее сиятельству
графине Татьяне Львовне
Толстой
В Москву.
В Долго-Хамовническом
переулке. Собственный дом.

28. А.А. ТОЛСТАЯ – Т.Л. ТОЛСТОЙ

13 апреля 1889. Петербург

Христос воскресе,

милые друзья, обнимаю вас всех от мала до велика, а тебе, Таничка, предлагаю вопрос: хочешь ли меня видеть минутку во вторник (18 апреля) на Николаевской жел⟨езной⟩ дороге? Меня пригласила к себе Евгения Максимилиановна Ольденбургская[1], и, если Бог позволит, я предполагаю выехать отсюда в понедельник вечером по курьерскому поезду. В одиннадцать часов на другой день буду в Москве, чтобы продолжать путь на Воронеж. –

Говорят, в Москве полтора часа остановки. Вот этим-то часом я хотела бы воспользоваться, чтобы взглянуть на кого-нибудь из вас[2].

Остальное в твоей власти. Обнимаю наскоро.

Бабушка

13 апреля
1889.

---

* делает успехи (*фр.*).

1890

29. А.А. ТОЛСТАЯ – Т.Л. ТОЛСТОЙ

2 июня 1890. Царское Село

2 июня 1890
Царское Село
Здание Лицея

Очень, очень благодарна тебе, милая Таничка, за твое письмо[1]. Я действительно очень тосковала, что наши отношения как будто прерывались — а при теперешних обстоятельствах, то есть при болезни дорогого папа́[2], это было бы просто невыносимо. Зимой я, конечно, имела случай знать что-нибудь про вас, но с наступлением лета все разлетелись, и я останусь в беспрестанной, мучительной неизвестности, если ты не согласишься хоть от времени до времени me tenir au courant*. А характер мой чересчур беспокойный и неугомонный, когда дело идет об тех, кого люблю, как люблю вас. —

Я замедлила ответом, потому что в это время переезжала в Царское, а затем немного прихворнула. —

Страдания бедного папа́ просто хватают меня за сердце, тем более что я с ними отчасти знакома и не забыла еще, до какой степени они ужасны.

В этих случаях медицинская помощь необходима, а осторожность в еде того паче. Поддается ли он на то и другое? Этот вопрос мучает меня беспрестанно, и я очень прошу тебя отвечать на него. Не поленись, душка Таничка, и обними за меня крепко и больного и здоровых.

Очень, очень мне жаль, что добрая англичанка должна была оставить Сашу[3], и я очень боюсь, что Саша забудет говорить по-английски, что так важно в будущем для чтения. Но тут ты можешь помочь делу и надеюсь не откажешься от него. —

Впору ли последние платья? Напиши и об этом. Шерстяное платьице еще не готово — пришлю его позже.

Об себе говорить что-то неинтересно — да и особенного ничего нет. Жизнь идет под гору и *в гору*. Всё тут, и *в гору* — самое важное. —

---

* держать меня в курсе (*фр.*).

Но этого пером не перескажешь. Наружняя жизнь по возможности спокойна и по возможности далека от светского шума. Здоровье сестры часто меня тревожит — но в настоящую минуту ей, слава Богу, немного лучше. Скажи милой мама́, что я на нее никогда не сетую за молчание. Знаю, сколько лежит на ней различных забот.

Обнимаю тебя, милый друг, и сама часто жалею, что нам не приходится пожить с тобою хоть немножко. Саше буду отвечать сама.

Ее письмо очень меня порадовало[4].

Любящая тебя

Бабушка

30. Т.Л. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

13 июня 1890. Ясная Поляна

Многоуважаемая и дорогая Бабушка.

Простите, что не тотчас же отвечала вам, — все эти дни была занята писанием писем в Америку по поводу картины Ге «Что есть истина?», которую туда посылают[1]. А остальное время мне приходится проводить с Сашей, так как барышня, которой она поручена, кроме присмотра за Сашей, имеет еще три урока музыки в день и сама упражняется.

Мне с Сашей очень легко — у нее такой ровный и милый характер и она так разумна для своих лет, что мне редко что приходится говорить ей, но один у меня страх постоянный — это не быть довольно веселым товарищем для нее и не оставить ей счастливых воспоминаний детства.

Посылаю вам ее фотографию[2], хотя она не особенно удачна. Тут она кажется старше, чем она есть на самом деле.

О папа́ я могу сообщить вам самые счастливые новости — он с каждым днем здоровеет и крепнет и теперь опять похож на прежнего себя — может много ходить и третьего дня, пока мы сидели за вечерним чаем, смешил нас тем, что прыгал через стулья. Он удивительно покорно следует всем предписаниям доктора. Подготовив себя питьем Ems'a, он стал пить кумыс, который, как всегда, отлично на него действует. Для кумыса у нас выписан башкирец с семейством.

Пища папа́ никакая, кроме жидкой, не позволена, и он бросил свое вегетарианство и ест очень крепкий бульон. Еще ему позволяют яйца и

молоко. Папа́ велел вам передать свою глубокую любовь и почтение и мама́ также. Надеюсь, что вы перестали прихварывать и что вашей сестре не хуже. Как вы счастливы, что вы чувствуете, что ваша духовная жизнь идет *в гору*. Это самое дорогое на свете, и я, к несчастью, не чувствую этого. Я знаю, что это нормально и так должно быть, а вместе с тем моя жизнь идет зигзагами — то поднимусь, то опущусь. Хоть за то благодарю Бога, что сознаю, когда спускаюсь.

Сейчас перечла ваше письмо и сознала еще ярче свою вину в том, что не писала, но Ге тут[3] и спешил меня с этими письмами, не давал покоя, пока я их не кончила.

Сашины платьица впору, и она очень мила в них. Фартучек такой хорошенький, что я по нём сошью ей еще такой.

Осенью мы возьмем Саше англичанку, я совершенно с вами согласна, что знать английский язык для чтения очень важно, но я не могу с Сашей говорить по-английски, выходит ненатурально, и мне не хочется жертвовать естественностью отношений в пользу нескольких месяцев английской болтовни. Как вы думаете? Как часто я обращалась бы к вам с вопросами и более важными, потому что так безусловно верю вам. До свиданья, дорогая Бабушка. Душой любящая и уважающая вас

Таня

31. А.А. ТОЛСТАЯ – Т.Л. ТОЛСТОЙ

3 июля 1890. Царское Село

3-го июля 1890
Ц⟨арское⟩ Село

Милая, дорогая Таничка, теперь моя очередь просить прощения — но у каждого есть свои помехи, когда дело идет до переписки, и раз навсегда мы не будем друг на друга сердиться за наши неизбежные провинности. Только не следует вовсе перерывать наших отношений и хоть изредка надобно подавать голос. — *Старшие* заняты; и грешно бы было их тревожить требованиями. Знаю, что и ты не без дела; но по молодости лет ты должна быть поворотливее и служить старой Бабушке трубой благовестницей.

Твое последнее письмо меня несказанно обрадовало. Дорогой папа́ опять здоров и *послушен* и даже прыгает через стулья — чего же лучше? Я и сама была готова прыгнуть за ним для выражения своего удовольствия — но боялась людей насмешить. Сегодня три года, как я уехала из Ясной Поляны[1], и воспоминание этого двенадцатидневного пребывания в вашей милой семье осталось мне дорого и живо, как будто это случилось вчера. Волк опять смотрит в лес, но волк на привязи и не смеет распоряжаться собой без особенного толчка. А уж как бы хотелось еще на вас посмотреть! Скажи папа́, что я все читаю, что появляется об нем в печати — из прошедшего и настоящего, — но избавляю его от своих умозаключений. Маленьким умишкам куда как пристало молчать — но душа всегда горит любовью, когда дело идет об нем. Поцелуй его за меня, также и мама́ и мою Сашу. Я так рада, что ты ею довольна и что в ней проявляется такая добрая натура. Береги ее — а что ты говоришь с нею по-русски, а не по-английски, мне кажется совершенно безразлично, особливо если есть надежда на новую англичанку[2]. Ce n'est que partie remise*.

Насчет духовной жизни, которая идет в гору — ты не так поняла меня. Это не значит, что я ощущаю в себе какой-либо успех — только карабкаюсь на гору ревностнее — под влиянием, конечно, не *своей* силы, а Той, которая управляет нами и говорит: «*не хочу смерти грешника*»[3].

Зигзаги же останутся при нас, вероятно, до конца жизни. Ты ими не смущайся.

Христос поможет каждому *искреннему* сердцу. Великое дело искренность. Обнимаю тебя, душка моя Таничка, и благодарю за твою любовь.

Бабушка

Сашин портрет[4] прелестный. Что за умная и добрая рожица! Передай мой поклон Кузминским и обними за меня Машу и братишек.

---

* Это только вопрос времени (*фр.*).

32. А.А. ТОЛСТАЯ – Т.Л. ТОЛСТОЙ

15 декабря 1890. Петербург

15-го декабря
1890

Милая Таничка, опять между нами пропасть молчания. Хотя я часто слышу про вас от Кузминских, а про папá и кое-что из газет, — которым, впрочем, не доверяю вполне, но все-таки это не то, что живое слово от тебя. Перечитывая сейчас твое последнее, милейшее письмо, мне так захотелось узнать, привела ли ты в исполнение свой образовательный план, которому я аплодировала от души. Умственная работа необходима во всякие года — это такая длинная цепь, что до последнего колечка никогда не доберешься — но все-таки не надо ее выпускать из рук. К тому же, это большое наслаждение, что ты можешь видеть из примера папá. Вам — его детям непозволительно бы было довольствоваться *малым светом*. Даже изучение каждого языка прибавляет масла в лампаду, не говоря уже о многом другом — более важном.

Очень, очень радуюсь, что Саша способна на ученье и любит его. Давай ей сколько можно, не утомляя ее. Утомление сейчас заметно в детях, и бывают дни, где их вовсе не нужно занимать. Впрочем, у тебя под рукой такой педагог, при котором мои советы вовсе не нужны. Завтра отправляю по почте альбом Стеда[1], который он поручает мне переслать папá и в котором ты тоже находишься между знаменитостями. Заглянул ли кто из вас в книгу генерала Booth?[2] Я ее не прочла, а *съела*, так она меня заинтересовала. Социальный вопрос, поставленный на христианскую почву, давно гнездился и в моем слабом умишке — но для исполнения такого громадного плана нужно иметь, как у салютистов, 200-тысячную подготовленную и дисциплинированную армию — *всю в одном духе*. Пусть они смешны своими наружными формами (я никого из них не знаю лично), но, ознакомившись с их удивительною и полезною деятельностью, нельзя не усмотреть в ней необычайного явления, которое шевелит сердце. Все, что они теперь замышляют, будет только расширением уже сделанного ими добра в продолжение их 25-ти летнего существования. Право, стоит прочесть эту книгу, и мне бы было очень любопытно знать, что папá об ней подумает. Скажи ему, что я не пишу к нему как бывало — потому что у него и без меня

много занятий, а я по старой привычке, может быть, стала бы ожидать ответа, но я уверена, что он по-прежнему любит и не забывает меня. Я со своей стороны более, ⟨чем⟩ когда-либо, занята *им* и вот по какому случаю.

Приближаясь все больше и больше к самому окончательному пути, я решилась эту зиму привести все в порядок — не только дела, но и многочисленные корреспонденции. Из всех писем почти самые дорогие и без исключения самые интересные, разумеется, письма папа́. Перечитывать их было для меня и радостно и подчас жутко — я вся утонула в прошедшем более чем за 30 лет — и чего не пришлось перечувствовать! По прирожденному мне педантству, мне бы очень хотелось уложить эти письма в хронологическом порядке, но дело в том, что папа́, как вообще многие из русских, никогда не означал годов. Большую часть я могу à peu près* восстановить по памяти — но в другом путаюсь, и вот где вы все можете мне помочь. Ты расспрашивай и записывай, а папа́ и, *главное*, мама́ (на нее я больше надеюсь) будут тебе отвечать по возможности. Вопросов, впрочем, будет немного, а для моей работы это очень важно, да и вам, детям, будет после меня приятен такой порядок. —

Смотри, Татьяна Львовна, будь аккуратна и утешь старую Бабушку. Ставлю номера.

1. В каком году появилось «Детство» [1852]** — в каком «Война и мир» — в каком «Анна Каренина»?

2. В каком году умерла Пелагея Ильинична[3] [декабрь 1876] и в каком Татьяна Алек⟨сандровна⟩[4] [июнь 1875]?

3. Как была вам родня Т. А. Ергольская [очень дальняя по Горчаковым][5] и была ли она сестра гр⟨афини⟩ Толстой, belle-mère*** [была] Марии Николаевны[6] (это для разрешения одного спора)?

4. В каком году история о быке[7] и Самарский голод[8] [1873 год]?

5. В каком году первое путешествие папа́ в Оптину пустынь [1881 г. июнь] и приезд в Петер⟨бург⟩, когда он собирал сведения насчет декабристов [март 1878]?

---

* приблизительно (*фр.*).

** Слова, заключенные здесь и далее в квадратные скобки, вставлены С.А. Толстой (*Примеч. ред.*).

*** свекрови (*фр.*).

6. Когда мама́ приезжала сюда для свидания с Боткиным [1877] и, наконец, когда папа́ приезжал в Петер⟨бург⟩ в последний раз?[9]

Покамест вот и только — если вспомню еще что, опять напишу.

А теперь пора проститься. Видишь, как я расписалась совсем даже для себя неожиданно. Мне помогло к этому мое нездоровье. Сижу простуженная взаперти.

Обнимаю вас всех нежно и ожидаю тебя с нетерпением. Пожалуйста, не обмани опять. Дай Бог, чтобы папа́ и вы все были здоровы.

Любящая вас

Бабушка

⟨*На конверте:*⟩

Ее сиятельству
графине Татьяне Львовне
Толстой.
Тульской губернии
На станцию *Козлово-Засека*.

33. А.А. ТОЛСТАЯ – Т.Л. ТОЛСТОЙ

18 декабря 1890. Петербург

Милая Таничка, пользуюсь отъездом Маши Кузминской и прошу тебя передать моей Саше две книжки и бумажную куклу на праздник. Более полезного ничего не имею в настоящую минуту — потому что еще едва позволяют выехать на полчаса. Напиши мне с М⟨ашей⟩ К⟨узминской⟩, что было бы нужно для Саши — шапочку или кофточку, или платье, и пришли мерки, а то опять выйдет вздор.

Тебе же посылаю маленькую книжку[1] и думаю, что ты меня будешь благодарить за нее. Я к ней имею особенное пристрастие.

Обнимаю вас всех наскоро — но очень нежно.

Бабушка

Если мальчики не побрезгают моими картинками-закладками, буду очень рада.

18 д⟨екабря⟩. Третьего дня послала тебе длинное письмо[2].

34. Т.Л. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

29 декабря 1890. Ясная Поляна

Дорогая моя Бабушка.

Вы очень тронули и умилили меня своей памятью о нас и лаской, которую мы и не заслужили. Ваши подарки я отложила до вчерашнего дня и на елке их отдала. Маша и мальчики вас благодарят за карточки, а Саша желает сама вам написать. Не знаю уж, когда она соберется, ее вчерашние игрушки и книжки так заняли, что мне и не хочется ей напоминать о ее намерении. Я вам очень благодарна за книгу. Она была у папа́, и он ею так восхитился, что отдал ее переводить[1], и я не успела ее прочесть, так что вы не могли мне более желаемой книги подарить. Сегодня мне попалось на глаза очень хорошее место о любви, и я вспомнила чьи-то слова о том, что никогда не надо говорить ничего нового, а надо только уметь сказать старое. И вот то, что Drummond говорит о любви, так старо, но вместе с тем сказано так хорошо, что душа откликается на это и с новой силой начинает над этим работать.

Мне было очень стыдно, что я вам так долго не писала, когда услыхала, что вы хотели видеть Веру Кузминскую, чтобы иметь сведения о нас. Это никогда не происходит оттого, чтобы потерялась та нить, которая привязывает меня к вам, а чаще всего оттого, что всегда есть неотвеченные отцовские письма и хочется все для него кончить прежде, чем браться за свою личную переписку. Папа́ всегда велит вам передавать свою любовь, когда я пишу к вам, и всегда рад, когда я от вас получаю письма. Сейчас отвечу вам на все ваши вопросы.

1) «Детство» появилось — 1852; «Война и мир» — 1869; «Анна Каренина» писалась от 73—76, вышла в 76 г.

2) Пелагея Ильинична умерла в 1876 г. в декабре, Татьяна Александровна — в июне 1875.

3) Т. А. Ергольская была нам родня, но очень дальняя по Горчаковым и была сестрой гр. Толстой, belle-mère тети Маши Толстой.

4) Самарский голод был в 1873. О том, когда была история быка, папа́ не помнит, но если это вам может помочь, он помнит, что вы были с Императрицей в Ливадии.

5) Папа́ ездил в Оптину пустынь в первый раз в 1881 году в июне. В Петербург для материала к «Декабристам» он ездил в 1878 г. в марте, и папа́, и мама́ кажется, что это было в последний раз, что он был в Петербурге.

6) Мама была у Боткина в Петербурге в 1877 году.

Вот все, что я могла у папа́ и мама́ узнать. Пожалуйста, располагайте мной, если еще надо будет что-нибудь узнать. Спасибо за пересылку альбома Стеда. Мне было неприятно увидать себя и свое письмо в нем[2] и даже досадно на Стеда, что он без моего ведома сделал это.

Книгу Booth я не читала, папа́ ее пересмотрел, и ему она не понравилась. Я же сколько ни старалась вникнуть в салютистов, не находила в них ничего живого, правдивого и сильного. War Cry* у нас перестали даже распечатывать, а то, что я видела и слышала в их заседаниях в Париже, тоже не могло внушить доверия. Говорились речи, и право, такие пустые, что ничего от них не оставалось в душе. Только часто повторяемые настойчивые советы обратиться к Христу, т.е. к их обществу, и потом целая речь о том, как им нужны деньги для найма вот этой залы, для освещения, и обращение к публике с просьбой помощи в этом деле. Я даже не могла из этих заседаний понять их цели, стремлений и даже веры. Я непременно теперь после ваших слов прочту книгу Booth'a. Может быть, его подражатели слабы и только его компрометируют.

Саша уже проглотила книги, которые вы ей прислали, местами читала одна, местами помогала ей ее Lydia[3]. Она очень охотно и много читает, так что я надеюсь, что она будет образованная девушка.

Я свои планы стараюсь понемногу осуществлять насчет самообразования, но я ленива и много бывает дела помимо этого.

Вы спрашиваете, что прислать Саше, — хотя мне стыдно вам это писать и мама велела написать, чтобы вы ничего не присылали, — но раз вы спрашиваете, значит, вам хочется ей что-нибудь послать нужное, потому я и пишу вам, что ей нужнее всего комнатные башмаки, тем более, что в Туле нельзя достать ей порядочной обуви. Посылаю вам ее башмак, который ей немного мал, так что она его не может носить.

Пришли за моим письмом, так что я наскоро обнимаю вас самым почтительным образом и самым любящим и преданным.

Вся ваша

Таня

29-ое дек⟨абря⟩ 1890.

---

* Боевой лозунг (*англ.*).

1891

35. А.А. ТОЛСТАЯ – Т.Л. ТОЛСТОЙ

20 февраля 1891. Петербург

Милая Таничка, посылаю завтра по почте в Тулу Сашины башмаки. Если они ей впору, напиши мне, и я пришлю еще, и скажи, опять ли точно такие или другого цвета. Впрочем, если ты сдержишь свое слово и приедешь сюда в марте[1], то свидание уже близко и ты сама можешь мне дать ответ. Не поверишь, как я буду рада тебя увидеть — поговорить с тобою о многом и погулять с тобою по Эрмитажу, который рядом с моими комнатами. Это будет наслаждение и для тебя, и для меня. —

Я, кажется, тебя еще не благодарила за твои два последние письма[2]. Очень, очень мне бы хотелось познакомиться с Верочкой[3] — не привезешь ли ты ее с собой?

Я ужасно люблю молодежь и никогда не чувствую препятствий сойтися с нею, несмотря на различие лет — особливо когда нахожу то направление, об котором ты говоришь. Я уже заранее люблю Верочку и радуюсь, что Бог послал тебе такого друга. —

В ящике с башмаками ты найдешь обещанную новую брошюрку Drummond'a[4]. Прочитай ее со вниманием раза два или три и тогда многое в ней найдешь. Извини, что на ней остались мои заметки. Другого экземпляра у меня не было под рукой.

До свидания, надеюсь, *надеюсь*, душка Таничка.

Твоя Бабушка

20 фев⟨раля⟩.

Посылок на вашу станцию не принимают.

36. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

24 марта 1891. Петербург

Милая Sophie, спешу сообщить вам, что дамских аудиенций у Государя не бывает[1]. В этот промежуток времени я узнала от ваших, в чем именно дело, и нахожу, что очень хорошо, что ваше желание лично говорить с Государем не удалось. Он никогда не решает сам цензурных вопросов. — Мне кажется, всего лучше будет для вас написать к

министру внутренних дел[2], который и сделает представление вашей просьбы Государю. Это путь самый прямой и верный. —

Неужели никто из вас не приедет в Петер⟨бург⟩?[3] Очень этим огорчусь. —

На днях на передвижной выставке любовалась бюстом Льва и Машиным портретом[4]. То и другое очень хорошо и я даже приобрела гипсовый бюст faute de mieux*.

Обнимаю вас всех наскоро.

А.Т.

24-го
марта
1891.

⟨*На конверте*:⟩
Ее сиятельству
графине Софье Андреевне
Толстой.
Тульской губернии
На станцию Козлово-Засека
в Ясную Поляну.

37. А.А. ТОЛСТАЯ – Т.Л. ТОЛСТОЙ

31 мая 1891. Лубянки

31 мая 1891

Милая Таничка, проезжая несколько дней тому назад через Тулу, я à tout hasard** искала кого-нибудь из вас на дебаркадере[1] и очень сожалела, что случай не побаловал меня. Впрочем, надеюсь, что все-таки скоро увижу вас. Не знаю еще, сколько я останусь здесь — вероятно, недели три-четыре. В Орле мне сказали, что я должна буду выехать оттуда с курьерским поездом в девять часов утра. Можешь ли ты рассчитать à peu près***, когда я в этом случае доеду до станции Ясенки, об которой твоя мамá мне говорила, как ближайшей к вам, или мне вернее ехать просто до Тулы. Очень бы мне не хотелось явиться к вам ночью[2].

---

* за неимением лучшего (*фр.*).
** на всякий случай (*фр.*).
*** приблизительно (*фр.*).

Постарайся отвечать мне на это обстоятельно. Я сама такая глупая путешественница. Еще прошу тебя, мой друг, заказать мне к моему приезду самовар у того же мастера и такой же цены от 25 до 30 руб. Извини, что надоедаю тебе — но надеюсь, что твой труд может ограничиться перепиской. Мне здесь чрезвычайно хорошо — как будет и в Ясной Поляне, если исполнится мое желание, а покамест обнимаю вас крепко.

Любящая тебя Бабушка А. Толстая

Мой адрес: Орловской губернии город Дмитровск, село Лубянки.

⟨*На конверте:*⟩
Ее сиятельству
графине Татьяне Львовне
Толстой.
Тульской губернии
станция *Козлово-Засека.*
Ясная Поляна.

38. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

7 августа 1891. Царское Село

7-го августа
1891
Ц⟨арское⟩ Село
Лицей

Милая Sophie, посылаю завтра на почту книги[1], обещанные мною Льву, и поручаю их вашей аккуратности, когда он их прочтет, или прочтете. Я ими очень дорожу, не имея других экземпляров. В этот ящик я вложила второпях купленные кое-какие игрушки для маленьких детей. Разделите их между Сашей, Ваней и Митей.

Как я сожалела, что мне не удалось видеть Татьяну Андреевну и Машу. Очень апробую их решение насчет свадьбы[2], хотя и сожалею, что не буду присутствовать при ней — это мне, впрочем, не помешает от души пожелать им счастья. Еще жалею, что теряю случай увидеть вас и Таню, но кто знает? в продолжение зимы, может быть, и сама явлюсь в Москву на несколько дней, если буду вызвана генерал-губернатором[3].

Скажите, пожалуйста, дорогому Льву, что я его очень благодарю за его малую, но милую писульку[4]. Напишу ему, когда придется по внушению. Я ведь никогда не перестаю с ним беседовать мысленно. Но теперь мои мысли отчасти в разброде — сижу между больными. Софиньке хотя и лучше, но все-таки далеко неудовлетворительно, а приятельница ее,

живущая с ней вместе, и вовсе плоха. Жизнь не праздник, и без смирения и подчинения не обойдешься. Обнимаю вас всех нежно и часто гляжу назад на прекрасные яснополянские дни[5] с сердечной благодарностью.

Потрудитесь, душа моя, узнать что-нибудь о судьбе моего самовара. Есть ли надежда его получить?

Милым Кузминским мой душевный поклон. Какой важный момент наступил для них. Надеюсь, что вы все здоровы. Откликнитесь.

Ваша общая и любящая Бабушка

P.S. Прошу сумку для деловых бумаг носить на счастье.

39. А.А. ТОЛСТАЯ – Т.Л. ТОЛСТОЙ

22 ноября 1891. Петербург

22 нояб⟨ря⟩
1891

Милая Таничка, дней пять тому назад я послала тебе на станцию Клекотки каравай с начинкою детских теплых вещей[1] — но узнаю, что вы уже возвращаетесь в Москву[2], о чем жалею во всех отношениях. Мне так нравилась ваша теперешняя деятельность, и при общей страшной беде в ней было нечто отрадное и успокоительное. Слышу, что и Лева уже возвратился из Самары[3]. Спроси у него, пожалуйста, получил ли он двести рублей без всякого означения имени. Это от гр⟨афини⟩ Шуваловой и предназначено именно на Бузулук. Жаль, если эти деньги пропадут.

Спешу послать тебе накладную для получения вещей. Вероятно, ты поручишь это кому-нибудь, если уже сама не уехала.

Обнимаю вас всех наскоро. Скажи папа́, что обе его статьи об голоде мне очень понравились[4].

Говорят, что Маша останется у Раевских[5]. Пусть она мне напишет, практичны ли последние вещи. Мне это нужно знать, потому что собираюсь посылать почти то же в другие места. Господь да хранит вас и бедных мужичков.

Бабушка

⟨*На конверте:*⟩
Ее сиятельству
графине Татьяне Львовне
Толстой
Рязанской губернии Скопинского
уезда. Чернава. Почтовая станция.
Село Бегичевка Ив.Ив. Раевского.

40. Т.Л. ТОЛСТАЯ — А.А. ТОЛСТОЙ

15 декабря 1891. Бегичевка

Дорогая Бабушка.

Только сегодня получила посланный вами тюк с вещами. Разбирая его, я захлебывалась от удовольствия, думая, сколько людей я осчастливлю вашими трудами. Все это очень и очень пригодится, и разбирая шарфы, я думала, что, мож⟨ет⟩ быть, мужик, который сегодня при мне умирал с свечей в руке, оттого что работал с голой шеей, простудился, может быть, мужик этот остался бы жив, если бы ему было бы чем закутать шею. Все посланное очень практично и хорошо, но слишком великолепно, я боюсь, чтобы у них не было бы искушения продать то, что им дадут; хотя с другой стороны, приятно сделать им такое большое удовольствие и разогнать этим уныние, в котором почти все находятся.

Мы ездили в Москву к мама́ на 1 $^1/_2$ недели[1] и теперь опять тут до Нового года. Часть января пробудем с мама́, а потом, если Бог даст, опять вернемся сюда. Лева опять уехал в Самару[2]; о том, получил ли он 200 р., не знаю, когда буду писать ему, то спрошу.

Наша деятельность здесь была бы совсем радостная для меня, если бы, во-первых, не то неловкое чувство, которое я испытываю, оттого что столько судеб в моих руках и от меня зависят, и во-вторых, если бы не священники, которые тут очень враждебно смотрят на нас и восстановляют против нас народ, говоря, что папа́ антихрист и что даже опасно есть хлеб, который он дает. Священники писали отсюда донос, здесь было следствие, но ничего зловредного не найдено. Это удивительно, что деятельность, в которой все должны бы были быть заодно и которая основана на любви к людям, может вызвать недоброе, враждебное чувство.

Прощайте, многоуважаемая и милая бабушка. Крепко люблю вас и часто о вас думаю. Какое прекрасное и умное письмо вы написали папа́[3]. Читая его, мне казалось, что я все это думала и чувствовала прежде — но это только потому, что все, что вы пишете, верно и правдиво.

Целую вас крепко.

Таня

15 дек⟨абря⟩ 91.

41. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

23 декабря 1891. Москва

Москва. Долго-Хамовнический переулок, 15.

И я присоединяюсь к Саше, сердечно уважаемая и милая Бабушка, чтоб поздравить вас с праздниками и пожелать вам всего, всего хорошего и радостного. Давно я ничего о вас не знаю; знаю, что вы послали вещи для бедных — это было последнее известие и что вы ошиблись, направив их в Сызранский уезд, а надо было по Сызрано-Вяземской железной дороге ст⟨анция⟩ Клекотки. Не знаю, писала ли вам об этом Таня или сам Левочка.

Грустные праздники придется мне проводить! Со мной только четверо маленьких[1] с их ожиданиями веселья, елки и вообще праздничного настроения, которое нужно и так трудно удовлетворить, когда самой невесело. Но я утешаюсь мыслью, что мы празднуем Того, Кто сказал: «Кто напоит и накормит единого из малых сих...»[2] и т. д. А так как с Божьей помощью и добрых людей мы все теперь только этим и заняты, чтоб прокормить наибольшее число людей, то надо радоваться и себя забыть.

Сначала я очень беспокоилась и дотосковалась до болезни. Но когда Бог вразумил меня написать воззвание о пожертвованиях[3], я вдруг успокоилась. Самое радостное в пожертвованиях не количество денег (нам всем пожертвовали около 50-ти тысяч), а радостно то отношение к нашему делу, те трогательные письма сочувствия, которые я получала, да и все мы. Это даже незаслуженно. Теперь я вся поглощена тоже этим делом. То продаю пожертвованные вещи, то меняю на годное для народа, то принимаю, отсылаю вещи, езжу выпрашивать что-нибудь у купцов, веду переписку с разными лицами — и нахожу счастье, что хоть чем-нибудь служу общему делу. Но до какой степени мала помощь при громадных усилиях и жертвах! И как страшен и угрожающ все-таки голод!

Левочка приезжал ко мне на неделю с дочерьми после смерти Ив⟨ана⟩ Ив⟨ановича⟩ Раевского[4], так сильно поразившей всех нас. Теперь я жду его опять после праздников и постараюсь удержать долее. Там будет Илюша с женой[5], и я надеюсь, что найдутся помощники. Конечно, дела совсем оставить невозможно, но нужно же и отдохнуть. Грот был там[6] и говорит, что Левочка работает ужасно: весь день по делу столовых,

а ночь пишет[7]. — Я живу здесь очень уединенно, почти как в деревне, детей воспитываю и утешаюсь, что и это нужно — это те люди, которым принадлежит будущее, надо стараться их воспитать хорошими.

Если вам не очень трудно и если вы не очень заняты — напишите когда-нибудь и мне словечко для нравственной поддержки мне, слабой. Я очень часто чувствую себя именно слабой и очень одинокой, а редко кого я так глубоко бы любила и уважала, как вас.

Всей душой преданная вам

С. Толстая

23 декабря 1891.

1892

42. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

19 февраля 1892. Москва

Милый друг Sophie, не имея за последнее время ни одной свободной минуты, я просила Александра Михайловича сообщить вам все, что вам нужно было знать[1], а главное, чтобы успокоить вас, бедную. Да, порядочно я помучилась с вами и за вас. Это был какой-то кошмар, от которого я не могла отделаться до той поры, пока дело наконец стало несколько объясняться, и прежде получения вашего письма; я сделала с своей стороны все, что могла. Теперь мне говорят, что вы собираетесь сюда приехать[2], но этот слух уже проходил здесь не один раз, и я ему не совсем верю. Для себя я бы этого желала, понимая, что словесное объяснение всегда лучше письма, а я еще не совсем все понимала. Для вас же считаю этот приезд почти бесполезным. Впрочем, я об этом судить не могу, делайте, как знаете, но волноваться больше не нужно. Берегите свое здоровье, оно для всей семьи необходимо. Очень бы хотелось узнать, как Диллон толкует свой невероятный перевод, как он изъяснил его Льву?[3] Я читала его translation* в «Daily Telegraph» и ужаснулась.

Письмо мое было прервано появлением Елены Григорьевны. Вот какую мысль она выразила между прочим: «Отчего бы Льву Николаевичу

---

* перевод (*англ.*).

не написать возражение в английских газетах?[4] Я считаю это тем более нужным, — прибавила она, — что все недоброжелатели графа отвечают мне на это: он этого не сделает и не может сделать, потому что статья, появившаяся в "Daily Telegraph", совсем не та, что была напечатана в "Неделе"». В продолжение разговора я могла заметить, что мысль эта не собственно принадлежит Елене Григорьевне, а была ей внушена.

Если вы не приедете, отвечайте мне, что думаете об этом замечании. Обнимаю вас крепко и нежно, моя душа, и благодарю, что вы не усомнились во мне. Детей целую и всех вас люблю. Да хранит вас Господь в мире.

Бабушка

43. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

28 марта 1892. Петербург

Милая Sophie, сейчас получаю письмо, где у меня спрашивают, получили ли вы 1000 руб., посланные вам m-me Gutmanstal месяц тому назад в Ясную Поляну, и очень просят вас отвечать ей на следующий адрес: Autriche, Südbahn Steinbrück. Из Америки тоже иногда жалуются, что вы не всегда отвечаете на присланные лепты. Это прямое дело Танички, потому что люди естественно желают знать, дошло ли до вас их приношение. Обнимаю вас всех и надеюсь, что вы все здоровы. — На днях будет у вас Кони. Два раза слышала его речь про Доктора Гааза[1] и восхищалась ею. Сколько простоты и истинно христианского чувства! Прощайте. Жалею, что не могу сказать до свидания.

Бабушка

28 м⟨арта⟩ 1892.

44. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

7 июля 1892. Ясная Поляна

7 июля 1892 г.

Давно нет от вас никаких вестей, дорогая и сердечно уважаемая Бабушка, и очень хотелось бы знать, где и как вы проводите лето, вероятно в Царском, а главное, здоровы ли вы и сестра ваша, с которой вы теперь, вероятно, вместе. Передайте ей от Левочки и от меня наше сердечное

приветствие. Мы здесь часто вспоминаем прошлый год, как приятно и радостно жилось с вами![1] И сколько с тех пор серьезного и тяжелого пережилось; а когда попадешь в прежнюю обстановку, то кажется, что все прошлогоднее было так недавно. Но на этот год и лето принесло мало веселого и утешительного. В тех местах, где жил Левочка и его дочери, — опять голод; так что до сих пор все столовые действуют во всей силе, приходится усиленно кормить несчастных; и на те благотворительные деньги, которые у нас остались, мы счастливы будем оказать помощь, хотя и не в тех размерах, как в прошлом году.

Но я не хотела бы пустить опять от себя Левочку и дочерей. И он, и Таня до того расстроили свое здоровье, что не скоро его восстановят. Работало страшно и тело, подвергаясь всяким лишениям, простуде и труду; но усиленно работала и душа, глядя на всякие страдания, болезни и нравственные невзгоды голодающего народа. Во всяком случае, денег осталось настолько мало, что по прошлогоднему и не придется трудиться.

Вся моя семья соберется завтра в Ясной на один день. Левочка отдает все свое состояние детям и мне, и подпишет с душевной болью (он хотел бы это сделать без подписи) — завтра раздельный акт[2]. После этого он едет послезавтра опять в Рязанскую губ. окончить свои дела, все уяснить и на время хотя закрыть свои столовые[3]. В некоторых местах все-таки урожай настолько хорош, что можно и впредь оставить людей без помощи, а в некоторых во всяком случае до октября.

Извините, дорогая Бабушка, что так долго не благодарила за чудесные платьица. В беленьком с лиловыми бантиками Саша так мила, что все ей любовались. Другое еще не надевали. Удивительно, как впору вы угадали ей сшить! Таня и Маша вас нежно целуют и очень любят, как и вся семья наша. Не пишем мы потому, что так как-то тяжело живется этот год; все тучи над головой, и все что-то за душу тянет. — Но это дурно, что я жалуюсь; я все-таки всегда благодарю в душе Бога за все те блага, которые Он мне послал. Да и этот год — *что* бы могло быть! А все кончилось хорошо, все опять вместе.

Если не отняли от нас дорогой любви вашей, напишите о себе словечко и не забывайте горячо любящей и уважающей вас

С. Толстой

45. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

8 ноября 1892. Петербург

Сердечно благодарю вас, милый друг Sophie, за прелестную семейную группу[1], которой я наслаждаюсь, точно мне опять удалось заглянуть в Ясную Поляну. Все вы похожи, хотя не все вполне удачны, особенно вы. Благодарю также за присылку статьи-отчета нашего Льва[2]. Разумеется, она и прежде не ускользнула от моего внимания, и я ее перечитывала несколько раз. Она глубоко хватает за сердце и действует на всех не только своим содержанием, но и чудным изложением. От нее запахло старинным, артистическим Львом. Давно я не видала такого общего, задушевного впечатления, и все отзывались об коротенькой статейке каким-то мягким, растроганным голосом. — Богач наш Лев — но скуп на свои дары для нас, простых, незамысловатых смертных.

С маленьким Львом мне было очень радостно повидаться[3]. Он все такой же симпатичный, и я только жалею, что не часто придется с ним встречаться. А что Таня? Неужели опять мы будем вотще ожидать ее? —

Обнимаю вас всех нежно, и если вы проведете зиму в Москве — кто знает? Может быть, и мне удастся заглянуть к вам, хотя для этого нужно много различных обстоятельств.

Да хранит вас Господь.

Старая Бабушка

8-го ноября
1892.

46. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

16 ноября 1892. Москва

Москва
16 ноября 1892

Ваше письмо, дорогая и многоуважаемая Бабушка, прислали мне сегодня из Ясной Поляны[1], где в настоящее время остались только Левочка и Таня. Маша уехала в Рязанскую губ., где они все жили прошлый год, и где, на границе Тульской, местами, опять большой голод. У нас остались с прошлого года благотворительные деньги, преимущественно присланные американцами весной, и мы продолжаем столовые, хотя далеко не в тех размерах, как в прошлом году. Я же уже месяц, как живу

в Москве с четырьмя меньшими детьми. Андрюша и Миша учатся в классической гимназии, учатся играть на скрипке, у Саши тоже учительницы. Воспитывать детей в деревне я уже не чувствую себя в силах. С старшими детьми мы это проделали, но тогда мы были молоды, а главное, мы были вместе.

В настоящее время Саша больна, и я очень боюсь, что окажется скарлатина. Она заболела вчера.

Неужели возможно, милая, дорогая Бабушка, что вы приедете в Москву? Какая нам была бы всем большая радость! Вы не можете себе представить, как вы всегда живы и памятны мне в моей жизни. Я не пишу вам потому, что всегда боюсь надоедать вам моими интересами. Но при малейшем событии, при всем том, что касается человека, которого мы обе любим, т.е. Левочки, мне всегда хочется сообщиться с вами, хочется вашего сочувствия, совета, вашей любви. Благодарю вас от всей души за доброе отношение к маленькому Льву. В этом мальчике есть тоже сила духовная, более, чем в других моих сыновьях. Куда только Бог поможет ему ее направить. Очень он спутан отцом, как самый впечатлительный.

Левочку с его преданными ему двумя дочерями я жду в Москву в самом конце этого или начале следующего месяца[2]. Он пишет мне, что не может никак подняться с того места, где сидит[3], что чувствует себя очень старым и наслаждается спокойствием. Что его особенно мучает в Москве — это посетители. И этого он страшно боится. К большой моей радости я замечаю, что многие из его приверженцев совершенно отошли от него; большинство спохватились, что они на ложном пути, и многие или ударились в мистицизм, или ищут более разумного исхода, чем бродяжничество и безделие. Да и сам Левочка во многом переменился. Я вижу, что даже та статья, которую он начал и над которой бьется уже так давно — уже не удовлетворяет его, он хочет и не может ее окончить — он ушел от нее духовными шагами[4]. Да, жаль ужасно, что он заглушил в себе своего художественного гения. Какие проповеди, какие отрицания могут сделать то, что сделали несколько глубоко прочувствованных художественных штрихов в его отчете![5] Мне очень хотелось, чтоб кто-нибудь дал эту статью Государю; я послала ее Воронцову, который мне разрешил плату за «Плоды просвещения»[6]. Я просила у него эти деньги (гонорар автору) для голодающих и хотела, чтоб Воронцов знал, куда употреблены эти деньги.

Однако я утомила вас и потому прощаюсь. Передайте мой сердечный привет вашей сестре; как-то ее здоровье? Письмо ваше прочла я и детям, и все сказали: «Какая добрая Бабушка!» И все мы вас глубоко, нежно любим.

С. Толстая

1893

47. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

10 декабря 1893. Москва

10 декабря 1893
Хамовники, 15

Многоуважаемая и дорогая Бабушка.

Сегодня с утра упорно думаю о вас и с такой глубокой нежностью, что не могу не написать вам. Мне, главное, страшно грустно, что ничего не знаю о вас последнее время. Последние известия были очень огорчительные: я слышала, что здоровье Софии Андреевны было очень плохо, что она страдала и что вы все время были при ней. Теперь же не у кого спросить, и я решилась написать вам, прося хоть в самых коротких словах уведомить нас о состоянии здоровья Софьи Андреевны и о себе.

Никакое горе не может сравниться с тем, чтоб видеть любимое, близкое сердцу существо страдающим и не быть в состоянии помочь ему. Если не в такой степени, как вы, то все же и мы настрадались последнее время, глядя на сына Леву, который все больше и больше худел и страдал болезнью, которую доктора называют *неврастенией*, и теперь мы с болью сердца проводили его в Cannes с молодым доктором[1].

Левочка, муж, теперь в Москве, и все мои дети, кроме старших сыновей, со мной. Это для меня большое счастье, что семья вместе после двухлетней почти разлуки по случаю помощи голодающим. Одно часто грустно, это то, что хотя мы все очень любим друг друга, но невольно чувствуется умалчиваемый постоянно внутренний разлад с некоторыми членами семьи, — идеалы и верования разные.

Но из уважения друг к другу действительно многое теперь умалчивается, и так лучше для всех.

Пишу вам в Крым, а не знаю наверное, где вы. Кто с вами из друзей? Есть ли кто-нибудь, кто в минуты самые тяжелые, когда от душевной усталости чувствуешь себя слабой, мог бы хоть немножко утешить вас своим участием и помощью? Все это я передумала эти дни, и так я была бы вам глубоко благодарна, если б вы мне хотя несколькими словами сообщили о себе. И как сама милая Софья Андреевна выносит свои страдания? Насколько Бог ей дал сил? — Буду с нетерпением ждать от вас ответа, и не могу, не зная, что у вас, продолжать письмо свое о личных своих мелких интересах. В общем жизнь идет по-прежнему, и я благодарю за то Бога. Маленькие подрастают и воспитываются, Таня занята живописью, Маша ходит на ученые лекции и помогает отцу. Отец же, увы! продолжает свое поучение в разных статьях[2], которым редко могу сочувствовать! От всех моих сейчас слышу просьбы передать вам самые почтительные и нежные приветствия.

Сердцем преданная и уважающая вас

Софья Толстая

1896

48. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

23 июля 1896. Царское Село

23 июля 1896 г.
Царское Село

Милые мои племянник, племянница, внуки, внучки и правнучки, мне кажется, что вы все сговорились забыть престарелую Бабушку и даже стереть с лица земли память об ней. Но она на это отнюдь не согласна и задумала еще раз (может быть, в последний) растолкать и разбудить кого-нибудь из вас. —

Полагаю, милая Sophie, что вы всех более способны проснуться и откликнуться на мой призыв.

Пожалуйста, напишите и опишите как можно подробнее, что у вас делается — как живется и проч. и пр.

Из газет узнала, что Лева сочетался браком с молодой шведкой[1]. И так путем болезни он нашел себе счастье. Это мне очень нравится. Дай Бог ему и всем вам всего хорошего.

Про себя приходится говорить очень немного. Это лето я провожу в Царском Селе в полнейшей тишине и живу жизнью старых деревенских часов. Подмажут их — они пойдут — не подмажут — станут в тупик et ainsi de suite*, как все клонящееся к концу.

Но сердце еще живо и в нем вы тоже все живы.

Что большой Лев и маленькая Саша? Обнимаю и старых и малых.

А. Тол⟨стая⟩

⟨*На конверте*:⟩

Ее сиятельству
графине Софье Андреевне
Толстой.
Тульской губернии
станция Козлово-Засека.
Имение Ясная Поляна.

49. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

29 июля 1896. Ясная Поляна

29 июля
1896 г.

Ясная Поляна

Дорогая и многоуважаемая Бабушка Александра Андреевна, ваш упрек, что мы вас забыли, право, совсем не справедлив. Говорю, конечно, за себя и за Сашу, с которой мы часто беседуем и жалеем, что не имеем возможности видать иногда дорогую крестную мать. Какая бы нам обеим это была и радость, и польза! Но когда не видишься долго, а жизнь своими осложнениями захватывает со всех сторон, то трудно вводить в свои интересы и подробности, и мелочи (а из них, к сожаленью, состоит жизнь) даже самых милых, близких сердцу людей. А у нас жизнь вся тревожная, нервная, и очень разнообразная.

Самая наша глава — Левочка, пишет в настоящее время опять религиозно-философское сочинение[1]. Так как я его ему часто переписываю для поправок, то и слежу за этой работой, в которой он смело взялся отвечать и разрешать такие трудные вопросы, которых бы хватило на всех мудрецов мира. Местами — удивительно хорошо: например, глава «О молитве» высоко и прекрасно написана. Но боюсь, что он ее испортит, как многое уже он испортил в этом сочинении: он очень стал под-

* и так далее (*фр.*).

вержен настроению, и это отражается на его произведениях. Но не могу скрыть, что местами я страдаю, переписывая и чувствуя, что во многом я *никогда* не сойдусь с ним; а это больно — чувствовать разлад в самом святом, что есть для человека, и после 34 лет жизни вместе с ним, да еще такой хорошей, дружной жизни, какова была наша. — Здоровье его довольно хорошо, хотя он постарел и согнулся в последнее время, и слабее стал. Верхом много ездит и пешком ходит, но уже не работает.

Саша растет слишком: она большая, полная, наивная девочка. Лучшая ее черта — это необыкновенная самоотверженность, полное отсутствие эгоизма и крайняя чистота душевная. Худшая — упрямство и вследствие этого — недоброе отношение к гувернантке, няне или тем, с кем она имеет дело. И она знает свой недостаток, раскаивается, плачет и уверяет, что непременно исправится. Учится она порядочно, но не особенно даровита, близорука и неловка, но цветуща.

Лева женился на дочери того доктора, Вестерлунда, в лечебнице которого он жил. Таня была на свадьбе и очень хвалит эту милую, живую, любящую 17-тилетнюю Дору, жену Левы[2]. Он очень счастлив и поправился. Осенью мы их ждем с нетерпением к нам. Слава Богу, что Лева ожил: он очень хороший, умный и сердечный малый, и я от него еще жду в жизни чего-нибудь.

В начале августа я собираюсь уехать из нашей сложной жизни на несколько дней в монастырь, к моей золовке, Машеньке, недалеко от Оптиной Пустыни, где она живет[3]. Хочу строго говеть там и разобраться с своей душой и совестью. Иногда это необходимо, а дома, и вообще в жизни, так много искушения, заботы и суеты, что совсем нет возможности даже в себя заглянуть. Боюсь, что что-нибудь мне помешает. Левочка хочет меня проводить[4], но я надеюсь, что ничего не скажет мне такого относительно моего намерения строго говеть, — что сделало бы мне больно. Ну, да всякий по-своему идет: его путь тоже хороший; сколько он добра делает и как ласково относится ко всему миру! Пост же он на себя наложил очень строгий: все ему готовят на постном даже масле. Он теперь не ест ничего, кроме овощей: ни мяса, ни рыбы, ни яиц, ни молока. Девочки мои: Таня и Маша тоже постятся, но молоко едят. Таня теперь поехала гостить к Олсуфьевым[5], а Маша только что вернулась от братьев, где провела несколько дней. Она говорит, что жаль было от них уезжать. И Сережа с Маней, и Илюша с Соней так счастливы и радостны, что сердце на них все время радовалось. У Илюши уже трое детей и ждут четвертого[6]. Живут они в 5 верстах друг от друга, оба брата, каждый в своем имении[7].

Благодарю вас, многоуважаемая и милая моему сердцу Бабушка, что вспомнили нас и доверчиво отнеслись к моим чувствам к вам. Мне трудно вам писать только потому, что слишком хотелось бы вас увидать, а письмо меня не удовлетворяет, и сердце тревожно просится к вам. Может быть, зимой сбегаю с Сашей к вам, в Петербург[8], а пока терпеливо буду этого ждать. Саша целует ваши ручки, я ей внушила к вам особенную нежность и уважение, которое и сама чувствую. Ваша

С. Толстая

50. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

23 декабря 1896. Москва

23 декабря
1896 г.

Дорогая и многоуважаемая Бабушка Александра Андреевна.

При наступлении праздников мне очень захотелось написать вам и поздравить вас с Рождеством Христовым и наступающим Новым годом. Я слышала, что вы были опять нездоровы, а мы все так горячо желаем вам и здоровья, и многих лет той прекрасной жизни, которой вы так умеете жить! С большой радостью думаю я о том, что, может быть, увижу вас в феврале. Мне нужно быть в Петербурге по делам моим[1], и тогда я буду иметь счастье, столь редкое, видеть вас, беседовать с вами и слышать те сердечные и разумные речи, которые я потом долго помню.

Вы всегда так добры, что интересуетесь всеми нами, и потому я напишу вам о всех нас. Левочка, мой муж, к сожаленью, очень постарел. Он немного сгорбился, поседел и очень похудел. Душой он не спокоен, и это хуже всего. У него нет той ясности, доброты ко всем и спокойствия, которые составляют прелесть старости и о которых мы должны молить Бога. В писательской деятельности его тоже много суеты. То его заставят писать об одном вопросе дня, то о другом. Ему всегда больше всего хочется заниматься художественной работой, и он начал две повести[2], но ни одну не кончил. Еще пишет он об искусстве и его назначении[3]; но этот вопрос он поднимал много раз и ничего еще не мог решить и написать. Ему хочется все отрицать, а одним отрицанием не проживешь. В деле же искусства отрицание невозможно; он сам всю жизнь жил искусством и любил его. Здоровье его не совсем хорошо, но и не дурно.

Девочки живут его жизнью и ему помогают. Таня очень бодра и участлива; она и мне большой друг.

Больной мой Лева, слава Богу, выздоровел и женат очень счастливо на дочери доктора Вестерлунда, на 17-летней любящей и кроткой шведке. Живут они в Ясной Поляне, где отделали заново флигель. У Ильи родился 4-й ребенок, маленький Илья Ильич[4], и Илюшина семья самая настоящая, дружная и нормальная. Сережина семейная жизнь менее счастлива, и детей у него пока нет.

Саша очень выросла вдруг; она много очень учится, но очень ребячлива, любит маленьких детей, щенят, котят, сидит теперь вышивает разные подарочки, раскрашивает тарелочки и вазочки для всех к праздникам. Она хотела вам писать, но отложила до Нового года, потому что не кончила свои работы мне и сестрам. Еще наши два сына: один военный, другой в Лицее[5], еще не определившиеся люди.

О себе не могу сказать, чтоб я была очень счастлива. Столько сложного, ненужного и мне несочувственного происходит вокруг меня, что я часто унываю. Та привычная мне жизнь с маленькими детьми, с воспитанием и заботами о них — для меня кончилась, а в душе осталось неутешное горе об умершем Ваничке. И теперь у меня часто такое ощущение, что он унес с собой мою душу, а я осталась на земле какая-то растерянная и никому не нужная. Чтоб не тосковать — я занимаюсь много музыкой и знаю, что это и несвоевременно, и не умно, но не могу оторваться от этого занятия, которое меня отвлекает и от тоскливых мыслей, и от беспокойств вследствие многого, что делается и говорится вокруг меня, чему я не могу ни сочувствовать, ни радоваться.

Простите мне, что пишу о себе; так мне всегда хочется к вам и к вашему сердцу. Если вы, как я надеюсь, теперь здоровы, напишите мне, пожалуйста, и приласкайте своей нежной рукой хоть издали сердечно любящую и горячо уважающую вас

С. Толстую

Помните ли вы наш адрес?
Хамовнический переулок, 21.

1897

51. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

7 января 1897. Петербург

7-го янв⟨аря⟩ 1897

В третий раз берусь за перо, чтобы отвечать вам, милая Sophie, и все мне заграждают дорогу то люди, то нездоровье, то усталость, а ваше письмо, душа моя, было наверное вызвано моим сильным желанием узнать, что делается у вас. Сердечно благодарю за интересные подробности, но не могу ими удовлетвориться и жду вас с радостью и нетерпением. При свидании мы вдоволь потолкуем. Мне представляется, что теперь я могу сказать вам много утешительного, такого, что не сказала бы несколько лет тому назад или бы сказала не с таким полным убеждением. Когда-то я воображала, что старость, например, ни что иное, как скучное, тяжелое и даже мрачное безмолвие, а вышло совсем иначе — и по мере того как жизнь сокращается, на нее нисходит удивительный свет, который преобразует не только нас самих, но отнимает всю горечь наших утрат и страданий. Точно новые цветы вырастают на нашем пути, и часто, очень часто мне вспоминаются слова, кажется, François de Sales[1], давно мною читанные: «Un jour nous chanterons des cantiques de joie et de reconnaissance pour les êvênements qui nous ont fait pleurer ici-bas»*.

Придет время, когда и вы, моя душечка, будете благодарить Господа за то, что Он взял у вас Ваничку так рано. Нет, дорогой Ваничка не унес вашу душу, как вы это думаете, но скорбь по нем каждый день будет утверждать ее в добре и подымать ее выше.

Что делать — человек уж так сотворен, что ему необходимо пройти через огонь испытания. Я не только понимаю ваши сердечные раны, но переживаю их с вами. И однако до последнего издыхания буду повторять вам: *не унывайте*. Вдумывайтесь чаще в блаженство беспорочного Ванички и старайтесь наслаждаться им. Чем наша скорбь бескорыстнее, тем ее легче переносить.

Как я рада, что Саша еще не вышла из детства. Поцелуйте ее за меня, также и сестер ее и Льва. Я очень дорожу нашим с ним прошед-

---

* «Придет день, когда мы воспоем гимны радости и благодарности за события, бывшие причиной наших слез на этой земле» (*фр.*).

шим. Оно было так просто и сердечно, что я даже поставила ему монумент в своем сердце. Но общий наш враг, в существование которого Лев не верит, а я признаю вполне, — нашел, вероятно, que de pareilles relations sont trop bonnes pour la terre*. Ему не удалось нас поссорить, но зато он придумал какую-то путаницу в роде Вавилонского столпотворения, чтобы нас по возможности разъединить. Вот мы и перестали понимать друг друга.

Но и это дело поправимое, и я живу в этой надежде.

Прощайте, милая, дорогая Sophie, обнимаю вас крепко.

Смотрите не обманите меня и приезжайте непременно. Я с осени все хвораю. Теперь мне лучше, но вообще мое здоровье преисполнено различных фантазий. Впрочем, это меня не удивляет и не огорчает. «Il faut connaître l'honneur»**, — как говорила покойница Воейкова, которую Лев верно помнит.

Еще раз: до свидания.

Ваша старая

Бабушка

⟨*На конверте*:⟩

Ее сиятельству
графине Софье Андреевне
Толстой.
В Москву.
В Хамовнический переулок,
собственный дом.

---

* что подобные отношения слишком хороши для этого мира (*фр.*).

** «Пора и честь знать» (*фр.*).

1898

52. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

30 сентября 1898. Ясная Поляна

30 сентября
1898 г.
Ясная Поляна

Многоуважаемая и дорогая Александра Андреевна.

Мне очень совестно стало, когда, вернувшись из Москвы, куда я ездила навестить сына, я нашла ваше письмо с заслуженными упреками[1] о том, что мы вам не пишем. Но если бы быть вполне уверенной, что интересы нашей будничной жизни могут хоть сколько-нибудь иметь в ваших глазах значение, — то мне не только не трудно, но прямо большое удовольствие писать вам. Сегодня мы с Сашей решили, что нарочно съездим в Петербург, чтоб повидаться с вами. Культ к крестной матери своей в ней воспитался вместе с нею, и ей ужасно хочется видеть эту любимую ею крестную, имя которой ей было дано в ее честь.

Вы пишете, что у нас не в обычае отвечать на телеграммы. Но мы их получаем в таком огромном количестве, что это прямо невозможно. Но дело не в том. *Ваша* телеграмма — не все[2], и Левочка ей особенно обрадовался и поступил очень дурно, что не отозвался на нее.

День его рожденья мы провели очень семейно, и совсем не официально. Собрались *все* дети с супругами и детьми, приехали некоторые друзья; чужих было немного, и из них некоторые очень приятные люди, как Ухтомский[3], Волхонский[4] и т.д.

Обедало нас человек сорок; ни речей, ни шампанского, ничего не было. Было много интересных разговоров, ходили гулять после обеда, вечером было немного пенья и музыки. Все были веселы, добродушны, дружны и умилены. Ни блеска, ни шума, ни оваций — ничего не было. 70-тилетний старец был в атмосфере любви и добрых пожеланий, чему мы все были очень рады.

А в Петербурге, в правительственных сферах, чего-то испугались. Редакторам всех газет разослали циркуляры, чтоб *не смели* ничего печатать по поводу *юбилея литературной деятельности* Льва Толстого. Они там в министерстве не знали даже, что 50-тилетие *литературной деятельности* будет только в 1902-ом году, 6-го сентября, т.е. день, когда впервые было напечатано «Детство» в «Современнике», а что

28-го августа 1898 года Льву Толстому минуло 70 лет, и что этого особенно пугаться нечего и пугать людей, что если будут праздновать, то случится какая-то большая беда для кого-то. Все это меня очень огорчало и даже оскорбляло.

В семье нашей все обстоит очень счастливо, благодарю Бога. Сережа помирился с женой; у них прекрасный годовой мальчик, тоже Сережа; Лева необыкновенно счастлив с своей милой шведочкой, и у них тоже сын, 4-х месяцев, и тоже Лев. Илья с 4-мя детьми и в ожидании 5-го[5]. Маша, моя дочь, с мужем, Оболенским, гостит у нас; они купили у Марьи Николаевны ее усадьбу[6] и часть земли и будут жить в деревне. Меньшие мальчики в Москве, Миша еще учится в Лицее, а Андрюша остался недоучкой и еще не знает, что будет делать. Таня все живет с нами, нам на радость, и вообще перемен в семье нет.

С нами гостила очень долго сестра Марья Николаевна[7], монахиня, такая она стала тихая и хорошая. Вчера мы ее с грустью проводили обратно в ее монастырь.

Лето прошло у нас очень плохо: мы все перехворали очень сильно и только недавно стали поправляться.

Левочка очень занят литературной работой: он написал 3 повести и теперь отделывает одну из них, хочет печатать одновременно по всей Европе и выручить как можно больше денег, чтоб помочь переселяющимся духоборам[8]. Мне очень жаль всякого страдающего человека, жаль и стариков, и детей этих безумных духоборов, которые бегут из России, потому что не хотят исполнять своего долга, но я не нахожу в душе своей места сочувствовать этой помощи. Мне было бы радостно помочь просто своим голодающим, смиренным мужикам, чем этим гордым вольнодумцам. Огорчает меня и эта эксплуатация своего романа, после того как Левочка отказался от своих авторских прав и кричал на весь мир о том, что деньги зло и не нужны. Вообще в 70 лет должны быть установившиеся взгляды и нельзя идти на компромиссы.

Так вот, милая, многоуважаемая Бабушка, длинное письмо, которое вас, вероятно, и утомило. Теперь я уверилась, что вам интересна наша жизнь, и я буду вам писать, совсем не думая, что это будет *недолго*, как вы выразились, а напротив, с надеждой, что еще долго, долго будет жить та милая Бабушка, о которой когда вспомнишь, всегда вспоминаешь с благоговейной любовью.

Сердечно преданная и уважающая вас

Софья Толстая

53. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

27 ноября 1898. Москва

27 ноября
1898 г.

Москва

Многоуважаемая и дорогая Александра Андреевна, сегодня получила ваше письмо в Москве, так как я в Ясной Поляне теперь бываю только в гостях и принуждена жить в городе для окончательного образования моих двух меньших: Миши и Саши. Левочка, Таня и Маша с мужем живут еще в Ясной, потому что работа Льва Николаевича идет очень успешно[1], и ему нужны — тишина, уединение и досуг. Мы оба скучаем в разлуке, я была уже три раза в Ясной и еду опять. Намеревался Левочка приехать 1-го декабря в Москву и потом в Петербург[2]; ему зачем-то нужно для его романа. Но исполнит ли он свое намерение — этого никто никогда не знает; да и сам он никогда не может сказать, что он будет делать завтра.

Мы с Сашей непременно приедем в Петербург[3], но я еще не решила когда именно; мне не хочется в настоящее время еще прерывать ее занятий, и нельзя оставить Мишу, который в нетвердом настроении и нуждается в моей поддержке.

Андрюша действительно женится[4], и теперь, вероятно, уже побывал у вас. Ольга Дитрихс, кажется, хорошая девушка, и, может быть, в лице ее Андрюша найдет ту руководительницу его слабого характера, которая поможет ему идти по лучшей дороге жизни, чем он шел раньше. При всякой свадьбе моих детей я не выражаю ни особенной радости, ни особенной скорби. Будущее никому не известно, а дело это не наше, а Божье.

Сережа мой бедный несчастлив в браке[5], и теперь, с горя, уехал в Канаду сопровождать переселяющихся духоборов с разрешения Кавказского начальства[6]. Главное, знание английского языка нужно было для помощи переселенцам.

Очень всегда радуюсь увидать ваш почерк и узнать что-нибудь о вас, хотя на этот раз вы ничего, к сожалению, о себе не написали.

Все это время переписывала дневники Льва Николаевича[7], в которых так много встречаю ваше имя и вижу такое хорошее отношение к вам Льва Ник⟨олаевича⟩ и ваше к нему. Всей душой преданная вам

С. Толстая

1899

54. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

5 марта 1899. Петербург

5 марта
1899

Милый друг Sophie, опять я так долго ничего не знаю про вас. Всю зиму я вас поджидала, мне даже говорили, что, может быть, и сам Лев прибудет в ненавистный ему Петербург, но все это, вероятно, басни.

Напишите словечко и, если можно (то есть если существует у вас нечто подобное), пришлите мне рукопись последней повести Льва. Ее уж начинают читать здесь, но говорят, что цензура ее искалечит, а мне бы хотелось иметь ее в ее первобытной и вероятной красоте.

Скажите Льву, что на днях приводя в порядок все свои бумаги *перед отъездом*, я наткнулась на одно из его писем[1], где он меня упрекает (серьезно), «*что я его ненавижу, и жалеет, что я могу питать в себе такое чувство*». Не помню, какое впечатление произвело на меня это письмо в то время, но теперь я от души смеялась, прочитав его.

Видно, что я ему тогда уж чересчур чем-нибудь надоела, вероятно, желанием обратить его к своим мыслям. Сознаюсь, что я была часто назойлива и скучна, но сколько было любви именно в этой самой назойливости.

Я провела довольно дурно нашу дурную зиму, беспрестанно хворала. Старость надвигается на меня быстро и бесцеремонно. «Довольно, говорит, шалить и пользоваться так долго богатырскими силами!» Ну что же? Она права, и я не сержусь на нее, а покамест я еще жива, буду продолжать любить вас всех и обнимаю вас всех.

Столетняя Бабушка

⟨*На конверте*:⟩

Ее сиятельству
графине Софье Андреевне
Толстой.
В Москву.
Долго-Хамовнический
переулок. Дом графа Толстого.

55. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

8 марта 1899. Москва

8 марта
1899 г.

Многоуважаемая и дорогая Александра Андреевна.

Очень виновата, что так долго не писала вам. Хотя и говорят: no news, good news*. Но у меня наоборот: если жизнь идет не весело, не благополучно, я притаюсь и никому не пишу. А зима у нас прошла довольно грустно. Праздники и Новый год мы провели всей семьей в Ясной Поляне, жили там три недели. Но весело не было, потому что моя дочь Маша все хворала, и наконец накануне Нового года родила преждевременно, очень нас напугала, но потом поправилась. В начале же февраля я получила телеграмму из Киева, что сестра моя, Таня Кузминская, умирает. Вместо того чтоб ехать, как я предполагала, с Сашей в Петербург, я поспешно уехала в Киев, где долго ухаживала за больной сестрой. У ней было крупозное, ползучее воспаление обоих легких; она была при смерти, муж и дети в полном отчаянии. Тяжелое было время, но Бог помог ее выходить, теперь она поправляется. Но в то же время умерла ее внучка, 6-ти летняя Таня Эрдели, и сестра еще не знает. Вернувшись в Москву, я сама заболела через 5 дней сильнейшей инфлуэнцей с воспалением верхушки левого легкого. Пролежала 9 дней и теперь так еще слаба, что пишу с трудом.

Вот почему, милая Бабушка, мы до сих пор не могли доставить себе удовольствие побывать у вас. Теперь лежит 4-й день Саша, тоже инфлуэнца; но мы с ней не перестаем делать планы и сегодня решили ехать в Петербург 24-го и день Благовещения провести у дорогой крестной матери Саши[1]. Но как Бог велит!

Левочка здоров, страшно занят своим «Воскресением». Он дал рукопись Мише Стаховичу для прочтения Евгении Максимилиановне, Стахович так выпрашивал, так приставал, что Левочка наконец согласился. Если б вам было интересно слушать этот роман без пропусков, то, я думаю, Евгения Максимилиановна рада бы была вашему присутствию при чтении. У меня же экземпляра рукописи нет, а то я с радостью привезла бы вам. Ведь рукопись очень большая, ее не скоро перепишешь. И Левочка все ее еще поправлял и изменял.

---

* отсутствие новостей — лучшая новость (*англ.*).

Сам он в Петербург теперь не поедет, а действительно он собирался для своих каких-то целей. Как жаль, что вы хворали и жалуетесь на старость. Вы никогда не были и не будете стары, у вас вечно молодая, живая душа, которую все мы так горячо любим и ценим. Молю Бога, чтоб Он помог мне повидать вас вскоре. Саша целует ваши руки. Левочка вас горячо, по-старому любит. Сердечно преданная вам

С. Толстая

56. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

9 мая 1899. Петербург

9 мая
1899

Милая, дорогая Sophie, не могу сказать, какая радость была для меня увидеть опять ваш почерк, и так мне хотелось сейчас же вам отвечать, но судьба решила иначе. Я занемогла в самый этот день и только теперь начинаю входить в себя. Вы знаете, как скучно и тяжело быть больной, но мне это гораздо приличнее, чем вам, душенька моя, и в мои года смотрят на болезнь благодушно, как на вещь неизбежную. Надеюсь, что вы продолжаете поправляться *серьезно* и не берете на свои плеча *всю* связку дров. Теперь у вас есть еще одна помощница, которая мне очень понравилась. Скажите мне с вашей обыкновенной искренностью, пришлась ли и вам по душе молодая жена Андрюши? По письмам ее вижу, как она вас всех полюбила. И за это я люблю ее. Пусть она мне еще раз напишет про вас и про других больных. От Захарьина я узнала, что у вас в доме был совершенный лазарет. Захарьин очень милый человек, но с тех пор, как он у вас побывал, я думаю, у него выросли крылья[1], и письмо его похоже на хвалебную песнь.

Поправилась ли Саша и уехала ли Таня в Вену?[2] На все эти вопросы будет мне отвечать, надеюсь, добрая Ольга. Я же пишу с большим трудом и от слабости, и от больной руки. Не знаю, застанет ли это письмо вас еще в Москве.

Обнимаю вас нежно и не удивляюсь нисколько, что вы в болезни имеете столько доказательств любви. Право, я до той поры и сама не знала, как глубоко я привязана к вам. Господь да хранит вас всех. Скажите нашему Льву, что я перестала читать его роман в «Ниве»[3]. Эти кусочки еженедельные портят общее впечатление et nous gâtent le sang*.

* и портят нам кровь (*фр.*).

Лучше потерпеть и затем вполне наслаждаться этой чудной книгой. До свидания, милая Sophie, может, и подует когда-нибудь для нас попутный ветер.

Старая Бабушка

⟨*На конверте*:⟩

Ее сиятельству
гр⟨афине⟩ Софье Андреевне
Толстой.
В Москву.
Долго-Хамовнический
переулок. Собственный дом.

57. А.А. ТОЛСТАЯ – О.К. ТОЛСТОЙ

1 июня 1899. Царское Село

1-го июня
Царское Село

Милая Ольга, ты не можешь себе представить, как я была тронута тем, что ты подумала написать мне с дороги. Я в это время была очень нездорова и с больной правой рукой, что и помешало мне благодарить тебя. Вот и теперь я еще могу считаться в слабосильных и пишу с трудом.

Прости, пожалуйста, мою старческую неугомонность и напиши мне опять. Я не могу еще успокоиться на счет дорогой мама́ и так бы желала знать, как она доехала до Ясной Поляны[1]. Боюсь, что у вас погода не лучше нашей, а нам, больным людям, так бы хорошо согреться солнцем, а не камином.

Крепко поцелуй за меня мама́, папа́ и Сашу. Спроси у папа́, видит ли он меня иногда во сне? Со мною же это часто случается и, к сожалению, я уж больше не могу рассчитывать на другое свидание. Когда будешь писать ко мне, милейшая корреспондентка, то, пожалуйста, упомяни обо всех яснополянских, живущих intro и extra muros*. Очень меня заботит Таничкино лечение. Видела ее имя в Венском отчете Пушкинского торжества[2]. Бедный Пушкин, столько били на эту нотку, что становилось тошно, как ни дорога нам эта личность, Я невольно сравнивала описание празднеств с процессом Дрейфуса[3]. Надобно признаться, что русский человек горазд на пересол.

Прощай, душинька, обнимаю тебя и Андрюшу.

---

* дома и вне его (*лат.*).

Неужели папа́ не окончил еще «Воскресенье»? По милости приятеля моего цензора Шаховского[4] я ушла далеко вперед «Нивы» и особенно восхищалась первым свиданием Нехлюдова с Катей. La sobriété de ce vrai dramatisme fait une impression profonde*.

Бабушка

⟨*На конверте*:⟩
Ее сиятельству
графине Ольге Константиновне
Толстой.
Тульской губернии
Станция Козлово-Засека.
Село Ясная Поляна.

58. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

14 июля 1899. Царское Село

14 июля 1899

Милая, добрая Sophie, что-то вы поделываете. Покойная императрица Мария Александровна всегда говорила про меня, que j'ai le don de l'inquiétude**. Кажется, от сего неприятного *дара* я и до сих пор не избавилась и после вашей болезни беспрестанно беспокоюсь об вас. Тоже беспокоюсь об Таничке – вернулась ли она и как себя чувствует. Отчего Андрюша и Ольга не заехали ко мне в свою бытность в Петербурге и поправился ли Ольгин отец?[1] Все это меня очень интересует. Пожалуйста, душенька, напишите или продиктуйте кому-нибудь из вашей молодежи ответы на мои вопросы. Еще хотела бы знать, поправилась ли Татьяна Андреевна от своей болезни и приезжала ли она к вам в Ясную Поляну. Передайте вашей милой сестре и Алек⟨сандру⟩Мих⟨айловичу⟩ мой дружеский поклон. Еще один вопрос. Кто такой Лёвенфельд, который в своей книге говорит словами Льва Ник⟨олаевича⟩ и делает выписки из его интимного дневника. Я не могла достать эту книгу иначе как в русском переводе, но она меня тем более интересовала, что вы ее пересматривали, следовательно, не допустили никакого вздору, кроме своего зверского портрета[2]. Какой ужас!

---

* Подлинность его внутреннего драматизма оставляет глубокое впечатление (*фр.*).
** что у меня дар беспокойства (*фр.*).

Скажу вам про себя, что чудная погода, которая стоит у нас уж три недели, подбодрила немного мои упадающие силы, но, впрочем, я уже вхожу в тот период бесповоротной старости, от которого нельзя ожидать ничего хорошего — то есть entendons-nous* — в физическом отношении, а в нравственном я, право, еще не чувствую особенной ветхости. Удивляюсь только иногда уцелевшим еще во мне animal spirits**. В молодости у меня был один знакомый (очень умный господин), который говорил, что иным женщинам, даже когда они уже не первой молодости, нельзя позволять все читать без разбора, потому что книги действуют на них слишком сильно и становятся событиями в жизни. Кажется, он и меня причислял к этой категории и, может быть, не ошибался.

Хотите ли знать, как подействовало на меня «Воскресенье», прочитанное мною в два раза по корректурным листам — первую часть еще весной в Петербурге, а вторую получила недавно и прочла ее громко больной Ек⟨атерине⟩ Ник⟨олаевне⟩ Шостак.

Кроме весьма немногих мест, где я расходилась мыслями с Автором — это чтение было целое море наслаждений разного рода, в особенности артистических. Хотелось бы настрочить вам целый лист тех мест, которыми мы особенно восхищались, как юные девицы — то есть с таким же жаром, но думаю, с лучшим пониманием. Сил моих не стало бы для подобного отчета. Этих хороших мест слишком много, но какая прелесть, например, Нехлюдов, сидящий вечером на крылечке своего деревенского дома, или первое свидание Нехлюдова с Катюшей в тюрьме. La sobriété de ce moment dramatique est si saisissante que j'ai tremblé de la tête aux pieds en lisant ce passage***.

А портретная галерея, которая проходит у вас перед глазами, разве не чудо? Никакой Rembrandt или van Dyck не передавал лучше, вернее людских физиономий со всеми их оттенками. Но вы понимаете, милая Sophie, что главное — нас интересовала психическая, духовная сторона этого романа. Приближаясь к развязке, мы не дышали, с трепетом и умилением ожидая последних слов великого артиста-писателя. Все лучшие струны души были натянуты в этом ожидании. При его популярности какое благодатное действие должен был произвести над разгульной молодежью этот редкий образчик истинного раскаяния. Признаюсь, я даже думала, что именно это было главной целью Льва Николаевича.

* разумеется (*фр.*).

** бодрость (*англ.*).

*** Этот сдержанный драматизм так захватил меня, что я дрожала всем телом при чтении отрывка (*фр.*).

И что же? Вдруг сам Автор схватил молоток и одним ударом разбил и надежды, и сердечное доброе настроение. Бедный обиженный, разочарованный читатель очутился внезапно в мышеловке и бьется в ней тревожно. Екатерина Николаевна, непоколебимая поклонница Льва, не хотела верить, что ожидать нам больше нечего, и серьезно вообразила себе, что я ради шутки придумала этот конец. Но мне, право, было не до шутки. Давно-давно в душе моей не поднималась такая нехорошая буря. Я даже в первый раз в своей жизни поняла наслаждение мести. Конечно, это продолжалось одну только минуту, но для меня и этого довольно. Неужели Лев, ставя окончательно точку в своем эпилоге, остался собой доволен, мог заснуть покойно. Не знаю, найдутся ли три человека, которые удовлетворятся этим финалом. Для меня он не представляет ничего иного, как самую *злую* иронию, и не только не нахожу в нем любви к ближнему, но скорее полное презрение. Как мне теперь обидно думать, что я, увлеченная талантом Льва, могла поверить в ходульного Нехлюдова, который никогда не любил добро для добра или только любил его воображением, убаюкивал свою совесть идеальными планами, а в сущности заботился только об себе. Впрочем, кажется и Автор об нем того же мнения. Вывод из этого самый простой. Человек не может переделать себя единственно *своими* силами. Катюша неизмеримо выше Нех⟨людова⟩, и ее я очень люблю, но Воскресения не вижу. Что она вышла замуж за землемера, не определяет ясно ее душевный переворот.

Простите, душка Sophie, это длинное послание. Начиная его писать, я хотела совершенно умолчать о своих впечатлениях, но почувствовала, что не успокоюсь, пока не выскажу, что у меня на душе. Прочтете вы или нет это письмо Льву, для меня безразлично. Я всегда была с ним откровенна, и, бывало, он даже интересовался моим мнением, но это уже было давно и теперь, вероятно, в моем признании он услышит только детский лепет, как он выразился однажды. Обнимаю вас и его, хотя он расцарапал мне сердце.

А.Т.

⟨*На конверте*:⟩

Ее сиятельству
графине Софье Андреевне
Толстой.
Тульской губернии на
станцию Козлова-Засека.
Село Ясная Поляна.

59. А.А. ТОЛСТАЯ – О.К. ТОЛСТОЙ

11 октября 1899. Царское Село

11 окт⟨ября⟩ 1899
Ц⟨арское⟩ Село

Милая Ольга, на другой день после получения твоего письма я с благодарностью схватила перо, чтобы сказать тебе сердечное спасибо, но налетели злые коршуны, то есть препятствия разного рода, и письмо мое осталось дома un pied en l'air*.

Свойственная же мне лихорадка беспокойства снова вернулась, и старая Бабушка опять протягивает руку на подаяние. Да, душичка моя, пожалуйста, напиши мне хоть в двух словах об общем здоровье. Я дожила до того, что не требую от своих друзей ничего другого, как чтобы они были здоровы.

Милая Таничка меня особенно тревожит. Неужели ей не лучше?[1] Скажи мне еще – есть ли действительно надежда, что мама́ приедет в Петербург в ноябре вместе с Сашей[2]. Мне-таки хочется их видеть.

Скажи папа́, что мы эту осень очень наслаждались, перечитывая его первую трилогию, начиная с «Детства», и мне особенно было приятно, что гр⟨афиня⟩ Перовская, которая после пережитых скорбей[3] почти никогда не смеется, хохотала от души, слушая проделки молодого героя, в котором я признала, разумеется, самого Автора. С Екат⟨ериной⟩ Ник⟨олаевной⟩ Шостак мы перечитываем теперь «Козаки». Это почти самая моя любимая повесть.

Прощай, милая моя Ольга, обнимаю вас всех. Дней через десять думаю перебраться в город. Здоровье мое порядочно, хотя преисполнено капризами. Да это все равно.

Любящая тебя

Бабушка

---

* в подвешенном состоянии (*фр.*).

60. А.А. ТОЛСТАЯ – Т.Л. ТОЛСТОЙ

23 октября 1899. Петербург

23 октября
1899 г.

Милый друг Таничка, твое письмо задело мое сердце со всех сторон. Благодарю тебя за то, что ты вспомнила обо мне в самую важную минуту твоей жизни[1], и за то, что ты не усумнилась в моей привязанности. Как мне вас не любить? Кроме того, что вы все хорошие люди, вы еще представляете мне как будто остаток моей исчезнувшей семьи, и я дорожу всем, что нас сближает.

Меня же, как неинтересную единицу, гораздо легче забыть.

На перемену твоей судьбы я смотрю как на великий подвиг любви. Без любви ты, конечно, за него бы не взялась, а с любовью и с надеждой на помощь Божию все может устроиться прекрасно.

Дай тебе Господь большой запас духовной силы и светлый взгляд на все, что свято и дорого христианской душе. И еще, милая моя Таня, желаю тебе здоровья. Это тоже необходимый элемент для счастья.

Много лет тому назад я встречала у Дарьи Тютчевой г-на Сухотина. Твой ли это будущий муж или его однофамилец — не знаю. Помню только, что этот господин отлично читал вслух. Очень, очень желала бы с вами встретиться за границей, но не смею еще решиться на отъезд. Жду *толчка*, как говаривал, бывало, твой папа́.

Прощай, душка моя, молюсь и буду молиться за тебя со всею нежностью *настоящей* Бабушки. Христос да хранит тебя и всех, кто тебе дорог. Скажи Саше или Ольге, чтобы они мне написали и описали день 10-го ноября. Вероятно, свадьба твоя будет в Москве. Всё хочу знать. Обнимаю тебя и всех твоих. Надеюсь, что папа́ поправился и что все здоровы.

Душевно любящая тебя А. Толстая

⟨*На конверте*:⟩

Ее сиятельству
графине Татьяне Львовне
Толстой.
Тульской губернии на
станцию Козлова-Засека.
Ясная Поляна.

61. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

15 ноября 1899. Петербург

15 ноября
1899

Милая, дорогая Софи, чувствую, какие тяжелые дни вы теперь переживаете. Я так много думаю об вас, что мне иногда представляется, что я сижу в вашем сердце и понимаю каждое его движение. Мне и Льва очень жалко — вероятно, и ему тяжела разлука с дорогой Таничкой[1], но это в особенности чувствительно нашим женским сердцам. Хотя у меня была не родная, а только приемная дочь, я прошла просто через огненное испытание, когда ее выдавали замуж, и до сих пор не могу вспомнить хладнокровно об том, что пришлось перестрадать в то время.

От Ольги я узнала с большим горем, что вы, милая Sophie, страдаете глазами. И со мной тоже был неожиданный и печальный случай. Вдруг я открыла, что у меня на левом глазу пятно. Оно подкралось неприметно для меня самой, и мысль, что подобное может случиться и с другим глазом, меня очень испугала, но доктора успокоили, говоря, что его на мой век станет. Одно тяжело — это необходимость уменьшить свои занятия, особливо письменные, а у меня много начатого и не оконченного — не говоря уж об обширной переписке. Не приедете ли вы сюда, чтобы поговорить с нашими отличными окулистами. Мне невыразимо хочется видеть вас и Сашу, душенька Sophie. Скажите, пожалуйста, Льву, что я очень благодарна за его краткую, но дружескую приписку в Ольгином письме[2]. Это как-то запахло хорошо прошедшим, которое уже почти превратилось в легенду. Сашу и Ольгу обнимаю.

Радуюсь Ольгиной надежде[3]. Дай Бог вам всем здоровья и тишины душевной.

Сейчас ушел от меня Кони после долгой беседы[4]. Он поет как соловей, и рассказы его глубоко шевелят душу. Он шлет Льву свое почтение. До свидания, милая Sophie.

Бабушка А.Т.

⟨*На конверте*:⟩

Ее сиятельству
графине Софье Андреевне
Толстой.
Москва.
Долго-Хамовнический переулок.
Дом графа Толстого.

1900

62. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

16 января 1900. Петербург

Милый друг Sophie, несмотря на доклады «Нового времени» об здоровье Льва[1], мне бы хотелось иметь известия из другого источника и обо всех. Как ведет себя Лев? Покоряется ли он разумным предписаниям или, по обыкновению, верит только себе одному?

Что ваши бедные глаза? Что пишет об своем здоровье наша милая Таня и около вас все ли здоровы?

Если я позволяю задавать вам столько вопросов, душинька, это только потому, что у вас под рукою Саша, которой вы можете продиктовать маленькое письмецо.

Я стараюсь не думать об нашем фантастическом свидании и, главное, не надеяться на него.

Об себе не нахожу сказать ничего интересного. *Все хорошо*. И я часто вспоминаю старого Жуковского, который говаривал, что по-настоящему в жизни нет ни счастья, ни несчастья, а только воля Божья в разных видах.

Пожалуйста, скажите Льву, что бедный наивный Захарьин вообразил себе, что Лев будет отвечать на его письмо, а ему нужно разрешение Льва на какой-то вопрос[2]. Нельзя ли дать это разрешение через вас и меня.

Обнимаю вас нежно, также и Сашу, и Ольгу.

Кланяйтесь кавалерам.

А. Толстая

16 янв⟨аря⟩
1900.

⟨*На конверте*:⟩

Ее сиятельству
графине Софье Андреевне
Толстой.
Москва.
Мало-Хамовнический переулок,
в собственный дом.

63. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

9 июня 1900. Царское Село

9 июня 1900
Ц⟨арское⟩ Село

Мне очень жаль, милый друг Sophie, что глаза и разные мирские суеты помешали мне откликнуться раньше на твое добрейшее письмо. Мне от него так стало тепло, а ведь старые люди любят, чтобы их согревали. Заслуживаю ли я или нет все хорошее, что вы во мне видите, не знаю — это другой вопрос, но знаю, что я перед вами не в долгу.

Радуюсь, что большой Лев входит, хоть сколько-нибудь, в ваш дружеский союз касательно меня. Я же могу сказать с полной правдивостью, что осталась верна другу своей молодости. Если это не на его лад — что же делать? Каждый человек может желать добра тому, кого любит, только по своим понятиям о добре. Лев вовсе не понял, что в моей неразумной борьбе с ним действовала не страсть моя к обращениям, как он думает, а самая глубокая и чистая привязанность. Надеюсь сохранить ее до конца своей жизни. Если она до сих пор не поколебалась, значит в ней много силы. Впрочем, упоминаю об этом в последний раз, а затем, кто знает?

«*Le jour viendra*»* как гласит один французский и мне очень симпатичный dicton**. Я нахожу в нем много потаенного смысла. Еще раз и много раз благодарю тебя, милая, дорогая Sophie, за твое посещение[1]. Зная твою сложную и многотрудную жизнь, я смотрю на этот приезд как на истинное жертвоприношение и глубоко его ценю. После вас у меня было также на душе отрадное и хорошее чувство удовлетворенного желания. Саша мне очень понравилась: от нее веет простотой, прямотой и добротой — всем, что я люблю. Да сохранит ее Бог в этой чистой нравственной одежде.

От души желаю, милая Sophie, чтобы все твои заботы понемногу улеглись. Тебя, однако, должно много утешать сознание, что ты все работаешь для других. Это и твой муж находит самым лучшим подвигом. Я par hasard*** нашла его изречение на этот счет в листовом календарике именно сегодня, как ты увидишь по числу. Многие его афоризмы очень

---

* «Будет день» (*фр.*).
** поговорка (*фр.*).
*** случайно (*фр.*).

хороши, но бывают и такие, где страшно зло и несправедливо достается бедным женщинам.

Я приехала в Царское Село 22 мая, и почти мы не видали хорошей погоды. После отъезда двора Царское Село обращается в Помпею. Думаю, что даже в Ясной Поляне люднее и шумнее. —

Прошу Сашу, яко самую младшую и самую здоровую, прислать мне реестр о состоянии всех ваших, если не больных, то болящих. Каковы старший и юнейший Львы, и как нашли вы Таню, и как чувствует себя теперь Маша. Всем кланяюсь сердечно и кого могу, обнимаю. Как твои глаза, милая Sophie. Я уверена, что ты на меня не сетуешь за мое бесцеремонное Ты, оно у меня вырвалось при свидании и так и осталось.

Благодарю среднего Льва за его последнее письмо. All right*.

Бабушка

⟨*На конверте*:⟩

Ее сиятельству
графине Софье Андреевне
Толстой.
Моск⟨овско⟩-Курск⟨ая⟩ ж⟨елезно-⟩д⟨орожная⟩ станция
Козлово-Засека.
Ясная Поляна.

64. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

24 июня 1900. Царское Село

Для тебя одной.

Милый друг Sophie, спешу тебя успокоить насчет того, что ты мне сообщаешь[1]. Разумеется, половина тут вздор; никакого Высочайшего повеления не было дано и более чем вероятно, Государь даже не подозревает, что произошло в москов⟨ском⟩ духовенстве после появления романа «Воскресенье» в иностранной печати[2]. Многие из Отцев были так возмущены насмешками и кощунством Автора насчет Церкви и ее обрядов, что действительно между *ними* возникла речь об отлучении Льва Ник⟨олаевича⟩ от похорон в случае его смерти. (Он именно был тогда болен.) Я все это узнала через Победоносцева и возмутилась про-

---

* Все в порядке (*англ.*).

тив подобного действия не менее тебя. Кто может знать, что происходит в чужой душе и не тронется ли она благодатью, может быть, за две минуты перед смертью. К счастью, Победоносцев был совершенно моего мнения и тем дело и кончилось. Я ничего не сказала тебе при нашем свидании, потому что этот вопрос мне казался слишком тяжел. Но признаюсь тебе, и *злобу* Льва переношу с трудом. Зачем возмущать и оскорблять столько людей совершенно даром. Где же тут любовь, об которой он так много проповедовал.

Меня очень огорчает наша симпатия касательно наших глаз. Только могу тебе сказать с уверенностью, что твоя болезнь подлежит излечению. Я видела подобное у Елизаветы Николаевны Карамзиной. Жилка в глазу лопалась — что сначала нас очень пугало. Затем капля крови всасывалась и зрение опять приходило в порядок. У нее это несколько раз повторялось, но она до конца своей жизни могла читать и писать.

Дай Бог тебе полного выздоровления.

Мне все эти дни тоже было нехорошо и обязательное бездействие очень тягостно. Но я стараюсь и буду стараться изо всех обращать как можно меньше внимания на свои телесные недуги.

Пожалуйста, душинька, пришли мне поскорее твой роман[3]. Обнимаю сердечно.

Бабушка

24-го ию⟨ня⟩.

⟨*На конверте*:⟩

Ее сиятельству
графине Софье Андреевне
Толстой.
По Моск⟨овско⟩-Курск⟨ой⟩ ж⟨елезной⟩дор⟨оге⟩ станция
Козловка-Засека.
Ясная Поляна.

1901

65. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

13 марта 1901. Антиб

13 марта 1901 г.

Милый друг Sophie, письмо твое не застало меня в России[1]. Вот почему ты не получила ответ ранее. Совершенно понимаю все твои чувства — думаю даже, что я едва ли не столько же была смущена объявлением Синода[2]. Оно появилось за два дня до моего отъезда и тем глубже огорчило меня, что я вполне убеждена в обратном действии, которое оно произведет на Льва. Для тех, которые его любят, как мы его любим, это было страшный удар. С этим тяжелым камнем на сердце я отправилась в путь, и до сих пор ничто не может меня рассеять от мысли совершившегося печального факта. Днем и ночью обдумываю этот обоюдоострый вопрос, в котором вижу окончательно не столько личную обиду, сколько борьбу двух разнородных элементов. Один Господь может разрешить, кто тут больше или меньше виноват.

Тебе этот взгляд, вероятно, не понравится, но я слишком близка к смерти, чтобы позволить себе увлекаться единственно своей привязанностью к вам. Только после многих дум я поняла, что нельзя, безусловно, негодовать на одних церковных пастырей.

Всегда и глубоко буду сожалеть, что они решились на подобный шаг, но еще больше жалею, что Лев подал им на то повод. Ты упрекаешь их в недостатке любви, но была ли малейшая тень любви к ближнему в том глумлении, в тех грубых насмешках, которыми он намеренно оскорбил бессчетное множество людей, закидывая грязным печатным словом даже Таинства Церкви — то есть всё, что в Православном Христианском мире считается самым дорогим и священным сокровищем?

Не знаю, будут ли митрополиты отвечать на твое письмо[3].

Если они это сделают, то, вероятно, упомянут о том, как они были завалены со всех концов России письмами отцов и матерей, которые, дрожа за своих детей, упрекали пастырей за их молчание, в то время как Церковь была поругана публично.

Ты сама знаешь, как легко соблазнить молодежь отрицаниями, избавляющими ее от всякого ига, — особливо когда эти отрицания проповеданы таким человеком, к⟨ак⟩ Лев Ник⟨олаевич⟩. В этом я вижу главную причину того, что произошло теперь.

Победоносцев, к которому ты также писала, тут не при чем. Он не переставал протестовать против этой меры, но его власть не простирается на митрополитов.

Не скрою от тебя, милая Sophie, что я не могу одобрить твое письмо целиком. При твоем пылком характере и раздражении, под влиянием которого ты находилась, оно совершенно естественно, но мне кажется, что я написала бы иначе, с большим достоинством, даже разделяя все твои чувства.

Прости мне, душка Sophie, если я невольно прибавила что-нибудь к твоему горю. Видит Бог, как горячо я тебя жалею. В письме трудно выразить все, что шевелится в уме и на душе. В разговоре мы бы сейчас поняли друг друга, я в этом уверена.

Обнимаю тебя от всего сердца и молю Бога, чтобы он нас всех просветил Своею правдой. Если ты меня любишь, напиши мне еще два слова и успокой меня. Скажи тоже, каково здоровье Льва и твое.

Любящая тебя А.Т.

Вот мой адрес: France, Alpes Maritimes. Château Juan les Pins près d'Antibes. C-sse A. Tolstoy chez M-me Sylvansky.

Одновременно с твоим письмом я получила письмо от княжны Марии Михайловны Дондуковой-Корсаковой, адресованное ко Льву Ник⟨олаевичу⟩[4]. Он часто слыхал об ней и даже видел ее, мне кажется. Мы все считаем ее за святую, несмотря на то что она принадлежит к секте ирвингистов, а не к православию.

Не считаю себя вправе задержать это письмо, хотя и убеждена в бесполезности ее просьбы.

⟨*На конверте*:⟩
Russie. Moscou.
A la Comtesse Sophie Tolstoy.
Ее сиятельству
графине Софье Андреевне
Толстой.
В Москву. Собственный
дом, в Долго-Хамовническом переулке.

66. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

3 декабря 1901. Петербург

3 дек⟨абря⟩ 1901

Милая Sophie, с большой радостью увидела опять твой дружеский почерк[1]. Обнимаю тебя нежно и ценю тем более этот подарок, что вижу в нем некоторое пожертвование с твоей стороны в ущерб твоих бедных глаз. Вот и мои глаза принуждают меня к экономии, и я должна благодарить вас всех вместе за ваши дорогие письма, тебя, Сашу и мою милую, неутомимую корреспондентку Ольгу. Слава Богу, что все наши больные идут на поправку. Порядочно я за них помучилась вместе с вами. Храни их Господь. Много за них было горячих молитв. Не смущайтесь зимними фантазиями Крыма[2], и напрасно говорят, что это невиданное дело. В 93-м году я в первый раз провела зиму в Ливадии с больной сестрой, и погода точь-в-точь подходила к описанию того, что вы переживаете теперь. — Но, несмотря на снег, являлись вдруг чудные почти весенние дни, а подобных сюрпризов у нас на Севере не бывает. Одна петербургская мгла чего стоит? Пишу к вам в полдень, а электричество уже горит во всех комнатах. Благодарю вас еще за прелестные фотографии. Тот или та, кто их делали, в своем роде прекрасный артист. Все эти листки я вклеила в свой альбом и любуюсь ими часто, очень часто. Особенно мне нравится наш Лев, сидящий у берега моря. C'est un cadre qui lui convient particulièrement*. Вглядываюсь в его физиономию. Она серьезна, но не мрачна, а только задумчива, и так бы хотелось проникнуть во все его думы. Есть ли у вас carte postale[3]**, сделанная с последнего портрета Репина? Если нет, то я ее вам пришлю. Миловидность Ольгиной дочки восхищает меня и всех, кому я ее показываю. —

Вы, я думаю, и не подозреваете, до какой степени вы мне все близки и даже становитесь все ближе. Странное дело — и конечно, только дело милосердия Божия. Душа не холодеет и не стареется с годами, а напротив, как будто молодеет и делается теплее. Может быть, от того, что на людей, столь близких к концу, как я, находит какое-то радостное и живое предчувствие вечно прекрасного, нас ожидающего. Не люблю я изречение твоего Эпиктета, милая Sophie, и слово cadavre*** меня обижает[4]. Тело так гармонично, так тесно связано с душой, что, право, есть очень мало людей, желающих искренно смерти. Конечно, бывают и такие примеры по той или

* Этот кадр особенно ему соответствует (*фр.*).
** открытка (*фр.*).
*** труп (*фр.*).

другой причине, но они составляют исключение. Общий закон невольно уклоняется от разлучения тела от души. D'ailleurs ils sont sortis de la main du même Maître et on ne peut mépriser ni l'un ni l'autre*.

Вот куда увлек меня M-r Epictète. Обнимаю вас всех сердечно. Не забывайте вашу старую Бабушку.

Ездила к Леве и не застала их дома. Надеюсь их скоро увидеть.

⟨*На конверте*:⟩
Ее сиятельству
графине Софье Андреевне
Толстой.
Таврической губернии
почтовая ст⟨анция⟩ Кореиз.
В Гаспру.

1902

67. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

27 марта 1902. Петербург

27-го марта 1902

Хотя мое здоровье немного улучшилось, я только в немногих словах могу поблагодарить тебя, милая Sophie, за твое последнее письмо[1] и порадоваться с вами, что наш дорогой Лев начинает поправляться. Сколько думаете вы еще остаться в Крыму, и нет ли надежды повидать вас или тебя одну при проезде в Ясную Поляну.

Первый свой выезд я употребила на посещение малого Льва и его семейства и вынесла от них самое лучшее впечатление. Они кажутся так дружны и счастливы, а маленький их прелестный и презабавный. Со мной тотчас подружился и не был застенчив. Жаль мне, что они живут от меня так далеко — мне хотелось бы их видеть почаще.

Надеюсь, что ты мне еще напишешь, но попроси и Ольгу написать мне про свое здоровье. Я очень огорчилась за нее.

Обнимаю вас всех. Любящая вас А.Т. или

столетняя Бабушка

---

* Впрочем, они вышли из-под руки одного Мастера, и нельзя пренебрегать ни тем, ни другим (*фр.*).

Для тебя одной.

Милый друг Sophie, несмотря на мою общую слабость как глаз так и руки, я уже давно ответила бы на твое последнее письмо, если бы не мысль, что мои, вовсе не интересные послания, читаются всеми. Неужели мне никогда не удастся поговорить с тобой наедине и по душе, к чему я стремлюсь всем сердцем. Прошу тебя, милая, пощади меня хоть на этот раз и дай мне высказать тебе все, что меня тревожит.

Второе письмо митрополита[2] показалось тебе странным, не знаю почему. Я готова согласиться с тобой, что они очень ошиблись, отлучая Льва публично от Церкви, от которой, впрочем, уже давно сам отлучил себя и словом и делом.

В просьбе же митрополита, обращенной теперь к тебе как к женщине вполне верующей и самой близкой к своему мужу, я не могу видеть ничто иное, как признак христианской любви, той любви, которая не ищет своего, а дорожит каждой душой. Эту самую любовь я встречаю беспрестанно в прекрасных людях, из коих многие даже никогда не видали Льва. Ты не можешь себе представить, сколько горячих молитв возносится за него ежедневно, и мне часто представляется, что им мы обязаны восстановлению здоровья нашего дорогого Льва.

Все же эти молитвы стремятся к одной цели, чтобы Господь открыл ему божественность Того, кто Сам про себя сказал: «Я есмь Путь — Правда и Жизнь»[3].

Может быть, я ошибаюсь, но мне иногда представляется, что Лев, остановившись на нравственном учении Евангелия, все остальное отложил в сторону как ему бесполезное — но ты, верующая душа, можешь ли читать без содрогания, думая о неверии Льва, некоторые изречения, как, например, следующее: «Верующий в Сына имеет жизнь вечную, а неверующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем»[4].

Как часто я плакала над подобными словами, а их в Евангелии много. Прочти, пожалуйста, с вниманием 3—5 и 6 главы от Иоанна. Книга, которой жил и живет весь мир, не может быть ложная, и я знаю, что ты в этом уверена, как и я. После моего последнего бурного свидания со Львом именно на этот самый предмет я решилась никогда более не дотрагиваться до него — но вероятная близость моей собственной смерти и то мучение, которое примешивается подчас к самым радостным надеждам, что Господь услышит наши молитвы за Льва, принудило меня, так сказать, на неожиданную мной самой откровенность. Ваши заботы

о телесном здоровье Льва, ваша любовь к его доброй прекрасной душе могут легко отвлекать даже тебя от главной опасности, и я пишу к тебе только в виде напоминания.

Если я ошибаюсь, si je fais fausse route* прости меня ради той любви, которая переполняет сердце мое к нему и ко всем вам. Может быть, я только духовный трус, но и это можно простить моей старости. Обнимаю тебя крепко. Отвечай мне, пожалуйста.

⟨*На конверте*:⟩
Ее сиятельству
графине Софье Андреевне
Толстой.
Таврическ⟨ой⟩ губ. почт⟨овая⟩ ст⟨анция⟩ Кореиз.
Имение Гаспра.

68. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

3 апреля 1902. Гаспра

3 апреля
1902 г.

Таврич⟨еская⟩ губ.
Поч⟨товая⟩ ст⟨анция⟩
Кореиз
Гаспра

Многоуважаемая и сердечно любимая Бабушка, два дня я уже нахожусь под сильным впечатлением, которое на меня произвело письмо ваше. Таких же религиозных и горячих, в смысле любви, я получила два письма от сестры Левочки – Машеньки[1]. Также писала она мне о том, как усердно молятся за нашего больного монахини, сама слепая игуменья их монастыря, и сама Машенька. И не могу я отделаться от своего глубокого чувства веры в то, что правы те, которые полны любви, желанья только добра, смиренья перед смертью и верой, что та Церковь, куда мы привыкли приносить свое, умиленное чем бы то ни было сердце, что эту Церковь нельзя отрицать и нельзя уйти из нее. Вы пишете, что надо, чтоб Левочка вернулся *к Христу*. Но ведь он только и любит, только и признает Христа, только и говорит, что евангельскими изре-

* если я на ложном пути (*фр.*).

чениями, и когда его кто-то спросил, признает ли он *Божественность* Христа, он ответил, что учение Христа настолько божественно, что ему помимо этого совсем неважно, как и от кого Он родился, и сел ли или не сел Он одесную Отца.

Если бы меня спросили, в религиозном ли настроении находился Левочка во время опасности, я бы не знала, что ответить. Он так всецело поглощен своей болезнью и лечением, и желанием выздоровления, что сам за всем следит: за приемами лекарства, за пульсом, температурой и т.д. Когда ему хуже, он делается мрачен, и сейчас же шутит и весел, когда ему лучше.

Пробовала я два раза заговаривать о его духовном настроении, читала ему письмо его сестры и не могла без слез его дочесть; говорила ему и о вашем желании, чтоб он примирился со всем тем, что отрицал и от чего удалился, — но тогда он делал каменное лицо и упорно молчал. На днях, когда благовестили ко всеношной, я говорю ему: «Как я люблю этот призыв к молитве, и как мне недостает теперь и говенье, и эти прелестные великопостные молитвы...» И опять он упорно молчал, и я не решаюсь даже в церковь ходить, потому что я должна уход за ним поручить по утрам другим, а он будет расстроиваться и говорить, что я притворяюсь или поддаюсь обману. Переменить его духовное настроение, конечно, невозможно. И часто я думаю, что он, может быть, ушел дальше и выше нас, и отношение его к Богу и будущей жизни яснее нашего. В нашем отношении к духовным вопросам больше умиления и смирения; а в его, может быть, больше понимания и высоты, которые мне, заурядной женщине, понять не дано.

Больше всего я страдаю за детей своих. Из них отец сделал вполне неверующих людей. Не говоря о старших, он загубил мне Сашу, которая, не прожив еще никакой духовной жизни, сразу перескочила к неверию и отрицанию. На днях мы ехали с ней в Ялту, и я ей дорогой старалась внушить истину и указать на ее заблуждения. Я говорила ей, что отец ее пережил и веру в Церковь, и борьбу, что он перечитал всех мудрецов и Святых Отцев, и изложения всяких вер — и пришел к своему особенному личному духовному состоянию. Саша же ничего не читала, мало думала, совсем не боролась, ушла из Церкви и осталась не при чем. Упорство же и характер в ней не гибкие, и я бессильна перед твердым влиянием отца.

Все это я пишу вам, моя милая и все понимающая Бабушка, чтоб ярко представить вам мое бессилие и мое тяжелое душевное состояние.

Левочка поправляется, но довольно медленно. Вчера ставили еще мушку. Он садится в кресле, читает романы Поленца[2], немецкие, которые очень ему нравятся; следит за газетами, иногда пишет короткие письма. Ночи проводит плохо и требует большого ухода. Мы все страшно утомлены; Сережа необыкновенно ласково и терпеливо ходит за отцом. Саша и Наташа Оболенская дежурят по переменам с 4-х часов ночи, а до 4-х дежурю я уже 3-й месяц. Теперь взяли постоянного врача[3]. Таня с семьей уехала; на днях уезжают и Ольга с Андрюшей и Соней. Не знаю, когда мы выберемся отсюда, не раньше середины мая.

Как бы хотелось съездить к вам; а теперь должна проститься с вами, с нежными чувствами уважения и любви.

Ваша Софья Толстая

69. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

11 апреля 1902. Гаспра

Таврической губ.
Почт⟨овая⟩ ст⟨анция⟩ Кореиз
Гаспра

11 апреля
1902 г.

Христос Воскресе!

Многоуважаемая и дорогая Бабушка, поздравляю вас с праздниками и надеюсь, и от всего сердца желаю, чтоб письмо мое застало вас здоровой и бодрой. Душа ваша всегда бодра и жива, и жизни этой хватает не только на вас, но и на всех нас, к кому вы отнеслись с сочувствием, лаской и любовью, и кто знал вас близко. Какое было бы мне счастье именно теперь побыть с вами, уяснить многое, чем я все это время перестрадала. Сколько мыслей перешло через мою усталую голову в те ночи, которые я просиживала у постели больного Левочки! Скоро три месяца, что я сижу до 5-ти часов утра, прислушиваясь к нему и услуживая ему. Он терпелив, но очень требователен, столько у него разных желаний и забот о себе. Все теории отрицания медицины и докторов — все пропало. Докторов было при его болезни — шесть[1], а лекарств принимает Левочка постоянно столько, сколько ему предписывают. Силы возвращаются медленно, пульс все еще очень частый, и хотя воспаление прошло, но в легких есть еще хрипы, и не скоро окрепнет наш больной. Климат

здешний так дурен, что трудно поправиться. Целую неделю был северный ветер и буря. Теперь сыро, 6 град⟨усов⟩ тепла и пасмурно; а то было вовсе холодно; тогда как в Москве 16 град⟨усов⟩ тепла, а в деревнях уже давно сухо и многие посеяли овес.

Доктора говорят, что раньше самого конца мая нам нельзя будет выехать, и мне так жаль нашей русской торжественной весны. Здесь нет весны, 1-го января было теплей, чем теперь, и в сентябре было все то же; трудно себе представить более однообразной и скучной природы и климата, как Крым. Андрюша с Ольгой и девочкой всё собираются уехать и ни одного теплого дня не выберут. Мне грустно будет без Ольги и Сонюшки, которая очень мила и ласкова, и любит меня ужасно.

Саша и Коля с Машей (Оболенские) тоже больны, так что еще мне стал труднее уход за Левочкой. Меня пока Бог хранит, но зато душой я больнее всех.

Тяжело и праздник здесь переживать: ни народ, ни семья, ни кто-либо здесь не празднует. То ли дело наша православная Москва или деревня! Чувствуешь отголосок в почти каждом сердце русских людей.

Вспомню вас, милая Бабушка, в самую заутреню, и подумаю, что я сердцем с вами, и мне будет хорошо.

Горячо любящая и уважающая вас

Софья Толстая

70. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

8 мая 1902. Гаспра

8 мая
1902 г.

Гаспра

Хочется написать вам, многоуважаемая и милая Бабушка, и рука не поднимается сообщать вам опять грустные вести. Но все равно, иностранные и русские газеты будут печатать всякие верные и неверные известия, так лучше же я вам напишу все, что есть. Левочка опять серьезно захворал и лежит в жару уже 5 дней. У него инфлюенца, и вместе с тем сильнейшее кишечное расстройство. Жар доходит до 38 и 6, сердце пока выдерживало, но сегодня стало слабеть, пульс доходит до ста и больше ударов и перебои. Конечно, выдержав только что тяжелую болезнь, организм слаб, и мы все очень встревожены, и мое наболелое сердце невыносимо страдает. Главное, мне так жаль Левочку, так больно смотреть на его страдания, на его исхудалое, бледное, измученное лицо

и тело... И притом он духом бодр, читает, как только ему полегче, всем интересуется, и трудно ему мириться с мыслью, что рано или поздно, — но нужно уходить из этой, земной жизни в другую. Может быть, в глубине души он и готов, но не видать этого.

Съездила я по делам, которые очень были запущены, — в Ясную Поляну и потом в Москву[1]. Без меня Левочка выходил на террасу сидеть на солнце, и здоровье его было довольно хорошо. Вернулась я 1-го мая, а уже 3-го Левочка опять слег.

Ждем с напряжением, чем кончится наше новое горе. Хочется молиться и об исцелении, хочется и смириться перед волей Божьей; а все-таки невыносимо грустно.

Болезнь опять *инфекционная*[2], здесь в Крыму от одной сейчас же переходишь в другую. Сейчас мерили температуру и оказалось 38 и 9 градусов, и еще стало страшнее.

Пожалейте и помолитесь о горячо любящей вас

Софьи Толстой

71. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

13 июля 1902. Петергоф

Петергоф

13 июля 1902 г.

Милая Sophie, с какой радостью я узнала от Саломона, что вы уже находитесь в Ясной Поляне[1] и что Льву Ник⟨олаевичу⟩ хорошо.

Ты не получила ответа на последнее твое письмо, потому что именно в это время я занемогла и более двух недель находилась в очень неприятном состоянии. Даже не могла видеть свою бывшую воспитанницу[2], которая в это время приехала в Россию и жила в Гатчине.

При переезде двора в Петергоф и я приплелась на свое старое пепелище, чтобы иметь возможность видеть ежедневно мою дорогую Марию Александровну. Она осталась мне верным другом, да и вся царская семья ласкает и балует меня как редкую гостью, вероятно, в память прошедшего. Морской воздух очень хорошо действует на меня, и я понемногу запасаюсь силами.

Я еще не поблагодарила тебя, милый друг, за присланную и деланную тобой прекрасную фотографию[3]. Она тем более порадовала меня, что я убедилась по ней, что наш больной мало изменился. Только глаза его

сделались острее и пронзительнее. Впрочем, я не боюсь этих глаз и даже желала бы, чтобы они взглянули как можно глубже в мои мысли и чувства.

Саломон мне пишет, что Лев Ник⟨олаевич⟩ начал письмо ко мне и не мог его окончить[4]. Очень об этом жалею. Все, что пахнет стариной и нашими прежними отношениями, мне чрезвычайно дорого. Вспоминаю с любовью былые времена и грущу, что какой-то злой вихрь разметал их во все стороны.

В Петергофе я, вероятно, пробуду еще три или четыре недели. Пожалуйста, душа моя, напиши мне сюда и скажи словечко про всех.

Обнимаю вас всех.

Любящая вас

Бабушка

Мой адрес: Новый Петергоф. Кавалерский дом. № 1.

⟨*На конверте*:⟩

Ее сиятельству
графине Софье Андреевне
Толстой.
Тульской губернии
станция *Козлово-Засека*.
Ясная Поляна.

72. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

5 августа 1902. Петергоф

Новый Петергоф
Кавалерский дом № 1
5 августа

Милая Sophie, благодарю за письмо и поздравляю с новым внуком[1]. К этому прибавляю еще просьбу. Когда будешь писать к Леве, скажи ему, что я затеряла его шведский адрес и потому только не отвечала ему, но всем сердцем радовалась, что все у них обошлось благополучно и что опять родился кавалер. Да и писать мне трудно — это время у меня очень разболелись глаза.

Как мне жаль бедную Таню — она не выходит из горя[2]. Пожалуйста, напиши про нее, и поправилась ли совсем Саша. Радуюсь, что Лев Ник⟨олаевич⟩ пишет[3] — это хорошо, но нехорошо то, что он себя не бе-

режет и забывает, сколько вы все уже пережили беспокойств ради его неосторожности. Это уже похоже на эгоизм. — Сегодня я смеялась, прочитав в газетах, что румынская королева приглашает его к себе и что он *обещал* явиться к ней в Бухарест![4]

Прощай, душенька Sophie. Извини мое маранье.

Бабушка

⟨*На конверте*:⟩

Ее сиятельству
графине Софье Андреевне
Толстой.
Тульская губерния.
Станция *Козлово-Засека*.
Ясная Поляна.

1903

73. А.А. ТОЛСТАЯ – О.К. ТОЛСТОЙ

22 января 1903. Петербург

22-ое января 1903 г.
Зимний дворец

На твое письмо в первых числах ноября я сейчас же отвечала[1], милая Ольга; других же писем от тебя я не получала с тех пор, до вчерашнего дня. Мало ты знаешь твою Бабушку, если думаешь, что она может разлюбить без всякой причины, раз полюбивши; писать же сама не могу, как ты знаешь; кроме глаз, я была больна всю зиму. Часто я думала об тебе и жду с нетерпеньем оканчанья твоего серьезного дела[2]; надеюсь, что пройдет все благополучно, как и в первый раз, и к тому времени и Андрюша поправится: его болезнь мне хорошо известна: я знаю, что самое лучшее средство для излеченья — это *воздержание*, т.е. отказывать себе в том, что прельщает наш вкус; это, впрочем, можно приложить и ко всем действиям в своей жизни. Мы часто жалуемся на то, в чем виновны сами; покойный Боткин неоднократно говорил мне, что люди большею частью убивают себя сами. Об Льве Николаевиче часто имею известие чрез Софи и всегда дрожу за него во всех отношениях.

Мое здоровье начинает как будто поправляться, и если Бог позволит, то в конце февраля отправлюсь на теплый воздух, не имея ни малейшего вкуса, подобно Софи, к морозу и сырости.

Жаль, что ты не говоришь, получила ли ты мое письмо, писаное уже и тогда не моей рукой, и еще более жаль, что ты не сказала мне ни слова о твоей малютке — Соне.

Очень скорблю о бедной Тане, но, по правде сказать, я и не ожидала другого исхода: в судьбе ее и Маши есть что-то таинственное[3], т.е., как говорит сама Софья Андреевна, нет на них Божия благословенья.

Обнимаю тебя нежно, кланяюсь Андрюше и от души желаю вам всего хорошего.

Любящая тебя

Бабушка

⟨*На конверте*:⟩

Г. Тула.
Село Таптыково.
Ее сиятельству
графине Ольге Константиновне
Толстой.

74. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

4 июня 1903. Царское Село

Царское Село
4 июня

Милый друг Sophie — я только что вернулась из-за границы[1], где пробыла ровно три месяца. Во все это время, кроме редких газетных заявлений об здоровье Льва Ник⟨олаевича⟩, я про вас ничего не знаю. Пожалуйста, милая, пополни этот пробел и напиши мне словечко про себя и про всех. По тем же газетам кажется, что здоровье нашего Льва порядочно. Дай Бог ему сил. —

Проведенное мною время под кровом моей бывшей дорогой воспитанницы было для меня чрезвычайно приятно. Она меня баловала, как мать ребенка, и ухаживала за мной таким же образом.

К тому же, я наслаждалась вечным праздником чудной погоды и природы. В старости эти прелести мне стали еще понятней. Здоровье мое там несколько поправилось, но увы, как скоро ступила на родную землю, я опять простудилась и была очень нездорова. Что-то делает Дора, я часто об ней беспокоюсь[2].

Еще раз прошу написать про всех. Обнимаю тебя и благодарю тебя за письмо[3], присланное мне Таничкой. Если она у вас, поцелуй ее за меня.

Как-то ты разберешь это пачканье.

⟨*На конверте*:⟩

Тульской губ. стан⟨ция⟩ Козлово-Засека.
Ясная Поляна.
Ее сиятельству
графине Софье Андреевне
Толстой.

75. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

2 сентября 1903. Ясная Поляна

2 сентября 1903 г.

С удовольствием исполняю ваше желание, многоуважаемая и милая Бабушка Александра Андреевна, и пишу вам. Левочка сердечно благодарит вас за неизменную память и поздравление с днем его рождения[1]. Он был очень весел и бодр в этот день. Приехали *все* восемь человек его детей, две невестки и несколько внуков. Все были веселы, здоровы и дружны; погода великолепная и настроение общее такое же. Но как всегда бывает, особенно у нас, приехало несколько человек людей совершенно чуждых, навязчивых, не желательных в день семейного торжества, и это испортило нам праздник.

На другой день, т.е. 29-го, Левочка собрал молодежь и большой кавалькадой поехали все с ним верхом. Завез он всех в глушь Казенного леса, пришлось через овраг переводить лошадей, и Левочкина лошадь прыгнула и наступила ему на ногу, пробив подковой ранку. Теперь нога опухла, ранка болит, и Левочка мрачный катается в кресле и не может наступить. Доктор наш говорит, что серьезного ничего нет.

Приехавшая из Швеции Дора тоже расхворалась сильным гриппом и слегла. Кашель усилил ее нефрит, и это очень неприятно. Мы очень ее любим и все за ней ухаживаем; здесь пока еще Таня и Маша с мужем, и Вера Кузминская. Дети Доры очень хороши, и нас, стариков, веселят.

Погода у нас удивительная; точно июль, так жарко. Сегодня я умилялась даже на красоту природы; так тихо, неподвижно все в прозрачном воздухе и светлом небе! Такое освещение чудное было при ярко-красном закате солнца, освещавшем пожелтевшую и покрасневшую

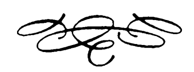
листву. В деревне погода имеет огромное значение; в деревне живешь с природой, а в городе с людьми. И часто мне стало более желательно последнее, т.е. общение с людьми, хотя хорошо и с природой. Вот зима меня немного пугает; очень уж одиноко зиму проводить в деревне.

Лева с Дорой едут сначала в Крым, а потом в Каир[2], и мне грустно с ними расставаться.

Как ваше здоровье, не стало ли лучше ваше зрение, дорогая Бабушка? Давно ничего о вас не знаю, а часто думаю о вас, и беседовала о вас с сестрой Машенькой, которая гостила у нас и теперь уже уехала обратно в свой монастырь. Собираюсь осенью денька на два в Петербург; очень уж хочется повидать вас. Дай Бог вам быть здоровой на радость нам.

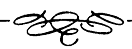
Всей душой ваша

С. Толстая

Приложения

Н.И. Азарова

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ РОМАН-ИСПОВЕДЬ

1

Переписка с Александрой Андреевной Толстой была отмечена Львом Николаевичем как одна из самых значительных в его жизни. Увнав о том, что П.А. Сергеенко предпринимает издание его писем, он написал ему: «...вспомнил о том, что у меня было два (кроме А.А. Толстой, это третье) лица, к⟨оторым⟩ я много написал писем, и, сколько я вспоминаю, интересных для тех, кому может быть интересна моя личность. Это: Страхов и кн. Серг⟨ей⟩ Сем⟨енович⟩ Урусов»[1].

Александра Андреевна — третье лицо. В переписке с нею раскрывается история души Льва Толстого. Их переписка, как дружба, длилась почти полвека — 47 лет. Первые письма к А.А. Толстой написаны молодым человеком, еще неуверенным в себе, в своем призвании. Последними письмами Лев Николаевич и Александра Андреевна обменялись в старости, в 1903 г., уже не надеясь на встречу. Собранные воедино, их письма воспринимаются как роман-диалог, в котором запечатлена духовная жизнь Толстого и его корреспондентки, свойственное обоим упорное искание истины, созвучие их взглядов и резкие разногласия, что вносило драматизм в их взаимоотношения и отражалось в переписке.

Как литературное произведение переписка находится всецело в русле толстовского реализма, для которого характерна не стилизация чувств, но правда переживания. И в его, и в ее письмах непосредственность, искренность, непридуманность слов отражают полноту жизни, и на смену условности традиционной формы эпистолярного романа является новая, где в перекличке голосов звучит главная тема — развитие духа. Нравственная высота дружеских посланий, которыми обменивались Лев Николаевич и Александра Андреевна на протяжении долгих лет — характерная черта, отличающая этот литературный памятник XIX в.[2]

---

[1] *Юб*. Т. 76. С. 98.

[2] Литературоведческий анализ переписки Л.Н. Толстого с А.А. Толстой содержится в статьях: *Лазарчук Р.М.* Переписка Толстого с Т.А. Ергольской и А.А. Толстой и эпистолярная культура конца XVIII — первой трети XIX вв. // Л.Н. Толстой и русская литературно-общественная мысль. Л., 1979; *Петровская Е.В.* Переписка

Жизнь, счастливо сведя их однажды в Швейцарии весной 1857 г., разводила постоянно и надолго: Александра Андреевна была связана придворной службой в Петербурге[3], поездками за границу; Толстой появлялся неожиданно то в Петербурге, то в Москве, предпочитая яснополянское уединение. Ожидание встреч и жалобы на длительную разлуку — один из постоянно повторяющихся мотивов переписки. И постоянное ожидание отклика, рождающегося при созвучии душ: «Когда-нибудь напишите мне так же, как я вам, все, что вам близко к сердцу. Все отзовется верно, без одной фальшивой ноты», — призывал Толстой, обеспокоенный молчанием Александры Андреевны (см. письмо от 23 июня 1874 г.)[4].

Как в романе судьба героев неразрывно связана с судьбой общей, с исторической жизнью народа, так и в письмах Толстого и Александры Андреевны личное переплетено с общим; близко их сердцу было все, чем жила Россия. Общественные события обретают в их письмах характер личного переживания, так что порою кажется — само время говорит их голосами.

Русская жизнь в течение полувека между двумя национальными катастрофами — поражением в Крымской кампании 1853—1855 гг. и поражением в Русско-японской войне в 1904 г. — вот масштаб того исторического пространства, в котором листок за листком складывалась эта удивительная книга. Ее герои пережили начало исторического обвала: внезапно умер император Николай I. Пал Севастополь. Старый мир рухнул, Россия вступала в полосу катаклизмов. Что будет со страной, с народом, с близкими, со своей личной судьбой? Начиналось новое царствование, Александр II готовился проводить реформы, русское общество вступало в эпоху судьбоносных 1860-х годов.

В ноябре 1855 г. Толстой прибыл в Петербург курьером из действующей армии. Он остановился у И.С. Тургенева, с которым был знаком заочно, сошелся с кругом писателей «Современника», нанес визит своей родне Толстым — семейству Александры Андреевны — и исчез. По совету Тургенева Толстой оставил военную службу, вышел в отстав-

---

Л.Н. Толстого с А.А. Толстой как целостный текст // Яснополянский сборник. 1998. Тула, 1999.

[3] С 1846 г. А.А. Толстая — фрейлина старшей дочери Николая I, вел. княгини Марии Николаевны.

[4] Здесь и далее в скобках даются отсылки к письмам, публикуемым в наст. изд.

ку и в начале 1857 г. отправился за границу, в Париж, затем в Швейцарию.

В Швейцарии в то же время оказалась и Александра Андреевна с «малым двором» великой княгини Марии Николаевны. Здесь, у Женевского озера, состоялась встреча Александры со Львом, надолго озарившая своим светом их жизнь. Счастливую весну 1857 г. Александра Андреевна прекрасно, подробно описала в своих воспоминаниях (см. с. 11–13 наст. изд.).

«Как я готов влюбиться, что это ужасно. Ежели бы А⟨лександрин⟩ была 10-ю годами моложе[5]», — такое признание сохранилось в Дневнике Толстого от той весны. Полгода спустя он записал в Дневнике: «Прелесть А⟨лександрин⟩, отрада, утешенье. И не видал я ни одной женщины, доходящей ей до колена!»[6].

Александра Андреевна в порыве откровенности призналась: «Как я благодарю Бога за то, что знаю и люблю вас!» (письмо от 22 августа 1861 г.).

Александра Андреевна родилась 17 июля 1817 г. в семье гусарского полковника Андрея Андреевича Толстого, младшего брата Ильи Андреевича, деда Толстого, и доводилась Льву Николаевичу двоюродной теткой. Она была старше племянника на 11 лет. Лев Николаевич находил, что для тетки она слишком молода и поэтому в шутку называл ее «бабушкой».

Отец Александрин (как звали ее в семье) принадлежал к Толстым, известным своей скандальной славой из-за буйных характеров. Как и его племянник, знаменитый Федор Иванович Толстой-Американец, Андрей Андреевич Толстой был лихой гусар, забияка, участник дуэлей и драк[7].

Дочь лихого гусара, «бабушка» Льва унаследовала настоящую толстовскую породу. Лев Николаевич заметил и оценил их родовое сходство: «Что вы умная, образованная и добрая женщина, это знают другие; — писал он Александре Андреевне, — я знаю то, что кроме всего этого ⟨...⟩ в вас плоть и кровь,— в вас были, есть и будут людские стра-

---

[5] *Юб.* Т. 47. С. 127.

[6] *Там же.* С. 160.

[7] Подробно о семье А.А. Толстой см. биографический очерк Н.И. Азаровой в кн.: *Толстая А.А.* Записки фрейлины: Печальный эпизод из моей жизни при дворе. М., 1996. С. 3–21.

сти ⟨...⟩ В вас есть общая нам толстовская дикость. Недаром Фед⟨ор⟩ Иван⟨ович⟩ татуировался» (письмо от 26 или 27 ноября 1865 г.).

В сорок лет Александра Андреевна была в полном расцвете жизненных сил. Крепкая, выносливая, неутомимая, она заряжала окружающих своей энергией. Ее не только уважали, ею восхищались, попадали в плен ее мощного толстовского обаяния. Среди тех, кто входил в дружеский круг графини Толстой, были знаменитые литераторы: Тургенев, Гончаров, Хомяков, Загоскин, Алексей Толстой. Иван Александрович Гончаров долго оставался робким и преданным ее поклонником. Но самое удивительное об этой сорокалетней женщине сказал Лев Толстой: «...у вас в душе всегда весна, так и дышит от вас весною...» (письмо от 1 мая 1858 г.). Это была натура, излучающая свет и тепло, ей была дарована полнота любви, притягивающая людские души. «Откуда у вас берется эта теплота сердечная, которая другим дает счастье и поднимает их выше?» — спрашивал Толстой с удивлением и восхищением (письмо от 24 марта 1858 г.). Александра Андреевна отвечала слегка насмешливо, стараясь романтический пафос перевести в план обыденного: «Положим, что и есть во мне теплота сердца, но что тут удивительного? Я сама была столько балована, любима и согрета в свою жизнь! А если запас калорифера не истощился, это потому, что я не тратила его (как следовало бы) на *всех*, а берегла für Wenige ⟨для немногих⟩» (письмо от 30 марта 1858 г.).

Примечательно стремление Александры Андреевны «осовременить» эпистолярный роман, невольно напоминавший своей литературной формой об отжившем XVIII в. Она подбирает и находчиво, остроумно использует в своих письмах слова и выражения, обозначающие приметы нового века. Для определения душевного тепла ей пригодился «калорифер». Так же, казалось бы, неожиданно она упоминает о «телеграфе». «Наши письма повстречались в пути, — пишет она 10 сентября 1858 г., — и в то время как я читала ваше, вы, вероятно, читали мое; это значит, что наши призывы друг к другу, может быть, вырвались в один и тот же час и одну и ту же минуту, и мы говорили через разделяющее нас пространство, как если бы мы были на двух противоположных концах телеграфного провода».

Однако «разговор по телеграфу» — это только игра воображения автора письма. Телеграфный стиль еще не овладел сознанием людей XIX в., какими предстают в переписке Лев Николаевич и Александра Андреевна. Они пишут друг другу увлеченно и длинно. И то, что

объединяет текст в единое целое, сродни музыкальной стихии, и это не случайно. Лев Николаевич и Александра Андреевна были музыкально одаренными, свое тяготение друг к другу они объясняли редким созвучием душ.

«Не раз я замечала, — пишет Александра Андреевна 4 июня 1858 г., — что лучший способ получить от вас письмо, это самой сесть писать вам ⟨...⟩ может быть, это частица магнетизма или созвучие душ, так как мне думается, что мы часто поем в одном и том же ключе, хотя кажется, что мы поем в разных тонах».

Вряд ли их дружба была бы долговечной, если бы между ними не было сходства в главном. Это отметила Александра Андреевна в своих воспоминаниях. «Несмотря на различие воспитания и положения, у нас была одна общая черта в характерах. Мы были оба страшные энтузиасты и аналитики, любили искренно добро, но не умели за него приняться правильно. Разбирали себя до тонкости, полагая, что это весьма похвально, а в сущности анализ только щекотал наше воображение и нисколько не действовал на улучшение жизни. Лев был уже тогда полон отрицаний, но больше по уму, чем по сердцу. Душа его была рождена столько же для веры, сколько для любви, и часто, сам того не сознавая, он это проявлял в различных случаях» (см. с. 14 наст. изд.). На пристрастии «разбирать себя до тонкости» Александра Андреевна и Лев Николаевич сошлись, это отразилось на характере их переписки.

Встреча в Швейцарии с Александрой Андреевной оказала влияние на формирование личности Толстого. В согласии и в противоборстве с нею его характер обретал настоящую силу.

В юности Толстой постоянно испытывал одиночество в своей неустроенной холостяцкой скитальческой жизни. Часто его одолевало мучительное недовольство собой. Когда ему было 25 лет, он записал в Дневнике: «Что я такое? Один из 4-х сыновей отставного подполковника, оставшийся с 7-летнего возраста без родителей под опекой женщин и посторонних, не получивший ни светского, ни ученого образования и вышедший на волю 17-ти лет, без большого состояния, без всякого общественного положения и, главное, без правил ⟨...⟩ Я дурен собой, неловок ⟨...⟩ Я раздражителен, скучен для других, нескромен, нетерпим (intolérant) и стыдлив, как ребенок ⟨...⟩ Я умен, но ум мой еще никогда ни на чем не был основательно испытан»[8]. Поистине автор «разобрал

[8] *Юб.* Т. 47. С. 8.

себя до тонкости». Автопортрет получился точный, но односторонний. Александра Андреевна увидела и в своих письмах и воспоминаниях запечатлела светлую сторону характера Льва Николаевича: «...я знаю, как вы умеете оживлять сердце, наверное, сами того не сознавая, — писала она 29 августа 1857 г. — ⟨...⟩ вы необыкновенно *добры*, и поэтому, находясь вблизи вас, трудно не чувствовать себя счастливым. Кажется, я вам это не раз говорила, но по мере того, как удаляешься от предметов, видишь их еще лучше. — Я не могу вам передать, сколько было для меня радостного в наших часто неожиданных встречах, и как воспоминания о них ободряют меня».

Размышляя о счастье, Толстой записал в Дневнике: «...лучшее средство к истинному счастию в жизни — это: без всяких законов пускать из себя во все стороны, как паук, цепкую паутину любви и ловить туда все, что попало, и старушку, и ребенка, и женщину, и квартального»[9]. Толстой дорожил этой невзначай пришедшей ему мыслью. Впоследствии, работая над повестью «Казаки», он подарил ее своему герою Дмитрию Оленину.

Притягательность личности Толстого, которую испытала на себе Александра Андреевна, она определяла как «благотворную жизненность» (la vitalité bienfaisante) (письмо от 9 мая 1858 г.). То, что она угадала в молодом Льве, сохранилось в нем до старости, привлекая к нему людей.

Благодаря дружескому взаимопониманию и доверию, письма, которыми обменивались Лев Николаевич и Александра Андреевна, превращались в письма-исповеди о самом сокровенном, что таилось в глубине души. Исповедальный характер эпистолярного диалога — отличительная черта переписки. Но она не была бы верным отражением их душевной жизни, если бы суровые самообличения не сменялись в письмах пассажами, исполненными радости, света, даже игривости.

Молодой Толстой с его неиссякаемой энергией отличался не только редкой добротой, но и заразительной веселостью. Об этом упоминает Александра Андреевна в своих воспоминаниях (см. с. 15, 17–18 наст. изд.). Элемент игры Толстой вносил и в переписку с Александрой Андреевной. Подметив ее страсть исправлять и обращать, он в своих письмах к ней разыгрывал «роман воспитания», представал перед ней молодым человеком «без правил», которого нужно воспитывать. Отчасти это было правдой, но только отчасти.

---

[9] *Юб*. Т. 47. С. 71.

По осени он пишет ей из своего яснополянского уединения: «Милая бабушка! Лень, постыдная лень сделала то, что на последнее ваше письмо вы не получили ответа 〈...〉 При этом должен сказать, что письмо ваше из Остенда произвело на меня не только радость, но гордость. Что вот, мол, хоть меня и считает и староста и тетушка пустяшным малым, а ко мне вот какой человек письмо пишет, да еще дружеское, да еще умное, милое и поучительное...» (письмо от 18 или 19 октября 1857 г.). С каким удовольствием он разыгрывает роль пустяшного малого, простодушного внука. Но он уже знает великие законы искусства и прислушивается внутренним слухом к разраставшейся в нем музыке великого сочинения, что впоследствии он назовет «Война и мир». И подтверждение его силы тут же, в этом же письме, в проповеди, которую он произносит для «бабушки», в свою очередь просившей у него совета, как устроить свой спокойный и честный мирок. «Вечная тревога, труд, борьба, лишения — это необходимые условия, из которых не должен сметь думать выдти хоть на секунду ни один человек. Только честная тревога, борьба и труд, основанные на любви, есть то, что называют счастьем 〈...〉 Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость». Страницы, на которых молодой Толстой выразил свое нравственное credo, ныне стали хрестоматийными. Известно, что перечитав это письмо в старости, Лев Николаевич отозвался о нем с одобрением[10].

Игра в роман воспитания вызвала появление в тексте писем устойчивой антитезы «младших» и «старших». Ею пользуются оба, и она остается в переписке надолго. От «бабушки», мудрой представительницы «старших», «внук» как будто ожидает разрешения своих сомнений и наставления на путь истинный, «исцеляющего бальзама», которым она готова щедро смазывать его душевные раны.

«Ежели бы мне кто-нибудь написал то о себе, что я пишу вам, мне бы стало гадко, а вам, я знаю, будет жалко, что вот как глуп человек. Ах! плохо жить нашему брату — *младшим* 〈...〉 — пишет он 24 марта 1858 г. по возвращении из Петербурга. — А теперь в Петербурге я как-то не воспользовался и сотой долью того бальзама, которым вы

[10] «Вечер опять читал с умилением свои письма к А〈лександре〉 А〈ндреевне〉. Одно о том, что жизнь — труд, борьба, ошибк〈а〉 — такое, что́ теперь ничего бы не сказал другого» (запись в Дневнике Толстого от 7–8 марта 1910 г. См.: *Юб.* Т. 58. С. 23).

меня всегда угащиваете. Затем прощайте ⟨...⟩ *презирайте* меня, но, пожалуйста, никогда не махайте на меня рукой». И неожиданная концовка: «Моя амбиция состоит в том, чтобы всю жизнь быть исправляемым и обращаемым вами, но никогда не исправленным и обращенным».

«Бабушка» отвечала, плохо скрывая досаду: «...я, кажется, опять впадаю в нравоучительную колею. Сами виноваты, сами напрашиваетесь на мораль — хотя и предлагаете мне судьбу Данаид — то есть вечно подавать советы, которым вы заранее решились не следовать, принимая их, однако ж, с радостью. Как же не сказать, что вы олицетворенный парадокс?» (письмо от 30 марта 1858 г.). Но это был не парадокс. Таков был Лев Толстой. Он выразил себя в этом кратком афоризме.

2

«Пишите теперь в П⟨етер⟩бург, в Мариинский дворец», — такую приписку сделала Александра Андреевна к письму из Остенде 29 августа 1857 г.

На это Толстой ответил: «Я всё жил в деревне, и с утра до вечера был занят навозом, лошадьми, мужиками» (письмо от 18 или 19 октября 1857 г.). Контрастным сопоставлением слов: «во дворце» — «в деревне» очерчено огромное пространство, вобравшее в себя многообразие русской жизни того времени. Соприкосновение и столкновение «верхов» и «низов», отражавшееся в переписке, придавало ей особый характер.

Александра Андреевна — во дворце, на высоте, открывающей всю широту политического горизонта. Толстой — в Ясной Поляне, у истоков народной жизни. Находящиеся в разной общественной среде, они объединены одним общим чувством — любовью к России.

Фрейлинская служба графини Толстой обязывала ее быть с восьми утра на ногах и в готовности исполнять дежурные обязанности и различные поручения. Но она давала также и безграничные возможности участия в культурной и светской жизни столицы. В дневниковых записях Александры Андреевны[11] упоминаются концерты музыкальных знаменитостей (слушала сонаты Бетховена в исполнении Антона Рубинштейна), выставки в Академии художеств (взволнована и тронута впервые выставленной в Петербурге картиной Иванова «Явление Христа наро-

[11] Машинописный экземпляр дневника А.А. Толстой за 1859—1890 гг. в переводе с французского, частичном пересказе и с предисловием Е.А. Масальской-Суриной хранится в *РГАЛИ*. Ф. 318. Оп. 2. Ед. хр. 43 (далее: *ДАТ*).

ду»); она присутствует на вечерах у Виельгорских, у Анны Тютчевой, — там поэт Тютчев и писатель Тургенев рассуждали о поэзии...

Записи в дневнике фрейлины содержат также хронику придворной жизни: молодежный вечер у великой княгини Елены Павловны; вечерний прием для избранных у императрицы-матери; обед у императорской четы — Александра II и его жены императрицы Марии Александровны, — «оба были со мной очаровательно добры» замечает Александра Андреевна. В свите государя и императрицы фрейлина графиня Толстая присутствовала на приемах дипломатического корпуса. По поводу приема, состоявшегося 17 апреля 1859 г., она замечает: «Происходящие события придают этой церемонии жгучий интерес. Короли, посланник австрийский, облеченный особой миссией, приняты холодно. Все улыбки и любезности по адресу Монтебелло, посланника французского двора, и Бисмарка прусского»[12]. С князем Бисмарком, будущим канцлером Германии, у Александры Андреевны завязались дружеские отношения, впоследствии она переписывалась с ним[13].

Тем не менее в дневнике Александры Андреевны и в ее письмах к Толстому прорывается тяжелое чувство разлада между той ролью, которую она вынуждена играть на придворной сцене, и ее «дикой» толстовской натурой. В ее душе поднималась вдруг стихийная мятущаяся сила, и она оказывалась в дворцовых апартаментах, как птица в золоченой клетке, тоскуя по воле.

Толстой не скрывал своего неприязненного отношения к придворной жизни и службе Александры Андреевны при дворе. Случалось, он упрекал ее за то, что она не может «оторваться от *Трубы* (так он называл Двор вообще, — не помню почему)», — поясняла Александра Андреевна (см. с. 16 наст. изд.). Она подхватила его словечко, оно внедрилось в их переписку: «Все, что я *люблю* в жизни, исчезло вместе с Швейцарией и сменилось этим беспокойным существованием, и чтобы переносить его, нужна более крепкая и спокойная натура, чем моя. *Мало своей трубы! Мы рыскали и заезжали во все чужие трубы в Баварии, Бельгии и Голландии. Везде чернее и скучнее, чем в своей трубе, к которой я уже

[12] 3 марта (19 февраля) 1859 г. было заключено секретное французско-русское соглашение о нейтралитете России во время Итальянской войны Франции против Австрии. См.: История XIX века. Под редакцией профессоров Лависса и Рамбо / Пер. с фр. под ред. Е.В. Тарле. М., 1938. Т. 6. С. 545.

[13] Письма Бисмарка не сохранились. А.А. Толстая уничтожила большую часть своего архива в 1890 г.

так привыкла, что и не считаю ее за трубу*. Начиная с Франкфурта, я видела только Королей, Королев, Принцев, придворных и всю развращающую пустоту парадов. Не правда ли, вам жаль вашу *Бедную бабушку, которая все в лес смотрела!*» (письмо от 29 августа 1857 г.). Волею судьбы, определившей для нее поприще придворной службы, она должна была постоянно преодолевать дисгармонию мира внешнего и мира внутреннего.

Для Толстого заграничные впечатления послужили толчком, обострившим критическое восприятие действительности. Обнаружилась несовместимость его чувства правды с неправдой и лживостью государственного устройства, что поразило его, несмотря на приятность некоторых черт жизни Парижа.

Об этом он написал из Парижа своему другу Василию Петровичу Боткину. Написанное — краткий и редкий по выразительности и напряженности мысли социальный трактат. Письмо Толстой писал два дня и в нем две части.

В первый день он описывает одну сторону жизни Парижа, и в ней — чувство «социальной свободы», которым Толстой наслаждался вполне. Во второй день — другую сторону: утром Толстой пошел смотреть на площади публичную казнь через гильотинирование и его особенно поразила моральная тупость толпы, собравшейся на это зрелище.

Он выносит свой приговор увиденному: «Наглое, дерзкое желание исполнять справедливость, закон Бога. Справедливость, которая решается адвокатами, которые каждый, основываясь на чести, религии и правде, говорят противуположное 〈...〉 Я понимаю законы нравственные, законы морали и религии, необязательные ни для кого, ведущие вперед и обещающие гармоническую будущность, я чувствую законы искусства, дающие счастие всегда; но политические законы для меня такая ужасная ложь, что я не вижу в них ни лучшего, ни худшего. Это я почувствовал, понял и сознал нынче 〈...〉. Здесь на днях сделалась пропасть арестаций, открыт заговор, хотели убить Нап〈олеона〉 в театре; тоже будут убивать на днях, но уже верно с нынешнего дня я не только никогда не пойду смотреть этого, никогда не буду служить нигде *никакому* правительству»[14]. Толстой поспешно покинул Париж, но обостренное чувство социальной несправедливости не оставляло его

[14] ПисьмоТолстого к В.П. Боткину от 24–25 марта (5–6 апреля) 1857 г. (*Юб.* Т. 60. С. 167–168).

и в Швейцарии с ее нравами мирной обывательской жизни. В письме к тому же В.П. Боткину[15] Толстой описал по горячим следам взволновавшую его сцену встречи с уличным певцом, развлекавшим своим пением богатую публику гостиницы Швейцергоф в городе Люцерне. Это письмо (черновое) от 26—27 июня (8—9 июля) 1857 г. фактически явилось первой редакцией рассказа Толстого «Из записок князя Д. Нехлюдова. Люцерн». После окончательной отделки Толстой читал его с большим успехом в кругу лиц, составлявших двор великой княгини Марии Николаевны. Осуждение меркантилизма буржуазного общества впервые сочетается в рассказе с обращением автора к Всемирному Духу как к единственному руководителю на пути прогресса.

В первом же письме Толстого Александре Андреевне по возвращении из заграничного путешествия в Ясную Поляну, после признаний, как ему дороги и милы воспоминания о встрече с «драгоценной бабушкой», возникает тема России.

Познав однажды чувство «социальной свободы», Толстой был угнетен и возмущен атмосферой несвободы российской действительности с ее крепостническим бытом: «В России скверно, скверно, скверно. В Петербурге, в Москве все что-то кричат, негодуют, ожидают чего-то, а в глуши тоже происходит патриархальное варварство, воровство и беззаконие. Поверите ли, что, приехав в Россию, я долго боролся с чувством отвращения к родине, и теперь только начинаю привыкать ко всем ужасам, которые составляют вечную обстановку нашей жизни. Я знаю, что вы не одобрите этого, но что ж делать — большой друг Платон; но еще больший друг правда...» (письмо от 18 августа 1857 г.).

Как и предполагал Толстой, Александра Андреевна вступила в спор, отгоняя, как ей казалось, призрак либерализма, готовый овладеть ее племянником. С волнением, с горячностью она писала 31 августа 1857 г.: «Читая в вашем письме, милый Лев, о том отвращении, которое овладело вашей душой по возвращении на родину, больше всего я испугалась за вас вот в каком отношении. Я боюсь, чтобы это отвращение не помешало вам деятельно взяться за все то, что находится в вашей власти. Ведь музыка, чтение, литература — все это не более чем себялюбивое убежище для своей собственной личности. Положение вещей вообще отвратительно, согласна, да и кто бы стал с этим спорить? Но *необходимо* вокруг себя, рядом с собой проводить улучшения, иначе

---

[15] См.: *Юб.* Т. 60. С. 199—212.

мы становимся сообщниками и вора, и убийцы, и того, кто живет в полном забвении Бога и вечности. Трудности велики — я это знаю, а результаты будут, быть может, так малы, что вы сами едва заметите их, надсаживаясь над работой; но все равно, я заклинаю вас работать, ибо если ни путешествия, ни размышления, ни *муки* мысли, ни молитвы из глубины сердца не приведут вас в конце концов к желанию деятельно посвятить себя общему благу, то все ваши природные богатства иссякнут и вы опуститесь до толпы тех бесплодных болтунов и фрондеров, которыми — увы! — так изобилует наша бедная страна».

Александра Андреевна не только проповедовала свою теорию «малых дел». По своей фрейлинской службе и по душевной склонности она много времени и сил отдавала благотворительности. Долгое время она опекала приют малолетних проституток, «Магдалин», как она их называла. Ей приходилось по благотворительным делам посещать больницы для бедных и тюрьмы. Кроме того, пользуясь своей близостью к царствующим особам, она брала на себя хлопоты по делам родственников или тех, за кого просили знакомые. Впоследствии Лев Николаевич часто обращался к ней с просьбами по делам родных, а потом и единомышленников-толстовцев, а также отбывающих срок за участие в революционной деятельности. Он обращался с просьбами, знал, что отказа не будет, что никто лучше Александрии не «продвинет» дело. Он отмечал легкую и потому особенно милую ее доброту и восхищался ею.

Александра Андреевна беспокоилась напрасно, что Толстой окажется в толпе либеральных болтунов. Молодой писатель по натуре был деятелен и с редкой проницательностью судил о состоянии русского общества предреформенного времени. Свой очерк общественной жизни в России он дал в письме к В.П. Боткину, находившемуся за границей: «У нас, то есть в русском обществе, происходит небывалый кавардак, поднятый вопросом эмансипации. — Политическая жизнь вдруг охватила собой всех. Как бы мало кто ни был приготовлен к этой жизни, всякий чувствует необходимость деятельности. И что говорят и что делают, страшно и гадко становится ⟨...⟩ А эти все деятели — рабы самих себя и событий ⟨...⟩ «Glaubst zu schieben und wirst geschoben»[16]⟨...⟩ И коли понял этот закон, хорошенько всем существом понял, то такая деятельность уже становится невозможна. То ли дело рубить лес, построить

[16] «Думаешь подвинуть других, а тебя самого толкают вперед» (*нем.*) — строка из «Фауста» Гёте («Вальпургиева ночь»).

дом...»[17]. Толстой был увлечен в это время хозяйственной деятельностью в Ясной Поляне. Об этом — постоянные упоминания в письмах к Александре Андреевне.

3

Сколько времени и сил ни отдавал бы Толстой практическим делам, — пахал, косил, сеял, ссорился и мирился с мужиками, — он в то же время постоянно оставался во власти законов искусства, «дающих счастье всегда» по его собственному определению. Толстой невольно подчинялся силе проявлявшегося в нем творческого начала, и это давало ему ощущение счастья.

Радость жизни переполняет через край его письма к Александре Андреевне, особенно написанные весной.

Дневниковые записи того времени деловито-прозаичны. Но в пространных письмах к Александре Андреевне, вдохновенно-лиричных, отражается сокровенный процесс расцветания творческой личности.

Начало знакомства Льва Николаевича с семьей Александры Андреевны совпало с началом его литературной славы. «В то время он уже был известен публике ("Детство" появилось в 1852 г.), — вспоминала она. — Все восхищались этим прелестным творением, а мы даже немного гордились талантом нашего родственника, хотя еще не предчувствовали его будущей знаменитости» (см. с. 11 наст. изд.). У Толстых в мае 1856 г. он читал только что оконченную им повесть «Два гусара»[18]. Александра Андреевна, знавшая живых классиков — Пушкина, Лермонтова, Тургенева — относилась несколько свысока к литературным произведениям своего племянника, они казались ей «пробой пера», далекой от совершенства.

Черты «натуральной школы», которыми отмечены ранние произведения Толстого, появившиеся в общем русле «гоголевского периода русской литературы», воспринимались ею как стремление к фотографичности. «Вы становитесь ужасно фотографичным, вместо того чтобы становиться художником и артистом», — досадовала она в письме от 24 августа 1858 г. по прочтении рассказа «Альберт». Она мерила пушкинской мерой. Воспитанное в ней чувство гармонии невольно руково-

[17] Письмо Толстого к В.П. Боткину от 4 января 1858 г. из Москвы (*Юб.* Т. 60. С. 246, 249).

[18] Запись в Дневнике Толстого от 12 мая 1856 г. (*Юб.* Т. 47. С. 71).

дило ее суждениями. «Я не люблю очень резких противопоставлений (их отсутствие всегда доказывает хороший вкус)», — писала она 18 апреля 1858 г. по поводу рассказа «Три смерти». В этом замечании она коснулась самого существа толстовского художественного метода, построенного на контрастах. Параллель — смерть барыни — смерть мужика — ее настораживает. Она упрекает автора в том, что он изобразил умирающего мужика, не упомянув о его вере в Бога: «...та трогательная простота, с какой бедные люди смотрят на приближение смерти, конечно же, не следствие тупого равнодушия. Их спокойствие есть чистая вера — *упование, хотя, может быть, и безотчетное, но все-таки упование*». Здесь уже проявляются отдаленные признаки тех разногласий, которые проявятся впоследствии между ними с такой силой и страстью.

И рядом с упреками Толстому, что его «вещица» — незавершенный эскиз, восхищение поэтичностью картин природы: «Описание весны просто хватает за сердце». Рассказ «Три смерти», казавшийся Александре Андреевне всего лишь эскизом, нуждающимся в доработке («пересмотрите, переделайте и дополните эту вещицу», — советовала она) для Толстого был законченным выражением его мироощущения. В ответном письме 1 мая 1858 г. он изложил вкратце поэтическую идею произведения, предпослав изложению характерное толстовское вступление: «Вчера я ездил в лес, который я купил и рублю, и там на березах распустились листья и соловьи живут, и знать не хотят, что они теперь не казенные, а мои, и что их срубят».

Огорченный тем, что Александре Андреевне не открылся глубокий внутренний смысл произведения, Толстой винит себя, что де мысль выражена скверно, и уверяет строгую «бабушку», что и в нем есть христианское чувство. И не отказывает себе в удовольствии озадачить ее очередным парадоксом: «Во мне есть, и в сильной степени, християнское чувство; но и это есть, и это мне дорого очень. Это чувство правды и красоты, а то чувство личное, любви, спокойствия. Как это соединяется, не знаю — и не могу растолковать; но сидят кошка с собакой в одном чулане, — это положительно». И в шутку просит не рассказывать ее матушке и сестрам, что он «такой безбожник». «Вы — другое дело ⟨...⟩ на всё у вас есть струнка, которая отзовется». Александра Андреевна отзывалась по-своему на признания Толстого. Она полагала, что художественное творчество должно быть проникнуто религиозным сознанием, а единственно истинной верой было для нее православие.

В канун Пасхи 1859 г. Александра Андреевна писала Льву Николаевичу, что было бы жаль, если бы он из-за литературной работы пренебрег говением. «Сделайте это из любви к своей мятущейся душе — потом вы будете делать это из любви к Тому, Кто весь — Любовь», — убеждала она его в письме от 31 марта 1859 г. В ответ на увещевания не пропустить говения, Толстой отвечал 5 апреля 1859 г.: «Работу кончил, милая покровительница моей души, и начинаю говеть, и буду стараться говеть так, чтобы не стыдно было перед собой, перед прежними моими требованиями и перед вашими. Нынче и погода такая, что в небе видно Бога, ежели присмотреться немного, и в себе слышно Его».

Так уж был устроен Толстой: видеть Бога в небе и слышать его в себе ему дано было один на один с природой. Но как только он оказался в толпе людей, молящихся в церкви, куда он отправился по случаю праздника Пасхи, — религиозное чувство сменилось раздражением. 15 апреля 1859 г., вслед за письмом, полным красоты и умиления, он пишет другое. В нем — сарказм и отрицание: «Во вторник, когда я вам писал, я расчувствовался просто от того, что погода была хорошая, а мне показалось, что мне хочется говеть и что я чуть-чуть не такой святой, как ваша старушка. Оказалось же, что один говеть и говеть хорошо я был не в состоянье. Вот, научите меня. Я могу есть постное, хоть всю жизнь, могу молиться у себя в комнате, хоть целый день, могу читать Евангелие и на время думать, что всё это очень важно; но в церковь ходить и стоять слушать непонятые и непонятные молитвы, и смотреть на попа и на весь этот разнообразный народ кругом, это мне *решительно невозможно*».

В ответ Толстой получил суровую отповедь в письме от 21 апреля 1859 г.: «Надо быть действительно человеком ослепленным и иссушенным духом гордыни, чтобы, входя в церковь, где молится столько народу, не находить в себе ничего, кроме отвращения».

Александра Андреевна допускала, что небрежность священнослужителей во время церковной службы может иметь отрицательное воздействие, но она не могла понять, как человек, не чуждый христианской веры, лишен великодушия к человеческим слабостям и уходит прочь из церкви в жестоком раздражении; она советовала своему другу получше вникнуть в смысл церковной службы. Она писала, с каким восхищением прочла «Литургию» Гоголя и рекомендовала Толстому это чтение (см. письмо от 10–16 мая 1859 г.).

24 или 25 апреля 1859 г. Толстой обращался к Александре Андреевне с исповедальным письмом (закончено 3 мая): «Все, что вы говорите, и правда и неправда. Убеждения человека, не те, которые он рассказывает, а те, которые из всей жизни выжиты им...», — и далее в этом письме Толстой излагает то, что по сути представляет собой конспект будущей «Исповеди», — краткую историю своего религиозного сознания: как от детской веры в юности он пришел к отрицанию религии, как во время военной службы на Кавказе дошел до высшей степени умственной экзальтации, и то, что нашел тогда, стало его твердым убеждением: «...я нашел, что есть бессмертие, что есть любовь и что жить надо для другого, для того, чтобы быть счастливым вечно».

Кажется, в этом письме Толстой высказался вполне. 3 мая он приписал еще несколько страниц с поразительным признанием: «У каждой души свой путь, и путь неизвестный, и только чувствуемый в глубине ее. Может быть, что я и вас люблю затем только. — Ах, милый друг, бабушка. Пишите мне почаще. Мне так гадко, грустно теперь в деревне».

Александра Андреевна постоянно испытывала тревогу о состоянии его души. «Я знаю, что вы в Москве, но *где вы*? в моральном отношении», — спрашивала она в письме 18 февраля 1859 г. Она разгадала не только прекрасное в натуре Толстого, но и то, что внушало ей опасения: «Боюсь ваших воздушно-идеально-нелепых истин, боюсь вашей гордости, которая часто порывалась создать или пересоздать давно созданное и устроенное, боюсь даже вашей любви к правде, которая по чрезмерной своей запутанности и ухищренности часто удаляла вас и от правды, и от естественности» (письмо от 18 февраля 1859 г.). И предостерегала: «Сохрани нас Бог жить самим собою и верить только себе» (письмо от 17 апреля 1859 г.).

Александра Андреевна понимала, что различия между ней и Львом Николаевичем имеют не столько личный, сколько общий, так сказать исторический характер. Она вполне отдавала себе отчет и в различии поколений, «старших» и «младших». 24 августа 1858 г. она писала: «Поистине невозможно жить в мире более беспорядочном, чем наш, милый Лев, — и глядя на другие планеты, я лелею себя надеждой, что там дела идут более упорядоченно, чем у нас, в противном случае небесная твердь была бы поколеблена, и мы бы увидали, как тысячи звезд падают на наши головы в беспорядке, малоприятном для нас, прогуливающихся без зонтика. Все это к тому, чтобы сказать вам, что все социальные законы, некогда наиболее твердо установленные, в настоя-

щее время разрушены до основания, в чем вы, впрочем, очень сомневаетесь. Вы держите свой светильник, как и другие, разрушая и опрокидывая все, без того чтобы созидать нечто новое и лучшее. Вообще это какая-то мания века — все отвергать, не ставя ничего взамен». Однако в своей критике она упустила главное: Толстой никогда не разрушал ради разрушения, но всегда — ради движения вперед, так как глубоко и остро чувствовал неизбежность исторических перемен. С горьким чувством Александра Андреевна пишет о потере надежды, что можно «еще что-то исправить в этой неблагодарной современной породе». Разрыв духовных связей между поколениями воспринимался ею как предвестие Беды.

Болезнь века, упоминаемая Александрой Андреевной, в русском обществе получила название нигилизма.

О том, что может помочь Льву исцелиться, «бабушка» судила чисто по-женски: она была уверена, что его переменит женитьба и что жена, став его ангелом-хранителем, повлечет его за собой по пути истинной веры.

«Как бы я была счастлива, дорогой мой мальчик, — писала она 21 апреля 1858 г., — ежели бы вы подали руку той, которая тихо и мягко повлекла бы вас к истине, к тому идеалу, который не допускает ни слабостей, ни несовершенств, и душа ваша исполнилась бы его чудесным величием».

21 марта 1859 г., менее романтично и по-житейски прямо, она советовала: «Женитесь, дорогой мой Лев, и поскорее, *покамест эгоизм на вас еще не обсох*».

Жизнь оказалась намного сложнее, чем это представлялось Александре Андреевне. Женитьба исцелила Толстого — но не надолго.

4

Пришло время, когда натиск политических событий настиг и обитателей дворца, и обитателей деревни.

«По мере того, как Россия освобождается, я становлюсь все больше и больше рабой. Если я и не делаю ничего путного, все же никогда не попадаю туда, куда хочется. Это хорошее испытание терпения, особенно для того, кто склонен немножко дорожить своей волей», — жаловалась Александра Андреевна в письме от 1 июля 1861 г.

В это время в Петербурге Редакционная комиссия под председательством генерала Я.И. Ростовцева готовила императорский Манифест об отмене крепостного права, провозглашенный в годовщину восшествия на престол Александра II. Толстой к манифесту 19 февраля 1861 г. отнесся критически: «Мужики ни слова не поймут, а мы ни слову не поверим», — писал он А.И. Герцену 14 марта 1861 г.[19]

Манифест дополняли параграфы Положения, в соответствии с которыми крепостные крестьяне получали личную свободу и становились собственниками своих домов и приусадебных участков, а вся обрабатываемая земля делилась между помещиками и «миром» — сельской общиной, выступавшей коллективным собственником. За отрезанные у помещика земли на входящих в сельскую общину крестьян налагались платежи с рассрочкой на 49 лет. Раздел земель и определение размера выкупных платежей определялись Уставными грамотами, для составления которых Положением был предусмотрен институт мировых посредников. По уездам и губерниям мировые посредники назначались губернаторами из местных потомственных дворян, во владении которых было не менее 500 десятин земли. Помимо составления уставных грамот в обязанности мировых посредников входило определение крестьянских наделов и повинностей крестьян, отвод угодий и при необходимости — перенесение помещичьих усадеб, обмен земель, а также надзор за действиями крестьянского управления. Таким образом, мировой посредник оказывался ключевой фигурой в преобразовании крепостной деревни. Министр внутренних дел С.С. Ланской рекомендовал тульскому губернатору П.М. Дарагану на должность мирового посредника 4-го участка Крапивенского уезда графа Л.Н. Толстого. Назначение состоялось 18 мая 1861 г.

«Я не посмел отказаться перед своей совестью и ввиду того ужасного, грубого и жестокого дворянства, к⟨отор⟩ое обещалось меня съесть, ежели я пойду в Посредники», — так объяснял свое согласие Толстой в письме Александре Андреевне от 7 августа 1862 г. Посредническая деятельность всецело увлекла Толстого, он забросил литературные занятия, казалось, писатель смолк в нем надолго. Его самым любимым занятием уже несколько лет была школа. В яснополянском флигеле он устроил школу для крестьянских ребят, сам обучал их увлеченно и пригласил нескольких учителей. Практические занятия послужили источни-

---

[19] *Юб.* Т. 60. С. 374.

ком оригинальных педагогических идей: свою новую систему обучения Толстой пропагандировал в задуманном им журнале «Ясная Поляна». Его письма к Александре Андреевне полны бодрости и энергии: «...теперь я после годовой свободы, не без удовольствия, чувствую на себе: 1) хозяйственный, 2) школьный, 3) журнальный и 4) посреднический хомуты, которые, не знаю хорошо или дурно, но усердно и упорно я намерен тянуть, насколько хватит жизни и силы. Так что надевать пятый хомут — брачный, я надеюсь, и не почувствую необходимость...», — писал он Александре Андреевне 14 мая 1861 г.

Александра Андреевна разделяла увлечения Толстого педагогикой, — она сама обладала талантом воспитательницы, любила детей, хорошо понимала детскую психологию. Под ее наблюдением воспитывались дочери великой княгини Марии Николаевны, Евгения и Мария Лейхтенбергские, а в 1866 г. Александра Андреевна была назначена воспитательницей царской дочери Марии Александровны. Поэтому в переписке немало страниц посвящено педагогической теме. Внимательно, пристрастно А.А. Толстая прочитывала номера журнала «Ясная Поляна» и, конечно же, давала советы своему другу по поводу его учительства. Восхищаясь его прогулками с детьми (см. письмо Толстого от начала августа 1861 г.), она одобряла в основном толстовскую систему свободного воспитания.

В своем письме о занятиях с детьми Толстой упомянул о конфликте между ним и дворянством крапивенской округи: «Посредничество интересно и увлекательно, но нехорошо то, что все дворянство возненавидело меня всеми силами души и суют мне des bâtons dans les roues ⟨палки в колеса⟩» (там же).

Александра Андреевна была обеспокоена противостоянием между Толстым и местным дворянством. Поначалу она обвиняла Льва, подозревая его в том, что он принимает воинственную позу перед помещиками, будучи по отношению к крестьянам снисходительным и терпеливым; она убеждала его в том, что мудрость и человеколюбие предписывают проявлять дух примирения (письмо от 22 августа 1861 г.).

Однако через год после объявления Манифеста, в феврале 1862 г. в Петербурге изменился политический климат. Во дворце почувствовали реакционные веяния, и чуткая Александра Андреевна вдруг стала убеждать Толстого отказаться от посреднической деятельности. 13 февраля 1862 г. она писала: «...я была бы очень рада, если бы вы ограничились занятиями литератора и школьного учителя. Оставьте *посредничест-

во*, которое вам приобретает столько врагов и забирает весь ваш досуг. Сделайте, как Алексей Толстой[20], который разорвал свои аксельбанты и отказался от всякой политической и правительственной деятельности, чтобы остаться просто поэтом и писателем. Я уверена, что *посредничество* лишило вас множества чудесных вещей. *Я на этот грабеж не согласна*, но вы, как те монархи, что любят делать замки́ и сургуч и воображают, будто в этом их призвание».

Летом 1862 г. Толстой заболел. Он сильно кашлял и опасался развития чахотки, от которой скончались его отец и два брата — Николай и Дмитрий. Исцеление от болезни могло принести лечение кумысом, и Толстой отправился в башкирские степи пить кумыс и дышать целебным степным воздухом. Накануне отъезда он был уволен по болезни от должности мирового посредника.

Толстой, по его признанию, совершил прекрасное путешествие на пароходе от Твери до Самары, а от Самары на лошадях до башкирского кочевья Каралык. Степное раздолье захватило Толстого, и он как будто растворился в нем: гуляя, скакал на коне, охотился, пил кумыс, забыл обо всем и обо всех, писем от него не было. Кашель его оставил, он чувствовал себя поздоровевшим.

Не получая писем от Льва, Александра Андреевна случайно узнала от родных о его болезни. Обеспокоенная, она писала 14 июня 1862 г. в Самару: «Дорогой мой Лев, я только что к своей большой тревоге узнала, что вы уехали в Самару на *кумыс*. Неужели вы больны? Я ужасно беспокоюсь за вас. Шлю вам на всякий случай несколько строк в Самару, не знаю, получите ли вы их; если да, то Бога ради, ответьте мне немедленно, хотя бы в двух строках». Среди сетований о болезни друга, о предстоящей разлуке с родными из-за отъезда за границу, о семейных новостях и печальных событиях, как бы невзначай брошена одна загадочная строка: «Я беспокоюсь за вас и по другим причинам, но о них не могу говорить в письме».

---

[20] Алексей Константинович Толстой (1817—1875), троюродный брат Л.Н. Толстого, в 9-летнем возрасте стал товарищем детских игр наследника Александра Николаевича. После коронации Александр II приблизил к себе друга детства, назначив его флигель-адъютантом. Придворная служба разочаровала Алексея Толстого, он написал царю письмо с просьбой об отставке, уверяя монарха, что принесет обществу больше пользы как поэт и писатель (см. письмо А.К. Толстого Александру II, август или сентябрь 1861 г. в кн.: *Толстой А.К.* Собр. соч. М., 1964. Т. 4. С. 139—140).

Придворная дама оказалась очень осведомленной, ей, по-видимому, стали известны интриги жандармского отделения против писателя, который, по его собственному замечанию, был «сильно на примете у *синих*»[21] еще со времени публикации «Севастопольских рассказов».

Однако стремительное развитие событий опередило их встречу и обещанный конфиденциальный разговор.

6 июля 1862 г. в Ясную Поляну нагрянули тройки с жандармами. Два дня производили тщательный обыск. Искали тайную типографию для печати прокламаций, которую якобы собирался устроить Толстой в своем имении, о чем доложил начальству сыщик Шипов, осуществлявший тайный полицейский надзор за Толстым и Ясной Поляной. Сыщик доносил также, что в Ясной Поляне живет более двадцати студентов «разных университетов и без всяких видов» (т.е. без разрешения). Студентов приглашал Толстой для преподавания в яснополянской школе и окрестных деревнях, он видел в них способных помощников в педагогическом деле. Студенты привозили с собой запрещенные сочинения Герцена и революционные прокламации, но, как уверял Толстой, в скором времени утрачивали интерес к запрещенной литературе и увлекались школьным делом.

Во время своего заграничного путешествия в феврале—марте 1861 г., будучи в Лондоне, Толстой познакомился с А.И. Герценым, часто бывал у него в доме, потом переписывался с ним. Письма Герцена и его фотография с дарственной надписью хранились среди бумаг Толстого. По преданию, при обыске ловкая горничная Татьяны Александровны Ергольской, Дуняша, успела схватить портфель с бумагами и фотографией Герцена и бросить в крапиву. В результате ничего подозрительного, кроме двух выписок из сочинений Герцена в тетради у одного студента, найдено не было, как рапортовал руководивший обыском жандармский полковник Дурново. Он лично рылся в рукописях Толстого, перечитал адресованные ему письма и его дневники. Перепугав тетеньку Татьяну Александровну и сестру Марию Николаевну, жандармы удалились.

О том, что случилось, Толстой узнал только по возвращении в Москву, где ему передали письмо из Ясной Поляны. Его негодованию не было предела, и он обрушил свои гневные упреки на обитательницу дворца «в гадком Петербурге», откуда исходит все зло. Письмо Александре

---

[21] Запись в Дневнике Толстого от 17 сентября 1851 г. (*Юб.* Т. 47. С. 60).

Андреевне от 22 или 23 июля 1862 г. превратилось в обвинительный акт: «Какие это опасения вы имели на мой счет? Это меня интриговало все время и только теперь, получив известия из Ясной Поляны, я все понял. Хороши ваши друзья! Ведь все Потаповы, Долгорукие и Аракчеевы и равелины — это всё ваши друзья! ⟨...⟩ Какой-то из ваших друзей, грязный полковник, перечитал все мои письма и дневники, которые я только перед смертью думал поручить тому другу, кот⟨орый⟩ будет мне тогда ближе всех, перечитал две переписки, за тайну кот⟨орых⟩ я бы отдал все на свете, — и уехал, объявив, что он *подозрительного* ничего не нашел. Счастье мое и этого вашего друга, что меня тут не было, я бы его убил. Мило! славно! Вот как делает себе друзей правительство».

Письмо было написано не только в гневе, но и с расчетом, что им также поинтересуются те самые «грязные полковники» из жандармского управления. Примечателен конец письма: «Как-то я писал вам о том, что нельзя искать тихого убежища в жизни, а надо трудиться, работать, страдать. Это все можно, но ежели бы можно было уйти куда-нибудь от этих разбойников с вымытыми душистым мылом щеками и руками, кот⟨орые⟩ приветливо улыбаются. Я, право, уйду, коли еще поживу долго, в монастырь, не Богу молиться — это не нужно, по-моему, а не видеть всю мерзость житейского разврата — напыщенного, самодовольного и в эполетах и кринолинах. —Тьфу! — Как вы, отличный человек, живете в Петербурге? Этого я никогда не пойму, или у вас уж катаракты на глазах, что вы не видите ничего».

В ответном письме от 18 августа 1862 г., написанном в большом волнении, Александра Андреевна пыталась объяснить, что те полицейские меры, жертвой которых Толстой оказался, вызваны кризисной ситуацией, поставившей царя-реформатора в затруднительное положение. В оправдание государя она советует «принять во внимание чрезвычайно тяжелые времена, когда везде предательство, заговоры и чрезмерный демократизм». В то время, когда Толстой забыл обо всем и обо всех среди простора башкирских степей, в Петербурге случилось жаркое лето — не только жара, но и взрывоопасная революционная ситуация. В мае появилась прокламация «Молодая Россия», — и в городе вдруг вспыхнули пожары. Возможно, причиной их была стоявшая в то лето сушь, однако распространялись упорные слухи, что поджигают студенты. Правительство спешно учредило военно-полевые суды по делам о поджогах. Были введены новые правила о печати и приостановлено издание журнала «Современник», в котором начиная с 1852 г. печатался

Толстой. Одного из редакторов «Современника», Н.Г. Чернышевского, арестовали и отправили в Петропавловскую крепость. К осени оформилось тайное общество революционной молодежи «Земля и Воля». Реформаторы перепугались, крепостники злорадствовали. Так что мысль о «чрезмерном демократизме» Александра Андреевна высказала неспроста.

Главной ее заботой было успокоить Льва, отговорить его от намерения «экспатриироваться», о чем он писал ей 7 августа 1862 г., упомянув, что намерен подать письмо государю. Она передала ему совет Б.А. Перовского не теряя времени написать государю и прочитала маленькое нравоучение своему «внуку», припомнив, что плохому мнению о себе при дворе он обязан «несчастной песенке» — солдатской сатирической песне «Как четвертого числа», сочиненной им в Севастополе.

С необычайной проницательностью Александра Андреевна убеждала Толстого не покидать Ясной Поляны. Она взывала к его христианским чувствам: «*Я не хочу, чтобы вы уезжали из* *Я⟨сной⟩ П⟨оляны⟩*! Нигде вы не будете так счастливы и, что еще важнее, так полезны. Не приносите в жертву вашему гневу, как бы ни был он справедлив, того, что у вас теперь есть. И если возможно — *простите* ⟨...⟩ Теперь вы истинно стоите на распутьи. Надо выбирать между людьми и Богом, между ненавистью, которая губит себя и других, и любовью и прощением, которые живут вечно. Не преступайте этот закон даже в виду ваших личных терзаний и неудобств. Это может быть самая решительная минута в вашей жизни» (письмо от 18 августа 1862 г.).

Письмо Александру II Толстой написал — оно исполнено чувства собственного достоинства. Просьба его была одна: «Я прошу только о том, чтобы с имени Вашего Величества была снята возможность укоризны в несправедливости и чтобы были, ежели не наказаны, то обличены виновные в злоупотреблении этого имени»[22]. Письмо государю было передано через флигель-адъютанта С.А. Шереметева. От шефа жандармов тульскому губернатору было поручено передать графу, что по воле Александра II помянутая мера (обыск) не будет иметь для него, графа, никаких последствий...

Случай с обыском в Ясной Поляне усилил неприязнь Толстого к государственной власти. Жизнь его в Ясной Поляне, так славно налажен-

---

[22] Письмо Толстого Александру II от 22 августа 1862 г. (см.: *Юб.* Т. 60. С. 441).

ная, с четырьмя хомутами — хозяйственным, школьным, журнальным, посредническим, — грубым вторжением властей нарушилась непоправимо. Только и оставалось — жениться.

5

Как бы ни были заинтересованы друг другом авторы переписки, они никогда не забывали тех, кто с ними рядом; их жизнь была тесно связана с семейным окружением, и в письмах постоянно упоминаются родные, населяя пространство эпистолярного романа множеством дорогих близких лиц. Переписка проникнута особым духом. Толстой называл его «толстовско-барыковско-твердо-родственным-приятным духом» (письмо от 23 ⟨?⟩ августа 1858 г.). Все это придает переписке черты семейной хроники.

«Я пишу это письмо у тетиньки на столе. Вы бы были тронуты, ежели бы видели, с какою любовной охотой она дала мне письменные материалы для того, чтобы писать вам. Она вас очень, особенно любит. Она любит всех ваших, но вас особенно», — в нескольких строках из письма Толстого от 14 ноября 1865 г. запечатлена атмосфера взаимной приязни двух семейств.

С самого начала их дружеских отношений Александра Андреевна принимала близко к сердцу все, что касалось семьи Толстого. Еще в Швейцарии она узнала о разрыве с мужем его сестры Маши и в своих письмах выражала сочувствие молодой женщине, постоянную тревогу за ее судьбу и здоровье. Она поддерживала Марию Николаевну не только словом, но и делом: когда Валерьян Петрович Толстой, бросивший семью, умер, оставив состояние своей сожительнице, Александра Андреевна хлопотала в Петербурге о возвращении состояния законной семье (см. письмо от 20 декабря 1865 г.). Благодаря Александре Андреевне обновилась и укрепилась старая дружба, соединявшая ее семью с семьей Толстого. Она понимала, как необходим для Льва семейный круг в периоды его безалаберной холостяцкой жизни в Петербурге. 7 октября 1857 г. она писала ему: «Если Бог приведет вас в Петербург, то я введу вас в свой не трубный, а семейный круг; кроме тех, которых вы уже знаете, вы найдете в нем удивительное четырехлетнее существо, которое примиряет со всеми скорбями».

Главой этого семейного круга была «маменька» — Прасковья Васильевна Толстая, в свои 60 лет сохранившая бодрость и былую красоту.

С ней жила младшая дочь — Софенька. Старшая — Елизавета («бабушка Лиза», с которой Толстой подружился в Швейцарии) и средняя — Александра оставляли на время свои фрейлинские покои ради тепла и уюта материнского дома. Брат Илья появлялся дома наездами — он служил в Оренбурге. Всякий раз он ожидал встречи со Львом. Общение их было дружественное, и в письмах к Илье Андреевичу Лев Николаевич называл его «добрейший дядюшка».

Все дочери Прасковьи Васильевны были незамужние, сын не женат. И вот в этой семье явилась крохотная надежда — девочка Паша. Происхождение ее загадочно. Ее считают приемной дочерью Ильи Андреевича. Неизвестно, была ли она его внебрачной дочерью или взята в семью как сирота. Она была общая радость.

Лев Николаевич и Александра Андреевна были схожи своей любовью к детям. Поэтому в их письмах время от времени появляются маленькие герои. Так, в одном из писем (31 марта 1859 г.) Александра Андреевна рассказала о проделке Паши, что вызвало переполох в семействе: Паша вырезала ножницами дырку в новом бальном платье своей тетки, Софи Вадбольской. Когда ее спросили, зачем она это сделала, Паша ответила: «Я люблю смятение». От девочки долго добивались раскаяния, читали ей мораль. На вопрос, будет ли она еще так делать, Паша отвечала: «*Не знаю*». Под конец она подошла к тете Софи, сказала: «Я думаю 〈...〉 дырочку совсем не будет видно». «Вы не находите, что есть что-то философское в этом детском эпизоде?» — заметила Александра Андреевна. «Первая девочка в мире», — отозвался о Паше, познакомившись с ней, Толстой (см. письмо от конца марта 1859 г.).

Знаменательным событием стало первое посещение Ясной Поляны семейством Прасковьи Васильевны. Приезд многочисленных гостей в усадьбу, немного запустевшую после смерти Марии Николаевны и Николая Ильича, вызвал большое оживление. Сколько воспоминаний было у Прасковьи Васильевны и Татьяны Александровны Ергольской, проводивших вместе свои молодые годы, и как одушевлен был Лев Николаевич своей ролью хозяина!

Это было летом 1858 года. Следующее лето, с июня 1859 г., Александра Андреевна проводила с «малым двором» за границей. 8 июля, находясь на голландском курорте в Спа, она получила известие о смерти маленькой Паши в имении Томиловых, на берегу Волхова, куда Прасковья Васильевна отправилась с семьей на лето.

«Я узнал о вашем горе, любезный друг Alexandrine, не от Кат⟨ерины⟩ Н⟨иколаевны⟩, а от постороннего, равнодушного человека, и мне страшно за вас стало, когда я услыхал это, — писал Толстой Александре Андреевне 12 октября 1859 г. — Особенно мне жаль вашу бедную маминьку. В ваши года еще вы сами для себя интересны, еще есть для вас счастливые заблуждения, еще сверстники и сверстницы ваши вам любезны, а в ее года любят в последний раз и любят не взрослых, готовых, оконченных, а любят надежду, задатки чего-то, что должно пережить нас самих. Она любила так вас — дочерей, когда вы были очень молоды, но теперь, я уверен, что Пашу она любила больше всех вас. Мне кажется так».

Через год ужасная утрата постигла Льва Николаевича.

Летом 1860 г. он отправился на юг Франции с больным братом Николаем и сестрой Машей. У Николеньки была последняя стадия чахотки; и больной, и родные надеялись на чудесное исцеление в благодатном средиземноморском климате в курортном городе Гиере. Туда Лев и привез больного брата. Прекрасная природа оживила силы больного, но через несколько дней снова наступило ухудшение с мучительным кашлем по ночам. 20 сентября 1860 г. Николай Николаевич скончался. Он похоронен в Гиере. Смерть любимого брата, скончавшегося у него на руках, потрясла Толстого. В Дневнике — короткая запись: «Скоро месяц, что Н⟨иколенька⟩ умер. Страшно оторвало меня от жизни это событие ⟨...⟩ Н⟨иколенькина⟩ смерть самое сильное впечатление в моей жизни»[23].

Одинокий, потерянный Толстой продолжал жить в чужом городе. Связь с жизнью понемногу восстанавливалась, память подсказывала — где-то есть родная душа: «Я вас потерял из виду, любезный друг Alexandrine, потому что уехал за границу с сестрой, и главное, за братом Николаем, который осенью заболел и вот скоро месяц, что умер. А никогда мне так нужно вас не было, как это время», — писал он из Гиера 17(29) октября 1860 г. Глубокую любовь и скорбь выразил он в словах об умершем на его руках Николае Николаевиче: «Мало того, что это один из лучших людей, которых я встречал в жизни, что он был брат, что с ним связаны лучшие воспоминания моей жизни, это был лучший мой друг ⟨...⟩ не то, что половина жизни оторвана, но вся энергия жизни

[23] Запись в Дневнике Толстого от 13 (25) октября 1860 г. (*Юб.* Т. 48. С. 29–30).

с ним похоронена. Незачем жить, коли он умер 〈...〉. Вам хорошо, ваши мертвые живут там, вы свидитесь с ними (хотя мне всегда кажется, что искренно нельзя этому верить — было бы слишком хорошо), а мои мертвые исчезли, как сгоревшее дерево 〈...〉. Я вам пишу не для того, чтобы вы утешали меня. Пожалуйста, не пишите мне ничего обо мне. Пожалуйста, ничего не пишите. Пишите о себе, о России, о делах наших, о вашей матушке, сестре, княжнах. Я говорил сестре, как в горе узнаются друзья, не так, как это думают, что они помогают, но потому что в горе только воспоминанья о лучших людях всплывают наружу. Не было дня, чтобы я не вспоминал про вас, и что бы я дал, чтобы последние дни на секундочку увидеть вас».

Александра Андреевна отвечала 31 октября 1860 г. из Петербурга, где двор был в глубоком трауре по случаю кончины императрицы Александры Федоровны: днем и ночью шли заупокойные службы, и придворные дамы долгие часы стояли у гроба.

Строки из письма Толстому одушевлены порывом встречного чувства: «...узнавши о болезни вашего брата, я тотчас почувствовала, что вы приговорены к великому несчастью, и мною тогда овладело сильное, почти болезненное желание съехаться где-нибудь с вами 〈...〉 я почувствовала такую полную, сосредоточенную любовь к вам и к почти незнакомому брату, что твердо уверена, что этого запаса станет и для вас и для него. Я не знала тогда, что сестра с вами, и мне хотелось заменить ее 〈...〉. Сердце ваше вызывало меня потому только, что вы совершенно уверены, что вы можете броситься ко мне со всем великим горем и тяжким недоумением. Милый, милый друг, будемте просто горевать вместе и признаваться друг другу, что сильно, глубоко поразил нас Бог и что трудно нам совладать с собою. Но вдали и вблизи скажу всё то же. Не верьте самому себе. И *мои* и *ваши* все живы и отдадутся нам в свое время. У Бога мертвых нет, кроме живущих без упования, — но и для тех придет час милосердия». Она была убеждена, что безверие Льва — показное, что в глубине души, может быть неосознанно, он человек истинно верующий и всеми силами старалась пробудить, вызвать к жизни этого «внутреннего человека», употребляя всю свою настойчивость и красноречие.

Александра Андреевна понимала, что Толстому для душевного обновления нужна перемена в жизни и снова заводила речь о его женитьбе: «...я всегда желала вашей женитьбы, я этого хочу и теперь, даже больше, чем когда-либо — я совершенно твердо убеждена, что вы из тех,

кому положение старого холостяка не подходит никоим образом ⟨...⟩ в этом желании, горячем и искреннем, огромная доля самоотречения», — настаивала она в письме от 25 апреля 1861 г.

Осенью 1862 г., после жандармского обыска в Ясной Поляне и бурных объяснений по этому поводу, Лев Николаевич писал «милому другу Александрии» в примирительном тоне и жаловался, что на него в последнее время обрушиваются несчастья: жандармы, цензура, а он, «старый дурак», влюбился. «И правил никаких нет», — сокрушался он о своей влюбленности в письме от 7 сентября 1862 г. В молодости Толстой вырабатывал для себя разные правила: правила для развития воли, правила литературные, даже правила для картежной игры. А тут влюбился и правил никаких нет. Однако то, что должно было произойти, свершилось.

«Помните ли, любезный, дорогой друг Alexandrine, вы мне говорили: когда-то вы так же ⟨напишите⟩, как Вл⟨адимир⟩ Иславин писал Кат⟨ерине⟩ Ник⟨олаевне⟩, что вы любите и женитесь. Теперь я пишу. В воскресенье, 23 сентября, я женюсь на Софье Берс — дочери моего друга детства Любочки Исленьевой. Для того чтобы дать вам понятие о том, что она такое, надо бы писать томы; я счастлив, как не был с тех пор, как родился», — письмо было отправлено из Москвы 19 или 20 сентября, после того как вечером 16-го Лев Николаевич получил согласие на сделанное им предложение.

Из Петербурга прозвучало в ответ: «Радуюсь, радуюсь, радуюсь» (письмо от 23 сентября 1862 г.).

С дружеским доверием и благодарностью Толстой писал Александре Андреевне 28 сентября 1862 г. из Ясной Поляны про обретенное им семейное счастье: «Любезный дорогой друг и бабушка! Пишу из деревни, пишу и слышу наверху голос *жены*, которая говорит с братом и которую я люблю больше всего на свете. Я дожил до 34 лет и не знал, что можно так любить и быть счастливым ⟨...⟩. Благодарю вас за последнее письмо ⟨от 23 сентября 1862 г.⟩. И за что меня любят такие хорошие люди, как вы, и что всего удивительнее, как такое существо, как моя жена».

Александра Андреевна старалась сразу же завоевать расположение жены Льва Николаевича. 10 ноября 1862 г. она писала в Ясную Поляну ласково: «Дорогие мои друзья, Лев и Софи!» — и наставляла, как всегда с твердостью и надеждой, молодую жену: «Довольствуйтесь тем, чтоб быть любимой, счастливой, давать счастье и благодарить за него

Бога. Он указал вам этот путь — идите по нему с радостью и увлекайте за собой Льва». Она по-прежнему верила, что под влиянием жены Толстой от безверия придет к истинно христианскому исповеданию.

Казалось, жизнь разводила их: главный интерес Толстого сосредоточивался вокруг семейного очага и упорного литературного труда, Александра Андреевна «в гадком Петербурге» поглощена была обязанностями придворной службы и светской суетой, но по-прежнему им необходима была их дружеская перекличка.

«Любезный друг Alexandrine ⟨...⟩, — писал Толстой между 17 и 31 октября 1863 г. — Я так потерял вас из вида и так виноват перед вами, что я вас боюсь. Но угроза потерять в вас друга слишком страшна для меня. — Вы узнаете мой почерк и мою подпись; но кто я теперь и что я, вы, верно, спросите себя. Я муж и отец, довольный вполне своим положением и привыкнувший к нему так, что для того, чтобы почувствовать свое счастье, мне надо подумать о том, что бы было без него ⟨...⟩. Вас я люблю меньше, чем прежде, но все-таки достаточно для того, чтобы вы не оставляли меня, все-таки больше всех людей (а как их много было), с которыми я встречался в жизни. ⟨...⟩ Где вы? что вы?» Ответное письмо от 5(17) марта 1864 г. пришло из Флоренции, где Александра Андреевна в то время отдыхала: «Я не жду ни частых писем, ни даже правильной переписки и прекрасно понимаю разницу наших положений. Вы мне ближе, чем я вам, — *но мне только надобно было знать, что при свидании, если Бог его пошлет, будет опять все то же*. Меня радует даже то, что вы всецело поглощены вашей женой и ребенком. Я именно так и понимаю супружескую жизнь — как нечто сильное, временами мучительное, но заполняющее все стороны души».

Толстой придумал свою, поэтическую теорию перемены человеческого характера в семейной жизни. Теория уместилась в нескольких строках письма: «А как переменяешься от женатой жизни, я никогда бы не поверил. Я чувствую себя яблоней, которая росла с сучками от земли и во все стороны, которую теперь жизнь подрезала, подстригла, подвязала и подперла, чтобы она другим не мешала и сама бы укоренялась и росла в один ствол. Так я и росту; не знаю, будет ли плод и хорош ли, или вовсе засохну, но знаю, что росту правильно», — писал Толстой Александре Андреевне 5 июля 1865 г. из Никольского-Вяземского, где проводил с семьей лето. «Вы мне очень нравитесь в виде яблони», — отвечала она (см. письмо от 18 июля 1865 г.). Ее интересовали все подробности его семейной жизни...

Еще зимой (между 18 и 23 января 1865 г.) Толстой на страницах письма к Александре Андреевне описал быт яснополянского дома: «Помните, я как-то раз вам писал, что люди ошибаются, ожидая какого-то такого счастия, при котором нет ни трудов, ни обманов, ни горя, а все идет ровно и счастливо. Я тогда ошибался. Такое счастье есть, и я в нем живу ⟨...⟩ И матерьялы, из которых построено это счастье, самые некрасивые — дети, которые (виноват) мараются и кричат, жена, которая кормит одного, водит другого и всякую минуту упрекает меня, что я не вижу, что они оба на краю гроба, и бумага и чернила, посредством ⟨которых⟩ я описывал события и чувства людей, к⟨отор⟩ых никогда не было».

Уединившись в «кабинете под сводами», Толстой пишет «Войну и мир», и даже когда работа окончена, он чувствует рядом присутствие вымышленных лиц, созданных его воображением. Они как бы вступают в круг невымышленных обитателей яснополянского дома, где жена с детьми, тетенька со своей компаньонкой, сестра Маша и девочки-племянницы, и все эти окружающие его существа, невымышленные и вымышленные, дороги писателю.

«Я бы хотел, чтобы вы полюбили моих этих детей», — так рекомендует Толстой Александре Андреевне героев своего романа «1805», ожидая ее отзыва на выход его в свет (см. письмо между 18 и 23 января 1865 г.).

Александра Андреевна высказала свое первое впечатление в письме от 18 июля 1865 г.: «...общее впечатление было хорошее, за исключением некоторых повторений и слишком мелких подробностей, которые загромождают рассказ. Масса персонажей не путаются в голове, а укладываются в ней, точно входишь в гостиную, где все тебе знакомы. Во второй части я была очарована характером молодой девушки (Марьи), который только еще намечается».

В произведениях Толстого Александра Андреевна искала и находила прежде всего его самого, с его живым обаянием, достоинствами и недостатками. В ее письме от 1 мая 1863 г. промелькнуло замечание, которое, по-видимому, многое объясняет: «не умею отделить *друга* от автора». Это в полной мере сказалось на ее отзыве, когда весь роман «Война и мир» был ею прочитан.

В письме от 13 февраля 1868 г. Александра Андреевна признавалась: «Все это время я жила вашей книгой, дорогой Лев, а следовательно и вами; я говорила, писала вам целые томы в ответ. К счастью для

вас, у меня не было времени изложить все мои мысли на бумаге — впрочем, неприятных мыслей для вас там не было».

Несколько лет спустя, в тяжелые для нее дни, когда она тревожилась о судьбе своей воспитанницы — великой княжны Марии Александровны, Александра Андреевна писала 11 мая 1873 г. из Сорренто: «...читая теперь “Войну и мир”» ⟨...⟩ я нашла слова, которые помогли мне больше, чем проповеди. *И я этими словами и мыслями теперь часто живу и обновляюсь*».

Александра Андреевна не пыталась дать оценку роману Толстого, но ее задушевное признание определило главное в этой книге: та благотворная жизненность («la vitalité bienfaisante»), которую она почувствовала в молодом Льве, «перелита» писателем в его творение, оно преисполнено жизнеутверждающей силы. Слова Александры Андреевны «живу и обновляюсь» и поныне выражают чувства, которые испытывают читатели великого произведения.

6

В то время как Александра Андреевна проводила весну в Италии, Толстой собирался отправиться из Ясной Поляны в самарские степи, о чем сообщал в письме от 1 марта 1873 г.: «Мы живем по-старому и нынче весною сбираемся в большое путешествие в Самару. Во всей семье только об этом и речи. В самарской степи у меня построен домик и заведено маленькое хозяйство, и там мы проведем, если Бог даст, лето».

Хутор находился в 120 верстах от Самары, в местности с башкирским названием Каралык. Степной воздух и кумыс укрепили физические силы Толстого, дети радовались путешествию и жизни «на воле». Но беда, постигшая здешние места, омрачила счастливо начавшееся лето. От страшной засухи погиб урожай, и в окрестных деревнях начался голод.

Толстой не мог оставаться безучастным к народной нужде. Он помогал крестьянам из соседних деревень деньгами и хлебом.

Чтобы выяснить размеры бедствия, он объехал всю округу и везде видел голые поля. Он написал письмо в редакцию «Московских ведомостей» о самарском голоде с призывом оказать помощь пострадавшему народу. Копию он отправил А.А. Толстой с письмом от 30 июля 1873 г.: «Посылаю вам длинную копию с письма моего в газеты о самарском голоде ⟨...⟩. Иногда мне приходит в голову, что среди совсем других — в

другой сфере — интересов и очень близких вашему сердцу, вы, получив мой пакет, скажете в душе: “Ах, что *они* не оставят меня в покое!” Но, прочтя все и не подумав, а почувствовав, вы, как добрая лошадь, вляжете в хомут и только скажете: “Ну, куда везти? сколько вас там? Я готова...”». Толстой подробно описал страшную картину вымирающего от голода населения и обратился к своему другу за помощью. И не ошибся: Александра Андреевна приняла к сердцу весть о народной беде и действовала энергично в придворных кругах; благодаря ее стараниям пожертвования для голодающих сделала императрица[24], что усилило приток денежной помощи от состоятельных людей.

Свою оценку помощи голодающим Александра Андреевна высказала в письме от 16 марта 1874 г.: «Что касается Самары, вы первый зажгли огонь, а я всеми силами поддерживаю его здесь, правда, вначале я встретила лишь недоверие и обвинение в преувеличении, но, однако, тревога поднята, и нельзя больше оставаться спокойным».

На слова о самарском голоде в письме Александры Андреевны Лев Николаевич откликнулся 15 августа 1874 г.: «Я на днях приехал из Самары, куда я ездил смотреть хозяйство в моем купленном там имении. Вы можете быть совершенно спокойны совестью в том участии, которое вы принимали в помощи тамошнему народу. Бедствие было бы ужасное, если бы тогда так дружно не помогли тамошнему народу».

За бедой народной — горе семейное. Одна за другой скончались тетки Льва Николаевича, самые близкие его родственницы после смерти родителей.

20 июня 1874 г. в Ясной Поляне скончалась на 82-м году жизни Татьяна Александровна Ергольская, воспитательница Толстого, друг его юности. «Вчера я похоронил тетушку Татьяну Александровну, — писал он Александре Андреевне 23 июня 1874 г. — Вы не знали ее, но ваша maman знала, и от меня вы про нее много слышали ⟨...⟩. Она была чудесное существо ⟨...⟩. Она 50 лет жила тут и не только зла, но неприятного не сделала никому. А боялась смерти. Не говорила, что боится, но я видел, что боялась. Что это значит? Я думаю, что это смирение. Я с ней жил всю свою жизнь. И мне жутко без нее».

Другая старушка, родная тетка Толстого, Пелагея Ильинична Юшкова, разъехавшись с мужем, жила по монастырям. После смерти Татьяны Александровны она приехала в Ясную Поляну, надеясь быть

---

[24] См.: *Гусев. Материалы III*. С. 145.

полезной Софье Андреевне в уходе за детьми, однако слегла в тяжелой болезни и 22 декабря 1875 г. скончалась. «Странно сказать, но эта смерть старухи 80-ти лет подействовала на меня так, как никакая смерть не действовала. Мне ее жалко потерять, жалко это последнее воспоминание о прошедшем поколении моего отца, матери, жалко было ее страданий, но в этой смерти было другое, чего не могу вам описать и расскажу когда-нибудь. Но часу не проходит, чтобы я не думал о ней. Хорошо вам верующим, а нам труднее» (письмо между 8 и 12 марта 1876 г.).

В переживании личного горя отразилась важная для Толстого мысль о связи поколений. Жизнь народная представлялась ему как историческая преемственность, где семья — звено цепи, связующей поколения. О семье как жизнеутверждающей силе в мире противоборства добра и зла размышлял он в сочинении, над которым работал в эти годы. «В “Анне Карениной” я люблю мысль семейную»[25], скажет он о своем романе.

Об успехе романа и спорах о нем известно из письма Александры Андреевны от 13 января 1877 г.: «Всякая глава “Анны Карениной” подымала все общество на дыбы, и не было конца толкам, восторгам и пересудам, и спорам, как будто дело шло о вопросе, каждому лично близком».

О своем восприятии романа она добавила: «...мне, как и всегда, кажется, когда я читаю вас, что я одна *вполне* понимаю и наслаждаюсь вашими сочинениями, хотя подчас и задевает меня что-то против шерсти, и я, разумеется, не могу прокричать аминь на все безусловно».

То, что задевало ее «против шерсти» было давнее, изначально существовавшее между ними различие их религиозного сознания.

В этом же письме Александра Андреевна напоминает, что с нетерпением ждет свидания с Софьей Андреевной. Их дружеской перекличке в письмах, происходившей время от времени, предстояло завершиться долгожданной встречей. Поездка в Петербург предпринималась из-за состояния здоровья Софьи Андреевны. Болезнь и смерть за два года одного за другим троих маленьких детей — Петра, Николая, Варвары — причинила ей тяжкие душевные страдания, надорвала ее физические силы.

Лев Николаевич настаивал, чтобы жена побывала на приеме у знаменитого доктора С.П. Боткина[26]. В письме к Александре Андреевне

---

[25] *ДСТ 1*. С. 502.

[26] Сергей Петрович Боткин (1832—1889), врач, терапевт, брат Василия Петровича Боткина, с которым Толстой был в дружеских отношениях.

(от 10 или 11 января 1877 г.) Толстой писал заранее о поездке Софьи Андреевны в Петербург и особенно просил написать ему в письме все, что скажет ей Боткин о болезни жены, — он опасался плохого диагноза. Другое, чего он желал, но о чем умалчивал, это — узнать о впечатлении, какое произведет его жена.

Софья Андреевна приехала в Петербург в январе 1877 г. В ту пору она была в расцвете своих 32-х лет; за ее плечами — 15 лет супружеской жизни, вокруг нее — пятеро детей. Графиня Толстая встретилась с другой графиней Толстой, «бабушкой» Льва. Они друг другу понравились.

Исполняя невысказанное желание Толстого, Александра Андреевна писала ему 18 января 1877 г. об этой встрече: «...я полюбила *навсегда* и уверена, что она это — почувствовала. — Вот как она мне показалась. Во-первых, давно знакомая и наружностью *точно* такая, как она мне виделась издалека. Потом симпатична с головы до ног — проста, умна, искренна и сердечна ⟨...⟩ Она оставила мне впечатление невыразимо теплое, и я вся переполнена ею и вами ⟨...⟩ Как хорошо, что я теперь люблю Sophie уже не par procuration, а par conviction ⟨по доверию... по убеждению⟩. Это мне так отрадно и в ней что-то такое родное ⟨...⟩ В ее голосе я нашла что-то ваше, то есть некоторые ваши интонации, и это было мне тоже так приятно».

Встреча сблизила их и навсегда сдружила. Обе поняли, что они союзницы. 24 января 1877 г. Толстой отправил Александре Андреевне письмо, исполненное сердечной благодарности: «Если у вас есть грехи, дорогой друг Alexandrine, то они, вероятно, вам простятся за то добро, которое вы мне сделали вашими двумя последними письмами. Попробую отвечать на то из них, что особенно радостно меня поразило. Соня не опасна, и вы ее искренно полюбили; искренность я слышу в вашем тоне, слышу, что вам не нужно было искать слов, и не могу вам передать, как это меня радует. Она приехала тоже в восхищении от вас ⟨...⟩ Другое, очень приятное, это то, что вы пишете о последнем отрывке моего романа[27] ⟨...⟩ Тысячу раз благодарю вас за вашу дружбу ко мне, за ваше чувство к Соне и за то, как вы ее приняли».

Это письмо Толстого — кульминация многолетней переписки. «Ваши письма сделали добро», — говорит Толстой. Слово стало делом. В сло-

[27] Отзыв об «Анне Карениной» см. в письме А.А. Толстой к Толстому от 13 января 1877 г. (письмо 124).

вах, начертанных рукой любящего человека, проявилась действенная сила добра и запечатлена высота нравственного чувства.

7

Рассказы Софьи Андреевны о семействе петербургских Толстых совпали у Льва Николаевича с намерением снова вернуться к старине после нескольких лет работы над романом о современности.

«Я теперь весь погружен в чтение из времен 20-х годов и не могу вам выразить то наслажденье, которое я испытываю, воображая себе это время, — написал Толстой Александре Андреевне 27 ⟨?⟩ января 1878 г. — Странно и приятно думать, что то время, кот⟨орое⟩ я помню, 30-е года — уж история».

В предыдущем письме (от 3 января 1878 г.) он просил Александру Андреевну доставить ему сведения о В.А. Перовском, прислать, если не возражают родные, его бумаги и письма. Писатель предполагал сделать Перовского героем своего нового произведения: «У меня давно бродит в голове план сочинения, местом действия которого должен быть Оренбургский край, а время — Перовского».

Василий Алексеевич Перовский был близким другом семьи петербургских Толстых, отношения с ним навсегда оставили глубокий след в жизни Александры Андреевны.

Внебрачный сын графа Алексея Кирилловича Разумовского, министра просвещения при Александре I, Василий 17-летним юношей отправился на войну 1812 г. Он участвовал в Бородинском сражении, был легко ранен, во время вступления французских войск в Москву по неосторожности попал в плен, пережил много приключений и вернулся в Россию со своим полком в 1814 г. после взятия Парижа[28]. Вскоре Перовский был произведен в полковники и назначен адъютантом к Николаю Павловичу, тогда еще великому князю. Во время восстания декабристов в Петербурге на Сенатской площади Перовский остался верен Николаю, находился рядом с ним.

Когда началась война с Турцией в 1828 г., Перовский проявил талант и геройство на театре военных действий. В сражении под Варной он был тяжело ранен в грудь, заслужил чин генерал-адъютанта; долго лечился

[28] Воспоминаниями Перовского Толстой пользовался как историческим источником во время работы над «Войной и миром». — См.: Из записок гр. Вас.Ал. Перовского о 1812 г. Плен у французов // *РА*. 1865. № 3.

после ранения. Потом он оставил Петербург и в 1830-е годы отправился в Оренбургский край генерал-губернатором. Управляя Оренбургским краем, Перовский проявил себя умелым администратором.

Генерал Перовский был человеком европейски образованным. Дружба с Жуковским сблизила его с Карамзиным, Вяземским, Пушкиным. В кругу литераторов его ценили как блестящего, остроумного собеседника. Романтическая любовь Перовского к Александре Андреевне Воейковой, родственнице Прасковьи Васильевны Толстой, в 30 лет скончавшейся от чахотки в Италии, добавила к его имени героя поэтический ореол. Он оставался холостяком.

Перовский был беден. Его отец, граф А.К. Разумовский, не озаботился дать ему какое-нибудь состояние.

Для Александры Андреевны Перовский, ровесник ее матери, с детских лет был любимым «дядюшкой Василием». По мере того как росла Саша, росло, изменялось ее чувство к доброму другу их семейства.

Остается загадкой, почему Перовский не женился на Александрии, — из-за несогласия ли ее родителей, разницы в возрасте или из-за материальных затруднений. Но ее любовь была ему отрадой и утешением на склоне лет, о чем свидетельствуют его письма к ней. Перовский скончался в Крыму после тяжелой болезни. Он умер на руках Александры Андреевны 8 декабря 1857 г., — она приехала, чтобы находиться возле него в его последние часы.

8 декабря навсегда осталось для Александры Андреевны днем поминовения и скорби.

Просьбу Толстого достать ему бумаги Перовского Александра Андреевна выполнила. Вместе с бумагами она отправила и связку писем Перовского к ней. Перед отсылкой она перечитала драгоценные для нее письма: «Чем больше я читала, тем успокоительнее и утешительнее становилось мое чувство, — писала она в сопроводительном письме от 3 февраля 1878 г. — Я *знаю* теперь, что то, что я любила, была *правда* — и напрасно я говорю об этой привязанности, как о нечто прошедшем; 20-ть лет разлуки ничего не изменили, а близость свидания окрашивает это чувство новым и ярким светом».

Толстой оценил доверительное признание и благодарил сдержанно: «Прочел письма к вам и посылаю их, понимая, как вы ими должны дорожить. Я нашел в них больше того, что я искал. Многие, особенно из Крыма, прелестны и чрезвычайно трогательны» (письмо от 14 ⟨?⟩ марта 1878 г.).

Однако к тому времени творческий замысел Толстого изменился: вместо романа о Перовском у него возник план большого исторического романа о декабристах, и он с особым увлечением стал собирать материалы о восстании 14 декабря 1825 г. и о судьбе его участников. Главную мысль его нового труда со слов Толстого записала Софья Андреевна: «...смотреть на историю 14 декабря, никого не осуждая, ни Николая Павловича, ни заговорщиков, а всех понимать и только описывать»[29].

В феврале 1878 г. Толстой ездил в Москву, где встречался с декабристами П.Н. Свистуновым, М.И. Муравьевым-Апостолом, А.П. Беляевым, а 5 марта он выехал в Петербург. Там он познакомился с В.В. Стасовым, членом Особого комитета для собирания материалов по истории царствования Николая I. Стасов располагал ценными бумагами николаевской эпохи. Толстой посетил также Петропавловскую крепость, где в 1826 г. содержались декабристы.

В течение трех дней он навещал Александру Андреевну. В их дружеских разговорах речь шла и об истории декабристов. Толстого интересовало, кто настаивал на казни пятерых осужденных.

По возвращении в Ясную Поляну он писал Александре Андреевне (письмо от 14 ⟨?⟩ марта 1878 г.): «То, о чем я просил вас узнать — разведать, еще больше чем прежде представляется мне необходимым теперь, когда я весь погрузился в тот мир, в котором я живу. *Надобно, чтоб не было виноватых*»[30].

Александра Андреевна предприняла энергичные разыскания среди своих петербургских светских знакомых и 31 марта 1878 г. отправила Толстому письмо-отчет: «Не сердитесь на меня, дорогой Лев, что до сих пор не могла достать вам нужные сведения. Достать их гораздо труднее, чем я думала, так как смерть смела почти всех действующих лиц этой эпохи. Старик Адлерберг, к сожалению, жестоко осторожен; сын его точно также».

Граф Владимир (Вольдемар-Эдуард) Федорович Адлерберг оставался одним из немногих живых свидетелей николаевского времени. Товарищ детских игр Николая I, он был преданным другом и помощником императора до конца его дней. 14 декабря 1825 г. Адлерберг, как адъютант, находился рядом с Николаем в противоборстве с восставшими. Будучи доверенным лицом императора, он знал многое — но молчал.

---

[29] *ДСТ 1*. С. 506.

[30] С вопросом о том, кто настаивал на казни, Толстой обратился и к Н.Н. Страхову в письме от 16 марта 1878 г. (*Юб*. Т. 62. С. 400).

Его старший сын, граф Александр Владимирович Адлерберг, министр двора, был близким другом Александры Андреевны, но вряд ли мог что-нибудь знать, — во время восстания декабристов он был еще ребенком.

После сетований на молчание Адлербергов, Александра Андреевна делает значительную приписку: «Кто-то мне недавно говорил, что князь Чернышев[31], — в то время генерал-адъютант императора, более всех настаивал на необходимости казни, но я сообщаю вам это, не ручаясь за достоверность, и мне не хотелось бы понапрасну чернить чью бы то ни было память. К тому же, вы ведь отыскиваете не виновных, а невинных. Я уверена, что на самом деле были только невольные виновники или глупцы, что в сущности одно и то же».

Декабристская тема обрывается в переписке в начале следующего, 1879 г. В январском письме (между 25 и 28) Толстой спрашивал Александру Андреевну: «Существует в Петербурге подлинное дело Декабристов, при нем существуют биографии с портретами, как мне говорили, всех Декабристов. К этому делу был допущен один только Богданович — историк. Есть ли надежда, что меня допустят к этому делу?».

Из Петербурга от Александры Андреевны пришло письмо, помеченное 3 февраля 1879 г.: «Что касается Декабристов, вот ответ, полученный мною от Дрентельна[32]: "Допущение гр⟨афа⟩ Л.Н. Толстого в Архив 3-го Отделения представляется совершенно невозможным"».

Александра Андреевна поспешила добавить к отказу дружеские слова утешения: «Жаль мне очень, что со всех сторон фиаско, но пусть это вас не обескураживает в будущем. В другой раз, может быть, и посчастливится».

Ждать, что посчастливится в другой раз, Толстой не стал. Он утратил интерес к событиям начала царствования Николая I. Замысел романа о декабристах остался неосуществленным.

Вслед за письмом Александры Андреевны от 3 февраля 1879 г. Толстой получил от нее другое, помеченное 10 февраля. В нем Александра Андреевна сообщала о смерти ее матери.

Прасковья Васильевна Толстая скончалась 7 февраля 1879 г., она была последней из поколения родителей. По просьбе Толстого Алек-

---

[31] Александр Иванович Чернышев, граф, с 1844 г. князь, военный министр в 1827—1852 гг.

[32] Александр Романович Дрентельн, шеф жандармов и главный начальник III Отделения в 1878—1880 гг.

сандра Андреевна подробно описала последние дни и кончину матери (письмо от 28 февраля 1879 г.).

В начале марта (2 или 3-го) 1879 г. Толстой отправил Александре Андреевне ответ: «...я сердцем благодарен вам за ваше длинное письмо с описанием последних дней и минут тетушки. Ничто мне так ясно не доказывает искренность вашей ко мне, совсем незаслуженной мною, дружбы. Слава Богу, что конец ее был так хорош. — Я ее теперь очень часто как живую вижу перед собой, с особенным, ей одной свойственным выражением этих прекрасных глаз, строгость и детская ласка».

Старина отдалялась. Век XIX близился к своему окончанию. Толстой был накануне нового периода своей духовной жизни.

В благодарственном письме к Александре Андреевне неожиданная концовка: «Что значит: *возьми крест свой* и иди за мною? Если у вас есть *короткое* и *ясное* объяснение, то напишите мне, как вы это понимаете. И очень ли важные эти слова? И какой ваш крест, как вы понимаете?»

С этого времени главной темой переписки становятся вопросы религии.

8

«...В большой семье русской как становится неумолимо грозно!» — в этой строке из письма Александры Андреевны в конце марта (после 26) 1877 г. отразилась историческая ситуация последних лет царствования царя-реформатора. Большой русской семьей Александре Андреевне виделась Россия. Противостояние в обществе достигло предела, начался период террора. Первый выстрел прозвучал 4 апреля 1866 г., — в Александра II стрелял Каракозов. Жертвами террористических актов становились царские генералы: 24 января 1878 г. Вера Засулич выстрелом в упор ранила петербургского обер-полицмейстера Ф.Ф. Трепова, в августе того же года был убит шеф жандармов Н.В. Мезенцов. 2 апреля 1879 г. Соловьев пять раз выстрелил в Александра II, но император остался невредимым. Террористами был подготовлен и осуществлен взрыв царского поезда. Следовавший из Крыма в Петербург 1 декабря 1879 г. царский поезд взорвался под Москвой, однако царь с семьей успел проехать другим поездом, вышедшим раньше. Террористические акты следовали один за другим в Одессе, в Киеве, в Харькове... В этой обстановке «Засуличевское дело» всколыхнуло все общество: суд присяжных оправдал девушку, стрелявшую в обер-полицмейстера.

Толстой был крайне взволнован происходящим. Из Ясной Поляны он писал 8 апреля 1878 г. своему другу Н.Н. Страхову: «Засуличевское дело не шутка. Это бессмыслица, дурь, нашедшая на людей не даром. Это первые члены из ряда, еще нам непонятного; но это дело важное. Славянская дурь была предвозвестница войны, это похоже на предвозв⟨естие⟩ революции»[33]. Толстой предвидел грядущую бурю, Александра Андреевна ее предчувствовала. Ее преследовало ощущение страха, ей часто казалось, будто надвигается гигантская волна и грозит поглотить всех, кто ей дорог, и все, что ей дорого.

«Политика черна, как чернила милейшего Аксакова, — сокрушалась она в письме от 31 марта 1878 г., — и я постоянно чувствую в груди обоюдуострый меч. Временами мне кажется, что мы все погибли».

Толстой был настроен критически: «ваши петербургские дела», — отозвался он в письме от 6 апреля 1878 г. На его взгляд, политика представлялась не черной, а «красной, как кровь отвратительного Трепова». И дальше он высказал мысль, которая станет для него главной начиная с 80-х годов и до конца его дней: «Мне издалека и стоящему вне борьбы ясно, что озлобление друг на друга двух крайних партий дошло до зверства ⟨...⟩ Все те, которые оправдали убийцу и сочувствовали оправданию, очень хорошо знают, что для их собственной безопасности нельзя и не надо оправдывать убийство, но для них вопрос был не в том, кто прав, а кто победит. Все это, мне кажется, предвещает много несчастий и много греха».

Ответ Александры Андреевны был созвучен размышлениям Толстого: «Вы правы насчет борьбы двух крайних партий, но как ее предотвратить? Несчастье состоит в том, что ни здравомыслящие, ни фанатки не опираются на настоящее основание. Эти последние хотят все вырвать насильем, другие надеются перестроить здание только с помощью своих собственных маленьких дарований и собственных мелких соображений. Копаются, шарят, бросаются из стороны в сторону и не приходят ни к чему, потому что краеугольный камень отложен в сторону и источник правды засорен. Среди наших великих администраторов не найдешь и двух, с которыми можно было бы говорить, опираясь на правду вечную и на общую нашу ответственность перед ней⟨...⟩ Я провожу бессонные ночи, обдумывая то, что происходит, и выход нахожу только в молитве,

---

[33] *Юб.* Т. 62. С. 411. «Славянская дурь», о которой Толстой упоминает в письме, славянофильские идеи панславизма, с призывами к защите сербов, подготовившие общественное мнение к войне с Турцией 1877—1878 гг.

которая представляется мне не лично моей — но молитвой общей всех за всех» (письмо от 10–12 апреля 1878 г.).

Для деятельной натуры Александры Андреевны невозможно было ограничиться лишь молитвенной самоуглубленностью. Она не могла не ввязаться в творившуюся вокруг «кутерьму». «Вообразите, — писала она 4 июля 1878 г., — что по совершенно неожиданным обстоятельствам я все это время возилась с нигилистками, затем с крепостью и Литовским замком и проч. и, что всего страннее для меня самой, я была одушевлена к ним какой-то особенной любовью, особливо к одной из них. Чудная личность, несмотря на свои заблуждения. А что всего лучше, мне удалось до некоторой степени помочь им. Как я была счастлива, и сказать не могу».

А.А. Толстая хлопотала по делу Анны Дмитриевны Чарушиной, жены народовольца Николая Аполлоновича Чарушина, осужденного по делу 193-х. 27 июня 1878 г. Александра Андреевна записала в дневнике: «Ездила в город, чтобы видеть еще раз свою милую нигилисточку Чарушину. Наткнулась на массу преград и наконец узнала, что она уже в Литовском замке, в ожидании отъезда в Сибирь. Я полетела в эту тюрьму, почти не надеясь проникнуть в нее, но имя мое и придворная ливрея экипажа моего открыли мне все двери и таким образом я добилась свидания с этой милой маленькой женщиной, полной смелости, самоотвержения и стремления к добру. Но вид стен этой тюрьмы перевернул мне душу. В конце концов я была невыразимо счастлива, что успела вовремя исполнить все свои намерения, т.к. завтра они, вероятно, уже выезжают в Сибирь»[34].

Толстого обрадовало участие Александры Андреевны в судьбе осужденных: «Как странно мне было и радостно то, что вы пишете о том интересе, который в вас возбудили узники. Большое счастье, которое, сколько я знаю, и вы имеете, — не принадлежать к партии и свободно жалеть и любить и тех и других. Мне ужасно больно думать, что я, бывши в Петербурге, избегал Мезенцова за его место. И как он мне трогателен и мил теперь, т.е. память о нем» (письмо от 5 ⟨?⟩ сентября 1878 г.).

Толстого по-прежнему восхищали прекрасные свойства души Александры Андреевны. «Будьте, как всегда, милая, добрая, всепрощающая», — обращался он к ней в письме между 25 и 28 января 1879 г.

[34] *РГАЛИ*. Ф. 318. Оп. 2. Ед. хр. 43.

Большую часть 1879 г. А.А. Толстая провела за границей с тяжело больным братом. Они поселились в Швейцарии, в тех местах, где Лев Николаевич и Александра Андреевна встретились двадцать лет тому назад. Вокруг снова была чудесная весна, волновали воспоминания о былом. 5 мая она написала Толстому подробное письмо, в котором делилась с ним нахлынувшими чувствами.

Еще до отъезда Александры Андреевны в Швейцарию состоялся обмен письмами, содержание которых имело особое значение — это было предвестие поворота в умонастроении Толстого и в их отношениях. Речь шла о толковании евангельского изречения о кресте (см. письмо Толстого от 2 или 3 марта 1879 г.).

Вопрос Толстого волновал Александру Андреевну, она ответила исповедальным письмом (9 марта 1879 г.): «Когда-то в молодости мне захотелось избрать *один* текст особенным руководителем моей жизни и, открывши Евангелие наугад, — мне попалось именно это слово, которое во всех важных случаях моей жизни повторялось для меня или в Церкви, или другим образом, как напоминание и обновление».

Александра Андреевна понимала слова о кресте как необходимость следования примеру Спасителя и упование на его помощь: «Крест наш будильник — он же доказательство бессмертия. Душа чует и признает в нем свое спасение. Вот почему при всяком испытании мы еще крепче держимся за Его крест. Какой *мой* крест? Скажу наотрез: *борьба с грехом* ⟨...⟩ нести себя *без Него* для меня просто было бы невозможно, особенно с тех пор как я поняла всю солидарность наших грехов. Я теперь вполне уверена, что каждый грех нарушает общий порядок и отзывается вредно где-нибудь и на ком-нибудь».

Толстой продолжил диалог о кресте, придавая словам Евангелия особое значение. В письме от 25 ⟨?⟩ марта 1879 г. он подытожил кратко: «Ваш крест — двор, мой — работа мысли — скверная, горделивая, полная соблазнов».

Слова Толстого о том, что крест Александры Андреевны — двор, вызвали у нее бурный протест: «Жаль, что нет времени писать, а то хотелось бы сказать еще многое в ответ на ваши мысли о кресте. Думаю, что мы разнимся только в форме, но что Двор составляет мой крест, совершенно фальшиво. Не забудьте, что я *люблю* меня окружающих и принадлежу *им* всем сердцем. Как живо я чувствовала это в эти страш-

ные дни, где чуть-чуть не совершилось новое злодейство»[35] (письмо от 4 апреля 1879 г.).

Александра Андреевна вернулась в Россию в канун 1880 г. в тяжелом душевном состоянии. В Швейцарии, в Кларане, 21 июля 1879 г. скончался ее брат Илья Андреевич Толстой; в Петербурге, в Зимнем дворце, ей предстояло находиться возле тяжело больной императрицы.

Графиня Александра Толстая была одной из самых приближенных к императрице придворных дам как воспитательница ее дочери Марии. Эту должность Александра Андреевна исполняла с 1866 г. до замужества великой княжны в 1874 г. За эти годы воспитанница горячо привязалась и полюбила свою воспитательницу, заслуживавшую уважение и расположение августейших родителей. В знак признательности царской семьи графиня Толстая была удостоена высшей награды для придворных дам — Ордена Святой Екатерины. За Александрой Андреевной сохранялось пожизненно ее положение и содержание фрейлины и ее покои в бельэтаже Зимнего дворца (помещение между Зимним дворцом и Эрмитажем).

Положение дел, по мнению Александры Андреевны, складывалось ужасно: царь к этому времени стал тяготиться своими обязанностями, после краткого утреннего приема министров спешил сбросить с себя мундир и предаться радостям частной жизни, — всем было известно, что у него незаконная семья — княжна Екатерина Долгорукая с тремя детьми. Царь распорядился поместить их в Зимнем дворце, что создавало скандальную ситуацию и заставляло страдать императрицу.

События этого года и следующего Александра Андреевна подробно описала в воспоминаниях «Печальный эпизод из моей жизни при дворе». Воспоминания начинаются словами: «Високосный 1880 год приближается к концу. В самом его начале уже можно было отчасти предвидеть несчастия, ожидавшие нас». И далее она пишет: «Зима и часть весны прошли для нас в чередовании страха и надежды: Государыня медленно умирала, терпеливо перенося как физические, так и нравственные страдания. Испытывая к ней глубокую привязанность, мы еще не могли смотреть в лицо несчастью, ожидавшему нас. Мы считали ее опорой России, ее семьи и всех нас. Зная положение дел, мы видели в ее смерти всеобщую беду и крах»[36].

---

[35] Имеется в виду покушение Соловьева на Александра II 2 апреля 1879 г.

[36] *Толстая А.А.* Записки фрейлины. М., 1996. С. 22, 29.

Этот период времени — 1879—1880 гг. — Толстой переживал тяжелый творческий и духовный кризис. После того как он оставил работу над романом о декабристах, он принялся было писать о Петровской эпохе, но бросил и это свое начинание. На уговоры Страхова, что надо продолжать задуманное сочинение, Толстой отвечал: «Ваши доводы, что надо писать, недостаточны. Надо прежде решить, что сообщение моих чувств и мыслей есть благо. А кто это решит? 〈...〉 Волнуюсь, метусь и борюсь духом и страдаю; но благодарю Бога за это состояние»[37].

Толстой прошел сложный путь религиозных исканий, прежде чем уяснил себе и изложил в своих сочинениях, в чем его вера. Первопричина таилась в глубине его души, любящей и легко ранимой. Еще 21 февраля 1876 г. Лев Николаевич писал брату Сергею: «Вообще была для меня нравственно очень тяжелая зима; и смерть тетиньки[38] оставила во мне ужасно тяжелое воспоминание, которое не могу описать в письме. *Умирать пора* — это не правда; а правда то, что ничего более не остается в жизни, как умирать. Это я чувствую беспрестанно. Я пишу и довольно много занимаюсь, дети хороши, но всё это не веселит нисколько»[39].

Толстой пытается спастись той верой, к которой был приобщен с детства. Об этом свидетельствует запись в дневнике Софьи Андреевны: «Все более и более укрепляется в нем религиозный дух. Как в детстве, всякий день становится он на молитву, ездит по праздникам к обедне, где мужики всякий раз обступают его, расспрашивая о войне; по пятницам и средам ест постное и все говорит о духе смирения, не позволяя и останавливая полушутя тех, кто осуждает других. Ездил в Оптину пустынь 26 июля и остался очень доволен мудростью, образованием и жизнью тамошних монахов — старцев»[40].

Но успокоить его мятущийся дух беседы со старцами не могли. Он должен был сам доискаться до истины, на которой мог стать твердо. Толстой углубился в изучение истории религии, за советами и дружеской поддержкой он обращался к Н.Н. Страхову. «Есть ли в философии какое-нибудь определение религии, веры, кроме того, что это предрас-

---

[37] Письмо Толстого к Н.Н. Страхову от 4 октября 1879 г. (*Юб.* Т. 62. С. 499).

[38] Имеется в виду П.И. Юшкова.

[39] *Юб.* Т. 62. С. 248.

[40] Запись 25 августа 1877 г. (см.: *ДСТ 1.* С. 503). Толстой вместе с Н.Н. Страховым посетил Оптину пустынь 25—27 июля 1877 г.

судок? И какая есть форма самого очищенного христианства?[41]» — спрашивал он Страхова в письме от 26...27 ноября 1877 г.

Страхов прислал сочинение французского философа Э. Ренана «Жизнь Иисуса» и немецкого исследователя Д.-Ф. Штрауса «Старая и новая вера», и Толстой «весь ушел в них»[42] как он признался, благодаря друга за книги.

Как это случалось обычно, чтение сочинений других авторов побуждало Толстого писать свое. Софья Андреевна отметила в дневнике: «...неделю тому назад он начал писать в большой переплетенной книге какое-то религиозно-философское сочинение. Я еще его не читала, но сегодня он сказал брату Степе: “Вот то, что я пишу в большой книге, составляет мою цель доказать несомненную необходимость религии”»[43].

Истина, которую он искал так долго и мучительно, открылась ему в словах Христа ученику: «Оставь все и следуй за мной». Желание «оставить славу мира», таившееся в глубине его души, стало основным; жить по-божьи — значило отстранить от себя все житейское, суетное, что прельщало его раньше, отречься от жизни людей его круга, как позднее напишет Толстой в «Исповеди».

Изменился взгляд Толстого на окружающее. Он стал нетерпимым к заблуждающимся, выражал осуждение, даже негодование. Он увидел в историческом христианстве злой умысел церковников и обрушился со всей страстью на то, что представлялось ему ложью и обманом церкви.

Он принялся за колоссальный труд — переводил заново с греческого евангельские тексты, соединяя их в один, очищенный от суеверий и, как ему казалось, понятный простому народу. Его целью было обоснование практической религии — этического учения, основанного на Нагорной проповеди Христа. Толстой, работая над соединенным текстом Евангелия, отбрасывал все иррациональное, что составляет живую душу религии: чудеса, божественность Христа, троичность божества, искупительную жертву Спасителя за грехи человеческие. Не сострадание и утешение, но самосовершенствование становилось главным в его обновленном учении. Свое сочинение Толстой озаглавил: «Соединение и перевод четырех Евангелий». В процессе работы он испытал восторг откровения, почувствовал, что обрел ту очищенную христианскую религию, о которой мечтал в молодости, и страстно желал ее проповедовать.

---

[41] *Юб.* Т. 62. С. 353.

[42] Письмо Толстого к Н.Н. Страхову от 17...18 декабря 1877 г. (*Юб.* Т. 62. С. 359).

[43] *ДСТ 1.* С. 504. (Степа — С.А. Берс.)

Начало 1880 г. выдалось для Толстого хлопотным: трудно продвигались переговоры об издании его сочинений с книгоиздательством братьев Салаевых, дела вынудили его выехать в Москву, затем и в Петербург, куда он прибыл 21 января. Лев Николаевич остановился у своей тещи Любови Александровны Берс и на следующий же день поспешил к Александре Андреевне. Но долгожданная встреча пришлась не вовремя. Продолжительный разговор чрезвычайно взволновал и расстроил их обоих. Александра Андреевна была угнетена тяжелыми утратами, ожиданием смерти и похорон императрицы и катастрофических событий дворцовой жизни. В душе ее, помраченной горем, остыл тот чудесный «калорифер», что бывало излучал душевное тепло. Теперь она сама нуждалась в дружеском участии. Но Толстой был всецело увлечен откровением своей новой веры и обрушил на Александру Андреевну поток речей, обдуманных им в яснополянском уединении. Он ожидал, что она будет изумлена открывшейся ему истиной и проникнется ею. Вместо этого он встретил с ее стороны жесткий отпор. «Сердце мое билось молотком», — вспоминала Александра Андреевна (см. с. 30 наст. изд.). В ней вспыхнул бойцовский дух, дававший ей силу наносить тяжелые удары. Начавшись утром, их спор о вере продолжался вечером и до ночи не закончился. Александра Андреевна всю ночь обдумывала неопровержимые, как ей казалось, аргументы, чтобы на утро «обратить» Толстого, — но он уехал, не простившись.

Утром Александре Андреевне принесли короткое письмо: «От вас я пошел в театр. Ужасный воздух, ужасная музыка, ужасная публика так подействовала на меня, что я вернулся больной. И не спал половину ночи. Волнение разговоров с вами — главная причина. Я не приду к вам и уеду нынче. Пожалуйста, простите меня, если я вас оскорбил, но если я сделал вам больно, то за это я не прошу прощенья. Нельзя не чувствовать боль, когда начинаешь чувствовать, что надо оторваться от лжи привычной и покойной. Я знаю, что требую от вас почти невозможного — признания того прямого смысла учения, который отрицает всю ту среду, в которой вы прожили жизнь и положили все свое сердце, но не могу говорить с вами не *во всю*, как с другими, мне кажется, что у вас есть истинная любовь к Богу, к добру и что не можете не понять, где Он. За мою раздражительность, грубость, низменность простите и прощайте, старый милый друг, до следующего письма и свиданья, если даст Бог» (письмо от 23 января 1880 г.). Александра Андреевна отправила вдогонку ответное письмо, полное недоумения, боли, отчаяния.

Это было еще неосознанное предчувствие разлома. Время бросило двух любящих людей по сторонам глубокой расщелины, как будто случилось землетрясение. Отныне, и споря до ожесточения, и примиряясь, и снова дружески протягивая друг другу руки, они тем не менее оставались каждый на своем материке: Александра Андреевна на незыблемой почве православия, Толстой — на образовавшемся вдруг острове новой веры.

Через шесть дней после отъезда Толстого, когда душевное волнение улеглось и боль обиды притупилась, Александра Андреевна изложила в пространном письме от 29 января 1880 г. те доводы в защиту православия, которые не успела высказать при встрече. В ответ на признание Льва Николаевича, что ему вдруг открылось окно, в которое он видит Бога — и больше ему ничего не нужно, она уверяла: «Радуюсь, благодарю Бога за окно, которое открылось для вас (вспомните, сколько я мучилась в былые времена вашего неверия), и как желаю, чтобы из этого окна свет и теплота и любовь всё более и более изливались на вас! Для меня же каждое слово Св⟨ященного⟩ Писания окно, через которое я вижу Его правду, Его мудрость, Его невыразимое милосердие». Она еще не осознала до конца, что миры их разделились, и один образ — открытое окно — означает различное, противоположное по смыслу. «Я ищу ответа на вопросы, по существу своему высшие разума»[44], — свидетельствовал Толстой в письме Н.Н. Страхову и то, что нашел, он передал образом открытого окна, в которое видит Бога. Слова, — будь то слова Священного Писания, — по чувству Толстого и его недоверию к слову лишь затемняли истину, и он пытался исправить евангельские тексты, что вызвало со стороны Александры Андреевны резкую отповедь: «...признаюсь, страшно мне было видеть, как вы дерзновенной рукой вычеркивали из Евангелия всё то, что не сходилось с *настоящим* складом вашего ума и ваших воззрений. Чудилось мне тут что-то недоброе, не от правды исходящее ⟨...⟩ Боюсь я того, что вы теперь пишете, боюсь за вас и за тех, которых вы можете увлечь своим умом, искренностью и неправильностью своих взглядов» (письмо от 29 января 1880 г.).

Обращение к народу и его верованиям было одним из аргументов в разгоревшемся споре. Александра Андреевна искала поддержки своим взглядам в религиозных представлениях дворника и мужика, Толстой уверял ее в своем сходстве с деревенской бабой, «верящей Пятнице», и, как и он, знающей истину (см. письмо от 2 или 3 февраля 1880 г.).

---

[44] Письмо Толстого к Н.Н. Страхову от 27(?) января 1878 г. (*Юб.* Т. 62. С. 380).

Александра Андреевна была уверена, что народ религиозных рассуждений Толстого не поймет: «А попробуйте им сказать, — горячилась она в том же письме, — что Крещение, Преображение и Воскресение Господа ничто иное, как выдумка, и они не поймут вас или глубоко огорчатся». Чувство подсказывало женщине, что нельзя замахиваться безнаказанно на сложившуюся веками храмину народной веры, хотя она подчас кажется убогой просвещенному уму. И если Толстой с гневом обрушивался на церковь, то она видела в ней «сосуд, хранящий таинства», столь дорогие и необходимые для нее. По признанию Александры Андреевны, она как умела, вкратце изложила свое исповедание веры, ее чистосердечная исповедь была пронизана тревогой: «Чего вы от меня требуете, я право не понимаю. Какая может быть ложь, какое внутреннее успокоение, когда смотришь на себя при *этом* свете». Она подразумевала — свет истины Священного Писания.

Толстой долго обдумывал свой ответ, тон его был холоден и категоричен: «...ваше исповедание веры есть исповедание веры нашей Церкви. Я его знаю и не разделяю». В этом своем письме, написанном 2 или 3 февраля 1880 г., он снова возвращается к разговору, так взволновавшему их обоих: «...упрекаю себя, зачем я говорил все, что говорил вам. — Может быть, что я говорил, потому что люблю вас и боюсь, что вы нетвердо стоите и что, когда вам нужно (а вам нужно всегда), вы не найдете и не находите опоры там, где надеетесь найти ⟨...⟩ Если я и пытался говорить вам что-нибудь, то смысл моих слов только тот: "посмотрите, крепок ли тот лед, по которому вы ходите; не попробовать ли вам пробить его? Если проломиться, то лучше идти материком. А держит вас, и прекрасно ⟨...⟩" Но и вам уже учить меня нечему. Я пробил до материка все то, что́ оказалось хрупким, и уже ничего не боюсь, потому что сил у меня нет разбить то, на чем я стою; стало быть, оно настоящее. Прощайте, не сетуйте на меня и постарайтесь смотреть также, как я смотрю на вас, и желайте мне того, чего я желаю себе, вам и всем людям — идти не назад (уж я не стану на мною самим разбитый ледок и не покачусь легко и весело по нем), а вперед, не к определению словами моего отношения к Богу через *искупление* и т.п., а идти вперед жизнью, каждым днем, часом, исполняя открытую мне волю Божию». Под конец Толстой говорит о начавшейся для него новой жизни: «Я только чуть-чуть со вчерашнего дня стал это делать, и то вся жизнь моя стала другая и все, что я знал и прежде, все перевернулось и все, стоявшее прежде вверх ногами, стало вверх головами».

«Прощайте» прозвучало недаром; с новой жизнью оборвалась долголетняя переписка. Письмо Александры Андреевны от 23 февраля 1880 г. осталось без ответа; коротенькое пасхальное поздравление 23 апреля 1880 г. она адресовала скорее Софье Андреевне — писем от Льва Николаевича в 1880 г. больше не было.

29 декабря 1880 г. Александра Андреевна, глубоко огорченная молчанием Толстого писала: «Год кончается и итоги сводятся. Неужели ничего не остается в сумме вашей прежней дружбы ко мне, милый друг Léon? Неужели разногласие наших воззрений совершенно вас оттолкнули от меня? 〈...〉 Пожалуйста, откликнитесь хотя одним словом».

Толстой ответил коротеньким письмом, исполненным духа кротости и примирения: «Зачем разногласие? Не в одного Бога веруем, но под одним Богом ходим» (письмо, написанное между 1 и 15 января 1881 г.). Александра Андреевна нашла это письмо «неодобрительным» для продолжения переписки. Она уверяла, что без особой причины не стала бы писать, но вот так случилось, что она встретилась с Достоевским. Эту встречу много лет спустя Александра Андреевна подробно опишет в своих воспоминаниях (см. с. 31—32 наст. изд.).

9

В конце 1870-х годов Достоевский почитался властителем дум русской интеллигенции, его влияние в обществе было огромно и признано в придворных кругах.

Федор Михайлович встречался с великими князьями, в том числе с наследником престола, будущим Александром III, в беседах с ними он стремился оказать духовное воздействие на власть имущих. На великокняжеских вечерах, где Александра Андреевна была своим человеком, она и сошлась (по ее выражению) с Достоевским.

Графиня Толстая, несмотря на преклонный возраст и пережитые тяжкие утраты, все еще оставалась блистательной дамой петербургского двора, по-прежнему обладала притягательной силой, привлекавшей к ней внимание знаменитых литераторов, художников, политиков. Писатель принял приглашение фрейлины провести у нее вечер. Во время беседы речь зашла о новом направлении в творчестве Толстого. Тогда Александра Андреевна дала прочесть Достоевскому письмо Льва Николаевича с изложением его новой веры, о чем и уведомила Толстого в своем письме от 17 января 1881г. в надежде, что он не воспримет это как

злоупотребление его доверием, и кстати заметила: «...вы, как я слышу, делаете ваше profession de foi печатно, да и вообще наши религиозные убеждения не могут и не должны быть тайной».

Казалось, что сближение Александры Андреевны с Достоевским заинтересует Толстого и оживит угасшую переписку. Она надеялась стать посредницей между Толстым и Достоевским. Они могли бы, побуждаемые к тому ею, обменяться письмами, завязалась бы между ними переписка и, как знать, может быть, однажды они встретились бы в ее гостиной в нижнем этаже Зимнего дворца, и она оказалась бы соучастницей разговора двух великих. Но Лев Николаевич не откликнулся на слова любви, переданные ему от Достоевского, не удостоил ответом дружеский призыв Александры Андреевны. Все внешнее, тем более все то, что занимало тех, кто продолжал жить в «гадком Петербурге», не интересовало его. Толстой был всецело погружен в свой внутренний мир, — он писал «Исповедь».

28 января 1881 г. в Петербурге скончался Достоевский. Проститься с писателем в его тесную петербургскую квартиру шли тысячи людей. Александра Андреевна Толстая посетила осиротевшую семью, между нею и Анной Григорьевной Достоевской состоялся примечательный разговор (см. с. 32 наст. изд.). Похоронили Достоевского в Александро-Невской лавре при большом стечении народа.

Весть о смерти Достоевского дошла до Ясной Поляны и потрясла Толстого. В глубокой горести он писал Н.Н. Страхову: «Я никогда не видал этого человека и никогда не имел прямых отношений с ним, и вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый, самый близкий, дорогой, нужный мне человек ⟨...⟩ Я его так и считал своим другом и иначе не думал, как то, что мы увидимся, и что теперь только не пришлось, но что это мое. И вдруг за обедом — я один обедал, опоздал — читаю умер. Опора какая-то отскочила от меня. Я растерялся, а потом стало ясно, как он мне был дорог, и я плакал и теперь плачу. — На днях, до его смерти, я прочел "Униженные и оскорбленные" и умилялся»[45].

«Опора отскочила» — и надо теперь одному выстоять и выдержать тот нравственный груз, что приходится на долю первому русскому писателю. После утраты Достоевского предначертано было Толстому

[45] Письмо Толстого к Н.Н. Страхову от 5–10 (?) февраля 1881 г. (*Юб.* Т. 63. С. 43).

стать духовным руководителем для взыскующих идеала русских людей. «Нравственный меридиан мира» отныне пролег через Ясную Поляну.

Новый период в творчестве писателя начался конфликтом с духовной цензурой. Ею был запрещен майский номер «Русской мысли» за 1882 год с публикацией статьи Толстого «Вступление к ненапечатанному сочинению» (первоначальный вариант «Исповеди»). Статья расценивалась как изложение толстовской веры во всеуслышание. Конфискованные оттиски жандармские чиновники мгновенно распродали. В феврале 1884 г. в типографии Кушнерева арестовали весь тираж отпечатанной книги «В чем моя вера?». Сочинение стало распространяться в рукописных списках; появились переводы на немецкий и французский языки. В мае 1884 г. книга была издана в Париже. Религиозные идеи Толстого получили мировую известность.

В жизни Льва Николаевича, внешней и внутренней, произошло много перемен, выросли старшие дети, для их дальнейшего ученья потребовался переезд в Москву, и семья по зимам стала жить в городе. Для Толстого городская жизнь была тяжела. Софья Андреевна свидетельствовала: «Он слишком впечатлителен, чтоб вынести городскую жизнь, и, кроме того, его христианское настроение слишком не уживается с условиями роскоши, тунеядства, борьбы городской жизни»[46]. И как следствие московской жизни в нем дают себя знать усталость и раздражительность.

Александра Андреевна от петербургских знакомых узнала, что Толстой в Москве, и написала ему коротенькое письмо, спрашивая, как он отнесется к ее приезду и их встрече. В ответном письме Толстого, написанном 9 или 10 февраля 1882 г., отразилось его тогдашнее душевное состояние: «Дорогая ... Ужасно мне неловко писать обращение. Ради Бога не думайте, что отсутствие его имеет какое-нибудь значение. Самое естественное мне обращение было бы сестра Александра; но это кажется дико и претенциозно ⟨...⟩ Не может быть вопроса о том, что я буду очень рад видеться с вами — очень рад. Но ради Христа не обращайте меня и не жалейте меня, именно ради Христа. Христос это любовь и согласие; а уж я слишком узнал, что те самые, кот⟨орые⟩ профессируют любовь к Христу, те и нарушают это согласие во имя его».

Александра Андреевна провела в Москве десять дней, ежедневно встречалась со Львом Николаевичем. Избежать противоборства из-

[46] *ДСТ 1*. С. 108 (запись от 28 февраля 1882 г.).

за различия религиозных убеждений им не удалось. Итог встречи — на последнем листке ее письма от 25 февраля 1882 г., которое целиком не сохранилось: «Постарайтесь любить меня по-прежнему и никогда не говорите и не думайте, что мы служим не одному Богу. Христос *один*, и вы и я любим Его. Это главное 〈...〉. От вас, разумеется, писем не ожидаю, как бывало, но, может быть, милая Sophie напишет мне когда-нибудь».

Александра Андреевна с присущей ей прямотой и точностью обозначила новый этап их переписки. Отныне ее главные участницы — Софья Андреевна, затем Татьяна Львовна. Великий Лев вступает в диалог лишь изредка, одаряя неожиданной радостью по-прежнему любящую его «бабушку».

«...Не хотела верить своим глазам, узнавши на пакете ваши дорогие, давно не виденные каракульки 〈...〉 Так запахло стариной и молодостью 〈...〉 мы можем с вами разойтись только мыслями, а не сердцем», — писала Александра Андреевна 19 апреля 1884 г. в ответ на письмо Толстого, «толчком» для которого, по его собственному признанию, послужила просьба похлопотать по делу политзаключенной Н.А. Армфельдт (письмо от 17 апреля 1884 г.). Александра Андреевна со свойственной ей готовностью на доброе дело пыталась содействовать облегчению участи больной революционерки — но безуспешно. Толстой был благодарен Александре Андреевне за хлопоты, они обменялись письмами, не удержались от привычного спора. Для Александры Андреевны было очевидно неравенство их позиций, она определила это образно в письме от 19 апреля 1884 г.: «Станете ли вы слушать мой писк из-под лавки с высоты вашей кафедры», подразумевая мировую известность Толстого-проповедника. Тем не менее «писк» ее был на редкость упорным и выводившим ее адресата из душевного равновесия. В письме от конца апреля 1884 г. Толстой сделал признание из глубины души, исполненное обиды и боли: «Я часто удивляюсь раздражению, к〈оторое〉 вызывает мое исповедание веры. Почему протестантизм, унитарьянство, магометанство не вызывает такого раздражения? 〈...〉 Раздражение же против меня особенно жестоко. Вы вникните немножко в мою жизнь. Все прежние радости моей жизни, я всех их лишился. Всякие утехи жизни — богатства, почестей, славы, всего этого у меня нет. Друзья мои, семейные даже, отворачиваются от меня. Одни — либералы и естетики считают меня сумасшедшим или слабоумным вроде Гоголя; другие — революционеры, радикалы считают меня мистиком, болтуном; правительственные

люди считают меня зловредным революционером; православные считают меня диаволом. — Признаюсь, что это тяжело мне, не потому, что обидно, а тяжело то, что нарушает то, что составляет главную цель и счастье моей жизни — любовное общение с людьми», — в этой краткой исповеди отразилось трагическое одиночество гения. И как не раз это бывало в его письмах к Александре Андреевне, крик души маскируется усмешкой: «Пожалуйста, смотрите на меня как на доброго магометанина», — советует он в конце письма.

Лето 1884 г. было ознаменовано семейным событием — рождением младшей дочери. С этой вестью в Петербург пришло письмо из Ясной Поляны. Писала Софья Андреевна 20 июня 1884 г.: «Многоуважаемая и милая тетушка Александра Андреевна, пишу к вам из постели, третий день только как у меня родилась дочь. Мы все решили назвать ее Александрой, конечно, из уважения и любви к вам; на вас чтоб и похожа была, дай Бог. Но у меня до вас просьба, не позволите ли вы записать вас крестной матерью и считать вас восприемницей этой девочки. 〈...〉 Левочка не пишет к вам сам о крестинах потому, что взгляд его на крещение особенный, а наши крестины его не интересуют».

Александра Андреевна была рада, что представился случай упрочить родственные связи с семейством Льва Николаевича. Она не только выразила согласие, но выполняла свою роль крестной с особым вниманием и заботой. Маленькая Саша постоянно получала от нее подарки, о ее здоровье и воспитании Александра Андреевна не забывала спрашивать в своих письмах, а когда девочка подросла, наставляла Татьяну Львовну, как воспитывать младшую сестру. Между прочим, заметила: «Мне все кажется, что вы не обращаете на нее должного внимания — а она недюжинный ребенок. У нее в голове и глазах сидит целый отец Лев Николаевич» (письмо к Т.Л. Толстой от 14 октября 1887 г.).

Увидеть крестницу Сашу, все семейство, всех рассмотреть и оценить Александра Андреевна смогла в свое посещение Ясной Поляны летом 1887 г. Встрече предшествовал период, когда оба — Лев Николаевич и Александра Андреевна — тяжело болели. Едва оправившись от тяжелой болезни, она узнала, что Лев Николаевич повредил ногу, так что опасаются за его жизнь. Взволнованная этим известием, она писала 6 сентября 1886 г.: «Если бы вы знали, как меня тянет к вам, как бы мне хотелось именно теперь подсесть к вашей постели и поговорить с вами. И даже не говорить, а просто посмотреть друг на друга и уверить-

ся, что только наши лица устарели, а на дне лежит целиком вся прежняя дружба».

Лев Николаевич ответил коротко и дружески: «Правда, что очень бы хотелось повидаться с вами, милый друг Alexandrine, и если это нам на пользу, то оно и будет ⟨...⟩ Как мне странно вспомнить теперь, что я мог с вами спорить, даже горячиться. Что же делать? Было время, что я и из пушки стрелял, но и то, и другое безвозвратно прошло» (письмо от конца февраля 1887 г.).

Ясная Поляна встретила «бабушку» по-семейному радушно, любовно. Здесь все было по-деревенски просто, что А.А. Толстой особенно нравилось.

Льва Николаевича она нашла постаревшим и сильно переменившимся: в холщевой блузе, с длинной седеющей бородой он напомнил ей изображение старца Серафима Саровского. Необычной показалась ей кротость в его взгляде.

За время, что провела Александра Андреевна в Ясной Поляне, их разговорам и спорам со Львом Николаевичем не было конца. «Бабушка» высказывала свои суждения напрямик и с такой горячностью, что он заметил ей, шутя: «Когда же вы, наконец, состаритесь?» (см. с. 39 наст. изд.). В этот год Александре Андреевне исполнилось 70 лет, но она производила впечатление на редкость бодрой и энергичной. И не склоняющейся перед авторитетом Толстого, что заметила и оценила Софья Андреевна.

Покидая Ясную Поляну, Александра Андреевна признавалась, что она «вросла в яснополянскую почву» и почувствовала себя «согретой с ног до головы».

Ей удалось сделать важное наблюдение об эволюции духовной жизни Толстого, о чем она писала ему 21 августа 1887 г.: «Эти мои каракули, написанные не без волнения, уверяю вас, не что иное, как продолжение сердечного разговора между *другом* Львом и его старой *бабушкой*; которая его любит еще нежнее, чем когда-либо, несмотря на разногласие их взглядов ⟨...⟩ Вы убедили ее *без единого слова* гораздо лучше, чем все ваши хитроумные теории. Может быть, она слишком глупа, чтобы понять вас вполне, но не настолько, чтобы не признать превосходство вашего внутреннего развития. Кротость, теперь присущая вам, — неоспоримое доказательство этого духовного роста, а поскольку *бабушке* особенно недостает кротости, она извлечет урок из этого и многого другого. Лев, как *человек*, будет всегда иметь больше прав на ее привязанность, чем знаменитый писатель и идол двух полушарий».

10

В начале 1890-х годов ряд центральных губерний России поразил голод. Осенью 1891 г. Толстой со старшими дочерьми выехал в Данковский уезд Рязанской губернии организовывать помощь голодающим. В толстовских столовых кормились целые деревни, обреченные на вымирание. Организовали перегон скота в места, где его можно было спасти от бескормицы. Деятельность по спасению голодающих получила большой размах и велась на общественные пожертвования. Софья Андреевна помогала в сборе денег, вещей, продовольствия и в составлении отчетов об их распределении.

Александру Андреевну особенно сблизило с семьей Льва Николаевича ее сочувствие народному горю. Она использовала в Петербурге все свое влияние, чтобы поддержать дело помощи голодающим наперекор противодействию властей. В поисках необходимых средств она взялась даже переводить с английского на французский нравоучительные романы для благородных девиц, предназначая гонорар от изданий в помощь голодающим.

О своих хлопотах в Петербурге Александра Андреевна писала в Данковский уезд Татьяне Львовне: «Милая Танечка, дней пять тому назад я послала тебе на станцию Клекотки каравай с начинкою детских теплых вещей — но узнаю, что вы уже возвращаетесь в Москву, о чем жалею во всех отношениях. Мне так нравилась ваша теперешняя деятельность, и при общей страшной беде в ней было нечто отрадное и успокоительное ⟨...⟩ Скажи Папá, что обе его статьи об голоде мне очень понравились. Говорят, что Маша останется у Раевских. Пусть она мне напишет, практичны ли последние вещи. Мне это нужно знать, потому что собираюсь посылать почти то же в другие места. Господь да хранит вас и бедных мужичков» (см. раздел «Дополнения», письмо от 22 ноября 1891 г.).

Сочувствие и участие Александры Андреевны радовало Толстого. В письме к ней от 8 декабря 1891 г. он выразил благодарность не только за дела, но за «сердечные, добрые слова». Он делился с ней радостью успеха: «Дело наше идет так хорошо, как я не мечтал, и все дальше и дальше затягивает. Бедствие велико, но радостно видеть, что и сочувствие велико ⟨...⟩ Страшно подумать, что было бы, если бы вдруг прекратилась деятельность общества».

И снова по контрасту с настоящим делом возникает призрак «гадкого Петербурга». Толстой пишет: «Говорят, что в Петерб⟨урге⟩ не верят серь-

езности положения. Это грех». Дальше — знаменательная историческая параллель: «Я встретил у Раевского моряка Протопо⟨по⟩ва, с кот⟨орым⟩ мы вместе были 35 лет тому назад на Язоновск⟨ом⟩ редуте в Севастополе ⟨...⟩ Он очень верно сказал мне, что испытывает чувство, подобное тому, к⟨оторое⟩ б⟨ывало⟩ в Севастополе. "Спокоен, т.е. перестаешь быть беспокоен, только тогда, когда что-нибудь делаешь для борьбы с бедой". Будет ли успех, — не знаешь, а надо работать, иначе нельзя жить».

Толстому с юности были хорошо знакомы подробности деревенской жизни, крестьянская нужда. Но то, что пришлось ему увидеть в поездках по деревням в голодный год, сделало его непримиримым противником существующего общественного устройства. В письмах той поры к близким — неутихающая душевная боль. Из Бегичевки он пишет Софье Андреевне: «У Нечаевых были имянины, на к⟨оторых⟩ была Самарина, и обед с чудесами франц⟨узского⟩ повара, за к⟨оторым⟩ сидят 2 $^1/_2$ часа. У Самариных роскошь, у Раевских тоже — охота, веселье. А народ мрет ⟨...⟩ Контраст между роскошью раскошествующих и нищетой бедствующих всё увеличивается, и так продолжаться не может»[47].

Еще резче он выразил ту же мысль в письме от 31 мая 1892 г. к своему знакомому, Г.А. Русанову: «Какая будет развязка, не знаю, но что дело подходит к ней и что так продолжаться, в таких формах, жизнь не может, — я уверен»[48].

Деятельность Толстого по организации помощи голодающим вызвала настороженность и недовольство властей. Настоящая атака на Толстого началась после опубликования его статьи «Почему голодают русские крестьяне?» («О голоде») в английской газете «Daily Telegraph» 14(26) января 1892 г. Выдержки из статьи в обратном переводе с английского перепечатали «Московские ведомости» 22 января 1892 г. Содержание толстовской статьи в правительственных кругах сочли опаснее революционной пропаганды. В обществе распространились слухи о том, что Толстого заключат в Суздальский монастырь или объявят умалишенным. В своих воспоминаниях Александра Андреевна упоминает об этом эпизоде, добавляя примечательную подробность: «...в продолжение двух-трех месяцев я беспрестанно получала отовсюду, не исключая Америки, письма с просьбою уведомить их, к чему именно приговорен известный писатель» (см. с. 63 наст. изд.).

---

[47] Письмо Толстого к С.А. Толстой от 10 сентября 1892 г. (*Юб*. Т. 84. С. 160).
[48] *Юб*. Т. 66. С. 224.

В передаче Александры Андреевны известны слова Александра III в ответ на доклад министра внутренних дел о «возмутительных» статьях Толстого: «Прошу Льва Толстого не трогать; я нисколько не намерен сделать из него мученика и обратить на себя негодование всей России» (там же).

Об этом распоряжении царя Александра Андреевна, по ее признанию, с радостью писала «во все концы Европы и за океан» (см. с. 64 наст. изд.). Но если власти не трогали Толстого, то последователи писателя, распространявшие его сочинения, запрещенные цензурой, подвергались преследованиям. Гонения на толстовцев усилились с наступлением нового царствования — 20 октября 1894 г. Александр III скончался, на престол вступил Николай II. В феврале 1897 г. в Петербурге, на квартирах друзей и последователей Толстого В.Г. Черткова и П.И. Бирюкова, был произведен обыск с целью изъятия запрещенных толстовских книг и рукописей. По распоряжению министра внутренних дел оба подверглись административной высылке — Чертков за границу, Бирюков — в Курляндскую губернию (в Прибалтике).

7 февраля 1897 г. Толстой приехал в Петербург, чтобы проститься с друзьями перед их отъездом. Он пробыл в Петербурге шесть дней и дважды встречался с Александрой Андреевной. 12 февраля они виделись в последний раз. Расставание их из-за старого спора о вере было драматичным.

Раздосадованный вспыхнувшим спором Толстой признался друзьям, что нашел Александру Андреевну «мертвой, недоброй и жалкой»[49]. По-видимому, она была нападающей стороной и чувствовала свою вину. Об этом свидетельствует ее письмо Льву Николаевичу, в котором она пытается оправдать свою «недоброту»: «Не хочу оправдывать себя, но желала бы, чтобы вы могли взглянуть на самое дно моего сердца ⟨...⟩ Никогда не сомневалась, что ваше сердце несравненно лучше моего, и защищаю не себя, а то, что мы также считаем самым дорогим и священным и что вы так жестоко порицали⟨...⟩ вред моей внутренней несостоятельности касается только меня. Ваше же влияние в ту или другую сторону может быть громадно. Тут вся разница в ответственности». И в конце письма: «Я и недобра и нехороша, но все-таки любите меня» (письмо от 25 апреля 1897 г.).

[49] Письмо П.И. Бирюкову от 15 февраля 1897 г. (*Юб.* Т. 70. С. 21).

Получив это послание, Лев Николаевич откликнулся: «Простите все мои недостатки и не оставляйте своей дружбой», — но письмо осталось не отправленным (письмо от 10 мая 1897 г.).

Вопрос об ответственности перед будущим Александра Андреевна ставила во главу угла, нападая на Толстого за его проповедь нового христианства. Ей казалось особенно опасным, что писатель силой своего авторитета вызывает смятение в молодых умах и душах и подрывает их веру в те извечные ценности, на которых стояла Россия.

Она подметила, что пагубное влияние Толстого в этом отношении отразилось на его собственных детях: «никто не знает, на чем он стоит, во что он должен верить или не верить» (см. с. 44—45 наст. изд.).

«Бабушка» полагалась на «разумную и практичную волю» Софьи Андреевны в воспитании детей и оказывала ей в этом дружескую поддержку.

Александра Андреевна пережила смену трех царствований. Пережила и то, что было для ее души тяжелейшим испытанием, — отлучение Толстого от церкви.

24 февраля 1901 г. «Церковные ведомости» опубликовали «Определение Святейшего синода от 20—21 февраля 1901 г. № 557», в котором провозглашалось, что Толстой «в прельщении гордого ума» отпал от православной церкви. Акт Синода осуждали не только в русском обществе, но и за границей. Действия церковников вызвали возмущение у многих и подняли огромную волну сочувствия отлученному писателю.

Александра Андреевна узнала о постановлении Святейшего синода накануне своего отъезда во Францию, на морской курорт Антиб. Оттуда она писала Софье Андреевне 13 марта 1901 г.: «...я вполне убеждена в обратном действии, которое оно произведет на Льва. Для тех, которые его любят, как мы его любим, это было страшный удар. С этим тяжелым камнем на сердце я отправилась в путь, и до сих пор ничто не может меня рассеять от мысли свершившегося печального факта. Днем и ночью обдумываю этот обоюдоострый вопрос, в котором вижу окончательно не столько личную обиду, сколько борьбу двух разнородных элементов. Один Господь может разрешить, кто тут больше или меньше виноват 〈 ... 〉 Всегда и глубоко буду сожалеть, что они решились на подобный шаг, но еще больше жалею, что Лев подал им на то повод 〈...〉 Ты сама знаешь, как легко соблазнить молодежь отрицаниями, избавля-

ющими ее от всякого ига, — особливо когда эти отрицания проповеданы таким человеком, к⟨ак⟩ Лев Ник⟨олаевич⟩. В этом я вижу главную причину того, что произошло теперь» (см. Дополнения, письмо 65).

Постановление Святейшего синода лишало Толстого пастырского утешения — соборования перед смертью — и церковного обряда погребения. Это огорчало и волновало людей верующих и любящих Льва Николаевича. Свой протест против действий Синода выразила Софья Андреевна, опубликовав его в русских и иностранных газетах. Она слишком чувствовала предвестие близкой беды. Осенью того же 1901 г. Толстой заболел. Его увезли в Крым, в Гаспру, чтобы поправить его здоровье. Но состояние его ухудшилось, он перенес тяжелое двухстороннее воспаление легких, был так плох, что даже близкие ожидали его смерти. Толстого спасла неукротимая воля к жизни и заботливый уход.

Изнуренный болезнью, слабый, писатель не прекращал творческую работу — он был увлечен замыслом повести о Хаджи-Мурате. Лев Николаевич вновь переживал годы юности, своей военной службы на Кавказе: действие разворачивалось в николаевскую эпоху, и император Николай Павлович был одним из действующих лиц.

Александра Андреевна узнала, что Толстой работает над исторической темой и, как всегда, восприняла это с энтузиазмом, предложила прислать некоторые материалы о Николае I из архива Шильдера.

Известие о том, что Толстой вернулся к работе над сочинением о николаевской эпохе, обрадовало Александру Андреевну, — ведь много лет назад она очень огорчалась, что роман о декабристах заброшен (письма от 4 апреля и 23 апреля/5 мая 1879 г.). Александра Андреевна была, по ее словам, неутешна, оплакав неосуществленный замысел Толстого, и с этого времени отклики на его художественные сочинения исчезли из ее писем, уступив место пространным опровержениям толстовской веры.

Конечно же, она продолжала пристально следить за всем, что появлялось в печати и свидетельствовало о новом направлении в творчестве Толстого-художника, высоко ценила его новые произведения, но упоминала об этом лишь изредка и как бы мимоходом. «Ваш “Иван Ильич” chef d'œuvre ⟨...⟩ На меня это произвело потрясающее впечатление», — признавалась она в письме от 6 сентября 1886 г. В другом письме (26 января 1887 г.) она сообщала: «Ваша драма ⟨“Власть тьмы”⟩ ⟨...⟩ продолжает волновать наше общество одобрительно». И вот после многолетнего перерыва взволновавшие Александру Андреевну слухи: Тол-

стой пишет биографию Николая I. Она откликнулась на возвращение Толстого к исторической теме письмом от 21 января 1903 г., в котором сообщала, что посылает снятую ею копию «Записки графа П.Д. Киселева об императоре Николае Павловиче»[50], и спрашивала, не заинтересуют ли Льва Николаевича воспоминания лейб-медика М. Мандта, личного врача императора, находившегося при нем в последние дни его жизни.

В письме она также сделала свою зарисовку характера Николая Павловича, которого знала, как она написала, «изблизи».

Толстой был тронут интересом Александры Андреевны к его творческой работе, благодарил за участие и обещание снабдить архивными документами. В ответном письме от 26 января 1903 г. Толстой объяснил Александре Андреевне свой замысел: «Я пишу не биографию Николая, но несколько сцен из его жизни мне нужны для повести "Хаджи-Мурат". А так как я люблю писать только то, что я хорошо понимаю, ayant, так сказать, les coudées franches ⟨со свободными руками⟩, то мне надо совершенно, насколько могу, овладеть ключом к его характеру ⟨...⟩ Записки Мандта, если вам не трудно, тоже, пожалуйста, пришлите» (см. ответное письмо А.А. Толстой от 10 февраля 1903 г.).

Конец письма особенный: это письмо-прощание, в нем Толстой подвел итог их долголетней дружбе: «Да, вероятно, мы уже больше в этом мире не увидимся; так Богу угодно, стало быть, это хорошо⟨...⟩ думаю и вполне уверен, что и в той жизни все то доброе, любовное и хорошее, которое вы дали мне в этой жизни, останется со мною, может быть, такие же крохи от меня останутся и у вас».

Александра Андреевна скончалась 31 марта 1904 г. в отведенных ей апартаментах Зимнего дворца. Из ее семьи ей одной было отпущено толстовское долголетие — оставалось четыре месяца до 87 лет, когда жизнь ее оборвалась.

---

[50] В письме изложена история документа: «...я нашла в одной из своих старых тетрадей нечто более ценное, чем мои личные воспоминания. Это отрывки из записок г⟨рафа⟩ Киселева, не напечатанных в свое время, потому что имп⟨ератор⟩Александр II не нашел нужным их обнародовать. Головин, бывший министром народного просвещения, которому была поручена редакция записок, принес мне эти выпущенные места, а я теперь велела списать их для вас». Такая же копия «Записки» имеется в собрании вел. кн. Сергея Александровича (*ГАРФ*. Ф. 728. Оп. I. Д. 2356): «Записка графа Киселева о государе Николае Павловиче» опубл.: Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 522–531.

По оставленному Александрой Андреевной завещанию самая ценная часть ее архива[51] — переписка с Львом Толстым — была передана в Академию наук для последующего опубликования. К началу 1910 г. в Петербурге редакционная комиссия заканчивала подготовку «Переписки» к изданию. Отпечатанный на машинке текст Михаил Александрович Стахович привез в марте 1910 г. в Ясную Поляну на просмотр Льву Николаевичу.

В последний год своей жизни Толстой вновь соприкоснулся с духовным миром своей юности и зрелых лет. По вечерам он слушал чтение писем с волнением и умилением. «Письма Александры Андреевны очень хороши, — повторял, одобряя»[52].

Из всего написанного Александрой Андреевной Толстой, — а она была автором повестей, романов, мемуаров, — письма Льву Толстому ее лучшее произведение. Она писала их сердцем. Как бы ожесточенно ни спорили Лев Николаевич и Александра Андреевна об истинности их вер, истиной для них всегда оставалась любовь. Волною времени сгладилось то, что вызывало противоборство, остался несомненный смысл добра.

Перекликаясь на протяжении полувека, Лев Николаевич и Александра Андреевна оставили потомкам в веках памятник высокого духовного напряжения.

14 марта 1910 г. Д.П. Маковицкий записал: «Вечером С.А. Стахович продолжала читать вслух переписку Л.Н. с А.А. Толстой 〈...〉 Л.Н. об этих письмах: — Эти биографические данные самые замечательные. Это один из самых лучших материалов для биографии»[53].

---

[51] А.А. Толстая известна как автор литературных произведений. В 1890 г. ею написана повесть «Поля» (см.: Вестник Европы. 1905. Кн. 10). Под псевдонимом «Une dame russe» она написала роман на французском яз. «Un sacrifice inconnu. Etude de caractères». («Тайная жертва. Очерк характеров») (Losanne, 1897); в 1890 г. под псевдонимом «Une Russe» — рассказ L'étoile de Noël» («Рождественская звезда») (Genève, [б\д]). В 1899 г. ею написаны воспоминания «Un triste Episode de ma vie de la Cour» («Печальный эпизод из моей жизни при дворе») (опубл. в пер. с фр. Л.В. Гладковой в журн. «Октябрь», 1993, № 5, 6; отд. изд.: *Толстая А.А.* Записки фрейлины: Печальный эпизод моей жизни при дворе / Пер. с фр. Л.В. Гладковой. М., 1996).

[52] *ЯЗ. IV*. С. 195.

[53] *Там же*. С. 199.

ПРИМЕЧАНИЯ

Письма Л.Н. Толстого к А.А. Толстой и письма А.А. Толстой к Л.Н. Толстому впервые были опубликованы в книге «Толстовский музей. Т. I. Переписка Л.Н. Толстого с гр. А.А. Толстой. 1857—1903» (Издание Общества Толстовского Музея. СПб., 1911). В это издание были включены 119 писем Толстого и 66 писем А.А. Толстой к нему. Пять писем Толстого опубликованы там с купюрами: в двух из них (в настоящем издании № 80 и 217) были исключены отрывки, в которых шла речь о подробностях личной жизни людей еще живых; в трех других (в настоящем издании № 170, 187, 208) были сделаны изъятия по цензурным условиям. В тексте издания 1911 г. они были отмечены точками. В настоящем издании купюры восстановлены.

Кроме переписки в книгу входят воспоминания А.А. Толстой. Они публикуются в настоящем издании под авторским заглавием: «Мои воспоминания о Л.Н. Толстом (С его письмами ко мне)» (в 1911 г. печатались под заглавием «Воспоминания графини А.А. Толстой»). Читая в январе — марте 1910 г. подготовленный для публикации машинописный текст воспоминаний, Толстой отметил те места, которые необходимо исключить из него при печати, в частности описание последних дней жизни и смерти своей тетки — П.И. Юшковой. Тексты, намеченные Толстым к изъятию, и его исправления приводятся полностью в примечаниях к воспоминаниям.

В настоящем издании переписка Л.Н. Толстого с А.А. Толстой значительно пополнена (всего в основном разделе «Переписки» 264 письма). В него включены 135 писем Л.Н. Толстого, на 16 писем больше, чем в издание 1911 г. В него не входили следующие письма: 4, 58, 77 (неотправленное), 103, 113, 140, 144, 167, 179 и 180 (неотправленнные), 183, 190 (неотправленное), 247 (недоставленное), 251, 261, 263. Четыре письма, не имеющие авторских датировок и опубликованные в издании 1911 г. без дат (под рубрикой «Письма неизвестных годов»), не были включены в Юбилейное издание. В процессе редактирования все четыре письма удалось довольно точно датировать: № 131 (в изд. 1911 г. № 184), теперь с датой «Конец марта 1877; № 152 (в изд. 1911 г. № 182), теперь с датой «Октябрь 1978»; № 196 (в изд. 1911 г. № 185), теперь с датой «Начало августа 1885»; № 205 (в изд. 1911 г. № 183), теперь с датой «Конец февраля 1887». Письмо № 239 (с датой 4 января 1895 г.) не входило ни в издание 1911 г., ни в Юбилейное идание и было впервые опубликовано О.А. Голиненко (см. примеч. к нему).

Текст 122 писем Л.Н. Толстого публикуется по автографам, хранящимся в *ОР ГМТ*. Письма 237, 247, 251, 261, 263 — по копировальным листам (*ОР ГМТ*). Письма 58 и 91 — по автографам, хранящимся в *ИРЛИ* (Пушкинский Дом). Письма 54, 116, 123, 139, 204 и 205 печатаются по тексту первой публикации издания 1911 г., так как местонахождение автографов этих писем в настоящее время неизвестно. Текст письма 103 (от конца января — начала февраля 1873 г.) печатается по тексту Юбилейного издания (Т. 62).

В основной раздел настоящего издания включено 129 писем А.А. Толстой к Л.Н. Толстому, на 63 письма больше, чем в издание 1911 г. Из них 61 письмо публикуется впервые. Все письма печатаются по автографам, хранящимся в *ОР ГМТ*.

В разделе «Дополнения» публикуется 75 писем (из них 73 впервые), которые существенно дополняют представление о взаимоотношениях А.А. Толстой с семьей Л.Н. Толстого. В раздел включены письма А.А. Толстой к жене писателя, С.А. Толстой, — 27 писем; к дочери Толстого, Т.Л. Толстой (Сухотиной), — 14 писем и к жене сына Толстого, Андрея Львовича, О.К. Толстой — 3 письма. Представлены и ответные письма к А.А. Толстой: С.А. Толстой — 24 письма, Т.Л. Толстой (Сухотиной) — 7 писем. Все они публикуются по автографам, хранящимся в *ОР ГМТ.*

Все тексты писем сверены с автографами. В процессе редактирования уточнены датировки ряда писем. Письма и «Мои воспоминания о Л.Н. Толстом...» печатаются по современной орфографии (однако архаичное написание отдельных слов сохраняется) и пунктуации (с учетом особенностей пунктуации адресатов, особенно в использовании Толстым знака тире). Как правило, сохраняется разнобой и особенности в написании собственных имен (например, Филемон и Филимон, Перо и Перро; Мадона), отдельных слов (например: маминька, папенька), а также слова *Бог* (Толстой пишет его то с прописной, то со строчной буквы). Слова, подчеркнутые адресатами в оригинале, даются курсивом. В угловых скобках даются сокращенные, недописанные слова, а также редакторские конъектуры. Русские слова, встречающиеся в письмах на французском языке, в переводах обозначаются особыми звездочками*. Авторские описки исправляются без оговорок.

Письма из-за границы датируются по старому и новому стилю.

Издание подготовили: *Н.И. Азарова* (текст «Мои воспоминания о Л.Н. Толстом...» и примечания к нему, переводы с французского языка писем А.А. Толстой (№ 5, 14, 15, 20, 21, 22, 30, 36, 38), статья «Эпистолярный роман-исповедь»); *Л.В. Гладкова* (подготовка текстов писем А.А. Толстой на французском языке и переводы № 27, 34, 44, 47, 49, 51, 52, 57, 59, 66, 99, 105, 108, 148, приложения к письмам 254, 259; остальные письма А.А. Толстой на французском языке даются в отредактированных Л.В. Гладковой переводах изд. 1911 г.; составление раздела «Дополнения», подготовка писем, включенных в этот раздел, и примечаний к ним); *О.А. Голиненко, Б.М. Шумова* (подготовка текстов писем за 1857—1877 гг. и примечаний к ним); *О.А. Голиненко* (подготовка текстов писем за 1878—1903 гг. и примечаний к ним). Контрольная проверка текстов и филологическое редактирование французских писем осуществлены *Л.В. Гладковой.* Указатель имен составлен *В.С. Бастрыкиной.* Иллюстрации подобраны *М.Г. Логиновой.* На начальных стадиях подготовки настоящего издания принимала участие сотрудница Отдела рукописей *ГМТ И.А. Покровская.*

Подготовители издания выражают благодарность за помощь в подготовке издания директору *ГМТ В.Б. Ремизову,* заместителю директора по учету и хранению фондов *ГМТ Н.А. Калининой,* главному хранителю рукописного фонда Л.Н. Толстого и фондов его ближайшего окружения *ГМТ Т.Г. Никифоровой.*

Л.Н. Толстой и А.А. Толстая

ПЕРЕПИСКА

(1857–1903)

Графиня А.А. Толстая

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ о Л.Н. ТОЛСТОМ
(С его письмами ко мне)

Впервые опубликовано: Толстовский музей. Т. I. Переписка Л.Н. Толстого с гр. А.А. Толстой. 1857–1903. Издание Общества Толстовского Музея. СПб., 1911. С. 1–73. Печатается по машинописному оригиналу, хранящемуся в *ОР ГМТ* (Ф. 302. Оп. 5. Ед. хр. 197). Именно этот экземпляр служил источником для набора в издании 1911 г.

В предисловии к первой публикации сообщается, что копия перевода воспоминаний, написанных А.А. Толстой по-французски (местонахождение оригинала остается неизвестным), была передана, вместе с оригиналами писем Л.Н. Толстого, ею самой в 1903 г., через посредство Отделения Русского языка и словесности Императорской Академии наук, в Рукописное отделение Библиотеки Академии. Передачу она сопроводила письмом, в котором просила опубликовать воспоминания и письма после ее и Л.Н. Толстого смерти (см.: *ПТ*. С. XI). Сохранился рукописный экземпляр воспоминаний А.А. Толстой в фонде А.Ф. Кони (*ИРЛИ*. Ф. 134. Оп. 13. Ед. хр. 15).

Л.Н. Толстой прочитал воспоминания А.А. Толстой в январе — марте 1910 г. (см.: *ЯЗ IV*. С. 172, 194) по тому экземпляру, который используется в настоящем издании как источник для публикации. При чтении Толстой внес в текст несколько поправок и отметил те места, которые считал необходимым исключить при его публикации. Фрагменты, намеченные Толстым к изъятию, приводятся в Примечаниях к тексту; оговорены в Примечаниях также и поправки Толстого.

[1] *...у нашего общего родственника, графа Федора Ивановича Толстого (по прозванию «Американца»).* — Встречу А.А. Толстой и Льва Николаевича у Ф.И. Толстого предположительно можно датировать 1844–1846 гг., когда Толстой с теткой П.И. Юшковой приезжал на лето из Казани в Ясную Поляну и делал в Москве визиты родственникам. Ф.И. Толстой, прозванный «Американцем», сын Ивана Андреевича Толстого, родного брата деда Толстого Ильи Андреевича Толстого и отца А.А. Толстой Андрея Андреевича Толстого, доводился Александре Андреевне двоюродным братом, Льву Николаевичу — двоюродным дядей. Ф.И. Толстой умер 24 октября 1846 г. См. также примеч. 11 к письму Толстого к А.А. Толстой от 26 или 27 ноября 1865 г. (письмо 83).

[2] *...в марте...предстал пред нами Лев Толстой.* — Толстой приехал из Франции в Женеву 28 марта (9 апреля) 1857 г.; 29 марта (10 апреля) он записал в Дневнике: «... был у Толстых» (*Юб*. Т. 47. С. 122).

[3]*...отправился на казнь преступника через гильотину...* — О впечатлении, произведенном на него гильотинированием, Толстой писал 5 апреля 1857 г. из Парижа В.П. Боткину: «Я имел глупость и жестокость ездить нынче утром смотреть на казнь ⟨...⟩ это зрелище мне сделало такое впечатление, от которого я долго не опомнюсь. Я видел много ужасов на войне и на Кавказе, но ежели бы при мне изорвали в куски человека, это не было бы так отвратительно, как эта искусная и элегантная машина, посредством которой в одно мгновение убили сильного, свежего, здорового человека...» (*Юб.* Т. 60. С. 167).

[4]*...отправились на самую вершину Салева, откуда был очаровательный вид.* — Гора Салев (Salève), недалеко от Женевы, с вершины которой открывается прекрасный вид на город и Женевское озеро.

[5] *У деда моего было 23 человека детей от одной матери...* — О потомстве Андрея Ивановича Толстого, деда А.А. Толстой, см.: *Толстой С.М.* Толстой и Толстые: Очерки из истории рода / Сокращенный пер. с фр., сост. и коммент. Н.И. Азаровой. М., 1990. С. 25.

[6] *Кто-то сказал (кажется, Сократ или Платон): «Одно я знаю, что ничего не знаю».* — «Я, по крайней мере, знаю, что ничего не знаю, а многие не знают даже этого» — слова Сократа, приведенные в сочинении Платона «Апология Сократа».

[7] *...я не могу оторваться от Трубы (так он называл Двор вообще — не помню почему).* — См. письмо Толстого и М.И. Пущина к А.А. и Е.А. Толстым от 21 апреля (3 мая) 1857 г. (письмо 1) и примеч. 1 к нему.

[8] *...«давно минувших дней»...* — Цитата из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» (Песнь первая).

[9] *...рассказ... под заглавием «Записки князя Нехлюдова».* — Встречу с бродячим музыкантом в швейцарском городе Люцерне Толстой подробно описал в письме В.П. Боткину от 26 июня (8 июля) 1857 г. (*Юб.* Т. 60. С.199–212). Рассказ Толстого «Из записок князя Д. Нехлюдова. Люцерн» опубл.: *Совр.* 1857. № 9.

[10] *...«одно последнее сказание»...* — «Еще одно, последнее сказанье — / И летопись окончена моя» — слова из монолога Пимена в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» (сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре»).

[11] *...Принц Александр Гессенский с женой.* — Александр, принц Гессен-Дармштадтский, брат императрицы Марии Александровны, и его морганатическая супруга Юлия Маврикиевна (рожд. Гауке), бывшая до замужества фрейлиной цесаревны. См.: *Тютчева А.Ф.* Воспоминания / Под ред. Л.В. Гладковой. М., 2004. С. 14 –16.

[12] *...известие о смерти брата.* — Дмитрий Николаевич Толстой скончался 22 января 1856 г. в г. Орле. О смерти брата Толстой узнал из письма к нему К.А. Иславина от 1 февраля 1856 г. Отрывок из письма опубл.: *Юб.* Т. 47. С. 302.

[13] *...«Семейное счастие», «Три смерти» были впервые читаны у нас.* — Рассказ «Три смерти» Толстой закончил 24 января 1858 г. В марте он отправился в Петербург, где пробыл с 11 по 17 марта. По-видимому, к этому времени относится чтение рассказа у Толстых и спор о содержании рассказа между автором и слушательницами. Продолжение спора — в письме А.А. Толстой к Толстому от 18 апреля 1858 г.

с обстоятельным разбором сочинения. В отправленном следом письме от 21 апреля 1858 г. Александра Андреевна упоминает о своем «несовершенном суждении» о его маленькой «вещице»: «...я уверена, что вы сами чувствуете, что она далека от завершения» (письмо 15). Толстой подробно разъяснил свою авторскую позицию в письме к А.А. Толстой от 1 мая 1858 г. (письмо 16). Рассказ «Три смерти» опубл.: *БдЧ*. 1859. № 1. Над повестью «Семейное счастие» (первоначальное название: «Повести Лизаветы Белкиной») Толстой работал в январе — апреле 1859 г. 18 марта 1859 г. А.А. Толстая записала в Дневнике: «...чтение у нас. Лев Николаевич написал новое сочинение, прелестные маленькие рассказы...» (*ДАТ*). В письме от конца марта 1859 г. (см. письмо 26) Толстой писал А.А. Толстой: «*Анна* переделывает свои записки, и я надеюсь, что ее бабушка будет ими больше довольна, чем в первом, безобразном виде». «Семейное счастие» опубл.: *РВ*. 1859. № 7 (апрель, кн.1) и № 8 (май, кн. 2).

[14] *...поглощен... облесением всей России, или чем-либо другим...* — В октябре 1857 г. Толстым был задуман проект лесонасаждения в Тульской губ. 22 октября 1857 г. он посетил в Петербурге министра государственных имуществ М.Н. Муравьева по поводу своего проекта (датирован 28 октября 1857 г.; см.: *Юб*. Т.5. С. 259—261). О рассмотрении проекта Толстого в Лесном комитете см.: *Там же*. С. 348—349. Летом 1858 г. Толстой занимался хозяйственной деятельностью (см. записи в Дневнике: *Юб*. Т. 48. С.76—78; *Гусев. Летопись I*. С. 189).

[15] *...решился... приехать ко мне в Ильинское... (Это было в 1866 году.)* — Из Дневника А.А. Толстой известно, что лето 1866 г., с 27 мая по 3 июля, она провела с царской семьей — императрицей, ее младшими сыновьями и великой княжной Марией — в имении императрицы селе Ильинском (находилось по дороге к Звенигороду, между Архангельским и Петрово-Дальним). По-видимому, в это время Толстой посетил Александру Андреевну в Ильинском, однако в ее Дневнике записей о посещении Толстого нет, как нет упоминаний о поездке в Ильинское в Дневнике и переписке Толстого.

[16] *...рассказывал про свою ссору с Тургеневым...* — Ссора Толстого и И.С. Тургенева, которая едва не довела до дуэли, произошла 27 мая 1861 г. в имении А.А. Фета Степановке. См. об этом: *ПРП I*. С. 174—178.

[17] *...я написал Тургеневу самое дружеское, примирительное письмо...* — Толстой написал И.С. Тургеневу «примирительное письмо» в день ссоры, 27 мая 1861 г., из имения И.П. Борисова Новоселки, куда Толстой уехал от А.А. Фета сразу же после ссоры (см.: *Юб*. Т. 60. С. 391—393).

[18] *...он отвечал на него так грубо, что невольно пришлось прекратить с ним всякие сношения.* — В письме к Толстому, написанном 28 мая 1861 г. из Спасского, И.С. Тургенев писал: «...расставаясь с Вами навсегда, — подобные происшествия неизгладимы и невозвратимы, — считаю долгом повторить еще раз, что в этом деле правы были Вы, а виноват я» (*Тургенев. Письма*. Т. IV. С. 249). На письмо Тургенева от 26 сентября (8 октября) 1861 г. (*Там же*. С. 291), посланное уже из Парижа и написанное в грубой форме, Толстой ответил 8 октября 1861 г.: «...Вы называете в письме своем мой поступок *бесчестным*, кроме того вы лично сказали мне, что вы

“*дадите мне в рожу*”, а я прошу у вас извинения, признаю себя виноватым — и от вызова отказываюсь» (*Юб.* Т. 60. С. 406). Между тем личные отношения Толстого с Тургеневым прекратились до 1878 г., когда Толстой в письме от 6 апреля 1878 г. предложил Тургеневу возобновить дружбу (*Юб.* Т. 62. С. 406–407). Тургенев ответил Толстому из Парижа согласием 8 (20) мая 1878 г. (*Тургенев. Письма.* Т. XII. С. 323). Их встреча состоялась 8 августа 1878 г. в Ясной Поляне.

[19] *«Буживаль. 27 июня 1883 г. (Письмо писано карандашом.) ... Тургенев».* — А.А. Толстая заимствовала текст письма И.С. Тургенева к Толстому из издания «Первое собрание писем И.С. Тургенева. 1840–1883 гг.» (СПб., 1884. С. 550–551), внеся в него незначительную, главным образом пунктуационную правку. В автографе письмо датировано: «В начале июля по русс⟨кому⟩ ст⟨илю⟩. Буживаль, 1883». Письмо отправлено из Буживаля, судя по почтовому штемпелю, 11 июля нов. ст. (см.: *Тургенев. Письма.* Т. XIII, кн. 2. С. 180 и 378). Текст воспроизводится по оригиналу воспоминаний А.А. Толстой.

[20] *...начинали являться... богословские сочинения.* — Богословские сочинения, о которых упоминает А.А. Толстая, — религиозно-философские трактаты, над которыми Толстой начал работу в 1880 г.: «Исповедь», «Исследование догматического богословия», «Соединение и перевод четырех Евангелий». В «Исповеди» писатель рассказал о перевороте в своем миросозерцании. Под заглавием «Вступление к ненапечатанному сочинению» «Исповедь» была напечатана в № 5 «Русской мысли» за 1882 г., однако цензура запретила выход статьи в свет и оттиски ее были конфискованы. И.С. Тургенев, узнав о запрещении статьи Толстого, просил его прислать оттиск. См. об этом письмо Тургенева к Толстому от 4 (16) сентября 1882 г. (*Тургенев. Письма.* Т. XIII, кн. 2. С. 29). Толстой послал Тургеневу оттиск с А.Г. Олсуфьевой (*Там же.* С. 86, 325). Отзыв Тургенева об «Исповеди» см. в его письме к Д.В. Григоровичу от 31 октября (12 ноября) 1882 г. (*Там же.* С. 89).

[21] *В 1879 году Лев Николаевич приезжал в Петербург, чтобы собрать... сведения насчет декабристов, замышляя написать роман из этой эпохи.* — 7 марта 1878 г. (1879 г. указан ошибочно) А.А. Толстая записала в Дневнике: «Счастливый день. Приезд Льва Толстого» (*ДАТ*). Толстой пробыл в Петербурге пять дней, познакомился с редактором «Русской старины» М.И. Семевским, а также с В.В. Стасовым, с которым договаривался о присылке ему материалов о декабристах (см. примеч. 3 и 4 к письму Толстого, написанному между 25 и 28 января 1879 г.). Толстой посетил Петропавловскую крепость, где ранее содержались осужденные по делу 14 декабря, беседовал с ее комендантом, бароном Е.И. фон Майделем (см.: примеч. 4 к письму от 6 апреля 1878 г.; *Юб.* Т. 17. С. 481–482). Замысел романа о декабристах относится к 1860 г., но работа над ним была прервана; к роману Толстой вернулся снова в 1878 г., однако роман так и не был завершен. Главы из романа опубл.: «XXV лет. 1859–1884. Сборник общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» (СПб., 1884. С. 216–251). См.: *ПСС.* Т. 4. С. 336–339.

[22] *Я хочу доказать...что в деле декабристов никто не был виноват — ни заговорщики, ни власти.* — С.А. Толстая записала в Дневнике 8 января 1879 г.: «... он ⟨Л.Н.⟩ говорил, что как фон нужен для узора, так и ему нужен фон, который

и будет его теперешнее религиозное настроение. Я спросила: “Как же это?” Он говорит: “Если б я знал — как, то и думать бы не о чем”. Но потом прибавил: “Вот, например, смотреть на историю 14 декабря, никого не осуждая, ни Николая Павловича, ни заговорщиков, а всех понимать и только описывать”» (*ДСТ 1*. С. 506).

[23] *... почти все декабристы были французы...* — Мнение Толстого о том, что «декабрьский бунт есть результат влияния французской аристократии, большая часть которой эмигрировала в Россию после французской революции», переданы также С.А. Берсом. См.: *Берс С.А.* Воспоминания о графе Л.Н. Толстом (В октябре и ноябре 1891 г.). Смоленск, 1893. С. 48.

[24] *...замышлял еще написать историю императора Павла...* — После чтения материалов из истории царствования Павла I, публиковавшихся в «Русском архиве» в 1864–1867 гг., Толстой писал 31 марта 1867 г. редактору журналу П.И. Бартеневу: «Я нашел своего исторического героя. И ежели бы Бог дал жизни, досуга и сил, я бы попробовал написать его историю» (*Юб*. Т. 61. С. 166). Этот замысел Толстой не осуществил.

[25] *...в 1878 году он писал мне: «У меня давно бродит в голове план сочинения... заглянуть ему в душу»...* — А.А. Толстая цитирует, с некоторыми изменениями, письмо Толстого от 3 января 1878 г. (письмо 135).

[26] *...писал моему покойному брату, Илье Андреевичу.* — Письмо Толстого к И.А. Толстому по поводу В.А. Перовского неизвестно. В единственном сохранившемся письме к И.А. Толстому от 25–28 (?) января 1879 г. Толстой спрашивал о князе Николае Ивановиче Горчакове и его семье. См.: *Юб*. Т. 62. С. 467–468.

[27] *«Перовского личность вы совершенно верно определили... воображая себе это время»...* — Цитата, с некоторыми изменениями, из письма Толстого от 27⟨?⟩ января 1878 г. (письмо 137).

[28] *(Письмо, кажется, в 1858 или 1859 г.). «Бабушка! Весна... мне женская мысль понятнее по-французски».* — Письмо Толстого от 14 апреля 1858 г. (письмо 13). Текст воспроизведен в воспоминаниях с незначительными изменениями.

[29] *...был в Оптиной пустыни, где... беседовал с... старцами и отшельниками...* — 25–27 июля 1877 г. Толстой вместе с Н.Н. Страховым посетил Введенскую пустынь Калужской губ., Козельского уезда. О поездке Толстого и Страхова в Оптину пустынь см.: *Матвеев П.* Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов в Оптиной пустыни // *ИВ*. 1907. Кн. 4. С. 152–153; *ТС I*. С. 343, 355. С.А. Толстая записала в Дневнике 25 августа 1877 г.: «Все более и более укрепляется в нем религиозный дух. Как в детстве, всякий день становится он на молитву, ездит по праздникам к обедне, где мужики всякий раз обступают его, расспрашивая о войне; по пятницам и средам ест постное и все говорит о духе смирения, не позволяя и останавливая полушутя тех, кто осуждает других. Ездил в Оптину пустынь 26 июля и остался очень доволен мудростью, образованием и жизнью тамошних монахов-старцев» (*ДСТ 1*. С. 503).

[30] *...c'est de suivre ses ordonnances.* — Далее в оригинале следует текст, по желанию Толстого изъятый из воспоминаний: «Однажды, уже впоследствии, он сказал мне вскользь, что на разрыв его с Церковью очень подействовала смерть одной его тетки. То же я узнала позднее и от его жены, но с бóльшими подробностями.

Вот они. Лев Николаевич был очень хороший родственник: он не гнушался ни старостью, ни простотой своих близких и любил привлекать их к себе. После смерти родителей Льва Николаевича у него остались в доме две тетки: одна — Татьяна Александровна Ергольская; другая — Пелагея Ильинишна Юшкова, рожд. графиня Толстая, — была сестра его отца. Первая осталась у него до конца своей жизни и умерла прекрасною, тихою смертию; она обожала всех детей Толстых, и они с своей стороны любили ее нежно, особливо Лев, для которого разлука с нею была очень тяжела; сколько помню, в письмах его ко мне он часто упоминает о Татьяне Александровне. Что касается до г-жи Юшковой, то она часто гостила, но не жила у них. После смерти мужа, с которым она была несчастлива, она поселилась около Троице-Сергиевской лавры, близ Москвы, носила почти монашеское платье, не пропускала ни одной службы и, казалось, попала на тот путь, который мог ее успокоить; я не раз и с удовольствием встречала ее у Сергия, когда приезжала туда с Царскою семьей. Она была ко мне очень ласкова, а я в ней видела не только близкую родственницу и почтенную личность, но и сверстницу моей матери.

Не знаю, почему это случилось, но за несколько лет до ее кончины Лев Николаевич убедил ее оставить монастырь и переселиться к нему на житье. — “Каково же было наше удивление, — рассказывала мне потом Софья Андреевна, жена Льва Николаевича, — когда мы нашли в нашей полумонашке-тетушке вполне неверующую женщину!” ...Совершилось ли это в ней понемногу или явилось к концу жизни, никто сказать не может; но, по-видимому, она была то, что простолюдин назвал бы безбожницей; полна отрицаний, несмотря на то, что продолжала окружать себя образами, кропить постель святой водой и курить в комнате ладаном. Старость и болезнь как бы вызвали наружу все ее недостатки.

— “Мы, разумеется, — говорила графиня, — ухаживали за ней и старались исполнять все ее желания, но она редко была довольна; прислуга и дети ее боялись...” Когда ее предсмертная болезнь стала подвигаться быстрыми шагами, она, казалось, сознавала свое положение, но все-таки не соглашалась допустить к себе священника. И вот, видя, что дело доходит до близкой развязки, Софья Андреевна умоляла ее со слезами не отказываться Св. Тайн; она долго противилась, но наконец сказала: “Хорошо, я это сделаю *для вас*...”

Смерть Пелагеи Ильинишны оставила в доме Толстых самое тяжелое впечатление; понемногу оно у других изгладилось, но Лев Николаевич никогда ее не забыл, — и именно в этом впечатлении надо искать зародыш его неверия и всех его новых теорий. Я поняла это даже из его слов.

Казалось, что подобный пример должен бы был оказать обратное действие; но явно, что дурное семя упало на подготовленную к тому почву и пустило ростки. Немецкое слово “grübeln ⟨мудрствовать⟩” как раз подходит к Льву Николаевичу, и он, углубляясь все более и более в своих аналитических мыслях, дошел до невероятного, скажу более, до ужасного; ему и в голову не пришло взять в соображение личность и характер Пелагеи Ильинишны; оказалась виновата во всем одна Церковь с своими Таинствами и обрядами, и он возненавидел Церковь». См.: «Мои воспоминания о

Л.Н. Толстом...». Машинопись. С. 23–25 (*ОР ГМТ*). Слова «до ужасного» подчеркнуты Толстым.

[31] *В 1878 году Лев Николаевич явился в Петербург... Мы не виделись уже два года...* — Описываемая далее встреча относится не к 1878, а к 1880 г. Толстой приехал в Петербург 20 января 1880 г. (см. телеграмму Толстого к С.А. Толстой от 20 января: *Юб.* Т. 83. С. 277–278). Предыдущая встреча Толстого с А.А. Толстой в Петербурге состоялась 6–10 марта 1878 г. (см. примеч. к письму Толстого от 10 марта 1878 г., письмо 140).

[32] *...«и бесы веруют и трепещут»?* — Иак 2, 19.

[33] *«Не сердитесь... вчерашним спором»...* — Очевидно, А.А. Толстая пересказывает по памяти письмо Толстого от 23 января 1880 г. (письмо 167).

[34] *Я встретила Достоевского в первый раз на вечере у графини Комаровской.* — Эта встреча, очевидно, произошла у графини А.Е. Комаровской в Мраморном дворце в Петербурге 30 декабря 1880 г. См.: Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. 1821–1881. СПб., 1995. Т. III. С. 520.

[35] *...желая провести с ним вечер глаз на глаз.* — Из уведомительного письма Ф.М. Достоевского к А.А. Толстой от 5 января 1881 г. следует, что их встреча состоялась, очевидно, в воскресенье, 11 января. См.: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1988. Т. XXX, кн. 1. С. 241, 393–394; Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. 1821–1881. СПб., 1995. Т. III. С. 527, 530–531. 17 января 1881 г. А.А. Толстая сообщала Толстому: «Я эту зиму очень сошлась с Достоевским, которого давно любила заочно. Он с своей стороны любит вас — много расспрашивал меня, много слышал об вашем настоящем направлении и, наконец, спросил меня, нет ли у меня чего-либо писанного, где бы он мог лучше ознакомиться с этим направлением — которое его чрезвычайно интересует. Я вспомнила ваше прошлогоднее письмо и дала ему это письмо» (речь идет о письме Толстого к А.А. Толстой от 2 или 3 февраля 1880 г., письмо 170). Из текста письма А.А. Толстой от 17 января 1881 г. очевидно, что она передала Достоевскому лишь одно это письмо Толстого, а 25 января 1881 г. Достоевский передал Н.Н. Страхову, по его просьбе, это письмо (в настоящее время оно хранится в *ОР ГМТ*). См.: *Коган Г.Ф.* Достоевский знакомится с письмом Толстого // Яснополянский сборник. 1980. Тула, 1981. С. 219–222.

[36] *...через пять дней после этого разговора Достоевского не стало...* — После встречи А.А. Толстой с Ф.М. Достоевским 11 января 1881 г. прошло не пять, а семнадцать дней — Достоевский скончался 28 января (9 февраля) 1881 г. в Петербурге.

[37] *Лев Николаевич напечатал в каком-то журнале... что он потерял самое дорогое...* — Упоминаемое А.А. Толстой признание Толстого содержится в его письме к Н.Н. Страхову от 5–10 ⟨?⟩ февраля 1881 г.: «Как бы я желал уметь сказать все, что́ я чувствую о Достоевском ⟨...⟩ Я никогда не видал этого человека и никогда не имел прямых отношений с ним, и вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый, самый близкий, дорогой, нужный мне человек ⟨...⟩ И вдруг ⟨...⟩ читаю умер. Опора какая-то отскочила от меня» (*Юб.* Т. 63. С. 43). Отрывок из этого письма Толстого был опубл.: Русь. 1881. № 16. 28 февр.

[38] *В 1885 г. появился в Москве некто Сютаев... он считал себя чуть-чуть не пророком.* — Речь идет о тверском крестьянине Василии Кирилловиче Сютаеве, проповедовавшем «любовь и братство всех людей и народов и полный коммунизм имущества». См.: *Пругавин А.С.* О Льве Толстом и толстовцах: Очерки, воспоминания, материалы. М., 1911. С. 58—60. В конце сентября 1881 г. Толстой ездил к В.К. Сютаеву в дер. Шевелино Новоторжковского у. Тверской губ. 5 октября 1881 г. Толстой записал в Дневнике: «Был в Торжке у Сютаева, утешенье» (*Юб.* Т. 49. С. 58). Позднее, в 1891 г., в беседе с Р. Левенфельдом Толстой отрицал влияние на него Сютаева: «...он пробовал повлиять на меня, но в то время, когда я познакомился с ним, мои воззрения уже настолько были тверды, что о влиянии на меня даже самого высокообразованного лица не могло быть и речи» (цит. по: *Гусев. Материалы IV.* С. 74).

[39] *...вся эта ватага — ne vivait que l'espace d'un matin...* — «...жила только одно утро» (*фр.*) — неточная цитата из стихотворения Ф. Малерба «Consolation à Monsieur Du Perier, gentilhomme d'Aix en Provence sur la mort de sa fille».

[40] *...но во время своей власти господствовала над Львом вполне.* — К этим словам в оригинале примечание А.А. Толстой, касающееся В.К. Сютаева:

«Я узнала впоследствии из верного источника, что этот ярый сектант Сютаев, обладавший изворотливым умом и даром слова, увлек за собою немалое число своих собратьев-простолюдинов, составил себе из них легион последователей, на которых налагал всякие строгости и лишения, а сам, под личиной святости, вел жизнь в высшей степени безнравственную и тиранил свою семью» — «Мои воспоминания о Л.Н. Толстом...». Машинопись. С. 30 (*ОР ГМТ*). Именно об этой фразе в «Предисловии» к «Переписке» (1911) говорится, что Толстой «признал желательным пропустить не совсем удобную фразу относительно одного еще здравствующего лица» (*ПТ.* С. XII).

[41] *...появилась в одной из московских газет статья Льва Николаевича о переписи...* — Статья «О переписи в Москве» опубл.: Современные известия. 1882. № 19. 20 янв. (см.: *Юб.* Т. 25. С. 173—181).

[42] *Графиня Шувалова, тогда (в 1882 г.) жившая в Москве, пригласила меня к себе.* — Елена Ивановна Шувалова, рожд. Черткова, в первом браке Орлова-Денисова, жена П.А. Шувалова, начальника III Отделения, родная тетка В.Г. Черткова по отцу, Григорию Ивановичу Черткову. А.А. Толстая провела в Москве в 1882 г. около 10 дней (с 15 по 25 ⟨?⟩ февраля). В эти дни Толстой неоднократно с ней встречался. См.: *Гусев. Летопись I.* С. 546.

[43] *...мне не нравится еще ваше извращение Евангелия: Закхея вы вовсе не поняли...* — А.А. Толстая усматривала «извращение Евангелия» в стремлении Толстого усилить в евангельском тексте идеи социального равенства. Толстой в примечании к гл. «Иисус и Закхей» дает свое толкование эпизода: «...слова Закхея об отдаче половины имения отвечали на учение Иисуса» (*Юб.* Т. 24. С. 409), т.е. что учению христианства свойственен принцип уравнительного социализма. Закхей — начальник мытарей (сборщиков налогов) в Иерихоне (см.: Лк 19, 1—9).

[44] *...у храма Спасителя, тогда еще неоконченного...* — Храм Христа Спасителя в Москве, возводившийся по проекту К.А. Тона, был заложен в 1839 г. Торжественное освящение и открытие храма состоялось в 1883 г.

[45] *Вогюе... писатель...* — Э.-М. де Вогюэ несколько лет провел в России как секретарь французского посольства, изучал русский язык, проявил большой интерес к русской литературе. В 1886 г. опубликовал в Париже книгу «Русский роман», которая принесла автору большую известность и способствовала популяризации русской литературы во Франции и других европейских странах. Исследование Вогюэ о Толстом было переведено на русский язык. См.: *Вогюэ де М*. Граф Л.Н. Толстой. М., 1892. Отзыв А.А. Толстой о Вогюэ см. в ее письме к Толстому от 21 января 1885 г. (письмо 195).

[46] *Весной 1887 г. у него сильно заболела нога...* — Упоминаемая А.А. Толстой болезнь Льва Николаевича относится к августу — октябрю 1886 г. (1887 г. указан ошибочно). Известие об этом — в письмах Толстого к О.Н. Озмидовой от 10 августа 1886 г. (*Юб*. Т.63. С. 371) и С.А. Толстой к А.А. Фету от 15 августа 1886 г. (*ОР ГМТ*). См.: письмо Толстого к А.А. Толстой от 2 ⟨?⟩ сентября 1886 (письмо 199); *Гусев. Летопись I*. С. 641, 642, 644.

[47] *«Как хорошо и добро вы сделали... благодарю за доброе желание»*. — А.А. Толстая приводит (с некоторыми изменениями) текст письма Толстого к ней от 2 ⟨?⟩ сентября 1886 г. (письмо 199).

[48] *...летом этого же года... отправилась в Ясную Поляну, где пробыла почти две недели...* — А.А. Толстая гостила в Ясной Поляне с 25 июля по 4 августа 1887 г. См. ее письмо к Л.Н. и С.А. Толстым от 8 августа 1887 г. (письмо 206).

[49] *...с своей крестницей Сашей...* — Младшая дочь Л.Н. и С.А. Толстых Александра родилась 18 июня 1884 г. В письме к А.А. Толстой от 20 июня 1884 г. С.А. Толстая просила у Александры Андреевны согласия стать крестной матерью девочки, имя которой дали в ее честь (Дополнения, письмо 9 и примеч. 1 к нему).

[50] *...читал мне любимые его стихи Тютчева и некоторые Хомякова...* — Слово «некоторые» Толстой вписал собственноручно карандашом при чтении машинописного экземпляра воспоминаний А.А. Толстой. См.: «Мои воспоминания о Л.Н. Толстом...». Машинопись. С. 37 (*ОР ГМТ*).

[51] *...вы не стали Навуходоносором до его обращения*. — Т. е. исполненным чрезмерной гордыни. См.: Дан 4, 25—34.

[52] *Скоро он стал соиздателем и редактором московской фирмы «Посредник»...* — Организованное В.Г. Чертковым при участии Толстого издательство книг для народа «Посредник» начало свою деятельность в 1885 г.

[53] *...прочитав эти письма...* — Упоминаются письма Толстому А.К. Чертковой от 25 июля 1887 г. и В.Г. Черткова от 26 июля 1887 г. с припиской П.И. Бирюкова (хранятся в *ОР ГМТ*). В своем письме А.К. Черткова писала: « ...не странно ли это: жить бок о бок с народом и чувствовать, что далек от него и приблизиться не можешь. Все думается, нет ли тут нашей вины (лично нашей) и ничего не можешь, а между тем, чувствуешь, как голод, неудовлетворенную потребность человеческих простых отношений с окружающими нас крестьянами».

[54] *Достоевский, задолго перед тем, как вошло в моду это опростение, порицал его в своем «Дневнике Писателя»...* — Ф.М. Достоевский писал в «Дневнике писателя за 1877 год»: «Все же эти старания "опроститься" — лишь одно только переряживание, невежливое даже к народу и вас унижающее» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1983. Т. XXV. С. 61).

[55] *Письмо же В.Г. Черткова ... начиналось так...* — В письме от 26 июля 1887 г. В.Г. Чертков писал Толстому: «...и Емельяну, у которого мы вчера были с П⟨авлом⟩ И⟨вановичем⟩ ⟨Бирюковым⟩, стало жаль, что вы не приедете. Кстати, я ему читал отрывки из вашего Евангелия и раньше, чем начать, объяснял ему значение вашего перевода. Как пример я взял первые слова Св. ап. Иоанна и говорил, что выражение "В начале было слово" не имеет смысла. Он меня перебил и сказал: "Конечно, в слове ничего нет, все в разумении. Слово без разумения не имеет никакой силы"». Емельян — крестьянин деревни Лизиновка Воронежской губ., где находилось родовое имение Чертковых.

[56] *...читала ли я ...брошюрку «Цветник»...* — Сборник «Цветник» А.А. Толстая назвала по ошибке. Книга, которая «попалась ей под руку», — «Гусляр», сборник стихотворений, подготовленный издательством «Посредник» и изданный в Петербурге в 1887 г. В состав сборника включены четыре стихотворения А.С. Хомякова: «Труженик», «По прочтении псалма», «Мессия», «Звезды».

[57] *...Ясная Поляна и самарское имение давно бы были проданы...* — Позже, в апреле 1891 г., в семье Толстых произошел раздел имения. Толстой сообщал об этом в письме к Н.Н. Ге-сыну от 17 апреля 1891 г.: «Теперь все собрались дети. Илья всё хозяйничает и живет распущенно, и денежные столкновения с матерью, и решили все делить именье ⟨...⟩ Я должен буду подписать бумагу, дарственную, которая меня избавит от собственности, но подписка которой будет отступление от принципа. И все-таки подпишу, потому что, не поступив так, я бы вызвал зло» (*Юб.* Т. 65. С.289). Окончательный раздел был завершен в июле 1892 г. Раздельный акт хранится в *ОР ГМТ*. См.: *Опульская Л.Д.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1886 по 1892 г. М., 1979. С. 229–231.

[58] *...просил меня и других помочь ему в этом деле.* — Речь идет о религиозно-философском трактате Толстого «О жизни» (*Юб.* Т. 26. С. 313–442).

[59] *...хранить... письма графа Льва Николаевича как самое дорогое сокровище, которое мог ему оставить.* — 14 писем Толстого к Л.Д. Урусову были переданы в 1912 г. на хранение в Музей Толстого сыном Л.Д. Урусова Сергеем Леонидовичем. Впервые опубл.: *ВЕ*. 1915. Кн. 2 (публ. А.Е. Грузинского). См. также: *Юб.* Т. 63.

[60] *...не будучи допущены к печати, переходили из рук в руки манускриптами.* — Запрещенные цензурой сочинения Толстого распространялись в гектографированных и литографированных изданиях, а также в рукописных списках. Экземпляры подобных изданий хранятся в *ГМТ*.

[61] *...действовали на меня очень тягостно, в особенности именно его «Евангелие».* — В предисловии к изданию 1902 г. книги «Соединение и перевод четырех Евангелий» Толстой писал: «Книга эта была писана мною в период незабвенного для меня восторга сознания того, что христианское учение, выраженное в Евангелиях, не

есть то странное, мучившее меня своими противоречиями, учение, которое преподается церковью, а есть ясное, глубокое и простое учение жизни, отвечающее высшим потребностям души человека» (*Юб.* Т. 24. С. 7). Писатель проделал огромную работу, чтобы очистить тексты Евангелий от того, что, по его мнению, искажало истинный первоначальный смысл христианского учения; Толстой толковал по-своему казавшиеся ему темными места текста, заменял евангельские афоризмы простонародными выражениями, стремясь сделать изложение ближе и понятнее читателям — крестьянам. Такого рода правка текста Евангелия Толстым вызвала решительное неприятие А.А. Толстой.

[62] *...протесты являлись ... всего чаще от духовных лиц...* — С критикой религиозного учения Толстого выступали известные церковные деятели и богословы: архиепископ Никанор («Церковь и государство. Против графа Л. Толстого. Беседа преосвященного Никанора...». СПб., 1888; «Против графа Льва Толстого. Восемь бесед высокопреосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского». Одесса, 1891), профессор Казанской духовной академии А.Ф. Гусев («Граф Л.Н. Толстой. Его исповедь и мнимо-новая вера». М., 1890). Критические статьи о толстовском вероучении помещали журналы «Миссионерское обозрение», «Вера и разум», «Благовест», «Странник».

[63] *...благотворно действует на нигилистов...* — Среди знакомых Толстого были участники народнического движения (А.А. Толстая называет их «нигилистами»), испытавшие впоследствии влияние толстовских идей. В частности, Василий Иванович Алексеев, народник-анархист из кружка Н.В. Чайковского, в 1877 г. был приглашен домашним учителем к старшим детям Толстого. По свидетельству С.Л. Толстого, Алексеев «подпал под влияние моего отца, так что его можно бы назвать первым толстовцем» (*Толстой С.Л.* С. 59). Испытал влияние Толстого Лев Павлович Никифоров, народник, социалист-революционер, ставший сотрудником «Посредника». Последователем Толстого стал бывший народоволец Аркадий Васильевич Алехин. Организованная им в с. Шевелеве, Смоленской губ., Толстовская община существовала в течение двух лет.

[64] *...какую чудную проповедь он сказал молодым людям в «Крейцеровой сонате» и какими сильными словами он разгромил ... вроде разгула на Татьянин день...* — Упоминаются: «Послесловие к “Крейцеровой сонате”» (*Юб.* Т. 27. С. 79–92) и «Праздник просвещения 12-го января» (*Юб.* Т. 26. С. 446–450; опубл.: Русские ведомости. 1889. № 11. 12 янв.).

[65] *Вот мое письмо к Льву Николаевичу...* — А.А. Толстая приводит почти полностью, с незначительными изменениями, свое письмо от 21 августа 1887 г. (письмо 207). Перевод письма принадлежит А.А. Толстой.

[66] *...читаю данную мне вами биографию Паркера...* — Сочинение Теодора Паркера, американского богословского писателя и проповедника, «A Discourse of Matters Pertaining to Religion» (1842, «Исследование вопросов, относящихся к религии») Толстой включил в список книг, произведших на него очень большое впечатление в возрасте с 50 до 63 лет (см. письмо Толстого к М.М. Ледерле от 25 октября 1891 г.: *Юб.* Т. 66. С. 66 и 71). Эту книгу, очевидно, в лондонском издании 1881 г., Тол-

стому в 1885 г. прислал В.Г. Чертков (*Там же*. С. 71). Позднее, по-видимому, по рекомендации Толстого «Посредником» была издана биография Паркера: *Стороженко Н.И.* Апостол гуманности и свободы Теодор Паркер (1900). Ни одна из книг Т. Паркера в Яснополянской библиотеке Толстого не сохранилась. Какую биографию Паркера Толстой предоставил А.А. Толстой для чтения, установить не удалось.

[67] *Христос говорит мне: «Верь, и будешь спасена»*... — Ср.: Мк 16, 16 («Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет»).

[68] *Евангелие проповедует: «Молитесь непрестанно, благодарите, стучите, и отворят вам»*... — Ср.: Мф 7, 7; Кол 4, 2—3.

[69] *Сознание Св. Павла: «Добро, которое хочу, не делаю, а зло, которое не хочу — делаю»*... — Рим 7, 19.

[70] ...*«слушайте слова Мои»*... — Ср.: Мк 7, 14 («Слушайте Меня все и разумейте»); Мф 15, 10.

[71] ...*«верьте делам Моим»*... — Ин 10, 38.

[72] ...*«Сними обувь твою: место, на котором ты стоишь, свято»*. — Исх 3, 5; Ис Нав. 5, 15.

[73] ...*«им, или подобным им, принадлежит Царство Небесное»*. — Ср.: Мф 18, 2—4.

[74] ...*«Это делайте — и того не оставляйте»*. — Ср.: Лк 11, 42.

[75] *Ответ графа Льва Николаевича Толстого на предыдущее письмо*... — Письмо Толстого, написанное около 15 сентября 1887 г. (письмо 208), включено А.А. Толстой в воспоминания почти без сокращений и с некоторой ее редакционной правкой («Мои воспоминания о Л.Н. Толстом...». Машинопись. С. 59—62 — *ОР ГМТ*). Слова «искупить их через Сына» (наст. изд., с. 58, строка 19) и «искупив Сыном» (строка 28) в издании 1911 г. исключены цензурой (см.: *ПТ*. С. 54).

[76] ...*явились «Крейцерова соната» и «Власть тьмы»*. — Драма «Власть тьмы» была завершена в декабре 1886 г. В январе 1887 г. в Петербурге В.Г. Чертков и А.А. Стахович устраивали чтение драмы в придворных кругах, рассчитывая таким образом добиться цензурного разрешения публикации и постановки пьесы. По свидетельству Черткова, чтение «Власти тьмы» состоялось также у А.А. Толстой (см. письмо Черткова к Толстому от 10 января 1887 г.: *Юб*. Т. 26. С. 716). «Крейцерова соната» была подготовлена Толстым к печати в октябре 1889 г.; 20 октября рукопись была отправлена в Петербург для публикации. 28 октября состоялось первое чтение «Крейцеровой сонаты» в Петербурге на вечере у Кузминских. Читал повесть А.Ф. Кони. На чтении присутствовала А.А. Толстая (письмо Т.А. Кузминской к С.А. Толстой от 30 октября 1889 г. — *ОР ГМТ*). Об этом чтении «в большом обществе» Толстому сообщил также Н.Н. Страхов в письме от 6 ноября: «... графиня Александра Андреевна много со мной говорила на чтении Вашей повести и велела к себе явиться. Она мне очень понравилась — есть у нее выражение истинной доброты. А больше всего на чтении меня заняла Татьяна Андреевна, никто не слушал с такою жадностию; она вся волновалась от впечатления. Ну а после нее всех жаднее был я» (*ТС I*. С. 809, 810). Редакцией «Посредника» было изготовлено 300 литографиро-

ванных списков «Крейцеровой сонаты» (см.: *Гусев. Летопись I*. С. 735–737). Историю публикации «Крейцеровой сонаты» см.: *Юб*. Т. 27. С. 592–597.

[77] *...приехали ко мне ... два американца, один — богослов... другой — профессор философии...* — Американцы, о которых упоминает А.А. Толстая, — пастор американской епископальной церкви Уильям Уильберфорс Ньютон и писатель Батчельдер Грин. Третьим, приехавшим для встречи с Толстым, судя по его Дневнику, был пастор Кёррил. Не застав Толстого в Москве, американцы отправились в Спасское, имение С.С. Урусова, где Лев Николаевич гостил с 22 марта по 8 апреля 1889 г. 30 марта 1889 г. Толстой записал в Дневнике о визите американцев (*Юб*. Т. 50. С. 59–60, 289). См. также письмо Толстого к Т.Л. Толстой от 2 апреля 1889 г. (*Юб*. Т. 64. С. 240); *Моя жизнь. НМ*. С. 74. Воспоминания У. Ньютона о визите к Толстому изданы в Америке: *Newton R.W.W.* A Run through Russia, or the Story of a Visit to count Tolstoy // The American Church Sunday School Magazine with Helpful worlds for the Household. 1892, v. X. Отд. издание (1894 г.) см.: *Библиотека ЯП III*. Ч. 2. С. 129. № 2428.

[78] *...допустил ... унести ... не для печати ... статью, совершенно антиправительственную ... сын de la perfide Albion ... отпечатал ее в своей газете...* — Статья Толстого «О голоде» (*Юб*. Т. 29. С. 86–116) была отправлена 15 октября 1891 г. в журнал Н.Я. Грота «Вопросы философии и психологии», однако кн. 10 журнала со статьей Толстого была арестована цензурой. С.А. Толстая, по просьбе Льва Николаевича, отослала статью «О голоде» переводчикам на английский, датский и французский языки для последующего опубликования в иностранных газетах (см. письмо Толстого к С.А. Толстой от 25 ноября 1891 г.: *Юб*. Т. 84. С. 104). Английский журналист Э. Диллон передал статью Толстого «О голоде» в лондонскую газету «Daily Telegraph», где статья была опубликована 14/26 января 1892 г. под заглавием «Почему голодают русские крестьяне?». «Московские ведомости» от 22 января 1892 г. перепечатали отрывки из статьи в переводе с английского с комментариями редакции, представившей статью как антиправительственную и содержащую революционную пропаганду. См.: *Гусев. Летопись II*. С. 47, 49, 58, 63–64; письмо Толстого к С.А. Толстой от 25 ноября 1891 г. (*Юб*. Т. 84. С. 104).

[79] *...жена Льва Николаевича приезжала в Петербург ... просить его защиты против Московской цензуры...* — С.А. Толстая пробыла в Петербурге с 29 марта по 14 апреля 1891 г. (см.: *ДСТ 1*. С. 168–180).

[80] *...«Соната» стала продаваться отдельной брошюркой.* — Отдельной брошюрой «Крейцерова соната» издавалась за рубежом: «Крейцерова соната. Графа Л.Н. Толстого. По исправленной рукописи». Издание М.К. Элпидина, Geneve, 1890. В том же году вышло берлинское издание.

[81] *Весною, в июне... я опять попала в Ясную Поляну.* — А.А. Толстая посетила Ясную Поляну не в июне, а в июле 1891 г. См. письмо А.А. Толстой к Л.Н. и С.А. Толстым от 10 июля 1891 г. (письмо 223) и примеч. 3 к нему.

[82] *...он писал сочинение о мире и об абсолютном уничтожении войны.* — Толстой работал над трактатом «Царство Божие внутри вас» (*Юб*. Т. 28. С. 1–306).

[83] *...этот вопрос давно разрешен Апостолом Павлом, когда в его посланиях речь идет о посте...* — Рим 14, 1–3, 17–22.

[84] *...знаю ли я проповеди американского пастора NN... так прочтите ... мою переписку с ним; она была напечатана отдельно...* — Речь идет об американском пасторе Адине Баллу, о котором Толстой узнал из письма к нему единомышленника Баллу, Льюиса-Жильберта Вильсона, приславшего книгу Баллу «Christian non-resistance» («Христианское непротивление»). Толстой посвятил книге Баллу несколько страниц в первой главе своего трактата «Царство Божие внутри вас» (*Юб.* Т. 28. С. 8–16). Переписка Толстого с А. Баллу издана: Correspondence between count Leo Tolstoy. Rev. Adin Ballou and Lewis G. Wilson and V. Tchertkoff // The Arena. 1890. XIII. Декабрь. Р. 10–11; *Юб.* Т. 65. С. 37.

[85] *В одной статье «Дневника писателя» Достоевский говорит...* — Далее А.А. Толстая не совсем точно передает мысль Достоевского о взаимоотношениях «барина» и «русского мужика». См. в «Дневнике писателя» за 1881 г. (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. XXVII. С. 7–8 и 19).

[86] *...Репин и Гинцбург лепили бюст Льва Николаевича, каждый с своей стороны.* — Далее в оригинале текст, отмеченный Толстым карандашом для изъятия: «Репин спокойно, как настоящий артист, а Гинцбург, как настоящий, шустрый жидок. Он егозил и кружился около Льва Николаевича в виде волчка. Софья Андреевна и я, мы втихомолку умирали со смеху, глядя на его прыжки» («Мои воспоминания о Л.Н. Толстом...». Машинопись. С. 75. — *ОР ГМТ*). Бюсты: Бюст Л.Н. Толстого работы И.Е. Репина. 1891. Бронза. 73 × 56 × 27. *ГМТ.* Инв. 77; бюст Л.Н. Толстого работы И.Я. Гинцбурга. Гипс тонированный. 1891. 49,5 × 64,5 × 72. *ГМТ.* Инв. 255.

[87] *Присланная недавно из Парижа...* — Имеется в виду брошюра Анжелы де Сен-Франсуа «La Voix de Saint Paul et l'amour pur» (Paris: Fischbacher, S.a.). Брошюра сохранилась в Яснополянской библиотеке (*Библиотека ЯП III.* Ч. I. С. 50. № 86). А. де Сен-Франсуа в письме к Толстому от 25 августа н.с. 1890 г. просила высказать мнение о ее «последней брошюре». На конверте письма Толстой написал: «Ответить, что брошюру прочел, и она мне менее нравится, чем статья прежняя, так как менее ясна. Жду книги». Ответила М.Л. Толстая (*Юб.* Т. 65. С. 335).

[88] *...читал нам вслух норвежские повести в русском переводе...* — Роман норвежского писателя Бьёрнстьерна Бьёрнсона «Новые веяния» в переводе М.В. Лучицкой опубл.: Северный вестник. 1891. № 1–6. Запись о чтении романа в Дневнике Толстого 25 июня 1891 г. (*Юб.* Т. 52. С. 43).

[89] *... действовал... с полнейшим самоотвержением.* — Осенью 1891 г. более десяти губерний центральной России поразил недород, начался голод. Толстой не остался безучастным к народному бедствию. Он объездил уезды Тульской, Орловской, Рязанской губ., пораженные голодом, и вместе со своим другом, земским деятелем И.И. Раевским, организовал помощь голодающим. В конце октября 1891 г. Толстой со старшими дочерьми Татьяной и Марией и другими помощниками поселился в имении Раевских Бегичевке, Данковского у., Рязанской губ. На собранные от общественности пожертвования Толстой и его помощники открывали столовые для голо-

дающих. К концу года открыли 70 столовых, в которых кормилось ежедневно 4000 человек. Всю зиму до весеннего бездорожья Толстой провел в бедствующих уездах, помогая населению. О результатах своей деятельности Толстой написал в статье «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая» (опубл.: Помощь голодающим. Научно-литературный сборник. М., 1892. С. 569–586; *Юб.* Т. 29. С. 126–144). См. также статью Н.И. Азаровой в наст. томе, с. 677–678.

[90] *...в Раевском он потерял лучшего друга... никакая смерть не действовала на него так сильно.* — И.И. Раевский умер 26 ноября 1891 г. См. письмо Толстого к А.А. Толстой от 29 ноября 1891 г. (письмо 227) и примеч. 3 к нему.

[91] *Пребывание мое в Ясной Поляне было ... прервано депешей, которая вызывала меня в Петербург.* — Отъезд А.А. Толстой был вызван болезнью ее сестры С.А. Толстой. См. письмо А.А. Толстой к Л.Н. и С.А. Толстым от 10 июля 1891 г. (письмо 223) и примеч. 3 к нему.

[92] *... я видела Льва... Раз, при проезде моем через Москву в Воронеж к Принцессе Ольденбургской...* — Речь здесь идет о свидании, состоявшемся 18 апреля 1889 г. в Москве на Николаевском вокзале, на пути А.А. Толстой к принцессе Евгении Максимилиановне Ольденбургской. См. письмо А.А. Толстой к Толстому от 24 апреля 1889 г. (письмо 216) и примеч. 1 и 2 к нему.

[93] *C'est quelqu'un...* — Текст исправлен Толстым. Вместо слова «un juifon» он написал «quelqu'un», соответственно в переводе вместо «жидок» — «человек». См.: «Мои воспоминания о Л.Н. Толстом...». Машинопись. С. 77 (*ОР ГМТ*).

[94] *Второе... последнее мое свидание с ним состоялось... в Петербурге, куда он приехал в 1897 году для прощания с его друзьями, Чертковыми.* — После этой фразы Толстой отметил на полях карандашом следующий текст для изъятия: «Сии маскарадные мужички наделали, говорят, столько вздора своим покровительством духоборам, что их учтиво попросили прогуляться по Европе. И вот, они поселились в Англии, кажется, недалеко от Лондона и живут там в свое удовольствие, окруженные всевозможными отщепенцами». К слову «духоборам» А.А. Толстая сделала примечание: «О духоборах здесь говорить не место, но следовало бы обсудить это дело фундаментально. По разным слухам, дошедшим до меня, духоборы оказываются не очень-то виновными» («Мои воспоминания о Л.Н. Толстом...». Машинопись. С. 78. — *ОР ГМТ*). Последняя встреча Толстого с А.А. Толстой состоялась в феврале 1897 г. (Толстой с Софьей Андреевной были в Петербурге с 7 по 12 февраля). См. примеч. 1 и 2 к письму А.А. Толстой к Л.Н. и С.А. Толстым от 8 февраля 1897 г. (письмо 245).

[95] *28 августа... 1898 года Льву Николаевичу минуло 70 лет; я послала ему поздравительную депешу.* — См. в наст. изд. текст телеграммы (№ 248).

[96] *Выдержка из письма графини Софьи Андреевны...* — Из письма С.А. Толстой от 30 сентября 1898 г. (см. Дополнения, письмо 52).

1857

1. Л.Н. ТОЛСТОЙ и М.И. ПУЩИН – А.А. и Е.А. ТОЛСТЫМ

21 апреля (3 мая) 1857

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*.. Ф. 1. № 5837.А. Л. 1–2 об. Впервые: *ПТ*. С. 75–76, с датой: ⟨Май–июнь 1857 г.⟩. В *Юб*.: Т. 60. С. 183–184, с датой: ⟨21...23 апреля (3...5 мая)⟩ 1857 г.

Дата уточнена на основании слов Толстого: «...у меня уж 6-й день вырос на глазу ячмень исполинского размера» и записи в Дневнике 21 апреля (3 мая) 1857 г.: «Красный день, несмотря на глаз весело. Пошел ходить с Пущиными ⟨...⟩ Опять пошел ходить с Пущиными».

Л.Н. Толстой познакомился с М.И. Пущиным и его женой М.Я. Пущиной (рожд. Подколзиной) в Кларане, где жил с ними в одном пансионате. Н.Н. Гусев, ссылаясь на воспоминания А.А. Толстой, называет датой их знакомства 7 (19) апреля 1857 г. (см. *Гусев. Летопись I*. С. 153; с. 15–16 наст. изд.). Толстой очень подружился с Пущиными. Он писал П.В. Анненкову 22 апреля (4 мая) 1857 г.: «Пущин этот прелестный и добродушный человек. Они с женой здесь трогательно милы, и я ужасно рад их соседству» (*Юб*. Т. 60. С. 182). В письме к Т.А. Ергольской от 27 апреля (9 мая) 1857 г. Толстой сообщал: «Живу в одном доме с несколькими русскими, между прочим, муж и жена Пущины. Обоим лет между 50-ю и 60-ю, и они милейшие люди на свете. И мы очень полюбили друг друга» (*Юб*. Т. 60. С. 186). А в письме к Ергольской от 17(29) мая 1857 г. Толстой писал: «1) Пущин — старик 56 лет, *бывший разжалован* за 14 число, служивший солдатом на Кавказе; самый откровенный, добрый и всегда одинаково веселый и молодой сердцем человек в мире и притом высокой християнин; 2) его жена — вся доброта и самопожертвование, очень набожная и восторженная старушка, но еще очень свежая» (*Юб*. Т. 60. С. 191).

[1] *Как вы поживаете, в трубе ?* — «Трубой» Толстой называл придворный мир вообще и, в частности, окружение А.А. Толстой, которая в 1846–1866 гг. состояла при дворе дочери Николая I, Марии Николаевны, в качестве воспитательницы дочери ее, Марии Максимилиановны. Александра Андреевна приняла это название и сама называла так царский двор в России и за границей (см. письмо 8). Н.Н. Гусев происхождение этого иронического определения двора соотносит с тем, что в Петербурге в то время существовал пансион для девиц мадам Труба́ (*Гусев. Материалы II*. С. 225). Упоминание об этом пансионе, который пользовался особым покровительством вел. кн. Елены Павловны, содержится в письме Ф.И. Тютчева к А.И. и М.А. Георгиевским от 6 (18) октября 1864 г.; в этом пансионе воспитывалась его младшая дочь от Е.А. Денисьевой — Елена (см.: *Тютчев Ф.И*. Полн. собр. соч.: В 6 т. М., 2004. Письма. Т. 6. С. 83).

[2] *...приезжайте сюда с трубочистами*. — Очевидно, Толстой имеет в виду вел. кн. Марию Николаевну и ее двор.

[3] *...моя сестра по Дивееву...* — Известно, что А.А. Толстая принимала участие в хлопотах по преобразованию Дивеевской общины в Дивеевский монастырь (см.: Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. М., 1996. С. 612–616). Возможно, М.И. Пущин имел какое-то отношение к этим хлопотам.

[4] *...сестра сестры...* — Е.А. Толстая.

[5] *...avec la tante Baba.* — Т. е. с тетушкой бабушкой; так Толстой в шутку называл А.А. Толстую, приходившуюся ему двоюродной теткой.

[6] *...3 англичанки...* — Об англичанках, проживавших также в пансионе Кетерера, Толстой сделал записи в Дневнике 21 апреля (3 мая), 22 апреля (4 мая) и 23 апреля (5 мая). См.: *Юб.* Т. 47. С. 126.

[7] *...Рябининым...* — Толстой имел в виду М.А. Рябинина, родственника М.И. Пущина, которого А.А. Толстая в своих воспоминаниях называет «милейшим седовласым юношей... очень умным, забавным, неистощимым на выдумки и рассказы» (см. с. 15 наст. изд.)

[8] *...Кетерер... не содержатель пансиона, а Константин Павлович.* — В Пансион Кетерера, который находился в местечке Кларане (северо-восточный берег Женевского озера), Толстой переселился из пансиона Perret. Он в шутку называет владельцем пансиона умершего в 1831 г. вел. князя Константина Павловича.

[9] *...с Мещерскими...* — Мещерские — семья князя П.И. Мещерского: жена Екатерина Николаевна, дочь Екатерина Петровна и один из старших сыновей П.И. Мещерского, Николай или Александр. Толстой часто виделся в Швейцарии с Мещерскими, жившими недалеко от него в Ле Бассе (см.: *Юб.* Т. 47. С. 444–445).

[10] *Брат мой Иван Иванович просит отпуска заграницу...* — Иван Иванович Пущин, один из руководителей декабрьского движения. Возможно, хлопотал о выезде заграницу для лечения. Поездка не состоялась.

[11] *... заезжал Тотлебен...* — Зимой 1856–1857 гг. Э.И. Тотлебен лечился в Швейцарии от раны, полученной в Севастополе, а затем переселился во Францию (см.: *Шильдер Н.К.* Граф Эдуард Иванович Тотлебен: Его жизнь и деятельность. СПб., 1885. Т. 1. С. 514–518).

[12] *В.* — кто скрывается под этим инициалом, неизвестно.

2. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. и Е.А. ТОЛСТЫМ

1 (13) мая 1857

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф.1. № 5838.А. Л. 1–2. Впервые: *ПТ.* С. 74–75. В *Юб.*: Т. 60. С. 188–189, ошибочно значится как «неотправленное».

[1] *Мы сделали... прогулку вчера и нынче.* — 30 апреля — 1 мая (12–13 мая) Толстой совершил прогулку с М.И. Пущиным по южному берегу Женевского озера. См. письмо Толстого к В.П. Боткину и А.В. Дружинину (*Юб.* Т. 60. С. 187–188).

[2] *...шли... савойскими дорогами.* — То есть южным берегом Женевского озера. Савойя — бывшее герцогство на границе Швейцарии и Франции. Вершина этой горной местности — Монблан.

[3] *...Amphion...* — Местечко с железистыми водами, в 5 километрах от города Тонона (Швейцария).

[4] *Тернёв* — порода крупных собак, известная более под именем ньюфаундленских.

[5] *Ваш Калам...* — Александр Калам, художник-пейзажист. Лучшие картины А. Калама относятся к 1830—1840 гг. В свое время они пользовались успехом и раскупались. В Дневнике Толстой записал 12 мая 1857 г.: «К Каламу, тупой человек, но большой талант» (*Юб.* Т. 47. С. 127).

3. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

5 (17) июля 1857

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5839.А. Л. 1—2об. Впервые: *ПТ.*. С. 76—77, с датой: «17 июля, ⟨нов. ст.⟩». Год установлен: *Юб.* Т. 60. С. 216.

На л. 2об. автографа запись рукой А.А. Толстой: «Eritis ⟨sic⟩ ut. Deus!» («Будьте как Бог» — *лат.*) Ср.: «... откроются глаза Ваши, вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт 3, 5). А.А. Толстая могла читать «Фауста» в переводе Э.И. Губера (СПб., 1859. Т. II. С. 105). Мефистофель пишет студенту в альбом: «Eritis sicut Deus, scientes bonum et malum» («И будете, как бог, знать добро и зло»). Возможно, Толстая сделала эту запись для памяти. В письмах к Толстому она не встречается.

[1] *...по нынешней погоде.* — В Дневнике Толстого 5 (17) июля отмечено: «Дождь» (*Юб.* Т. 47. С. 144).

[2] *...придя с Риги...* — Толстой имеет в виду свое восхождение на горный массив Риги от деревни Гольдау, которое он совершил 13—14 (1—2) июля 1857 г. (см. *Юб.:* Т. 47. С. 143—144 и 477). Это восхождение описано Толстым в незаконченном сочинении «Отрывок дневника 1857 года» (*ПСС.* Т. 3. С. 365—385). Об этом путешествии Толстой вспоминал в разговоре с Р. Лёвенфельдом в августе 1898 г.: «С братом врача Боткина я сделал лучшую из своих пеших экскурсий в жизни» (*Лакшин В.* Интервью и беседы с Львом Толстым. М., 1986. С. 130).

[3] *...поэтому нейду к вам.* — Из Дневника Толстого известно, что 5(17) июля он писал рассказ «Люцерн», а «в 7 пошел к Толстым, пил чай со всей кампанией. Приятно болтал с бабушками» (*Юб.* Т. 47. С. 144, 145).

[4] *...кругом озера?*— Имеется в виду Фирвальдштетское озеро в Швейцарии, на восточном берегу которого расположен Люцерн.

[5] *Нет ли известий о моем псе?* — В Дневнике Толстого записи о его собаке 4 (16), 5 (17) и 10 (22) июля 1857 г.; она убегала и возвращалась, как это произошло и 5 (17) июля (см.: *Юб.* Т. 47. С. 144—145).

4. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

16 (28) июля 1857

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5285.А. Л. 1–1об. Впервые: *Юб.* Т. 60. С. 219–220.

[1] *...я сошелся с французом...* — Имеется в виду банкир Pegot-Ogier, упоминания о котором встречаются в Дневнике Толстого (см.: *Юб.* Т. 47. С. 147). У него Толстой занял в Баден-Бадене деньги и проиграл их (запись в Дневнике 27 июня (15 июля). — *Там же*). 11 августа 1857 г., уже в Ясной Поляне, Толстой записал в Дневнике: «Письмо от Pegot-Ogier» (*Юб.* Т. 47. С. 151) и тотчас ответил на него, но ответ Толстого неизвестен (см.: *Юб.* Т. 60. С. 515). В *ОР ГМТ* хранится три письма Pegot-Ogier к Толстому: первое от 10 августа 1857 г. из Парижа, второе и третье — без даты. О долге в этих письмах не упоминается.

[2] *...положите в Женеве... на имя Monsieur Pegot-Ogier 200 фр⟨анков⟩.* — А.А. Толстая выполнила просьбу Толстого и в ответном письме от 19 (31) июля 1857 г. из Женевы просила не волноваться и не возвращать долг к назначенному сроку (см. письмо 6).

[3] *...батюшка...* — А.К. Петров, настоятель русской церкви Воздвижения Креста Господня в Женеве (существует до сих пор. См.: *Шишкин М.* Русская Швейцария. М., 2006. С. 164). Толстой был с ним знаком и писал Т.А. Ергольской 17 (29) мая 1857 г.: «Священник наш молодой, но умный — образованный и поучительно прекрасной жизни человек и всех наш духовный отец, которого я полюбил душевно и который, надеюсь, полюбил меня немного» (*Юб.* Т. 60. С. 191–192). В *ОР ГМТ* хранится письмо Петрова к Толстому от 3 (15) октября 1857 г., в котором он благодарит Толстого за память и внимание к нему.

[4] *Обеим бабушкам...* — Е.А. и А.А. Толстым.

[5] *Заметьте: 28.* — Толстой придавал особое значение числу 28 (см. примеч. 1 к письму 8).

5. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

Конец июля 1857 ⟨?⟩

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/1. Л. 1–2.

Датируется предположительно. Вероятнее всего оно могло быть написано после встречи Толстого с А.А. Толстой во Франкфурте 22 июля (3 августа) перед отъездом Толстого в Россию. См.: Дневник Толстого (*Юб.* Т. 47. С. 148); *Гусев. Летопись I*. С. 162. Посылаемые «открытки для вашей тетушки», очевидно, предназначались для Т.А. Ергольской.

[1] *Вот... брошюрка (в моем вкусе)...* — О какой брошюре идет речь, не установлено.

6. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

19 (31) июля 1857

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/1. Л. 1—2об. Впервые: *ПТ*. С. 77—78.

Ответ на письмо Толстого от 16 (28) июля 1857 г. (письмо 4).

[1] *...посылаю вам телеграмму, а затем еще другое письмо...* — Телеграмма и письмо, посланные А.А. Толстой к Толстому в Женеву, неизвестны. 19 (31) июля Толстой находился в Баден-Бадене, оттуда выехал 22 июля (3 августа), а 23 июля (4 августа) встретился с Александрой Андреевной во Франкфурте; затем он посетил Дрезден, переехал в Берлин и 27 июля (8 августа) отправился на пароходе из Штеттина в Россию.

[2] *Не волнуйтесь относительно вашего долга...* — См. письмо 4.

[3] *...вы покинули Баденское болото...* — А.А. Толстая имеет в виду пребывание Толстого в Баден-Бадене и его увлечение игрой в рулетку. Ответное письмо было написано Толстым уже из Ясной Поляны 18 августа 1857 г. и адресовано в Остенде (см. письмо 7).

[4] *...воспоминание о нашем свидании в Люцерне...* — Находясь в Люцерне с 24 июня по 7 июля (6—19 июля) 1857 г., Толстой постоянно встречался с Александрой Андреевной. 3 (15) июля он отметил в Дневнике, что посетил в этот день гостиницу Швейцергоф, где Толстая жила с вел. кн. Марией Николаевной и ее детьми. «Дети ласкаются, они милы и трубный запах, к стыду моему, мне нравится» (*Юб.* Т. 47. С. 144 и примеч. на с. 478). Был Толстой у А.А. и Е.А. Толстых и 5 (17) июля (см.: *Там же.* С. 145 и примеч. 3 к письму 3). 6 (18) июля прочитал им и другим лицам, составляющим двор вел. кн. Марии Николаевны, свой очерк «Люцерн», дописанный в Люцерне (см.: *Юб.* Т. 47. С. 145).

7. Л.Н. ТОЛСТОЙ — А.А. ТОЛСТОЙ

18 августа 1857

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5840.А. Л. 1—4об. Впервые: *ПТ*. С. 79—81. В *Юб.*: Т. 60. С. 221—223.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 19 (31) июля 1857 г. (письмо 6).

[1] *...в милой Алекс⟨андре⟩ Александровне...* — А.А. Воейкова, фрейлина вел. кн. Марии Николаевны.

[2] *...в трубе!* — См. примеч. 1 к письму 1.

[3] *В Дрездене я... встретил милейшего Филимона... и Бавкиду... и с ними доехал до Петербурга.* — В Дрездене Толстой пробыл с 24 июля (5 августа) до половины дня 26 июля (7 августа) 1857 г. См. запись в Дневнике (*Юб.* Т. 47. С. 148—149). Именами из греческой мифологии, символизирующими дружную супружескую

пару, Толстой называет М.И. и М.Я. Пущиных, с которыми он прибыл на корабле в Петербург 30 июля 1857 г.

[4] *В Дрездене... встретил к⟨няжну⟩ Львову.* — О встрече с княжной А.В. Львовой см. запись в Дневнике Толстого: «...слишком старается быть по-русски умна, но мила очень» (*Юб.* Т. 47. С. 149). Еще раньше, в Париже, 26 марта (7 апреля) 1857 г. Толстой признавался сам себе: «Она мне очень нравится и, кажется, я дурак, что не попробую жениться на ней» (*Там же.* С. 122), а через день, уже из Женевы, Толстой спрашивал в письме к И.С. Тургеневу, может ли такая девушка, как А.В. Львова, полюбить его (См.: *Юб.* Т. 60. С. 170). А.А. Толстая очень одобряла стремление Толстого жениться на Львовой (см. письмо 8). Отголоски этого увлечения давали о себе знать и через несколько лет. В 1859 г., уже в Москве, Толстой два раза видел Львову. «Поднялось, но не с такой силой», — записал он в Дневнике (*Юб.* Т. 48. С. 20).

[5] *В Петербурге меня задержали... литературные дела...* — Толстой пробыл в Петербурге с 30 июля по 6 августа 1857 г.; 1 августа встретился с Н.А. Некрасовым и И.И. Панаевым в Петергофе и читал им «Люцерн». В Дневнике отмечено: «Подействовало на них» (*Юб.* Т. 47. С. 150).

[6] *...не был у К⟨атерины⟩ Н⟨иколаевны⟩....* — Екатерина Николаевна Шостак (рожд. Исленьева), с которой была в дружбе А.А. Толстая, вероятно, познакомилась с Толстым у нее. Жене Толстого, Софье Андреевне, она приходилась двоюродной теткой. См. о ней: *Юб.* Т. 47. С. 304.

[7] *...большой друг Платон, но еще больший друг правда...* — Первоисточник этого выражения — слова греческого философа Платона, который в одном из своих сочинений («Феодон») говорит: «Следуя мне, меньше думай о Сократе, а больше об истине» (Цит. по: *Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.* Крылатые слова. М., 1987. С. 265).

[8] *...в России жизнь постоянный вечный труд и борьба с своими чувствами.* — Свои впечатления от первых встреч с Россией после заграничного путешествия Толстой записал в Дневнике 8, 9 и 11 августа 1857 г. и в Записной книжке 8 августа (*Юб.* Т. 47. С. 150–151; 215).

[9] *...разыгрываю andante Бетховена...* — Andante (от *ит.* «идущий шагом») — умеренно медленный темп в музыке, также музыкальная пьеса, написанная в этом темпе. Возможно, речь идет о сонате Бетховена для фортепиано «Andante favori» фа мажор.

[10] *...читаю «Илиаду»...* — Толстой читал «Илиаду» Гомера в переводе Н.И. Гнедича (СПб., 1829). 24 и 25 августа 1857 г. записано в Дневнике: «Читал Гомера. Прелестно»; «Читал восхитительную Илиаду» (*Юб.* Т. 47. С. 153). В письме к М.М. Ледерле (25 октября 1891 г.) среди сочинений, произведших впечатление с 20 до 35 лет, помечено: «Одиссея и Илиада (читанные по-русски) — большое» (*Юб.* Т. 66. С. 68). В библиотеке Ясной Поляны сохранилось второе издание книги с пометами Толстого (СПб., 1861; *Библиотека ЯП I.* Ч. 1. С. 203–205).

[11] *...чем какой-нибудь принц Вурстемберской...* — Возможно, речь идет о Карле, принце Вюртемберском, который с 1846 г. был женат на вел. княж. Ольге Нико-

лаевне, сестре вел. кн. Марии Николаевны, при дворе которой состояла А.А. Толстая. Толстой с иронией назвал его Вурстембергским — от нем. Wurst (колбаса).

[12] *Сестра...* — Имеется в виду М.Н. Толстая и обстоятельства ее жизни в этот период (см. примеч. 2 к письму 8).

[13] *...славному Ребиндеру желаю успеху...* — К.Г. Ребиндер, воспитатель сыновей вел. кн. Марии Николаевны — Николая и Евгения Максимилиановичей Лейхтенбергских, внуков Николая I. Впоследствии Ребиндер стал генерал-адъютантом и членом Государственного совета. Досада и раздражение Толстого прошли, и он приветствует «славного Ребиндера», хотя за месяц до этого, прочитав Ребиндеру рассказ «Люцерн», Толстой записал в Дневнике 6 (18) июля 1857 г.: «Прочел Ребиндеру. Он глухое дерево. Очень туп, но сильно желает чего-то доброго» (*Юб.* Т. 47. С. 145).

[14] *Деньги пошлю в Петербург или как велите.* — См. примеч. 2 к письму 4.

[15] *Напишите словечко...* — На эту просьбу А.А. Толстая откликнулась письмом от 29, 31 августа (10, 12 сентября) 1857 г. из Остенде (см. письмо 8). Сам Толстой отметил в Дневнике 19 августа 1857 г.: «Вчера написал нежное письмо Толстой» (*Юб.* Т. 47. С. 152).

8. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

29, 31 августа (10, 12 сентября) 1857

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/1. Л. 1–4об. Впервые: *ПТ.* С. 81–84 и 84–88.

Ответ на письмо Толстого от 18 августа 1857 г. (письмо 7).

[1] *...прошло... ужасное 28 августа...* — По свидетельству сына Толстого, Ильи Львовича, писатель считал 28 число «своим и любил»: «Он родился в 28 году, 28 августа. 28-го числа вышла в печать первая его книга “Детство и отрочество”, 28-го родился его первый сын, 28-го была первая свадьба одного из его сыновей, и вот, наконец, 28-го он ушел из дома, чтобы больше никогда не вернуться» (*Толстой И.Л.* С. 341).

[2] *Жду... вестей о вашей сестре...* — В июле 1857 г. М.Н. Толстая разъехалась со своим мужем В.П. Толстым. Толстой узнал об этом за границей из письма брата Сергея (не сохранилось). «Эта новость задушила меня», — записал Толстой в Дневнике (*Юб.* Т. 47. С. 148). «Я знаю, что ты будешь меня уговаривать, — писала сама Мария Николаевна брату, — но вникни в это, и ты сам увидишь. Надо привыкать жить самой по себе...» (*Переписка.* С. 210). Подробнее об этом см.: *Юб.* Т. 59. С. 98.

[3] *Мы... заезжали во все чужие трубы...* — См. примеч. 1 к письму 1.

[4] *...я получила ваше...* — Письмо Толстого от 18 августа 1857 г. из Ясной Поляны (см. письмо 7).

[5] *...я все это время часто вспоминала семейство Львовых...* — Речь идет о семье кн. Георгия Владимировича Львова. Жена его, Елизавета Львовна, была сестрой декабриста Василия Львовича Давыдова. С ними жила племянница, кнж. А.В. Львова, дочь брата Г.В. Львова — Владимира Владимировича. С Г.В. Львовым Толстой находился в давних дружеских отношениях. См. также примеч. 4 к письму 7.

[6] *...мамá и сестра Соня...* — П.В. Толстая и ее дочь, сестра А.А. Толстой — С.А. Толстая.

[7] *Читая... о том отвращении, которое овладело вашей душой по возвращении на родину...* — См. письмо 7. В Дневнике Толстой записывает: «Противна Россия» и «Прелесть Ясная» (*Юб.* Т. 47. С. 150).

[8] *...поделитесь своими планами.* — Толстой отвечал, что он остается «в России эту зиму», т.к. сестра, М.Н. Толстая, не едет за границу; и сам он «очень скоро» приедет в Петербург (см. письмо 10). 21 октября 1857 г. он уехал в Петербург, а вернувшись в Москву 30 октября, поселился с сестрой и ее детьми на Пятницкой улице в доме Варгина, где прожил по апрель 1858 г.

[9] *...было бы хорошо повидаться с вами этой зимой...* — Толстой виделся с А.А. Толстой в октябре, ноябре 1857 г. и в январе 1858 г.

[10] *Сестра...* — Е.А. Толстая.

[11] *...истории с люцернским певцом...* — Люцернский певец — герой рассказа Толстого «Из записок князя Д. Нехлюдова. Люцерн» (*Совр.* 1857. № 9).

[12] *...Евгения...* — Евгения Максимилиановна, принцесса Лейхтенбергская, внучка Николая I, воспитательницей которой была Е.А. Толстая.

[13] *...рада вашей встрече с вевейскими друзьями!* — М.И. и М.Я. Пущиными, с которыми Толстой встречался в Веве (Швейцария) и с которыми возвращался в Россию из первого заграничного путешествия (см. письмо 7).

[14] *...хотелось бы с ней познакомиться.* — Очевидно, вскоре знакомство с М.Н. Толстой состоялось. Ср. письмо 11.

[15] *...что сталось с вашим зятем.* — Речь идет о В.П. Толстом, который приходился Толстому троюродным братом и зятем, так как был мужем его сестры М.Н. Толстой. После того как в июле 1857 г. Мария Николаевна и Валерьян Петрович расстались, он с гражданской женой, Е. Гольцевой, жил в своем имении в Рязансокй губ. и в Раненбурге, где имел дом. Позднее его дочь от первого брака, Е.В. Толстая, писала в связи с смертью отца: «Мы отца мало помнили, привыкли к его отсутствию и не могли быть огорчены» (*Оболенская-Толстая Е.В.* Моя мать и Лев Николаевич // Октябрь. 1928. Кн. 9–10. С. 225).

[16] *...вам неприятно, что я пишу по-французски...* — «Я давно хотел написать вам, — отвечал Толстой на этот вопрос в письме от 14 апреля 1858 г., — что вам удобнее писать по-французски, а мне женская мысль понятнее по-французски» (см. письмо 13). С конца 1860-х годов Толстая писала свои письма к Толстому по-русски.

9. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

7 октября 1857

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/1. Л. 1–4об. Впервые: *ПТ.* С. 88–91.

[1] *...короткая записочка...* — Не сохранилась. В письме от 18 августа Толстой писал, что «пошлет деньги в Петербург» (см. письмо 7).

[2] *...жду на нее ответа.* — Ответ Толстого на письмо А.А. Толстой от 29, 31 августа (см. письмо 8) неизвестен (см.: *Юб.* Т. 60. С. 516).

[3] *...что это за Иеремиин плач ?* — Иеремия — второй из четырех великих пророков; в Библии ему принадлежат Книга пророка Иеремии, Книга Плач Иеремии, выражающая скорбь пророка над развалинами Иерусалима и Послание Иеремии.

[4] *...вы... сделаетесь вторым изданием Искандера.* — А.И. Герцена.

[5] *...во Франкфурте продается возами.* — Речь идет о выпусках «Полярной звезды», изданных Герценом в 1855—1857 гг. в Лондоне. Согласно секретной переписке русской царской администрации, это издание широко продавалось и быстро расходилось (см.: Летопись жизни и творчества А.И. Герцена. 1851—1858 / Сост. И.Г. Птушкина. М., 1976. С. 341; см. также с. 367). Толстой был знаком с «Полярной звездой». В его Дневнике 4 ноября 1856 г. записано: «Дочел Полярную Звезду. Очень хорошо» (*Юб.* Т. 47. С. 98). О какой из двух книг «Полярной звезды» (на 1855 или 1856 г.), вышедших к этому времени, идет речь — неизвестно. С.А. Розанова предполагает, что запись в Дневнике Толстого относится ко второй книге, где содержался отзыв Герцена о повести «Детство» («меня поразила своей пластической искренностью повесть графа Толстого». — *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1957. Т. XII. С. 316), публиковались главы первой части «Былого и дум» и программная статья самого издателя «Вперед! Вперед!» (см.: *Розанова С.А.* Толстой и Герцен. М., 1972. С. 24).

[6] *Надеюсь, что вы ему не сочувствуете.* — Из письма И.С. Тургенева к А.И. Герцену от 5 марта 1857 г. известна еще одна оценка Герцена Толстым, относящаяся к этому периоду: «Толстому я передал твой поклон; он очень ему обрадовался и велит тебе сказать, что давно желает с тобой познакомиться — и заранее тебя любит лично, как любил твои сочинения (хотя он NB далеко не красный)» (*Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. М.; Л., 1961. Т. III. С. 94). Встреча Толстого с Герценом состоялась позднее, в марте 1861 г., в Лондоне. Они виделись «почти каждый день» и «были разговоры всякие и интересные», — писал Толстой П.И. Бирюкову 15 апреля 1904 г. (*Юб.* Т. 75. С. 71). См.: Летопись жизни и творчества А.И. Герцена. 1859 — июнь 1864 / Сост. И.Г. Птушкина. М., 1983. С. 188, 191. Сохранились три письма Толстого к Герцену за 1861 г., судьба ответных писем Герцена неизвестна (см.: *ПРП II.* С. 132—139).

[7] *...как будто мы сидим в Бокаже...* — Бокаж (Bocage), вилла близ Женевы в Швейцарии, где весной и летом 1857 г. жили А.А. и Е.А. Толстые и где у них часто бывал Толстой.

[8] *...найдете... четырехлетнее существо...* — Прасковья Ильинична Толстая (Паша) — дочь брата А.А. Толстой, Ильи Андреевича Толстого. Толстой видел ее в свой приезд в Петербург, 22 октября 1857 г.

[9] *...приезд матушки...* — Речь идет о Прасковье Васильевне Толстой.

[10] *...Алек⟨сандра⟩ Александровна... еще в Париже...* — В отсутствие А.А. Воейковой А. А. Толстая имела дополнительные придворные обязанности.

[11] *...Филимона...* — Имеется в виду М.И. Пущин.

[12] *...а вас когда?* — Толстой приехал в Петербург 22 октября 1857 г.

[13] *Ребиндер написал к вам письмо...* — Письмо К.Г. Ребиндера к Толстому неизвестно.

10. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

18 или 19 октября 1857

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5841.А. Л. 1–4. Впервые: *ПТ*. С. 91–94, с датой: ⟨Октябрь 1857 г.⟩. В *Юб*.: Т. 60. С. 228–231, с датой: ⟨18–20? октября 1857 г.⟩.

Датируется по содержанию. Письмо написано из Москвы 18 или 19 октября 1857 г., поскольку «дня через два» Толстой надеется быть в Петербурге, куда он выехал в ночь с 21 на 22 октября. (*Гусев. Летопись I*. С. 169).

Ответ на письма А.А. Толстой от 29, 31 августа (10, 12 сентября) и 7 октября 1857 г. (письма 8 и 9).

[1] *...на последнее ваше письмо...* — Письмо А.А. Толстой к Толстому от 7 октября 1857 г. (см. письмо 9).

[2] *Вы писали, что не любите пустых болтунов и боитесь за внука...* — В письме А.А. Толстой от 29, 31 августа 1857 г. из Остенде.

[3] *...когда вы писали из Петербурга...* — См. письмо 9.

[4] *Сестре нужно было ехать в Москву, и я поехал с ней.* — Толстой приехал в Москву вместе с сестрой Марией Николаевной и ее детьми 17 октября 1857 г. в 8 часов вечера.

[5] *...в Петербург приеду очень скоро.* — В ночь с 21 на 22 октября Толстой уехал в Петербург. 22 октября состоялось его свидание с А.А. Толстой, после которого появилась запись в его Дневнике: «Прелесть А⟨лександрин⟩, отрада, утешенье. И не видал я ни одной женщины, доходящей ей до колена» (*Юб*. Т. 47. С. 160).

[6] *Мне смешно вспомнить, как я думывал и как вы... думаете...* — Об этом речь шла в письме Толстого от 18 августа 1857 г. (см. письмо 7).

[7] *...и вечно бороться и лишаться.* — О том же писал Толстой 21 октября 1857 г. В.П. Боткину, объясняя перемену своих взглядов тяжелым впечатлением от крестьянской деревни (*Юб*. Т. 60. С. 232–233). В марте 1910 г., читая приготовленную к печати переписку с А.А. Толстой, Толстой записал в Дневнике относительно этих слов: «Вечер опять читал с умилением свои письма к А⟨лександре⟩ А⟨ндреевне⟩. Одно о том, что жизнь труд, борьба, ошибка — такое, что̀ теперь ничего бы не сказал другого» (*Юб*. Т. 58. С. 23).

[8] *Скажите Катерине Николаевне, что В. Иславин женится на Кирьяковой какой-то.* — Владимир Александрович Иславин приходился двоюродным братом Екатерине Николаевне Шостак (рожд. Исленьевой). Он женился на Юлии Михайловне Кирьяковой (см.: *Юб*. Т. 60. С. 231). Толстой был в дружбе с семьей Иславиных.

1858

11. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

24 марта 1858

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5842.А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ*. С. 94–95, с датой: ⟨Март 1858 г.⟩. Дата уточнена: *Юб*. Т. 60. С. 256–258.

[1] *...я с Петербурга... болен...* — Толстой был в Петербурге с 11 по 17 марта 1858 г. Он виделся с Н.А. Некрасовым и передал ему для печатания повесть «Альберт».

[2] *Мы сейчас с тетинькой...* — Т.А. Ергольской.

[3] *...ваши слова Машиньке о ее муже.* — Очевидно, разговор касался взаимоотношений М.Н. Толстой с В.П. Толстым, с которым она разъехалась летом 1857 г.

[4] *Не могу сыскать «Сна»...* — Аллегорическое стихотворение в прозе, которое Толстой называет «Сон», было написано им в конце 1857 г., по всей вероятности, под впечатлением рассказа брата Николая Николаевича. 31 декабря 1857 г. он записал в Дневнике: «Писал Николинькин сон. Никто не согласен, а я знаю, что хорошо» (*Юб*. Т. 47. С. 166), а через несколько дней, 4 января 1858 г., Толстой в письме к В.П. Боткину, желая знать его мнение, включает в письмо целиком текст «Сна» (*Юб*. Т. 60. С. 247–248). Произведение не было напечатано (см.: *Юб*. Т. 7), но Толстой несколько раз, в 1863–1865 гг., возвращался к этому замыслу и хотел его использовать в романе «Война и мир» (*Юб*. Т. 47. С. 514). См. также: *Гусев. Материалы II*. С. 263–264.

[5] *Другую... вещицу... пришлю...* — Речь идет о рассказе «Три смерти»; получив рукопись, А.А. Толстая в письме от 18 апреля 1858 г. передавала свое впечатление от рассказа (см. письмо 14), а Толстой в письме от 1 мая 1858 г. возражал ей (см. письмо 16). Рассказ был напечатан в *БдЧ*. 1859. № 1.

[6] *...не покупайте Андерсена, пришлю вам...* — В январе 1857 г. и в 1858 г. Толстой перечитывал сказки Г.Х. Андерсена, а сказка «Новое платье короля» была переведена Толстым (см.: *Юб*. Т. 47. С. 108, 395). Под заглавием «Царское новое платье» она вошла в «Четвертую русскую книгу для чтения» (*Юб*. Т. 21), а позднее (в 1907 г.) в «Детский круг чтения» (*Юб*. Т. 40). Были ли посланы сказки Андерсена А.А. Толстой, неизвестно.

[7] *...пришлю вам...божественную книгу...* — Какую книгу хотел послать Толстой Александре Андреевне, установить не удалось.

[8] *...о...ваших планах известите.* — А.А. Толстая ответила на этот вопрос в письме от 30 марта 1858 г. (см. письмо 12).

[9] *Я бы ужасно желал видеть вас до отъезда нашего за границу.* — О поездке Толстого в Петербург см. письмо 24 и примеч. 1 и 2 к нему. О поездке Толстого с сестрой М.Н. Толстой за границу см. письмо 41 и примеч. 1 к нему.

[10] *...всю жизнь быть исправляемым и обращаемым вами...* — Уже после смерти А.А. Толстой, в апреле 1904 г., Толстой писал брату Сергею Николаевичу, имея в виду свои религиозные споры с ней: «Только жалко — всё меня обращала в Мар⟨ии⟩ Михайл⟨овны⟩ веру» (жена С.Н. Толстого была очень религиозна) (*Юб*. Т. 75. С. 80).

12. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

30 марта 1858

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/3. Л. 1–4об. Впервые: *ПТ*. С. 96–98.

Ответ на письмо Толстого от 24 марта 1858 г. (письмо 11)

[1]*...верно отгадали...характер...обстановку жизни неизвестной вам m-me Vavila...* — Неясно, какое лицо названо А.А. Толстой именем m-me Vavila. Имя Вавилы и его супруги неоднократно упоминается в переписке Толстых (см. письмо 19, 21, 29). Возможно, это не реальные лица, а персонажи, как-то связанные с именем героя, упоминаемого в первой редакции романа Толстого «Семейное счастие» (см.: *Юб*. Т. 5 С. 174). См.: *Птушкина И.Г.* Об одном неизвестном персонаже в переписке Льва Толстого и А.А. Толстой: (К истории создания романа «Семейное счастие») // Толстой и о Толстом. М., 2010. Вып. 4. С. 157–163.

[2]*...покойный граф Федор Иванович.* — Граф Ф.И. Толстой («Американец»), двоюродный дядя Толстого (см. о нем: *Толстой и Толстые*. С. 95–105).

[3]*... предлагаете мне судьбу Данаид...* — Т. е. делать бесполезный, не имеющий конца труд (49 дочерей царя Даная за убийство своих мужей были обречены вечно наполнять водою бездонные бочки).

[4]*...надеюсь, что и «Сон»...найдется.* — См. примеч. 4 к письму 11.

[5]*...по приезде вашем в Петербург...* — Толстой приехал в Петербург только 10 марта 1859 г. (см. письмо 24).

[6]*...великая княгиня...* — Вел. кн. Мария Николаевна.

[7]*...сестра с своей воспитанницей...* — Е.А. Толстая с Евгенией Максимилиановной принцессой Лейхтенбергской. См. примеч. 12 к письму 8.

[8]*...тетушке вашей и Машиньке.* — Имеются в виду Т.А. Ергольская и М.Н. Толстая.

[9]*Паша...* — П.И. Толстая. См. примеч. 8 к письму 9.

[10]*...забыла ваш адрес — кажется на Пятницкой...* — См. примеч. 8 к письму 8.

[11]*...когда намерены ехать в деревню.* — Толстой уехал из Москвы в Ясную Поляну вместе с А.А. Фетом и его женой 9 апреля 1858 г. (см. письмо 13).

13. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

14 апреля 1858

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. №. 5843.А. Л. 1–2об. Впервые полностью опубликовано: *ПТ*. С. 98–100, с датой: ⟨Апрель 1858 г.⟩. Дата уточнена: *Юб*. Т. 60. С. 259–260.

А.А. Толстая включила это письмо в «Мои воспоминания...» (с. 27–28 наст. изд.).

[1]*...с неделю, как я в деревне...* — Толстой приехал в Ясную Поляну в ночь на 10 апреля 1858 г.

[2]*Этот идеал... самое дорогое, что есть для меня в жизни.* — Задолго до этого Толстой в письме к Т.А. Ергольской от 12 января 1852 г. с Кавказа уже рисовал картины своей будущей семейной жизни (см.: *Юб.* Т. 59. С. 162—164). «Я семьянин по натуре, — признавался Толстой в письме к брату Сергею Николаевичу 5 декабря 1856 г., — у меня все вкусы такие были и в юности, а теперь подавно. В этом я убежден так, как в том, что я живу» (*Юб.* Т. 60. С. 137).

[3]*Ваша Мадона висит у меня...* — Литографии картины Рафаэля «Сикстинская мадонна» висят в кабинете Толстого в Ясной Поляне.

[4]*...последние стихи мучают.* — Стихотворение А.С. Пушкина «Мадонна» (1830) оканчивается строками:

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

[5]*...не сердитесь на меня за этот вздор...* — В Дневнике Толстой записал 14 апреля 1858 г.: «Сейчас написал нелепое письмо А. Толстой» (*Юб.* Т. 48. С. 13). А.А. Толстая ответила 21 апреля (см. письмо 15).

[6] *Я давно хотел написать вам, что вам удобнее писать по-французски, а мне женская мысль понятнее по-французски.* — См. письмо 8 и примеч. 16 к нему.

14. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

18 апреля 1858

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 58965.Б. Л. 1—2об.

[1]*...я читала вашу рукопись...* — Толстой прислал обещанную Александре Андреевне рукопись рассказа «Три смерти» (см. письмо 11).

[2]*Вот вам вкратце мой образ мыслей...* — Свой замысел рассказа «Три смерти» Толстой объяснил в письме к Александре Андреевне от 1 мая 1858 г. (см. письмо 16).

[3]*В ней полно ошибок и... она неразборчива.* — Рукопись, переписанная, очевидно, писарем из Тулы, Иваном Ивановичем (см. о нем: *Юб.* Т. 47. С. 91, 357), не сохранилась. Сохранился только автограф первой черновой редакции рассказа «Три смерти» (*Описание* 1. С. 62).

[4]*...когда вы отправляетесь в деревню...* — Свое письмо от 14 апреля 1858 г. (см. письмо 13) Толстой написал уже из Ясной Поляны, но А.А. Толстая еще не получила его. См. письмо 12 и примеч. 11 к нему.

[5]*...получили ли вы мое последнее письмо.* — Письмо от 30 марта 1858 г. (см. письмо 12).

[6]*Вчера я встретила предмет вашей... быстротечной страсти.* — В.А. Жданов пишет, что Толстой «после неудачной попытки жениться ⟨на В.В. Арсеньевой⟩ отдается светским увлечениям», и называет несколько знакомых, которыми Толстой был увлечен: П.С. Щербатова, А.Н. Чичерина, Е.И. Менгден, Е.В. Львова (см.: *Жданов В.А.* Любовь в жизни Льва Толстого. М., 1993. С. 34). Однако чаще других в Дневнике Толстого конца 1857 — начала 1858 г. встречается имя Е.Ф. Тютчевой, дочери поэта (см.: *Юб.* Т. 47. С. 112, 163, 165, 166). В апреле 1858 г. она была в Петербурге. Вероятно, именно о ней пишет А.А. Толстая. 31 марта 1858 г. в Дневнике Толстого записано: «Тютчева положительно не нравится» (*Юб.* Т. 48. С. 11), а уже 15 сентября 1858 г. отмечает в Дневнике: «Виделся с ⟨...⟩ Тютчевой. Я почти бы готов без любви спокойно жениться на ней; но она старательно холодно приняла меня» (Там же. С. 17). См.: *Гусев. Материалы II.* С. 268–270.

15. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

21 апреля 1858

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 58966.Б. Л. 1–3об. Ответ на письмо Толстого от 14 апреля 1858 г. (письмо 13).

[1]*...ваше письмо...* — От 14 апреля 1858 г. См. письмо 13, полученное вечером 20 апреля.

[2] *Ваше письмо я получила... после того, как... отправила вам письмо в Москву.* — Письмо от 18 апреля, в котором А.А. Толстая упрекала Толстого в том, что в рассказе «Три смерти» он не раскрыл «секрет стоического спокойствия бедного извозчика» (см. письмо 14).

[3] *Тургенев приезжает... это побудит... ускорить ваш приезд.* — И.С. Тургенев приехал в Петербург 4 (16) июня 1858 г. Поскольку Толстой после 17 марта 1858 г. в Петербург в этом году больше не приезжал, их встреча там состоялась только через год, в марте 1859 г. Однако летом 1858 г. Толстой и Тургенев виделись дважды: 11–12 июня в Ясной Поляне; в августе — в Спасском. Толстой по-разному оценил эти встречи: об июньской записал в Дневнике: «Вчера приехал Тургенев. Судя по нем, я возмужал, мне легко с ним» (*Юб.* Т. 48. С. 15–16); во время августовской встречи Тургенев был ему «тяжел невыносимо» (*Там же.* С. 16).

[4] *Ежели я с ним встречусь...* — Тургенев и А.А. Толстая встретились в Петербурге в феврале 1859 г. (см. письмо 23 и примеч. 7 к нему).

[5]*...вы не ждете от меня писем по-русски.* — Об этом Толстой писал А.А. Толстой 14 апреля 1858 г. (см. письмо 13). Из пяти писем Александры Андреевны, написанных с начала их переписки, два письма (9 и 12) написаны по-русски.

[6]*...вы картофелина экзотическая...* — В письме от 14 апреля 1858 г. Толстой писал: «...я — старая, промерзлая, гнилая и еще под соусом сваренная картофелина» (см. письмо 13).

16. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

1 мая 1858

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5844.А. Л. 1–4об. Впервые: *ПТ*. С. 100–102.

Ответ на письма А.А. Толстой от 18 и 21 апреля 1858 г. (письма 14 и 15).

1 *...письма... я оба получил...* — Письма от 18 и 21 апреля (см. письма 14 и 15).

2 *...в одном из ваших писем.* — См. письмо 15.

3 *Пришла весна...* — Тема весны была очень важна для Толстого. Мотив весеннего обновления природы и внутреннего обновления героя возник еще в повести «Юность» (*ПСС*. Т. 1. С. 156). Наиболее полное воплощение тема гармонического единства человека и природы получила в дальнейшем в романах «Война и мир» и «Анна Каренина». В рассказе «Три смерти», о котором идет речь в письме, вариация этой темы звучит так: «Радостно, молодо было и на небе, и на земле, и в сердце человека» (*ПСС*. Т. 3. С. 182). Непосредственное, физическое переживание весны всегда связано у Толстого с постановкой важнейших религиозно-нравственных вопросов. В Записной книжке (20 апреля 1858 г.) размышления эти звучат очень близко к данному письму (см.: *Юб*. Т. 48. С. 75–76). В зачине романа «Воскресение» эта тема получила иное решение: человек и природа не слиты воедино, единый грандиозный замысел Творца разъят. Толстой пишет: «Веселы были и растения, и птицы, и насекомые, и дети. Но люди — большие, взрослые люди — не переставали обманывать и мучать себя и друг друга» (*Юб*. Т. 32. С. 3–4).

4 *...тапотировал сонаты Гайдна...* — Тапотировать — от фр. tapoter — бренчать на рояле.

5 *Тютчева «Весна», которую я... весной невольно твержу от строчки до строчки.* — Стихотворение Ф.И. Тютчева «Весна» («Как ни гнетет рука судьбины...»), написанное не позднее 1838 г. Толстой цитирует строки из последней строфы стихотворения:

«Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь —
И жизни божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!»

(*Тютчев Ф.И.* Лирика: В 2 т. М., 1965. Т. I. С. 97. Сер. «Лит. памятники»).

6 *...мое несогласие с вашим мнением о моей штуке.* — Речь идет о рассказе «Три смерти» (см. письмо 14).

7 *...ожидаю... громящее, или... кротко соболезнующее письмо.* — В ответном письме от 4 июня Толстая писала, что «религиозные убеждения» Толстого ее «ни-

чуть не ужаснули», ибо «это строящийся корабль, который еще не спущен на воду» (см. письмо 18).

[8] *Машиньку и тетиньку и всех жду на днях.* — 4 мая 1858 г. в Ясную Поляну приехал С.Н. Толстой. «Славно болтали до 2-х часов», — отметил Толстой в Дневнике (*Юб.* Т. 48. С. 15). На другой день приехала сестра Мария Николаевна с детьми (*Там же*) и Т.А. Ергольская, которая зимой 1858 г. жила в семье М.Н. Толстой (Ясная Поляна. 1997. № 2. С. 223). Толстые уехали 8 мая, а Т.А. Ергольская 13 июня (*Юб.* Т. 48. С. 15–16).

17. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

9 мая 1858

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/1. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.* С. 102–103 и 103–104.

Ответ на письмо Толстого от 1 мая 1858 г. (письмо 16).

[1]*...это не ответ на ваше... письмо...* — Письмо от 1 мая (см. письмо 16).

[2]*...его вы получите позднее...* — Письмо А.А. Толстой от 4 июня (см. письмо 18).

[3]*...мама́ собирается заехать к вам по дороге в Лубянки.* — П.В. Толстая (рожд. Барыкова) с двумя дочерьми — Елизаветой и Софьей, сыном Ильей Андреевичем и его дочерью Пашей собиралась заехать в Ясную Поляну по пути в Лубянки, имение своей сестры Е.В. Вадбольской (рожд. Барыковой), находившееся в Дмитровском у., Орловской губ.

[4]*...удовольствие, которое доставит вам ее приезд.* — В письме от 23⟨?⟩ августа Толстой сообщил Александре Андреевне, что ее родные заезжали в Ясную Поляну и что он «чуть было не уехал с ними», «как-то так славно пахнет от них толстовско-барыковско-твердородственным, приятным духом» (см. письмо 19).

[5]*Завтра я еду к ним.* — На дачу вел. кн. Марии Николаевны в Сергиевское под Петергофом.

18. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

4 июня 1858

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/1. Л. 1–4об. Впервые: *ПТ.* С. 104–108 и 108–113.

Ответ на письмо Толстого от 1 мая 1858 г. (письмо 16).

[1]*...ваше уже приходит.* — На письма А.А. Толстой от 9 мая и 4 июня 1858 г. (см. письма 17 и 18) Толстой ответил только в конце августа (см. письмо 19).

[2]*...я ждала от вас весточки.*— Толстой сообщил об этом визите в своем августовском письме (№ 19).

[3]*...читая письма сестер...* — Письма Софьи Андреевны и Елизаветы Андреевны к А.А. Толстой неизвестны.

[4]*...надуваюсь, как блаженной памяти лягушка...* — *Крылов И.А.* Лягушка и вол. 1807 // Драматический вестник. 1808. Ч. I. № 2. С. 24.

[5]*...навестить вас и увидеть... каким вы бываете у себя дома.* — А.А. Толстая гостила у Толстых в Москве только в феврале 1882 г. (см.: *Гусев. Летопись I.* С. 546), а летом 1887 г. приезжала в Ясную Поляну (см. *ДСТ 1.* С. 123).

[6]*...как у моего окна в Бокаже...* — А.А. Толстая вспоминает лето 1857 г. и встречи с Толстым в Швейцарии, на вилле Бокаж, близ Женевы.

[7] *В вашем последнем письме...* — См. письмо 16.

[8]*...здоровье еще не вернулось ко мне.* — Тяжелое душевное состояние А.А. Толстой вызвано было смертью 8 декабря 1857 г. графа В.А. Перовского, к которому она навсегда сохранила глубокие чувства. Ей он завещал свои письма и бумаги (см. о нем: *Юб.* Т. 47. С. 507).

[9] *В... разговоре отворяются ящики, которые невозможно выдвинуть для переписки.* — Здесь А.А. Толстая вспоминает письмо Толстого, написанное в октябре 1857 г. (см. письмо 10).

[10]*...привести... фразу из письма г-жи Бронте...* — Далее А.А. Толстая цитирует высказывание английской писательницы Ш. Бронте, взятое из ее биографии, написанной Э. Гаскелл (*Gaskell E.* The Life of Charlotte Brontë. Leipzig, 1857. 2 vol. — *Библиотека ЯП III.* Ч. 1. С. 389. № 1181). По рекомендации Александры Андреевны эту книгу летом 1857 г. читал Толстой (см. запись в Дневнике: *Юб.* Т. 47. С. 144 и 478—479 — примеч. к 4 (16) июля) и рекомендовал ее В.П. Боткину в письме от 9 (21) июля 1857 г. (*Юб.* Т. 60. С. 218).

[11]*...в каком журнале его искать...* — Повесть «Альберт» (первоначальное название «Погибший») должна была появиться в апрельской книжке *Совр.* за 1858 г., но была задержана цензором, о чем Н.А. Некрасов сообщил Толстому в письме от 3 апреля 1858 г. (см.: *ПРП I.* С. 108), и была напечатана в августовской книжке журнала за тот же год. Критики отнеслись к повести отрицательно (см.: *Гусев. Материалы II.* С. 277—278). Это было последнее произведение, напечатанное Толстым в некрасовском журнале.

[12]*...обер-трубочистка...* — Видимо, вел. кн. Мария Николаевна.

[13]*...на две главы романа, начатого... Иваном Киреевским.* — «Остров (недоконченная повесть И.В. Киреевского)» (см.: Русская беседа. 1858. № 2).

[14]*...Киреевский посоветовал вам не пропускать дня, не читая Евангелия.* — В Дневнике Толстого отмечена одна беседа с И.В. Киреевским (8 мая 1856 г.), где много говорилось о православии (см.: *Юб.* Т.47. С. 69—70), очевидно, ее и вспоминает А.А. Толстая. Через месяц после этой встречи, 11 июня 1856 г., Киреевский скончался от холеры.

[15]*...«ты этого хотел, Жорж Данден!»* — Фраза из комедии Мольера «Жорж Данден». Ее не раз употребляет А.А. Толстая. У Толстого она встречается в романе «Война и мир» (см.: *Юб.* Т. 10. С. 87).

[16]*...ждем маленьких князей, с Ребиндером.* — Великие князья Николай и Евгений Лейхтенбергские со своим воспитателем.

[17]*...письмо от... женевского священника...* — От А. Петрова (см. примеч. 3 к письму 4).

[18]*...мне хотелось, чтобы вы съездили в Лубянки.* — См. письмо 17 и примеч. 4 к нему.

19. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

23 ⟨?⟩ августа 1858

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5845.А. Л. 1—2об. Впервые: *ПТ*. С. 113—114, с датой: ⟨Август 1858 г.⟩. Дата уточнена: *Юб*. Т. 60. С. 273—274 (с ошибочным указанием, что «конец письма утрачен», — с. 275).

Ответ на письма А.А. Толстой от 9 мая и 4 июня 1858 г. (письма 17 и 18).

[1]*...про которых еще не писал вам.* — В своем письме от 4 июня А.А. Толстая писала, что «ждет весточки» с описанием пребывания ее матери в Ясной Поляне (см. письмо 18).

[2]*...мне... хотелось в их Горелки.* — В письмах от 9 мая, 4 июня и 10 сентября 1858 г. речь идет о поездке в имение Лубянки. Почему Толстой называет это имение Горелками, установить не удалось.

[3]*...пахнет от них толстовско-барыковско-твердородственным... духом.* — Мать А.А. Толстой, Прасковья Васильевна Толстая, урожденная Барыкова.

[4] *Читали ли вы... переписку Станкевича.* — Толстой читал книгу П.В. Анненкова «Николай Владимирович Станкевич» (М., 1858), куда были включены выдержки из писем Станкевича к друзьям. Тогда же Толстой писал Б.Н. Чичерину: «Читал ли ты переписку Станкевича? Боже мой! что это за прелесть. Вот человек, которого я любил бы, как себя. Веришь ли, у меня теперь слезы на глазах» (*Юб*. Т. 60. С. 272).

[5]*...умер в мученьях...* — Н.В. Станкевич скончался в 1840 г., 27 лет, от туберкулеза. Потрясенный его смертью В.Г. Белинский писал А.П. Ефремову 23 августа 1840 г.: «Что осталось от его жизни, что дала ему она?» (*Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1957. Т. XI. С. 547).

[6]*...мы с Вавилом...* — См. письмо 12 и примеч. 1 к нему.

[7] *Бедный Кутлер...* — Ф.Ф. Кутлер, сослуживец Толстого по Кавказу и Севастополю и его ровесник. Толстой встречался с ним в Петербурге в феврале 1856 г. (см.: *Дружинин А.В.* Повести. Дневник. М., 1986. С. 377. Сер. «Лит. памятники»). А.П. Сергеенко предполагает, что Кутлер был прототипом офицера Бутлера в повести «Хаджи-Мурат» (*Юб*. Т. 35. С. 81—85). Подробнее см.: *Сергеенко А.П.* «Хаджи-Мурат» Льва Толстого. М., 1983. С. 199. Возможно, речь идет о его неудачном браке, которого не хотели признавать родственники (*Кутлер П.П.* Воспоминания. С. 27—29. Рукопись из личного архива П.П. Кутлера).

20. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

24 августа 1858

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/1. Л. 1–3об.

[1]*...приближающегося 28 августа.*— См. примеч. 1 к письму 8.

[2] *Я ждала встречи... все лето...* — Встреча состоялась в Петербурге в марте 1859 г.

[3]*...ваши планы путешествия переменились?* — В свое второе заграничное путешествие Толстой отправился только в 1860 г. (см. примеч. 12 к письму 21).

[4]*...как здоровье Мари...* — Вопрос Александры Андреевны о здоровье М.Н. Толстой остался без ответа: с августа 1858 по март 1859 г. письма Толстого к ней неизвестны.

[5] *Великая княгиня со всеми своими сыновьями...* — Вел. кн. Мария Николаевна с сыновьями Николаем и Евгением Лейхтенбергскими и сыном Григорием (от брака с Г.А. Строгановым).

[6]*...Строг⟨ановым⟩...* — Г.А. Строганов, морганатический супруг вел. кн. Марии Николаевны с 1852 г., после смерти ее первого мужа герцога Максимилиана Лейхтенбергского.

[7]*...обе Великие княжны...* — Дочери вел. кн. Марии Николаевны — Мария и Евгения Максимилиановны.

[8]*...разыскала «Альберта»...* — См. письмо 18 и примеч. 11 к нему.

21. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

10 сентября 1858

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/1. Л. 1–4об.

Ответ на письмо Толстого от 23 ⟨?⟩ августа 1858 г. (письмо 19).

[1]*...я читала ваше...* — Письмо Толстого от 23 ⟨?⟩ августа (см. письмо 19).

[2]*...вы... читали мое...* — Письмо А.А. Толстой от 24 августа (см. письмо 20).

[3]*...навестите друзей в Лубянках... На обратном пути вы проводите ее до *Ясной Поляны*, где она... задержится.*— Эта поездка не состоялась, и П.В. Толстая в Ясную Поляну не заезжала.

[4] **Вавилы* с его супругой там уже нет...* — См. письмо 12 и примеч. 1 к нему.

[5] *Книга *Станкевича* у меня в руках... боюсь... не найду... удовольствия, какое вы нашли...* — См. письмо 19 и примеч. 4 к нему.

[6]*...в своих кузинах Беэр...* — Речь идет о Александре Андреевне Беэр (в замуж. Кудрявцевой) и Наталье Андреевне Беэр (в замуж. Ржевской), троюродных сестрах А.А. Толстой и четвероюродных — Л.Н. Толстого (см.: *Юб.* Т. 46. Таблица II). В их доме в Москве, в имениях Попово (рядом с имением Бакуниных Премухино) и

Шашкино (рядом с Спасским-Лутовиново) бывали Н.В. Станкевич, М.А. Бакунин, В.Г. Белинский, И.С. Тургенев.

[7] *...литературного кружка... в Москве... душою которого был Станкевич.* — Н.В. Станкевич учился в Московском университете с 1830 по 1834 г. Кружок Станкевича сыграл серьезную роль в истории русской литературы и общественной мысли и оказал влияние на Белинского, Тургенева, Грановского, Боткина. См.: *Елизаветина Г.Г.* Н.В. Станкевич и его духовное наследие // Станкевич Н.В. Избранное. М., 1982.

[8] *Гегели и Шлегели...* — Толстой считал Гегеля «слабым мыслителем» (*Юб.* Т. 48. С. 345), а в письме к Н.Н. Страхову признавался, что, читая выписки из Гегеля, он не понял «ни единого слова» (*Юб.* Т. 61. С. 348). Более подробную критику Гегеля находим в трактате «Так что же нам делать?» (*Юб.* Т. 25). В статьях «Что такое искусство?» и «О Шекспире и о драме» Толстой ссылается на эстетические взгляды Ф. Шлегеля (*Юб.* Т.30) и переводы А.-В. Шлегеля (*Юб.* Т. 35).

[9] *...Господь послал мне... настоящее сокровище — женщину 76 лет...* — Вероятно, Половцева Юлия-Шарлотта (1783—1880). В своем дневнике А.А. Толстая несколько раз с симпатией упоминает «старушку Половцеву», жившую при дворе (*ДАТ*).

[10] *Великая княгиня...* — Вел. кн. Мария Николаевна.

[11] *Священник из Женевы... много говорил о вас...* — А.К. Петров. (см. письмо 4 и примеч. 3 к нему).

[12] *...о вашей поездке за границу.* — Толстой вместе с сестрой Марией Николаевной и ее детьми отправился на пароходе из Петербурга в Штетин 2 июля 1860 г. В Россию он вернулся 10 апреля 1861 г. Мария Николаевна до лета 1862 г. лечилась за границей.

22. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

26 декабря 1858

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/1. Л. 1—2об.

Год установлен по содержанию.

[1] *Постарайтесь... приехать повидать меня...* — 13 декабря 1858 г. Толстой с сестрой Марией Николаевной и братом Николаем Николаевичем приехал в Москву и поселился на Большой Дмитровке в доме Смолиной № 10 (см. запись в Дневнике: *Юб.* Т. 48. С. 19). Его встреча с А.А. Толстой скорее всего не состоялась, так как в это время (конец 1858 и начало 1859 г.) он был на медвежьей охоте (*Гусев. Летопись I.* С. 196).

[2] *Вы знаете... результат моей поездки.* — О чем идет речь, установить не удалось.

[3] *...в Москве ли Трубецкие...* — Имеется в виду семья Н.И. и А.А. Трубецких и их дочери, Екатерины Николаевны. Толстому Н.И. Трубецкой приходился двоюрод-

ным дядей со стороны матери — М.Н. Волконской. Толстой часто посещал Трубецких, а в 1857 г. встречался с ними в Париже (см. запись в Дневнике 14 (26) февраля 1857 г.: *Юб.* Т. 47. С. 115 и примеч. на с. 417).

[4] *Я постараюсь повидать их... если смогу.* — Состоялась ли эта встреча во время кратковременного пребывания А.А. Толстой в Москве 8 или 9 января 1859 г. — неизвестно.

1859

23. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

18 февраля 1859

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/2. Л. 1–2об. Впервые опубликовано: *ПТ.* С. 114–115.

[1]*...вы занимаетесь — пишете...* — Толстой был занят работой над повестью «Семейное счастие», первая редакция которой была закончена к 1 марта 1859 г. В Дневнике 16 февраля Толстой записал: «Все это время работал над романом и много успел, хотя не на бумаге. Все переменил. — Поэма. Я очень доволен тем, что в голове. Фабула вся неизменно готова» (*Юб.* Т. 48. С. 20).

[2]*...вы в Москве...* — Толстой прожил в Москве с 13 декабря 1858 по 27 апреля 1859 г.

[3]*... вы мне отвечать не будете...* — Письмо действительно осталось без ответа (см. письмо 24).

[4]*...приезжайте сюда...* — Толстой ездил из Москвы в Петербург, где пробыл с 10 по 20 марта 1859 г.

[5]*...Лизу Карамзину...* — Е.Н. Карамзина, фрейлина, дочь историка Н.М. Карамзина от второго брака. Толстой встречался с ней в Швейцарии, где она жила в семье сестры, Екатерины Николаевны Мещерской. Записи о встречах с Е.Н. Карамзиной часто встречаются в Дневнике Толстого того периода (см.: *Юб.* Т. 47. С. 445).

[6]*...вырвавшись из-под лапы медведя...* — Толстой вместе с братом Николаем Николаевичем был на охоте под Вышним Волочком. Охота продолжалась два дня. «Поехал на охоту за медведем, — записал Толстой в Дневнике 23 декабря 1858 г., — 21 убил одного; 22 меня погрыз» (*Юб.* Т. 48. С. 19). Подробно об этом см. в письме Толстого к Т.А. Ергольской от 25 декабря 1858 г. (*Юб.* Т. 60. С. 277; *Гусев. Материалы II.* С. 315–318). 21 января 1859 г. Толстой сообщил Т.А. Ергольской: «Вчера вернулся с охоты. Мы убили 4 медведей и среди них моего врага» (*Юб.* Т. 60. С. 279).

[7]*...я несколько сблизилась с Тур⟨геневым⟩...* — О своем сближении с Александрой Андреевной И.С. Тургенев сообщил Толстому в письме от 2 февраля 1859 г.: «Я познакомился с родственницей Вашей, графиней Александрой Толстой, то есть

я и прежде был с нею знаком, но теперь я больше с ней сблизился — и полюбил ее» (*ПРП I*. С. 167). Но некоторые черты характера и взгляды Толстой вызвали у Тургенева негативную оценку: «Графиню Толстую я видел раза два ⟨...⟩, — сообщал он Толстому 11 февраля 1859 г. — Она очень хорошая и умная женщина; водиться с нею, должно быть, очень “здраво” для души; но в ней есть какая-то резкая оконченность убеждений, слов и движений даже, которая меня слегка смущает» (*ПРП I*. С. 168). В этом же письме Тургенев звал Толстого в Петербург: «Право, приезжайте; побеседуем, поспорим (без этого нельзя), Вы увидите новые лица, послушаете хорошую музыку...» (*Там же*).

[8]*...прочла его последнюю повесть...* — Роман И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» (*Совр*. 1859. № 1).

[9]*...он вас хорошо понимает и, кажется, любит...* — О трудно складывавшихся отношениях Тургенева и Толстого, которые в конце концов привели к серьезной ссоре 27 мая 1861 г. и разрыву на 17 лет, см.: *Гусев. Материалы II*. С. 319—321; 437—445.

[10]*...ему... хотелось вас видеть.* — И.А. Толстой познакомился с Толстым в декабре 1851 г. во время военной службы на Кавказе. С 1859 по 1863 г. он служил наказным атаманом Оренбургского казачьего войска. Встреча с Толстым состоялась в Петербурге 11 марта 1859 г. (см.: *ДАТ*).

[11]*...вы запретили мне писать вам по-русски...* — См. письмо 13 и примеч. 6 к нему.

24. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

10 марта 1859

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5846.А. Л. 1—2об. Впервые опубликовано: *ПТ*. С. 115—116, с датой: ⟨Петербург, март 1859 г.⟩. Дата уточнена: *Юб*. Т. 60. С. 280—281.

[1]*Я сейчас приехал...* — «Я пишу от Тургенева», — писал Толстой 10 марта 1859 г., в день приезда в Петербург, С.С. Громеке (*Юб*. Т. 60. С. 280).

[2]*...главная цель... приезда — вы.* — Толстой провел в Петербурге «10 дней счастливейших», ежедневно встречаясь с Александрой Андреевной (см. запись в Дневнике 9 апреля: *Юб*. Т. 48 С. 20, и письмо к Т.А. Ергольской, написанное в тот же день: *Юб*. Т. 60. С. 286).

[3]*...когда можно вас видеть?* — «С радостью узнала о приезде Льва Толстого», — записывает Александра Андреевна в дневнике 10 марта; их первое свидание состоялось 11 марта: «Свиделась с дорогим Львом, — он по-прежнему чудак, но также замечателен сердцем и умом» (*ДАТ*).

[4]*...я виноват перед вами...* — Очевидно, Толстой извиняется за долгое молчание: после августовского письма 1858 г. (см. письмо 19) он не ответил ни на одно письмо А.А. Толстой (см. письма 20—23).

25. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

21 марта 1859

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/2. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ*. С. 117–119 и 119–121, с датой: ⟨Апрель 1859 г.⟩.

Дата определяется прямым указанием А.А. Толстой, что она написала Толстому «на другой день» после его отъезда из Петербурга 20 марта 1859 г., т.е. 21 марта (см. письмо 27). Поскольку она не знала адреса Толстого в Москве, она направила свое письмо в Ясную Поляну.

[1]*...вам было только 29 лет.* — Ср. слова Толстого «Я с 30-тилетней твердостью уехал...» (см. письмо 26).

[2] *Повторилась сцена... в Веве... только в больших размерах.* — А.А. Толстая была обижена внезапным отъездом Толстого из Петербурга 20 марта 1859 г. и вспомнила, очевидно, подобную ситуацию, произошедшую в 1857 г. в Швейцарии. См. примеч. 2 к письму 26.

[3]*...я узнала от... Бориса...* — Речь идет о Б.А. Перовском. 20 марта 1859 г. А.А. Толстая записала в Дневнике: «Перовский сообщает мне, что Лев внезапно уехал в Москву. Я почувствовала почти страдание ⟨...⟩ Вечером в концерте певческой капеллы симфония Мендельсона меня почти сломила ⟨...⟩ и я простила Льву его внезапный отъезд» (*ДАТ*). См. примеч. 9.

[4]*...как и у г-жи Мальцевой.* — А.Н. Мальцева, жена известного промышленника С.И. Мальцева, приятельница императрицы Марии Александровны, была очень дружна с А.А. Толстой. Об отношении Толстого к ней см. письмо 29.

[5]*...вашего московского адреса...* — См. письмо 26 и примеч. 8 к нему.

[6]*...между нами, пожалуй, встанет *принц Гессен-Дармштадтский*... в дружбе маленькие недомогания могут перейти в серьезную болезнь...* — А.А. Толстую беспокоило то, что внезапный и необъяснимый отъезд Толстого и ее огорчение и обида могут разрушить их дружбу. В связи с этим она упоминает о принце Гессен-Дармштадском, который за поведение, недопустимое при дворе, и несмотря на желание исправить положение, был выслан Николаем I из России без права возвращения обратно. Сестра принца, жена будущего императора Александра II, Мария Александровна, любила брата и страдала от разлуки с ним. Историю изгнания см.: *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров: Воспоминания и дневники. М., 2004. С. 15.

[7]*Мне сдается, что наш принц Гессенский — Тургенев.* — См. примеч.1 к письму 26.

[8]*...посылаю... афишу...* — Афиша не сохранилась.

[9]*...симфонией Мендельсона...* — Вероятно, речь идет о «Пасторальной симфонии» Мендельсона: в письме от 31 марта А.А. Толстая сообщает Толстому, что концерт был повторен (см. письмо 27). Об отношении Толстого к музыке Мендельсона см.: *Юб.* Т. 47. С. 107.

[10]*...Крейцеровой ⟨сонатой⟩...* — «Крейцерова соната», сочинение Людвига Ван Бетховена, одно из любимых музыкальных произведений Толстого на протяжении всей его жизни.

[11]*...Великая Княгиня Елена Павловна...* — Елена Павловна (Фредерика-Шарлота-Мария), великая княгиня, жена вел. кн. Михаила Павловича, брата Николая I. Овдовев в 1848 г., она с увлечением занималась общественной деятельностью; ее салон в начале царствования Александра II играл серьезную политическую роль.

[12]*...одобрили ли они вашу энергию.* — Очевидно, сестра Толстого, Мария Николаевна, знала и одобряла взаимоотношения брата с княжной А.В. Львовой, на которой Лев Николаевич думал жениться (см.: *Юб.* Т. 48. С. 20). В конце апреля 1859 г. Толстой узнал, что ему «отказали» (см.: *Переписка.* С. 215).

26. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Конец марта 1859

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5847.А. Л. 1–2. Впервые: *ПТ.* С. 116–117, с датой: ⟨Апрель 1859 г.⟩. В *Юб.*: Т. 60. С. 282–283, с датой: ⟨Марта 20-е числа⟩.

Датируется по содержанию: письмо написано Толстым по приезде в Москву из Петербурга, откуда он выехал 20 марта 1859 г., но уже после нескольких дней пребывания в Москве (упоминание о работе «часов по 8 в сутки» и поиске «хороших людей»). А.А. Толстая ответила на настоящее письмо Толстого 31 марта 1859 г. (письмо 27).

[1]*...уехал в тот день, когда хотел.* — Толстой внезапно уехал из Петербурга 20 марта 1859 г. Одной из причин явилось желание доехать до Москвы вместе с И.С. Тургеневым, который направлялся в Спасское-Лутовиново.

[2]*...одни уезжали в Bocage...* — Вилла Бокаж близ Женевы, где летом 1857 г. жили А.А. и Е.А. Толстые. Толстой вспоминает отъезд А.А. Толстой 12 (24) апреля 1857 г. из Кларана в Женеву, о чем имеется запись в его Дневнике: «Толстая уехала, несмотря на гадкую погоду» (*ПСС.* Т. 47. С. 125).

[3]*Брата и сестру я... не застал здесь...* — М.Н. и Н.Н. Толстые уехали в Ясную Поляну.

[4]*Анна переделывает свои записки...* — «Анной» Толстой называл роман «Семейное счастие». 18 марта 1859 г. в Петербурге он читал А.А. Толстой и ее близким первую редакцию этого произведения. Далее в его переписке с А.А. Толстой и в Дневнике роман неоднократно упоминался под заглавием «Анна». Комментатор *Юб.* В.Ф. Саводник предположил, «что А.А. Толстая посоветовала изменить имя героини ⟨...⟩ рекомендовала назвать ее Анной. Толстой переименовал героиню в Машу, и Анна могла остаться в переписке с А.А. Толстой и Дневнике условным именем главного действующего лица или условным же заглавием романа» (*Юб.* Т. 5. С. 306).

[5]*...чем в первом... виде.* — 18 марта Толстой читал у А.А. Толстой «Семейное счастие»; она нашла повесть «прелестной» (Запись 18 марта 1859 г. — *ДАТ*). См. также: «Мои воспоминания...», с. 21 наст. изд. 9 апреля в Дневнике отмечено: «Кончил Анну. Но нехорошо» (*Юб.* Т. 48. С. 20).

[6] *К⟨атерина⟩ Тютчева была бы хорошая, ежели бы не... сухость и неаппетитность в уме и чувстве...* — Об истории взаимоотношений Толстого с Е.Ф. Тютчевой, о которой он какое-то время думал как о возможной жене, см.: *Гусев. Материалы II.* С. 309—310; *Ремизов В.Б.* Летопись отношений Л.Н. Толстого к Ф.И. Тютчеву и его окружению // Ф.И. Тютчев и Л.Н. Толстой: Два гения. М., 2003. С. 53—55, 58—74. Разочарование Толстого огорчило Александру Андреевну (см. письмо 27).

[7] *...первую девочку в мире...* — Имеется в виду Паша Толстая, племянница Александры Андреевны.

[8] *Адрес мой...* — Толстой прожил в доме Смолиной на Б. Дмитровке до конца апреля 1859 г.

27. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

31 марта 1859

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 58967.Б. Л. 1—3об.
Ответ на письмо Толстого от конца марта 1859 г. (письмо 26).

[1] *...написала вам... после вашего отъезда.* — См. письмо 25.

[2] *...за два часа до получения вашего.* — См. письмо 26.

[3] *...воспоминание о Vevey представилось и мне.*— См. письмо 25 и примеч. 2 к нему.

[4] *...по желанию императрицы...* — жены Александра II, Марии Александровны.

[5] *«Пасторальная симфония», «Сон в летнюю ночь»* — сочинения композитора Мендельсона. См. письмо 25 и примеч. 9 к нему.

[6] *...в своем первом письме...* — См. письмо 25.

[7] *...вы заняты вашей Анной...* — Речь идет о «Семейном счастии»; работа продолжалась в течение января—апреля 1859 г. Повесть была окончена в начале апреля См. письма 28 и 32 (примеч. 5).

[8] *Мальцева и Борис...* — А.Н. Мальцева и Б.А. Перовский.

[9] *Что касается К⟨атерины⟩ Тютчевой...* — О Е.Ф. Тютчевой см. письмо 26 и примеч. 6 к нему.

[10] *Ежели вы встретитесь с Исаковым...* — Н.В. Исаков принимал участие в войне на Кавказе в 1846—1848 гг. и в защите Севастополя в 1855 г. Некоторые объяснения по поводу сплетен о нем дает письмо Толстого к Александре Андреевне, в котором он сообщает: «Исакова я встретил раз у Сушковых, но не познакомился, не получив еще вашего письма, но я слышал его: он ⟨...⟩ продолжает в университете вести себя дурно» (см. письмо 29).

[11] **Кузнечик* очарователен. Жаль, что не прочла его с вами.* — 21 марта 1859 г. А.А. Толстая записала в Дневнике: «Маркевич читает нам прелестную поэму Полонского “Кузнечик”» (*ДАТ*). Речь идет о поэме-сказке Я.П. Полонского «Кузнечик-музыкант» (Русское слово. 1859. № 3), высоко оцененной современниками.

[12] *Ежели Тургенев с вами, передайте ему тысячу любезностей от меня.* — В письме от 15 апреля Толстой сообщал, что Тургенева он «не видал и потому не мог передать ему 〈...〉 тонко выраженную просьбу» (см. письмо 29).

[13] *Ваша комиссия к Паше была исполнена словом, а не делом...* — Толстой просил ущипнуть «первую девочку в мире в левую щеку» (см. письмо 26).

28. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

5 апреля 1859

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5848.А. Л. 1. Впервые: *ПТ*. С. 121. В *Юб.*: Т. 60. С. 284.

[1] *Работу кончил...* — Закончена работа над повестью «Семейное счастие» (см. примеч. 7 к письму 27).

[2]...*буду стараться говеть...* — В письме от 15 апреля (см. письмо 29) Толстой сообщил Александре Андреевне о несостоявшемся говении.

[3]...*я после отвечу на него.* — На письма А.А. Толстой от 21 марта (письмо 25) и 31 марта (письмо 27) Толстой ответил письмом от 15 апреля (см. письмо 29).

29. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

15 апреля 1859

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5849.А. Л. 1–4. Впервые: *ПТ*. С. 121–124. В *Юб.*: Т. 60. С. 287–289.

Ответ на письма А.А. Толстой от 21 марта и 31 марта 1859 г. (письма 25 и 27).

[1]...*когда я вам писал...* — См. письмо 28.

[2]...*ваша старушка.* — Очевидно Ю.Ш. Половцева (см. письмо 21, примеч.9).

[3] ...*второй год уж осекается мое говенье.* — В письме от 21 апреля Александра Андреевна выразила свое огорчение по поводу отношения Толстого к церкви и говенью (см. письмо 31).

[4]...*перепачкал все надетые для праздника платья детям (няня ужасно меня разбранила)...* — В это время в Ясной Поляне находились дети М.Н. Толстой — Варвара, Николай и Елизавета. О приезде Марии Николаевны в Ясную Поляну Толстому сообщила Т.А. Ергольская в письме от 4 апреля 1859 г. (Переписка Л.Н. Толстого с Т.А. Ергольской // Ясная Поляна. 1997. № 2. С. 224–225).

[5] *В четверг я уехал в деревню... и вернулся назад в Москву...* — Толстой уехал из Москвы в Ясную Поляну 9 апреля, а затем вернулся в Москву и пробыл там до 27 апреля. Может быть, эти поездки были связаны с попыткой Толстого жениться на княжне А.В. Львовой (см. письмо 25 и примеч. 12 к нему).

[6]...*тетя... наверно простила ее.* — Об этом эпизоде с платьем С.А. Вадбольской Толстая писала Толстому 31 марта (см. письмо 27).

[7]*...Б⟨орис⟩ А⟨лексеевич⟩ и ... Мальцова... расположены ко мне...* — Об отношении Б.А. Перовского и А.Н. Мальцевой к Толстому Александра Андреевна писала 31 марта (см. письмо 27).

[8]*...неотесанный Вавило...* — См. примеч. 1 к письму 12.

[9]*...пешком ушли бы... в Тройцу.* — В Троице-Сергиеву лавру.

[10] *Капуа* — город в Италии, жители которого славились своим весельем и богатством.

[11]*...как Clarens, дорогими воспоминаниями на всю жизнь.* — Толстой вспоминает свои встречи с А.А. Толстой летом 1857 г. в Кларане (Швейцария).

[12] *Письмо ваше, в деревню, я получил.* — См. письмо 25.

[13] *Исакова я встретил... у Сушковых, но не познакомился, не получив еще вашего письма...* — В 1856—1858 гг. Толстой часто посещал дом драматурга, поэта и журналиста Н.В. Сушкова, женатого на сестре Ф.И. Тютчева, Дарье Ивановне. У Сушковых собиралась московская аристократия и интеллигенция. См. записи в Дневнике Толстого: *Юб.* Т. 47, 48. Подробности о Н.В. Исакове А.А. Толстая сообщила 31 марта 1859 г. (см. письмо 27 и примеч. 10 к нему).

[14] *Спросите... у Бор⟨иса⟩ Алекс⟨еевича⟩, что писарь Петров?* — М.А. Петров — писатель-самоучка, в судьбе которого большое участие принимали А.В. Дружинин, Толстой и Б.А. Перовский. В февральском номере *БдЧ* за 1859 г. был напечатан его рассказ «Саргина могила»; в письме к Дружинину от 16 апреля 1859 г. Толстой просил подарить Петрову свои книги «Детство» и «Отрочество» и «Военные рассказы» (см.: *Юб.* Т. 60. С. 290) и спрашивал его адрес. 21 апреля 1859 г. А.А. Толстая сообщила Толстому, что «писарь Петров нашел себе покровителя несравненно более влиятельного», и Б.А. Перовский не стал его разыскивать (см. письмо 31).

[15] *Тургенева я не видал и... не мог передать ему вашу... просьбу...* — См. письмо 27.

[16] *Когда я получил афишу...* — Несохранившаяся афиша была приложена к письму Александры Андреевны от 21 марта 1859 г. (см. письмо 25).

30. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

17 апреля 1859

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/2. Л. 1–2об.

Ответ на письмо Толстого от 5 апреля 1859 г. (письмо 28).

[1] *Я получила ваше письмо... какую отраду чувствовала я, читая его...* — В письме от 5 апреля (письмо 28) Толстой сообщил Александре Андреевне о своем намерении говеть.

[2] *...я напишу вам...* — Письмо А.А. Толстой было написано 21 апреля (см. письмо 31).

31. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

21 апреля 1859

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/2. Л. 1–6об. Впервые: *ПТ*. С. 124–127 и 127–131.

Ответ на письмо Толстого от 15 апреля 1859 г. (письмо 29).

[1] *Я... отправила свое... письмо... получила ваше...* — См. письма 30 и 29.

[2] *...вы понесли невознаградимую утрату...* — В письме от 15 апреля (см. письмо 29) Толстой писал о своем отрицательном отношении к церковному говению, хотя в предыдущем письме от 5 апреля (см. письмо 28) сообщал Александре Андреевне о своем горячем желании говеть.

[3] *...привело вас... без вашего ведома в Москву.*— Об этом своем настроении Толстой писал Александре Андреевне 15 апреля (письмо 29).

[4] *...и Вавиле...* — См. примеч. 1 к письму 12.

[5] *...принялся разыскивать Петрова...* — О М.А. Петрове см. письмо 29 и примеч. 14 к нему.

[6] *...рвите мои письма.*— Очевидно, Толстой отрицательно отнесся к этой просьбе Александры Андреевны, но в письмах к ней не упоминается об этом.

[7] *Вы... говорите, что Ис⟨аков⟩ глуп и плохо ведет себя...* — Об отношении к Н.В. Исакову А.А. Толстой и Толстого см. письма 27 и 29 и примеч. 10 к письму 27.

32. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

24 или 25 апреля — 3 мая 1859

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5850.А. Л. 1–4. Впервые: *ПТ*. С. 131–133, с датой: ⟨Около 3 мая 1859 г.⟩. В *Юб*.: Т. 60. С. 293–295, с датой: ⟨Апреля конец — мая 3⟩.

Датировка уточняется на основании слов Толстого, что первая часть письма написана «тотчас после получения» письма А.А. Толстой от 21 апреля.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 21 апреля 1859 г. (письмо 31).

[1] *Все, что вы говорите, и правда и неправда.* — Толстой отвечает на письмо Александры Андреевны от 21 апреля (см. письмо 31), в котором она горячо отстаивала свое отношение к церкви и ее обрядам и призывала Толстого вернуться в лоно церкви и к Богу.

[2] *...живя на Кавказе.* — Толстой называл Кавказ «школой», имея в виду и школу житейскую, и школу литературную (см.: *Юб*. Т. 59. С. 218). О кавказском периоде в жизни Толстого и его значении в формировании писателя и человека см.: *Гусев. Материалы I*. С. 297–338 и 384–477.

[3] *У меня есть мои записки того времени...* — Дневник Толстого 1852–1853 гг. (*Юб*. Т. 46. С. 89–217).

[4]*...посерьезнее всех труб...* — См. примеч. 1 к письму 1.

[5]*А она уж напечатана.* — Повесть «Семейное счастие» была напечатана в двух апрельских книжках (кн. 1, 2) *РВ* за 1859 г. (*РВ* выходил два раза в месяц). В Дневнике 9 мая Толстой записал: «Получил Семейное счастие. — Это постыдная мерзость» (*Юб.* Т. 48. С. 21). «Я теперь похоронен и как писатель и как человек! 〈...〉 Во всем слова живого — нет. И безобразие языка, вытекающее из безобразия мысли, невозможное», — писал он в письме к В.П. Боткину 3 мая (*Юб.* Т. 60. С. 296). Прочитав корректуру второй части, Боткин сообщал Толстому 13 мая: «...Я нахожу ее прекрасной почти во всех отношениях 〈...〉 это прекрасная вещь, исполненная серьезного и глубокомысленного таланта» (*ПРП I.* С. 246—247). Несмотря на отрицательное отношение Толстого к этому произведению, в печати были только положительные отзывы (см.: *Гусев. Материалы II.* С. 337—338). Об этом же сообщала Толстому Александра Андреевна (см. письмо 34).

[6]*...я персеверирую...* — От фр. persévérer — упорствовать.

33. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

11 мая 1859

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5851.А. Л. 1—2. Впервые: *ПТ.* С. 133—134. В *Юб.*: Т. 60. С. 297—298.

[1]*А я все-таки пишу вам...* — Толстой пишет Александре Андреевне, не дождавшись ответа на свое письмо от 24 или 25 апреля — 3 мая 1859 г. (см. письмо 32). А.А. Толстая ответила на два письма Толстого (предыдущее и настоящее) пространным посланием, начатым 10 мая, законченным 16 мая (см. письмо 34), но полученным Толстым уже после того, как он отправил ей еще одно письмо (письмо 35).

[2]*...мать и сын Подчаские.*— Е.П. Подчаская, рожд. Трубецкая, по первому мужу Потемкина, сестра декабриста С.П. Трубецкого, и ее сын — Л.Н. Подчаский. Сохранилось два письма Л.Н. Подчаского к Толстому (1859 и 1861 гг.). В письме от 11 мая 1859 г. Подчаский приглашает Льва Николаевича в гости и сообщает, что читал первую часть повести «Семейное счастие» (*ОР ГМТ*). В Дневнике Толстого имеется помета, что 16 февраля 1860 г. он сам писал Подчаскому, но письмо не сохранилось (см.: *Юб.* Т. 48. С. 23 и 442).

[3]*С ней я обещался идти к Троице...* — Поездка в Троице-Сергиеву лавру не состоялась, о чем Толстой сообщил А.А. Толстой 12 июня 1859 г. (см. письмо 37).

34. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

10—16 мая 1859

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 65. Оп. 2. Ед. хр. 302. Л. 1—4об.

Ответ на письма Толстого от 24 или 25 апреля — 3 мая и 11 мая 1859 г. (письма 32 и 33).

[1]*...почему вы не хотите, чтобы я ответила на ваше письмо...* — Письмо Толстого от 24 или 25 апреля — 3 мая 1859 г. (см. письмо 32). В нем Толстой писал: «Я пишу вам это не для того, чтобы вы ⟨...⟩ утешили бы ⟨...⟩ *Пожалуйста, не отвечайте даже про это*».

[2]*...в моем последнем письме...* — Письмо А.А. Толстой от 21 апреля 1859 г. с резкими осуждениями религиозных взглядов Толстого (см. письмо 31).

[3]*С приезда... Великой Обер-Трубы...* — Очевидно, речь идет о вел. кн. Марии Николаевне.

[4]*Спа* (Spa) — город в Бельгии, в Арденах, в провинции Льеж. Известный бальнеологический курорт.

[5]*...подают письмо от вас.* — См. письмо 33.

[6]*Как я рада, что вы сошлись... с... Подчаской...* — См. письмо 33 и примеч. 2 к нему.

[7]*Сына ее...* — Л.Н. Подчаский, сын Е.П. и И.И. Подчаских, родился до брака и отчество получил по крестному отцу, кн. Н.С. Меншикову (см. примеч. 2 к письму 33).

[8]*...к отцу...* — И.И. Подчаский.

[9]*...с покойным гр⟨афом⟩ Перовским.* — Речь идет о графе В.А. Перовском, умершем в 1857 г.

[10]*Когда пойдете в Троицу...* — Поездка не состоялась (см. письмо 33 и примеч. 3 к нему).

[11]*...прочла... «Размышления о Божественной литургии» Гоголя...* — Очевидно, речь идет о первом издании книги Н.В. Гоголя «Размышления о Божественной литургии» (Изд. П.А. Кулиша. СПб., 1857). В библиотеке Ясной Поляны хранится 4-е изд. книги (СПб., 1894) (*Библиотека ЯП I*. Ч. 1. С. 190, № 809).

[12]*...ваша Анна наделала шуму — *«Вестник»* вырывают друг у друга и сгорают от нетерпения, ожидая 2-ю часть.* — Вторая часть «Семейного счастия» была напечатана во второй книге *РВ* за апрель 1859 г. Цензурное разрешение дано 20 мая 1859 г.

[13]*В⟨еликая⟩ к⟨няги⟩ня...* — Мария Николаевна, дочь Николая I.

[14]*...мама́ не будет в ваших краях...* — Речь идет о П.В. Толстой, которая имела обыкновение заезжать в Ясную Поляну по дороге в имение Лубянки.

[15]*...мама́... проведет лето... у наших родственников Томиловых, у которых прекрасная деревня на берегу Волхова.* — Р.А. и О.А. Томиловым принадлежало с. Успенское, находившееся в Новоладожском у. Петербургской губ., на реке Волхов. Р.А. Томилов приходился П.В. Толстой двоюродным племянником (по линии Барыковых). С семьей Томиловых Толстые были очень близки. А.А. Толстая в детстве часто гостила в их имении. Отец Р.А. Томилова — А.Р. Томилов был известным коллекционером. В усадьбе находилось большое собрание картин и обширная библиотека (несколько тысяч томов). В Успенском бывали многие русские художники. П.Е. Заболотский, художник, которому покровительствовал А.Р. Томилов, учил рисованию в 1830-е годы М.Ю. Лермонтова и А.А. Толстую.

[16]*...лучшая девочка в мире...* — Паша (П.И. Толстая).

[17] *Поторопитесь написать мне, чтобы я успела получить письмо до отъезда...* — Письмо Толстого от 12 июня (см. письмо 37) не застало Александру Андреевну в Сергиевском и было ею получено в Спа (см. письмо 38).

[18] *...вы говорите о разорении...* — О том, что хозяйствование его идет плохо и что он скоро «совсем разорится», Толстой писал в письме от 24 или 25 апреля — 3 мая 1859 г. (см. письмо 32), но в письме 12 июня (см. письмо 37) отметил, что Александра Андреевна слишком буквально поняла его слова.

[19] *Ты этого хотел, Жорж Данден.* — См. примеч. 15 к письму 18.

[20] *...Филемон и Бавкида.* — Так Толстой называл М.И. и М.Я. Пущиных, с которыми познакомился и подружился летом 1857 г. в Швейцарии (см. письмо 7 и примеч. 3 к нему).

35. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

16 мая 1859

Печатается, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5852.А. Л. 1–4об. Впервые: *ПТ*. С. 134. В *Юб*.: Т. 60. С. 299.

[1] *А я все-таки пишу вам. Но пишу неспокоен.* — Толстой еще не получил ответа Александры Андреевны от 10–16 мая 1859 г. (письмо 34) на два свои письма от 24 или 25 апреля — 3 мая и 11 мая 1859 г. (письма 32 и 33).

[2] *...не уехали ли вы за границу...* — А.А. Толстая выехала из Сергиевского 10 июня, а 14 июня она уже была в Берлине.

[3] *Весна, а плохо жить... в первый раз со мной случается.* — Подавленное, тяжелое настроение оставалось у Толстого все лето, и, подводя итог, он писал в Дневнике 9 октября 1859 г.: «С 28 мая и по нынешний день я был в деревне. Беспорядочен, желчен, скучлив, безнадежен и ленив. Занимался хозяйством, но дурно и мало» (*Юб*. Т. 48. С. 21).

[4] *...жду письма.* — А.А. Толстая ответила 21 мая (см. письмо 36).

36. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

21 мая 1859

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/1. Л. 1–4об.

Ответ на письмо Толстого от 16 мая 1859 г. (письмо 35).

[1] *...получили мое пространное письмо.* — Письмо А.А. Толстой от 10–16 мая 1859 г. (письмо 34).

[2] *...встретиться вновь с... *старушкой*...* — В дневнике А.А. Толстой имеется запись от 16 мая о том, что «старушка Половцева тоже перебралась в Сергиевку в свой поэтический домик с террасой» (*ДАТ*).

[3] *Борис* — Б.А. Перовский.

37. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

12 июня 1859

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5853.А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ*. С. 135–136. В *Юб*.: Т. 60. С. 300–301.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 21 мая 1859 г. (письмо 36).

[1]*...ваше письмо...* – См. письмо 36.

[2]*...в Троицу не пошел...* – Толстой намеревался вместе с Е.П. Подчаской «идти к Троице», т.е. в Троице-Сергиеву лавру (см. письмо 33).

[3]*...что я разоряюсь.*– См. письмо 32.

[4]*Ежели бы вы были в России, я бы вам прислал «Scenes of clerical life» Elliot'a... прошу прочесть... «Janet's repentance».* – Сборник повестей английской писательницы Марии-Анны Эванс (псевдоним Джордж Элиот) «Сцены из жизни духовенства», куда вошла повесть «Раскаяние Джанет» (Лондон, 1858).

[5]*...напишите мне...*– См. письмо А.А. Толстой от 4 (16) июля из Спа (письмо 38).

38. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

4 (16) июля 1859

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/2. Л. 1–3об.

Ответ на письмо Толстого от 12 июня 1859 г. (письмо 37).

[1]*...ваше письмо... долго я его ждала.* – См. письмо 37.

[2]*...Спа – место отличное...* – См. примеч. 4 к письму 34.

[3]*...последняя книга, которую я прочла... была «Janet's repentance».* – Повесть Джордж Элиот «Раскаяние Джанет» (см. письмо 37 и примеч. 4 к нему).

[4]*...в одном из моих писем.* – В известных нам письмах А.А. Толстой речь об этом не идет.

[5]*...мир заключен...* – 11 июля 1859 г. в местечке Виллафранке (Сев. Италия) было заключено Виллафранкское перемирие между Францией и Австрией сепаратно от Сардинского королевства, союзника Франции по австро-итало-французской войне 1859 г. Со стороны Италии война была связана с борьбой за освобождение от австрийского господства и за воссоединение Италии.

[6]*...мы вряд ли вернемся на зиму в Россию.* – Зиму 1859–1860 гг. А.А. Толстая провела, очевидно, в Ницце (см. письмо 40).

39. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

12 октября 1859

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5854.А. Л. 1–4об. Впервые: *ПТ*. С. 136–138, с датой: ⟨Октябрь 1859 г.⟩. Дата уточнена: *Юб*. Т. 60. С. 311–313.

[1] *Я узнал о вашем горе...* — В сентябре 1859 г. умерла маленькая племянница Толстой — Паша, приемная дочь И.А. Толстого.

[2]*...не от Кат⟨ерины⟩ Ник⟨олаевны⟩...* — В письме от 22 сентября 1859 г. Е.Н. Шостак сообщала Толстому «по просьбе Александрии Толстой» печальную новость: «Вы, вероятно, знаете о постигшем их семью несчастье. Они потеряли милую Пашеньку, ребенка, который составлял радость, утешение и предмет забот всей семьи. Вы знали малышку, вы видели, как ее все обожали совершенно заслуженно, благодаря ее доброте и совершенно особому очарованию, под которое попадали даже посторонние, — поэтому вы поймете, какое глубокое горе и страшную пустоту оставила ее смерть» (*ОР ГМТ*).

[3]*...последнее время на охоте с... Борисовым, женатым на сестре Фета...* — И.П. Борисов, орловский помещик, хороший знакомый Толстого, Тургенева, Фета, частый гость Ясной Поляны, Спасского и Степановки. Был женат (с 1858 г.) на Надежде Афанасьевне Шеншиной, жил в имении Шеншиных Новосёлки, изредка выезжая в Москву и Петербург.

[4] *Отец его был злодей... мать кроткая... женщина.* — Речь идет о П.Я. Борисове, помещике Орловской губ., владельце имения Фатьяново в 10 верстах от Новосёлок, и его жене Марье Петровне. А.А. Фет, подробно рассказывая о семействе Борисовых, пишет, что Петра Яковлевича считали «весельчаком и неистощимым шутником и забавником», а Марью Петровну «энергичной и расторопной хозяйкой». Причиной убийства П.Я. Борисова его дворовыми людьми Фет считал любовную историю, участниками которой были все эти люди (см.: *Фет III*. С. 24–28 и 52–56).

[5] *Он рос у Новосильцева...* — П.П. Новосильцев, крупный помещик Чернского у. Орловской губ., камергер, действительный статский советник и рязанский губернатор, был близким другом семьи Борисовых (см.: *Фет I*. С. 222 и 281; *Юб*. Т. 60. С. 313).

[6]*...ее отец умер...*— А.Н. Шеншин.

[7]*...она любила другого.* — В 1856 г., будучи за границей, Н.А. Шеншина увлеклась неким Эрбелем; была назначена свадьба, но жених скрылся. Вернувшись в Новосёлки, Н.А. Шеншина заболела психическим расстройством (см.: *Фет I*. С. 145–147 и 165–167).

[8]*...она согласилась неохотно, холодно.* — О женитьбе И.П. Борисова см.: *Фет I*. С. 215–216; 220–222.

[9]*...родился славный ребенок.* — П.И. Борисов. В судьбе этого мальчика после смерти его родителей большое участие, кроме А.А. Фета, принимали И.С. Тургенев и Толстой. Он окончил Катковский лицей, учился в Иенском университете, но тяжелое психическое заболевание в 1884 г. привело его в лечебницу, где он и скончался.

[10] *Он охотник. Мы условились с ним осень ездить вместе.* — С начала сентября и до начала октября 1859 г. Толстой вместе с И.П. Борисовым охотился в Мценском и Новосильском уездах Орловской губ. Они посетили братьев Толстого, Николая и Сергея в Пирогове и Никольском, А.А. Фета — в Новосёлках и И.С. Тургенева — в Спасском (см. письмо Толстого к Николаю Николаевичу Толстому от 1 октября 1859 г.: *Юб.* Т. 60. С. 306).

[11]*...с письмом от Фета...* — Это письмо А.А. Фета к И.С. Тургеневу неизвестно; оно упоминается в ответном письме Тургенева от 9 (21) октября 1859 г. из Спасского. Подтвердив получение этого «неутешительного» письма, Тургенев просил «выразить все его сочувствие бедному Ивану Петровичу» (*Тургенев. Письма.* Т. III. С. 349).

[12] *Вы полюбили Ростовцева.* — Граф Н.Я. Ростовцев; сын члена Государственного совета Я.И. Ростовцева, в 1854—1855 гг. — офицер артиллерии Южной армии. Вместе с Толстым хлопотал об издании журнала для солдат (см.: *Юб.* Т. 59. С. 282—283).

40. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

1 (13) декабря 1859

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/2. Л. 1—4об. Впервые: *ПТ.* С. 139—141.

Ответ на письмо Толстого от 12 октября 1859 г. (письмо 39).

[1]*...перевернул меня рассказ ваш о Борисове.* — О трагической судьбе И.П. Борисова Толстой писал 12 октября 1859 г. (см. письмо 39).

[2]*...ребенок его остался жив...* — О судьбе П.И. Борисова см. примеч. 9 к письму 39.

[3]*...будете в П⟨етер⟩бурге, ходите к ним — вы и без слов можете их утешить...*— Тяжелое душевное состояние близких Александры Андреевны было вызвано смертью Паши Толстой в сентябре 1859 г.

[4]*...я писала вам... из Спа.* — См. письмо 38 от 4 (16) июля 1859 г.

[5]*...она испытала то же самое несчастие...* — Возможно, речь идет о смерти трехлетней племянницы А.В. Новицкой — Александры, дочери брата графа А.В. Адлерберга, друга детства императора Александра II.

[6]*...вы... замышляли приехать... в Италию вместе с Marie.* — В письме к Н.Н. Толстому от 1 октября 1859 г. Толстой сообщал, что зимой «почти наверное» поедет за границу (*Юб.* Т. 60. С. 306), но поездка не состоялась, а второе заграничное путешествие Толстого с сестрой Марией Николаевной и ее детьми началось 2 июля 1860 г.

[7] *Ростовцев мне... напоминал вас...* — См. письмо 39 и примеч. 12 к нему.

[8] *Моя сестра... занята своими обязанностями...* — См. примеч. 7 к письму 12.

1860

41. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

17 (29) октября 1860

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5855.А. Л. 1–2. Впервые: *ПТ*. С. 141–142. Год установлен в *Юб*.: Т. 60. С. 356–357 (по ответному письму А.А. Толстой от 31 октября 1860 г.).

[1]*...уехал за границу с сестрой, и ...за братом Николаем...* – 28 мая 1860 г. С.Н. и Н.Н. Толстые уехали за границу в Соден (Германия) для лечения больного туберкулезом Н.Н. Толстого (см. письмо С.Н. Толстого к Толстому из Содена 21 июня 1860 г.: *Переписка*. С. 225–226). 2 июля Лев Николаевич с сестрой Марией Николаевной отправился на корабле из Петербурга в Штетин. В конце августа Сергей Николаевич вернулся в Россию, а Николай Николаевич с братом Львом Николаевичем, сестрой и ее детьми переехал во Францию, в Гиер (Hyères).

[2]*...скоро месяц, что умер*. – Н.Н. Толстой скончался 20 сентября (2 октября) 1860 г. В тот же день Толстой сообщил об этом Т.А. Ергольской (см.: *Юб*. Т. 60. С. 352–353). Спустя почти месяц в Дневнике появилась запись Толстого: «Н⟨иколинькина⟩ смерть самое сильное впечатление в моей жизни» (*Юб*. Т. 48. С. 30). Похоронен Н.Н. Толстой на общем кладбище в Гиере.

[3]*...сестра здесь с детьми*. – С М.Н. Толстой были ее дочери Варвара и Елизавета и сын Николай.

[4]*Пишите о себе...*– А.А. Толстая ответила письмом от 31 октября 1860 г. (см. письмо 42).

[5]*...о... княжнах*. – Имеются в виду дочери вел. кн. Марии Николаевны – Мария и Евгения Максимилиановны.

[6]*Тетушка... получила ваше письмо, но не посылает его ко мне*. – Возможно, об этом неизвестном письме А.А. Толстой сообщала Т.А. Ергольская Толстому из Ясной Поляны 27 июля 1860 г.: «Вчера с почты принесли письмо для тебя, милый Левочка, от Александрины, как я поняла по почерку, поэтому я его открыла. Бесценная графиня, как она тебя любит! Письмо ее коротко, но полно дружбы. Поскольку она рассчитывает провести эту зиму в Петербурге, то очень зовет тебя туда» (Ясная Поляна. 1997. № 2. С. 226; пер. с фр. Л.В. Гладковой)

42. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

31 октября 1860

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/2. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ*. С. 142–145.

Ответ на письмо Толстого от 17 (29) октября 1860 г. (письмо 41).

[1]*...собираетесь на зиму в Торки*. – Торки, город-курорт в Англии, где часто бывала А.А. Толстая (см. письма 38 и 40).

[2] *...узнавши о болезни вашего брата...* — См. письмо 41 и примеч. 2 к нему.

[3] *...что сестра с вами...* — См. примеч. 1 к письму 41.

[4] *...потеряли... императрицу Александру Федоровну.* — Вдова Николая I скончалась 20 октября 1860 г.

43. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

25 ноября (6 декабря) 1860

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5856.А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ*. С. 145–146. В *Юб.*: Т. 60. С. 361–362 (под 1860 г.).

Ответ на письмо А.А. Толстой от 31 октября 1860 г. (письмо 42).

[1] *Не помню... отвечал ли я вам... на ваше письмо...* — На письмо Александры Андреевны от 31 октября 1860 г. (см. письмо 42) Толстой ответил — настоящим письмом.

[2] *...Ольга Дундукова...* — Ольга Михайловна Дондукова-Корсакова — дочь вице-президента Академии наук М.А. Дондукова-Корсакова. С этой семьей Толстой близко сошелся чуть позже (в марте 1861 г.) в Брюсселе (см. письмо к С.Н. Толстому 12 (24) марта 1861 г.: *Юб.* Т. 60. С. 372).

[3] *...мое занятие школами с прошлого года.* — В октябре 1859 г. Толстой возобновил школьные занятия с детьми яснополянских крестьян. 24 июля (5 августа) 1860 г. он писал из Киссингена Т.А. Ергольской: «Учителю велите написать о школе: сколько учеников ходят и хорошо ли учатся. Я вернусь осенью непременно и больше, чем когда-нибудь, займусь школой, поэтому желал бы, чтобы без меня не пропала репутация школы...» (*Юб.* Т. 60. С. 347). Толстой, находясь за границей, осматривал школы во Франкфурте, Женеве и Марселе и обдумывал статью «О народном образовании» (опубл. в журнале «Ясная Поляна», янв. 1862 г. — см.: *Юб.* Т. 8. С. 4–25).

[4] *...я еду в Ниццу и, может быть, в Италию на несколько дней...* — Судя по дневниковой записи 1 (13) апреля 1861 г., Толстой побывал в Ницце в декабре 1860 г., «недели две» провел во Флоренции, а в середине (конце) января 1861 г. был в Риме. По словам В.П. Боткина, «ему Рим понравился чрезвычайно» (*Юб.* Т. 48. С. 32; *Гусев. Летопись I*. С. 221–222; письма В.П. Боткина к брату Михаилу Петровичу от 16 января и 12 марта 1861 г.: Литературная мысль. Альманах. II. Пг., 1923. С. 166–168).

[5] *Весной... будете ли вы в Петербурге?* — Толстой встречался с Александрой Андреевной во время своего пребывания в Петербурге сразу после возвращения из заграницы, с 13 по 22 апреля 1861 г. 14 апреля 1861 г. он отметил в Дневнике: «Толстые хорошо, но немного фальшиво»; 21 апреля: «Толстые — очень фальшиво» (*Юб.* Т. 48. С. 36). Такие отзывы, по-видимому, объясняются отношением Толстого к взглядам и образу жизни его тетушек (Александры Андреевны и Елизаветы Андреевны), живших в «гадком Петербурге» и «в еще более гадком дворце» (см. письмо 50).

1861

44. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

18 апреля 1861

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/5. Л. 1–2.
Датируется по содержанию: Толстой заболел 17 апреля 1861 г. (см. примеч. 1), а ближайший вторник приходился на 18 апреля.

[1]*...как вам больно*. – В Дневнике Толстого отмечено: «17, 18, 19, 20. Болен» (*Юб*. Т. 48. С. 36).
[2]*... выезжать с в⟨еликой⟩ к⟨нягиней⟩...* – С Марией Николаевной, дочерью Николая I.
[3]*...у Лизы...*– у Е.А. Толстой.

45. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

18 апреля 1861

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5857.А. Л. 1–1об. Впервые: *ПТ*. С. 146–147, с датой: ⟨Петербург, апрель 1861 г.⟩. В *Юб*. Т. 60. С. 385, с датой: ⟨17–20? апреля 1861 г.⟩.
Датируется по непосредственной связи с предыдущим письмом (44), ответом на которое является. Написано в тот же день, 18 апреля 1861 г.

[1]*...не ждите меня*. – Из-за болезни 17–20 апреля Толстой не смог посещать Александру Андреевну и был у нее только 21 апреля перед отъездом из Петербурга (см.: *Юб*. Т. 48. С. 36).

46. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. и Е.А. ТОЛСТЫМ

23 апреля 1861

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5858.А. Л. 1–2. Впервые: *ПТ*. С. 147. В *Юб*.: Т. 60. С. 386–387 (под 1861 г.).

[1] *Хорошо ли вы встретили праздник... Пр⟨асковья⟩ Вас⟨ильевна⟩... С⟨офья⟩ А⟨ндреевна⟩...* – Мать и младшая сестра А.А. Толстой. Праздник – Светлое Христово Воскресение. Пасха приходилась в 1861 г. на 23 апреля.
[2]*...ехавши к Вадбольским...* – Вадбольские – семья Екатерины Васильевны Вадбольской (рожд. Барыковой), родной сестры матери А.А. Толстой. Их имение – Лубянки, Орловской губ., Дмитровского у.
[3]*...вы поедете в Глубокое, и я... поеду с вами*. – Глубокое, имение М.А. Дондукова-Корсакова в Псковской губ., Опочецком у., которое Толстой намеревался

посетить, обещав это Дондукову-Корсакову еще за границей. Поездка не осуществилась.

[4]*...Василий мне много помог...* — Возможно, слуга Н.А. Некрасова — Василий Матвеевич, которого Толстой знал и помощью которого пользовался (см.: *Юб.* Т. 60. С. 69 и 70); см. письмо 47.

[5]*...я послал его к Волконским...* — Здесь князь А.А. Волконский, троюродный брат Толстого по матери, и его жена Луиза Ивановна (рожд. Трузсон).

[6] *Ежели он привез деньги, то велите ему отвезти их назад.* — См. письмо 47.

[7]*...я не рискнул заезжать к ... m-me Ауербах...*— Ю.Ф. Ауэрбах, писательница, жена тульского помещика Г.А. Ауэрбаха, начальница тульского женского училища, владелица имения Горячкино близ Тулы.

[8]*...в церкви Вдовьего дома.* — Церковь Вдовьего дома находилась на Садово-Кудринской улице в Москве и особенно посещалась московской знатью.

[9] *Скобликов... желает быть переведен на юг, или хоть в Москву цензором.* — Толстой хлопотал перед Александрой Андреевной за М.В. Скобликова, больного туберкулезом и жившего в Гиере, где, по-видимому, Толстой с ним познакомился. М.Н. Толстая писала Толстому о состоянии здоровья Скобликова (см.: *Переписка.* С. 231, 247). О результатах своих хлопот А.А. Толстая сообщила в последующих письмах (см. письма 51, 52).

[10]*...я пробуду всю Святую.* — Толстой приехал из Москвы в Ясную Поляну 6 мая (см.: *Юб.* Т. 48. С. 37).

47. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

25 апреля 1861

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 65. Оп. 2. Ед. хр. 302. Л. 1–4 об.

Ответ на письмо Толстого от 23 апреля 1861 г. (письмо 46).

[1] *Ваше письмо, которое... получила...* — См. письмо 46.

[2]*...перед метаморфозой.* — Речь, очевидно, идет о предполагавшейся женитьбе Толстого на племяннице Дондуковых-Корсаковых Екатерине Александровне (подробно об этом: *Гусев. Материалы II.* С. 417–418). Сестра Толстого Мария Николаевна уговаривала брата жениться и выполняла роль добровольного посредника. «Если ты серьезно решился сесть на тягло, — писала она Толстому, — то лучшей девушки и не надо» (*Переписка.* С. 242).

[3]*...праздник принес вам... неприятные впечатления.* — См. письмо 46.

[4]*...Анна Тютчева... сожалеет, что не видала вас.* — А.Ф. Тютчева, фрейлина при дворе Александра II. Когда состоялось личное знакомство Тютчевой с Толстым, неизвестно. 19 марта 1859 г. А.А. Толстая отметила в Дневнике, что провела вечер у А.Ф. Тютчевой и там же был Толстой (*ДАТ*). 24 марта 1859 г. А.Ф. Тютчева сообщала сестре, Е.Ф. Тютчевой: «Недавно у меня был Лев Толстой. Я нахожу его очень

привлекательным с его фигурой, которая вся олицетворенная доброта и кротость. Я не понимаю, как можно сопротивляться этому мужчине, если он вас любит. Я очень желала бы иметь его своим зятем» (*Гусев. Летопись I*. С. 199).

5 *...переданы *Василием*...* — См. письмо 46.

6 *...передал вашему кузену...* — Александру Алексеевичу Волконскому.

7 *Привет от меня Кити Тютчевой...*— В Дневнике Толстой записывает 24 апреля 1861 г.: «...вечер у Сушковых. Катерина Федоровна мила, но горда и беспокойна» (*Юб*. Т. 48. С. 36). В письме к А.А. Толстой 14 мая Толстой назвал Тютчеву «прекрасной девушкой», но «оранжерейным растением» и как бы подвел итог своим размышлениям о возможной женитьбе на ней (см. письмо 50).

8 *...вашим добрым тетушкам...* — Т.А. Ергольской и П.И. Юшковой.

48. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

8 мая 1861

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/2. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ*. С. 148 и 148–149.

1 *...получили ли вы мое письмо...* — Письмо от 25 апреля 1861 г. было получено Толстым; он ответил на него 14 мая (см. письмо 50).

2 *Я буду... 12-го мая... в Москве...* — Встреча в Москве не состоялась, так как уже 6 мая Толстой был в Ясной Поляне (см. письмо 50); приезд самой Александры Андреевны в Москву задержался (см. письмо 51).

3 *...с Вел⟨икой⟩ кн⟨ягиней⟩.* — С Марией Николаевной, дочерью Николая I.

4 *...напишу вам... в Москву...* — См. письмо 49.

5 *...как идут ваши занятия школьного учителя?* — О всех своих занятиях, в том числе и о школьных, Толстой написал Александре Андреевне в письме от 14 мая 1861 г. (см. письмо 50).

6 *До скорого свидания...* — Свидание А.А. Толстой с Толстым состоялось в Петербурге только в марте 1878 г.

7 *Вот вам обе карточки...* — О каких фотографиях идет речь, неизвестно.

49. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

8 мая 1861

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/2. Л. 1.

1 *...написала вам в деревню...* — См. письмо 48.

2 *...если вы... в Москве, подождите меня там.* — См. письмо 48 и примеч. 2 к нему.

50. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

14 мая 1861

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.*. Ф. 1. № 5859.А. Л. 1–2об. Последние три абзаца, автограф которых не сохранился, печатаются по *ПТ.* Впервые: *ПТ.* С. 149–151. В *Юб.*: Т. 60. С. 389–390, с датой: ⟨12–14 мая 1861 г.⟩.

На основании дневниковой записи Толстого от 12 мая 1861 г. («...Письма: Alexandrine, Тургеневу, Фету...» — *Юб.* Т. 48. С. 37) можно предположить, что письмо было начато 12 мая и заканчивалось словами: «Прощайте, целую вашу руку и Лиз⟨аветы⟩ Андреевны». 14 мая Толстой сделал приписку и датировал все письмо этим числом.

Ответ на письма А.А. Толстой от 25 апреля и 8 мая 1861 г. (письма 47 и 48).

[1]*...не отвечал вам давно и на такое славное... письмо.* — Письмо от 25 апреля 1861 г. (письмо 47).

[2]*...напуганный несчастьем...* — Имеется в виду смерть брата — Н.Н. Толстого.

[3]*...брат...* — С.Н. Толстой.

[4] *Занят... школой...* — Толстой имел в виду школу для крестьянских детей, открытую им в Ясной Поляне в 1859 г. и просуществовавшую до 1862 г. См.: *Гусев. Материалы II.* С.478–485; 505–566.

[5]*...меня назначили мировым посредником, и я не почел себя вправе отказаться.* — Толстой был назначен на должность мирового посредника 4-го участка Крапивенского уезда. В письме к А.А. Толстой от 7 августа 1862 г. он писал, что «не посмел отказаться перед своей совестью и ввиду того ужасного, грубого и жестокого дворянства, которое обещалось меня съесть, ежели я пойду в посредники» (письмо 62).

[6]*...чувствую на себе... журнальный... хомуты...* — Речь идет о задуманном Толстым журнале «Ясная Поляна», который стал выходить в 1862 г. и просуществовал только один год. Всего вышло 12 номеров за 1862 г. и столько же «Книжек Ясной Поляны» (см. примеч. 9 к настоящему письму). Толстой написал в журнал 12 статей, посвященных педагогике (содержание журнала и «Книжек» см.: *Юб.* Т. 8. С. 626–634).

[7]*...девушка К. ...* — Е.Ф. Тютчева.

[8]*...чтобы она нас не огорчила, проехавши мимо.* — П.В. Толстая предполагала заехать в Ясную Поляну, но в письме от 1 июля 1861 г. Александра Андреевна сообщала Толстому, что планы ее матери изменились: она будет ждать в Петербурге сына — И.А. Толстого, уезжавшего за границу (см. письмо 53).

[9]*...нельзя ли попросить через гр. Блудову поторопить?* — А.Д. Блудова (см. о ней: *Юб.* Т. 47. С. 309) была знакома с министром народного просвещения Е.П. Ковалевским, на имя которого было подано 20 апреля 1861 г. Толстым прошение о разрешении издания журнала «Ясная Поляна» (*Юб.* Т. 60. С. 477–479). Извещение о разрешении издавать журнал было направлено Толстому из Главного управления цензуры 16 мая 1861 г. 1-й номер журнала вышел 5 февраля 1862 г.

На выпуск 12-го номера цензурное разрешение было получено 22 марта 1863 г. (см.: *Юб.* Т. 60. С. 396).

[10] *Что ваше заведение?* — «Заведением» Толстой называет убежище для уличных женщин, попечительницей которого была А.А. Толстая (см. письмо 76).

[11]*...что наша поездка в Лубянки?* — Поездка в имение Лубянки не состоялась. См. письмо 17 и примеч. 3 к нему.

[12]*...я получил ваши два из Москвы.* — Речь идет о двух письмах А.А. Толстой от 8 мая 1861 г. (одно — в Москву, второе — в Ясную Поляну — письма 48 и 49), посланных не из Москвы (описка Толстого), а из Петербурга с просьбой к Толстому задержаться в Москве до 12 мая, чтобы и повидаться с ней.

[13] *Карточки обе прелесть...* — См. письмо 48 и примеч. 7 к нему.

51. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

17 мая 1861

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/2. Л. 1–2 об.

[1]*...ваше... молчание меня пугает.* — После отъезда из Петербурга 21 апреля 1861 г. Толстой написал А.А. Толстой только 14 мая 1861 г. (письмо 50), но А.А. Толстая еще не получила этого письма.

[2]*...Ребиндер женится на девице Кочубей...* — К.Г. Ребиндер женился на Е.В. Кочубей.

[3] *Наш отъезд в Москву перенесен на неопределенное время...* — А.А. Толстая надеялась быть в Москве 12 мая 1861 г., так как хотела встретиться с Толстым (см. письма 48 и 49).

[4]*...маленькой в⟨еликой⟩ кн ⟨яжны⟩.* — Может быть, речь идет о дочери вел. кн. Марии Николаевны, Елене (от второго брака), родившейся в 1861 г.

[5]*...Магдалины раздирают мое сердце и мысли как никогда.* — См. письмо 50 и примеч. 10 к нему.

[6]*... я старалась что-то делать и для вашего *Скобликова*, но смена кабинета приостановила это дело.* — В начале 1861 г. в Государственном совете, в Комитете министров и других учреждениях происходили многочисленные перемены и назначения на должности новых лиц, что было связано с подготовкой и обнародованием Манифеста об отмене крепостного права и «Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости». Документы были подписаны Александром II 19 февраля 1861 г. Вероятно, это и затрудняло хлопоты А.А. Толстой. См. письмо 46 и примеч. 9 к нему.

52. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

5 июня 1861

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/2. Л. 1–4 об. Ответ на письмо Толстого от 14 мая 1861 г. (письмо 50).

[1] *...книги отправлены и разрешение на журнал дано.* — В письме Толстого речь шла только о разрешении на издание журнала «Ясная Поляна» (см. письмо 50 и примеч. 9 к нему). О каких книгах Толстого идет речь в письме Александры Андреевны — неизвестно.

[2] **Скобликову* следует ждать... нового режима.* — См. письмо 51 и примеч. 6 к нему.

[3] *...смогу вам сообщить о визите мамá числа 15 или 20 этого месяца.* — В письме от 1 июля 1861 г. (см. письмо 53) А.А. Толстая сообщала, что планы ее матери, Прасковьи Васильевны, изменились и она в этом году не поедет в Лубянки.

[4] *... могила Паши... у монастыря, прямо напротив сада Томиловых...* — Паша (П.И.Толстая — см. письмо 39 и примеч. 1 и 2 к нему) была похоронена на кладбище Староладожского Успенского женского монастыря, за северной оградой которого располагалось имение Томиловых Успенское (см.: *Игнатенко В.Ф.* Усадьба Успенское: Люди и судьбы. Генеалогия дворянских родов: Томиловы и Шварцы. СПб., 2003. С. 19).

[5] *...Николая Философова.* — Н.И. Философов, двоюродный дядя А.А. Толстой. Его имение Загвоздье находилось на правом берегу реки Волхов, в 10 верстах от Успенского (см.: *Игнатенко В.Ф.* Указ. соч. С. 49).

[6] *...я вас увижу, когда вы заедете к нам...* — Встреча не состоялась.

[7] *Кланяйтесь... тетушкам.*— Т.А. Ергольской и П.И. Юшковой.

[8] *...я незнакома с вашим братом Сергеем.* — Когда состоялось личное знакомство А.А. Толстой с Сергеем Николаевичем, установить не удалось, но известно, что Александра Андреевна приняла участие в хлопотах об усыновлении его детей, рожденных в гражданском браке с М.М. Шишкиной (см. письмо 90). 10 мая 1869 г. Толстой сообщал брату, что А.А. Толстая прислала документ с разрешением усыновить его детей (см.: *Юб.* Т. 61. С. 216). На смерть Александры Андреевны в марте 1904 г. С.Н. Толстой откликнулся в письме к Толстому от 19 апреля 1904 г. (см.: *Переписка*. С. 497).

[9] *Вчера мы праздновали свадьбу Ребиндера.* — См. письмо 51 и примеч. 2 к нему.

53. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

1 июля 1861

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/2. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ*. С. 151–152 и 152–153, с датой: ⟨Июнь 1861 г.⟩. В автографе дата: «1 juillet 1860», с опиской в годе. Год установлен по содержанию и непосредственной связи с письмом 54.

[1]*...планы мама́ на этот год изменились.* — О планах П.В. Толстой на лето 1861 г. см. письмо 50 и примеч. 11 к нему.

[2]*А вы когда приедете сюда?*— Толстой приехал в Петербург только в марте 1878 г.

[3]*...бедная Мари Дондукова...* — Речь идет о хорошей знакомой Толстого — М.М. Дондуковой-Корсаковой, одной из дочерей М.А. Дондукова-Корсакова (см. об этой семье: *Юб.* Т. 48. С. 451).

[4]*...благодаря письму Анатоля к его матери.* — А.Л. Шостак, сын Е.Н. Шостак, двоюродной тетки С.А. Берс, будущей жены Толстого. До 1862 г. — воспитанник Александровского лицея; впоследствии — черниговский губернатор. 6 июня 1863 г. А.Л. Шостак приезжал на несколько дней в Ясную Поляну. С.А. и Л.Н. Толстых беспокоило увлечение Т.А. Берс, младшей сестры С.А. Толстой, А.Л. Шостаком, и они вынуждены были найти предлог для преждевременного отъезда А.Л. Шостака из Ясной Поляны. Этот эпизод нашел отражение в истории взаимоотношений Наташи Ростовой и Анатоля Курагина в романе Толстого «Война и мир» (см.: *Кузминская.* С. 189—198).

[5]*До свидания, копна...* — Свой ответ Александре Андреевне Толстой начал словами: «Ослица Валаама и копна заговорили» (см. письмо 54).

54. Л.Н. ТОЛСТОЙ — А.А. ТОЛСТОЙ

Начало августа 1861

Печатается по *ПТ.* Автограф неизвестен. Впервые: *ПТ.* С. 153—155, с датой: ⟨Июль 1861 г.⟩. Дата уточнена: *Юб.* Т. 60. С. 404—405.

[1]*Ослица Валаама ...* — Ослица Валаама заговорила человеческим голосом, протестуя против побоев («И отверз Господь уста ослицы, и она сказала Валааму: что я тебе сделала, что ты бьешь меня вот уже третий раз?..» (Числ 22, 29—30; ср.: 2 Петр 2, 16). В письме от 1 июля (см. письмо 53) Александра Андреевна упрекала Толстого за долгое молчание.

[2]*...копна...* — Отклик на слова А.А. Толстой, что переписываться с Толстым, это «все равно, что играть в мячик, бросая его в копну сена» (см. письмо 53).

[3]*Дом школы... почти отделан.*— Под школу был отведен левый флигель большого дома. За флигелем закрепилось еще название «Дом Кузминских», так как после женитьбы Толстого, с середины 1860-х годов, здесь почти каждое лето жила семья свояченицы Толстого, Т.А. Кузминской. В этом флигеле останавливались друзья и знакомые Толстых.

[4]*...немец из Иены...* — Густав Келер. См. о нем в письме Толстого к Т.А. Ергольской от 6 (18) апреля 1861 г. из Дрездена (*Юб.* Т. 60. С. 379), а также письмо Толстого самому Келеру (Там же. С. 381—382) и договор о его работе в яснополянской школе (Там же. С. 476—477). С ноября 1862 г. Г. Келер стал воспитателем сына С.Н. Толстого, Григория, а затем (в течение 39 лет) преподавал немецкий язык в Тульской мужской гимназии.

[5] *Учителей... кроме меня, три.* — Учителями яснополянской школы в то время были: П.В. Морозов, Г. Келер и Владимир Александрович (отставной солдат), фамилия которого неизвестна (подробнее об этом см.: *Юб.* Т. 8. С. 489—520).

[6] *И еще священник два раза в неделю.*— В школах Толстого закон Божий преподавали, как правило, приходские священники; в яснополянской школе это был священник с. Кочаки, Тульской губ., Константин Иванович Пашковский.

[7] *...умер Феофан на деревне...* — Феофан Титович Пелагеюшкин, яснополянский крестьянин.

[8] *...читаем... наши заметки и приготовляем к будущей неделе.* — Подробно об этом см. в воспоминаниях одного из учителей в школе, организованной Толстым, А.А. Эрленвейна «Отрывки из воспоминаний о Ясной Поляне. 1861—1863» (*Толстой в воспоминаниях 1.* С. 127—140).

[9] *Журнал я думаю начать в сентябре.*— В августовской книжке «Современной летописи» за 1861 г. было напечатано заявление Толстого о его намерении издавать журнал «Ясная Поляна» с 1 октября 1861 г., но в следующем номере «Современной летописи» Толстой объявил, что занятия «по должности мирового посредника» заставляют его открыть издание журнала с 1 января 1862 г. (см.: *Юб.* Т. 8. С. 370—371).

55. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

22 августа 1861

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/2. Л. 1—2об. Впервые: *ПТ.* С. 155—157 и 157—159.

Ответ на письмо Толстого от начала августа 1861 г. (письмо 54).

[1] *...зачем же вам я?...* — См. письмо 54.

[2] *...вашего немца...* — Имеется в виду Густав Келер. См. примеч. 4 к письму 54.

[3] *...я подпишусь на ваш журнал...* — Журнал «Ясная Поляна».

[4] *Мои *грибы* дороги мне...* — Так А.А. Толстая называет уличных женщин (см. письмо 50 и примеч. 10 к нему).

[5] *...вас не любят как *посредника*.* — Об отрицательном отношении к нему со стороны дворянства Толстой писал Александре Андреевне в письме от начала августа 1861 г. (см. письмо 54). Это отношение не менялось на протяжении всей посреднической деятельности Толстого. В январе 1862 г. он писал В.П. Боткину: «Я попал в мировые посредники совершенно неожиданно и несмотря на то, что вел дело самым хладнокровным и совестливым образом, заслужил страшное негодование дворян. Меня и бить хотят и под суд подвести...» (*Юб.* Т. 60. С. 415). Несмотря на всю сложность взаимоотношений Толстого с помещиками, у него навсегда осталось отрадное воспоминание об этой его работе. 8 апреля 1901 г. он записал в Дневнике: «Счастливые периоды моей жизни были только те, когда я всю жизнь отдавал на служение людям: школа, посредничество...» (*Юб.* Т. 54. С. 94). Подробно о Толстом-посреднике см.: *Гусев. Материалы II.* С.436—437, 445—450, 474—478, а также письмо 56 и примеч. 9 к нему.

1862

56. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

10 февраля 1862

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5860.А. Л. 1. Впервые: *ПТ.* С. 159. В *Юб.:* Т. 60. С. 418.

Год устанавливается по содержанию (см. примеч. 5).

[1]*...давно не писал вам...* — Последнее письмо Толстого — от начала августа 1861 г. (письмо 54).

[2] *Я доживал, но не жил.* — О своем душевном и физическом состоянии в этот период Толстой писал впоследствии в «Исповеди» (1879 г.): «В продолжение года я занимался посредничеством, школами и журналами и так измучился, от того особенно, что запутался, так мне тяжела стала борьба по посредничеству, так смутно проявлялась деятельность моя в школах, так противно мне стало мое влияние в журнале ⟨...⟩ что я заболел более духовно, чем физически» (*Юб.* Т. 23. С. 9–10).

[3] *В октябре я был в Москве...* — Даты пребывания Толстого в Москве в октябре 1861 г. остаются неизвестными. Несколько дней Толстой был в Москве в ноябре; возможно, он приехал около 23 ноября 1861 г. (см.: *Гусев. Летопись I.* С. 251); судя по письму М.Н. Каткова от 26 ноября 1861 г., в этот день Толстого в Москве уже не было. «Я был у вас в “Дрездене” и, к сожалению, уже не застал вас, — вы оттуда уехали» — писал он Толстому (*ЛН.* Т. 37–38. С. 195).

[4]*...принялся за работу...* — Работа была связана с подготовкой первого номера журнала «Ясная Поляна». В течение ноября—декабря 1861 г. Толстым было написано несколько статей для этого номера: «О народном образовании», «О значении описания школ и народных книг» и «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» (*Юб.* Т. 8).

[5] *На днях вышел 1-й № моего журнала...* — Первый номер журнала «Ясная Поляна» вышел в свет 5 февраля 1862 г.

[6]*...я сделал дурной поступок...* — Толстой подразумевает свой проигрыш в карты. «Я здесь — в Москве, — писал Толстой В.П. Боткину 7 февраля 1862 г., — отдал всегдашнюю дань своей страсти к игре и проиграл столько, что стеснил себя; вследствие чего, чтобы наказать себя и поправить дело, взял у Каткова 1000 руб. и обещал ему в нынешнем году дать свой роман — Кавказский» (*Юб.* Т. 60. С. 417). Н.Н. Гусев отметил: «Это было последнее проявление свойственной Толстому “страсти к игре” (его выражение)» (*Гусев. Летопись I.* С. 255).

[7]*...почти влюбился...* — По-видимому, так Толстой определяет свое отношение к одной из дочерей доктора А.Е. Берса, в доме которых он бывал запросто, так как был другом детства жены Берса (рожд. Л.А. Иславиной). В 1862 г. в семействе Берсов было три дочери. Какой из трех (Елизавете, Софье или Татьяне), Толстой отдает предпочтение, он пока держал в тайне.

[8]*...нынче еду назад в деревню.* — Толстой находился в Москве весь январь 1862 г., вероятно с 3 (?) января (см.: письмо М.Н. Каткова к Толстому от 7 января 1862 г. — *ЛН*. Т. 37—38. С. 196; *Гусев. Летопись I*. С. 253). 12 февраля он был уже в Ясной Поляне, откуда в этот день отправил письмо в Тульское губернское по крестьянским делам присутствие (*Юб*. Т. 60. С. 505.).

[9]*Дела... по посредничеству...* — 12 февраля 1862 г. Толстой подал прошение об отставке в Тульское губернское по крестьянским делам присутствие (см.: *Юб*. Т. 60. С. 505), считая, что «существенное» он сделал (т. е. открыл школы), но 9 марта снова вернулся к исполнению обязанностей посредника и был уволен «по болезни» указом Сената 26 мая 1862 г. (см.: *Гусев. Летопись I*. С. 257, 262).

[10]*...по школе...* — К этому времени на участке, где Толстой был посредником, была открыта 21 школа (см. его письмо к В.П. Боткину от 26 января 1862 г.: *Юб*. Т. 60. С. 415).

[11]*...по журналу...* — В феврале 1862 г. Толстой готовит к печати второй номер «Ясной Поляны» (цензурное разрешение от 21 февраля 1862 г.), куда вошли его статьи: «О методах обучения грамоте» и «О свободном возникновении и развитии школ в народе» (*Юб*. Т. 8).

[12]*...по роману, который я обещал напечатать... в «Русском вестнике».* — См. примеч. 6 к настоящему письму. Повесть «Казаки» появилась только в январской книжке *РВ* за 1863 г.

[13]*...я еще напишу вам из деревни.* — См. письмо 58.

[14] *Попробуйте прочесть «Ясную Поляну» и скажите ваше мнение.* — См. письмо 59.

57. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

13 февраля 1862

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 2. Ед. хр. 302. Л. 1—4об.

Ответ на письмо Толстого от 10 февраля 1862 г. (письмо 56).

[1]*...написав мне...* — Письмо Толстого от 10 февраля 1862 г. (письмо 56).

[2]*...вы были в Москве...* — Толстой был в Москве с 3 (?) января по 10 февраля 1862 г. и, очевидно, встретился с Е.Ф. Тютчевой.

[3]*...обещаю... высказать свое мнение о нем.* — В письме 10 февраля 1862 г. (письмо 56) Толстой просил Александру Андреевну «прочесть “Ясную Поляну”» и высказать свое мнение. Толстая сделала это в письме от 31 марта 1862 г. (см. письмо 59).

[4] *Оставьте *посредничество*, которое... забирает весь ваш досуг.* — См. примеч. 9 к письму 56.

[5] *Сделайте, как Алексей Толстой... чтобы остаться... поэтом и писателем.* — А.К. Толстой в марте 1859 г. получил «бессрочный отпуск», а 28 сентября 1861 г. последовал указ об увольнении его со службы при дворе «по домашним

обстоятельствам». Он работал над трагедией в стихах «Смерть Иоанна Грозного»; в № 4 *РВ* за 1862 г. публикуется его драматическая поэма «Дон-Жуан», а в № 8, 9, 10 — роман «Князь Серебряный».

[6] *надобно было... бороться с... убеждениями принца Ольденбургского... и отказаться от любимого дела.* — О деятельности А.А. Толстой в качестве попечительницы убежища (общины) для уличных женщин во имя Марии Магдалины см. письмо 50 и примеч. 10 к нему, а также письмо 76. Очевидно, имеется в виду принц П.Г. Ольденбургский, с 1845 г. — председатель вновь учрежденного главного совета женских учебных заведений.

[7] *...заботиться о тетушке Барыковой, которая... скончалась на той неделе.* — Варвара Павловна Барыкова (рожд. Ушакова), тетка А.А. Толстой, жена брата ее матери, П.В. Толстой, умерла 5 февраля 1862 г. М.Ф. Каменская вспоминала: «Помню, что тетушка Прасковья Васильевна 〈...〉 была очень привязана к жене родного брата своего, Варваре Павловне Барыковой, урожденной Ушаковой. Эта Варвара Павловна в молодые свои годы, еще в девичестве, поступила на придворную службу и была назначена состоять при особе невесты великого князя Николая Павловича, Луизе-Шарлотте-Вильгельмине, принцессе Прусской, будущей государыне Александре Федоровне. Говорят, обе молодые девушки скоро полюбили друг друга, подружились, и эта дружба, несмотря на то, что Александра Федоровна впоследствии сделалась императрицей всероссийской, а девица Ушакова вышла замуж за простого смертного Барыкова, осталась между ними навсегда. Благодетельное влияние этой дружбы скажется впоследствии на семействе тетушки Прасковьи Васильевны Толстой...» (*Каменская М.* Воспоминания. М., 1991. С. 175–176).

[8] *...за записку, которую я получила от вас...* — Александра Андреевна так называет короткое письмо Толстого от 10 февраля 1862 г. (см. письмо 56).

58. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

23 февраля 1862

Печатается по автографу: *ИРЛИ*. Ф. 300. № 31. Впервые: Сборник Государственного Толстовского музея. М., 1937. С. 230, с датой: 〈23 февраля 1862 г.〉 (по подлиннику). В *Юб.*: Т. 60. С. 419, с ошибочной датой: 〈22 февраля〉.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 13 февраля 1862 г. (письмо 57).

[1] *Благодарствуйте за ваше письмо...* — См. письмо 57.

[2] *...записки из Мертвого дома и прочтите их.* — Очевидно, Толстой читал первое отдельное издание «Записок из Мертвого дома» (приложение к журналу «Время» за 1862 г.: часть первая — в № 1; начало второй части — в № 2). Толстой несколько раз в течение жизни перечитывал это произведение и неизменно высоко оценивал его. В письме к Н.Н. Страхову в сентябре 1880 г. он писал: «На днях нездоровилось и я читал Мертвый дом. Я много забыл, перечитал и не знаю лучше книги изо всей новой литературы, включая Пушкина 〈...〉 Если увидите Достоевского, скажите ему, что я его люблю» (*Юб.* Т. 63. С. 24). Слова Толстого были переданы Страховым

Достоевскому, который «очень был обрадован» (см.: *ТС II*. С. 259). Толстой включил в «Круг чтения» два отрывка из «Записок из Мертвого дома»: «Смерть в госпитале» и «Орел» (*Юб*. Т. 41. С. 322–323; 434–436). А.А. Толстая воспользовалась советом Толстого и о своем впечатлении написала 31 марта 1862 г. (письмо 59).

59. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

31 марта 1862

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 2. Ед. хр. 302. Л. 1–4об.

Ответ на письмо Толстого от 23 февраля 1862 г. (письмо 58).

[1] *...прочитала первый номер вашего журнала...* — Речь идет о первом номере журнала «Ясная Поляна». О его содержании см. примеч. 4 к письму 56.

[2] *...вас одни бранят, другие хвалят...* — Положительные и отрицательные отклики на журнал «Ясная Поляна» и на всю педагогическую теорию и практику Толстого появились в 1862–1864 гг. во многих журналах (см.: *Гусев. Материалы II*. С. 547–566). Для Толстого важно было знать мнение Н.Г. Чернышевского, к которому он обратился с письмом 6 февраля 1862 г. с просьбой «искренно и серьезно» высказать свое мнение о журнале (*Юб*. Т. 60. С. 416). В № 3 *Совр*. за 1862 г. Чернышевский поместил рецензию на два первых номера журнала и две «Книжки для детей»; он резко полемизировал с педагогическими взглядами Толстого и вызвал ответную отрицательную реакцию (см.: *Юб*. Т. 8. С. 559–560).

[3] *Пребывая в истине, вы не будете никогда бояться наказать вора или лгуна. Весь этот отрывок немного мне режет уши.* — В статье «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» Толстой пишет о наказании учеников в школе. Солгавшему на сутки пришивали на одежду ярлык «Лгун», а двум мальчикам, совершившим в школе кражу, — «Вор». «Я взглянул в лицо наказанного... — писал Толстой, — бледное, страдающее и жесткое, вспомнил почему-то колодников, и мне так вдруг стало совестно и гадко, что я сдернул с него глупый ярлык 〈...〉 и убедился вдруг не умом, всем существом убедился, что я не имею права мучить этого несчастного ребенка 〈...〉 Я убедился, что есть тайны души, закрытые от нас, на которые может действовать жизнь, а не нравоучения и наказания» (*Юб*. Т. 8. С. 37–38).

[4] *Наказывайте своего сына, пока он молод, — сказал Соломон...* — «Наказывай сына своего, доколе есть надежда, и не возмущайся криком его» (Притч 19, 18).

[5] *Свобода — хорошая штука, но, как сказал один человек, она становится бешеной собакой, если ее не ограничить.* — В статье «О народном образовании» Толстой писал: «... образовывающийся должен иметь полную власть выразить свое неудовольствие или, по крайней мере, уклониться от того образования, которое по инстинкту не удовлетворяет его 〈...〉 критериум педагогики есть только один — свобода. Мы избрали этот последний путь в нашей педагогической деятельности» (*Юб*. Т. 8. С. 24). Чье мнение передает А.А. Толстая, выяснить не удалось.

[6]*...восхитили ваши прогулки с детьми...* — Описание прогулки с детьми дается в статье «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» (*Юб.* Т. 8. С. 43–48).

[7]*...думая о вверенном мне стаде.* — А.А. Толстая имеет в виду свою деятельность попечительницы в общине для падших женщин.

[8]*...я прочитала первую часть «Записок из мертвого дома»...* — См. письмо 58 и примеч. 2 к нему.

[9]*...по поводу *посредничества*... собираетесь ли вы продолжать в нем участвовать.* — Об этом А.А. Толстая спрашивала в письме 13 февраля 1862 г. (см. письмо 57). См. примеч. 9 к письму 56.

[10]*...где ваша сестра...* — М.Н. Толстая с детьми жила в то время в Алжире (см.: *Переписка.* С. 252–253).

[11]*...видела особу, которая вас знает и любит, — это Катерина Гагарина...* — Е.В. Гагарина, жена А.Г. Гагарина, сестра А.В. Львовой. В Дневнике 16 февраля 1859 г. Толстой записал, что он «влюбленный в обеих» (*Юб.* Т. 48. С. 20).

[12]*...когда же я вас увижу?* — В 1862 г. Толстой в Петербург не приезжал.

[13]*... жду появления вашего романа.* — Имеется в виду повесть «Казаки» (см. примеч. 12 к письму 56).

[14]*...сенсацию произвел роман Тургенева...* — Речь идет о романе И.С. Тургенева «Отцы и дети», напечатанном в февральском номере *РВ* за 1862 г. и вышедшем отдельным изданием: «Отцы и дети». Сочинение Ив. Тургенева (М., 1862). Толстой читал роман в рукописи (см. его письмо к М.Н. Каткову от 23–24(?) ноября 1862 г.: *Юб.* Т. 60. С. 411), а в письме к П.А. Плетневу, уже после выхода романа, 1 мая 1862 г. он писал: «Тургеневский роман меня очень занимал и понравился мне гораздо меньше, чем я ожидал. Главный упрек, который я ему делаю — он холоден, холоден, что не годится для Тургеневского дарованья. Всё умно, всё тонко, всё художественно ⟨...⟩ но нет ни одной страницы, которая была бы написана одним почерком с замиранием сердца, и потому нет ни одной страницы, которая бы брала за душу» (*Юб.* Т. 60. С. 423).

[15]*...они с вами увидятся...* — Встреча не состоялась: с 19 мая до 20-х чисел июля Толстого не было в Ясной Поляне.

60. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

14 июня 1862

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/3. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.* С. 159–160 и 161–162.

[1]*...узнала, что вы уехали в Самару на *кумыс*.* — 12 мая 1862 г. Толстой вместе с учениками Василием Морозовым и Егором Черновым и слугою А.С. Ореховым выехал из Ясной Поляны на лошадях в Москву. Пробыв в Москве до 19 мая, Толстой по железной дороге направился в Тверь, а оттуда до Самары — на пароходе (см. его письма к Т.А. Ергольской: *Юб.* Т. 60. С. 425, 427, а также записи в Дневнике:

Юб. Т. 48. С. 40). 27 мая, прибыв в Самару, Толстой сообщил Ергольской, что отправляется «за 130 верст в Каралык» (*Юб*. Т. 60. С. 427). Поездка была вызвана состоянием здоровья Толстого. «Я всю весну и лето (прошлое) кашлял и думал, что я вот, вот умру», — писал Толстой М.А. Маркович 19 мая 1862 г. (*Там же*. С. 425).

[2] *Шлю вам... несколько строк в Самару...* — Письмо было получено Толстым «перед отъездом из Самары» (см. письмо 61).

[3] *Она... обижена, что, проезжая через Москву, вы не навестили ее...* — Имеется в виду П.В. Толстая. Толстой сообщал в письме к Т.А. Ергольской, что, будучи в Москве, он «никого не видал, кроме Берсов, Каткова и Аксакова» (*Юб*. Т. 60. С. 425).

[4] *Я беспокоилась за вас... но... не могу говорить в письме.* — С января 1862 г. за Толстым по доносу, поступившему в III Отделение от жандармского полковника Воейкова, был установлен тайный надзор (см.: *Гусев. Материалы II*. С. 496—499). Очевидно, слух об этом дошел до А.А. Толстой, и она, желая предупредить Толстого, настаивала на личной встрече. К этому времени Толстой уже знал о доносе из письма к нему брата Сергея Николаевича, написанного в январе 1862 г. (см.: *Переписка*. С. 250—251).

[5] *...нам... надо повидаться этой осенью.* — Встреча не состоялась.

[6] *...я уезжаю с княжнами...* — Дочери вел. кн. Марии Николаевны — Мария и Евгения Максимилиановны Лейхтенбергские.

[7] *Запоздавший выпуск вашего журнала...* — В июне 1862 г. появился четвертый (апрельский) номер журнала «Ясная Поляна» (цензурное разрешение от 22 мая 1862 г.) (см.: *Юб*. Т. 8. С. 627).

61. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

22 или 23 июля 1862

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5861.А. Л. 1—2об. Впервые: *ПТ*. С. 162—163, с датой: ⟨Конец июля или начало августа 1862 г.⟩. Дата определена: *Юб*. Т. 60. С. 428—429.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 14 июня 1862 г. (письмо 60).

[1] *Я получил ваше письмо...* — См. письмо 60.

[2] *А бедный Кутлер!* — Речь идет о П.Ф. Кутлере, о здоровье которого справлялась А.А. Толстая в письме от 14 июня 1862 г. (см. письмо 60). Кутлеры приходились дальними родственниками Толстым через Барыковых, Протасовых. Тетка А.А. Толстой, Екатерина Васильевна Вадбольская (рожд. Барыкова), была опекуншей детей Федора Львовича Кутлера — Николая, Федора, Павла (см.: *Кутлер П.П*. Воспоминания. С. 6. Рукопись из личного архива П.П. Кутлера).

[3] *Какие это опасения вы имели на мой счет?* — См. письмо 60 и примеч. 4 к нему.

[4] *...все Потаповы, Долгорукие и Аракчеевы и равелины...* — Толстой приравнивает политическую роль управляющего III Отделением А.Л. Потапова, шефа жан-

дармов и начальника III Отделения В.А. Долгорукова деятельности временщика при Александре I — А.А. Аракчеева. Равелины Петропавловской крепости в Петербурге со второй четверти XVIII в. служили местом заключения особо важных политических преступников.

[5]*...1-го июля приехали 3 тройки с жандармами...* — Ошибся или Толстой, или тот, кто сообщил ему об этом событии: обыск в Ясной Поляне продолжался два дня: 6 и 7 июля 1862 г. В нем участвовали жандармский полковник М.А. Дурново, штаб-ротмистр Кобеляцкий, исправник из Крапивны и становой. Кроме обыска в доме, в конюшне поднимали ломом полы, в пруду пытались сетью выловить типографский станок. Обыск был также произведен в некоторых школах и в имении Никольское-Вяземское. Подробнее об этом см.: Дело III отделения: О графе Льве Толстом. СПб., 1906. С. 51—55; *Кузминская*. С. 112—113; *Марков Е.Л.* Живая душа в школе // *ВЕ*. 1900. Кн. 2. С. 584; *Ильинский И.* Жандармский обыск в Ясной Поляне в 1862 г. // Звенья. 1932. Кн. 1. С. 374—412; *Гусев. Материалы II*. С. 496—501.

[6]*...не велели никому выходить...* — Это приказание относится к 10 студентам-учителям, а также к Т.А. Ергольской, Н.П. Охотницкой, М.Н. Толстой. См. письмо Толстого к брату Сергею Николаевичу от 6 августа 1862 г. (*Юб.* Т. 60. С. 432).

[7]*...стали обыскивать.* — По свидетельству тульских помещиков, близких знакомых Толстого — Д.Д. Оболенского и В.М. Менгдена, тульский губернатор П.М. Дараган сделал все возможное, чтобы предупредить Толстого о предстоящем обыске. Приехавший в Ясную Поляну с этим сообщением В.М. Менгден не застал Толстого дома (см.: *Гусев. Материалы II*. С.500). Во время обыска, как писал в своих воспоминаниях С.А. Берс, горничная Т.А. Ергольской, Дуняша, «успела схватить в кабинете Толстого его портфель, в котором хранились запрещенные книги и карточки Герцена и Огарева, и бросила его в канаву» (цит. по: *Гусев. Материалы II*. С. 501; из печатного текста книги «Воспоминания о графе Л.Н. Толстом» С.А. Берса (Смоленск, 1893) это место было исключено цензурой).

[8]*...я все это знаю и презираю...* — Резко отрицательное отношение к газете «Колокол», издаваемой А.И. Герценым и Н.П. Огаревым в Лондоне и Женеве в 1857—1867 гг., было высказано Толстым в раздраженном состоянии и не определяло его действительного отношения к Герцену (см. письмо 9 и примеч. 5 и 6 к нему). С конца 1880-х годов творчество Герцена заняло особое место в умственной жизни Толстого. 13 февраля 1888 г. он писал Н.Н. Ге: «Что за удивительный писатель. И наша жизнь за последние 20 лет была бы не та, если бы этот писатель не был скрыт от молодого поколения» (*Юб.* Т. 64. С. 151).

[9]*Я еще не видал тетиньки, но воображаю ее.* — Т.А. Ергольская, как сообщил Толстой Александре Андреевне в следующем письме, тяжело заболела после этого события (см. письмо 62).

[10]*...я писал вам... что нельзя искать тихого убежища... а надо трудиться, работать, страдать.* — Толстой вспоминает свое письмо к А.А. Толстой, написанное 18 или 19 октября 1857 г. (см. письмо 10).

62. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

7 августа 1862

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5862.А. Л. 1–6. Впервые: Русское богатство. 1910. № 8. С. 238–240. В *Юб.:* Т. 60. С. 435–439.

[1] *Я вам писал из Москвы...* — См. письмо 61.

[2] *О помещиках... это стон восторга.* — Толстой имеет в виду помещиков, недовольных его деятельностью в качестве мирового посредника. Как следует из его письма к брату Сергею Николаевичу, ему даже казалось, что обыск у него был произведен по доносу «какого-нибудь Михаловского» (*Юб.* Т. 60. С. 432). В.И. Михаловский был одним из авторов жалоб на Толстого, который был назначен на должность посредника тульским губернатором вместо избранного крапивенским дворянством Михаловского (см. письмо Толстого к нему: *Юб.* Т. 60. С. 399–400).

[3]*...посоветовавшись с Перовским или А. Толстым... как передать письмо Государю.* — Воспитатель при сыновьях Александра II — Б.А. Перовский и его племянник А.К. Толстой (в 1856–1861 гг. — флигель-адъютант царя) приняли самое активное участие в хлопотах о передаче письма Толстого Александру II (см. письмо 63).

[4] *К Герцену я не поеду.* — См. письмо 61 и примеч. 8 к нему. Толстой встречался с Герценом во время своего второго заграничного путешествия в феврале (марте) 1861 г.

[5] *Я оторвался от нее для больного брата...* — Толстой имеет в виду свое пребывание с Николаем Николаевичем в Содене и Гиере в августе—сентябре 1860 г. во время смертельной болезни брата.

[6] *У меня был журнал...* — Журнал «Ясная Поляна».

[7] *Вопли против моего посредничества дошли и до вас ...* — В письме от 22 августа 1861 г. А.А. Толстая сожалела по поводу того, что помещики не любят Толстого, и советовала проявить «любовь к ближнему без различия сословий» (см. письмо 55).

[8]*...я просил два раза суда... суд объявил, что я... прав... судить не в чем...* — По-видимому, Толстой вспоминает две жалобы, поданные на него крапивенскому уездному предводителю дворянства от дворян Крапивенского уезда: в августе 1861 г. за 19 подписями и 12 ноября 1861 г. за подписями всех дворян Крапивенского уезда. Сведений о судебном разбирательстве этих жалоб нет (см.: *Юб.* Т. 60. С. 440).

[9] *Все из 12, кроме одного, оказались отличными людьми...* — Список учителей школ, организованных Толстым, и некоторые сведения о них опубликованы (*Юб.* Т. 8. С. 505–520). Неудачным студентом, фамилии которого Толстой не называет, был, очевидно, А.С. Соколов (см. о нем: *Там же.* С. 515–516).

[10] *Я вышел в отставку...* — Речь идет об отставке с должности мирового посредника, которая была получена Толстым 26 мая 1862 г. (*Гусев. Летопись I.* С. 262).

[11] *Сестра... поместилась в моем кабинете.* — Кабинет Толстого (с 1856 по 1862 и с 1902 по 1910), где поместилась Мария Николаевна на время своего пребывания

в Ясной Поляне, находился «в соседней с гостиной комнате с большим итальянским окном и дверью на балкон» (см.: *Пузин Н.* Дом-музей Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Тула, 2005. С.47).

[12] *...прочел... письма, к⟨отор⟩ые читал только я и та, к⟨отор⟩ая их писала...* — Речь идет о письмах В.В. Арсеньевой. В письме к П.И. Бирюкову 27 ноября 1903 г., вспоминая о своих увлечениях в молодости, Толстой писал: «...главное, наиболее серьезное — это была Арсеньева Валерия... Я был почти женихом (“Семейное счастие”) и есть целая пачка моих писем к ней» (*Юб.* Т. 74. С. 239). В *ОР ГМТ* хранятся 18 писем Толстого к Арсеньевой за 1856—1857 гг. (*Юб.* Т. 60) Письма Арсеньевой к Толстому неизвестны.

[13] *..Дамоклесов меч...* — То есть дамоклов меч.

[14] *...сестра и тетинька... старались прятать... невинные бумаги.* — М.Н. Толстая вспоминала спустя много лет, что она послала учителя Н.П. Петерсона в деревню Ясенки к учителю М.Ф. Бутовичу «спрятать письма Герцена. Они были не к Л.Н., а Л.Н. взял их у кого-то прочесть» (*ЛН.* Т. 90, кн. 4. С. 54).

[15] *...письмо... Дундукова-Корсакова...* — Письма вице-президента Академии наук М.А. Дондукова-Корсакова к Толстому хранятся в *ОР ГМТ.*.

[16] *...почитали бумаги покойного брата...* — Обыск в имении покойного брата Льва Николаевича, Н.Н. Толстого, Никольском-Вяземском Чернского у. проводился 7 и 8 (?) июля 1862 г.

63. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

18 августа 1862

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/3. Л. 1—5об. Впервые: *ПТ.* С. 168—171 и 171—174.

Ответ на письма Толстого от 22 или 23 июля и 7 августа 1862 г. (письма 61 и 62).

[1] *...ваше первое письмо взволновало меня... а вчерашнее заставило меня плакать...* — См. письма 61 и 62.

[2] *...вернемся в Петербург... я вам напишу...* — Было ли послано такое письмо Толстому — неизвестно; следующее письмо Александры Андреевны — от 21 сентября 1862 г. из Царского Села (см. письмо 66).

[3] *...предлагает вам немедленно написать Государю...* — Толстой принял совет Б.А. Перовского и 22 августа 1862 г. обратился с письмом к Александру II, в котором описал события, происшедшие в Ясной Поляне, и выразил надежду, что виновные будут «ежели не наказаны, то обличены» (*Юб.* Т. 60. С. 440—441). 23 августа письмо через флигель-адъютанта гр. С.А. Шереметева было передано царю (см. запись в Дневнике Толстого: *Юб.* Т. 48. С. 40; письмо 64 и примеч. 3 к нему).

[4] *...сомневаюсь, чтоб он решился пожаловаться на самого себя.* — Письмо Толстого было передано Александру II вместе с «всеподданнейшей справкой» шефа

жандармов В.А. Долгорукова от 31 августа 1862 г., где причина обыска объяснялась лишь тем, что в Ясной Поляне проживают «молодые люди» без «письменных видов» на жительство (см.: Дело III-го отделения: О графе Льве Толстом. СПб., 1906. С. 65—66). В письме от 7 сентября 1862 г. В.А. Долгоруков сообщал тульскому губернатору П.М. Дарагану, что царь получил письмо Толстого и отдал приказание, чтобы «помянутая мера не имела собственно для графа Толстого никаких последствий» (*Там же*. С. 67).

[5]*...благодаря той несчастной песенке...* — Речь идет о толстовской песне «Как четвертого числа...», сочиненной сразу же после сражения 4 августа 1855 г. на речке Черной, под Севастополем (см.: *ПСС*. Т. 2. С. 241—242, 543—546; *Юб*. Т. 75. С. 43).

[6]*...Государь... Д⟨олгоруков⟩ понятия не имеют об образе действий их слуг.* — В письме к П.М. Дарагану (см. примеч. 4) В.А. Долгоруков просил передать Толстому, что полковник Дурново и его офицеры во время обыска «при всей затруднительности возлагаемых на них поручений стараются исполнить оные с той осторожностью, которая должна составлять непременное условие их звания» (Дело III отделения: О графе Льве Толстом. С. 68).

[7]*...вы сами себе... не простили бы, как только прошел бы ваш гнев.* — А.А. Толстая имеет в виду слова Толстого из его письма от 7 августа 1862 г.: «Я часто говорю себе, какое огромное счастье, что меня не было. Ежели бы я был, то, верно бы, уже судился, как убийца» (см. письмо 62).

[8]*...жду вашего ответа...* — Толстой ответил 7 сентября 1862 г. (см. письмо 64).

64. Л.Н. ТОЛСТОЙ — А.А. ТОЛСТОЙ

7 сентября 1862

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5863.А. Л. 1—2об. Впервые: *ПТ*. С. 174—175. В *Юб*.: Т. 60. С. 444—445.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 18 августа 1862 г. (письмо 63).

[1]*...без моей статьи, которая послана ... в Петербург...* — О цензурной истории со статьей Толстого «Воспитание и образование» (*Юб*. Т. 8. С. 211—246), которая по решению Московского цензурного комитета была послана в Петербург «на благоусмотрение» Министерства народного просвещения, см.: *Там же*. С. 555—557. Статья была опубликована в июльской книжке журнала «Ясная Поляна» после цензурного разрешения от 20 сентября 1862 г.

[2] *Я... влюбился.* — Начиная с 23 августа 1862 г. в Дневнике Толстого следуют записи, относящиеся к С.А. Берс. К 12 сентября относится запись: «Я влюблен, как не верил, чтобы можно было любить. Я сумасшедший, я застрелюсь, ежели это так продолжится» (*Юб*. Т. 48. С. 44). В ночь с 13 на 14 сентября было написано письмо-предложение (*Юб*. Т. 83. С. 16—17), а 16 сентября произошло объяснение:

«Сказал. Она — да, — записал Толстой в Дневнике. — Она как птица подстреленная. Нечего писать. Это всё не забудется и не напишется» (*Юб.* Т. 48. С. 45).

[3] *Письмо я подал здесь Государю через... Шереметева.* — В 1862 г. С.А. Шереметев был флигель-адъютантом, ротмистром лейб-гвардии конно-гренадерского полка (см. о нем: *Юб.* Т. 60. С. 445).

[4] *Я просил позаботиться о участи этого письма Крыжановского.* — Н.А. Крыжановский, генерал от артиллерии, член Военного совета, инспектор военно-учебных заведений; знакомый Л.Н. Толстого по Севастополю, в 1854—1855 гг. — начальник штаба Крымской армии. См. о нем: *Юб.* Т. 60. С. 445. Об участи письма Толстого к Александру II см. примеч. 4 к письму 63.

[5] *...благодарите за участие, к⟨отор⟩ое он во мне принимает.* — Толстой благодарит Б.А. Перовского, принимавшего участие в хлопотах о передаче письма Толстого Александру II (см. письмо А.А. Толстой от 18 августа 1862 г.).

65. Л.Н. ТОЛСТОЙ — А.А. ТОЛСТОЙ

19 или 20 сентября 1862

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5864.А. Л. 1—1об. Впервые: *ПТ.* С. 174—175, с датой: ⟨Сентябрь 1862 г.⟩. В *Юб.*: Т. 60. С. 446—447, с датой: ⟨Сентябрь 17—20? 1862 г.⟩.

Дата устанавливается предположительно, на основании упоминания о предстоящей женитьбе 23 сентября 1862 г. и ответного письма А.А. Толстой от 23 сентября 1862 г. (письмо 67).

[1] *...Вл⟨адимир⟩ Иславин...* — В.А. Иславин, сын приятеля отца Толстого, тульского помещика А.М. Исленьева, дядя Софьи Андреевны Берс.

[2] *...писал Кат⟨ерине⟩ Ник⟨олаевне⟩...* — Е.Н. Шостак, двоюродная сестра В.А. Иславина по отцу.

[3] *...я женюсь на Софье Берс...* — Толстой венчался с С.А. Берс 23 сентября 1862 г. в придворной церкви Рождества Богородицы в Кремле. См. очерк С.А. Толстой «Женитьба Л.Н. Толстого» (*ДСТ 1.* С. 475—495); *Кузминская.* С. 143—150. О С.А. Берс см. во вступительной статье С.А. Розановой к первому тому дневника С.А. Толстой (*ДТС 1.* С. 5—34).

[4] *...дочери... друга детства Любочки Исленьевой.* — Л.А. Берс, рожд. Иславина, дочь приятеля отца Толстого — А.М. Исленьева (см. о ней: *Юб.* Т. 83. С. 52).

[5] *...когда привезу ее к вам...* — Личное знакомство А.А. Толстой с Софьей Андреевной состоялось только через 15 лет, в январе 1877 г., в Петербурге; «проста, умна, искренна и сердечна», — такой показалась она Александре Андреевне при личной встрече (см. письмо 125).

[6] *О письме и жандармах...* — Толстой вспоминает о своем письме к Александру II и обыске в Ясной Поляне.

66. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

21 сентября 1862

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/3. Л. 1–1об.

[1]*...ваше последнее письмо...* — Письмо Толстого от 7 сентября 1862 г. (см. письмо 64). Письмо от 19 или 20 сентября, очевидно, еще не было получено (см. письмо 65).

[2]*...напишу вам после.* — Написанное позже (23 сентября) письмо А.А. Толстой было связано с женитьбой Толстого (см. письмо 67).

67. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

23 сентября 1862

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/3. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.* С. 176–177 и 177–178.

Ответ на письмо Толстого от 19 или 20 сентября 1862 г. (письмо 65).

[1]*...ваше счастливое письмо.* — См. письмо 65.

[2] *Катерина Шостак... радуется, что вы сделались ее племянником...* — Жена Толстого, Софья Андреевна, приходилась Е.Н. Шостак двоюродной племянницей.

[3]*...вы мне напишете более подробно...* — Первое письмо после женитьбы было написано Толстым 28 сентября 1862 г. (см. письмо 68), а следующее — вместе с Софьей Андреевной (см. письмо 69).

[4]*...приехать самому с вашей женой...* — Поездка в Петербург в это время не состоялась. См. примеч. 5 к письму 65.

[5]*...ваше венчание было утром.* — «Свадьба была назначена в 8 часов вечера в придворной церкви Рождества Богородицы», — вспоминала сестра С.А. Толстой, Татьяна Андреевна (*Кузминская.* С. 148).

[6] *Воображаю, как они счастливы!* — Отвечая на несохранившееся письмо Л.Н. и С.А. Толстых, Мария Николаевна Толстая писала им и Т.А. Ергольской (после 28 сентября 1862 г.): «Нечего говорить вам, милые друзья мои Лева и милая сестра Соня, какой восторг произвело во мне известие о том отличном *карамболе*, который Левочка выкинул — женившись; прочь теперь *мирихлюндию* и т.п. настроения духа! ⟨...⟩ Ну, тетенька! Вот и ваше душевное желание исполнилось! Левочка женился, и на милой Соне, которую мы с детства знаем, и можем быть уверены, что она составит его счастье, так как и он ее» (*Переписка.* С. 263, 264).

[7]*...обе молоденькие княжны...* — Мария и Евгения Максимилиановны Лейхтенбергские, с которыми Толстой познакомился летом 1857 г. в Швейцарии.

[8] **А все-таки Труба*...* — То есть императорский или великокняжеский двор (см. письмо 1, примеч. 1)

68. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

28 сентября 1862

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5864.А. Л. 1–1об. Впервые: *ПТ.* С. 178–179. В *Юб.*: Т. 60. С. 448.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 21 сентября 1862 г. (письмо 66).

[1] *...говорит с братом...* — Имеется в виду С.Н. Толстой.

[2] *Благодарю вас за последнее письмо.* — Письмо от 23 сентября 1862 г.

[3] *Здоровье тетиньки все нехорошо.* — Т.А. Ергольская заболела от волнений во время и после обыска в Ясной Поляне (см. письмо 62).

[4] *...жаль, что Лиза не будет у нас...* — В письме от 21 сентября 1862 г. А.А. Толстая сообщала, что ее сестра Елизавета Андреевна не поедет в Лубянки и не заедет в Ясную Поляну (см. письмо 66).

69. Л.Н. ТОЛСТОЙ и С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

5 октября 1862

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5866.А. Л. 1–3об. Впервые: *ПТ.* С. 179–181. В *Юб.*: Т. 60. С. 451–453, с ошибочной датой: ⟨8 октября 1862 г.⟩.

Ответ на письма А.А. Толстой к С.А. Толстой от 23 сентября 1862 г. (Дополнения, письмо 1) и Толстому от 23 сентября 1862 г. (письмо 67).

[1] *Ваше милое письмо...* — Письмо А.А. Толстой к Софье Андреевне от 23 сентября 1862 г., в котором она писала: «Дорогая Софи, позвольте мне также и вам сказать, что вы будете желанной гостьей в нашей семье и что мы благодарны вам за счастье Льва. Надеюсь, что и он в свою очередь сделает вас счастливой» (см. Дополнения, письмо 1).

[2] *...буду иметь счастье познакомиться с вами.* — С 23 декабря 1862 г. до начала февраля 1863 г. Толстые были в Москве, но в Петербург не ездили.

[3] *...мама́...* — *Л.А. Берс.*

[4] *...передать мое почтение вашей матушке и двум... моим тетушкам.* — Речь идет о Прасковье Васильевне, Елизавете Андреевне и Софье Андреевне Толстых.

[5] *Мне досадно за это письмо к вам от Сони...* — Очевидно, Толстому не понравился официально-светский тон письма С.А. Толстой.

[6] *...дорогое мне ваше письмо...* — См. письмо 67.

[7] *...«но строк печальных не смываю».* — Из стихотворения А.С. Пушкина «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...», 1828 г.). Толстой любил это стихотворение, читал вслух и целиком процитировал в своих «Воспоминаниях», но в последней строке, писал Толстой, он заменил бы слово «печальных» словом «постыдных» (*Юб.* Т. 34. С. 346).

[8] *Пишите мне...* — А.А. Толстая ответила письмом от 10 ноября 1862 г. (см. письмо 70).

70. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н.ТОЛСТОМУ и С.А. ТОЛСТОЙ

10 ноября 1862

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/3. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.* С. 181–182 и 182–183.

Ответ на письмо Л.Н. Толстого и С.А. Толстой от 5 октября 1862 г. (письмо 69).

[1]*...не поблагодарила вас за ваши письма...* — См. письмо 69.

[2] *Если мы когда-нибудь увидимся...* — Встреча состоялась через 15 лет (см. примеч. 5 к письму 65).

[3] *...Вечного Жида...* — Согласно христианской легенде, Вечный жид (Агасфер) был обречен на вечные скитания за то, что отказал Иисусу Христу в кратком отдыхе во время его пути на Голгофу.

[4]*...с моей молодой княжной...* — А.А. Толстая уезжала с Марией Максимилиановной Лейхтенбергской, старшей дочерью вел. кн. Марии Николаевны.

[5]*...навестить своих дядю и тетку.* — Мария Максимилиановна ехала в Варшаву навестить вел. кн. Константина Николаевича, который в это время был назначен наместником Царства Польского, и его супругу, вел. кн. Александру Иосифовну.

[6]*...я надеюсь получить письмо от Льва...* — После этого письма в переписке наступил перерыв. В мае и июле 1863 г. Толстому писала Александра Андреевна (см. письма 71 и 72); в сентябре — начале октября 1863 г. Толстым было написано письмо, которое он не отправил; письмо неизвестно (см.: *Юб.* Т. 61. С. 379), и только затем — письмо, датированное «между 17 и 31 октября 1863 г.» (см. письмо 73).

1863

71. А.А. ТОЛСТАЯ –Л.Н.ТОЛСТОМУ

1 мая 1863

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/3. Л. 1–4об. Впервые: *ПТ.* С. 184–186 и 186–189.

[1]*...не получила от вас ни строчки.* — Последнее письмо Л.Н. и С.А Толстых к Александре Андреевне было от 5 октября 1862 г. (см. письмо 69).

[2]*Я выдала замуж свою девочку...* — Мария Максимилиановна, герцогиня Лейхтенбергская, внучка Николая I, воспитательницей которой была А.А.Толстая, в 1863 г. вышла замуж за принца Вильгельма Баденского.

[3]*...о своих Магдалинах.* — О заведении для падших женщин («Магдалинское убежище»), основанном в 1853 г. и попечительницей которого была А.А. Толстая, см. письмо 50 и примеч. 10 к нему, а также письмо 76.

[4]*...о той весне, которую мы... провели вместе.* — А.А. Толстая вспоминает весну и лето 1857 г., проведенные вместе с Толстым в Швейцарии.

[5]*...я прочла обе ваши повести, общественное мнение о которых было так разноречиво.* — Речь идет о повестях «Казаки» (*РВ*. 1863. № 1) и «Поликушка» (*РВ*. 1863. № 2), которые вызвали целый ряд критических отзывов в печати. Отрицательная оценка повести «Казаки» была дана в статьях поэта Я. Полонского (Время. 1863. № 3) и критика журнала «Современник» А.Ф. Головачева (1863. № 7); высоко оценили «Казаков» А.А. Фет и И.С. Тургенев (подробно см.: *Гусев. Материалы II*. С. 605—609). Повесть «Поликушка», по мнению биографа Толстого Н.Н. Гусева, «прошла почти не замеченной критикой». Газета «Северная пчела» назвала повесть «прекрасным очерком» (1863. № 247. 19 сент.), а газета «Сын отечества» увидела в повести «ложь, неестественность и клевету на жизнь» (1863. № 90. 15 апр.); совсем не принял повесть А.А. Фет (см.: *Гусев. Материалы II*. С. 609—610). Об отношении Толстого к критическим отзывам на его повести см. в письме к А.А. Фету от 1... 3 мая 1863 г.: *Юб*. Т. 61. С. 16—17.

[6]*Борис* — Б.А. Перовский.

[7]*...когда вы ожидаете нарушения вашего супружеского уединения?* — Намек на скорые роды С.А. Толстой.

[8]*Брат бросил службу в Оренбурге...* — С 1859 по 1863 г. И.А. Толстой был наказным атаманом Оренбургского казачьего войска (см.: *Юб*. Т. 62. С. 468).

[9]*...они заедут... в Ясную Поляну.* — См. письмо 72, примеч. 1.

[10]*Я видаюсь... с...*Ростовцевым*... могла ли я ему что-нибудь сообщить.* — См. письмо 39 и примеч. 12 к нему.

[11]*Ответьте мне на это.* — См. письмо 70. Толстой не ответил на этот вопрос Александры Андреевны (см. письмо 73).

72. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

25 июля 1863

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/3. Л. 1—2об. Впервые: *ПТ*. С. 189—190 и 190—191.

[1]*...с самого приезда Лизы...* — Е.А. Толстая, с матерью и братом, заезжала в Ясную Поляну по дороге в Лубянки в половине мая 1863 г. (см. письмо 71).

[2]*...увидеть... вашего малютку...* — 28 июня 1863 г. у Толстых родился сын Сергей. См. главу в воспоминаниях С.А. Толстой «Рождение первого сына» (*Моя жизнь. НМ*. С. 40—41). Испытанное им состояние Толстой записал в Дневнике 5 августа 1863 г., но «дальше о настоящем мучительном» он писать не смог (*Юб*. Т. 48. С. 55—56).

[3]*...это случится не скоро.* — Толстой приехал в Петербург только в марте 1878 г.

[4]*Слухи о мире...* — Польское восстание 1863 г. и возможность войны с Россией европейской коалиции (Англии и Франции) на стороне поляков широко обсуждалась в европейских и русских общественных кругах и в печати. Но напряженная обстанов-

ка стала спадать к лету 1863 г., когда стало ясно, что ни французское, ни английское правительство не желают начинать войны. «Войны ведь не будет», — писал Тургенев друзьям в письме от 26 июня (8 июля) 1863 г., приглашая их во Францию (см.: *Тургенев. Письма*. Т. V. С. 134).

[5]*...в той же... вилле Бокаж*. — На вилле Бокаж близ Женевы в Швейцарии летом 1857 г. жила вел. кн. Мария Николаевна с семьей и своим двором, к которому принадлежали сестры Толстые — Елизавета Андреевна и Александра Андреевна.

[6]*...я увижу Марусю...* — Мария Максимилиановна Лейхтенбергская.

[7]*...немецкий принц...* — Принц Баденский Вильгельм, с 1863 г. супруг Марии Максимилиановны.

73. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 17 и 31 октября 1863

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5867.А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ*. С. 191–193, с датой: ⟨Осень 1863 г.⟩. Дата уточнена: *Юб*. Т. 61. С. 23–25.

[1]*...письмо к вам, но я его не пошлю*. — Письмо не сохранилось (см.: *Юб*. Т. 61. С. 379). О содержании этого письма и своем отношении к А.А. Толстой С.А. Толстая писала в дневнике 17 октября 1863 г. (*ДСТ 1*. С. 62–63; 528).

[2]*Работа эта — роман из времени 1810 и 20-х годов...* — Речь идет о замысле произведения, которое в 1867 г. получило заглавие «Война и мир». В наброске предисловия к журнальной публикации первой части будущего романа Толстой писал, что, когда он начал повесть о декабристе, ему необходимо было, чтобы понять своего героя, «перенестись к его молодости», т.е. в эпоху 1812 года. Однако Толстой еще раз отодвинул начало, «возвратившись к 1805 году» (*Юб*. Т. 13. С. 54–55). Э.Е. Зайденшнур во вступительной статье к публикации первой завершенной редакции романа «Война и мир» (*ЛН*. Т. 94. С. 10) выделяет три периода в создании этого произведения: «1) поиски начала (февраль 1863 — первые месяцы 1864 г.); 2) создание первой полной редакции (1864 — начало 1867 г.); 3) путь от ранней редакции к завершенному тексту (1867 — декабрь 1869 г.)». Основные моменты истории создания романа освещены также: *Гусев. Материалы II*. С. 693–812.

[3]*...о том учителе, к⟨отор⟩ый был во мне и которого уже не будет*. — Осенью 1862 г. Толстой не возобновил занятий в яснополянской школе, а осенью 1863 г. она закрылась. В марте 1863 г. Толстой сообщал сестре Марии Николаевне: «Журнал свой кончил» (*Юб*. Т. 61. С. 7). Педагогический журнал «Ясная Поляна» просуществовал один год.

[4]*...вы хотели написать мне роман*. — Вероятно, речь идет о желании А.А. Толстой рассказать о своей жизни. 13 февраля 1862 г. она сообщала: «я (*мысленно*) столько раз писала вам ⟨...⟩ часто это были воззвания сердца ⟨...⟩ но для выражения недоставало времени, и ⟨...⟩ вы потеряли тома интимных бесед. Поразительно, сколько всего мне нужно вам рассказать...» (письмо 57). См. письмо 25.

[5]*...мы поедем на две недели в Москву.* — Толстой с семьей выехал в Москву в начале декабря 1863 г., 15 декабря они вернулись в Ясную Поляну. В Москве Толстой работал в библиотеках, изучая материалы для начатого романа «Война и мир».

[6]*...на будущую зиму поедем жить... в город.* — Этот план не осуществился. Вплоть до осени 1881 г. Толстые приезжали в Москву на непродолжительное время и на всю зиму не оставались.

[7] *Соня... сбиралась вам писать.* — Софья Андреевна относилась к А.А. Толстой с уважением и любовью, но временами испытывала к ней острое чувство ревности, как это случилось в 1869 г., когда она писала мужу: «Получила письмо к тебе от Alexandrine из Ливадии, писанное в день твоего рождения ⟨письмо не сохранилось⟩. Она тебе много нежностей пишет, и мне досадно... и я подумала, что, может быть, лучше бы было, если бы ты на ней женился во время оно, вы бы лучше понимали друг друга» (*ПСТ*.. С. 85). Переписка С.А. Толстой с Александрой Андреевной за 1860-е годы, за исключением писем 1862 г., неизвестна.

1864

74. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

5 (17) марта 1864

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/3. Л. 1—3об. Впервые: *ПТ*. С. 193—195 и 195—197.

[1]*...недовольна и вашим вторым письмом.* — Очевидно, это несохранившееся письмо, написанное Толстым в январе—феврале 1864 г. (см.: *Юб*. Т. 61. С. 379).

[2]*...ваше первое послание...* — См. письмо 73.

[3]*...при свидании...* — Встреча Толстого с Александрой Андреевной состоялась только в марте 1878 г. См. письма 139 и 140.

[4]*...я не могу исполнить... просьбы относительно мемуаров и писем, написанных... в 12 году.* — Во время работы над романом «Война и мир» необходимые материалы из истории войны 1812 г. Толстой получал от библиографа М.Н. Лонгинова (см.: *Юб*. Т.. 61. С. 40, 42—43), от редактора журнала «Русский архив» П.И. Бартенева (*Там же*. С. 61) и др. К окончанию романа у Толстого составился порядочный список книг о войне 1812 г. (см.: *Юб*. Т. 16. С. 141—145).

[5]*...ожидаю вашей повести...* — Вероятно, речь идет о романе, озаглавленном в журнальном варианте «Тысяча восемьсот пятый год». Часть первая была опубликована в *РВ*, № 1 (гл. I—XXVIII) и № 2 (гл. XXIX—XXXVIII) за 1865 г. Вторая часть была закончена лишь осенью того же года (см. письмо Толстого к М.Н. Каткову от 3 января 1865 г.: *Юб*. Т. 61. С. 66—67).

[6]*...должна... появиться новая вещь Тургенева...* — Речь идет о повести И.С. Тургенева «Довольно (Отрывок из записок умершего художника)». Впервые была напечатана в «Сочинениях И.С. Тургенева (1844—1864)», т. V, изд. бр. Са-

лаевых, 1865. Еще раньше, в феврале 1864 г., об этой повести Толстому сообщила Е.А. Берс (см.: *Юб.* Т. 61. С. 37). «Тургенева “Довольно” я прочел, — писал Толстой брату Сергею Николаевичу в сентябре 1865 г., — и очень не одобрил и уверен, что тебе очень понравится» (*Юб.* Т. 61. С. 106). О своем отрицательном отношении к повести Тургенева Толстой писал и А.А. Фету (*Там же.* С. 109), но в дальнейшем совершенно изменил свое мнение. В письме к С.А. Толстой от 30 сентября 1883 г. он писал: «Сейчас читал Тургеневское “Довольно”. Прочти, что за прелесть» (*Юб.* Т. 83. С. 397).

[7]*...переслать...ваши корректурные листы?* — Корректурой романа «Тысяча восемьсот пятый год» Толстой занимался в конце января 1865 г.

[8]*...я ... говорила о вас с князем Друцким, мужем... экс-Закревской, экс-Нессельроде.* — Князь Д.В. Друцкий-Соколинский был женат на дочери московского генерал-губернатора гр. А.А. Закревского, которая была замужем за гр. Д.К. Нессельроде, не жила с ним, но не была разведена. А.А. Закревский выдал письменное разрешение на вторичное венчание своей замужней дочери. Дело это получило скандальную огласку (А.В. Никитенко писал, что Закревский «сделал вещь невероятную по своей наглости и презрению всех законов». — *Никитенко А.В.* Дневник. М.; Л., 1955. Т. 2. С. 84). А.А. Закревский был уволен со своей должности. Далее А.А. Толстая имеет в виду ложное положение Д.В. Друцкого-Соколинского и его жены.

[9] *Я узнала несколько достоверных подробностей из его интимной жизни — они очень некрасивы.* — М.А. Бакунин с женой приехали в Италию в январе 1864 г. и поселились во Флоренции, где прожили два года. В этот период Бакунин устраивал приемы, на которых часто бывали люди случайные, малоизвестные ему самому. Один из участников этих приемов называл посетителей Бакуниных «разношерстным сбродом». А.К. Бакунина пользовалась полной свободой в выборе своих близких друзей. Подробнее см.: *Пирумова Н.М.* Бакунин. М., 1970. С. 221–222, 227.

[10] *Пишите мне...* — Ответное письмо Толстого было написано только в январе 1865 г. (см. письмо 75).

1865

75. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 18 и 23 января 1865

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5868.А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.* С. 198–199, с датой: ⟨Январь 1865 г.⟩. Дата уточнена: *Юб.* Т. 61. С. 69–71.

[1]*...не переписывались с вами...* — Последнее из сохранившихся писем Толстого за 1863 г. относится к октябрю (см. письмо 73). За 1864 г. известно только одно письмо А.А. Толстой (от 5 (17) марта) — ее ответ на несохранившееся письмо Толстого (см. письмо 74 и примеч. 1 к нему).

[2]*...вы сказали... Исленьеву, что я писал вам, будто я перестал вас любить.* — Может быть, Александра Андреевна передала А.М. Исленьеву (деду С.А. Толстой) фразу Толстого из письма к ней: «Вас я люблю меньше, чем прежде, но все-таки достаточно для того, чтобы вы не оставляли меня» (письмо 73).

[3]*...как в старину в Швейцарии...* — Толстой вспоминает весну и лето 1857 г., проведенные вместе с А.А. Толстой в Швейцарии.

[4]*...от Строганова...* — Граф Г.А. Строганов состоял в морганатическом браке с дочерью Николая I вел. кн. Марией Николаевной (см. о нем: *Юб.* Т. 47. С. 231).

[5]*Кетерер* — владелец пансиона в Кларане (Швейцария), где жил Толстой летом 1857 г.

[6]*...я как-то раз вам писал, что люди ошибаются, ожидая... счастия...* — См. письмо 10.

[7]*На днях выйдет 1-я половина 1-й части романа «1805».* — В январе 1865 г. в № 1 *РВ* были напечатаны первые 28 глав первой части романа «Тысяча восемьсот пятый год», главы XXIX–XXXVIII первой части вышли из печати в марте 1865 г. (*РВ.* № 2). Отзыв А.А. Толстой содержится в ее письме от 18 июля 1865 г. (см. письмо 79).

[8]*... сестра с своими двумя девочками...* — Две дочери М.Н. Толстой — Варвара Валерьяновна и Елизавета Валерьяновна.

[9]*...а девочки (к⟨отор⟩ых кормить, как мужик сказал, за окно деньги кидать)...* — Толстой вспоминает народный рассказ о беседе мужика с Петром I. Ср. рассказ «Петр I-й и мужик», в котором мужик на вопрос царя: «Куда-ж ты деньги кладешь?», отвечает: «...долг плачу — отца-мать кормлю; в долг даю — сыновей кормлю; а в воду мечу — дочерей рощу» (см.: «Азбука». — *Юб.* Т. 22. С. 239).

[10]*мою... Таничку.* — Толстой имеет в виду дочь Татьяну, родившуюся 4 октября 1864 г.

[11]*Их дневники...* — Дневники, по совету Толстого, вели обе его племянницы, но ему особенно понравилось писание Вари. Дневник В.В. Толстой за 1864–1875 гг. содержит интересные и малоизвестные подробности о яснополянской жизни тех лет (хранится в *ОР ГМТ;* отрывки опубл.: Октябрь. 1978. № 8. С.217–218).

[12]*Что ваше дело Магдалин?*— См. письмо 50 и примеч. 10 к нему и письмо 71 и примеч. 3 к нему, а также ответное письмо А.А. Толстой (письмо 76).

[13]*...о смерти Валерьяна...* — В.П. Толстой скончался 6 января 1865 г. 23 января 1865 г., приглашая А.А. Фета в Ясную Поляну, Толстой писал: «А глядишь, умрет кто-нибудь из нас, вот как умер на днях Вал⟨ерьян⟩ Петр⟨ович⟩ ⟨...⟩ тогда и скажете: что это я, дурак, всё об мельнице хлопотал, а к Толстому не заехал. Мы бы с ним поговорили. Право, это всё не шутка» (*Юб.* Т. 61. С. 72).

76. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

29 января 1865

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/3. Л. 1—3об. Впервые: *ПТ*. С. 199—202, с датой: ⟨Январь 1865 г.⟩. Дата уточнена: *Юб*. Т. 61. С. 69—71.

Ответ на письмо Толстого между 18 и 23 января 1865 г. (письмо 75).

[1] *...получить от вас не вызванное письмо!* — См. письмо 75.

[2] *Я... к вам...все та же, как была в Женеве...* — Александра Андреевна вспоминает лето 1857 г., проведенное в Швейцарии вместе с Толстым.

[3] *...у вас родилась дочь...* — Татьяна Львовна Толстая (см. примеч. 10 к письму 75).

[4] *...вы... страдали от повреждения руки.* — 26 сентября 1864 г. при падении с лошади Толстой вывихнул правую руку. Тульские врачи два раза вправляли руку, но рука срослась неправильно, и поэтому оказалась необходимой операция. Она была сделана московскими хирургами 28 ноября 1864 г. (см. письмо Толстого к С.А. Толстой, продиктованное Т.А. Берс: *Юб*. Т. 83. С. 62—65).

[5] *...увидать вас хоть на минуту.* — Последнее к этому времени свидание Толстого с Александрой Андреевной состоялось в апреле 1861 г. в Петербурге, сразу же после возвращения Толстого из-за границы.

[6] *Надеюсь... полюбить ваше литературное дитя...* — См. примеч. 7 к письму 75.

[7] *Мои питомицы сильно занимают мое сердце...* — См. письмо 75.

[8] *...понимаю... что вы говорите относительно вашего зятя...* — В письме, написанном между 18 и 23 января 1865 г. (см. письмо 75), Толстой сообщал о смерти В.П. Толстого и писал, что смерть тяжела особенно тем, что уже ничего нельзя поправить в отношении к умершему.

[9] *...я говорила о вас Ис⟨леньеву⟩.* — См. письмо 75 и примеч. 2 к нему.

[10] *Адрес моего брата: В Моховой, в доме графа Ламсдорф.* — По этому адресу у И.А. Толстого Толстой побывал в марте 1878 г., когда приезжал в Петербург (см.: *Кузьмина Л.И.* Лев Толстой в Петербурге. Л., 1986. С. 156—157).

77. Л.Н. ТОЛСТОЙ — А.А. ТОЛСТОЙ

13 или 14 апреля 1865. Неотправленное

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 7238.А. Л. 1—1об. Впервые: *Юб*. Т. 61. С. 79—80, с датой: ⟨12 апреля 1865 г.⟩.

Датируется по содержанию: известие о смерти наследника Николая Александровича могло дойти до Толстого только 13 или 14 апреля 1865 г.

Неотправленный ответ на письмо А.А. Толстой от 29 января 1865 г. (письмо 76).

[1] *Как ни долго оставил я ваше... письмо без ответа, я все-таки отвечаю.* — Письмо от 29 января 1865 г. (см. письмо 76).

[2] *Мне ... интересно... знать ваше мнение о начале моего романа...* — См. письмо 75 и примеч. 7 к нему.

[3] *...грудной Таней.* — Тане Толстой в это время было шесть месяцев.

[4] *...задумали... поездку заграницу в конце мая.* — 10 апреля 1865 г. Толстой записал в Дневнике: «Мы решились ехать за границу» (*Юб.* Т. 48. С. 62), но поездка не состоялась (см. письмо 78).

[5] *...Наследник умер.* — Старший сын Александра II, Николай Александрович, скончался 12 апреля 1865 г.

78. Л.Н. ТОЛСТОЙ — А.А. ТОЛСТОЙ

5 июля 1865

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5869.А. Л. 1—2об. Впервые: *ПТ.* С. 202—204. В *Юб.:* Т. 61. С. 92—94.

Ответ на письмо А.А. Толстой 29 января 1865 г. (письмо 76).

[1] *Я узнал от Арсеньевой, что вы в Петербурге...* — Имение Арсеньевых, Судаково, находилось в 7 верстах от Ясной Поляны по дороге из Тулы, и Толстой мог туда заезжать. С кем из Арсеньевых он встречался, установить не удалось. Сведения о А.А. Толстой могли стать известны Толстому от Лидии Николаевны Арсеньевой (рожд. Андреевой), жены Николая Владимировича Арсеньева, тульского чиновника (см.: *Юб.* Т. 47. С. 341). Сестры Н.В. Арсеньева были уже замужем и носили другие фамилии.

[2] *...ежели я дослужусь до биографии...* — 6 марта 1910 г. М.А. Стахович привез в Ясную Поляну машинописный экземпляр писем Л.Н. Толстого к А.А. Толстой. Чтение писем вслух продолжалось несколько дней. 12 марта Толстой сказал: «...эти письма мне биографически очень интересны, потому что высказывают задушевные вещи», 14 марта Толстой заметил: «Эти биографические данные — самые замечательные. Это один из самых лучших материалов для биографии». — *ЯЗ IV.* С. 192, 197, 199.

[3] *...известие о смерти Наследника...* — См. письмо 77.

[4] *Я знаю, что вы чувствуете с ними вместе...* — Смерть наследника, Николая Александровича, была «ужасным событием» для всей царской фамилии и для самой Александры Андреевны (*ДАТ.* Запись 31 декабря 1865 г.).

[5] *Мы имели намеренье ехать на лето за границу.* — В неотправленном письме от 13 или 14 апреля 1865 г. Толстой сообщал, что они «задумали большую поездку в конце мая» (см. письмо 77 и примеч. 4 к нему).

[6] *...уехали... в село Никольское Чернского уезда.* — 26 июня Толстые с Т.А. Берс выехали в Никольское-Вяземское, имение Толстых, находившееся в 100 км от Ясной Поляны. В Ясную Поляну они вернулись только 12 октября. Отъезд из Ясной По-

ляны был связан с тяжелым заболеванием Т.А. Берс после разрыва с С.Н. Толстым (см.: *Кузминская*. С. 370–385).

[7]*...ждал от вас ответа на мое большое письмо, напечатанное в «Русском вестнике»*. — Подразумевается роман «Тысяча восемьсот пятый год», первая часть которого была опубликована в первых двух номерах *РВ* за 1865 г. Толстой считал, что «напечатанное сочинение есть письмо ко всем друзьям» (см. письмо 77).

[8]*А мне... хочется получить на него ответ именно от вас*. — Свою оценку романа А.А. Толстая дала в письме от 18 июля 1865 г. (см. письмо 79).

[9]*...вы всей душой отдались этому делу*. — См. письмо 75 и примеч. 12 к нему, а также письмо 76.

[10]*Напишите мне...* — В письме от 18 июля 1865 г. (см. письмо 79) А.А. Толстая писала, что ее попечительская деятельность встречает много препятствий, о чем она хотела бы лично рассказать Толстому.

[11]*...благодарить вас еще за... последнее письмо... и вашего брата*. — В письме от 29 января 1865 г. (см. письмо 76) Александра Андреевна, приглашая Толстого приехать в Петербург, передавала предложение своего брата, Ильи Андреевича, остановиться у него, даже если Толстой приедет с женой и детьми.

[12]*...назад два года вышел мальчик, к ⟨отор⟩ому... у меня растет... гордое чувство любви*. — Сергей Львович Толстой родился 28 июня 1863 г. П.В. и Е.А. Толстые заезжали в Ясную Поляну в середине мая 1863 г. по дороге в Лубянки (см. письмо 72). В Дневнике Толстой записал 7 марта 1865 г.: «Я его начинаю очень любить. Совсем новое чувство» (*Юб*. Т. 48. С. 59).

[13]*Девочка наша хороша...* — Татьяна Львовна Толстая (см. примеч. 10 к письму 75).

[14]*...я бы наконец исполнил мое давнишнее желание съездить к ним*. — Родные А.А. Толстой часто гостили в Орловском имении ее тетки, Е.В. Вадбольской. Эта поездка Толстого не состоялась.

[15]*...с весны я был нездоров...*— С.А. Толстая писала в дневнике 1 апреля 1865 г.: «...Левочка все жалуется на странное состояние здоровья, приливы крови, дурное пищеварение, шум в ухе» (*ДСТ 1*. С. 73).

[16]*...у нас было семейное горе...*— О драматических событиях в семье Толстых и Берсов, связанных с романом Татьяны Андреевны Берс с С.Н. Толстым, см.: *Кузминская*. С. 239–244, 252–262, 365–384; *ДСТ*. 1. С. 74–75, 530; *Переписка*. С. 291–301.

[17]*Пишите в Чернь*. — Чернь, уездный город Тульской губ., в 80 км от Ясной Поляны. Александра Андреевна ответила 18 июля 1865 г. (письмо 79).

79. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н.ТОЛСТОМУ

18 июля 1865

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/3. Л. 1–4об. Впервые: *ПТ*. С. 204–207.

Ответ на письмо Толстого от 5 июля 1865 г. (письмо 78).

[1]*...эти письма до меня не доходили.* — См. письма 77 и 78.

[2]*...Софи... подарит вас мне хоть на недельку.* — В письме от 14 сентября (см. письмо 80) Толстой сообщал Александре Андреевне, что надеется повидаться с ней зимой в Петербурге.

[3]*...вы мне очень нравитесь в виде яблони.* — Об этом Толстой писал Александре Андреевне в письме от 5 июля 1865 г. (см. письмо 78).

[4] *Мне кажется... что я писала к вам после чтения «1805-го года».* — В письме от 29 января 1865 г. А.А. Толстая писала: «Надеюсь тоже полюбить ваше литературное дитя, которое ожидаю с нетерпением» (см. письмо 76). Другие письма Александры Андреевны за период с января по июль 1865 г. неизвестны.

[5]*...ваша ссора с Катковым, который лишает нас того, что было почти в руках.* — Толстой опроверг этот слух — см. письмо 81 и примеч. 6 к нему.

[6]*...скажите, что продолжение появится в другом журнале. Но когда?* — Вторая часть романа «Тысяча восемьсот пятый год» печаталась в том же журнале «Русский вестник», № 2, 3 и 4 за 1866 г.

[7]*...с меньшой сестрой...* — с Софьей Андреевной, младшей сестрой А.А. Толстой.

[8] *Мы же с сестрой...* — с Елизаветой Андреевной, старшей сестрой А.А. Толстой.

[9] *В⟨еликая⟩ княг⟨иня⟩...* — Мария Николаевна, дочь Николая I.

[10]*... у Марии Мак⟨симилиановны⟩ родился первый ребенок — дочь.* — Дочь Марии Максимилиановны, София-Мария, родилась 14(26) июля 1865 г.

[11] *Смерть Наследника...* — См. примеч. 5 к письму 77.

[12]*...после родных всех больше... страдает... бедный Борис.* — Б.А. Перовский в 1860-е годы состоял воспитателем младших сыновей Александра II — Александра и Владимира.

[13]*Думаю не рассказывать вам... о моих маленьких Магдалинах...* —Толстой спрашивал Александру Андреевну об этом в письме от 5 июля 1865 г. (см. письмо 78).

[14]*...ваша дочь отомстит... за ваше... равнодушие к ней теперь.* — Лев Николаевич, по свидетельству С.А. Толстой, оставался равнодушен к своим маленьким детям, но вскоре это сменилось большим отцовским чувством любви; такое же глубокое чувство любви и привязанности испытывал он на протяжении всей своей жизни и к старшей дочери Татьяне.

[15]*...Николай умер...* — Николай Федорович Барыков, двоюродный брат А.А. Толстой.

[16]*...остался один Евгений...* — Евгений Федорович Барыков.

[17] *Сестра шлет вам и Софи... поклон. Она счастливее меня — она ее знает.* — См. письмо 72.

80. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

14 сентября 1865

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5870.А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.* С. 208–209, с купюрой («Вот в чем дело ~ Чтобы, неосторожно поступив...»). Полный текст: *Юб.* Т. 61. С. 103–105.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 18 июля 1865 г. (письмо 79).

[1] *Я вам писал, что Валерьан Толстой умер.*— См. письмо 75 и примеч. 13 к нему.

[2] *... он имел связь с... мещанкой... и оставил свое именье детям...* — Большую часть своего наследства В.П. Толстой оставил мещанке Елене Гольцевой, от которой имел двух дочерей и сына (см.: *ПСТ.* С. 56).

[3] *Я посоветовал ей обратиться к Перфильеву.* — С.В. Перфильев, жандармский генерал, отец приятеля Толстого, В.С. Перфильева (см. о нем: *Юб.* Т. 59. С. 35).

[4] *...обратиться письмом к... Н.А. Долгорукову.* — У Толстого ошибка: имеется в виду Василий Андреевич Долгоруков, шеф жандармов и главный начальник III Отделения в 1856–1865 гг.

[5] *...Валериан... за два дня до своей смерти выдал этой женщине, на имя 3-го лица, заемное письмо в 18000.* — Три заемных письма общей стоимостью на сумму 18000 р. были выданы В.П. Толстым в январе 1865 г. его душеприказчику Н.В. Лихареву (см. письмо Толстого к нему от 20 мая 1865 г.: *Юб.* Т. 61. С. 83–85).

[6] *...должно ли... писать... Долгорукому?* — Очевидно, на все эти вопросы А.А. Толстая ответила в несохранившемся письме, на которое Толстой отвечал 14 ноября 1865 г. (см. письмо 81).

[7] *...доволен... судьбой — женой, детьми (когда-то я покажу вам их?)...* — Знакомство состоялось в феврале 1882 г. во время десятидневного пребывания А.А. Толстой в Москве.

[8] *...мне кажется, что вам... не понравилось мое последнее писанье.* — См. письмо 79 (от 18 июля 1865 г.) с отзывом А.А. Толстой о романе «Тысяча восемьсот пятый год».

[9] *...напишите мне откровенно.* — Ответ А.А. Толстой на эту просьбу неизвестен.

[10] *...надеюсь с вами увидеться... в Петербурге.* — Поездка не состоялась (см. письма 81 и 86).

81. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

14 ноября 1865

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5871. А. Л. 1–4об. Впервые: *ПТ.* С. 209–212. В *Юб.*: Т. 61. С. 114–117.

[1] *...благодарю... за ваше последнее письмо... — Это* письмо А.А. Толстой неизвестно.

[2]*...ваше письмо и брульон письма Долгорукому к Машиньке.* — Из текста письма можно понять, что к М.Н. Толстой было послано несохранившееся письмо Александры Андреевны к Толстому, а также несохранившийся черновик письма Толстого к В.А. Долгорукову. *Брульон* — черновик (от фр. brouillon).

[3]*...дело может быть выиграно.* — «Дело» было выиграно, но нескоро (подробнее см.: *Юб.* Т. 61. С. 117). Об отрицательной роли В.А. Долгорукова в этих хлопотах Толстой сообщал Александре Андреевне в декабрьском письме (см. письмо 84).

[4]*...послушаю вас... утром в вашем верху...* — С 1846 по 1866 г. А.А. Толстая жила в верхнем этаже (86 ступенек) Мариинского дворца, построенного в 1839—1844 гг. Николаем I для дочери, вел. кн. Марии Николаевны.

[5]*...Сережу учу говорить Таня...* — Речь идет о двухлетнем Сергее и годовалой Татьяне — детях Толстых.

[6]*...вы говорите, что я поссорился с Катковым.* — В письме от 18 июля 1865 г. (см. письмо 79) А.А. Толстая с огорчением писала о ссоре Толстого с редактором «Русского вестника» М.Н. Катковым. Хотя Толстой опровергает этот факт, из дальнейшего содержания его письма видно, что подобный слух мог возникнуть из-за того, что Толстой и Катков стояли на совершенно различных позициях в оценке польского восстания 1863 г.: первый стремился быть нейтральным, второй был настроен против Польши и призывал к расправе над польскими повстанцами (см.: *Тургенев. Письма.* Т. V. С. 135, 575—576).

[7]*...не обвиняю Муравьевых и Черкасских...* — М.Н. Муравьев, виленский генерал-губернатор, за жестокость в подавлении польского восстания 1863—1864 гг. прозванный «вешателем» (см. о нем: *Юб.* Т. 61. С. 117). В.А. Черкасский, политический и общественный деятель, участник подготовки крестьянской реформы 1861 г., в 1864—1866 гг. служил на положении министра в Царстве Польском; знакомый Толстого (см. о нем: *Юб.* Т. 47. С. 403).

[8]*...мне... все равно, кто бы ни душил поляков...* — В дальнейшем отношение Толстого к польскому вопросу резко изменилось. В дневнике Н.Н. Гусева 1 июля 1908 г. записаны слова Толстого о его отношении к полякам: «На днях Лев Николаевич сказал: Во мне с детства развивали ненависть к полякам, и теперь я отношусь к ним с особенною нежностью, отплачиваю за прежнюю ненависть» (*Гусев.* С. 180). В повести 1906 г. «За что?», включенной в «Круг чтения» (*Юб.* Т. 42. С. 84—106), Толстой поведал трагическую историю ссыльного поляка Мигурского и его жены Альбины. Все симпатии писателя на стороне поляков, он осудил политику русского правительства.

[9]*...кто бы... ни взял Шлезвиг-Голшт⟨ейн⟩...* — Датско-прусская война велась в 1864 г. за обладание герцогствами Шлезвиг и Гольштей, которые находились в личной унии с Данией. По итогам войны герцогства были объявлены совместными владениями Пруссии и Австрии. Эта война явилась важной вехой на пути объединения Германии и широко обсуждалась в русской прессе.

[10]*...лет через пять — издам все отдельным сочинением.* — Толстой несколько изменил свое решение. В 1866 г. часть вторая романа «Тысяча восемьсот пятый

год» («Война», гл. I–XXIV) печаталась в *РВ*, № 2–4. На этом печатание романа в журнале прекратилось. В том же 1865 г. был издан отдельный оттиск той части, которая печаталась в 1865 г. в журнале, а в 1866 г. вышло отдельное издание (тоже оттиск) первой и второй части романа, печатавшихся в *РВ* в 1865 и 1866 гг. (см. письмо Толстого к М.С. Башилову от 28 июня 1866 г.: *Юб*. Т. 61. С. 144). Третья часть романа фактически была закончена только в январе 1867 г. (см. письмо Толстого к П.И. Бартеневу от 1 ноября 1867 г.: *Там же*. С. 180).

[11] *Я написал... комедию (к⟨отор⟩ую не напечатал)...* — Комедия «Зараженное семейство» писалась зимой 1863–1864 г. В январе 1864 г. Толстой вел переговоры о постановке пьесы на сцене Малого театра, в этих хлопотах ему помогал В.А. Соллогуб. Комедия поставлена не была и при жизни Толстого не печаталась (см.: *Юб*. Т. 7. С. 181–294). А.Н. Островский в письме к Н.А. Некрасову от 7 марта 1864 г. сообщал: «...утащил меня к себе Л.Н. Толстой и прочел мне свою новую комедию; это такое безобразие, что у меня положительно завяли уши от его чтения» (*Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1979. Т. 11. С. 179).

[12] *...собираюсь... открыть новую школу...* — Только в 1872 г. Толстой снова начал заниматься с крестьянскими детьми. Приходило к нему человек 35. Занятия, кроме него, вели С.А. Толстая и старшие дети. См. об этом: *Толстой С.Л.* С. 35; *Моя жизнь. НМ*. С. 48–49. В том же 1872 г. Толстой начал составлять «Азбуку».

[13] *Мы хотели ехать в Москву до праздников...* — Толстые приехали в Москву 24 января 1866 г. (см. письмо 86).

[14] *...на несколько дней приедем в П⟨етер⟩б⟨у⟩рг...* — Этот план не был осуществлен. Толстые в Петербург не ездили.

[15] *...имеет в душе чувство, к⟨отор⟩ое Ларошфуко заметил бы только...* — Толстой высоко ценил сборник афоризмов «Размышления и максимы» Ларошфуко. Значительно позднее он стал одним из составителей книги «Избранные мысли Лабрюйера, с прибавлением избранных афоризмов и максим Ларошфуко, Вовенарга и Монтескье» (пер. с фр. Г.А. Русанова и Л.Н. Толстого; предисл. Л.Н. Толстого. М.: «Посредник». 1908). «Предисловие» Толстого см.: *Юб*. Т. 40. С. 217–218.

[16] *Всё у вас ли страшный швейцар...* — Очевидно, имеется в виду швейцар в Мариинском дворце, где жила А.А. Толстая (см. письмо 82).

[17] *Где Алексей Толстой?* — А.К. Толстой, поэт, драматург, троюродный брат Толстого. Они познакомились 12 декабря 1856 г. в Петербурге. (*Гусев. Летопись I*. С. 133; *Юб*. Т. 47. С. 338). Вопрос вызван, очевидно, слухами о болезни Алексея Константиновича. Летом 1865 г. он лечился в Карлсбаде, пребывание в котором перемежалось поездками в Петербург, Лондон, Париж, Рим и в Красный Рог.

82. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

23 ноября 1865

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/3. Л. 1–4об. Впервые: *ПТ*. С. 212–214.

В автографе, на л. 4об., запись для памяти рукой Толстого: «Погоны на парники. О соломе — как решили? Свидетельство — на шоссе. Оброк. — Как звать Плещеева? Ящик Тане».

Ответ на письмо Толстого от 14 ноября 1865 г. (письмо 81).

[1] *...благодарю... за... полное сумбура письмо*. — См. письмо 81.

[2] *Анна Тютчева выходит замуж за Аксакова...* — А.Ф. Тютчева, старшая дочь поэта Ф.И. Тютчева, фрейлина жены Александра II, Марии Александровны. С 1853 по 1866 г. воспитывала ее младших детей, была гувернанткой при младшей дочери царской семьи, Марии Александровны, и двух младших сыновьях, Сергее и Павле. Ее 13-летняя служба закончилась в январе 1866 г., когда она вышла замуж за поэта и публициста И.С. Аксакова. Толстой познакомился с ним, очевидно, 7 мая 1856 г. в Петербурге (см.: *Юб*. Т. 47. С. 69, 313; *Аксаков И.С*. Письма к родным. 1849–1856. М., 1994. С. 425, 617. Сер. «Лит. памятники»). А.Ф. Тютчева — автор мемуаров «При дворе двух императоров» (первое изд. 1928–1929 гг. вышло в изд. М. и С. Сабашниковых).

[3] *... я — поступаю на ее место...* — А.А. Толстая стала воспитательницей 12-летней дочери Александра II, Марии Александровны, по выбору самой императрицы. В своем дневнике Толстая подробно описывает весь ритуал ее вхождения в новую должность и переезд из Мариинского в Зимний дворец, в котором она прожила с 9 января 1866 г. до конца своей жизни (см.: *ДАТ*. Записи 31 декабря 1865 г. и 7 января 1866 г.).

[4] *Приезжайте непременно...* — Ни Толстой, ни Софья Андреевна не смогли воспользоваться приглашением А.А. Толстой.

[5] *Напишите мне одобрительное слово — оно мне нужно*.— См. письмо 83.

[6] *... враждебное чувство... никто... лучше не поймет, как я сама*. — См. письмо 81.

[7] *Все мои, исключая Лизы, в Петербурге...* — Речь идет о матери А.А. Толстой, Прасковье Васильевне, и ее сестрах — Софье Андреевне и Елизавете Андреевне.

[8] *...встретиться на новом terrain...* — Имеется в виду Зимний дворец.

[9] *Ежели... я вам понадоблюсь, предупредите меня*. — См. письма 80, 84 и 85.

83. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

26 или 27 ноября 1865

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5872.А. Л. 1–4об. Впервые: *ПТ*. С. 214–218, с датой: ⟨Конец ноября 1865 г.⟩. Дата уточнена: *Юб*. Т. 61. С. 120–123.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 23 ноября 1865 г. (письмо 82).

[1]...*видел М. Лонгинова...* — М.Н. Лонгинов, библиограф, в 1840—1850-х годах был близок к кругу «Современника». В 1856 г. между ним и Толстым возник конфликт. Н.А. Некрасов в письме к Лонгинову от 20 марта 1856 г. рассказывал, что во время игры в карты принесли пакет от Лонгинова на имя И.И. Панаева. «Так как он в то же время был адресован в редакцию "Современника" и по форме своей заключал статью, — то я распечатал его. Мне нужно было сдавать и потому я, бросив записку на стол, сказал Толстому: Читай вслух 〈...〉 Толстой прочел тут несколько слов о самом себе» (*Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1981—2000. Т. 14, кн. 2. С. 10; 190—191). Лонгинов в этой записке в некорректной для Толстого форме отозвался о его «относительно недостаточном свободомыслии». 21 марта 1856 г. Толстой в Дневнике записал: «Третьего дня нечаянно прочел письмо Лонгинова и послал ему вызов» (*Юб.* Т. 47. С. 68; письмо Толстого неизвестно). Некрасов убедил Толстого взять вызов обратно, так как в сложившейся ситуации Толстой вынужден будет стреляться и с ним. Возвращаясь к «истории с Лонгиновым» в письме к Некрасову от 2 июля 1856 г. Толстой сознавался, что «убедился, до какой степени 〈...〉 глупо и нехорошо поступил во всем этом деле. И теперь от души прошу у вас извинения и то же сделаю с Лонгиновым, как только его увижу» (*Юб.* Т. 60. С. 75—76). Позднее Толстой рассказывал об этом эпизоде П.А. Сергеенко. См.: *Сергеенко П.* Л.Н. Толстой и его современники // Л.Н. Толстой. Биография, характеристика, воспоминания. (Жизнь. Личность. Творчество): Сб. статей. М., 1910. С. 135—136.

[2]...*сказал мне о замужестве Тютчевой и вашем назначении.*— См. письмо 82 и примеч. 2 и 3 к нему.

[3]...*от них родится... тропарь или Кондак...* — Тропарь, кондак — виды церковных песнопений. Намек на приверженность славянофила И.С. Аксакова к православию.

[4] *Прежде венчания они должны... надеть мурмолку...* — Мурмолка — старинная русская шапка с меховыми отворотами, ее носили преимущественно бояре. Толстой иронизирует по поводу пристрастия Аксакова к допетровской боярской Руси.

[5]...*он пришел ко мне...* — Толстой виделся с И.С. Аксаковым в декабре 1864 г. в Москве, на квартире А.Е. Берса в Кремле.

[6]...*с моими belles sœurs.* — То есть с Татьяной и Елизаветой Берс.

[7]*Он жаловался на сознание... пустоты своего газетного труда.* — С 1861 по 1865 г. И.С. Аксаков издавал славянофильскую газету «День»; газета преследовалась властями по цензурным соображениям; ее неоднократно закрывали. В письме 15 июня 1861 г. Аксаков приглашал Толстого участвовать в его изданиях (см.: *ПРП II*. С. 140—144).

[8]...*monstruosité — выйдет из этого брака.* — В предисловии к первому изданию мемуаров А.Ф. Тютчевой (см. примеч. 2 к письму 82) С.В. Бахрушин писал: «Попав в среду славянофилов, она восприняла их взгляды и чувства к правящим петербургским сферам и ушла с головой в интересы и настроения, господствовавшие в либерально-националистических кругах, к которым принадлежал ее муж. Это был период расцвета публицистической и политической деятельности И.С. Аксакова»

(*Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Изд. М. и С. Сабашниковых, 1928—1929. Ч. 1. С. 1).

[9]*...Государыня...* — Императрица Мария Александровна, жена Александра II.

[10]*...передо мной покраснел раз Карл Иванович.* — Карлом Ивановичем Толстой называет своего гувернера, немца Федора Ивановича Рёсселя, изображенного в «Детстве» и «Отрочестве» под именем Карла Ивановича Мауера. «И его история, и его фигуры, и его наивные счеты — все это действительно так было», — писал Толстой в «Воспоминаниях» (*Юб.* Т. 34. С. 370).

[11]*...Фед⟨ор⟩ Иван⟨ович⟩ татуировался.* — Федор Иванович Толстой, прозванный «Американцем», — двоюродный дядя Толстого. С.Л. Толстой рассказывает об участии Ф.И. Толстого в первой русской кругосветной экспедиции под руководством И.Ф. Крузенштерна в 1803—1806 гг. 7 мая 1804 г. экспедиция прибыла на Маркизские острова, где члены команды увидели татуировку у местного короля и почти каждый моряк «сделал какой-либо узор на своем теле. Тогда же, вероятно, был татуирован Федор Иванович» (*Толстой С.Л.* Федор Толстой-Американец. М., 1990. С. 9—10). Племянница Ф.И. Толстого, М.Ф. Каменская, вспоминает: «Вся она ⟨грудь⟩ сплошь была татуирована. В самой середине сидела в кольце какая-то большая пестрая птица, что-то вроде попугая, кругом какие-то красно-синие закорючки ⟨...⟩ обе руки его тоже были сплошь татуированы, на них вокруг обвивались змеи и какие-то дикие узоры» (*Каменская М.* Воспоминания. М., 1991. С. 176—177).

[12]*...вас будет любить ваша воспитанница...* — Между А.А. Толстой и ее воспитанницей вел. кн. Марией Александровной, младшей дочерью Александра II, очень скоро установились отношения глубокой симпатии и привязанности (см.: *ДАТ*. Записи 17 и 23 апреля и 15 мая 1866 г.).

[13]*... делымаевого...* — Так в автографе.

84. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

15 или 16 декабря 1865

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5873.А. Л. 1—1об. Впервые: *ПТ.* С. 218, с датой: ⟨Декабрь 1865 г.⟩. Дата уточнена: *Юб.* Т. 61. С. 124—125.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 23 ноября 1865 г. (письмо 82).

[1]*...о деле Marie.* — Речь идет о наследстве, оставленном покойным мужем Марии Николаевны — В.П. Толстым (см. письма 80 и 81).

[2]*...сами напомнили о том.* — В письме от 23 ноября 1865 г. (см. письмо 82) А.А. Толстая просила предупредить ее, если понадобится ее помощь.

[3]*...ответ, подписанный... Лисевичем, а не к⟨нязем⟩ Долгоруким...* — О В.А. Долгорукове см. примеч. 4 к письму 80. Письмо к М.Н. Толстой, написанное по поручению В.А. Долгорукова, неизвестно.

[4]*...мещанка Гольцова...*— Гражданская жена В.П. Толстого, тяжба с которой из-за части наследства в пользу М.Н. Толстой и ее детей длилась несколько лет (см. письмо 81 и примеч. 3 к нему).

[5]*...наверное... Долгоруков не знал, что это письмо было то, о к<отор>ом вы его просили.* — См. письмо 85.

85. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

20 декабря 1865

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/3. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.* С. 219.

Ответ на письмо Толстого от 15 или 16 декабря 1865 г. (письмо 84).

[1]*...вы не прислали мне письма Marie к Д⟨олгорукову⟩? Я... просила вас о том...* — Очевидно, эта просьба содержалась в несохранившемся письме А.А. Толстой (см. письмо 81 и примеч. 1 к нему).

[2]*Пришлите мне... записку... или повторение письма Marie к Д⟨олгорукову⟩.* — Эти документы не сохранились.

[3]*А. Тют⟨чева⟩ говеет... с... женихом...* — А.Ф. Тютчева и И.С. Аксаков.

[4]*...я смеялась от души.* — См. письмо 83.

[5]*...что вы уже в Москве и сюда не будете...* — Толстые приехали в Москву только 24 января 1866 г. (см. примеч. 13 к письму 81). Поездка в Петербург не состоялась.

1866

86. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

4 февраля 1866

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5874.А. Л. 1–2. Впервые: *ПТ.* С. 219–221, с датой: ⟨Январь 1866 г.⟩. Дата уточнена: *Юб.* Т. 61. С. 128–129.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 20 декабря 1865 г. (письмо 85).

[1]*Я уже две недели в Москве... и пробуду еще две недели...* — Толстой с женой и детьми, Сергеем и Татьяной, приехали в Москву 24 января 1866 г. и пробыли до марта. Первое время жили в служебной квартире у Берсов в Кремле, а с 3 февраля поселились отдельно. «Квартиру мы наняли на Дмитровке, в доме Хлудова, — писал Толстой Т.А. Ергольской 4 февраля 1866 г., — бельэтаж в 6 комнат, прекрасно меблированных, с дровами, самоварами, водой и всей посудой, серебром и бельем столовым за 155 р. в месяц...» (*Юб.* Т. 61. С. 130).

[2]*...время, которое все занято...* — В этот приезд в Москву Толстой встретился с друзьями и читал им продолжение романа «Тысяча восемьсот пятый год» (см.: *Кузминская.* С. 409–410); вел переговоры с художником М.С. Башиловым об иллюстрациях к роману (см.: *Юб.* Т. 61. С. 134–135); посещал библиотеки и брал уроки скульптуры у Н.А. Рамазанова в училище живописи, ваяния и зодчества (см. воспоминания А.Н. Рамазановой в кн.: Встречи с прошлым. М., 1970. Вып. I. С. 78–81).

[3]*...вы... заняты новым для вас делом...* — См. письмо 82 и примеч. 3 к нему.

[4]*...г-н Бестужев, родственник... Ешевского... давал уроки у детей в⟨еликой⟩ княгини... хорошо бы было, ежели бы он мог получить уроки у вас.* — Историк К.Н. Бестужев-Рюмин был женат на Е.В. Ешевской, сестре своего товарища, профессора Московского университете С.В. Ешевского. Бестужев давал уроки членам царской семьи с 1864 г. 25 августа 1864 г. в письме к матери он сообщал: «Что касается до урока, который я взял, то было очень просто: мне предложили, а я считаю долгом честного человека способствовать лучшему образованию лиц, призванных иметь такое важное влияние на судьбу России». В течение последующих 18 лет он преподавал русскую историю. Среди его учеников были будущий император Александр III и его сестра Мария. Вероятно, он давал уроки Марии Максимилиановне и Евгении Максимилиановне, дочерям вел. кн. Марии Николаевны, воспитательницей которых была Е.А. Толстая. Бестужева Толстой рекомендует к младшим детям императора Александра II — Марии, Сергею и Павлу. Их воспитательницей с 1866 г. стала А.А. Толстая. См.: *Киреева Р.А.* К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990. С. 66. Бестужев был знаком с Толстым, бывал в Ясной Поляне. См. о нем: *Юб.* Т. 61. С. 129; Т. 49. С. 45, 117.

[5]*...в доме Хлудова.* — Адрес Толстых: Большая Дмитровка, дом 7, во дворе.

[6]*Я пробуду до 28.* — Толстые вернулись в Ясную Поляну 7 марта 1866 г. «Прожили 6 недель в Москве, 7-го воротились, — писала С.А. Толстая в дневнике, — и опять в Ясной то же спокойное, немного грустное, но невозмутимое счастливое чувство» (*ДСТ 1.* С. 76).

1867

87. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

31 марта 1867

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5875.А. Л. 1–2. Впервые: *ПТ.* С. 221–222. В *Юб.*: Т. 61. С. 167.

[1]*...узнал из газет о вашем, — и... нашем горе.* — 27 февраля 1867 г. в Италии, близ Флоренции, скончалась старшая сестра А.А. Толстой — Елизавета Андреевна. Смерть ее была неожиданной: Елизавета Андреевна подавилась костью, которая повредила пищевод.

[2]*Тетинька моя...* — Татьяна Александровна Ергольская.

[3]*...отдать последний долг Дьяковой... жене моего лучшего друга, которая умерла на днях.* — Д.А. Дьякова, жена Д.А. Дьякова, скончалась 17 марта 1867 г., 37-ми лет. Д.А. Дьяков был знаком с Толстым еще во время их учебы в университете в Казани, где Толстые жили с осени 1841 г. Их дружба не прерывалась до самой смерти Дьякова в 1891 г. Узнав о неизлечимой болезни жены Дьякова, Толстой писал ему 19 февраля 1867 г.: «В твоем положении не может быть утешения, но ежели в са-

мые тяжелые минуты тебе нужно будет преданного и любящего человека, то вспомни обо мне» (*Юб.* Т. 61. С. 161). Толстой, получив телеграмму от А.Е. Берса о смерти Дьяковой, 19 марта приехал в Москву. В письме к жене он подробно описывает свой приезд и похороны на Пятницком кладбище (см.: *Юб.* Т. 83. С. 133–134).

[4] *Напишите мне несколько слов.* — А.А. Толстая ответила 18 апреля 1867 г. (см. письмо 88).

[5] *У нас трое детей...* — Сергей, Татьяна и Илья, родившийся 22 мая 1866 г.

[6] *...у меня моя работа...* — Толстой продолжал работать над романом, который он впервые, составляя проект договора с типографией Каткова о его печатании, назвал «Война и мир», зачеркнув прежнее заглавие «Тысяча восемьсот пятый год» (см.: *Юб.* Т. 61. С. 163–165; *Там же.* С. 139, 141, примеч. 23 к письму А.А. Фету от 10... 20 мая 1866 г.).

[7] *...увидим ли мы ваших проездом к Вадбольским?* — П.В. Толстая обычно ездила в имение Вадбольских Лубянки с дочерьми Елизаветой, Софьей и сыном Ильей (см. примеч. 3 к письму 17). Состоялась ли встреча — неизвестно.

88. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

18 апреля 1867

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/3. Л. 1–3об. Впервые: *ПТ.* С. 222–223 и 223–225.

Ответ на письмо Толстого от 31 марта 1867 г. (письмо 87).

[1] *...наше горе...* — Смерть Е.А. Толстой.

[2] *...может... увидите ее этим летом...* — Состоялась ли встреча с П.В. Толстой — неизвестно. Дневник за 1866–1872 гг. Толстой не вел.

[3] *...мы с Евгенией...* — Евгения Максимилиановна Лейхтенбергская, ее воспитательницей была Е.А. Толстая.

1868

89. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

13 февраля 1868

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/4. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.* С. 225–226 и 226–227.

[1] *...я жила вашей книгой...* — А.А. Толстая читала первые три тома «Войны и мира», объявление о выходе которых появилось в *МВ* 17 декабря 1867 г.

[2] *Желание видеть вас после стольких лет разлуки...* — Последний раз Толстой виделся с Александрой Андреевной в Петербурге в апреле 1861 г.

[3] *...узнаю, что вы приехали на два месяца в Москву.* — Толстые приехали в Москву 14 февраля 1868 г. и пробыли до 10 мая (см.: *Кузминская.* С. 482–483).

[4]*...скажите, что вы приедете...* — Отвечая на вопрос Александры Андреевны, Толстой писал, что Петербург кажется ему «дальше, чем город на луне» (см. письмо 90).

[5]*Жду вас в начале второй недели.* — Поездка не состоялась. Толстой был занят подготовкой к печати четвертого тома романа «Война и мир».

90. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

16 апреля 1868

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5876.А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.* С. 227–228. Год установлен: *Юб.* Т. 61. С. 198–199.

[1]*Брат мой Сергей женился...* — 7 июня 1867 г. С.Н. Толстой обвенчался с М.М. Шишкиной, которая была его гражданской женой с 1849 г.

[2]*...дело зависит от... Долгорукова — секретаря кого-то...* — С.А. Долгоруков, статс-секретарь Комиссии по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых.

[3]*Если вы можете сказать, кому нужно, нужное слово...* — Хлопоты А.А. Толстой об усыновлении С.Н. Толстым его незаконнорожденных детей были длительны (см.: *Переписка.* С. 313, 314). Только в мае 1869 г. они увенчались успехом, и А.А. Толстая прислала документ, свидетельствующий об окончании этого дела. «Посылаю сейчас полученную бумагу от А. Толстой, — писал Толстой Сергею Николаевичу 10 мая 1869 г. — Я очень рад за тебя и твоих и очень горд тем, что мне удалось сему содействовать» (*Юб.* Т. 61. С. 216).

[4]*Если вы мне напишете...* — Следующее известное нам письмо А.А. Толстой относится к 16 мая 1869 г. Ему предшествовало письмо Толстой от 25 или 26 апреля 1869 г., которое не сохранилось (см. письмо 92).

[5]*...надеюсь на проезд ваших к Вадбольским.* — Состоялась ли такая встреча в 1868 г. — неизвестно. См. письмо 87 и примеч. 7.

1869

91. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

10 ⟨?⟩ мая 1869

Печатается по автографу: *ИРЛИ.* Ф. 300. Ед. хр. 31. Впервые: *ПТ.* С. 380, с датой: ⟨10 мая⟩ б.г. Дата уточнена: *Юб.* Т. 61. С. 215–216.

Ответ на несохранившуюся «записочку» А.А. Толстой. См. примеч. 1.

[1]*...получил... записочку и бумагу...* — Имеется в виду бумага об усыновлении детей С.Н. Толстого (см. письмо 90 и примеч. 3 к нему).

[2]*...письмо ваше первое...* — Письмо А.А. Толстой от 25—26 апреля 1869 г. неизвестно. О нем Александра Андреевна писала 16 мая 1869 г., что это было «не письмо, а целая брошюрка» (см. письмо 92).

[3]*Бог даст, до свидания.* — Свидание состоялось только в марте 1878 г.

92. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

16 мая 1869

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/4. Л. 1—4. Впервые: *ПТ.* С. 228—229.

Ответ на письмо Толстого от 10 ⟨?⟩ мая 1869 г. (письмо 91).

[1]*...письмо... не отыщется...* — См. письмо 91, в котором Толстой сообщил, что письма А.А. Толстой от 25 или 26 апреля 1869 г. он не получал.

[2]*...вашими... давно невиденными каракульками.* — Следовательно, несохранившемуся письму А.А. Толстой от 25 или 26 апреля 1869 г. предшествовало письмо Толстого от середины апреля 1869 г., также несохранившееся. В *Юб.* Т. 61. С. 383 это письмо указано с ошибочной датой: 12...13 мая 1869 г.

[3]*...вы не приедете меня повидать.* — Сохранилось письмо Толстого к С.А. Толстой, датированное «май—ноябрь 1869 г. Москва», в котором он пишет: «Толстой послал телеграмму. Ответа еще нет» (*Юб.* Т. 83. С. 169). Телеграмма к А.А. Толстой не сохранилась (см.: *Юб.* Т. 61. С. 383). Может быть, она была связана с предполагавшимся приездом А.А. Толстой в Москву, но никаких сведений об их встрече найти не удалось.

[4]*...карточка моей в⟨еликой⟩ княжны...* — Фотография Марии Александровны, дочери Александра II, воспитательницей которой с 1866 г. стала А.А. Толстая. В 1869 г. княжне было 16 лет.

1872

93. Л.Н.ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

12 января 1872

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5878.А. Л. 1—2об. Впервые: *ПТ.* С. 229—230.

[1]*...от моего приятеля... собирателя русской старины Безсонова.* — П.А. Бессонов — славист, исследователь народного творчества. С 1867 по 1879 г. был библиотекарем Московского университета. В эти дни Толстой встречался с Бессоновым в Москве (*Гусев. Летопись I.* С. 385). Толстому необходимо было посоветоваться с ним относительно включения в «Азбуку» произведений народной словесности. Вероятно, во время встречи Бессонов попросил Толстого помочь ускорить утверждение

устава Общества любителей русского народного пения. В сентябре 1872 г. Бессонов в несохранившемся письме к Толстому предлагал помощь в подготовке к изданию «Азбуки». 9 сентября 1872 г. Толстой отвечал ему: «Я сильно потужил, получив ваше письмо, о том, что оно пришло поздно. Азбука моя печатается ⟨...⟩ под руководством Страхова ⟨...⟩ Уже есть и будет много ошибок, особенно в том отделе, которого вы главный и едва ли не единственный судья» (*Юб.* Т. 61. С. 311—312; *Петров Ф.* Л.Н. Толстой и П.А. Бессонов // Дом Остроухова в Трубниках: Альманах. 1995. С. 230—239).

[2] *...общество любителей русского народного пения (я один из членов учредителей).* — О деятельности Толстого в качестве одного из учредителей этого общества сведений нет. Сообщение об организации этого общества, опубликованное в журнале «Музыкальный вестник», № 12 за 1871 г., приводится в книге: *Гусев. Материалы III.* С. 46: «В Москве учреждается, как слышно, новое музыкальное общество под названием: "Общество любителей русского народного пения"».

[3] *...ко времени Политехнической выставки в Москве...* — С 30 мая по 4 сентября 1872 г. в Москве в Александровском саду была открыта Политехническая выставка, посвященная 200-летию со дня рождения Петра I. В педагогическом разделе выставки Толстой предполагал выставить свою «Азбуку», но она вышла из печати только 10 ноября 1872 г.

[4] *...детей пятеро...* — О своих детях, Сергее, Татьяне, Илье, Льве и Марии, Толстой подробно рассказал в письме к Александре Андреевне от 26 ⟨?⟩ октября 1872 г. (см. письмо 100). 13 июня 1872 г. родился шестой ребенок — Петр.

[5] *Пишу... азбуку и теперь печатаю.* — Толстой начал работу над «Азбукой» в середине сентября 1871 г. «Цель книги, — писал он министру народного просвещения Д.А. Толстому, — служить руководством при обучении чтению, письму, грамматике, славянскому языку и арифметике» (*Юб.* Т. 61. С. 388). В конце декабря 1871 г. Толстой сдал в типографию Ф.Ф. Риса в Москве первую книгу «Азбуки». Работа над следующими тремя книгами продолжалась в 1872 г. Подробно о работе над «Азбукой» см.: *Юб.* Т. 21. С. 547—594; *Гусев. Материалы III.* С. 48—50, 57—113.

[6] *Сестра... в Нице...* — М.Н. Толстая уехала за границу 2 сентября 1871 г.

[7] *...Варя... выходит замуж за Нагорного...* — Свадьба В.В. Толстой с Н.М. Нагорновым состоялась 2 июля 1872 г. Огорчение Толстого по этому поводу было очень велико: «Грустное известие! — писал он жене. — Я ужасно огорчен и поздравлять не буду» (*Юб.* Т. 83. С. 212). Однако Толстой подарил племяннице 10 тыс. рублей из гонорара за «Войну и мир» (*Переписка.* С. 325).

[8] *Я пишу... от Перфильевых, у которых я останавливаюсь в Москве...* — Толстой приехал в Москву по делам печатания «Азбуки» и остановился у В.С. и П.Ф. Перфильевых в Конюшках в доме Ладыженского. Поездка была кратковременной, и 16 января 1872 г. Толстой уже был в Ясной Поляне (см.: *Юб.* Т. 61. С. 270). С Перфильевыми Толстой был в дружеских и родственных отношениях. В.С. Перфильев, сверстник и товарищ Толстого, был женат на его троюродной сестре Прасковье Федоровне, урожденной Толстой. Перфильевы были посаженными отцом

и матерью и благословили его на брак с Софьей Андреевной 23 сентября 1862 г. В Дневниках Толстой называл их Васинька и Полинька.

94. Л.Н.ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

20 февраля 1872

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5879.А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ*. С. 290–292, с датой: ⟨Март? 1872 г.⟩. В *Юб*.: Т. 61. С. 280–281, с датой: ⟨31 марта 1872 г.⟩.

Датируется по содержанию и по непосредственной связи с письмом Толстого к А.А. Фету от 20 февраля 1872 г.: упоминание об окончании работы над «Азбукой», возвращение из Москвы (*Юб*. Т. 61. С. 271). Датировку 20 февраля подтверждает упоминание об игре Толстого на фортепиано в «4 руки» с племянницей Варварой Толстой (в замуж. Нагорновой), которая приехала в Ясную Поляну к 18 февраля, дню именин Толстого (см. запись в ее дневнике от 18 февраля 1872 г.: Тетрадь 3. 1871–1875. Л. 32–32об. – *ОР ГМТ*. Ф. 31. № 1/6). 20 февраля 1872 г. датировано это письмо и Н.Н. Гусевым (*Гусев. Летопись I*. С. 386–387).

[1]*...вам написал письмо...* — См. письмо 93.

[2]*...получил ваше письмо...* — Письмо А.А. Толстой неизвестно.

[3]*Учить грамоте крестьянских детей...* — Зимой 1872 г. возобновились занятия с крестьянскими детьми в яснополянском доме. В письме к Н.Н. Страхову от 3 марта 1872 г. Толстой сообщал, что школа «сама собой завелась» и «очень занимает» и его, и его детей (*Юб*. Т. 61. С. 274). См. также письмо 81 и примеч. 12 к нему.

[4]*...пристроенную большую комнату...* — Это была уже вторая пристройка к дому в Ясной Поляне. Первая — деревянная — относилась к 1866 г., вторая была сделана в конце 1871 г. С левой стороны дома была выстроена «фундаментальная кирпичная пристройка. В верхнем этаже ее были устроены большой зал в шесть окон по три на обе стороны, а в нижнем — передняя, нижний кабинет, или нижняя библиотека» (*Пузин Н.П*. Ясная Поляна: Дом-музей Л.Н. Толстого: Путеводитель. М., 1982. С. 13). В конце 1893 г. деревянная пристройка была разобрана и сделана новая (уже третья), симметричная пристройке 1871 г.

[5]*...новокупленного имения...* — Летом 1871 г., находясь в Самарской губернии на кумысе, Толстой задумал покупку 2500 десятин земли у Н.П. Тучкова (см.: *Юб*. Т. 83. С. 203). Купчая крепость была заключена в Москве в августе 1871 г. и утверждена самарским нотариусом 9 сентября 1871 г. (см.: *Юб*. Т. 61. С. 256).

[6]*...переделанная басня Эзопа...* — Толстой переделал несколько басен древнегреческого баснописца Эзопа («Ворона и кувшин», «Лисица и виноград», «Стрекоза и муравей», «Волк и коза» и др.) и включил их в «Азбуку» (см.: *Юб*. Т. 22).

[7]*...греческий язык...* — Толстой начал изучать греческий язык с декабря 1870 г. «С утра до ночи учусь по-гречески», — сообщал он в письмах к А.А. Фету (*Юб*. Т. 61. С. 247, 249). «Успехи его по греческому языку, — писала С.А. Толстая, — как кажется по всем расспросам о знании других и даже кончивших курс в университете,

оказываются невероятно большими» (*ДСТ 1*. С. 499). Уже в январе 1871 г. Толстой «читал с греческого Ксенофонта по-русски» (см.: *Гусев. Летопись I*. С. 377).

[8]*...я начинаю новый, большой труд...* — О своих творческих планах Толстой писал Фету 20 февраля 1872 г.: «Я кончил свои азбуки, печатаю и принимаюсь за задушевное сочинение, которого не только в письме, но и на словах едва ли расскажу...» (*Юб*. Т. 61. С. 271). Это был замысел романа из эпохи Петра I. К 1872 г. относится восемь начал романа (всего их сохранилось 34. См.: *Описание 1*. С. 234—243). Роман писался в 1872—1873 и в 1879 гг., но остался незавершенным (см.: *Юб*. Т. 17).

[9]*...освободившимся... от влияния на самого себя своего сочинения...* — Толстой имеет в виду «Войну и мир».

[10]*В Москву на выставку...* — См. примеч. 3 к письму 93. В письме к С.А. Толстой от 9 июля 1872 г. Толстой сообщал, что, приехав в Москву 8 июля, он «побежал на выставку» (*Юб*. Т. 83. С. 206).

[11]*...решился никогда не ездить в Москву.* — Зимой 1872 г. Толстой был в Москве три раза: в середине января, в феврале и в марте. Возвращение в Ясную Поляну из двух последних поездок датируется: 19 февраля и 30 марта. В письме к А.А. Фету от 20 февраля 1872 г. Толстой писал: «...в Москве заболел и пролежал 〈...〉 и больной насилу добрался домой» (*Юб*. Т. 61. С. 271). О том, что Толстой в Москве болел, С.А. Толстая писала Т.А. Кузминской в конце февраля (см.: *Гусев. Летопись I*. С. 386), и об этом же сообщает Толстой Александре Андреевне. О возвращении Толстого в Ясную Поляну Софья Андреевна делает в дневнике короткую запись: «30 марта Левочка вернулся из Москвы» (*ДСТ 1*. С. 85).

[12]*...когда вырастут дочери.* — В 1872 г. Татьяне было 8 лет, а Марии — 2 года.

95. Л.Н.ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 6 и 8 〈?〉 апреля 1872

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5880.А. Л. 1—2об. Впервые: *ПТ*. С. 232—233, с датой: 〈Апрель 1872 г.〉. Дата уточнена: *Юб*. Т. 61. С. 283—284.

Ответ на несохранившееся письмо А.А. Толстой. См. примеч. 1.

[1]*...года через два напишет.* — О своем «исправлении» Толстой писал в предыдущем письме (см. письмо 94). Следовательно, настоящее письмо Толстого — ответ на несохранившееся письмо А.А. Толстой, в котором она посмеялась над его обещанием писать часто и приглашала приехать на свидание в Орел.

[2]*...здоровье Императрицы...* — Марии Александровны, жены Александра II.

[3]*...все пишется и прибавляется.* — Переработав первую часть «Азбуки» и написав для нее много новых маленьких рассказов, Толстой в 1875 г. выпустил ее под заглавием «Новая азбука» (*Юб*. Т. 21).

[4]*...две историйки из Азбуки.*— Рассказ «Кавказский пленник» («Заря». 1872. № 2) и рассказ «Бог правду видит, да не скоро скажет» («Беседа». 1872. № 3).

[5]*...напишите свое мнение.* — В письме от 3 октября (единственное сохранившееся письмо А.А. Толстой за 1872 г.) она писала Толстому, что, только прочитав «Кавказский пленник», она «поняла значение слова Азбука» (см. письмо 99).

96. Л.Н.ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

18 сентября 1872

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5882.А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.* С. 235–236, с датой: ⟨18 сентября 1872 г.⟩. В *Юб.:* Т. 61. С. 314–315, с ошибочной датой: ⟨15 сентября 1872 г.⟩.

[1]*Молодой бык в Ясной Поляне убил пастуха, и я под следствием... (все это по произволу мальчика, называемого суд⟨ебным⟩ следователем)...* — В Ясной Поляне крестьянин Матвей Афанасьев, пастух, был ранен быком и 12 июля 1872 г. умер в тульской земской больнице (Толстой в это время находился в самарском имении). 25 июля 1872 г. для выяснения обстоятельств происшедшего в Ясную Поляну приехал П. Богословский, молодой начинающий юрист, исполнявший обязанности судебного следователя Крапивенского у. Были допрошены крестьяне и А.М. Кузминский, живший с семьей в Ясной Поляне. Толстой возвратился в Ясную Поляну около 30 июля. Богословский допросил его 9 августа и 18 августа принял решение о привлечении Толстого к уголовной ответственности по факту «ненадлежащего содержания животных, повлекшего смерть человека». У Толстого взяли подписку о «неотлучке с места жительства до окончании дела». Подробности этого дела см.: *Парамонова И.Ю.* Л.Н. Толстой и «дело быка» // Яснополянский сб. 2006. Тула, 2006. С. 297–304; письмо 97 и примеч. к нему.

[2]*Всю эту историю вы прочтете в печати.* — Толстому хотелось рассказать об этой истории в печати, и он начал статью «Новый суд в его приложении». Статья закончена не была, но черновые варианты сохранились (см.: *Юб.* Т. 17. С. 319–323; 702–708; *Гусев. Материалы III.* С. 50–53).

97. Л.Н.ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

19 сентября 1872

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5883.А. Л. 1–4об. Впервые: *ПТ.* С. 236–239. В *Юб.:* Т. 61. С. 315–318.

[1]*...сейчас — я получил письмо от председателя суда...* — Письмо Н.И. Ягна, председателя окружного суда, в *ОР ГМТ* отсутствует.

[2]*...я не буду выезжать... до окончания дела.* — См. примеч. 1 к письму 96.

[3]*Мне говорит прокурор...* — Толстой спрашивал совета у А.М. Кузминского, который с июня 1871 г. служил товарищем прокурора в Кутаиси (на Кавказе). Лето 1872 г. семья Кузминских жила в Ясной Поляне (см.: *Моя жизнь.* Ч. II. С. 154).

[4]*...я присяжным и должен ехать в суд. Вопрос: ехать ли мне... Спрашиваю у председателя суда.* — В качестве присяжного Толстой должен был участвовать в выездной сессии Тульского окружного суда, проходившей в селе Сергиевском с 7 по 13 сентября 1872 г. За разъяснением Толстой обратился к Н.И. Ягну. Подробности см.: *Парамонова И.Ю.* Л.Н. Толстой и «дело быка» // Яснополянский сб. 2006. С. 302.

[5] *Я пишу бумагу в суд, что я не могу ехать, потому что под следствием.* — Письмо Толстого в суд неизвестно.

[6]*... в деле о быке, которое теперь взвалили на моего управляющего...* — 16 сентября 1872 г. по указанию товарища прокурора к ответственности был привлечен управляющий имением Ясная Поляна А.С. Орехов, который 16 июня 1873 г. был оправдан (см.: *Там же.* С. 303).

[7]*...занят... отделкой моей печатающейся книги.* — Толстой заканчивал работу над разделом «Азбуки» — «Арифметика».

[8] *Хотя ничто еще не кончено и подписка не снята...* — 16 сентября 1872 г. был снят запрет на выезд из Ясной Поляны, но Толстому об этом сообщили только 27 сентября. Окончательно обвинение с Толстого было снято на заседании Тульского окружного суда 10 марта 1873 г. (почти через 6 месяцев). См.: *Там же.*

98. Л.Н.ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

20 или 21 сентября 1872

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5884.А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.* С. 239–240, с датой: ⟨Сентябрь 1872 г.⟩. Дата уточнена: *Юб.* Т. 61. С. 318–319.

Ответ на несохранившееся письмо А.А. Толстой.

[1]*Все ваше письмо...* — Ответ А.А. Толстой на письмо Толстого от 18 сентября (см. письмо 96) неизвестен. Очевидно, письмо было получено Толстым после того, как стало известно, что произошла ошибка и суда не будет (см. письмо 97).

99. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н.ТОЛСТОМУ

3 октября 1872

Печатается впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 65. Оп. 2. Ед. хр. 302. Л. 1–2об.

Ответ на письмо Толстого от 19 сентября 1872 г. (письмо 97).

[1] *...нашлось достаточно причин, чтобы написать мне.* — См. письмо 97.

[2] *...я не из вежливости интересуюсь... это идет от сердца...* — В письме от 19 сентября (см. письмо 97) Толстой сообщал: «Сестра Маша на днях уехала от нас, и каждый день с нежностью говорила о вас и упрекала себя за то, что не писала вам...» М.Н. Толстая была озабочена семейными делами дочерей, Варвары и Елизаветы (см.: *Переписка.* С. 324, 326).

[3]*...я просила у вас ее адрес... вы ни разу не ответили мне.* — Письма, в которых А.А. Толстая спрашивала адрес М.Н. Толстой, неизвестны.

[4]*...как здоровье вашей жены...* — 13 июня 1872 г. С.А. Толстая родила сына Петра.

[5]*...вы не напишете мне, после того как у вас все уладится.* — См. письмо 98 и примеч. 1 к нему.

[6]*...чтобы вы приехали... в Тулу, где я остановлюсь на обратном пути...* — Встреча с А.А.Толстой в Туле на ее пути из Крыма не состоялась: 27—31 октября Толстой был в Москве (см. письмо 101).

[7]*...Авраамовы жертвоприношения...* — Авраам должен был принести сына в жертву Богу, но жертвоприношение было остановлено ангелом. См.: Быт 22, 1—19.

[8]*...читала «Кавказский пленник» и... поняла значение слова Азбука...* — В апрельском письме (см.письмо 95) Толстой просил Александру Андреевну написать ее мнение об этих «историйках из Азбуки» («Кавказский пленник» и «Бог правду видит, да не скоро скажет»).

[9]*...чтобы вы... прислали мне... характеристики ваших детей.* — В письме от 26⟨?⟩ октября 1872 г. Толстой тщательным образом исполнил просьбу Александры Андреевны (см. письмо 100).

100. Л.Н.ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

26 ⟨?⟩ октября 1872

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5885.А. Л. 1—5об. Впервые: *ПТ.* С. 241—244, с датой: ⟨Осень 1872 г.⟩. Дата уточнена: *Юб.* Т. 61. С. 332—335.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 3 октября 1872 г. (письмо 99).

[1] *...мое последнее письмо...* — См. письмо 98.

[2] *...получил ваш ответ...* — См. письмо 99.

[3] *...перед отъездом в Москву...* — Толстой находился в Москве с 27 по 31 октября: искал гувернантку-англичанку детям.

[4] *Вы спрашивали о деле быка.* — См. письмо 97.

[5]*...я начал писать...⟨работу⟩ (я не люблю называть романом)...* — Толстой продолжал работу над романом из эпохи Петра I (см. примеч. 8 к письму 94).

[6] *...начинает находить эта дурь, как... называл Пушкин...* — Пушкин писал жене из Оренбурга 19 сентября 1833 г. «А уж чувствую, что дурь на меня находит — я и в коляске сочиняю, что ж будет в постели?» (*Пушкин А.С.* Письма к жене. Л., 1986. С. 43. Сер. «Лит. памятники»). Толстой читал это письмо в первом томе издания: *Пушкин А.С.* Сочинения. С приложением материалов для его биографии... СПб.: Издание П.В. Анненкова, 1855. Книга сохранилась в Яснополянской библиотеке (см.: *Библиотека ЯП I.* Ч. 2. С. 145).

[7] *Вы мне дали тему письму... Дети мои. Вот они кто такие.* — В письме от 3 октября 1872 г. А.А. Толстая просила дать «характеристику детям» (см. письмо 99). В связи с чтением настоящего письма Толстого (оно было привезено для

просмотра П.А. Сергеенко в Ясную Поляну 11 марта 1906 г. от душеприказчицы А.А. Толстой, А.Г. Зенкович) Т.Л. Толстая сказала: «— Как ты хорошо предсказал, что выйдет из детей: Маша вечно будет искать; обо мне — что я на твою ⟨так в *ЯЗ II*; ср. наст. письмо⟩ мать похожа», Толстой ответил: «О Пете не писал, как будто чувствовал, что помрет» (*ЯЗ II*. С. 75—76).

[8] *Старший...* — Сергей Львович Толстой. Автор мемуаров «Очерки былого». Последнее изд.: Тула, 1975.

[9] *...похож на моего старшего брата.* — Николая Николаевича Толстого.

[10] *Илья, 3-й.* — Илья Львович Толстой. Автор мемуаров «Мои воспоминания». Последнее изд.: М., 2000.

[11] *Таня — 8 лет.* — Татьяна Львовна Толстая, в замужестве Сухотина. Автор книг: «Воспоминания» (М., 1976) и «Дневник» (М., 1979; 1987).

[12] *4-й Лев.* — Лев Львович Толстой. Писатель. Автор книги «В Ясной Поляне. Правда о моем отце и его жизни» (Прага, 1923); отрывки из его мемуаров «Опыт моей жизни» опубликованы в журнале «Наше наследие» (1992. № 5. С. 86—97).

[13] *5-я Маша... с которой Соня была при смерти.* — Мария Львовна Толстая, в замужестве Оболенская. С февраля по март 1871 г. С.А. Толстая была тяжело больна (см. письмо Толстого к Д.А. Дьякову от 3—4 марта 1872 г.: *Юб.* Т. 61. С. 250—251).

[14] *6-й Петр великан.* — Петр Львович Толстой. Скончался 9 ноября 1873 г. Это была «первая смерть за 11 лет в нашей семье», — писал Толстой А.А. Фету 18 ноября 1873 г. (*Юб.* Т. 62. С. 55).

101. Л.Н. ТОЛСТОЙ — А.А. ТОЛСТОЙ

7 или 8 декабря 1872

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5886.Л.Л. 1—1об. Впервые: *ПТ.* С. 244, с датой: ⟨Декабрь 1872 г.⟩. Дата уточнена: *Юб.* Т. 61. С. 343—344.

[1] *Почему вам кажется, что пробежавший между нами бык оставил какой-то след?* — Письмо Александры Андреевны, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

[2] *Ваше... милое письмо...* — Письмо неизвестно.

[3] *...не удалось видеть вас в Туле.* — О своем желании повидаться с Толстым в Туле Александра Андреевна писала 3 октября (см. письмо 99).

[4] *Я вчера приехал из Москвы...* — Толстой выехал в Москву 3 декабря, а вернулся 6 декабря.

[5] *...ездил крестить... маленького Оболенского.* — У Е.В. Толстой, вышедшей в январе 1871 г. замуж за князя Л.Д. Оболенского, 28 ноября 1872 г. родился сын, Николай Леонидович; с 1897 г. — муж Марии Львовны Толстой.

[6] *...болезнью Лизы...* — 3 декабря 1872 г. Е.В. Оболенская тяжело заболела (см. письмо Толстого к жене от 4 декабря 1872 г.: *Юб.* Т. 83. С. 213).

102. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

14 декабря 1872

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5887.А. Л. 1–2. Впервые: *ПТ.* С. 245. В *Юб.*: Т. 61. С. 244–245.

[1] *А.Н. Бибиков* — помещик, сосед Толстого (имение Бибикова Телятинки, в трех верстах от Ясной Поляны). См. о Бибикове: *Юб.* Т. 83. С. 140–141.

[2] *...усыновление детей брата сделалось через вас.* — О хлопотах Толстого через Александру Андреевну об усыновлении детей С.Н. Толстого см. письмо 90 и примеч. 3 к нему.

[3] *...он и еще два брата его незаконные дети Бибикова.* — Александр, Иван и Василий — сыновья Н.Н. Бибикова и А.Н. Бибиковой (ее девичья фамилия неизвестна).

[4] *Меньшой же брат... законный...* — Н.Н. Бибиков, помещик села Спасского, Крапивенского у.

[5] *...старший, взялся хлопотать через А.П. Бобринского...* — А.П. Бобринский, помещик Тульской губ.; в 1871–1874 гг. — министр путей сообщения.

[6] *Прошение... находится, кажется, у Долгорукова.*— См. письмо 104 и примеч. 1 к нему.

1873

103. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Конец января — начало февраля 1873

Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по тексту: *Юб.* Т. 62. С. 8–9. Отрывок из письма, с датой: ⟨1873 г.⟩. Впервые: *ВЕ.* 1904. № 6. С. 451.

[1] *...благодарю... за письмо... и за ходатайство о Бибикове.* — Письмо А.А. Толстой неизвестно. О ходатайстве Толстого за А.Н. Бибикова и его братьев см. в письме 102.

[2] *...что вы читаете «Войну и мир»...* — Очевидно, в том же неизвестном письме, где А.А. Толстая сообщала о решении дела А.Н. Бибикова, был ее пространный отзыв о «Войне и мире».

[3] *...я теперь почти что пишу.* — Толстой в это время писал роман из эпохи Петра I.

[4] *...мне «Война и мир» теперь отвратительна вся.* — В письме к Н.Н. Страхову от 22 июня 1873 г. Толстой повторил свою отрицательную оценку «Войны и мира» (см.: *Юб.* Т. 62. С. 34). Возражая Толстому, Страхов в письме, написанном после 3–4 сентября 1873 г., «давал голову на отсечение», что «это произведение бессмертное» (*ТС I.* С. 127). Постепенно менялось отношение и самого Толстого к ро-

ману. Прочитав в письме Н.Н. Страхова от второй половины апреля 1876 г. строки: «“Война и мир” в моих глазах (я уверен и в Ваших) растет с каждым годом...» (*ТС I*. С. 265), Толстой отвечал: «Вы правы, что “Война и мир” растет в *моих* глазах. Мне странно и радостно, когда мне что-нибудь напомнят из нее ⟨...⟩ но странно, я помню из нее очень немного мест, остальное забываю» (письмо от 23 апреля 1876 г. — *Юб.* Т. 62. С. 270). Впоследствии Толстой говорил Горькому: «Без ложной скромности — это как “Илиада”» (Цит. по: *Горький М.* Лев Толстой // Горький М. Полн. собр. соч. Худож. произв.: В 25 т. М., 1973. Т. 16. С. 294).

[5] *...исправить ли для нового издания...* — Толстой просматривал роман «Война и мир» для нового (3-го) издания своего собрания сочинений (в 8 томах. М., 1873). По сравнению с изданием 1868—1869 гг. в роман были внесены значительные изменения: французский текст дан в русском переводе, рассуждения военные, исторические и философские были вынесены в Приложение, а весь роман разделен на четыре тома (вместо шести, как было раньше). Подготовку текста к печати согласился провести Н.Н. Страхов (см.: *Юб.* Т. 62, письма 13, 20, 25, 27). Текст в таком виде печатался еще дважды: в 4-м (1880) и 6-м (1886) изданиях собрания сочинений. В 5-м издании собрания сочинений (1886) текст романа дан в первоначальном варианте, а с 7-го издания — так и печатается, однако деление на четыре тома осталось навсегда. О судьбе текста романа «Война и мир» 1873 г. подробно см.: *Гусев. Материалы III*. С.154—157; *Юб.* Т. 16. С. 131—135.

[6] *Я слышал уже про болезнь Тютчева...* — 1 января 1873 г. у Ф.И. Тютчева был удар; 15 июля он скончался.

[7] *Я встречался с ним раз 10 в жизни...* — Толстой познакомился с Ф.И. Тютчевым в ноябре 1855 г., когда, приехав из Севастополя, вошел в круг петербургских писателей. Их последняя встреча состоялась в августе 1871 г. в поезде. «Оттуда встретил Тютчева в Черни, — писал Толстой А.А. Фету 24... 26 августа 1871 г., — и 4 станции говорил и слушал и теперь, что ни час, вспоминаю этого величественного и простого и такого глубокого, настояще умного старика» (*Юб.* Т. 61. С. 259). В письме к Н.Н. Страхову от 13 сентября 1871 г. Толстой, описывая свою встречу с Тютчевым и называя его «гениальным, величавым и дитя стариком» (*Там же.* С. 261), признается: «Из живых я не знаю никого, кроме вас и его, с кем бы я так одинаково чувствовал и мыслил» (*Там же*). В свою очередь Тютчев телеграфировал жене, Э.Ф. Тютчевой: «Приятная встреча с автором “Войны и мира”» (*Чулков Г.* Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева. М.; Л., 1933. С. 220).

[8] *Как он примет смерть, которая... близка ему?* — Э.Ф. Тютчева писала брату К. Пфеффелю 15 (27) июля 1873 г. из Царского Села: «Мой муж скончался сегодня утром после 24-часовой агонии и четырех недель жестоких страданий. В течение этого месяца он дважды причащался, а позавчера его соборовали» (*ЛН*. Т. 97, кн. 2. С. 426).

[9] *...передайте ему... мою любовь.* — Известно, что последнюю зиму своей жизни Ф.И. Тютчев провел в Петербурге, а весну и начало лета 1873 г. — в Царском Селе, но не удалось выяснить, смогла ли А.А. Толстая выполнить просьбу Толстого.

104. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

1 марта 1873

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5888.А. Л. 1–1об. Впервые: *ПТ.* С. 245–246. В *Юб.*: Т. 62. С. 13.

[1]*...благодарен за последнее письмо...* — Письмо А.А. Толстой неизвестно. Вместе с ним, очевидно, был прислан документ от С.А. Долгорукова, статс-секретаря Комиссии по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых, в котором содержалось решение вопроса об усыновлении А.Н. Бибикова и его братьев (см. письмо 102).

[2]*...напишите коротенькое словечко...* — А.А. Толстая ответила письмом из Сорренто от 11 (23) мая 1873 г. (см. письмо 105).

[3]*...сбираемся в... путешествие в Самару.* — Толстые выехали из Ясной Поляны 2 июня (см. письмо Толстого к А.А. Берсу от 31 мая 1873 г.: *Юб.* Т. 62. С. 29). С.А. Толстая вспоминала: «Нас было с няней, поваром, лакеем, горничной и гувернерами, и братом Степой, и англичанкой — всего 16 человек» (*Моя жизнь. П.* С. 165) В Ясную Поляну семья вернулась 22 августа (см.: *Юб.* Т. 62. С. 46).

[4]*Работа моя идет дурно.* — В это время продолжалась работа над романом из эпохи Петра I. В письмах к А.А. Фету, Н.Н. Страхову Толстой признавался, что работа идет медленно, «не двигается». «Мучаюсь, волнуюсь, — писал Толстой П.Д. Голохвастову в январе 1873 г., — ужасаюсь перед представляющимся, отчаиваюсь, обнадеживаюсь и склоняюсь к тому убеждению, что ничего кроме муки не выйдет» (*Юб.* Т. 62. С. 3).

105. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

11 (23) мая 1873

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/4. Л. 1–2об.

Ответ на письмо Толстого от 1 марта 1873 г. (письмо 104).

[1]*...речь идет о судьбе моего ребенка.* — А.А. Толстая тяжело пережила сватовство герцога Эдинбургского Альфреда к ее воспитаннице, дочери Александра II вел. кнж. Марии Александровне. В своем дневнике она писала, что этот предстоящий брак не вызвал симпатии ни у царя, ни у его жены (запись 28 июня 1873 г. — *ДАТ*).

[2]*...это не счастье, а ужасный заговор.* — Подобное состояние Толстой уже пережил, когда выходила замуж его племянница В.В. Толстая, в замужестве Нагорнова (см. письмо 93).

[3]*...это произойдет, и очень скоро.* — 29 июня 1873 г. принц Альфред сделал предложение вел. кнж. Марии Александровне; 11 января 1874 г. состоялась свадьба.

[4]*...читая теперь «Войну и мир» (которую вы еще не закончили)...* — Очевидно, Александра Андреевна имеет в виду работу Толстого над текстом романа «Война и мир» для третьего издания его сочинений, о чем он писал Толстой (см. письмо 103 и примеч. 5 к нему).

[5]*...вам нельзя... обращаться ко мне с просьбами...* — Отвечая на несохранившееся письмо Александры Андреевны, Толстой писал, что она «тоном своего письма» показала ему, что он был нескромен, и это его огорчило (см. письмо 104).

[6] *Машенька... забыла меня?*— М.Н. Толстая с начала 1873 г. жила за границей.

106. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

30 июля 1873

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5889.А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.* С. 246–247. В *Юб.*: Т. 62. С. 43–44.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 11 (23) мая 1873 г. (письмо 105).

Хутор Толстых располагался вблизи маленькой р. Тананык, притоке Бобровки, впадавшей в р. Бузулук, в Самарской губ., Бузулукском у.

[1]*Посылаю... копию с письма моего в газеты о самарском голоде и приписку жены.* — Копия с письма «Издателям “Московских ведомостей”» от 28 июля 1873 г. была сделана С.А. Толстой (о чем она сообщила Александре Андреевне в отдельном письме от того же числа — см. Дополнения, письмо 2). Письмо Толстого было напечатано: *МВ.* 1873. 17 авг. № 207 (см.: *Юб.* Т. 62. С. 35–42). Объясняя причины, побудившие его написать это письмо, Толстой писал Н.Н. Страхову в сентябре 1873 г.: «Письмо же о голоде было вызвано, с одной стороны, женою, которая порадовала меня живым и искренним сочувствием к народу, с другой, тем, что там глупый губернатор только принял губернию и ⟨...⟩ не только не хлопотал о пособии, но с азартом требовал в нынешнем году сбора всех недоимок» (*Там же.* С. 47).

[2]*...написал... своим друзьям...* — Эти письма неизвестны.

[3]*...дело пойдет...* — Письмо Толстого о самарском голоде получило огромный общественный резонанс и вызвало многочисленные отклики в печати. Всего было получено от частных лиц до 1 867 000 рублей деньгами и до 21 000 пудов хлеба. А.А. Толстая приняла самое активное участие в помощи голодающим. Жена Александра II, Мария Александровна, под ее влиянием также участвовала в этой благотворительной акции (см.: *Гусев. Материалы III.* С. 141–146). Приехав в Самару летом будущего 1874 г., Толстой писал Александре Андреевне: «Бедствие было бы ужасное, если бы тогда так дружно не помогли тамошнему народу» (см. письмо 112).

[4]*Ваши магдалины...* — См. письмо 50, примеч. 10 и письмо 71, примеч. 3.

[5]*Сочувствую... вашим волнениям...* — Волнения А.А. Толстой были связаны с предстоящим замужеством ее воспитанницы Марии Александровны, дочери Александра II (см. письмо 105).

1874

107. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

6 марта 1874

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5890.А. Л. 1–3об. Впервые: *ПТ*. С. 248–250, с датой: ⟨Март 1874 г.⟩. Дата уточнена: *Юб*. Т. 62. С. 71–74.

[1]*...не приехал в Москву... повидаться с вами...* — А.А. Толстая вместе с царским двором приезжала в Москву в связи со свадьбой вел. кнж. Марии Александровны и герцога Эдинбургского (см. примеч. 1 и 3 к письму 105).

[2] *...это... важное и тяжелое для вас время...* — А.А. Толстая очень тяжело пережила разлуку со своей воспитанницей, вел. кнж. Марией Александровной. В своем дневнике 4 января 1874 г. она писала: «В сущности я никогда не могла помириться с тем, что она вышла замуж за англичанина, хотя и вижу, что она нисколько не несчастлива в этом браке» (*ДАТ*).

[3]*Я вчера вернулся из Москвы и говорил о вас с К. Тютчевой...* — Толстой уехал в Москву 2-го и вернулся в Ясную Поляну 5 марта 1874 г. Встреча с Е.Ф. Тютчевой могла состояться у ее тетки Д.И. Сушковой, которую Толстой посетил в этот приезд и у которой предполагал читать отрывки из «Анны Карениной» (см.: *Юб*. Т. 83. С. 215).

[4]*...перед вашим приездом... был там...* — Толстой был в Москве в середине января 1874 г.; он вел переговоры с типографией М.Н. Каткова о печатании «Анны Карениной» отдельным изданием и выступал в Комитете грамотности в защиту своего метода обучения (см. письмо к С.А. Толстой от 15 января 1874 г.: *Юб*. Т. 83. С. 214).

[5]*Мы потеряли меньшего сына...* — 9 ноября 1873 г. скончался сын Толстых Петр (родился 13 июня 1872 г.).

[6]*...ждем около Святой.* — 22 апреля 1874 г. у Толстых родился сын Николай, умерший 20 февраля 1875 г. Смерть мальчика от головной водянки после тяжелых страданий (см. письмо к А.А. Фету от 22 февраля 1875 г.: *Юб*. Т. 62. С. 149) дала Толстому материал для рассказа «Молитва», написанного в 1905 г. и помещенного в «Недельные чтения» «Круга чтения» (*Юб*. Т. 41. С. 128–133; Т. 42. С. 594–595).

[7]*...(я испытал это на потере любимого брата).* — Смерть Н.Н. Толстого, скончавшегося 20 сентября 1860 г., потрясла Толстого (см. письмо 41).

[8]*...я в первый раз озаботился... где меня положить.* — О всех шести завещательных распоряжениях Л.Н. Толстого см.: *Юб*. Т. 82. С. 229–230. В третьем из них, сделанном в виде дневниковой записи 11 августа 1908 г., Толстой завещал: «Деревянный гроб, и кто хочет снесет или свезет в Заказ против оврага, на место зеленой палочки» (*Юб*. Т. 56. С. 144).

[9]*...я пишу, и начал печатать роман...* — Толстой писал в это время роман «Анна Каренина», начатый в 1873 г. Считая работу над ним законченной, Толстой намере-

вался издать его отдельной книгой и с этой целью ездил в Москву в январе и марте 1874 г. Однако издание это было приостановлено по инициативе самого Толстого и из печати не вышло. В письме к Н.Н. Страхову от 27 июля 1874 г. он писал: «То, что напечатано и набрано, мне так не понравилось, что я окончательно решил уничтожить напечатанные листы и переделать всё начало, относящееся до Левина и Вронского» (*Юб.* Т. 62. С. 100). Работа над романом с перерывами продолжалась до 1878 г. В 1875–1877 гг. «Анна Каренина» печаталась в *РВ*, и публикация закончилась в № 4 за 1877 г. седьмой частью романа. Восьмая часть была издана отдельной книгой летом 1877 г. (цензурное разрешение – 25 июня 1877 г.). В 1878 г. вышло первое и почти одновременно второе отдельное издание романа в трех томах. Подробно об истории создания романа см. статью В.А. Жданова и Э.Е. Зайденшнур в кн.: *Толстой Л.Н.* Анна Каренина. М., 1970. С. 803–833. (Сер. «Лит. памятники»). См. также примеч. 6 к письму 122.

[10]*...вы выбрали Кн⟨яжну⟩ Вяземскую...* – А.П. Вяземская, фрейлина двора. Она сопровождала вел. кнж. Марию Александровну в Лондон.

[11]*...жалкий экземпляр русских мужчин – Калошин.* – Какой Калошин (Колошин) имеется в виду, точно неизвестно. В примечании к письму А.А. Толстой от 16 марта 1874 г. высказывается предположение, что это Иван Петрович Колошин (см.: *ПТ*. С. 249). Однако в комментарии к письму Толстого назван Колошин Дмитрий Павлович (см.: *Юб.* Т. 62. С. 73–74).

[12]*...наделал вам неприятностей голодом самарским.* – Об интригах в придворных кругах, связанных с организацией помощи голодающим крестьянам Самарской губ. летом 1873 г., см.: *Дельвиг А.И.* Мои воспоминания. М., 1913. Т. 4. С. 400–404.

108. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

16 марта 1874

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/4. Л. 1–8. Ответ на письмо Толстого от 6 марта 1874 г. (письмо 107).

[1] *Ваше письмо...* – Письмо Толстого от 6 марта 1874 г. (письмо 107).

[2] *Восемь лет я была счастлива... с моей малышкой...* – Когда в 1866 г. А.А. Толстая стала воспитательницей Марии Александровны, великой княжне было 13 лет.

[3]*...отец и мать... пожертвовавшие единственной дочерью...* – А.А. Толстая имеет в виду Александра II и его жену Марию Александровну. Их старшая дочь Александра Александровна умерла в детском возрасте (1842–1849).

[4]*...ей удалось выйти замуж по любви.* – Речь идет о Марии Александровне, вышедшей замуж за герцога Эдинбургского.

[5]*...начиная с мужа...* – Имеется в виду Альфред Эрнест Альберт, герцог Эдинбургский, с 1893 г. герцог Саксен-Кобург-Готский, второй сын королевы Великобритании и Ирландии Виктории.

[6]... *чувствую, что вам обоим было очень больно.* — Александра Андреевна пишет о смерти сына Толстых Петра (см. письмо 107 и примеч. 5 к нему).

[7]...*нельзя больше оставаться спокойными.* — См. письмо 107 и примеч. 12 к нему.

[8]...*жду появления вашей книги...* — Романа «Анна Каренина».

[9]...*описание бедного Калошина... отчасти совпадает с моим мнением.* — См. письмо 107 и примеч. 11 к нему.

[10]...*он попадет под влияние принца Альфреда.*— То есть мужа вел. кн. Марии Александровны, герцога Эдинбургского. См. выше примеч. 5.

[11] *«Ты этого хотел, Жорж Данден!»* — См. примеч. 15 к письму 18.

[12] *Я желаю вам девочку.* — У Толстых родился сын Николай (см. примеч. 6 к письму 107).

109. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

23 июня 1874

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5891.А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ*. С. 250–251. В *Юб.*: Т. 62. С. 95.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 16 марта 1874 г. (письмо 108).

[1] *Вчера я похоронил тетушку Татьяну Александровну.* — Т.А. Ергольская скончалась 20 июня 1874 г. В письме к сестре Марии Николаевне (от 15 августа 1874 г.) Толстой признавался, что со смертью тетеньки Татьяны Александровны для него «разорвалась одна из важных связей с прошедшим» (*Юб.* Т. 62. С. 108). В «Воспоминаниях», написанных Толстым в 1900-е годы, Т.А. Ергольской посвящена шестая глава; она названа «третьим» (после отца и матери) и «самым важным лицом» в смысле влияния на его жизнь (*Юб.* Т. 34. С. 364–370).

[2] *Вы предсказывали мне девочку, но родился мальчик...* — См. письмо 108 и примеч. 12 к нему и примеч. 6 к письму 107.

[3]...*зовем его Петей, как прежнего.* — См. примеч. 5 к письму 107.

[4]...*борюсь с Петербургской педагогией... Дм⟨итрия⟩ Андр ⟨еевича⟩...* — Имеется в виду Д.А. Толстой, в 1866–1880 гг. министр народного просвещения и обер-прокурор Св. Синода; четвероюродный брат Толстого (подробно о нем см.: *Юб.* Т. 61. С. 340). В письме от 18 апреля 1874 г. Толстой спрашивал министра, одобрена ли его «Азбука» для народных школ и предлагал представить на рассмотрение Министерства народного просвещения составленный им «план преподавания в народной школе» (*Юб.* Т. 62. С. 81–82).

[5]...*делает... глупости... в народном образовании.* — Д.А. Толстой в 1871 г. провел реформу среднего образования на сословном принципе: право поступления в университет предоставлялось только выпускникам классических гимназий. Образовательные реформы Толстого определяли облик российской школьной системы до XX в. Реформы Д.А. Толстого не вызывали сочувствия у Толстого.

110. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

27 июля 1874

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5892.А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ*.. С. 251–253. В *Юб*.: Т.. 62. С. 100–102.

[1]*Пишу вам другое письмо... не получив ответа на первое*. — См. письмо от 23 июня (письмо 109). На оба письма А.А. Толстая ответила 6 августа (см. письмо 111).

[2]*...немец-дядька...* — Ф.Ф. Кауфман, гувернер старших сыновей Толстого: Сергея, Ильи и Льва. В Ясной Поляне он жил с 1872 г. И.Л. Толстой вспоминал о нем как о человеке «простом, примитивном и грубоватом» (*Толстой И.Л*. С. 97).

[3]*...англичанка-нянька...* — Эмили Табор, англичанка, поступившая к Толстым гувернанткой в 1873 г.; «добрейшая девица», как характеризовал ее С.Л. Толстой в своих воспоминаниях (*Толстой С.Л*. С. 35).

[4]*...мы ищем гувернера и гувернантку. — Мне пришло в голову попросить вас...* — С подобной просьбой Толстой обращался в письме от 15 августа 1874 г. и к сестре Марии Николаевне, жившей в это время в Швейцарии (см.: *Юб*. Т.. 62. С. 108–109).

[5] *Мальчику старшему 11 лет...* — Сергей Львович Толстой родился в 1863 г.

[6]*...девочке 10*. — Татьяна Львовна Толстая родилась в 1864 г.

111. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

6 августа 1874

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/4. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ*.. С. 253–254.

Ответ на письма Толстого от 23 июня и 27 июля 1874 г. (письмо 109 и 110).

[1] *...получила ваше первое письмо...* — Письмо от 23 июня (см. письмо 109).

[2] *Второе... ожидало меня здесь*. — См. письмо 110.

[3]*...счастлива буду помочь... в вопросе о детях*. — Толстой просил Александру Андреевну помочь ему найти гувернера и гувернантку к старшим детям.

[4]*...я... напишу и в Англию и в Швейцарию, как... получу ваш ответ*. — «Швейцарское мне более нравится», — отвечал Толстой (см. письмо 112). Александра Андреевна рекомендовала Толстому швейцарца педагога Перро (Perrot), который должен был помочь в поисках воспитателей (см. письма 113 и 115). Переговоры закончились к началу мая 1875 г. (см. телеграмму Толстого к Перро от 1 мая 1875 г.: *Юб*. Т.. 62. С. 180), и в Ясную Поляну приехал гувернер Жюль Рей (Jules Rey) с сестрой. Ж. Рей оставался гувернером детей Толстых до 1878 г. По словам С.Л. Толстого, это был «молодой человек лет двадцати трех, знавший, кроме французского и немецкого, также латинский и греческий языки» (*Толстой С.Л*. С. 2–43). Оба старших сына Толстых, Сергей и Илья, резко отрицательно отзывались о нем. Кроме

Рея и его сестры, которую осенью сменила молодая француженка m-lle Гаше, учителями детей Толстых в эти годы были «англичанка Анни Филиппс и вновь поступивший русский учитель Владимир Иванович Рождественский. Кроме того, — пишет Сергей Львович, — из Тулы приезжал учитель музыки Мичурин и учительница немецкого языка, а местный священник Василий Иванович давал нам уроки Закона Божия» (*Там же.* С. 51).

[5]*...письмо о смерти тетушки...* — О смерти Т.А. Ергольской Толстой сообщал в письме к Александре Андреевне от 23 июня 1874 г. (см. письмо 109).

112. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

15 августа 1874

Печатается по автографу: *ОР ГМТ* Ф. 1. № 5893.А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.* С. 254–255. В *Юб.*: Т. 62. С. 106–107.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 6 августа 1874 г. (письмо 111).

[1]*...благодарен... за вашу готовность помочь мне в деле гувернантки.* — См. письмо 111 и примеч. 3 к нему.

[2]*...вы провели хорошие два месяца с В⟨еликой⟩ к⟨няжной⟩...* — А.А. Толстая встретилась со своей бывшей воспитанницей Марией Александровной, вышедшей 11 января 1874 г. замуж за герцога Эдинбургского.

[3]*...ездил смотреть хозяйство в моем... имении.* — Толстой с сыном Сергеем выехали из Ясной Поляны в Самару 30 июля, а около 12 августа вернулись в Ясную Поляну.

[4]*...в том участии, которое вы принимали в помощи тамошнему народу.* — См. письмо 106 и примеч. 1 и 3 к нему.

[5]*Я... купил там землю...* — Имение и земля в Самарской губернии были куплены Толстым в 1871 г.

[6]*... вы писали мне...* — В письме от 16 марта 1874 г. (см. письмо 108) Александра Андреевна писала, что Толстой первым «зажег огонь», что нельзя было «оставаться спокойным» и принятые меры «многое дали» в деле помощи голодающим крестьянам.

113. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 29 и 31 октября 1874

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. №5288.А. Л. 1–2об. Впервые: *Юб.* Т. 62. С. 118.

[1]*...благодарен... за ваше письмо к г-ну Перо...* — Ответ на неизвестное письмо А.А. Толстой, которая, выполняя свое обещание, дала Толстому адрес педагога — швейцарца Перро (см. примеч. 4 к письму 111).

[2] *Я пишу ему с этой почтой...* — Письмо Толстого к Перро неизвестно. 3 декабря (н. ст.) Перро сообщал Толстому, что получил его письмо от 1 (13) ноября и что теперь он «более энергично» будет продолжать поиски гувернеров для Толстого. В *ОР ГМТ* сохранилось 6 писем Перро к Толстому за 1874 — 1875 гг. Письма Толстого к Перро не сохранились (см.: *Юб.* Т. 62. С. 520—521).

[3] *Роман мой... уж месяца 4 стоит, и я не имею времени продолжать исправлять.* — Работа над романом «Анна Каренина» продолжалась до конца декабря 1874 г.; первые главы (I—XIV) появились в январском номере *РВ* за 1875 г.

[4] *...я пишу... грамматику...* — Первый набросок «Грамматики для сельской школы» датирован 20 апреля 1874 г. К концу года, очевидно, была написана ее первая редакция. Работа продолжалась и в 1875 г., но закончена не была (см.: *Описание 2.* С. 232—235; *Юб.* Т. 21. С. 412—424).

[5] *...старшая дочь... сломала ключицу.* — Дочь Толстых Татьяна 27 октября 1874 г. сломала ключицу (см. письмо Толстого к А.А. Фету от 3...4 ноября 1874 г.: *Юб.* Т. 62. С. 122). 2 ноября Толстой повез ее в Москву к доктору Ф.Е. Гааку и сообщал брату Сергею Николаевичу, что, по словам доктора, «через 3 недели срастется, и следов не будет» (*Там же.* С. 125).

[6] *...разлука с В⟨еликой⟩ к⟨нягиней⟩.* — С Марией Александровной, герцогиней Эдинбургской.

[7] *...скоро придется мне быть в Петербурге.* — В 1874—1877 гг. Толстой в Петербург не приезжал.

114. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

4 декабря 1874

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/4. Л. 1—4об. Впервые: *ПТ.* С. 255—257.

Ответ на письмо Толстого, написанное между 29 и 31 октября 1874 г. (письмо 113).

[1] *...я наткнулась на... Голохвастова...* — П.Д. Голохвастов, писатель-историк, исследователь русских былин. Хороший знакомый Толстого; он и его жена Ольга Андреевна (внучка Н.М. Карамзина), писательница, неоднократно бывали в Ясной Поляне.

[2] *Он успокоил меня насчет вашей дочки...* — См. письмо 113 и примеч. 5 к нему. О несчастном случае с дочерью Толстой писал самому П.Д. Голохвастову (см.: *Юб.* Т. 62. С. 119—120).

[3] *...не отнял надежды увидеть вас... вы намекнули на возможность ее осуществления!* — См. письмо 113 и примеч. 7 к нему.

[4] *...что я давала... В⟨еликой⟩ к⟨няжне⟩, осталось ее целиком...* — Речь идет о Марии Александровне, герцогине Эдинбургской.

[5] *...я опять беру на себя... груз... покинутых... занятий по моим заведениям...* — А.А. Толстая снова вернулась к попечительству над «Домом милосердия»,

где жили падшие женщины («магдалины»). Об этой деятельности Александры Андреевны неоднократно идет речь в ее переписке с Толстым (см. письма 1865 г. и письмо 106). В дневнике 19 сентября 1878 г. она записала: «Была в городе. Посетила свои оба дома Магдалин. Все это очень далеко от того *идеала*, о котором я мечтала раньше, но все же, может быть, несколько душ и спасется в них» (*ДАТ*).

[6] *Желаю этого... и для вашей книги...* — См. примеч. 3 к письму 113.

[7] *Когда же я с ней познакомлюсь?* — Знакомство А.А. Толстой с Софьей Андреевной произошло в Петербурге в январе 1877 г. (см. письма 125 и 126).

[8] *... явлюсь в Ясные Поляны.* — А.А. Толстая гостила в Ясной Поляне с 25 июля по 4 августа 1887 г. (см.: *ДСТ 1.* С. 123; *Юб.* Т. 86. С. 70).

[9] *...если вы приедете в Петербург.* — Приехав в Петербург 6 марта 1878 г., Толстой остановился у Л.А. Берс (Эртелев переулок, дом 7). В этот же день он посетил брата Александры Андреевны, Илью Андреевича (Моховая, 18), и вместе с ним — П.В. Толстую (см.: *Юб.* Т. 83. С. 246–247).

[10] *Ералаш* — карточная игра.

115. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 15 и 30 декабря 1874

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5894.А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.* С. 257–259, с датой: ⟨Декабрь 1874 г.⟩. Дата уточнена: *Юб.* Т. 62. С. 130–131.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 4 декабря 1874 г. (письмо 114).

[1] *...ваше последнее... письмо...* — См. письмо 114.

[2] *...вы беретесь за оставленное дело...* — См. письмо 114 и примеч. 5 к нему.

[3] *...сорок веков смотрят на меня с вершин этих пирамид.* — Фраза из речи Наполеона к солдатам во время похода в Египет.

[4] *...спасти тех тонущих... Остроградских, Филаретов...* — М.В. Остроградский, математик (см. о нем: *Юб.* Т. 62. С. 131). Филарет — В.М. Дроздов, митрополит Московский и Коломенский, историк Церкви; известный проповедник; сын сельского дьячка. Об этом же Толстой писал С.А. Рачинскому 5 апреля 1877 г.: «Я не мог и не могу войти в школу и в сношения с мальчиками, чтобы не испытать прямо физического беспокойства, как бы не просмотреть Ломоносова, Пушкина, Глинку, Остроградского и как бы узнать, кому что нужно» (*Юб.* Т. 62. С. 318).

[5] *Роман свой я обещал напечатать в «Русском вестнике»...* — Речь идет о романе «Анна Каренина», который, по мере написания, начиная с 1875 г. печатался в *РВ* (см.: *Юб.* Т. 62, письма к М.Н. Каткову от 21 декабря 1874 г. и от первой половины февраля 1875 г.).

[6] *Перро... я надеюсь... мне устроит... чем можно отблагодарить его?* — О М. Перро и результатах его помощи Толстому см. примеч. 4 к письму 111, а также примеч. 1 и 2 к письму 113. Ответ А.А. Толстой на эти вопросы Льва Николаевича неизвестны — в 1875 г. они не переписывались.

1876

116. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

1 ⟨?⟩ марта 1876

Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по тексту: *ПТ*. С. 259, где опубликовано впервые, с датой: ⟨Февраль — март 1876 г.⟩. Дата уточнена: *Юб*. Т. 62. С. 254.

[1] *Уже более года я не имею от вас... известий...* — Последнее письмо А.А. Толстой — от 4 декабря 1874 г. (см. письмо 114).

[2]*...ждал ответа...* — См. письмо 115.

[3]*...напишите мне словечко...* — А.А. Толстая ответила 6 марта 1876 г. (см. письмо 117).

[4]*...о смерти... Ергольской...* — См. письмо 109 и примеч. 1 к нему.

[5]*...я похоронил трех детей меньших...* — Петр скончался 9 ноября 1873 г.; Николай умер 20 февраля 1875 г., Варвара родилась и умерла 1 ноября 1875 г.

[6]*...я похоронил... тетку Юшкову...* — П.И. Юшкова, сестра отца Толстого, умерла в возрасте 78-ми лет в Ясной Поляне 22 декабря 1875 г.; незадолго перед этим она переехала к Толстым из Тульского монастыря. Толстой очень тяжело пережил эту смерть (см. письмо 118). Через три дня после ее смерти Толстой начал статью «О душе и жизни ее вне известной и понятной нам жизни» (*Юб*. Т. 17. С. 340–352). Статья закончена не была.

117. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

6 марта 1876

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/4. Л. 1–4об. Впервые: *ПТ*. С. 259–262.

Ответ на письма Толстого от 1 ⟨?⟩ марта 1876 г. (письмо 116).

[1]*...про своего г⟨енерал⟩-губернатора Эссена...* — П.К. Эссен в 1817–1829 гг. был Оренбургским военным губернатором (см. о нем: *Юб*. Т. 17. С. 582). Упоминается Толстым в материалах к роману «Декабристы» (*Юб*. Т. 17. С. 461).

[2]*...присутствием... дорогой воспитанницы с ее... baby...* — Речь идет о Марии Александровне герцогине Эдинбургской, младшей дочери Александра II, и ее дочери Марии.

[3]*...брат... Сенаторствует по утрам...* — И.А. Толстой 17 апреля 1874 г. был назначен сенатором; присутствовал в департаменте герольдии.

[4]*...день кончины В⟨еликой⟩ К⟨нягини⟩ Марии Николаевны...* — Дочь Николая I, вел. кн. Мария Николаевна герцогиня Лейхтенбергская, скончалась 9 февраля 1876 г. в возрасте 57 лет.

[5]*...со всеми... детьми, которые столько лет составляли... интерес жизни сестры и моей.* — С 1846 по 1866 г. Александра Андреевна и ее старшая сестра Елизавета Андреевна состояли при дворе вел. кн. Марии Николаевны.

[6]*...приезд... моей воспитанницы... с двумя детьми. Муж ее...* — Мария Александровна, герцогиня Эдинбургская, приехала из Англии с мужем Альфредом, герцогом Эдинбургском, и детьми Альфредом и Марией.

[7] *Нельзя же нам не поговорить о вашей «Анне»...* — Отзывы А.А. Толстой о романе «Анна Каренина» содержатся в письмах 121, 124, 130 и 133.

[8] *Знаю, что́... малютки уносят с собой... скажите, когда и почему это так случилось.* — См. письмо 118.

118. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 8 и 12 марта 1876

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5895.А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ*. С. 262–263, с датой: ⟨Март 1876 г.⟩. Дата уточнена: *Юб*. Т. 62. С. 256–257.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 6 марта 1876 г. (письмо 117).

[1]*...дороги все ваши Андреичи...* — Софья Андреевна и Илья Андреевич Толстые — сестра и брат А.А. Толстой.

[2]*...радостно было узнать про Прасковью Васильевну.* — В письме от 6 марта 1876 г. (письмо 117) А.А. Толстая рассказывала о здоровье и душевном состоянии П.В. Толстой.

[3] *После 5 и теперь живых...* — В 1876 г. в семье Толстых было пятеро детей: Сергей, Татьяна, Илья, Лев и Мария.

[4]*...6-й был... Петя.* — См. примеч. 5 к письму 107.

[5]*...ужасную неделю его умирания.* — О смерти сына Толстых Николая см. примеч. 6 к письму 107.

[6]*...преждевременно родила дочь...* — Дочь Варвара родилась и умерла 1 ноября 1875 г. В письме к А.А. Фету от 8... 9 ноября 1875 г. Толстой сообщал: «...жена была при смерти больна воспалением брюшины, родила преждевременно тотчас же умершего ребенка. Страх, ужас, смерть, веселье детей, еда, суета, доктора, фальшь, смерть, ужас. Ужасно тяжело было» (*Юб*. Т. 62. С. 216).

[7]*...тетушка Пел⟨агея⟩ Ильин⟨ична⟩ Юшкова... в страшных мучениях скончалась.* — О предсмертных страданиях П.И. Юшковой Толстой писал брату Сергею Николаевичу 10...12 декабря 1875 г. (см.: *Юб*. Т. 62. С. 233). См. письмо 116 и примеч. 6 к нему.

[8] *Моя Анна надоела мне, как горькая редька.* — Такого рода настроения были у Толстого и раньше. В письме к Н.Н. Страхову (8... 9 ноября 1875 г.) он признавался: «Боже мой, если бы кто-нибудь за меня кончил А. Каренину! Невыносимо противно» (*Юб*. Т. 62. С. 215). Теперь он готовил к печати в мартовский номер *РВ* за 1876 г. главы XVI–XXI четвертой части и I–VI главы пятой части «Анны Ка-

рениной», но работа шла медленно. С.А. Толстая писала Т.А. Кузминской 17 марта 1876 г.: «Левочка, не разгибаясь, сидит над мартовской книгой, и все не готово» (*Гусев. Летопись I*. С. 453).

119. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

16 марта 1876

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/4. Л. 1–4. Впервые: *ПТ*. С. 263–264.

[1]*...ответ на мое... письмо отправился к кому-нибудь другому.* — Недоразумение произошло с письмом Толстого к А.А. Толстой, написанным между 8 и 12 марта (см. письмо 118). Это письмо Толстой, перепутав конверты, отправил своему другу С.С. Урусову, а письмо к нему вложил в конверт с адресом А.А. Толстой.

[2] *В... загадочном письме... вы говорите о своем здоровье... радостно забилось мое сердце, прочитав, как сильно ваша душа жаждет веры.* — Из этих строк мы узнаем, о чем писал Толстой С.С. Урусову в письме, по ошибке отправленном А.А. Толстой. И хотя свое письмо от 28 марта она начинает словами: «Письмо к Урусову было немедленно отослано мною» (см. письмо 121), оно остается неизвестным.

[3]*...вы сказали в «Анне Карениной», что мысль о смерти освещает жизнь.* — Рассуждения Константина Левина о жизни и смерти содержит глава XXXI третьей части романа (*Юб*. Т. 18. С. 367–368).

[4]*Львовы мне говорили, что вы на весну приезжаете в Москву в их дом.* — Речь идет о князе Е.В. Львове и его жене В.А. Львовой. Их имение Поповка находилось в Алексинском у., Тульской губ. Они бывали в Ясной Поляне (см.: *ПСТ*. С. 78–79). В письме к Е.В. Львову 29 февраля... 1 марта 1876 г. Толстой приглашал летом его заехать в Ясную Поляну и сообщал: «Если буду в Москве, то буду у вас непременно» (*Юб*. Т. 62. С. 251). В 1876 г. Львовы жили на Плющихе в доме Штундера (Вся Москва. Адрес-календарь на 1876 г. М., 1877. С. 689). В течение лета 1876 г. Толстой был в Москве один раз, в начале июня. Он ездил вместе с С.А. Толстой советоваться с докторами о ее здоровье (см. письмо Толстого к А.А. Фету от 8? июня 1876 г.: *Юб*. Т. 62. С. 278).

[5]*...получили вы мое покаянное письмо.* — Письмо А.А. Толстой от 6 марта (см. письмо 117). Толстой ответил на него письмом между 8 и 12 марта (см. письмо 118).

120. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 20 и 23 марта 1876

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5896.А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ*. С. 265–266, с датой: ⟨Март 1876 г.⟩. Дата уточнена: *Юб*. Т. 62. С. 260–262.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 16 марта 1876 г. (письмо 119).

[1] *...это правда, что я перепутал письма.* — См. письмо 119 и примеч. 1 к нему.

[2] *Я... пишу ему, прося... вложить в конверт и надписать вам...* — Письмо Л.Н. Толстого к С.С. Урусову с просьбой о пересылке письма к А.А. Толстой — неизвестно.

[3] *Это мой севастопольский друг... мы... любим друг друга.* — Князь С.С. Урусов, генерал в отставке; участник обороны Севастополя 1855 г.; известный русский шахматист и математик. Между Толстым и С.С. Урусовым существовали серьезные расхождения по вопросам религии, но это не прерывало их многолетней дружбы. Отвечая на запрос П.А. Сергеенко, Толстой писал 13 февраля 1906 г.: «...у меня было два (кроме А.А. Толстой, это третье) лица, к которым я много написал писем, и, сколько я вспоминаю, интересных для тех, кому может быть интересна моя личность. Это: Страхов и кн. Сергей Семенович Урусов» (*Юб.* Т. 76. С. 98). Подробнее см.: *Свадковский Б.С.* «Это мой севастопольский друг...»: (Л.Н. Толстой и С.С. Урусов) // Толстой и о Толстом: Материалы и исследования. М., 1998. Вып. 1. С. 186—204.

[4] *...я ему читал свое философское сочинение.* — С.С. Урусов был в Ясной Поляне 16 января 1876 г. Очевидно, Толстой читал ему начатую им в сентябре—октябре 1875 г. религиозно-философскую работу, которая не была закончена и почти полностью утрачена. Сохранившийся отрывок, под заглавием «О значении христианской религии», опубл.: *Юб.* Т. 17. С. 353—356 (см.: *Гусев. Материалы III.* С. 220—223).

[5] *...он мне написал прекрасное письмо...* — Письмо С.С. Урусова неизвестно.

[6] *...я писал ему...* — Письмо Л.Н. Толстого к С.С. Урусову от 21 февраля 1876 г. (*Юб.* Т. 62. С. 248—249).

[7] *...после свидания с Бобринским...* — А.П. Бобринский, последователь учения английского проповедника Г. Редстока (см.: *Юб.* Т. 47. С. 379). В Ясную Поляну Бобринский приезжал в феврале 1876 г. В несохранившемся письме к нему от 14 апреля 1876 г. Толстой писал о своем отношении к вере, о чем свидетельствует ответ Бобринского от 1 мая 1876 г. (*ОР ГМТ*).

[8] *...счастья... веры нельзя приобрести усилием мысли, а надо получить его чудом... об этом писал Урусову...* — По свидетельству биографа Толстого, Н.Н. Гусева, остались неизвестными пять писем Толстого к С.С. Урусову 1876 г. и два письма 1878 г., посвященные вопросам православной веры. «Все эти письма были уничтожены Урусовым в порыве религиозного фанатизма» (*Гусев. Материалы III.* С. 235).

[9] *Вы знаете Редстока?* — А.А. Толстая хорошо знала английского проповедника-евангелиста Гренвиля Редстока, который в 1874 г. приезжал в Петербург, выступал в аристократических домах. Она положительно отнеслась к его взглядам и религиозной деятельности (о Редстоке см.: *Юб.* Т. 23. С. 534; Т. 49. С. 230—231).

[10] *Читали ли вы жизнь Паскаля...* — Толстой читал кн.: Pensées de Pascal. Précédées de sa vie par m-me Perier, sa soeur. P., 1850 (Мысли Паскаля. Очерк жизни, составленный г-жой Перье, его сестрой). Книга, с многочисленными пометами Толстого, сохранилась в Яснополянской библиотеке (*Библиотека ЯП III.* Ч. 2. С. 154—162). Паскаль был одним из любимых и почитаемых Толстым писателей. Об

отношении Толстого к Паскалю см.: *Тарасов Б.Н.* Куда движется история? СПб., 2002. С. 290—302. Подробно о нем: *Юб.* Т. 55. С. 462—463. Многие изречения Паскаля были включены Толстым в «Круг чтения». Очерк «Паскаль» был написан Толстым специально для «Недельных чтений» (см.: *Юб.* Т. 41. С. 477—484).

121. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

28 марта 1876

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/4. Л. 1—5об. Впервые: *ПТ.* С. 266—269.

Ответ на письмо Толстого, написанное между 20 и 23 марта 1876 г. (письмо 120).

[1] *Письмо к Урусову... отослано мною. Желаю, чтобы и он был также аккуратен...* — Письмо Толстого было отослано С.С. Урусовым А.А. Толстой (см. письмо 120). Отправленное Александрой Андреевной письмо Толстого к С.С. Урусову — неизвестно.

[2] *...менстрововать...* — Так в автографе; искаженное «менторствовать».

[3] *Радстока... знаю... и очень люблю...* — См. письмо 120 и примеч. 9 к нему.

[4] *К нему... можно... приложить слова Ап. Павла: «Я ничего не хочу знать кроме Христа Распятого».* — «...Я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого» (1 Кор 2, 2).

[5] *Бобринский его ученик.* — О А.П. Бобринском см. письмо 120 и примеч. 7 к нему.

[6] *Я недавно читала его profession de foi в... письме к Жемчужникову...* — Письмо Редстока к одному из братьев Жемчужниковых (Алексею, Николаю, Владимиру, Льву или Александру) неизвестно.

[7] *...Паскаля я вам рекомендовала... лет 20-ть... назад.* — См. письмо 120 и примеч. 10 к нему.

[8] *...некогда говорить об «Анне Карениной»... дайте нам поскорее продолжение и конец.* — В № 3 *РВ* за 1876 г. печатались главы XVI—XXI четвертой части и главы I—VI пятой части «Анны Карениной»; в № 4 *РВ* за 1876 г. — главы VII—XIX пятой части, а в № 12 *РВ* за 1876 г. — главы XX—XXIX пятой части. Печатание романа продолжалось в 1877 г. (*РВ.* № 1—4; части шестая и седьмая). Последняя, восьмая часть (эпилог) романа должна была печататься в майской книжке *РВ* за 1877 г. Конфликт между Толстым и редактором *РВ* М.Н. Катковым, возникший на почве расхождения их взглядов на деятельность Славянского комитета, который вербовал добровольцев в Сербию на русско-турецкую войну 1877—1878 гг., привел к разрыву (см. письма к Н.Н. Страхову от 21... 22 мая 1877 г. и в редакцию «Нового времени» от 10 июня 1877 г.: *Юб.* Т. 62. С. 326 и 329—330). В результате эпилог (восьмая часть) «Анны Карениной» был напечатан в Москве в типографии Ф.Ф. Риса отдельной книжкой (см. письмо к Н.Н. Страхову от 28... 29 мая 1877 г. и примеч. к нему: *Юб.* Т. 62. С. 328) в июле 1877 г.

[9]*...прошел слух, что Анна убьется на рельсах железной дороги.* — Вопрос Александры Андреевны остался без ответа. Гораздо позднее, в 1883 г., Толстой все-таки ответил на него. «Говорят, что вы очень жестоко поступили с Анной Карениной, заставив ее умереть под вагоном», — сказал Толстому его знакомый Г.А. Русанов. Толстой ответил: «Это мнение 〈...〉 напоминает мне случай, бывший с Пушкиным. Однажды он сказал кому-то из своих приятелей: "Представь, какую штуку удрала со мной моя Татьяна! Она замуж вышла! Этого я никак не ожидал от нее". То же самое и я могу сказать про Анну Каренину. Вообще герои и героини мои делают иногда такие штуки, каких я не желал бы: они делают то, что должны делать в действительной жизни, и как бывает в действительной жизни, а не то, что мне хочется» (*Русанов Г.А., Русанов А.Г.* Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. 1883–1901 гг. Воронеж, 1972. С. 31). Значительно позднее, 20 января 1905 г., Д.П. Маковицкий записал рассказ Толстого так: «Дочь Карамзина рассказывала мне, что она слышала от Пушкина: "Моя Татьяна поразила меня, она отказала Онегину. Я этого совсем не ожидал"» (*ЯЗ I*. С. 143).

122. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 15 и 17 апреля 1876

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5897.А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ*. С. 269–270, с датой: 〈Апрель 1876 г.〉. Дата уточнена: *Юб*. Т. 62. С. 266–267.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 28 марта 1876 г. (письмо 121).

[1]*Недаром я написал вам...* — См. письмо 118.

[2]*...от вас получил письма...* — Письма А.А. Толстой от 16 и 28 марта (см. письма 119 и 121).

[3]*...я... написал вам... не убеждайте меня...* — См. письмо 120.

[4]*...прекрасно вы... описали Радстока.* — О Редстоке и своем отношении к нему А.А. Толстая писала 28 марта 1876 г. (см. письмо 121).

[5]*Я рад... что вы знаете Паскаля.* — См. письмо 121, а также письмо 120 и примеч. 10 к нему.

[6]*...боюсь, что не кончу его раньше будущей зимы.* — Толстой закончил работу над романом «Анна Каренина» в июне 1877 г. и начал пересматривать весь роман для отдельного издания, которое вышло из печати в 3-х томах в январе 1878 г. В этой работе Толстому помогал Н.Н. Страхов и оставил свои воспоминания, относящиеся к лету 1877 г. (см.: *Юб*. Т. 20. С. 642–643).

[7]*...буду заниматься... философскими и религиозными работами... для себя.* — О философских и религиозных сочинениях Толстого, написанных в конце 1875–1876 гг., см. *Юб*. Т. 17; см. также примеч. 6 к письму 116 и примеч. 4 к письму 120.

[8]*На днях ехал в Москву...* — Толстой был в Москве 8–12 апреля 1876 г.

[9]*...узнал ваших кузин Вадбольских, Эспера и Проспера и милую... княгиню...* — Упоминаются княгиня Е.В. Вадбольская (рожд. Барыкова), тетка А.А. Толстой, и ее дочери: Елизавета, Прасковья, Елена, Софья и Екатерина. Кто такие Эспер и Проспер — неизвестно.

1877

123. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

10 или 11 января 1877

Автограф письма утрачен. Публикуется по машинописной копии, очевидно, неполной: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 5. № 197. Л. 1. Впервые по копии: *ПТ*. С. 270–271, с датой: ⟨Январь 1877 г.⟩. Дата уточнена: *Юб*. Т. 62. С. 300–301.

1 *...не отвечали на мое последнее... письмо...* — См. письмо 122.

2 *В последнем письме моем я вам сделал мою profession de foi*. — В апреле 1876 г. (письмо 122) Толстой писал, что он не верит ничему из того, «чему учит нас религия», но ненавидит и презирает неверие и не видит «никакой возможности жить без веры».

3 *Жена едет в Петербург...* — С.А. Толстая приехала в Петербург 14 января 1877 г., 22 января она вернулась в Ясную Поляну.

4 *...со времени смерти наших... детей*. — В 1873 и 1875 гг. умерли Петр, Николай и Варвара (см. примеч. 5 к письму 116). «Я долго хворала, — писала С.А. Толстая, — после рождения умершей тотчас же недоношенной девочки Варвары, вследствие моих страданий от коклюша и перитонита» (*ПСТ*. С. 138–139).

5 *...обещала мне быть у Боткина...* — С.П. Боткин, брат В.П. Боткина; врач-клиницист, профессор Медико-хирургической (Военно-медицинской) академии.

6 *...если уже будете писать, напишите все*. — А.А. Толстая исполнила эту просьбу и в письмах от 18 и 27 января 1877 г. передала свои разговоры с С.П. Боткиным о здоровье С.А. Толстой (см. письма 125 и 127). Сама Софья Андреевна писала мужу о встрече с Боткиным в письме от 16 января (см.: *ПСТ*. С. 140).

124. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

13 января 1877

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/5. Л. 1–4об. Впервые: *ПТ*. С. 271–273.

Ответ на письмо Толстого от 10 или 11 января 1877 г. (письмо 123).

1 *...вдруг ваше письмо!* — См. письмо 123.

2 *...пошлю узнать, приехала ли Sophie, и немедленно отправлюсь к ней*. — В письме к Толстому от 16 января 1877 г. Софья Андреевна сообщала, что первая ее встреча с Александрой Андреевной произошла на квартире Л.А. Берс. «Она была очень любезна и со мной и со всеми, — писала С.А. Толстая, — и все показывала на меня обеими руками и говорила: "Я нахожу ее такою, какою я ее себе представляла"» (*ПСТ*. С. 140).

3 *Боткина постараюсь увидеть 18-го*. — С.П. Боткин был у С.А. Толстой в квартире ее матери, Л.А. Берс, в 6 часов вечера 16 января; он «сказал, что легкие и грудь совсем здоровы, все нервное» (*ПСТ*. С. 140).

[4] *Он мне... скажет всю правду, а я передам ее вам...* — См. письма 125 и 127.

[5] *...получили ли вы эту депешу.* — Речь идет об осени 1876 г. Эта телеграмма А.А. Толстой неизвестна.

[6] *Умер... Вася, бывший артиллерийский полковник.* — В.А. Вадбольский, двоюродный брат А.А. Толстой (см. о нем: *Юб.* Т. 62. С. 307).

[7] *Наконец... появилась... ваша Анна!* — В декабрьском номере *РВ* за 1876 г., после семимесячного перерыва, были напечатаны главы XX–XXIX пятой части «Анны Карениной»: приезд Анны и Вронского в Петербург; свидание Анны с сыном; посещение театра и оскорбление, нанесенное ей там. В письме к Н.Н. Страхову, сообщавшего о восторженном приеме в Петербурге новых глав романа (см.: *ТС I.* С. 303–304), Толстой писал: «Успех последнего отрывка "А⟨нны⟩ К⟨арениной⟩" тоже, признаюсь, порадовал меня» (*Юб.* Т. 62. С. 307).

[8] *Всякая глава «Анны Карениной» подымала все общество на дыбы...* — См.: *Гусев. Материалы III.* С. 369–429 (гл. «Отзывы современников о романе "Анна Каренина"»).

[9] *Друзья Тургенева вопиют, зачем он выпустил свою «Новь»...* — Роман И.С. Тургенева «Новь» (*РВ.* 1877. № 1, 2) вызвал различные толки и критические отзывы в печати. См., например, статью В. Авсеенко «"Новь" И.С. Тургенева» (*Там же.* № 2), в которой автор упрекал Тургенева в увлечении нигилизмом.

[10] *...был у меня Черкасский.* — Очевидно, князь В.А. Черкасский, помещик Веневского у., Тульской губ.; политический деятель. См. о нем: *Юб.* Т. 47. С. 403.

[11] *Он пишет одной головой...* — В письме к Н.Н. Страхову от 25...26 января 1877 г. Толстой писал: «Тургенева я не читал, но истинно жалею, судя по всему что слышу, что этот ключ чистой и прекрасной воды засорился такой дрянью» (*Юб.* Т. 62. С. 308). Прочитав роман, Толстой написал письмо к А.А. Фету (11...12 марта 1877 г.) с резко отрицательным отзывом, признавая, однако, мастерство Тургенева-пейзажиста (см.: *Там же.* С. 314–315).

125. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

18 января 1877

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/5. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.* С. 274–275.

Ответ на письмо Толстого от 10 или 11 января 1877 г. (письмо 123).

[1] *...я вам напишу... как увижу Боткина.* — О разговоре с С.П. Боткиным А.А. Толстая писала 27 января (см. письмо 127).

[2] *...желание Боткина удержать ее здесь и полечить под своими глазами.* — С.А. Толстая сообщала мужу 16 января, что Боткин уговаривал ее «остаться неделю, чтобы начать лечение при нем». «Я, конечно, не согласилась и приеду», — пишет она (*ПСТ.* С. 140), хотя Толстой просил ее «не торопиться» (*Юб.* Т. 83. С. 235).

[3] *...я вся переполнена ею и вами.* — «Alexandrine мила, — писала Софья Андреевна Толстому, — потому что твоя, о тебе вместе говорим и любим» (*ПСТ.* С. 143).

126. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

24 января 1877

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5898.А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ*. С. 275–276, с датой: ⟨Январь 1877 г.⟩. Дата уточнена: *Юб*. Т. 62. С. 306–307.

Ответ на письма А.А. Толстой от 13 и 18 января 1877 г. (письма 124 и 125).

[1] *...приятное... то, что вы пишете о последнем отрывке моего романа*. — См. письмо 124 и примеч. 7 к нему.

[2] *...вы говорите, что моя profession de foi... не отдалила вас от меня, но приблизила*. — См. письма 122 и 124.

[3] *...переписке... с Урусовым, с Бобринским о религии...* — Письмо Толстого к С.С. Урусову — от 21 февраля 1876 г. (*Юб*. Т. 62. С. 248–249. Письмо Толстого к А.П. Бобринскому неизвестно (см. примеч. 7 к письму 120). О разговорах с Бобринским о религии Толстой сообщал в упомянутом письме к Урусову: «На днях был у меня Бобринский ⟨...⟩ Он горячий верующий, и его слова после вас имели на меня то же влияние, чувство зависти к той высоте и спокойствию кот⟨орыми⟩ вы обладаете» (*Юб*. Т. 62. С. 249). См. также письмо 120.

[4] *...про покойного Вадбольского...* — О смерти В.А. Вадбольского А.А. Толстая писала 13 января 1877 г. (см. письмо 124 и примеч. 6 к нему).

[5] *Соня хотела написать вам о том, что было с нами вчера*. — 23 января 1877 г. во время катания на коньках сын Толстых Сергей упал, ушибся и потерял сознание. Письмо С.А. Толстой к Александре Андреевне с описанием этого несчастного случая неизвестно. Сам Толстой подробно рассказал о случившемся в письме к Д.А. Дьякову от 24 января 1877 г. (см.: *Юб*. Т. 62. С. 305).

[6] *...напомните обо мне дружески Sophie и Илье Андреевичу*. — Софье Андреевне и Илье Андреевичу — сестре и брату А.А. Толстой.

127. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ и С.А. ТОЛСТОЙ

27 января 1877

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/5. Л. 1–4об. Впервые: *ПТ*. С. 276–278.

Ответ на письмо Толстого от 24 января 1877 г. (письмо 126) и на письма С.А. Толстой от 22 января 1877 г. (*ОР ГМТ*. Ф. 47) и неизвестное.

[1] *...благодарю вас за дорогие письма...* — Письмо Толстого от 24 января (см. письмо 126) и два письма С.А. Толстой, из которых одно (с описанием несчастного случая с сыном Сергеем) неизвестно, а другое — от 22 января 1877 г. (*ОР ГМТ*).

[2] *...благодарю Господа за спасение Сережи*. — См. письмо 126 и примеч. 5 к нему.

[3]*...Боткин был у меня и подтвердил... самое утешительное...* — Толстой просил написать ему, что скажет С.П. Боткин о здоровье Софьи Андреевны (см. письмо 123).

[4] *Ваше сравнение себя... насчет религии с холодной кокеткой мне... не нравится.* — Об этом см. в письме 126.

[5]*...вы находите трудным меня... описать.* — Александра Андреевна имеет в виду слова Толстого: «...хотя я и писатель, вы так трудны для описания, что, сколько я ни старался, я не мог объяснить ей ⟨С.А. Толстой⟩ вас» (см. письмо 126).

[6]*...я рада, что книги нравятся детям.* — В письме от 22 января 1877 г. С.А. Толстая писала: «Английские книги им так нравятся, что они с нетерпением ждут часов отдыха, чтобы засесть за чтение» (*ОР ГМТ*).

128. Л.Н. ТОЛСТОЙ — А.А. ТОЛСТОЙ

Между 5 и 9 февраля 1877

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5899.А. Л. 1—4об. Впервые: *ПТ.* С. 278—279, с датой: ⟨Февраль 1877 г.⟩. Дата уточнена: *Юб.* Т. 62. С. 310—311.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 27 января 1877 г. (письмо 127).

[1]*...благодарен вам... за... переданные вами слова Боткина.* — См. письмо 127.

[2]*...страх наш о Сереже прошел...* — См. письмо 126 и примеч. 5 к нему.

[3]*...вы меня обижаете, предполагая во мне fausse honte в вопросах религии.* — В письме от 27 января (см. письмо 127) А.А. Толстая писала, что в поисках истины Толстому мешает ложный стыд.

[4] *Я... писал Урусову...* — Письмо от 21 февраля 1876 г. (*Юб.* Т. 62. С. 248—249).

[5] *У меня есть приятель, ученый Страхов...* — Толстой познакомился с Н.Н. Страховым в 1871 г.; он стал близким другом и единомышленником Толстого в вопросах веры и религии. В письме от 18 апреля 1878 г. Толстой писал ему: «Нет человека, которого ⟨бы⟩ я больше уважал, чем вас, и которому бы желал быть более приятным...» (*Юб.* Т. 62. С. 412). Страхов активно помогал Толстому в его издательских делах. Подробно о нем см.: *Юб.* Т. 83. С. 224—225; *ТС I, II.*

[6]*...мы собираемся с ним в Оптину пустынь.* — Толстой и Н.Н. Страхов выехали в Оптину пустынь (через Тулу и Калугу) 25 июля 1877 г. и приехали туда 26 июля (см. письмо Толстого к С.А. Толстой от 26 июля — *Юб.* Т. 83. С. 238—239). Подробно об этой поездке см. в воспоминаниях А.Д. Оболенского «Две встречи с Л.Н. Толстым. Отрывок» (*Толстой в воспоминаниях 1.* С. 239—244). Толстой посещал Оптину пустынь еще в 1881, 1890, 1896 и 28—29 октября 1910 г. (см.: *Толстая С.А.* Четыре посещения гр. Льва Николаевича Толстого монастыря «Оптина Пустынь» // Толстовский Ежегодник. 1913. М.; СПб. ⟨1914⟩. С. 3—7.

[7]*...я монахам расскажу... причины, по которым не могу верить.* — Толстой беседовал в Оптиной пустыни со старцем Амвросием (см.: *Моя жизнь. НМ.* С. 50).

С.А. Толстая записала в дневнике: «Ездил в Оптину пустынь 26 июля и остался очень доволен мудростью, образованием и жизнью тамошних монахов-старцев» (*ДСТ 1*. С. 503).

129. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

12 февраля 1877

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/5. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ*. С. 279–281.

Ответ на письмо Толстого, написанное между 5 и 9 февраля 1877 г. (письмо 128).

[1] *...подметила и в последнем... письме... раздраженную струнку...* — Может быть, Александра Андреевна имеет в виду слова Толстого, что он боится поколебать ее веру своими рассуждениями о религии и неверии.

[2] *...откладывать... то, что может быть сделано сейчас?* — В своем письме Толстой писал, что собирается летом поехать в Оптину пустынь (см. письмо 128 и примеч. 6 и 7 к нему).

130. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ и С.А. ТОЛСТОЙ

После 26 марта 1877

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/5. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ*. С. 281–282.

[1] *Как здоровье... Льва, Сережи...* — Сыновья Толстых.

[2] *...знакомлюсь с вашей прошлой жизнью, читая «Анну Каренину»*. — По поводу автобиографичности некоторых героев и сцен романа см. статью С.Л. Толстого «Об отражении жизни в “Анне Карениной”. Из воспоминаний» (*ЛН*. Т. 37–38, кн. 2. С. 566–590).

[3] *Многие осуждают автора... что он описывает... самим испытанное...* — Полемика вокруг романа «Анна Каренина» подробно освещена в кн.: *Бабаева Э.Г.* Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. М., 1978. С. 125–211. «Сама я отчасти того же мнения, как публика, — писала С.А. Толстая А.А. Толстой 25 апреля 1877 г. — То есть я нахожу, что он слишком описывает личную жизнь. Зачем отворять двери своего собственного мирка для всех?» (см. Дополнения, письмо 3).

[4] *...в большой семье русской как становится неумолимо грозно.* — 13 апреля 1877 г. Россия объявила войну Турции.

[5] *...Васиньку Веселовского не следовало высылать так бесцеремонно.* — Об изгнании Левиным Васеньки Весловского — в главе XV шестой части романа «Анна Каренина».

[6] *В суроежку, перевязанную травинкой...* — В главе V шестой части «Анны Карениной» Толстой описывает «маленькую сыроежку, перерезанную поперек своей упругой розовой шляпки сухою травинкой, из-под которой она выдиралась».

[7] *Как я люблю прости и помоги при рождении первого ребенка.* — «Господи, помилуй! Прости и помоги!» — эти слова неоднократно повторяет Левин во время родов Кити (главы XIII и XIV седьмой части «Анны Карениной»).

131. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Конец марта 1877

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5924.А. Л. 1–2. Впервые: *ПТ*. С. 382–383 (№184), без даты. В *Юб*. письмо не вошло.

Датируется предположительно, по содержанию («приливы в голове, мешающие мне работать»). Ср. письма Толстого к Н.Н. Страхову от 5–6 марта 1877 г. и к А.А. Фету от 22–23 марта 1877 г. (*Юб*. Т. 62. С. 312, 315).

[1]... *не писал вам в ответ на ваше последнее письмо...* — Вероятно, речь идет о письме А.А. Толстой от 12 февраля 1877 г. (см. письмо 129).

132. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 15 и 20 апреля 1877

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5900.А. Л. 1–2. Впервые: *ПТ*. С. 282–283, с датой: ⟨Май 1877 г.⟩. Дата уточнена: *Юб*. Т. 62. С. 322.

Ответ на письма А.А. Толстой от 12 февраля и после 26 марта 1877 г. (письма 129 и 130).

[1]...*пользуюсь первым свободным... днем, чтобы написать вам несколько слов.* — Толстой читал корректуры седьмой части «Анны Карениной» (см. письмо А.А. Фету от 13...14 апреля 1877 г.: *Юб*. Т. 62. С. 320).

[2]...*хотел писать... возражая на замечания, которые вы... сделали на мое писанье.* — См. письмо 130.

[3] *Вы говорите: В. Весловского не надо высылать.* — См. письмо 130 и примеч. 5 к нему. Толстой подчеркнул фамилию Весловского, чтобы указать на ошибку А.А. Толстой (см. письмо 130).

[4]...*настоящая война и сильно трогает меня.* — Об отношении Толстого к русско-турецкой войне см. в его письмах к Н.Н. Страхову (*Юб*. Т. 62. С. 334–335, 347). И.Л. Толстой вспоминал: «Во время войны папа́ и все наши домашние, даже мы, дети, очень ею интересовались. Когда приходили из Тулы газеты, кто-нибудь из старших читал их вслух, и весь дом собирался слушать» (*Толстой И.Л.* С. 158). Позднее, в августе 1877 г., у Толстого возникла мысль написать письмо Александру II о причинах наших неудач в этой войне и общем состоянии России (см.: *ДСТ 1.*

С. 503). Письмо не было написано. «Война тревожит меня и мучает ужасно», — писал Толстой Н.М. Нагорнову в сентябре 1877 г. (*Юб.* Т. 62. С. 341).

[5] *Жена хотела писать вам...*— С.А. Толстая ответила письмом от 25 апреля 1877 г. (см. Дополнения, письмо 3; письмо 133 и примеч. 2 к нему).

133. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ и С.А. ТОЛСТОЙ

22–24 мая 1877

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/5. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.*. С. 283–285.

Ответ на письмо Толстого, написанное между 15 и 20 апреля 1877 г. (письмо 132) и на письмо С.А. Толстой от 25 апреля 1877 г. (Дополнения, письмо 3).

[1] *Касательно Васиньки Весловского... мое полушуточное... замечание могло произвести... неудовольствие.* — См. письмо 130.

[2]*...после ваших слов, chère Sophie, что Левин для сохранения семейного счастья готов бы... убить человека.* – В письме от 25 апреля 1877 г. С.А. Толстая писала Александре Андреевне: «Ваши отзывы о романе Léon его взволновали. Весь принцип его романа — семья и семья. Ради этого он не делает никаких уступок. Если для спокойствия *семьи* нужно выгнать Васеньку Весловского или даже убить кого-нибудь — он ни перед чем не остановится» (Дополнения, письмо 3).

[3]*...о пребывании Léon в Москве...* Вероятно имеется в виду поездка Толстого в Москву в конце февраля 1877 г. для проверки корректур «Анны Карениной» к февральской книжке *РВ* (см.: *Юб.* Т. 83. С. 236).

[4]*...как он критикует все, что делается теперь по случаю войны.* — См. письмо 132 и примеч. 4 к нему.

[5]*...прочли у Императрицы...* — У Марии Александровны, жены Александра II.

[6]*...передпоследнюю часть «Анны Карениной»...* — *РВ*. 1877. № 4 (гл. XVI–XXX седьмой части романа).

[7]*...вы... верно схватили тип... последователей и обожательниц Радстока...* — О Г. Редстоке и отношении к нему А.А. Толстой см. письмо 120 и примеч. 9 к нему.

[8]*...появление ясновидца Archer возбудило всеобщий хохот...* – Ясновидец Archer изображен в «Анне Карениной» под именем Yules Landau (главы XX и XXI седьмой части романа).

[9]*...жду... маминьку... с сестрой и братом.* – П.В. Толстую с С.А. и И.А. Толстыми.

134. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

31 декабря 1877

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/5. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ*.. С. 285–286.

[1]*...вы... обещали побывать в Петербурге...* – Толстой приехал в Петербург 6 марта 1878 г. и пробыл там до 11 марта.

[2]*... я... могла довезти мою Великую княгиню до Парижа...* — Имеется в виду Мария Александровна, дочь Александра II, бывшая воспитанница А.А. Толстой.

[3]*...к мужу.* — К герцогу Эдинбургскому Альфреду.

[4] *Страшный 77-й год заканчивается для России... получше...* — А.А. Толстая имеет в виду события русско-турецкой войны, которые тяжело складывались для русских в начале кампании. В ноябре 1877 г., после пятимесячной осады и неоднократных штурмов, была взята русскими войсками крепость Плевен; с августа 1877 г. шли бои за Шипку — перевал через Балканы; русские, удерживая позиции, несли большие потери; в декабре 1877 г. турки отступили от Шипки. Война закончилась Сан-Стефанским миром 1878 г.

1878

135. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

3 января 1878

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5901.А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ*.. С. 286–288, с датой: ⟨Начало января 1878 г.⟩. Дата уточнена: *Юб*. Т. 62. С. 370–372.

Ответ на письма А.А. Толстой от 31 декабря 1877 г. (письмо 134).

[1]*...потери 3-х детей...* — См. письмо 116 и примеч. 5 к нему.

[2]*...родился... мальчик...* — Сообщая В.А. Иславину о рождении сына Андрея, Толстой писал 10 декабря 1877 г.: «И хоть это для меня старая штучка, всегда она волнует и трогает и радует» (*Юб*. Т. 62. С. 356).

[3]*...сменяю гувернера...* — Гувернер Жюль Рей (Rey M. Jules) жил в доме Толстых с июня 1875 г. по январь 1878 г. И.Л. Толстой вспоминал о нем как о «грубом и тупом» человеке (*Толстой И.Л.* С. 64).

[4] *Я воспользуюсь всяким случаем, который приведет меня в Петербург...* — Ближайшая поездка Толстого в Петербург состоялась в марте 1878 г. (см. письмо 140), но детей он не привозил.

[5]*...заедете к нам.* — См. письмо 177 и примеч. 2 к нему.

[6] *Поздравляю вас...* — Толстой поздравлял Александру Андреевну с прошедшим Рождеством.

[7]*...в голове план сочинения...* — С осени 1877 г. Толстой обдумывал новый исторический роман. Его интересовала эпоха царствования Николая I и русско-турецкая война 1828—1829 гг. (первая война при Николае I). Тогда же С.А. Толстая сообщала Т.А. Кузминской: «Левочка свои золотые занятия еще не начал. Чтоб начать что-нибудь новое, надо какой-нибудь толчок, а как и откуда он будет, Бог знает» (письмо от 2 ноября 1877 г. — *ОР ГМТ*). В настоящем письме он впервые более подробно и ясно говорит о сюжете задуманного сочинения.

[8]*...время — Перовского.* — В.А. Перовский в 1833—1842 гг. и в 1851—1857 гг. был оренбургским военным губернатором и командиром Отдельного оренбургского корпуса. Предпринятый им в 1839—1840 гг. поход на Хиву кончился неудачно и с большими потерями. Эти события русской истории интересовали Толстого. В письме к П.И. Бартеневу от 3 января 1878 г. Толстой просил прислать номера журнала «Русский архив» за 1867 г., в которых напечатаны «Письма к друзьям из похода в Хиву 1839 г.» В.И. Даля, участника похода (см.: *Юб.* Т. 62. С. 366). Н.Н. Гусев предполагает, что материалы были частично использованы при работе Толстого над повестью «Князь Федор Щетинин», оставшейся незавершенной (см.: *Юб.* Т. 17. С. 245—255; 689—692; *Гусев. Материалы III.* С. 462—463).

[9]*...привез из Москвы целую кучу матерьялов для этого.* — В Москве Толстой пробыл с 27 по 30 декабря 1877 г. Вероятно, историческими материалами его снабдил П.И. Бартенев, с которым он встречался и беседовал о интересовавшей его эпохе царствования Николая I (см.: *Юб.* Т. 62. С. 366).

[10] *Не дадите ли... мне бумаг, писем?* – См. письмо 142 и примеч. 1 к нему.

136. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

12 января 1878

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/5. Л. 1—2об. Впервые: *ПТ.* С. 288—289.

Ответ на письмо Толстого от 3 января 1878 г. (письмо 135).

[1]*... что вы говорите об толчках.* – А.А. Толстая имеет ввиду слова Толстого из письма, на которое она отвечает: «Я чем дольше живу... тем больше покоряюсь тем толчкам, которые руководят нами в жизни».

[2] *Борис* — Б.А. Перовский, брат В.А. Перовского; Толстой с ним был знаком лично и неоднократно встречался в Петербурге в марте 1859 г. А.А. Толстая, присутствовавшая при этом, отметила в дневнике 11 марта 1859 г.: «Борис прелестен в своих беседах с Львом и оба так простодушны и чистосердечны» (*ДАТ*).

[3] *Брат мой может вам сообщить многое...* — И.А. Толстой в 1840 г. служил адъютантом В.А. Перовского, в 1851 г. был снова направлен в Оренбург в его распоряжение.

[4] *Брат вас просит... въехать к нему...* — В свой приезд в Петербург в начале марта 1878 г. Толстой поселился у Л.А. Берс (матери жены).

[5] *Рассчитываю на дорогую Sophie...* — В январе 1877 г. С.А. Толстая приезжала в Петербург, где познакомилась и несколько раз встречалась с А.А. Толстой.

137. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

27 ⟨?⟩ января 1878

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5289.А. Л. 1–2. Впервые: *Захарьин-Якунин И.Н.* Граф В.А. Перовский и его зимний поход в Хиву. СПб., 1901. Ч. 1. С. 113–114. В *ПТ*: С. 289–290, с датой: ⟨Январь 1878 г.⟩. Датируется по: *Юб*. Т. 62. С. 383–384.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 12 января 1878 г. (письмо 136).

[1] *Ваше сомнение... насчет... выздоровления... справедливо...* — См. письмо 136. С.А. Толстая, озабоченная здоровьем мужа, в письме к Т.А. Кузминской 25 января 1878 г. сообщала: «Левочка и сегодня нездоров, кашель и бок болит; но очень занят своими мыслями о новом романе; и я вижу, что это будет что-то очень хорошее, историческое, времен декабристов, вроде, пожалуй, “Войны и мира”. Дай Бог, только ему поправиться скорей, он часто стал хворать, а то работа пойдет» (*ОР ГМТ*).

[2] *...вашему брату.* — Письмо И.А. Толстого и ответ Л.Н. Толстого — неизвестны.

[3] *...как Жуковский... кот⟨орого⟩ вы... хорошо знали...* — О знакомстве А.А. Толстой с В.А. Жуковским в «Моих воспоминаниях...» не упоминается. В.А. Жуковского с В.А. Перовским связывали многолетняя дружба и служба при императорском дворе. Подробнее см.: *Захарьин И. (Якунин).* Дружба Жуковского с Перовским. 1820–1852 гг. // *ВЕ*. 1901. № 4. С. 525–552.

[4] *...главное, с Декабристами...* — В.А. Перовский был членом Союза благоденствия (в 1818 г.) и Военного общества (в тайные общества декабристов он не входил), а во время событий 14 декабря 1825 г. — флигель-адъютантом Николая I.

[5] *...эта крупная фигура, составляющая тень... к Ник⟨олаю⟩ Павл⟨овичу⟩...* — В.А Перовский — одна из значительных фигур царствования Николая I. Участник войны 1812 г. В 1816 и 1817 гг. сопровождал тогда еще вел. кн. Николая Павловича в поездке по России и за границу, сблизился с ним и его семьей. стал любимцем будущего царя. В 1819 г. В.А. Перовский был назначен его адъютантом. Участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 гг.

[6] *...сделать... то, что я хочу.* — Исследователи творчества Толстого предположительно относят к этому времени конспективные записи нового начала романа «Декабристы». В конце 1877 г. Толстой вернулся к работе над романом, начатой в 1860 г. До января 1879 г. он собирал и изучал исторические материалы, относящиеся к этому времени. Сохранились конспекты и варианты начала (*Юб*. Т. 17. С. 256 – 257; 266–284; 297–299).

138. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

3 февраля 1878

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/5. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.* С. 290–292.

Ответ на письмо Толстого от 27 ⟨?⟩ января 1878 г. (письмо 137).

[1]*...20-ть лет разлуки...* — В.А. Перовский умер в 1857 г.

139. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 12 и 20 февраля 1878

Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по тексту: *ПТ.* С. 292, где опубликовано впервые, по копии, с датой: ⟨Февраль 1878 г.⟩. Датируется условно; см.: *Юб.* Т. 62. С. 390–391.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 3 февраля 1878 г. (письмо 138).

[1]*...я был в Москве...* — В Москве Толстой пробыл с 8 по 11 февраля 1878 г. С.А. Толстая в письме к Т.А. Кузминской от 4 марта 1878 г. сообщала: «Левочка последнее время очень много читал и занимался изучением эпохи царствования Николая Павловича и истории бунта 14-го декабря 1825-го года. Он ⟨...⟩ ездил в Москву знакомиться с декабристами, стариками, бывшими в ссылке в Сибири и возвратившимися оттуда. Он хочет писать роман из этого времени и принимается за это так же, как в старые годы за "Войну и мир"» (*ОР ГМТ*). В Москве Толстой познакомился с П.Н. Свистуновым, А.П. Беляевым и дочерью Н.М. Муравьева — С.Н. Бибиковой. Он привез книги, нужные для работы над романом.

140. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

10 марта 1878

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5286.А. Л. 1. Впервые: *Юб.* Т. 62. С. 392–393.

Письмо написано в Петербурге, где Толстой пробыл с 6 по 10 марта 1878 г. В этот приезд он встретился с М.И. Семевским, у которого хранились подлинные материалы некоторых декабристов (см.: *Юб.* Т. 17. С. 484–486); осматривал Петропавловскую крепость, где служители рассказывали ему о декабристах (см. «Мои воспоминания...», с. 25–26 наст. изд.) См. также примеч. 4 к письму 144.

[1]*...нынче лекция Соловьева...* — Речь идет о публичных лекциях В.С. Соловьева «Чтения о Богочеловечестве», с которыми он выступал в Петербурге с января 1878 г. и которые особенно интересовали и привлекали публику высших кругов. 10 марта состоялась 7-я лекция этого цикла. Опубл.: *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 97–112.

[2]*...я еду на нее.* — На лекцию Толстой был приглашен Н.Н. Страховым и позднее вспоминал: «Мне это показалось до такой степени глупо, что я не мог высидеть... и удрал» (*Эверлинг С.Н.* Три вечера у Льва Толстого // Дни. Берлин, 1923. № 190. 24 июня). Подробнее о Толстом и В.С. Соловьеве см.: *Лосев А.Ф.* Владимир Соловьев и его ближайшее литературное окружение // Литературная учеба. 1987. № 3. С. 152—158; Переписка Толстого с В.С. Соловьевым // *ЛН.* Т. 37—38, Кн. 2. С. 268—276. На лекции присутствовал Ф.М. Достоевский, но знакомство с Толстым по недоразумению не состоялось — Толстой и Достоевский были этим огорчены.

[3] *...в здании Соляного Городка.* — В.С. Соловьев выступал с лекциями в большой аудитории музея Прикладных знаний (дом построен на месте старого Соляного двора).

[4]*...мой меньшой шурин.* — Вяч. А. Берс, младший брат С.А. Толстой.

141. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

14 марта 1878

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/5. Л. 1—2об. Впервые: *ПТ.*. С. 293—294 и 294—296.

[1] *Метемпсихоз* — религиозно-мифологическое учение о переселении души умершего во вновь родившийся организм.

[2]*Душа... Бартенева...* — П.И. Бартенев, историк и археограф, основатель исторического журнала «*Русский архив*» (1863 г.), много времени и сил отдавал поиску и публикации документов личных и фамильных фондов, частных и государственных архивов по русской истории и литературе. Толстой часто обращался к нему за помощью в розыске материалов, нужных для работы.

[3]*...благодарность... за эти несколько мимолетных дней...* — См. «Мои воспоминания...», с. 25—26 наст. изд.

[4] *Калипсо* — в греческой мифологии нимфа, семь лет державшая у себя Одиссея и вынужденная отпустить его по требованию Зевса.

142. Л.Н. ТОЛСТОЙ — А.А. ТОЛСТОЙ

14 ⟨?⟩ марта 1878

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5902.А. Л. 1. Впервые: *ПТ.*. С. 296, с датой: ⟨Середина марта 1878 г.⟩. Дата уточнена: *Юб.* Т. 62. С. 396—397.

[1]*Прочел письма к вам и посылаю их...* — Речь идет о письмах В.А. Перовского к А.А. Толстой, вероятно переданных Л.Н. Толстому при последней встрече, в Петербурге. По свидетельству И.Н. Захарьина-Якунина, на многих страницах Л.Н. Толстым «сделаны были ⟨...⟩ отметки синим карандашом — и на полях и в тексте —

в форме кавычек, подчеркиваний и вопросительных знаков» (*Захарьин Ив.* А.А. Толстая // *ВЕ*. 1904. № 6. С. 446).

[2] *Многие...из Крыма...* — Имеются в виду письма, относящиеся к последнему году жизни В.А. Перовского, когда он, безнадежно больной, жил в Крыму (в Алупке), где и скончался в декабре 1857 г. на руках брата, Б.А. Перовского, и А.А. Толстой, приехавших из Петербурга.

[3] *Желаю, чтобы и я вам оставил такое же впечатление.* — «Счастливый день. Приезд Льва Толстого... Лев симпатичнее, чем когда-либо», — отметила А.А. Толстая 7 марта 1878 г. в дневнике. 8—9 марта 1878 г. она записала: «Каждое утро Лев приходит ко мне и главный предмет наших разговоров — религия. После многих лет искания истины, он, наконец, у пристани. Эта пристань, конечно, построена им по-своему 〈...〉 У Льва в зачатии теперь новое сочинение, и я уверена, что в нем теперь отразится эта исповедь его веры или, вернее, — исповедь его новой веры» (*ДАТ*).

[4] *...чтоб не было виноватых.* — См. «Мои воспоминания...», с. 25 наст. изд.

143. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

31 марта 1878

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/5. Л. 1—2об. Впервые: *ПТ*. С. 297—299 и 299—301.

Ответ на письмо Толстого от 14 〈?〉 марта 1878 г. (письмо 142).

[1] *Старик Адлерберг...* — В.Ф. Адлерберг, генерал-адъютант, один из приближенных Николая I. После восстания 14 декабря 1825 г. был назначен заместителем правителя дел при Следственном комитете. Присутствовал на допросах и составлял для царя ежедневные докладные записки. По свидетельству декабристов, рисовал карандашом их портреты и карикатуры.

[2] *...сын его...* — А.В. Адлерберг, сын В.Ф. Адлерберга, в 1870 г. сменил отца на посту министра императорского двора и уделов, и с этого времени в его ведении находился архив, в котором были сосредоточены документы царской фамилии.

[3] *Остается Суворов...* — А.А. Суворов, внук А.В. Суворова. В 1825 г. ему был 21-й год и он служил в чине корнета. По показаниям некоторых декабристов, был членом Северного общества; после ареста и допроса был освобожден по распоряжению царя. А.А. Суворов сопровождал Николая I во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг.

[4] *... Чернышев... более всех настаивал на необходимости казни...* — По свидетельству вел. кн. Николая Михайловича (внука Николая I), посторонние влияния, «несомненно, сыпались на нового самодержца со стороны "разных верных слуг и приближенных", но что Чернышев и, вероятно, Левашов работали вовсю, чтобы суровость приговора не была чересчур смягчена великодушием монарха, это правдоподобно. Ведь недаром же пять приговоренных к смертной казни были выделены в особую категорию, как бы вне разряда!» («Мы дышали свободой...»: Историки Русского Зарубежья о декабристах. М., 2001. С. 153).

[5]*...ваш портрет...* — Вероятно, это портретная фотография Толстого работы М.М. Панова (датируется приблизительно 1878–1879 гг.). Опубл.: Л.Н. Толстой: Документы. Фотографии. Рукописи. М., 1995. С. 226.

[6]*...благодарна за присылку... писем...* — См. письмо 142 и примеч. 1 и 2 к нему.

[7] *«Бог видит черной ночью черного муравья на черном камне».* — Арабская пословица. До сих пор употребляется в проповедях и речах деятелей христианской церкви.

[8]*...маленьким Бисмарком.* — Так в шутку Л.Н. и А.А. Толстые называли Р.Г. Бистрома, у которого в 1878 г. Толстой купил земли в Самарской губ. См., например, письмо Толстого к В.А. Иславину от 14–28 марта (*Юб.* Т. 62. С. 398).

[9] *Гончаров... собирается вам писать.* — Письмо И.А. Гончарова неизвестно. Почти десять лет спустя И.А. Гончаров в письме к Толстому от 22 июля 1887 г. вспоминал: «Вы только однажды мельком заглянули в Петербург, о чем я узнал от графини Александры Андреевны Толстой, и я пожалел глубоко, что узнал поздно и не успел повидаться с Вами» (*ПРП II.* С. 124).

144. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

6 апреля 1878

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5290.А. Л. 1–2об. Впервые: *Юб.* Т. 62. С. 408–410.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 31 марта 1878 г. (письмо 143).

[1]*...я ничем не занят...* — С.А. Толстая в письме к Т.А. Кузминской 28 марта 1878 г. сообщала: «Здоровье Левочки не очень дурно, но он весь очень ослабел: и желудок, и силы, и расположение духа, и к простуде стал подвержен, и, главное, не может писать и работать, и это ему отравляет жизнь» (*ОР ГМТ*).

[2]*...Соня и ребенок нездоровы...* — В конце марта тяжело заболел четырехмесячный сын Толстых — Андрей.

[3]*...петербург⟨ские⟩ дела.* — 24 января 1878 г. В.И. Засулич стреляла в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова за то, что по его приказанию высекли политического заключенного А.П. Боголюбова. 31 марта 1878 г. в Петербурге в суде присяжных под председательством А.Ф. Кони рассматривалось дело В.И. Засулич, обвинявшейся в покушении на Ф.Ф. Трепова. Суд присяжных вынес В.И. Засулич оправдательный приговор, встреченный в русском обществе восторженно.

[4] *Для Майделя...* — Барон Е.И. Майдель, знакомый Толстого по Крымской войне, комендант Петропавловской крепости, в сопровождении которого Толстой 8 марта 1878 г. осматривал в крепости камеры, где содержались декабристы. «Лев Николаевич с отвращением передавал мне, — вспоминал С.А. Берс, — как комендант крепости с увлечением рассказывал ему об новом устройстве одиночных камер...и ⟨Л.Н.⟩ удивлялся этой равнодушной и систематической жестокости со стороны интеллигентного начальства» (*Берс С.А.* Воспоминания о графе Л.Н. Толстом // *Толстой в воспоминаниях 1.* С. 189–190).

[5]*...все эти Боголюбовы...* — Архип Петрович Боголюбов (псевдоним революционера Емельянова Алексея Андреевича или Степановича), член Общества «Земля и воля», за участие в демонстрации 6 декабря 1876 г. у Казанского собора в Петербурге был осужден на 15 лет каторжных работ.

[6]*...все славяне и Константинополи...* — Речь идет о полемике в прессе и русском обществе в связи с окончанием Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., во время которой под давлением Великобритании и Австро-Венгрии Россия воздержалась от вступления в Константинополь. Предстоявший Берлинский конгресс предполагал пересмотреть условия Сан-Стефанского мирного договора 1878 г., выгодные для России и славянских стран на Балканах.

[7]*...не выходит у меня из головы.* — Обдумывая происходящее, Толстой возвратился к волновавшему его вопросу в письме к Н.Н. Страхову от 8 апреля 1878 г. «Засуличевское дело не шутка. Это бессмыслица, дурь, нашедшая на людей не даром. Это первые члены из ряда, еще нам непонятного; но это дело важное ⟨...⟩ это похоже на предвозв⟨естие⟩ революции» (*Юб.* Т. 62. С. 411).

145. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

10—12 апреля 1878

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/5. Л. 1—4. Впервые: *ПТ.* С. 301—305.

Ответ на письмо Толстого от 6 апреля 1878 г. (письма 144).

[1] *Мне говорили об этих людях... по всей вероятности, вы уже их исчерпали...* — См. письмо 146 и примеч. 1 к нему.

[2]*...подают мне ваше письмо...* — См. письмо 144.

[3]*...я вспоминаю... Пимена...* — Вероятно, речь идет об иеросхимонахе, духовнике о. Амвросия, о. Пимене (Пащенко). Толстой познакомился с ним в июле 1877 г., когда первый раз посетил Оптину пустынь. По свидетельству П.И. Бирюкова, Толстой «не раз вспомнил ⟨...⟩ обличительное равнодушие о. Пимена и приводил его в пример кроткого обличения мирской суеты» (подробнее см.: *Бирюков II.* С. 122, 184). Возможно, о встрече с о. Пименом Толстой рассказывал Александре Андреевне.

146. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

17 или 18 апреля 1878

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5903.А. Л. 1. Впервые: *ПТ.*. С. 305, с датой: ⟨После 16 апреля 1878 г.⟩. Дата уточнена: *Юб.* Т. 62. С. 415—416.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 10—12 апреля из Петербурга (письмо 145).

[1] *Свистунова, Муравьева я знаю.* — С декабристами П.Н. Свистуновым и М.И. Муравьевым-Апостолом Толстой познакомился в Москве 9 февраля 1878 г. (см.: *Юб.* Т. 83. С. 242; *Гусев. Летопись I.* С. 488—489). С П.Н. Свистуновым

он переписывался. В *ОР ГМТ* хранятся 4 письма Толстого к Свистунову (См.: *Юб.* Т. 62. С. 394–395; 417–418; 431; 458–460) и 4 письма Свистунова к Толстому: за 1878 г. – 3 письма; за 1881 г. – 1 письмо. Подробнее см.: *Гусев. Материалы III.* С. 468–470.

[2]*...план адской мостовой, жандармов...* – Отклик Толстого на сообщение Александры Андреевны о том, что Николай I, пораженный «той частью исповеди» декабристов, где они «касались защиты угнетенных», именно тогда задумал «создать корпорацию наблюдателей-жандармов, обязанность которых должна была состоять в том, чтобы открывать правду и восстанавливать правосудие» (см. письмо 145). Называя этот проект «адской мостовой», Толстой имеет в виду поговорку, что «ад вымощен благими намерениями».

147. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

4 июля 1878

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/5. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.* С. 305–306.

Ответ на письмо Толстого от 17 или 18 апреля 1878 г. (письмо 146).

[1]*...продолжаете ли вы писать свой роман...* – См. письмо 149 и примеч. 4 к нему.

[2]*Литовский замок* – петербургская городская тюрьма. Здание, построенное в 1787 г., получило свое название по размещавшемуся в нем Литовскому мушкетерскому полку. Со второй половины XIX в. в Литовском замке содержались и политзаключенные; сожжен в Февральскую революцию 1917 г.

[3]*...удалось... помочь им.* – А.Д. Чарушина и Л.В. Синегуб, осужденые вместе с мужьями по делу «О пропаганде в 36 губ.» (процесс 193-х) и 23 января 1878 г. приговоренные к разным мерам наказания, обратились к А.А. Толстой с просьбой помочь добиться для их мужей замены каторжных работ в тюрьме ссылкой на поселение в Сибирь, так как в этом случае они могли бы отбывать наказание в одном месте. А.А. Толстая (как видно из записей в ее Дневнике) обратилась за помощью к Н.В. Мезенцову (шефу жандармов) и с его помощью ей удалось помочь осужденным. С особой симпатией А.А. Толстая отнеслась к А.Д. Чарушиной, по ее словам, женщине «милой... полной смелости, самоотвержения и стремлений к добру» (*ДАТ*, записи 15, 19 и 27 июня 1878 г.).

148. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

19 июля 1878

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/65. Л. 1–2об.

[1]*... не дожидаясь ответа на мое последнее письмо, написанное несколько дней назад...* – См. письмо от 4 июля 1878 г. (письмо 147).

[2] *Матильда Таркарсон* — сведений о ней нет. Записка не сохранилась. См. также письма 150, 151.

[3] *...напишите скорее ей или мне.* — 8 или 9 августа 1878 г. Толстой писал А.А. Толстой, что гувернантке напишет С.А. Толстая, «чтобы спросить ее об условиях и в особенности о ее знаниях» (письмо 149).

149. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

8 или 9 августа 1878

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5904.А. Л. 1–2. Впервые: *ПТ*.. С. 306–307, с датой: ⟨Конец лета 1878 г.⟩. Дата уточнена: *Юб*. Т. 62. С. 434.

Ответ на письма А.А. Толстой от 4 и 19 июля 1878 г. (письма 147 и 148).

[1] *...были в Самарской деревне...* — 12 июня 1878 г. в Самарское имение уехали Толстой и старшие дети. С.А. Толстая с остальными детьми приехала позже. 6 августа все вернулись в Ясную Поляну. Подробнее о поездке см.: *Толстой С.Л.* С. 63–66.

[2] *...письма ваши...* — Письма 147, 148.

[3] *...напишет... к miss NN...* — См. письмо 151 и примеч. 1 к нему.

[4] *...писать не пишу и не желаю.* — На время поездки Толстой прервал свою работу. В августе 1878 г. (после возвращения в Ясную Поляну) он продолжал изучать исторические материалы для романа «Декабристы» и делать записи (см.: *Юб*. Т. 17. С. 445–446).

[5] *Едете вы в Крым?* — А.А. Толстая осенью 1878 г. в Крым не ездила.

150. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

22 августа 1878

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/5. Л. 1–2. Впервые: *ПТ*.. С. 307–308.

Ответ на письмо Толстого от 8 или 9 августа 1878 г. (письмо 149).

[1] *...m-me Schwarz, урожденной Томиловой...* — Александра Алексеевна Шварц (рожд. Томилова) — троюродная сестра и подруга детства А.А. Толстой. В имении ее родителей Томиловых, Успенском на р. Ладоге, часто гостила А.А. Толстая. См. примеч. 4 к письму 52.

151. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

5 ⟨?⟩ сентября 1878

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5905.А. Л. 1–2. Впервые: *ПТ*.. С. 308–309, с датой: ⟨Осень 1878 г.⟩. Датируется по: *Юб*. Т. 62. С. 439–440.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 22 августа 1878 г. (письмо 150).

[1]*...жена писала ей и получила ответ.* — Письма С.А. Толстой и Матильды Таркарсон не сохранились. См. также примеч. 2 к письму 148.

[2]*...в вас возбудили узники.* — См. письмо 147 и примеч. 3 к нему.

[3]*...память о нем.* — Н.В. Мезенцов, шеф жандармов, начальник III Отделения, был убит С.М. Степняком-Кравчинским 4 августа 1878 г. в Петербурге в ответ на казнь революционера И.М. Ковальского. Позднее Толстой говорил: «Я приятель с ним по военной службе, был на *ты*...» (*ЯЗ III*. С. 282). «Я его очень любил, был милый человек, а занимал такое отвратительное, мерзкое место» (*ЯЗ IV*. С. 199).

152. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Октябрь 1878

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5923.А. Л. 1–2об.

Впервые: *ПТ*. С. 380–382 (№182), без даты. В *Юб*. письмо не вошло.

Датируется по содержанию: упоминание о встрече Толстого с А.А. Толстой, которая состоялась в марте 1878 г., и о несостоявшемся свидании (см. примеч. 1 к наст. письму). Слова Толстого: «У меня после нашего свидания осталось очень приятное и серьезное впечатление» перекликаются с настроением А.А. Толстой, отразившимся в ее письме от 14 марта 1878 г.: «Горячая благодарность Богу за эти несколько мимолетных дней, которые живут и будут жить и в сердце, и в мыслях» (письмо 141); ср. слова Толстого из письма от 14 ⟨?⟩ марта 1878 г.: «... привез самое приятное воспоминание о проведенных с вами днях — теплое, твердое и спокойное» (см. письмо 142). Слова о «нынешнем лете» и об охоте (ср. письма Толстого к С.Н. Толстому и Н.Н. Страхову от октября 1878 г.: *Юб*. Т. 62. С. 442, 443, 445) позволяют отнести письмо к октябрю 1878 г.

[1]*...вы проехали ночью.* — В письме от 8 или 9 августа 1878 г. Толстой спрашивал А.А. Толстую, едет ли она в Крым и выражал надежду на встречу с ней (см. письмо 149); однако эта встреча не состоялась.

1879

153. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 25 и 28 января 1879

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5906.А. Л. 1–2. Впервые: *ПТ*. С. 309–310, с датой: ⟨Январь 1879 г.⟩. Дата уточнена: *Юб*. Т. 62. С. 465–466.

[1]*...нет ли биографии... Перовского... где он женился на... Уваровой... подробности... были бы для меня драгоценны.* — Сведения о Л.А. Перовском и Е.В. Уваровой нужны были Толстому для начатой в январе 1879 г. повести «Труждающиеся и

обремененные» («Терентий Николаев»), сюжет которой был связан с жизнью князей Горчаковых (см. *Юб.* Т. 17. С. 300–318; 693–701).

[2] *Существует в Петерб⟨урге⟩ подлинное дело Декабристов...* — О деле декабристов Толстому сообщил член Особого комитета, созданного для сбора материалов по истории царствования Николая I, В.В. Стасов в письме от 15 июня 1878 г. (*ПСт.* С. 37).

[3] *...биографии с портретами... всех Декабристов.* — В письме к Толстому 12 апреля 1878 г. В.В. Стасов сообщал, что существуют гравировальные портреты 33 декабристов (а не всех), исполненные для Николая I. Сделано было три экземпляра портретов, один комплект из которых, по сведениям Стасова, хранился в Зимнем дворце, а другой «попал в частные руки». Стасов обещал Толстому показать портреты, когда тот будет в Петербурге. «Вам, — писал Стасов, — такому *пластичному* во всем, что вы пишете, мне кажется, не худо будет заглянуть прямо в лица всем своим персонажам» (*ПСт.* С. 33).

[4] *...допущен один... Богданович — историк.* — С делом декабристов был знаком не только М.И. Богданович, но и военный историк Н.Ф. Дубровин. Об этом Толстой узнал только из письма Н.Н. Страхова, который сообщал Толстому 23 января 1879 г.: «Дело декабристов—недоступно. Но его видели два человека: историк Богданович, так справедливо Вами не любимый, и какой-то *Дубровин* (?)» (*ТС II.* С. 494).

[5] *...чтобы меня допустили к этому делу?* — См. письмо 154.

154. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

3 февраля 1879

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/6. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.* С. 310–311.

Ответ на письмо Толстого, написанное между 25 и 28 января 1879 г. (письмо 153).

[1] *...громадная разница в летах...* — Б.А. Перовский был на 22 года моложе брата, Л.А. Перовского.

[2] *Подчаский... Вы, вероятно, его знаете.* — И.И. Подчаский, участник войны 1812 г., был ранен в Бородинском сражении. В 1820 г. он был причислен к Московскому архиву; сенатор. Обращался ли Толстой за нужными сведениями к И.И. Подчаскому — неизвестно.

155. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

10 февраля 1879

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/6. Л. 1–1об. Впервые: *ПТ.* С. 311.

[1] *Она скончалась 7-го февраля...* — «Потеря великая, хотя и естественная. Гнездо наше навсегда расстроилось и с трудом можно будет привыкнуть к отсутствию

дорогой Матушки», — писала А.А. Толстая 3 (15) марта 1879 г. М.Ф. Раевскому (*РНБ*. Ф. 608. Оп. 1. № 3836). Толстой откликнулся на смерть П.В Толстой (см. письмо 156).

[2] *...вы, может быть, приедете сюда?* — В Петербург Толстой приезжал в январе 1880 г. См. письмо 167.

156. Л.Н. ТОЛСТОЙ — А.А. ТОЛСТОЙ

12 или 13 февраля 1879

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5907.А. Л. 1–2. Впервые: *ПТ*. С. 312, с датой: ⟨Февраль 1879 г.⟩. Дата уточнена: *Юб*. Т. 62. С. 471.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 10 февраля 1879 г. (письмо 155).

157. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

28 февраля 1879

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/6. Л. 1–6об. Впервые: *ПТ*. С. 312–316.

Ответ на письмо Толстого от 12 или 13 февраля 1879 г. (письмо 156).

[1] *...те галлюцинации, об которых я вам, кажется, писала.* — См. письмо 154.

[2] *В воскресенье, 27-го января... — Ошибка А.А. Толстой — воскресенье приходилось на 28 января.*

[3] *Мы похоронили ее... почти возле папеньки.*— А.А. Толстой умер 8 февраля 1844 г. и был похоронен на кладбище близ Троице-Сергиева мужского монастыря (С.-Петербургской губ.).

[4] *...сыновья покойного Евгения Барыкова...* — См. письмо 150.

[5] *Многие говорили мне, что начало скоро появится.* — Вероятно, речь идет о слухе, распространившемся в Петербурге в конце 1878 г. о том, что в журналах «Русская речь» и «Слово» будет печататься роман «Декабристы». Толстому об этом сообщали Н.Н. Страхов в письме от 10–11 октября 1878 г. (*ТС I*. С. 470) и А.С. Суворин в письме от 15 декабря 1878 г. (*ОР ГМТ*).

[6] *Читали ли вы первую часть романа Достоевского...* — В № 1 *РВ* за 1879 г. были напечатаны первые главы романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Толстой перечитывал его несколько раз, и отзыв его оставался неизменным. Позднее, 10 октября 1910 г., С.А. Толстая записала: «Л.Н. ⟨...⟩ читает "Карамазовых" Достоевского и говорит, что очень плохо: где описания, там хорошо, а где разговоры — очень дурно; везде говорит сам Достоевский, а не отдельные лица рассказа. Их речи не характерны» (*ДСТ* 2. С. 216).

[7] *Как я счастлива, что вы теперь верующий...* — Вся семья Толстых постилась весь Великий пост (см.: письма С.А. Толстой к Т.А. Кузминской от 5 и 25 марта 1879 г. — *ОР ГМТ*).

158. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

2 или 3 марта 1879

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5908.А. Л. 1–2. Впервые: *ПТ*. С. 316–317, с датой: ⟨Начало марта 1879 г.⟩. Дата уточнена: *Юб*. Т. 62. С. 475.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 28 февраля 1879 г. (письмо 157).

[1] *Я ничего не пишу, хотя и много тружусь*. — «Я ничего не написал. Все пухну замыслами», — сообщал Толстой 28 февраля...1 марта 1879 г. Н.Н. Страхову (*Юб*. Т. 62. С. 474). 5 марта С.А. Толстая сообщала Т.А. Кузминской: «Левочка читает, читает, читает... пишет очень мало, но иногда говорит: "Теперь уясняется!" или "Ах, если Бог даст, то то, что я напишу, будет очень важно!" Но эпоха, которую он взял для своего произведения, простирается на 100 лет» (*ОР ГМТ*). См. письмо 160 и примеч. 6 к нему.

[2] *Что значит: возьми крест свой и иди за мною?* — Ср.: Мф 16, 24. См. письмо 159.

159. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

9 марта 1879

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/6. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ*. С. 317–318.

Ответ на письмо Толстого от 2 или 3 марта 1879 г. (письмо 158).

Письмо на почтовой бумаге с траурной окантовкой в связи со смертью П.В. Толстой, матери Александры Андреевны.

[1] *«Возьми свой крест и иди за Мной»*. — См. письмо 158 и примеч. 2 к нему.

160. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

25 ⟨?⟩ марта 1879

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5291.А. Л. 1–4. Впервые: *ВЕ*. 1904. № 6. С. 452–454 (без даты). Перепечатано: *ПТ*. С. 318–319, с датой: ⟨Конец марта 1879 г.⟩. Дата уточнена: *Юб*. Т. 62. С. 476–478.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 9 марта 1879 г. (письмо 159).

[1]*... был эти дни в Москве...* — Толстой пробыл в Москве с 19 по 24 марта 1879 г.

[2]*...сидят в заточении в Суздальском монастыре... Конон, Геннадий, Аркадий... я узнал про них...* — Знакомый Толстого, тульский старообрядческий епископ Савватий, рассказал ему о сидевших в Суздальской монастырской тюрьме старообрядцах: архиепископе Аркадии (с 1854 г.), епископах Кононе (с 1859 г.) и Геннадии (с 1863 г.). С 1766 г. Спасо-Евфимиевский монастырь служил местом заточения для

так называемых религиозных преступников. См.: *Пругавин А.С.* Старообрядческие архиереи в Суздальской крепости. М.: Посредник, 1908.

[3]*...просить за них и освободить их.* — См. письмо 161 и примеч. 1 к нему.

[4]*...освободить их в эти дни.* — Толстой имел в виду Страстную неделю.

[5] *Я был в Москве преимущественно для работы по архивам...* — 20 марта Толстой получил разрешение на работу в московском Архиве Министерства юстиции. Просмотрев описи, он заказал копии документов Сената и Сыскного Приказа, касающихся уголовных дел 1720—1740 гг., и справку о членах семьи Горчаковых. Все эти материалы были присланы ему Н.Н. Николаевым, сотрудником этого архива.

[6]*...18-й век — начало его — интересуют меня...* – В 1879 г. Толстой вновь вернулся к работе над «Романом из времен Петра I». Им было создано восемь новых вариантов начала, но роман остался незавершенным. Подробнее см.: *Юб.* Т. 17. С. 151—215; 624—664.

[7]*Как получить это разрешение?* — См. письмо 161 и примеч. 2 к нему.

161. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

4 апреля 1879

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/6. Л. 1—4. Впервые: *ПТ.*. С. 320—321.

Ответ на письмо Толстого от 25 ⟨?⟩ марта 1879 г. (письмо 160).

Письмо на почтовой бумаге с траурной окантовкой, что вероятно, связано с продолжавшимся трауром по П.В. Толстой.

[1]*...возмечтала, что... освобожу ваших раскольников.* — Хлопоты А.А. Толстой по просьбе Толстого об освобождении старообрядческих архиереев (см. письмо 160) успеха не имели, несмотря на то что за помощью она обращалась не только к министру внутренних дел графу Д.А. Толстому, но и к Александру II (см.: *Гусев. Материалы III.* С. 564—565). В 1881 г. Толстой рассказал о судьбе старообрядцев Л.Д. Урусову, своему знакомому, тульскому вице-губернатору. Урусов сообщил об этом вновь назначенному министру внутренних дел графу Н.П. Игнатьеву. 8 сентября 1881 г. старообрядцы были освобождены, но «с недопущением местожительства ⟨...⟩ в столицах и раскольнических центрах» (*Пругавин А.С.* Старообрядческие архиереи в Суздальской крепости. М.: Посредник, 1908. С. 104—105; *Юб.* Т. 62. С. 478).

[2] *Что касается до архива, то Гирс обещал мне это сделать.* — См. письмо 162 и примеч. 1 к нему.

[3] *Неужели «Декабристы» канули в воду?* — В январе 1879 г. работа над «Декабристами» была прекращена. Три варианта начала романа «Декабристы» были опубликованы в сборнике «XXV лет. 1859—1884. Сборник, изданный Комитетом общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» (СПб., 1884. С. 216—271). Толстой передал их для публикации по просьбе редакции сборника. В процессе подготовки он внес последние исправления в текст романа (*Описание 1.* С. 258—259;

ПСС. Т. 4. С. 179–206; 333–346). В письме от 28 ноября (10 декабря) 1885 г. А.А. Толстая просила прислать ей сб. «XXV лет».

[4] *...чуть-чуть не совершилось новое злодейство.* — А.А. Толстая была взволнована покушением на Александра II, совершенным 2 апреля 1879 г. А.К. Соловьевым.

162. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

14 ⟨?⟩ апреля 1879

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5909. А. Л. 1–2. Впервые: *ПТ*.. С. 321–322, с датой: ⟨Апрель–май 1879 г.⟩. Дата уточнена: *Юб*. Т. 62. С. 481.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 4 апреля 1879 г. (письмо 161).

[1] *Я пишу... письмо с просьбой... разрешения пользоваться архивами.* — В письме к Н.К. Гирсу от 14 апреля 1879 г. Толстой просил разрешения на просмотр «секретных бумаг ⟨...⟩ как в Петербургском Государственном архиве, так и Московских Главном и Архиве министерства юстиции» (*Юб*. Т. 62. С. 480). Разрешение было получено в мае. См.: *Гусев. Материалы III*. С. 564–565.

163. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

23 апреля (5 мая) 1879

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/6. Л. 1–4.

Ответ на письмо Толстого от 14 ⟨?⟩ апреля 1879 г. (письмо 162).

Письмо на почтовой бумаге с траурной окантовкой, что, вероятно, связано с продолжавшимся трауром по П.В. Толстой.

[1] *...мы ездили вместе с вами...* — См. «Мои воспоминания...», с. 12–16 наст. изд.

[2] *...оставили ваших «Декабристов»*. — См. письмо 161 и примеч. 3 к нему.

[3] *Что за дело, что они не русские, а французы или западники.* — См. «Мои воспоминания...», с. 26 наст. изд.

164. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

5 июня 1879

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5881. А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ*.. С. 233–234, с датой: 5 июня ⟨1872 г.⟩. В *Юб*. ошибочно помещено под 1872 г. (Т. 61. С. 290–291).

Год устанавливается на основании письма А.А. Толстой от 9 марта 1879 г., в котором она сообщала Толстому о серьезной болезни брата — И.А. Толстого и возможном его отъезде за границу для лечения (см. письмо 159), по непосредственной связи с письмом А.А. Толстой от 11 августа 1879 г. (письмо 165). См. также: *Гусев. Летопись I*. С. 512.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 23 апреля (5 мая) 1879 г. (письмо 163).

[1]*...его приписку.* — Приписка И.А. Толстого неизвестна.

[2]*...умерли Петр и Иван.* — Петр Андреевич Толстой, прапрапрадед Толстого, один из близких и доверенных лиц Петра I, после его смерти был заточен в 1727 г. в тюрьму Соловецкого монастыря вместе с сыном Иваном, прапрадедом Толстого. Оба там умерли. Сведения были нужны Толстому для работы над «Романом из времен Петра I».

[3] *Что жена Ивана? (Прасков⟨ья⟩ Иван⟨овна⟩, урожд. Троекурова).* — Иван Петрович Толстой был женат не на П.И. Троекуровой, а на Прасковье Михайловне, рожд. Ртищевой (см.: *Юб.* Т. 46, с. 483). См. также: *Модзалевский Б.Л.* Род. гр. Л.Н. Толстого // Толстой: Памятники творчества и жизни. I / Под ред. В.И. Срезневского и А.Л. Бема. Пг., 1917. С. 191.

[4]*...я... хочу съездить в Соловки.* — Поездка не состоялась.

165. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

11 августа 1879

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/6. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.* С. 322–323.

Ответ на письмо Толстого от 5 июня 1879 г. (письмо 164).

Письмо на почтовой бумаге с траурной окантовкой в связи со смертью И.А. Толстого, брата Александры Андреевны.

[1]*...похоронили его близ наших милых.* – Все близкие А.А. Толстой были похоронены на кладбище близ Троице-Сергиева мужского монастыря (С.- Петербургской губ.).

[2] *Письмо ваше получила давно...* — См. письмо 164.

166. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 13 и 15 августа 1879

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5910.А. Л. 1–2. Впервые: *ПТ.* С. 323, с датой: ⟨Август 1879 г.⟩. Дата уточнена: *Юб.* Т. 62. С. 495.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 11 августа 1879 г. (письмо 165).

[1] *У меня полон дом народа, репетиции для театра.* — С конца июля и почти весь август в Ясной Поляне шли репетиции домашнего спектакля, и для участия в них туда приезжали семьи Менгден, Голохвастовых, Раевских, Бестужевых. Постоянно жила семья Кузминских, некоторое время гостили Н.Н. Страхов, Л.А. Берс с сыном Вячеславом, С.Н. Толстой. «...всё сошло благополучно и всем, и мне в том числе, было весело», — сообщал Толстой А.А. Фету 30... 31 августа 1879 г. (*Юб.* Т. 62. С. 497).

1880

167. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

23 января 1880

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 4865. А. Л. 1–2. Впервые: *Юб*. Т. 63. С. 4, с датой: 23⟨?⟩ января.

Датируется по содержанию и непосредственной связи с письмом А.А. Толстой к Толстому от 23 января 1880 г. (письмо 168).

[1] *И не спал половину ночи. Волнение разговоров с вами — главная причина.* — Толстой был взволнован разговорами с А.А. Толстой о православии (см. письма 168, 169 и 170). В это время он начал работу над религиозно-философскими трактатами «Исповедь» и «Исследование догматического богословия» (*Юб*. Т. 23. С. 1–59 и 515–537; 60–303 и 538–547).

[2] *Я... уеду нынче.* — Толстой уехал из Петербурга 23 января 1880 г. (приехал 20 января). Он вел переговоры с издателями о выпуске собрания сочинений, а также заплатил Р.Г. Бистрому последний долг за земли в Самарской губ., купленные в 1878 г.

168. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

23 января 1880

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/6. Л. 1–2. Впервые: *ПТ*. С. 323–324.

Ответ на письмо Толстого от 23 января 1880 г. (письмо 167).

[1] *...ждем... дорогую больную...* — Ожидали возвращения из-за границы безнадежно больной жены Александра II, Марии Александровны.

[2] *Поручение ваше будет исполнено.* — О каком поручении идет речь — неизвестно.

169. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

29 января 1880

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/6. Л. 1–3. Впервые: *ПТ*. С. 324–326.

[1] *Боюсь я того, что вы теперь пишете...* – В это время Толстой начал работу над «Исследованием догматического богословия». См.: *Юб*. Т. 23. С. 60–303; 538–542.

170. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

2 или 3 февраля 1880

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5658.А. Л. 1–4об. Впервые: *ПТ.* С. 326–329, с купюрами («богородицу»; «он Бог, 2-е лицо троицы»), с датой: ⟨Февраль 1880 г.⟩. Полный текст: *Юб.* Т. 63. С. 6–9, с датой: ⟨2 или 3 февраля 1880 г.⟩.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 29 января 1880 г. (письмо 169).

[1]*...бабы, верящей Пятнице...* – Возможно, речь идет о св. великомученице Параскеве-Пятнице, которая пользовалась почитанием у простого народа, особенно у женщин, поскольку она сохраняет семейное благополучие, исцеляет душевные и телесные недуги.

171. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

23 февраля 1880

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/6. Л. 1–4. Впервые: *ПТ.* С. 329–331.

Ответ на письмо Толстого от 2 или 3 февраля 1880 г. (письмо 170).

[1]*Все... ужасное, совершавшееся около меня...* — Речь идет о покушении на Александра II. «5 февраля ⟨...⟩ в Зимнем дворце произошел взрыв ⟨...⟩ целью которого было уничтожить всю императорскую семью одним ударом, в то время, ⟨...⟩ как она должна была собраться за обедом ⟨...⟩ Она избежала убийства, но жертвы все же были многочисленны, поскольку взрыв произошел в караульном помещении, и все находившиеся там погибли», — записала А.А.Толстая в Дневнике 23 февраля 1880 г. (*ДАТ*).

[2]*...прочитать всю главу 7-ю Послания к Римл⟨янам⟩.* — Рим 7, 19–23.

172. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ и Л.Н. ТОЛСТОМУ

29 апреля 1880

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 65. Оп. 3. № 686. Л. 1–1об.

[1]*...прошу... Sophie, написать мне...* — Письмо С.А. Толстой неизвестно.

173. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

29 декабря 1880

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/6. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.* С. 331–332.

Письмо на почтовой бумаге с траурной окантовкой, вероятно, в связи с продолжавшимся трауром после смерти императрицы Марии Александровны, жены Александра II.

[1]*... год был тяжелый... удар за ударом.* — А.А. Толстая имеет в виду события при императорском дворе: смерть императрицы Марии Александровны 22 мая 1880 г., очередное покушение 5 февраля 1880 г. на Александра II, а также вступление Александра II 19 июля 1880 г. в морганатический брак с княжной Е.М. Долгорукой, имевшей к тому времени от него троих детей. Несчастья в царской семье Толстая переживала как личное горе. См.: *Толстая А.А.* Записки фрейлины: Печальный эпизод из моей жизни при дворе. М., 1996.

[2]*...не благодарила за ее... письмо...* — Письмо С.А. Толстой неизвестно.

1881

174. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Между 1 и 15 января 1881

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5659. А. Л. 1. Впервые: *ПТ.*. С. 332, с датой: ⟨Январь 1881 г.⟩. Дата уточнена: *Юб.* Т. 63. С. 42.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 29 декабря 1880 г. (письмо 173).

[1]*Я очень занят.* — Толстой продолжал работу над «Соединением и переводом четырех Евангелий», начатую в 1879 г.; к августу 1881 г. работа была закончена (см.: *Юб.* Т. 24. С. 7–790; 973–994). См. письмо 175 и примеч. 2 к нему. В конце 1880 г. или в январе 1881 г. Толстой начал писать рассказ «Чем люди живы», в основу которого была положена легенда «Архангел». Она была записана Толстым в июле 1879 г. со слов сказителя былин В.П. Щеголенка, гостившего в Ясной Поляне по приглашению Толстого. Работа с перерывами продолжалась почти весь год. Рассказ был опубликован в журнале «Детский отдых» за 1881, № 12, с. 407–434 (*Юб.* Т. 25. С. 7–25; 665–674).

175. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

17 января 1881

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/6. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.*. С. 332–333.

Ответ на письмо Толстого, написанное между 1 и 15 января 1881 г. (письмо 174).

[1]*...дала ему это письмо.* — Письмо Толстого к А.А. Толстой от 2 или 3 февраля 1880 г. (170). См. «Мои воспоминания...», с. 32 наст. изд. и примеч. 35 к ним.

[2]*... я слышу, делаете ваше profession de foi печатно...* — Слухи о новом сочинении Толстого «Соединение и перевод четырех Евангелий» проникли в печать. Отвечая на вопрос жительницы Петербурга З.И. Уразовой, Толстой 27 ⟨?⟩ августа 1881 г. писал: «Точно, что я написал сочинение, котораго главная часть есть изложение

Евангелия, как я его понял; но я еще не печатал его» (*Юб.* Т. 63. С. 73). Впервые книга была напечатана на средства К.М. Сибирякова в Швейцарии, в изд. М.К. Элпидина (Т. I—III, 1892—1894).

1882

176. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

30 января 1882

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/6. Л. 1—2об. Впервые: *ПТ.*. С. 333—334.

[1]*...вы проводите зиму в Москве...* — С 15 сентября 1881 г. семья Толстого переехала на зиму из Ясной Поляны в Москву и поселилась в доме кн. Волконского в Денежном переулке (ныне Малый Левшинский). В Ясную Поляну Толстые возвратились 16 мая 1882 г.

[2]*...ваша последняя записка...* — Вероятно, речь идет о коротком письме Толстого, написанном между 1 и 15 января 1881 г. (письмо 174).

[3] *Ваша теплая речь...* – В связи с предстоящей 23, 24 и 25 января 1882 г. переписью населения Москвы Толстой предполагал выступить с речью в Московской городской думе. В ней он призывал воспользоваться переписью для оказания помощи городской бедноте. Выступление не состоялось, а текст его был напечатан 20 января 1882 г. в газете «Современные известия» (№ 19) под заглавием «О переписи в Москве» (*Юб.* Т. 25.С. 173—181; 738—739). Богатые благотворители не откликнулись на его призыв. Толстой участвовал в переписи и для обследования выбрал один из беднейших кварталов города. Подробнее см.: *Гусев. Материалы IV.* С. 109—112; 119—124.

[4]*...лишний экземпляр «Чем люди живут» — пожалуйста, пришлите мне его.* — См. примеч. 1 к письму 174.

[5] *Итак... до свидания.* — См. примеч. 2 к письму 177.

177. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

9 или 10 февраля 1882

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5660. А. Л. 1—2. Впервые: *ПТ.*. С. 334, с датой: ⟨Февраль 1882 г.⟩. Дата уточнена: *Юб.* Т. 63. С. 89.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 30 января 1882 г. (письмо 176).

[1]*...ехал отдохнуть от разбитых нервов...* — Накануне отъезда Толстого из Москвы С.А. Толстая писала Т.А. Кузминской: «Какая бездна и какое разнообразие народа бывает у нас. И литераторы, и живописцы (Репин писал в кабинете одновременно с Таней портрет Сютаева), и le grand monde, и нигилисты, и кого, кого еще

я не видаю! ⟨...⟩ Левочка ⟨...⟩ для отдыха бежит теперь в деревню на неделю» (письмо от 30 января 1882 г. — *ОР ГМТ*). С 2 по 8 или 9 февраля 1882 г. Толстой прожил в Ясной Поляне (ср. письмо 180 и примеч. 1 к нему).

[2]*...я буду очень рад видеться с вами...* — А.А. Толстая пробыла в Москве с 15 (?) по 25 (?) февраля 1882 г. (см.: *Гусев. Летопись I*. С. 546). Об их встречах и беседах см. «Мои воспоминания...», с. 34—37 наст. изд.

178. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

25 февраля 1882

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/6. Л. 1—2об.

Ответ на письмо Толстого от 9 или 10 февраля 1882 г. (письмо 177).

Начало письма не сохранилось. Отправляя письмо Толстому в Ясную Поляну С.А. Толстая приписала (на л. 2об.): «Эти два письма тебе интересны, я и посылаю. У нас все хорошо; еще писать не о чем; напишу вечером сегодня же. А теперь 12 ч. утра. Как-то вы доехали? Соблюдай себя, милый друг. Теперь я иначе отношусь к твоему отсутствию. Тогда я сердилась, а теперь я люблю тебя и мне только грустно, что тебя нет, и я одно желаю, чтоб тебе было хорошо. 28-го февраля. С. ».

О каком втором письме идет речь, неизвестно.

[1]*...ваш манускрипт...* — Вероятно, речь идет о философско-религиозном сочинении Толстого, отрывок из которого он читал А.А. Толстой при встрече в Москве. См. «Мои воспоминания...», с. 37 наст. изд.

[2]*От вас... писем не ожидаю...* — Толстой дважды принимался отвечать А.А. Толстой на это письмо (см. письма 179, 180), но не отправлял их.

[3]*...милая Sophie напишет...*— См. Дополнения, письмо 4.

179. Л.Н. ТОЛСТОЙ — А.А. ТОЛСТОЙ

3 марта 1882. Неотправленное

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 2105. А. Л. 1—2. Впервые: *Юб*. Т. 63. С. 90—91.

Письмо Толстой не отправил. На конверте два почтовых штемпеля. Первый: 3 мар⟨та⟩ 1882. Ясенки (в этот день Толстой сам привез письмо на почту); второй: 4 мар⟨та⟩ 1882. Ясенки (однако письмо было взято с почты 3 марта). 3 марта 1882 г. Толстой сообщал С.А. Толстой, что написал А.А. Толстой «очень жесткий ответ», но когда возвращался с почты домой «самому неприятно стало, и я послал взять письмо назад, так что не послал» (*Юб*. Т. 83. С. 323; Т. 63. С. 450). Письмо не было включено в *ПТ*.

[1]*...я написал книгу...* — Речь идет о книге: «Соединение и перевод четырех Евангелий». См. письмо 174 и примеч. 1 к нему; письмо 175 и примеч. 2 к нему.

180. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

4 марта 1882. Неотправленное

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 2104. Л. 1–2об. Впервые: *Юб.* Т. 63. С. 91–93.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 25 февраля 1882 г. (письмо 178).

Письмо Толстой не отправил. На конверте с адресом, написанном рукой Толстого, отсутствует почтовый штемпель, и это свидетельствует о том, что оно не было передано на почту. В письме к С.А. Толстой 4 марта 1882 г. из Ясной Поляны Толстой писал: «Я нынче ходил на шоссе ⟨...⟩ и все злился на Толстую» (*Юб.* Т. 83. С. 325). Возможно, что это чувство раздражения удержало его от отправки письма А.А. Толстой. Письмо не было включено в *ПТ.*

[1] *...уехал очнуться от ужасной московской жизни...* — Толстой вновь уехал в Ясную Поляну 26 февраля 1882 г. и прожил там до 7 (?) марта. С.А. Толстая записала в Дневнике 28 февраля 1882 г.: «Жизнь наша в Москве была бы очень хороша, если б Левочка не был так несчастлив в Москве. Он слишком впечатлителен, чтоб вынести городскую жизнь, и, кроме того, его христианское настроение слишком не уживается с условиями роскоши, тунеядства, борьбы городской жизни» (*ДСТ. 1.* С. 108).

[2] *...получил ваше письмо...* — См. письмо 178. «Это письмо ⟨...⟩ взволновало — рассердило меня», — сообщал он С.А. Толстой 3 марта 1882 г. (*Юб.* Т. 83. С. 323). Толстой нашел его неискренним.

[3] *...придворная дама — вы, Блудова, Тютчевы чувствуют себя призванными проповедовать православие.* — Камер-фрейлина А.Д. Блудова учреждала церковные братства; камер-фрейлина Е.Ф. Тютчева писала рассказы из Священной истории, переводила на английский язык проповеди митрополита Филарета.

[4] *...И⟨исус⟩ Х⟨ристос⟩ говорил евреям, что мы с вами не одного отца дети — ваш Бог-отец — дьявол, т.е. ложь.* — Ин 8, 44, 47.

1884

181. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

17 апреля 1884

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5661.А. Л. 1–2об. Отрывок из письма впервые был опубликован И.Н. Захарьиным-Якуниным — см.: Графиня А.А. Толстая. Личные впечатления и воспоминания // *ВЕ.* 1904. № 6. С. 452–453. Впервые полностью: *ПТ.* С. 334–335, с датой: ⟨Начало 1884 г.⟩. Дата уточнена: *Юб.* Т. 63. С. 162–164.

[1] *Я здесь столкнулся с старухой Армфельд... расспрашивал про ее дочь...* — Толстой встретился с А.В. Армфельдт (а не Армфельд) 10 апреля 1884 г., и они говорили о ее дочери — Н.А. Армфельдт-Комовой, осужденной в 1879 г. за революционную деятельность и приговоренной к каторжным работам на Каре (Забайкальская губ.) на 14 лет. А.В. Армфельдт передала Толстому письма дочери из ссылки. Под впечатлением от чтения Толстой записал в Дневнике 11 апреля: «Читал переписку Н⟨атальи⟩ Армфельд. Высокого строя. Тип легкомысленный, честный, веселый, даровитый и добрый. — *Нельзя запрещать людям высказывать друг другу свои мысли о том, как лучше устроиться.* А это одно, до бомб, делали наши революционеры. — Мы так одурели, что это выражение своих мыслей нам кажется преступлением» (*Юб.* Т. 49. С. 80—81).

182. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

19 апреля 1884

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/7. Л. 1—3. Ответ на письмо Толстого от 17 апреля 1884 г. (письмо 181).

[1] *Удерживаю у себя копию...* — Вероятно, речь идет о копии с прошения, переданного А.В. Армфельдт Толстому. См. письмо 181.

183. Л.Н. ТОЛСТОЙ — А.А. ТОЛСТОЙ

Конец апреля 1884

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5670. А. Л. 1—2 об. Впервые: *Юб.* Т. 63. С. 200—201, с датой: ⟨1884 г.⟩.

Датируется по непосредственной связи с письмом А.А. Толстой от 19 апреля 1884 г. (письмо 182), на которое фактически является ответом. Слова Толстого: «Вы говорите, что я учительствую» — относятся к следующим утверждениям Толстой: «Станете вы слушать мой писк из-под лавки с высоты вашей кафедры» и «Страшно подумать, что вы можете соблазнить *одного из малых сил*». Очевидно, именно о получении настоящего письма сообщала Александра Андреевна Толстому 5 мая 1884 г. (письмо 185): «Вчера получила ваше кроткое, дорогое письмо. Оно оставило у меня на душе теплое, нежное чувство». Здесь же А.А. Толстая откликается на содержащийся в конце письма вопрос Толстого об И.С. Мальцеве: «Если все это не удастся *теперь*, то, как скоро Рихтер, а с ним и Мальцев поступят в Комиссию прошений, мы возобновим попытку. Мальцев прекрасный человек...»

[1] *Мальцов... расположен помочь делу Армфельд.* — О возможном участии И.С. Мальцева в деле А.В. Армфельдт см. письмо 185.

184. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

2 ⟨?⟩ мая 1884

Публикуется по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5662. А. Л. 1. Впервые: *ПТ.* С. 335–336, с датой: ⟨Апрель? 1884 г.⟩. Дата уточнена: *Юб.* Т. 63. С. 166.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 19 апреля 1884 г. (письмо 182).

[1]*Посылаю прошения.* — Речь идет о деле Н.А. Армфельдт-Комовой (см. письма 181 и 182).

185. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

5 мая 1884

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/7. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.* С. 336–337.

Ответ на письмо Толстого от 2 мая 1884 г. (письмо 184).

[1]*...вы скоро уезжаете в деревню...* — 12 мая 1884 г. семья Толстых переехала в Ясную Поляну и возвратилась в Москву 3 ноября.

[2]*...позволение матери поселиться близ дочери, вероятно, дадут.* — См. письмо 187.

[3]*Дочитываю последние страницы вашей последней книги.* — Запрещенная в России книга «Исповедь графа Толстого. Вступление к ненапечатанному сочинению» вышла в 1884 г. в Женеве, в изд. М.К. Элпидина. В России первая публикация «Исповеди» должна была появиться в 1882 г. в № 5 «Русской мысли», под заглавием «Вступление к ненапечатанному сочинению» и с предисловием редактора журнала С.Ю. Юрьева. Духовная цензура запретила публикацию трактата. Текст был вырезан из всего тиража журнала и сдан на уничтожение в Главное управление по делам печати. В редакции сохранились листы корректур. С них снимались многочисленные копии, которые в гектографированном и литографированном виде распространялись среди читающей публики. В России «Исповедь» была напечатана в 1906 г. в журнале «Всемирный вестник», № 1, а также была издана отдельным оттиском (см.: *Юб.* Т. 23. С. 1–59; 515–537).

[4] *Если Бог позволит нам еще свидеться...* — А.А. Толстая посетила Ясную Поляну в конце июля 1887 г.

[5]*...меня... очень успокоила 14 гл⟨ава⟩ к Римлянам.* — Глава 14 «Послания к Римлянам святого апостола Павла» начинается так: «Немощного в вере принимайте без споров о мнениях».

186. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

7 мая 1884

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5663. А. Л. 1–2. Впервые: *ПТ*. С. 337–338, с датой: ⟨Май 1884 г.⟩. Дата уточнена: *Юб*. Т. 63. С. 167.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 5 мая 1884 г. (письмо 185).

187. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

16 мая 1884

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5665. А. Л. 1–2. Впервые: *ПТ*. С. 338, с купюрой («Государя»), с датой: ⟨Май 1884 г.⟩. Полный текст: *Юб*. Т. 63. С. 170–171, с датой: ⟨Мая 16 ? 1884 г.⟩.

Датируется по записи Толстого в Дневнике 16 мая 1884 г.: «Отвечал Толстой» (*Юб*. Т. 49. С. 94).

В автографе абзац: «Если есть еще миссионеры ⟨...⟩ то они нехристи и очень несчастны» — перечеркнут, возможно, А.А. Толстой по цензурным соображениям, однако в *ПТ* он сохранен (выпущено только слово «Государя»). Ср.: *ПТ*. С. 338; *Юб*. Т. 63. С. 171.

[1]*... я преувеличил...* — См. письмо 186.

[2]*Мы переехали в деревню.* — См. примеч. 1 к письму 185.

[3]*...не позволят жить с дочерью.* — См. письмо 185, примеч. 1 к письму 192 и примеч. 2 к письму 194.

188. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

28 мая 1884

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5666. А. Л. 1–1об. Впервые: *ПТ*. С. 330, с датой: ⟨Май 1884 г.⟩. В *Юб.:* Т. 63. С. 171–172, с датой: ⟨Мая 28? 1884 г.⟩.

Датируется по записи Толстого в Дневнике 28 мая 1884 г.: «...писал Толстой» (*Юб*. Т. 49. С. 99).

[1]*Надеюсь, что вы получили мое повинное письмо...* — Письмо от 16 мая 1884 г. (187).

[2]*...получил письмо от Армфельд.* — Письмо А.В. Армфельдт неизвестно.

189. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

31 мая 1884

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/7. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ*. С. 339–341.

[1]*...на три последние ваши письма я вовсе не откликнулась...* — Письма Толстого от 7, 16 и 28 мая 1884 г. (письма 186–188).

[2]*... не хочу... терять надежды...* — См. письма 191, 192 и примеч. 1 к ним.

[3] *Прости им — не ведают бо, что творят.* — Лк 23, 34.

[4]*...опять взялась за него...* — Вероятно, речь идет о книге «Pensées de Pascal, précédées de sa vie par M-me Perier, sa sœur». Paris, 1850.

[5]*...после вашей книги...* — См. письмо 185 и примеч. 3 к нему.

190. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

6 июня 1884. Неотправленное

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5668.А. Л. 1–2. Впервые: *Юб.* Т. 63. С. 176–178, с датой: ⟨Июня 6? 1884 г.⟩.

Датируется по записи Толстого в Дневнике (см. ниже).

Судя по следующему письму к А.А. Толстой от 7 или 8 ⟨?⟩ июня 1884 г. и записи в Дневнике Толстого 6 июня 1884 г. («...писал письма: Толстой и офицеру — не послал». — *Юб.* Т. 49. С. 101), настоящее письмо отправлено не было. Письмо не включено в *ПТ.*

Ответ на письмо А.А. Толстой от 31 мая 1884 г. (письмо 189).

191. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

7 или 8 ⟨?⟩ июня 1884

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5667.А. Л. 1–2. Впервые: *ПТ.* С. 341, с датой: ⟨1884 г. ?⟩. Дата уточнена: *Юб.* Т. 63. С. 179.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 31 мая 1884 г. (письмо 189). Вместо неотправленного предыдущего от 6 июня 1884 г. (письмо 190).

[1]*...вы сделаете все возможное...* — См. письмо 192 и примеч. 1 к нему.

[2] *Жду с нетерпением ваших указаний...* — Речь идет о деле А.В. Армфельдт.

192. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

8 или 9 ⟨?⟩ июня 1884

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5664.А. Л. 1. Впервые: *ПТ.* С. 341–342, с датой: ⟨1884 ?⟩. Дата уточнена: *Юб.* Т. 63. С. 179–180.

[1]*...ваши труды и ваше разочарованье...* — Несмотря на хлопоты А.А. Толстой, А.В. Армфельдт получила отказ. 25 июня 1884 г. она писала Толстому: «Бедняжка, вероятно ждет меня, а я не имею духа телеграфировать ей об отказе на мое и Ваше ходатайство» (*ОР ГМТ.*).

193. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

16 декабря 1884

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/7. Л. 1–1об.

Начало письма не сохранилось.

[1] *...в вступлении много правды.* — О чьем сочинении идет речь, установить не удалось.

[2] *...последнее, писанное к вам.* — Письмо И.С. Тургенева к Толстому от 29 июня (11 июля) 1883 г. опубл.: Первое собрание писем И.С. Тургенева. 1840–1883. СПб., 1884. С. 500–501. См.: *Тургенев. Письма.* Т. XIII, кн. 2. С. 180.

[3] *Как бы хотелось прочитать ваш ответ.* — На последнее письмо И.С. Тургенева Толстой не отвечал. 22 августа 1883 г. Тургенев умер. Взволнованный этим известием, Толстой весь сентябрь перечитывал сочинения Тургенева. «О Тургеневе все думаю и ужасно люблю его, жалею и все читаю. Я все с ним живу», — писал он жене 30 сентября 1883 г. (*Юб.* Т. 83. С. 397).

[4] *...жду приезда Sophie и Танички...* — С.А. Толстая с дочерью Таней приехали в Петербург в феврале 1885 г. 23 февраля С.А. Толстая писала мужу: «Была я у Alexandrine, — она мне все так же симпатична; говорили о тебе, Лёвочка, и она все так же тебя любит и молится о тебе. (Это она велела тебе сказать, она сегодня причащалась)» (*ПСТ.*. С. 296).

1885

194. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

19 ⟨?⟩ января 1885

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5669.А. Л. 1–2. Впервые: *ПТ.* С. 342, с датой: ⟨1884 или 1885 г.⟩. Дата уточнена: *Юб.* Т. 63. С. 202.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 16 декабря 1884 г. (письмо 193).

[1] *...известие... о г-же Армфельд.* — Вероятно, речь идет о предыдущем письме, начало которого утрачено, где, возможно, говорилось о деле Н.А. Армфельдт-Комовой.

[2] *Мать счастлива и благодарна вам...* — В конце 1884 г. в недатированном письме А.В. Армфельдт сообщала Толстому, что едет в Петербург — по вызову В.О. Кононовича, который занимался ее делом по поручению А.А. Толстой. «Думаю, что дурного ничего не будет», — писала она (*ОР ГМТ*). Действительно, благодаря хлопотам А.А. Толстой она получила разрешение выехать к дочери на Кару. К этому времени Н.А. Армфельдт (заболевшая туберкулезом) была переведена в «вольную команду», т.е. получила разрешение жить не в тюрьме. Некоторыми об-

стоятельствами жизни Н.А. Армфельдт Толстой воспользовался при работе над романом «Воскресение». Подробнее об этом см.: *Шифман А.* Страницы жизни Льва Толстого. М., 1983. С.177–190.

[3] *...узнал от Захарьина... что Урусов Леонид неизлечимо болен.* — Толстой спрашивал Г.А. Захарьина о состоянии здоровья Л.Д. Урусова, и 19 января 1885 г. в письме к Урусову в смягченной форме передал заключение Захарьина (см.: *Юб.* Т. 63. С. 203). В марте 1885 г. Толстой сопровождал Урусова на лечение в Крым, где 20 сентября 1885 г. он умер. Позднее Толстой говорил: «Урусов был мне совершенно близок по взглядам. Он был не умный, а разумный (*ЯЗ III*. С. 45). В *ОР ГМТ* хранится 63 письма Л.Д. Урусова к Толстому.

[4] *Я писал и его жене.* — Письмо к М.С. Урусовой неизвестно.

[5] *Я Сереже... велел просить за меня у вас прощенья... а он ничего не сказал.* — В начале января 1885 г. С.Л. Толстой ездил в Петербург. 14 января Т.А. Кузминская сообщала С.А. Толстой: «Сережин приезд нам доставил ⟨...⟩ много удовольствия ⟨...⟩ В обществе он как рыба в воде ⟨...⟩ графиню Толстую очаровал своей музыкой» (*ОР ГМТ*).

[6] *...я буду лучше, чем последний раз.* — О последней встрече в Москве в феврале 1882 г. см. «Мои воспоминания...», с. 34–38 наст. изд. О следующей встрече см. письмо 206.

195. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

21 января 1885

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/7. Л. 1–3об.

Ответ на письмо Толстого от 19 ⟨?⟩ января 1885 г. (письмо 194).

[1] *...Черткова... рассказывала про ваше свидание...* — Личное знакомство Е.И. Чертковой с Толстым могло состояться в Москве в доме Е.И. Шуваловой, которая приходилась теткой В.Г. Черткову. 7 августа 1892 г. Е.И. Черткова в письме к Толстому вспоминала о «разговоре *не* в духе любви», который она имела с Толстым «несколько лет назад» (*ОР ГМТ*).

[2] *Вы можете с ними быть в согласии, но едва ли в соглашении.* — Вероятно, речь идет о секте евангельских христиан, к которой принадлежала Е.И. Черткова. Она содействовала возникновению русской организации евангелистов (так называемых «пашковцев»). В.А. Пашков, родственник Чертковых, в 1884 г. был выслан из России без права возвращения за проповедь евангелического христианского учения.

[3] *Нравится ли вам статья Vogüé об Достоевском.* — Читал ли Толстой статью Э.-М. Вогюэ, установить не удалось. Возможно, позднее она вошла в кн.: Вогюэ М. де. Современные русские писатели: Толстой – Тургенев – Достоевский. М., 1887. С. 1–73. См. «Мои воспоминания...», с. 37 наст. изд. и примеч. 45 к ним.

[4] *...я подарила себе... полное собрание ваших сочинений...* — *Толстой Л.Н.* Сочинения. 4-е. изд. Т. 1–11. М., 1880.

196. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Начало августа 1885

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5925.А. Л. 1–2. Впервые: *ПТ.* С. 383 (№185), без даты. В *Юб.* письмо не вошло.

Датируется предположительно, по связи с письмом А.А. Толстой от 19 августа 1885 г. (письмо 197); Толстой спрашивает: «Что вы? Лучше ли вам?»; 19 августа 1885 г. Толстая отвечает: «Я же медленно воскресаю».

197. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

19 августа 1885

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/7. Л. 1. Письмо написано, вероятно, под диктовку А.А. Толстой неизвестным лицом.

[1]*...здорова ли... моя крестница, которой... минул год...* — Александра Львовна Толстая родилась 18 июня 1884 г. С.А. Толстая вспоминала: «Крестить маленькую Сашу пригласили Александра Михайловича Кузминского и за глаза графиню Александру Андреевну Толстую» (*Моя жизнь.* Ч. IV. С. 126).

[2]*Я же медленно воскресаю...* — См. письмо 196.

198. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ и С.А. ТОЛСТОЙ

28 ноября (10 декабря) 1885

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/7. Л. 1–4. Впервые: *ПТ.* С. 342–344.

[1]*Откликнитесь... вы или Sophie...* — Письма С.А. и Л.Н. Толстых этого времени неизвестны.

[2]*Кажется, я писала вам весной...* — Письмо неизвестно.

[3]*Я с собою привезла... ваши народные рассказы...* — Вероятно, речь идет о первых книжках издательства «Посредник», вышедших в 1885 г.: «Чем люди живы», «Бог правду видит, да не скоро скажет». Они были отпечатаны очень большим тиражом и быстро разошлись.

[4]*...Sophie... пришлите мне... журнал или вырезки из журнала, где... несколько глав из «Декабристов».* — См. примеч. 3 к письму 161.

1886

199. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

2 ⟨?⟩ сентября 1886

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5671/1.А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.* С. 344–345, с датой: ⟨1886 г.⟩. Дата уточнена: *Юб.* Т. 63. С. 376–377.

Ответ на неизвестное письмо А.А. Толстой.

[1] *О ноге...* — В середине июля, работая на уборке сена для яснополянской вдовы Копыловой, Толстой ушиб о телегу ногу. Сильные боли в ноге периодически возвращались.

200. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

6 сентября 1886

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/7. Л. 1–4об.

[1] *...перечитываем вашу «Анну»...* — Очевидно, А.А. Толстая перечитывала роман «Анна Каренина» по изд.: *Толстой Л.Н.* Сочинения. 4-е изд. М., 1880. Т. 9–11, о приобретении которого сообщала Толстому 21 января 1885 г. (см. письмо 195).

[2] *Сестры... вспоминают все подробности ваших... встреч с ними.* — Об одной из встреч с Вадбольскими см. письмо 122 и примеч. 9 к нему. Кто из сестер Вадбольских ухаживал за С.А. Толстой, сестрой А.А. Толстой, неизвестно.

[3] *...моя крестная дочка...* — А.Л. Толстая. См. примеч. 1 к письму 197.

[4] *Ваш «Иван Ильич»...* — Повесть «Смерть Ивана Ильича» была опубликована: Сочинения графа Л.Н. Толстого. Часть 12. Произведения последних годов. М., 1886. С. 394–469. Книга вышла в свет в апреле 1886 г. См. также «Мои воспоминания...», с. 60 наст. изд.

201. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

19 сентября 1886

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/7. Л. 1–1об.

Ответ на письмо Толстого от 2 ⟨?⟩ сентября 1886 г. (письмо 199).

1887

202. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Около 20 января 1887

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5672.А. Л. 1–2. Впервые: *ПТ.* С. 346, с датой: ⟨Январь 1887 г.⟩. Дата уточнена: *Юб.* Т. 64. С. 6.

[1]*...получил ваш привет от М.Я. Пущиной...* — Когда состоялась встреча Толстого с М.Я. Пущиной, неизвестно.

[2]*... вы... слушаете мое ужасное сочинение.* — В начале января 1887 г. А.А. Стахович читал драму «Власть тьмы» у А.А. Толстой для ее знакомых из придворных кругов. На чтении присутствовали великие князья. Сообщил об этом Толстому В.Г. Чертков в письме от 10 января (см.: *Юб.* Т. 26. С. 716, опубл. фрагмент письма).

[3]*...считаю это сочинение... незаслуживающим... разговоров... в вашем обществе.* — В связи с угрозой запрета цензурой драмы «Власть тьмы» В.Г. Чертков и А.А. Стахович устроили в Петербурге несколько чтений, в том числе для людей, близких ко двору. Драма вызвала интерес, о ней много говорили. 13 января 1887 г. «Власть тьмы» была разрешена к печати и постановке в театре. Подробнее см.: *Юб.* Т. 26. С. 714–726.

[4] *Надеюсь... она... будет полезна... для «большого света»...* — «Большим светом» здесь Толстой назвал трудовой народ. В письме к Н.Н. Страхову 14 ноября 1886 г. он сообщал: «Написал пьесу для народных театров» (*Юб.* Т. 63. С. 408).

[5]*Ваша крестница...* — А.Л. Толстая.

[6]*... А.В. Армфельд... едет в Петербург хлопотать о дочери.* — См. примеч. 1 к письму 203.

203. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

26 января 1887

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/7. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.* С. 347–348.

Ответ на письмо Толстого, написанное около 20 января 1887 г. (письмо 202).

[1]*...я надеюсь, что желание ее насчет дочери исполнится.* — А.В. Армфельдт приехала в Москву с Кары, чтобы с помощью Толстого добиться перевода дочери и ее семьи в место с мягким климатом. К этому времени Н.А. Армфельдт и ее муж А.И. Комов были тяжело больны (острый туберкулез). Родившаяся у них дочь была нездоровым ребенком. Несмотря на энергичные действия А.А. Толстой, власти категорически отказались помочь. Подробнее см.: *Шифман А.* Страницы жизни Льва Толстого. С. 188.

[2]*...сошлась с вашим... другом Чертковым.* — Толстой и В.Г. Чертков познакомились в октябре 1883 г. (*Гусев. Летопись I.* С. 563). В последующие годы Чертков стал его ближайшим последователем, другом и сотрудником. См.: *Муратов М.В.* Л.Н. Толстой и В.Г. Чертков по их переписке. М., 1934.

[3]*... постарайтесь исполнить мою... просьбу, переданную вашей... жене через... Armfeldt.* — См. Дополнения, письмо 15.

204. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Конец февраля 1887

Печатается по тексту первой публикации. Местонахождение автографа неизвестно. Впервые: *ПТ.* С. 348, по копии, с датой: ⟨Март 1887 г.⟩. В *Юб.:* Т. 64. С. 31, с датой: ⟨Март 1887 г.⟩.

Датируется по непосредственной связи со следующим письмом, которое Толстой начал словами: «Только что писал вам бескорыстное письмо».

Ответ на письмо А.А. Толстой от 26 января 1887 г. (письмо 203).

[1]*Правда... хотелось повидаться с вами...* — Встреча Толстого с А.А. Толстой состоялась в конце июля — начале августа 1887 г. (см. примеч. 1 к письму 206).

205. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Конец февраля 1887

Печатается по тексту первой публикации. Местонахождение автографа неизвестно. Впервые: *ПТ.* С. 382 (№ 183), без даты. В *Юб.* письмо не вошло.

Датируется на основании письма В.Г. Черткова к Толстому от 3 марта 1887 г. (*Юб.* Т. 86. С. 38), в котором он сообщал, что 2 марта в Петербурге А.А. Стахович передал ему письмо Толстого. 3 марта В.Г. Чертков был с письмом у А.А. Толстой (см. примеч. 1 к наст. письму).

[1]*Помогите этому... человеку.* — Речь идет о И.И. Попове, который был арестован в октябре 1886 г. как политический и сидел в Бутырской тюрьме в Москве. О его деле Толстой узнал из письма Ф.А. Щербины (неизвестно) и хотел навестить И.И. Попова (см.: *Юб.* Т. 64. С. 42). В конце февраля 1887 г. он отправил свою записку (неизвестна) и письмо Щербины к В.Г. Черткову в Петербург с просьбой помочь освободить И.И. Попова. 3 марта Чертков сообщил Толстому, что 2 марта его посетил А.А. Стахович и передал ему письмо Толстого, а 3 марта Чертков был у А.А. Толстой и «она обещала обратиться к Плеве, который уже раз исполнял ее просьбу подобного же рода» (*ОР ГМТ;* см.: *Юб.* Т. 86. С. 38). Через некоторое время в недатированном письме А.А. Толстая известила Черткова «что дело... уже пустила в ход» (*ОР ГМТ*). Об этом же она известила Толстого, но письмо не сохранилось. См. также письмо 211 и примеч. 1 к нему.

206. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ и С.А. ТОЛСТОЙ

8 августа 1887

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/7. Л. 1–4об. Впервые: *ПТ.* С. 348–350.

[1]*Мне жилось у вас... привольно.* — С 25 июля по 4 августа 1887 г. Толстая гостила в Ясной Поляне. См. так же «Мои воспоминания...», с. 38–47 наст. изд.

[2]*...поется словами старинного романса: «Я вижу вас во сне и наяву».* — Возможно, речь идет о романсе на слова А. Дельвига «Песня» (1824):

«Наяву и в сладком сне
Все мечтаетесь вы мне...»

[3]*...вашего маленького сочинения.* — 28 и 29 июля 1887 г. Толстой читал вслух свой трактат «О жизни» Н.Я. Гроту, А.М. Кузминскому и А.А. Толстой, гостившим в это время в Ясной Поляне (см.: *Гусев. Летопись I.* С. 674; *Юб.* Т. 26. С. 313–442, 766). См. «Мои воспоминания...», с. 46–47 наст. изд.

[4]*...Достоевский... читал... вашу исповедь...* — О чтении Ф.М. Достоевским писем Толстого к А.А. Толстой см. «Мои воспоминания...», с. 32 наст. изд.

[5]*...в вашем новом творении...* — См. примеч. 3 к наст. письму.

[6]*...напишите мне поскорее.* — С.А. Толстая написала А.А. Толстой 11 августа 1887 г. (см. Дополнения, письмо 16).

[7]*Вернулись ли Сережа и Таничка...* — Т.Л. и С.Л. Толстые ездили в имение Олсуфьевых Никольское-Обольяново, где поблизости расположились астрономические службы для наблюдения 7 августа 1887 г. солнечного затмения. Т.Л. Толстая в письме к С.А. Толстой 7 августа сообщала, что из-за плохой погоды (туман) «астрономы не могли ⟨...⟩ никаких наблюдений сделать ⟨...⟩ Менделеев из Клина поднялся на воздушном шаре на 4 версты вверх, чтобы вылететь из облаков и тумана ⟨...⟩ еще не знаем, что он видел» (*ОР ГМТ*).

[8] *Кланяйтесь... моему... куму, которому я обязана моей поездкой в Ясную Поляну...* — Кумом А.А. Толстой был А.М. Кузминский, с которым она крестила А.Л. Толстую (см. примеч. 1 к письму 197). В письме к Т.А. Кузминской 6 июля 1887 г. А.М. Кузминский сообщал: «Вчера в Царском был у графини Александры Андреевны ⟨...⟩ она мне объявила решение свое ехать со мною в конце июля в Ясную» (*ОР ГМТ*). Благодаря ему состоялась поездка А.А. Толстой.

[9]*...беспокоились о здоровье Mr Villot...* — Вилло (Villot G.) служил в Петербурге во французском обществе страхования жизни, был корреспондентом парижского журнала «Revue de Famille», переводчиком, перевел на французский язык статью Толстого «Неделание» (перевод не был опубл. в журнале «Revue de famille». См.: *Юб.* Т. 29. С. 408–410). Вилло переписывался с Толстым, посещал Ясную Поляну. В *ОР ГМТ* хранится три его письма к Толстому. Вилло — знакомый А.М. Кузминского и В.А. и Ю.М. Иславиных, родственников Т.А. Кузминской. Через А.М. Кузминского Толстой передал Вилло для перевода рукопись статьи «Неделание».

[10] *«Puissance des ténèbres» отправлена была тотчас по моем приезде.* — В 1887 г. в Париже вышло два издания французского перевода драмы Толстого «Власть тьмы» в переводе И.Д. Гальперина-Каминского и Нейруда (Neyroud). Второе издание сохранилось в Яснополянской библиотеке Толстого (см.: *Библиотека ЯП III.* Ч. 2. С. 468. № 3396).

207. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

21 августа 1887

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/7. Л. 1–6об. Впервые: *ПТ.* С. 351–354 и 355–359, с датой: ⟨Август – сентябрь 1887 г.⟩, без начала. Письмо почти полностью было включено А.А. Толстой в «Мои воспоминания...» (см. с. 51–54 наст. изд.).

[1] *...завтра я отправлю по почте два тома Talmage (проповедника-американца)... К сожалению, я не нашла этой книги в оригинале, а переводчик, очевидно, изрядно нафантазировал.* – Thomas De Witt Talmage, американский пресвитерианский священник, проповедник, писатель, редактор религиозных периодических изданий. Его проповеди и религиозные статьи публиковались в газетах и журналах. В 1892 г. он приезжал в Петербург с грузом помощи для голодающих в России. Среди книг на иностранных языках в библиотеке Ясной Поляны издания Talmage не значатся (см.: *Библиотека ЯП. III* Ч. 1; Ч. 2).

[2] *...чистой воды ревивалист.* – Ревивализм – в протестантизме религиозное движение за духовное «возрождение» посредством усиления религиозности.

[3] *Я читаю биографию Паркера...* – См. примеч. 66 к «Моим воспоминаниям...» (с. 695–696 наст. изд.).

[4] *...«молитесь непрестанно, благодарите, стучите и отворят вам»...* – Мф 7, 7; Кол 4, 2–3.

[5] *...«Добра, которого хочу, не делаю, а делаю зло, которого не хочу»...* – Ср.: Рим 7, 19.

[6] *...«Слушайте слова Мои»...* – Ср.: Мф 15, 10; Мк 7, 14.

[7] *...«сними обувь твою: место, на котором ты стоишь, свято».* – Нав 5, 15; Исх 3, 5.

[8] *...вы пишете, чтобы уяснить самому себе разные вопросы...* – Вероятно, речь идет о работе Толстого «Краткое изложение Евангелия» (*Юб.* Т. 24. С. 816–938; 1001–1004).

[9] *...«Это делайте и того не оставляйте».* – Лк 11, 42.

[10] *Sophie напишу скоро...* – Письмо А.А. Толстой к С.А. Толстой от 22 сентября 1887 г. (*ОР ГМТ*).

208. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Около 15 сентября 1887

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5675.А. Л. 1–3об. Впервые: *ПТ.* С. 359–362, с купюрами («искупить их через Сына...»; «искупив сыном...»), с датой: ⟨Август – сентябрь 1887 г.⟩. Полный текст: *Юб.* Т. 64. С. 70–72, с датой: ⟨Около 15 сентября 1887 г.⟩. Письмо было включено А.А. Толстой в «Мои воспоминания...» (см. с. 57–59 наст. изд.).

Ответ на письмо А.А. Толстой от 21 авгутса 1887 г. (письмо 207).

[1] *Толцыте, и отверзится... дастся вам...* — Лк 11, 9; Мф 7, 7; Ин 16, 24; Мк 11, 24.

209. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Около 20 сентября 1887

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5673. А. Л. 1. Впервые: *ПТ.* С. 362, с датой: ⟨Сентябрь 1887 г.⟩. Дата уточнена: *Юб.* Т. 64. С. 73–74.

[1]*...просить вашего прощенья за последнее письмо.* — См. письмо 208.

210. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

22 сентября 1887

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/7 Л. 1–2. Впервые: *ПТ.* С. 362–363.

Ответ на письма Толстого около 15 и около 20 сентября 1887 г. (письма 208 и 209).

[1]*...первое письмо ваше...* — См. письмо 208.

211. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Начало ноября 1887

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5674.А. Л. 1–2. Впервые: *ПТ.* С. 363–364, с датой: ⟨Октябрь – ноябрь 1887 г.⟩. Дата уточнена: *Юб.* Т. 64. С. 120.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 22 сентября 1887 г. (письмо 210).

[1]*...о... несчастном Попове.* — См. письмо 205 и примеч. 1 к нему. В конце августа и начале сентября 1887 г. Толстой получил письма от И.И. Попова (неизвестно) и его жены, А.И. Поповой (*ОР ГМТ*) с просьбой о помощи. Он написал И.И. Попову ободряющее письмо (*Юб.* Т. 64. С. 83), послал книги и деньги и вновь возобновил свои хлопоты. С просьбой о помощи Толстой обратился также к А.М. Кузминскому (*Юб.* Т. 90. С. 265) и Е.И. Шуваловой (письмо неизвестно — *Юб.* Т. 90. С. 352).

[2] *Помогите, как можете.* — См. письмо 212 и примеч. 2 к нему.

[3] *Какое славное письмо вы мне написали — последнее.* — См. письмо 210.

[4]*...спасибо... за письмо к Таничке.* — Письмо А.А. Толстой к Т.Л. Толстой от 14 октября 1887 г. (Дополнения, письмо 18).

212. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

19 ноября 1887

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/7. Л. 1–2об.

Ответ на письмо Толстого от начала ноября 1887 г. (письмо 211).

[1]*...интересующего нас дела.* — Дело И.И. Попова.

[2]*...вряд ли удастся смягчить наказание.* — 25 ноября 1887 г. И.И. Попов был выслан в Петропавловск Акмолинской губ., а в 1892 г. получил разрешение отбывать срок в Европейской России.

[3]*...Павла Ивановича. От него так и пахло Ясной Поляной.* — П.И. Бирюков, друг и единомышленник Толстого, первый его биограф. Два тома биографии были написаны Бюрюковым еще при жизни Толстого и им просмотрены. Впервые опубл.: *Бирюков П.И.* Биография Л.Н. Толстого: В 2 т. М.: Посредник, 1906, 1911; последнее изд.: *Бирюков П.И.* Биография Л.Н. Толстого: В 4 т. М.; Пг., 1922–1923. В июле 1887 г. П.И. Бирюков приезжал в Ясную Поляну. «Милый друг П⟨авел⟩ И⟨ванович⟩ прожил у меня дня 4. Очень радостно — все радостнее и радостнее с ним» — писал Толстой 21 июля 1887 г. В.Г. Черткову (*Юб.* Т. 86. С. 68).

[4] *Благодарю Таничку за ее последнее письмо...* — Письмо Т.Л. Толстой к А.А. Толстой от 22 октября 1887 г. (Дополнения, письмо 19).

[5] *Елена Шувалова будет вам отвечать...* — Письмо Е.И. Шуваловой неизвестно.

1888

213. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

26 марта 1888

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5676.А. Л. 1–2. Впервые: *ПТ.* С. 364–365, с датой: ⟨Февраль или март 1888 г.⟩. Дата уточнена: *Юб.* Т. 64. С. 158–159.

[1]*... благодарить за ваши... письма к Тане и Соне...* — См. письма А.А. Толстой от 15 и 20 марта 1888 г. (Дополнения, письма 20 и 22).

[2] *Мы всё еще ожидаем...* — Вскоре С.А. Толстая должна была родить. См. примеч. 2 к письму 215.

[3]*...переводчик... части моей книжки «Что же нам делать?»* — «Quelle est ma vie?» (Traduit par E. Pagès et A. Gatzouk. Paris, 1888). Под заглавием «Какова моя жизнь», в изд. Элпидина, в Женеве в 1886 г. был напечатан неполный текст статьи Толстого «Так что же нам делать?». Перевод Э. Пажеса был сделан по этому изданию.

[4] *Я его рекомендовал в Петерб⟨урге⟩ людям специальным...* — В письме к Н.Н. Страхову от 26 марта 1888 г. Толстой просил: «Будьте к нему добры ⟨...⟩ сами серьезно побеседуйте с ним. Ему это будет интереснее всего» (*Юб.* Т. 64. С. 158).

214. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

28 марта 1888

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/8. Л. 1–3. Ответ на письмо Толстого от 26 марта 1888 г. (письмо 213).

[1] *...сейчас получила прилагаемый ответ.* — Письмо Э. Пажеса к А.А. Толстой неизвестно. В письме к Толстому 21 апреля 1888 г. он писал: «Я думал, что графиня Толстая ⟨...⟩ сможет принять меня в понедельник, а она пригласила меня только на вторник к 4 часам. Однако в тот же день, в 1 час, я должен был уезжать ⟨...⟩ Я вынужден был написать графине, поблагодарить ее за любезность и выразить мое сожаление, что я ее напрасно побеспокоил» (*ОР ГМТ*).

[2] *Что касается до ее детей...* — Сыновья умершего Е.Ф. Барыкова, двоюродного брата С.А. и А.А. Толстых.

[3] *...стих Грибоедова: «О Боже мой, какая мука быть взрослой дочери отцом!»* — Неточная цитата из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (д. I, явл. 10).

[4] *...приводя в порядок уже оконченное нечто...* — Вероятно, речь идет об одной из повестей, работу над которыми А.А. Толстая закончила только в январе—марте 1890 г. 8 января 1890 г. она отметила в Дневнике, что читала близким (среди которых были одни женщины) «свое маленькое сочинение, написанное под впечатлением сна» (*ДАТ*). Опубл. без даты: L'Etoile de Noël. Par une Russe. Genève, H. Libraire Robert. В Яснополянской библиотеке хранится это издание с дарственной надписью С.А. Толстой (Февраль 1897 г.). (см.: *Библиотека ЯП III*. Ч. 2. С. 429, № 3260). 11 января 1890 г. А.А. Толстая записала, что читала вел. кн. Марии Александровне «русскую повесть, которую только что написала» (*ДАТ*). Очевидно, повесть «Поля»; опубл.: *ВЕ*. 1905. Кн. 10. С. 559–587.

[5] *Какая прелесть ваш... портрет Репина... Пахарь также хорош... Эта картинка (олография) висит уже у меня в кабинете.* — На XVI передвижной выставке Товарищества передвижных художественных выставок в Петербурге экспонировались две работы И.Е. Репина: портрет Л.Н. Толстого (1887 г.) и «Пахарь. Лев Николаевич Толстой на пашне» (1887 г.). Цветная репродукция картины «Пахарь. Лев Николаевич Толстой на пашне» продавалась, и тираж быстро разошелся. Обе картины хранятся в Государственной Третьяковской галерее и включены в постоянную экспозицию.

215. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Апрель 1888

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5677.А. Л. 1–1об. Впервые: *ПТ*. С. 365, с датой: ⟨1888 г.⟩. Дата уточнена: *Юб*. Т. 64. С. 165.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 28 марта 1888 г. (письмо 214).

[1] *Помогите ей*. – В апреле 1888 г. М.Н. Толстая в письме к Толстому просила написать письмо к А.А. Толстой (для своей дочери, Е.В. Оболенской) с просьбой помочь в ее деле (*Переписка*. С. 381–382). При встрече с Е.В. Оболенской А.А. Толстая сказала, что помочь не сможет, так как уже не имеет прежнего влияния при дворе (*Летописи, 12*. С. 293).

[2] *...от матери до Ивана...* – Сын Иван родился 31 марта 1888 г.

[3] *Дай Бог, Sophie спокойно... перенести операцию...* – 28 марта 1888 г. А.А. Толстая сообщала о предстоящей ее сестре, С.А. Толстой, операции по удалению катаракты (см. письмо 214).

1889

216. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

24 апреля 1889

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/8. Л. 1–4об.

[1] *...ваше...появление на железке*. – О возможности встречи на вокзале в Москве (проездом в Воронеж) А.А. Толстая сообщила Т.Л. Толстой в письме от 13 апреля 1889 г. (Дополнения, письмо 28). Свидание с Толстым состоялось 18 апреля 1889 г. на Николаевском вокзале. На вокзале была и Т.Л. Толстая. «Очень хорошо с ней было», – отметил в Дневнике Толстой (*Юб*. Т. 50. С. 68–69). См. «Мои воспоминания...», с. 73–74 наст. изд.

[2] *Здесь...* – В имении Рамонь Воронежской губ., подаренном в 1879 г. Александром II принцессе Евгении Максимилиановне и Александру Петровичу, принцу Ольденбургскому. В 1880–1887 гг. здесь был построен дворец в староанглийском стиле, сохранившийся до наших дней. Евгения Максимилиановна была воспитанницей Е.А. Толстой, сестры А.А. Толстой.

[3] *...он вряд ли решится на этот подвиг...* – Петр Александрович, принц Ольденбургский, приезжал к Толстому в Москву, в Хамовники, в начале 1900 г. В этом же году Толстой обратился к нему с просьбой помочь молоканам получить разрешение на выезд в Америку (см.: *Юб*. Т. 90. С. 320), а в 1901 г. просил содействовать освобождению из тюрьмы больного туберкулезом А.М. Горького (см.: *Юб*. Т. 73. С. 71).

[4] *...до свидания*. – См. письмо 217.

217. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Первая половина июня 1889

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5678/1–2.А. Л. 1–3. Впервые: *ПТ.* С. 365–366, с купюрой: («Я хотел вам писать ~ тем лучше, что он не совершится.»), с датой: ⟨Лето 1889 г.⟩. Полный текст: *Юб.* Т. 64. С. 269–270, с датой: ⟨1–20 ⟨?⟩ июня 1889 г.⟩.

Приписка впервые, как самостоятельное письмо: *ПТ.*. С. 366, с датой: ⟨Лето 1889 г.⟩. В *Юб.*: Т. 64. С. 346, также как самостоятельное письмо, с датой: ⟨Июнь–декабрь? 1889 г.⟩. Судя по содержанию (отсутствие даты и обращения, упоминания о карандашах), это, очевидно, приписка к настоящему письму.

Датируется по ответному письму А.А. Толстой от 21 июня 1889 г. (см. письмо 219).

Ответ на письмо А.А. Толстой от 24 апреля 1889 г. (письмо 216).

[1] *Тронуло меня... наше свиданье в Москве...* — См. письмо 216 и примеч. 1 к нему.

[2]*...ваш заезд к нам...* — Возвращаясь из Воронежа в Петербург, А.А. Толстая заехала в Ясную Поляну, где пробыла с 26 по 29 мая.

[3]*...тем лучше, что он не совершится.* — 8 января 1889 г. П.И. Бирюков сделал официальное предложение М.Л. Толстой. Оно было принято, но было решено свадьбу отложить. В конце января — начале февраля 1889 г. М.Л. Толстая писала В.Г. Черткову: «Не знаю, писал ли вам Поша, что я выхожу за него замуж. Это еще будет очень не скоро, через два года, а самое меньшее через год ⟨...⟩ Отложили на так долго, — мама́ — в надежде, что это расстроится, папа́ ввиду моей молодости физической» (*ОР ГМТ.*). М.Л. Толстой 12 февраля 1889 г. должно было исполниться 18 лет; ее брак с П.И. Бирюковым не состоялся. 2 июня 1897 г. она вышла замуж за Н.Л. Оболенского.

[4]*...вожусь с писаньем об искусстве... к⟨оторое⟩... разрастается.* — Начиная с января 1889 г. Толстой напряженно работал над статьей об искусстве, где предполагал изложить свои взгляды на содержание и значение истинного искусства. По мере изучения материала и обдумывания проблемы, замысел работы подвергался изменениям. Исследователи творчества Толстого к этому периоду относят три статьи: «Об искусстве. (Письмо к В.А. Гольцеву)», «О том, что есть и что не есть искусство, и о том, когда искусство есть дело важное и когда оно есть дело пустое», «Об искусстве». Подробнее см.: *Юб.* Т. 30. С. 213–230; 510–516; *Описание 2.* С. 33–42.

[5] *«И научитесь от Меня, что иго мое благо».* — Неточная цитата; см: Мф 11, 29–30.

[6]*...карандаш... мне прислала... племянница, я же вообразил себе, что это вы.* — См. начало наст. письма. О какой племяннице идет речь, неизвестно.

218. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

18 или 19 июня 1889

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5671/2. А. Л. 1–1 об. Впервые: *ПТ*. С. 345–346, с датой: ⟨ 1886 ?⟩. В *Юб*.: Т. 63. С. 443, с датой: ⟨1886 г.⟩.

Датируется по непосредственной связи с письмом А.А. Толстой от 21 июня 1889 г. (письмо 219).

[1] *80-летняя старуха Дмоховская...* — Толстой познакомился с А.В. Дмоховской в Москве в 1882 г. Он бывал в ее доме, где встречался и беседовал с революционерами. «Дмоховские решительно хотят революционизировать меня. Как жалко», — записал Толстой в Дневнике 23 апреля 1884 г. (*Юб*. Т. 49. С. 86). Подробнее см.: *Гусев. Материалы IV*. С. 306–307, 394.

[2] *...сын... сослан в Сибирь, где и умер...* — Л.А. Дмоховский в 1874 г. был осужден за революционную деятельность и приговорен к каторжным работам на 10 лет. В 1880 г. он был отправлен в Сибирь, а по дороге на Кару заболел оспой и в 1881 г. умер.

[3] *...Дмоховская просит...о помиловании ее зятя...* — О деле А.А. Тихоцкого, зятя А.В. Дмоховской, Толстому, по его запросу, сообщал Г.А. Русанов, член окружного суда в Харькове, где в тюрьме, перед высылкой в Сибирь, содержался Тихоцкий. 31 марта 1885 г. Русанов писал, что конкретных обвинений нет, и они «не принадлежат к числу особенно важных ⟨...⟩ и просить о нем следует в Петербурге» (*Юб*. Т. 63. С. 216–219). См. письмо 219 и примеч. 1 к нему.

[4] *...Карандаши ваши привели меня в умиление и восхищение.* — См. письмо 217.

[5] *...вы...рады видеть свою воспитанницу.* — Мария Александровна, младшая дочь Александра II, герцогиня Эдинбургская, после замужества жила в Англии; периодически она приезжала в Петербург. См. письмо 219.

219. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

21 июня 1889

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/1. Л. 1–3об.

Ответ на письма Толстого от первой половины июня и 18 или 19 июня 1889 г. (письма 217 и 218).

[1] *...ходатайство об Тихоцком уже сделано... что выйдет... неизвестно.* — А.А. Тихоцкий (см. примеч. 3 к письму 218) в это время находился в ссылке в Восточной Сибири. Позднее, в письме от 6 ноября 1928 г., В.А. Тихоцкий, брат осужденного, сообщал, что после ссылки А.А. Тихоцкий с женой Софьей Адольфовной (рожд. Дмоховской) поселились в Екатеринбурге (см.: *Юб*. Т. 63. С. 217–218).

[2] *Свидание... с моей бывшей воспитанницей...* — См. письмо 218 и примеч. 5 к нему.

1891

220. Т.Л. ТОЛСТАЯ и Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

20 января 1891

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5911.А. Л. 1–4 об. Впервые: *ПТ.* С. 367, приписка Толстого. В *Юб.:* Т. 65. С. 224–225, приписка Толстого. Текст Т.Л. Толстой публикуется впервые.

[1] *...я прочла книгу, которую вы мне прислали, с большой пользой для себя.* — А.А. Толстая в письме к Т.Л. Толстой 18 декабря 1890 г. сообщала: «Тебе ⟨...⟩ посылаю маленькую книжку и думаю, что ты меня будешь благодарить за нее» (Дополнения, письмо 33). О какой книге идет речь, установить не удалось.

[2] *...Т⟨аня⟩ скоро отослала...* — Письмо Т.Л. Толстой к А.А. Толстой от 29 декабря 1890 г. (Дополнения, письмо 34).

[3] *Drummond'a проповедь я знаю...* — С одной из статей г. Друммонда (название не установлено) Толстой познакомился еще в ноябре 1887 г. «Очень хорошо», — отозвался он тогда же в письме к В.Г. Черткову (*Юб.* Т. 86. С. 101). Брошюру «Самое великое в мире» он читал в июле 1890 г. (см.: *Юб.* Т. 65. С. 130–131). О присылке ее см. Дополнения, письмо 33.

[4] *Но все это ничто в сравнении с словами Посл<ания> Иоанна...* — Имеются в виду стихи из Первого соборного послания святого апостола Иоанна Богослова: «И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин 4, 16); «Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас» (1 Ин 4, 12); «Дети мои! станем любить не словом или языком, но делом и истиною» (1 Ин 3, 18); «А кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое: как пребывает в том любовь Божия?» (1 Ин 3, 17); «Кто говорит: “я люблю Бога”, а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?». (1 Ин 4, 20) «Мы знаем, что мы перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев; не любящий брата пребывает в смерти» (1 Ин 3, 14); «Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца; а вы знаете, что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной, в нем пребывающей» (1 Ин 3, 15); «Возлюбленные! будем любить друг друга, потому что любовь от Бога; и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога» (1 Ин 4, 7); «Кто не любит, тот не познал Бога; потому что Бог есть любовь» (1 Ин 4, 8).

[5] *Главное стих 15.* — См. примеч. 4.

[6] *Но тут утешенье.* — Мф 11, 28–30: «28 Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас. 29 Возьмите иго Мое на себя, и научитесь от Меня: ибо Я кроток и смирен сердцем; и найдете покой душам вашим. 30 Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко».

221. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

11 февраля 1891

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. №107/8. Л. 1–4об.

Ответ на письмо Т.Л. Толстой и Л.Н. Толстого от 20 января 1891 г. (письмо 220).

[1]*...новую проповедь Drummond'а...* — См. Дополнения, письмо 35.

[2]*...Приидите ко Мне...* — См. письмо 220 и примеч. 6 к нему.

[3]*...Таничке и Саше буду отвечать отдельно...* — Письмо А.А. Толстой к Т.Л. Толстой от 20 февраля 1891 г. (Дополнения, письмо 35).

222. Т.Л. ТОЛСТАЯ и Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

7 июня 1891

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5912.А. Л. 1–4 об. Впервые: *ПТ.* С. 367–368, с датой: ⟨Май 1891 г.⟩, приписка Толстого. В *Юб.:* Т. 65. С. 316–317, приписка Толстого, с датой: ⟨Мая 31 или июня 7, 1891 г.⟩. Текст Т.Л. Толстой публикуется впервые.

[1]*...до получения вашего письма...* — Письмо А.А. Толстой к Т.Л. Толстой от 31 мая 1891 г. (Дополнения, письмо 37).

[2]*...я написала Вам и адресовала в Петербург...* — Письмо Т.Л. Толстой неизвестно.

[3]*...Вы проехали раньше, чем бывало прежде.* — А.А. Толстая по дороге из Петербурга в Лубянки (в Дмитровский у. Орловской губ.) 24 мая проезжала через Тулу и надеялась повидаться с Толстыми. Т.А. Кузминская в письме к А.М. Кузминскому 25 мая 1891 г. сообщала: «Вчера Левочка пошел в Тулу пешком, с тем чтобы сесть с Ал⟨ександрой⟩ Андр⟨еевной⟩ Толстой на поезд и проехать с ней до Ясенков, где Таня встретила бы ее. Но к несчастью, поезд приходит теперь в 5 ч⟨асов⟩, чего Левочка не знал и потому опоздал. Таня также, так что никто не видал ее» (*ОР ГМТ*).

[4] *Поезд, о котором Вы пишете... приходит в Ясенки в половину второго дня.* — В письме к Т.Л. Толстой от 31 мая 1891 г. А.А. Толстая сообщала, что хочет заехать в Ясную Поляну на обратном пути из Лубянок в Петербург (Дополнения, письмо 37).

[5]*...англичанка, которой 18 лет...* — Лидия Джадд, англичанка, гувернантка и учительница английского языка у детей Толстых.

[6]*Дай Бог... чтобы вы... не раздумали заехать к нам.* — А.А. Толстая гостила в Ясной Поляне с 2 по 7 июля 1891 г. (см. письмо 223).

223. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ и С.А. ТОЛСТОЙ

10 июля 1891

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/8. Л. 1–4.

[1]...*Ольга Перовская вслед за первой депешей послала мне другую... на которую получила прилагаемый ответ.* — Телеграмма О.Б. Перовской о состоянии здоровья сестры Александры Андреевны, С.А. Толстой, и прилагавшийся к настоящему письму ответ Висьеля на одну из них — неизвестны.

[2] *Телеграмма на имя Льва...*— Телеграмма О.Б. Перовской к Толстому — неизвестна.

[3] *А вас... благодарю всех... за оказанную мне дружбу.* — А.А. Толстая гостила в Ясной Поляне с 2 по 7 июля 1891 г. и вынуждена была прервать свой визит. «Как всегда, она с собой внесла радостный, ласковый и всем интересующийся свой характер», — отметила С.А. Толстая в Дневнике (*ДСТ. 1.* С. 198). См. также «Мои воспоминания...», с. 64–73 наст. изд.

[4] *Посылаю... Льву героя его будущей легенды.* — См. письмо 224 и примеч. 3 к нему.

[5]...*возвращу... ему «Nell Horn».* — Вероятно, речь идет о книге Ж.-А. Рони: *Rosny J.H.* Nell Horn de l'Armée du Salut: Roman de mœurs londonniennes (Paris, 1886), с дарственной надписью: «Au Maître Au Comte L. Tolstoi en profonde admiration J.H. Rosny» ⟨«Мастеру, графу Л.Н. Толстому с глубоким восхищением Ж.А. Рони»⟩ (см.: *Библиотека ЯП III*. Ч. 2. № 2791. С. 256).

[6]...*приготовления к принятию их эскадры...* — Летом 1891 г. в Кронштадт прибыла французская эскадра под командованием адмирала Жерве. Царским правительством был устроен торжественный обед для французских моряков. Эти события были связаны с формированием русско-французского военного союза.

[7]...*мой поклон любезным артистам...* — Одновременно с А.А. Толстой в Ясной Поляне гостили и работали над живописными и скульптурными портретами Толстого И.Е. Репин и И.Я. Гинцбург.

[8]...*я застала Ек<атерину> Ник<олаевну> в полном здравии.* — Е.Н. Шостак.

224. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

16 июля 1891

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5913.А. Л. 1–1об. Впервые: *ПТ*. С. 368, с датой: ⟨Июнь–июль 1891 г.⟩. Дата уточнена: *Юб*. Т. 66. С. 17.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 10 июля 1891 г. (письмо 223).

А.А. Толстая не ответила на настоящее письмо, а поблагодарила за него в письме к С.А. Толстой от 7 августа 1891 г. (Дополнения, письмо 38).

[1]...*за ваше посещенье...* — См. примеч. 3 к письму 223.

[2]*...отвозят Репина, к⟨оторый⟩ кончил бюст...* — И.Е. Репин гостил в Ясной Поляне с 29 июня по 16 июля 1891 г. Он вылепил бюст Толстого, написал Толстого в его кабинете за столом — «Толстой за работой в кабинете под сводами»; (*ИРЛИ*) и несколько этюдов к картинам «Толстой на отдыхе в лесу под деревом» (*ГТГ*) и «Толстой на молитве» (ГМТ).

[3]*...хотелось бы попробовать написать.* — Речь идет о задуманной повести про старца Федора Кузмича, под именем которого якобы скрывался в Сибири царь Александр I. Фотографию старца прислала А.А. Толстая. К работе над повестью «Посмертные записки старца Федора Кузмича» Толстой приступил в 1905 г., и она осталась незавершенной (см.: *Юб.* Т. 36. С. 59–74; 584–589).

[4] *Гостей очень много.* — С.А. Толстая 16 июля 1891 г. записала в дневнике: «Гостей эти дни пропасть», — и далее назвала И.Е. Репина, И.Я. Гинцбурга, дочерей С.Н. Толстого — Варю и Веру, В.В. Нагорнову, Зиновьевых, дочь и сына Н.Д. Гельбиг (*ДСТ 1.* С. 199).

[5]*...я... понемногу работаю.* — В эти дни Толстой работал над статьей о вегетарианстве — «Первая ступень» (*Юб.* Т. 29. С. 57–85; 383–387) и над книгой «Царство Божие внутри вас» (*Юб.* Т. 28. С. 1–293). См.: *Гусев. Летопись I.* С. 34.

225. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

25 августа 1891

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 107/8. Л. 1–2об.

[1]*...помните ли вы 1857-й год...* — См. «Мои воспоминания...» (с. 11–16 наст. изд.).

[2] *Читали ли вы... разговоры Гёте с Экерманом?* — См. письмо 226 и примеч. 1 к нему.

[3]*...пришлите мне книгу Rod... именно статью об вас.* — Статья Э. Рода (E. Rod) «Les idées morales du temps présent. Le comte Léon Tolstoy» («Моральные идеи настоящего времени. Граф Лев Толстой») опубликована в «Revue Bleue» (1891. № 13. С. 388–394). Толстой находил ее очень хорошей (см.: *Юб.* Т. 87. С. 80).

[4] *Рекомендую... статьи... писанные каким-то Ярош.* — См.: *Ярош К.* Забота о ближнем. Очерки благотворительности // *РВ.* 1891. Кн. 3 и 5.

226. Л.Н. ТОЛСТОЙ — А.А. ТОЛСТОЙ

Между 29 и 31 августа 1891

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5914.А. Л. 1–2. Впервые: *ПТ.* С. 368–369, с датой: ⟨Август — сентябрь 1891 г.⟩. Дата уточнена: *Юб.* Т. 66. С. 34–35.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 25 августа 1891 г. (письмо 225)

[1]*Акермана разговоры не читал...* — Книгу И.П. Эккермана «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни (1822–1832)» Толстой читал в 1897 г. и 13 апреля писал

П.И. Бирюкову: «...довольно интересно мне и для искусства и для изучения старости» (*Юб.* Т. 70. С. 68).

[2] *Гёте-то я очень не люблю.* — «Гёте я три раза в жизни проштудировал от начала до конца», — говорил Толстой в апреле 1900 г. По его словам, драматические сочинения Гёте он не любит, а романы находит слабыми. Ему нравились лирические стихотворения и «Герман и Доротея» (см.: *Гольденвейзер I.* С. 61–62). «Германа и Доротею» Толстой включил в список книг, произведших на него очень большое впечатление в возрасте от 20 до 35 лет, составленный по просьбе М.М. Ледерле (см. письмо Толстого к Ледерле от 25 октября 1891 г.: *Юб.* Т. 66. С. 68). Подробнее об отношении Толстого к Гёте см.: Толстой читает Гёте. Тула, 1982. С. 1–30 / Сост. и предисл.Т.Л. Мотылевой.

[3] *Благодарю... за книги. ... О Damiens... рад был прочесть. Но Гордон не понравился мне...* — Какие книги о Дамиене (Damiens, в миру Жозеф де Вестер) и генерале Чарлзе-Джордже Гордоне имеются в виду, установить не удалось.

[4]*...очень милая сватьба...* — Свадьба М.А. Кузминской и И.Е. Эрдели состоялась 25 августа 1891 г. «Был ясный, чудесный теплый день; все были веселы, всем было легко и радостно: и своим, и родным, и соседям», — записала С.А. Толстая в дневнике (*ДСТ 1.* С. 208).

[5] *За самовар я не так виноват...* — О покупке самовара для А.А. Толстой см.: Дополнения, письмо 37. Покупка не состоялась по недоразумению.

227. Л.Н. ТОЛСТОЙ и Т.Л. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

29 ноября 1891

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5915.А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.* С. 369–370, приписка Толстого. В *Юб.:* Т. 66. С. 100–101, приписка Толстого. Текст Т.Л. Толстой публикуется впервые.

[1] *Я... написал письмо Кауфману...* — Письмо Толстого к М.П. Кауфману от 29 ноября 1891 г. см.: Яснополянский сборник. 1978. Тула, 1978. С. 61–63. См. письма 228 и 229 и примеч. 1,5 к ним.

[2]*...еду в Москву на неделю.* — 29 ноября 1891 г. Толстой с дочерьми Татьяной и Марией и племянницей Верой Кузминской возвратились из деревни Бегичевка Данковского уезда Рязанской губ. через Тулу в Москву, где пробыли до 9 декабря. В Бегичевке Толстой жил в имении И.И. Раевского, где вместе с ним организовал помощь голодающим (см. «Мои воспоминания...», с. 72–73 наст. изд. и примеч. 89 к ним).

[3]*...умер мой друг...* — И.И. Раевский, друг и помощник Толстого в работе на голоде, умер от воспаления легких 26 ноября 1891 г. 28 ноября Толстой написал статью-некролог «Памяти И.И. Раевского» (*Юб.* Т. 29. С. 260–263), которая при жизни Толстого напечатана не была и опубликована только в 1924 г. в журнале «Огонек», № 17.

228. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

5 декабря 1891

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 47. № 12183.Б. Л. 1–2об.

Ответ на письмо Л.Н. Толстого и Т.Л. Толстой от 29 ноября 1891 г. (письмо 227).

[1]*...счастлива, увидев из его ответа, что желание ваше может исполниться.* — В письме к А.А. Толстой от 4 декабря 1891 г. М.П. Кауфман сообщал, что получил письмо Толстого от 29 ноября 1891 г. (см. примеч. 1 к письму 227) и желание его «прийти на помощь бедным сельским жителям в их добывании необходимых средств для прокорма своих лошадей до нового урожая, будет исполнено». Письмо Кауфмана было приложено к письму А.А. Толстой.

[2] *Прошу Таню прислать... адрес...* — См. письмо 229.

[3]*...посылки, отправленной... по указанию Татьяны Андреевны.* — См. письмо 229 и примеч. 1 к нему.

229. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

8 декабря 1891

Печатается по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. № 5916.А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ.* С. 370–371. В *Юб.:* Т. 66. С. 106–107.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 5 декабря 1891 г. (письмо 228).

[1]*...нужны были не деньги, а общее распоряжение о бесплатном провозе лошадей.* — В официальном письме от 4 декабря 1891 г. М.П. Кауфман сообщал Толстому, что в распоряжение Епифанского уездного попечительства Красного Креста высланы 367 рублей на провоз ста лошадей в Калужскую губ. (*ОР ГМТ*). 11 декабря 1891 г. Толстой вновь обратился к Кауфману с просьбой разрешить бесплатный провоз лошадей на Кавказ (письмо не сохранилось). 22 декабря 1891 г. Кауфман в официальном письме сообщил, что «комитет не признал ⟨...⟩ возможным удовлетворить ⟨...⟩ ходатайство, ввиду крайней сложности организации этого дела» (*ОР ГМТ*).

[2] *Мы живем в Данковск⟨ом⟩ уезде, и посылают нам в станц⟨ию⟩ Чернаву, Скопинского уезда.* — Т.А. Кузминская указала неправильный адрес для посылки вещей, пожертвованных для голодающих.

[3] *Завтра, 9-го, мы уезжаем.* — 9 декабря 1891 г. Толстой с дочерьми Татьяной и Машей возвратился в Бегичевку для продолжения работы по оказанию помощи голодающим.

[4] *Дело наше идет так хорошо...* — За время с 26 октября 1891 г. Толстой и его добровольные помощники проделали огромную работу по обследованию и выявлению деревень, нуждающихся в помощи. На пожертвования, поступавшие на имя Толстого, были открыты в деревнях десятки столовых для голодающих. Велась закупка

продовольствия и дров. Подробнее см.: *Покровская И.А.* Лев Толстой в переписке родных и близких // Октябрь. 1978. № 9. С. 201–213.

[5]*Я встретил... моряка Протопо⟨по⟩ва...* — Н.П. Протопопов был председателем земской управы в Епифанском у., жители которого нуждались в помощи.

1893

230. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ и С.А. ТОЛСТОЙ

Не позднее 20 августа 1893

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 47. № 12225.Б.

Текст письма А.А. Толстой на ее визитной карточке: «Камер-Фрейлина Графиня Толстая». На конверте, рукой А.А. Толстой, карандашом указан для Ш. Саломона подробный адрес Толстого: «Долгий переулок, близь Девичьего Поля, рядом с Хамовническим пивоваренным, собствен⟨ный⟩ дом». К письму приложена визитная карточка — «Charles Salomon. 6 rue de Commaille». Рукой Ш. Саломона приписка, очевидно с его московским адресом: «9ème Gymnase. Bolchaia Lioubianka».

[1]*...Sophie и Лев, примите... моего молодого приятеля г-на Саломон.* — Ш. Саломон, впоследствии автор ряда статей о Толстом и переводчик его сочинений, познакомился с Толстым в Ясной Поляне около 23 августа 1893 г. В последующие годы переписывался с ним и неоднократно бывал у Толстых в Ясной Поляне и Москве. См.: *Мазон А.* Французский корреспондент Толстого // *ЛН*. Т. 75, кн. 1. С. 588–592.

[2] *Я очень дружна с его матерью...* — Саломон (Salomon Adèle, рожд. Перро), мачеха Ш. Саломона, в юности была фрейлиной при русском дворе. Тогда же она познакомилась с А.А. Толстой. Все последующие годы их связывали дружеские отношения.

1894

231. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

13 февраля 1894

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/8. Л. 1–2. На конверте письма помета Толстого: Отв⟨етил⟩. Л.Н.

[1] *Надеюсь, что ваша Sophie получила мое письмо.* — Возможно, речь идет о коротком письме А.А. Толстой из Ливадии от 16 декабря 1893 г. В нем А.А. Толстая сообщала, что сама она больна и слаба, а сестра Софья чувствует себя лучше, но о возвращении в Петербург пока речи не идет (*ОР ГМТ*).

[2] *...прошу Sophie написать... о здоровье Левы...* — См. письмо 232 и примеч. 3 к нему.

232. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

28 февраля 1894

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5917.А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ*. С. 371–372. В *Юб.:* Т. 67. С. 57–58.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 13 февраля 1894 г. (письмо 231).

[1] *Простите меня... что не писал вам.* — Последнее известное к этому времени письмо Толстого к Александре Андреевне от 8 декабря 1891 г. (письмо 229).

[2] *Неужели вы... проедете так, что нельзя будет вас увидать?* — См. письмо 233.

[3] *...горе большое... это болезнь... сына Левы. Он теперь в Париже. Таня поехала... к нему...* — Л.Л. Толстой был болен с 1893 г. Врачи не могли поставить точный диагноз, а физическое и душевное состояние больного ухудшалось. В конце ноября 1893 г. Л.Л. Толстой уехал лечиться в Париж, а 15 февраля 1894 г. к нему поехала Т.Л. Толстая. См. также письмо 234 и примеч. 4 к нему.

233. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

15 марта 1894

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/8. Л. 1–2об. На конверте помета Толстого: Отв⟨етил⟩. Л.Н.

Ответ на письмо Толстого от 28 февраля 1894 г. (письмо 232).

[1] *Я... имею известия об Леве и Тане через m-me Salomon...* — Саломоны с большим вниманием отнеслись к находившимся в Париже Л.Л. и Т.Л. Толстым. Л.Н. Толстой писал им 21 февраля 1894 г.: «Как хорошо, что тебя любят и Саломон и его мать. Его мать я видел 40 лет тому назад с цветами в Женеве, она принесла их Ал⟨ександре⟩ Андр⟨еевне⟩, а теперь тебе. Утонченные формы особенно милы в старушках. Поблагодари очень ее и его от меня» (*Юб.* Т. 67. С. 45).

[2] *Сына ее вы знаете...* — См. письмо 230 и примеч. 1 к нему.

[3] *...насчет смерти мы в одном духе.* — См. письмо 232.

234. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

17 марта 1894

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5918.А. Л. 1. Впервые: *ПТ*. С. 374, с датой: ⟨1894 г.?⟩. Дата уточнена: *Юб.* Т. 67. С. 87.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 15 марта 1894 г. (письмо 233).

[1] *Простите... за Гальперина-Каминского...* — И.Д. Гальперин-Каминский, переводчик сочинений Толстого на французский язык, в письме от 3 декабря 1893 г. сообщал, что в 1894 г. он будет в России и надеется лично познакомиться с Толстым

(*ОР ГМТ*). Их встреча и знакомство состоялось в начале марта 1894 г. в Москве. На просьбу Гальперина-Каминского дать материал для его будущей книги — биографии писателя — Толстой назвал несколько своих корреспондентов (в том числе и А.А. Толстую), письма к которым могут быть интересны. Подробнее о встрече Толстого с И.Д. Гальпериным-Каминским см.: *ЛН*. Т. 75, кн. 2. С. 65–71. Но после отъезда Гальперина-Каминского в Петербург Толстой в письме к нему от 16 марта 1894 г. извинялся за свой необдуманный поступок — согласие печатать его письма к Н.Н. Страхову, А.А. Толстой и С.С. Урусову: «...я лично не хотел бы этого ⟨...⟩ Эти письма слишком интимного характера, чтобы они могла быть напечатаны *при жизни* как тех, кому они адресованы, так и того, кто их писал». В тот же день Толстой написал Н.Н. Страхову: «...надеюсь, что вы не дадите ему моих писем» (*Юб*. Т. 67. С. 83, 84).

[2] *...как он мне пишет, был у вас, прося моих писем.* — И.Д. Гальперин-Каминский в письме к Толстому от 16 марта 1894 г., которое было получено в Москве 17 марта (дата по почтовому штемпелю), сообщал, что 15 марта он был у Н.Н. Страхова, а к А.А. Толстой пойдет 17 марта. Не получив еще письма Толстого от 16 марта и не зная о его решении (см. примеч. 1), он просил Толстого «письменно уведомить указанных ⟨...⟩ лиц о данном ⟨...⟩ разрешении сообщить ⟨...⟩ на краткий срок ⟨...⟩ письма (только на время, чтобы успеть снять с них копии) или же прислать ⟨...⟩ письмо, разрешающее непосредственно обратиться к ним с этой просьбой» (*ОР ГМТ*).

[3] *Вы... имели неприятность ему отказать.* — См. письмо 235.

[4] *Наши завтра приезжают.* — Л.Л. и Т.Л. Толстые возвращались из Парижа в Москву через Петербург. Прибыли в Москву 18 марта 1894 г. См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник. М., 1979. С. 330–331.

235. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

19 марта 1894

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/8. Л. 1–2об.

Ответ на письмо Толстого от 17 марта 1894 г. (письмо 234).

[1] *...то же самое было сделано и с другими вашими друзьями.* — И.Д. Гальперин-Каминский вел переговоры с Н.Н. Страховым. В письме к Толстому от 1/13 ноября 1894 г. из Парижа Гальперин-Каминский сообщал: «Я уже сделал необходимые мне выписки из Ваших писем к гр. А.А. Толстой. Теперь я жду от Н.Н. Страхова кроме тех десяти писем, которые он мне уже сообщил, выдержки из тех многих других, которые у него остались и он мне обещал сообщить» (*ОР ГМТ*). Полученными материалами Гальперин-Каминский воспользовался для своих публикаций после смерти Толстого сначала в журнале «Grande Revue», а затем в кн. «Tolstoi par Tolstoi. Biographie épistolaires» («Толстой устами Толстого. Биография в письмах». Paris, 1912). Общество Толстовского Музея опротестовало право Гальперина на использование этих писем. В результате разразилась длительная полемика между

Гальпериным-Каминским и Обществом. См.: Полемика о письмах Л.Н. Толстого к гр. А.А. Толстой // Толстовский Ежегодник. 1912. М., [1912]. С. 275–295.

[2] *Он обещал мне, что ни одна строчка не будет напечатана без вашего и моего согласия...* — Об этом же И.Д. Гальперин-Каминский писал Толстому 21 марта 1894 г. (*ОР ГМТ*).

[3] *...будет ли он способен написать вашу... биографию?* — См. примеч. 1 к наст. письму.

[4] *В прошедший четверг... Таня и Лева проехали через Петербург.* — Т.Л. и Л.Л. Толстые выехали из Парижа 14 марта и 17 марта были в Петербурге. См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник. С. 327–328.

236. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

24 мая 1894

Публикуется впервые. Текст телеграммы на бланке: *ОР ГМТ*. Ф. 47. № 12191.Б. Л. 1.

[1] *Доктора находят, мне лучше...* — С.А. Толстая отвечала 26 мая 1894 г.: «Хотя телеграмма ваша нас намного успокоила, но мы все продолжаем о вас тревожиться ⟨...⟩ Левочка и все мы о вас постоянно думаем, все вам шлют горячее сочувствие и лучшие пожелания» (*ОР ГМТ*).

237. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

4 сентября 1894

Печатается по рукописной копии, сделанной неизвестной рукой, очевидно, при передаче автографа знакомой А.А. Толстой в подарок. Сохранился в копировальной книге оттиск, сделанный при отправке письма к А.А. Толстой. Часть текста, недостаточно четко пропечатавшегося при копировании, восстанавливалась Т.Л. Толстой (фрагменты восстановленного текста точному прочтению не поддаются): *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 2923.А. Л. 1–2; 33–34.

Впервые: *ПТ*. С. 372–373; с примечанием: «Печатается по копии; как видно из отметки гр. А.А. Толстой, подлинник письма передан ею "à Eveline Wagenbach"». В *Юб*.: Т. 67. С. 219.

[1] *Получил вашу телеграмму...* — Телеграмма неизвестна. Вероятно, она была послана к дню рождения Толстого — 28 августа.

[2] *...напишите мне...* — См. письмо 238.

[3] *Я занят... работой... это изложение... своего... исповедания веры.* — Толстой продолжал работу над статьей «Христианское учение», начатой между 23 марта и 21 апреля 1894 г. (промежуточные названия: «Катехизис»; «Учение блага»; «Изложение веры»). 3 сентября 1894 г. Толстой писал по поводу этой своей работы В.Г. Черткову: «Я все в том же отношении к своей работе: так же привязан к ней,

так же упорно изменяю и так же вижу, что хоть самыми крошечными шагами и часто окружными путями, но двигаюсь» (*Юб.* Т. 87. С. 287). Работа над статьей шла и в 1895—1896 гг. Статья «Христианское учение» впервые была напечатана в 1898 г. в Англии, с предисловием В.Г. Черткова «От издателя»; в переводе на английский язык: «The Christian teaching». Brotherhood Publishing C° / Ed. by V. Tchertkoff. L., 1898 (см.: *Юб.* Т. 39. С. 117—191; 242—247).

[4] *...хочется... употребить... досуг на художественные работы...* — 6 сентября 1894 г. Толстой записал в Дневнике: «Утром в постели 〈...〉 продумал очень живой худож〈ественный〉 рассказ о хозяине и работнике» (*Юб.* Т. 52. С. 137). Это первое упоминание о рассказе «Хозяин и работник», к работе над которым Толстой приступил 13 сентября 1894 г. и закончил в январе 1895 г. (*Юб.* Т. 29. С. 3—46).

238. А.А. ТОЛСТАЯ — Л.Н. ТОЛСТОМУ

6 (18) декабря 1894

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 1. Оп. 2. № 108/8. Л. 1—2об.

Ответ на письмо Толстого от 4 сентября 1894 г. (письмо 237).

Бумага для письма и конверт с траурной окантовкой по случаю смерти Александра III (см. примеч. 1 к наст. письму).

На конверте письма почтовый штемпель: «18 dec. 94». Помета Толстого: Б〈ез〉 о〈твета〉. Но Толстой ответил 4 января 1895 г. (письмо 239).

[1] *...наступило тяжелое время...* — Речь идет о болезни и смерти 20 октября 1894 г. Александра III. В письме к Н.Я. Гроту от 20—21 октября Толстой писал о своем отношении к происшедшему: «Мне его очень жалко, как человека страдающего и умирающего в таких тяжелых для души условиях, но эта жалость не заставляет меня изменить мое мнение о плачевном итоге его царствования» (*Юб.* Т. 67. С. 250).

[2] *...она хотела сама вам написать...* — Письмо С.А. Толстой неизвестно.

[3] *Помню, вы... писали мне из Ниццы, что этот вечный праздник начинает вам надоедать.* — Имеется в виду письмо Толстого от 25 ноября (6 декабря) 1860 г. из Гиера (письмо 43).

[4] *...вы опять принялись за ваше profession de foi.* — «Исповедание веры» (фр.). Ш. Саломон в это время переводил на французский язык статью Толстого «Религия и нравственность», опубликованную в журнале «Северный вестник» (1894. Январь) с большими цензурными пропусками и искажениями, под измененным редакцией названием «Противоречия эмпирической нравственности» (см.: *Юб.* Т. 39. С. 3—26; 227). Вероятно, при встрече Ш. Саломона с А.А. Толстой они говорили об этой статье.

[5] *Посылаю вам образчик здешней журналистики и прошу вас истолковать мне, что значит быть вашим ex.* — К письму приложена вырезка из «ментонской газетки» на французском языке, в которой сообщалось о прибытии на виллу «Александра» гр. А.А. Толстой, которая приходится «кузиной поэту графу Алексею Толстому (Alexis Tolstay) и экс (l'ex) графу Льву Толстому» (в заметке: «Léon Tolstay»).

1895

239. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

4 января 1895

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5292.А. Л. 1–2. В *Юб.* не вошло. Впервые: Яснополянский сборник. 1984. Тула, 1984. С. 46–47 / Публ. О.А. Голиненко.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 6 (18) декабря 1894 г. (письмо 238), по непосредственной связи с которым установлен год настоящего письма.

1 *Я знал про ваше горе.* — См. письмо 238 и примеч. 1 к нему.

240. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ и С.А. ТОЛСТОЙ

20 марта (1 апреля) 1895

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 47. № 12192.Б. Л. 1–2.

На конверте почтовый штемпель: «2 avril 95. Menton. Alpes Maritimes».

Бумага для письма и конверт с траурной окантовкой, вероятно, по случаю смерти сына Толстых — Вани.

1 *...узнавши, что... Вани не стало.* — Младший сын Толстых, Иван, умер 23 февраля 1895 г. не дожив до семи лет (р. 31 марта 1888 г.). Подробнее см.: *ДСТ 1*. С. 512–518. Можно предположить, что А.А. Толстая узнала о смерти Вани из газет. Так, Н.Н. Страхову стало известно о смерти сына Толстого из публикации в *НВ*, о чем он сообщил Толстому в письме от 2 марта 1895 г. (см.: *ТС II*. С. 988).

2 *...потеряв нашу Пашу.* — См. письмо 39 и примеч. 1, 2 к нему.

3 *Поправляется ли здоровье Лёвы?* — В письме к А.А. Толстой от 11 июля 1895 г. С.А. Толстая сообщала: «Сын наш, Лёва, живет в Финляндии, в городке Ханго, на берегу моря и лечится водой. Ему гораздо лучше, хотя мнительность его очень ему вредит. Но он пополнел, прибавил весу и сам верит в свое выздоровление» (*ОР ГМТ*).

241. Л.Н. ТОЛСТОЙ и С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

29, 31 марта 1895

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5919.А. Л. 1–4об. Впервые: *ПТ*. С. 374–377, с письмом С.А. Толстой. В *Юб.:* Т. 68. С. 70–71, без письма С.А. Толстой.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 20 марта (1 апреля) 1895 г. (письмо 240).

1 *...мы в нашем горе...* — См. примеч. 1 к письму 240.

242. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

Конец мая 1895

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5920.А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ*. С. 377–378, с датой: ⟨Осень 1895 г.⟩. Дата уточнена: *Юб*. Т. 69. С. 99.

[1] *Не удалось мне увидать Sophie до ее смерти...* — С.А. Толстая, сестра А.А. Толстой, умерла 31 марта 1895 г.

[2] *...об ее кончине... было в газетах.* — Объявление о смерти С.А. Толстой было опубликовано в *НВ* от 1 и 2 апреля 1895 г.

[3] *...vérités de M-r de la Palisse.* — «Истины г-на де ла Палиса», в смысле: «прописные истины». Де ла Палис — герой французской песенки, имя которого вошло в поговорку.

243. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ и С.А. ТОЛСТОЙ

7 июня 1895

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/8. Л. 1–4об.

На конверте письма А.А. Толстой помета Толстого: Б⟨ез⟩ О⟨твета⟩.

Бумага для письма и конверт с траурной окантовкой, по случаю смерти С.А. Толстой, сестры А.А. Толстой.

Ответ на письмо Толстого от конца мая 1895 г. (письмо 242).

[1] *...из Канона Андрея Критского: «Душа моя... Конец приближается»...* — Великий покаянный канон святого Андрея Критского, песнь 6, кондак, глас 6.

[2] *Благодарю вас... за ваши оба письма.* — Письма 241, 242.

1896

244. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

28 августа 1896

Публикуется впервые. Текст телеграммы на бланке: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 58501.Б. Л. 1.

[1] *Благодарю Софи за... письмо.* — Письмо С.А. Толстой от 29 июля 1896 г. (См. Дополнения, письмо 49).

1897

245. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ и С.А. ТОЛСТОЙ

8 февраля 1897

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 47. № 12224.Б. Л. 1–1об.

[1] *...Шостак... просит, чтобы мы собрались завтра... у нее...* — Л.Н. и С.А. Толстые с 7 по 12 февраля 1897 г. находились в Петербурге. Толстой приехал повидаться и проститься с В.Г. Чертковым и П.И. Бирюковым, высылавшимися по распоряжению министра внутренних дел за границу «за пропаганду и незаконное вмешательство в дело сектантов». См. «Мои воспоминания...» (с. 74–75 наст. изд.).

[2] *Хотя не охотно, но я ей уступила...* — В этот приезд в Петербург Толстой несколько раз встречался и беседовал с А.А. Толстой. «Тяжелое впечатление — это был разговор с А.А. Толстой. Ужасающая не только холодность, но жестокость и залезание в душу, и насилие, то самое, кот⟨орое⟩ нас разлучило», — писал он В.Г. Черткову 15 февраля 1897 г. (*Юб*. Т. 88. С. 10). Это была их последняя встреча.

246. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

25 апреля 1897

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/8. Л. 1–2об.

Год установлен на основании пометы на автографе (1897) неизвестной рукой, возможно С.А. Толстой.

[1] *...как только что отправила письмо...* — Письмо неизвестно.

[2] *Письма получила — сведения собираются. ...нашла человека... мне полезного...* — Вероятно, речь идет о работе А.А. Толстой над задуманными воспоминаниями о Толстом и подготовке к публикации их переписки. Замысел Толстой возник еще в 1890 г. 30 ноября 1890 г. она записала в ежедневнике: «Продолжаю копировать письма Л. Толстого. Сегодня утром я принялась писать маленькую биографию или, скорее, мои воспоминания о наших отношениях с ним. Все это останется для потомков, которые еще заинтересуются, я думаю, автором, который был так известен...» (*ИРЛИ*. Ф. 300. Ед. хр. 7. Запись на французском языке, перевод Л.В. Гладковой). Позднее в этой работе А.А. Толстой помогал И.Н. Захарьин-Якунин, которому она сообщала 15 февраля 1899 г.: «Посылаю вам покамест мой неопрятный и далеко не совсем выработанный манускрипт и радуюсь заранее, что вы облечете его в лучшую одежду нравственно и наружно» (*ОР ГМТ*). Видимо, Захарьин-Якунин, возвратил присланную А.А. Толстой рукопись со своими замечаниями. 25 мая 1899 г. она писала Захарьину-Якунину: «Многоуважаемый Иван Николаевич — сейчас поставила последнюю точку к своим Воспоминаниям и спешу сообщить вам свою радость ⟨...⟩

Кроме французского моего письма всё переписано мною, и я вижу теперь, что никто кроме меня и не мог сделать это как следует — потому что я одна могла поправлять, убавлять и прибавлять ad libitum. Окончательная корректура, разумеется, принадлежит вам — как и вашему поощрению и одобрению принадлежит весь этот труд» (*ОР ГМТ*).

247. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

10 мая 1897. Недоставленное

Печатается по отдельному копировальному листу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 1605. А. Л. 1. Окончание письма («и не оставляйте меня 〈...〉 Податель письма один из пострадавших») — по машинописной копии из архива В.Г. Черткова: *ОР ГМТ*. Ф. 67. Кп. 11077. Л. 1.

Впервые опубликовано: *Юб*. Т. 70. С. 80.

Датируется по содержанию. Все сопроводительные письма (см. примеч. 2), переданные молоканам, были написаны Толстым в один день и, кроме настоящего, датированы 10 мая 1897 г.

Письмо не было доставлено адресату (см. примеч. 3).

[1] *Я был вынужден написать это письмо Государю*. — Письмо к Николаю II от 10 мая 1897 г. с просьбой помочь возвратить молоканам их детей (см.: *Юб*. Т. 70. С. 72–75). 9 мая, по пути в Петербург, к Толстому заехали крестьяне-сектанты из Самарской губ., у которых за отход от православия по постановлению миссионерского съезда в марте 1897 г. были отняты дети. Они просили Толстого помочь им добиться возвращения детей их родителям.

[2] *Я прошу Олсуфьева передать его*. — Кроме А.В. Олсуфьева и А.А. Толстой, с аналогичной просьбой Толстой обратился с письмами к К.О. Хису и А.С. Танееву (см.: *Юб*. Т. 70. С. 76–80).

[3] *Податель письма один из пострадавших*. — Письмо к Николаю II и сопроводительные письма Толстой передал В.И. Токареву и В.Т. Чепелеву, крестьянам, ехавшим в Петербург хлопотать о своем деле. Кроме того, им было дано письмо Л.Л. Толстого к вел. кн. Георгию Михайловичу. В Петербурге молокане прежде всего пошли к великому князю, передали письмо Л.Л. Толстого и, после разговора с прислугой, по ее совету (из-за страха перед репрессиями), уничтожили все письма Толстого. По совету П.И. Буланже Толстой переписал письмо к царю по копировальной книге и через Ал.В. Олсуфьева оно было доставлено Николаю II. Подробнее см. в письме Толстого к В.Г. Черткову от 26 мая 1897 г. (*Юб*. Т. 88. С. 29). После длительных хлопот осенью 1897 г. удалось добиться возвращения детей молоканам. См.: *Бирюков III*. С. 287–292.

1898

248. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

28 августа 1898

Публикуется впервые. Текст телеграммы на бланке: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/9. Л. 1.

На эту телеграмму Толстой не ответил. 30 сентября 1898 г. С.А. Толстая писала А.А. Толстой: «Ваша телеграмма — не все, и Левочка ей особенно обрадовался и поступил очень дурно, что не отозвался на нее» (Дополнения, письмо 52).

[1] *...бабушка является на юбилейное торжество...* — 28 августа 1898 г. Толстому исполнилось 70 лет. «Получено было около ста телеграмм от самых разнообразных лиц», — отметила С.А. Толстая в дневнике. Подробнее см.: *ДСТ 1*. С. 405.

1899

249. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

24 июля 1899

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/9. Л. 1–2об.

[1] *...Кузьма гласит так: «Если у тебя есть фонтан, заткни его. Надобно отдохнуть и фонтану».* — *Прутков К*. Полн. собр. соч. 1-е изд. СПб., 1884. «Мысли и афоризмы», № 22.

[2] *...внук ее болен...* — В начале июля 1899 г. Толстой «был болен обычной желудочной болезнью» (*Юб*. Т. 53. С. 222).

[3] *...Sophie и Ольгу благодарю за письма.* — Письма неизвестны.

1900

250. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

28 августа 1900

Публикуется впервые. Текст телеграммы на бланке: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 16542.Б. Л. 1.

1901

251. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

8 июля 1901

Печатается по копировальной книге № 3: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 2884.А. Л. 145. Местонахождение подлинника неизвестно. Впервые: *Юб*. Т. 73. С. 92–93.

Письмо написано под диктовку Толстого рукой М.Л. Оболенской.

Письмо А.А. Толстой, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

Писем Толстого к А.А. Толстой за 1898–1900 гг. нет. Известия о Толстом Александра Андреевна получала из писем С.А. Толстой.

[1] *...беспокойства о моей болезни.* — 28 июня 1901 г. Толстой заболел малярией. «У него сделалась лихорадка, два вечера был жар, и это имело такое дурное влияние на его сердце, что оно совсем отказывается служить», — писала С.А. Толстая 1 июля 1901 г. Т.А. Кузминской (*ОР ГМТ*). 6–7 июля наступило улучшение.

252. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

13 июля 1901

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/9. Л. 1–2об.

Ответ на письмо Толстого от 8 июля 1901 г. (письмо 251).

[1] *...«не к смерти, а к славе Божией».* — Ин 11, 4.

[2] *«Старое прошло — теперь все новое».* — 2 Кор 5, 17.

[3] *...она оправляется от страшного испуга.* — «Я не верю и не могу еще верить, что Левочка плох. Сколько раз я пугалась, и все обходилось хорошо. Но на меня нашло какое-то оцепенение, я точно пришибленная хожу, все отупело и остановилось во мне», — писала С.А. Толстая 1 июля 1901 г. Т.А. Кузминской (*ОР ГМТ*).

[4] *Сашу... благодарю за письмо...* — Письмо неизвестно.

1902

253. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

28 августа 1902

Публикуется впервые. Текст телеграммы на бланке: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/9. Л. 1.

[1] *В день особенно памятный...* — 28 августа 1902 г. Толстому исполнилось 74 года.

1903

254. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

21 января 1903

Печатается по тексту, написанному под диктовку А.А. Толстой рукой неустановленного лица; заключительные слова и подпись — А.А. Толстой: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 2. № 301. Л. 1—2. Приложение «Отрывки из записки графа Киселева...» — по копии, рукой неустановленного лица, на французском языке: *Там же*. Л. 1—7. Письмо А.А. Толстой впервые: Л.Н. Толстой: Памятники творчества и жизни. I / Ред. В.И. Срезневского и А.Л. Бема. Пг., 1917. С. 14—17.

Датируется по почтовому штемпелю, на конверте: «21 января 1903. Петербург». Адрес на конверте рукой неустановленного лица.

На конверте помета рукой неустановленного лица: Без о⟨твета⟩. Однако Толстой ответил 26 января 1903 г. (письмо 255).

Приложение публикуется в переводе Л.В. Гладковой. По идентичной копии впервые опубл.: Николай I: Муж. Отец. Император / Пер. Л.В. Гладковой. М., 2000. С. 522—531.

[1] *...узнала... что вы пишете биографию имп⟨ератора⟩ Николая...* — См. письмо 255.

[2] *...до смерти Шильдера, который... также писал биографию Государя...* — *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. I—II.

[3] *...я сообщила ему несколько подробностей из его частной жизни.* — См. письмо 255 и примеч. 3 к нему.

[4] *...он... не окончил своего труда.* — «Биография императора Николая доведена покойным Шильдером только до 1832 г. Материалы для 1851—52 годов им еще не были собраны», — писал 11 февраля 1903 г. С.Н. Шубинский Толстому (*ОР ГМТ*) в ответ на его просьбу: «Мне нужны подробности жизни Николая I конца 51-го и начала 52-го года» (*Юб*. Т. 74. С. 37).

[5] *...отрывки из записок... Киселева...* — При работе над «Хаджи-Муратом» Толстой читал их по приложенной к письму рукописи, присланной А.А. Толстой (см.: *Юб*. Т. 35. С. 632, № 30).

[6] *У меня есть... рассказ Мандта...* — См. письмо 258.

[7] *На днях напишу Софи.* — Письмо от 5 февраля 1903 г. (*ОР ГМТ*).

255. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

26 января 1903

Печатается по тексту, написанному под диктовку Толстого рукой М.Л. Оболенской; подпись Толстого: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5921.А. Л. 1–2об. Впервые: *ПТ*. С. 378–379. В *Юб.:* Т. 74. С. 24–25.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 21 января 1903 г. (письмо 254).

[1] *Я лежу больной и слабый...* – С 5 по 12 декабря 1902 г. Толстой был болен инфлюэнцей. Почти весь январь 1903 г. он чувствовал слабость, сердечные перебои. «Он решил, что надо привыкать *жить* больным, а не *быть* больным», – писала М.Л. Оболенская 28 января 1903 г. Т.Л. Сухотиной (*ОР ГМТ*).

[2] *...в моей повести «Хаджи-Мурат».* – Над повестью «Хаджи-Мурат» Толстой работал с перерывами с 1896 по 1905 г. и считал ее незаконченной. О работе над главой о Николае I см.: *Жданов В.А.* Последние книги Л.Н. Толстого. М., 1971. С. 198–216.

[3] *...мне... нужнее то, что вы отдали Шильдеру. Я надеюсь достать это у Шубинского, получившего бумаги Шильдера.* – По просьбе Толстого к С.Н. Шубинскому обратился Д.Д. Оболенский. 26 января 1903 г. он писал: «Тетка Толстого, А.А. Толстая, передала Н.К. Шильдеру свои записки, где многое говорит о Николае I. Вот эти-то записки ⟨...⟩ Л.Н. Толстой и просит вас, не можете ли вы их сообщить ему – на это есть и согласие ⟨...⟩ Толстой ⟨...⟩ Можно с них снять копию?» (*Юб.* Т. 35. С. 617). Шубинский ответил Толстому 29 января 1903 г., что записок А.А. Толстой среди материалов Н.К. Шильдера, которыми он располагает, – нет (*ОР ГМТ*). См. письмо 256.

[4] *...его отношение к Нелидовой...* – См. письмо 256.

[5] *Записки Манта... пожалуйста, пришлите.* – См. письмо 258.

[6] *«В руки Твои предаю дух мой».* – Лк 23, 46.

256. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

31 января 1903

Печатается по тексту, написанному под диктовку А.А. Толстой, рукой неустановленного лица; последний абзац и подпись А.А. Толстой: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 2. № 301. Л. 1–4. Впервые: Л.Н. Толстой: Памятники творчества и жизни. I / Ред. В.И. Срезневского и А.Л. Бема. Пг., 1917. С. 19–25.

Ответ на письмо Толстого от 26 января 1903 г. (письмо 255).

[1] *Из четырех государей, которых я знала...* – Речь идет о Николае I, Александре II, Александре III и Николае II.

257. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

9 февраля 1903

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 5922.А. Л. 1–1об. Впервые: *ПТ*. С. 379–380. В *Юб.:* Т. 74. С. 36.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 31 января 1903 г. (письмо 256).

[1] *Письмо... передаст моя Саша.* – Между 9 и 20 февраля 1903 г. А.Л. Толстая прожила несколько дней в Петербурге.

258. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

10 февраля 1903

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 2. № 301. Л. 6об. Приложение «Ночь с 17 на 18 февраля 1855 года» – по копии, рукой неустановленного лица, на немецком языке: *Там же*. Л. 1–6.

Приложение впервые: Русский архив. 1884. № 1. С. 192–198 (в переводе на русский язык).

Датируется по почтовому штемпелю на конверте: «10 февраля 1903. Петербург».

[1] *Вот вам и Мандт.* – Воспоминания лейб-медика Николая I М.И. Мандта нужны были Толстому для работы над «Хаджи-Муратом» (см.: *Юб*. Т. 35. С. 632, № 36). См. также: *Срезневский В.И.* К истории создания «Хаджи-Мурата» // Л.Н. Толстой: Памятники творчества и жизни. I. С. 14–17.

[2] *Еще пришлю вам вещь...* – См. письмо 259.

259. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

12 февраля 1903

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 2. № 301. Л. 4об. Приложение «Последние минуты Императора Николая Павловича...» – по копии, рукой неустановленного лица, на французском языке: *Там же*. Л. 1–4.

Письмо датируется по почтовому штемпелю на конверте: «12 фев⟨раля⟩ 1903. Петербург».

Приложение публикуется впервые, в переводе Л.В. Гладковой.

[1] *Вот вам... 4-ая песнь на одну и ту же тему.* – Имеются в виду записи о смерти императора Николая Павловича, сделанные А.Ф. Тютчевой, которая в 1853–1858 гг. была фрейлиной жены будущего императора Александра II.

[2] *Последние минуты Императора Николая Павловича (написанные свидетелем, который тотчас же записывал каждое слово и каждую деталь).* – Записка была составлена, возможно А.А. Толстой, на основании дневника А.Ф. Тют-

чевой (в замуж. Аксакова). Об этом свидетельствует, в частности, запись в Дневнике А.А. Толстой от 12 апреля 1890 г. («Усердно переписываю журнал Аксаковой». — *ДАТ*). Ср. письмо А.Ф. Тютчевой к м-ль Гранси от 18 февраля 1855 г. (см.: Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 537–541), а также: *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров: Воспоминания и дневники. М., 2004. С. 196–205.

260. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

14 февраля 1903

Публикуется впервые, по тексту, написанному под диктовку А.А. Толстой рукой неустановленного лица; последний абзац и подпись А.А. Толстой: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/9. Л. 1–3.

На конверте письма А.А. Толстой помета Толстого: Отв⟨етил⟩.

Ответ на письмо Толстого от 9 февраля 1903 г. (письмо 257).

[1] *...выписки из посланий Ап⟨остола⟩ Иоанна...* — См. письмо 220 и примеч. 4 к нему.

261. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

21 февраля 1903

Печатается по копировальной книге № 4: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 2885.А. Л. 232–233. Местонахождение подлинника неизвестно. Впервые: *Юб*. Т. 74. С. 48–49.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 14 февраля 1903 г. (письмо 260).

[1] *Получил и третью записку... о смерти Н⟨иколая⟩ П⟨авловича⟩...* — «Третьей» Толстой называет записку А.Ф. Тютчевой, которая была приложена А.А. Толстой к ее письму от 12 февраля 1903 г. (письмо 259).

262. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

28 августа 1903

Публикуется впервые. Текст телеграммы на бланке: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/9. Л. 1.

[1] *...прошу Софи написать мне...* — С.А. Толстая написала 2 сентября 1903 г. (см.: Дополнения, письмо 75).

263. Л.Н. ТОЛСТОЙ – А.А. ТОЛСТОЙ

22 декабря 1903

Печатается по копировальной книге № 6: *ОР ГМТ*. Ф. 1. № 2887.А. Л. 22–23. Местонахождение подлинника неизвестно. Впервые: *Юб*. Т. 74. С. 264–265.

[1] *Таня Кузминская написала мне...* — Т.А. Кузминская в письме к Толстому 18 декабря 1903 г. сообщала: «Александра Андреевна, видевши Н.П. Всеволожскую, просила передать мне ⟨...⟩ чтобы я написала тебе, что она была очень плоха, очень серьезно больна, и что теперь ей чуть-чуть легче, но что все-таки она плоха. Я ⟨...⟩ была у нее и прибавлю от себя, что впечатление она делает умирающей, голос ее так слаб, что можно еле разобрать, что она говорит. Но умом и памятью вполне свежа» (*ОР ГМТ*).

[2] *...что мы с вами разъединены верою.* — А.А. Толстая была больна всю осень 1903 г. Т.А. Кузминская, навестившая ее, писала С.А. Толстой 8 октября 1903 г.: «Была я у гр. Алекс⟨андры⟩ Андреевны, она ⟨...⟩ была очень больна и теперь поправляется, но сильно изменилась ⟨...⟩ Жаль мне, что перед смертью разошлись таких двое людей, как Левочка и А⟨лександра⟩ Андр⟨еевна⟩. Она трогательна тем, что и умирая, она все думает о нем, и такое страстное желание у нее, чтобы религиозный взгляд был бы ее, а не его ⟨...⟩ Я не знаю, кто прав, и не сужу, но только вижу, что Ал⟨ександра⟩ Андр⟨еевна⟩ искренно любит Левочку, любит не его, а его душу» (*ОР ГМТ*).

[3] *...От Тебя исшел и к Тебе иду.* — Ин 16, 28.

264. А.А. ТОЛСТАЯ – Л.Н. ТОЛСТОМУ

29 декабря 1903

Публикуется впервые, по тексту, написанному рукой А.Г. Зенкович: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 2. № 107/9. Л. 1–2.

Ответ на письмо Толстого от 22 декабря 1903 г. (письмо 263).

[1] *«Сей есть Сын мой возлюбленный, Его слушайте!»* — Мк 9, 7.

[2] *«Я есмь путь и истина, и жизнь».* — Ин 14, 6.

[3] *Здоровье мое... видимо поправляется.* — Т.А. Кузминская 19 января 1904 г. сообщала С.А. Толстой: «Видела ⟨...⟩ Алекс⟨андру⟩ Андреевну, она поправилась, но очень худа и слаба. Она меня выписала и все расспрашивала про вас. Я что могла все припоминала и рассказывала» (*ОР ГМТ*).

ДОПОЛНЕНИЯ

ПЕРЕПИСКА А.А. ТОЛСТОЙ с С.А. ТОЛСТОЙ, Т.Л. ТОЛСТОЙ, О.К. ТОЛСТОЙ

1862

1. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

23 сентября 1862

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Инв. 107/10.

[1] *...и вам сказать, что вы будете желанной гостьей в нашей семье...* — А.А. Толстая одновременно написала письмо Толстому, в котором приглашала его приехать вместе с женой в Петербург. См. письмо 67 и примеч. 4 к нему.

[2] *...моя младшая сестра...* — Софья Андреевна Толстая.

1873

2. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

28 июля 1873

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 709. Л. 1–2.

[1] *...просил меня переписать... статью, которую... посылает в одну из газет...* — Статья Толстого «Письмо к издателям» ⟨О Самарском голоде⟩ впервые опубл.: *МВ*. 1873. № 207. 17 авг. (*Юб*. Т. 62. С. 35–42 и Т. 17. С. 61–70). Копия, о которой идет речь, сделана рукой С.А. Толстой для А.А. Толстой и послана ей с письмом Толстого от 30 июля 1873 г. См. письмо 106 и примеч. 1 к нему.

[2] *...буду иметь удовольствие с вами познакомиться.* — Личное знакомство С.А. Толстой и А.А. Толстой состоялось в январе 1877 г. в Петербурге, куда С.А. Толстая ездила для консультации с доктором С.П. Боткиным. По возвращении в Ясную Поляну она писала А.А. Толстой 22 января 1877 г.: «Мое пребывание в Петербурге представляется мне сном, так оно было коротко и полно различных впечатлений. Я так счастлива была с вами познакомиться, это мое давнее горячее желание...» (*ОР ГМТ*).

[3] *...давно не имеем от вас известий.* — Последнее письмо А.А. Толстой к Л.Н. Толстому от 11 мая 1873 г. (письмо 105).

1877

3. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

25 апреля 1877

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 709. Л. 15–16.

Год устанавливается по содержанию и по связи с письмом А.А. Толстой к Л.Н. и С.А. Толстым после 26 марта 1877 г. (письмо 130).

[1] *...как этот последний месяц.* — В апреле 1877 г. Толстой был занят правкой корректуры седьмой части романа «Анна Каренина».

[2] *...о чем Léon, конечно, вам не писал...* — Имеется в виду письмо Толстого между 15 и 20 апреля 1877 г. (письмо 132).

[3] *Ваши отзывы о романе Léon...* — См. письмо А.А. Толстой к Л.Н. и С.А. Толстым после 26 марта 1877 г. (письмо 130).

[4] *...нужно выгнать Васеньку Весловского...* — О Васеньке Весловском см. в романе «Анна Каренина», ч. 6, гл. XV.

[5] *...вашей сестре.* — Е.А. Толстой, так же как и А.А. Толстая, служившей при дворе.

1882

4. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

12 июля 1882

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 709. Л. 17–18.

Год устанавливается по непосредственной связи с письмами А.А. Толстой от 25 февраля 1882 г. (письмо 178) и 19 июля 1882 г. (Дополнения, письмо 5).

[1] *...на ваше милое, дружеское письмо...* — См. письмо 178 от 25 февраля 1882 г., в котором А.А. Толстая отстаивала православную веру. 3 и 4 марта 1882 г. Толстой в ответ написал два резких письма, но оставил их неотправленными. См. письма 179, 180.

[2] *...Левочка, уезжая в Ясную...* — Толстой уехал в Ясную Поляну из Москвы 26 февраля 1882 г., чтобы «очнуться от ужасной московской жизни» (см. примеч. 1 к письму 180).

[3] *...о вашем пребывании в Москве...* — А.А. Толстая приезжала в Москву в феврале 1882 г., встречалась с Толстым; они спорили о религии.

5. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

19 июля 1882

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 686.

Ответ на письмо С.А. Толстой от 12 июля 1882 г. (Дополнения, письмо 40). Ответ С.А. Толстой на это письмо неизвестен.

[1] *...слышу от людей, читавших его книгу...* — Речь идет об «Исповеди» Толстого, написанной в 1880—1881 гг. Предполагалась ее публикация в майской книжке журнала «Русская мысль» за 1881 г., но статья была запрещена духовной цензурой. В редакции «Русской мысли» остались корректурные оттиски «Исповеди». С них снимались многочисленные копии, которые расходились по всей России. А.А. Толстая, вероятно, читала такой корректурный оттиск или копию статьи. Впервые опубликована под заглавием: «Исповедь графа Л.Н. Толстого. Вступление к ненапечатанному сочинению» (Женева, изд. М. К. Элпидина, 1884).

[2] *...разговор с Достоевским за неделю до его смерти...* — См.: «Мои воспоминания...», с. 31—33 наст. изд.

6. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

26 декабря 1882

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 386.

[1] *...M-lle Stein писала к нашему Льву...* — Письмо неизвестно.

[2] *Правда ли, что вы собираетесь приехать в Петербург с Таничкой.* — Поездка не состоялась. См. следующее письмо.

[3] *Мы с сестрой...* — с С.А. Толстой.

[4] *...целую коллекцию новых изданий «Чем люди живы»...* — Речь идет об издании Общества распространения полезных книг: «Чем люди живы. Рассказ графа Льва Николаевича Толстого» (М., 1882. Ценз. разр. — 17 марта 1882 г.).

7. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

29 декабря 1882

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 709. Л. 19—20.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 26 декабря 1882 г. (Дополнения, письмо 6).

[1] *Я читала в «Revue des deux Mondes» перевод этой же повести на французский язык...* — См.: Trois morts: M. le comte Léon Tolstoi (Revue des deux Mondes. Tome 34 1/8).

[2] *...я еще кормлю ребенка...* — сына Алексея.

[3] *...приезд ваш в прошлом году...* — А.А. Толстая приезжала в Москву и навещала Толстых в хамовническом доме зимой 1882 г. См.: «Мои воспоминания...», с. 35, наст. изд., а также письмо С.А. Толстой к А.А. Толстой от 12 июля 1882 г. (Дополнения, письмо 4) и примеч. 3 к нему.

1883

8. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

1 июня 1883

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 709. Л. 21—22. Ответ на неизвестное письмо А.А. Толстой.

[1] *Письмо ваше уже не застало Левочку.* — Письма А.А. Толстой к Толстому за 1883 г. неизвестны.

[2] *Он на месяц уехал в степи свои самарские... немного похозяйничать.* — Толстой выехал из Ясной Поляны в самарское имение 21 мая 1883 г., где пробыл до 28 июня 1883 г. Кроме лечения кумысом, занимался хозяйственными делами: продажей лошадей, скота, построек, сдачей земли в аренду.

[3] *Статью...вашу...* — О какой статье идет речь, выяснить не удалось.

[4] *...вещи сестры не были еще получены из Петербурга.* — Т.А. Кузминская с семьей приехала в Ясную Поляну в конце мая 1883 г. См. ее письмо к С.А. Толстой от 13 мая 1883 г. (*ОР ГМТ*. Инв. 7119).

[5] *Я знала, что вы в Москве...* — А. А. Толстая приезжала в Москву на коронацию Александра III в мае 1883 г.

[6] *...у меньших 3-х мальчиков...* — Речь идет об Андрее, Мише и самом младшем — Алеше.

[7] *...не говорите никогда о прерванных сношениях...* — Последнее письмо Толстого к А. А. Толстой от 4 марта 1882 г. (неотправленное, письмо 180), А.А. Толстой — к Толстому от 25 февраля 1882 г. (письмо 178). За 1883 г. писем друг к другу нет.

1884

9. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

20 июня 1884

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 709. Л. 23—24.
Год устанавливается по упоминанию о рождении дочери Александры (родилась 18 июня 1884 г.) и ответному письму от 28 июня 1884 г.

[1] *...не позволите ли вы записать вас крестной матерью и считать вас восприемницей этой девочки.* — С.А. Толстая вспоминала: «Крестить маленькую

Сашу пригласили Александра Михайловича Кузминского и за глаза графиню Александру Андреевну Толстую» (*Моя жизнь*. Ч. IV. С. 230).

[2] *Сестра моя и ее муж вам просили передать их почтительный поклон...* — Т.А. и А.М. Кузминские проводили лето в Ясной Поляне. См. предыдущее письмо и примеч. 4 к нему.

10. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

28 июня 1884

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 686.
Ответ на письмо С. А. Толстой от 20 июня 1884 г. (Дополнения, письмо 9).

11. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

11 июля 1884

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 709.
Ответ на письмо А. А. Толстой от 28 июня 1884 г. (Дополнения, письмо 10).

[1] *А разлад... очень тяжел.* — Т.А. Кузминская писала 7 июля 1884 г. мужу в Петербург из Ясной Поляны: «Все эти дни гости ⟨...⟩ Преинтересные разговоры. Все бы хорошо, да не семейно. Соня слаба, а Левочка всё проповедует: Все раздать, прислугу отпустить, и все больше и сильнее, целое утро спорили. Соня все плакала, вообще не отрадно...» (*ОР ГМТ*).

[2] *Он едет в свое Чернское имение, потом хочет идти пешком в Киев...* — 18–21 июля 1884 г. Толстой ездил в Покровское к Л.Д. Оболенскому, мужу племянницы, и в свое имение Никольское-Вяземское Чернского у., Тульской губ. Намерение пойти пешком в Киев не было осуществлено.

[3] *...может быть... подарите нам несколько дней.* — В ответном письме от 20 июля 1884 г. А.А. Толстая сообщала, что не сможет приехать в Ясную Поляну: «То, что вы говорите о простоте и тесноте вашей жизни для меня вовсе не помеха, но я бы отнюдь не хотела хоть на волос увеличить ваши заботы и переполнить уже без того полную чашу вашего дома. Так живалось некогда в доме моих родителей, и я до сих пор помню заботы маменьки в нашем не роскошном жилище. Если Бог позволит, мы увидимся в будущую зиму и наговоримся вдоволь» (*ОР ГМТ*).

12. С. А. ТОЛСТАЯ – А. А. ТОЛСТОЙ

27 июля 1884

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 709. Л. 28–29.
Ответ на письмо А. А. Толстой от 20 июля 1884 г. (*ОР ГМТ*).

[1] *Сейчас же надела я эту брошку...* — Брошь была передана с А.М. Кузминским. 20 июля 1884 г. А.А. Толстая писала С.А. Толстой: «Пожалуйста, носите

каждый день безделушку, которую передаст вам Александр Михайлович. Она так скромна, что и Левочка не заметит ее» (*ОР ГМТ*).

[2] *...потом приезд Ге...* — Н. Н. Ге гостил в Ясной Поляне 24—26 июля 1884 г.

[3] *...потом приезд моей матери...* — Сведений о приезде Л. А. Берс в Ясную Поляну нет.

[4] *...он, вероятно, поедет странствовать...* — Толстой поехал гостить на хутор к Н.Н. Ге в Черниговскую губ. только 10 октября 1884 г. 9 октября С.А. Толстая писала сыну Сергею: «Таня сшила папá мешок холстинный на дорогу к Ге. Папá оденется в свой кафтан, странником...» (*ОР ГМТ*).

[5] *...обрадовать всю семью нашу вашим приездом.* — Приезд А.А. Толстой в Ясную Поляну в это время не состоялся.

13. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

23 сентября 1884

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 47. Инв. 12175.

[1] *...сестра тоже живет со мною.* — Имеется в виду С. А. Толстая.

[2] *...я... погружена в чтение Влад⟨имира⟩ Соловьева — «Речи о Достоев⟨ском⟩», «Основы религиозной жизни»...* — Вероятно, А. А. Толстая читала сочинения В. Соловьева, изданные отдельными брошюрами: «Три речи в память Достоевского. 1881—1883» (М., 1884); «Религиозные основы жизни» (М., 1884).

14. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

3 октября 1884

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 709.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 23 сентября 1884 г. (Дополнения, письмо 13).

[1] *... Левочка занимается своим ненапечатанным большим сочинением...* — Толстой в это время работал над исправлением сочинений «Исследование догматического богословия» и «Соединение и перевод четырех Евангелий», представлявших по замыслу нечто единое.

[2] *Мальчики... один в университете, двое в частной классической гимназии...* — Сергей Львович Толстой в 1881—1886 гг. учился в Московском университете на отделении естественных наук, Илья и Лев посещали Московскую частную классическую гимназию Поливанова на Пречистенке.

[3] *...с пожилой прекрасной француженкой...* — Имеется в виду Анна Сейрон.

[4] *...«Религиозные основы жизни»...* — См. Дополнения, письмо 13, примеч. 2.

1887

15. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

26 января 1887

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 709.

[1] *...прилагая... письмо княжны Черногорской...* — Письмо неизвестно. Речь идет об одной из сестер — Милице или Стане, княжнах Черногорских, окончивших Смольный институт в Петербурге. В 1889 г. Милица стала женой вел. кн. Петра Николаевича, а Стана — женой кн. Георгия Максимилиановича Романовского.

[2] *M-me Armfeldt сидит у меня.* — Анна Васильевна Армфельдт приехала в Петербург хлопотать о дочери, арестованной в 1872 г. по политическому процессу и сосланной на Кару на 14 лет и 10 месяцев. Толстой хлопотал через А.А. Толстую об облегчении ее участи. См. письмо Толстого к А.А. Толстой, написанное около 20 января 1887 г. (письмо 202) и ответное письмо А.А. Толстой к Толстому от 26 января 1887 г. (письмо 203).

[3] *Льву напишу отдельно.* — См. письмо А. А. Толстой к Толстому от 26 января 1887 г. (письмо 203).

16. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

11 августа 1887

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 709. Л. 36–38.

[1] С *первого же дня, как вы уехали...* — А.А. Толстая гостила в Ясной Поляне с 25 июля по 4 августа 1887 г. 22 сентября 1887 г. она писала Софье Андреевне: «Поездку в Ясную Поляну я приняла как подарок прямо из рук Божьих, и хотя, может быть, не скромно требовать повторения, мне все представляется, что еще раз когда-нибудь побываю у вас» (*ОР ГМТ*).

[2] *...вы... порадовали нас вашим милым, чудесным письмом...* — См. письмо А.А. Толстой к Л.Н. и С.А. Толстым от 8 августа 1887 г. (письмо 206).

[3] *...приехал... Репин... начал писать Левочкин портрет масляными красками.* — И.Е. Репин гостил в Ясной Поляне 9–16 августа 1887 г. В этот приезд им были написаны два портрета Толстого: за письменным столом и в кресле с книгой в руках. Первый портрет был подарен Репиным С.А. Толстой и находится в Ясной Поляне; второй — в Третьяковской галерее. Кроме этих портретов, Репин сделал несколько зарисовок Толстого и рисунок пашущего Толстого. С этого рисунка в Петербурге Репин сделал известную картину «Пахарь» («Лев Толстой на пашне», 1887 г.).

[4] *Таню, как художницу...* — Т.Л. Толстая училась в Школе живописи, ваяния и зодчества в Москве. Она была в большой дружбе с И.Е. Репиным, который, ценя способности Т.Л. Толстой, поощрял ее занятия живописью.

[5] *...об астрономах, приготовлениях и неудавшемся затмении.* — 7 августа 1887 г. на территории России наблюдалось полное солнечное затмение. Полоса затмения началась вблизи западной границы России, прошла севернее Москвы, по Уралу, Сибири и далее южнее Владивостока через Японию ушла в Тихий океан. В Москве и Ясной Поляне затмение не наблюдалось.

[6] *Сережа... уехал... по службе в Крест⟨ьянском⟩ банке.* — С.Л. Толстой, старший сын Л.Н. и С.А. Толстых, вскоре после окончания физико-математического факультета Московского университета в 1887 г. поступил на службу в управление Крестьянского банка в Петербурге, где прослужил около года.

[7] *...мое положение... меня надолго усадит на место...* — С.А. Толстая ждала ребенка. Последний сын Толстых, Ванечка, родился 31 марта 1888 г.

17. Т.Л. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

19 сентября 1887

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 3. Инв. 715. Л. 1–3об.

[1] *...баронесса Менгден...* — Менгден (рожд. Бибикова, в первом браке кн. Оболенская) Елизавета Ивановна, друг семьи Толстых; в молодости Толстой был увлечен ею.

[2] *Няня* — Анна Степановна Суколенова, крестьянка из д. Судаково, няня Вани и Саши Толстых.

[3] *...мама́ и папа́ написали вам* о себе... — Имеется в виду письмо Толстого, написанное около 20 сентября 1887 г. (письмо 209); письмо С.А. Толстой неизвестно.

18. А.А. ТОЛСТАЯ – Т.Л. ТОЛСТОЙ

14 октября 1887

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 42. Инв. 24277.

Ответ на письмо Т.Л. Толстой от 19 сентября 1887 г. (Дополнения, письмо 17).

[1] *...с самой первой нашей встречи в Москве.* — А.А. Толстая приезжала в Москву и впервые познакомилась с Т.Л. Толстой в феврале 1882 г.

[2] *Удался ли портрет Репина и твоя копия?* — См. примеч. 3 к письму С.А. Толстой от 11 августа 1887 г. (Дополнения, письмо 16). 15 сентября 1887 г. Т.Л. Толстая писала Е.А. Олсуфьевой: «Портрета репинского я не докопировала, шло так плохо, что я с отчаянием бросила» (*ОР ГМТ*).

[3] *Читал ли папа́ Talmage?* — В августе 1887 г. А.А. Толстая посылала Толстому два тома сочинений Телмейджа. См. ее письмо к Толстому от 21 августа 1887 г. и примеч. 1 к нему (письмо 207).

[4] *...что Самарин написал об Хомякове?* — Вероятно, речь идет о «Предисловии к богословским сочинениям А.С. Хомякова», которое вошло в только что выпущенный в свет 6-й том собрания сочинений Ю.Ф. Самарина (М.: Изд. Д. Самарина, 1887. С. 327–369).

[5] *Читала ли ты Funcke?* — В яснополянской библиотеке имеется книга немецкого пастора, популярного в Германии писателя Отто Функе — Reisebilder und Heimatklänge / Von O. Funcke. Bremen, 1876—1879.

[6] *...тетю Marie...* — М.Н. Толстую.

19. Т.Л. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

22 октября 1887

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 3. Инв. 715. Л. 15—18об. Ответ на письмо А.А. Толстой от 14 октября 1887 г. (Дополнения, письмо 18).

[1] *...спасибо за ваше чудесное письмо...* — См. Дополнения, письмо 18.

[2] *...переписываю новую вещь папá.* — Имеется в виду повесть «Крейцерова соната».

[3] *Портрет папá вышел замечательно хорош. Репин... и нам оставил один портрет, менее хороший.* — О работе над портретом С.А. Толстая записала: «9-го августа в Ясную Поляну приехал опять очень приятный и интересный гость — художник Илья Ефимович Репин. Прожил он до 16-го августа и все время неутомимо работал. Начал он писать портрет: за столом, в руках письмо, на столе предметы разные. Набросав портрет, Репин остался им недоволен и бросил его писать, говоря, что нет воздуха, нет перспективы, все предметы валятся точно на зрителя. Этот этюд он подарил мне и начал портрет снова. Лев Николаевич тогда позировал уже в большой зале, в кресле, с книгой в левой руке. Я и этот портрет не люблю. В нем нет Толстого художника-мыслителя, а просто человек, и то не очень похожий. Этот портрет находится в Третьяковской галерее» (*Моя жизнь. НМ*. С. 69).

[4] *Репинский портрет будет на передвижной выставке...* — Портрет Толстого в кресле, с книгой в руках, был выставлен на XVI Передвижной выставке 1888 г. в Петербурге.

[5] *...пишет Самарин о Хомякове...* — Вероятно, имеется в виду «Предисловие к богословским сочинениям Хомякова» (М., 1867), написанное Ю.Ф. Самариным. В письмах Толстого к А.А. Толстой нет упоминаний об этом.

[6] *...«Гоголевские типы».* — «Альбом гоголевских типов в рисунках П. Боклевского» (СПб., 1881).

1888

20. А.А. ТОЛСТАЯ – Т.Л. ТОЛСТОЙ

15 марта 1888

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 42. Инв. 24278.

[1] *Пользуюсь... отъездом гр⟨афини⟩ Шуваловой...* — Е.И. Шувалова, тетка В.Г. Черткова, жила в Москве.

[2] *...мама́ совершит свое великое дело.* — 31 марта 1888 г. у С.А. Толстой родился сын Иван. Она писала своей сестре Т.А. Кузминской 11 апреля 1888 г.: «Родился мальчик без четверти девять; Левочка взял его на руки и поцеловал: чудо, еще не виданное доселе! И рад, что мальчик, и относится к нему как-то особенно ревниво и заботливо» (*ОР ГМТ*).

[3] *...напиши еще и про... Ильюшину свадьбу...* — И.Л. Толстой венчался с Софьей Николаевной Философовой 28 февраля 1888 г. 25 января 1888 г. С.А. Толстая писала Т.А. Кузминской: «Не знаю, дошли ли до вас слухи, что женитьба Ильи окончательно решена. Свадьба его будет 26-го февраля... Тебя, верно, интересует, Таня, как мы с Левочкой к этому относимся. А так, что это было неизбежно, что все так и шло к тому — просто судьба. А страшно очень: оба дети и крайне легкомысленны; "не ломанные" жизнью, как говорит Левочка. После свадьбы они поедут в Ясную Поляну до мая. А потом уедут в Никольское и будут там около, на Александровском хуторе, строить дом и устраиваться...» (*ОР ГМТ*).

[4] *...я познакомилась с американкой miss Hapgood, с которой ты была в переписке.* — Хэпгуд Изабел Флоренс — переводчица произведений Толстого и других русских писателей. В 1887—1889 гг. жила в России. С 1886 г. состояла в переписке с Толстым и членами его семьи, бывала в их московском доме и в Ясной Поляне. Ее переписку с Л.Н., С.А. и Т.Л. Толстыми см.: Л.Н. Толстой и США: Переписка. М., 2004. С. 58—263.

[5] *...эстетичностью ее перевода.* — Севастопольские рассказы в переводе И. Хэпгуд впервые опубл.: Sebastopol / Transl. by I. F. Hapgood. New York; Crowell, 1888. 262 p.

21. С.А. ТОЛСТАЯ — А.А. ТОЛСТОЙ

17 марта 1888

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 709. Л. 44—45.

[1] *...Илюшей, который наконец добился своего...* — См.: Дополнения, письмо 20, примеч. 3. 13 февраля 1888 г. Лев Николаевич писал художнику Н.Н. Ге: «Илья женится на Философовой (вы, верно, знаете: славная, простая, здоровая, чистая девушка) 28 февраля и находится в том невменяемом состоянии, в котором находятся влюбленные. Жизнь для него остановилась и вся в будущем» (*Юб.* Т. 64. С. 151).

[2] *...везти его летом на кумыс, в Самарскую губернию.* — Поездка Толстого в Самарскую губ. летом 1888 г. не состоялась.

[3] *...статья «О жизни»... в духовной цензуре...* — Над статьей «О жизни» Толстой работал в 1886—1887 гг. 18 июня 1887 г. С.А. Толстая записала в дневнике: «...больше месяца, что я тут ⟨в Москве⟩, и Лев Николаевич всецело занял меня переписываньем для него статьи "О жизни и смерти", над которой он усиленно трудится уж так давно. Только что перепишешь все — опять перемарает, и опять снова. Какое терпение и последовательность» (*ДСТ 1*. С. 118). В конце июля Толстой спешил закончить работу, ему помогали несколько переписчиков, в том числе гос-

тившая в это время в Ясной Поляне А.А. Толстая. Рукопись была отправлена в печать 3 августа 1887 г., но книга была запрещена цензурой. Архиепископ Херсонский Никанор писал об этом Н.Я. Гроту 13 мая 1888 г.: «Я читал Толстовскую "Жизнь" в Святейшем Синоде, не дочитал. Он — ум, правда, тонкий, изворотливый, даже скажем — инде глубокий. Но все это сцепление самых ⟨...⟩ шитых нитками софизмов ⟨...⟩ "Жизнь" осуждена Московским Духовно-Цензурным Комитетом. Святейшему Синоду оставалось только утвердить ⟨...⟩ кстати. Мы без шуток собираемся провозгласить торжественную анафему Фофанову, его учителю Толстому, быть может, и Пашкову, да и другим кстати» (*Юб.* Т. 26. С. 781).

[4] *...буду ее печатать в Париже.* — Перевод С.А. Толстой статьи «О жизни» под ред. проф. Р.П. Тастевена был издан в Париже в 1889 г. под заглавием: «De la vie. Seule traduction revue et corrigée par l'auteur».

[5] *Там и драму нашу оценили...* — Речь идет о драме Толстого «Власть тьмы», написанной в 1886 г. и первоначально запрещенной цензурой. Задолго до постановки в России она шла в переводах в театрах Парижа, Женевы, Амстердама, Милана, Рима, Турина, Венеции, Генуи, Берлина.

[6] *...переписывая все письма Льва Никол⟨аевича⟩... вышло две толстые, переплетенные книги.* — После смерти Толстого Софья Андреевна издала письма к ней Льва Николаевича — «Письма Толстого к жене» (М., 1913).

22. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

20 марта 1888

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 47. Инв. 12174.

Ответ на письмо С.А. Толстой от 17 марта 1888 г. (Дополнения, письмо 21).

[1] *...мое письмо... порученное гр⟨афине⟩ Шуваловой... не дошло до вас.* — Письмо А.А. Толстой, адресованное Т.Л. Толстой, от 15 марта 1888 г. (Дополнения, письмо 20). Причины недоразумения разъяснила Т.Л. Толстая в письме от 3 апреля 1888 г. — см. Дополнения, письмо 23.

23. Т.Л. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

3 апреля 1888

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 3. Инв. 715. Л. 4–5.

[1] *...мы очень засуетились с нашим новым братом.* — Иван, младший сын Л.Н. и С.А. Толстых, родился 31 марта 1888 г.

[2] *...дядя Саша Берс...* — Александр Андреевич Берс, брат С.А. Толстой.

[3] *...Вера Шидловская.* — Вера Вячеславовна Шидловская, в замужестве Мещеринова; двоюродная сестра С.А. Толстой.

[4] *Она писала вам, что не получила от вас весточки...* — См. Дополнения, письмо 21 от 17 марта 1888 г.

24. А.А. ТОЛСТАЯ – Т.Л. ТОЛСТОЙ

11 июня 1888

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 42. Инв. 24279.

Ответ на письмо Т.Л. Толстой от 10 апреля 1888 (*ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 3. Инв. 715). Т.Л. Толстая ответила А.А. Толстой письмом от 22 июня 1888 г. (*Там же*).

[1] *...при ней теперь англичанка...* — Кэт Гопкрафт (miss Kate Hopcraft), англичанка Толстых с середины мая 1888 г. В мае 1890 г. по состоянию здоровья она была вынуждена покинуть Россию (см.: письмо Т.Л. Толстой к А.А. Толстой от мая 1890 г.: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 3. Инв. 715. Л. 31об.–32).

[2] *...пример — самое лучшее средство действовать на других.* — В письме от 10 апреля 1888 г. Т.Л. Толстая просила у А.А. Толстой совета в воспитании младшей сестры Александры и заключала: «Конечно, я знаю, что главное — хороший пример, и часто я ловлю себя на таких поступках, которых я не желала бы, чтобы Саша делала» (*ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 3. Инв. 715. Л. 8).

[3] *Это мне напомнило мою В⟨еликую⟩ княжну, когда я только поступила к ней.* — Имеется в виду Мария Александровна, дочь Александра II, воспитательницей которой А.А. Толстая стала в 1865 г.

[4] *...мой милейший Stead?* — Английский журналист, публицист, издатель Уильям Томас Стед, приехав в мае 1888 г. в Россию, посетил Толстого. Пребыванию в Ясной Поляне Стед посвятил три главы в книге «Truth about Russia» (London, Paris, New York and Melbourn, 1888). См. Дополнения, письмо 32 и примеч. 1 к нему.

[5] *...второе посещение мне было бы еще дороже первого.* — А.А. Толстая имеет в виду свое первое посещение Ясной Поляны с 25 июля по 4 августа 1887 г. См. Дополнения, примеч. 1 к письму 16.

25. А.А. ТОЛСТАЯ – Т.Л. ТОЛСТОЙ

6 ноября 1888

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 42. Инв. 24280.

Ответ на письмо Т.Л. Толстой от октября 1888 г. (*ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 3. Инв. 715. Л. 13–14).

[1] *Деньги за самовар...* — См. предыдущее письмо, а также письмо Т.Л. Толстой от октября 1888 г., в котором она сообщала, что С.А. Толстая заплатила за самовар и боится, чтобы А.А. Толстая не сделала этого вторично.

[2] *...у моей В⟨еликой⟩ княгини... и ее славными детьми.* — У Марии Александровны, в замужестве герцогини Эдинбургской. Ее дети: Альфред, Мария, Виктория-Мелита, Александра, Беатриса.

[3] *...не зная еще ничего про страшную катастрофу.* — 17 октября 1888 г. на Курско-Харьково-Азовской железной дороге близ станции Борки произошло кру-

шение царского поезда. Император Александр III, императрица Мария Федоровна и дети не пострадали.

[4] *Сережу я видела один раз у Е.Н. Шостак...* — С.Л. Толстой в это время работал в Петербурге, в управлении Крестьянского банка. Е.Н. Шостак — двоюродная тетка С. А. Толстой, знакомая А.А. Толстой. О ней см. письмо 7, примеч. 6.

[5] *...Сашина англичанка удалась...* — См. предыдущее письмо, примеч. 1. В письме от октября 1888 г. Т.Л. Толстая писала, что Сашина англичанка «очень бойкая и живая девушка — они очень дружны, и Саша уже знает пропасть английских песен, сказок и все понимает, что ей говорят» (*ОР ГМТ*. Оп. 3. Инв. 715. Л. 14).

1889

26. Т.Л. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

15 марта 1889

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 3. Инв. 715. Л. 19–20об.

[1] *...Павел Иванович...* — П.И. Бирюков. О нем см. письмо 212, примеч. 3.

[2] *Папá на днях написал несколько прекрасных слов об искусстве, это, верно, будет напечатано в «Русском богатстве».* — В марте 1889 г. Толстой работал над статьей «Об искусстве», которую предполагал напечатать в журнале «Русское богатство», но публикация не состоялась, так как Толстой, получив гранки из журнала, начал перерабатывать статью и в итоге не стал печатать эту редакцию статьи, начав новую — «О том, что есть и что не есть искусство, и о том, когда искусство есть дело важное и когда оно есть дело пустое». Статьи Толстого об искусстве того периода явились важным этапом на пути к созданию трактата «Что такое искусство?» (1897–1898) (см.: *Юб*. Т. 30. С. 510–512).

27. А.А. ТОЛСТАЯ – Т.Л. ТОЛСТОЙ

25 марта 1889

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 42. Инв. 24281.
Ответ на письмо Т. Л. Толстой от 15 марта 1889 г. (Дополнения, письмо 26).

[1] *Читала ли ты... Дневник девицы Башкирцевой?* — Дневник художницы М.К. Башкирцевой опубликован после ее смерти на французском языке под заглавием: «Journal de Marie Bashkirtseff» (Paris, 1887). Известно, что Толстой читал эту книгу в ноябре 1891 г. См. его дневниковую запись от 17 ноября 1891 г. (*Юб*. Т. 52. С. 58). В *ОР ГМТ* сохранилось письмо матери Башкирцевой от 3 октября 1891 г., в котором она просила Толстого высказаться по поводу дневника ее дочери.

[2] *На днях явятся к папá два американца...* — В марте 1889 г. Толстой гостил у своего товарища по Севастополю кн. С.С. Урусова в его имении Спасское, Московской губ. 30 марта туда для встречи с Толстым приехали из США пастор американской епископальной церкви Уильям Уильберфорс Ньютон, пастор Кёррил и писатель Грин Батчельдер. Об этом посещении Ньютон напечатал воспоминания под названием «A run through Russia, or the story of a visit to count Tolstoy» («The American Church Sunday schove Magazine with Helpful worlds for the Housch Old», 1892, v. X).

28. А.А. ТОЛСТАЯ – Т.Л. ТОЛСТОЙ

13 апреля 1889

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 42. Инв. 24282.

[1] *Меня пригласила к себе Евгения Максимилиановна Ольденбургская.* — О поездке А.А. Толстой в имение принцев Ольденбургских Рамонь, Воронежской губ., см. письмо 216, примеч. 2.

[2] *...я хотела бы... взглянуть на кого-нибудь из вас.* — О встрече на вокзале в Москве см. письмо 216, примеч. 1.

1890

29. А.А. ТОЛСТАЯ – Т.Л. ТОЛСТОЙ

2 июня 1890

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 42. Инв. 24284.

Ответ на письмо Т.Л. Толстой от мая 1890 г. (*ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 715. Л. 31–32).

[1] *...благодарна тебе... за твое письмо.* — Письмо от мая 1890 г.

[2] *...при болезни дорогого папá...* — С марта 1890 г. Толстой страдал болезнью печени. В письме от мая 1890 г. Т.Л. Толстая описывала его состояние: «Папá у нас все хворает. На днях у него была такая сильная желтуха, что мы даже перепугались. Теперь жар и боли миновали, но папá еще очень слаб и желт. Так непривычно видеть его таким, привыкши к тому, что ему нипочем проехать верхом 40 верст, пробежаться с нами в горелки, не говоря уже обо всех работах, которые он делал» (*ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 715. Л. 32–32об.).

[3] *...англичанка должна была оставить Сашу...* — Вместо англичанки Кэт Гопкрафт осенью этого года к Толстым поступила англичанка Лидия Джадд.

[4] *Саше буду отвечать сама. Ее письмо... меня порадовало.* — Письмо А.Л. Толстой к А.А. Толстой от 23 мая 1890 г. на английском языке (*ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 3. Инв. 689).

30. Т. Л. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

13 июня 1890

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 3. Инв. 715. Л. 21–23 об.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 2 июня 1890 г. (Дополнения, письмо 29).

[1] *...была занята писанием писем в Америку по поводу картины Ге «Что есть истина?», которую туда посылают.* – Н. Н. Ге, картина которого «Что есть истина?» была снята с XVIII Передвижной выставки в Петербурге по распоряжению властей, предполагал отправить ее на выставку в США. Для успеха картины в Америке Толстой 11 июня 1890 г. продиктовал Татьяне Львовне письма своим знакомым – И. Хэпгуд, В. Гаррисону, Н. Доулу и В. Ньютону; они были отправлены от ее имени. См.: Список писем, написанных по поручению Толстого (*Юб*. Т. 65. С. 333–334).

[2] *Посылаю вам ее фотографию...* – Имеется в виду фотография, выполненная тульским фотографом И. Курбатовым (*ГМТ*).

[3] *...Ге тут...* – Н.Н. Ге находился в Ясной Поляне проездом из Петербурга 8 июня 1890 г.

31. А. А. ТОЛСТАЯ – Т. Л. ТОЛСТОЙ

3 июля 1890

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 42. Инв. 24285.

Ответ на письмо Т. Л. Толстой от 13 июня 1890 г. (Дополнения, письмо 30).

[1] *Сегодня три года, как я уехала из Ясной Поляны...* – А.А. Толстая гостила в Ясной Поляне с 25 июля по 4 августа 1890 г. См. Дополнения, письмо 16, примеч. 1.

[2] *...если есть надежда на новую англичанку.* – См. Дополнения, письмо 29, примеч. 3.

[3] *...«не хочу смерти грешника».* – Иез 33, 11.

[4] *Сашин портрет...* – См. Дополнения, письмо 30, примеч. 2.

32. А. А. ТОЛСТАЯ – Т. Л. ТОЛСТОЙ

15 декабря 1890

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 42. Инв. 24286.

[1] *Завтра отправляю по почте альбом Стеда...* – Речь идет о книге: *Stead W.T.* Portraits and autographs: An album for the people. London, 1890 (приложение к журналу «The Review of reviews»). В ней воспроизведен портрет Т.Л. Толстой (с. 55) и

факсимиле ее письма к У.Т. Стеду от 12 июня 1890 г. на английском языке (с. 144) (См.: *Библиотека ЯП III*. Ч. 2. С. 383).

[2] *Заглянул ли кто из вас в книгу генерала Booth?* — В яснополянской библиотеке хранится книга: *Booth General*. In darkest England and the way out. London (год не обозначен; предисловие датировано: «October 1890»). Сведений о чтении Толстым книги генерала Армии спасения Уильяма Бутса нет. 11 февраля 1891 г. Толстой упоминает его в дневниковой записи: «За эти дни были всё статьи в газетах ругательные. 〈...〉 в Open Court статья о Бутсе и обо мне, как об образцах фарисейства — говорить одно, а делать другое — говорить, что отдать всё нищим, а самому увеличивать именье продажей этой самой проповеди» (*Юб*. Т. 52. С. 6–7).

[3] *В каком году умерла Пелагея Ильинична...* — Тетка Толстого П.И. Юшкова (рожд. гр. Толстая) умерла 22 декабря 1875 г. в Ясной Поляне.

[4] *...и в каком Татьяна Алек〈сандровна〉...* — Т.А. Ергольская умерла 20 июня 1874 г. в Ясной Поляне.

[5] *...Т.А. Ергольская* [*очень дальняя по Горчаковым*]... — Т.А. Ергольская приходилась Толстому троюродной теткой. Ее отец, Александр Семенович Ергольский, — двоюродный брат бабки Толстого, Пелагеи Николаевны (рожд. кнж. Горчаковой).

[6] *...была ли она сестра гр〈афини〉 Толстой, belle-mère* [*была*] *Марии Николаевны...* — Т.А. Ергольская приходилась сестрой Елизавете Александровне Ергольской, которая была замужем за гр. Петром Ивановичем Толстым, братом Федора Ивановича Толстого («Американца»). Их сын Валерьян Петрович Толстой женился на сестре Л.Н. Толстого — Марии Николаевне.

[7] *В каком году история о быке...* — См. письма 96, 97 и примеч. к ним.

[8] *...Самарский голод...* — См. письмо 106, примеч. 1–3.

[9] *...когда папа́ приезжал в Петер〈бург〉 в последний раз?* — Толстой приезжал в Петербург в январе 1880 г. См. письмо 167. Следующий приезд Толстого в Петербург состоялся только в 1897 г. — см. письмо 245, примеч. 1, 2.

33. А. А. ТОЛСТАЯ – Т.Л. ТОЛСТОЙ

18 декабря 1890

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 42. Инв. 24287.

[1] *Тебе же посылаю маленькую книжку...* — Вероятно, была прислана брошюра Г. Друммонда «Самое великое в мире» («The greatest Thing in the World»), шестое издание которой вышло в 1890 г. в Лондоне. Об отношении Толстого к сочинениям Друммонда см. письмо 220, примеч. 3. Т.Л. Толстая записала в дневнике 6 января 1891 г.: «Читала на днях книгу Друммонда "The greatest Thing in the World", которая меня местами тронула. Это проповедь о любви, очень хорошо и доступно написанная, но меня покоробило то, что Друммонд обещает слишком много награды за любовь. Это что-то по-детски. Разве можно служить Богу с надеждой на награды?»

(*Сухотина-Толстая Т. Л.* Дневник. М., 1984. С. 209). О Друммонде см. также Дополнения, письмо 35, примеч. 4.

[2] *Третьего дня послала тебе длинное письмо.* — См. Дополнения, письмо 32.

34. Т. Л. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

29 декабря 1890

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 3. Инв. 715. Л. 24–28об.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 18 декабря 1890 г. (Дополнения, письмо 33).

[1] *Я вам очень благодарна за книгу. Она была у папá, и он ею так восхитился, что отдал ее переводить...* — Желая помочь с работой своему знакомому, народнику Л.П. Никифорову, Толстой послал ему несколько книг для перевода с английского языка. В сопроводительном письме от 21–22 июля 1890 г. он привел список посылаемых книг, в числе которых значилась и брошюра Г. Друммонда: «Drummond'a "The greatest thing in the World", небольшая статья о любви, прекрасная и имевшая большой успех в Европе. Не знаю только, в какой журнал поместить». К этому месту письма сделано примечание Т.Л. Толстой: «Отец просмотрел еще раз эту книгу и не одобряет ее, поэтому я ее и не посылаю, он не велел. Татьяна Толстая» (*Юб.* Т. 65. С. 130–131).

[2] *Спасибо за пересылку альбома Стеда. Мне было неприятно увидать себя и свое письмо в нем...* — См. Дополнения, письмо 32, примеч. 1.

[3] *Lydia* — Лидия Джадд, англичанка, гувернантка Александры Толстой.

1891

35. А. А. ТОЛСТАЯ – Т.Л. ТОЛСТОЙ

20 февраля 1891

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 42. Инв. 24288.

[1] *...если ты... приедешь сюда в марте...* — Поездка не состоялась.

[2] *...еще не благодарила за твои два последние письма.* — Имеются в виду письма Т.Л. Толстой к А.А. Толстой от 29 декабря 1890 г. (Дополнения, письмо 34) и от 20 января 1891 г. — с припиской Толстого (письмо 220).

[3] *...мне бы хотелось познакомиться с Верочкой...* — Речь идет о кузине Т.Л. Толстой, Вере Сергеевне Толстой, которую Т.Л. Толстая упоминает в письме от 20 января 1891 г. (письмо 220).

[4] *...новую брошюрку Drummond'a.* — Какая брошюра Г. Друммонда была прислана, неизвестно.

36. А.А. ТОЛСТАЯ – С. А. ТОЛСТОЙ

24 марта 1891

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 47. Инв. 12178.

[1] *...дамских аудиенций у Государя не бывает.* – С. А. Толстая хотела получить аудиенцию у императора Александра III в связи с запрещением XIII тома «Сочинений гр. Л.Н. Толстого» из-за помещенной в нем «Крейцеровой сонаты». 20 марта 1891 г. С.А. Толстая писала в дневнике: «Еду в Петербург, употреблю все старания, чтобы увидать государя и отвоевать XIII том» (*ДСТ 1*. С. 162). Император Александр III принял С. А. Толстую 13 апреля 1891 г. (см.: *Моя жизнь*. Ч. VI. С. 60–73).

[2] *...всего лучше будет для вас написать к министру внутренних дел...* – С.А. Толстая написала министру внутренних дел Ивану Николаевичу Дурново 29 апреля 1891 г. о том, что ею получено от императора разрешение на печатание «Крейцеровой сонаты» в собрании сочинений, и получила ответ И. Н. Дурново от 6 мая 1891 г., в котором сообщалось, что им сделано «распоряжение по цензурному ведомству о том, что повесть "Крейцерова соната" разрешена для печати, но не иначе, как в Полном собрании сочинений» Толстого (*Моя жизнь*. Ч. VI. С. 86, 93).

[3] *Неужели никто из вас не приедет в Петер⟨бург⟩?* – С. А. Толстая выехала из Москвы в Петербург 29 марта 1891 г. О встречах там с А.А. Толстой Софья Андреевна писала: «С радостью видела три раза графиню Александру Андреевну Толстую. Много мы с ней беседовали о религии, о Льве Николаевиче, о детях и моем положении в семье. Добрая и умная, у нее на все справедливый взгляд; она очень ласково и сочувственно относилась все время ко мне, но в глубине души она горячо и неизменно любила своего Léon, хотя во многом отрицательно относилась к нему» (*Моя жизнь*. Ч. VI. С. 55–56).

[4] *...любовалась бюстом Льва и Машиным портретом.* – На XIX передвижной выставке в Петербурге и Москве были выставлены бюст Толстого работы Н.Н. Ге (1890 г.) и портрет М.Л. Толстой его же кисти (1891 г.).

37. А. А. ТОЛСТАЯ – Т. Л. ТОЛСТОЙ

31 мая 1891

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 42. Инв. 24289.

[1] *...проезжая... через Тулу, я... искала кого-нибудь из вас на дебаркадере...* – В ответном письме от 7 июня 1891 г. (с припиской Толстого) Т.Л. Толстая объясняла, почему встреча в Туле на вокзале не состоялась. См. письмо 222.

[2] *...я должна буду выехать... с курьерским поездом... Очень бы мне не хотелось явиться к вам ночью.* – А.А. Толстая приехала в Ясную Поляну 2 июля 1891 г. и пробыла до 7 июля (см. письмо 223, примеч. 3). С.А. Толстая вспоминала о ее приезде: «...разговоры мы с ней вели бесконечные. На все отзывчивая,

чуткая, добрая и по-своему — религиозная, она всем и всяким интересовалась, обо всем охотно говорила и никого не осуждала. ⟨...⟩ Ко мне она относилась прекрасно, с большим сочувствием и говорила мне: “Прежде едешь в Ясную, думаешь: увижу Левочку; а теперь думаю: увижу Соню и поговорим по душе”» (*Моя жизнь*. Ч. VI. С. 115).

38. А. А. ТОЛСТАЯ – С. А. ТОЛСТОЙ

7 августа 1891

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 47. Инв. 12180.

1 *...посылаю завтра на почту книги...* — См. письмо 226 и примеч. 3 к нему.

2 *...апробую их решение насчет свадьбы...* — Апробую — от фр. approuver — одобрять. О свадьбе см. письмо 226 и примеч. 4 к нему.

3 *...сама явлюсь в Москву на несколько дней, если буду вызвана генерал-губернатором.* — Генерал-губернатор Москвы с 1891 г. — вел. кн. Сергей Александрович. О приезде А.А. Толстой в Москву неизвестно.

4 *...благодарю за его малую, но милую писульку.* — См. письмо 224.

5 *...часто гляжу назад на прекрасные яснополянские дни...* — А.А. Толстая гостила в Ясной Поляне 2–7 июля 1891 г. (см. Дополнения, письмо 37, примеч. 2).

39. А. А. ТОЛСТАЯ – Т. Л. ТОЛСТОЙ

22 ноября 1891

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 42. Инв. 24290.

1 *...я послала тебе... каравай с начинкою детских теплых вещей...* — Т.Л. Толстая вместе с отцом и другими помощниками находилась в деревне Бегичевка, Данковского у., Рязанской губ., в имении И.И. Раевского, где они организовали помощь пострадавшим от неурожая голодающим крестьянам.

2 *...узнаю, что вы уже возвращаетесь в Москву...* — Толстой с дочерьми Татьяной и Марией приехал из Бегичевки в Москву 30 ноября 1891 г.

3 *Слышу, что и Лева уже возвратился из Самары.* — Л. Л. Толстой находился в Самарской губернии для организации помощи голодающим с конца октября 1891 г. и до 30 июня 1892 г., с кратковременными отлучками.

4 *...обе его статьи об голоде мне очень понравились.* — Статьи Толстого «Страшный вопрос» (Русские ведомости. 1891. № 306. 6 нояб.) и «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая» (Помощь голодающим. Научно-литературный сборник. М., 1892 [вышел в декабре 1891 г.]. С. 569–586).

5 *Говорят, что Маша останется у Раевских.* — См. примеч. 2.

40. Т. Л. ТОЛСТАЯ – А. А. ТОЛСТОЙ

15 декабря 1891

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 1. Оп. 3. Инв. 715. Л. 29–30об.

[1] *Мы ездили в Москву к мамá на* $1^1/_2$ *недели…* — См. Дополнения, письмо 39, примеч. 2.

[2] *Лева опять уехал в Самару…* — См. Дополнения, письмо 39, примеч. 3.

[3] *Какое прекрасное и умное письмо вы написали папá.* — Письмо от 5 декабря 1891 г. (№ 228).

41. С. А. ТОЛСТАЯ – А. А. ТОЛСТОЙ

23 декабря 1891

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 709. Л. 50–51.

[1] *Со мной только четверо маленьких…* — В Москве с С. А. Толстой оставались дети, Андрей, Михаил, Александра, Иван.

[2] *«Кто напоит и накормит единого из малых сих...»* — Мф 10, 42: «И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей».

[3] *…Бог вразумил меня написать воззвание о пожертвованиях…* — С.А. Толстая написала воззвание о пожертвованиях, указав свой адрес в Москве как место сбора пожертвований, а также адреса Т.Л. Толстой в Бегичевке, Рязанской губ., Л.Н. Толстого в Самарской губ. и С.Л. Толстого в Никольском-Вяземском, Тульской губ. Воззвание было опубликовано в газете «Русские ведомости» (1891. № 303. 3 нояб.) и перепечатано другими газетами. За все время голода 1891–1892 гг. Толстыми было получено из разных мест более 200 тыс. руб.

[4] *Левочка приезжал ко мне на неделю с дочерьми после смерти Ив⟨ана⟩ Ив⟨ановича⟩ Раевского…* — И.И. Раевский умер 26 ноября 1891 г. от воспаления легких в Бегичевке в присутствии Толстого. 28 ноября Лев Николаевич писал жене: «Мне ужасно жалко его. Я очень, очень его полюбил. И не могу простить себе, что я так не понимал его прежде. Но зато как нам радостно, молодо, восторженно было часто последнее время вместе быть и работать» (*Юб.* Т. 84. С. 106).

[5] *…Илюша с женой…* — И. Л. Толстой с женой по просьбе отца приехал в Бегичевку 11 января и пробыл до 25 января 1891 г. См.: *Толстой И.Л.* (Глава «Помощь голодающим»); *Юб.* Т. 66. С. 138.

[6] *Грот был там…* — Н.Я. Грот, философ, профессор Московского университета, редактор журнала «Вопросы философии и психологии», был в Бегичевке 11–18 декабря 1891 г.

[7] *…Левочка... ночь пишет.* — Толстой работал над 8-й главой трактата «Царство Божие внутри вас».

1892

42. А. А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

19 февраля 1892

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 47. Инв. 12181.

[1] *...я просила Александра Михайловича сообщить вам все, что вам нужно было знать...* — Речь идет о шуме, поднявшемся вокруг публикации статьи Толстого «О голоде». Статья предназначалась для журнала «Вопросы философии и психологии», но была запрещена цензурой. Толстой распорядился передать ее переводчикам П. Ганзену, Э. Диллону и И. Гальперину, чтобы она вышла за границей. После выхода статьи на английском языке в переводе Э. Диллона в газете «Daily Telegraph» (1892, янв.) в газете «Московские ведомости» (1892. 22 янв.) были процитированы наиболее резкие места из статьи Толстого в обратном переводе с английского языка и сделан вывод о том, что статья Толстого является «пропагандой к ниспровержению всего существующего во всем мире социального и экономического строя» (см.: *Юб*. Т. 87. С. 136–137). 7 февраля 1892 г. А.М. Кузминский писал С.А. Толстой: «Вчера я обедал с графиней Александрой Андреевной Толстой и получил от нее сведения, которые считаю необходимым тебе передать. Она два раза имела разговор с Государем об этой статье. В первый раз вслед за тем, как она появилась. Государь обнаруживал неудовольствие, но ничего грозного в том, что говорил, заметить нельзя было. Во второй раз, 2 февраля, Государь выражал крайнее негодование и между прочим высказал, что самое краткое опровержение со стороны Льва Николаевича в том смысле, что статья в “Daily Telegraph” написана не им, совершенно было бы достаточно для того, чтобы снять с него обвинение, которое теперь ему предъявляется, и таким образом успокоить умы, взволнованные этой статьею. Положение, созданное для Льва Николаевича этой статьею, как нельзя более серьезно» (*Моя жизнь. НМ*. С. 98). Об отношении Александра III к статье Толстого см. также с. 63, 679 наст. изд.

[2] *...вы собираетесь сюда приехать...* — Поездка не состоялась. С.А. Толстая имела аудиенцию по этому вопросу у вел. кн. Сергея Александровича 10 февраля 1892 г. в Москве.

[3] *...как Диллон толкует своей невероятный перевод, как он изъяснил его Льву?* — Толстой написал письмо в газету, где объяснял резкие места своей статьи, приведенные «Московскими ведомостями», вольным двукратным переводом сначала на английский язык, а потом на русский (см.: Новое время. 1892. № 5757. 9 марта). Диллон, оскорбленный подозрениями в неточности его перевода, вступил в полемику с Толстым в печати (см.: *Юб*. Т. 87. С. 137).

[4] *Вот какую мысль она выразила...: «Отчего бы Льву Николаевичу не написать возражение в английских газетах?»* — По поводу этих строк Толстой в письме к жене от 22 февраля 1892 г. отметил: «Я по письму милой Александры Андреевны вижу, что у них тон тот, что я в чем-то провинился и мне надо перед кем-то оправдываться. Этот тон надо не допускать. Я пишу, что думаю, и то, что не может

нравиться ни правительству, ни богатым классам, уж 12 лет, и пишу не нечаянно, а сознательно, и не только оправдываться в этом не намерен, но надеюсь, что те, которые желают, чтобы я оправдывался, постараются хоть не оправдаться, а очиститься от того, в чем не я, а вся жизнь их обвиняет. В частном же этом случае происходит следующее: Правительство устраивает цензуру, нелепую, беззаконную, мешающую появляться мыслям людей в их настоящем свете, невольно происходит то, что вещи эти в искаженном виде являются за границей. Правительство приходит в волнение и вместо того, чтобы открыто, честно разобрать дело, опять прячется за цензуру и вместе чем-то обижается и позволяет себе обвинять еще других, а не себя. То же, что я писал в статье о голоде, есть часть того, что я 12 лет на все лады пишу и говорю, и буду говорить до самой смерти, и что говорит со мной все, что есть просвещенного и честного во всем мире, что говорит сердце каждого неиспорченного человека, и что говорит христианство, которое исповедуют те, которые ужасаются. Пожалуйста, не принимай тона обвиненной» (*Юб.* Т. 66. С. 128).

43. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

28 марта 1892

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 47. Инв. 12188.

[1] *Два раза слышала его речь про Доктора Гааза...* — В 1892 г. А.Ф. Кони неоднократно читал публичные лекции о докторе Ф.П. Гаазе. Впоследствии на основе этих лекций он создал биографический очерк «Федор Петрович Гааз», впервые опубликованный в *ВЕ* за 1897 г. (*Кони А.Ф.* Собр. соч. М., 1968. Т. 5. С. 288–422).

44. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

7 июля 1892

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 709. Л. 52–53.

[1] *...радостно жилось с вами!* — А.А. Толстая гостила в Ясной Поляне 2–7 июля 1891 г. 16 июля С.А. Толстая записала в дневнике: «Александра Андреевна была и уехала в Царское, куда поспешила по случаю болезни слепой сестры своей, Софьи. Как всегда, она с собой внесла радостный, ласковый и всем интересующийся свой характер. Но она придворная до мозга костей. Она любит и двор, и царя, и всю царскую фамилию, во-первых, потому, что она готова *всех* любить, а во-вторых, что все они *царские*, а она признает православие и помазанников» (*ДСТ 1*. С. 198).

[2] *...подпишет... завтра раздельный акт.* — Раздел в семье Толстых произошел в связи с отказом Толстого от прав собственности. 17 апреля 1891 г. Толстой подписал дарственную бумагу. В июле 1892 г. раздел имущества был завершен. «В начале июля, около 6-го числа в Ясную Поляну съехались все мои дети для окончательного раздела всего имущества. Раздел этот пожелал сделать сам Лев Николаевич, а настаивал на нем и больше всех его желал сын Илья, у которого была уже семья» (*Моя жизнь*. Ч. VI. С. 276).

[3] *...он едет... закрыть свои столовые.* — 9 июля 1892 г. Толстой вместе с дочерью Марией Львовной выехал в Бегичевку, где пробыл до 29 июля.

45. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

8 ноября 1892

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 47. Инв. 37568.

[1] *...благодарю... за прелестную семейную группу...* — Речь идет об одной из двух фотографий, снятых в 1892 г. в Ясной Поляне фотографами фирмы «Шерер и Набгольц» (*ГМТ*).

[2] *Благодарю... за присылку статьи-отчета нашего Льва.* — Статья Толстого «Отчет об употреблении пожертвованных денег с 12 апреля по 20 июля 1892 г.» вышла в свет в газете «Русские ведомости» от 31 октября 1892 г. (№ 301). Статья вызвала всеобщий интерес. 3 ноября 1892 г. С.А. Толстая писала из Москвы: «Газету с твоим отчетом раскупили на 5000 номеров больше, и всё еще поступают требованья. Я взяла в редакции 30 номеров и разослала: Alexandrine, Страхову, Кузминским, Лёве 〈...〉. Дунаев говорит, что все плачут, когда читают последнюю сцену. Еще бы! Это не рассуждения, а художество! Это сила настоящая, золото, а не позолота по меди» (*ПСТ*. С. 544).

[3] *С маленьким Львом мне было очень радостно повидаться.* — Л.Л. Толстой приехал в Петербург в конце октября 1892 г. для прохождения военной службы. Он был зачислен вольноопределяющимся в IV стрелковый императорской фамилии батальон. Через полтора месяца его освободили от воинской повинности по состоянию здоровья.

46. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

16 ноября 1892

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 709. Л. 54–55. Ответ на письмо А.А. Толстой от 8 ноября 1892 г. (Дополнения, письмо 45).

[1] *Ваше письмо... прислали мне сегодня из Ясной Поляны...* — Письмо от 8 ноября 1892 г.

[2] *Левочку с его преданными ему двумя дочерями я жду в Москву в... начале следующего месяца.* — Толстой выехал из Ясной Поляны в Москву 25 ноября 1892 г. с дочерьми Татьяной и Марией.

[3] *Он пишет мне, что не может никак подняться с того места, где сидит...* — См. письмо Толстого к С.А. Толстой от 9 ноября 1892 г. (*Юб*. Т. 84. С. 171).

[4] *...статья... уже не удовлетворяет его... он ушел от нее духовными шагами.* — Имеется в виду трактат «Царство Божие внутри вас». Толстой работал над ним в 1890–1893 гг.

[5] *...несколько глубоко прочувствованных художественных штрихов в его отчете!* — См. Дополнения, письмо 45 и примеч. 2 к нему.

[6] *...я послала ее Воронцову, который мне разрешил плату за «Плоды просвещения».* — В октябре 1891 г. С.А. Толстая обращалась к министру императорского двора и уделов графу Иллариону Ивановичу Воронцову-Дашкову за разрешением выдачи гонорара за передачу императорским театрам права на постановку пьесы Толстого «Плоды просвещения» и получила положительный ответ (см.: *Моя жизнь*. Ч. VI. С. 49—53).

1893

47. С.А. ТОЛСТАЯ — А.А. ТОЛСТОЙ

10 декабря 1893

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 709. Л. 58—59.

[1] *...мы... проводили его в Cannes с молодым доктором.* — Л.Л. Толстой выехал на лечение за границу 13 ноября 1893 г. в сопровождении доктора В.Н. Горбачева.

[2] *Отец... продолжает свое поучение в разных статьях...* — В октябре—декабре 1893 г. Толстой работал над статьей «Христианство и патриотизм».

1896

48. А.А. ТОЛСТАЯ — С.А. ТОЛСТОЙ

23 июля 1896

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 47. Инв. 12194.

[1] *Из газет узнала, что Лева сочетался браком с молодой шведкой.* — Свадьба Л.Л. Толстого и Д.Ф. Вестерлунд состоялась 15 мая 1896 г. в Швеции. См. следующее письмо.

49. С.А. ТОЛСТАЯ — А.А. ТОЛСТОЙ

29 июля 1896

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 709. Л. 64—66. Ответ на письмо А. А. Толстой от 23 июля 1896 г. (Дополнения, письмо 48).

[1] *...наша глава — Левочка, пишет... религиозно-философское сочинение.* — «Христианское учение» (1894—1896). См.: *Юб*. Т. 39. С. 117—191.

[2] *Лева женился... Таня... очень хвалит... жену Левы.*— Т.Л. Толстая ездила на свадьбу брата в Швецию.

[3] *...к моей золовке, Машеньке, недалеко от Оптиной Пустыни, где она живет.* — М.Н. Толстая с 1889 г. жила в Казанской Амвросиевской Шамординской женской пустыни, основанной Оптинским старцем иеросхимонахом Амвросием. В 1891 г. приняла монашеский постриг.

[4] *Левочка хочет меня проводить...* — Толстой сопровождал Софью Андреевну в поездке в Шамордино 10—15 августа 1896 г. В Шамордине написано начало повести «Хаджи-Мурат». С.А. Толстая писала Л. Ф. Анненковой 5 сентября 1896 г.: «Мы отлично путешествовали, как молодые, и прекрасно пожили в этой мирной женской обители. Лев Николаевич даже писал там особенно хорошо по художественной части, но он не говорит, о чем именно, и скрывает старательно» (*ОР ГМТ*).

[5] *Таня теперь поехала гостить к Олсуфьевым...* — Т.Л. Толстая в конце июля 1896 г. уехала к Олсуфьевым в Никольское-Обольяниново, Дмитровского у., Московской губ., а в августе вместе с ними поехала на выставку в Нижний Новгород.

[6] *У Илюши уже трое детей и ждут четвертого.* — У И.Л. и С.Н. Толстых в 1896 г. было трое детей: Анна, Михаил, Андрей. Четвертый сын Илья родился 16 декабря 1897 г.

[7] *...оба брата, каждый в своем имении.* — С.Л. Толстой жил в имении Никольское-Вяземское. И.Л. Толстой с семьей жил в сельце Гриневка. Оба имения находились в Чернском у., Тульской губ.

[8] *Может быть, зимой сбегаю с Сашей к вам, в Петербург...* — В Петербурге С.А. Толстая находилась вместе с Львом Николаевичем 7—12 февраля 1897 г. Она обращалась в цензурный комитет и к министру внутренних дел И.Л. Горемыкину по делам нового издания Полного собрания сочинений Толстого, которое готовила. Толстой поехал в Петербург, чтобы проститься с В.Г. Чертковым и П.И. Бирюковым, высылавшимися за границу по распоряжению министра внутренних дел за участие в делах духоборов. См. также письмо 245, примеч. 1.

50. С.А. ТОЛСТАЯ — А.А. ТОЛСТОЙ

23 декабря 1896

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 709. Л. 67—69.

[1] *...увижу вас в феврале. Мне нужно быть в Петербурге по делам моим...* — См. Дополнения, письмо 49, примеч. 8.

[2] *...он начал две повести...* — В 1896 г. Толстой начал работу над повестью «Хаджи-Мурат» (*Юб.* Т. 35. С. 5—118) и драмой «И свет во тьме светит» (*Юб.* Т. 31. С. 113—184).

[3] *Еще пишет он об искусстве и его назначении...* — С 1882 по 1896 г. Толстой написал семь статей об искусстве, которые стали подготовительными этапами к написанию трактата «Что такое искусство?» (1897—1898). В ноябре 1896 г. Толстой работал над статьей «О том, что называют искусством» (*Юб.* Т. 30. С. 243—270).

[4] *У Ильи родился 4-й ребенок, маленький Илья Ильич...* — См. Дополнения, письмо 49, примеч. 6.

[5] *...один военный, другой в Лицее...* — А.Л. Толстой с декабря 1895 г. отбывал воинскую повинность вольноопределяющимся в штабе Московского драгунского полка в Твери. М.Л. Толстой учился в Катковском лицее в Москве.

1897

51. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

7 января 1897

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 47. Инв. 12195.

Ответ на письмо С. А. Толстой от 23 декабря 1896 г. (Дополнения, письмо 50).

[1] *François de Sales* — Франциск Сальский (1567—1622), католический святой, Учитель Церкви, епископ Женевы; автор трудов «О любви Бога» («Traité de l'Amour de Dieu») и «Наставление в христианской вере» («L'introduction à la vie dévote»).

1898

52. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

30 сентября 1898

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 709. Л. 70—72.

[1] *...нашла ваше письмо с заслуженными упреками...* — Письмо неизвестно.

[2] *Ваша телеграмма — не все...* — Телеграмма А.А. Толстой от 28 августа 1898 г., адресованная Толстому в связи с его 70-летним юбилеем (см. письмо 248).

[3] *Ухтомский* Эспер Эсперович — князь, дипломат, ориенталист; публицист, поэт; редактор-издатель газеты «С.-Петербургские ведомости» (с 1896); был близок к императору Николаю I, в 1890—1891 гг. сопровождал его, в то время цесаревича, в путешествии на Восток. С.А. Толстая в день юбилея Толстого в дневнике отозвалась об Ухтомском: «Очень умен, прост и приятен был князь Ухтомский. Говорил, что статья "О голоде" Льва Николаевича очень понравилась молодому Государю ⟨Николаю II⟩, но когда Ухтомский спросил, можно ли ее напечатать в "Петербургских ведомостях", то Государь сказал: "Нет, лучше не печатать, а то нам с тобой достанется"» (*ДСТ 1*. С. 405).

[4] *Волхонский* — возможно, князь Владимир Михайлович Волконский, внук декабриста, живший в Туле и неоднократно упоминавшийся в дневниках близких Толстого (см. напр.: *ДСТ 1*. С. 405, 438).

[5] *Илья... в ожидании 5-го.* — 1 мая 1899 г. у И.Л. и С.Н. Толстых родился сын Владимир.

[6] *Маша... с мужем, Оболенским, гостит у нас; они купили у Марьи Николаевны ее усадьбу...* — 2 июня 1897 г. М.Л. Толстая вышла замуж за кн. Н.Л. Оболенского, своего двоюродного племянника. Она писала А.К. Чертковой 8 июля 1897 г.: «То, что я так боялась всегда, и теперь боялась выходя замуж, а именно, того, что мои отношения с папа́ сделаются дальше, к моей духовной радости, этого не случилось, и я чувствую, что мы с папа́ так же духовно близки, как и были раньше» (*ОР ГМТ*). Мария Львовна купила у М.Н. Толстой принадлежавшую ей часть имения Малое Пирогово, Крапивенского у., Тульской губ., и поселилась здесь с мужем.

[7] *С нами гостила очень долго сестра Марья Николаевна...* — Родная сестра Толстого, монахиня Шамординского монастыря. См. также Дополнения, примеч. 3 к письму 49.

[8] *...написал 3 повести... хочет печатать одновременно по всей Европе... чтоб помочь переселяющимся духоборам.* — Речь идет о повестях «Дьявол» (*Юб.* Т. 27. С. 481–515), «Отец Сергий» (*Юб.* Т. 31. С. 5–46) и романе «Воскресение» (*Юб.* Т. 32–33). 14 июля 1898 г. Толстой писал В.Г. Черткову: «...у меня есть три повести: Иртенев, Воскресение и О. Сергий (я последнее время занимался им и начерно написал конец). Так вот я хотел бы продать их на самых выгодных условиях в английские или американские газеты (в газеты, кажется, самое выгодное) и употребить вырученное на переселение духоборов» (*Юб.* Т. 88. С. 106).

53. С.А. ТОЛСТАЯ — А.А. ТОЛСТОЙ

27 ноября 1898

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 709. Л. 73–74.

[1] *...работа Льва Николаевича идет очень успешно...* — В это время Толстой работал над романом «Воскресение».

[2] *Намеревался Левочка приехать 1-го декабря в Москву и потом в Петербург...* — 2 декабря 1898 г. Толстой выехал из Ясной Поляны в Москву, где пробыл до 19 декабря. Поездка в Петербург не состоялась.

[3] *Мы с Сашей непременно приедем в Петербург...* — Поездка не состоялась.

[4] *Андрюша действительно женится...* — 8 января 1899 г. А.Л. Толстой женился на О.К. Дитерихс. Слухи о предстоящей свадьбе дошли до А.А. Толстой. 20 ноября 1898 г. она писала С.А. Толстой: «Милая Sophie, вы можете представить себе мое удивление, узнавши через генерала Дитерихс, что племянница его выходит замуж за Андрюшу, которого я по вашему последнему письму считала еще школьником. Очень желаю знать ваше родительское мнение насчет предстоящей свадьбы. Слышу об невесте много хорошего» (*ОР ГМТ*).

[5] *Сережа мой бедный несчастлив в браке...* — С.Л. Толстой 9 июля 1895 г. женился на Марии Константиновне Рачинской, дочери К.А. Рачинского, директора

Петровской сельскохозяйственной академии. Сам С.Л. Толстой позже так писал о своей семейной жизни: «19 ноября ⟨1896 г.⟩ жена уехала от меня к отцу в Петровское-Разумовское, и вскоре я получил оттуда известие, что она беременна и не хочет ко мне возвращаться. Трудно сказать, по чьей вине произошел наш разрыв. Я больше виню себя, чем ее. 24 августа следующего 1897 г. она родила сына Сергея. Вскоре после родов она заболела туберкулезом легких и, проболев почти три года, скончалась 2 июля 1900 года. За это время я редко видался с ней. Разрыв с ней, ее болезнь и смерть привели меня в неврастеническое состояние, которое ослабело только после моего путешествия на Кавказ и в Канаду с духоборами» (*Толстой С. Л.* С. 183).

[6] *...уехал в Канаду... с разрешения Кавказского начальства.* — 9 ноября 1898 г. С.Л. Толстой выехал из Ясной Поляны на Кавказ, а 21 декабря из Батума с партией переселяющихся духоборов в Канаду. Вернулся в Москву 4 апреля 1899 г.

[7] *...переписывала дневники Льва Николаевича...* — С.А. Толстая переписывала дневники мужа для передачи в Румянцевский музей, где она хранила рукописи Толстого.

1899

54. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

5 марта 1899

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 47. Инв. 12200.

[1] *...я наткнулась на одно из его писем...* — Возможно, А.А. Толстая имеет в виду письмо Толстого от конца апреля 1884 г. См. письмо 183.

55. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

8 марта 1899

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 65. Оп. 3. Инв. 709. Л. 75–76. Ответ на письмо А.А. Толстой от 5 марта 1899 г. (Дополнения, письмо 54).

[1] *...решили... день Благовещения провести у дорогой крестной матери Саши.* — Поездка не состоялась из-за болезни С.А. Толстой.

56. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

9 мая 1899

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 47. Инв. 12204.

[1] *Захарьин очень милый человек... у него выросли крылья...* — И. Н. Захарьин (псевд. И. Якунин) посетил Толстых в Москве 26 апреля 1899 г. Воспоминания Захарьина об этой встрече напечатаны: *ИВ*. 1900. IV. С. 135–155.

[2] *...уехала ли Таня в Вену?* — См. Дополнения, письмо 57, примеч. 2.

[3] *...я перестала читать его роман в «Ниве».* — В журнале «Нива» с марта по декабрь 1899 г. печатался роман Толстого «Воскресение».

57. А.А. ТОЛСТАЯ – О.К. ТОЛСТОЙ

1 июня 1899

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 46. Инв. 733/1.

[1] *...как она доехала до Ясной Поляны.* — 18 мая 1899 г. С.А. Толстая переехала из Москвы в Ясную Поляну. Беспокойство А.А. Толстой было вызвано длительной болезнью С.А. Толстой (см.: *ДСТ 1.* С. 450).

[2] *...в Венском отчете Пушкинского торжества.* — 20 мая 1899 г. Т.Л. Толстая уехала в Вену для операции по поводу гайморита. В Вене она присутствовала на торжестве в честь 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина. С.А. Толстая писала ей 30 мая 1899 г.: «От тебя не было долго писем, и мы по газетам узнали, что дочь писателя, гр. Татьяна Львовна Толстая, присутствовала при Пушкинском торжестве» (*ОР ГМТ*).

[3] *...с процессом Дрейфуса.* — Процесс по делу Альфреда Дрейфуса, французского офицера генерального штаба, обвиненного в государственной измене, был начат в 1894 г., окончен лишь в 1906 г. оправданием А. Дрейфуса и имел необычайно широкий резонанс в обществе. Толстой, как и Александра Андреевна, считал, что этому процессу придавалось преувеличенное значение. О его отношении к делу Дрейфуса см.: *Юб.* Т. 35. С. 260–261 (в статье «О Шекспире и о драме»).

[4] *По милости приятеля моего цензора Шаховского...* — Николай Владимирович Шаховской, князь, председатель Петербургского цензурного комитета (с 21 декабря 1898).

58. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

14 июля 1899

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ.* Ф. 47. Инв. 12205.

[1] *...поправился ли Ольгин отец?* — Константин Александрович Дитерихс страдал сердечной болезнью; скончался в декабре 1899 г.

[2] *Кто такой Лёвенфельд... кроме своего зверского портрета.* — А.А. Толстая могла читать книгу Р.В. Лёвенфельда «Лев Николаевич Толстой, его жизнь, произведения, миросозерцание» в переводе с немецкого С. Шклявера (СПб., 1896) или в переводе с немецкого В.А. Перелыгиной (М., 1897).

59. А.А. ТОЛСТАЯ – О.К. ТОЛСТОЙ

11 октября 1899

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 46. Инв. 733/2.

[1] *Милая Таничка меня особенно тревожит. Неужели ей не лучше?* — Т.Л. Толстая страдала от гайморита. 4 октября 1899 г. С.А. Толстая записала в дневнике: «В Вене лечение ее не принесло, по-моему, никаких результатов. Все опять приходится промывать через зубное отверстие в нос и лоб, и общее состояние плохо» (*ДСТ 1*. С. 452–453).

[2] *...есть ли действительно надежда, что мамá приедет в Петербург в ноябре вместе с Сашей.* — Поездка не состоялась.

[3] *...гр⟨афиня⟩ Перовская... после пережитых скорбей...* — Софья Константиновна Перовская (рожд. Булгакова), вдова Бориса Алексеевича Перовского, друга А.А. Толстой, пережила не только мужа, но и своих взрослых детей: Алексея (ум. 1887), Марию (ум. 1890) и Ольгу (ум. 1898).

60. А.А. ТОЛСТАЯ – Т.Л. ТОЛСТОЙ

23 октября 1899

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 42. Инв. 24291.

[1] *...вспомнила обо мне в самую важную минуту твоей жизни...* — Татьяна Львовна известила А.А. Толстую о своем предстоящем замужестве. Свадьба Т.Л. Толстой и М. С. Сухотина состоялась 14 ноября 1899 г. в Москве. 7 ноября Татьяна Львовна писала своей тетке Т.А. Кузминской: «Я думаю, что моя жизнь не будет несчастливой: нам обоим очень хочется сделать все, чтобы прожить хорошо и дружно. Знаем мы друг друга давно, давно любим друг друга, так что сюрпризов, я думаю, нам не будет ⟨...⟩. Папá очень мил и ласков к нам обоим. Очень жаль мне оставлять его, оставлять его работу и свою интересную, содержательную девичью жизнь. Но и остаться не хватает сил» (*ОР ГМТ*).

61. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

15 ноября 1899

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 47. Инв. 12206.

[1] *...ему тяжела разлука с дорогой Таничкой...* — 14 ноября 1899 г. Т.Л. Толстая венчалась с М.С. Сухотиным; на следующий день молодые уехали за границу. 16 ноября С.А. Толстая писала дочери: «Ровно сутки, как ты уехала, милая Таничка, и все еще в доме то напряженное чувство горя, точно мы кого-то похоронили. Сегодня папá, вернувшись после прогулки к обеду, взглянул на твой пустой прибор и стул

возле него, который почему-то никто не решился занять, и очень коротко и тихо сказал: “А Таня не придет”. И все замолчали и проглотили слезы...» (*ОР ГМТ*).

[2] *...я очень благодарна за его краткую... приписку в Ольгином письме.* — Письмо О.К. Толстой и приписка Толстого к нему неизвестны.

[3] *Радуюсь Ольгиной надежде.* — О.К. Толстая ждала ребенка. 12 апреля 1900 г. у нее родилась дочь Софья.

[4] *Сейчас ушел от меня Кони после долгой беседы.* — «Я был лично знаком с этой оригинальной и симпатичной по своему душевному складу женщиной. Грузная, с тройным подбородком и умными темными глазами, она производила впечатление родовитой и самостоятельной, несмотря на свое высокое придворное положение (она была воспитательницей великой княгини Марии Александровны, герцогини Эдинбургской) и связанную с этим зависимость, личности, в которой лоск европейского воспитания не стер милых свойств коренной русской природы... ⟨...⟩ Беседа с графиней Александрой Андреевной Толстой, всегда перевитая ее живыми воспоминаниями из доступной немногим области, была интересна и во многом поучительна» (*Кони А.Ф.* Лев Николаевич Толстой // Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1968. С. 492–493).

1900

62. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

16 января 1900

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 47. Инв. 12207.

[1] *...доклады «Нового времени» об здоровье Льва...* — Толстой заболел в ноябре 1899 г. *НВ* регулярно печатало сообщения о состоянии его здоровья. Так, в № 8529 от 24 ноября 1899 г. сообщалось: «Москва, 23-го. В воскресенье, 21-го ноября граф Л.Н. Толстой, находящийся в Москве, занемог и слег в постель. У него был припадок желчной колики, сопровождавшийся мучительными болями. Температура упала ниже 36 град., но вчера поднялась до 37,7. В течение дня болезненное состояние выражалось тошнотой. К вечеру больной успокоился и заснул...»

[2] *...ему нужно разрешение Льва на какой-то вопрос.* — В письме от 3 декабря 1899 г. И.Н. Захарьин просил разрешения напечатать воспоминания о посещении им Толстого 26 апреля 1899 г. Эту просьбу он повторял в письмах от 20 и 25 января 1900 г. Толстой ответил 27–30? января 1900 г. (см.: *Юб*. Т. 72. С. 291), но разрешение на публикацию дал устно через И.И. Горбунова-Посадова. Воспоминания И.Н. Захарьина с сокращениями см.: *ИВ*. 1900. IV. С. 135–155.

63. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

9 июня 1900

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 47. Инв. 12210.

К письму приложен листок отрывного календаря от 8 июня 1900 г., на обороте которого изречение Толстого: «Самое простое и короткое правило нравственности состоит в том, чтобы заставлять служить себе других как можно меньше и служить другим как можно больше; как можно меньше требовать от других и как можно больше давать другим. Л. Толстой».

[1] *...благодарю тебя, милая, дорогая Sophie, за твое посещение.* — Об этой поездке С.А. Толстая писала: «В начале мая, а именно 6-го, мы с Сашей решили поехать в Петербург, исполнить горячее и заветное желанье ее крестной матери гр. Александры Андреевны Толстой ⟨...⟩. 10-го мая мы с Сашей вернулись из Петербурга в Москву. Мне даже совестно было, до какой степени добрая и милая графиня Александра Андреевна была благодарна за мое посещение ее в Петербурге» (*Моя жизнь*. Ч. VII. С. 30).

64. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

24 июня 1900

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 47. Инв. 12208.

[1] *...насчет того, что ты мне сообщаешь.* — Письмо С.А. Толстой неизвестно.

[2] *...появления романа «Воскресенье» в иностранной печати.* — Одновременно с выходом романа «Воскресение» в журнале «Нива» (1899) В.Г. Чертков печатал его в Лондоне в своем издательстве «Свободное слово».

[3] *...пришли мне поскорее твой роман.* — О работе над романом С. А. Толстая писала в дневнике 31 декабря 1899 г.: «Пишу длинный роман, и меня это интересует». Возможно, речь идет о повести «Песня без слов», которую С.А. Толстая писала начиная с 1895 г. в период ее увлечения С.И. Танеевым.

1901

65. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

13 марта 1901

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 47. Инв. 12213. Впервые: Октябрь. 1993. № 9. С. 185–186.

[1] *...письмо твое не застало меня в России.* — Письмо С.А. Толстой неизвестно.

[2] *...смущена объявлением Синода.* — «Определение Святейшего Синода от 20—22 февраля 1901 г. № 557, с посланием верным чадам православныя греко-российския церкви о графе Льве Толстом» было опубликовано 24 февраля 1901 г. в «Церковных ведомостях», № 8. 25 февраля этот документ появился в газетах.

[3] *Не знаю, будут ли митрополиты отвечать на твое письмо.* — Письмо С.А. Толстой от 26 февраля 1901 г., адресованное обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву и митрополитам, подписавшим определение, было напечатано 24 марта 1901 г. в прибавлении к № 17 неофициальной части «Церковных ведомостей» вместе с ответом митрополита Антония от 16 марта 1901 г. Митрополит Антоний писал: «...Не то жестоко, что сделал Синод, объявив об отпадении от церкви вашего мужа, а жестоко то, что сам он с собой сделал, отрекшись от веры в Иисуса Христа, Сына Бога живого, Искупителя и Спасителя нашего. На это-то отречение и следовало давно излиться вашему горестному негодованию. И не от клочка, конечно, печатной бумаги гибнет муж ваш, а от того, что отвратился от источника жизни вечной... Вы получаете выражения сочувствия от всего мира. Не удивляюсь сему, но думаю, что утешаться вам тут нечем. Есть слава человеческая и есть слава Божия...» (Цит. по: *ДСТ 2*. С. 483—484).

[4] *...я получила письмо от княжны Марии Михайловны Дондуковой-Корсаковой, адресованное ко Льву Ник⟨олаевичу⟩.* — Письмо неизвестно. О М. М. Дондуковой-Корсаковой см. письмо 53, примеч. 3.

66. А.А. ТОЛСТАЯ — С.А. ТОЛСТОЙ

3 декабря 1901

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 47. Инв. 12214.

[1] *...увидела опять твой дружеский почерк.* — Письмо С.А. Толстой неизвестно.

[2] *Не смущайтесь зимними фантазиями Крыма...* — Летом 1901 г. Толстой заболел. Гр. С.В. Панина предоставила на время болезни Льва Николаевича свой дом в Гаспре. Толстые выехали в Крым 5 сентября 1901 г., где пробыли 10 месяцев.

[3] *Есть ли у вас carte postale... с последнего портрета Репина?* — Имеется в виду открытка с портрета кисти И.Е. Репина «Л.Н. Толстой на молитве в лесу», написанного в 1901 г.

[4] *Не люблю я изречение твоего Эпиктета... и слово cadavre меня обижает.* — В повести «Песня без слов» С.А. Толстая приводит, вероятно, это же изречение Эпиктета: «tu es une âme, qui porte un cadavre» («Ты есть душа, заключенная в труп» — *фр.*). См. также Дополнения, письмо 64, примеч. 3.

1902

67. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

27 марта 1902

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 47. Инв. 12217.
Впервые: Октябрь. 1993. № 9. С. 186–187.

[1] *...за твое последнее письмо.* — Письмо С.А. Толстой неизвестно. Т.А. Кузминская писала С.А. Толстой: «Сейчас была у нас Александра Андреевна и говорила, что от вас были письма к ней и что все по-старому идет к лучшему. Она говорила, что у нее вчера были Императрица, а сегодня С⟨ергей⟩ А⟨лександрович⟩ (Великий князь) и Победоносцев. Победоносцев говорил, что не мудрено, что "папá возгордился, когда он стал всеобщим кумиром". Он надеется еще вымолить у Бога его возвращение в веру во Христа» (*ОР ГМТ*).

[2] *Второе письмо митрополита...* — Митрополит Антоний писал С.А. Толстой 11 февраля 1902 г.: «Граф разорвал свой союз с Церковью, отрекся от веры во Христа, как Бога, лишив тем душу свою светлого Источника жизни и порвав те крепкие родственные узы, которые связывали его с любимым им многострадальным народом русским ⟨...⟩ Неужели, графиня, не употребите вы всех сил своих, всей любви своей к тому, чтобы привести ко Христу горячо любимого вами, всю жизнь лелеянного мужа вашего? Неужели допустите умереть ему без примирения с церковью, без напутствования Таинственною Трапезою Тела и Крови Христовых, дающего верующей душе мир, радость и жизнь?.. Граф любит народ русский, в вере народной долго искал укрепления и для своей колеблющейся веры, но к сожалению и великому несчастью не сумел найти его...» (Цит. по: Об отлучении Льва Толстого по материалам семейной переписки // Октябрь. 1993. № 9. С. 187).

[3] *«Я есмь Путь — Правда и Жизнь».* — Ин 14, 6.

[4] *«Верующий в Сына имеет жизнь вечную, а неверующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем».* — Ин 3, 36.

68. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

3 апреля 1902

Печатается по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 709. Л. 74–79. Впервые: Октябрь. 1993. № 10. С. 187–188.

Ответ на письмо А.А. Толстой от 27 марта 1902 г. (Дополнения, письмо 67).

[1] *...я получила два письма от сестры Левочки — Машеньки.* — Известно только одно письмо М.Н. Толстой — от 5 февраля 1902 г., в котором она писала: «Меня еще мучает, не менее его болезни, состояние его души; ⟨...⟩ но я надеюсь на милосердие Божие, Который не хочет смерти грешника, но живу быть ему, и верю, что Он услышит молитвы всех молитвенников, которые за него молятся, и сохранит его, — не

для того, чтобы он продолжал писать, но для чего-нибудь другого. Бог видит, как он искренно ищет Его, ищет истину, — и Он поможет ему найти ее. Писатель Лев Николаевич — это не он, это совсем другой человек: холодный, ожесточенный на церковь и на служителей ее, а он, настоящий, наш Левочка, добрый, нежный, любящий и Бога и священников (хороших, не все же дурные); и вот за него, за такого молятся все, которые его знают и любят» (*ОР ГМТ*).

2 *...читает романы Поленца...* — Толстой высоко ценил романы В. фон Поленца. В начале 1902 г. в «Посреднике» вышел роман Поленца «Крестьянин» с предисловием Толстого. Во время болезни Льва Николаевича в Крыму Поленц прислал ему несколько своих книг. В Яснополянской библиотеке сохранились следующие книги Поленца: «Der Grabenhäger», 1899; «Junker und Fröhner: Dorftragödie», 1901; «Luginsland. Dorfgeschichten», 1901.

3 *...взяли постоянного врача.* — С 30 марта 1902 г. в качестве домашнего врача у Толстых жил Д.В. Никитин.

69. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

11 апреля 1902

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 709. Л. 80–81.

1 *Докторов было при его болезни — шесть...* — В Гаспре Толстого лечили доктора К.В. Волков, И.Н. Альтшуллер, С.Я. Елпатьевский, Л.Б. Бертенсон, Д.В. Никитин, В.А. Щуровский.

70. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

8 мая 1902

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 65. Оп. 3. Инв. 709. Л. 82–83.

1 *Съездила я... в Ясную Поляну и потом в Москву.* — С.А. Толстая отсутствовала в Гаспре с 22 апреля по 1 мая 1902 г.

2 *Болезнь опять инфекционная...* — Толстой заболел брюшным тифом.

71. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

13 июля 1902

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 47. Инв. 12220.

1 *...я узнала от Саломона, что вы уже находитесь в Ясной Поляне...* — Толстые вернулись из Крыма в Ясную Поляну 27 июня 1902 г. 1–3 июля в Ясной Поляне гостил Ш. Саломон.

[2] *...свою бывшую воспитанницу...* — Дочь императора Александра II, Мария Александровна герцогиня Эдинбургская.

[3] *Я еще не поблагодарила тебя... за присланную и деланную тобой прекрасную фотографию.* — Имеется в виду фотография Толстого, снятая С. А. Толстой в Гаспре в мае 1902 г. (см. альбом в наст. томе).

[4] *...Лев Ник⟨олаевич⟩ начал письмо ко мне и не мог его окончить.* — Письма Толстого к А.А. Толстой за 1902 г. неизвестны.

72. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

5 августа 1902

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 47. Инв. 12221.

[1] *...поздравляю с новым внуком.* — 2 июля 1902 г. у Л.Л. Толстого в Швеции, в имении Хальмбюбуда, родился сын Никита.

[2] *...жаль бедную Таню — она не выходит из горя.* — В июле 1902 г. тяжело заболел воспалением легких муж Татьяны Львовны, Михаил Сергеевич Сухотин.

[3] *Радуюсь, что Лев Ник⟨олаевич⟩ пишет...* — Толстой работал над повестью «Хаджи-Мурат».

[4] *...обещал явиться к ней в Бухарест!* — В 1901 г. румынская королева Елизавета, писательница, известная под псевдонимом Кармен Сильва, прислала Толстому письмо и свою книгу «A Real queen's fairy tales». By Carmen Sylva (Elizabeth, Queen of Roumania) (Chicago, 1901). Книга хранится в яснополянской библиотеке. Толстой ответил 28 июля/10 августа 1901 г. (см.: *Юб.* Т. 73. С. 106—107). Переписка Толстого с королевой Елизаветой за 1902 г. неизвестна. В *ОР ГМТ* сохранилось письмо Кармен Сильвы от 9 июня 1903 г., в котором она приглашает Толстого в Румынию. Толстой оставил это письмо без ответа.

1903

73. А.А. ТОЛСТАЯ – О.К. ТОЛСТОЙ

22 января 1903

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 46. Инв. 733/8.

[1] *На твое письмо в первых числах ноября я сейчас же отвечала...* — Письмо О.К. Толстой и ответ А.А. Толстой неизвестны.

[2] *...жду... окончанья твоего серьезного дела...* — 3 февраля 1903 г. О.К. Толстая родила сына Илью.

[3] *...скорблю о бедной Тане... в судьбе ее и Маши есть что-то таинственное...* — У дочерей Толстого Татьяны и Марии неоднократно рождались мертвые дети.

74. А.А. ТОЛСТАЯ – С.А. ТОЛСТОЙ

4 июня 1903

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 47. Инв. 12209.

[1] *...я только что вернулась из-за границы...* — А.А. Толстая гостила в Англии у своей бывшей воспитанницы, Марии Александровны герцогини Эдинбургской.

[2] *Что-то делает Дора, я часто об ней беспокоюсь.* — Жена Л.Л. Толстого, Дора Федоровна, болела нефритом.

[3] *...благодарю тебя за письмо...* — Письмо неизвестно.

75. С.А. ТОЛСТАЯ – А.А. ТОЛСТОЙ

2 сентября 1903

Публикуется впервые, по автографу: *ОР ГМТ*. Ф. 47. Инв. 3849.

[1] *Левочка сердечно благодарит вас за... поздравление с днем его рождения.* — 28 августа 1903 г. Толстому исполнилось 75 лет. А.А. Толстая прислала ему поздравительную телеграмму (см. письмо 262).

[2] *Лева с Дорой едут сначала в Крым, а потом в Каир...* — Л.Л. и Д.Ф. Толстые с детьми отправились в Крым 26 сентября 1903 г., а 22 октября отплыли из Одессы в Египет, где пробыли до середины апреля 1904 г.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БдЧ — «Библиотека для чтения», журнал

Библиотека ЯП I. Ч. 1; Ч. 2 — Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: Библиографическое описание. I: Книги на русском языке. Часть первая. М., 1972; Часть вторая. М., 1975

Библиотека ЯП III. Ч. 1; Ч. 2 — Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: Библиографическое описание. III: Книги на иностранных языках. Часть первая. Тула, 1999; Часть вторая. Тула, 1999

Бирюков I, II, III, IV — *Бирюков П.И.* Биография Льва Николаевича Толстого: ⟨В 4 т.⟩ 3-е изд. М.; Пг., 1923

Булгаков — *Булгаков В.* Л.Н. Толстой в последний год его жизни: Дневник секретаря Л.Н. Толстого. М., 1989

ВЕ — «Вестник Европы», журнал

ГМТ — Государственный музей Л.Н. Толстого в Москве

Гольденвейзер I — *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого. Т. II. М.; Пг., 1923

Гольденвейзер II — *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого. М., 1959

Гусев — *Гусев Н.Н.* Два года с Л.Н. Толстым. М., 1973

Гусев. Летопись I, II — *Гусев Н.Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. ⟨Т 1⟩: 1828—1890. М., 1958; ⟨Т. II⟩: 1891—1910. М., 1960

Гусев. Материалы I, II, III, IV — *Гусев Н.Н.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М., 1954; Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., 1957; Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М., 1963; Материалы к биографии с 1881 по 1885 год. М., 1970

ДАТ — Дневник А.А. Толстой, 1856—1890. Пер. с франц., частичный пересказ и предисловие Е.А. Масальской-Суриной. Машинопись (*РГАЛИ*. Ф. 318. Оп. 2. Ед. хр. 43)

ДСТ 1,2 — *Толстая С.А.* Дневники: В 2 т. Т. 1: 1862—1900; Т. 2: 1901—1910. Ежедневники. М., 1978

ИВ — «Исторический вестник», журнал

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Кузминская — *Кузминская Т.А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Киев, 1987

Летописи, 2 — Летописи Государственного литературного музея: Л.Н. Толстой. Кн. 2. М., 1938

Летописи, 12 — Летописи Государственного литературного музея. Кн. 12. М., 1950

ЛН — Литературное наследство

МВ — «Московские ведомости», газета

Моя жизнь — *Толстая С.А.* Моя жизнь. Машинопись (*ОР ГМТ*)

Моя жизнь. НМ. — *Толстая С.А.* Моя жизнь // Новый мир. 1978, № 8
Моя жизнь. П. — *Толстая С.А.* Моя жизнь // Прометей: историко-биографический альманах. Т. 12. М., 1980
НВ — «Новое время», газета
Описание 1 — Описание рукописей художественных произведений Л.Н. Толстого. М., 1955
Описание 2 — Описание рукописей статей Л.Н. Толстого: Литература, искусство, наука, педагогика. М., 1961
ОР ГМТ — Отдел рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого (Москва)
Переписка — Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями. М., 1990
ПРП I, II — Л.Н. Толстой: Переписка с русскими писателями: В 2 т. М., 1978
ПСТ — *Толстая С.А.* Письма к Л.Н. Толстому. 1862—1910. М.; Л., 1936
ПСС — *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 100 т. М., 2000—
ПСт — Лев Толстой и В.В. Стасов. Переписка. 1878—1906. Л., 1929
ПТ — Переписка Л.Н. Толстого с гр. А.А. Толстой. 1857—1903. СПб., 1911
Пузин — *Пузин Н.П.* Ясная Поляна. Дом-музей Л.Н. Толстого: Путеводитель. М., 1982
РВ — «Русский вестник», журнал
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
Совр. — «Современник», журнал
Толстой в воспоминаниях 1, 2 — Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1978
Толстой И.Л. — *Толстой И.Л.* Мои воспоминания. М., 2000
Толстой С.Л. — *Толстой С.Л.* Очерки былого. Тула, 1975
ТС I, II — Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов: Полное собрание переписки: В 2 т. Оттава; М., 2003
Тургенев. Письма — *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М., 1961—1968
Фет I, II — *Фет А.* Мои воспоминания: 1848—1889. Ч. I, II. М., 1890
Фет III — *Фет А.* Ранние годы моей жизни. М., 1893
Юб. — *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. (Юбилейное) М., 1928—1958
ЯЗ I, II, III, IV — *Маковицкий Д.П.* У Толстого: 1904—1910: «Яснополянские записки» // Литературное наследство. М., 1979. Т. 90. Кн. первая: 1904—1905; Кн. вторая: 1906—1907; Кн. третья: 1908—1909 (январь—июнь); Кн. четвертая: 1909 (июль—декабрь) — 1910

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л.Н. ТОЛСТОГО*

* Названия произведений, упоминаемые в разделе «Приложения», выделены курсивом.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ*

---

* Имена и названия, упоминаемые в разделе «Приложения», выделены курсивом.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Альбом

По тексту

СОДЕРЖАНИЕ

ДОПОЛНЕНИЯ

ПЕРЕПИСКА А.А. ТОЛСТОЙ с С.А. ТОЛСТОЙ, Т.Л. ТОЛСТОЙ, О.К. ТОЛСТОЙ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Л.Н. Толстой и А.А. Толстая. Переписка (1857–1903) / изд. подгот. Н.И. Азарова, Л.В. Гладкова, О.А. Голиненко, Б.М. Шумова; [отв. ред. Л.Д. Громова-Опульская, И.Г. Птушкина]. – М. : Наука, 2011. – 974 с. (Литературные памятники). – ISBN 978-5-02-037387-7 (в пер.)

Л.Н. Толстой не раз говорил, что его переписка с А.А. Толстой, его двоюродной теткой, важна «для тех, кому может быть интересна» его личность. События яснополянской жизни семьи, потрясения, горести и радости, увлечения школой, работа «на голоде», размышления о судьбе России, непримиримые религиозные споры, литературные замыслы — всё вобрала эта почти полувековая переписка. Изданная впервые в 1911 г., книга писем Л.Н. Толстого и А.А. Толстой получила высокую оценку современников, называвших ее «откровеннейшим и чистейшим свидетельством духовного общения», а сам Толстой считал ее своей лучшей автобиографией. В основной раздел нового издания вошло 264 письма: 135 писем Л.Н. Толстого (из них 16 не входили в первое издание) и 129 писем А.А. Толстой (61 письмо публикуется впервые). В раздел «Дополнения» включена ранее не публиковавшаяся переписка А.А. Толстой с С.А. Толстой, женой писателя, и другими членами семьи Толстого. Открывают издание «Мои воспоминания о Л.Н. Толстом» гр. А.А. Толстой. Письма сопровождены статьей, примечаниями и иллюстрациями. Издание подготовлено научными сотрудниками Государственного музея Л.Н. Толстого.

Для широкого круга читателей.

По сети «Академкнига»

Научное издание

Л.Н. Толстой и А.А. Толстая

ПЕРЕПИСКА

(1857–1903)

Утверждено к печати
редколлегией серии
«Литературные памятники»

Заведующая редакцией *Е.Ю. Жолудь*
Редактор *Е.Л. Никифорова*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая,*
Т.А. Печко

Подписано к печати 18.11.2011
Формат 70 × 90 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Академическая
Печать офсетная
Усл.печ.л. 73,2. Усл.кр.-отт. 77,1. Уч.-изд.л. 60,0
Тираж 1250 экз. (РГНФ — 300 экз.). Тип. зак. 4345

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6